

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

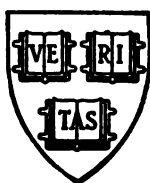
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

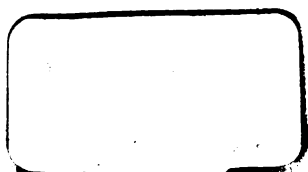
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

F Slav 620.5

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

1911-12-8 P. 256-600.5
Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 2083.

1 Ю Л Б

8566
40-3

1901.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 7.

RUSSKOE
BOGATSTVO

СОДЕРЖАНИЕ:

1. НАЙДЕНКА (Изъ воспоминаній дѣтства). Воротынскаго.
2. СТЕФАНЪ ЖЕРОМСКИЙ (Очеркъ изъ молодой польской беллетристики). Евгенія Дегена.
3. ГИМНАЗИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ. I—IV. Б. Никонова.
4. СЧАСТЛИВЫЕ ОСТРОВА (Англійская колонія «Новая Зеландія»). Продолженіе П. Г. Мижуева.
5. О, ЕСЛИ БЪ КОЛОКОЛЪ РАЗДАЛСЯ ВЪ ТИШИНѢ... Стихотвореніе А. Лукьянова.
6. МЕДОВЫЯ РѢКИ. Очерки. V. Душевный гладъ Д. Н. Мамина-Сибиряка.
7. ЛЮБОВЬ И МИСТЕРЪ ЛЬЮИСГЭМЪ. Романъ. Переводъ съ англійскаго З. Н. Журавской. Продолженіе Ульяса-Травникова.
8. ВЪ ГЛУШИ. Стихотвореніе
9. ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА КЪ СВЯЩЕННОМУ ГОРОДУ МУСУЛЬМАНСКАГО МІРА В. Нундурушкина.
10. БЕЗЪ ПРАВЪ НА ЖИТЕЛЬСТВО. Очеркъ О. Н. Ольнемъ.
11. КНИГА ПѢСЕНЪ ПРЕДО МНОЮ... Стихотвореніе Гл. Галиной.
12. СУБЪЕКТИВНЫЙ МЕТОДЪ ВЪ СОЦІОЛОГИИ И ЕГО ФИЛОСОФСКІЯ ПРЕДПОСЫЛКИ Виктора Чернова.

(См. 2-ую стр. обложки).

13. ЧЕТВЕРТОЕ ПОКОЛѢНІЕ. Романъ.
Переводъ съ англійскаго В. К—чъ.
(Въ приложеніи) Вальтера Безанта.
14. ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(Впечатлѣнія читателя). I. Черезъ моря.
II. Изъ англійской современности.
III. Размышленія пессимиста Сергѣя Ольденбурга.
15. ЗАМѢТКА О НОВОМЪ УЧЕБНИКѢ
РУССКОЙ ИСТОРИИ В. А. Мякотина.
16. НОВЫЯ КНИГИ:
П. П. Глѣдичъ. Купальные огни.—Ф. К. По-
повъ. Сборникъ стихотвореній «Въ часы до-
суга». — Русская Лира. Сборникъ произведеній
художественной лирики. М. Л. Б.—Павелъ
Россіевъ. Общіе знакомые.—К. Кузьминскій.
А. С. Пушкинъ, его публицистическая и жур-
нальная дѣятельность.—Фогтъ и Кохъ. Исто-
рія нѣмецкой литературы. — Сборникъ статей
1899—1900 г.г. Александра Новикова. — Дѣй-
ствія Нижегородской Губернской Ученой Архив-
ной Коммисіи.—С. Ф. Либровичъ. Царь въ
плѣну. — Д-ръ Габеравдъ. Народовѣдѣніе.—
Духоборцы и молокане въ Закавказьѣ. Разказы
художника В. В. Верещагина.—П. Г. Мижуревъ.
Образованіе во Франціи.—Новыя ккниги, по-
ступившія въ редакцію.
17. НАША ТЕКУЩАЯ ЖИЗНЬ. „Міръ
Божій“, май и іюнь. — „Вѣстникъ
Европы“, май и іюнь. — „Русская
Мысль“, апрѣль, май и іюнь — „Жизнь“,
апрѣль (Новая философія г. Струве
и Бердяева, или метафизика противъ
эволюціоннаго позитивизма.—Г. Милю-
ковъ о реформѣ Петра и русскомъ
дворянствѣ.—Низкія истины г. Вере-
саева и возвышающій обманъ его кол-
легъ.—„Спиритуалистическій“ романъ
г. Альбова.—„Семья Варавиныхъ“, или
борьба либеральныхъ отцовъ и автори-
тарныхъ дѣтей.—Разгромъ „Жестокихъ“
г. Боборыкинымъ.—Проза и поэзія
г. Горькаго.—До пріятнаго разговора,
князь!) В. Г. Подарснаго.
18. ПОЛИТИКА. Кризисъ либеральной
партіи въ Англіи.—Департаментскіе вы-
боры во Франціи С. Н. Южакова.
19. ХАРЬКОВСКІЕ КРАХИ Сѣверянина.
20. ХРОНИКА ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ:
I. По поводу новаго закона о печати.
II. Опять тучи!.. Опять крахи!..
21. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

І Ю Л Ъ.

1901.

РУССКОЕ ПОГЯТСТВО

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 7.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. Н. Клобукова, Пряжка, уг. Заводской, д. 1—3.

1901.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27-го іюля 1901 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

	СТРАН.
1. Найденка (Изъ воспоминаній дѣтства) <i>Воротынскаго</i>	5— 53
2. Стефанъ Жеромскій (Очеркъ изъ молодой польской беллетристики). <i>Евгенія Дегена</i>	54— 76
3. Гимназическіе очерки. I—IV. <i>В. Никонова</i>	77—114
4. Счастливые острова (Англійская колонія „Новая Зеландія“). Продолженіе. II. <i>Мижуева</i>	115—148
5. О, если-бъ колоколь раздался въ тишинѣ... Стихотвореніе <i>А. Лукьянова</i>	148
6. Медовыя рѣки (Очерки). V. Душевный гладъ. <i>Д. Н. Мамина-Сибиряка</i>	149—161
7. Любовь и мистеръ Льюисгэмъ. Романъ <i>Уэльса</i> . Продолженіе. Переводъ съ англійскаго <i>З. Н. Журавской</i>	162—200
8. Въ глуши. Стихотвореніе. <i>С. Травникова</i>	200
9. Желѣзная дорога къ священному городу мусульманскаго міра. <i>С. Кондурушкина</i>	201—213
10. Безъ правъ на жительство. Очеркъ. <i>О. Н. Ольнемъ</i>	214—230
11. Книга пѣсенъ предо мною... Стихотвореніе <i>Гл. Галиной</i>	230
12. Субъективный методъ въ социологій и его философскія предпосылки. <i>Виктора Чернова</i>	231—256
13. Четвертое поколѣніе. Романъ <i>Вальтера Безанта</i> . Переводъ съ англійскаго <i>В. К—чъ</i> (Въ приложеніи)	I— 48
14. Изъ современной литературы. (Впечатлѣнія читателя). I. Черезъ моря. II. Изъ англійской современности. III. Размышленія пессимиста. <i>Сергѣя Ольденбурга</i>	I— 24

(См. на оборотѣ).

15. **Замѣтка о новомъ учебникѣ русской исторіи.** В. А. *Мякотина* 24— 31
16. **Новыя книги:**
 П. П. Гнѣдичъ. Купальныя огни.—Ф. К. Поповъ. Сборникъ стихотвореній «Въ часы досуга».—Русская лира. Сборникъ произведеній художественной лирики. М. Л. Б.—Павелъ Россіевъ. Общіе знакомые.—К. Кузьминскій. А. С. Пушкинъ, его публицистическая и журнальная дѣятельность.—Фогтъ и Кохъ. Исторія нѣмецкой литературы.—Сборникъ статей 1899—1900 гг. Александра Новикова.—Дѣйствія Нижегородской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи.—С. Ф. Либровичъ. Царь въ плѣну.—Д-ръ Габерландъ. Народовѣдѣніе.—Духоборцы и молокане въ Закавказьѣ. Разсказы художника В. В. Верещагина.—П. Г. Мижухевъ. Образованіе во Франціи.—Новыя книги, поступившія въ редакцію. 31— 57
17. **Наша текущая жизнь.** „Міръ Божій“, май и іюнь.—„Вѣстникъ Европы“, май и іюнь.—„Русская Мысль“, апрѣль, май и іюнь.—„Жизнь“, апрѣль (Новая философія гг. Струве и Бердяева, или метафизика противъ эволюціоннаго позитивизма.—Г. Милюковъ о реформѣ Петра и русскомъ дворянствѣ.—Низкія истины г. Вересаева и возвышающій обманъ его коллегъ.—„Спиритуалистическій“ обманъ г. Альбова.—„Семья Варавинныхъ“, или борьба либеральныхъ отцовъ и авторитарныхъ дѣтей.—Разгромъ „Жестокихъ“ г. Боборыкинымъ.—Проза и поэзія г. Горькаго.—До пріятнаго разговора, князь!). В. Г. *Подарскаго* 58— 83
18. **Политика.** Кризисъ либеральной партіи въ Англіи.—Департаментскіе выборы во Франціи. С. Н. *Южакова* 83— 97
19. **Харьковскіе крахи.** *Съверянина* 98—117
20. **Хроника внутренней жизни:** I. По поводу новаго закона о печати. II. Опять тучи!.. Опять крахи!.. . . . 117—145
21. **Объявленія.**

Продолжается приемъ подписки на 1901 годъ

(IX-ый ГОДЪ ИЗД.)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Вл. Г. Короленко и Н. К. Михайловскимъ.

Подписная цѣна:

На годъ съ доставкой и пересылкой. 9 р.

Безъ доставки въ Петербургъ и Москвѣ 8 р.

За границу 12 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ журнала—уг. Спасской и Васковой ул., д. 1—9.

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы—Никитскія ворота, д. Гагарина.

При непосредственномъ обращеніи въ контору или въ отдѣленіе, допускается *разсрочка*:

при подпискѣ 5 р. } или { при подпискѣ 6 р.

и къ 1-му іюля 4 р. } и къ 1-му іюля 3 р.

Не приславшимъ доплатъ въ означенный срокъ *высылка* журнала прекращается.

Для *городскихъ подписчиковъ* въ Москвѣ и Петербургѣ *безъ доставки* (за исключеніемъ книжныхъ магазиновъ и библиотекъ) допускается разсрочка 8-ми рублей по 1 р. въ мѣсяцъ съ платежомъ впередъ за слѣдующую книжку, по іюль включительно.

Книжные магазины, библиотеки, земскіе склады и потребительныя общества, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ только 40 коп. съ каждаго годового экземпляра. Подписка, не вполне оплаченная 8 р. 60 к., а также въ разсрочку, *не принимается*.

Изданія журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО“.

СБОРНИКЪ ЖУРНАЛА «РУССКОЕ БОГАТСТВО», подъ редакціей **Н. К. Михайловскаго** и **В. Г. Короленко**. Въ двухъ частяхъ. Часть 1-я. БЕЛЛЕТРИСТИКА. Цѣна 2 руб. Часть 2-я. ПУБЛИЦИСТИКА. Цѣна 1 руб.

С. А. Ан—скій. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Ц. 80 к.

Н. Гаринъ. ДѢТСТВО ТЕМЫ. *Третье* изд. Ц. 1 р. 25 к.

— ГИМНАЗИСТЫ. Изд. *второе*. Ц. 1 р. 25 к.

— СТУДЕНТЫ. Ц. 1 р. 25 к.

С. Я. Елпатыевскій. ОЧЕРКИ СИБИРИ. Изд. *второе*. Ц. 1 р.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Ц. 1 р. 50 к.

Вл. Короленко. ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. 1-ая. Изданіе *восьмое*. Цѣна 1 р. 50 к.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. 2-ая. Изданіе *четвертое*. Ц. 1 р. 50 к.

— ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ. Изд. *третье*. Ц. 1 р.

— СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ. Изд. *седьмое*. Ц. 75 к.

Л. Мельшинъ. ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника. Т. I. (*Изданіе второе*): Въ преддверіи. Шелевскій рудникъ.—Т. II: Съ товарищами. Кобылка въ пути. Среди сопокъ. Эпилогъ. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.

Н. К. Михайловскій. СОЧИНЕНІЯ ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ. *Удешевленное* изданіе большого формата, въ два столбца, въ 30 печатныхъ листовъ каждый томъ, съ *портретомъ автора*. Ц. 12 р.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Два тома, по 2 рубля каждый.

А. О. Немировскій. НАПАСТЬ. Повѣсть изъ временъ холерной эпидеміи 1892 г. Ц. 1 р.

С. Н. Южаковъ. ДВАЖДЫ ВОКРУГЪ АЗИИ. Путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р. 50 к.

И. Я. СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. I. Изданіе *четвертое* Ц. 1. руб. Томъ II. Ц. 1 р.

Подписчики „Русскаго Богатства“, выписывающіе эти книги, за пересылку не платятъ.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ: въ С.-Петербургѣ—*контора редакціи, уг. Спасской и Васковой ул., д. 1—9.*

въ Москвѣ—*отдѣленіе Конторы, Никитскія ворота, д. Галарика.*

Шесть томовъ соч. Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО. Ц. 12 р.

СОДЕРЖАНИЕ I Т. 1) Предисловіе. 2) Что такое прогрессъ? 3) Теорія Дарвина и общественная наука. 4) Аналогическій методъ въ общественной наукѣ. 5) Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. 6) Борьба за индивидуальность. 7) Вольница и подвижники. 8) Изъ литературныхъ и журнальных замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

СОДЕРЖАНИЕ II Т. 1) Преступленіе и наказаніе. 2) Герои и толпа. 3) Научныя письма. 4) Патологическая магія. 6) Еще о герояхъ. 6) Еще о толпѣ. 7) На вѣнской всемірной выставкѣ. 8) Изъ литературныхъ и журнальных замѣтокъ 1874 г. 9) Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

СОДЕРЖАНИЕ III Т. 1) Философія исторіи Луи Блана. 2) Вико и его «новая наука». 3) Новый историкъ еврейскаго народа. 4) Что такое счастье? 5) Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга. 6) Критика утилитаризма. 7) Записки Профана.

СОДЕРЖАНИЕ IV Т. 1) Жертва старой русской исторіи. 2) Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ. 3) Суздальцы и суздальская критика. 4) О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго. 5) Карлъ Маркъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго. 6) Въ переимку. 7) Письма о правдѣ и неправдѣ. 8) Литературныя замѣтки 1878 г. 9) Письма къ ученымъ людямъ. 10) Житейскія и художественныя драмы. 11) Литературныя замѣтки 1879 г. 12) Литературныя замѣтки 1880 г.

СОДЕРЖАНИЕ V Т. 1) Жестокій талантъ. 2) Гл. И. Успенскій. 3) Щедринъ. 4) Герой безвременья. 5) Н. В. Шелгуновъ. 6) Записки современника. I. Независящія обстоятельства. II. О Писемскомъ и Достоевскомъ. III. Нѣчто о лицемѣрахъ. IV. О порнографіи. V. Мѣдные лбы и вареныя души. VI. Послушаемъ умныхъ людей. VII. Три мизантропа. VIII. Пѣснь торжествующей любви и нѣсколько мелочей. IX. Журнальное обозрѣніе. X. Торжество г. Ціона, чреда образованности и проч. XI. О нѣкоторыхъ старыхъ и новыхъ недоразумѣніяхъ. XII. Все французъ гадить. XIII. Смерть Дарвина. XIV. О доносахъ. XV. Забытая азбука. XVI. Гамлетизированные поросята. 7) Письма посторонняго въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ».

СОДЕРЖАНИЕ VI Т. 1) Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель. 2) Графъ Бисмаркъ. 3) Предисловіе къ книгѣ объ Иванѣ Грозномъ. 4) Иванъ Грозный въ русской литературѣ. 5) Палка о двухъ концахъ. 6) Романтическая исторія. 7) Политическая экономія и общественная наука. 8) Дневникъ читателя. 9) Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ.

Для подписчиковъ „Русскаго Богатства“, вмѣсто 12 р., цѣна 9 руб. безъ пересылки. Пересылка за ихъ счетъ *наложеннымъ платежомъ*—товаромъ большой скорости, посылкой или заказной бандеролью.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учреждений.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, ул. Спасской и Васковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ экспедиціи журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 10 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіеся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) Непринятые рукописи, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1899 г. и не востребованныя обратно до 1-го ноября 1900 г., уничтожены.

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія уничтожаются.

НАЙДЕНКА.

(Изъ воспоминаній дѣтства).

I.

Она сидѣла, зажавъ руки между колѣнъ, съжившись отъ холода, и плакала, какъ плачутъ дѣти, когда утомятся отъ долгаго плача—тоскливо, монотонно, надрывающе.

Было свѣжо. Солнце еще не взошло, птицы не проснулись. Стояла та напряженная тишина, которая предшествуетъ восходу солнца. Вездѣ кругомъ—въ полѣ, въ лѣсу, надъ селомъ—скопилась масса звуковъ, и они повисли въ воздухѣ, какъ будто въ ожиданіи сигнала зашумѣть и на цѣлый день наполнить неумолкающимъ гомономъ всю окрестность. Они, эти повисшіе въ воздухѣ звуки, какъ будто о чемъ-то перешептывались между собой, какъ рѣзвые дѣти передъ запертой дверью, за которой ихъ ожидаетъ блестящая елка: но она еще не готова, и дѣти, толкаясь на ципочкахъ въ сосѣдней комнатѣ, сдержанно пушукуются между собой.

Вдругъ откуда-то вырвался, какъ будто нечаянно, какъ будто онъ и не ожидалъ, что такъ выйдетъ, вырвался и прозвенѣлъ одинъ стройный, мелодичный звукъ; не успѣлъ онъ растаять въ утреннемъ безмолвіи, какъ вслѣдъ за нимъ вырвался другой, такой же, но только выше и длиннѣе, потомъ третій, четвертый... и отъ дальняго конца, отъ засѣянныхъ полей, полились ясные, печальные переливы пастушьяго рога.

Пастухъ игралъ очень хорошо и такъ печально, что дѣвочка на минуту примолкла, а потомъ заныла еще тоскливѣе.

Этотъ пастушій рогъ и былъ сигналомъ для скопившихся въ воздухѣ звуковъ. Заскрипѣли ворота, заблеяли овцы, запѣли, не смолкая, пѣтухи, раздались человѣчьи голоса.

На востокѣ, надъ горизонтомъ, залитымъ огнемъ, показался зерхній край солнца. Изъ села пѣшкомъ и на телѣгахъ чародѣ потянулся въ дуга.

Бабка Оксинья Кашеева вышла доить коровъ и только

что приладилась съ дойникомъ къ коровѣ, какъ вдругъ услышала гдѣ-то на задворкахъ дѣтскій плачь. Она поставила дойникъ на опрокинутыя сани и черезъ заднія ворота вышла на огородъ. Тамъ, у картофельной полосы, на грудѣ старой соломы сидѣла дѣвочка и плакала. Около нея валялась большая синяя тряпка, служившая въ оно время кому-то сарафаномъ. Дѣвочка взглянула на старуху и съ прежнимъ равнодушіемъ продолжала тянуть унылую ноту.

— Господи Иисусе! — удивилась старуха, вглядываясь въ незнакомую дѣвочку. — Ты чья? — нагнулась она къ ней. Дѣвочка не отвѣчала. — Чья ты? откуда?.. а?.. Что ты не баешь? — Опять ни слова. — Айда въ избу! вишь назяблась, инда посинѣла! — Старуха взяла дѣвочку за руку и хотѣла поднять на ноги. Дѣвочка взвизгнула, выдернула руку и заплакала еще громче. — Экій пострѣленокъ, прости, Господи! — проговорила старуха и пошла назадъ. Минуты черезъ двѣ всѣ большаки Кащеевы спѣшили на задворки.

— Мм... чумаза кака! — протянула старшая сноха, Марья.

— Да чья же это? — сказала вторая сноха, Дарья.

— Родимые!.. вѣдь, знать, подкинули.

— И то! вонъ одѣвка, — переговаривались между собой бабы. Дѣвочка продолжала нить, не обращая вниманія на окружавшихъ.

— Ну, ладно лалакать-то: въ луга пора! Бери ее, Марья, въ избу! — приказалъ своей женѣ Василій, старшій братъ, набольшій въ домѣ. Марья подхватила дѣвочку подъ локти, чтобы поднять, но та вдругъ съ громкимъ крикомъ припала къ ея рукѣ, намѣреваясь укусить.

— Ахъ, чтобъ те пришибло! — проговорила Марья, отнимая руки, и дѣвочка снова брякнулась на солому. Василій съ сердцемъ вскинулъ дѣвочку на руки и понесъ домой. Она закричала, забилась руками и ногами, начала щипаться, царапаться, но не проронила ни одного слова. Василій внесъ ее въ избу и скинулъ съ рукъ на лавку. Дѣвочка, заложивъ руки за спину, крича во весь голосъ, впивалась въ глаза окружающихъ упорнымъ, блестящимъ взглядомъ, какъ бы готовясь броситься на когонибудь.

Кащеевы наскоро закусили и тутъ же ушли въ луга. Дома осталась бабка Оксинья, да старый дѣдъ Власъ, мужъ ея, восьмидесятилѣтній старикъ, за свое благодушіе признанный выжившимъ изъ ума. Дѣвочка все продолжала кричать. Бабка, наконецъ, начала браниться. Дѣдъ попробовалъ бы утѣшить дѣвочку, но, замѣтивъ, что она старалась нарочъ громче кричать, чтобы не слышать его увѣщаній, отступилъ. „Ну, ну, наревешься, сама перестанешь“, — закончилъ онъ свѣ назиданія.

Проснулась на шумъ и мелюзга Кашеевыхъ, вповалку спавшая на полу, въ сѣняхъ. Они удивленно обступили плававшую дѣвочку, не успѣвъ какъ слѣдуетъ очнуться отъ сна.

— Это, дѣдка, чья?—спросила Оленка, старшая внучка стариковъ, лѣтъ шести, съ любопытствомъ тараща на гостью свои заспаные глаза.

— Богова,—отвѣчалъ дѣдъ.

— Нѣтъ, исправда?

— Исправда, Богова.

— Бабка, онъ хвастать? — обратилась Оленка къ бабкѣ. Та промолчала.

— А гдѣ ее нашли?

— Нашли-то гдѣ? На задворкахъ у картошки, вотъ гдѣ.

— У насъ?—съ возраставшимъ интересомъ допрашивала Оленка.

— У насъ, у насъ.

Наслушавшись всякихъ розсказней о появленіи въ семьѣ своихъ братьевъ и сестеръ, родныхъ и двоюродныхъ: то въ крапивѣ нашли, то сорока на хвостѣ принесла, то самъ прилетѣлъ и проч.,—Оленка чрезвычайно заинтересовалась дѣвочкой.

— А что она какая большая?

— Да ужъ такую нашли.

— Нѣтъ, исправда?

— Исправда и есть.

— Что она реветъ?

— Кто ее знаетъ; вотъ ты взяла бы и утѣшила,—посовѣтовать дѣдъ.

— Ну, вишкни, чего тебѣ?—приговорила Оленка, подсаживаясь къ дѣвочкѣ. Она дружелюбно обняла ее за спину и подоломъ своего сарафана начала вытирать ей чумазое личико. Вдругъ та схватила ее зубами за пальцы. Оленка взвизгнула и рванула руку къ себѣ, но дѣвочка такъ крѣпко вцепилась, что всѣмъ корпусомъ подалась вслѣдъ за рукой, а зубовъ не разжала. Ребятишки съ крикомъ заметались около. Подбѣжала бабка. Увидавъ, въ чемъ дѣло, она кинулась отнимать Оленку. Старый дѣдъ тоже тумашилъ около.

— Пусти! Пусти, говорятъ... ахъ, дьяволенокъ!...—кричала бабка, задыхаясь отъ злобы и напрасныхъ усилій. Оленка верещала, что было силъ, но дѣвочка руки не выпускала. Бабка схватила ее за горло, и та, наконецъ, разжала зубы. Ротъ ея былъ полонъ крови. Оленка вынула искусанные пальцы и, продолжая кричать, замахала отъ боли рукой, разбрасывая кругомъ капли крови.

— Покажь! покажь!—кричала бабка, хватая Оленку за

руку. А дѣвочка—найденка, обхвативъ руками свою шею, блестящимъ взглядомъ пронизывала толпившихся около нея ребятишекъ и ужъ не плакала.

— Ахъ, чтобъ те издохнуть, поганкѣ!—вскрикнула бабка, осмотрѣвъ окровавленную руку, и костлявымъ кулакомъ ткнула дѣвочку въ лицо. Ударъ былъ очень силенъ: дѣвочка откинулась назадъ и съ глухимъ стукомъ ударилась головой въ стѣну. Это было сигналомъ къ нападенію на нее всей мелюзги. Кто билъ ее кулакомъ, кто ладонью, кто щипалъ, кто царапалъ. Дѣвочка сидѣла въ самой беззащитной позѣ—сложивъ ноги калачикомъ и закрывши лицо руками, безъ единого звука. Изъ-подъ ладони и сквозь пальцевъ у нея сочилась кровь—это ужъ ея собственная: бабка разбила ей носъ и ротъ.

— Бога въ тебѣ нѣтъ!—крикнулъ на старуху дѣдъ и кинулся отнимать у ребятишекъ дѣвочку; но кто-то вцѣпилъ ей въ волосы, и она бокомъ свалилась съ лавки на полъ. Ребятишки раздались. При паденіи дырявая рубашенка поднялась у дѣвочки до пояса, и на спинѣ ея обнажились огромные разбереженные рубцы и ссадины съ проступавшею мѣстами кровью; но ихъ видѣла, и то мелькомъ, только мелюзга. Дѣвочка быстро поднялась на ноги и проворно, какъ кошка, взобралась на печь.

Понемногу всѣ успокоились. Ребятишки поѣли и разбрелись; дѣдъ ужъ пересталъ ворчать на бабку; бабка не огрызалась на дѣда, только Оленка продолжала плакать, качая обмотанную искусанную руку.

Вѣсть о подкидышѣ тотчасъ же разнеслась по селу. До полдень перебивало у Кащеевыхъ все оставшееся въ деревнѣ населеніе. Дѣвочка сидѣла въ самомъ углу на печи и, какъ пойманный звѣрѣкъ, сверкала оттуда на всѣхъ глазами. Она была лѣтъ около пяти, съ большой всклокоченной головой, со спадавшими напередъ густыми косами выцвѣтшихъ на солнцѣ волосъ, изъ-подъ которыхъ сверкали съ зеленоватымъ отливомъ упорно и недружелюбно смотрѣвшіе глаза; верхняя губа и носъ ея сильно припухли, но, несмотря на это, ея чумазое донелъзая личико было красиво, особенно ея зеленоватые глаза. Вскорѣ дѣвочка, вѣроятно, продрогнувъ всю ночь и утомленная утренней сценой, свернулась въ углу и заснула. Оленка уже спала на кутникѣ, въ защиту отъ мухъ закрывшись подоломъ сарафана.

II.

Найденка (такъ послѣ всѣ называли дѣвочку) проснулась отъ мучительнаго голода. Было уже довольно поздно. Она приподнялась и осмотрѣлась. Изъ чулана (уголь за перегородкой впереди печи) доносился мѣрный стукъ рѣшета, — это бабка сѣяла муку. Оленка сидѣла у окна на лавкѣ и что-то жевала. „Вѣсть..... лепеску.... Не леветь“, — чуть слышно прошептала дѣвочка, рассматривая Оленку, и опять прилегла. Но, вѣроятно, отъ голода ей не лежалось. Почти тотчасъ же она опять приподнялась и, выглядывая изъ-за печной трубы въ чуланъ, начала что-то старательно высматривать. Опершись руками на полѣно лучины, дѣвочка потянулась впередъ, чтобы заглянуть въ уголь на лавку, гдѣ у крестьянъ обыкновенно хранится хлѣбъ. Вдругъ полѣно подъ руками опустилось, другой конецъ приподнялся и, опрокинутый на него жестяной подойникъ со звономъ полетѣлъ на полъ. Бабка съ Оленкой вадрогнули. Оленка даже съ лавки прыгнула.

— Что тебя лѣшіе-то ломаютъ, чтобъ те разорвало! — кричала бабка. Затаивъ дыханіе и крѣпко зажмуривъ глаза, дѣвочка упала ничкомъ въ самый уголь и лежала—ни жива, ни мертва.

— Это она, бабка, какъ?—спросила Оленка.

— А шутъ ее знаетъ какъ, прости ты меня, Господи! Только на грѣхъ наводитъ поганка!... Возится, ровно лѣшій въ полѣнницѣ.... Вотъ какъ расшибла подойникъ-отъ, такъ я тебѣ задамъ!—заклчила она и снова принялась сѣять муку. А дѣвочка боялась не только пошевелиться, но даже перевести духъ, и не успѣла она оправиться отъ испуга, какъ вдругъ бабка подошла съ квашней къ самой печи.

— Гдѣ ты тутъ? Виль пришипилась; смотри, квашню-то не срони!—сердито приговорила она. Дѣвочка ужъ не дышала отъ страха.

Управившись съ хлѣбами, бабка стала накрывать на столъ, чтобы, какъ вернуться съ луговъ, отужинать и спать. Найденка, затаивъ дыханіе, прислушивалась къ каждому движению ея. Все существо дѣвочки было проникнуто одной мыслью—достать хлѣба: она не ѣла съ прошлаго вечера. Когда бабка на нѣсколько минутъ выходила изъ избы, дѣвочка съ дикой рѣшимостью вскакивала на ноги съ намѣреніемъ спуститься на полъ за хлѣбомъ, но у нея каждый разъ захватывало дыханіе отъ страха. Ея маленькое сердце разрывалось отъ злобы на Оленку за то, что она сидѣла тутъ и мѣшала ей.

Пригнали стадо.

— Баба,—корова!—проговорила Оленка.

— Подъ пусти, я только вотъ воды достану, — отвѣчала бабка. Оленка ушла. Бабка достала изъ печи воды и налила въ подойникъ.

— Ахъ, поганка, чтобъ те издохнуть!.. росшибла дойникъ-отъ! Ахъ, распротрѣлить те горой!.. Во что теперь доить-то!.. Ну, дай срокъ, я те задамъ!—кипятилась бабка.

Дѣвочка сидѣла съ широко раскрытыми глазами и ждала расправы. Продолжая браниться, бабка налила въ водоносное ведро воды и отправилась доить коровъ. Въ одно мгновеніе дѣвочка спустилась на полъ, схватила со стола ломоть хлѣба, тутъ же вцѣпилась въ него зубами и также проворно залѣзла на печь.

Бабка воротилась со двора въ сопровожденіи цѣлой ватаги своихъ разнокалиберныхъ внучатъ. Въ избѣ поднялся гвалтъ. Кто канючилъ хлѣба, кто просилъ пить, нѣкоторые ссорились; бабка бранилась. Процѣдивши молоко, она обдѣлила ребятишекъ кусками, и они убрались въ сѣни спать. Оленка тоже ушла.

Въ самыя сумерки, когда уже совсѣмъ стемнѣло, вернулись съ луговъ и большаки. Когда бабка рассказала исторію съ Оленкой и про подойникъ, всѣ были сильно возмущены противъ дѣвочки. Марья, мать Оленки, нѣсколько разъ порывалась на печь для возмездія, и если бы не дѣдъ,—быть бы дѣвочкѣ избитой.

Сѣли ужинать и не успѣли всѣ изъ-за стола встать, какъ въ избу сталъ набираться народъ.

Пришелъ и староста.

— Ну-ка, кажите находку-то,—проговорилъ онъ, поздоровавшись съ хозяевами.

— Вонъ, смотри на печи. Забилась, что ежъ какой! Цѣлый день ни одинова не слазила,—желчно отвѣчала бабка, разогрѣтая воспоминаніями объ утрѣ.

— Что, слышь, Оленку больно укусила?

— Чего—не больно? Разнесло руку-то—страсть смотребъ; все утро въ истошный голосъ безперечь кричала. Вѣдь какъ вцѣпилась-то, родимые! насилу отняла; держить тебѣ, хоть ты что хошь! Я ужъ за горло, ну, и... а то бы... Да дойникъ поганка разбила! ужъ такъ жалъ... И какъ ей лукавый помогъ! Теперь и доить не во что, ужъ въ ведро подоила,—повѣтствовала бабка разъ въ десятый. Староста подошелъ къ печкѣ, стараясь въ темнотѣ разсмотрѣть дѣвочку.

— А! вотъ гдѣ она! Иди-ка сюда! Не знай, какъ звать-то?—обратился онъ къ бабкѣ.

— Не баеть, ни одинаго словечушка не вымолвила, ровно нѣмая, братцы мои.

— Можетъ еще никакъ и не зовуть: на ней и креста-то нѣтъ,—злобно вставила Марья.

— А-а? И то, вѣдь, нѣтъ! Батюшки! — вдругъ спохватилась бабка, — а мнѣ и не вдомекъ... Нѣтъ, нѣтъ!.. пустая шея-то!..

Начались догадки, выводы, заключенія. И безъ того не въ пользу дѣвочки настроенный народъ, при этомъ извѣстии, казалось, сталъ еще недружелюбнѣе, особенно женщины.

Староста поднялся на первый приступокъ. „На-ка, я что тебѣ дамъ“,—проговорилъ онъ, опуская руку въ пустой карманъ, чтобы выманить дѣвочку изъ угла. Дѣвочка прижалась къ самой стѣнѣ и, видимо, приготовилась защищаться. „Экъ, вѣдь дикая какая!“—проговорилъ староста и, ухвативъ ее за подолъ рубашонки, потащилъ къ себѣ. Дѣвочка завизжала, упираясь ногами въ кирпичи и хватаясь за стѣны. „Нѣтъ, братъ, шалишь, теперь моя!“—шутилъ староста, снимая дѣвочку съ печи. Онъ любилъ дѣтей, можетъ быть потому, что у него ихъ не было.

Вдругъ дѣвочка обѣими руками впѣпилась въ его длинную бороду и съ визгомъ начала рвать. Староста закричалъ отъ боли. Стоявшіе около кинулись ему навырчку. Дѣвочка визжала и металась, какъ бѣшеная, стараясь кого-нибудь укусить, но бороды не выпускала. Василий Кашеевъ стиснулъ своими огромными руками тоненькія руки дѣвочки, и ея пальцы разжались сами собой. Онъ сорвалъ ее съ рукъ старосты и почти бросилъ на полъ. Найденка простонала, поднялась съ пола и, цѣпляясь ужъ только одной рукой, проворно опять залѣзла на печь.

Все это произошло при глубокомъ молчаніи присутствующихъ. Сцена была очень тяжелая.

— Ну, головушка, и больно! Кажись, за что хощь, только же за бороду,—первый нарушилъ тяжелое молчаніе староста.

— То-то же; мотри, женѣ не сказывай,—пошутилъ надъ нимъ одинъ старикъ, сосѣдъ Кашеевыхъ. Никто даже не улыбнулся на его шутку. Въ избѣ поднялся беспорядочный говоръ. Всѣ, особенно женщины, на разные лады, со всевозможными комментаріями утверждали, что дѣвочка порченная.

Было уже совсѣмъ темно, когда народъ началъ расходиться по домамъ. Староста обѣщалъ на слѣдующій день дать знать въ станъ относительно дѣвочки. Изба опустѣла. Кашеевы разошлись по постелямъ

III.

Ночь. Все спитъ, даже собаки, и имъ не на кого лаять. Одна Найденка лежала съ открытыми глазами, переживая въ мысляхъ только что пережитое въ дѣйствительности. Она лежала на животѣ и отъ бездѣлья била ногами по разбросанной на печи одеждѣ. Черезъ растворенную дверь до нея доносилось клеканье куръ на насѣсти, топтанье овецъ, сопѣнье коровъ, и она шепотомъ называла каждый доносившійся до нея звукъ. „Колѣвы... Овцы... Кули...“ чуть слышно отъ времени до времени шептала она.

Въ сѣняхъ раздался легкій храпъ. Дѣвочка притихла. „Хляпять... бабка, сый“, и, ощупавъ осторожно руками свое разбитое лицо, она вдохнула глубокимъ, прерывистымъ вадомъ, какъ вадыхаютъ наединѣ съ собой обиженные, безпривѣтныя дѣти.

— „Ой-ой-ой! пусти!“—донесся изъ сѣней громкій бредъ. Найденка вадрогнула. «Оленка... больно, сый, люку-то... И болѣду-то, сый, больно...» снова зашептала она.

И долго такъ валялась Найденка по печи, перекатываясь съ мѣста на мѣсто, и все что-то шептала. Изъ отдѣльных словъ, повременамъ произносившихся съ печи чуть слышнымъ шепотомъ: „дѣлялись... кляуль... леменемъ (ремнемъ)“ и пр.—можно было догадаться, что она отдавалась воспоминаніямъ изъ своего горькаго прошлаго. Потомъ ей, должно быть, надоѣло лежать: она осторожно спустилась на полъ и сѣла у окна на лавку, гдѣ давеча сидѣла Оленка.

Ночь была свѣтлая, какъ день. На небѣ стояла луна. Найденка чуть слышно отодвинула окно, облокотилась на подоконникъ и, опустившись подбородкомъ на ладони рукъ, стала смотрѣть на улицу.

Улица была какъ заколдованная—ни одинаго звука, ни одинаго движенія, даже воздухъ стоялъ неподвижно, какъ будто это былъ краешекъ спящаго царства. „Звѣздоськи, — прошептала дѣвочка, — вотъ одна, и вотъ одна, и вотъ одна,“ — перечисляла она, переводя глаза отъ одной звѣзды къ другой... И припомнилась ей другая ночь, но только темная и холоднѣе. Тогда ея мать съ отцомъ разодрались пьяные, и онѣ выгнали ихъ обѣихъ на волю. Онѣ ушли къ церковной оградѣ на лугъ. Мать растянулась на травѣ и заснула. И тогда дѣвочкѣ не спалось, и тогда она считала звѣздочки, но ей было холодно и хотѣлось ѣсть. Она разбудила мать и стала просить хлѣба. Та избила ее, какъ могла, и опять заснула.

Доннѣ... раздалось съ колокольни среди мертвой тишины. Дѣвочка вдрогнула. „Кляульсикъ“,—прошептала она, прерванная въ своихъ воспоминаніяхъ, но взамѣнъ той ночи ей припомнилась другая, дождливая и темная, такая темная, что въ окно выглянуть страшно было. И въ эту ночь мать съ отцомъ были пьяные. Отецъ валялся на полу, а мать еще держалась на ногахъ. Мать разсердилась на нее за что-то и столкнула съ окна, на которомъ она сидѣла. Она упала на завалину и ударилась плечомъ о жердь. „Бо-о-ольно было“, шепотомъ протянула дѣвочка, ощупывая лѣвой рукой правое плечо; а давеча бабка съ Марьей за эту больную руку ее и поднимали, и съ лавки она упала на эту же руку, и Василій потревожилъ ей эту руку, когда оттаскивалъ отъ старосты. Найденка опять вздохнула тѣмъ же тяжелымъ, прерывистымъ вздохомъ. Какъ зажгло и заломило у нея тогда плечо, когда она упала съ окна... Да и теперь ломить. Тогда ее приютилъ у себя церковный караульщикъ, старикъ. Онъ накормилъ ее теплой кашей, закуталъ въ полушубокъ и уложилъ спать на печкѣ, „Доблинькай“, съ улыбкой закончила горемыка свои воспоминанія объ этой ночи.

Изъ-за рѣки, съ луговъ долетѣлъ неопредѣленный, тоскливый звукъ. Дѣвочка прислушалась. Звукъ повторился. „Овесъ-ка“,—прошептала она, и новыя тяжелыя воспоминанія зароились въ ея бѣдной головѣ. Вотъ еще ночь; все ночи! Это было недавно, всего съ недѣлю, въ послѣднее ненастье. Мать ушла въ городъ искать мѣста, а они съ отцомъ остались домовничать. Онъ ушелъ изъ дома съ утра и вернулся въ сумерки. Она сидѣла у окна и играла деревянными гвоздиками, которыми онъ прибивалъ подметки къ сапогамъ и башмакамъ. Онъ такъ закричалъ на нее, что она уронила коробку, и гвозди рассыпались. Тогда онъ схватилъ толстущій ремень, зажалъ ей голову между колѣнъ и съ плеча началъ бить. Вѣдь тѣ-то рубцы, которые давеча Кащеевы ребятишки видѣли, вотъ это они самые и есть; а Василій давеча, какъ поднималъ ее на руки, эти рубцы-то и разбередилъ; и Оленка, какъ стала ее утирать, тоже за рубцы схватилась; и староста тоже, когда снималъ ее съ печи, самый то больной изъ нихъ рукой и придавилъ. Дѣвочкѣ до мельчайшихъ подробностей припомнился минувшій вечеръ. Одно за другимъ промелькнули передъ ней непріязненные лица; припомнилось все, что про нее говорили,—и ни единой улыбки, ни единого ласковаго взгляда!

— И завтя плибють,—въ безнадежной тоскѣ прошептала она, припомнивъ давешнія угрозы бабки за подойникъ,—и измученное воспоминаніями сердечко дѣвочки черезъ край переполнилось горечью. Она сложила на подоконникъ ручки,

положила на нихъ свою кудлатую голову и залилась слезами, но тихо-тихо, чтобы ктонибудь не услыхалъ.

„Бя-а-а!“—уже совсѣмъ явственно донеслось изъ за рѣки. Прерванныя воспоминанія дѣвочки потянулись своимъ чередомъ. Тогда отецъ избилъ ее и, какъ всегда, выкинулъ на улицу. Было темно и холодно, дулъ вѣтеръ. Все тѣло ея горѣло и ныло отъ ударовъ ремнемъ. Въ окнахъ огней уже не было—все спали; спать и дѣдушка-караульщикъ. Какъ хорошо бы теперь, если бы дѣдушка опять укуталъ своимъ полубубкомъ; но дѣдушка не идетъ. Вдругъ у крайней избы она наткнулась на что-то бѣлое. Это была овца. Дѣвочка чрезвычайно обрадовалась товаркѣ-бездомовницѣ. Она тогда пристылилась къ ней и заснула.

„Бя-а-а!“—кричала и теперь овца за рѣкой. Найденкѣ было очень жаль ее. „Пляцить“,—шептала она, прислушиваясь къ блеянью.

„Бя-а-а!“—совсѣмъ близко прокричала овца. Дѣвочка встрепенулась, смахнула слезы, и въ радостномъ волненіи выскочила изъ окна. Изъ прогона, который былъ напротивъ и велъ къ плотинѣ на старую водяную мельницу, выбѣжала овца и, припрыгивая, побѣжала вдоль села направо. Дѣвочка даже засмѣялась отъ радости. Она снова откинулась въ избу и прислушалась. Было попрежнему пусто и тихо, только въ сѣняхъ слышался храпъ и сопѣнье. Найденка взяла со стола кусокъ хлѣба изъ оставшихся отъ ужина, осторожно черезъ окно вылѣзла на улицу и побѣжала отыскивать овечку.

Дѣвочка нашла ее уже у воротъ сосѣдняго двора. Съ искренней радостью побѣжала она къ ней, протягивая кусокъ. Овечка осталась на мѣстѣ и стала ѣсть хлѣбъ. Дѣвочка присѣла къ ней, любовно гладила ее, называла ее ласковыми именами и цѣловала. Думала-ли она въ простотѣ сердца, что это была та самая овца, случайно тоже бѣлая, или это было инстинктивное влеченіе ребенка приласкаться къ комунибудь? Долго она возилась съ овечкой и, наконецъ, мирно заснула.

IV.

На востокъ опять занималась заря. Какъ и наканунѣ, все каждую минуту готовилось проснуться.

Вотъ опять, какъ и въ прошлое утро, раздался точъ-въ-точъ такой-же звукъ—сперва одинъ, потомъ другой, повыше, потомъ третій, и въ утреннемъ воздухѣ заплакала вчерашняя пѣсня пастушьяго рожка, такая же тоскливая и жалобная. Заскрипѣли ворота, замычали коровы, заблеяли овцы, раздались человѣчьи голоса.

Дѣвочка спала въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ заснула. Со двора вышла работница доить коровъ и спустила овецъ. Вчерашняя шатунья, завидя своихъ товарокъ, вскочила, какъ встрепанная, и дѣвочка покатила на землю. Въ ту-же минуту она проснулась и поднялась на ноги. Увидавъ работницу, она какимъ-то летучимъ бѣгомъ, встряхивая космами, пустилась подъ гору къ рѣкѣ. Выбѣжавши на кочкарникъ, она оглядѣлась и опять тѣмъ-же бѣгомъ, какъ будто спасаясь отъ погони, направилась къ плотинѣ и скрылась за рѣкой, въ ивнякѣ.

Было свѣжо, какъ и наканунѣ. Болотная трава и кустарникъ стояли, словно окаченные росой. По одной изъ многочисленныхъ тропинокъ, протоптанныхъ черезъ кустарникъ коровами, дѣвочка ударилась бѣжать дальше и выбѣжала на широкую поляну, вдоль дальняго края которой, вплоть до полей, перпендикулярно къ рѣкѣ, тянулась канава и валъ, отдѣлявшіе выгонъ отъ покосовъ. Дѣвочка перебралась черезъ канаву, взобралась на валъ и начала осматриваться.

По ту сторону вала на огромномъ пространствѣ, какъ муравьиныя кучи, были раскиданы копѣшки недавно скошеннаго сѣна. Тамъ было все пусто и тихо—косцы еще не пришли. Ближе къ селу, по сю сторону вала, на открытой болотинѣ, красовалась купа кустовъ, составлявшихъ рамку небольшого, сажень десять въ діаметрѣ, почти круглаго озерца, извѣстнаго подъ названіемъ Дальней Гривы. За лугами синей стѣной стоялъ высокій осинникъ, куда ребята бѣгали за ягодами и за грибами, а на лѣсныхъ озерахъ—удить окуней. „Люга... лѣсъ... долѣга“,—шептала дѣвочка, обводя кругомъ глазами. Со стороны плотины, изъ-за кустовъ послышался густой шумъ. Дѣвочка оглянулась. „Колѣвы“,—прошептала она и опротивѣвъ, все тѣмъ же летучимъ бѣгомъ понеслась вдоль вала къ полямъ. Поровнявшись съ Дальней Гривой, она перелѣзла черезъ канаву и юркнула въ кусты. Стадо продолжало надвигаться. По луговой дорогѣ медленно шель пастухъ—маленькій, сѣденькій старичекъ, и бойко покрикивалъ на коровъ.

Этотъ пастухъ былъ мордвинъ, родомъ откуда-то изъ подъ Оранокъ (монастырь Нижегородской губерніи). Онъ пасъ въ селѣ лѣтъ 15 и послѣднія 5—6 лѣтъ жилъ здѣсь безотлучно, нанимаясь по зимамъ изъ за хлѣба въ работники. Привѣтливый, незлобивый, онъ былъ всей мелюзгѣ большимъ пріятелемъ: забавлялъ дѣтву всякими разсказами—то изъ личныхъ наблюденій, то изъ слышаннаго отъ другихъ; училъ изъ лыкъ плести мячи, дѣлать дудки, и каждую весну по селу шла такая музыка, что всѣ только ругались и гоняли ребятъ, кто какъ умѣлъ. Вообще, въ исторіи дѣтской духовной

жизни нѣсколькихъ поколѣній дѣдъ-пастухъ, невѣдомо для себя, сыгралъ немаловажную роль... И я до сихъ поръ съ удовольствіемъ вспоминаю его чудныя, наивныя, нескладныя расказни про лѣшихъ, кикиморъ, водяныхъ, домовыхъ, про нравы и обычаи коровъ, телятъ, лошадей, птицъ и пр. и пр., особенно вотъ эти послѣдніе его расказы изъ само-дѣльной естественной исторіи. Къ тому же и человѣкъ онъ былъ прекрасный, съ чистой, безкорыстной, дѣтски незлобивою душой.

Но чѣмъ онъ особенно славился на цѣлую округу,—такъ это игрой на своемъ само-дѣльномъ рожкѣ. Не хитрая штука—рожокъ, да еще само-дѣльный, а какія удивительныя вещи, всегда жалобныя и грустныя, дѣдъ игралъ на немъ...

Надъ кустами со стороны плотины заколыхались грабли и косы—народъ спѣшилъ въ луга.

Пастухъ взомелъ на валъ, вынулъ изъ-за пазухи тростинку и принялся дѣлать дудку. Дѣвочка, притаившись за кустами, глазъ не сводила съ него, чуть слышно комментируя про себя каждое его движеніе. Къ валу приближалась артель бабъ съ граблями.

— Богъ помочь,—крикнула одна.

— Богъ спасетъ,—отвѣчалъ старикъ.

— Не видалъ ли тутъ дѣвчонку, не пробѣгала-ли?

— Оленкина мамка,—одними губами прошептала дѣвочка, удерживая дыханіе.

— Али сбѣжала?

— То-то, сказываютъ, сюда будто пробѣжала.

— Нѣтъ, не видалъ.

Бабы прошли, и вслѣдъ за ними потянулись другія. А пастухъ все ладилъ дудку, время отъ времени зорко посматривая на коровъ.

— Богъ помочь! Али дудку сломалъ?—кричали ему съ дороги словоохотливыя бабы.

— То-то сломалъ, ногой наступилъ,—откликнулся дѣдъ.

Долго возился онъ со своей дудкой, все прилаживалъ: то продудить, то подуетъ, то вставить въ рожокъ, то опять вынетъ.

Солнце поднималось все выше и выше и сгоняло росу. Косцы принимались за косы.

Наконецъ готова и дудка. Пастухъ вставилъ ее въ рожокъ и заигралъ то самое, что игралъ каждое утро, чего съ такимъ нетерпѣніемъ ожидали наскучившіе безмолвіемъ неугомонные звуки. Потомъ онъ заигралъ что-то такое тоскливое, какъ будто про себя самого, про свою молодость и силы, размыканныя по чужимъ полямъ, въ уходъ за чужимъ скотомъ, вдали отъ родной деревушки. Поняла дѣдову пѣсню

и Найденка, только жалъ ей стало не дѣда, а себя самое—одинокую, голодную, холодную, брошенную на произволъ чужихъ людей; и глаза ея стали наполняться слезами, такъ что изъ-за нихъ и дѣда стало не видно. Потомъ эти слезы покатались по грязнымъ щекамъ, полились ручьями. Должно быть, и дѣвочкѣ много говорила дѣдова дудка. А дѣдъ все игралъ и чѣмъ дальше, тѣмъ тоскливѣе... „Смерть придетъ, и похоронить будетъ некому“, какъ будто говорила его дудка, а дѣвочка все плакала, но тихо-тихо, чтобы кто-нибудь не услыхалъ.

— Музыкѣ... до клѣви... любцы... бабка... плибьютъ...—шептала она.

Солнце поднималось все выше и выше, сгоняя росу. Заглянуло оно и за кусты Дальней Гривы и обдало посинѣвшую отъ холода дѣвочку своими теплыми, мягкими лучами. Она пригрѣлась и заснула.

V.

Ее разбудило то же самое солнце, которое и убаюкало. Оно стояло надъ самымъ озерцомъ и палило во всю силу. Дѣвочка проснулась вся въ поту, разомлѣвшая. За валомъ косы не звенѣли, какъ звенять онѣ, когда ихъ точать; не слышно было и коровъ на болотѣ. Дѣвочка вышла изъ-за кустовъ и взобралась на валъ. Приютившись въ тѣни сметанныхъ стоговъ, косцы отдыхали и обѣдали. Захотѣлось ѣсть и дѣвочкѣ: за весь вчерашній день она поѣла только одинъ разъ. „Обѣдаютъ, пилѣги, чай—съ калытоской“,—шептала она, переводя глаза отъ одной группы къ другой. Видъ обѣдающихъ нестерпимо раздражалъ ея голодъ.

Народъ отдохнулъ и снова принялся за работу. Дѣвочка тяжело вздохнула и побрела назадъ, къ озерцу. Она сѣла на берегу и отъ бездѣлья стала болтать въ водѣ ногами. Но гдѣ усидѣть, когда мучительно хочется ѣсть! И она опять побрела на валъ.

Солнце стояло высоко и пекло, но кругомъ было такъ весело,—все какъ будто смѣялось и радовалось: въ лугахъ опять звенѣли косы, иногда слышалась пѣсня, мѣстами весело перекидывались шутками, только у дѣвочки-найденки было черно на душѣ. Растянувшись на животъ по отлогому валу, она въ раздумьи смотрѣла на народъ. „Не дадутъ, плибьютъ“, уныло шептала она, должно быть, въ отвѣтъ на свои мысли попросить поѣсть у косцовъ.

Нѣтъ, и лежать нѣтъ мочи. Дѣвочка побрела назадъ, къ озерцу. Хоть бы чего-нибудь поѣсть, хоть бы ягодъ. „Ягодки,

ягодки!“—тоненькимъ голоскомъ выкликала она, какъ пьяньки тѣшатъ дѣтей, заглядывая подѣ кусты. А голосъ такъ и дрожалъ отъ слезъ. Но какія ягоды на болотѣ. Она обошла вокругъ Гривы разѣ, другой, но ягодъ не было, не было и щавелю, и козловокъ, и борщовокъ, и ничего изъ того, чѣмъ привыкли лакомиться крестьянскіе ребятишки. Она опять усѣлась на берегу и съ гримасой страданія и досады на чумазомъ лицѣ сквозь слезы вдругъ залепетала что-то и въ негодованіи, крѣпко сцѣпивъ зубы, начала бить прутомъ по травкѣ.

Но вдругъ она остановилась, какъ будто отъ осѣнвившей ее мысли, и задумалась. „Доблинькай... заступилъ... дать“, оживленно заговорила она вслухъ, и личико ея просвѣтлѣло. Она быстро поднялась на ноги, вышла изъ-за кустовъ и вопрошающе, въ тяжеломъ раздумьи съ минуту смотрѣла на село.

„Бабка... лебятиски“,—снова зашептала она, опять потускнѣвши лицомъ.—„Пойду!“—черезъ минуту рѣшительно закончила дѣвочка свои думы и бѣгомъ, встряхивая космами, пустилась по луговой дорогѣ къ плотинѣ. Прямо отъ плотины дорогой она поднялась въ прогонъ. У завалины крайней направо избы, грузно переваливаясь, съ большимъ кускомъ ржаной лепешки въ рукахъ, бѣгалъ за курами кривоногій, большебрюхій, съ одутлымъ лицомъ, лѣтъ трехъ мальчуганъ. Дѣвочка подбѣжала къ нему, вырвала кусокъ и стремглавъ понеслась назадъ. Мальчуганъ заревѣлъ. Въ это время съ рѣки послѣ купанья навстрѣчу дѣвочкѣ поднималась прогономъ гурьба ребятишекъ:

— Глянѣ-ка, робя, подкидышъ!—крикнулъ одинъ.

— И то, держите ее!—загалдѣли ребята и разставились поперекъ прогона. Глядь—изъ села бѣжитъ къ нимъ старуха Тарантасъ, машетъ руками и кричитъ: „держите ее, воровку!“ Дѣвочку окружили. Она съ непонятной жадностью кусала лепешку и глотала куски, почти не прожевывая.

— Ахъ ты, мразь!—задыхался, кричала издали старуха. Дѣвочка крѣпко, обѣими руками, прижала къ себѣ кусокъ и вызывающимъ, утрюпымъ взглядомъ смотрѣла на приближавшуюся старуху. Старуха подошла и, вцѣпившись одной рукой дѣвочкѣ въ волосы, другой стала отнимать кусокъ. Найденка, улучивъ минуту, припала ртомъ къ ея рукѣ и хотѣла укусить.

— Ай-ай! ахъ, ты подлюга!—прохрипѣла старуха и, нагнувшись дѣвочку за волосы, сильно ударила ее по спинѣ. Найденька широко раскрыла глаза, бросила лепешку на землю, выплюнула изо рта нажеванное и съ дикимъ крикомъ кинулась къ плотинѣ. Должно быть, и въ этотъ разъ ударъ при-

шелся по рубцамъ. Старуха подняла кусокъ съ земли и направила назадъ, продолжая браниться: „Подлюга! пра, подлюга!.. я те дамъ!.. Я вѣдь не Оленка!.. Я те укушу!“—кричала она, поднимаясь по прогону.

Тарантасъ была старая дѣвка, „съ яринкой въ головѣ“, т. е. попросту съ большой дурью. Тарантасъ—конечно, прозвище, а какое было у нея настоящее имя, едва-ли кто и зналъ, потому что всегда и всѣ называли ее Тарантасомъ или Тарантасихой.—Свое прозвище она получила, повидимому, за то, что постоянно „тарантила“, постоянно кого-нибудь бранила. Она вступала въ препирательство не только съ живыми существами, но даже съ вещами, съ азартомъ и страстностью обрушиваясь, напримѣръ, на свое коромысло, и безъ устали громила его, не щадя ни времени, ни собственнаго горла...—Тоже деньги плачены... ни тебѣ воду носить, ни тебѣ что... дурь-дурью... дуракъ и дѣлалъ, дуракъ и покупалъ... давно бы пора въ печи сожечь, лопни глаза—пора... и сожгу, вотъ те издохнуть—сожгу!..“ И такъ битыхъ полчаса. Поставленная въ необходимость, вслѣдствіе своей безтолковости, всю жизнь возиться съ ребятами, въ качествѣ домовницы или няньки, Тарантасъ питала самую искреннюю ненависть къ дѣтямъ, адресуясь къ нимъ не иначе, какъ съ кличкой пострѣлять, дьяволять, чертенять; другихъ названій у нея не было. Дѣти, разумѣется, платили ей той же ненавистью.

Теперь дѣти стояли и въ недоумѣніи смотрѣли вслѣдъ убѣгавшей дѣвчкѣ.

— Какъ она глаза-то вытаращила,—проговорилъ одинъ послѣ долгаго молчанія.

— Вытаращишь, небось, какъ изъ всей-то силы...—отвѣчала другой.

— Эхъ, голова, знать, и жрать хочеть... такъ и зобать!

— Ужъ этотъ Тарантасъ!.. ей только попадись, — переговаривались ребята, поднимаясь въ прогонъ. Старуха сидѣла на завалинѣ и все еще бормотала ругательства.

— За што ты ее?—вскинулся на нее одинъ.

— А за то, что не ходи пузато, не воруй,—огрызнулась старуха.

— Не воруй! Жрать-то захошь—небось и ты украдешь.

— Спроси.

— Спроси! Такъ ты и дашь, скавалыга такая!

— Ахъ, ты дьяволенокъ!

— Сама ты тарантасъ!

— „Тарантасъ!! Тарантасъ!!“—загалдѣли ребята хоромъ.

Старуха забѣленилась.

— Плуты, мошенники, распрострѣлило бы васъ, окаян-

ныхъ! Разбойники, чтобы вамъ ни дна, ни покрывки, дьяво-
лятамъ!—сыпала она свои пожеланія, пхвывая палками, комьями
земли, чурками. Долго старуха не могла успокоиться послѣ
перебранки. „Попадись въ другой разъ, я те не такъ, дьяво-
ленка... я те задамъ кусаться... у меня узнаешь, мразь пога-
ная... только попадись—изорву, въ доскутки изорву!“—кри-
чала она, разбрасывая вокругъ себя попадавшіяся подъ руки
траву, щепки, землю.

А Найденка на берегу озерца сначала долго плакала и
чуть слышно причитала, что ей больно, что ей хочется ѣсть;
роптала на ребятъ, что они удержали ее въ прогонѣ, и, на-
конецъ, успокоилась.

Она лежала внизъ животомъ, опустившись подбородкомъ
на ладони рукъ и била ногами по травѣ. Временами она какъ
будто застывала въ глубокой задумчивости, устремивъ глаза
на воду.

Такъ она лежала долго. Наконецъ, вздохнувши долгимъ,
прерывистымъ вздохомъ, опустила на руки свою косматую
голову и заснула.

Въ тотъ день и я былъ съ ребятами на улицѣ и вмѣстѣ
съ ними заступилъ дорогу убѣгавшей отъ Тарантаса Най-
денкѣ. Послѣ перебранки съ Тарантасомъ я пошелъ домой
обѣдать. Образъ дѣвочки, съ такой жадностью пожиравшей
грубую лепешку, не выходилъ у меня изъ головы. Я часто
бывалъ голоденъ, но о такомъ голодѣ не могъ составить себѣ
представленія. Нервный, воспріимчивый ко всему, что видѣлъ
и слышалъ, и постоянно находившійся подъ впечатлѣніемъ
этого видѣннаго и слышаннаго, я пришелъ домой взволно-
ванный и рассказалъ про свою встрѣчу съ Найденкой матери.
Она отрѣзала мнѣ большой кусокъ бѣлаго хлѣба, и я, на-
скоро пообѣдавши, отправился за рѣку разыскивать дѣвочку.
Я облазилъ всѣ кусты, обшарилъ всю водяную мельницу,
кричалъ, звалъ, но дѣвочки не нашелъ и съ тяжелымъ серд-
цемъ воротился домой.

VI.

Была ночь, когда Найденка проснулась. На небѣ ни облачка,
и луна сіяла во всемъ блескѣ, затмѣвая ближайшія звѣзды.
Дѣвочка вышла изъ-за кустовъ на открытое мѣсто. Голодъ
такъ истомилъ ее, что она даже шаталась. Ни ночь, ни оди-
нчество, ни пустынное, незнакомое мѣсто ничуть не смутили
ее. Она совершенно спокойно озиралась вокругъ и прислу-
шивалась. Кругомъ скрипѣли коростели, квакали лягушки,
ржали и фыркали лошади, и дѣвочка, по своему обыкнове-

нію, шепотомъ называла каждый звукъ. Хотя ночь была и теплая, все же ее пробирала дрожь. Она ежилась, кутаясь въ свою дырявую рубашонку.

Доннѣ...—раздалось изъ-за рѣки.—„Кляульссикъ“,—прошептала Найденка, оборотившись на звонъ.

Вѣроятно, ноги плохо служили ей, и она опустилась на траву. Поджавъ одну ногу подъ себя и опершись руками и подбородкомъ на колѣно другой, она надолго погрузилась въ тяжелыя думы.

Запѣли первые пѣтухи,—одинъ, другой, третій и, наконецъ, всѣ по всему селу.

— Пойду,—прошептала Найденка и побрела къ плотинѣ.

Она вошла въ село. На улицѣ ни души, ни звука. Пѣтухи пропѣли каждый свою партію и молчали. Въ тѣни избѣ дѣвочка направилась къ церкви. Она остановилась на углу улицы и нѣсколько минутъ молча разсматривала церковь. „Длюгая“,—разочарованно прошептала она и съ поникшей головой, какъ будто отъ несбывшихся надеждъ, побрела назадъ.

Что означало это „другая“? Думала ли она, по своеобразной логикѣ, и въ нашемъ селѣ встрѣтить свою церковь и того же самого караульщика, который тогда накормилъ ее теплой кашей, или это относилось къ чему нибудь другому, Богъ ее знаетъ. Она шла въ глубокой думѣ, низко опустивъ голову, просто куда глаза глядятъ. Но вотъ, молодая ветла, окутанная снизу соломой въ защиту отъ овецъ, вотъ колодецъ съ высокимъ очепомъ, вотъ опрокинутыя у колодца дровни. Найденка остановилась и осмотрѣлась. Она стояла противъ Кашеевой избы. Минуты двѣ дѣвочка въ нерѣшительности что-то обдумывала, потомъ осмотрѣлась и, крадучись, подошла къ избѣ. Она влѣзла на завалину и сквозь открытое волоковое окно чутко прислушалась. Въ избѣ было тихо. Уцѣпившись за наружную часть рамы и переступая по бревнамъ, она добралась до окна и, съ трудомъ переводя дыханіе отъ волненія и усталости, влѣзла въ избу. Изба была пуста, и только дверь въ сѣни отворена. Оттуда доносился сапъ и храпъ, какъ и наканунѣ. Дѣвочка кинулась къ столу и отмахнула столешникъ, которымъ были покрыты остатки ужина. Но тутъ были одни объѣдки и пустыя чашки. Набивши ротъ корками, Найденка на цыпочкахъ юркнула въ чуланъ, гдѣ въ углу, на лавкѣ, въ большомъ лукошкѣ хранился хлѣбъ. Она взяла первый попавшійся кусокъ и начала ѣсть.

— Господи Иисусе! Свѣтлынь-то, ровно днемъ,—бормоталъ самъ съ собой, входя изъ сѣней, дѣдъ Кашеевъ. Дѣвочка вздрогнула. Сцѣпивши обѣими руками кусокъ, какъ будто

изъ боязни, чтобы его не отняли, и вытянувшись вдоль перегородки, она перестала жевать и затаила дыханіе. Дѣдъ вошелъ въ чуланъ, изъ-подъ руки высматривая буракъ съ квасомъ.

— Кто это тутъ? Ты, Оленка?—спросилъ онъ, присматриваясь къ фигуркѣ, съ ногъ до головы облитой свѣтомъ луны.

— Я,—отвѣчала растерявшаяся Найденка съ набитымъ ртомъ.

— А, это ты! Что, али поѣсть захотѣла?

— Да.

— Ну, поѣшь, покушай на здоровье, а я вотъ кваску испить. Господи благослови!—и дѣдъ напился квасу. — Ты гдѣ это пропадала?—спросилъ онъ, присаживаясь на лавку.

— Тамъ,—махнула рукой дѣвочка, съ трудомъ двигая челюстями.

— Проголодалась, видно? То-то вотъ и есть. А ты бы даве прибѣгла, я бы тебя и покормилъ, вотъ и была бы сыта.

Дѣвочка не отвѣчала. Она доѣла кусокъ, но не уходила.

— Али все? Постой-ка, нѣтъ ли тутъ?..—и дѣдъ сталъ рыться въ лукошкѣ. Онъ отыскалъ большой конецъ пирога съ картошкой и подаль дѣвочкѣ.

— На-ка вотъ, поснѣдай! А ты-бы съ кваскомъ! Налить, что ли?!

— Налей.

— Вотъ, оно и скуснѣе... На-ка вотъ...

Дѣдъ налилъ въ ковшикъ квасу и поставилъ на окно.

— Подъ, садись къ окошку, поѣшь съ кваскомъ-то и прихлебывай... Мотри только, мухъ нѣтъ ли, али таракановъ.

Дѣвочка стала карабкаться на лавку. Дѣдъ подхватилъ ее и хотѣлъ посадить. Она вскрикнула и посипѣшно соскользнула назадъ.

— Что ты, Христосъ съ тобой?

— Болить,—отвѣчала Найденка, корчась и морщась отъ боли.

— Гдѣ болить? Али зашибла?

— Нѣтъ, тятка леменемъ (ремнемъ).

— Неужто? Нутка, покажь.

Дѣвочка обернулась къ дѣду задомъ и подняла рубашенку.

— Мм...—невольнo всхлипнулъ онъ.—Ахъ, кромѣшникъ, чтобъ ему пусто было, прости Ты меня, Господи!

Найденка съ помощью дѣда влѣзла на лавку и примости-лась съ кускомъ пирога въ рукахъ къ ковшу съ квасомъ.

Дѣдъ нахмурился и думалъ, въ негодованіи пережевывая губами.

— Охъ, Господи!.. вовсе звѣри...—закончилъ онъ свои

думы.—Кушай, дитятко! Не знаю, еще-то есть ли,—и дѣдъ снова принялся шарить въ лукошкѣ.

— Не хосю больсе, сыта,—проговорила дѣвочка.

— Не хочешь? Наѣлась? Ну, и слава Богу! Кваску-то не еще ли?

— Не надо.

— Ну, не надо—и не надо. Вотъ, и слава Богу! Охъ, Господи! Много-ли надо человѣку? И жили бы, а то нѣтъ, все мало да тѣсно, такъ-то вотъ... Такъ тебя, видно, Оленкой же звать?

— Оленкой,—отвѣчала дѣвочка.

— Впрямь? Ну, вотъ! И у насъ есть Оленка, у коей ты палець-отъ укусила, вотъ. За што ты ее?

— Она мнѣ тутъ вотъ... вотъ такъ,—указала дѣвочка себѣ на спину и, сцѣпивши зубы, изо всей силы ущипнула дѣда за руку, пытаясь выразить, какъ ей было больно.

— А! Это, видно, гдѣ болитъ-то? Ахъ, ты моя золотая. Вѣдь это она тебѣ не нарочно; она хотѣла тебя утѣшить, чтобы ты не ревѣла, такъ-то!

Дѣвочка молчала.

— Болить теперь у ней палець-отъ, реветъ все, такъ-то,—продолжалъ дѣдъ.

— Леветъ?—повторила дѣвочка.

— Реветь, а рука-то распухла, вотъ какая стала.

— Ласпухла,—опять протянула дѣвочка.

— Такъ-то, негоже этакъ-то, вотъ,—урезонивалъ дѣвочку дѣдъ. Дѣвочка слушала и молчала.

— И старосту... коего ты за бороду-то... тебя за это любить не стануть.

— Онъ вотъ!—заторопилась дѣвочка, закинувъ обѣ руки за спину, придумывая, какъ объяснить дѣду суть дѣла.

— Тоже, видно? А-а! Вотъ оно дѣло-то какое! Разбередилъ? Такъ оно и есть... ахъ ты, моя горькая!—погладилъ дѣдъ дѣвочку по головѣ и опять задумался.—Ну, матушка, спать пора; скоро вторые пѣтухи запоютъ. Полѣзай на печь, а то вотъ на кутникѣ: на печи-то, мотри, тараканы, да жарко будетъ. Вотъ постелю тебѣ, и ложись.

— А ты гдѣ? На печи?

— Нѣтъ, я тамъ, на задворкахъ, въ мякинницѣ.

— И я съ тобой, я не буду Оленку кусать-то.

— Не будешь, впрямь? Хе-хе-хе—добродушно разсмѣялся дѣдъ.—Ну, не будешь, такъ пойдемъ, давай руку!—Взялъ дѣдъ дѣвочку за руку, и они отправились въ мякинницу.

— Такъ бы вотъ и все: миркомъ да ладкомъ, оно бы и гоже, а то... эхъ, Господи милостивый! Чапыжмися, чапы-

жимся вѣкъ-отъ, а всего-то надобно эо мѣстечко землицы на погостѣ. Такъ ли, Оленка?

— Такъ,—отвѣчала дѣвочка.

— Три шага дѣвать некуда! А? Три?

— Тли!

— Да, три, и богатому, и бѣдному, и мужику, и барину; а который покороче, такъ и того меньше, хотъ и богатый, али хотъ и баринъ. А?

— Да.

Такъ переговаривались дѣдъ съ дѣвочкой, пробираясь въ темнотѣ черезъ длинный дворъ къ заднимъ воротамъ, гдѣ стояла мякинница.

До самой зари пробалагурилъ дѣдъ съ дѣвочкой. Она уже выпалась, а ему не спалось. Онъ все разспрашивалъ, она все рассказывала. Отъ нея дѣдъ узналъ, что мать ея звали „Дунькой“, а отца „Глинькой“. Онъ былъ сапожникомъ въ какомъ-то селѣ. Оба они постоянно пьянствовали и дрались и ее били. Отца за что-то съ сотскими угнали въ городъ. За нимъ пошли и онъ съ матерью. На дорогѣ мать оставила ее когда она уснула, и ушла.

VII.

Миръ ли такъ рѣшилъ или начальство распорядилось, только дѣвочка осталась въ селѣ и на воспитаніе, какъ порѣшили на сходѣ, была отдана Оксену Кривому, съ правомъ разъ въ годъ собирать хлѣбомъ и льномъ.

Оксенъ Кривой была лѣтъ подъ 60 старая дѣва высокаго роста, худощавая, обѣ одномъ глазѣ, съ рѣзкими мужицкими манерами и грубымъ голосомъ, представлявшая поэтому рѣзкій диссонансъ со своимъ костюмомъ. Она и образъ жизни вела мужицкій: вмѣстѣ съ мужиками являлась на помочи; водку пила, какъ мужикъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что не напивалась до пьяна; компанію водила съ мужиками и бабъ не любила. Говорили, что въ былую пору она и силой не уступала мужику. Словомъ—это былъ настоящій мужикъ, по странному капризу природы обрѣтавшійся въ образѣ бабы. По рассказамъ, до 14 лѣтъ Оксенъ одѣвалась въ рубаху и порты и стриглась въ скобку, какъ парни. Ни насмѣшки, ни побой,—ничто не могло заставить ее отказаться отъ мужского костюма, и сдалась она лишь на угрозы бурмистра отдать ее въ солдаты; тогда она облеклась въ сарафанъ и стала растить косу. Жила Оксенъ на духовномъ порядкѣ, на церковной землѣ, въ крайней къ кладбищу кельѣ. Вотъ ей-то и порѣшили отдать дѣвочку.

Теперь предстояло рѣшить задачу, какъ водворить ее на мѣсто назначеннаго ей жительства. Дѣло въ томъ, что съ той самой ночи она такъ привязалась къ дѣду, что ни на шагъ не отходила отъ него, и когда Оксеня хотѣла увести ее къ себѣ насильно, она такъ заверещала, вцѣпившись въ дѣдовы порты, что волей-неволей пришлось на нѣкоторое время оставить ее въ покоѣ. Видимо и дѣдъ привязался къ дѣвочкѣ, и будь его воля, ни за что бы онъ не отдалъ ее. Всѣмъ было на диво, что дикая, недовѣрчивая, ни съ кѣмъ не промолвившая ни единого слова, съ дѣдомъ Найденка была, что называется, нараспашку и, не умолкая, толковала цѣлые дни.

Меня очень интересовали ихъ бесѣды, и мнѣ чрезвычайно хотѣлось подружиться съ дѣвочкой, но, лишь только я подходилъ къ нимъ, Найденка замолкала и, сколько бы я ни пробылъ около нихъ, она бывало рта не раскроетъ. Я пробовалъ заговаривать съ дѣдомъ въ надеждѣ, что, можетъ быть, и она приметъ участіе въ разговорѣ,—дѣвочка не издавала ни единого звука, какъ будто ея и не было. Пытался я расположить ее къ себѣ и подарками: приносилъ ей пирога, бѣлаго хлѣба, сахару. Она, бывало, хотя и возьметъ, но не сразу: сперва взглянетъ исподлобья на кусокъ, потомъ, будто нехотя, положить на чтонибудь около себя, а потомъ уже начнетъ ѣсть, но ни разу не взглянетъ на меня.

Такое нерасположеніе ко мнѣ со стороны дѣвочки, при моей готовности служить ей всѣмъ, чѣмъ только я могъ, сильно огорчало меня, но охота подружиться съ ней не только не умалилась, а съ каждымъ днемъ усиливалась. Я искренно завидовалъ дѣду Кашееву и, прислушиваясь къ ихъ разговорамъ, приглядываясь къ тому, какъ онъ обращался съ дѣвочкой, старался угадать причину,—чѣмъ онъ привязалъ ее къ себѣ. И меня не мало удивляло, что дѣдъ не только не ублажалъ, не только не баловалъ Найденку, а даже нерѣдко журилъ ее за чтонибудь; и она не дулась на него, а ластилась къ нему, стараясь загладить свою вину.

Но, не смотря на привязанность и на послушливость дѣду, въ избу къ нимъ Найденка не шла. Когда дѣдъ уходилъ обѣдать или ужинать, она оставалась ждать его у завалины или гдѣ-нибудь на задворкахъ. Въ ненастье и холодъ она убѣгала въ мякинницу, гдѣ ночевала съ дѣдомъ, и тамъ зарывалась въ солому. Я нѣсколько разъ приглашалъ ее къ себѣ въ комнаты, но въ отвѣтъ получалъ то же упорное молчаніе. Моя мать тоже нѣсколько разъ пробовала приласкать ее. Часто, когда она пробѣгала мимо нашего дома, мать предлагала ей какое-нибудь лакомство, но дѣвочка

даже головы не поворачивала. Такъ-же неудачны были попытки въ этомъ родѣ другихъ, и всѣ скоро отступились отъ нея и предоставили ее самой себѣ. Одни совершенно перестали обращать на нее вниманіе, другіе относились къ ней даже враждебно.

Между тѣмъ время близилось къ осени, становилось холодно, начиналось ненастье, но Найденка не поддавалась ни на какіе уговоры. На всякія ласки и угрозы дѣда она только тихо плакала, молчала и съ утра до вечера толкалась у Кашеевой избы все въ той же дырявой рубашонкѣ, босоногая, посинѣвшая отъ холода. И дѣдъ поневолѣ долженъ былъ выходить къ ней. Онъ самъ уводилъ ее къ Оксену въ келью и просиживалъ у нея съ дѣвочкой цѣлые дни.

VIII.

Стояла осень. Послѣ продолжительнаго ненастья недѣли на двѣ установилось вѣдро. Въ самомъ началѣ ясныхъ дней, дѣда Кашеева схоронили. Померъ онъ какъ-то совсѣмъ неожиданно: недалеко какъ дня за два я видѣлъ, какъ онъ подъ дождемъ проковылялъ съ Найденкой къ Оксену въ келью.

Едва-ли кто другой изъ нашего села могъ умереть болѣе незамѣтно, чѣмъ дѣдъ Кашеевъ—до такой степени онъ былъ чуждъ всеобщей житейской сутолокѣ. И едва-ли кто даже изъ Кашеевыхъ искренно пожалѣлъ о немъ. Хотя онъ особенно и не мѣшалъ, а все и за столомъ мѣсто опросталось, и въ избѣ къ зимѣ стало просторнѣе; а посторонніе,—какое имъ дѣло до старика, отъ котораго не только они, а и свои-то родные по цѣлымъ недѣлямъ слова не слыхали, совсѣмъ какъ будто его и не было въ деревнѣ.

Горевала о немъ одна Найденка. Все время, какъ дѣдъ хворалъ, она шаталась у Кашеевой избы, а ночи проводила Богъ ее знаетъ гдѣ. Говорили, впрочемъ, что, когда ей сказали о смерти дѣда, она осталась повидимому совершенно равнодушной—какъ будто не поняла...

Хотя первые дни послѣ смерти дѣда стояли и ясные, все же было довольно свѣжо, а главное — грязно, поэтому на улицу меня не пускали, и о Найденкѣ я не зналъ ничего. А какъ мнѣ хотѣлось взглянуть на нее! Но вотъ обсохло, потеплѣло, и насъ съ сестрой Марусей пустили гулять.

Разумѣется, прежде всего я отправился отыскивать Найденку. У Кашеевой избы ея не было, да и дѣлать ей тамъ было уже нечего. Стало быть, она была гдѣ нибудь у Оксеновой избы. Черезъ задніе сады, украдкой отъ сестры Маруси,

я отправился подъ гору и подходилъ уже къ Оксеновой избѣ, какъ вдругъ до меня донесся чей-то унылый плачь. Я остановился и прислушался. Мнѣ былъ виденъ уголъ кладбища съ бѣлымъ тесовымъ памятникомъ въ видѣ домика съ крестомъ посрединѣ и около него Найденка. „Дѣдуська-а-а, дѣдуська-а-а“, уныло тянула она, сидя около памятника. Эта картина произвела на меня сильное, почти мистическое, впечатлѣніе. Опрометью бросился я домой и, путаясь и волнуясь, рассказалъ матери, что Найденка „зоветъ изъ могилы дѣда“. Мать встревожилась моимъ волненіемъ и пробовала меня успокоить. „Нѣтъ, нѣтъ, мамочка, пойдемъ скорѣе! — теребилъ я ее и тащилъ на кладбище. Чего собственно хотѣлъ я отъ нея? Мать одѣлась и мы отправились.

Вотъ изъ за кладбищенскихъ березъ показался бѣлый тесовый памятникъ, и около него попрежнему стояла Найденка. „Дѣдуська-а-а“, донеслось до насъ.

— Слышишь? слышишь?—снова заволновался я, затыкая уши. Мать остановилась и прислушалась. Она была блѣдна и съ затаенной мыслью смотрѣла мнѣ въ глаза глубокимъ, скорбнымъ взглядомъ. Можетъ быть, она думала о томъ, какъ тяжело достанется мнѣ жизнь при такой болѣзненной впечатлительности.

Найденка не могла насъ видѣть, такъ какъ сидѣла къ намъ задомъ, но, заслышавъ шаги, когда мы стали подходить, оглянулась, вскочила на ноги и убѣжала.

— Оля! Олеся! погоди, мы тебя не тронемъ! — кричала мать ей въ слѣдъ. — Ну, какъ ее утѣшишь!—грустно проговорила она, провожая дѣвочку глазами, пока та не скрылась за плетнемъ капустниковъ.

— Здорово, матушка! Знать, погулять вышла. Времячко-то гоже уставилося—кричала баба Оксенъ, поднимаясь къ намъ отъ своей кельи.

— Да, хорошо—отвѣчала мать.—Плохо, знать, привыкаетъ къ тебѣ дѣвочка-то?

— Чего, матушка! въ избу-то никакъ не заманю, совсѣмъ смаялась съ ней, ума не приложу, какъ и быть. Хочу ужъ отказаться, Господь съ ней совсѣмъ.

— Что ты это!

— Да сила, матушка, не беретъ; все сердечушко изболѣло, на нее гляючи. Третій день не ѣстъ, не пьетъ. Сядетъ вонъ у могилы, да и голосить: „дѣдушка, бать, дѣдушка!“ все, знашь, старика-то кличетъ, да тоскливо таково, инда сама-то ревѣла не одинова. И сейчасъ вотъ все тянула—„дѣдушка“, да, видно, вы спугнули. Диво, да и диво! Ужъ и впрямь не порченая ли, молъ?

Возвратившись домой, мать отобрала кое-что изъ Маруси-

ныхъ вещей и отослала Оксену. Маруся приложила нѣсколько куколъ, я—большую конфекту съ портретомъ Комиссарова—именинный подарокъ крестнаго—и собственнаго издѣлія альбомъ. Этотъ альбомъ былъ просто тетрадь изъ сѣрой бумаги, съ налѣпленными на листахъ картинками съ конфетъ, съ помадныхъ банокъ, съ чайныхъ обложекъ, изъ иллюстрированныхъ журналовъ и виньетками, которыя я добывалъ самымъ контрабанднымъ образомъ, вырѣзывая изъ проповѣдей, поученій и различныхъ твореній святыхъ отцовъ. Былъ налѣпленъ даже кусокъ шпалера, который мнѣ очень нравился; было кое-что и собственной живописи, главнымъ образомъ, очень кудрявыя и очень длинноносыя человѣческія головы въ профиль, съ глазами en face... и т. д.

Оксенья разсказывала, что Найденка конфекту съѣла, на куклы не обратила никакого вниманія, но альбомомъ заинтересовалась очень и часто разсматриваетъ въ немъ картинки. Мнѣ это очень пріятно было слышать. За то Маруся даже покраснѣла съ досады и потребовала все свое обратно. Получила она, впрочемъ, только куклы, которыя тутъ же демонстративно выкидала на дворъ.

Между тѣмъ дни становились короче, холода усиливались, особенно холодно бывало по ночамъ. Найденкѣ по неволѣ приходилось большую часть времени проводить въ избѣ. Но прирученіе ея подвигалось плохо. Какъ ни старалась Оксеня расположить ее къ себѣ, дикарка не поддавалась ни на какія ласки и упорно молчала на всѣ ея заговариванья. Она ни за чѣмъ не обращалась къ Оксену, а что было нужно, пить или ѣсть—брала безъ спросу, или оставалась голодной. Старуха выходила изъ себя и, наконецъ, начала браниться, а это, разумѣется, только ухудшило дѣло.

Большую часть дня Найденка проводила на кладбищѣ, и я часто видалъ, какъ она въ Марусиной шубкѣ и съ открытой головой меланхолически бродила между могилами или копалась около дѣдова памятника. И такимъ одиночествомъ, такой сиротливостью вѣяло отъ ея маленькой фигурки!.. Мнѣ очень хотѣлось подойти къ ней, но не хватало рѣшимости. Притаившись гдѣ нибудь за деревомъ, я по цѣлымъ часамъ наблюдалъ за Найденкой, иногда продрогши до костей. Дома я всячески скрывалъ свои симпатіи къ дѣвчкѣ изъ тѣхъ побужденій, ради которыхъ дѣти всегда скрываютъ отъ большихъ свои экстра-ординарные чувства и мысли.

IX.

Миновали и красные дни. Опять зачастили дожди, началась слякоть, но и на этот раз ненадолго: ударилъ морозъ, насыпало снѣгу, и зима была готова.

Кто жилъ въ деревнѣ, тотъ знаетъ, что значить тамъ появленіе зимы, особенно для дѣтей: насидятся они за время ненастья въ тѣсныхъ, душныхъ, темныхъ избахъ и потомъ, когда получится возможность вырваться на свѣтъ, на просторъ, на вольный воздухъ,—радуются зимѣ, какъ освободительницѣ отъ злой неволи. Зиму встрѣчаютъ въ деревняхъ едва ли не радостнѣе, чѣмъ весну. Всѣ околицы настезъ для дорогой гости!

Вдоль всего нашего поповскаго порядка, отъ самой почти церкви и до кладбища тянулась гора,—излюбленное мѣсто зимнихъ потѣхъ и развлеченій всей сельской мелюзги. Лишь только напорошило снѣгу, сюда со всѣхъ сторонъ, какъ муравьи изъ разоренной кучи, поползла дѣтвора, подчасъ въ самыхъ неописуемыхъ костюмахъ, преимущественно съ плечъ большаковъ—въ материныхъ куцавейкахъ съ рукавами до земли, въ отцовыхъ шапкахъ, которыя отъ каждаго тычка летѣли съ головъ, въ валеныхъ сапогахъ по самое брюхо, и кто на чемъ: кто на салазкахъ, кто на подмороженныхъ лукошкахъ, кто на скамьяхъ. И вотъ наша гора зазвенѣла, застонала съ ранняго утра до темной ночи отъ крика, визга, плача, рева, смѣха ребятишекъ.

Найденка и тутъ не примкнула къ дѣтямъ. Она неизмѣнно сидѣла у крайняго къ кладбищу окна, облокотившись на подоконникъ и опустивъ на ладони рукъ свою косматую голову. Иной разъ какой нибудь шалунъ корчилъ ей рожу, безъ всякаго, впрочемъ, злого умысла, или выкидывалъ какой нибудь фортель... дѣвочка, бывало, не моргнетъ глазомъ. Бывали попытки и разсмѣшить ее: нарочно падали, спшибались, толкались, и ни разу никому не удалось вызвать у нея ничего, похожаго на улыбку.

Мои симпатіи къ дѣвчкѣ росли съ каждымъ днемъ. Видѣть ее стало для меня какъ будто потребностью. Для катанья я выбиралъ время, когда на горѣ было немного народа. Собственно катался я мало, а большею частью подъ какимъ нибудь предлогомъ шатался противъ оконъ Оксеновой избы: обивалъ снѣгъ съ сапоговъ, перевязывалъ веревку у салазковъ, выравнивалъ дорогу, или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Такъ шло время, и я былъ совершенно доволенъ. Но вотъ

наступили настоящіе, зимніе холода. Какъ - то, однажды утромъ, докатившись до Оксеновой избы, я увидаль, что оба окна ея сплошь затянуло инеемъ. Это было совсѣмъ неожиданно. Я тутъ же воротился домой и кататься пересталь.

Потянулись скучные, томительные дни. На меня напала досада и хандра. Изрѣдка я спускался подь гору посмѣтрѣть, не оттаяли-ли окна, но ихъ заволакивало все болѣе и болѣе.

Я начиналь серьезно скучать о Найденкѣ и по цѣлымъ днямъ ломаль голову, какъ мнѣ увидать дѣвочку. Мои планы были одинъ нелѣпѣе другого. Однажды я чуть было не остановился на томъ, чтобы снятъ у Оксена что-нибудь изъ бѣлья съ шеста передъ окнами, а потомъ принести—не твое-ли, молъ,—нашелъ, дескать, въ сугробѣ; но на такой подвигъ у меня не хватило смѣлости. Существовалъ, положимъ, прекрасный поводъ видать Найденку, по крайней мѣрѣ, раза два. Нужно было только вызваться носить то, что наша мать часто посылала ей изъ сѣбстнаго—супъ, кашу, моченые яблоки и пр. и за чѣмъ приходила сама Оксень. Но, во-первыхъ, я почему-то самымъ тщательнымъ образомъ скрываль свои симпатіи къ дѣвочкѣ, а во-вторыхъ, для такихъ отвѣтственныхъ порученій, какъ доставить въ цѣлости, напр., горшокъ съ супомъ, увы! я рѣшительно не годился! Постоянно углубленный въ размышленія по поводу своихъ впечатлѣній, я часто не замѣчалъ ни пороговъ, ни косяковъ, ни имъ подобныхъ препонъ и поэтому за все зацѣплялся, задѣваль, запинаясь, все ронялъ и даже падалъ. Кромѣ того, я почти каждый разъ забываль, что мнѣ поручалось, или перепутываль.

Разсѣянность моя доходила до того, что однажды изъ бани вмѣсто своего дома я прошелъ къ діакону, который жилъ рядомъ; разъ во время службы прокатилъ черезъ всю церковь въ алтарь въ шапкѣ; разъ потерялъ въ лѣсу корзину съ грибами. Сколькихъ слезъ стоила мнѣ эта разсѣянность, трудно представить. Насмѣшки и прозвища сыпались на меня со всѣхъ сторонъ и отъ своихъ, и отъ чужихъ. Поэтому неудивительно, что я былъ нелюдимъ, скрытенъ, завистливъ и мелочно падохъ до похвалъ.

Но на фонѣ этой обидной, тяжелой для воспоминаній поры дѣтства передо мной возникаетъ прекрасный образъ моей матери—съ ясной, ласковой улыбкой, съ полуприподнятыми бровями,—съ той милой гримаской на блѣдномъ лицѣ, съ которой она бывало ласкала меня въ свои добрыя минуты. Потому-ли, что она не вѣрила въ спасительность для меня насмѣшекъ, или ея руководилъ инстинктъ матери, всегда готовый защищать свое обездоленное дѣтище, она съ

горячностью вступалась за меня и часто ссорилась съ отцомъ и бабушкой; а на долю моей сестры Маруси перепало кое-что и посущественнѣе. И Боже мой! какой неизъяснимой благодарностью, какой жгучей любовью къ ней горѣло тогда мое сердце!! Смѣялась надо мной и она сама, но совсѣмъ не такъ, какъ другіе: когда смѣялась она, смѣшно было и мнѣ, и мы часто хохотали вмѣстѣ, припоминая болѣе забавные случаи моей разсѣянности. Но когда смѣялись другіе, я если не плакала, то только потому, что не хотѣлъ показывать, какъ мнѣ было больно.

Истощивши, наконецъ, всю изобрѣтательность въ изысканіи средствъ увидать Найденку, я пересталъ думать объ этомъ и съ покорностью подчинился обстоятельствамъ.

Х.

Какъ ни долго тянулась зима, но и она подходила къ концу. Стало пригрѣвать, стало и съ крышъ покапывать; повисли сосульки. Побѣждали ручьи; показались проталины; въ поляхъ зазвенѣли жаворонки; у скворешницъ защебетали скворцы; подернулись дымкой кусты за рѣкой; брызнули изумрудомъ первыя проталинки; улица зазвенѣла отъ пѣтушиного пѣнья и кудахтанья куръ. Понемногу начали выставлять зимнія рамы, вынимать холодную одежду и прятать шубы и тулупы; валенки давно уже оставили. Потомъ сани поставили подъ навѣсы и вмѣсто нихъ выдвинули телѣги; ребятишки бѣгали босые, въ однѣхъ рубашонкахъ. Потомъ снѣгъ сталъ уже рѣдкостью, только въ лѣсу да по оврагамъ. Наступила весна—свѣтлая, веселая, радостная, со смѣхомъ и пѣснями, но и съ упорнымъ, тяжелымъ деревенскимъ трудомъ. Состоялся первый выгонъ стада въ поле. У ребятишекъ открылся дудочный сезонъ, и улица загудѣла, задудѣла, засвистала; одновременно съ этимъ началось и гоненіе на музыкантовъ.

Между тѣмъ Найденки было не видать на кладбищѣ. Я по нѣскольку разъ въ день выбѣгалъ за задній садъ въ поле, откуда былъ виденъ бѣлый памятникъ дѣда Кашеева, и каждый разъ возвращался въ большой досадѣ и чуть не по колѣна въ грязи. Наконецъ, однажды, когда я по обыкновенію выбѣгалъ заглянуть на кладбище, Найденка была тамъ. Она была въ Марусиной шубкѣ, повязана платкомъ и въ башмакахъ. Въ этомъ видѣ она до того не соответствовала моему представленію о ней, что я долгое время не былъ увѣренъ, что это она, и когда, наконецъ, увѣрился, то вмѣсто радости меня охватила какая-то досада—такъ все это было

ей не къ лицу. Въ моемъ воображеніи дѣвочка всегда рисовалась босая, въ рваной рубашонкѣ, съ косматою, спадавшей напередъ гривой выпѣвшихъ темнобурыхъ волосъ, изъ за которыхъ угрюмо блестяли ея зеленоватыя глаза; только въ этомъ видѣ я и понималъ ее. Въ платкѣ же и шубкѣ она была настолько не интересна для меня, что я почти тутъ же вернулся домой.

Впрочемъ, это было единственный разъ; потомъ я видалъ ее всегда раздѣтой и разутой, но ужъ не въ той дырявой рубашонкѣ, а въ Марусиномъ платьѣ. Она обыкновенно или копалась въ землѣ у дѣдова памятника, или бродила между могилами и все о чемъ-то разговаривала. Меня особенно это занимало. Я изъ всѣхъ силъ напрягалъ слухъ, но до меня доносились лишь отдѣльные слова.

Однажды, когда я по обыкновенію прибѣжалъ на кладбище, дѣвочка сидѣла у дѣдовой могилы и плакала. Сквозь слезы она что-то бормотала и пруткомъ била по памятнику. „Вотъ тебѣ!“—разслышалъ я между другими непонятными мнѣ словами. Этимъ случаемъ я рѣшилъ воспользоваться, чтобы подружиться съ дѣвочкой. Это было, должно быть, въ праздникъ. Я тотчасъ же воротился домой, выпросилъ кусокъ ватрушки и опять побѣжалъ на кладбище. Дѣвочка замѣтила меня, когда я подошелъ уже вплотъ. Характернымъ жестомъ лѣвой руки отбросивъ назадъ спадавшія на глаза космы, она уставилась на меня угрюмымъ, непривѣтливымъ взглядомъ своихъ зеленоватыхъ, наполненныхъ слезами глазъ. „Хочешь?“—проговорилъ я прерывающимся отъ волненія голосомъ, протягивая кусокъ. вмѣсто отвѣта дѣвочка ударила по моей рукѣ снизу, кусокъ подпрыгнулъ, творогъ упалъ около нея, а корка отскочила въ сторону. Въ то же время Найденка заплакала.

Я былъ чрезвычайно озадаченъ. Я такъ хотѣлъ ей добра, такъ жалѣлъ ее, а она... Впрочемъ, я увѣренъ, что Найденка потому и заплакала, что прочитала на моемъ лицѣ, какъ она сильно оскорбила меня. Уничтоженный до послѣдней степени, не въ силахъ сдерживать слезы, я повернулся и пошелъ домой. Найденка заплакала громче. Я въ недоумѣніи остановился. Она притихла. Я опять пошелъ, она опять заплакала.

— Вѣдь я тебѣ ничего не сдѣлалъ,—проговорилъ я.

— Уйди!—взвизгнула дѣвочка и, поднявъ съ земли творогъ, яростно метнула имъ въ меня. Я пошелъ ужъ не оглядываясь и почти всю дорогу слышалъ за собой громкій плачь ея.

Послѣ этого у меня пропала всякая охота подружиться съ дѣвочкой, но интересъ къ ней нисколько не умалился. Я

видѣлъ въ ней много такого, чего ни въ комъ до сихъ поръ не встрѣчалъ. Кромѣ того, меня занимала ея дикая, красивая, съ косматой головой фигура, зеленые глаза, въ которые такъ хорошо и такъ жутко было смотрѣть, красивый характерный жестъ, которымъ она откидывала назадъ свои космы, и я по прежнему бѣгалъ на кладбище, чтобы по цѣлымъ часамъ наблюдать за ней.

XI.

Время близилось къ сѣнокошу. Лѣто стояло во всей красѣ. Было жарко и сухо. Найденка все время проводила на кладбищѣ, но вдругъ съ нѣкотораго времени перестала бывать тамъ. Оказалось, что Оксенъ за что-то побранила ее, и она съ того дня пропадала гдѣ-то за рѣкой, часто даже и ночевать не являлась. Только около полдень она прибѣгала поѣсть и снова убѣгала за рѣку.

Помню, какъ это поразило меня. Какой ничтожной букашкой казался я себѣ въ сравненіи съ этой беззащитной, почти вдвое моложе меня дѣвочкой. Она подавляла меня своей непостижимой смѣлостью. Добровольно ночевать одной на волѣ, можетъ быть, за рѣкой, куда ночью страшно было изъ окна смотрѣть, а можетъ быть, даже на кладбищѣ, у дѣдова памятника!.. Нѣтъ, это было недоступно моему пониманію. Въ моемъ представленіи кусты за рѣкой кишѣли волками и медвѣдями, а по кладбищу, постукивая костями, бродили скелеты въ саванахъ, съ черными впадинами вмѣсто глазъ. А пауки? А лягушки?.. Маленькая косматая фигурка съ зелеными глазами выросла передо мной въ гордую, величавую фигуру, недоступную никакимъ страхамъ.

Однажды, возвращаясь изъ-за рѣки, куда меня посылали за тальникомъ для починки корзины, я услышалъ въ кустахъ чей-то дѣтскій голосъ. „А ты сиди, пока цѣль“,—говорилъ кто-то. Я пошелъ на голосъ и какъ разъ наткнулся на Найденку. Откинувъ назадъ длинныя космы волосъ, она остановилась и смотрѣла на меня, какъ будто чего-то ожидая. Около нея съ жалобнымъ пискомъ вились двѣ птички. Въ рукахъ она держала собранные края подола.

— Ну, давай ватлюски-то,—проговорила она, слегка улыбувшись.

— Я не принесъ,—въ замѣшательствѣ отвѣчалъ я, вспыхнувъ, но чрезвычайно польщенный тѣмъ, что, наконецъ, она удостоила меня разговоромъ.

— А ты бы плинѣсь,—протянула недовольно Найденка.

Мое смущеніе увеличилось еще болѣе. Наступило молчаніе. Я стоялъ, какъ виноватый.

— Пойдемъ, — пригласила меня дѣвочка. Я покраснѣлъ еще болѣе: вѣдь это значило, что сбывались мои мечты. Мы выбрались на луговую дорогу и направились къ Дальней Гривѣ.

— Это у тебя что? — спросилъ я больше для того, чтобы завязать разговоръ.

— Питюськи, вонъ какія, — отвѣчала дѣвочка, распуская въ рукахъ концы подола. Тамъ барахтались штукъ пять еще не совсѣмъ оперившихся птенчиковъ. Одинъ былъ значительно больше другихъ, должно быть, кукушенокъ. Птички продолжали виться вокругъ насъ и жалобно пищали.

Мы пришли въ Дальнюю Гриву. „Смотри“, проговорила Найденка и вытряхнула птенчиковъ въ воду. Это было такъ неожиданно, что я невольно вскрикнулъ. Дѣвочка вопросительно вскинула на меня своими глазами, присѣла на корточки и спокойно стала наблюдать за трепыхавшимися птенчиками. Я тоже смотрѣлъ. Черезъ минуту всѣ птенцы плавали мертвыми, только одинъ слабо еще бился на большомъ листѣ кувшинки.

— Ну, тони сто ли? — проговорила Найденка, палкой погружая листъ въ воду. Птенчикъ разъ два трепыхнулся и сталъ неподвиженъ.

— Всѣ, — полупшепотомъ проговорила Найденка, поднимаясь на ноги, и вздохнула. Я тоже вздохнулъ. Откинувъ спадавшія напередъ космы, она посмотрѣла на меня пытливымъ, пристальнымъ взглядомъ. Ея глаза свѣтились такимъ, какъ мнѣ показалось, недобрымъ блескомъ, что я невольно отверлъ свой взглядъ въ сторону.

— Тебѣ заль? — спросила она.

— Нѣтъ, — совралъ я, рассчитывая угодить дѣвочкѣ.

— А мнѣ такъ заль, — къ моему великому удивленію проговорила Найденка, и снова повернулась къ утонувшимъ птенчикамъ. Она долго въ задумчивости переводила глаза съ одного птенца на другого, потомъ снова вздохнула и опять взглянула на меня.

— Это сколько? — спросила она, жестомъ головы указывая на птичьи трупы.

— Пять, — отвѣчалъ я.

— Да утломъ тли. Это сколько? Много?

— Много. За что ты ихъ?

— Такъ, — отвѣчала сухо и нехотя Найденка.

Между тѣмъ, птички все вились по кустамъ и жалобно пищали. Найденка долго молча водила за ними глазами, потомъ, вѣроятно наскуча ихъ пискомъ, выдернула изъ мо-

его пучка длинный пруть и начала за птичками охоту, старалась сбить ихъ. Сначала она хлестала по кустамъ довольно спокойно, но по мѣрѣ того, какъ число промаховъ увеличивалось, Найденка разгоралась болѣе и болѣе. Я видѣлъ, какъ сквозь густыя космы блестѣли ея глаза. Скоро она пришла въ какое-то изступленіе. На нее страшно было смотрѣть. Въ этотъ разъ мнѣ невольно пришло на мысль общее убѣжденіе, что она порченная.

— Бей и ты!—вдругъ крикнула она мнѣ, бѣшенымъ жестомъ откидывая назадъ свою гриву. Я вздрогнулъ. Наши взгляды встрѣтились, и я въ продолженіе нѣсколькихъ мгновений не могъ оторвать своихъ глазъ отъ ея. Ея глаза какъ будто брызгали какимъ-то огнемъ. Мнѣ сдѣлалось жутко, я взялъ пруть. Съ первыми же ударами бѣшеная ненависть къ птичкамъ сообщилась и мнѣ. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ мы, какъ сумасшедшіе, метались вокругъ озера, не замѣчая даже, что часто больно задѣвали другъ друга.

Наконецъ, птички перестали подпускать насъ близко. Найденка остановилась первая. Откинувъ назадъ свои космы, она съ невыразимой ненавистью смотрѣла на птичекъ, сцѣпивъ зубы и съ трудомъ переводя духъ отъ усталости. Глаза ея блестѣли, щеки горѣли, ноздри раздувались. На нее было страшно смотрѣть, но въ то же время она была чрезвычайно красива. Я тоже остановился. Вдругъ Найденка метнулась къ водѣ, повытаскала мертвыхъ птенцовъ на берегъ и стала топтать ихъ.

— Вотъ коли, вотъ коли!—задыхаясь твердила она. И я, едва ли сознавая, что дѣлалъ, тоже кинулся топтать уже истоптанныхъ въ грязь птенцовъ.

— Пойдемъ иссѣ!—проговорила Найденка, и мы побѣжали въ елошникъ отыскивать птичьи гнѣзда. Я забылъ и про нарѣзанные прутья, и про корзины, и про то, что мнѣ давно бы надо быть дома.

Не помню сейчасъ, удалось ли намъ въ этотъ день повторить живодерство.

Такъ началось мое болѣе близкое знакомство съ Найденкой.

XII.

Я воротился домой поздно въ смутномъ состояніи духа. Мнѣ и стыдно было вспомнить свое безумство на озерѣ, и въ то же время я испытывалъ удовольствіе отъ исполнившихся желаній подружиться съ Найденкой. Но всего сильнѣе было мое утомленіе отъ пережитыхъ за день новыхъ для меня и

сильныхъ ощущеній, такъ что я, не дождавшись ужина, легъ спать и тутъ же заснулъ.

Дома я никому не сказалъ о своей встрѣчѣ съ Найденкой.

Съ этого дня мы стали неразлучны. Каждый день, послѣ утренняго чая я отправлялся за рѣку и возвращался къ обѣду, а послѣ обѣда опять пропадалъ до ужина. Большею частью мы занимались набѣгами на птичьи гнѣзда и истязаніями мелкихъ животныхъ—птенцовъ, мышей, лягушекъ, жуковъ, червяковъ.

Не могу понять, какимъ образомъ я, при моей искренней симпатіи ко всему живущему, особенно къ птицамъ, могъ принимать участіе въ этомъ отвратительномъ живодерствѣ Найденки? Хотѣлъ ли я своей угодливостью скрасить ея заброшенность и одиночество; боялся ли на первыхъ же порахъ потерять съ такимъ трудомъ добытую дружбу, или, можетъ быть, то и другое,—трудно сказать.

Впрочемъ, какъ ни отвратительно живодерство само по себѣ—оно чрезвычайно увлекательно. Въ немъ есть своя поэзія, какъ она есть въ бессмысленныхъ хлыстовскихъ радѣньяхъ, въ стремительныхъ атакахъ на непріятеля, въ пляскѣ, въ музыкѣ, во всемъ, что бьетъ по нервамъ, ускоряетъ пульсъ—что снимаетъ съ человѣка контроль собственнаго разсудка. Вотъ это состояніе—внѣ контроля разсудка—и составляетъ суть этой поэзіи, кульминаціонный пунктъ наслажденія. При живодерствѣ нервы достигаютъ крайней степени напряженія, разсудокъ меркнетъ, сердце горитъ ненавистью; конвульсіи и крики страданія возбуждаютъ не жалость, а злобу и жажду зла. Чѣмъ человѣкъ слабонервнѣе и впечатлительнѣе, тѣмъ скорѣе и легче онъ отдается этому состоянію, и тѣмъ полнѣе его ощущенія. Поэтому дитя болѣе склонно къ живодерству, чѣмъ взрослый, и женщина—болѣе, чѣмъ мужчина; отсюда, вѣроятно, и мачихи всѣхъ мѣсть, временъ и народовъ, да, вѣроятно, и Нероны съ Калигулами.

Въ то же время живодерство не есть признакъ жестоко-сердія. Живодерствомъ можно увлечься, имѣя доброе сердце, хотя, конечно, подъ влияніемъ его человѣкъ ожесточается и черствѣетъ.

И у Найденки было доброе сердце... Однажды, во время уборки сѣна одинъ крестьянинъ вывозилъ на дорогу возъ сѣна съ кочковатаго, болотистаго луга за рѣкой. Видно было, какъ бѣдная лошадь напрягала свои силы и, наконецъ, встала. Крестьянинъ погонялъ лошадь сначала кнутомъ, потомъ кнутовищемъ. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ снять возъ съ мѣста, лошадь встала, какъ вкопанная. Крестьянинъ разсвирѣпѣлъ и началъ хлестать ее по мордѣ. Бѣдняга только отфыркивалась, стараясь всячески уклониться отъ ударовъ, но не

сдѣлала ни одной попытки сдвинуть возъ. Крестьянинъ не удовольствовался кнутомъ и сталъ бить ее возжами, потомъ кулаками по мордѣ. Бѣдная лошадь отчаянно билась въ оглобляхъ. Мы съ Найденкой стояли неподалеку въ кустахъ и молча наблюдали эту возмутительную сцену. Съ самаго начала ея дѣвочка обнаружила сильное безпокойство. Одновременно съ лошадью она вздрагивала отъ ударовъ, невольно повторяя всѣ ея движенія. Когда мужикъ началъ бить лошадь кулаками по мордѣ, и она заметалась въ стороны, Найденка съ громкимъ крикомъ бросилась туда, подбѣжала къ возу и прерывающимся отъ плача голосомъ, топая ногами, что-то стала кричать мужику. Мужикъ на минуту остановился и, вѣроятно, разозлившись еще болѣе на непрошенное заступничество, началъ бить лошадь еще ожесточеннѣе. Найденка заверещала во весь голосъ и, подбѣжавъ къ мужику вплотъ, энергически плюнула на него и убѣжала назадъ. Весь остальной день она не могла успокоиться отъ волненія.

Но своихъ жестокостей она не прекращала.

Какъ-то вскорѣ послѣ нашего знакомства мы на старой водяной мельницѣ достали большого галченка и начали трепать его. Онъ кричалъ отчаянно, и на крикъ его слетѣлась огромная стая галокъ. Онѣ съ оглушительнымъ карканьемъ и угрожающими намѣреніями стали козырять въ насъ, собираясь напасть. Я струсиль и хотѣлъ бросить имъ галченка, а потомъ искать спасенія въ бѣгствѣ, но Найденка вцѣпилась въ птенца обѣими руками и ни за что не хотѣла разстаться съ нимъ. Видимо, она была возбуждена крикомъ галокъ и озиалась на нихъ. До крайней степени раздраженный карканьемъ, испуганный козыраниемъ галокъ и возмущенный упрямствомъ Найденки въ виду явной опасности, я опрокинулъ ее на траву и началъ отнимать галченка. Галки воспользовались нашей междуусобицей, и я ощутилъ нѣсколько довольно чувствительныхъ ударовъ въ голову. Тутъ я окончательно озилился и съ размаху ударилъ Найденку по лицу, а потомъ, оставивъ своего беззащитнаго, мной же самымъ избитаго друга въ жертву разъяренныхъ птицъ, обратился въ позорное бѣгство. Нѣсколько галокъ кинулось за мной и, напугавъ меня двумя-тремя тычками, отступились. Смятеніе мое было настолько велико, что я бѣжалъ до самаго села, ни разу не оглянувшись. Когда я оправился отъ испуга, меня тотчасъ началъ давить стыдъ и страхъ за Найденку. Невозможно было допустить, чтобы она дешево отдѣлалась отъ галокъ. Но еще больше терзало меня раскаяніе въ томъ, что я ударилъ ее. Я мѣста не находилъ отъ тоски, но идти за рѣку узнать, что случилось съ дѣвочкой, у меня не хватало рѣшимости.

„Вдругъ галки заклевали ее до смерти“,—думалъ я съ ужасомъ. Наконецъ, я не выдержалъ и съ трепетнымъ сердцемъ отправился за рѣку. Еще издали я замѣтилъ Найденку на валу и чрезвычайно обрадовался. У меня не было ни малѣйшей надежды воротить ея дружбу, не было даже намѣренія показываться ей. Обнявъ руками колѣна и слегка покачиваясь, дѣвочка сидѣла лицомъ къ лѣсу и что-то уныло мурлыкала. Ея сиротливость и одиночество возбуждало столько жалости, ея мурлыканье было такъ тоскливо, что мое раскаяніе становилось невыносимо, и слезы сами катились изъ моихъ глазъ. Я прокрался къ самому озеру и изъ кустовъ наблюдалъ за дѣвочкой. Вдругъ она поднялась съ мѣста и направилась къ озеру, и прежде, чѣмъ я успѣлъ спрятаться, мы стояли другъ противъ друга. Откинувъ назадъ свои космы, Найденка на мгновеніе остановилась. Лицо и руки ея были сплошь исцарапаны и исклеваны, лѣвый глазъ покраснѣлъ, и вокругъ него начиналъ образовываться сичнякъ.

— Ты вонъ какъ меня,—незлобиво, но съ упрекомъ проговорила она, показывая на глазъ.

— Прости меня, прости меня!—кинулся я къ ней, задыхаясь отъ слезъ. Какъ безумный, я обнималъ ее и цѣловалъ ея лицо, шею, руки. Плакала и она и сквозь слезы обидчиво рассказывала, какъ у нея посыпались искры изъ глазъ отъ удара, какъ ее клевали галки и какъ ей было больно. Минуть черезъ десять всѣ обиды были забыты, слезы высохли, и мы снова беззаботно рыскали по кустамъ.

XIII.

Съ этого случая я и попалъ въ кабалу. Хотя Найденка даже не вспоминала про свою обиду, тѣмъ не менѣе я чувствовалъ себя слишкомъ виноватымъ передъ ней. Синее пятно подъ глазомъ у нея въ продолженіе нѣсколькихъ дней служило мнѣ постояннымъ напоминаніемъ и упрекомъ. Найденка ни разу не упрекнула меня, но у меня была потребность чѣмъ-нибудь искупить свою вину передъ ней. Для успокоенія совѣсти я пользовался каждымъ случаемъ сдѣлать дѣвчкѣ пріятное: предупреждалъ каждое ея желаніе, былъ нѣженъ, какъ только могъ, приносилъ ей изъ дома свою долю отъ всего, что могъ скрыть за обѣдомъ или во время чая. Вотъ это послѣднее обстоятельство и сдѣлалось для меня казнью.

Дѣвочку очень разлакомили мои приношенія, что, впрочемъ, и понятно, потому что у Оксена даже ситный хлѣбъ

быть уже лакомствомъ. Особенно любила она сахаръ и сырыя яйца, которыя пила прямо—безъ хлѣба и соли.

Какъ-то очень скоро она перестала довольствоваться тѣмъ, что я приносилъ ей, и уже сама стала назначать, что я долженъ былъ принести. Я воровалъ и приносилъ. Если случалось, что я приносилъ что-нибудь, другое, она тутъ же бросала на землю и сердилась на меня по цѣлымъ днямъ.

На первыхъ порахъ мое воровство меня особенно беспокоило, но потомъ стало мучить такъ, что я подчасъ не находилъ себѣ мѣста. Къ этому прибавилось и другое.

Послѣ того, какъ галки задали намъ трепку, всѣ вообще птицы стали для насъ заклятыми врагами. Мы объявили имъ беспощадную войну, и всѣ галочки и голубиныя гнѣзда на старой водяной мельницѣ и на сосѣднихъ съ ней деревьяхъ безъ всякой жалости зорили, а птенцовъ подвергали самымъ ужаснымъ истязаніямъ. Я попрежнему былъ лишь орудіемъ въ рукахъ дѣвочки. Мое участіе выражалось главнымъ образомъ въ добываніи гнѣздъ съ птенцами. Найденка же была настоящій демонъ самаго свирѣпаго, самаго возмутительнаго живодерства. Она рвала, раздирала, ощипывала, ломала съ непостижимымъ ожесточеніемъ. И какъ при этомъ искажалось ея лицо! По этому лицу можно было слѣдить за всѣми перипетіями боли, какую должны были испытывать ея жертвы. Временами она впадала въ какое-то изступленіе, и тогда мнѣ казалось, что она дѣйствительно порченная. Въ эти минуты она внушала мнѣ страхъ и даже отвращеніе. Часто ея собственныя ощущенія до такой степени утомляли ее, что она валилась на траву и по нѣсколькимъ минутъ лежала, съ закрытыми глазами, блѣдная, угрюмая, капризная.

Вотъ это живодерство вмѣстѣ съ сознаніемъ гадости и преступности нашей забавы и прибавилось къ моимъ прежнимъ терзаніямъ. Хотя я всячески воздерживался отъ живодерства и ограничивался лишь добываніемъ гнѣздъ и птенцовъ въ угоду дѣвочки, тѣмъ не менѣе это не ограждало мою нервную систему отъ крайняго возбужденія и напряженнаго состоянія, такъ какъ не быть свидѣтелемъ живодерства Найденки я все же не могъ, а это несравненно тяжелѣе самаго живодерства. Насколько увлекательно одно, настолько омерзительно другое, и нервы возбуждаются и напрягаются гораздо сильнѣе. Когда, бывало, Найденка на моихъ глазахъ трепала и рвала свои злополучныя жертвы, у меня невольно сжимались кулаки, и я порывался избить ее въ воздаяніе за возмутительную жестокость; и только не умолкшее еще раскаяніе за тотъ ударъ по лицу спасало ее отъ возмездія, которое было бы ужасно по своей беспощадности. Этотъ порывъ возмездія бывалъ иногда настолько силенъ, что я, чтобы не

поддаться искушенію и заглушить злобу и ненависть къ дѣвочкѣ, принималъ самъ участіе въ истязаніи.

ХІІІ.

Между тѣмъ, мое нервное, напряженное состояніе увеличивалось со дня на день. Я помню, какъ, измученный рысканіемъ по кустамъ и пережитыми за день ощущеніями въ качествѣ невольнаго зрителя живодерства Найденки, я не могъ сомкнуть глазъ. Воображеніе съ ясностью дѣйствительности воспроизводило картины предсмертныхъ судорогъ и конвульсій несчастныхъ птенцовъ. Мнѣ чудилось шуршаніе травы, когда они бились въ послѣднихъ корчахъ; я слышалъ трескъ ихъ хрящей и костей; я ощущалъ горячее, учащенное дыханіе Найденки; я, видѣлъ ея искаженное лицо съ горящими зелеными глазами. Когда подъ утро, измученный галлюцинаціей, я, наконецъ, впадалъ въ забытіе и засыпалъ, мнѣ снилось что-нибудь до такой степени ужасное, что я вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ и вскакивалъ съ постели съ проступавшими на лбу крупными каплями пота. И опять длинной вереницей, одна за другой, проходили передо мной картины пережитой, пережитой дѣйствительности.

Еще болѣе мучило меня мое воровство. Дома уже нѣсколько разъ замѣчали пропажу яицъ изъ гнѣздъ, и крысамъ попадало—таки отъ бабушки изрядно. Она обратилась къ помощи мышьяка и уморила двухъ куръ, а яйца все пропадали. Ярости бабушки не было границъ. Проклятія и пожеланія самаго смертоноснаго содержанія сыпались по адресу крысъ каждое утро въ такомъ изобиліи, что мнѣ становилось страшно при мысли, какъ бы всѣ они не обратились на меня. Мать однаждыхватила большого куска сахара, который одинъ оставался въ сахарницѣ и который я укралъ для Найденки ночью. Сознаніе, что я—воръ, грызло меня каждую минуту. Воръ... воръ... воръ... твердилъ мнѣ даже часовой маятникъ. Я окутывался съ головой, зарывался въ подушки и прислушивался. Воръ.. воръ... воръ... воръ... твердилъ назойливо маятникъ. Я прокрадывался въ залу и останавливалъ часы. Всѣ были въ недоумѣніи — отчего вдругъ часы стали останавливаться. Занимало всѣхъ то, что они останавливались только ночью. Было рѣшено, что часы испортились, и ихъ отослали верстъ за пятнадцать чинить. Я былъ чрезвычайно радъ этому...

Терааемый раскаяніемъ за воровство, я заливался горькими слезами, отъ души проклиная Найденку, а на утро опять что-нибудь красть и убѣгалъ за рѣку. Каждый разъ,

когда подходило время возвращаться домой, сердце у меня съ болью сжималось. „А что, если дома узнали, что я укралъ?“—думалъ я, холодѣя при одной мысли объ этомъ.

Но и это еще не все: у меня былъ еще одинъ источникъ терзаній.

Какъ я уже говорилъ, я самымъ тщательнымъ образомъ скрывалъ свои симпатіи къ Найденкѣ и свою неестественную дружбу съ ней, потому что понималъ, какой нелѣпостью она должна была казаться всѣмъ. Да это и не была дружба. Это была тираннія пяти или шестилѣтней своенравной и капризной замарашки надъ девятилѣтнимъ мальчуганомъ. Она распоряжалась мной, какъ сказочная принцесса своимъ личардой. Моей инициативы не было ни въ чемъ, я былъ лишь исполнителемъ ея воли. Это чрезвычайно оскорбляло мое самолюбіе.

При той свободѣ, какая предоставляется въ деревнѣ дѣтямъ, скрывать отъ домашнихъ свои отношенія къ дѣвчонкѣ было немудрено. Труднѣе было укрыться отъ глазъ постороннихъ, особенно ребятишекъ, и они начинали уже дразнить меня Найденкой. Взрослые, главнымъ образомъ бабы, когда встрѣчали насъ вмѣстѣ, тоже начинали посмѣиваться и, не стѣняясь нашимъ возрастомъ, отпускали такія остроты, что я краснѣлъ до самыхъ пятъ.

Мою потерянность и постоянное тревожное состояніе стали замѣчать и дома, и мать нѣсколько разъ приступала съ разспросами: что со мной, здоровъ ли я, гдѣ пропадаютъ цѣлые дни. Я былъ такъ подавленъ сознаніемъ своей преступности, казался самому себѣ такимъ гнуснымъ, жалкимъ, что не выносилъ никакого участія къ себѣ, и старался какъ можно меньше попадаться на глаза и обращать на себя вниманіе. Подъ конецъ постоянный страхъ, что всѣ мои тайныя дѣла объявятся, достигъ чрезвычайнаго напряженія, и я почти совсѣмъ пересталъ спать по ночамъ. Временами въ мои безсонницы на меня нападалъ такой ужасъ, что я садился у чьей-нибудь постели и дожидался, когда разсвѣтетъ.

XIV.

Была середина лѣта, начало ржаного жнитва.

Однажды, поднявшись довольно поздно, должно быть, послѣ одной изъ мучительныхъ, безсонныхъ ночей, я отправился въ Дальнюю Гриву уже послѣ обѣда. Еще издали до меня донеслось мяуканіе кошки и звенящій, такъ хорошо знакомый мнѣ голосъ Найденки. „Вотъ тебѣ! вотъ тебѣ!“—вердила она, сопровождая свои слова рѣзкими ударами. Я

вбѣжалъ за кусты и—Боже мой, что я увидалъ! Нашъ красавецъ котъ, сѣрой, чуднаго рисунка, шерсти, любимецъ мамы и бабушки, закадычный другъ сестры Маруси, совершенно мокрый, съ рубцами поперекъ спины, припавъ къ землѣ, торопливо лапами теръ свое рыльце, какъ будто стараясь отъ чего-то освободиться. Въмѣсто ясныхъ глазъ у него были кровавыя язвы. Найденка, страшно испаранная, стояла надъ нимъ съ толстымъ прутомъ и съ плеча била его по спинѣ.

Въ первое мгновеніе я бросился было на нее, но удержался и, схвативъ кота на руки, побѣжалъ съ нимъ домой. Котъ продолжалъ жалобно мяукать. Я бѣжалъ изо всѣхъ силъ, чтобы не слышать его мяуканія. „Какъ я принесу его домой?“—вдругъ родился у меня вопросъ. Я невольно остановился и поглядѣлъ на кота. Въ одно мгновеніе мнѣ представилось, какъ разсердится бабушка, нахмурится отецъ, заплачетъ Маруся, какъ всплеснетъ руками и ахнетъ мать, какъ жалобно она будетъ причитать надъ нимъ, и двѣ слезинки потекутъ по ея блѣднымъ щекамъ. „Никакъ нельзя!“—прошепталъ я въ отчаяніи. У меня мелькнула мысль... „Конечно“, подумалъ я въ отвѣтъ на нее и помчался дальше. Добѣжавши до плотины, я махнулъ кота въ воду и съ крикомъ, заткнувъ уши, чтобы не слышать плеска при паденіи, понесся, какъ сумасшедшій.

Я побѣжалъ не домой, а мимо кладбища, поднялся въ яровыя поля на рубежъ, который тянулся на версту въ глубь и упирался въ широкій оврагъ. Весь рубежъ до самаго оврага пробѣжалъ я бѣгомъ, какъ будто спасаясь отъ погони. Я дѣйствительно спасался, но отъ себя, отъ своихъ собственныхъ ощущеній.

Здѣсь было совершенно тихо—ни одной души: весь народъ работалъ въ ржаныхъ поляхъ. Я въ изнеможеніи растянулся на краю оврага. Окружающая тишина и безлюдье возбудили во мнѣ чувство одиночества, покинутости. Мнѣ стало нестерпимо жаль себя, и я разразился слезами. Послѣ слезъ я всегда чувствовалъ себя спокойнѣе и легче, но въ то же время утомлялся настолько, что всегда засыпалъ. И въ этотъ разъ я тоже заснулъ.

Было часовъ семь, когда я проснулся. Солнце висѣло надъ самымъ горизонтомъ и ужъ не пекло. Кругомъ было такъ хорошо, какъ бываетъ вечеромъ послѣ душнаго, жаркаго дня. Ни откуда не доносилось ни единого звука. Я бодро поднялся на ноги, но лишь только вспомнилъ про кота, сердце у меня сжалось, и я почти упалъ на траву.

Раздумывая о случившемся, я пришелъ къ совершенно неожиданному для себя выводу: вся бѣда, казалось мнѣ, за-

ключается не въ томъ, что Найденка ослѣпила его, а въ томъ, что я бросилъ его въ омутъ. Кто ему выкололъ глаза, можно было и не говорить; а главное — я-то самъ былъ не виновать въ этомъ! А теперь... могутъ даже подумать, что это я его ослѣпилъ, а потомъ и бросилъ въ омутъ. Я испугался своего открытія. Мнѣ живо представилось, какъ хорошо было бы, если бы я не сдѣлалъ этого. „Теперь я могъ быть за рѣкой, могъ бы быть дома спокойный, веселый, разсуждалъ я.— Затѣмъ я бросилъ его“?..

— А можетъ быть онъ не утонулъ?..—Богъ вѣсть какъ и откуда мелькнула у меня надежда. Я встрепенулся и въ слѣдующую секунду со всѣхъ ногъ неся мимо огородовъ на рѣку, къ плотинѣ. Мной овладѣлъ безумный восторгъ при одной мысли о такой возможности.

Вотъ плотина. Еще издали я сталъ прислушиваться, задерживая дыханіе,—не услышу ли мяуканья, но было тихо. Я остановился шагахъ въ 10-ти отъ спуска, не рѣшаясь разомъ разрѣшить вопросъ... На рѣкѣ не было ни души, не слышалось не одинаго звука, похожаго на мяуканье. Въ кустахъ скрипѣли коростели, въ заводяхъ квакали и булькали лягушки, изъ села доносились послѣдніе вечерніе звуки—скрипѣли ворота, на выгонѣ блеяла запоздавшая овца, кого-то звали ужинать, гдѣ-то ревѣлъ ребенокъ, но громче всѣхъ билось мое сердце. Я спустился къ омуту, къ тому мѣсту, гдѣ бросилъ кота. Тутъ было совсѣмъ темно. Я нагнулся къ самой водѣ... Неужели его нѣтъ?! Нѣтъ, вотъ онъ... Сердце упало... Можетъ быть, это не онъ? Я досталъ изъ воды палку и потрогалъ. Конечно, онъ!.. Можетъ быть, онъ еще живъ? Я впился глазами въ чернѣвшій, еле видный въ водѣ трупъ и ждалъ, что вотъ онъ сейчасъ заворочается. Онъ, конечно, не заворочался.

Собственно я былъ увѣренъ, что онъ утонулъ. Онъ даже и не могъ не утонуть, потому что палки, щепки и всякій хламъ помѣшали бы выбраться даже собакѣ. Въ досадѣ бросилъ я въ кота палкой и побрелъ домой. Теперь меня охватило ожесточеніе и злоба на себя, на все и на всѣхъ.

Когда я подходилъ къ дому, у окна стоялъ дьячекъ Павлычъ и о чемъ-то разговаривалъ съ отцомъ; мать въ залѣ зажигала лампу. Изъ воротъ вышла Маруся и, завидя меня, остановилась.

— Коля, не видалъ ли Котю?—плаксиво спросила она меня.

— Вашего кота я видѣлъ даве утромъ на рѣкѣ у мельницы,—отвѣчалъ за меня Павлычъ...

У меня снова мелькнула мысль убѣжать, скрыться, исчезнуть. Я чувствовалъ, что чрезвычайно поблѣднѣлъ и, не

отвѣтивъ Марусѣ, прошелъ на крыльцо. Минувъ кухню, я другой дверью прокрался въ прихожую, гдѣ стояла моя кровать, и легъ въ постель. Я лежалъ въ полнѣйшемъ изнеможеніи, замирая отъ страха, что вотъ сейчасъ меня позовутъ ужинать; я откажусь, и начнутся разспросы—что, да отчего, да какъ? Ахъ, какъ мнѣ хотѣлось, чтобы обо мнѣ всѣ забыли. Вотъ кто-то идетъ... мама!

— А ужинать-то?—спросила она, присаживаясь ко мнѣ на кровать и, сжавъ между ладонями рукъ мое лицо, вплоть припала ко мнѣ своимъ лицомъ, какъ дѣлала всегда, когда ласкала насъ въ свои добрыя минуты.

И не успѣлъ я отвѣтить ей, какъ гдѣ-то далеко-далеко, въ самомъ потаенномъ уголкѣ сердца, что-то какъ будто екнуло, потомъ стало быстро расти, подступило къ горлу, стѣснило дыханіе, и я, уткнувшись ей въ колѣна, зарыдалъ.

— Ну, что такое? Что случилось?—встревожилась мать. Я не отвѣчалъ, будучи не въ состояніи изъ-за душившихъ меня слезъ выговорить ни единого слова. Такъ какъ такіе приступы слезъ случались со мной и прежде, то мать по-немногу успокоилась. Слегка покачиваясь, какъ будто убаюкивая меня, она блуждала своими мягкими, глядкими, теплыми руками по моему лицу, по шеѣ, по волосамъ легко, пріятно, успокаивающе и терпѣливо ждала, когда кончится мой припадокъ. Но мнѣ было такъ хорошо, такъ легко и свѣтло становилось на душѣ, что я, хотя и успокоился, не отпускалъ ее отъ себя, крѣпко обхвативъ руками и уткнувшись лицомъ въ колѣна. И какъ горѣло мое сердце, какъ хотѣлось мнѣ раскрыть его передъ ней—изболѣвшее, изстрадавшееся безъ ея теплой, умиротворяющей ласки! Но мы были не одни.

Насъ ужъ нѣсколько разъ звали ужинать.

— Ну, что, ничего не скажешь?—спросила она, нагибаясь надо мной.

— Нѣтъ, мамочка, завтра,—отвѣчалъ я.

— Ну, ладно, завтра. А ужинать?

— Нѣтъ.

— Ну, спи, Христосъ съ тобой.—Она перекрестила меня и ушла. Я тотчасъ же заснулъ и за все лѣто ни одной ночи не спалъ такъ крѣпко, какъ эту.

XV.

На утро я проснулся позже всѣхъ. Въ домѣ было тихо. Изъ сада черезъ открытое зальное окно слышался говоръ и плачь. Я кинулся къ окну. Подъ большой черемухой, на

своемъ излюбленномъ мѣстѣ, сидѣла съ шитьемъ на колѣняхъ мать; около нея стояли бабушка и Маруся. Маруся плакала и рукавами утирала слезы, бабушка о чемъ-то громко говорила, быстро и широко размахивая руками, что бывало съ ней, когда она была взволнована. Я прислушался и обмеръ, вдругъ вспомнивъ обстоятельства вчерашняго дня и то, что предстоитъ мнѣ пережить за нынѣшній день. Меня опять начала давить тоска. Насколько наканунѣ вечеромъ я горѣлъ желаніемъ исповѣдать передъ матерью свои грѣхи, настолько теперь я желалъ какъ можно дальше отодвинуть эту страшную минуту. Ужъ я раскаивался, что обѣщалъ ей все рассказать, и у меня мелькнула мысль убѣжать. „Нѣтъ, ужъ лучше сейчасъ!“—рѣшилъ я и, точно съ гири на ногахъ, направился къ матери.

— А-ай, до какихъ поръ!—завидя меня, шутливо проговорила мать. Но по тону ея голоса и по лицу я сразу замѣтилъ, что ей не по себѣ. Я подошелъ.

— Ну, что? Выспался ли?—спросила она, зорко всматриваясь мнѣ въ лицо.

— Выспался,—отвѣчалъ я.

— А нашего-то Котика... утопилъ кто-то!—проговорила мать, кручинно покачавъ головой, и глаза ея блеснули слезами.

Въ груди у меня какъ будто закипѣло, стѣснило дыханіе, сдавило горло, ручьемъ брызнули слезы, и я, какъ и наканунѣ, уткнувшись ей въ колѣни, началъ свой покаянный рассказъ. Мнѣ хотѣлось скорѣе облегчить свою совѣсть, поэтому я торопился, путаясь и перескакивая съ одного на другое, то и дѣло не находя словъ. Я рассказалъ и то, какъ мы съ Найденкой зорили гнѣзда и мучили птенцовъ, и какъ я воровалъ, и какъ меня за это терзала совѣсть, и какъ я мучаюсь по ночамъ, и какой страхъ нападаетъ на меня въ мои безсонницы.

Какъ и наканунѣ у меня на постели, слегка покачиваясь и блуждая руками по моей головѣ, мать слушала, лишь изрѣдка прерывая меня вопросами.

Я кончилъ и ждалъ.

— Бѣдненькій ты мой!—съ невыразимымъ чувствомъ проговорила мать, приподнявъ съ колѣнъ мою голову. И, сжавъ между ладонями рукъ мое мокрое отъ слезъ лицо, она припала ко мнѣ вплоть, обдавая меня горячимъ дыханіемъ. Ея глаза были полны слезъ.

Конечно, я не ждалъ ни брани, ни даже упрековъ, но столько въ словахъ „бѣдненькій ты мой“ заключалось любви и ласки, столько сочувствія ко мнѣ, что у меня снова брызнули слезы, и я, какъ безумный, бросился цѣловать ея руки,

лицо, платье. Но ужъ это были другія слезы—не сердечной боли, не измученной совѣсти, а чувствъ и ощущеній иного порядка: тутъ была и радость отъ облегченія, и благодарность за это облегченіе и за то, что меня пожалѣли, и жалость къ самому себѣ, потому что вѣдь я дѣйствительно былъ „бѣдненькій“ и понималъ это, какъ нельзя болѣе.

Долго сидѣли мы съ матерью подъ старой черемухой и разговаривали. Мать очень заинтересовалась Найденкой и много спрашивала меня про нее. Время близилось къ обѣду. Вдругъ у садовой калитки показалась бабушка.

— Мама, я уйду?—проговорилъ я.

— А-а!—засмѣялась мать.—Ну, поди искупайся и приходи обѣдать. Смотри же, непременно.

Я юркнулъ въ вишенникъ, прокрался къ калиткѣ и побѣжалъ на рѣку.

Когда я вернулся, обѣдъ былъ уже готовъ. Цѣлую бы недѣлю я согласился не ѣсть, только бы не обѣдать въ этотъ день. Точно связанный, сѣлъ я за столъ на свое обычное мѣсто, около матери, не смѣя поднять глазъ.

— Что больно присмирѣлъ? Вотъ, вмѣсто шей-то, березовой бы лапшей угостить,—сообщила бабушка.

— Слѣдуетъ,—подтвердилъ и отецъ.

Но бабушкины филиппики, даже приправленные лаконическими комментаріями отца, теперь меня не смущали. Нѣсколько иначе обстояло дѣло съ Марусей. Она поклялась отмстить за котика, переломать всѣ мои вещи и избить Найденку.

Послѣ обѣда мы отправились съ ней на рѣку почтить вниманіемъ такъ трагически и столь безвременно погибшаго друга. Котъ мирно плавалъ на томъ же мѣстѣ, раздѣляя одинаковую долю съ разбитымъ лаптемъ, палками, щепками и прочимъ хламомъ.

— Милый Котя!—съ искренней грустью проговорила Маруся, потрогивая кота палкой, и изъ глазъ ея текли слезы...

Когда мы направились домой и поднялись на плотину, навстрѣчу намъ совершенно неожиданно вышла Найденка. Вѣроятно, она шла къ Оксену поѣсть.

— Ты зачѣмъ нашему коту глаза выколола?—коршуномъ налетѣла на нее Маруся и той самой палкой, которой помогала мнѣ вытаскивать изъ воды кота, больно ударила дѣвочку по плечу. Найденка откинула назадъ свои космы, скользнула глазами по Марусѣ, остановилась на мнѣ не то съ упрекомъ, не то чего-то ожидая и, поникнувъ мохнатой головой, побрела дальше.

— Ну, зачѣмъ ты ее?..—упрекнулъ я Марусю.

— А она зачѣмъ кота-то?..—проговорила Маруся, въ сму-

щеніи провожая дѣвочку глазами. Вслѣдъ за Найденкой двинулись и мы и до самаго дома не перемолвились ни однимъ словомъ, каждый думая свои думы.

XVI.

Наступила ночь. Все давно спало, одинъ я опять мучился безсонницей. Взглядъ зеленоватыхъ глазъ съ упрекомъ стоялъ передо мной, смотрѣлъ на меня изъ всѣхъ угловъ, жегъ меня. Я въ тысячный разъ перебиралъ въ памяти подробности встрѣчи на плотинѣ, искалъ свою вину по отношенію къ Найденкѣ и не находилъ ея. Не предвидя конца своей безсонницѣ, я пошелъ въ залу, къ окну, у котораго короталъ большую часть своихъ безсонныхъ ночей. Оно выходило на улицу.

Было совсѣмъ темно. Небо заволокло облаками. Отъ поры до поры налеталъ легкій вѣтеръ, и большая трехствольная рябина въ палисадникѣ передъ окнами мягко и густо шептала. Вдругъ я услышалъ шорохъ, и вслѣдъ затѣмъ въ темнотѣ обрисовалась подъ окномъ такъ хорошо знакомая мнѣ фигурка Найденки.

— Это ты?—встрепенулся я отъ радости, вскакивая на подоконникъ. Найденка вдругъ беззвучно исчезла, точно растаяла. Я выпрыгнулъ изъ окна на улицу и увидаль, какъ она скользнула темнымъ пятномъ на бѣломъ фонѣ ограды мимо церкви, къ спуску на кочкарникъ. Не отдавая себѣ отчета зачѣмъ, я пустился догонять ее. Найденка спустилась на кочкарникъ и прямикомъ черезъ выгонъ понеслась къ плотинѣ, нимало не стѣсняясь ни темнотой, ни кочками, точно бѣжала днемъ по ровному мѣсту. Съ первыхъ же шаговъ она далеко оставила меня. Я бѣжалъ робко, нерѣшительно, отступаясь и запинаясь за кочки, и давно уже не видѣлъ ее передъ собой.

Добѣжавъ до плотины, я остановился. Тамъ было такъ темно и страшно, что у меня не хватало рѣшимости перейти на ту сторону. Я прислушивался къ шелесту кустовъ за рѣкой и чего-то ждалъ

— Я съ то-бой не длю-зууусь!..—вдругъ звонкимъ и протяжнымъ речитативомъ прокатилось вдали за рѣкой, то замирая, то усиливаясь, точно вѣтеръ, забавляясь, бросалъ и ловилъ по широкой болотинѣ отдѣльные слоги. И опять все затихло, только вѣтеръ шумѣлъ, перебѣгая отъ куста къ кусту.

Я воротился домой подъ впечатлѣніемъ самыхъ разнообразныхъ ощущеній. Мнѣ было и обидно на Найденку, и

жаль дружбы съ ней, и досадно на Марусю, избившую Найденку, и на себя за то, что я бѣжалъ за дѣвочкой. Дѣйствительно, зачѣмъ я бѣжалъ? Чего я хотѣлъ? Что бы сдѣлать, если бы догналъ ее? Между тѣмъ Найденка, очень естественно, подумала, что и я тоже хочу ее прибить.

Съ этой же ночи я началъ сильно скучать о Найденкѣ. Меня неудержимо тянуло за рѣку. Звонкій крикъ надъ широкой болотиной съ утра до вечера стоялъ у меня въ ушахъ. Прокравшись кустами къ Дальней Гривѣ, я, какъ бывало на кладбищѣ, по цѣлымъ часамъ терпѣливо наблюдалъ за дѣвочкой. Теперь я уже ни разу не заставлялъ ее за живодерствомъ; она предавалась самымъ безобиднымъ занятіямъ: лѣпила изъ глины запруды у берега озера, болталась въ водѣ, бродила по лугамъ, безцѣльно слоняясь отъ стога къ стогу и постоянно что-нибудь мурлыча въ полголоса—не то пѣсни, не то—что взбредетъ въ голову. Я нѣсколько разъ порывался къ ней, но что-то удерживало меня на мѣстѣ. И я также незамѣтно уходилъ домой.

XVII.

Быль самый разгаръ ярового жнитва. Однажды послѣ обѣда насъ съ Марусей послали на полосу за зеленымъ горохомъ. Наша полоса находилась по изволоку выше кладбища. Маруся нарвала немного и понесла домой. Нѣсколько спустя и я собрался уходить, какъ вдругъ увидѣлъ, что—мимо капустниковъ поднимается къ кладбищу Найденка. Не желая быть замѣченнымъ ею, я ползкомъ подобрался къ толстой березѣ, и прежде служившей мнѣ пунктомъ для наблюденій за Найденкой, и спрятался. Дойдя до дороги, которая мимо кладбища вела на нашъ поповскій порядокъ, Найденка вдругъ свернула въ сторону и остановилась. Теперь только я увидалъ, что въ углу кладбища, на самомъ краю канавы, навзничъ лежала какая-то женщина. Дѣвочка на минуту какъ будто задумалась, потомъ обошла кругомъ лежащей, снова остановилась и оглянулась...

Кругомъ не было никого, и я притаился въ нѣсколькихъ шагахъ, не отдавая еще себѣ отчета въ происходящемъ. Отбѣжавъ на дорогу, она нагребла въ подолъ пыли и, прежде чѣмъ я успѣлъ сообразить, что она хочетъ сдѣлать, вытряхнула пыль на лицо женщины. Я оцѣпенѣлъ отъ ужаса. Раздался невнятный крикъ. Женщина, повидимому пьяная, безсильно взмахнула руками, закашляла, забилась. У меня потемнѣло въ глазахъ...

Когда я очнулся, Найденки не было, женщина лежала на томъ же мѣстѣ, но уже въ другомъ положеніи.

Я побѣжалъ домой, не находя мѣста отъ гнетущей тоски, точно сдѣлалъ это я самъ. Мнѣ поминутно слышался подавленный крикъ и кашель... Я прокрался на сѣноваль и сталъ ждать. По моему предчувствію должно было произойти что-то чрезвычайное, что-то такое, что я непременно услышу съ сѣновала, и въ ожиданіи меня охватывала нервная дрожь. Мнѣ мучительно хотѣлось раздѣлить съ кѣмъ-нибудь свою тайну, но я чувствовалъ, что не могу рассказать никому. Хотя Найденка теперь внушала мнѣ лишь ужасъ и отвращеніе, все же мнѣ было жалъ ее, и я не могъ изъ вчерашняго друга превратиться въ предателя.

Наконецъ, я надумалъ навести на мѣсто, гдѣ лежала неизвѣстная женщина, кого-нибудь изъ ребятишекъ и побѣжалъ на рѣку, гдѣ во всякое время дня можно было найти ихъ. Я пригласилъ двоихъ мальчугановъ къ себѣ на горохъ, и мы отправились.

У меня ноги подкашивались отъ волненія. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ, что кто-нибудь изъ нихъ замѣтитъ лежащую женщину, но они не замѣчали.

— Кто-то лежитъ,—проговорилъ я, какъ могъ спокойно, оборачиваясь въ ту сторону.

— Вѣрно! айда, посмотримъ.

— Эво, мотри, та нищенка. Ее утресъ сидѣлецъ изъ кабака выгналъ, я видалъ.

— И то, знать, она; бѣжимъ-те.

Они побѣжали и вдругъ остановились, какъ вкопанные.

— Иди-ка-что! Иди!—сдержанно кричали они, махая мнѣ руками. Кажется, ничто въ мірѣ не заставило бы меня подойти. Ребятишки вернулись ко мнѣ совершенно бѣлые отъ волненія и страха.

— Мертвая... полонъ ротъ пыли... И въ глазахъ-то все пыль... Кто-то созорничалъ! Надо сказать!

Мы побѣжали въ село.

Минуть черезъ десять всѣ, кто ни былъ въ полѣ, спѣшили къ кладбищу. Бѣжали ребятишки, ковыляли старики съ погодами въ рукахъ, тащились старухи съ грудными ребятами. Всѣ торопились молча, обмѣниваясь поклонами.

Страшная вѣсть тотчасъ разнеслась и по полямъ. Началась суматоха. Народъ побросалъ жнитво и, какъ на пожаръ, бѣжалъ на кладбище. Бѣжали даже изъ сосѣднихъ деревень, полями смежныхъ съ нашими. Толкамъ, предположеніямъ, догадкамъ не было конца, и всѣ сходились на томъ, что это—озорство кого-нибудь изъ ребятишекъ.

Не смотря на то, что село кишѣло народомъ, на улицѣ

было тихо и какъ-то угрюмо мрачно, какъ бываетъ только во время бѣды или передъ бѣдой. Всѣ ходили понурые, кручинно и вдумчиво опустивъ головы. То тутъ, то тамъ женщины сбивались въ кучки и тихо разговаривали. Многія матери уже перессорились изъ-за ребятешекъ, перекорясь ихъ прежними шалостями и проказами.

Но для Тарантаса это необычное происшествіе было настоящимъ бенефисомъ. Насквозь пропитанная ненавистью къ ребятамъ и почуявъ общую вражду къ нимъ со стороны взрослыхъ, она изъ кожи лѣзла, чтобы еще больше разжечь неприязнь къ ненавистнымъ ей и безпощаднымъ врагамъ.

— Что? Дождались?—тарантила она на всю улицу съ своей обычной трибуны—съ завалины.—Гоже-ли?.. То-то вотъ! Учили-бы, какъ слѣдъ... Какъ вотъ теперь?.. Вотъ, жалѣли, вотъ и жалѣйте... Я ихъ, треклятиковъ, ужъ больно гоже знаю,—вотъ что! Ихъ, дьяволятъ, повѣситъ мало! Еще вотъ сожгутъ, помяните мое слово—сожгутъ! и т. д.

Среди общей сумятицы и жуткой тиши, ея надсадный, истеричный голосъ звучалъ особенно назойливо. Но всѣмъ было такъ не до нея, столько заботы было у каждого, въ виду предстоящей кутерьмы, что на нее совсѣмъ не обращали вниманія. Впрочемъ, это нисколько не обезкураживало ее.

XIX.

Въ моихъ воспоминаніяхъ очень мало сохранилось отъ всей той кутерьмы, которая началась по поводу задушенной женщины. Большая часть изъ этого живетъ въ памяти не по личнымъ впечатлѣніямъ, а по рассказамъ другихъ, и то гораздо позднѣйшимъ. Безпрерывный караулъ у трупъ, наѣздъ полицейскихъ и слѣдственныхъ властей, длинная и безалаберная процедура допросовъ ребятъ съ застрачиваніями, посулами и прочими нелегальными приемами (насъ съ Марусей почему-то не допрашивали),—все это представляется мнѣ какъ-бы за густымъ туманомъ: все слилось въ одну сѣрую безформенную массу; только кое гдѣ прорѣзываются отдѣльные контуры нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ,—и ни одной цѣльной фигуры, ни одного опредѣленнаго впечатлѣнія...

Повидимому, я былъ настолько погруженъ въ созерцаніе явленій своей индивидуальной жизни, что все, происходившее внѣ меня, оставалось за гранью моихъ воспріятій и ощущеній.

Но вотъ, вся слѣдственная канитель, кстати сказать, совершенно безрезультатная, кончилась. Женщину схоронили,

и все тотчасъ покатилося по своей старой колѣѣ, точно никогда изъ нея и не выкатывалось. У всѣхъ вмѣсто пережитыхъ тревогъ остались лишь одни воспоминанія, то горькія и досадныя, подчасъ даже злобныя, то добродушныя, безразличныя. Въ яровыхъ поляхъ снова закипѣло жнитво. Притихшая было дѣтвора опять зазвенѣла, за то Тарантаса не только не было слышно, но даже не видно... пылая мщеніемъ, никѣмъ не сдерживаемая дѣтвора рвалась съ ней въ бой.

Все пошло по старому. Одинъ я не могъ войти въ свою колею... Я никакъ не могъ забыть ни послѣдняго кашля пьяной женщины, ни ея невнятнаго крика, ни того, какъ она вдругъ безпомощно забила на землѣ.

Со мной, кажется, начинались уже галлюцинаціи. Въ моихъ воспоминаніяхъ дѣйствительность самымъ безпорядочнымъ образомъ перепутывалась съ созданіями моего воображенія. Временами на меня нападалъ такой страхъ,—необъяснимый, непобѣдимый, властный, что я даже днемъ боялся оставаться одинъ. Кладбище стало для меня теперь вмѣстительствомъ всевозможныхъ ужасовъ, всякое воспоминаніе о Найденокѣ обдавало холодомъ. Теперь она въ моемъ воображеніи рисовалась почему-то въ видѣ огромнаго паука съ зелеными неморгающими глазами. Я положительно становился боленъ.

Въ это время къ намъ въ село прикочевалъ цыганскій таборъ. Цыгане каждый годъ откуда-то являлись къ намъ и каждый разъ своимъ появленіемъ производили ужасный переполохъ. Съ перваго же дня по всему селу начинались пропажи. Пропадало все, начиная съ домашней птицы и кончая картошкой въ поляхъ.

Какъ и всегда, цыгане расположились по выгону за рѣкой и съ перваго же дня отъ нихъ не стало покоя. По своему обыкновенію цыганки съ удивительной назойливостью навязывались ко всѣмъ съ ворожбой и гаданьемъ, выпрашивая все, что можно донести до табора, даже сѣно и солону.

Потомъ начались кражи. У насъ изъ садовой бесѣдки, гдѣ отецъ по лѣтамъ отдыхалъ обыкновенно послѣ обѣда, пропала подушка; у діакона тоже изъ сада—веревка, на которой сушили бѣлье; у кого-то съ сохи сняли сошники; у кого-то обили яблоки въ саду; у Оксена пропала мотушка нитокъ съ шеста передъ окномъ. По селу поднялся гвалтъ, и громче всѣхъ распиналась Оксентъ. Она была исконной и непримиримой ненавистницей цыганъ. Не существовало ругательства, котораго она не пустила бы въ ходъ въ схваткахъ съ цыганками, ничуть не затрудняясь въ выборѣ вы-

ражений. Цыганки, разумѣется, тоже за бранью въ карманѣ не лѣзали и проѣзжались, главнымъ образомъ, на счетъ ея кривого глаза. Эти перебранки принимали характеръ даровыхъ представленій, на потѣху, главнымъ образомъ, нашей братіи—дѣтвора. Особенно бѣсила Оксена одна красивая, высокая, еще молодая цыганка съ удивительно безстыжными черными глазами. Она нарочно спускалась къ кладбищу побѣсить Оксена и доводила ее до того, что та, позабывъ свои годы и степенность, гонялась за ней съ голиками, вѣниками, прутьями.

Можно поэтому представить, что происходило на нашемъ порядкѣ въ то утро, когда въ маленькомъ огородикѣ Оксена весь картофель оказался вырытымъ... Нѣтъ словъ описать ярость бѣдной старухи. Съ ранняго утра загремѣлъ ея басысистый голосъ, изрыгая ругательства, проклятія и жалобы. На этотъ разъ она распиналась не даромъ: въ таборъ былъ посланъ приказъ цыганамъ убираться съ сельской земли немедленно.

Не смотря на этотъ приказъ, цыганки, какъ ни въ чемъ не бывало, явились въ село и съ удвоенной наглостью стали кланчить и выпрашивать у бабъ всякую всячину. Мимо нашихъ оконъ прошла внизъ къ кладбищу высокая цыганка вмѣстѣ съ другой своей товаркой. Я сразу догадался, что она идетъ въ послѣдній разъ подразнить Оксена, и не ошибся. Минуть черезъ десять обѣ цыганки пробѣжали назадъ, сопровождаемыя гурьбой ребятишекъ, которые съ гикомъ и крикомъ бросали въ нихъ щепками, палками, землей. У красивой цыганки вся шея и одно плечо были густо выпачканы грязью. Гамъ стоялъ невообразимый. Эту оригинальную процессію замыкала Оксенъ съ мокрымъ помеломъ на перевѣсѣ. Она кричала и ругалась самымъ неопикуемымъ образомъ. Въ это утро досталось отъ ребятишекъ и другимъ цыганкамъ, такъ что всѣ онѣ поспѣшили выбраться изъ села и больше ужъ не показывались.

Наступила ночь. Село спало крѣпкимъ сномъ, какъ всегда. Я тоже сталъ было засыпать, какъ вдругъ забили въ набатъ. Я бросился къ окну и увидалъ въ сторонѣ къ кладбищу зарево. Село проснулось въ одну минуту. Начался тотъ характерный шумъ, который только и бываетъ на деревенскихъ пожарахъ. Со всѣхъ сторонъ бѣжали босые, раздѣтые, расстрепанные. У насъ тоже всѣ проснулись. Я выпрыгнулъ изъ окна и побѣжалъ на пожаръ. Горѣла Оксенова изба, почти кругомъ охваченная пламенемъ. Сама Оксенъ въ одной сорочкѣ, должно быть, прямо съ постели, сидѣла у амбара напротивъ и плакала, громко причитая, какъ самая обыкновенная баба. Меня, помню, чрезвычайно разочаровало это

обстоятельство: я думалъ, что Оксеново горе еще и на свѣтъ то не родилось.

Въ эту ночь таборъ снялся съ мѣста и ушелъ. Съ этой же ночи какъ въ воду канула и Найденка, а со мной открылась нервная горячка.

XXIV.

Прошло лѣтъ двадцать.

Однажды въ Нижнемъ я слонялся отъ бездѣлья по пристанямъ и забрелъ на пристань арестантскаго парохода, съ которой только что погрузили на баржу партію арестантовъ для отправки въ Пермь и далѣе—туда... Пароходъ готовился отвалить. Облокотившись на барьеръ пристани, я сквозь желѣзную рѣшетку баржи всматривался въ лица арестантовъ, пытаясь прочесть на нихъ исторію ихъ ужасныхъ дѣяній... Самыя обыкновенныя, самыя будничныя физіономіи—простыя и незначительныя...

Я осмотрѣлся кругомъ. Народу на пристани было мало, а кто и былъ,—занимались своимъ дѣломъ или разговаривали. Между тѣмъ; я давно уже чувствовалъ себя какъ-то неловко, какъ иногда чувствуется подъ чѣмъ нибудь упорнымъ, тяжелымъ взглядомъ. Съ этимъ ощущеніемъ знакомы главнымъ образомъ нервные люди. Невольно я перевелъ взглядъ на корму баржи, гдѣ помѣщалось женское отдѣленіе, и мои глаза встрѣтились съ другими глазами, которые я узналъ бы изъ цѣлаго милліона глазъ... Неужели она узнала меня?!

Это была Найденка. На рукахъ у нея былъ ребенокъ. Я невольно отшатнулся отъ барьера и пошелъ на берегъ.

— За что? За поджогъ или за убійство?—подумалъ я, припоминая и ея первый поджогъ, и ея первое убійство.

Раздались свистки. Пароходъ сталъ отваливать, тихо вращая и шумя колесами. Потомъ колеса захлопали по водѣ чаще, пароходъ пошелъ быстрѣе, рванулъ съ мѣста баржу и направился внизъ по Волгѣ. Минуть черезъ десять на общемъ темномъ фонѣ Волги и ея береговъ можно было рассмотреть лишь сѣрое пятно.

Воротынский.

Стефанъ Жеромскій.

(Очеркъ изъ молодой польской беллетристики).

Сосѣдство не всегда способствуетъ взаимному сближенію. Можно сказать съ увѣренностью, что если бы поляки и русскіе жили на разныхъ концахъ Европы, духовное общеніе между обѣими народностями были бы несравненно оживленнѣе. Въ этомъ мнимомъ случаѣ едва ли могъ бы имѣть мѣсто фактъ, что русская литература второй половины XIX вѣка, обошедши постепенно всю Европу, осталась чуждой лишь тѣмъ странамъ, гдѣ говорятъ по польски. За единичными исключеніями, которыя каждый разъ обусловливаются особыми причинами, ни Тургеневъ, ни Достоевскій, ни Толстой не переводятся на польскій языкъ. Что причина эта лежитъ не въ доступности оригиналовъ широкому кругу читателей, доказываетъ хотя бы тотъ фактъ, что въ Краковѣ какъ-то перевели „Войну и миръ“ на польскій языкъ съ французскаго. О явленіяхъ общественной и культурной жизни въ русской средѣ, образованные поляки часто не имѣютъ никакого представленія; существованіе въ Россіи науки весьма многіе подвергаютъ серьезному сомнѣнію; о русской публицистикѣ въ Варшавѣ (какъ впрочемъ очень часто и въ западной Европѣ) судятъ по „Новому Времени“; о нашемъ искусствѣ здѣсь знаютъ гораздо меньше, чѣмъ въ Парижѣ и Мюнхенѣ, такъ что когда одна изъ „Передвижныхъ выставокъ“ случайно попала въ Варшаву, то какой-то критикъ долженъ былъ сознаться, что онъ до тѣхъ поръ видѣлъ картины только одного русскаго художника—г. Верещагина; русскую музыку здѣсь популяризуютъ Никишъ и Батистини, но это не идетъ далѣе одной симфоніи и двухъ оперъ Чайковскаго.

Въ нашу задачу вовсе не входитъ обсужденіе причинъ и цѣлесообразности указаннаго отношенія польскаго общества къ русскому: мы не чувствуемъ ни призванія, ни охоты вытаскивать сучки изъ глаза ближняго и преподавать сосѣдямъ, въ какую сторону имъ нужно обратить свою любознательность. Констатируя наблюденные

факты, мы хотѣли не лишить симметріи другого вопроса: что сдѣлало русское общество для ознакомленія со своими ближайшими западными сосѣдями? Имѣемъ ли мы достаточно ясное представленіе о формѣ и содержаніи жизни, объ умственныхъ и общественныхъ теченіяхъ, о направленіи и скорости матеріальной и духовной культуры „привислинскихъ губерній“? Врядъ ли подлежитъ сомнѣнію, что русскій образованный человѣкъ гораздо обстоятельнѣе знаетъ политическія партіи германскаго рейхстага, политическія отношенія ирландскихъ фермеровъ къ лэндлордамъ, и норвежскую литературу, чѣмъ отношенія польскихъ клерикаловъ и буржуа къ болѣе демократическимъ группамъ, положеніе польскаго рабочаго и крестьянскаго пролетаріата или фізіономію польской интеллигенціи. Намъ не разъ приходилось убѣждаться, что даже въ средѣ, претендующей на значительную широту горизонтовъ, нѣсколько изстари сложившихся легендъ и готовыхъ формулъ, сочиненныхъ „Московскими Вѣдомостями“ и усердно распространяемыхъ „Новымъ Временемъ“, продолжаютъ циркулировать изъ поколѣнія въ поколѣніе и не вызываютъ потребности въ провѣркѣ.

Надо, однако, сказать, что познакомиться съ идейною стороною жизни польскаго общества совсѣмъ не такъ легко. Общественная жизнь здѣсь рѣдко выливается въ видимыя формы и чаще всего таится глубоко отъ посторонняго наблюдателя. Поле для общественной инициативы здѣсь еще во много разъ уже, чѣмъ въ мѣстностяхъ съ русскимъ населеніемъ. Публицистика, благодаря всякимъ „обстоятельствамъ“, говоритъ совсѣмъ не о тѣхъ предметахъ, которые ее больше всего интересуютъ, и о характерѣ даннаго органа печати очень часто можно судить только по тону или по тонкостямъ стиля, съ трудомъ уловимымъ для уха непосвященнаго. Остается только одинъ способъ проникнуть хоть отчасти въ интересы, которыми живетъ польское общество или, по крайней мѣрѣ, образованная его часть,—это присмотрѣться къ его художественной литературѣ.

Произведеніе искусства можетъ подвергнуться какому угодно неблагоприятнымъ внѣшнимъ обстоятельствамъ,—тотъ фрагментъ, который останется, будетъ на всѣ времена живымъ памятникомъ психологическаго строя автора и культурнаго уровня той среды, которая его породила. Воспользовались-ли мы по крайней мѣрѣ этимъ околѣннымъ средствомъ? Знакомы ли мы съ польской литературой?

Надо было бы отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно, если судить по количеству переводовъ съ польскаго. Благодаря особенностямъ нашихъ законовъ о литературной собственности, не отражающихъ отъ самовольнаго перевода даже книги, изданныя въ Россіи не на русскомъ языкѣ, польскіе беллетристы доставляютъ довольно крупную долю дешеваго литературнаго матеріала

русскими издателями. Таким образом, русскому читателю доступны почти все лучшие произведения польской литературы, печатающиеся в России, и даже немало таких, которых он без ущерба для себя мог бы и не знать. Но прочесть несколько романов польских авторов еще не значит ясно понять общественный фон, на котором возникли данные произведения. Эту задачу должна на себя взять литературная критика. Между тем, русская критика до сих пор чрезвычайно мало занималась современной польской литературой. Случайные статьи, посвященные тому или другому произведению или писателю, часто поражают отсутствием перспектив и ориентировки среди явлений польской жизни, и напоминают суждения иностранцев о русской литературе, в которых до сих пор часто сказывается так мало знания действительных отношений между различными элементами нашего общества.

Сравнительно большее внимание русской критики вызывало старшее поколение из ныне живущих польских писателей, как-то Эл. Ожешко, М. Конопницкая, Г. Сенкевич, тогда как следующее за ними поколение, которое мы условно называем „молодым“, до сих пор совсем или почти совсем не служило предметом критического изучения*), хотя переводится и читается не менее усердно. И переводчики, также как и читатели, вполне правы: в среде „молодых“ писателей есть не мало таких, которые, как художники, как бытописатели и как индивидуальности, представляют не менее крупные величины, чем их предшественники.

На следующих страницах мы попытаемся свести к некоторому единству то, что мы вынесли из произведений одного из выдающихся представителей молодого поколения.

По характеру своего таланта, по литературной манере, по всему складу своей писательской личности, Стефан Жеромский кажется нам наиболее близким русскому читателю. Этим объясняется наш выбор. Впоследствии нам, быть может, удастся обратиться к другим польским писателям, между которыми некоторые, хотя менее знакомые нашей публике, представляют несомненный интерес многими сторонами своих дарований и характером своей писательской деятельности. Автор этих страниц старался по возможности воспользоваться своим пребыванием—уже в течение нескольких лет—в умственном центре Польши, чтобы ориентироваться в сложных вопросах местной жизни, поскольку это достижимо для постороннего наблюдателя. Это иногда безусловно необходимо для правильной оценки значения произведений г. Жеромского.

*) Весьма близкую характеристику многих молодых и старых польских писателей представила недавно г-жа Л. Украинка в „Жизни“ (январь 1901).

Въ одной изъ первыхъ своихъ маленькихъ повѣстей („Забвѣніе“), онъ даетъ весьма характерную для себя лаконическую формулу жизни: „жить“ значитъ „забывать“. Индивидуумы и цѣлые народы переживаютъ иногда моменты, когда страданія настолько остры, что единственно возможнымъ пеходомъ кажется смерть. Выносить долго боль въ извѣстной степени интенсивности невозможно, но также невозможнымъ кажется въ эти моменты, что время можетъ ослабить эту боль. Народы въ послѣднихъ конвульсіяхъ борьбы за свою самостоятельность увѣрены, что съ окончательной побѣдой враговъ будетъ конецъ всему. Буры говорятъ, что они будутъ защищаться до послѣдней капли крови, что они предпочитаютъ смерть подчиненію. Сколько поработаемыхъ народовъ говорили то же самое! Выносить, чтобы эти ненавидимые чужеземцы, облитые кровью сыновей, мужей, братьевъ, пришли, какъ власть имущіе, въ дома убитыхъ или погибшихъ въ плѣну и распоряжались по хозяйски имуществомъ побѣжденныхъ, предписывали законы ихъ близкимъ, оставшимся въ живыхъ, вступать съ этими вчерашними врагами въ гражданское общеніе, скрывать свою ненависть къ нимъ, даже быть съ ними вѣжливыми, учиться ихъ языку,—это кажется просто невысказаннымъ. И, между тѣмъ, пройдетъ время, побѣжденный народъ не погибнетъ поголовно, острота страданія будетъ мало по малу притупляться, разгораясь только минутно по особымъ поводамъ, жизнь общественная выльется въ какую нибудь форму, которая скоро начнетъ казаться обыденной, между врагами придется различать болѣе злостныхъ и жестокихъ и болѣе человѣчныхъ, отдѣльные люди перестанутъ непрерывно думать о кровавой смерти близкихъ и друзей, начнутъ интересоваться будущимъ, захотятъ опять радости, возмутятся опять за свои обычные занятія, будутъ шутить и смѣяться, будутъ любить, жениться, производить дѣтей, минутами будутъ чувствовать себя удовлетворенными, даже счастливыми,—относительно, конечно, какъ все на свѣтѣ относительно. То же самое и въ жизни отдѣльныхъ людей: потрясающія несчастія, молніеносные удары судьбы, кровавыя обиды и несправедливости, если они не влекутъ за собою немедленной развязки, болѣею частью ослабѣваютъ съ теченіемъ времени и позволяютъ существовать, отдаваться мелкимъ заботамъ, стремиться использовать тотъ небольшой запасъ радостей жизни, который каждому доступенъ. Г. Жеромскій рассказываетъ, какъ деревенскіе мальчишки выбираютъ птенцовъ изъ вороньихъ гнѣздъ и предають ихъ самымъ изысканнымъ казнямъ на глазахъ у безсильныхъ матокъ, безпредѣльное отчаяніе которыхъ авторъ описываетъ со всей силой натурализма. Когда убьютъ всѣхъ дѣтей такой вороны, „она валетасть на дерево, садится въ пустое гнѣздо и, ворочаясь въ немъ, думаетъ о чемъ-то.“ А завтра? Завтра она броситъ пустое

гнѣздо, начать промыслять себѣ пропитаніе и радоваться вороньими радостями.

Г. Жеромскій глубоко завидуетъ этой способности забвенія. Онъ ею обладаетъ въ такой малой степени, что передъ его глазами всегда стоятъ самыя жестокия, незаслуженныя, бессмысленныя страданія единичныхъ людей, цѣлыхъ классовъ, цѣлаго народа, всего человѣчества. Онъ не философствуетъ надъ этими страданіями, не выискиваетъ ихъ съ предвзятой мыслью, не подводитъ имъ статистики, а просто не можетъ забыть ихъ ощущенія, и поэтому жизнь всѣхъ людей представляется ему такою же мрачною, какъ жизнь прокаженныхъ у г. Сѣрошевскаго, которые лишь изрѣдка могутъ оторвать мысли отъ своихъ отвратительныхъ ранъ къ чему-нибудь постороннему.

Кто рѣшится сказать, что изображаемыя г. Жеромскимъ мученія, нравственныя и физическія, неправдивы или преувеличены? Все это—сама правда, но правда неполная. Еслибы всѣ ощущали жизнь такъ же болѣзненно, какъ она представлена въ повѣстяхъ г. Жеромскаго, то на землѣ не было бы ничего, кромѣ плача и скрежета зубовъ, какъ въ аду. Только тамъ, какъ рассказываетъ у Щедрина одинъ крѣпостной мальчикъ другому, мученія такъ сильны, что „не можешь терпѣть,—а все-таки терпи.“ На землѣ обыкновенно, даже въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, не все сплошь горе и отчаяніе. Но мы вовсе не хотимъ дѣлать упрека г. Жеромскому за его односторонность. Въ періоды, когда въ извѣстной средѣ доза счастья понижается и близится къ своему минимуму, искусство идетъ далѣе дѣйствительности,—народная фантазія останавливается на картинахъ ада, гдѣ нужно терпѣть нестерпимое, а крупные художники создаютъ потрясающіе образы ужаса и страданія. Въ подобные моменты пророкъ Іеремія писалъ свой плачъ, Микель Анджело—свой „Страшный Судъ“, Байронъ — „Манфредъ“, Толстой — „Власть тьмы“ и „Воскресеніе.“

Далека отъ насъ мысль сопоставлять г. Жеромскаго съ этими великанами по размѣрамъ дарованія, но онъ все-таки обладаетъ таковымъ въ столь значительной степени, что его смѣло можно отнести, по характеру его творчества, къ группѣ художниковъ, болѣющихъ страданіями своего времени и оставляющихъ болѣе счастливымъ потомкамъ яркое свидѣтельство того, какими тяжкими путями достигнуто это относительное счастье.

Въ обширной скалѣ страданій человѣчества одни зависятъ отъ тѣхъ или другихъ несовершенствъ въ устройствѣ общества и потому устраняются или видоизмѣняются съ теченіемъ времени, другія вытекаютъ изъ безличныхъ силъ природы, передъ лицомъ которыхъ усилія человѣческія, до сихъ поръ по крайней мѣрѣ, не имѣютъ почти никакого значенія. Можно полагать, что воображеніе художниковъ только тогда поражается, „жестокостью“ при-

роды, когда оно уже подготовлено къ тому печальными наблюденіями надъ несправедливостью человѣческихъ организацій. Въ эпоху Рубенса, конечно, тоже были болѣзни, стихійныя бѣдствія, наконецъ, просто смерть, но эти явленія не угнетали его фантазіи; условія, въ которыхъ создался его талантъ, развили въ немъ жизнерадостность—и онъ писалъ красивыхъ, веселыхъ, толстыхъ женщинъ, боговъ и дѣтей. Сквозь плотные, хорошо окрашенные мускулы его нимфъ и вакханокъ, на него не смотрѣла страшная улыбка черепа, которая видѣлась художникомъ конца XIX столѣтія. Даже когда онъ трактовалъ такіе мрачные, по современнымъ понятіямъ, сюжеты, какъ аутопсія („Анатомія“), и тогда вытянутый на столѣ трупъ говоритъ зрителю не о разложеніи и загробномъ мракѣ, а о здоровой жизни, которая создала это де-белое мускулистое тѣло.

Какой мистическій ужасъ внушаетъ смерть Метерлинку, Гауптману, Максу Клингору! Какую печальную біографію рассказываетъ анатомируемый трупъ у Ады Негри! Въ этой біографіи вся сила. Пока человѣкъ доволенъ собою и окружающимъ, его мало занимаютъ вопросы о смерти и другихъ неотвратимыхъ бѣдствіяхъ; но когда онъ уже настроенъ мрачно людскою несправедливостью, то онъ идетъ дальше, видитъ во всякомъ страданіи несправедливость и готовъ бичевать самую природу за жестокость неизлѣчимыхъ болѣзней, за неумолимость смерти, за отсутствіе плесообразности. Г. Жеромскій часто съ мучительною правдивостью изображаетъ злыя стихіи, преслѣдующія человѣчество, но намъ кажется несомнѣннымъ, что главный источникъ его возмущеннаго настроенія заключается въ тѣхъ страданіяхъ, которыя одни люди доставляютъ другимъ.

Картины этого характера, впрочемъ, и количественно преобладаютъ въ его произведеніяхъ. Онъ не сатирикъ. Онъ не ненавидитъ, не выставляетъ на позоръ тѣхъ людей, отъ которыхъ исходятъ несчастія другихъ. Онъ рисуетъ ихъ во всей ихъ реальной неприглядности, но не утрируетъ ихъ отрицательныхъ качествъ. Какъ человѣкъ, стоящій на высотѣ современнаго міровоззрѣнія, г. Жеромскій сознаетъ, что причины общественныхъ несчастій лежатъ глубже, чѣмъ эгоизмъ или злая воля отдѣльныхъ людей. Но отъ этого несчастія не уменьшаются, а сочувствіе къ нимъ автора принимаетъ только еще болѣе острый и болѣзненный характеръ.

Кто виноватъ, напримѣръ, въ несчастіи жалкаго почтмейстера въ какомъ-то захолустномъ мѣстечкѣ Сѣдлецкой губерніи, который наплодилъ девять человѣкъ дѣтей („Ananke“)? Это человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ убогій, которому никакая другая дѣятельность, кромѣ разборки писемъ, не подъ силу. Однако, жить должны и убогія люди: нужно ѣсть, пить, одѣваться, нужно давать образованіе этимъ девятирѣзнымъ дѣтямъ. Есть, конечно средство:

черезъ его руки проходить столько денегъ. Жена, готовая на всякое геройство ради семьи, требуетъ отъ него этого подвига, — иначе не на что везти старшаго сына въ гимназію. Но мужъ труситъ, къ тому же онъ и слишкомъ честенъ. Жена не выноситъ обмана надеждъ и уходитъ отъ мужа со всѣми дѣтьми, какъ волчица, въ лѣсъ, куда глаза глядятъ, на голодную смерть, лишь бы избавиться отъ этой непрерывной муки безнадежныхъ семейныхъ заботъ.

Вотъ другой случай, когда некого обвинить, а несчастіе, тяжелое несчастіе на всю жизнь, налицо. Молодая женщина навѣщаетъ своего мужа въ психіатрической больницѣ („Табу“). Она любитъ его въ прошломъ, она напрягаетъ всѣ свои душевныя силы, чтобы видѣть въ немъ и теперь того человѣка, съ которымъ связаны всѣ ея лучшія воспоминанія. Но онъ уже не тотъ человѣкъ: это какое-то совсѣмъ другое существо, несчастное, правда, но и отталкивающее. А молодость, весна манитъ къ жизни. Почему одна смерть должна влечь за собою другую? Вѣдь она уже не существуетъ больше для того, кто былъ ея мужъ. Ее любить другой, — она знаетъ это, хотъ видитъ его только на улицѣ; онъ деликатенъ и терпѣливъ и ждетъ, чтобы она взяла на себя инициативу. Она, такая изстрадавшаяся, такая одинокая, готова отдаться новому чувству, но... долгъ. Кѣмъ воздвигнуть этотъ идолъ, которому приносятся никому ненужныя жертвы? Ни одинъ человѣкъ не отвѣтственъ за это, но все-таки вѣдь не природа, а люди установили эти „жестокіе нравы“.

Въ этихъ маленькихъ повѣстяхъ г. Жеромскій, по нашему мнѣнію, даетъ полную мѣру своего таланта. У него совсѣмъ нѣтъ бездѣлушекъ, написанныхъ шути, придуманныхъ ради красоты. Каждый его рассказъ, хотя бы въ нѣсколько страницъ, заключаетъ частицу авторской души. Отъ этого, конечно, онъ до сихъ поръ еще такъ мало написалъ. Въ только что указанныхъ повѣстяхъ еще нѣтъ ничего специфически мѣстнаго. Присмотримся къ тѣмъ его произведеніямъ, гдѣ психологія дѣйствующихъ лицъ выступаетъ въ болѣе характерной для родины автора обстановкѣ.

Одна изъ первыхъ и лучшихъ повѣстей г. Жеромскаго „Докторъ Петръ“ (по русски переведена подъ заглавіемъ „Докторъ химіи“) сразу рисуетъ намъ отношенія, совершенно чуждыя всѣмъ другимъ краямъ, кромѣ Польши. Старый шляхтичъ, не сумѣвшій приноровиться къ условіямъ новаго времени, утрачиваетъ свое родовое гнѣздо и принужденъ гнуть свою родовитую спину ради насущнаго хлѣба. Онъ служитъ десятникомъ при постройкѣ желѣзнодорожнаго полотна у молодого инженера, нахальнаго и самодовольнаго выскочки, который именно благодаря этимъ качествамъ находится на пути къ большой карьерѣ.

Инженеръ презрительно, „безъ фасоновъ“, обращается съ разорившимся шляхтичемъ, но тотъ терпитъ, утѣшаясь сознаніемъ,

что не смотря на все „я панъ, а ты хамъ“. При этомъ инженеръ умѣлъ очень хорошо пользоваться смѣшными для него предразсудками стараго Донъ-Кихота: онъ зналъ, что „пунктъ гонору“ не позволить этому обнищавшему пану тронуть хозяйскую копѣйку, и поэтому сдѣлалъ его полномочнымъ управляющимъ весьма доходнаго кирпичнаго завода. Сынъ стараго шляхтича талантливый юноша. Здѣсь именно и начинается типически мѣстная комбинація обстоятельствъ. Талантливому юношѣ негдѣ дома развить свой талантъ, и онъ ѣдетъ изучать химію за-границу, въ Швейцарію. Желая приложить свои знанія на „родной нивѣ“, молодой ученый бомбардируетъ письмами Лодзь, Згержъ, Пабианцы, предлагая свои таланты за 40, 30, наконецъ за 25 рублей въ мѣсяцъ. На талантливыхъ людей, да еще ученыхъ спроса дома не оказывается, а никакого другого пути, кромѣ частной промышленности, ему не открыто. Въ то же время ему предлагаютъ занятія въ прекрасно поставленной химической лабораторіи въ Гуллѣ. Тамъ, въ условіяхъ высокой технической культуры, подъ руководствомъ знаменитаго ученаго, можно было бы не только слѣдить за „последнимъ словомъ науки“, но и дѣйствительно сдѣлать что-нибудь для ея прогресса. При этомъ не пришлось бы вступать ни въ какіе компромиссы съ совѣстью, не надо было бы принимать участія ни въ какой эксплуатаціи: занятія наукой позволяютъ спокойно ѣсть свой хлѣбъ. Но съ другой стороны это значило бы потерять всякую связь съ роднымъ краемъ, разстаться со старымъ отцомъ, который только и жилъ мечтой о возвращеніи сына; въ Англію отецъ на старости лѣтъ ѣхать не согласится. Въ этихъ тяжелыхъ колебаніяхъ сынъ пріѣзжаетъ повидаться съ отцомъ, и понявъ, какое страшное горе онъ причинилъ бы ему своимъ отъѣздомъ въ Англію, окончательно рѣшаетъ бросить эту мысль.

— Нѣтъ, не поѣду ни въ какую Англію,—думалъ Петръ.— Не насъ соблазнять кускомъ!.. Здѣсь заработаю, хоть бы пришлось навозъ чистить.

Старикъ уже отдается неожиданному счастью, какъ вдругъ намѣренія сына измѣняются. Случайно заглянувъ въ записную книжку отца, онъ понялъ, на чьи деньги онъ сдѣлался докторомъ химіи. Патронъ держалъ своего управляющаго на нищенскомъ жалованіи, которое едва хватало ему на собственное, весьма жалкое существованіе, но позволялъ ему „уменьшать издержки производства“ въ свою пользу: старый панъ, гордый своею честностью, позволилъ бы себѣ горло перерѣзать за каждую копѣйку своего жаднаго патрона, но со спокойною совѣстью выжималъ гривенники изъ поденной платы рабочихъ, чтобы предоставить своему сыну всѣ удобства для развитія его таланта. Отецъ и сынъ разстаются чужими людьми, не понимая одинъ другого.

Эта повѣсть характерна для г. Жеромскаго во многихъ отно-

шеніяхъ. Ужь въ самой композиціи мы видимъ здѣсь черты, которыя у него впослѣдствіи часто повторяются: скрываемое стремленіе другъ къ другу двухъ душъ, которыя никакъ не могутъ высказаться, выясниться одна для другой, и затѣмъ въ концѣ болѣзненный аккордъ, за которымъ дальше читатель видитъ еще цѣлую жизнь, полную страданія и самоотреченія.

Кромѣ того, здѣсь уже г. Жеромскій затрогиваетъ вопросъ о нравственномъ долгѣ интеллигентнаго человѣка передъ тою сѣрою массою, которая своими мозолями и бѣдствіями оплачиваетъ его культурность. Эту проблему, какъ мы увидимъ, авторъ ставитъ почти во всѣхъ своихъ болѣе крупныхъ произведеніяхъ. Въ данномъ случаѣ онъ отбѣиваетъ только ея отрицательную сторону: докторъ Петръ не хочетъ на свой счетъ усиливать экономическій гнетъ трудящагося люда, но не считаетъ своимъ долгомъ отдать ему всего себя. Уѣзжая въ Англію заниматься наукой, онъ считаетъ себя независимымъ отъ социальныхъ отношеній родины, и единственно о чемъ онъ мечтаетъ—добросовѣстно возвратить прожитые имъ въ Швейцаріи гривенники тѣмъ самымъ людямъ, у которыхъ они были отняты.

Совсѣмъ иная картина рисуется въ другой повѣсти „Силачка“. Молодой докторъ изъ принципа ѣдетъ практиковать въ захолустное мѣстечко Обжидлувку. „Въ то время говорили повсюду о необходимости селиться въ лѣсахъ и Обжидлувкахъ. Онъ послушалъ апостоловъ. Онъ былъ смѣлъ, молодъ, благороденъ и энергиченъ. Въ первый же мѣсяцъ по пріѣздѣ онъ опрометчиво объявилъ войну мѣстнымъ аптекарямъ и фельдшерамъ, которые возстановляли здоровье при помощи средствъ, относящихся къ области тайнъ“. Война была ожесточенная съ той и другой стороны, но продолжалась не долго. Окружающіе молодого воителя „троглодиты“ вовсе несклонны были поддерживать его воинственный пылъ, который самъ собою какъ-то остылъ. Ни для какихъ демократическихъ подвиговъ онъ не находилъ почвы и въ концѣ концовъ мирно сходилъ за зеленымъ столомъ у приходскаго есендза съ тѣмъ же самымъ аптекаремъ и даже платонически ухаживалъ за аптекаршей—„дамой тупой, какъ, топоръ, которымъ колятъ сахаръ“. Сначала онъ смотрѣлъ на свое „умираніе“ съ горечью, но потомъ совершенно опустился и только разъ или два въ годъ на него находили моменты самобичеванія, которые онъ называлъ „метафизикой“. Въ одинъ изъ такихъ метафизическихъ моментовъ за нимъ пріѣхали изъ какой-то далекой деревушки къ больной учительницѣ.

Въ темной, душной, промерзшей крестьянской хатѣ онъ нашелъ, въ тифѣ, безъ сознанія, дѣвушку, въ которую онъ когда-то студентомъ былъ влюбленъ. Она тогда была полна стремленія „идти въ лѣса“ просвѣщать, помогать, жертвовать собой и со смѣхомъ отвергла его пылкое признаніе. То, что докторъ узналъ

изъ отрывочныхъ заявленій окружающихъ, свидѣтельствовало, что она осталась вѣрна своимъ стремленіямъ; въ какихъ ужасныхъ условіяхъ происходило это медленное самоубійство, онъ видѣлъ собственными глазами. Все лучшее, что таилось на днѣ его души, сразу поднялось наверхъ: все, все измѣнится и пойдетъ иначе, лишь бы спасти ее. Но у г. Жеромскаго никто не спасается. Не приходя въ себя, дѣвушка скончалась на рукахъ у доктора.

Если этотъ печальный сюжетъ глубоко коренится въ почвѣ родины автора, то и намъ онъ хорошо знакомъ; мы безъ труда можемъ себѣ представить его въ обработкѣ, напр., Глѣба Успенскаго, и едва ли нужно было бы измѣнять что-нибудь въ повѣсти г. Жеромскаго, кромѣ собственныхъ именъ, чтобы переложить ее „на русскіе нравы“. Тамъ, дальше, въ странахъ гнилого Запада, который мы такъ стремимся оздоровить, люди уже не умираютъ ради обученія азбукъ двухъ десятковъ деревенскихъ дѣтей... Г. Жеромскій вѣхалъ однажды на пароходѣ по Люцернскому озеру („На палубѣ“). „Вся передняя часть палубы полна была швейцарскихъ дѣтей. Помѣщалась тамъ школа изъ какой-то деревушки Аппенцельскаго кантона, совершавшая обыкновенное лѣтнее путешествіе по своей странѣ. Это были мальчики и дѣвочки разнаго возраста, сыновья и дочери земледѣльцевъ и мелкихъ мѣщанъ, пастуховъ и купцовъ, работниковъ и прислуги, кулаковъ и нищихъ. Всѣ уже порядочно устали, загорѣли, покрылись пылью. Предводительствовалъ ими учитель, съ движеніями крестьянскаго парня, съ веснушчатымъ, ординарнымъ лицомъ, покрытымъ безцвѣтными волосами. Однако было въ этомъ обличьи что-то, что выдѣляетъ тамошняго педагога изъ толпы. Въ немъ виднѣлась привычка говорить правду, открытую и неисклонную, всегда и вездѣ. Вліяніе высокой культуры смываетъ съ годами, какъ неустанная свѣжая струя, кочковатую почву, дурные придатки индивидуальнаго характера, врожденные пороки темперамента и награждаетъ лица дивной улыбкой, какія можно видѣть развѣ только на старыхъ полотнахъ Бернарда Луини. Это наивныя лица, которыя не умѣютъ лгать.

„Такая школа идетъ, гдѣ можно, пѣшкомъ, мѣстами ѣдетъ по желѣзной дорогѣ или плыветъ на пароходѣ. Въ сѣверныхъ округахъ дѣти посѣщаютъ фабрики, великолѣпныя мастерскія, музеи, церкви, красивые города надъ озерами, очаги жизни, знанія и труда, малолюдныя деревни, старыя руины и, наконецъ, мертвыя пустыни на высокихъ горахъ, гдѣ хмурый ледникъ спитъ въ вѣковомъ молчаніи. Старшіе накопляютъ въ своихъ коробкахъ растенія и насѣкомыхъ,—младшіе на поляхъ Нефельса, Моргартена, Земпахъ слушаютъ рассказы о происшествіяхъ, учатся легендамъ, которыя представляютъ какъ бы вздохи человѣчества.

„Когда они перешагнутъ высокій хребетъ Готардскій, когда спустятся въ красивую долину Тессино, люди, говорящіе на чу-

жомъ языкѣ, смуглые и живые итальянцы примуть ихъ съ распростертыми объятіями,—ибо это ихъ братья.

„Когда послѣ долгаго путешествія они очутятся въ грустной долинѣ Роны, въ мѣстахъ, гдѣ люди говорятъ по-французски, и тамъ примуть ихъ съ любовью,—ибо это ихъ братья.

„Когда пароходъ проходилъ мимо Грютли, разнеслось прекрасное пѣніе этихъ дѣтей. Обратившись лицомъ къ высокому обрыву безсмертной скалы, они пѣли:

«Von ferne sei herzlich gegrüßet
Du stilles Gelände am See»...

„Чужеземные пассажиры столпились около маленькихъ пѣвцовъ и въ удовольствіи слухали согласный хоръ. Тамъ и сямъ вырывалось изъ толпы слово похвалы. Какой-то нѣмецъ потихоньку аплодировалъ, какая-то сухощавая дама съ волненіемъ шепнула своему спутнику: oui, c'est beau... Пергаментное лицо англичанина освѣтилось умиленной улыбкой. Въ сторонѣ стояло нѣсколько молодыхъ людей. Физіономіи ихъ были очень печальны, глаза имъ застилали слезы“.

Мы увѣрены, что читатели не претендуютъ, что мы сдѣлали эту длинную выписку. Какъ бы иначе можно было передать грустную для этихъ „молодыхъ людей“ повѣю этой прекрасной идилліи? На родинѣ этихъ „молодыхъ людей“ просвѣщеніе народное не идиллія, а драма, иногда съ трагическимъ концомъ, какъ въ предыдущей повѣсти г. Жеромскаго, или гораздо чаще злая сатира... На родинѣ этихъ „молодыхъ людей“ взаимныя отношенія людей, говорящихъ на различныхъ языкахъ, тоже не идиллія, а жестокая драма... Эта драма несомнѣнно также значительно усиливаетъ болѣзненную воспримчивость мѣстныхъ писателей, но такъ какъ она остается за предѣлами литературы, то мы не имѣемъ повода подробнѣе говорить объ ней.

Слѣдуя за г. Жеромскимъ въ его освѣщеніи мѣстной жизни, мы вновь попадаемъ въ глухую провинцію („Лучъ“). Здѣсь однако жизнь сложнѣе, чѣмъ въ Обжидлукѣ. Сюда проведена желѣзная дорога, здѣсь процвѣтаетъ промышленность и торговля, если судить объ этомъ по тому, что промышленники и торговцы живутъ на широкую ногу, держать экипажи, содержать актрисъ; здѣсь есть цѣлая коллегія докторовъ, адвокатовъ, есть свои газеты. Но какую опять безотрадную картину развертываетъ передъ читателемъ авторъ. Онъ ведетъ насъ во всѣ слои населенія, начиная отъ грязныхъ, зараженныхъ конуръ предмѣстья, гдѣ погибаютъ надъ работою прачки, камнетесы, еврей-башмачники, до домовъ мѣстной „интеллигенціи“. Какъ рельефно изображаетъ г. Жеромскій нищету, русскіе читатели знаютъ отлично. Не съ меньшимъ мастерствомъ рисуетъ онъ и представителей „интеллигентныхъ“ профессій. Конечно, литературы на всѣхъ языкахъ.

уже приучили насъ видѣть въ нихъ карьеристовъ, жадныхъ и недобросовѣстныхъ интригановъ, завистниковъ, жуировъ, но къ этимъ основнымъ чертамъ всюду присоединяются дивныя психологическія отѣнки, которые обусловлены несомнѣнно какими-нибудь мѣстными, не всегда ясными причинами. Вспомнимъ изображеніе провинціального общества въ русской беллетристикѣ. Служеніе мамонъ, конечно, и тутъ происходитъ съ тою же силою, но къ этому обыкновенно присоединяется и распущенность, обломовщина, гамлетство подъ пьяную руку и сентиментальное, иногда и искреннее сокрушеніе объ утратѣ „идеаловъ молодости“. Адвокаты и газетчики у г. Жеромскаго не гамлетствуютъ и не сожалеютъ объ идеалахъ. Тѣ, которые въ молодости были ими заражены, напротивъ, гордятся тѣмъ, что они отъ нихъ отдѣлались и, такимъ образомъ, созрѣли для дѣйствительной жизни. Они обыкновенно гораздо болѣе выдрессированы для борьбы за существованіе; они грызутся между собою, но предъ грозящею опасностью они хорошо умѣютъ солидаризоваться и дѣйствовать сообща и планомерно. При этомъ съ внѣшней стороны они сохраняютъ полную корректность и, совершая какую нибудь гнусность, ссылаются на принципы. Редакторъ мѣстной газетки, которая составлялась исключительно изъ сплетенъ, нуская доносъ на другую газету болѣе живого содержанія, опирается на интересы читателей, „вѣрующихъ христіанъ-католиковъ“. Когда въ семью мѣстныхъ адвокатовъ явился новый конкурентъ, весьма опасный своею рѣшительностью и неразборчивостью въ средствахъ дѣйствія, весь сивилитъ соединился, чтобы указать „товарищу“ на несоотвѣтствіе его поведенія съ принципами адвокатской этики. Но такъ какъ новичекъ былъ изъ молодыхъ, но раннихъ, то онъ „въ блестящей рѣчи“ доказалъ уважаемымъ коллегамъ, что принципы у нихъ совершенно одинаковы и они ни въ чемъ не могутъ другъ друга упрекать. Адвокаты и газетчики, которыхъ описываетъ г. Жеромскій, гораздо ближе къ своимъ западно-европейскимъ собратьямъ, какими мы знаемъ ихъ изъ произведеній Ибсена, Мопассана, Золя: та же вѣра въ могущество денегъ и въ законность этого могущества, та же упорная энергія конкуренціи, то же филистерское лицемеріе.

Вотъ общественный фонъ, на которомъ г. Жеромскій опять тклетъ свой любимый сюжетъ. Молодой идеалистъ прѣзжаетъ въ изображенный городъ, свою родину, съ маленькимъ запасомъ денегъ, полученныхъ въ наслѣдство, и разрывается на части, чтобы сдѣлать что-нибудь на общую пользу. Онъ заводитъ газету, именно ту, противъ которой мѣстный газетчикъ строчить доносъ, исходя изъ христіанско-католической точки зрѣнія, онъ ухаживаетъ за больными, принимаетъ на воспитаніе сиротъ и заброшенныхъ дѣтей и т. п. Но наиболѣе сильныя мѣста разсматриваемой повѣсти не въ самой фабулѣ, а въ яркихъ картинахъ

горя, страданія и несчастія. Герой случайно попадаетъ въ семью, гдѣ мужъ-докторъ умираетъ отъ сапа. Происходитъ это медленно, такъ что авторъ имѣетъ полную возможность во всѣхъ подробностяхъ описать невыразимыя мученія, испытываемыя больнымъ и его окружающими. Продолжительность физическихъ страданій и сознаніе своей безнадежности внушаютъ умирающему страшную ненависть ко всѣмъ на свѣтѣ. Особенно жестоко тиранить онъ свою красивую жену, не даетъ ей отдыха ни днемъ, ни ночью, ругаетъ ее площадными словами, не стѣсняясь посторонними, старается уловить въ ней брезгливость къ своей вонючей и разительной болѣзни, чтобы злорадно упрекнуть ее за это. Жена уже нѣсколько мѣсяцевъ спитъ не раздѣваясь на полу около кровати больного, терпѣливо сноситъ всѣ его издѣвательства и преслѣдованія, самоотверженно исполняетъ всѣ отвратительныя обязанности сидѣлки и фельдшера, но, конечно, ею руководить лишь одна жалость къ несчастному страдальцу,—любовь давно вытравлена изъ ея сердца. Сочувствіе и реальная помощь случайнаго знакомаго, который одинъ только не бросаетъ ее въ ужасномъ несчастіи, понемногу сближаетъ молодыхъ людей. Онъ любитъ ее чуть не съ первой встрѣчи, она готова его полюбить. Когда, наконецъ, мужъ умираетъ, ничто уже повидимому не стоитъ на пути ихъ счастья; еще нѣкоторое время, пока поблѣднѣютъ воспоминанія о пережитомъ кошмарѣ, и они скажутъ другъ другу то, что давно наполняетъ ихъ душу. Но г. Жеромскій измѣнилъ бы себѣ, если бы хотъ разъ позволилъ своимъ дѣйствующимъ лицамъ быть счастливыми. У молодой женщины появились первые признаки страшной болѣзни, и когда врачи окончательно постановляютъ свой приговоръ, она кончаетъ самоубійствомъ.

Спрашивается теперь, зачѣмъ понадобилось автору ввести въ свою повѣсть этотъ мрачный эпизодъ? Или, наоборотъ, если къ нему именно и былъ направленъ весь интересъ автора, то зачѣмъ было пристегивать сюда картину общественныхъ отношеній провинціи и идейную борьбу героя? Оба мотива достаточно содержательны, чтобы наполнить повѣсть, а поставленные рядомъ они только раздваиваютъ интересъ читателя.

Эти соображенія были бы уместны относительно кого угодно, но не относительно нашего автора. Онъ никогда не заботится объ единствѣ композиціи и планомѣрности своихъ произведеній, цѣль его не въ томъ, чтобы вызвать эстетическія эмоціи: онъ хочетъ только какъ можно сильнѣе выразить свою тоску, свое отчаяніе, происходящее отъ обилія попадающихся на каждомъ шагу человѣческихъ бѣдствій, и привести читателя въ то же удрученное состояніе. Несомнѣнно, когда выйдешь изъ комнаты безнадежнаго больного, когда намотришься на невыносимыя физическія и нравственныя страданія, то всякій случай неспра-

ведливости и злости покажется возмутительнѣе и гнуснѣе; равнымъ образомъ, когда намозолишь душу въ столкновеніяхъ съ мелкими и презрѣнными людишками, то станешь еще воспримчивѣе къ страданіямъ всякаго живого существа. Этотъ процессъ, конечно, и приводитъ автора къ тому, что онъ не видитъ уже ничего, кромѣ боли и горя.

Мало того,—онъ ищетъ этихъ болѣзненныхъ впечатлѣній, онъ усиливаетъ воображеніемъ каждый намекъ на скрытое страданіе. Такъ, онъ рассказываетъ, напримѣръ, какъ онъ встрѣтилъ на желѣзной дорогѣ молодого человѣка, студента, который ѣхалъ къ опасно больному отцу,—это выяснилось изъ разговора студента съ провожавшимъ его товарищемъ. Разсказчикъ всю дорогу слѣдитъ за движеніями и выраженіемъ лица юноши, и вполне увѣренъ, что надежды нѣтъ. „Я зналъ,—говоритъ онъ,—какъ ему нехорошо, какъ медленно для него тащится поѣздъ... Ниточка надежды щекочетъ ему сердце: кто знаетъ?—можетъ быть, отецъ выздоровѣетъ, можетъ быть, все устроится... И вдругъ—я отгадалъ! (отгадалъ, а не увидѣлъ)—кровь сбѣжала съ этого лица, губы поблѣднѣли и затряслись, широко открытые глаза съ ужасомъ смотрѣли далеко, далеко. Въ пространствѣ, до той поры мертвомъ и пустомъ,—что-то ожило, какъ будто рука съ грозящимъ пальцемъ вытянулась къ нему, какъ будто вѣтеръ закричалъ: берегись! Нитка надежды лопнула, и голая, непомятно больная правда, въ которую онъ до этого мгновенія не вѣрилъ пронзила ему сердце, какъ обнаженный мечъ... Я приглядывался къ нему съ пристальнымъ и ненасытнымъ любопытствомъ брата-человѣка“.

Вотъ настоящее изображеніе того, какъ г. Жеромскій наблюдаетъ. Вѣдь могло быть дѣйствительно, что положеніе больного вовсе не было такъ безнадежно. Авторъ ничего не знаетъ достоверно, и изъ словъ юноши видно, что и онъ еще не имѣетъ точныхъ свѣдѣній. Но авторъ уже отгадалъ, что онъ потерялъ надежду; онъ, авторъ, а не юноша, конечно, представилъ себѣ въ пространствѣ грозящую руку, и то, что онъ воображаетъ, кажется ему уже несомнѣнной „голою, непомятно болѣзненной правдой“. Этотъ крошечный разсказъ можно разсматривать, какъ одинъ изъ этюдовъ съ натуры, изъ которыхъ послѣ г. Жеромскій компанируетъ свои картины.

Одинъ только разъ г. Жеромскій рѣшился написать легкій разсказъ съ намѣреніемъ заставить читателя смѣяться („Наказаніе“). Но и тутъ впечатлѣніе получается скорѣе мучительное, чѣмъ веселое. Юморъ г. Жеромскаго почти такой же тяжелый и пересоленный, какъ, напримѣръ, въ „Скверномъ анекдотѣ“ Достоевскаго. Люди, которые по темпераменту и образу жизни, привыкли ко всему относиться серьезно и во всѣхъ явленіяхъ искать глубокія пружины ихъ сущности, въ рѣдкіе моменты веселья не

могутъ уже удержаться въ границахъ, а усиливаетъ свое веселье до беззастѣнливости и смѣются до слезъ.

Сюжетомъ своего разсказа г. Жеромскій взялъ также довольно „скверный анекдотъ“, хотя и не такой скверный, какъ у Достоевскаго. Квартирантъ одной почтенной вдовы, маленький желѣзнодорожный чиновникъ, увлекается дочерью своей хозяйки. Увлеченіе это весьма низменнаго свойства и проявляется въ томъ, что онъ каждый вечеръ подглядываетъ, какъ дѣвушка раздѣвается. Для этого онъ забирается на столъ и смотритъ въ щелку двери, заставленной нѣтъ другой комнаты шкафомъ. Въ одинъ прекрасный день хозяйка приглашаетъ своего квартиранта на вечеринку, къ которой онъ и готовится съ волненіемъ и надеждами. Когда настаетъ желанный вечеръ, молодой человѣкъ, снявъ домашній костюмъ и не надѣвъ еще параднаго, желаетъ обычнымъ путемъ посмотреть, много ли ужъ собралось гостей, такъ какъ сосѣдняя комната обращена въ залу. Но оказывается, что шкафъ съ той стороны отодвинутъ, несчастный распахиваетъ дверь и какъ бомба влетаетъ въ толпу нарядныхъ дѣвицъ. Начинаются его злоключенія. вмѣсто того, чтобы убраться къ себѣ въ комнату, онъ, потерявъ голову, бросается черезъ всѣ комнаты въ кухню, производитъ, конечно, всюду эффектъ вырвавшагося изъ клѣтки тигра, стаскиваетъ пестрое одѣяло съ кровати кухарки и въ такомъ видѣ выскакиваетъ на черную лѣстницу. Во избѣжаніе перспективы попасть въ сумасшедшій домъ или, по крайней мѣрѣ, въ участокъ, онъ долженъ возвратиться по парадной лѣстницѣ и позвонить въ свою квартиру. Авторъ не сжалился надъ своимъ героемъ, и посылаетъ ему навстрѣчу какъ разъ хозяйскую дочку, которая думала, что звонитъ какой нибудь новый гость. Въ концѣ концовъ гонимый судьбой юноша требуетъ свое платье и пальто, одѣвается на лѣстницѣ и уходитъ изъ этого ужаснаго дома. Но страданіямъ его авторъ еще не хочетъ положить конецъ. Подъ утро онъ рѣшается возвратиться въ свою комнату, но при этомъ такъ неловко надавливаетъ дуговку электрическаго звонка, что она заскакиваетъ за кружокъ, и по всему дому разносится протяжный, однообразный и нескончаемый звонъ, который собираетъ удивленныхъ и возмущенныхъ жильцовъ со всѣхъ этажей. Неудивительно послѣ этого, что несчастная жертва „Мойры“ (рока) серьезно проситъ своего сожителя полоснуть его ножомъ по шеѣ, чтобы уже былъ, по крайней мѣрѣ, конецъ. Эта настоящая драма по количеству и интенсивности страданій имѣетъ форму водевиля только потому, что страданія эти такъ случайны и нелѣпы.

Отъ этой бездѣлушки намъ предстоитъ перейти къ самому крупному и по объему, и по значенію произведенію г. Жеромскаго. Въ сущности, отмѣченная раньше повѣсть „Лучъ“ во многомъ можетъ служить прототипомъ „Бездомныхъ людей“. И тутъ,

и тамъ герой разсказа обнаруживаетъ необыкновенную воспримчивость къ окружающимъ его страданіямъ и не оставляетъ неиспробованнымъ ни одного средства, чтобы хоть сколько нибудь облегчить ихъ или, по крайней мѣрѣ, помѣшать ихъ распространенію. Дѣлается это не только, даже не столько изъ идеи долга передъ наиболѣе обиженными классами своего народа, а болѣе всего изъ непреодолимой психологической потребности проявлять въ дѣйствіяхъ свое почти физическое состраданіе. Въ обихъ повѣстяхъ одинаково перемежаются картины людскихъ бѣдствій, коренящихся въ несовершенствахъ человѣческой природы, каковы, напримѣръ, нѣкоторыя болѣзни или носящихъ чисто социальный характеръ. Въ композиціи, или, скорѣе, въ отсутствіи единства плана оба произведенія также имѣютъ немало общаго, только „Бездомные люди“ развѣтываютъ передъ читателемъ болѣе широкіе горизонты: тамъ демонстрировались намъ всѣ слои населенія провинціального городка, здѣсь мы имѣемъ случай познакомиться со всѣми главными элементами населенія цѣлаго края. Какъ Виргилій проводить Данта по всѣмъ кругамъ ада, такъ здѣсь авторъ ведетъ своего доктора Юдыма по всевозможнымъ мѣстамъ горя и плача, во всѣ слои польскаго общества. Иной связи между отдѣльными частями романа, кромѣ воспринимающей психики доктора Юдыма, не существуетъ. Въ этомъ отношеніи г. Жеромскій возобновляетъ исконныя традиціи эпической поэзіи. Въ древне-греческой повѣсти начала нашей эры, въ рыцарскомъ романѣ, въ „Пароифалѣ“ Вольфрама фонъ-Эшенбаха, въ „Симплисиссимусѣ“ Гриммелсгаузена, въ „Гулливерѣ“ Свифта и „Кандидѣ“ Вольтера, наконецъ, въ „Чайльд-Гарольдѣ“ и „Донъ-Жуанѣ“ Байрона авторы заставляютъ своихъ героев по той или другой причинѣ передвигаться съ мѣста на мѣсто, чтобы раскрыть передъ нами рядъ картинъ міровой жизни. Романъ г. Жеромскаго есть своего рода *voyage sentimental*, т. е. изображеніе событій, преломленное сквозь призму известной психологіи.

Психологія доктора Юдыма, по всей видимости, совершенно совпадаетъ съ психологіей автора, поскольку мы познакомились съ нею изъ всѣхъ его предыдущихъ произведеній, поэтому въ докторѣ Юдымѣ нельзя искать никакого общественнаго типа, т. е. обобщенной фигуры, сложившейся изъ наблюдений надъ многими сходными личностями, — такая фигура, можетъ быть, существуетъ только въ единственномъ экземплярѣ. Нельзя также критиковать его дѣйствія сравненіемъ съ обычнымъ поведеніемъ людей въ тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ, нельзя, напримѣръ, говорить, что въ настоящее время мы не знаемъ героевъ, отказывающихся отъ личнаго счастья ради того, чтобы быть свободными для подвига на благо угнетенныхъ, а потому конецъ романа не реаленъ, — авторъ хочетъ только показать, какъ по его мнѣнію поступилъ бы человѣкъ съ данною исключительною психическою

организациею, если бы имѣлъ силы быть послѣдовательнымъ. Въ этомъ смыслѣ докторъ Юдымъ напоминаетъ старые положительные типы, но при этомъ въ немъ нѣтъ ничего шаблоннаго, безтѣлеснаго и придуманнаго, напротивъ, онъ въ высшей степени конкретенъ и индивидуаленъ, благодаря искусству, съ которымъ авторъ умѣетъ раскрыть человѣчныя стороны его психики.

Для земляковъ г. Жеромскаго, которые близко знаютъ дѣйствительность, создавшую болѣзненную воспримчивость главнаго героя, интересъ романа сосредоточивается болѣе всего въ анализѣ и безспорно сильномъ изображеніи всѣхъ оттѣнковъ и фазисовъ душевныхъ страданій д-ра Юдыма. Одинъ изъ польскихъ критиковъ г. Жеромскаго *) говоритъ: „Не импонируютъ мнѣ въ этой повѣсти описанія человѣческой нужды, бѣдности еврейскихъ кварталовъ, судебъ рабочихъ. Ибо ощутить и воспроизвести весь ужасъ этихъ вещей могъ просто глубокій наблюдатель, любящій жизнь. Но на меня производитъ глубокое впечатлѣніе то, какъ онъ ее ощущаетъ, какъ онъ понялъ эту трогательную дѣвушку, (панну Іоасю) и тотъ родъ любви, который она возбудила въ Юдымѣ“. Намъ, постороннихъ, интересуютъ и картины дѣйствительной жизни, какъ онѣ отразились въ произведеніи г. Жеромскаго. Только онѣ даютъ почву для полнаго пониманія героя. Намъ кажется даже, что не все досказано авторомъ съ достаточною ясностью, многое, конечно, сознательно, а многое и потому, что онъ предполагалъ въ своихъ читателяхъ полное знаніе условій и элементовъ мѣстной жизни. По крайней мѣрѣ для насъ, настоящее значеніе нѣкоторыхъ подробностей и эпизодовъ романа выяснилось только благодаря историческимъ комментаріямъ, сообщеннымъ намъ нашими пріятелями-поляками.

Припомнимъ себѣ составъ общества и главные черты, характеризующія его составныя части, какъ это изображено въ повѣсти г. Жеромскаго. Въ самомъ началѣ своего „сентиментальнаго путешествія“ д-ръ Юдымъ сталкивается съ варшавской интеллигенціей. Въ данномъ случаѣ это доктора, раньше мы видѣли адвокатовъ, но профессія тутъ не играетъ никакой роли: то, что Юдымъ требуетъ отъ своихъ коллегъ, можно было бы съ одинаковымъ правомъ потребовать и отъ адвокатовъ. И общая фizioномія варшавскихъ врачей, какъ корпораціи, мало чѣмъ отличается отъ провинціальныхъ юристовъ, за исключеніемъ недобросовѣстныхъ профессиональныхъ приемовъ, о которыхъ въ данномъ случаѣ нѣтъ рѣчи. Эти почтенные люди науки очень корректны, очень увѣрены въ себѣ, пользуются уваженіемъ публики и убеждены, что вполне его заслуживаютъ. Они интересуются научными вопросами и ждутъ отъ молодого коллеги, пріѣхавшаго

*) *Antoni Potocki*. О «czującym wiedzeniu» Zeromskiego. («Biblioteka Warszawska» 1900, № 2).

изъ Парижа, сообщенія о современномъ положеніи гигиены или о чемъ-нибудь въ этомъ родѣ, что не совсѣмъ ново, но всетаки можетъ вызвать небезынтересную бесѣду, послѣ которой всякій вернется къ своимъ пріемнымъ часамъ и усвоеннымъ средствамъ врачеванія. Вмѣсто этого дерзкій выскочка ставитъ имъ въ упоръ этико-соціальныя требованія. Любопытная черта: оказывается, что они никогда ни о чемъ подобномъ не слыхали.

Рефератъ Юдыма производитъ впечатлѣніе настоящаго скандала. Мягкій хозяинъ дома, „нашъ уважаемый“, конфузится за глупость референта. Большинство негодуетъ. Предъявлять къ нимъ требованія такого характера, вѣдь это значить, ни больше, ни меньше, какъ сказать, что они до сихъ поръ не исполняли своихъ обязанностей и, слѣдовательно, не имѣютъ права на уваженіе въ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ публики. Для филистровъ нѣтъ ничего обиднѣе, какъ намѣреніе вывести ихъ за предѣлы тѣснаго круга семьи и въ лучшемъ случаѣ корпораціи.

Изъ благоустроенныхъ кварталовъ, гдѣ живутъ „приличные“ люди, насъ ведутъ за д-ромъ Юдымомъ въ ту часть города, гдѣ онъ родился,—на Крохмальную и Теплую улицы, гдѣ вокругъ плохенькихъ фабрикъ и мастерскихъ ютится всякая голытьба. Еще пока д-ръ Юдымъ идетъ туда, насъ вмѣстѣ съ нимъ охватываетъ тоскливое чувство, какъ когда идешь къ безнадежному больному. Длинные и подробныя описанія громажающихъ ломовыхъ извозчиковъ, нищенскихъ еврейскихъ лавочекъ и грязныхъ торговыхъ, заброшенныхъ дѣтей, играющихъ на смрадномъ дворѣ между многоэтажными домами, еще болѣе смрадныхъ лѣстницъ, на площадки которыхъ выступаетъ грязь, нищета и несчастіе прилегающихъ квартиръ,—все это кажется сначала ненужнымъ ковыряніемъ нервовъ. Особенно точное, какъ судебно-медицинскій протоколъ, описаніе обстановки табачной фабрики и работы на ней, состоящей изъ непрерывнаго повторенія одного и того же жеста, раздражаетъ своею пространностью. Что это?—думаешь,—ужъ не запоздалый ли это ростокъ „научно-протокольной“ школы Зола. Нѣтъ, Зола здѣсь не причемъ. Авторъ терзаетъ нервы читателя не для того, что дать ему полное представленіе о внѣшнихъ предметахъ, а для того, чтобы привести ихъ въ униссонъ съ нервами Юдыма. Этотъ послѣдній не въ качествѣ статистика наблюдаетъ всѣхъ этихъ ломовыхъ извозчиковъ, торговыхъ, заброшенныхъ дѣтей, фабричныхъ рабочихъ. Каждая изъ этихъ фигуръ будитъ болѣзненное ощущеніе въ его сердцѣ. Гдѣ-нибудь въ Парижѣ или Брюсселѣ онъ, быть можетъ, не замѣтилъ бы девяти десятыхъ встрѣчающихся ему самыхъ обыденныхъ вещей, а здѣсь на Крохмальной улицѣ онъ научился видѣть ихъ трагическую подкладку; здѣсь на такомъ-же тѣсномъ и вонючемъ дворѣ, на такой же грязной и темной лѣстницѣ прошло его дѣтство, на этой табачной фабрикѣ работаетъ жена его родного брата, а этотъ братъ, тоже

простой фабричный рабочий, ослобленный и протестующий, съ завистью и недоброжелательствомъ смотритъ на пальто „ученаго доктора“.

Общая картина городской нищеты, впрочемъ, не поглощаетъ человеческихъ фигуръ, и, напр., этотъ братъ доктора, хотя очерченный только бѣлыми чертами, иногда просто намеками, весьма характеренъ, какъ типъ—еще довольно новый въ литературѣ—пролетарія, сознательнаго представителя своихъ классовыхъ интересовъ. Борьба его съ фабричными администраціями, благодаря его сангвиническому темпераменту, кончается тѣмъ, что онъ принужденъ покинуть родину и искать менѣ тяжелыхъ въ нравственномъ отношеніи условій жизни въ Швейцаріи, а тамъ, пожалуй, и въ Америкѣ. То, что мы видимъ въ данномъ случаѣ, далеко не идеализованный типъ, со всею его неуравновѣшенностью и малокультурностью, доказываетъ ясно, что автору совершенно чуждъ до сихъ поръ не рѣдкій у писателей фальшивый сентиментализмъ. Состраданіе его обуславливается не добродѣтелями низшихъ классовъ, потому что создать эти добродѣтели они безсильны, а реальными бѣдствіями униженныхъ и оскорбленныхъ, хотя и не образцовыхъ людей.

Итакъ, тутъ, въ районѣ Теплой и Крохмальной улицъ, источникъ тѣхъ впечатлѣній, которые Юдымъ уже не можетъ забыть, а потому не можетъ отдаться безмятежному процессу личной жизни. Но въ Варшавѣ ему не удастся найти никакого удовлетворенія своей потребности въ этико-соціальной работѣ. Случай приводитъ его въ новую обстановку, повидимому, болѣе благоприятную для этого. Но и здѣсь приходится разочароваться. Люди, съ которыми ему тутъ приходится имѣть дѣло, очень интересны, какъ представители извѣстной исторической формаціи польскаго общества. Когда-то буря выкинула ихъ изъ родныхъ палестинъ и разметала по различнымъ концамъ Европы, включительно до Константинополя. Это были все родовитые шляхтичи, но только немногіе изъ нихъ сохранили свои средства, прочимъ же пришлось пройти очень тяжелую школу за границей, браться за всевозможныя занятія для поддержанія существованія. Въ концѣ концовъ почти всѣ вернулись домой, умудренные практическимъ опытомъ, окруженные уваженіемъ, какъ борцы и страдалцы. Поддерживая одинъ другого, они пристроились при лѣчебномъ заведеніи Циссы, въ качествѣ акціонеровъ, директоровъ, экономовъ, смотря по своимъ средствамъ, знаніямъ и склонностямъ. Всякій изъ нихъ гордо отвергъ бы обвиненіе въ филистерствѣ, указавъ на свою біографію, но къ идеямъ Юдыма, когда онъ изъ теоріи готовъ перейти въ дѣйствительность, они относятся съ такимъ же враждебнымъ упорствомъ, какъ и варшавскіе врачи. Ихъ попеченіямъ поручено „общественное“, т. е. акціонерное дѣло, и они искренно считаютъ себя достойными ува-

женія дѣятелями, потому что добросовѣстно заботятся объ интересахъ акціонеровъ, курортныхъ гостей и своихъ собственныхъ. Съ кислой примесью, въ качествѣ обязательной филантропіи, они нехотятъ поддерживать жалкую больницу и амбулаторію для мѣстнаго крестьянскаго населенія, какъ и варшавскіе врачи участвуютъ во всякихъ благотворительныхъ обществахъ и попечительствахъ, считая тѣмъ свои демократическія обязанности исчерпанными. Но когда Юдымъ требуетъ отъ нихъ, чтобы они всѣ остальные интересы подчинили интересамъ окружающаго сермяжнаго люда, они приходятъ въ ужасъ.

Главное, что ихъ раздражаетъ, это опять таки то, что имъ, всѣми уважаемымъ дѣятелямъ, снѣются ставить на видъ, будто они не исполняютъ своего нравственнаго долга. Они, конечно, не рѣшаются возражать Юдыму съ принципиальной точки зрѣнія,—въ этомъ случаѣ пришлось бы обнаружить всю свою буржуазную узость,—но глухой оппозиціей стараются выжить „безпокойнаго“ человека. Исторія этой замаскированной борьбы весьма характерна для мѣстныхъ условій, гдѣ, благодаря отсутствію публичности и свободной критики, расцвѣтаютъ и поддерживаются дутыя репутаціи, провинціальныя знаменитости и доморощенные фетиши, на которыхъ никто не смѣетъ посягнуть подъ страхомъ быть признаннымъ „врагомъ народа“. Весь конфликтъ между Юдымомъ и администраціей изъ за вреда, приносимаго населенію гнилыми водами курортныхъ прудовъ, поразительно похожъ на известную драму Ибсена, что отмѣчено и польской критикой, но о литературномъ заимствованіи едва ли можетъ быть рѣчь: въ основѣ разсказа г. Жеромскаго, говорятъ, лежитъ совершенно реальный фактъ, что показываетъ только, съ какимъ чутъемъ правды умѣлъ Ибсенъ возсоздать дѣйствительность.

Д-ръ Штокманъ у Ибсена собирается оздоровить массу, устроивъ школу, гдѣ онъ научитъ уличныхъ мальчишекъ быть истинно свободными людьми. Д-ръ Юдымъ не можетъ прибѣгнуть къ этому средству, но онъ также твердо рѣшилъ посвятить свою жизнь физическому, умственному и нравственному оздоровленію и освобожденію народа. До этого, однако, онъ долженъ пройти еще одинъ этапъ „сентиментальнаго путешествія“, гдѣ окончательно укрѣпятся его взгляды, зародившіеся на Крохмальной улицѣ. Для этой цѣли нельзя было найти лучшей среды, какъ районъ каменноугольныхъ копей и группирующихся вокругъ нихъ желѣзо-дѣлательныхъ заводовъ. Это внутренній кругъ ада, это квинтэссенція массовыхъ страданій, это мѣсто дѣйствія во всѣхъ подробностяхъ организованной зловредной силы, направленной на коверканіе человѣческой жизни. Впрочемъ, для тѣхъ, кто читаетъ романъ г. Жеромскаго, не нужно ничего прибавлять: картины, которыя онъ проводитъ передъ глазами читателя, не могутъ быть забыты. На этомъ огненно-черномъ фонѣ выдѣляется

трагическая фигура загадочного инженера Коржецкого, представителя какого-то нового, неясного для нас, міросозерцанія. Въ немъ соединяются совершенно противоположныя черты: самоувѣренный индивидуализмъ и какое-то заискиваніе передъ всемогущимъ патрономъ, пессимистическая разочарованность въ плодотворности всякихъ человѣческихъ усилій и рискованная игра съ контрабандой. Типъ ли это общественнаго декаданса и вырожденія или, напротивъ, еще не перебродившія дрожжи будущаго,—едва ли можетъ сказать самъ авторъ; онъ знаетъ только—и далъ это почувствовать читателю,—что такіе люди существуютъ. Чувствуется также, что Коржецкій и Юдымъ, исходя, быть можетъ, изъ различныхъ философскихъ и общественныхъ убѣжденій, вовсе не такъ далеки въ конечныхъ практическихъ выводахъ, и что Юдымъ, жертвуя всѣмъ личнымъ въ пользу страдающаго ближняго, только занимаетъ постъ, оставшійся вакантнымъ за смертью Коржецкого. Въ какой формѣ д-ръ Юдымъ собирается осуществить свою потребность подвига? Какая его программа? Намъ кажется, что мы не имѣемъ права ставить такіе вопросы автору; это значило бы навязать ему роль публициста. Ему важно высказать, какимъ путемъ герой дошелъ до такой степени интенсивности общественныхъ инстинктовъ, но за цѣлесообразность и практическую ихъ послѣдствій онъ не отвѣчаетъ. Очень можетъ быть, что усилія Юдымы пропадутъ даромъ, тогда онъ кончитъ тѣмъ, чѣмъ кончилъ Коржецкій: пустить себя пулю въ лобъ нисколько не труднѣе, чѣмъ отказаться отъ любимой женщины, а это Юдымъ уже сдѣлалъ.

При той нервности, съ которою авторъ слѣдитъ за впечатлѣніями и чувствами своихъ дѣйствующихъ лицъ, весьма естественно, что романъ его не отличается ни стройностью плана, ни даже равномерностью художественнаго достоинства отдѣльныхъ частей. Нѣкоторые эпизоды, представляя большой интересъ сами по себѣ, весьма слабо связаны съ общимъ. Сюда относится, напр., неподражаемо реальный дневникъ панны Іоаси; съ трудомъ вѣрится, что это не простой „человѣческій документъ“, прямо взятый изъ тетради несчастной одинокой учительницы,—столько въ немъ отрывочнаго, недоговореннаго, очевидно, вовсе не предназначеннаго для того, чтобы дать читателю беллетристически законченную картину; и все-таки съ каждой страницы такъ и вѣетъ ароматомъ дѣвственно-чистой души. Есть и совершенно неудачныя подробности, какъ, наприм., вся глава о подвигахъ проказника Дызи. Для чего она понадобилась? Не говоря уже о томъ, что для развитія дѣйствія въ романѣ этотъ Дызя болѣе чѣмъ излишенъ, самый его характеръ, взятый безотносительно, настолько утрированъ, что даже не заставляетъ смѣяться. Повидимому авторъ хотѣлъ и тутъ довести юморъ до слезъ, но въ этомъ потерпѣлъ рѣшительно неудачу. Наконецъ, есть въ романѣ обычныя

у г. Жеромскаго изображенія страданій, которыя интересуютъ его, какъ таковыя, а не съ точки зрѣнія ихъ специальныхъ причинъ, напр., врачебный визитъ д-ра Юдыма къ чахоточной зачолустной помѣщицѣ. Это также несомнѣнно вставная сцена, нарушающая ходъ дѣйствія. Но зато, какъ самостоятельный очеркъ, этотъ эпизодъ производитъ весьма сильное впечатлѣнiе. Быть можетъ, онъ не лишнiй и для задачи автора: такую варіацію на основную тему, еще на одну ступень повышается воспримчивость читателя къ картинамъ земного ада и тѣхъ страданій, устраненію которыхъ посвящаетъ себя д-ръ Юдымъ.

Видя въ жизни одно горе и несчастье, можно ли не сдѣлаться пессимистомъ? Иногда кажется, что г. Жеромскій близокъ къ нему. Но въ концѣ концовъ жажда жизни и счастья берутъ перевѣсъ, и онъ не можетъ помириться съ мыслью, что для человѣчества нѣтъ выхода. Самоотреченіе, смерть могутъ быть необходимою въ данный историческій моментъ, но никогда не угаснетъ въ человѣческомъ сердцѣ стремленіе къ радости. Нѣчто въ этомъ родѣ служить содержаніемъ недавно появившагося *) разсказа г. Жеромскаго („Ариманъ“), для котораго авторъ избралъ необычную форму и обстановку. Всегда придерживающійся реального тона, точно извѣстной и детально наблюденной среды, г. Жеромскій на этотъ разъ ведетъ насъ въ романтическій туманъ первыхъ вѣковъ нашего лѣтосчисленія, въ страну пирамидъ. Нѣкій старецъ, могучій и богатый вельможа, познавъ тщету жизни, измѣривъ мыслью всю глубину человѣческихъ несчастій въ обществѣ себя подобныхъ, раздастъ свое имущество, беретъ своего новорожденного сына и отправляется съ нимъ въ оазисъ Ливійской пустыни, гдѣ и воспитываетъ младенца въ полномъ невѣдѣніи земного зла. Источникомъ такового онъ считаетъ женщину, и поэтому, когда въ сынѣ его, уже въ юношескомъ возрастѣ, пробуждаются неясныя мечты любви, старецъ внушаетъ ему, что онъ долженъ побороть въ себѣ эти соблазны сатаны. По смерти отца юноша подвергается искушенію со стороны дѣйствительной женщины, но помня завѣтъ отца и считая прекрасный образъ, который видитъ передъ собою, воплощеніемъ хитраго дьявола, онъ, для обузданія бунтующейся природы, жжетъ себѣ на огнѣ пальцы одинъ за другимъ. Лишь когда онъ видитъ у своихъ ногъ бездыханное тѣло соблазнительницы, въ немъ происходитъ переломъ, и онъ обращается къ тѣни отца съ энергическимъ протестомъ противъ угнетенія: „Да будетъ проклята твоя любовь ко мнѣ, отъ которой началась твоя сила, а моя слабость. Жадный, завистливый искоренитель счастья, отчего ты не пошелъ къ сатанѣ учиться добротѣ? Добръ сатана и царство его блажен-

*) „Ateneum“. 1901, №2.

ства ночь. Да будетъ благословенъ попопъ его тихій, и пусть погаснетъ въ груди моей твой пламень“.

Едва ли въ этомъ разсказѣ надо видѣть поворотъ въ писательской карьерѣ г. Жеромскаго. Мы имѣемъ здѣсь, вѣроятно, лишь случайную экскурсію автора въ чуждую ему область. Ему незачѣмъ прибѣгать къ условнымъ красотамъ далекихъ странъ и эпохъ, чтобы создавать крупные по своей человѣческой значительности образы. Г. Жеромскій строгій, если угодно безпощадный реалистъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ это приложимо къ лучшимъ русскимъ писателямъ. Отъ этого, вѣроятно, его произведенія и задерживаютъ въ насъ столько родныхъ струнъ и воспоминаній. Мы видимъ въ немъ попеременно то мрачную меланхолическую послѣднихъ произведеній г. Чехова, то болѣзненную восприимчивость Гаршина, то страстную потребность интеллигента заплатить свой социальный долгъ, какъ у Л. Толстого. А по самой писательской манерѣ польскій художникъ имѣетъ много общаго съ „жестокимъ талантомъ“ Достоевскаго. Все это не внѣшнія черты, которыя можно взять на прокатъ, а признаки глубокаго сродства душъ, если можно такъ выразиться. Мы имѣемъ здѣсь въ виду не племенное родство славянской души въ противоположность германской или романской, а близость душевнаго строя польской и русской интеллигенціи, сложившейся въ сходныхъ общественныхъ условіяхъ, въ отличіе отъ польскихъ и русскихъ аграріевъ, буржуа и др. классовъ. Есть, конечно и спеціальныя условія, сообщающія той и другой черты различія, но именно въ творчествѣ г. Жеромскаго эти различія мало ощущаются, тогда какъ сходства звучатъ яснымъ и могучимъ аккордомъ.

Евгеній Дегенъ.

ГИМНАЗИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

I.

Первый день.

Еще за недѣлю до этого дня Аркатовъ началъ чувствовать какую-то особенную тоску.

Во первыхъ, вакаціи кончались... Кончались блаженная утрѣ со снаемъ, сколько влѣзетъ, — утрѣ безъ тягостной мысли объ урокахъ, объ отмѣткахъ, о выученномъ и невыученномъ...

Во вторыхъ, ученіе начиналось 17-го августа, а Аркатовъ долженъ былъ впервые появиться въ гимназіи лишь 1-го сентября. При его поступленіи, въ началѣ августа, во 2-й классъ гимназіи была разрѣшена по просьбѣ родителей отсрочка — и это очень озабочивало Аркатова... Сколько они тамъ успѣютъ уже пройти безъ меня въ двѣ-то недѣли! Догонять придется изъ латыни! — думалъ онъ съ тоской, хорошо понимая, что латынь — не въ примѣръ всѣмъ прочимъ наукамъ — не свой братъ, и что съ ней шутки плохи!

Въ третьихъ, Аркатовъ хотя уже и позналъ всю обстановку школьнаго ученія, хотя и учился уже цѣлый годъ предъ этимъ въ реальномъ училищѣ — въ другомъ городѣ — но реальное училище — одно, а гимназія — совсѣмъ другое... А, главное, новые товарищи! Въ реальномъ училищѣ товарищей было немного — человѣкъ двадцать, а здѣсь ихъ, говорятъ, болѣе сорока!..

Наконецъ, онъ былъ слабъ въ латинскомъ языкѣ, потому что проходилъ его — за первый классъ гимназіи — дома своими средствами и вступительный экзаменъ изъ латыни выдержалъ очень скверно.

— За двѣ-то недѣли теперь сколько уже успѣли и проспиритъ и просклонять! — думалъ съ тревогой Аркатовъ: — и выучили массу новыхъ словъ и, Богъ знаетъ, чего! И зачѣмъ только, подумаешь, просили для меня отсрочку!..

Наканунѣ рокового дня Аркатовъ совсѣмъ разстроился... Онъ встрѣтился на улицѣ съ однимъ изъ тѣхъ мальчиковъ, которые поступили нынче вмѣстѣ съ нимъ во второй классъ. Мальчуганъ держался бодро, высокомерно и обо всемъ, что онъ увидѣлъ и позналъ въ гимназіи, трактовалъ съ важнымъ видомъ.

— Изъ латыни много прошли? — тревожно спросилъ Аркатовъ.

— Изъ латыни-то?... Э-э, братъ!.. Изъ латыни директоръ столько пословицъ уже накатылъ!.. Бѣда!..

— Какихъ пословицъ? — удивился Аркатовъ.

— Какъ какихъ? Латинскихъ. Напримѣръ: „Dum pauper clamat, janua limen amat“ — или „Barba crescit, caput nescit“... Ты знаешь ихъ?

Аркатовъ не имѣлъ никакого представленія о латинскихъ пословицахъ и не предполагалъ даже, чтобы онъ могли входить въ программу преподаванія...

— Да ихъ, что-же... учать, что-ли?

— А то какъ-же? Учатъ! Да еще какъ! Директоръ диктуетъ ихъ по алфавиту, а мы записываемъ и учимъ по порядку — одну за другой. Теперь ужъ на D учимъ!..

— И спрашиваетъ?..

— Еще какъ спрашиваетъ-то!.. Одну пословицу заставить весь классъ повторить... А не повторишь — бранится: „Plohandus“ — ты!.. Какой ты ученикъ!.. „Glupendus“ — ты!

Собесѣдникъ Аркатова вдругъ сгорбился, сдѣлалъ какое-то особенное лицо и произнесъ послѣднія слова, очевидно, передразнивая директора... На Аркатова они подѣйствовали, точно какой-то жупель.

— Что такое „plohandus“? — спросилъ онъ.

— А это онъ такъ кричитъ, когда ему переврутъ пословицу. — Plohandus! plohandus — ты!.. Строгій до чего, такъ, просто, страсти!.. А какіе у насъ ученики есть! Одинъ совсѣмъ большой — съ бородой и съ усами... Директоръ постоянно спрашиваетъ его пословицу: „Barba crescit, caput nescit“, — а онъ никогда ея не знаетъ и даже не можетъ повторить! А то одинъ ученикъ есть, Пронинъ — его „Буйволъ“ зовутъ или „Таугус“ — такъ онъ на всѣхъ кидается! Прямо по партамъ скачетъ! Громадный! А то есть еще жидъ Апфельбаумъ, такъ тотъ священника передразниваетъ отлично и лазить подъ партами и сапоги у учениковъ съ ногъ стаскиваетъ!..

Этотъ разговоръ поселилъ въ душѣ Аркатова такой страхъ предъ грядущимъ днемъ, что онъ едва не заплакалъ... Латинскія пословицы!.. Ужъ на D начали; стало быть, на А, на В и на С уже всѣ выучили! Какой-то „plohandus“... Что-то совсѣмъ новое и страшное, а, главное, непредвидѣнное!.. Еще

можно было бы выучить впередъ по книжкѣ что нибудь изъ курса 2-го класса, но тамъ никакихъ пословицъ и въ поминѣ не было...

Придя домой, онъ сталъ разспрашивать по поводу этихъ тревожившихъ его обстоятельствъ своего старшаго брата, студента, который готовилъ его изъ латыни.

— Развѣ во второмъ классѣ проходятся пословицы? Латинскія?..

— Никакихъ пословицъ въ программѣ нѣтъ! — отвѣчалъ братъ:—начинаютъ во второмъ классѣ съ глагола „sum“. Ты его уже знаешь.

— А вонъ у насъ, говорятъ, у директора латинскія пословицы учатъ... У васъ учили?

— Вѣроятно, вашъ директоръ сказалъ вашимъ ученикамъ двѣ-три пословицы въ видѣ примѣровъ—только и всего! это бываетъ! Этакъ и мы немножко-то знали!

— Ну, нѣтъ! У насъ ихъ цѣлая прорва! И на А, и на В, и на С... У васъ, стало быть, по другой—старой программѣ ученье было! А ты не разузналъ дѣла и меня подготовилъ по старой... Можетъ быть, и въ первомъ классѣ что нибудь такое проходили, чего я теперь, вотъ, и не знаю!

— Вотъ еще глупости! Да вѣдь ты же выдержалъ экзаменъ—чего жъ еще тебѣ? Да и программы вовсе не мѣняли!

— А что такое „Plohandus“?—спросилъ, подумавъ, Аркатовъ.

— Что?

— Plohandus!

— Это ты еще откуда выкопалъ?

— Латинское слово какое-то!.. Кажется, ругань! Директоръ, говорятъ, такъ бранится... Еще другое есть такое же... Я его забылъ.

Братъ только разсмѣялся, но ничего не отвѣтилъ...

Роковой день насталъ, и Аркатовъ отправился вмѣстѣ со старшимъ братомъ въ гимназію...

Братъ шелъ мрачный, досадуя, что ведетъ своего братишку словно нянька и что придется вводить его въ гимназію и сдавать на руки инспектору... Аркатовъ чувствовалъ, что братъ не доволенъ, и поэтому не дерзалъ заговаривать съ нимъ и затаилъ въ себѣ свое горе и страхъ. Вотъ и гимназія въ концѣ улицы. У Аркатова сжалось сердце.

Вступивъ на крыльцо и пройдя двойныя двери, братья очутились въ темной и низкой швейцарской... Аркатова поразили смѣшанный гулъ голосовъ, раздававшійся съ боковъ, сверху, снизу... Гдѣ-то наверху рѣзко дребезжалъ колокольчикъ, и изъ двери направо шли нескончаемой вереницей,

толкаясь и разговаривая, сѣрые большіе и маленькіе гимназисты. Ихъ было такъ много, что у Аркатова зарябило въ глазахъ. Гимназисты шли Наверхъ... направо поднималась кверху лѣстница, покрытая пыльнымъ матомъ... Аркатовъ замѣтилъ только это, да еще то, что у лѣстницы были пренелѣпыя красныя перила, тогда какъ стѣны были сѣро-голубого цвѣта...

Гдѣ и какъ и когда онъ раздѣлся. Аркатовъ совершенно не помнилъ. Онъ помнилъ только темную, съ низкими сводами швейцарскую, желѣзную печь въ углу, стеклянную дверь и ужасающее количество сѣрыхъ, толкавшихся мальчиковъ...

Вотъ и лѣстница съ красными перилами, а затѣмъ площадка... Тутъ вѣшалки съ учительскимъ платьемъ и широкая стеклянная дверь, надъ которой прибита небольшая черная доска съ бѣлой надписью „классъ“. А за дверью какая-то тьма и всеобъемлющій гулъ голосовъ... Братъ беретъ Аркатова за руку, и они оба входятъ въ эту тьму, которой суждено нынѣ на семь лѣтъ полонить Аркатова и тяготѣть надъ нимъ.

У самой двери Аркатову попался какой-то странный ученикъ: съ желтымъ испитымъ лицомъ и въ куцомъ мундирчикѣ, доходившемъ только до таліи (большинство гимназистовъ были одѣты въ сѣрыя блузы, а если у кого и были мундирчики—то не куцые, а настоящіе). Аркатовъ изумился такому „сокращенному“ костюму, не зная, что въ этой гимназіи такъ одѣвали пансіонеровъ, для чего-то отмѣчая ихъ такимъ образомъ предъ своекоштными учениками.

Субъектъ, носившій это шутовское, по мнѣнію Аркатова, одѣяніе, стоялъ, небрежно прислонившись къ двери, и когда Аркатовъ остановился около него, задержанный толпою, онъ впился въ него глазами и грубымъ басомъ, рѣзко и отрывисто спросилъ его:

— Ты новичекъ?

— Да,—отвѣтилъ Аркатовъ, съ тревогою глядя на желтую, не внушающую никакого довѣрія фizioномію...

— Въ какой классъ? Во второй? Въ параллельный или основной?

Аркатовъ не зная этого и двинулся далѣе, но грубый и ужасный незнакомецъ обогналъ его и, какъ бы невзначай, смотря куда то въ сторону, такъ щипнулъ Аркатова, что у того слезы выступили...

Непривѣтливо встрѣтила его гимназія!..

Братъ куда-то исчезъ. Инспекторъ, откуда-то появившійся, взялъ Аркатова за голову (такъ ему было всего сподручнѣе) и повелъ его, пробираясь въ узкомъ и необычайно высокомъ корридорѣ, въ классъ...

Аркатовъ чувствовалъ какой-то необъяснимый трепетъ. Классъ, куда инспекторъ привелъ его, былъ громадный съ четырьмя окнами и ободранными грязными стѣнами... Полъ былъ весь загаженъ мѣломъ и чернилами и заплывающъ. Воздухъ пыльный, порядка никакого. Когда Аркатовъ вошелъ въ классъ, его охватилъ такой гвалтъ, что у него въ ушахъ зазвенѣло. Всѣ сорокъ, сорокъ пять учениковъ возились и галдѣли, кто во что гораздъ. Въ одномъ углу дрались, въ другомъ учили во все горло Законъ Божій и спрягали глаголы... Откуда-то прилетѣла пыльная подушка, которой стираютъ съ классной доски, и шлепнулась на парту, выпустивъ изъ себя цѣлое облако бѣлой пыли... Какой-то гимназистъ бѣгалъ прямо по партамъ, ловко перескакивая съ одной на другую и чуть не попадая ногами на тѣхъ, кто сидѣлъ за столами...

— Это „буйволъ“!—подумалъ съ ужасомъ Аркатовъ. При видѣ инспектора гвалтъ сразу затихъ. Бѣжавшій по партамъ „Буйволъ“ (онъ-же „Taугус“) вдругъ словно сквозъ землю провалился. Дравшіеся разлетѣлись въ разныя стороны.

— Что у васъ тутъ за безобразіе?—закричалъ инспекторъ:—Какъ твоя фамилія?—обратился онъ къ одному изъ драчуновъ:—ступай на молитву въ дежурную — въ уголъ! А гдѣ мѣсто Аркатова?

Мѣсто Аркатова оказалось на самой послѣдней партѣ. Учащихся разсаживали по алфавиту, начиная съ заднихъ партъ. Аркатовъ пролѣзъ на указанное мѣсто и очутился по срединѣ длинной четырехмѣстной парты. Съ одной стороны сосѣдомъ его оказался тотъ самый Апфельбаумъ, который, по словамъ вчерашняго аркатовскаго знакомаго, лазилъ подъ партами и стаскивалъ съ учениковъ сапоги... Аркатовъ увидѣлъ и этого вчерашняго знакомаго: онъ сидѣлъ на первой партѣ, училъ урокъ и имѣлъ теперь самый жалкій видъ.

Едва инспекторъ ушелъ, какъ возня возобновилась. „Таугус“ сталъ опять бѣгать по партамъ.... Это бѣганье, повиdimому, составляло главный смыслъ его существованія.... Нѣкоторые храбрые ученики дразнили его: — „Буйволъ“! Онъ кидался на нихъ и безцеремонно пиналъ ихъ ногами, уподобляясь скорѣе лошади, чѣмъ буйволу....

Но вотъ снова задребезжалъ звонокъ....—Въ пары! Въ пары!—крикнулъ, появляясь въ дверяхъ, надзиратель. Къ Аркатову присосѣдился Апфельбаумъ и, кривляясь и корча гримасы, пошелъ вмѣстѣ съ нимъ по темному и узкому коридору въ залъ, фамиллярно щелкая Аркатова время отъ времени по затылку.... Аркатовъ только ежился и съ тоскою думалъ: „Когда же кончатся эти испытанія? Неужели здѣсь постоянно такія безобразія“?...

И вотъ онъ опять въ классѣ. Опять кругомъ него гомонъ и крикъ и самое непринужденное настроеніе духа у большинства изъ этихъ 40—45 мальчугановъ, изъ которыхъ вмѣстѣ съ Аркатовымъ дойдутъ до 8-го класса только двое—трое, а остальные исчезнутъ для Аркатова невѣдомо куда, и даже имена ихъ навсегда улечутся изъ аркатовской памяти.... Теперь же память его машинально работаетъ, запоминая лица, фамилии и постепенно выдѣляя то или другое лицо изъ общей сѣрой массы крикливаго и драчливаго народа.

Пробравшись за спиною Апфельбаума на свое мѣсто, Аркатовъ досталъ книжки, аккуратно разложилъ ихъ предъ собою и самымъ смиреннымъ образомъ сталъ созерцать происходившую предъ нимъ суматоху... Два или три раза въ классъ заглядывалъ надзиратель — необыкновенно худой, древній длинноносый старикъ — кричалъ шепелявымъ голосомъ:— тише!—и скрывался. Опять откуда-то пролетѣла мѣловая подушка или тряпка.... Опять пробѣжалъ по партамъ „Таугус“—Пронинъ и, усѣвшись на свое мѣсто, немедленно затѣялъ возню съ двумя маленькими мальчуганами, дразнившими его. Онъ расправлялся съ ними жестоко: щипалъ ихъ и даже билъ наотмашъ, но тѣ не унимались и, повидимому, находили какое-то удовольствіе въ опасности дразнить „Буйвола“. Одинъ изъ сосѣдей Аркатова, сидѣвшій впереди его,—по фамиліи Гуляевъ—заинтересовался какими-то сакраментальными буквами, начертанными на классной доскѣ, и прочелъ ихъ вслухъ:

— „Пу-пу“...

Но едва онъ произнесъ это странное слово, какъ на него накинута высокая, худой и сгорбленный ученикъ съ обезьяньей сморщенной физиономіей и съ идиотски озлобленнымъ видомъ сталъ бить его.

— Не дразнись!.. Не дразнись!..—кричалъ онъ.

Гуляевъ пытался защищаться, но таинственный и свирѣпый „Пу-пу“ такъ отдѣлалъ его, что мальчуганъ пустился въ слезы... Окружающіе немедленно заинтересовались скандаломъ и со всѣхъ сторонъ раздали восклицанія:

— Пу-пу!.. Пупа!.. Идіоты!..

Пу-пу бросился на другого оскорбителя все съ тѣмъ-же идиотски озлобленнымъ видомъ... Гуляевъ ревѣлъ во все горло... Апфельбаумъ принялъ въ немъ участіе.

— Ты плюнь на него! Поди и плюнь! — посоветовалъ онъ ему...

Гуляевъ послушался совѣта и, перегнувшись черезъ парту, плюнулъ прямо въ затылокъ „Пу-пу“... Но какъ разъ въ эту

минуту въ классъ вошелъ учитель русскаго языка и замѣтилъ это...

Ученики повскакали на ноги. Пупу обернулся было къ Гуляеву, но застылъ на мѣстѣ, увидѣвъ учителя. Гуляевъ покраснѣлъ до послѣдней степени и снова заревѣлъ — на этотъ разъ отъ страха.

— Ты это что дѣлаешь?...—напустился на него учитель:—плюнешься?... Ахъ, ты безобразникъ!

— Мнѣ Апфельбаумъ ве-елѣлъ!..—прорыдалъ Гуляевъ.

Апфельбаумъ испугался, скорчилъ ужасную гримасу и полѣзъ, было, подъ столъ... Но страхъ его былъ напрасенъ: учитель не обратилъ на него никакого вниманія.

— А ты не слушайся, коли тебѣ дуракъ велить!—промолвилъ онъ ревѣвшему Гуляеву и прошелъ къ каедрѣ. Классъ затихъ, и урокъ, первый урокъ для Аркатова въ гимназiи, начался...

Въ перемѣну опять поднялась суматоха, бѣганье попартамъ, поддразниваніе Пупу и киданье тряпкой... Какой-то отвратительный мальчишка съ красной фізіономіей, злыми глазами и пискливымъ голосомъ вдругъ почему-то не влюбилъ Аркатова. Онъ придирался къ нему, пытался вызвать его на драку и дразнилъ „Бразильской обезьяной“. Аркатовъ всѣми силами избѣгалъ его, и этотъ ужасный ученикъ успѣлъ сдѣлаться въ теченіе короткаго времени настоящимъ пугаломъ для Аркатова, еще худшимъ, чѣмъ Пупу или Пронинъ...

Томясь и тоскуя въ массѣ окружающихъ его ребятешекъ, Аркатовъ ни къ кому изъ нихъ не могъ пристроиться и никакъ не могъ рѣшиться принять участіе въ общихъ играхъ и затѣяхъ... Вчерашній пріятель прекратилъ зубреніе и всецѣло былъ поглощенъ травленіемъ Пупу и спасеніемъ отъ него. Несчастный идиотъ совершенно сбился съ ногъ, преслѣдуя своихъ обидчиковъ, и въ концѣ концовъ сталъ кидаться на праваго и виноватаго. Проходя мимо Аркатова, смиренно стоявшаго въ дверяхъ, онъ вдругъ развернулся и ни съ того, ни съ сего такъ хватилъ его кулакомъ по спинѣ, что у того сдавило дыханіе. Въ эту же минуту невѣдомо кѣмъ пущенная тряпка попала Аркатову въ лицо, обдавши его удушливой мѣловой пылью... Аркатовъ не выдержалъ и, еле-еле удерживаясь отъ слезъ, трясясь отъ душившаго его гнѣва, выбѣжалъ въ корридоръ, хотя перемѣна уже кончилась, и директоръ—страшный директоръ—того и гляди, долженъ былъ войти со своими пословицами въ классъ.

И долго еще послѣ того, во всѣ послѣдующіе дни Аркатовъ во время перемѣнъ уходилъ изъ класса, боясь, что

Пронинъ, скачущій по партамъ, проломить ему голову... А между тѣмъ, въ корридорѣ были свои опасности: тамъ бродили громадные дикіе ученики старшихъ классовъ, наротившіе тоже изобидѣтъ смиреннаго мальчугана.

Урокъ латинскаго языка, котораго такъ боялся Аркатовъ, оказался самымъ простымъ и легкимъ. Директоръ, правда, кричалъ, но кричалъ только потому, что голосъ его былъ слишкомъ слабъ, а классъ слишкомъ великъ; но въ его голосъ не было никакой свирѣлости. Напротивъ, весь его видъ, вся походка были исполнены мягкаго старческаго благодушія...

Спрашивая урокъ у одного вызваннаго ученика, онъ одновременно спрашивалъ весь классъ, не давая никому дремать или ротозѣйничать. Пословицы, такъ напугавшія вчера Аркатова, оказались очень невинной штукой... Такъ какъ директоръ заставлялъ послѣдовательно нѣсколькихъ учениковъ повторять одну и ту-же пословицу, то онъ сами собою запоминались, и Аркатовъ успѣлъ выучить добрую четверть всего ихъ количества (на А, на В, на С). Присматриваясь къ веденію урока, онъ, между прочимъ, замѣтилъ, что у директора два или три ученика были на особенно хорошемъ счету. Происходили такіа сцены:

— Лавровъ!—обращался директоръ къ вызванному имъ ученику:—Говори, какія знаешь пословицы на Д? Какъ будетъ: „двое даетъ, кто скоро даетъ“?

— Bis dat...—начиналъ Лавровъ и запинаясь.

— Plohandus, братъ, ты! не знаешь! Аникіевъ, скажи ему!

Аникіевъ, который былъ на хорошемъ счету у директора, поднимался и тихо, но ясно произносилъ:

— Bis dat, qui cito dat!

— Нѣтъ, ты ему еще разъ повтори! Ему одного раза мало!..

— Bis dat, qui cito dat!

— Ты громче! Онъ не слышитъ!..

— Bis dat, qui cito dat!—еще разъ повторялъ, скромно улыбаясь, Аникіевъ.

— Ты къ нему повернись! Ему скажи, а не мнѣ!

Аникіевъ, смѣясь, оборачивался къ краснѣвшему и переминавшемуся съ ноги на ногу Лаврову и въ четвертый разъ повторялъ латинскую фразу... И послѣ этого фразы отправлялась еще гулять по всему классу...

— Александровъ! повтори! Анфѣльбаумъ! не слыхалъ? Э, plohandus ты!.. О чемъ ты думаешь?.. Басихинъ, скажи ему!.. Слѣдующій!.. Слѣдующій!

— А какъ будетъ „a verbo“ *) отъ „do“?— снова обращается директоръ къ Лаврову.

*) Т. е. коренныя слова.

— Do, davi, datum...

— Davi!—уныло протягивалъ директоръ:—davi!.. Плохъ-же ты! настоящий плохандусъ!.. Аникіевъ, Расскажи ему!..

— Do, dedi, datum, dare!—говоритъ Аникіевъ.

— Почему онъ знаетъ?—спрашивалъ директоръ, кивая на Аникіева, который скромно потуплялъ глаза.. — Почему онъ знаетъ?.. потому, что уроки учить, дѣло дѣлаетъ, а не бездѣльничаетъ! Почему ты урока не выучилъ?

— Книги не было!

— Гдѣ-же твоя книга? куда ты ее дѣвалъ?

— Не купилъ еще!

— Какой же ты ученикъ?... Ученикъ безъ книги то-же, что солдатъ безъ оружія!.. Кто учится безъ книги, тотъ черпаетъ воду рѣшетомъ. Qui studet sine libro, is haurit aquam cribro... Повтори!

Лавровъ повторяетъ, но путается.

— Аникіевъ, повтори ему!

И опять весь классъ повторяетъ пословицу... И Апфельбаумъ, и Александровъ, и даже на этотъ разъ Аркатовъ... Директоръ замѣтилъ его:

— Ты Аркатовъ?

Аркатовъ поднялся, блѣдный и смущенный.

— Да.

— А у тебя книга есть?

— Есть.

— Уроки училъ? Пословицы знаешь? Къ завтраму спиши ихъ всѣ въ тетрадку... Спиши у Аникіева, а у Лаврова, смотри, не списывай! Учи по десяти штукъ въ день. Когда кончишь, скажи! Я тебя спрошу!..

.....
Когда уроки кончились, Аркатовъ, получившій еще разъ заушеніе отъ „Пу-пу“ и сверхъ того какое-то нелестное замѣчаніе отъ Пронина, обиженный и оглушенный, спустился внизъ, въ швейцарскую и долго не могъ найти не только своего пальто, но даже того мѣста, гдѣ раздѣвался. Къ несчастью, оказалось, что Аркалову подмѣнили фуражку. Сторожъ долго искалъ ее послѣ того, какъ всѣ второклассники уже разошлись по домамъ...

— Какая фамилія-то у васъ, баринъ?

— Аркатовъ! Аркатовъ Георгій! На козыркѣ такъ и написано!

— Нѣтъ! Такой нѣту! — задумчиво промолвилъ сторожъ: — надѣньте, баринъ, до завтра вотъ эту, одна только осталась.

И вмѣсто своей хорошенькой и опрятной фуражки Аркатовъ получилъ чью-то громадную, неуклюжую, старую, съ

потрескавшимся козырькомъ, на исподней сторонѣ котораго было написано: „фуражка принадлежитъ, никуда не убѣжить; кто возьметъ ее безъ спросу, тотъ останется безъ носу, кто возьметъ ее безъ насъ, тотъ останется безъ глазъ“. Съ отчаяніемъ надѣвъ на голову это чудище, Аркатовъ, дѣйствительно, едва не остался безъ глазъ и безъ носа, потому что фуражка покрыла ему почти все лицо. Сторожъ кое-какъ исправилъ дѣло, подложивъ подъ околышъ бумаги, и Аркатовъ вышелъ на улицу.

Раньше того, еще находясь въ классѣ, онъ съ тоской предчувствовалъ, что ему придется идти по улицѣ съ тѣмъ краснорожимъ ученикомъ, который привязался къ нему и дразнилъ его „Бразильской обезьяной“. Предчувствіе не обмануло его: пискливый, краснорожій негодяй дѣйствительно поджидалъ его. Едва выйдя на крыльцо, Аркатовъ уже увидѣлъ впереди себя его красную физиономію. Онъ хотѣлъ, было, ускользнуть и даже сдѣлать крюкъ, направившись въ другую сторону, но его преслѣдователь, замѣтилъ его...

— А! Бразильская обезьяна!—крикнулъ онъ, повернувшись къ Аркатову.

Аркатовъ, видя, что все пропало, съ рѣшимостью пошелъ прямо навстрѣчу ему.

Краснорожій подождалъ его и, когда Аркатовъ поровнялся съ нимъ, онъ пошелъ рядомъ съ Аркатовымъ, въ ногу, ломаясь, гримасничая и толкаясь...

Аркатовъ былъ въ полномъ отчаяніи... Браниться и драться онъ не счелъ возможнымъ... Драться онъ, вообще, никогда не дрался, а браниться не стоило: краснорожій сталъ-бы еще пуще безобразничать. Аркатовъ сообразилъ это и, скрѣпя сердце, молча шагаль рядомъ съ нимъ, стараясь только поддерживать внѣшнее достоинство („полаютъ, да отстанутъ“! подумалъ онъ), но его мучитель всетаки не отставалъ и всячески старался обратить на себя вниманіе Аркатова.

— Какая ты дрянь!—пищаль онъ злымъ голосомъ, толкая Аркатова.—У тебя силенки вовсе нѣтъ! Несчастный!

Аркатовъ старался не глядѣть на его злую и скверную физиономію, но тотъ буквально лѣзъ ему въ глаза, загораживалъ дорогу, наваливался, цѣплялся сзади за ранецъ...

— Откуда ты такую шапку досталъ! на толкучкѣ купилъ старую? Деньженокъ, видно, у тятки нѣтъ? Вотъ такъ шапка!..

Онъ надвинулъ несчастную фуражку прямо на глаза Аркатову... Аркатова всего передернуло... Онъ поправилъ фуражку и крикнулъ:—отстань!

Но тотъ сталъ придирается еще пуще.

— Нищій!—кричалъ онъ, держась за рукавъ аркатовскаго

пальто и дергая его:—пальто - то у него какое! Вотъ такъ пальто!.. Ха, ха, ха!—сестренка что-ли его тебѣ спила?

— Отстань!—снова крикнулъ Аркатовъ. Онъ выдернулъ руку и зашагалъ, какъ можно скорѣе. Но краснорожій не оставалъ, продолжая издѣваться и дергая за ранецъ. Аркатова душило негодованіе. Не смотря на всю его деликатность и отвращеніе къ дракѣ, ему смертельно хотѣлось ударить оскорбителя; но онъ боялся... Боялся, что тотъ отколотитъ его или устроить какую нибудь штуку еще того хуже... Они прошли еще нѣсколько домовъ и лишь на перекресткѣ у двухъ улицъ, гдѣ учителю, очевидно, нужно было поворачивать въ другую сторону, онъ оставилъ Аркатова, но при этомъ такъ хватилъ его на прощанье по головѣ, что у Аркатова отъ боли и негодованія сдавило горло.

— У, пропащій!—крикнулъ краснорожій злымъ голосомъ, удаляясь...

Но Аркатовъ и тутъ не кинулся за нимъ, не ударилъ его... Отъ послѣдняго оскорбленія у него лишь сжалось сердце. Онъ упрекалъ себя въ томъ, что не отомстилъ этому бездѣльнику, и дозволилъ безнаказанно оскорбить себя. И еще долго послѣ этого случая Аркатовъ страдалъ отъ присутствія въ классѣ пискливаго злюки, котораго звали, какъ онъ потомъ узналъ, Янкевичемъ... Онъ долгое время не могъ выходить изъ гимназіи со спокойнымъ сердцемъ и всякій разъ старался уйти изъ класса какъ можно скорѣе, пока Янкевичъ еще оставался тамъ... Лишь позднѣе онъ узналъ, что это былъ отчаянный и ничтожный трусъ, презираемый всѣмъ классомъ и вымещавшій свое ничтожество на болѣе слабыхъ ученикахъ. Аркатовъ узналъ это значительно позднѣе, лишь послѣ того, какъ однажды, окончательно выйдя изъ себя, подшибъ пряжкой ремня краснорожему негодяю глазъ и храбро передразнилъ его на смѣхъ и удивленіе окружающихъ...

Но это случилось, лишь спустя долгое время... А теперь идя домой, послѣ своего перваго посѣщенія гимназіи, Аркатовъ ощущалъ страшную тоску и горечь въ сердцѣ и чувствовалъ себя всѣми покинутымъ и презираемымъ.

Какovy же оказались итоги этого перваго дня? Что онъ вынесъ сегодня изъ гимназіи?

Вынесъ, во первыхъ, то, что „plohandus“—вовсе не латинское слово. Вынесъ затѣмъ знакомство съ Пронинымъ, Пупу и Апфельбаумомъ и, въ особенности, съ Янкевичемъ и узналъ, что страшны не столько учителя, сколько ученики... Вынесъ, наконецъ, ощущеніе голода, потому что боялся идти внизъ покупать себѣ завтракъ: тамъ было цѣлое столпотвореніе: по нижнему корридору неслись, сшибая съ ногъ встрѣчную мелюзгу, громадные ученики старшихъ классовъ,

казавшіеся миниатюрному Аркатову настоящими великанами...

И до такой степени былъ онъ оглушенъ гимназіей, ея гвалтомъ, безпорядкомъ, ссорами, драками, что, придя домой и уткнувшись носомъ въ подушку на своей постели, онъ почувствовалъ, что у него въ головѣ нѣтъ ни единой мысли, а только стоитъ какой-то туманъ и шумъ... неистовый шумъ, уничтожающій его и сжимающій сердце безпросвѣтной тоской...

II.

Аркатовъ—первый ученикъ.

Спустя мѣсяца полтора послѣ своего поступленія въ гимназію, Аркатовъ, переживъ первоначальныя униженія и обиды, сталъ постепенно приходитъ къ убѣжденію, что ему суждено занять не послѣднее мѣсто въ спискѣ учениковъ. Совершенно неожиданно для себя онъ какъ-то особенно хорошо отвѣтилъ два раза урокъ „батьшкѣ“ и получилъ по пятеркѣ съ плюсомъ (уроки были трудные, и Аркатовъ, по своему глубокому убѣжденію, зналъ ихъ очень плохо). Затѣмъ его вызывалъ нѣсколько разъ директоръ, и Аркатовъ, уже успѣвшій выучить цѣлую массу латинскихъ пословицъ, отвѣтилъ уроки блистательно. Директору это понравилось: понравилось, именно, то обстоятельство, что Аркатовъ вкладывалъ всю свою душу въ отвѣты и не тараторилъ безсмысленно и дико, какъ тараторили многіе другіе ученики, лишь зазубривши пословицы, но не чувствуя въ нихъ никакого смака. Аркатовъ, наоборотъ, отвѣчалъ тихо, достойно и съ неимоверно серьезнымъ видомъ. Нѣсколько разъ директоръ вызывалъ его поправлять Лаврова, который никакими судьбами не могъ выучить главные формы отъ глагола „dare“...

— Аркатовъ! Скажи ему!

Аркатовъ—совершенно такъ же, какъ Аникіевъ и другіе директорскіе любимцы, — поднимался и скромнымъ, даже грустнымъ голосомъ, говорилъ:

— Do, dedi, datum, dare.

— Отчего онъ знаетъ?—говорилъ тогда директоръ, указывая Лаврову на Аркатова, говорилъ совершенно тѣмъ же тономъ, какъ прежде объ Аникіевѣ.—Оттого, что уроки учить, книги имѣеть... А гдѣ твоя книга?.. Какой ты ученикъ, коли у тебя нѣтъ книги?..

Не смотря на свой грустный голосъ, Аркатовъ былъ очень доволенъ своими успѣхами, а въ описанныя минуты даже счастливъ.

Когда была устроена директоромъ первая „экстемпоралія“ (наканунѣ которой Аркатовъ мѣста не находилъ отъ волненія), и Аркатовъ блистательно выполнилъ ее, успѣхъ его у директора окончательно упрочился. Директоръ пересталъ даже вызывать его отвѣчать уроки и довольствовался только тѣмъ, что вызывалъ такъ—по мелочамъ, поправлять другихъ...

Изъ ариѳметики, которая, вообще говоря, не давалась Арка-тову, онъ, тѣмъ не менѣе, тоже имѣлъ успѣхъ, благодаря опять-таки своему серьезному и грустному виду и искрен-нему и горячему страданію, выказываемому имъ тогда, когда заданная ему учителемъ задача, не выходила... учитель жа-лѣлъ его, принималъ участіе въ аркатовскихъ мукахъ, же-лалъ облегчить ему ихъ—и Аркатовъ получалъ, иной разъ даже и не вполнѣ заслуженныя, пятерки и изъ этой отрасли человѣческихъ знаній.

Даже сухое и окоченѣлое сердце длинноносаго старика надзирателя Арка-тову удалось покорить или, по крайней мѣрѣ, временно размягчить. Впрочемъ, тутъ скорѣе сыгралъ роль слѣпой случай, и Арка-тову помогъ контрастъ его съ другимъ гимназистомъ.

Дѣло въ томъ, что старику-надзирателю, во имя его фи-зической особенности, было принято постоянно показывать носъ и онъ привыкъ къ этому, хотя привыкъ также постоянно браниться за это съ учениками. И вотъ, когда Аркатовъ, при встрѣчѣ, раскланялся съ нимъ, съ обычнымъ своимъ серьезнымъ и грустнымъ видомъ—какъ разъ вслѣдъ затѣмъ, какъ другой гимназистъ показалъ носъ—старикъ совсѣмъ растаялъ отъ удовольствія.

— Какъ твоя фамилія, негодяй?—обратился онъ къ Арка-тову, прибавляя слово „негодяй“ исключительно лишь по привычкѣ и, такъ сказать, съ разлѣта.

Узнавъ, что фамилія „негодяя“ Аркатовъ, онъ тихо про-шамкалъ своимъ беззубымъ ртомъ:

— Ага! Хорошая фамилія! Ничего, хорошая!.. Ступай!

И вотъ, когда второклассникамъ были выданы табеля за первую учебную четверть, Аркатовъ оказался первымъ уче-никомъ изъ 45 человѣкъ второго класса.

И съ этой поры онъ твердо держалъ знамя своего пер-венства въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ... но, Боже мой, чего это ему стоило!..

Изумительная несправедливость гимназической программы, обрушивающей тяжесть ученія, главнымъ образомъ, на ма-ленькіе классы и позволяющей старшимъ классамъ лѣниться и бить баклуши, дѣлала то, что Аркатовъ не зналъ теперь почти ни минуты отдыха.

Высидивая въ состояніи напряженія пять часовъ въ гимна-

зи, онъ и дома имѣлъ немного утѣшенія. Пообѣдавъ, онъ сейчасъ же принимался за уроки, и еле-еле успѣвалъ окончить ихъ къ 11, а то и къ 12 часамъ ночи... Нерѣдко у него болѣла голова и ныло все тѣло какимъ-то необъяснимымъ образомъ—вѣроятно, отъ отсутствія сколько-нибудь порядочнаго воздуха въ стѣнахъ гимназіи... Тамъ—въ корридорахъ и классахъ, совершенно не приспособленныхъ для дыханія многихъ десятковъ легкихъ и рассчитанныхъ на гораздо меньшее число ихъ—въ концѣ гимназическаго дня стоялъ какой-то сизый туманъ, пропитанный пылью, въ которомъ задыхались и ученики, и учителя... Правда, въ большую перемѣну въ классахъ полагалось открывать форточки... Но потокъ холоднаго воздуха, струившійся въ комнату, удалить изъ которой всѣхъ учениковъ было некуда (корридоры были слишкомъ тѣсны, залъ актовый запирался), не освѣжая въ достаточной степени комнаты, только простужалъ дѣтей.

И все свое внѣклассное время Аркатовъ употреблялъ на ученіе уроковъ... Онъ училъ ихъ, можно сказать, неистово; училъ, не только сидя за столомъ, но и прыгая на одной ногѣ по всѣмъ комнатамъ, и становясь вверхъ ногами, и лежа на кровати, уткнувши голову въ подушки, и даже залѣзая подъ кровать... Онъ словно поджаривался все время на медленномъ огнѣ этихъ безконечныхъ, беспросвѣтныхъ уроковъ... И при этомъ постоянно надоѣдалъ старшему брату, умоляя „спросить“ его...

Трудности ученія въ особенности усилились послѣ того какъ директоръ, временно преподававшій латинскій языкъ, уступилъ преподаваніе его новому, недавно приглашенному, строгому и сухому формалисту—чеху Миличу, который плохо говорилъ по русски, задавалъ очень много, спрашивалъ очень не милостиво... То, что при директорской методѣ усваивалось легко и быстро, у Милича становилось дѣломъ крайней трудности.

Иногда, намаявшись за день и уже улегшись спать, Аркатовъ вдругъ съ ужасомъ вспоминалъ, что еще остался невыученный урокъ. Онъ торопливо одѣвался и, не смотря на протесты матери, принимался снова за ученіе. Покончивъ, наконецъ, и съ этимъ урокомъ, онъ ложился спать совершенно одурманеннымъ и долго не могъ уснуть, воображая, вызвать его завтра или нѣтъ, много-ли еще невызванныхъ изъ этого предмета учениковъ, или, просто, мучился вопросомъ „слетитъ“ онъ изъ первыхъ или не слетитъ? Съ тѣхъ поръ, какъ онъ попалъ въ первые ученики, этотъ вопросъ сдѣлался для него поистинѣ „проклятымъ вопросомъ“. Онъ заслонилъ отъ Аркатова всѣ другіе интересы, и въ жертву своему первенству Аркатовъ теперь приносилъ все: трудъ,

удовольствія, чтеніе интересныхъ неучебныхъ книгъ, игру на роялѣ... Весь міръ для него заключался въ гнетущихъ урокахъ, которые надо было одолѣвать, во чтобы то ни стало, и при томъ знать ихъ безъ сучка и задоринки, да еще хорошо помнить все старое... Всѣ помыслы его направлялись къ страшной гимназіи, гдѣ его ожидали драчливые „товарищи“, летающія тряпки и разныя тревоги по поводу плохо выученнаго урока, непонятаго объясненія учителя и пр. И тамъ, въ этомъ страшномъ мѣстѣ ему нужно было непременно поддерживать престижъ и славу перваго ученика и не получить какъ-нибудь четверки или, Боже упаси, тройки! Единственное удовольствіе, которое Аркатову оставалось теперь въ жизни—это было сознаніе своего первенства, благодаря которому онъ уже не былъ несчастной сѣрой песчинкой въ необъятной массѣ другихъ сѣрыхъ песчинокъ-учениковъ... Его знали, онъ былъ *личностью*...

Онъ испытывалъ чрезвычайное наслажденіе при полученіи пятерокъ. Онъ любилъ теперь эту цифру, саму по себѣ, помимо ея внутренняго значенія, подобно тому, какъ любилъ прежде красивую игрушку, интересную картинку. Онъ изучилъ манеру всѣхъ учителей ставить пятерки и любилъ самъ ставить ихъ, нерѣдко исписывая пятерками цѣлые листы бумаги, при чемъ изображалъ эту пріятную цифру на всѣ лады: и просто цифрой, и цифрой съ прибавленіемъ слова „пять“ и пр. Однажды учитель математики вмѣсто цифры поставилъ Аркатову въ дневникъ слово „отлично“... Аркатовъ растерялся и даже огорчился, не зная, какъ понимать это слово... Спросить учителя онъ не посмѣлъ и сталъ, по обыкновенію, расспрашивать дома старшаго брата:

— Пять это или четыре?

— „Отлично“—то? Пять! Да еще, пожалуй, пять съ плюсомъ.

— Почему же онъ мнѣ цифры не поставилъ, а написалъ такую чепуху?

— Ну, ужъ это его дѣло... Вѣроятно, надоѣло ставить все цифры да цифры, вотъ онъ и написалъ „отлично“.

— А, можетъ быть, это четыре съ плюсомъ?—допытывался Аркатовъ.

— Я же говорю тебѣ, что это никакъ не меньше пяти!.. Что можетъ быть лучше „отлично“?

— Ну, вотъ!.. „Великолѣпно“, „превосходно“... Это еще лучше, чѣмъ „отлично“!

Послѣ нѣкотораго препирательства съ братомъ насчетъ того, что лучше: „отлично“ или „превосходно“, Аркатовъ пришелъ къ убѣжденію, что получилъ изъ математики пять съ плюсомъ.

— А себя-то въ журналъ онъ что поставилъ? Ты видѣлъ?—спросилъ братъ.

— Нѣтъ! Кто-жъ его знаетъ, что онъ тамъ ставитъ! А спросить его я побоялся... неловко какъ-то!

Послѣ этого Аркатову ужасно захотѣлось приписать къ слову „отлично“ въ дневникѣ цифру пять съ плюсомъ. Но онъ боялся совершить этотъ, какъ ему казалось, подлогъ... И лишь спустя недѣлю, когда классный наставникъ читалъ, кто и какія отмѣтки получилъ за эту недѣлю, Аркатовъ узналъ, что его „отлично“ должно быть переведено на языкъ цифръ простою пятеркой, вовсе безъ плюса... Это его огорчило, но въ то же время онъ былъ доволенъ, что не поставилъ себя собственноручно пятерки съ плюсомъ, положившись на брата.

Ахъ, эти пятерки съ плюсомъ! Какъ обожалъ ихъ Аркатовъ, и какъ рѣдко удавалось ему получать ихъ. Два раза ставилъ ихъ ему „батюшка“, но батюшка, какъ и подобало духовному лицу, былъ, вообще, щедръ на кресты и ставилъ пять съ крестомъ встрѣчному и поперечному, такъ что эта отмѣтка на урокахъ закона Божія была обезцѣнена.

Кромѣ этихъ двухъ пятерокъ съ крестами, Аркатовъ получилъ однажды пять съ крестомъ за письменную работу по русскому языку... У него даже сердце какъ-то особенно ёкнуло, когда онъ увидѣлъ въ своей тетради такую прелесть... Это уже была рѣдкость! Кромѣ Аркатова по русскому языку пять съ плюсомъ не было ни у кого.

Но вотъ и все!.. А дальше слѣдовали просто пятерки—и нерѣдко пятерки съ минусами, а одинъ разъ даже съ двумя минусами! Это было тогда, когда на урокъ ариѳметики Аркатовъ перепуталъ числителя съ знаменателемъ и при умноженіи дробей сталъ перемножать не то, что полагалось. А когда учитель упрекнулъ его и сталъ спрашивать теорію, почему да отчего нужно множить именно такія-то числа, то Аркатовъ, вообще не сильный въ теоріи, совсѣмъ запутался, и только чинъ перваго ученика да прежнія заслуги спасли его... Когда онъ подалъ преподавателю свой дневникъ для выставленія отмѣтки, тотъ подумалъ и поставилъ—правда, пятерку, но снабдилъ ее двумя энергичными минусами съ самымъ мрачнымъ и недовольнымъ видомъ—и Аркатовъ ужасно расстроился.

Но бывало и хуже. Въ табеляхъ ему, правда, выводили изъ всего (даже изъ „опрятности тетрадей“) пятерки, но въ теченіи учебной четверти у него попадались и четверки, а одинъ разъ даже тройка... изъ чистописанія. Получивъ эту тройку, бѣдняга пришелъ домой съ плачемъ.

— Что съ тобой?—съ тревогой стали спрашивать его домашніе.

Аркатовъ сначала упорно скрывалъ причину своего горя, но потомъ, когда его мать серьезно обезпокоилась его слезами, онъ признался:

— Трой-ку-у по-о-лучилъ!.. Про-о-валился! Вотъ тебѣ и первый ученикъ.

— Изъ чего? Изъ какого предмета?

— Изъ чистописанія!!

— Вотъ тебѣ на! Такой пустой предметъ, а ты слезы распустилъ!

— Что-жъ изъ того, что пустой?.. Вотъ Аникіевъ изъ всего пять получилъ, а у меня будетъ тройка или четверка изъ чистописанія въ табели, я и слечу!

И онъ зарыдалъ снова.

Эти тройки и четверки страшно мучили его. Онъ не спалъ ночей, дѣлая математическіе расчеты—вывесть ли ему при наличности столькихъ-то пятерокъ и четверокъ пятерку въ табель? Онъ совѣтовался по этому поводу съ братомъ, съ отцомъ, съ товарищами въ классѣ.

— Обязательно, братъ, четверку вывести,—говорили товарищи.—Хотя, бывали примѣры и пять выводили... Вонъ Федотову въ основномъ классѣ Александръ Петровичъ четверку вывелъ, а у него троекъ было больше, чѣмъ четверокъ.

Братъ совѣтовалъ Аркатову не заниматься глупостями. Отецъ сердился:

— Съ ума вы всѣ спятили съ этими дурацкими отмѣтками! Когда ихъ только упразднить!

Но Аркатовъ вовсе не желалъ, чтобы отмѣтки упразднили, по крайней мѣрѣ,—пятерки. Когда предъ концомъ учебной четверти всѣ страхи исчезали, Аркатовъ „поправлялся“ и получалъ изъ всего пятерки, онъ тогда считалъ существующую систему балловъ превосходной... Принося домой табель, утомительно однообразный въ цифрахъ, онъ сіялъ.

— Я даже не понимаю, какъ это можно получать единицы и двойки!—хвастался онъ:—для меня этихъ отмѣтокъ не существуетъ!

Въ рѣдкое свободное время дома онъ иногда игралъ съ младшими братомъ и сестрой „въ гимназію“, спрашивалъ у нихъ уроки и съ необыкновеннымъ наслажденіемъ ставилъ имъ отмѣтки—особенно единицы, которыя, будучи для него совершенно чуждыми, казались ему необыкновенно пикантными.

Въ классѣ онъ сошелся съ однимъ очень тихимъ и крохотнымъ мальчуганомъ Голыбинымъ, который всегда игралъ въ какую-то игру, оказавшуюся преинтересной и для Аркатова. Голыбинъ былъ очень благодушный, розовенькій и бѣлень-

кій мальчикъ, съ тихимъ голоскомъ и кроткими манерами, по прозванію „манная каша“. Уже это одно сразу расположило въ его пользу столь же кроткаго и благонаправнаго Аркатова. Но игра Голыбина совершенно очаровала его.

Голыбинъ нарѣзывалъ массу бумажныхъ квадратиковъ и на каждомъ квадратикѣ надписывалъ имя какого нибудь знаменитаго древняго или новаго героя. Затѣмъ онъ клалъ на столъ книгу и подбрасывалъ надъ нею всѣ квадратики съ героями такъ, чтобы они по возможности тутъ же на столъ и упали. Тѣмъ изъ упавшихъ героевъ, которые упали на книгу, онъ ставилъ пятерки и четверки, смотря по тому, кто упалъ ближе къ серединѣ книги. Тѣ же, которые падали просто на столъ, получали, въ зависимости отъ разстоянія, отмѣтки похуже. Упавшіе на полъ—безусловно „проваливались“... Имъ Голыбинъ ставилъ безъ всякаго сожалѣнія единицы и даже нули. Онъ велъ аккуратно разграфленный журналъ; въ немъ по алфавиту были размѣщены всѣ герои, а въ клѣточкахъ противъ ихъ именъ выставлялись отмѣтки. Спустя опредѣленное время, Голыбинъ выводилъ имъ баллы „за четверть“. Онъ нерѣдко потакалъ любимымъ героямъ и подводилъ подъ единицы нелюбимыхъ. Любимыми у него были: Петръ Великій, Наполеонъ Бонапартъ, Корнелій Сципіонъ и Бертранъ дю-Гескленъ, а нелюбимыми—Аттила, Стенька Разинъ и въ особенности Пугачевъ... Пугачевъ, какъ ни старался, какъ ни падалъ поближе къ книгѣ, никогда не могъ получить больше двойки и считался „послѣднимъ“... Голыбинъ каждый день занимался этой мирной игрой, не принимая никакого участія въ общественныхъ свалкахъ и дебошахъ, и игра эта ему, повидимому, нисколько не надоѣдала.

Аркатовъ однажды присоединился къ нему, и у него завелись съ этихъ поръ съ Голыбинымъ общіе интересы.

— Ну-ка, ну-ка, кто куда упалъ?—интересовался Аркатовъ, когда квадратики, подброшенные рукою Голыбина, падали на книгу, на столъ около нея и на полъ.—Ого! Наполеонъ-то Бонапартъ куда упалъ! Почти на середину! Сколько ему? Пять съ минусомъ?

— Ну, нѣтъ! Довольно четверки съ плюсомъ!—возражалъ Голыбинъ:—и то только потому, что онъ третій ученикъ!

— А кто же первый? Петръ Великій?

— Нѣтъ! Нынче Бертранъ дю-Гескленъ; въ ту четверть былъ Петръ Великій, а нынче онъ слетѣлъ: всего одиннадцатымъ!.. А вторымъ нынче Корнелій Сципіонъ!

— А Пугачевъ-то, смотри-ка, почти рядомъ съ Наполеономъ! А еще послѣдній ученикъ! Какой счастливецъ! Сколько ему? Четыре?

— Это онъ по нахальству!—невозмутимо объявлялъ Голы-

бинъ:—онъ всегда нахально лѣзетъ къ первымъ, а у самого никакихъ способностей нѣту!.. Вродѣ какъ бы по подсказкѣ урокъ отвѣчаетъ. Я ему поставлю нуль, чтобы отучить!

— А поправляться ему развѣ нельзя?

— Нѣтъ!.. Онъ безнадежный! Вотъ Аттила нынче будетъ поправляться предъ выводомъ табелей. Можетъ быть, и поднимется немножко.

— А Корнелій Сципіонъ-то!.. Прямо по срединѣ!

— Онъ молодчина! А вотъ Бертранъ что-то сплоховалъ. Зазнался, что все первый да первый, ну, и налетѣлъ! Поставимъ ему три!.. Ричардъ Львиное Сердце совсѣмъ провалился... подъ столомъ! Ну, и наплевать! Пусть получаетъ единицу!

Въ такихъ интересныхъ разговорахъ Аркатовъ проводилъ теперь почти все время въ классѣ, между уроками. Дома онъ устроилъ было такую игру самостоятельно и привлекъ къ ней младшихъ членовъ аркатовской семьи, но они, какъ еще не испытавшіе всей прелести отміѣтокъ и не знающіе толка ни въ Аттилахъ, ни въ Сципіонахъ, отнеслись къ ней очень нелюбезно. Они рѣшили, что „въ гимназію“ еще можно играть, но что эта новая игра, чистая чепуха!

Впрочемъ, играть-то Аркатову приходилось рѣдко!..

На Святкахъ, на Пасхѣ, онъ только первые дни чувствовалъ, что у него съ плечъ свалилась огромная тяжесть. Въ послѣдующіе дни онъ снова начиналъ томиться: нужно было готовить уроки, заданные на праздники. А такихъ уроковъ всегда задавалось множество—особенно изъ математики и латыни. Изъ математики учитель задавалъ такія хитрыя задачи, что съ ними тѣшечко мучился не одинъ Аркатовъ Георгій, но и всѣ Аркатовы, за исключеніемъ лишь самыхъ младшихъ членовъ семьи.

По обыкновенію, Аркатовъ со дня на день откладывалъ приготовленіе этихъ трудныхъ праздничныхъ работъ и ужасно терзался при этомъ совѣстью и беспокойствомъ, такъ что для него праздникъ былъ не въ праздникъ. Когда исчезала палка, висѣвшая надъ нимъ въ обыкновенное время, когда не было прямой необходимости учить урокъ непременно на завтра,—у Аркатова совершенно пропадало всякое чувство инициативы; онъ ощущалъ полное безсиліе своего „я“, полную неспособность приняться за надобѣвшее, мучительное дѣло. Но сознаніе необходимости рано или поздно покончить съ уроками оставалось въ немъ, и, чѣмъ долѣе затягивалось время, тѣмъ болѣе это сознаніе терзало Аркатова.

Послѣдніе дни праздниковъ онъ бродилъ, какъ сонная муха, не выходилъ на воздухъ, плохо ѣлъ, плохо спалъ, блѣднѣлъ, худѣлъ, и весь его умъ былъ занятъ одной только мыслью:

— Не провалиться бы! Не слетѣть бы изъ первыхъ учениковъ!

Не смотря на привлекательное званіе перваго ученика и пріятность пятерокъ, Аркатовъ не любилъ гимназіи и боялся ея; боялся всего, что въ ней находилось и имѣло съ нею связь. Гимназія была для него чудовищемъ, которое каждый день готовилось пожрать его и отъ котораго нужно было откупаться—словно умиловительной жертвой—приготовленіемъ уроковъ. Товарищей у Аркатова не было, за исключеніемъ „Манной каши“ Голыбина, постоянно, съ упорствомъ маниака, занятаго своими Атиллами и Пугачевыми, и еще двухъ-трехъ такихъ же тихихъ и вѣжливыхъ мальчиковъ... За то непріятелей и даже враговъ у Аркатова было видимо-невидимо. Не говоря уже объ ужасныхъ скиноподобныхъ великанахъ, ученикахъ старшихъ классовъ, всегда непріязненно смотрѣвшихъ на „мелочь“ изъ 2-го класса, у Аркатова въ своемъ второмъ классѣ были недоброжелатели.

Такъ, напримѣръ, одинъ изъ претендентовъ на званіе перваго ученика—Басихинъ постоянно злился на Аркатова и завидовалъ ему. Онъ никогда не говорилъ съ Аркатовымъ по человѣчески, но всегда ругалъ самыми отвратительными словами, значенія которыхъ Аркатовъ хотя еще не понималъ, но уже чувствовалъ ихъ гнусность... Кромѣ ругани Басихинъ пытался бить Аркатова, щипалъ его, пачкалъ ему одежду, тетради и продѣлывалъ инныя мелкія мерзости.

Краснорозій Янкевичъ, не смотря на то, что Аркатовъ уже успѣлъ убѣдиться въ его ничтожествѣ и трусливости, все еще продолжалъ травить Аркатова, приставать къ нему и бить его, подкрадываясь по спинѣ... Знаменитый „Taurus“, бѣгавшій по партамъ, глубоко презиралъ Аркатова за его слабую комплекцію и окрестилъ его „телячьей смертью“... Бить его онъ не билъ, но постоянно выказывалъ глубокое отвращеніе къ „телячьей смерти“, отвращеніе, больно обижавшее сиротливаго „перваго ученика“.

Кромѣ Басихина, Янкевича, „Taurus'a“ и Пупу, все еще время отъ времени избивавшаго Аркатова съ присущимъ ему идиотски-озвѣрѣлымъ взглядомъ, особенно сильно заставлялъ страдать Аркатова маленькій, хорошенькій, какъ картинка, но уже безнадежно испорченный мальчикъ Андерсонъ.

Андерсонъ принадлежалъ къ типу школьных „шутниковъ“, постоянно безъ всякаго злого умысла, но просто изъ желанія посмѣяться, устраивающихъ разныя развеселыя продѣлки съ окружающими: то испачкаютъ платье, то запрячутъ нужную книгу, то просто примутся приставать съ шутками, насмѣшками или щелчками, доводя людей до бѣлаго каленія. Андерсонъ всѣ „перемѣны“ занимался или

рисованіемъ, не смотря на свой юный возрастъ, неприличныхъ изображеній и картинокъ, или травлей своихъ одноклассниковъ. У Аркатова онъ, обыкновенно, утаскивалъ ранецъ и съ помощью своихъ благопріятелей вѣшалъ его на крюкъ высоко надъ дверями, такъ что Аркатовъ долженъ былъ или ахать и волноваться, являя изъ себя смѣшную для всѣхъ окружающихъ фигуру, или вступить въ драку съ Андерсономъ, или, наконецъ, жаловаться начальству, что, конечно, было запрещено школьной этикой. Дратся Аркатовъ не чувствовалъ себя способнымъ, а жаловаться не могъ по названной причинѣ. Поэтому дѣло кончалось тѣмъ, что Андерсонъ, вдосталь натѣшившись, возвращалъ Аркатову ранецъ лишь въ самую критическую минуту, или въ классъ случайно заглядывало какое нибудь начальство и приказывало убрать ранецъ. Приходилъ сторожъ съ шестомъ—торжественно снималъ злополучную аркатовскую сумку и вручалъ ее, при хохотѣ всего класса, Аркатову, самъ смѣясь надъ нимъ.

— Эхъ, баринъ, смотрите, какъ бы сапоговъ съ васъ не украли!

Но всего болѣе возмущало Аркатова то обстоятельство, что и Пупу, и „Таугус“, и Андерсонъ постоянно приставали къ нему, какъ къ первому ученику, требуя дать „содрать“ задачки, переводы, прося объяснить то или другое, прося подсказывать, и Аркатовъ изъ такъ называемаго „товарищества“ долженъ былъ удовлетворять ихъ требованія и просьбы...

Не менѣе, чѣмъ учениковъ, Аркатовъ боялся и учителей.

Аркатовъ питалъ ко всему „начальству“ какой-то чисто религіозный страхъ. Всѣ, кто такъ или иначе возвышались надъ гимназистами; начиная съ попечителя учебнаго округа и кончая захудалымъ длинноногимъ старикомъ-надзирателемъ,—всѣ были для Аркатова страшными, грозными и недосыгаемо великими людьми. Онъ страшно боялся встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ на улицѣ или въ обществѣ. Его часто мучилъ вопросъ, какъ узнать на улицѣ попечителя, чтобы поклониться ему? Каковъ онъ на видъ? Какіе отличительные его признаки? На улицѣ онъ нѣсколько разъ кланялся воображаемому попечителю, а одинъ разъ встрѣтилъ даже четверыхъ попечителей, пока шелъ отъ гимназіи къ дому.

И не только само начальство, т. е. учителя и надзиратели, но и жены начальства пугали Аркатова.

Однажды на масляницѣ онъ пошелъ съ братомъ въ оперу—на „Фауста“...

Чтобы идти въ театръ, гимназисты должны были имѣть специальное (на каждый разъ особо) разрѣшеніе отъ инспек-

тера... Инспекторъ, если позволялъ идти, выдавалъ печатный „билетъ“:— „Такому-то ученику разрѣшено быть на спектаклѣ такого-то числа“... Какъ подобало первому ученику, Аркатовъ имѣлъ въ виду достать себѣ такой билетъ, чтобы идти въ театръ со спокойнымъ сердцемъ... Но по случаю праздниковъ онъ не могъ застать инспектора ни на дому, ни въ гимназіи... А идти въ театръ ужасно хотѣлось, и Аркатовъ рѣшилъ отправиться на ура, безъ разрѣшенія...

Въ театрѣ братъ нашелъ въ партерѣ знакомыхъ и ушелъ къ нимъ, продавъ свое мѣсто на балконѣ какому-то подвернувшемуся любителю... Аркатовъ, имѣя въ рукахъ билетъ съ 87 номеромъ, поднялся одинъ на балконъ и увидѣлъ, что на его 87 номерѣ уже сидѣла какая-то отвратительная, изсохшая, съ неимоверной прической старуха.

— Вы, кажется, на моемъ мѣстѣ сидите?—храбро обратился онъ къ ней.

— Почему вы такъ думаете?—грозно возразила, обернувшись къ нему, старуха.

Аркатовъ показалъ ей свой билетъ.

— Вашъ билетъ фальшивый!—отрѣзала она.

Аркатовъ началъ протестовать. Подвернувшійся капельдинеръ объяснилъ старухѣ, что у Аркатова билетъ вполне правильный и попросилъ ее показать ей билетъ: не сидитъ ли она, въ самомъ дѣлѣ, не на своемъ мѣстѣ? Старуха разсердилась, обругала капельдинера „хамомъ“, а Аркатова обозвала „мальчишкой“, „приготовишкомъ“ и стала „тыкать“ его:

— Какъ ты смѣешь спорить со мной!—воскликнула она, потрясая прической:—я уже до сѣдыхъ волосъ дожила, а ты—мальчишка!.. Всякій мальчишка лѣзетъ съ дерзостями!

Она прогнала капельдинера и непреклонно осталась на занимаемой позиціи... Аркатовъ рѣшилъ покуда пристроиться рядомъ съ ней: благо мѣсто рядомъ съ ней все еще пустовало, хотя уже началась увертюра. Но едва онъ утѣлся, какъ старуха повернулась къ нему и грозно спросила:

— А билетъ у тебя отъ инспектора есть?

Аркатовъ, у которато и безъ того кошки скребли на сердцѣ по поводу отсутствія этого билета, даже вадрогнулъ отъ такой неожиданности... Эта старуха словно читала въ его душѣ... Даже не отдавая себѣ отчета—отчего и по какому праву она задаетъ ему вопросъ объ инспекторскомъ билетѣ, онъ смущенно пролепеталъ:

— Собственно нѣтъ.

— Такъ какъ-же ты попалъ въ театръ?—гнѣвно продолжала старуха, трясая прической:—развѣ ты не знаешь, что

безъ билета. нелзя? Я—жена надзирателя! Какъ твоя фамилія?

Это было ужаснымъ откровеніемъ для Аркатова! Такъ какъ старуха говорила въ высшей степени авторитетно, то онъ ни на секунду не усомнился, что она въ самомъ дѣлѣ надзирательша... Фамиліи онъ не назвалъ, но робко пролепеталъ:

— Потомъ поговоримъ... Въ перемѣну... т. е. во время антракта.

— Хорошо! Сейчасъ, въ самомъ дѣлѣ неудобно! Ужъ занавѣсъ подняли! А въ антрактъ я скажу мужу... Вонъ онъ сидитъ!..

Аркатовъ просидѣлъ 1-й актъ какъ на иголкахъ, ничего не понимая, что дѣлается на сценѣ... А когда занавѣсъ опустился, онъ предался постыдному бѣгству... Не пытаясь разыскивать брата, который, по его глубокому убѣжденію, ничего не могъ бы подѣлать съ такимъ грознымъ и неумолимымъ судіей, какъ надзиратель, Аркатовъ, глотая слезы отчаянія и ужасно боясь погони, торопливо одѣлся и побѣжалъ домой.

— Она запомнила мое лицо!.. Она опишетъ мою наружность мужу!.. Онъ видѣлъ меня самъ!—въ отчаяніи твердилъ онъ самъ себѣ, торопясь домой...—А тамъ идетъ „Фаустъ“!.. Братъ сидитъ, какъ ни въ чемъ не бывало, наслаждается... А я-то?!.. и билетъ-то пропалъ!.. И какой билетъ: 87-й нумеръ, у барьера!..

Онъ горько и долго плакалъ, уже придя домой, не смотря на подтруниваніе отца, дразнившего его тѣмъ, что онъ „связался съ бабой“ и „испугался бабы“...

А сколько было еще опасностей внѣ гимназіи!.. Ужъ, кажется, Аркатовъ Георгій былъ смиренный изъ самыхъ смиренныхъ учениковъ въ классѣ! Не водилось за нимъ ни дерзостей, ни шалостей, не скоблилъ онъ классной доски перочиннымъ ножомъ, не плевалъ подъ парты, не кидался жеваной бумагой, не ѣлъ во время урока—и изъ всѣхъ семи смертныхъ гимназическихъ грѣховъ если и былъ въ которомъ либо повиненъ, то развѣ только въ геройскомъ грѣхѣ подсказыванья!.. И при всемъ томъ гимназическая дисциплина окружала его такими многочисленными бѣдствіями, что не преступить хотя-бы одного изъ нихъ не представлялось никакой возможности.

Напримѣръ, трудно было иной разъ не опоздать къ молитвѣ—даже при всемъ добромъ желаніи не опаздывать... Трудно было удерживаться отъ „появленія на улицѣ позднѣе 7 часовъ вечера“—въ особенности въ предпраздничные дни,

когда Аркатовъ отправлялся въ гости къ знакомымъ! Трудно было удержаться въ весеннее время отъ вѣды на имперіалѣ конки на пристань, гдѣ среди пароходовъ, на свѣжемъ воздухѣ, въ сіяніи громадной рѣки Аркатовъ чувствовалъ себя какъ-бы въ раю... Трудно было тогда же не пройти по полуденной жарѣ, распахнувъ пальто, вмѣсто того, чтобы (по формѣ) застегнуть его на всѣ восемь пуговицъ...

Все это было предусмотрѣнно гимназической дисциплиной... Аркатовъ нерѣдко нарушалъ эти ея постановленія и часто трепеталъ не только за свое—первенство, но и, вообще, ученичество...

Но всего тяжелѣе и труднѣе для него всетаки было ученіе само по себѣ. Аркатовъ въ то время еще не задавался разными проклятыми вопросами, вродѣ, напримѣръ, вопроса о пользѣ и цѣлесообразности древнихъ языковъ. Онъ добросовѣстно зубрилъ всѣ тѣ неудобоваримыя вещи, которыя ему предписывалось зубрить изъ латыни, и изъ русской грамматики; но иногда и на него находили сомнѣнія: зачѣмъ учить такъ, а не иначе? Почему непременно учить слово въ слово то, что онъ и безъ того знаетъ, хотя и не слово въ слово? Однажды у него даже вышло нѣкоторое препирательство съ учителемъ русскаго языка.

Этотъ педагогъ заставлялъ учениковъ зубрить корни съ буквою „ѣ“ наизусть по алфавиту, и ученики заучивали эти корни, какъ „отче нашъ“... Аркатовъ, который уже въ 1-мъ классѣ никогда не дѣлалъ ошибокъ въ случаяхъ буквы „ѣ“ и которому труднѣе всего давалось именно механическое зазубриваніе разныхъ отдѣльных словъ по порядку, на этотъ разъ возмутился и съ трепетомъ объявилъ учителю, что не считаетъ нужнымъ для себя учить корни съ „ѣ“.

Но при этомъ онъ ужасно перепугался и переконфузился... Учитель же посмѣялся надъ нимъ и сказалъ:

— Что же ты это, братецъ, мудришь? Первый ученикъ, и вдругъ забоялся учить уроки!.. Всѣ учать и ты учи! Это развиваетъ память.

„Первый ученикъ“ съ этихъ поръ уже не осмѣливался бунтовать и усиленно „развивалъ память“ бессмысленной зубристикой, тратя время и трудъ на то, чтобы послѣ мучительной долбежки запомнить что „хлѣбъ“ и „хлѣвъ“ стоятъ рядомъ, а за ними слѣдуетъ „хрѣнъ“, и такъ далѣе...

Тоже самое было и съ латынью. И пословицы, и неправильные глаголы, и разныя исключенія—все нужно было „по порядку“. Сосредоточенное вниманіе и хорошо поставленная память дѣлали то, что Аркатовъ, ознакомившись съ исключеніями и неправильными глаголами, прекрасно зналъ ихъ въ разбивку и ни въ экстемпораліяхъ, ни въ устныхъ

примѣрахъ ни разу не „вралъ“... Но зубрить—какое исключеніе и за какимъ слѣдуетъ по алфавиту, было для него совершенно лишнимъ и незаслуженнымъ мученіемъ... И давалось ему это зазубриваніе, не смотря на хорошо дѣйствующую въ другихъ случаяхъ память—крайне туго,—по всей вѣроятности, благодаря его живому уму, не желавшему топтаться безъ пользы на одномъ мѣстѣ и стремившемуся впередъ послѣ того, какъ имъ была въ достаточной степени усвоена самая суть дѣла...

Вотъ онъ, уже перешедши въ третій классъ и все еще оставаясь первымъ ученикомъ, сидитъ позднимъ вечеромъ въ своей комнатѣ за уроками. За годъ своего пребыванія въ гимназій онъ сильно выросъ, поблѣднѣлъ и похудѣлъ. Даже всеисцѣляющее лѣто мало поправило его... Экзамены онъ выдержалъ блистательно и заслужилъ „награду 1-й степени“. Его табель за 2-й классъ, съ помѣткой о наградѣ, хранится у него въ столѣ, какъ драгоценная реликвія... Первые лѣтніе дни онъ совсѣмъ опьянѣлъ отъ свободы и отъ легальности ничегонедѣланія и даже скучалъ, не зная, куда дѣвать время. Но потомъ его стали угнетать мысли о вакаціонныхъ, чрезвычайно трудныхъ работахъ. Онъ, по обыкновенію, откладывалъ ихъ со дня на день, терзался угрызѣніями совѣсти и страхомъ за будущее...—и лѣто не было для него полнымъ освобожденіемъ отъ гнетущаго призрака гимназій. Напротивъ, этотъ призракъ все время стоялъ предъ нимъ, точно привидѣніе библейскаго молоха, готовившагося проглотить его въ самомъ непродолжительномъ времени...

Теперь онъ снова погребенъ въ самомъ чревѣ этого молоха, глотающаго дѣтей цѣлыми партіями... Опять голову его сдавливаютъ свинцовые обручи, вниманіе подавлено, а въ мозгу жужжитъ неутомимая мысль:—не успѣю приготовить изъ математики! Завтра утромъ дома тоже не успѣть!.. Не успѣть и предъ урокомъ въ гимназій... провалюсь!.. Слечу изъ первыхъ!—Вотъ уже мѣсяцъ, какъ у него опять нѣтъ времени ни почитать интересную книжку, ни поиграть подольше на свѣжемъ воздухѣ... Вся его жизнь какъ бы придавливается безпощадной каменной десницей гимназій...

Лѣто Аркатовъ вспоминаетъ въ видѣ чего-то блестящаго, огромнаго, свѣтлаго и просторнаго, точно безконечный ослѣпительный океанъ или безграничный сіяющій лазурный просторъ неба. Зима же представляется ему сидѣньемъ въ какой-то темной закупоренной коробкѣ посреди всевозможныхъ ужасовъ и трудовъ. Она представляется ему также еще и въ видѣ свѣтлаго круга на столѣ отъ лампы, прикрытой абажуромъ. Въ этого круга тьма. Самъ онъ тоже

во тѣмѣ. А въ кругѣ трудныя задачи, трудныя вокабулы и спряженія. Къ трудностямъ латыни нынче прибавились непреоборимыя тяготы греческаго языка, и все это окружено, точно мученическимъ ореоломъ, свѣтлымъ кругомъ лампы...

— Stergo, stergeis, stergei, зубрить Аркатовъ. Кругомъ тихо. И чудится ему, что гдѣ то подъ потолкомъ насмѣшливое и злое эхо повторяетъ эти бессмысленныя, никуда и ни къ чему негодныя слова, сопровождая ихъ обидными замѣчаніями:

— Stergo, stergeis.—Ну, да, конечно, рано или поздно провалишься. Stergei. Это еще только цвѣточки, stergomen, stergete... а дальше будутъ ягодки... И изъ первыхъ-то учениковъ... stergusi—слетишь!..

III.

Аркатовъ портится.

Аркатовъ палъ...

Когда онъ достигъ шестого класса, онъ, по собственному его выраженію, „даже забыть объ ощущеніяхъ перваго ученика“.

Какъ происходилъ процессъ его паденія, которое, конечно, произошло не сразу, а имѣло за собой длинную и поучительную подготовку—Аркатовъ и самъ не смогъ вполне ясно прослѣдить. До четвертаго класса онъ стойко держалъ знамя своего первенства, любилъ пятерки, „не понималъ, какъ можно получать единицы и двойки“, и не задавался вопросами о пользѣ гимназическаго ученія.

А въ четвертомъ классѣ вдругъ что-то въ немъ „повернулось не въ ту сторону“. Онъ сталъ „портиться“...

Сначала его „порча“ не была замѣтна учителескому глазу. Учителя еще видѣли въ Аркатовѣ добродѣтельнаго „перваго ученика“. Но въ немъ ужъ зарождался „послѣдній ученикъ“, и, когда Аркатовъ, отвѣчая урокъ, спрягалъ какое-нибудь „titemi“ или „didomi“ — этотъ зарождающійся „послѣдній ученикъ“ уже начиналъ отравлять своимъ мерзостнымъ присутствіемъ аркатовскіе отвѣты. Голосъ у Аркатова пересталъ быть грустнымъ. Серьезности и напряженности въ его отвѣтахъ не было. Онъ не чувствовалъ никакого смака въ процедурѣ „отвѣчанья“ и даже... разлюбилъ пятерки!..

Онъ сталъ интересоваться, кромѣ пятерокъ, и прочими прелестями міра и при томъ въ весьма высокой степени. Онъ началъ уже въ четвертомъ классѣ зачитываться разными посторонними книжками до того, что отнималъ самъ у себя

время, нужное для приготовления уроковъ. А когда его совѣсть задавала ему вопросъ: а какъ же математика? А какъ же спряженіе „hiemi“?—Аркатовъ отвѣчалъ ей:—„Успѣю завтра утромъ приготовиться предъ гимназіей, пораньше встану“—или: „приготовлюсь въ большую перемѣну“. Совѣсть, правда, не оставляла его въ покоѣ, но и постороннія занятія были слишкомъ привлекательны, чтобы ихъ бросить... Аркатовъ терзался сомнѣніями.

— Учить-ли уроки на завтра или не учить?

— Не стоитъ учить!—рѣшалъ онъ, и потомъ цѣлый вечеръ страдалъ изъ-за такого рѣшенія:—Вызовутъ завтра и провалюсь!

Онъ успокаивалъ себя тѣмъ, что, если онъ слетитъ изъ первыхъ, то это пустяки. Лишь бы уцѣлѣть въ гимназіи или не остаться на второй годъ. Но на другой же день, въ стѣнахъ гимназіи, онъ снова хотѣлъ остаться первымъ ученикомъ, потому что „проваливаться“ всетаки было непріятно и въ глазахъ учениковъ, и, въ особенности, въ глазахъ учителей, уважавшихъ его, какъ казалось Аркатову, за его первенство.

Такъ началось его паденіе... Началось споромъ старыхъ убѣжденій съ разроздавшимися новыми убѣжденіями, увлеченіями и желаніями. И, постепенно подчиняясь новымъ интересамъ и увлеченіямъ, Аркатовъ сталъ все меньше и меньше дорожить своимъ званіемъ перваго ученика. Правда, было совѣстно предъ учителями отвѣчать уроки худо, но это непріятное опущеніе скоро проходило и вытѣснялось пріятными ощущеніями „постороннихъ занятій“. И еще задолго до той поры, когда появилось въ Аркатовской душѣ ясное пониманіе нелѣпости и безмысленности изученія „классиковъ“, еще до появленія въ качествѣ учителей дикихъ и безмысленныхъ или безталанныхъ педагоговъ, отбившихъ у него желаніе и охоту готовить уроки — еще до этой поры Аркатовъ уже началъ „портиться“ и, именно, благодаря охватившимъ его внѣучебнымъ интересамъ.

Онъ возмужалъ и значительно развился умственно къ этой порѣ. Въ числѣ внѣучебныхъ интересовъ самый главный былъ тотъ, что Аркатовъ сталъ заниматься писательствомъ. Онъ съ необыкновеннымъ усердіемъ строчилъ стихи, и нижеислѣдующее обстоятельство послужило причиною, что писательство Аркатова стало происходить не только дома, но и въ стѣнахъ гимназіи.

Въ числѣ его товарищей оказались тоже два поэта—оба второгодники, оставшіеся на второй годъ тоже изъ-за „внѣучебныхъ интересовъ“. Одинъ поэтъ—по фамиліи Швабе—былъ веселый и живой юноша, значительно старше Аркатова и развитѣе его; другой, Румянцевъ, былъ недалекій и очень

мрачный юноша, тоже уже на возрастъ. Швабе уже давно велъ шутливую полемику съ Румянцевымъ, переписываясь во время классовъ стихами, сочиняя на него разные „пасквили“ и „оды“—иной разъ, дѣйствительно, остроумныя... Аркатовъ, какъ только познакомился съ поэтами, немедленно выказалъ и свои собственныя способности въ писательскомъ родѣ и, примкнувъ къ лагерю Швабе, открылъ со своей стороны полемику съ Румянцевымъ.

Оба они, и Румянцевъ, и Аркатовъ, во время перемѣнъ писали на классной доскѣ разные „экспромты“ другъ на друга, при чемъ Румянцевъ проговаривался, что „экспромты“ слѣдуетъ всегда готовить дома заранее, чтобы они выходили глаже и лучше. Товарищи, со Швабе во главѣ, окружали ихъ, подзадоривали, и Аркатовъ чувствовалъ себя центромъ кружка.

Въ классѣ ему жилось гораздо лучше, чѣмъ въ прежнія времена. Во первыхъ, въ четвертомъ, а въ особенности въ пятомъ классѣ уже безслѣдно исчезли „Taurus“ и Пупу, главные мучители Аркатова, и отстали, оставшись въ третьемъ классѣ, Андерсонъ и Янкевичъ. Аркатовскій классъ сталъ культурнѣе: остроты, каламбуры и разныя словесныя схватки были уже въ большемъ почетѣ, чѣмъ неистовое дранье вступнаго и поперечнаго, такъ, здорово живешь.

У Аркатова, кромѣ Швабе, завелись еще и другіе товарищи—настоящіе пріятели—умные и славные ребята, съ которыми онъ подолгу бесѣдовалъ о разныхъ разностяхъ. Самъ Аркатовъ, теперь уже веселый и бойкій на языкъ юноша, изъ всѣми презираемой „Телячьей Смерти“ превратился въ уважаемаго „Цензора“... Такъ прозвали его потому, что къ Аркатову, какъ къ знатоку русскаго языка, поступали на просмотръ почти всѣ сочиненія его товарищей—по ихъ личной просьбѣ... Онъ иногда даже самъ писалъ для нихъ сочиненія и даже „могъ написать какъ угодно: на пятерку, на тройку; съ ошибками и безъ ошибокъ; съ пометками и почище“...

Учителей онъ теперь боялся гораздо менѣе.... Сохраняя къ нимъ въ тайникахъ души прежній религіозный страхъ, онъ, тѣмъ не менѣе, уже дерзалъ свободно разговаривать и даже спорить съ ними. Да и учителя теперь были, по большей части, уже другіе... Одни—при всей своей свирѣпости (какъ, напримѣръ, Оита и Элладскій, о которыхъ ниже)—все-таки въ ученикахъ вмѣсто религіознаго страха лишь смѣхъ и презрѣніе къ себѣ и къ преподаваемой ими наукѣ... Другіе—какъ, напримѣръ, молодой, только что кончившій университетъ, историкъ Лялинъ или математикъ „Генераль“—какъ бы сами напрашивались на всякія поблажки и надува-

тельства и страха тоже никакого въ ученикахъ не вселяли...

Знаменитые Элладскій и „Θита“ преподавали хотя и грозно, но въ высшей степени безтолково... Поэтому, хотя для Арката и страшны были первое время ихъ уроки, онъ вскорѣ постигъ, что учиться у нихъ куда легче, чѣмъ въ былое время при методической послѣдовательности директора или абсолютизмъ прежняго учителя русскаго языка, заставлявшаго безъ разсужденій зубрить „по порядку“ слова съ буквой „Ъ"... И Элладскій, и Θита были въ высшей степени несправедливы; отмѣтки ихъ зависѣли отъ ихъ минутнаго настроенія, и поэтому въ ученикахъ развивался своего рода фатализмъ:

— Учи не-учи, — все равно можно нарваться на единицу!..

А такъ какъ оба учителя доставляли ученикамъ полную возможность всякаго рода надувательствъ и фокусовъ, то соблазнъ не учить уроковъ изъ латыни и греческаго былъ слишкомъ великъ... И, не смотря на возможность получить ни за что, ни про что двойку и единицу, не смотря на постоянную боязнь этого, Аркатовъ кончилъ тѣмъ, что, какъ и всѣ прочіе ученики, не сталъ учить уроковъ этимъ педагогамъ, а подготовлялся только такъ, „для вида“, на скорую руку — обыкновенно при помощи „ключей“ — уже предъ началомъ классныхъ занятій...

Впрочемъ, на первыхъ порахъ онъ имѣлъ намѣреніе добросовѣстно готовиться къ урокамъ Элладскаго... Но Элладскій самъ безжалостно разрушилъ всѣ добрыя намѣренія Арката...

Въ четвертомъ классѣ ученики соединились изъ двухъ отдѣленій предыдущаго 3-го класса... Элладскій уже преподавалъ въ прошломъ году въ одномъ изъ этихъ отдѣленій (не въ томъ, въ которомъ учился Аркатовъ), и у него былъ тамъ фаворитъ—первый ученикъ Швецовъ... Когда оба отдѣленія соединились въ 4-мъ классѣ, Элладскій изъ двухъ первыхъ учениковъ, т. е. Арката и Швецова, призналъ Швецова, а Арката грубо отвергъ.

— Я его не знаю!—говорилъ онъ, когда товарищи рекомендовали ему Арката, какъ перваго ученика:—Ну, пусть переводить Ксенофонта! Посмотримъ, какой онъ первый ученикъ!

Онъ заставилъ Арката переводить *à livre ouvert*... Аркатовъ бойко перевелъ нѣсколько строчекъ... Элладскій слушалъ его, нахмурясь...

— Вотъ это мѣсто, — началъ онъ, когда Аркатовъ, переводя назначенный періодъ до конца, смолкъ:—вотъ это мѣсто только дураки могутъ такъ переводить!

Аркатовъ опѣшилъ.

— Швецовъ! Переведите вы! Какой же это первый ученикъ!.. Аориста не можетъ отличить отъ настоящаго времени!..

Аркатовъ пытался было объяснить, что онъ очень хорошо понимаетъ, гдѣ аористъ, гдѣ настоящее время, что употребилъ настоящее время лишь „для гладкости“, для большей литературности... Но Элладскій его не слушалъ...

Этотъ неудачный дебютъ у Элладскаго чрезвычайно охладилъ рвеніе Аркатова къ греческому языку... А такъ какъ объ эту пору „постороннія занятія“ уже успѣли въ достаточной степени овладѣть имъ, то онъ отнесся къ переходу первенства на сторону Швецова очень хладнокровно.

— Хорошо и вторымъ!—разсуждалъ онъ:—спокойнѣ! Да и хлопотъ меньше!

Съ другимъ классикомъ, „Θитою“, у Аркатова установились довольно хорошія отношенія, но Аркатовъ нерѣдко отвѣчалъ очень неважно... И Θита, не смотря на ореолъ „перваго“ ученика, все еще окружавшій Аркатова, постепенно избралъ нормой для его отвѣтовъ четверку, да и то „съ ругательствомъ“...

— Послушайте, Аркатовъ!.. Съ вашими способностями... или я скажу лучше: съ вашими талантами можно бы отвѣчать гораздо лучше!.. Не хорошо!.. Очень не хорошо!.. Я недоволенъ вами!..

— Ну, и пусть!—думалъ Аркатовъ.

Молодой, очень кроткій и неалобивый историкъ Лялинъ, только что поступившій въ учителя, сразу распустилъ весь классъ. Палка, висѣвшая надъ Аркатовымъ, ослабѣла, и онъ сталъ готовить уроки изъ исторіи и географіи „съ опозданіемъ“... Его товарищи, напримѣръ, учатъ уже о Варфоломеевской ночи, а онъ все еще на Аттилѣ или Фридрихъ-Барбароссѣ сидитъ... А когда Лялинъ пытался вызывать Аркатова, начинались переговоры объ отсрочкѣ:

— Я, Дмитрій Павловичъ, въ другой разъ отвѣчу.

— Вы уже второй разъ отказываетесь, Аркатовъ!

— Я не могъ сегодня хорошо приготовить урокъ... Много было задано изъ латыни.—лжетъ Аркатовъ.

— Ну, хорошо!—соглашается Лялинъ.—Приготовьтесь лучше къ слѣдующему разу.

Математикъ, старикъ полякъ, важный и толстый — „Генералъ“, какъ звали его ученики, имѣлъ душеспасительную привычку спрашивать учениковъ по алфавиту... Отвѣтивъ „Генералу“ урокъ, Аркатовъ могъ быть увѣренъ, что его теперь не „спросять“ изъ математики цѣлыхъ двѣ-три недѣли...

И пробѣлъ за пробѣломъ накапливались въ его гимназическихъ познаніяхъ... Чѣмъ далѣе онъ двигался въ гимназіи, тѣмъ легче ему, въ сущности, становилось учиться, и тѣмъ бессодержательнѣе и безтолковѣе становилось его пребываніе въ ея стѣнахъ.

Гимназическія познанія стали проявляться въ немъ какими-то просвѣтами... Начала не знаетъ, а вотъ серединка какъ будто знакома... Понятное дѣло, что въ точныхъ наукахъ, какъ, напримѣръ, въ математикѣ, такіа „серединныя“ познанія приносили ему одинъ только вредъ... Не зная основаній, не зная корня вещей, онъ никогда не могъ исполнѣть точно уяснить себѣ всю суть того, что проходили въ данный моментъ. И, когда приходилъ его чередъ отвѣчать „Генералу“, Аркатовъ обыкновенно занимался накануне тѣмъ, что вызубривалъ (не смотря на всю тягость такого труда) наизусть всѣ теоремы и доказательства „безъ пониманія“... Онъ рассуждалъ, шутя, что „Генераль“ и безъ его объясненій пойметъ, въ чемъ дѣло, лишь бы вѣрно изобразить на доскѣ такой-то геометрической чертежъ и не перепутать буквы... „Генераль“, дѣйствительно, исполнѣтъ удовлетворялся такой зубристикой, а „задовъ“ никогда не спрашивалъ... Кромѣ того, на его урокахъ практиковалось самое отчаянное подсказываніе... Поэтому Аркатовъ обыкновенно и не желалъ точнаго уясненія изучаемаго, хотя и могъ бы при посторонней помощи все уяснить, начавъ съ начала...

А между тѣмъ онъ сталъ и сознательнѣе всматриваться въ тяготѣвшее надъ нимъ гимназическое преподаваніе... Заучивая съ великимъ трудомъ чуждыя его языку греческія вокабулы, которыя при томъ и произносились Богъ ихъ знаетъ какъ: не то по Эразму, не то по Рейхлину,—Аркатовъ началъ соображать, что едва ли произойдетъ для него какая нибудь радость или удовольствіе въ жизни отъ этихъ вокабулъ или отъ омерзительныхъ, невыносимо трудныхъ спраженій съ ихъ всевозможными прошедшими, будущими, предбудущими, сверхбудущими, давнопрошедшими и давнымъ-давно прошедшими и никогда не бывавшими временами, съ ихъ сослагательными, желательными и нежелательными наклоненіями.

— Чортъ ихъ знаетъ!—возмущался онъ:—Мало имъ единственного и множественнаго числа, такъ они еще двойственное выдумали!.. Мало разныхъ простыхъ прошедшихъ временъ, такъ еще аористовъ настряпали!

Въ пятomъ классѣ Аркатовъ „по инерціи“ все еще считался въ числѣ хорошихъ учениковъ, но паденіе его шло впередъ гигантскими шагами. Струна, такъ сильно сразу на-

тянутая въ младшихъ классахъ, стала ослабѣвать съ изумительной быстротой. У Аркатова не было достаточной уравновѣшенности въ характерѣ, чтобы съ расчетомъ и хладнокровно заниматься гимназическими благоглупостями латыни и греческаго языка... По натурѣ импульсивный и крайне впечатлительный, онъ страстно возненавидѣлъ всю классическую учебу, едва только раскусилъ ея тлѣнь и гниль. А раскусить ее теперь для него не представлялось никакой трудности, особенно подъ руководствомъ и при содѣйствіи такихъ педагоговъ, какъ Оита и Элладскій.

Первыми учениками въ старшихъ классахъ стали совсѣмъ другіе типы. Въ младшихъ классахъ первыми были усердствующіе способныя натуры, рьяно на первыхъ порахъ переваривавшія все то, чѣмъ ихъ пичкала гимназія... Въ старшихъ же классахъ первенство отнимали у нихъ или уравновѣшенные трудолюбивыя посредственности, работавшія усердно по привычкѣ или изъ страха и мало озабоченныя содержаніемъ той трухи, которую они изучали, или же карьеристы, въ достаточной степени дальновидные, расчетливые и способные молодые люди, прекрасно понимавшіе, что классицизмъ—чепуха и гниль, но старательно изучавшіе Цезаря, Софокла и Гомера, даже презирая ихъ не по заслугамъ... Они сознательно подчинялись трудностямъ и безцѣльнымъ изнываніямъ надъ латинскимъ и греческимъ языками, имѣя достаточно силы воли претерпѣть все это, чтобы потомъ возсіять по окончаніи экзаменовъ зрѣлости.

Аркатовъ не принадлежалъ ни къ тѣмъ, ни къ другимъ и, уразумѣвъ съ ясностью пустоту и ненужность классицизма, падалъ все ниже и ниже. Въ пятомъ классѣ онъ даже получилъ свою единицу у Элладскаго. Правда, единица была поставлена вовсе не за незнаніе урока, а совсѣмъ по особому случаю и была тутъ же уничтожена самимъ Элладскимъ, но толчокъ былъ данъ, и съ тѣхъ поръ Элладскій совершенно пересталъ церемониться съ *сi-devant* первымъ ученикомъ.

Дѣло было такъ:

Одинъ изъ пятиклассниковъ принесъ мышъ въ мышеловкѣ и выпустилъ ее во время греческаго урока на волю. Аркатовъ, боявшійся мышей, заоралъ благимъ матомъ, когда мышъ пробѣжала у него по партѣ. Элладскій перепугался крика, вздрогнулъ и накинулъ на Аркатова:

— Что онъ тутъ оретъ!.. Единица!..

И онъ торопливо, со злобой, побѣждалъ къ кафедрѣ за журналомъ.

— Мышь, Маркіанъ Степановичъ!

— Какая тамъ мышъ!.. Что за дуракъ!—бранился онъ ба-

сомъ, ставя Аркатову единицу:—Какой подлець!.. Ореть, точно на базарѣ!.. Болванъ!

— Я испугался, Маркіанъ Степановичъ!—оправдывался Аркатовъ:—я боюсь мышей!—Я нервный!..

— Я самъ нервный!—возразилъ Элладскій.

И единица прочно водрузилась противъ фамиліи Аркатова. Аркатовъ гореваль... А мышь между тѣмъ убѣжала въ уголь, спокойно угнѣздилась тамъ и принялась даже что-то грызть. Ученики смѣялись, бросали въ нее бумагой. Элладскій ходилъ по классу, стараясь не обращать на нее вниманія.

— Что смѣтесъ?—строго обратился онъ къ ученикамъ.—Ничего смѣшного нѣтъ!..

Но ученики продолжали развлекаться. Элладскій мало по малу сталъ самъ интересоваться мышью.

— Этакая мерзость!—промолвилъ онъ густымъ басомъ, искоса поглядѣвъ на нее.

— Ужасно смѣшно, Маркіанъ Степановичъ! Она обои грызеть!—говорили ободренные ученики.

— Казенное добро портить!—сказаль, уже прямо уставившись на мышь, Элладскій.—Какая гнусная тварь!.. Хуже жиды!

Ученики смѣялись.

Элладскій остановился, долго глядѣль на мышь, ухмыльнулся и вдругъ рѣшилъ:

— А вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, смѣшно! Выскоблимъ ему единицу!

Итакъ, Аркатовъ сталъ „портиться“. И даже до такой степени портиться, что его начальство весьма озаботилось этимъ. Не одинъ уже разъ чехъ Миличъ, его классный наставникъ въ пятомъ классѣ, во время большой перемѣны обнималь Аркатова и, принимаясь гулять съ нимъ по корридору, начиналь поучать его... Онъ говорилъ Аркатову что-то очень жалостное, длинное и до такой степени скучное, что Аркатовъ изъ всего этого ровно ничего не понималь да и не слышаль и помнилъ лишь одну фразу Милича:

— Я вамъ, какъ отецъ, говорю. Или—какъ мать!

Директоръ, помня Аркатова, какъ одного изъ своихъ любимыхъ учениковъ, на экзаменѣ при переходѣ изъ четвертаго класса въ пятый самолично проэкзаменоваль его и остался имъ очень недоволенъ:

— Когда-то хорошо училсѣ!.. А теперь... plohandus!.. Tempora mutantur, et nos mutamur in illis!..—Повтори!..

Гимназія теперь ровно ничего не давала Аркатову... Она только одурманивала его, заставляя сидѣть пять часовъ подрядъ въ душномъ классѣ и обязательно каждый день слушать нелѣпныя пререканія „Эиты“ съ учениками или еще того болѣе нелѣпую болтовню Милича, или же пьяные скандалы Элладскаго, оканчивавшіеся бессмысленными единицами...

Не зная „начала“, онъ скучалъ за уроками математики, а исторія и русскій языкъ приходились почти всегда послѣдними уроками, и Аркатовъ еле высиживалъ ихъ, смертельно уставъ и желая какъ можно скорѣе убраться домой...

При всемъ томъ надъ Аркатовымъ всегда висѣлъ Дамокловъ мечъ: онъ всетаки боялся „провалиться“... Даже перейдя въ разрядъ второстепенныхъ учениковъ и готовя уроки очень и очень лѣнливо, онъ сохранялъ въ душѣ сознаніе неправильности такого порядка вещей... — Ну, ужъ латынь и греческій—Богъ съ ними!.. Ихъ учить и не стоитъ! Но математика, словесность, новые языки, исторія? — Эти предметы очень и очень не мѣшало бы изучать.

Но гимназія такъ разслабляла и развращала волю и умъ Аркатова, что, не смотря на доброе желаніе заняться этими предметами, не смотря на страданіе, доставляемое ему мыслью, что изъ этихъ нужныхъ и важныхъ предметовъ онъ „нарѣжется“ — онъ всетаки не могъ принудить себя заниматься ими и готовился къ нимъ лишь въ крайнихъ случаяхъ, когда, напримѣръ, нужно было „поправляться“...

Эти страданія и боязнь „провала“ не покидали его. Хладнокровно уступивъ первенство другимъ ученикамъ и не страдая изъ-за этого, онъ, тѣмъ не менѣе, боялся остаться совсѣмъ за флагомъ и быть оставленнымъ въ томъ же классѣ на слѣдующій годъ... Теперь онъ трусилъ получить двойку или единицу совершенно такъ же, какъ прежде трусилъ четверокъ и троекъ... Онъ боялся и латыни, и греческаго и, не смотря на полное презрѣніе къ нимъ, изучалъ ихъ время отъ времени, всегда опасаясь получить единицу у Элладскаго...

Гимназія ему ничего не давала. Онъ только зря тратилъ время на нее при такомъ порядкѣ вещей. Если онъ за это время развивался умственно и приобрѣлъ какія либо знанія, то отнюдь не благодаря гимназіи, но благодаря семьѣ, а главное, тѣмъ культурнымъ и образованнымъ семейнымъ кружкамъ, съ которыми онъ завелъ и поддерживалъ теперь близкое знакомство... Все доброе, все нужное и важное онъ черпалъ оттуда. Тамъ читались интересныя книги, велись споры, вырабатывались убѣжденія и умѣнье поддерживать ихъ; оттуда, изъ этихъ семейныхъ кружковъ Аркатовъ вы-

несъ и критическое отношеніе къ окружающему, и ясное представленіе о всей нелѣпости классицизма, и горькое сознаніе, что безъ классицизма все-таки никакъ не попадешь въ университетъ, и что все-таки нужно, въ концѣ концовъ, продѣлать комедію гимназическаго „образованія“, чтобы перепрыгнуть тотъ заборъ, который поставленъ въ концѣ гимназическаго пути и называется „испытаніями зрѣлости“...

И теперь, когда онъ, „принуждаемый обстоятельствами“, зубрилъ греческіе глаголы (по обыкновенію съ громаднымъ опозданіемъ) или переводилъ Саллюстія—въ его мозгу упорно копошилась мысль, къ чему все это, и Саллюстій, и глаголы? Зачѣмъ ненужная трата времени?.. А наряду съ этой мыслью являлась обязательно и другая:

«Что день грядущій мнѣ готовитъ?»..

То есть, изъ какого предмета могутъ спросить и поставить единицу?

IV.

„Г е н е р а л ь“.

Толстый, благодушный, хотя и не безъ строгости во взглядѣ и обращеніи, съ сѣдыми усами, но съ лоснящейся, черной какъ смоль шевелюрой гладкихъ волосъ—„генералъ“ вваливается въ классъ... Такъ какъ нынче Гомина недѣля, то ученики привѣтствуютъ его:

— Христосъ воскресе, Викентій Осиповичъ!

— Но, безъ васъ-же-жъ то знаю!—отвѣчаетъ онъ, не то по разсѣянности, не то съ намѣреніемъ, не желая входить въ фамиллярности съ учениками.

Онъ садится за столъ, придвинутый (вмѣсто каеэды) къ первой партѣ въ углу, у окна, затѣмъ вынимаетъ громадный красный платокъ, распяливаетъ его на пальцахъ, громоглазно сморкается и, аккуратно свернувъ, снова прячетъ.

Совершивъ этотъ обрядъ, онъ принимается сосредоточенно отмѣчать въ своемъ журналѣ все подлежащее отмѣткѣ, при чемъ рядомъ съ собою на столъ кладетъ свой „альбомъ“. Такъ ученики (да, кажется, и онъ самъ) зовутъ тетрадку въ коленкоровомъ переплетѣ, засаленную и измызганную, въ которой у Викентія Осиповича находятся разныя нужныя ему формулы и вычисленія... Тетрадка эта продолговатая и, въ самомъ дѣлѣ, походитъ на альбомъ, въ который барышнямъ пишутъ стихи...

„Генераломъ“ Викентія Осиповича зовутъ, во-первыхъ, за то, что онъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, такъ же,

какъ и самъ директоръ, а во-вторыхъ, за его важный видъ: онъ зря не болтаетъ съ учениками, не фамиллярничаетъ, не входитъ въ разныя унизительныя препирательства и сдѣлки... Рѣчь его всегда кратка и ясна, повелѣнія категоричны и безапелляционны. Съ учениками онъ не „кляузить“, не „пшныяетъ“ ихъ, но когда они шумятъ, беспокоятъ его или, вообще, ведутъ себя дурно—онъ кратко, но сильно бранитъ ихъ:

— Но-же-жъ! Подлецы!..

Это коллективно, въ обращеніи къ массѣ. Если же вызванный ученикъ путаетъ формулы, пишетъ на доскѣ чепуху, то Викентій Осиповичъ морщится и тихонько шепчетъ:

— Но, подлець-же-жъ!.. Невѣрно!..

Способъ обученія у него весьма оригинальный: учебниковъ онъ вовсе не признаетъ, а все то, что ученикамъ требуется изучить, онъ имъ диктуетъ въ концѣ урока, послѣ того, какъ покончить съ вызываніемъ и спрашиваніемъ уроковъ. Вызываетъ онъ всегда по алфавиту, такъ что каждый ученикъ отлично знаетъ заранѣе, въ какой день онъ будетъ вызванъ „генераломъ“—и поэтому готовится лишь къ атому дню. „Старого“, т. е. пройденнаго, Викентій Осиповичъ никогда не спрашиваетъ. Отвѣчаютъ же ему—особенно въ старшихъ классахъ, гдѣ народъ избалованный и лѣнивый—чаще всего, по подсказкѣ. Для большаго удобства въ подсказываньи здѣсь, въ четвертомъ классѣ, какъ и въ старшихъ классахъ, ученики придвигаютъ классную доску прямо къ передней партѣ, однимъ концомъ доску прислоняютъ даже къ самой скамьѣ, такъ что изъ доски и скамьи образуется острый уголъ. Отвѣчающій урокъ ученикъ становится въ вершину этого остраго угла, между доскою и скамьею. На первую парту садится первый ученикъ по математикѣ, а также первый ученикъ по подсказыванью—Яковлевъ, и отъ слова до слова все подсказываетъ отвѣчающему. Впрочемъ, „словъ“ почти не приходится подсказывать, но только знаки, буквы и цифры... Викентій Осиповичъ не нуждается въ краснорѣчивыхъ и подробныхъ объясненіяхъ теоремъ, но требуетъ лишь точнаго, хотя бы и молчаливаго изложенія ихъ на доскѣ, посредствомъ буквъ и цифръ.

Сейчасъ онъ вызвалъ Швабе и между ними происходитъ слѣдующій дуэтъ:

— Вотъ, проведемъ линію!—говоритъ Швабе, заранѣе заучивъ геометрическій рисунокъ.

— Такъ! Вѣрно!—громко одобряетъ Викентій Осиповичъ и внимательно смотритъ, что будетъ дальше.

— Изъ точки А опускаемъ на линію С D перпендикуляръ!—продолжаетъ Швабе, громко стуча мѣломъ (стучать

мѣломъ, необходимо для того, чтобы выказать усердіе и пониманіе дѣла)—пишемъ: CD равняется MN ...

— Вѣрно! Отлично!

— Дальше пишемъ: CD минусъ PK равняется GH ,—повторяетъ Швабе все то, что ему подсказываетъ Яковлевъ.

Но вотъ Яковлевъ запутался и подсказалъ не то, что нужно, и „генераль“ сердится.

— Но, невѣрно! Сотри!

Швабе стираетъ, но снова пишетъ чепуху, услышавшись въ подсказываеомъ. Викентій Осиповичъ сердится:

— Невѣрно-же-жъ!.. Подлецъ!

Онъ встаетъ и подходитъ къ доскѣ. Положеніе критическое. Теперь ужъ нельзя подсказывать. Постоявъ у доски, Викентій Осиповичъ вытаскиваетъ табакерку, заталкиваетъ въ носъ порцію табаку и потомъ опять „выкидываетъ флагъ“, т. е. вынимаетъ и употребляетъ въ дѣло красный платокъ. Послѣ этого онъ отходитъ къ окну, все еще ожидая, что Швабе справится и изложитъ доказательство теоремы вѣрно. Яковлевъ опять подсказываетъ, но Швабе не успѣваетъ дослышать, какъ Викентій Осиповичъ снова появляется у доски.

— Но же-жъ, ты не выучилъ урока!—досадливо протягиваетъ онъ:—садись!

— Викентій Осиповичъ! Сколько вы мнѣ поставили?—спрашиваетъ Швабе.

„Генераль“ не любитъ, когда его спрашиваютъ объ отмѣткахъ, особенно, если ему пришлось, какъ въ этотъ разъ, поставить отмѣтку плохую.

— Но, не спрашивай!—раздраженно говоритъ онъ.

— Всетаки, сколько же?

— Ахъ, не спрашивай!..

И Викентій Осиповичъ даже морщится, точно отъ боли, при этихъ словахъ.

Но Швабе всетаки пристаегъ къ нему, и „генераль“ сердито выпаливаетъ, точно изъ ружья:

— Абсолютно два!..

Швабе находится въ самомъ концѣ алфавитнаго списка учениковъ. Поэтому послѣ него Викентій Осиповичъ снова переходитъ къ началу списка и вызываетъ Аркатова (Аникіева, который предшествуетъ Аркатову, сегодня нѣтъ въ классѣ). Аркатовъ, хорошо зная, что сегодня ему придется отвѣчать изъ математики, приготовился къ ней и отвѣчаетъ урокъ вполне благополучно, даже и безъ услугъ Яковлева. Онъ бойко опускаетъ перпендикуляры и проводитъ касательныя и буквы всѣ пишетъ въ порядкѣ. „Генераль“, опять засѣдающій на своемъ мѣстѣ, то и дѣло одобряетъ:

— Вѣрно! Хорошо!

Или:

— Такъ!.. Отлично!

— Но, отвѣчай теорему номеръ второй!—говоритъ онъ Аркатову, когда тотъ покончилъ свои доказательства.

Аркатовъ пугается. „Теорема номеръ второй“ была пройдена уже два дня тому назадъ и принадлежитъ къ „старому“. Что это сдѣлалось съ „генераломъ“?

— Вѣдь это изъ предыдущаго урока, Викентій Осиповичъ!

— Ну, такъ что же-жъ, что изъ предыдущаго?... Ну, не надо! Садись!

И онъ ставитъ Аркатову четыре. Пятерки онъ ставитъ только двумъ „математикамъ“ четвертаго класса—Яковлеву и Лаврову.

Когда всѣ теоремы, назначенныя къ спрашиванію на сегодня, исчерпаны, „генераль“ встаетъ со стула, медленно прохаживается, а затѣмъ, вытаскивъ и спрятавъ красный платокъ, говоритъ Яковлеву, указывая на доску.

— Сотри!

Яковлевъ приводитъ доску въ порядокъ, и „генераль“ громко обращается уже ко всѣмъ ученикамъ:

— Но, пишите!.. Глава четвертая, теорема номеръ восьмой: „квадратъ, построенный на гипотенузѣ, равняется суммѣ квадратовъ, построенныхъ на катетахъ“... Теорема эта въ просторѣчьи называется „пифагоровы штаны“—добавляетъ онъ исполнѣ серьезно.—Но этого не пишите! Лишнее-же-жъ!

Онъ беретъ мѣлъ и, громко стуча имъ о доску (доску онъ отодвигаетъ отъ первой парты—опять-таки съ помощью Яковлева), изображаетъ катеты и гипотенузы и пишетъ буквы. Иногда онъ заглядываетъ въ свой „альбомъ“, гдѣ у него, повидимому, кромѣ разныхъ вычисленій, нужныхъ для уроковъ въ старшихъ классахъ, находится также и конспектъ и обозначеніе „номера“ каждой теоремы.

„Объясняетъ“ онъ довольно кратко, совершенно въ томъ же стилѣ, какъ „объясняютъ“ и доказываютъ ученики ему:

— Возьмемъ линію, опустимъ перпендикуляръ... Теперь пишемъ— CD равно MN ... Но, повятно! Ничего труднаго тутъ нѣтъ!.. Сотри!

Яковлевъ стираетъ, и „генераль“ переходитъ къ слѣдующей теоремѣ; покончивъ и съ этой, принимается за новую, пока не раздастся звонокъ. Тогда онъ, оборвавъ диктовку или „объясненія“ на полусловъ, кладетъ мѣлъ, беретъ журналъ и немедленно уходитъ изъ класса...

Б. Никоновъ..

(Окончаніе слѣдуетъ).

Счастливые острова.

(Английская колонія „Новая Зеландія“).

V.

Земельное законодательство Н. Зеландіи.

Когда въ 1840 г. Англія присоединила Н. Зеландію къ своимъ владѣніямъ, она формально признала исключительное право туземцевъ на всю земельную поверхность острововъ и вообще добросовѣстно охраняла земельные интересы туземцевъ, что стоило не малаго труда и настойчивости первымъ губернаторамъ, которымъ приходилось въ этомъ отношеніи часто сталкиваться съ колонистами. Правительство обезпечило себѣ также право преимущественной покупки (preemption) земли у туземцевъ (для послѣдующей перепродажи ея по частямъ колонистамъ), что также было сдѣлано для огражденія туземцевъ отъ обмановъ, возможныхъ при ихъ непосредственныхъ сдѣлкахъ съ европейцами *).

Мы, конечно, не имѣемъ возможности излагать здѣсь развитіе земельного законодательства Н. Зеландіи, намъ пришлось бы для этого знакомить читателей со всей исторіей колоніи, такъ какъ земельный вопросъ игралъ въ этой исторіи чрезвычайно крупную роль. Поэтому мы вынуждены ограничиться здѣсь лишь характеристикой нынѣ дѣйствующаго земельного законодательства колоніи.

Торжество радикальныхъ стремленій въ колоніи, выразившееся въ принятіи принципа всеобщей подачи голосовъ, распространеніи этого принципа на женщинъ и въ другихъ знакомыхъ намъ реформахъ политическаго характера, можетъ быть, еще очевиднѣе сказалось въ новѣйшемъ земельномъ законодательствѣ Новой Зеландіи, отважившейся на такіе опыты въ этомъ отношеніи, которые вызываютъ величайшій интересъ не только въ

*) См. цитиров. сочин. Ривса и проф. Дженкса.

туго подвигающейся впередъ Европѣ, но и въ сравнительно быстро прогрессирующихъ колоніяхъ материка Австраліи.

Продажей государственныхъ земель въ Новой Зеландіи завѣдуетъ особое министерство *), глава котораго занимаетъ видную роль въ такъ называемомъ кабинетѣ министровъ; нерѣдко эту обязанность несетъ первый министръ. Министръ имѣетъ помощникомъ постоянного секретаря министерства, носящаго также званіе главнаго инспектора межеванія земель (Surveyor General). Въ настоящее время эту должность занимаетъ Перси Смитъ (Percey Smith). Такъ какъ постоянный секретарь, оставаясь на своемъ посту при всѣхъ смѣнахъ политическихъ партій, долженъ быть хорошо знакомъ какъ съ земельными законами, такъ и съ основными, твердо установившимися принципами дѣятельности министерства, то для характеристики земельного законодательства Новой Зеландіи мы находимъ наиболѣе цѣлесообразнымъ привести по возможности in extenso статью Перси Смита: „Земельное законодательство Новой Зеландіи“ (The Land system of New Zealand), которая имѣется въ послѣднемъ изданіи „New Zealand Official Yearbook“ (Wellington, N. Z., 1899).

„Земельное законодательство Новой Зеландіи,—пишетъ Смитъ,—нормируется такъ называемымъ Land Act'омъ 1892 г., къ которому впослѣдствіи были сдѣланы въ законодательномъ порядкѣ нѣкоторыя поправки и дополненія“...

Вотъ какъ Смитъ резюмируетъ эти законы. „Государственные земли раздѣляются на три разряда:

1) Земли въ предѣлахъ городскихъ и сельскихъ поселеній. Такія земли могутъ быть продаваемы только съ аукціона; не дешевле: городскія — 200 и сельскія — 30 руб. за акръ (0,37 десят.);

2) Земли подгородныя (suburban). Онѣ также продаются съ аукціона и не дешевле 20 руб. за акръ **);

3) Сельскія земли (rural lands). Онѣ раздѣляются на два класса; первоклассныя не могутъ быть продаваемы дешевле 10 руб., второклассныя—2 р. 50 к. за акръ. Эти земли могутъ

*) Называется «министерствомъ государственныхъ земель и межеванія».

**) Въ этомъ опредѣленіи минимальной цѣны и въ особенности въ требованіи продажи такихъ земель съ аукціона слѣдуетъ видѣть желаніе избѣжать злоупотребленій, возможныхъ при иныхъ способахъ оцѣнки этого рода земельныхъ участковъ и желаніе обезпечить казнѣ, т. е. всему народу, полученіе полностью всей рыночной цѣнности земель, находящихся въ наиболѣе заселенныхъ участкахъ, такъ какъ быстрый ростъ земельныхъ цѣнъ зависитъ отъ условій, создаваемыхъ трудомъ всего народа. Надо имѣть въ виду, кромѣ того, что задача правительства Новой Зеландіи заключается не въ томъ, чтобы продать возможно больше казенныхъ земель, а въ томъ, чтобы такой продажей содѣйствовать заселенію безлюдныхъ областей и лучшему эксплуатированію природныхъ богатствъ края.

быть продаваемы и сдаваемы въ аренду по записи (by application) и съ аукціона^{*)}.

„Ни одинъ сельскій участокъ, будутъ ли его продавать по записи или съ аукціона, не можетъ имѣть болѣе 640 акровъ, если онъ отнесенъ по качеству къ первому классу, и 2,000 акровъ, если онъ отнесенъ ко второму классу. Никто не можетъ купить первоклассной казенной земли болѣе 640 акровъ, второклассной болѣе 2,000 акровъ, *включая и ту землю, которой онъ уже владѣетъ во время заключенія сдѣлки.*

„Всѣ, записавшіеся въ одинъ и тотъ же день, считаются записавшимися одновременно и если оказывается нѣсколько желающихъ на одинъ участокъ, то преимущественное право опредѣляется жребіемъ“.

„О времени, съ котораго можно записываться на подлежащія продажѣ участки, публикуется своевременно, при чемъ отъ записывающихся зависитъ приобрести землю однимъ изъ слѣдующихъ способовъ“:

„1) *Въ собственность за наличныя деньги.* „При этомъ одна пятая уплачивается при записи и остальные въ теченіе мѣсяца. Однако окончательное утвержденіе въ правѣ полной собственности на приобретенный участокъ можетъ состояться только тогда, когда купившій его произведетъ въ немъ какія-нибудь улучшенія (improvements), въ теченіе не болѣе какъ семи лѣтъ и по стоимости не менѣе (въ среднемъ) 10 руб. на акръ первоклассной и 5 руб. на акръ второклассной земли“.

Иными словами, купившій участокъ первоклассной земли (по 10 р. за акръ) долженъ затратить на улучшенія въ ней, по крайней мѣрѣ, такую же сумму, какую онъ затратилъ на самое приобретение земли; купившій второклассную землю—сумму, по крайней мѣрѣ, вдвое большую той (2 р. 50 к. за акръ), которая затрачена на самую покупку. Едва ли нужно объяснять, что цѣлью такихъ правилъ является желаніе правительства Н. Зеландіи предупредить по возможности спекулятивныя покупки любителями легкой наживы.

Подъ „улучшеніями“, какъ здѣсь, такъ и въ послѣдующихъ статьяхъ, законъ разумѣетъ такія работы, какъ осушеніе болотъ, расчистка лѣсовъ, посадка деревьевъ, разведеніе садовъ, дренажъ почвы, проведеніе дорогъ, устройство колодезевъ, и т. д., однимъ словомъ, всякія работы, которыя могутъ поднять плодородіе почвы, а равно и всякаго рода полезныя постройки.

2) *На условіяхъ срочной аренды.* „Записавшійся на участокъ земли можетъ взять его въ аренду на 25 лѣтъ, при чемъ по исте-

^{*)} Надо сказать, что законъ грозитъ весьма суровыми наказаніями за всякаго рода стоворы въ цѣляхъ недопущенія высокаго поднятія цѣны при аукціонной продажѣ государственныхъ земель.

чении десяти лѣтъ, арендаторъ можетъ во всякое время, если онъ удовлетворилъ всѣмъ указаннымъ ниже условіямъ относительно жительства въ участкѣ и необходимыхъ „улучшеній“, купить арендуемый участокъ, внося полностью назначенную за участокъ цѣну (въ зависимости отъ класса земли). Арендатору принадлежитъ право, вмѣсто покупки, смѣнить свою срочную аренду на аренду вѣчную (см. ниже).

„При срочной арендѣ ежегодно въ видѣ арендной платы вносится 5% продажной цѣны участка. Арендаторъ обязанъ *жить въ участкѣ* и сдѣлать извѣстные улучшения (условія того и другого указаны ниже).

3) *На условіяхъ вѣчной аренды.* „Землю по записи можно приобрести въ аренду на 999 лѣтъ или, какъ обыкновенно называютъ, въ „вѣчную“ аренду. При такой арендѣ въ видѣ арендной платы вносится ежегодно по 4% продажной цѣны участка, при чемъ арендаторъ никогда не можетъ приобрести снимаемому имъ у государства землю въ полную собственность.

„Какъ на условіяхъ срочной, такъ и на условіяхъ вѣчной аренды земли могутъ быть приобретаемы и совмѣстно двумя и болѣе лицами“.

Условія относительно жительства и земельныхъ улучшеній при обоихъ послѣднихъ родахъ аренды таковы:

„Арендаторъ долженъ поселиться на участкѣ не позже, какъ черезъ 4 года послѣ начала аренды, если земля покрыта болотами или лѣсами, и не позже года, если участокъ представляетъ собою открытую или частью открытую землю (open or partly open land). При срочной арендѣ арендаторъ долженъ прожить на участкѣ не менѣе шести лѣтъ подъ рядъ и не менѣе десяти лѣтъ при вѣчной арендѣ“.

На участкахъ, взятыхъ въ срочную или вѣчную аренду, должны быть произведены работы по улучшенію (improvements, см. выше). Въ теченіе перваго года эти улучшительныя *) работы должны составить цѣнность, по крайней мѣрѣ, въ 10% стоимости арендуемой земли; въ теченіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ—еще по меньшей мѣрѣ 10%; вообще, въ теченіе первыхъ шести лѣтъ должны быть произведены улучшительныя работы цѣнностью не менѣе 30% продажной стоимости участка. Затѣмъ въ теченіе ближайшихъ слѣдующихъ годовъ должны быть произведены всякаго рода дальнѣйшія улучшительныя работы такъ, чтобы онѣ составили затрату въ 10 р. на акръ первоклассной земли и отъ 3 до 5 руб. на акръ второклассной, смотря по качеству участка“.

„Основные принципы существующаго у насъ земельного законодательства—говоритъ Перси Смитъ—явились выраженіемъ нѣ-

*) Или, какъ у насъ говорятъ, употребляя французскій терминъ, меліоративныя работы.

которых течений общественной мысли, медленно назрѣвавшихъ въ колоніи и сравнительно недавно принявшихъ окончательную форму. Наибольше существеннымъ пунктомъ нашего земельного законодательства надо считать стремленіе *оставить за государствомъ право собственности на землю*, съ предоставленіемъ *вѣчнаго арендованія* лицу, занимающему тотъ или иной участокъ... Въ Новой Зеландіи это стремленіе государства оставить за собой право собственности на землю получило болѣе сильное выраженіе, чѣмъ въ какой бы то ни было другой австралійской колоніи. Самый срокъ аренды въ то же время настолько великъ, что эти аренды обыкновенно называются *вѣчными* (everlasting leases). Въ самомъ дѣлѣ, въ настоящее время государственныя земли *большей частью сдаются въ аренду на 999 лѣтъ*. Арендная плата опредѣляется опѣночной стоимостью земельного участка во время продажи и не подлежитъ дальнѣйшимъ увеличеніямъ или переоцѣнкѣ. При такихъ условіяхъ аренда имѣетъ почти такія же удобства, какъ и право собственности, такъ какъ арендуемому земель можно продавать, закладывать, завѣщать и т. д.

Къ послѣднимъ словамъ Перси Смита слѣдуетъ, однако, прибавить, что передача арендованныхъ земель другимъ лицамъ можетъ состояться лишь съ согласія, такъ называемаго, земельного комитета (Land Board), представляющаго собою мѣстное агентство министерства государственныхъ земель. Такое согласіе дается лишь въ томъ случаѣ, если новый арендаторъ удовлетворяетъ тѣмъ же общимъ условіямъ, что и передающій аренду, т. е., если онъ не состоитъ уже собственникомъ или арендаторомъ такого земельного участка, который вмѣстѣ съ новымъ участкомъ превыситъ установленную норму. Равнымъ образомъ требуется соблюденіе условій относительно жительства и т. д.

Изъ этого мы видимъ, что сохраненіе за государствомъ права собственности при вѣчной арендѣ не есть пустая фикція, а дѣйствительно весьма важное въ общественномъ отношеніи право, позволяющее правительству предупреждать извращеніе основныхъ цѣлей самого закона *).

Продолжаемъ цитировать статью Смита.

„Такъ какъ всѣ земли въ Новой Зеландіи, въ томъ числѣ и тѣ, которыя сданы въ вѣчную аренду, подлежатъ поземельному налогу, то этимъ самымъ устраняется необходимость въ періодической опѣнкѣ арендованной земли, съ цѣлью возвышенія арендной платы, такъ какъ государство имѣетъ возможность взять въ свою пользу часть „незаработаннаго прироста“ (unearned incre-

*) Свѣдѣнія, сообщаемыя Перси Смитомъ, мы дополняемъ данными, которые находимъ въ цитированныхъ сочиненіяхъ Ривса (Reeves) и Эппса (Epps).

ment) цѣнности земли путемъ указаннаго поземельнаго налога *).

Можетъ быть, не будетъ лишнимъ объяснить, что „незарботаннымъ“ или „незаслуженнымъ“ (unearned) приростомъ цѣнности называется такой приростъ ея, который никакъ нельзя объяснить затраченной работой или, по крайней мѣрѣ, работой лица, которому принадлежить возвысившаяся въ своей цѣнности собственность. Такъ, проведение желѣзной дороги или устройство моста на общественный счетъ сразу поднимаетъ цѣнность ближайшихъ земельныхъ участковъ. Въ такомъ же смыслѣ вліяютъ всякія вообще улучшения путей сообщенія, увеличеніе населенія и т. д. Элементарная справедливость требуетъ, чтобы общество, за счетъ котораго были произведены всѣ указаннаго рода сооруженія, воспользовалось частью, если не всей той цѣнностью, которая явилась прямымъ результатомъ указаннаго рода переменъ.

Вотъ почему, какъ сообщаетъ Ривсъ, когда въ новозеландскомъ парламентѣ обсуждался проектъ вѣчной аренды государственныхъ земель, радикальная партія настаивала на томъ, чтобы арендная плата за государственныя земли подвергалась періодическому пересмотру, и, если окажется необходимымъ, повышалась въ той мѣрѣ, въ какой возрастаніе цѣнности земли не можетъ быть приписано затратамъ или трудамъ арендатора.

Этому желанію радикаловъ не суждено было осуществиться, но та же цѣль въ извѣстной мѣрѣ достигнута такъ называемымъ земельнымъ налогомъ. Впослѣдствіи мы ознакомимъ читателей болѣе подробно съ системой податей и налоговъ изучаемой колоніи, теперь же скажемъ только, что въ Новой Зеландіи отъ всякаго поземельнаго налога *освобождены* всѣ лица, чьихъ земельныя владѣнія—собственныя или арендуемыя у государства—имѣютъ цѣну ниже 5.000 руб.; лица, владѣющія болѣе цѣнной собственностью, уплачиваютъ налогъ *прогрессивно увеличивающійся* вмѣстѣ съ увеличеніемъ цѣнности земельного угодья **), при чемъ землевладѣльцы, не живущіе въ колоніи, платятъ сверхъ того небольшой дополнительный поземельный налогъ. „Нѣтъ никакого сомнѣнія,—говоритъ по этому поводу Ривсъ,—что прогрессивный поземельный налогъ былъ введенъ не потому, главнымъ образомъ, что прогрессивность достигаетъ нѣкотораго равенства жертвы (sacrifice) для общества,—хотя и этотъ мотивъ былъ, конечно, не безъ вліянія,—но преимущественно потому, что такой законъ могъ содѣйствовать дробленію крупныхъ помѣстій, собственники кото-

*) Надо сказать, что при опредѣленіи размѣра налога не принимается во вниманіе то увеличеніе цѣнности земли, которое произошло отъ затратъ арендатора на разнаго рода улучшения.

**) Прогрессивность собственно начинается съ тѣхъ имѣній, цѣна которыхъ достигаетъ 50.000 руб.

рыхъ такъ много выиграли отъ тѣхъ громаднѣхъ затратъ на поднятіе производительныхъ силъ колоніи, которыя были сдѣланы правительствомъ колоніи въ 70-хъ и 80-хъ годахъ“.

Возвращаемся къ статьѣ Смита.

„Удобства такъ называемой вѣчной аренды очевидны. Если принять во вниманіе, что за немногими исключеніями государственныя земли въ своемъ первобытномъ состояніи (*in their prairie condition*) не могутъ ничего производить, пока ихъ не подвергнуть тщательной обработкѣ, то сейчасъ же становится ясно, какъ важно будущему поселенцу затратить имѣющіяся у него денежныя средства на приобрѣтеніе земли въ свою полную собственность, а не на разработку избраннаго участка и на необходимыя постройки. Особенно цѣнно это для бѣднаго челоуѣка, который, имѣя почти только тотъ капиталъ, который представляютъ его здоровыя руки, въ состояніи все-таки обзавестись домомъ и хозяйствомъ, а это, конечно, было бы для него совершенно недоступно при системѣ продажи государственныхъ земель въ полную собственность“.

„Цѣны, назначаемыя правительствомъ на продаваемыя имъ земли, вообще говоря, очень дешевы, такъ какъ правительство стремится не столько къ тому, чтобы получить возможно большій доходъ, сколько къ тому, чтобы всячески содѣйствовать обработкѣ возможно большаго числа земельныхъ участковъ. Косвенно, конечно, отъ этого увеличиваются и доходы колоніи, не говоря уже о другихъ преимуществахъ, которыя даетъ странѣ большое сельское населеніе“.

„Вообще говоря, все земельное законодательство Новой Зеландіи проникнуто принципомъ „земля для народа“, что и выражается въ установленіи предѣльныхъ нормъ земельныхъ участковъ, которые могутъ быть приобрѣтаемы отъ государства въ однѣ руки. Къ такому принципу законодательное собраніе Новой Зеландіи было приведено сознаниемъ вредныхъ послѣдствій прежнихъ системъ отчужденія казенныхъ земель, при которыхъ челоуѣкъ съ деньгами могъ покупать огромныя участки въ ущербъ своимъ болѣе бѣднымъ согражданамъ. При теперешней системѣ продажная цѣна участковъ устанавливается заранее; выборъ же между лицами, записавшимися одновременно, происходитъ по жребію; это ставитъ въ одинаковыя условія для приобрѣтенія участка и бѣднаго, и богатаго челоуѣка“.

„Количество земли, которое можетъ приобрѣсти каждый записавшійся, опредѣлено съ такимъ расчетомъ, чтобы содѣйствовать увеличенію класса мелкихъ земельныхъ собственниковъ; въ границахъ же, установленныхъ закономъ, всякій можетъ приобрѣсти столько земли, сколько ему нужно. Крайній размѣръ покупунаго участка первоклассной земли, какъ было сказано, составляетъ 640 акровъ (около 250 десят.) и второклассной 2000 (около

750 десят.), включая и всю ту землю, которой уже владѣтъ или которую арендуетъ записавшійся. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, однако, когда министерство находитъ это желательнымъ, максимальныя нормы подвергаются *значительнымъ сокращеніямъ*.

„Существующіе поземельные законы дѣйствуютъ съ 1 ноября 1892 г., и для характеристики ихъ практическаго примѣненія мы приводимъ данныя относительно того, какъ въ теченіе послѣдняго отчетнаго года (отъ 31 марта 1898 по 31 марта 1899 г.) были приобретены государственныя земли, въ способахъ покупки которыхъ предоставленъ полный просторъ записывающимся:

1) на наличныя въ собственность — 114 участковъ, составившіе въ общемъ 17,824 акра;

2) на условіяхъ срочной аренды съ правомъ выкупа (и съ правомъ перевода въ вѣчную аренду)—458 участковъ, составившихъ 109, 950 акровъ;

3) въ вѣчную аренду—362 участка, составившіе 99,262 акра“.

Таковы законы, нормирующіе приобретение государственной земли, годной для обработки. Аграрное законодательство Новой Зеландіи оказало большое вліяніе на другія колоніи Австраліи, которыя стали подражать тѣмъ или инымъ принципамъ ново-зеландской земельной политики, уходя даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ дальше своего оригинала. Такъ въ Новомъ Южномъ Валлисѣ даже при покупкахъ государственной земли на наличныя требуется не только производство улучшительныхъ работъ, но и жительство на купленномъ участкѣ.

По примѣру Новой Зеландіи и нѣкоторыя другія колоніи Австраліи опредѣлили предѣльные размѣры земельныхъ участковъ, которые могутъ быть приобретаемы частными лицами отъ государства. Однако ни одна колонія не рѣшилась поставить такихъ же максимумовъ и для приобретения земель, годныхъ только для пастбищъ. Между тѣмъ въ Новой Зеландіи установлены предѣльныя нормы и для такихъ участковъ: вѣроятно, эти участки представляютъ собой частью горныя луга, частью болотистыя мѣстности, частью болѣе или менѣе обширныя пространства въ горахъ, съ жалкой растительностью, которой, однако, могутъ довольствоваться неприхотливыя овцы. Мы не считаемъ возможнымъ приводить условій аренды для такихъ исключительно пастбищныхъ участковъ, ихъ предѣльнаго размѣра и проч.; скажемъ только, что и здѣсь находятъ себѣ выраженія тѣ же, знакомые намъ, принципы земельной политики Новой Зеландіи.

Будетъ болѣе интереснымъ ознакомить читателя съ нѣкоторыми другими опытами этой замѣчательной колоніи, также весьма характерными для ея земельной и соціальной политики. Къ сожалѣнію, за недостаткомъ матеріаловъ, мы въ этомъ случаѣ должны ограничиться почти исключительно тѣмъ, что встрѣчается

по данному вопросу въ цитированной статьѣ постоянного секретаря министерства государственныхъ земель.

„Поземельный законъ 1892 г., говоритъ П. Смитъ, разрѣшаетъ также особый видъ сельскихъ поселеній, называемыхъ „сельскими товариществами“ (small-farm associations *)). Эти товарищества были очень популярны въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ по созданіи регулировавшаго ихъ закона, но въ настоящее время стремленіе основывать такія товарищества въ значительной степени уступило мѣсто системѣ „поселеній на расчищенныхъ предварительно земляхъ (Improved Farm Settlements)“.

Законъ о „сельскихъ товариществахъ“ говоритъ, что если нѣсколько лицъ—числомъ не менѣе 12—образовали между собой общество для взаимной помощи (have associated themselves together for mutual help), то такому товариществу предоставляется право выбрать по соглашенію съ министромъ государственныхъ земель участокъ государственной земли не болѣе 11,000 акровъ; каждый членъ товарищества долженъ взять на свою долю не менѣе 200 акровъ, максимальный же предѣлъ участка, который можетъ быть предоставленъ отдѣльному члену товарищества, устанавливается въ 320 акровъ. Земли подъ такого рода товарищескіе поселки сдаются въ вѣчную аренду на общихъ условіяхъ относительно жительства, улучшеній и т. п.

„Система такихъ товарищескихъ поселковъ представляетъ большія удобства для членовъ товарищества, если только земля выбрана съ надлежащей осмотрительностью, принимая во вниманіе качество почвы, удобство сообщеній, близость рынковъ для сбыта сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, возможность найти посторонній заработокъ. Между тѣмъ неосмотрительная поспѣшность, съ которой нѣкоторые товарищества избрали для себя участки на описанныхъ льготныхъ условіяхъ, привели къ тому, что успѣхъ такихъ товариществъ остается сомнительнымъ“.

„Собственно уже въ 1885 году законодательство Новой Зеландіи разрѣшило такую систему сельскихъ товарищескихъ поселковъ, предоставивъ даже право послѣдующаго выкупа въ собственность снятаго въ аренду участка. Законъ этотъ остался неотмѣненнымъ, при чемъ имъ довольно часто пользуются и теперь для образованія товарищескихъ поселковъ“.

„До настоящаго времени (31 марта 1899 г.) 812 лицъ образовали такіе товарищества на основаніи того или иного изъ указанныхъ законовъ, при чемъ общій размѣръ ихъ участковъ доходитъ почти до 143,000 акровъ. Многіе изъ такихъ поселковъ, гдѣ условія были благоприятны, находятся въ прекрасномъ состояніи; другіе же, лежащіе въ мѣстностяхъ уединенныхъ, съ плохими путями сообщенія, едва влачатъ свое существованіе“.

*) Буквально, «общества мелкихъ земельныхъ хозяйствъ».

Слѣдующій опытъ земельного законодательства Новой Зеландіи мы излагаемъ словами бывшаго министра труда Ривса, такъ какъ онъ даетъ главныя свѣдѣнія не только о самомъ законѣ, но и о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя послужили причиной его изданія.

„Въ 1886 г. Джонъ Биллэнсъ, бывший въ то время министромъ государственныхъ земель, сдѣлалъ смѣлую попытку устроить сельскія поселенія (village settlements) изъ рабочихъ, переживавшихъ большія лишенія вслѣдствіе безработицы (out of employment). Въ разныхъ частяхъ колоніи были выбраны земельныя угодья изъ государственныхъ земель, и эти угодья подѣлены на мелкіе участки (allotments) . отъ 20 до 50 акровъ *). Эти участки были сданы поселенцамъ изъ рабочихъ въ вѣчную аренду, съ арендной платой въ 5% стоимости участковъ. Нормы арендной платы подлежали пересмотру каждые 30 лѣтъ (условія вѣчной аренды, о которыхъ упоминалось выше, введены лишь въ 1892 г. П. М.). Поселенцамъ, изъ которыхъ многіе не имѣли никакихъ средствъ, была отсрочена уплата аренды на два года; кромѣ того, имъ были выданы небольшія ссуды на первое обзаведеніе, покупку сѣмянъ, земледѣльческихъ орудій, строительныхъ матеріаловъ, пищи и т. д. Въ 1887 году нѣкоторые жители колоніи жестоко критиковали Биллэнса за эти опыты, а его политическіе противники съ торжествомъ указывали на неудачи нѣкоторыхъ поселковъ, хотя другая часть поселковъ имѣла полный успѣхъ. По послѣднимъ свѣдѣніямъ общее число жителей организованныхъ такимъ образомъ поселковъ, считая женщинъ и дѣтей, доходитъ въ настоящее время почти до 5000; они занимаютъ земельныя участки, въ общемъ достигающіе 35,000 акровъ (въ 1889 г. около 37,000 акровъ. П. М.), при чемъ средній размѣръ участка 24 акра“.

„Большинство поселенцевъ часть времени занимается обработкой своей земли, часть времени работаетъ въ сосѣднихъ экономіяхъ, нанимаясь на время стрижки овецъ или жатвы; иногда же поступаетъ временно и на фабрики. Всѣхъ субсидій имъ выдано правительствомъ около 270,000 руб., изъ которыхъ уже возвращено 30,000 руб. Въ то же время поселенцами уплачено до сихъ поръ правительству колоніи въ качествѣ арендной платы (rent) и процентовъ за субсидіи около 270,000 руб. (въ Official Year-book за 1899 г. показана цифра почти въ 370,000 руб., сочиненіе Ривса вышло въ началѣ 1898 года. П. М.). Улучшенія, произведенныя поселенцами на арендуемыхъ ими участкахъ, оцѣниваются въ 1,100,000 руб. (по послѣднимъ даннымъ почти 1,300,000 р. П. М.); это, конечно, служить хорошимъ обезпеченіемъ правительству долговъ поселенцевъ“.

*) Отъ 7¹/₂ до 18 десятинъ.

Какъ рассказываетъ австралійскій публицистъ Эппсъ *), этотъ „опытъ“ Новой Зеландіи привлекъ большое вниманіе колоній материка Австраліи, и двѣ изъ нихъ присылали даже (въ 1891 году) особыхъ уполномоченныхъ (колоніи Южн. Австралія и Н. Южный Валлисъ) для изученія результатовъ опыта Новой Зеландіи. Послѣ изслѣдованія, какъ передаетъ тотъ же публицистъ, уполномоченные донесли, что опытъ *въ началѣ* былъ неудаченъ *въ тѣхъ случаяхъ*, когда поселенцы принимались безъ всякаго разбора и безъ предварительнаго знакомства съ ожидающимъ ихъ трудомъ; такіе поселенцы при первомъ благопріятномъ случаѣ уходили въ города.

Возвращаемся опять къ статьѣ Смита.

„Въ послѣдніе годы, вмѣсто только что описанной системы (village settlements) и ранѣе описанной системы сельскихъ товарищескихъ поселеній, получила большое развитіе другая система такъ называемыхъ „поселковъ на расчищенныхъ земляхъ“ (improved-farm settlements). Для того, чтобы найти занятіе безработнымъ, министерство государственныхъ земель отвело нѣкоторыя лѣсныя площади и вошло въ соглашеніе съ группами рабочихъ, поручивъ имъ расчистить тотъ или иной участокъ, выжечь лѣсъ и засѣять травой. Затѣмъ, расчищенная такимъ образомъ земля, была раздѣлена на небольшія „фермы“ или хозяйства, которыя были сданы въ *вѣчную аренду тѣмъ же рабочимъ, которые расчищали участокъ*, при чемъ арендная плата опредѣлялась стоимостью расчистки и качествомъ участка. До марта 1899 года было такъ устроено 45 поселковъ (settlements); общая величина участковъ доходитъ почти до 74,000 акровъ. На этихъ участкахъ живетъ 513 поселенцевъ и при нихъ болѣе 1800 членовъ ихъ семействъ, слѣдовательно, всего около 1900 лицъ. Они уже расчистили (felled) и засѣяли травой 20,814 акровъ. Поселенцамъ (за работы по расчисткѣ лѣсныхъ участковъ) правительствомъ уплатило до марта 1899 г. 573,290 руб., общая же цѣнность всякаго рода улучшеній почвы (включая и тѣ, которыя оплачены правительствомъ) достигаетъ 842,590 руб. Средній размѣръ участка для одного поселенца 100 акровъ“.

Какъ видно изъ рѣчи министра государственныхъ земель Макъ Кензи **), произнесенной имъ въ парламентѣ при внесеніи только что описаннаго закона въ 1893 г., задачей его было помочь бѣднымъ и трудолюбивымъ рабочимъ, не имѣвшимъ средствъ обзавестись собственнымъ хозяйствомъ. Для этого имъ давалась возможность найти себѣ заработокъ расчисткою тѣхъ самыхъ земельныхъ участковъ, изъ которыхъ они впоследствии получили въ вѣчную аренду небольшія фермы.

*) Цитир. сочин., 152.

**) Цитируется въ сочин. Еппса, Land systems of Australasia, 155.

Задаваясь благою цѣлью надѣленія землею главной массы поселенцевъ на возможно льготныхъ условіяхъ, правительство Новой Зеландіи должно было встрѣтить, наконецъ, неодолимое препятствіе въ недостаткѣ государственныхъ земель, такъ какъ въ прежнее время никакихъ предѣльныхъ нормъ для продажи земли въ однѣ руки не было, чѣмъ многіе и воспользовались, скупая по дешевой цѣнѣ огромные участки въ ожиданіи несомнѣннаго и быстрого роста ихъ цѣнности. Какъ же разрѣшило это затрудненіе правительство Новой Зеландіи? Отвѣтъ на это мы находимъ въ той же статьѣ постоянного секретаря министра государственныхъ земель.

„Выше было, между прочимъ, упомянуто о затрудненіяхъ, возникающихъ при отысканіи на государственныхъ земляхъ угодій, подходящихъ для сдачи въ аренду мелкими участками (small settlements), особенно въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ такіе участки болѣе нужны, т. е. въ мѣстахъ, уже колонизованныхъ, гдѣ часто встрѣчаются большія имѣнія, владѣльцы которыхъ обрабатываютъ ихъ съ помощью значительнаго числа наемныхъ рабочихъ *)... Имѣя въ виду успѣшное разрѣшеніе такого рода затрудненій, теперешній министръ государственныхъ земель Джонъ Макъ Кензи въ 1892 г. внесъ на разсмотрѣніе парламента законопроектъ (Land for Settlement Act), называемый „закономъ о приобрѣтеніи земель для заселеній“.

Согласно этому закону, принятому парламентомъ, правительству разрѣшалось покупать землю у частныхъ лицъ для послѣдующаго раздѣленія на участки размѣромъ не больше 320 акровъ (около 110 десят.).

На основаніи этого закона, правительство уже приобрѣло нѣсколько имѣній, раздѣлило ихъ на небольшіе участки и сдало въ вѣчную аренду съ такимъ расчетомъ, чтобы арендная плата составляла 5% съ капитала, образуемаго стоимостью покупки вмѣстѣ съ затратами на размежеваніе участковъ, проведеніе дорогъ и т. п.

„Почти во всѣхъ случаяхъ прибрѣтенныя такимъ образомъ имѣнія были хорошо устроены, расположены вблизи заселенныхъ мѣстъ, и потому арендаторы казенныхъ участковъ могутъ рассчитывать также и на посторонній заработокъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ. Въ 1894 г. правительству было разрѣшено тратить на приобрѣтеніе земель у частныхъ лицъ не болѣе 2.500,000 руб. въ годъ (первоначально по закону 1892 года 500,000 р.). Въ 1897 г. ежегодный кредитъ правительству для этой цѣли увеличенъ до 5.000,000 руб. въ годъ. Предѣльныя нормы земельныхъ

*) Перси Смитъ указываетъ далѣе, что подобныя затрудненія встрѣчаютъ часто дѣти старыхъ колонистовъ, отыскивая себѣ клочекъ земли для веденія собственнаго хозяйства недалеко отъ своихъ родныхъ.

участковъ, сдаваемыхъ въ однѣ руки, регулируются вышеизложеннымъ закономъ 1892 г.“.

„Въ 1894 г. въ земельное законодательство Новой Зеландіи вошелъ новый принципъ—предоставленіе правительству права принудительнаго отчужденія крупныхъ имѣній въ тѣхъ случаяхъ, когда не можетъ состояться добровольнаго соглашенія съ владѣльцемъ земли относительно цѣны и прочихъ условій продажи, если по рѣшенію совѣта министровъ приобрѣтеніе имѣнія, въ цѣляхъ продажи его по частямъ, признается желательнымъ. Размѣръ возмѣщенія собственнику опредѣляется особымъ судомъ, состоящимъ изъ одного члена верховнаго суда колоніи и двухъ товарищей, изъ которыхъ одного назначаетъ правительство, другого собственникъ имѣнія. До сихъ поръ, однако, былъ только *одинъ случай принудительнаго* отчужденія имѣнія, и правительство очень удачно распорядилось имъ, для распродажи мелкими участками“.

„Послѣдніе законы, облегчающіе приобрѣтеніе земель въ заселенныхъ мѣстностяхъ, должны оказать очень благотворное вліяніе на соціальныя отношенія, такъ какъ ими дается случай обзавестись домомъ и хозяйствомъ большому числу такихъ лицъ, которые вслѣдствіе своей непригодности къ работѣ піонера или по другимъ причинамъ не могутъ воспользоваться разными льготами для покупки государственныхъ земель, продаваемыхъ по участкамъ на новыхъ мѣстахъ. Кромѣ того, такъ какъ приобрѣтаемая правительствомъ крупныя имѣнія въ большей или меньшей степени подверглись культурной обработкѣ, то, повидимому, этимъ облегчается приобрѣтеніе подходящихъ участковъ переселенцамъ изъ стараго свѣта—мелкимъ фермерамъ и крестьянамъ,—которые, такимъ образомъ, могутъ съ пользою примѣнить свои вынесенныя изъ прежняго своего опыта знанія, вмѣсто того, чтобы цѣной новаго—и иногда очень горькаго—опыта знакомиться съ приемами хозяйства, пригодными для малонаселенныхъ, неводѣланныхъ мѣстъ“.

Опуская нѣкоторыя дальнѣйшія свѣдѣнія, сообщаемыя постояннымъ секретаремъ министерства государственныхъ земель, о новыхъ частныхъ узаконеніяхъ 1896 г., имѣвшихъ цѣлью ввести дальнѣйшія облегченія для приобрѣтенія небольшихъ участковъ лицами, не имѣющими вовсе земли, а также рабочими, желающими обзавестись домомъ и небольшимъ усадебнымъ участкомъ, мы считаемъ болѣе важнымъ привести здѣсь нѣкоторыя новѣйшія данныя о примѣненіи только что изложеннаго закона о покупкѣ земель у частныхъ лицъ. Эти данныя мы находимъ въ другой части „New Zealand Official Year-book“, какъ извлеченіе изъ отчета предсѣдателя особой комиссіи по покупкѣ имѣній у частныхъ лицъ.

„Въ теченіе отчетнаго года (31 марта 1898—31 марта 1899)

коммиссіи предложено было частными лицами купить имѣнія, въ общемъ занимающія 534,682 акра. Коммиссія часть предложеній вовсе отклонила, какъ неподходящія (47,192 акра), изъ остальныхъ имѣній успѣла тщательно изучить и рекомендовать для покупки 215,585 акровъ. Присоединяя къ послѣднему итогу часть тѣхъ земель, которыя коммиссія рекомендовала для покупки въ прошломъ году, всего ею рекомендовано для покупки 24 имѣнія. Предложенныя цѣны были приняты 13 владѣльцами: общая площадь продаваемыхъ ими земель 102,204 акра, предложенная сумма 5.821,150 руб. Изъ одиннадцати остальныхъ владѣльцевъ трое отказались продать имѣнія по оцѣнкѣ коммиссіи, пятеро пока не дали рѣшительнаго отвѣта, тремъ еще не была сообщена предлагаемая имъ цѣна.

„Всего на основаніи относящагося сюда закона (Land for Settlement Act) съ начала его дѣйствія куплено 62 имѣнія, площадью въ 256,829 акровъ. Покупка обошлась въ 12.506,470 руб.; 538,620 руб. пошло на проведеніе дорогъ, межеваніе, административные расходы, итого затрачено 13.045,090 рублей“.

Какъ видно изъ послѣдующихъ свѣдѣній, почти вся купленная земля (244,000 акровъ) была сдана въ аренду 1,304 поселенцамъ (не считая членовъ ихъ семействъ), вносящимъ ежегодно арендной платы около 600,000 рубл.; правительству же приходится уплачивать процентовъ по займамъ, заключеннымъ для покупки земель у частныхъ лицъ, около 425,000, т. е. и въ финансовомъ отношеніи данная операція оказывается не безвыгодной для правительства.

Для болѣе полнаго выясненія земельной политики правительства Новой Зеландіи, приводимъ данныя о совокупности всѣхъ сдѣлокъ, заключенныхъ министерствомъ государственныхъ земель съ частными лицами въ теченіе послѣдняго отчетнаго года (31 марта 1898—31 марта 1899), какъ по полному отчужденію государственныхъ земель, такъ и по сдачѣ ихъ въ аренду. Всего за этотъ годъ правительствомъ Новой Зеландіи продано и сдано въ аренду 2,542 лицамъ 1,357,466 акровъ; изъ нихъ продано лишь 36,188 акровъ (528 лицамъ), т. е. около 3%, остальные 97% сданы въ аренду на различныхъ условіяхъ, описанныхъ нами выше. Надо сказать при этомъ, что болѣе половины земли, сданной въ аренду (свыше 800,000 акровъ), состоитъ изъ болѣе или менѣе значительныхъ участковъ, годныхъ лишь для пастбищъ. 31 марта 1899 года въ Новой Зеландіи числилось почти 16,600 лицъ (15,919), арендующихъ на разныхъ условіяхъ государственный земли, площадью до 15 милл. акровъ (14.878,557), съ арендной платой нѣсколько болѣе 2½ милл. руб. (2.663,535 руб.). Почти изъ 11 милл. акровъ земли, арендуемой у правительства, болѣе двухъ третей (4.112,000 акровъ) годны почти исключительно для пастбищъ.

Къ сожалѣнiю, въ официальной энциклопедiи Новой Зеландiи и въ другихъ имѣющихся у насъ изданiяхъ, мы не находимъ точныхъ и полныхъ данныхъ о распредѣленiи земельной собственности въ Новой Зеландiи. Вотъ что, однако, намъ удалось извлечь изъ нашихъ матеріаловъ.

По послѣднему отчету министерства земледѣлія (31 марта 1898—31 марта 1899) въ Новой Зеландiи считалось 62,639 такъ или иначе эксплуатируемыхъ хозяйствъ или фермъ (holdings), величинной въ одинъ акръ и болѣе, какъ арендуемыхъ, такъ и собственныхъ; общая площадь этихъ фермъ—34.386,268 акровъ, что составляетъ больше половины площади всей колонiи (около 66,000,000 акровъ). Большая часть земель, принадлежащихъ этимъ фермамъ или хозяйствамъ, находится въ частной собственности ихъ хозяевъ (15.587,717 акровъ). Въ течение года площадь эксплуатируемой въ сельскохозяйственномъ отношенiи земли увеличилась болѣе, чѣмъ на 400 тысячъ акровъ (405,789), число хозяйствъ на 1,880.

Эти фермы, включая и тѣ, которыя снимались въ аренду у государства (crown) подъ пастбища, распредѣлялись въ отчетномъ (1898/9) году слѣдующимъ образомъ на группы по размѣрамъ.

Размѣръ фермъ или хозяйствъ (holdings).			Число ихъ	Занимаемая ими площадь.
Отъ	1 акра до	10 включит.		
»	10 акр.	» 50 »	18,280	68,671
»	50 »	» 100 »	11,426	315,651
»	100 »	» 200 »	7,276	570,508
»	200 »	» 320 »	9,164	1.401,171
»	320 »	» 640 »	5,584	1.469,859
»	640 »	» 1,000 »	5,555	2.568,462
»	1,000 »	» 5,000 »	1,946	1.649,580
»	5,000 »	» 10,000 »	2,589	5.364,539
»	10,000 »	» 20,000 »	369	2.579,773
»	20,000 »	» 50,000 »	220	3.274.623
»	50,000 »	и болѣе	175	5.448,038
			105	9,675,403

62,639 34.386,268

„Изъ этого видно,—читаемъ мы въ „Official Year-book“,—что значительная часть (59%) хозяйствъ, а именно почти 37,000 составляютъ фермы отъ одного до ста акровъ; 46,096 или 74% отъ 1 до 200 акровъ и 80½% отъ 1 до 320 акровъ (150 десят.). Фермъ размѣромъ болѣе 320 акровъ считается всего 10,959 или 18% общаго числа фермъ, что показываетъ широкое развитіе хозяйствъ средней величины. Обширность общей площади, занимаемой хозяйствами болѣе 320 акровъ, объясняется тѣмъ, что въ таблицу вошли огромныя пастбища, арендуемыя у государства“ (мы только что видѣли, что площадь пастбищъ, снимаемыхъ у

государства, превосходить 11 милл. акровъ и, слѣдовательно, составляетъ одну треть всей площади эксплуатируемыхъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи угодій).

Отсутствіе данныхъ о распредѣленіи хозяйствъ по размѣрамъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые эксплуатируются въ качествѣ пастбищъ, не позволяетъ намъ характеризовать болѣе точно землевладѣніе и землепользованіе въ Новой Зеландіи. Какъ видно изъ сравнительныхъ таблицъ, которыя мы находимъ N. Z. Official Year-book, за послѣдніе два года число хозяйствъ (holdings) увеличилось почти на 4,000, площадь эксплуатируемой въ сельскохозяйственномъ отношеніи земли увеличилась болѣе, чѣмъ на миллионъ акровъ, при чемъ это увеличеніе коснулось имѣній всѣхъ размѣровъ,—за исключеніемъ, однако, имѣній въ 50,000 акровъ и болѣе, которыя сократились и въ числѣ (съ 112 на 105), и въ общей площади (на 450,000 акровъ); подобный же процессъ наблюдался и относительно хозяйствъ размѣромъ отъ 10 до 20 тысячъ акровъ. Съ другой стороны, общая площадь хозяйствъ отъ акра и до 50 осталась почти неподвижной, при увеличеніи числа хозяйствъ приблизительно съ 38,000 до 40,000.

Австралійскій публицистъ Эппсъ приводитъ одну любопытную таблицу, относящуюся къ 1891 году. Въ этомъ году изъ 19.397,529 акровъ земли, эксплуатируемой въ сельскохозяйственномъ отношеніи (43,771 имѣнія), около 7.000,000 снималось въ аренду и почти 12¹/₂ милл. находилось въ частной собственности, при чемъ большая часть этой земли (7 мил. акровъ) принадлежала всего 584 лицамъ, участками въ 5,000 акровъ и болѣе (въ среднемъ 12,000 акровъ на владѣльца). Изъ остальной площади: 1,675 лицъ владѣли 2.145,000 акровъ, участками отъ тысячи до 5 тысячъ акровъ (въ среднемъ 1,280 акровъ) и на 41,518 владѣльцевъ приходилось въ среднемъ по 78 акровъ на каждого. Несообразность такихъ цифръ не могла не обратить на себя вниманія колонистовъ, результатомъ чего и было введеніе около этого времени прогрессивнаго поземельнаго налога, имѣвшаго явную цѣлью содѣйствовать дробленію крупныхъ имѣній.

Мы знаемъ уже, что съ 1892 г. начинается рядъ законодательныхъ мѣръ, устанавливающихъ предѣлы для продажи въ однѣ руки государственныхъ земель. Эти мѣры совершенно не допускаютъ къ покупкѣ государственныхъ земель лицъ, уже обладающихъ значительной земельной собственностью, и, наоборотъ, всячески содѣйствуютъ покупкамъ земли людьми съ ограниченными средствами и безземельными.

Только что приведенныя данныя о распредѣленіи частнаго землевладѣнія (въ общемъ уже захватившаго въ 1891 г. одну пятую всей земельной площади колоніи), въ достаточной мѣрѣ объясняютъ и, намъ кажется, оправдываютъ столь смѣлый въ принципіальномъ отношеніи шагъ правительства Новой Зеландіи, какъ

принудительное отчужденіе болѣ крупныхъ имѣній, въ случаяхъ, когда таковое отчужденіе оказывается необходимымъ для благополучія массы населенія.

Мы знаемъ, наконецъ, что нѣсколько позднее раскаяніе въ прежней неосмотрительной продажѣ государственныхъ земель въ частную собственность побудило правительство Новой Зеландіи организовать совершенно новую въ исторіи земельныхъ отношеній, такъ называемую, вѣчную (на 999 лѣтъ) аренду, при чемъ въ числѣ побудительныхъ причинъ къ введенію такого рода аренды, было желаніе правительства всячески содѣйствовать приобрѣтенію земли главной массой населенія и слѣдить за тѣмъ, чтобы и впредь эта собственность не переходила въ руки лицъ, и безъ того уже вполне обезпеченныхъ землей.

VI.

Законодательная охрана интересовъ труда въ Новой Зеландіи.

Мы видѣли, насколько Новая Зеландія опередила всѣ страны своимъ земельнымъ законодательствомъ. Аналогичное положеніе занимаетъ Новая Зеландія и по отношенію къ законодательству объ охранѣ интересовъ труда.

Передъ нами лежитъ полный сборникъ законовъ Новой Зеландіи объ охранѣ труда, изданный подъ редакціею министра труда (онъ же „главный фабричный инспекторъ“) и представляющій собою объемистую книгу почти въ 400 страницъ *). Замѣтимъ, что сборникъ состоитъ исключительно изъ текста законовъ, безъ всякихъ поясненій, циркуляровъ и т. п. Въ сборникѣ мы находимъ законоположенія обо всѣхъ категоріяхъ рабочихъ: фабричныхъ, горнорабочихъ, матросахъ (и вообще о всякаго рода рабочихъ на судахъ морскихъ и рѣчныхъ), о рабочихъ селско-хозяйственныхъ, приказчикахъ и служащихъ въ торговыхъ заведеніяхъ и всякаго рода конторахъ и т. д.

Мы, конечно, не имѣемъ возможности излагать—даже въ самыхъ общихъ чертахъ—всѣ положенія, устанавливаемые закономъ объ охранѣ всѣхъ этихъ видовъ труда, и остановимся лишь на специально фабричномъ законодательствѣ и на законодательствѣ о служащихъ въ торговыхъ заведеніяхъ: этого будетъ вполне достаточно, чтобы дать читателю понятіе о характерѣ изучаемаго нами законодательства.

Замѣтимъ, во первыхъ, что по законамъ Новой Зеландіи называется фабрикой и, слѣдовательно, подлежитъ надзору фабрич-

*) «The Labour laws of New Zealand» compiled by direction of the Hon. The Minister of Labour. Wellington. 1896 (прибавленія за послѣдующіе годы составляютъ особыя небольшія тетрадки).

ной инспекціи „всякаго рода строеніе и всякое вообще мѣсто (place), гдѣ хотя бы два человѣка, нанятые за плату или какое либо иное вознагражденіе, работаютъ надъ изготовленіемъ или обработкой какого-нибудь предмета, предназначеннаго для дальнейшей промышленной обработки или для продажи; фабриками же считаются всѣ пекарни и булочныя“.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ Новой Зеландіи совершенно устранено различіе между фабрикой и такъ называемымъ ремесленнымъ заведеніемъ или мастерской; какъ тѣ, такъ и другія подчинены совершенно на одинаковыхъ условіяхъ строгому надзору фабричной инспекціи. Обо всемъ значеніи такого широкаго толкованія слова „фабрика“ можетъ судить только тотъ, кто знаетъ, въ какихъ отвратительныхъ условіяхъ—не только у насъ въ Россіи, но даже и на Западѣ—принуждена работать значительная часть рабочихъ ремесленныхъ заведеній, мастерскихъ и т. п. Какъ извѣстно, это обстоятельство заставляетъ даже нѣкоторыхъ желать постепеннаго закрытія всякихъ мелкихъ ремесленныхъ заведеній и сосредоточенія всѣхъ производствъ по возможности въ крупныхъ фабричныхъ заведеніяхъ, гдѣ фабричные инспектора могутъ легче контролировать условія производства, и гдѣ сами рабочіе имѣютъ больше возможности стоять за свои интересы.

Едва ли нужно прибавлять, что и въ Новой Зеландіи условія работы въ мелкихъ мастерскихъ, пока онѣ не были подчинены надзору на одинаковыхъ условіяхъ съ фабриками, были также очень дурны, и что именно это обстоятельство и побудило правительство колоніи подчинить одинаковому надзору всѣ промышленныя заведенія.

Всѣмъ, кто сколько-нибудь знакомъ съ экономическими вопросами, хорошо извѣстно, что предприниматели, тяготясь даже и тѣмъ незначительнымъ контролемъ, который существуетъ для ремесленныхъ заведеній, часто предпочитаютъ сдавать заказы рабочимъ для исполненія ихъ на дому. Предприниматели платятъ за такую работу ничтожную поштучную плату, избѣгая вмѣстѣ съ тѣмъ всякаго риска и всякой отвѣтственности, связанныхъ съ содержаніемъ промышленнаго заведенія. Вотъ одна изъ причинъ необычайнаго распространенія и очевидной выгоды магазиновъ готоваго платья и т. п.

Всѣмъ сколько-нибудь интересующимся экономическими вопросами, хорошо извѣстно также, какими ужасными, вопіющими фактами полны оффиціальныя изслѣдованія условій такой работы разнаго рода „штучниковъ“ на дому, изслѣдованій, произведенныхъ сначала въ Англіи (такъ назыв., Royal Commission on sweating system), а затѣмъ и въ другихъ европейскихъ странахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что подобнаго рода факты существуютъ и

въ Россіи, хотя русское общество и не имѣетъ авторитетнаго и полнаго изслѣдованія относящихся сюда явленій.

Въ борьбѣ съ этими зломъ Новая Зеландія пошла далѣе всѣхъ странъ, такъ какъ тамъ, согласно статьѣ 23 фабричнаго закона 1894 года, „всякій хозяинъ фабрики или мастерской, сдающій работу на сторону, обязанъ подъ угрозой штрафа до 100 руб., вести точную и вѣрную вѣдомость рода и количества работъ, исполненныхъ внѣ фабрики, списокъ и адреса лицъ, которымъ такая работа была сдана, равно какъ и точныя данныя о размѣрѣ уплаченнаго этимъ лицамъ вознагражденія. Такая вѣдомость должна быть показываема фабричному инспектору по первому его требованію“...

Такимъ образомъ, инспекторъ можетъ знать, въ какой мѣрѣ тотъ или иной предприниматель пользуется сдачей работы на сторону, въ какихъ условіяхъ эта работа исполняется такъ называемыми штучниками и т. д. Такъ какъ, однако, услѣдить за всѣми мелкими мастерскими невозможно даже и сравнительно многочисленному составу „фабричной“ (въ указанномъ выше смыслѣ) инспекціи Новой Зеландіи, такъ какъ даже и въ Новой Зеландіи фабричной инспекціи не подлежатъ всѣ тѣ мѣста, гдѣ рабочій исполняетъ заказы одинъ, то въ этой прогрессивной колоніи сдѣлана попытка привлечь все общество къ борьбѣ со зломъ промышленнаго производства внѣ контроля общественныхъ властей, т. е. безъ обязательнаго соблюденія гигиеническихъ, санитарныхъ и другихъ мѣръ.

Это достигается второй частью той же 23 статьи, которая гласитъ: „Всякій хозяинъ фабрики или мастерской, сдающій работу въ частные дома и вообще въ мѣста, не зарегистрированныя въ качествѣ фабрикъ, обязанъ наклеивать особые ярлыки на всякомъ предметѣ одежды и вообще на всякой вещи, частью или всецѣло изготовленной въ частномъ жилищѣ и вообще не на фабрикѣ“.

Ярлыкъ долженъ быть изъ папки не менѣе, чѣмъ въ 2 квадратныхъ дюйма. На немъ должно быть напечатано имя и адресъ рабочаго, изготовившаго данный предметъ.

„Всякій, кто продаетъ или выставляетъ на продажу такого рода вещи безъ ярлыка, подлежитъ штрафу не свыше 100 руб. Всякій, кто умышленно снимаетъ ярлыкъ до продажи, подлежитъ штрафу не свыше 200 руб.“

„Всякій купецъ, оптовый торговецъ, лавочникъ, коммисіонеръ, раздающій матеріалъ для работы штучникамъ и вообще лицамъ, работающимъ на дому, подлежитъ ответственности по этой статьѣ, какъ бы хозяинъ фабрики“.

Благодаря такому закону, само общество получаетъ возможность бороться съ „потогонною системою“, избѣгая покупки товаровъ съ подобными ярлыками, хотя бы они и были дешевле другихъ.

Мы не находимъ возможнымъ знакомить читателя съ разными постановленіями закона, требующими огражденія всѣхъ опасныхъ частей машинъ, и всякими другими мѣрами, могущими предотвратить возможность несчастныхъ случаевъ. Инспектору принадлежитъ даже право требовать совершеннаго удаленія машинъ, которые онъ считаетъ опасными для рабочихъ (ст. 27). За недостаточное огражденіе машинъ и вообще за непринятіе всѣхъ мѣръ предосторожности съ фабриканта можетъ быть взысканъ штрафъ въ 100 руб., и, кромѣ того, 20 руб. за каждый рабочий день, пока не будетъ исполнено требованіе инспектора объ огражденіи или о полномъ удаленіи того или иного механизма.

Обо всякомъ несчастномъ случаѣ не позже 24 час. должно быть дано знать фабричному инспектору и участковому врачу. Этотъ послѣдній, въ свою очередь, долженъ въ 24 часа изслѣдовать пострадавшаго и донести инспектору. Несвоевременное донесеніе предпринимателя о несчастномъ случаѣ карается штрафомъ, а утайка или обманъ—тюремнымъ заключеніемъ. Такъ ограждаетъ законъ рабочихъ тамъ, гдѣ несчастные случаи сравнительно рѣдки, и гдѣ рабочіе умѣютъ и сами постоять за себя, благодаря своему образованію и благодаря своей прогрессивной организаціи...

Также строги требованія закона и относительно санитарныхъ условій работы на фабрикахъ, кубическаго содержанія воздуха на рабочаго, площади пола, свѣта и т. д., равно какъ и относительно разныхъ противопожарныхъ мѣръ и приспособленій, облегчающихъ спасеніе въ случаѣ пожара, при чемъ вездѣ высказываются не благія лишь пожеланія и совѣты, какъ въ нѣкоторыхъ аналогичныхъ русскихъ уставахъ и положеніяхъ, а безусловныя требованія съ непремѣннымъ указаніемъ гражданской или уголовной отвѣтственности предпринимателя въ случаѣ ихъ неисполненія.

Особенно строгъ и неумолимъ законъ во всемъ, что касается огражденія жизни и здоровья дѣтей и женщинъ. Никто не можетъ быть допущенъ къ работѣ на фабрикѣ и вообще въ какомъ бы то ни было промышленномъ заведеніи ранѣе 14 лѣтъ. Однако и четырнадцатилѣтнія дѣти могутъ быть допущены къ такой работѣ лишь въ томъ случаѣ, если фабричный инспекторъ письменно удостовѣритъ, что данному лицу работа въ тѣхъ или иныхъ фабрикахъ не можетъ причинить вреда для здоровья. Такого рода свидѣтельство должны имѣть всѣ рабочіе моложе 16 лѣтъ, и эти свидѣтельства должны быть всегда у хозяина фабрики.

Но даже и при условіи безвредности для здоровья работа на фабрикѣ лицамъ моложе 16 лѣтъ (но отнюдь не моложе 14 лѣтъ) можетъ быть разрѣшена инспекторомъ только въ томъ случаѣ, если эти лица представили удостовѣреніе объ окончаніи, по крайней мѣрѣ, 4 классовъ нормальнаго курса начальной школы, что равносильно обязательности предварительнаго посѣщенія школы

въ теченіе по крайней мѣрѣ 6—7 лѣтъ *). За всякій обманъ въ свидѣтельствахъ о рожденіи или о полученіи образованія и за представленіе заведомо ложныхъ свидѣтельствъ законъ грозитъ штрафомъ до 500 руб. или тюремнымъ заключеніемъ до 3 мѣс.

Всѣ лица моложе 14 лѣтъ и, лица женскаго пола, независимо отъ ихъ возраста, не могутъ работать на фабрикахъ болѣе 48 час. въ недѣлю, равно какъ и между 6 час. вечера и 8 час. утра (женщины 7 час.). Женщины не могутъ работать на фабрикахъ ранѣе 4 недѣль послѣ разрѣшенія отъ беременности.

Сверхсрочная работа для женщинъ и лицъ моложе 16 лѣтъ допускается лишь съ письменнаго разрѣшенія инспектора для каждаго отдѣльнаго лица, при чемъ такая сверхсрочная работа не можетъ быть допускаема болѣе 28 разъ въ годъ, при максимальной продолжительности три часа и *при минимальной платѣ 25 коп.* (половина шиллинга) *за часъ.* Инспекторъ ведетъ списокъ лицъ, которымъ онъ разрѣшилъ работу и (согласно донесенію предпринимателя) отмѣчаетъ сверхсрочную работу каждаго лица, чтобы никто не могъ перейти предѣльнаго числа сверхсрочныхъ часовъ **).

Кромѣ воскресеній и шести (опредѣляемыхъ въ законѣ) годовыхъ праздниковъ, всѣ женщины, а равно и всѣ вообще рабочіе моложе 18 лѣтъ должны по субботамъ кончать работу въ часъ дня.

По закону платить рабочему можно только деньгами и ни въ какомъ случаѣ не товарами изъ хозяйской лавки и т. п.; *хозяева лишены даже права представлять въ судъ иски* по взысканію со своихъ рабочихъ денегъ за проданные послѣднимъ товары или продукты. Заработная плата должна быть выдаваема не рѣже, чѣмъ разъ въ недѣлю; при сдачѣ работъ подрядчику, предприниматель всетаки отвѣтственъ за аккуратность и точность расплаты съ рабочими послѣднимъ и въ случаѣ недобросовѣстности или несостоятельности подрядчика обязанъ полностью удовлетворить претензіи рабочихъ, хотя бы и уплатилъ уже все, что слѣдовало подрядчику. Нечего и говорить, какое громадное значеніе имѣеть для рабочихъ такая рѣшительная охрана ихъ интересовъ, и насколько болѣе необходимы были бы аналогичныя законоположенія въ тѣхъ странахъ, гдѣ рабочіе не имѣютъ никакой профессиональной организаціи и совершенно не умѣютъ, да часто и не имѣютъ возможности защищать свои интересы путемъ обращенія къ суду.

*) См. главу IV.

**) Въ 1898 году въ Новой Зеландіи вышелъ законъ, запрещающій платить такъ называемымъ ученикамъ въ мастерскихъ и на фабрикахъ менѣе 2 руб. 50 коп. въ недѣлю. Законъ этотъ имѣетъ цѣлью борьбу съ стремленіемъ содержателей разнаго рода промышленныхъ заведеній (широко распространенныхъ и у насъ) набирать побольше даровыхъ учениковъ и прогонять ихъ черезъ 2 или 3 года, не научивъ никакому мастерству, но воспользовавшись въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ихъ даровымъ трудомъ.

Правительство Новой Зеландіи само избѣгаетъ посредничества подрядчиковъ и при производимыхъ имъ работахъ по возможности придерживается, такъ называемой, въ Новой Зеландіи „co-operative works system“.

Вотъ въ чемъ заключается эта система *): рабочимъ предлагается составить небольшія артели, которымъ инженеры, по извѣстной расцѣнкѣ, сдаютъ по частямъ подряды. Они выдаютъ рабочимъ весь необходимый казенный матеріалъ и наблюдаютъ за ихъ работами. Благодаря этой системѣ, рабочіе зарабатываютъ хорошія деньги, работаютъ безъ понуканій разныхъ надсмотрщиковъ и приказчиковъ, а правительство, расплачиваясь съ рабочими щедрѣе, чѣмъ это сдѣлалъ бы подрядчикъ, избѣгаетъ обращенія къ этимъ излишнимъ посредникамъ. Въ 1898 году рабочихъ на правительственныхъ постройкахъ и другихъ сооруженіяхъ было около 2¹/₂ тысячъ, что представляетъ достаточно значительное число для ³/₄ милл. жителей (для Россіи пропорціональное число было бы около 450,000).

Теперь скажемъ нѣсколько словъ объ охранѣ труда служащихъ въ торговыхъ заведеніяхъ. Согласно закону 1894 г., всѣ лавки, магазины и другія торговыя заведенія должны быть закрываемы разъ въ недѣлю не позже 1 часа послѣ полудня **). Законъ говоритъ далѣе (ст. 5), что, если кто либо изъ служащихъ въ торговомъ заведеніи будетъ задержанъ послѣ часа дня, съ хозяина взыскивается штрафъ не свыше 50 рублей за каждые полчаса просрочки и за каждого задержаннаго приказчика. Это дѣлается для огражденія интересовъ приказчиковъ. Для огражденія же хозяевъ другихъ лавокъ отъ невыгодной для нихъ конкуренціи, законъ взыскиваетъ независимо отъ сего особый штрафъ за позднее прекращеніе торговли, хотя бы въ лавкѣ при этомъ не было никого изъ приказчиковъ.

Время этого, такъ называемаго, „полупраздника“ для служащихъ въ торговыхъ заведеніяхъ устанавливается мѣстными (выборными) властями; обыкновенно выбираютъ среду или четвергъ.

Женщины и всѣ вообще лица моложе 18 лѣтъ не могутъ быть занимаемы въ торговыхъ заведеніяхъ болѣе 52 часовъ въ недѣлю, при чемъ рабочій день ихъ не можетъ превышать 9¹/₂ часовъ (одинъ разъ въ недѣлю разрѣшается 11¹/₂ часовъ). Расписаніе часовъ работы служащихъ должно быть вывѣшено на видномъ мѣстѣ въ каждомъ торговомъ заведеніи. Для всѣхъ женщинъ должны быть сидѣнья, которыми онѣ должны безпрепятственно пользоваться во всѣхъ случаяхъ, когда стояніе не необходимо для

*) Послѣдующее объясненіе почти дословно переведено изъ цитированнаго сочиненія бывшаго министра труда въ Новой Зеландіи Ривса (стр. 392).

**) Сверхъ воскресенья, когда всѣ торговыя заведенія закрыты цѣлый день.

дѣла. Женщину нельзя ставить на такую работу, которая требуетъ непрерывнаго стоянія, не замѣняя ее по временамъ другими лицами. Всѣмъ женщинамъ и всѣмъ вообще лицамъ моложе 18 лѣтъ черезъ каждые 5 часовъ долженъ быть предоставленъ полный отдыхъ не менѣе, какъ на полчаса; кромѣ того, въ теченіе дня всѣмъ служащимъ долженъ быть данъ часъ для обѣда.

Всѣ конторы, банки, страховыя общества должны быть закрываемы не позже 5 часовъ вечера, кромѣ одного дня на недѣлѣ *), когда всѣ такія учрежденія должны закрываться не позже 1 часа пополудни.

Для торговыхъ заведеній существуютъ также извѣстные санитарныя постановленія. Мы не будемъ ихъ излагать, равно какъ и законовъ объ охранѣ труда горнорабочихъ, сельскохозяйственныхъ рабочихъ или служащихъ на морскихъ или рѣчныхъ судахъ. Предшествующія строки даютъ, мы надѣемся, достаточное представленіе обо всей рѣшительности и строгости законовъ Новой Зеландіи, ограждающихъ интересы труда. Прибавимъ лишь, что всѣ эти строгіе законы нисколько не мѣшаютъ прогрессу и процвѣтанію промышленности и торговли въ Новой Зеландіи.

VII.

Профессиональные союзы въ Новой Зеландіи. Примирительныя коммиссіи и третейскій судъ.

Въ Новой Зеландіи населеніе всегда пользовалось свободой всякаго рода союзовъ и ассоціацій.

По законамъ Новой Зеландіи **) въ категорію „trade unions“ или, какъ у насъ часто переводятъ это выраженіе, „профессиональныхъ союзовъ“, отнесены „всякія вообще временныя или постоянныя соглашенія или союзы рабочихъ и хозяевъ, а равно и соглашенія или союзы тѣхъ и другихъ для регулированія взаимныхъ отношеній“. Такимъ образомъ, подъ одну категорію подведены какъ союзы предпринимателей, такъ и союзы рабочихъ. И тѣ, и другіе для того, чтобы узаконить съ формальной стороны свое существованіе, должны быть внесены въ оффиціальныя списки („registered“) такихъ учрежденій, для чего требуется подать особому правительственному чиновнику (Registrar of Friendly Societies) заявленіе объ организаціи союза, печатный уставъ союза и списокъ должностныхъ лицъ союза. Затѣмъ ежегодно правленіе союза обязано представлять тому же лицу свѣ-

*) Не считая, конечно, воскресеній.

**) The Labour laws of N. Zealand, compiled by direction of the Hon. the Minister of Labour, 299.

дѣнія о числѣ членовъ, имуществѣ союза, приходахъ и расходахъ, равно какъ и обо всѣхъ перемѣнахъ въ уставѣ.

Такого рода союзы пользуются самой широкой свободой въ преслѣдованіи своихъ цѣлей, такъ какъ законъ (1894 г.) прямо говоритъ, что „всякое соглашеніе между двумя или болѣе лицами дѣйствовать извѣстнымъ образомъ, въ случаѣ возникновенія несогласій между предпринимателями и рабочими, не должно считаться противозаконнымъ и быть предметомъ судебного преслѣдованія, если такое дѣйствіе законъ не вмѣняетъ въ преступленіе при совершеніи его однимъ лицомъ“. Опять-таки мы видимъ, что законъ и въ этомъ отношеніи ставитъ совершенно въ равныя условія соглашенія и совмѣстную дѣятельность предпринимателей, и такую же дѣятельность рабочихъ, какъ стачки рабочихъ, такъ и такъ называемые локуты (lock-out) предпринимателей (т. е., одновременный отказъ отъ работы всѣмъ рабочимъ). Впрочемъ, есть одно исключеніе: „рабочіе заводовъ газопроводныхъ и водопроводныхъ и обществъ электрическаго освѣщенія, желая прекратить работу, обязаны предупредить объ этомъ, по крайней мѣрѣ, за двѣ недѣли, если они имѣютъ основаніе думать, что иначе городъ или та или другая мѣстность можетъ въ теченіе нѣкотораго времени оказаться въполнѣ или въ значительной мѣрѣ лишенной воды или свѣта“. Слѣдовательно, и это исключеніе сдѣлано не въ интересахъ предпринимателей, а въ интересахъ всего населенія.

Надо сказать при этомъ, что союзы рабочихъ въ Новой Зеландіи, какъ и въ самой Англіи, далеко не ограничиваются лишь защитой своихъ интересовъ въ отношеніи къ предпринимателямъ. Какъ мы читаемъ въ трудахъ англійской королевской коммиссіи по рабочему вопросу *), „большинство болѣе старыхъ рабочихъ союзовъ колоніи Австраліи равнымъ образомъ заботятся о благѣ своихъ членовъ, выдаютъ имъ пособія при болѣзни, вдовамъ послѣ смерти мужей; нѣкоторые союзы выдаютъ даже пенсіи въ старости и пособія во время безработицы. Болѣе новые союзы удѣляютъ менѣе вниманія организаціи такого рода взаимной помощи. Въ уставахъ большинства союзовъ сказано, что они организованы для взаимнаго покровительства членовъ и для обезпеченія и поддержанія рабочей платы на извѣстномъ уровнѣ; въ нѣкоторыхъ уставахъ прибавлено при этомъ, что часть своихъ фондовъ союзы намѣрены тратить для улучшенія нравственнаго и соціальнаго положенія рабочихъ. Главныя услуги, оказываемыя этими союзами, заключаются въ выдачѣ пособій на похороны, отъ 50 до 150 рублей, пособій вдовамъ и сиротамъ членовъ, а равно и пособій безработнымъ. Пособіе, выдаваемое

*) Royal Commission on Labour. Foreign Reports, vol. II, The Colonies. London. 1893, 22.

большинствомъ болѣе новыхъ союзовъ во время стачекъ, колеблется между 3 р. 75 к. и 18 р. (7¹/₂ шил.—36 шил.) въ недѣлю (обыкновенно 10 рублей въ недѣлю), пока въ кассѣ союза имѣются для этого средства.

Какъ бы то ни было, главная задача рабочихъ союзовъ заключается въ охранѣ чисто профессиональныхъ экономическихъ интересовъ. Болѣе радикальная часть рабочихъ высказывается даже противъ излишняго развитія союзами обыкновеннаго вида взаимной помощи (при болѣзни, старости и т. д.), такъ какъ усиленная дѣятельность союзовъ въ этомъ направленіи заставляетъ ихъ поступать иногда слишкомъ осмотрительно, слишкомъ консервативно, дабы рискованными стачками не компрометировать финансоваго положенія союза. Впрочемъ, съ другой стороны, какъ это понимаютъ хорошо всѣ рабочіе, наличность въ кассѣ союза значительныхъ суммъ, предназначенныхъ на помощь во время болѣзни и т. п., позволяетъ при случаѣ сдѣлать оттуда позаймствование во время стачки, чѣмъ поднимаются шансы побѣды рабочихъ *).

Точка зрѣнія болѣе радикальной части рабочихъ намъ будетъ болѣе понятна, если мы примемъ во вниманіе, что въ Новой Зеландіи (какъ и въ самой Англіи и, конечно, въ другихъ колоніяхъ), кромѣ описываемыхъ здѣсь союзовъ, преслѣдующихъ профессиональные интересы рабочихъ, есть еще другого рода общества или союзы, состоящіе изъ рабочихъ и называемые „дружескими союзами“ (friendly societies). Эти союзы преслѣдуютъ уже исключительно цѣли взаимопомощи при случаяхъ болѣзни и смерти. Въ концѣ 1897 г. членовъ такихъ обществъ въ Новой Зеландіи было почти 33,000; фонды этихъ обществъ доходили почти до 6¹/₂ милл. рублей, въ теченіе года ими было выдано пособій на лѣченіе болѣе *полумилліона рублей*.

Возвращаемся, однако, къ чисто профессиональнымъ рабочимъ союзамъ. Мы не находимъ возможнымъ останавливаться здѣсь на характеристикѣ ихъ дѣятельности, отсылая интересующихся читателей къ цитированной статьѣ американца Олдрича. Мы ограничимся лишь выясненіемъ роли союзовъ при возникновеніи стачекъ, для чего цитируемъ слѣдующія слова доклада вышеназванной англійской королевской комиссіи.

„Большинство рабочихъ союзовъ предусматриваетъ въ своихъ уставахъ способы улаженія недоразумѣній и споровъ съ предпринимателями. Во всякой фабрикѣ или мастерской, гдѣ работаютъ члены союза, выбирается комиссія изъ такихъ членовъ,

*) См. превосходную работу (на которую мы будемъ часто ссылаться) американскаго ученаго А. Мортонъ Олдрича (Morton Aldrich). Die Arbeiter Bewegung in Australien und Neu-Seeland, помѣщенную въ „Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik“ Prof. Conrad'a, 1898.

которая обязана доводить до свѣдѣнія правленія союза обо всѣхъ случаяхъ споровъ и столкновѣній между членами союза и хозяиномъ данной фабрики. Во многихъ случаяхъ прямо предписывается уставомъ, чтобы стачку начинали не иначе, какъ испробовавъ всѣ средства къ мирному улаженію недоразумѣній. Союзы, образовавшіеся въ болѣе позднее время и имѣющіе главной своей цѣлью регулированіе отношеній предпринимателей и рабочихъ, большею частью устанавливаютъ въ своихъ уставахъ строго опредѣленные правила о томъ, какъ должны начинаться и вестись стачки. Вообще говоря, членамъ союза запрещается начинать стачку, пока по поводу ея не состоится формальной баллотировки прикосновенныхъ къ дѣлу рабочихъ; во многихъ союзахъ для постановленія о стачкѣ требуется большинство двухъ третей голосовъ. Отдѣленіямъ союза запрещается прекращать работу безъ согласія всего союза, и въ случаѣ нарушенія этого правила, члены филиальныхъ отдѣленій утрачиваютъ право на спеціальныя субсидіи при стачкахъ. Нѣкоторые союзы организовали на случай стачекъ особыя примирительныя коммиссіи* (см. ниже *).

Какъ читатель видитъ изъ этихъ словъ въ высшей степени авторитетной англійской коммиссіи**), имѣвшей, конечно, всѣ данныя для изученія вопроса, рабочіе союзы въ Австраліи совершенно чужды желанія затѣвать излишніе споры съ предпринимателями, а, наоборотъ, стараются предупредить стачки и во всякомъ случаѣ избѣгать необдуманныхъ рѣшеній въ столь важныхъ дѣлахъ, затрагивающихъ интересы всего общества.

Результатомъ этого является тотъ совершенно неожиданный для многихъ русскихъ читателей фактъ, что въ Новой Зеландіи (и, мы* могли бы прибавить, въ другихъ колоніяхъ Австраліи) сама фабричная инспекція видитъ великое благо въ существованіи рабочихъ союзовъ. Такъ, въ отчетѣ за 1896 г. министръ труда (и главный фабричный инспекторъ), говоря о ничтожной платѣ, получаемой на нѣкоторыхъ фабрикахъ женщинами и дѣвушками, что приводитъ ихъ иногда на путь порока, выражается слѣдующимъ образомъ: „Что касается до ничтожной***) заработной платы, которую получаютъ нерѣдко женщины, особенно на сѣверѣ колоніи, то для борьбы съ такимъ зломъ нѣтъ другого средства, кромѣ всяческаго содѣйствія женщинамъ къ образованію рабочихъ союзовъ. Мы говоримъ это, имѣя въ виду не только экономическія пре-

*) Royal Commission on Labour, Foreign Repors. vol. II, 22.

**) Коммиссія работала подъ предсѣдательствомъ герцога Девонширскаго и состояла изъ выдающихся общественныхъ дѣятелей Англіи при нѣкоторыхъ (хотя и слабыхъ) представительствѣ руководителей рабочаго движенія. Труды коммиссіи составляютъ цѣлую бібліотеку и имѣютъ огромную цѣну и всѣхъ, кто интересуется даннымъ вопросомъ.

***) Измѣряя ее масштабомъ рабочихъ Новой Зеландіи.

имущества, которые могут обеспечить такие союзы рабочих женщин, предотвращая чрезмерное падение заработной платы, но и огромныя (enormous) преимущества чисто социального характера. Вместо того, чтобы, как теперь, иметь возможность выбора только между сиденьем весь вечер в своей мрачной комнате или гуляньем по ярко-освященным улицам, девушка и женщины получают возможность провести вечер в помещении союза с обычными в таких учреждениях комфортабельными гостиницами, столовой (tea-room — „чайной“), читальной залой... Да и в дни болезни и искушения близость и тесное товарищество с другими девушками и женщинами будет большой нравственной поддержкой для каждой из них, а помощь союза предупредить отчаяние или падение многих женщин, впадших во временную нужду... В виду всего этого нельзя не сказать, что благожелательные люди, жертвующие свои деньги и время для устройства приютов св. Магдалины, борются со злом не с того конца. Лучше помочь рабочему союзу, чем приюту св. Магдалины“ *).

Надо сказать, что в Австралии, как это наблюдается повсеместно, женщины в гораздо меньшей степени организовали свои силы, чем мужчины, отчасти, конечно, вследствие того, что женщины, вообще говоря, лишь временно (до замужества) занимаются работой на фабриках, тогда как мужчины в большинстве случаев остаются рабочими всю жизнь и потому вопрос об организации своих сил имеет для них особое значение. Однако, в Новой Зеландии уже существуют женские рабочие союзы во всех главных городах, и наиболее значительному из этих союзов (в Дюнедине) удалось в самое короткое время поднять заработную плату на 25% (Олдрич).

Рабочие Новой Зеландии и других колоний, группируясь по профессиям (горнорабочие, наборщики, каменщики и т. д.), организуют союзы и по отдельным городам, где отделения разных профессиональных союзов составляют местные федерации. Наконец, в некоторых колониях большая часть рабочих союзов входит в состав одной общей федерации всех рабочих союзов колоний.

Итак, в настоящее время большая часть рабочих Новой Зеландии (как и других колоний Австралии) организовалась в разного рода союзы, имея в виду частью взаимную помощь во время болезней и т. п. несчастий, частью защиту своих чисто профессиональных интересов — поддержания известного уровня заработной платы и других условий труда.

*) Report of the N. Zealand Department of Labour for 1895 — 1896, стр. III.

Мы уже говорили, что законъ представляетъ полную свободу организаціи и предпринимателямъ, которые, конечно, съ своей стороны тоже не преминули составить между собой разнаго рода союзы для взаимной защиты и поддержки во время недоразумѣній съ рабочими. Какъ извѣстно, это дѣлается предпринимателями даже и въ тѣхъ странахъ, гдѣ за рабочими не признается права ассоціаціи; тѣмъ болѣе готовности къ взаимной поддержкѣ предприниматели обнаруживаютъ, конечно, тамъ, гдѣ имъ приходится имѣть дѣло съ организованной силой рабочихъ.

Казалось бы, что такое положеніе дѣлъ будетъ постоянно вызывать столкновенія, стачки и т. п. Въ дѣйствительности же происходитъ совершенно обратное: сознаніе взаимной силы побудило рабочихъ и предпринимателей къ организаціи разнаго рода примирительныхъ комиссій изъ представителей обѣихъ сторонъ, для чего необходимымъ предварительнымъ условіемъ является, конечно, организація сильныхъ и авторитетныхъ рабочихъ союзовъ. Вотъ что говоритъ по этому поводу англійская королевская комиссія по рабочему вопросу.

„Нельзя сомнѣваться въ томъ, что федерація рабочихъ союзовъ и возможно полное объединеніе предпринимателей значительно усиливаютъ вліяніе той и другой стороны, хотя и существуетъ разногласіе относительно того, какъ это обстоятельство вліяетъ на число и характеръ недоразумѣній между предпринимателями и рабочими. Г-нъ Брусъ Смитъ (Bruce Smith), бывшій предсѣдатель и инициаторъ „Союза предпринимателей“ колоніи Викторія *), такъ выразился въ своемъ показаніи королевской комиссіи по вопросу о стачкахъ въ Нов. Южн. Валлисъ **). „Рабочіе союзы, по моему мнѣнію, представляютъ собой единственное средство для предотвращенія распрей между капиталомъ и трудомъ. Благодаря своимъ союзамъ, рабочіе приучаются мыслить и дѣйствовать массами (think and act in masses), союзы приучаютъ ихъ къ единству, а это сообщаетъ имъ силу... Только черезъ посредство тѣхъ же союзовъ можно заставить рабочихъ... постоянно и единодушно держаться опредѣленнаго образа дѣйствій и этимъ избѣгать частыхъ распрей съ предпринимателями“...

Указывая далѣе въ своемъ показаніи на чрезвычайную полезность смѣшанныхъ (изъ представителей рабочихъ и предприни-

*) Впослѣдствіи организовавшій такой же союзъ предпринимателей въ колоніи Новый Южный Валлисъ.

**) Эта комиссія (Royal Commission on Strikes) была назначена въ 1890 г. правительствомъ Н. Ю. Валлиса. Отчетъ этой комиссіи, по выраженію одного американскаго ученаго, представляетъ собой «самое обширное и, можетъ быть, самое цѣнное изслѣдованіе вопроса о стачкахъ». См. F. Hatt. Sympathetic Strikes and Sympathetic Lockouts. New-York 1898. (Изданіе Columbia University въ Нью-Йоркѣ).

мателей) примирительныхъ комиссій (board of conciliation), Брусь Смитъ продолжаетъ такъ: „Здѣсь, однако, мы наталкиваемся на одно серьезное практическое затрудненіе. Какъ образовывать такую комиссію? Замѣчательно, что главныя затрудненія встрѣчаются въ этомъ случаѣ со стороны предпринимателей. Вообще говоря, они у насъ (въ Австраліи) представляютъ разрозненную массу. Если они иногда и дѣйствуютъ единодушно, то лишь обособленными группами (by sections). Къ тому же многіе изъ предпринимателей держатся настолько превратныхъ (such an eggopeous view) взглядовъ на рабочіе союзы, что лишь образованіе федераціи значительнаго числа предпринимателей колоніи можетъ заставить такихъ членовъ дѣйствовать согласно съ другими (т. е. съ болѣе разумнымъ отношеніемъ къ союзамъ рабочихъ)“.

Въ другомъ мѣстѣ своего отчета англійская королевская комиссія говоритъ: „Въ Австраліи постепенно идетъ агитація въ пользу учрежденія примирительныхъ комиссій для улаженія недоразумѣній между рабочими и предпринимателями, хотя существуетъ большое разнообразіе во мнѣніяхъ относительно способа образованія и функціонированія такихъ комиссій... Еще въ 1887 г. Брусь Смитъ, обращаясь въ качествѣ предсѣдателя къ собранію (организованнаго имъ же) „Союза предпринимателей колоніи Викторія“, говорилъ, что „существованіе этого союза въ значительной мѣрѣ улучшило взаимныя отношенія рабочихъ и предпринимателей, привело къ установленію примирительной комиссіи изъ представителей союза и представителей федераціи рабочихъ, что предотвратило много стачекъ. Съ другой стороны, г. Бреннанъ, президентъ федераціи рабочихъ союзовъ Сиднея (главный городъ Новаго Южнаго Валлиса), въ 1889 г. однажды выразился, что единственное средство для предотвращенія раздоровъ между рабочими и предпринимателями заключается въ полномъ объединеніи силъ труда и капитала. Только при такихъ условіяхъ та и другая сторона охотно пойдетъ на компромисы и будетъ строго держаться установленнаго соглашенія“...

„Королевская комиссія о стачкахъ, назначенная въ 1890 г. въ Новомъ Южномъ Валлисѣ отобрала показанія 44 лицъ — рабочихъ и предпринимателей самыхъ различныхъ отраслей промышленности и 11 другихъ свѣдущихъ лицъ... Огромное большинство ихъ, расходясь въ деталяхъ, единогласно признавали желательнымъ устройство примирительныхъ комиссій въ той или другой формѣ“.

Полагаю, что и приведенныхъ данныхъ достаточно, чтобы доказать читателю, что уже къ началу 90-хъ годовъ въ Австраліи твердо установилось въ обществѣ мнѣніе, что рабочіе союзы желательны и сами по себѣ (въ виду оказываемой ими помощи во время болѣзни членовъ и т. п.), и въ особенности потому, что существованіе сильныхъ рабочихъ организацій облегчаетъ учреж-

деніе авторитетныхъ примирительныхъ комиссій изъ представителей труда и капитала для улаженія возникающихъ недо-разумѣній и отчасти для выработки подробныхъ письменныхъ полюбовныхъ соглашеній, регулирующихъ заработную плату и другія условія труда.

Заключенія королевской комиссіи о стачкахъ въ Новомъ Южномъ Валлисѣ имѣли большое вліяніе на общественное мнѣніе и законодательство всѣхъ колоній. Въ одной колоніи за другою правительство создавало примирительныя комиссіи, состоящія на половину изъ представителей рабочихъ союзовъ и на половину изъ представителей предпринимателей, тогда какъ прежде существованіе такихъ комиссій обусловливалось частнымъ соглашеніемъ извѣстной группы предпринимателей и группы рабочихъ организацій.

Движеніе это распространилось, конечно, и на Новую Зеландію, но эта колонія въ одномъ отношеніи пошла дальше всѣхъ другихъ, а именно, въ то время, какъ въ другихъ колоніяхъ рѣшенія такихъ примирительныхъ комиссій въ глазахъ закона не-обязательны ни для одной изъ сторонъ, и исполненіе рѣшеній въ концѣ концовъ зависитъ отъ доброй воли и благоразумія сторонъ, въ Новой Зеландіи постановленія примирительныхъ комиссій въ извѣстныхъ случаяхъ имѣютъ силу судебныхъ рѣшеній. Это также одинъ изъ тѣхъ смѣлыхъ соціальныхъ опытовъ правительства Новой Зеландіи, которые привлекаютъ вниманіе всего мыслящаго міра. Вотъ содержаніе этого важнаго рабочаго закона колоніи, вышедшаго въ 1894 г. (нѣсколько измѣненнаго въ 1895 и 1898 г.) и благополучно прошедшаго черезъ обѣ палаты, благодаря въ особенности энергіи бывшаго въ то время министра труда Ривса.

Парламентскій актъ называется такъ: „Законъ, имѣющій цѣлью содѣйствіе образованію промышленныхъ союзовъ (industrial unions) и ассоціацій и облегченіе улаженія промышленныхъ распрей путемъ обращенія къ примирительнымъ комиссіямъ и третейскому суду“. Законъ такъ же обстоятеленъ, какъ и его названіе (занимаетъ съ поправками болѣе 40 страницъ), и мы можемъ остановиться лишь на важнѣйшихъ его пунктахъ.

„Промышленнымъ союзомъ—говоритъ законъ—считается всякое общество, состоящее не менѣе, чѣмъ изъ 5 лицъ, вошедшихъ въ соглашеніе для защиты интересовъ предпринимателей или рабочихъ“. „Всякое такое общество можетъ, въ цѣляхъ пользованія настоящимъ закономъ, получить официальную санкцію (may be registered) по представленіи названія союза, списка членовъ и лицъ, исполняющихъ разныя должности въ союзѣ, двухъ экземпляровъ устава общества и копій постановленія большинства членовъ союза, созданныхъ для этого на спеціальное экст-

ренное засѣданіе,—постановленія о желаніи такого официальнаго признанія союза“.

Послѣ этого и по исполненіи нѣкоторыхъ другихъ формальностей, обществу выдается особое свидѣтельство или грамота, чѣмъ промышленный союзъ приобретаетъ значеніе юридическаго лица (a body corporate) со всѣми правами такового. Всякій профессиональный союзъ (trade union *), зарегистрированный согласно закону 1878 г., можетъ по исполненіи нѣкоторыхъ формальностей быть зарегистрированъ подъ тѣмъ же названіемъ и какъ промышленный союзъ (industrial union) и получить соответственное свидѣтельство. Въ цѣляхъ излагаемаго закона каждое мѣстное отдѣленіе профессиональнаго союза рассматривается, какъ особый „промышленный союзъ“ и можетъ получить особое свидѣтельство. Официальная санкція существованія союза влечетъ за собой обязательство для всѣхъ его членовъ подчиняться всѣмъ статьямъ излагаемаго закона и распространяетъ на нихъ компетенцію примирительныхъ камеръ и третейскаго суда. Промышленные союзы рабочихъ и предпринимателей могутъ соединяться въ болѣе обширныя промышленныя ассоціаціи и получать какъ таковыя официальную санкцію (may be registered).

Предприниматели или союзы ихъ, заключая соглашенія съ промышленными союзами рабочихъ относительно заработной платы и всѣхъ другихъ условій труда на срокъ не болѣе 3 лѣтъ, копію такихъ соглашеній представляютъ въ верховный судъ колоніи. Съ этихъ поръ соблюденіе такого соглашенія становится обязательнымъ для обѣихъ сторонъ, и каждая сторона, въ случаѣ нарушенія условій, можетъ быть подвергнута штрафу до 5,000 руб., если размѣръ штрафа не указанъ въ самомъ соглашеніи.

Въ цѣляхъ примѣненія этого закона Новая Зеландія дѣлится на 6 промышленныхъ округовъ; всѣ недоразумѣнія и споры, возникающіе между предпринимателями и зарегистрированными промышленными союзами рабочихъ, подлежатъ рѣшенію примирительныхъ комиссій (Board of Conciliation), во время работъ которыхъ рабочіе не имѣютъ права начинать стачки и предприниматели рассчитывать своихъ рабочихъ. Названныя примирительныя комиссіи состоятъ изъ 5 членовъ: двое избираются промышленными союзами рабочихъ и двое такими же союзами предпринимателей, пятого члена комиссія выбираетъ сама. Члены комиссій избираются на 3 года; въ случаѣ если какая либо изъ сторонъ откажется выбрать представителей, таковыхъ назначаетъ губернаторъ колоніи.

Комиссія, изслѣдуя обстоятельства недоразумѣнія, имѣетъ

*) Мы говоримъ «профессиональные», а не рабочіе союзы, такъ какъ въ Новой Зеландіи закономъ о trade union'ахъ регулируются какъ союзы рабочихъ, такъ и союзы предпринимателей.

право вызывать свидѣтелей для отобранія отъ нихъ показаній; она постановляетъ свое рѣшеніе не позже, какъ черезъ 2 мѣсяца послѣ подачи ей заявленія какой либо изъ сторонъ о своемъ неудовольствіи.

Рѣшенія комиссіи не обязательны для спорящихъ, и каждая изъ сторонъ можетъ обжаловать это рѣшеніе обращеніемъ къ третейскому суду (Court of Arbitration). Этотъ судъ—одинъ для всей колоніи—состоитъ изъ 3 лицъ: одного по выбору промышленныхъ союзовъ рабочихъ, другого по выбору такихъ же союзовъ предпринимателей и предсѣдателя—одного изъ членовъ верховнаго суда колоніи по назначенію губернатора. Полномочіе членовъ суда длится три года. Этому суду принадлежать всѣ вообще прерогативы суда: онъ можетъ вызывать свидѣтелей, допрашивать ихъ подъ присягой, штрафовать въ случаѣ неявки и т. д.

Судъ можетъ постановлять рѣшенія и при неявкѣ одной изъ сторонъ, и всетаки эти рѣшенія считаются окончательными, хотя бы они были даже выражены и безъ соблюденія принятой для судебныхъ рѣшеній формы. Изучаемый нами законъ прямо предписываетъ даже суду выражать свои рѣшенія обычнымъ языкомъ, чуждымъ всякихъ формальностей, лишь бы это содѣйствовало ясности и точности рѣшенія суда.

Третейскій судъ, въ случаѣ если онъ находитъ, что подлежащее его обсужденію дѣло слишкомъ мелко и пустячно (*frivolous or trivial*), можетъ во всякое время прекратить вовсе разсмотрѣніе его. Судъ, если находитъ это нужнымъ, можетъ присудить виновную сторону къ уплатѣ другой сторонѣ судебныхъ издержекъ. Въ своемъ рѣшеніи судъ можетъ постановлять обязательныя условія относительно размѣра заработной платы и другихъ условій работы, срокомъ не болѣе, какъ на 2 года. Третейскій судъ даетъ рѣшеніе по представленному ему дѣлу не далѣе, какъ черезъ мѣсяцъ послѣ полученія заявленія. Какъ въ примирительныхъ комиссіяхъ, такъ и въ третейскій судъ могутъ быть по желанію сторонъ приглашаемы эксперты, при чемъ каждая изъ сторонъ выбираетъ одного эксперта *).

Таковы главные особенности закона. Вотъ что пишетъ Ривсъ о примѣненіи закона въ 1898 г.

„Вотъ уже три года, какъ примѣняется законъ о примирительныхъ комиссіяхъ; за это время въ силу закона улажено

*) Къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ привести дальнѣйшія подробности объ изучаемомъ нами законѣ, изъ которыхъ читатель могъ бы видѣть, насколько широка сфера его примѣненія. См. цитирован. сочин. Ривса, 388—390. Скажемъ лишь, что даже казенныя желѣзныя дороги могутъ передавать на рѣшенія примирительныхъ комиссій и третейскаго суда недоразумѣнія, возникающія между завѣдующими желѣзнодорожными мастерскими и рабочими въ тѣхъ мастерскихъ.

около 35 недоразумѣній и споровъ рабочихъ съ предпринимателями. По общему правилу, разбирательство споровъ восходитъ до третейскаго суда, такъ какъ та или другая сторона обыкновенно остается недовольной рѣшеніемъ примирительной комиссіи. Почти во всѣхъ случаяхъ вмѣстѣ съ тѣмъ обѣ стороны охотно повиновались рѣшеніямъ третейскаго суда... Всѣ важныя недоразумѣнія между рабочими и предпринимателями, бывшія за послѣдніе три года, были разрѣшены учрежденіями, созданными описаннымъ закономъ 1895 года. Единственная сколько нибудь значительная стачка, случившаяся за это время въ колоніи, была устроена нѣсколькими каменщиками (bricklayer), не входившими ни въ какую рабочую организацію и работавшими при одной казенной постройкѣ. Такъ какъ компетенція закона 1895 г. не распространялась ни на одну сторону, то онѣ по взаимному соглашенію предоставили разрѣшеніе недоразумѣнія выбранному ими третейскому суду; впрочемъ, нѣкоторые каменщики остались всетаки недовольны рѣшеніемъ суда и оставили работу. Такихъ же стачекъ, гдѣ бы одной изъ сторонъ были рабочіе, принадлежащіе къ какому нибудь рабочему союзу, вовсе не случилось, да и быть не должно, пока есть возможность пользоваться закономъ 1895 г.

„Вопросы, по поводу которыхъ приходилось постановлять рѣшенія комиссіямъ и суду, очень разнообразны: продолжительность рабочаго дня, поденная плата, задѣльная плата, отношеніе числа учениковъ къ общему числу рабочихъ, отказъ членовъ рабочихъ союзовъ работать вмѣстѣ съ такими рабочими, которые не состоятъ членами рабочихъ организацій и т. д.

„Вообще говоря, до сихъ поръ законъ дѣйствовалъ замѣчательно успѣшно. Рабочіе союзы относятся къ нему съ энтузіазмомъ, можетъ быть, даже съ слишкомъ большимъ энтузіазмомъ, такъ какъ обнаруживаютъ, пожалуй, неумѣренное рвеніе пользоваться закономъ. Предприниматели же впали въ другую ошибку, отказавшись въ большинствѣ округовъ выбрать своихъ представителей въ примирительныя комиссіи, и тѣмъ заставили правительство назначить таковыхъ. Это, конечно, ослабило авторитетъ комиссій и послужило причиной частаго восхожденія дѣлъ для окончательнаго рѣшенія къ третейскому суду“ (цитир. сочин., 388—390).

Таковъ отзывъ Ривса о законѣ, инициатива котораго принадлежитъ ему самому. Мы имѣемъ однако два отчета министерства труда Новой Зеландіи за тѣ годы, когда Ривсъ уже оставилъ колонію, и въ обоихъ отчетахъ говорится о мирномъ улаженіи многихъ раздоровъ въ промышленномъ мірѣ, благодаря „благотворному дѣйствію“ закона 1895 г. Эти отчеты на половину заполнены изложеніемъ дѣлъ, бывшихъ на разсмотрѣніи примирительныхъ комиссій и третейскаго суда, но при всемъ желаніи

мы не можемъ позволить себѣ увеличивать нашу работу соответственными цитатами.

Какъ бы то ни было, нельзя сомнѣваться въ томъ, что общественное мнѣніе колоніи въ общемъ довольно описаннымъ закономъ, который извѣстный американскій дѣятель Henry Lloyd, называетъ даже „самымъ замѣчательнымъ въ принципиальномъ отношеніи закономъ, какимъ можетъ похвалиться Новая Зеландія“ *).

П. Мижусевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

* * *

О, если-бъ колоколъ раздался въ тишинѣ,
И пробудились вы отъ сладостной дремоты
Съ мучительнымъ стыдомъ въ душевной глубинѣ
За ваши жалкія заботы,

За то, что вамъ покой приноситъ тишина,
Блаженства долгій путь рисуютъ ярко грёзы,
Когда для многихъ жизнь, какъ мрачный склепъ, темна,
Когда другіе слышатъ грозы!

Нѣтъ, не встревожить васъ призывный громкій звонъ,
И не поймете вы, что гибнуть ваши братья:
На смѣну сладкихъ грёзъ ненарушимый сонъ
Откроетъ вамъ свои объятія.

Но, колоколъ, звони,—не всѣ мертвы сердца,
Быть можетъ, гдѣ-нибудь тревожно отзвучатъ...
Смѣлѣе пой, поэтъ, до грустнаго конца,
Когда всѣ струны оборвутся!

А. Лукияновъ.

*) См. статью Н. Lloyd'a въ американскомъ журналѣ Ainslee Magazines, изъ которой выдержки приведены въ Journal of Depart. of Labour. New Zealand, 1890. March.

МЕДОВЫЯ РѢКИ.

(Очерки).

V.

Душевный гладъ.

I.

Даже у прокуроровъ бываютъ скверные дни, какъ, напримеръ, было сегодня у Матвѣя Матвѣича Ельшина. Во-первыхъ, онъ проснулся позднѣе обыкновеннаго (вчера заигрался въ клубъ въ карты и, вдобавокъ, проигрался), а потомъ—сегодня ему нужно было ѣхать въ острогъ, что его каждый разъ волновало. За чаемъ онъ молчалъ, стараясь не глядѣть на жену, которая въ такіе дни ему казалась и растрепанной, и грязной, и, вообще, безобразной. Парасковья Ивановна была на четыре года старше мужа и, дѣйствительно, не блестяща особенной красотой. Высокая, брюзглая, съ веснусчатымъ лицомъ и всегда мокрымъ ртомъ, она точно создана была специально для того, чтобы омрачать существованіе прокурора загорскаго окружнаго суда. Сидѣвшій рядомъ съ Прасковьей Ивановной пухлый и головастый мальчикъ лѣтъ пяти напоминалъ мать.

— Какой-то рахитикъ...—думалъ Ельшинъ, наблюдая, какъ сынъ набивалъ ротъ булкой.—Идіотъ, совсѣмъ идіотъ... Да и что другое можетъ быть отъ такой прелестной мамы.

По своей прокурорской привычкѣ, Матвѣй Матвѣичъ у всѣхъ своихъ знакомыхъ находилъ удивительно ярко выраженные признаки врожденной преступности (морелевскія уши, гутчинсоновскіе зубы, сѣдлообразное небо и т. д.), а у себя дома, когда былъ не въ духѣ, мысленно даже переодѣвалъ жену въ арестантскій халатъ и находилъ, что она служила бы типичнымъ экземпляромъ преступности. Еще сильнѣе проявлялась эта преступность въ сынѣ: надбровныя дуги,

какъ у шимпанзе, нижняя челюсть „калошей“, какъ выражаются французскіе анатомы, несоразмѣрно длинныя руки, а главное—этотъ тупой, безсмысленный взглядъ безцвѣтныхъ глазъ... Въ сущности, ничего подобнаго, конечно, не было, и маленькій Коля ничѣмъ особеннымъ не выдѣлялся среди другихъ интеллигентныхъ дѣтей. Просто, тихій и склонный къ мечтамъ ребенокъ, который любилъ больше всего свое дѣтское уединенное житіе.

— Я убѣжденъ, что изъ этого отшельника со временемъ вырастетъ очень хорошій преступникъ,—увѣрялъ жену Ельшинъ, когда хотѣлъ ее позлить.—Вообще, великолѣпный экземпляръ изъ области судебной медицины...

Сегодня, подъ впечатлѣніемъ вчерашняго проигрыша, Ельшину собственная семья казалась какимъ-то гнѣздомъ преступниковъ, такъ, что онъ даже пошелъ въ гостиную и посмотрѣлъ на самого себя въ зеркало, какъ на человѣка, который до извѣстной степени, прямо и косвенно, причастенъ къ этому дѣлу. Изъ зеркала на него смотрѣло худенькое нервное лицо съ карими глазами и козлиной бородкой. На этомъ лицѣ выдѣлялся не по возрасту свѣжій ротъ, открывавшій при разговорѣ два ряда чудныхъ бѣлыхъ зубовъ, что придавало ему видъ маленькаго хищника. Ельшинъ былъ немного меньше средняго роста и, можетъ быть, поэтому казалось, что у него слишкомъ много зубовъ.

— Да, есть что-то хищное въ выраженіи лица,—опредѣлялъ самого себя Ельшинъ, глядя въ зеркало.—Но признаковъ врожденной преступности никакихъ.

Успокоившись относительно послѣднихъ, онъ, не торопясь (въ острогѣ прокурора могутъ и подождать „господа преступники“), одѣлся, еще разъ оглянулъ себя въ зеркало и, не простившись съ женой (онъ не могъ ей простить своего вчерашняго проигрыша), вышелъ въ переднюю, гдѣ его уже ждала очень миловидная горничная Груша. Надѣвая пальто, Ельшинъ успѣлъ подумать, что если бы вотъ эта простая дѣвушка Груша была его женой, то онъ не спасался бы ежедневнымъ бѣгствомъ въ клубъ. Такая свѣженькая, простая и хорошая дѣвушка эта Груша, и, навѣрно, она родитъ не рахитиковъ и будущихъ преступниковъ. Въ Грушѣ не было ни одного признака преступности.

Выходя изъ дому, Ельшинъ принималъ внушительный, дѣловой видъ, какъ это дѣлаютъ всѣ мужчины небольшого роста. Дома онъ былъ просто Матвѣй Матвѣичъ, а за предѣлами этого дома—настоящимъ прокуроромъ. Но это специальное настроеніе было нарушено глупой сценой на самомъ подъѣздѣ. Когда Груша отворила дверь и Ельшинъ уже

занесъ ногу черезъ порогъ, справа кинулась прямо ему подъ ноги какая-то масса.

— Голубчикъ, господинъ прокуроръ, ваше превосходительство...—заголосила этанеопредѣленная масса „истошнымъ“ бабымъ голосомъ.—Охъ, пришла моя смертынька...

— Что вамъ нужно отъ меня?!

— Охъ, смертынька... ваше высокое превосходительство...

— Во-первыхъ, я никакое превосходительство,—обиженно замѣтилъ Ельшинъ, надѣвая перчатки.—А во-вторыхъ...

— Баринъ, это жена Буканова, который въ острогъ,—шепотомъ объяснила Груша.—Тайсѣей звать...

— А... Ну что вамъ угодно отъ меня, госпожа Буканова?

— Да встаньте, пожалуйста... Это неприлично—валяться на полу.

Госпожа Буканова, благодаря своей тучности и возрасту, поднялась съ большимъ трудомъ на ноги и запричитала.

— Все изъ-за Ивана Митрича... Родной племянникъ и пустилъ на старости лѣтъ по міру... Федоръ-то Евсеичъ за што въ острогъ засажень?

— Какой Федоръ Евсеичъ?

— А, значить, мой мужъ... Онъ самый. Одного страму не износить...

— Ахъ, да, Букановъ, который будетъ судиться за подлогъ... Ну, матушка, тутъ я ничего не могу подѣлать.

Горничной Грушѣ нравилось, что у ея барина въ ногахъ валяется толстомордая купчиха. И ростомъ не вышелъ баринъ, и капиталу никакого, а тутъ купчиха Буканова, у которой и собственный домъ, и собственный капиталъ, и собственная лавка со скобянымъ товаромъ.

— Да, вѣдь, не причемъ тутъ мой-то Федоръ Евсеичъ... Все племянничекъ Иванъ Митричъ нахороводилъ, онъ еще двухъ племянницъ разорилъ и родную жену обокралъ... Все онъ, змѣй подколодный!..

— Вѣроятно, онъ много натворилъ, вашъ Иванъ Митричъ, и все это выяснится въ свое время на судѣ, но отъ этого вашему мужу не будетъ легче. Вашъ мужъ будетъ судиться особо, по своему собственному дѣлу, и, повторяю, я рѣшительно ничего не могу для васъ сдѣлать, даже если-бы и желалъ.

Въ отвѣтъ, Буканова опять повалилась въ ноги и запричитала что-то ужъ совсѣмъ бессмысленное. Ельшинъ разсердился. У подѣзда уже начала собираться кучка любопытныхъ.

— Да говорятъ-же вамъ, встаньте!..

— Охъ, смертынька...

Ельшина выручилъ извозчикъ, который „подаль“ въ самый

критическій моментъ. Буканова поднялась и, провожая глазами уѣзжавшее начальство, проговорила:

— Этакой маленький, а злости-то сколько въ ѣмъ...

Это замѣчаніе обидило Грушу.

— И даже совсѣмъ наоборотъ... Матвѣй Матвѣичъ даже совсѣмъ не злое, а такая ужъ ихняя строгая служба.

— Не ври, мать... Все отъ прокурора: кого захочетъ—того и посадить въ острогъ. На што боекъ былъ Иванъ Митричъ, а и того упомѣстилъ твой-то баринъ. Охъ, смертьнька!

II.

Въ первый моментъ Ельшинъ разсердился на полоумную старуху, которая держала его квартиру въ осаждѣ, такъ что ему носъ нельзя было показать на улицу. А съ другой стороны, ему льстило, что кліенты считаютъ его всесильнымъ. Какъ хотите, гласъ народа—гласъ Божій... Сознаніе собственной силы—что можетъ быть выше и лучше? А Загорскъ давно оцѣнилъ Матвѣя Матвѣича... Даже свѣтила мѣстной адвокатуры побаивались его. Не обладая какимъ-нибудь выдающимся ораторскимъ талантомъ, Ельшинъ велъ каждое дѣло съ какимъ-то ожесточеніемъ и затаенной злостью. Особенно доставалось подсудимымъ во время допроса свидѣтелей на судѣ. Ельшинъ просто выматывалъ душу, какъ говорили про него адвокаты. А между тѣмъ, по душѣ онъ совсѣмъ не былъ прокуроромъ и считалъ себя не на своемъ мѣстѣ.

— Какой-же я прокуроръ?—спрашивалъ онъ въ минуту отчаянія.—Развѣ такіе прокуроры бываютъ?

— Чѣмъ-же вы, Матвѣй Матвѣичъ, хотѣли-бы быть?

— Я?...

Онъ задумывался, теребилъ свою козлиную бородку и съ виноватой улыбкой признавался:

— Можетъ быть, я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что изъ меня вышелъ-бы недурной акварелистъ...

Незнакомые люди удивлялись такому скромному желанію загорскаго прокурора, а знакомые соглашались съ Матвѣемъ Матвѣичемъ, потому что своими глазами видѣли его акварельные рисунки и находили ихъ очень хорошими и талантливыми. Но бывали моменты, когда Матвѣй Матвѣичъ сомнѣвался самъ, что могъ-бы быть хорошимъ акварелистомъ, какъ это было сегодня. Тогда у него начиналась другая полоса мыслей, и онъ начиналъ думать на тему, что единственно хорошее въ жизни—это добывать свой хлѣбъ своими руками, какъ дѣлали еще римскіе магнаты и неудавшіеся цезари, вродѣ пресловутаго Цинцината. Да, быть свободнымъ, быть

самимъ собой... Матвѣю Матвѣичу грезилось собственное мѣстныице, очень небольшое, но уютное, и онъ видѣлъ самого себя въ рабочей блузѣ фермера. Даже Парасковья Ивановна и идиотъ Коля въ этой обстановкѣ утрачивали признаки врожденной преступности и дѣлались нормальными. Развѣ тогда онъ сталъ-бы проводить безсонныя ночи въ клубѣ за дурацкимъ винтомъ? Кстати, онъ припомнилъ ужасный случай, который произошелъ съ нимъ именно изъ-за картъ. Какъ-то года три назадъ, послѣ картежной ночи онъ изъ клуба отправился прямо въ судъ, гдѣ долженъ былъ участвовать въ распорядительномъ засѣданіи. Какъ на зло, засѣданіе вышло очень скучное. Ельшинъ задремалъ и на предложеніе председателя высказать свое мнѣніе отвѣтилъ:

— Я пасъ...

Это была одна изъ самыхъ прискорбныхъ минутъ въ жизни Матвѣя Матвѣича, и онъ каждый разъ краснѣлъ, вспоминая о ней. Хуже всего въ этомъ случаѣ было то, что онъ гдѣ-то читалъ именно въ такомъ родѣ дурацкій анекдотъ, а потомъ (horrible ductil!) самъ продѣлалъ его. И сегодня, подъ впечатлѣніемъ вчерашняго проигрыша, Матвѣй Матвѣичъ невольно припомнилъ свой роковой „пасъ“ и въ тысячу первый разъ рѣшилъ, что необходимо сдѣлаться фермеромъ, — да, фермеромъ, а не помѣщикомъ. Вѣдь у каждого ненормальнаго человѣка, т. е. человѣка съ нарушенной волей, есть свой „пасъ“, какъ у той-же купчихи Таисьи Букановой, которая сейчасъ валялась у него въ ногахъ. Высшая реализація этого „паса“ былъ тотъ острогъ, въ который онъ ѣхалъ сейчасъ, — тамъ были собраны тѣ человѣческіе минусы, которые являлись въ общемъ теченіи жизни тѣмъ, что въ математикѣ называется отрицательными величинами. А высшая математика оперируетъ съ „мнимыми величинами“, создаетъ теорію вѣроятностей и т. д. Не достаетъ только теоріи „прокурорскаго паса“, — вѣдь, существовало-же въ старинныхъ ариметикахъ какое-то „дѣвичье правило“, отчего-же не быть „теоріи прокурорскаго паса“?

Было уже одиннадцать часовъ утра. Уѣздный городъ Загорскъ по провинціальному просыпался очень рано, и сейчасъ трудовой городской день былъ въ полномъ ходу, какъ заведенная машина. Ельшинъ ѣхалъ по знакомымъ улицамъ, мимо знакомыхъ домовъ, и встрѣчалъ знакомыхъ людей, которые раскланивались съ нимъ и говорили:

— Ну, нашъ Матвѣй Матвѣичъ въ острогъ покатилъ разборку дѣлать...

Загорскъ хотя и былъ провинціальнымъ городомъ, но это не мѣшало ему имѣть свои „сенсаціонные процессы“, какъ сейчасъ злостное банкротство бывшаго директора обществен-

наго банка Ивана Дмитрича Тишаева. Это дѣло было особенно непріятно Ельшину, потому что еще недавно онъ игралъ въ карты вотъ съ этимъ Тишаевымъ, встрѣчался съ нимъ у общихъ знакомыхъ, а теперь не имѣетъ права подать ему руку и предложить сѣсть. Тишаевъ по его-же настоянію былъ заключенъ въ острогъ, не смотря на поручителей, которые предлагали взять его на поруки и вносили залогъ. *Amicus Plato, sed veritas magis...* Когда Ельшинъ былъ назначенъ прокуроромъ въ Загорскъ, онъ не подозревалъ, съ какими тонкими преступленіями ему придется имѣть дѣло. Какой-нибудь уѣздный городъ и такая не по чину тонкая работа преступной мысли и преступной воли! О, сколько пришлось Матвѣю Матвѣичу поработать надъ этимъ преступнымъ матеріаломъ! Какъ хитрили его кліенты, притворялись, обманывали его на каждомъ шагу, старались сбить съ настоящихъ слѣдовъ, запутать въ противорѣчіяхъ, вызвать его сожалѣніе или участіе, и т. д., и т. д. Взять того-же Тишаева, который обобралъ общественный банкъ, ограбилъ двухъ племянницъ, довелъ до острога родного дядю купца Буканова и натворилъ цѣлый рядъ правонарушеній. А сколько всякихъ другихъ преступленій по части всяческаго насилія съ истязаніями, членовредительствомъ, убійствомъ—и все это въ маленькомъ провинціальномъ городишкѣ, гдѣ и люди-то всѣ на перечетъ.

И сейчасъ, конечно, дѣятельность преступной воли не прекращалась. По наружному виду все обстояло благополучно: сапожникъ тачалъ сапоги, слесарь ковалъ свое желѣзо, купецъ торговалъ, учитель греческаго языка изводилъ ребятъ греческой грамматикой, чиновникъ неусыпно блюлъ, съ одной стороны, интересы обывателя, а съ другой—охранялъ престижъ власти, наконецъ,—городовой стоялъ на своемъ посту, отдавая честь проѣзжавшему мимо прокурору Матвѣю Матвѣичу, и въ тоже время гдѣ-то неустанно и незримо работали преступная мысль и преступная воля, работали вотъ въ этихъ улицахъ, подъ крышами вотъ этихъ домовъ, работали настойчиво и неугомонно, чтобы въ свое время предстать предъ недреманнымъ прокурорскимъ окомъ Матвѣя Матвѣича.

— Ахъ, такъ вы вотъ какіе, голубчики...

Почему-то всякое преступленіе вызываетъ удивленіе публики, особенно удивленіе близкихъ знакомыхъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда всѣ въ одинъ голосъ кричатъ объ имя-рекъ такомъ-то, что ему острога мало. Рядомъ можно сопоставить только удивленіе предъ смертью.

— Иванъ Петровичъ приказалъ долго жить... Кто-бы могъ этого ожидать?

И всѣмъ кажется, что покойный Иванъ Петровичъ оставилъ послѣ себя какую-то особенно мучительную и безнадеж-

ную пустоту, а прошло какихъ-нибудь двѣ недѣли, и Ивана Петровича точно не бывало. Тоже самое и съ преступленіями... А между тѣмъ, по какой-то психической близорукости люди забываютъ основную формулу юридической этики: *pegeat mundus—fiat justicia*. Ельшинъ любилъ думать заученными въ университетѣ латинскими цитатами и вѣрилъ глубоко, что со временемъ, благодаря дѣятельности неуклонно карающей руки правосудія, преступная воля будетъ доведена до того *minimum'a*, который допускается даже самыми строгими математиками въ примѣненіи на практикѣ самыхъ точныхъ математическихъ формулъ, когда нельзя не считаться съ составомъ и свойствами матеріала, теплоемкостью, треніемъ, и т. д. На Загорскъ и своихъ кліентовъ Матвѣй Матвѣичъ смотрѣлъ именно съ этой точки зрѣнія и вѣровалъ въ то свѣтлое будущее, когда мечи перекуются на орала, и левъ спокойно ляжетъ рядомъ съ ягненкомъ, и когда провинціальный глухой городишко Загорскъ проникнется основными идеями правды, добра и красоты.

III.

Къ острогу Ельшинъ подѣхалъ уже настоящимъ фермеромъ. Да, нужно все бросить, что затемняетъ жизнь, и начать жить снова. Конечно, правосудіе должно исправить со временемъ все человѣчество, но, съ другой стороны, можно подумать и о себѣ, т. е. о собственной нормальной жизни. Всѣ эти теоретическія размышленія нисколько не мѣшали тому, что Матвѣй Матвѣичъ, слѣзая съ извозчика, принималъ убійственно спокойный и безнадежно серьезный прокурорскій видъ. Онъ зналъ по давнему опыту, какъ одна фраза: „пріѣхалъ прокуроръ“—всполошитъ весь острогъ. Вѣдь каждый острожный человѣкъ чего-нибудь ждетъ, а послѣднія надежды особенно дороги.

Почему-то Матвѣй Матвѣичъ каждый разъ убѣждался, что его ждутъ въ острогѣ, хотя объ этомъ никто не могъ знать. Нынче было, какъ вчера. Около острожныхъ желѣзныхъ воротъ, какъ всегда, толпились самые простые люди изъ уѣзда—старики, женщины и дѣти, которые приходили и пріѣзжали навѣстить попавшаго въ острогъ родного человѣка. Нужда, страхъ и свое домашнее неизносимое горе глядѣло этими напуганными простыми лицами, лохмотьями, „собиенными“ деревенскими спинами—это былъ тотъ „отработанный паръ“, который не попадаетъ въ графы статистики. И они знали, что къ острогу подѣзжаетъ прокуроръ, и эти лохмотья и заплаты начинали надѣяться, что прокуроръ „все

можетъ". Но это строгое деревенское горе не причитало и не бросалось въ ноги, какъ дѣлала купеческая жена Тайсіа Буканова, а ждало своей участи съ трогательнымъ героизмомъ. Вѣдь нѣтъ ничего ужаснѣе именно ожиданія... И прокуроръ Ельшинъ чувствовалъ себя тѣмъ, что фигурально называется руками правосудія. Да, онъ призванъ возстановить нарушенную волю—и больше ничего. И рядомъ съ этими повышенными мыслями являлись соображенія другого порядка: а, вѣдь, хорошо было бы нарисовать акварелью вонъ ту старуху, которая замотала себѣ голову какой-то рваной шалью... То, что въ жизни являлось очень некрасивымъ, въ акварели получало какую-то особенную, ноющую прелесть: лохмотья, старческія морщины, искривленные отъ старости деревья, заросшая плесенью вода, плачущее осенними слезами небо, и т. д. Это были специально акварельныя мысли. А тутъ уже выскакиваетъ какой-то дежурный человѣкъ. другой дежурный человѣкъ распаиваетъ желѣзную калитку (а, вѣдь, хорошо бы было нарисовать такую острожную желѣзную калитку акварелью!), и Матвѣй Матвѣичъ переступаетъ роковую грань съ видомъ начальства. Нормальное человѣчество, хотя и находившееся въ сильномъ подозрѣніи, осталось тамъ, назади, за роковой гранью этой желѣзной рѣшетки, а здѣсь, въ ея предѣлахъ, начиналась область преступной воли и всяческихъ правонарушеній.

Матвѣй Матвѣичъ прошелъ въ приемную, гдѣ его встрѣтилъ смотритель Гаврила Гаврилычъ, сѣдой, стриженный подъ гребенку старикъ, страдавшій одышкой, благодаря излишней толщинѣ, которая такъ не идетъ къ военному мундиру.

— Ну, что хорошаго, Гаврила Гаврилычъ? — спросилъ Ельшинъ, сбрасывая верхнее пальто на руки оторопѣло старавшагося услужить начальству стражника.

— Ничего, все, слава Богу, благополучно, Матвѣй Матвѣичъ... Въ чертвѣртой камерѣ вчера случилась драка, но мы ее прекратили домашними средствами... Изъ уѣзда привезли двухъ конокрадовъ, оказавшихъ при поимкѣ вооруженное сопротивленіе. Вообще, все, слава Богу, благополучно. Въ женское отдѣленіе сегодня препровождена одна дѣтоубійца и одна отравительница.

Приемная дѣлилась большой полутемной передней на два отдѣленія: въ одномъ помѣщалась собственно приемная, гдѣ засѣдалъ Гаврило Гаврилычъ, а въ другомъ — острожная канцелярія. Въ послѣдней надъ письменнымъ столомъ всегда виднѣлась согнутая спина бѣлокураго молодого человѣка съ интеллигентнымъ лицомъ. Ельшину было всегда его жаль, — такой молодой, учившійся до третьяго класса гимназіи и въ качествѣ рецидивиста отбывавшій за кражу второй годъ

острожной высидки. Онъ вставалъ, когда проходилъ въ приѣмную Ельшинъ, и какъ-то конфузливо кланялся.

— Какъ бы вы, Гаврила Гаврилычъ, того...—замѣтилъ Ельшинъ, нюхая воздухъ.—Провѣтривали бы, что ли...

— Ужъ, кажется, я стараюсь, Матвѣй Матвѣичъ. Всякую дезинфекцію прыскаю и порошкомъ посыпаю, а все воняетъ, потому что, какая у насъ публика, ежели разобрать... Такого духу нанесутъ... Тоже и посѣщающіе для свиданія родственники не безъ аромата.

— А что Тишаевъ?—спросилъ Ельшинъ, не слушая эту старческую болтовню.

— Ничего, слава Богу. Все лежитъ и Рокамболя читаетъ. Вообще, человѣкъ несообразный...

— Вы вотъ, смотрите, чтобы ему письма въ Рокамболѣ не проносили...

— Помилуйте, Матвѣй Матвѣичъ, да у меня комаръ носу не подточить... Человѣкъ, т. е. арестантъ еще не успѣлъ подумать, а я ужъ его наскрозъ вижу... Прикажете его вызвать?

— Нѣтъ, пока не нужно...

У смотрителя были свои любимыя слова, какъ „вообще“, „слава Богу“, а потомъ онъ, точно безграмотный, говорилъ „опеть“, „наскрозъ“ и т. д.

— Вчера былъ слѣдователь?

— Точно такъ-съ, наѣзжали и производили допросъ Ефимова, который у насъ числится въ четырехъ душахъ, а тутъ выходитъ, что еще есть пятая-съ... И даже очень просто все обозначалось.

— Вотъ бы такого подлеца акварелью нарисовать,—невольно подумалъ Ельшинъ.—Этакая, можно сказать, преступная рожа...

Вмѣсто Тишаева, съ которымъ Матвѣй Матвѣичъ долженъ былъ вести сегодня довольно длинную бесѣду, онъ вспомнилъ о женѣ Буканова и велѣлъ вызвать послѣдняго. Молодой бѣлокурый человѣкъ нагнулся еще ниже надъ своимъ письменнымъ столомъ и хихикнулъ, зажимая ротъ ладонью. Ужъ если прокуроръ вызоветъ Буканова, то начнется представленіе. Купецъ Букановъ въ острогѣ былъ на особенномъ положеніи, и даже самъ Матвѣй Матвѣичъ позволялъ ему многое, чего не допускалъ для другихъ. Улыбались и стражники, и тюремные надзиратели, и Гаврила Гаврилычъ.

— Ну, что онъ у васъ, какъ себя ведетъ?—спрашивалъ Ельшинъ смотрителя.

— Да ничего, слава Богу... Все правду ищетъ, и всѣ арестанты его очень любятъ. Опять и такъ сказать, особенный человѣкъ, и въ головѣ у него зайцы прыгаютъ.

Матвѣй Матвѣичъ шагаль по пріемной, заложивъ руки за спину. Въ пыльное окно падалъ яркій свѣтъ лѣтняго солнца, разсыпаясь колебавшимися жирными пятнами по полу. Гдѣ-то жужжала муха. Въ такую погоду вся острожная обстановка казалась особенно непривѣтливой, а задѣланныя желѣзными рѣшетками окна походили на бѣлья.

— Букановъ идетъ!..—пронесся шепотъ съ лѣстницы.—
Букановъ...

Послышалось тяжелое дыханье, удушливый кашель, и въ корридоръ пріемной съ трудомъ вошелъ высокій, грузный старикъ въ сѣромъ длиннополомъ пальто, подпоясанномъ пестрымъ гаруснымъ шарфомъ. Отъ натуги его широкое русское лицо съ окладистой сѣдой бородой совсѣмъ посинѣло. Близорукіе сѣрые глаза на выкатѣ отыскивали въ углу небольшой образокъ. Помолвившись, старикъ поклонился смотрителю и писарю.

— По какой такой причинѣ растревожили старика? — спросилъ онъ.

Смотритель только показалъ головой на шагавшаго въ пріемной Матвѣя Матвѣича. Бѣлокурый рецедивистъ еще разъ приснулъ, захвативъ ротъ всей горстью. Гаврила Гаврилычъ погрозилъ ему за неумѣстную смѣшливость кулакомъ.

IV.

Войдя въ пріемную, Букановъ опять отыскалъ образъ, помолился, отвѣсилъ поклонъ шагавшему по комнатѣ прокурору и, остановившись у печки, спокойно проговорилъ:

— Изволили спрашивать меня, ваше высокоблагородіе?

— Да, да... Жена у васъ бываетъ?

— Само собой...

— Когда вы ее увидите, Букановъ, то предупредите, чтобы она меня не беспокоила. Она мнѣ проходу не даетъ. Сегодня поймала меня на подъѣздѣ, бросилась въ ноги, начала причитать на всю улицу... Вѣдь вы знаете, что я рѣшительно ничего не могу сдѣлать для васъ, и объясните это женѣ.

— Ужъ простите, ваше высокоблагородіе. Конечно, женское малодушіе одно, и притомъ очень ужъ она жалѣетъ меня, потому какъ я безъ вины долженъ терпѣть.

— Ну, это дѣло присяжныхъ, которые будутъ васъ судить.

— Присяжные тоже человѣки и весьма могутъ ошибаться, ваше высокоблагородіе. Все черезъ Ивана Митрича вышло... Моей тутъ причины никакой нѣтъ.

— А кто поддѣлалъ вексель?

— А кто меня въ разоръ разорилъ, до тла? Родной пле-

мянничекъ мнѣ приходится Иванъ Митричъ и вотъ до тюрьмы меня довелъ...

— А зачѣмъ вы ставили его бланкъ на векселѣ?

— Да, вѣдь, онъ мнѣ долженъ?

— Послушайте, Букановъ, съ вами невозможно говорить. Это какая-то сказка про бѣлаго бычка.

— Она самая и есть, ваше высокоблагородіе,—совершенно спокойно согласился старикъ.—То есть въ самый разъ. И примѣрять не нужно...

Именно этотъ спокойный тонъ и раздражалъ Матвѣя Матвѣича, а потомъ его интересовало, почему и откуда это спокойствіе.

— Букановъ, вѣдь, вы знали, что будетъ вамъ за подлогъ?

— Кто же этого не знаетъ, ваше высокоблагородіе? Извѣстно, что за такія художества по головкѣ не гладятъ, и очень даже просто... Вышлютъ съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ на поселеніе въ мѣста не столь отдаленныя—вотъ и вся музыка!

— Вы знали это и все-таки устроили подлогъ?

Старикъ широко вдохнулъ и, сдѣлавъ шагъ впередъ, заговорилъ, быстро роняя слова:

— Ахъ, ваше высокоблагородіе... Вотъ вы всякій законъ знаете, а того закона, которымъ всѣ мы живемъ, не хотите знать: всякій человѣкъ хочетъ устроить себя какъ можно лучше. Вотъ у васъ въ острогѣ, напримѣрно, около шести сотенъ народу сидитъ, и для васъ это очень просто преступники. Да-съ... Значитъ, худую траву изъ поля вонъ. И я такъ же прежде думалъ, пока самъ не попалъ въ тюрьму.

Жалѣлъ, конечно, по человѣчеству и харчи посылалъ къ праздникамъ; а, грѣшный человѣкъ, осуждалъ ихъ всѣхъ, которые не умѣли себя соблюсти... да... А вотъ тутъ то и была ошибочка... Есть, ваше высокоблагородіе, гладъ тѣлесный и есть гладъ душевный... да... Вотъ они для васъ арестанты и преступники, вообще, бездѣльники и негодяи, а вы только то подумайте, что ни одинъ человѣкъ изъ нихъ не думалъ попасть въ острогъ. Каждый старается какъ можно лучше устроить свою жизнь... И не просто старался, какъ простые люди, а со всеусердіемъ и прилежаніемъ. Развѣ легко украсть, сдѣлать подлогъ или убить живого человѣка? И даже очень это трудно, ваше высоблагородіе, а только онъ хотѣлъ устроить какъ можно лучше. Конечно, грѣхъ и даже очень большой грѣхъ, а ужъ очень донималъ вотъ этотъ самый гладъ душевный...

— Значитъ, и Иванъ Митричъ, который, какъ вы говорите, довелъ васъ до тюрьмы, тоже правъ?

— Сердить я на него, ваше высокоблагородіе, и ругаю, а

иногда и раздумье возьметъ... И такъ можно разсудить, и этакъ. Въѣдъ и я не думалъ въ тюрьмѣ сидѣть, а вотъ Господь привелъ на старости лѣтъ.

— Тоже былъ душевный гладъ?

— А то какъ же? И теперь каждый арестантъ впередъ знаетъ свою судьбу, что и какъ ему соотвѣтствуетъ, и чѣмъ хуже ему выходить линія, тѣмъ онъ пуще, ваше высокоблагородіе, надѣется. Вотъ, молъ, отбуду, примѣрно, столько-то лѣтъ каторги, а тамъ выйду на поселенье и заживу ужъ по настоящему. Взять хотъ Ефимова—ему за четыре души безсрочная, а онъ говорить, что безпремѣнно попадетъ подъ милостивый манифестъ...

— И Ефимовъ, по вашему, тоже старался устроиться по-лучше, когда убивалъ?

— Ужъ онъ-то больше всѣхъ старался, ваше высокоблагородіе, потому какъ человѣкъ отчаянный исполнѣ.

Ельшинъ шагаль по пріемной, заложивъ руки за спину, и внимательно слушалъ странную рѣчь Буканова. Это былъ какой-то романтизмъ на острожной подкладкѣ. Букановъ угадывалъ прокурорскія мысли, продолжалъ думать вслухъ:

— Который ежели человѣкъ свободный, ваше высокоблагородіе, такъ у него меньше мыслей, а свяжите человѣка по рукамъ и ногамъ—сколько у него этихъ самыхъ мыслей объявится. Такъ и у насъ въ тюрьмѣ. Каждый арестантикъ вашъ какъ мечтаетъ, мечтаетъ даже о томъ, чего раньше и не замѣчалъ. Примѣрно взять меня... Конечно, былъ капиталишко, торговишка, домишко—и все, на примѣръ, очень просто прахомъ пошло. Ну, что дѣлать, все это дѣло наживное. А вотъ я сижу въ тюрьмѣ и думаю... Была у меня собачка, „Идолломъ“ ее звали. Выйдешь это на дворъ, а она ужъ тутъ—въ глаза смотреть, хвостикомъ виляетъ и только вотъ не скажетъ, какъ она для тебя все готова сдѣлать. Пойдешь куда—проводить до угла, идешь домой—она ужъ ждетъ у воротъ. Вотъ ее ужъ не воротишь... Другую собаку заведешь, такъ она и будетъ другая собака. Тоже были у меня двѣ коровы: „Колдунья“ и „Именинница“... Ахъ какія коровы! А рысакъ „Варнакъ“?... Развѣ другую такую лошадь найдете въ Загорскѣ?

Въ канцеляріи слушали этотъ разговоръ смотритель и бѣлокурый молодой человѣкъ. Оба они улыбались, качали головами и объяснялись знаками. Очень ужъ потѣшный этотъ Букановъ, а прокуроръ его слушаетъ.

— Все это хорошо, Букановъ,—перебилъ Буканова Матвѣй Матвѣичъ, останавливаясь.—А что же вы будете дѣлать послѣ суда?

Старикъ улыбнулся и, оглядѣвшись, не подслушиваетъ-ли кто, заговорилъ вполголоса:

— А у меня ужъ все впередъ готово, ваше высокоблагородіе. . Всю слѣпоту, какъ рукой, сняло. Скажите, пожалуйста, много ли человѣку нужно? Ну, вышлуть въ Томскую губернію... А развѣ тамъ не люди живутъ? И сейчасъ за работу по своей части, а главное, разведу хозяйство, чтобы все было свое до послѣдней нитки. И всякій овощъ, и яичко, и молочко...

— Да, да, вотъ именно,—соглашался Матвѣй Матвѣичъ, и въ его голосъ уже не слышалось прокурорскихъ нотъ.— Главное, чтобы все было свое, и чтобы человѣкъ чувствовалъ себя свободнымъ... Не правда ли?

— Совершенно вѣрно, ваше высокоблагородіе. Вѣдь коровушка-то окупить себя въ одно лѣто, а тутъ еще теленочка принесть, какъ премію къ еженедѣльному иллюстрированному журналу „Нива“. А каждая курка должна сто яичекъ дать въ лѣто... У меня, ваше высокоблагородіе, была одна курочка пестренькая, такъ она по три раза въ лѣто на яйца садилась и по три раза цыплятъ выводила...

— Три раза?..—удивлялся Матвѣй Матвѣичъ.

— Точно такъ-съ... А одного боровка держалъ, такъ онъ черезъ два года восемь пудовъ сала далъ, а тушка въ счетъ не шла.

— Восемь пудовъ?!

— Оно, вѣдь, спорое, значить, это свиное сало, ежели засолить въ прокъ... Напримѣрно, въ сѣнокосъ, когда не до варева или въ кашу рабочимъ, въ щи, просто съ картошкой.

Гаврила Гаврилычъ сдѣлался свидѣтелемъ необыкновенной сцены, именно, когда прокуроръ Матвѣй Матвѣичъ совершенно забылъ, что онъ прокуроръ, что купецъ Букановъ арестантъ и на прощанье протянулъ ему руку.

Д. Маминъ-Сибирякъ.

Любовь и мистеръ Льюисгэмъ.

Романъ Уэльса.

Переводъ съ англійскаго.

З. Журавской.

XXII.

Свадебная пѣснь.

Въ теченіе трехъ незабвенныхъ дней существованіе Льюисгэма представляло собою рядъ наслажденій и утонченнѣйшихъ душевныхъ эмоцій. Жизнь была слишкомъ хороша и чудесна, чтобы въ ней нашлось мѣсто сомнѣніямъ или думамъ о будущемъ. Быть съ Этелью само по себѣ было непрерывнымъ наслажденіемъ—она на каждомъ шагу поражала Льюисгэма, никогда не имѣвшаго сестеръ, чисто женскимъ милымъ вниманіемъ и заботливостью. Въ ея присутствіи онъ стыдился своей силы и неуклюжести. А ласка, свѣтившаяся въ ея взорѣ, а душевная теплота, зажигающая въ ея глазахъ этотъ свѣтъ!

Даже быть врозь съ нею—и то было чудесно и восхитительно въ своемъ родѣ. Теперь онъ былъ уже не обыкновенный студентъ, а мужчина, имѣющій свою отдѣльную частную жизнь. Восхитительно было, простившись съ Этелью, гдѣ-нибудь по близости Южно-Кенсингтонскаго вокзала, подыматься по Экзибетенъ-Родъ вмѣстѣ съ товарищами, ютившимися одиноко въ грязныхъ, унылыхъ номерахъ, и сознавать, что, въ сравненіи съ нимъ, умудреннымъ своимъ недолгимъ опытомъ, они не болѣе, какъ мальчишки! Восхитительно было, забывшись надъ работой, откинуться на спинку стула и грезить о новой встрѣчѣ. И еще восхитительнѣе—съ перымъ ударомъ полдненнаго колокола, подъ звонъ котораго оживала широкая лѣстница, или даже еще за нѣсколько минутъ до звонка, незамѣтно проскользнуть на тѣнистое

кладбище, что за часовней, и встрѣтитъ тамъ улыбающееся личико и услышать нѣжный голосокъ, твердившій милыя глупости, какія шепчутъ другъ другу влюбленные! А послѣ четырехъ — другая встрѣча и совмѣстное возвращеніе домой—*къ себѣ домой!*

Теперь маленькая фигурка уже не ускользала отъ него на углу глухой улочки, скрываясь въ туманной дали и унося съ собой его невысказанное желаніе. И никогда этого больше не будетъ. Сидя въ лабораторіи, Льюисгэмъ долгіе часы проводилъ въ размышленіи, вѣрнѣе, въ мечтахъ — сказать правду, — придумывая нелѣпѣйшія ласковыя слова: „Милая женка!“ „Женушка моя дорогая!“ „Милушечная, дорогущечная женюродка!“ „Милуженочка!“ и т. под. Милое занятіе для студента! Это лучший образчикъ его чудачествъ въ тѣ достопамятные дни. Однажды, заглянувъ въ свое сердце, Льюисгэмъ, къ великому удивленію, открылъ въ себѣ неожиданное сродство со Свифтомъ — пристрастіе къ уменьшительнымъ, къ языку лиллипутовъ. Поистинѣ, это было преглупое время.

На третій день послѣ своего вступленія въ семейную жизнь онъ сдѣлалъ такое диковинное сѣченіе нерва, что всѣ ахнули отъ удивленія. Биндонъ, профессоръ ботаники, памятуя недавній провалъ Льюисгэма у него на экзаменѣ, говорилъ въ курилкѣ одному изъ коллегъ, что никогда профессора еще не ошибались такъ въ оцѣнкѣ способностей студента.

Этель тоже переживала чудное время, полное сладостныхъ волненій. Она была хозяйкой дома — *ихъ* дома. Она ходила по лавкамъ, закупаая провизію, и благообразные приказчики почтительно называли еѣ „Ма'мъ“. Заказывая обѣдъ и переписывая въ расходную книгу счета, она чувствовала себя взрослой и полноправной. Время отъ времени она откладывала перо и принималась мечтать. Четыре дня подрядъ — блаженныхъ дня! — она встрѣчала и провожала Льюисгэма, жадно ловя новоизобрѣтенныя ласковыя слова — послѣдній плодъ его воображенія.

Хозяйка была очень любезна и занимательно рассказывала о томъ, съ какими необычайно неряшливыми и распущенными служанками сводила ее судьба. Этель всячески старалась скрыть, что она такъ недавно замужемъ, и прибѣгала для этого ко всевозможнымъ невиннымъ ухищреніямъ и уловкамъ. Въ субботу вечеромъ она написала письмо матери, — Льюисгэмъ помогалъ ей писать — почти хвастаясь своимъ геройскимъ бѣгствомъ и обѣщая въ скоромъ времени навѣстить мать. Письмо это они опустили въ ящикъ съ такимъ расчетомъ, чтобы оно не могло быть доставлено раньше понедѣльника.

Этель была вполне согласна съ Льюисгэмомъ, что только грозившій ей позоръ соучастія въ медиумическомъ шарлатанствѣ вотчима вынудилъ ихъ познакомиться — взаимное влеченіе они не ставили ни во что. Какъ видите, оба они старались держаться на извѣстной высотѣ. Тѣмъ не менѣе, оба не скупились на изъявленіе пѣжныхъ чувствъ.

Льюисгэмъ убѣдилъ ее отложить успокоительный визитъ къ родителямъ до вечера понедѣльника. „Дадимъ себѣ хоть одинъ день настоящаго медоваго мѣсяца!“ настаивалъ онъ. Въ его до-брачные расчеты вовсе не входило то обстоятельство, что имъ и послѣ свадьбы придется поддерживать сношенія съ м-ромъ и м-рсь Чэффери. Даже и теперь онъ не былъ склоненъ взглянуть въ лицо этой очевидной необходимости. Онъ предвидѣлъ, хотя рѣшилъ и старался игнорировать это, непріятныя объясненія и тягостныя семейныя сцены. Но стремленіе держаться на высотѣ и тутъ помогло ему побороть себя.

— Проживемъ, по крайней мѣрѣ, хоть эти дни для самихъ себя! — сказалъ онъ, и этимъ все было сказано.

Еслибъ не кратковременность этого медоваго мѣсяца и не предчувствіе грядущихъ огорченій, это были бы, дѣйствительно, чудные дни. Напримѣръ, ихъ первый обѣдъ — правда, онъ немножко простылъ, пока они добрались до него тогда, въ субботу, но за то весело было необычайно. Ни у одного изъ супруговъ не замѣчалось отсутствія аппетита; не смотря на единеніе душъ, сдвиганіе стульевъ, пожиманіе рукъ и тому подобныя проволочки, кушали оба исправно. Въ этотъ день Льюисгэмъ впервые ознакомился какъ слѣдуетъ съ ея ручками, съ коротенькими бѣлыми пальчиками, и завѣтное колечко впервые вышло изъ своего завѣтнаго уголка и замѣнило собой обручальное кольцо. Оба то и дѣло озирались кругомъ и, встрѣчаясь взорами, улыбались другъ другу. Всѣ движенія у нихъ были трепетныя, порывистыя.

Этель увѣряла, что ей страшно нравится ихъ квартирка, восхищалась и мебелью, и своимъ новымъ положеніемъ, а онъ былъ въ восторгѣ отъ ея восторга. Въ особенности забавляли ее громоздкій комодъ, не умѣстившійся въ спальнѣ и стоявшій въ гостиной, и шуточки Льюисгэма надъ антимакассарами и олеографіями.

Уничтоживъ котлеты, большую половину маринованной лососины и свѣжій хлѣбецъ, молодые съ не меньшимъ аппетитомъ набросились на пуддингъ изъ тапиоки. Разговоръ ихъ носилъ отрывочный характеръ.

— Ты слышала, какъ она назвала меня *мадамъ*? Да еще какъ — *mádamé*!

— А теперь мнѣ надо выйти и купить кое-что. Нужно

закупить все на воскресенье и понедѣльникъ. Я составлю списокъ. Не хорошо, если она замѣтитъ, какъ я мало смыслю въ хозяйствѣ... Я хотѣла бы больше знать!..

Въ ту минуту Льюисгэмъ не нашелъ въ этомъ наивномъ признаніи его жены своего невѣжества по части хозяйства ничего, кромѣ удобнаго повода къ шуточкамъ и подтруниваньямъ. Онъ перевелъ разговоръ на другую тему и сталъ шутливо сокрушаться о томъ, что ихъ свадьба вышла такой убогой.

— Ни дружекъ, ни дѣтей, усыпающихъ путь цвѣтами, ни каретъ, ни полиции, охраняющей свадебные подарки, ничего такого, что полагается при вѣнчаніи. Не было даже бѣлыхъ бантовъ съ цвѣтами. Только ты и я—и ничего больше.

— Только ты и я! О! какъ-будто этого мало?

— Ты глупости говоришь,—сказала Льюисгэмъ, помолчавъ, и продолжалъ:

— А сколько мы потеряли по части рѣчей. Ты только представь себѣ—встаетъ шаферъ:—„Леди и джентльмэны—выпьемъ за здоровье невѣсты!“ Вѣдь этотъ тостъ, кажется, полагается шаферу?

Вмѣсто отвѣта она протянула руку.

— И знаешь ли что?—продолжалъ онъ, оказавъ должное вниманіе этой маленькой ручкѣ,—вѣдь мы даже не были представлены другъ другу!

По какимъ-то необъяснимымъ причинамъ оба они пришли въ страшный восторгъ при мысли, что они не были представлены другъ другу...

Попозже, Льюисгэмъ, распаковавъ свои книги и т. д., отправился по магазинамъ вмѣстѣ съ Этелью и, не скрываясь, шель рядомъ съ нею, видимо, въ прекраснѣйшемъ расположеніи духа, неся ея покупки—множество пакетовъ и фунтиковъ изъ синей и сѣрой бумаги и мѣшокъ съ конфетами изъ кондитерской, а изъ кармана его пальто, знаменитаго пальто, купленнаго въ Вестъ-Эндѣ, торчалъ хвостъ завернутой въ бумагу трески. Въ такихъ высокихъ чувствахъ и съ такими убогими средствами начали новобрачные свой медовый мѣсяцъ.

Вечеромъ въ воскресенье они долго бродили по тихимъ улицамъ и, наконецъ, вышли въ Гайдъ-Паркъ. Весенняя ночь была тиха и ясна; луна ласково свѣтила надъ ними. Они стали на мосту и оттуда смотрѣли внизъ на рѣку, на далекіе желтые огоньки Паддингтона. Они долго стояли, тихо переговариваясь и крѣпко прижимаясь другъ къ другу, потомъ оба разомъ вздохнули—и смолкли.

Вдругъ имъ показалось, что кто-то прошелъ мимо и Льюисгэмъ заговорилъ—въ своемъ обычномъ возвышенномъ тонѣ.

Онъ сравнивалъ рѣку съ жизнью и находилъ символическое значеніе въ кущахъ Кенсингтонскихъ садовъ и въ далекихъ яркихъ огонькахъ.—„Долгая борьба—говорилъ онъ,—и въ концѣ огни“. Въ сущности, онъ самъ не зналъ, что онъ подразумѣвалъ подъ огнями, какъ не знала и Этель, хотя волненіе его, безспорно, сообщилось и ей.—„Мы боремся съ міромъ!“—думалъ онъ вслухъ, и эта мысль доставляла ему огромное удовольствіе.—„Весь міръ противъ насъ, и мы ведемъ съ нимъ борьбу“.

— Но не будемъ побѣждены,—сказала Этель.

— Какъ можемъ мы быть побѣждены—борясь вмѣстѣ? Ради тебя я побѣдилъ бы двѣнадцать міровъ!

Въ этомъ ласковомъ лунномъ сіяніи имъ казалось такъ сладостно и благородно, и даже слишкомъ легко—по ихъ мужеству—бороться съ міромъ.

— Вы, должно быть, недавно замужемъ?—замѣтила мадамъ Гадовъ съ вкрадчивой улыбкой, отворяя дверь Этели въ понедѣльникъ утромъ, когда она, проводивъ мужа въ школу, вернулась домой.

— Да, не особенно давно.

— Ви очень счастливы!—сказала мадамъ Гадовъ и, вздохнувъ, прибавила:—я тоже была очень счастлива.

XXIII.

М-ръ Чэффери у себя дома.

Блаженный розовый туманъ, въ которомъ жили молодые супруги, нѣсколько порѣдѣлъ въ понедѣльникъ, когда м-ръ и м-рсъ Дж. Э. Льюисгэмъ отправились съ визитомъ къ матери новобрачной и м-ру Чэффери. М-рсъ Льюисгэмъ, видимо, боялась, встрѣчи съ родными, но Льюисгэмъ былъ гордъ и радостенъ и велъ себя героемъ. На немъ была бумажная сорочка съ полотнянымъ воротничкомъ и новенькій черный атласный галстухъ, очень красивый, купленный утромъ самой м-рсъ Льюисгэмъ на свой страхъ и отвѣтственность. Ей, конечно, хотѣлось, чтобы ея избранникъ имѣлъ вполне приличный видъ.

М-ссъ Чэффери предстала передъ нимъ впервые въ полусвѣщенномъ корридорѣ въ видѣ грязнаго чепца, припавшаго къ плечу Этели, и двухъ черныхъ рукавовъ обвившихъ ея шею. Вынырнувъ на свѣтъ, она оказалась женщиной среднихъ лѣтъ, небольшого роста, съ очками въ серебряной оправѣ на тоненькомъ носикѣ, съ безхарактернымъ

ртомъ и озабоченными глазами — маленькой, невзрачной, словно запыленной женщиной, до странности походившей лицомъ на Этель. Она вся дрожала отъ нервнаго возбужденія.

Она въ нерѣшительности посмотрѣла на Льюисгэма, потомъ кинулась обнимать и цѣловать его, повторяя:

— Такъ вотъ онъ какой, м-ръ Льюисгэмъ!

Это была третья особа женскаго пола, цѣловавшая Льюисгэма, съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ ребенкомъ.

— А я-то такъ боялась!—Она истерически захохотала.— Вы меня извините, но для меня такое утѣшеніе видѣть васъ *такими*—совсѣмъ еще молодой и такой порядочный на видъ... Не то, чтобы Этель... *Онъ* былъ ужасенъ!—зашептала м-ръ Чэффери.—И зачѣмъ ты писала объ этомъ месмеризмѣ?.. Впрочемъ, онъ самъ тебѣ скажетъ; онъ ждетъ.

— Куда же намъ идти? внизъ?—спросила Этель.

— Да, онъ ждетъ васъ тамъ.

М-съ Чэффери взяла маленькую керосиновую лампочку, и они спустились по темной витой лѣстницѣ въ подземную столовую, освѣщенную газомъ, горѣвшимъ въ наполовину матовомъ стеклянномъ шарѣ съ вырѣзанными на немъ звѣздами. Этотъ спускъ въ подземелье произвелъ на Льюисгэма явно угнетающее впечатлѣніе... Онъ вошелъ первый и въ дверяхъ тяжело перевелъ духъ. Что такое можетъ сказать имъ Чэффери? Впрочемъ, ему-то все равно, конечно!

М-ръ Чэффери стоялъ у камина, спиной къ огню и обрѣзывалъ перочиннымъ ножичкомъ ногти. Его золотыя очки, сдвинутыя внизъ, горѣли яркимъ пятномъ на самомъ кончикѣ его длиннаго носа, а поверхъ очковъ онъ глядѣлъ на м-ра и м-съ Льюисгэмъ и—Льюисгэмъ усумнился было на минуту—нѣтъ, положительно глаза его улыбались, и весело, игриво улыбались.

— Такъ ты вернулась, бѣглянка? — шутиливо обратился онъ къ Этели, минуя Льюисгэма. Голосъ его отдавалъ немного фальцетомъ.

— Она пріѣхала навѣстить свою мать,—сказалъ Льюисгэмъ.—Вы, если не ошибаюсь, м-ръ Чэффери?

— Желалъ бы я знать, за коимъ чортомъ вы пожаловали сюда и кто *вы* такой?—вскричалъ Чэффери, наклоняя голову впередъ такъ, чтобы смотрѣть не поверхъ очковъ, а черезъ очки и отъ души хохоча.—По вашему самодовольному виду я склоненъ думать, что это вы стянули пирогъ. Такъ не вы-ли тотъ м-ръ Льюисгэмъ, о которомъ эта сбившаяся съ пути дѣвица упоминаетъ въ своемъ письмѣ?

— Я самый.

— Мэгги,—обратился м-ръ Чэффери къ м-съ Чэффери,—существуетъ классъ людей, съ которыми деликатничать без-

полезно, которымъ деликатность практически незнакома. Имѣется-ли у вашей дочери брачное свидѣтельство?

— М-ръ Чэффери!—сказалъ Льюисгэмъ, а м-съ Чэффери воскликнула:—Джемсъ, какъ ты можешь!..

Чэффери зацѣпнулъ перочинный ножикъ и спряталъ его въ карманъ жилета; затѣмъ обвелъ взглядомъ присутствующихъ и пояснилъ тѣмъ же ровнымъ, спокойнымъ голосомъ:

— Я полагаю, мы живемъ въ цивилизованной странѣ и должны устраивать свои дѣла, какъ цивилизованные люди. Моя падчерица проводить двѣ ночи внѣ дома и возвращается со своимъ предполагаемымъ мужемъ. Не знаю, какъ другіе, но я, по крайней мѣрѣ, не склоненъ отнестись легко къ вопросу о легальности ея положенія.

— Вамъ бы слѣдовало знать ее лучше,—началъ Льюисгэмъ.

— Къ чему препирательства,—весело прервалъ его Чэффери, небрежно указывая пальцемъ на невольное движеніе Этели,—когда документъ у нея въ карманѣ? Почему ей не показать мнѣ его теперь же? Я не вижу въ этомъ ничего обиднаго. Не бойтесь, я не разорву. А если бы и разорвалъ,—копій можно получить, сколько угодно, по номинальной цѣнѣ 2 ш. 7 п. за штуку. Благодарю васъ, Льюисгэмъ, Джорджъ Эдгаръ. Двадцати одного года. И... тебѣ — тоже двадцать одинъ? Я никогда не зналъ въ точности, сколько тебѣ лѣтъ, душа моя; твоя мать не хотѣла мнѣ этого сказать. Студентъ! благодарю васъ. Чрезвычайно вамъ обязанъ. Вы сняли у меня съ души большую тяжесть. А теперь—что вы имѣете сказать въ свое оправданіе по этому замѣчательному дѣлу?

— Вы получили письмо...—началъ Льюисгэмъ.

— Да, съ извиненіями — личные нападки я оставляю въ сторонѣ... Да-съ, сэръ, это было извинительное письмо. Вамъ, по молодости лѣтъ, хотѣлось пожениться, и вы воспользовались предлогомъ. Въ вашемъ письмѣ вы даже не упоминаете о томъ обстоятельстве, что вамъ хотѣлось пожениться. Какая скромность! Но, тѣмъ не менѣе, вы пріѣзжаете сюда обвиняемыми. Это нарушаетъ теченіе нашей жизни, причиняетъ тысячу непріятностей и хлопотъ, но вамъ до этого нѣтъ дѣла! Я не порицаю *васъ*. Виноваты не вы, виновата природа. Ни одинъ изъ васъ пока еще не знаетъ, на что вы обрекли себя. Погодите—узнаете. Вы—мужъ и жена, и сейчасъ это для васъ самое главное и существенное... (Этель, душа моя, поставь шляпу и палку твоего супруга за дверь).—Итакъ, сэръ, вы изволите не одобрять того способа, которымъ я зарабатываю себѣ пропитаніе?

— Д-да. Считаю долгомъ заявить, что не одобряю.

— Вы не обязаны заявлять это, но... ваша неопытность служить вамъ извиненіемъ...

— Да, но это было бы неправдиво—неискренно.

— Догмать,—сказалъ Чэффери.—Догмать!

— Что вы разумѣете подъ словомъ: догмать?

— Догмать—догмать и есть. Но мы обсудимъ это на досугъ. Теперь часъ нашего ужина, а я не изъ тѣхъ людей, которые спорятъ противъ совершившихся фактовъ. Мы съ вами породнились посредствомъ двухъ браковъ. Этого не передѣлаешь. Оставляйтесь ужинать и мы съ вами выяснимъ всѣ вопросы. Мы теперь связаны другъ съ другомъ — надо постараться извлечь изъ этого всевозможную пользу. Ваша жена и моя накроютъ на столъ, а мы тѣмъ временемъ побесѣдуемъ. Почему бы вамъ не сѣсть въ это кресло, вмѣсто того, чтобы стоять, опираясь на его спинку? Здѣсь не рефератное общество, а семейный очагъ — *domus* — скромный, не смотря на мое отъявленное шарлатанство... Вотъ такъ-то лучше. И прежде всего—я надѣюсь—я отъ души надѣюсь,— Чэффери выразительно подчеркнул эти слова, — что вы не диссидентъ.

— Я-то? Нѣтъ, я не диссидентъ.

— Очень пріятно. Я радъ этому. А я немножко боялся... Нѣчто въ вашей манерѣ... Я не выношу диссидентовъ. Питаю къ нимъ органическое отвращеніе. На мой взглядъ они — громадный недостатокъ нашего Клапгэма. Видите-ли... Я не встрѣчалъ среди нихъ ни одного, который бы не былъ обманщикомъ—ни одного!

Онъ сдѣлалъ гримасу, причемъ очки свалились съ его носа и звякнули, ударившись о пуговицы жилета.

— Я очень радъ,—повторилъ онъ, надѣвая очки.—Диссиденты, раскольники, руководствующіеся только своей совѣстью, пуритане, вегетаріанцы, члены обществъ воздержанія и тому подобные господа для меня нестерпимы. Я очистилъ свой умъ отъ всякаго формализма и ханжества. У меня натура истого эллина. Вы читали Мэтью Арнольда?

— Помимо научныхъ книгъ...

— А! вамъ бы слѣдовало почитать Мэтью Арнольда — удивительно блестящій умъ. Вы найдете у него одно качество, котораго иногда немного недостаетъ нашимъ ученымъ. Они нѣсколько черезчуръ объективны, они слишкомъ придерживаются явленій, феноменовъ. Я ищу нуменовъ. *Нуменовъ*, м-ръ Льюисгэмъ! Вы слѣдите за моей мыслью?..

Онъ остановился; глаза его изъ подъ очковъ кротко-вопросительно смотрѣли на юношу. Вошла Этель, уже безъ шляпы и кофточки, неся бренчавшій въ ея рукахъ четы-

рехъ-угольный черный подносъ, бѣлую скатерть, тарелки, ножи и стаканы, и принялась накрывать на столъ.

— Слѣжу,—краснѣя, отвѣчалъ Льюисгэмъ. У него не хватило духу сознаться въ своемъ невѣжествѣ относительно нуменовъ.

— Я ищу *нуменовъ*, — повторилъ Чэффери съ видимымъ удовольствіемъ, жестикулируя правой рукой и какъ бы отгоняя все, кромѣ одного. — Я не могу удовлетвориться поверхностями и видимостями. Я одинъ изъ тѣхъ нимфолентовъ — вы знаете *нимфолентовъ*... Я ищу правды, добиваюсь самой сути вещей, ускользающей основной причины... Я поставилъ себѣ за правило никогда не лгать самому себѣ — никогда. Немногіе могутъ сказать это о себѣ. По моему, правда начинается у себя дома. А для большинства она именно дома кончается. Оно, знаете, и безопасно, и приличное. У большинства людей — у вашихъ типичныхъ диссидентовъ, *par excellence* — она только и слоняется, что по улицамъ, обличая сосѣдей, а домой не заходитъ. Вамъ понятна моя точка зрѣнія?

Онъ посмотрѣлъ на Льюисгэма. Тотъ сознавалъ, что передъ нимъ на рѣдкость непроницаемый умъ, что самъ онъ словно тупѣетъ въ его присутствіи, и старался сдерживаться, насколько онъ могъ сдерживаться въ подобномъ спорѣ.

— Видите-ли, я нѣсколько удивленъ,—началъ онъ осторожно, — принимая во вниманіе происшедшее, мнѣ, если можно такъ выразиться, нѣсколько странно слышать, что вы...

— Что я рассуждаю о правдѣ? Вамъ не будетъ странно, если вы поймете, какъ я ставлю вопросъ — если вы поймете, какъ я ставлю вопросъ — если вы усвоите себѣ мою точку зрѣнія. Я именно эту-то точку зрѣнія и стараюсь объяснить вамъ теперь, когда мы породнились, когда вы сдѣлались моимъ пасынкомъ. Естественно, что для меня это важно теперь. Вы вѣдь еще молоды, очень молоды, и потому суровы и скоры въ сужденіяхъ. Только годы даютъ надлежащій *тонъ* уму — смягчаютъ лоскъ образованія. Изъ вашего письма — и по лицу вашему — я догадываюсь, что вы были въ числѣ участниковъ маленькаго инцидента — у Легэна.

Онъ вдругъ остановился, сообразивъ что-то, видимо, раньше не приходившее ему въ голову.

— Кстати! — это объясняетъ поведеніе Этели.

Этель стукнула горчичницей, ставя ее на столъ и выговорила:

— Ну да, объясняетъ, — но не особенно громко.

— Но вы, значить, встрѣчались раньше? — спросилъ Чэфферш.

— Да, въ Вортлеѣ.

— Такъ, такъ, понимаю.

— Я изобли.... я былъ однимъ изъ способствовавшихъ изобличенію. Разъ вы сами затронули этотъ вопросъ, я считаю долгомъ сказать...

— Я зналъ это,—прервалъ Чэффери.—Но какой это былъ ударъ для Легэна!—Съ минуту онъ пристально смотрѣлъ на кончики своихъ сапогъ, втягивая внутрь углы рта, потомъ усмѣхнулся странной, кривой усмѣшкой.

— А знаете-ли, эта штука съ рукой была придумана недурно.

Льюисгэмъ не сразу отвѣтилъ: ему казалось, что это замѣчаніе не вяжется съ предыдущимъ.

— Мнѣ это представляется въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ вамъ,—пояснилъ онъ, наконецъ.

— Не можете отрѣшиться отъ прописной морали—а?—Хорошо, хорошо. Мы не будемъ входить въ подробности. Но, помимо своего нравственного достоинства — просто, какъ артистически выполненный фокусъ—это было недурно.

— Я не знатокъ по части фокусовъ...

— Какъ и большинство тѣхъ, кто берется за изобличенія. Согласитесь, что вы никогда не слыхали и не думали объ этомъ раньше—я говорю о пузырьѣ. А между тѣмъ ясно, какъ день, что медіумъ, котораго держать за руки, будетъ стараться продѣлывать все, что только возможно, зубами. А что вы скажете о пузырьѣ, запрятанномъ за обшлагъ? Можетъ-ли быть улика нагляднѣе? А между тѣмъ — я хорошо знаю литературу предмета и ни разу не встрѣчалъ даже упоминанія объ этомъ. Ни разу! Я не могу надивиться тому, какъ много есть вещей, которыя не приходятъ въ голову изслѣдователямъ. Они не считаютъ и не взвѣшиваютъ тѣхъ шансовъ, которые противъ нихъ, и потому съ самаго начала идутъ по ложному пути. Взять хоть бы меня. Я фокусникъ по натурѣ. Я все свое свободное время придумываю разные новые фокусы и продѣлки, или упражняюсь въ выполненіи ихъ, потому что меня это страшно забавляетъ. Все это интересуетъ и занимаетъ меня самого. Ну-съ — каковъ же будетъ выводъ изъ всѣхъ этихъ разсужденій? Съ одной стороны—мнѣ извѣстны сорокъ восемь способовъ производить стуки, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, десять моего собственного изобрѣтенія. Десять оригинальныхъ способовъ производить стуки! — Онъ говорилъ очень внушительно.—И нѣкоторые стуки производятъ прямо-таки потрясающее впечатлѣніе. Вотъ послушайте-ка!

Раздался стукъ — казалось, между Льюисгэмомъ и Чэффери.

— А? Что вы скажете?

Печная дверца хлопнула и отворилась, обнаруживъ догорающій огонь; столъ сдвинулся и затрепалъ, какъ петарда, подъ самымъ носомъ у Льюисгэма.

— Видѣли?—сказалъ Чэффери, кладя руки назадъ подъ фалды сюртука. Тотчасъ же комната наполнилась трескомъ, какъ будто невидимые духи со всѣхъ сторонъ щелкали пальцами, потѣшаясь надъ Льюисгэмомъ.

— Очень хорошо! теперь возьмемъ другую сторону. Возьмемъ самое серьезное испытаніе, какому я когда-либо былъ подвергнутъ. Два почтенныхъ преподавателя физики—не Ньютоны, вы понимаете, но хорошіе, почтенные профессора, полные вѣры въ себя и собственнаго достоинства—дама, ищущая показательствъ существованія загробной жизни, и журналистъ, ищущій матеріала для статьи—т. е. иными словами, лицо, для котораго такіе опыты—источникъ заработка, точно такъ-же, какъ и для меня—взялись подвергнуть испытанію меня. *Меня!*.. Само собой, у каждаго изъ нихъ было, помимо этого, свое другое дѣло—преподаваніе физики, проповѣдываніе религіи, организація опытовъ и т. п. Никто изъ нихъ не удѣлялъ и часа въ теченіе дня на то, чтобы проникнуть мысленно въ тайны моего искусства; большинство изъ нихъ во всю свою жизнь никого не обмануло; ни одинъ не сумѣлъ бы, напримѣръ, даже подъ страхомъ смерти, проѣхать по желѣзной дорогѣ безъ билета, хотя бы три мили, не будучи пойманнымъ... Ну-съ—вы понимаете, на чьей сторонѣ всѣ пансы?

Онъ помолчалъ. Льюисгэмъ, повидимому, былъ поглощенъ происходившей въ немъ внутренней борьбой.

— Вы знаете,—продолжалъ объяснять Чэффери,—вы поймали меня случайно—совершенно случайно. Эта штука выскользнула у меня изо рта. Иначе вашему пріятелю, съ такимъ крикливымъ голосомъ, не удалось бы взять верхъ надо мною. Не удалось-бы!

Льюисгэмъ возразилъ съ усиліемъ, словно подымая тяжесть:

— Вѣдь рѣчь, собственно, не объ *этомъ*. Я не сомнѣваюсь въ вашемъ искусствѣ. Но все же это—нехорошо.

— Погодите. Сейчасъ дойдемъ и до этого.

— Мы, очевидно, смотримъ на вещи съ разныхъ точекъ зрѣнія.

— Несомнѣнно. Въ томъ-то и дѣло. Это-то и желательно выяснить.

— Обманъ остается обманомъ. Отъ этого вамъ не уйти. Это, кажется, достаточно ясно.

— Погодите, дайте мнѣ досказать,—со вкусомъ протянулъ Чэффери.—Вамъ, разумѣется, необходимо выяснить мое по-

ложенеіе. Это не значить, чтобы для меня оно не было выяснено. Съ тѣхъ поръ, какъ я прочелъ ваше письмо, я все время думаю объ этомъ. Поистинѣ,—есть въ чемъ оправдываться! Въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать, что у меня своя миссія. Я—нѣчто вродѣ пророка. Но вы все еще ничего не понимаете.

— И не желаю понимать, чортъ побери!

— А! Вы молоды и незрѣлы. Милѣйшій юноша, вы только еще начинаете жить. Вы, право, должны допустить, что у людей вдвое старше васъ могутъ быть нѣсколько болѣе широкіе взгляды. Но вотъ и ужинъ. На время ужина, по крайней мѣрѣ, давайте заключимъ перемиріе.

Этель снова вошла, неся добавочный стулъ; за нею шла м-ръ Чэффери съ кувшиномъ легкаго свѣтлаго пива. Усѣвшись за столъ, Льюисгэмъ замѣтилъ, что на скатерти было не мало незаштопанныхъ дыръ и пятенъ. Посрединѣ стола красовался металлическій потускнѣвшій судокъ съ уксусомъ, перцомъ, горчицей и тремя загадочными бутылочками—пустыми. Хлѣбъ лежалъ на большей доскѣ съ вырѣзаннымъ на ней благочестивымъ изреченіемъ, а на непропорціональной маленькой тарелочкѣ высилась цѣлая гора сыру. М-ръ и м-съ Льюисгэмъ усѣлись другъ противъ друга; м-съ Чэффери помѣстилась на сломанномъ стулѣ, ибо только она одна умѣла сидѣть на немъ, не падая.

— Этотъ сыръ такъ же питателенъ, непривлекателенъ и неудобоваримъ, какъ наука,—замѣтилъ Чэффери, наръзывая и раздавая ломти.—Но разомните его—вотъ такъ—вилкой, прибавьте кусочекъ этого прекраснаго дорсетскаго масла, немного горчицы, перцу—перецъ необходимъ—полейте слегка уксусомъ и перемѣшайте все вмѣстѣ. Получится нѣчто такое, что можно кушать не безъ пріятности. Такъ мудрый поступаетъ съ фактами жизни, не принимая и не отвергая, но согласуя ихъ.

— Какъ будто перецъ и горчица не факты,—возразилъ Льюисгэмъ, въ первый разъ за весь вечеръ позволивъ себѣ съострить.

Чэффери согласился, что его сравненіе было неудачно, и наговорилъ Льюисгэму столько комплиментовъ по поводу его остроумія, что тотъ не могъ удержаться, чтобы не бросить черезъ столъ торжествующаго взгляда на Этель. Но тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ онъ припомнилъ, что Чэффери ловкій плутъ, отъ котораго лучше получить порицаніе, чѣмъ похвалу.

Чэффери занялся сыромъ, и разговоръ шелъ вяло. М-съ Чэффери предлагала Этели официальные вопросы относи-

тельно ея квартиры; Этель отзывалась о ней въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ.

— Приходите какъ-нибудь пить чай,—пригласила она, не дожидаясь санкціи Льюисгэма,—вотъ и увидите.

Чэффери очень удивилъ Льюисгэма, неожиданно обнаруживъ полное знакомство съ его матеріальнымъ положеніемъ въ Южно-Кенсингтонской школѣ, какъ учителя, дополняющаго свое образованіе.

— У васъ должны быть еще деньги, помимо казенной гиней?—поставилъ онъ вопросъ ребромъ.

Льюисгэмъ покраснѣлъ.

— Для того, чтобы прожить, достаточно.

— И вы рассчитываете, что дирекція школы что-нибудь сдѣлаетъ для васъ, когда вы кончите курсъ?—такъ, мѣстечко на сотенку фунтовъ въ годъ?

— Да,—неохотно отвѣтилъ Льюисгэмъ.—Да. Фунтовъ на сто въ годъ, или около того. Что-нибудь въ этомъ родѣ. Разумѣется, мѣстъ найдется сколько угодно и помимо Южнаго Кенсингтона, если-бъ они даже и не захотѣли поставить меня на мѣсто.

— Я понимаю. Но все же вамъ придется порядкомъ сжаться—на сто фунтовъ въ годъ. Ну что жъ, не мало достойныхъ людей обходятся меньшимъ.

Онъ умолкъ, какъ бы углубившись въ размышленіе и, немного погодя, попросилъ Льюисгэма передать ему пиво.

— У васъ жива мать, м-ръ Льюисгэмъ?—неожиданно обратилась къ нему м-съ Чэффери и продолжала спрашивать по порядку, есть-ли у него братья, сестры и т. д. Когда онъ дошелъ до дяди—паяльщика, она ни съ того, ни съ сего вдругъ приняла строгій видъ и съ важностью замѣтила, что въ каждой семьѣ есть бѣдные родственники.

Съ этими словами важность ея исчезла туда же, откуда и появилась.

Послѣ ужина Чэффери вылилъ остатки пива въ свой стаканъ, вытащилъ длиннѣйшую глиняную трубку и предложилъ Льюисгэму покурить.

Выкурить честную трубочку—здорово,—замѣтилъ онъ, набивая свою.—Въ здѣшнемъ мірѣ сигары—хорошія сигары—и честность совмѣщаются рѣдко.

Льюисгэмъ пошарилъ въ карманъ, отыскивая свои алжирскія сигаретки. Чэффери неодобрительно покосился на нихъ сквозь очки и вернулся къ обѣщанной апологіи своей профессіи. Дамы удалились, чтобы вымыть посуду.

— Вотъ видите-ли,—началь Чэффери послѣ первой же затяжки, возвращаясь къ прерванному разговору,—что ка-

сается обмана и т. п. я не нахожу жизнь такой простой вещью, какъ вы.

— Я вовсе не нахожу, чтобъ жизнь была проста,—возразить Льюисгэмъ;—я только думаю, что нужно различать хорошее отъ дурнаго. И, сколько мнѣ извѣстно, вы ничѣмъ еще не доказали, что спиритическій обманъ—правое и хорошее дѣло.

Чэффери заложилъ ногу за ногу.

— Давайте обсуждать этотъ вопросъ—давайте обсуждать. Видите-ли, молодой человѣкъ,—онъ затянулся дымомъ,—я думаю, что вы недостаточно высоко цѣните значеніе иллюзіи въ жизни, истинную природу лжи и обмана въ политическомъ мірѣ. Вы склонны порицать нѣкоторую специальную форму обмана, ибо она еще не получила полнаго права гражданства—не считается почетной и—какъ свидѣлствуютъ о томъ мои обтрепанные сзади брюки и нашъ скудный ужинъ—плохо вознаграждается.

— Не въ томъ дѣло,—сказалъ Льюисгэмъ.

— Ну-съ, а я утверждаю,—продолжалъ Чэффери излагать свое *credo*,—что честность по существу своему есть сила анархическая и разъединяющая, и что сплоченіе людей въ общество и прогрессъ цивилизаціи возможны только при помощи усиленной, иногда даже наглой лжи, что Общественный Договоръ—ни болѣе, ни менѣе какъ обширный заговоръ всѣхъ человѣческихъ существъ между собою—лгать и обманывать себя самихъ и другъ друга ради общаго блага. Ложь—тотъ цементъ, при помощи котораго индивидуумъ въ дикомъ состояніи, одиночка, превращается въ одинъ изъ кирпичей общественнаго зданія. Вотъ тезисъ, на которомъ я строю свое оправданіе. Смѣю васъ увѣрить, что моя профессія медиума только частный примѣръ справедливости общаго правила. Не будь я по натурѣ безпокойнымъ человѣкомъ, искателемъ приключеній, глубоко безпечнымъ и питающимъ положительное отвращеніе къ писанію, я написалъ бы объ этомъ большую книгу и приобрѣлъ бы на всю жизнь уваженіе всѣхъ мыслящихъ людей, промышленяющихъ въ этомъ мірѣ обманомъ.

— Но какъ же вы докажете это!

— Какъ докажу! Здѣсь не надо и доказывать, достаточно указать. И теперь уже есть люди,—Бернардъ Шау, Ибсенъ и подобные имъ—урывками постигшіе эту истину и проповѣдующіе новое евангеліе. Что такое человѣкъ? Похоть и алчность, умѣряемая страхомъ и неразумнымъ тщеславіемъ.

— Съ этимъ я не согласенъ.

— Согласитесь, когда будете постарше. Есть истины, до которыхъ нужно дорости. Что касается лжи—посмотрите, на чемъ стоитъ общество, чѣмъ отличается цивилизованный че-

ловѣкъ отъ дикаря. Единственная существенная разница—та, что первый не умѣетъ лукавить и показывать вещи иными, чѣмъ онѣ есть, а второй умѣетъ. Возьмемъ самый наглядный примѣръ—одежду цивилизованнаго человѣка, изобрѣтенную имъ въ интересахъ благопристройности. Что такое собственно одежда? Утаиваніе существенныхъ фактовъ. Что такое декорумъ? Подавленіе естественныхъ желаній. Поймите, я не возстаю противъ приличія и благопристройности; я только указываю на то обстоятельство, что эти неизбежные спутники цивилизаціи, по существу своему, „являются сокрытіемъ истины“ *„suppressio veri“*. А въ карманахъ своего платья цивилизованный человѣкъ носить деньги. У настоящаго дикаря денегъ нѣтъ. Для него кусочекъ металла и есть кусочекъ металла, пожалуй, годный для того, чтобы служить украшеніемъ—не болѣе. И этотъ взглядъ правильный. Всякій здравомыслящій человѣкъ судить такъ же и если поступаетъ иначе, то лишь потому, что видитъ грубое безуміе окружающихъ. Но въ глазахъ обыкновеннаго цивилизованнаго человѣка повсемѣстная цѣнность золота, какъ единицы мѣны, есть нѣчто священное и не подлежащее сомнѣнію. Подумайте только, какъ это нелѣпо! И почему это такъ? Но тутъ не существуетъ: *почему?* Я всю свою жизнь не перестаю дивиться легковѣрію моихъ близкихъ. Нерѣдко по утрамъ я лежу въ постели и думаю: а что если люди за ночь открыли обманъ?—и жду—вотъ-вотъ раздадутся шаги на лѣстницѣ и вбѣжитъ ваша *belle mѣre* съ шиллингомъ въ рукѣ, отвергнутымъ молочникомъ. „Какъ? Что такое? Эту дрянъ взамѣнъ молока“?—Но этого никогда не бываетъ. Никогда. Если бы люди вдругъ прозрѣли относительно этого надувательства съ помощью денегъ, знаете, что бы было? Сказалась бы истинная природа человѣка? Я мигомъ вскочилъ бы съ постели, схватилъ бы первое попавшееся оружіе и кинулся бы вслѣдъ за молочникомъ. Пріятно понѣжиться въ постели, но молоко необходимо. Сосѣди высыпали бы на улицу—тоже за молокомъ. Молочникъ, неожиданно просвѣтившійся насчетъ ничтожества денегъ, удиралъ бы со всѣхъ ногъ вдоль по улицѣ, а мы за нимъ. Лови! Хватай! Держи его! Стой! Телѣжка перевернулась. Деритесь, сколько хотите, но, чуръ, не проливать молока!.. Вы представляете себѣ эту сцену—въ ней все разумно, отъ начала до конца. Я вернулся бы домой помятый, въ крови, но съ кувшиномъ подмышкой. Да—я захватилъ бы кувшинъ—ужъ я бы не спустилъ его съ глазъ... Но къ чему продолжать? Вамъ, больше, чѣмъ кому бы то ни было, слѣдовало бы знать, что жизнь—борьба за существованіе, борьба изъ-за куска хлѣба. А деньги—ложь, умѣряющая нашу ярость.

— Нѣтъ, нѣтъ!—вскричалъ Льюисгэмъ;—я не могу съ этимъ согласиться!

— Что же такое по вашему деньги?

Льюисгэмъ уклонился отъ прямого отвѣта.

— Договаривайте сначала вы. Я пока не вижу, что во всемъ этомъ общаго съ плутовствомъ во время сеанса.

— Я же строю на этомъ свою защиту. Возьмемъ челоуѣка почтеннаго и требующаго къ себѣ почтенія — скажемъ, епископа.

— Ну,—сказалъ Льюисгэмъ,—я не очень-то уважаю епископовъ.

— Это все равно. Возьмемъ другой примѣръ—ученаго, профессора. Обратите вниманіе на его костюмъ, дѣлающій изъ него приличнаго гражданина и скрывающій тотъ фактъ, что это физически слабый, вырождающійся субъектъ, съ вялыми мускулами, съ большимъ животомъ. Вотъ вамъ уже первая ложь. На его брюкахъ, мой мальчикъ, вы не увидите бахромы. Взгляните на его жиденькіе волосы, приглаженные, подстриженные и безмолвно лгушіе, что ихъ обычная длина—полвершка, тогда какъ, предоставъ онъ имъ свободу роста, ихъ развѣвалось бы нѣсколько десятковъ на аршинъ позади, перечно-сѣраго цвѣта. Какъ выложено и выхолено его лицо! А во рту его—новая ложь, въ образѣ вставныхъ зубовъ. А гдѣ-то на землѣ бѣдняки работаютъ для того, чтобы добыть этому субъекту мясо и хлѣбъ и вино. Его одежда соткана изъ жизней гнущихся въ три погибели надъ работою ткачей, весь его путь устланъ челоуѣческими жизнями... Вы только представьте себѣ этого больше-головаго франта, утопающаго въ комфортахъ! И подумать,—выражаясь словами Свифта,—что этакая устрица еще гордится собой! Онъ воображаетъ, что его собственныя крохотныя открытія съ лихвою вознаграждаютъ тѣхъ невидимыхъ тружениковъ за ихъ трудъ и страданія, воображаетъ, что онъ и его карьера паразита выкупаютъ съ избыткомъ ихъ загубленную жизнь и подавленные желанія. Представьте его себѣ ругающимъ своего садовника за плохо пересаженную герань,—какой густой туманъ лжи долженъ окутывать этихъ обоихъ людей для того, чтобы дюжій паренъ-садовникъ однимъ ударомъ лопаты не положилъ конецъ его дерзостямъ, превративъ его въ прахъ, изъ котораго онъ произошелъ! И такъ же точно живутъ всѣ комфортабельно обставленные люди. Вся эта утонченная вѣжливость, хорошее воспитаніе, культура—ложь и останутся позорною ложью до тѣхъ поръ, пока на землѣ хоть одинъ несчастный оборванецъ будетъ ходить въ отрепьяхъ и голодать!

— Но это социализмъ!—воскликнулъ Льюисгэмъ.—Я...

— Не нужно *измовъ*!—возвысилъ Чэффери свой красивый

звучный голосъ.—Одна только горькая и страшная правда—та правда, что утокъ и основа человѣческаго общества—ложь. Соціализмъ не поможетъ, и никакой *измъ* не поможетъ; такъ ужъ устроенъ міръ.

— Я не согласенъ...—началь Льюисгэмъ.

— Съ безнадежностью моей теоріи,—да, потому что вы молоды, но съ правильностью изложенія вы не можете не согласиться.

— Да—въ извѣстныхъ предѣлахъ.

— Согласитесь, что самыя почетныя положенія въ этомъ мірѣ запятнаны обманомъ, лежащимъ въ основѣ нашего общественнаго строя. Не будь они запятнаны обманомъ, они не считались бы почетными. Взять даже ваше положеніе... Кто далъ вамъ право жениться и заниматься интересными научными изысканіями, между тѣмъ какъ другіе молодые люди гніють въ рудникахъ?

— Я признаю...

— Вы не можете не признать. Итакъ, вотъ мой выводъ. Разъ всѣ дороги жизни загрязнены обманомъ, разъ жить по правдѣ и говорить правду выше человѣческихъ силъ и мужества,—какъ убѣждается каждый—не лучше-ли для человѣка избрать такой путь, гдѣ ему придется жить непосредственно обманомъ, сравнительно невиннымъ, чѣмъ рисковать своей душевной чистотой, ставя себя въ двусмысленное положеніе, и впасть въ концѣ концовъ въ самообманъ и самооправданіе? Вотъ гдѣ опасность! Вотъ противъ чего я всегда насторожѣ. Берегитесь этого! Стремленіе оправдать себя—тягчайшій грѣхъ.

Льюисгэмъ дергалъ себя за усы.

— Вы начинаете понимать меня? И, въ сущности, эти достойные люди вовсе не такъ ужъ страдаютъ отъ моего плутовства. Не я возьму обманомъ ихъ деньги, такъ возьметъ кто-нибудь другой. Ихъ самодовольная увѣренность въ своемъ умѣ и познаніяхъ можетъ породить и болѣе гнусный обманъ, чѣмъ мои искусственные стуки. Сколько у насъ невѣрующихъ епископовъ, которые продѣлываютъ то же — чѣмъ я хуже ихъ? Не все-ли равно отдавать деньги мнѣ, или тратить ихъ на общественную благотворительность, чтобы кормить блудныхъ сыновъ и отфѣвшихся секретарей? Въ сущности, я нѣчто вродѣ новѣйшаго Робина Гуда—я беру податъ съ богатыхъ, соотвѣтственно ихъ доходу. Правда, я не отдаю взятаго бѣднымъ, потому что я не получаю достаточно; — но есть другіе виды добрыхъ дѣлъ. Мало-ли слабыхъ духомъ я успокоилъ ложью — грубой и глупой ложью — относительно жизни за гробомъ! Сравните меня съ однимъ изъ негодаевъ, ради которыхъ люди отрав-

ляются фосфорнымъ и свинцовымъ ядомъ — сравните меня съ милліонеромъ, который шляется по казино, выискивая хорошенекхъ пѣвичекъ, со страховымъ агентомъ, или съ обыкновеннѣйшимъ биржевымъ маклеромъ — наконецъ, съ адвокатомъ...

— Есть епископы,—продолжалъ Чэффери, — которые вѣрятъ Дарвину и не вѣрятъ Моисею. Какъ хотите, а я считаю себя лучше ихъ — быть можетъ, схожимъ съ ними, но лучшимъ. — Я, по крайней мѣрѣ, самъ изобрѣтаю нѣкоторые изъ фокусовъ, продѣлываемыхъ мною,—додумываюсь своимъ умомъ.

— Все это прекрасно...—началъ Льюисгэмъ.

— Я могу простить имъ нечестность,—продолжалъ Чэффери, — но простить эту глупость, это отреченіе отъ всякой умственной инициативы... Богъ мой! Если стряпчій плутуетъ не по шаблону, не съ убогой помпой, какъ принято, его исключаютъ изъ сословія за недобропорядочное поведеніе.

Онъ умолкъ и задумался, потомъ слабо улыбнулся и повернулся къ Льюисгэму. Глаза его улыбались поверхъ очковъ; онъ измѣнилъ голосъ и подчеркивалъ слова, выразительно ударяя рукой по скатерти.

— А все же, нѣкоторые изъ моихъ фокусовъ чертовски ловко придуманы—чертовски ловко, говорю я вамъ, и стоятъ вдвое больше, чѣмъ сколько я получилъ за нихъ—вдвое.

Онъ опять повернулся къ огню, раздувая погасшую трубку и поглядывая на Льюисгэма уголками глазъ поверхъ очковъ.

— Двѣ-три штучки я придумалъ такихъ, что самые знаменитые медиумы только пальчики оближутъ. Я положительно долженъ объяснить вамъ нѣкоторые фокусы, разъ мы уже породнились.

Льюисгэму не сразу удалось привести въ порядокъ свои мысли, смятенныя этой безостановочной погоней за крылатыми аргументами Чэффери.

— Но съ такими принципами можно дѣлать почти все, что вздумается!

— Вотъ именно!

— Но...

— Странная метода—изслѣдуя чьи-нибудь принципы, судить о вытекающихъ изъ нихъ поступкахъ на основаніи другихъ принциповъ!—вы не находите этого страннымъ?

Подумавъ минутку, Льюисгэмъ отвѣтилъ: „Пожалуй“ — тономъ человѣка, убѣжденнаго противъ воли.

Онъ сознавалъ, что его логика неубѣдительна и вдругъ рѣшилъ отбросить всякую деликатность, неумѣстную въ подобномъ спорѣ. Ему припомнились нѣсколько сентенцій,

приготовленныхъ имъ заранѣе, и онъ поспѣшилъ выложить ихъ.

— Какъ бы тамъ ни было, я не могу одобрить такого обмана. Что бы вы тамъ ни говорили, я остаюсь при томъ, что высказано мною въ письмѣ. Этель отнынѣ не будетъ имѣть ничего общаго съ вашими продѣлками. Я не сверну съ дороги ради того, чтобы изобличить васъ, но если вы станете у меня на дорогѣ, я, не стѣсняясь, выскажу свое мнѣніе обо всѣхъ этихъ „спиритическихъ“ явленіяхъ. Это лучше всего выяснитъ разъ навсегда.

— Это уже выяснено и принято къ свѣдѣнію, мой милѣйшій *beau-fils*. Въ данный моментъ мы ведемъ споръ не объ этомъ.

— Но Этель...

— Этель ваша. — Этель *ваша*, — повторилъ онъ немного погодя и задумчиво прибавилъ: — она при васъ и останется.

— Но возвратимся къ иллюзіи, — продолжалъ онъ, страхи-вая нагаръ съ трубки, со вздохомъ облегченія. — Я иногда думаю вмѣстѣ съ епископомъ Берклеемъ, что всякій опытъ есть нѣчто, по всей вѣроятности, совершенно отличное отъ дѣйствительности, а сознаніе, по существу, галлюцинація. Я и вы, и нашъ разговоръ — все это иллюзія. Пусть ваша наука вамъ скажетъ — что я такое? Собраніе атомовъ, безконечная игра клѣточекъ. Что такое эта рука, которую я протягиваю къ вамъ — я самъ, или нѣтъ? А голова? А поверхность моей кожи? представляетъ-ли она нѣчто большее, чѣмъ простую ограничивающую поверхность? Вы говорите, что я — это моя душа? Но посмотрите же, какая борьба стремленій происходитъ въ этой душѣ. Представьте себѣ, что у меня является импульсъ, которому я противлюсь — я противлюсь — значитъ, импульсъ *внѣ* меня — такъ что-ли? Но предположимъ, что импульсъ взялъ верхъ, и я дѣлаю то, что мнѣ хочется — значитъ, этотъ импульсъ уже часть *меня*? Какъ же такъ? А! У меня мутится умъ отъ всѣхъ этихъ тайнъ. Боже! что за жалкое, неустойчивое созданіе человѣкъ! то ему хочется одного, то другого; подумалъ, потянуло его куда-нибудь, сдѣлалъ и забылъ, и тѣмъ не менѣе всегда страшно самонадѣянъ и самоувѣренъ. Вотъ хоть бы вы, напримѣръ — вы и думать-то выучились всего какихъ-нибудь пять-шесть лѣтъ назадъ, а сидите, полный вѣры въ логичность своихъ доводовъ, во всемъ своемъ унаслѣдованномъ первородномъ грѣхѣ — и судите, и осуждаете. *Вы* умѣете различать добро и зло! Милый мой, Адамъ и Ева тоже умѣли... *какъ только познакомились съ отцомъ Лжи.*

Въ концѣ вечера подали виски и горячую воду. Чэффері, очень развеселившійся, увѣрялъ, что ему рѣдко чье-нибудь

общество доставляло столько удовольствія, какъ общество Льюисгэма, и требоваль, чтобы всѣ выпили виски. М-ссъ Чэффери и Этель прибавили сахара и лимона. Льюисгэмъ въ первую минуту немного удивился при видѣ Этели, пьющей грогъ.

На прощанье м-ссъ Чэффери опять расцѣловала Льюисгэма и сказала Этели, что она увѣрена, что все вышло къ лучшему.

На обратномъ пути Льюисгэмъ былъ задумчивъ и озабоченъ. Проблема относительно Чэффери разрослась до гигантскихъ размѣровъ. Временами даже философскій этюдъ, сдѣланный этимъ чудачкомъ съ самого себя и не лишенный юмора и художественности, казался понятнымъ и благовиднымъ. Легенъ, несомнѣнно, оселъ, и психическія изслѣдованія, въ томъ родѣ, въ какомъ онъ ихъ продѣлываетъ, неизбежно порождаютъ обманъ. Это понятно. Тутъ онъ вспомнилъ, какое все это имѣло отношеніе къ Этели...

— Твоего вотчина довольно трудно поймать, моя дорогая,—говорилъ онъ, сидя на постели и снимая сапогъ.—Онъ хитеръ—онъ дьявольски хитеръ. Онъ такъ говоритъ, что не знаешь, къ чему придратъся. У меня даже въ ушахъ звенитъ, до того онъ закидалъ меня словами.

Онъ подумаль немного, потомъ снялъ сапогъ и продолжалъ сидѣть, держа его на колѣнѣхъ.

— Разумѣется—все, что онъ говорилъ, невѣрно—совершенно невѣрно! Что онъ тамъ ни говори, правда остается правдой, а обманъ—обманомъ.

— Вотъ и я думаю тоже, — сказала Этель, смотрясь въ зеркало.—Мнѣ это представляется именно такъ.

XXIV.

Кампанія началась.

Въ слѣдующую субботу Льюисгэмъ первый вышелъ изъ спальни, отдѣленной отъ гостиной створчатой дверью, и черезъ минуту снова появился въ спальнѣ, держа въ рукахъ какой-то листокъ. М-ссъ Льюисгэмъ застыла съ ненадѣтой юбкой въ рукѣ, изумившись сама при видѣ изумленія, начертаннаго на лицѣ ея мужа.

— Послушай-ка!—сказаль Льюисгэмъ,—взгляни-ка сюда!

Этель заглянула въ книжку, которую онъ держаль раскрытой передъ глазами и увидала длинный столбецъ цифръ съ одной стороны и длинный рядъ записей на неудобочитаемомъ смѣшеніи англійскаго съ нѣмецкимъ языковъ—съ другой. „1 котель угля 6 п.“—эта строчка постоянно повто-

рылась въ этомъ внушительномъ спискѣ и стояла послѣдней, вѣнчая собою все зданіе. То былъ первый счетъ мадамъ Гадовъ. Этель взяла его изъ рукъ мужа, чтобы посмотрѣть на него вблизи, — но и вблизи итогъ не сдѣлался меньше. Вездѣ надбавки и приписки — это было прямо-таки позорно! Теперь имъ уже не казалось смѣшно, что нѣмка говорила: „котель“ вмѣсто *корзина* или *мѣшокъ*. Даже странно, до чего комизмъ этого выраженія вдругъ испарился.

Этотъ документъ положилъ конецъ необычно короткому медовому мѣсяцу Льюисгэма. Какъ въ сказкѣ — щелкнула задвижка, и червонцы рассыпались прахомъ. Цѣлую недѣлю онъ жилъ въ блаженномъ убѣжденіи, что жизнь соткана изъ любви и тайны; теперь ему напомнили съ необычайной отчетливостью, что она складывается изъ борьбы за существованіе и желанія жить. — Проклятая мошенница! — сердито пробормоталъ м-ръ Льюисгэмъ и за завтракомъ все время велись какія-то новыя и зловѣщія рѣчи, почти гнѣбныя, съ одной стороны, и полныя нѣкотораго изумленія — съ другой.

— Надо будетъ поговорить съ ней сегодня послѣ обѣда, — сказалъ Льюисгэмъ, взглянувъ на часы и поспѣшилъ сложить свои книги въ клеенчатый черный портфель. Его прощальный поцѣлуй женѣ въ этотъ день въ первый разъ не былъ специальной и самодовлѣющей церемоніей. Онъ поцѣловалъ ее торопливо, словно по привычкѣ, и, выйдя, хлопнулъ за собой дверь. Этель въ это утро не пошла провожать его, ибо, по специальной просьбѣ мужа и потому, что ей хотѣлось помочь ему, она собиралась переписать для него какія-то лекціи по ботаникѣ, въ которой онъ сильно отсталъ.

По пути въ школу Льюисгэмъ испытывалъ нѣчто, подозрительно близкое къ упадку духа. Соображенія, заботившія его, были, по существу, математическаго свойства. Мысль, занимавшая его умъ настолько, что она исключала всѣ другія мысли, всего лучше можетъ быть выражена въ общепринятой дѣловой формѣ.

Дб.		Кр.				
Наличныхъ денегъ.				ф.	ш.	п.
ф.	ш.	п.				
			За проѣздъ въ омнибусъ въ Южн. Кенсингтонъ (на дняхъ)	—	—	2
			6 завтраковъ въ студенческой столовой	—	5	2 ¹ / ₂
у м-ра Л. { 18—10—4 ¹ / ₂			2 пачки сигаретокъ (курить послѣ обѣда)	—	—	6
у м-рисъ Л. { 11—7			Женитьба и побѣгъ	4	18	10
			Необходимыя добавленія къ приданому невѣсты	—	16	1
Въ банкѣ . . . 45 р. 0—0			Расходы на хозяйство	1	1	4 ¹ / ₂
Изъ школы			Разныя мелочи, приобретенныя хозяйкой	—	15	3 ¹ / ₂
получ. . . . 1—1—0			Мадамъ Гадовъ за квартиру, уголь, и услуги (по счету)	1	15	0
			Неизвѣстно куда истрачено	—	—	4
			Въ остаткѣ	50	11	2
60. 3. 11 ¹ / ₂ .			Итого	60.	3.	11 ¹ / ₂ .

Изъ этой росписи самому недѣловому человѣку станетъ очевидно, что, не считая чрезвычайныхъ тратъ на женитьбу и приобретение „разныхъ“ мелочей, конечно, не послѣднихъ, расходъ за эту недѣлю болѣе чѣмъ на 2 ф. превысилъ доходъ, и краткая экскурсія въ область ариѳметики покажетъ ему, что черезъ двадцать пять недѣль въ остаткѣ не получится ничего.

Но гинею въ недѣлю Льюисгэму предстоитъ получать не двадцать пять недѣль, а всего только пятнадцать, и слѣдовательно, затѣмъ еженедѣльный расходъ до 3 гиней, заимствованныхъ изъ капитала, и срокъ, въ теченіе котораго они могутъ жить на капиталъ, сократится до двадцати трехъ недѣль. Эти подробности, несомнѣнно, утомительны и непріятны просвѣщенному читателю;—представьте же себѣ во сколько разъ непріятнѣе онѣ должны были быть м-ру Льюисгэму, задумчиво шагавшему по доротѣ въ Школу. Вы поймете, почему онъ ускользнулъ изъ лабораторіи и пробрался въ образовательную читальню и почему Смизерсъ, сидѣвшій въ укромномъ уголкѣ, составляя замѣтки для предстоявшаго не вдалекѣ неминуемаго второго экзамена на соисканіе „преміи Форбса“, неожиданно взглянувъ въ его сторону, онѣмѣлъ отъ удивленія при видѣ Льюисгэма, склоненнаго надъ кипой текущихъ періодическихъ изданій вродѣ: *Журналъ Образованія и Воспитанія, Школьный Учитель, Наука и Искусство, Университетскій Вѣстникъ, Природа, Athenaeum, Академія* и т. д.

Смизерсъ видѣлъ, какъ его товарищъ вытащилъ изъ кармана записную книжку и принялся что-то вписывать туда. Онъ незамѣтно подкрался къ Льюисгэму и, вынырнувъ откуда-то сбоку, огорошилъ того вопросомъ:—„Вы что тутъ дѣлаете?“

Слова эти были произнесены громкимъ шепотомъ и сопровождались инквизиторскимъ взглядомъ, брошеннымъ на газеты. Когда же Смизерсъ увидалъ, что Льюисгэмъ внимательно изучаетъ столбецъ объявленій, недоумѣніе его еще болѣе возрасло.

— О, ничего,—кратко отвѣчалъ Льюисгэмъ, какъ бы случайно закрывая ладонью раскрытую книжку.—А вы что изволите подѣлывать?

— Да, ничего особеннаго. Такъ болтался здѣсь. Вы не были въ кружкѣ въ прошлую пятницу?

Онъ повернулъ стулъ, сталъ на него колѣномъ и, облокотясь на спинку, принялся шепотомъ рассказывать о дѣлахъ Рефератскаго кружка. Льюисгэмъ слушалъ невнимательно и и отвѣчалъ коротко. Что ему до всѣхъ этихъ ребячествъ! Смизерсъ вышелъ, ничего не добившись, и въ дверяхъ встрѣтился съ Парксономъ. Кстати сказать, Парксонъ, со времени происшедшаго между ними прискорбнаго недоразумѣнія, не разговаривалъ съ Льюисгэмомъ. Онъ сдѣлалъ большой крюкъ, чтобы, пробираясь къ своему мѣсту, не пройти мимо него; усѣвшись, онъ поднялъ голову необычайно высоко и принялъ исполненный достоинства видъ, чтобы показать, какъ оскорбительно для него присутствіе Льюисгэма.

Льюисгэмъ наводилъ справки двоякаго рода. Онъ искалъ способа увеличить какъ-нибудь свой еженедѣльный доходъ собственнымъ заработкомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ желалъ изучить положеніе рынка относительно переписки на пишущей машинѣ. Что касается его лично, то у него была смутная мысль, въ послѣдствіи оставленная, — что въ мартѣ мѣсяцѣ можно будетъ добыть какіе-нибудь уроки въ вечернихъ классахъ. Но въ вечернихъ классахъ въ Лондонѣ составъ преподавателей съ сентября по іюль никогда не мѣняется—развѣ кто-нибудь умретъ скоростижно. Частные уроки еще больше улыбались ему, но предложеній не попадалось. О своихъ собственныхъ талантахъ у него было представленіе чисто ребяческое, иначе онъ не тратилъ бы понапрасну времени на выписываніе условій полученія вакантнаго мѣста профессора физики въ Мельбургскомъ университетѣ. Онъ отмѣтилъ также предложеніе занять мѣсто редактора ежемѣсячнаго журнала, посвященнаго социальнымъ вопросамъ. Онъ ничего не имѣлъ противъ этого, хотя издатель, можетъ быть, и имѣлъ бы. Было еще вакантное мѣсто куратора при музеѣ Итонской коллегіи.

Относительно переписки на машинѣ условія были менѣе разнообразны и болѣе опредѣленны. Въ то время жестокая конкуренція полуобразованныхъ элементовъ еще не успѣла понизить цѣну за переписку до невозможной платы—10 пен-

совъ за тысячу словъ, и обычная плата за тысячу была 1 ш. 6 п. Считая, что Этель можетъ написать въ часъ тысячу словъ и работать пять-шесть часовъ въ день, очевидно, что она можетъ вносить свою долю на расходы по хозяйству—и не малую долю: до 30 шиллинговъ въ недѣлю. Естественно, что Льюисгэмъ возгордился при этомъ открытіи. Онъ не находилъ объявленій отъ авторовъ или драматурговъ съ предложеніемъ переписки, но видѣлъ множество адресовъ переписчицъ, публикующихся въ газетахъ. Очевидно, и Этели надо публиковаться. — Можно будетъ прибавить: „спеціальность—научная фразеологія“,—мысленно сообразилъ Льюисгэмъ. Онъ возвратился домой, полный надежды и съ полной книжкой замѣтокъ о мѣстахъ и занятіяхъ, которыя можно было получить, по дорогѣ истративъ пять шиллинговъ на марки.

Послѣ обѣда Льюисгэмъ—нѣсколько взволнованный—посталъ за хозяйкой. Мадамъ Гадовъ явилась тотчасъ же, привѣтливая и любезная, какъ всегда, безконечно далекая отъ негодованія, являющагося нормальнымъ состояніемъ британской квартирной хозяйки. Она, какъ всегда, сыпала словами, жестикулировала и разсуждала весьма благоразумно, но, къ несчастію, путала два языка и во всѣхъ спорныхъ пунктахъ прибѣгала къ нѣмецкому. Природная учтивость Льюисгэма не позволяла ему поставить вопросъ слишкомъ грубо. Послѣ получаса дружескихъ пререканій, нѣмка согласилась сбросить со счета шесть пенсовъ, и обѣ стороны объявили себя удовлетворенными результатомъ.

Мадамъ Гадовъ оставалась спокойной до конца. М-ръ Льюисгэмъ раскраснѣлся, волосы его немного спутались и уши порозовѣли, но онъ былъ доволенъ этой сбавкой въ 6 пенсовъ: это было, во всякомъ случаѣ, признаніемъ справедливости его требованій.

— Она, видимо, хотѣла испытать насъ, — почти извиняющимся тономъ замѣтилъ онъ Этели. — Было абсолютно необходимо противопоставить ей твердость. Врядъ-ли у насъ будутъ съ ней еще непріятности въ такомъ родѣ...

— А то, что она говоритъ объ углѣ, конечно, справедливо.

Молодые супруги отправились прогуляться въ Кенсингтонскихъ Садахъ и—весенній вечеръ былъ такъ теплъ и хорошъ—присѣли отдохнуть на зеленыхъ стульяхъ невдалекѣ отъ оркестра, за что Льюисгэму пришлось потомъ заплатить два пенса. За то они съ Этелью вели, какъ она выражалась, „серьезный разговоръ“. Она проявила, поистинѣ, рѣдкую разсудительность и обсудила вопросъ всесторонне. Она особенно настаивала на необходимости экономіи въ домашнихъ

расходахъ и горько оплакивала свое невѣжество и непрактичность. Рѣшено было купить хорошее руководство къ домашнему хозяйству и домоводству, специально для Этели. М-съ Чэфферри, по ея словамъ, пользовалась указаніями старинной книги, носившей названіе „*обо всемъ понемногу*“, но Льюисгэмъ призналъ эту книгу недостаточно научной.

Этель была того мнѣнія, что многому можно также научиться изъ шестипенсовыхъ модныхъ журналовъ для дамъ — болѣе дешевые въ то время почти еще не появлялись. Въ былое время, когда у нея водились деньги, она покупала такіе журналы отдѣльными номерами, но, главнымъ образомъ — о чемъ она теперь очень сожалѣла — съ цѣлью ознакомиться съ новыми модами въ области платьевъ, шляпъ и тому подобнаго вздора. Чѣмъ скорѣе они купятъ машину, тѣмъ лучше. Льюисгэмъ поморщился отъ непріятной неожиданности, сообразивъ, что въ своихъ вычисленіяхъ онъ не принялъ въ расчетъ покупки машины. Это значительно ограничить ихъ ресурсы; при такихъ условіяхъ капитала хватить всего только на двѣнадцать-тринадцать недѣль.

Они провели вечеръ за письмами — составляя ихъ, переписывая, надписывая адреса и наклеивая марки. То были моменты оптимизма.

— Мельбурнъ прекрасный городъ, — говорилъ Льюисгэмъ, — и путешествіе туда будетъ для насъ очень пріятно. Онъ прочелъ Этели вслухъ письмо, въ которомъ предлагалъ себя въ качествѣ кандидата на профессорское мѣсто въ Мельбурнъ — просто для того, чтобы посмотреть, хорошо-ли оно написано, — и на Этель перечисленіе его талантовъ и знаній произвело глубокое впечатлѣніе. „Я не воображала, что ты знаешь и *половину* всего этого! — наивно воскликнула она, удрученная сознаніемъ своего собственнаго относительнаго невѣжества. Неудивительно, что послѣ такого обоощренія, онъ сталъ писать послѣдующія письма въ нѣсколько самоувѣренномъ тонѣ.

Составленная имъ публикація въ *Athenaeum* относительно пріема переписки нѣсколько смущала его совѣсть. Переписавъ ее начисто и поставивъ въ скобкахъ, но большими буквами: „спеціальность — научная фразеологія“, — онъ случайно взглянулъ на лекціи, переписанныя Этелью для него. Почеркъ ея былъ такой же круглый, мальчишескій, какъ тогда въ Вортлеѣ, но знаки препинанія ограничивались неправильно разставленными занятыми и тире, а въ правописаніи замѣчалась склонность при начертаніи трудныхъ словъ идти по линіи наименьшаго сопротивленія. Но онъ отогналъ отъ себя эту мысль, порѣшивъ просматривать и корректировать все, что будетъ переписывать Этель. Въ

скобкахъ онъ подумалъ, что не худо бы ему самому просмотрѣть какое-нибудь толковое руководство къ разстановкѣ знаковъ препинанія.

Они засидѣлись за полночь, не смотря на то, что на завтра назначенъ былъ экзаменъ ботаники. Въ ихъ маленькой гостиной, освѣщенной газомъ, со спущенными занавѣсами и огнемъ, пылавшимъ въ каминѣ, было такъ свѣтло и уютно, а количество писемъ, написанныхъ ими, поддерживало надежду въ ихъ сердцахъ. Этель, раскраснѣвшаяся отъ радостнаго волненія, то порхала по комнатѣ, то подбѣгала къ мужу и склонялась на его плечо, чтобы посмотрѣть, что онъ пишетъ. По просьбѣ Льюисгэма она принесла ему конверты, лежавшіе на комодѣ.

— Ты настоящая жена-помощница!—воскликнулъ Льюисгэмъ, откидываясь на спинку стула.—Я чувствую, что для такой женушки я сдѣлаю все—все на свѣтѣ!

— *Въ самомъ дѣлѣ!* Серьезно? Я помогаю тебѣ?

Лицо и жестъ Льюисгэма выразили энергическое подтвержденіе. Молодая женщина тихонько вскрикнула отъ восторга, постояла минуту и, какъ бы желая выразить на практикѣ свое полное желаніе и готовность помочь, обѣжала кругомъ стола съ протянутыми руками, чтобы броситься въ его объятія.

— Милый мой!

Льюисгэмъ, уже обнимая её за талію одной рукой, другой отодвинулъ стулъ, чтобы она могла сѣсть къ нему на колѣни...

Кто могъ бы усомниться въ томъ, что она помогала ему?

XXV.

Первая битва.

Поиски Льюисгэма вечернихъ занятій и частныхъ уроковъ были, по существу, временной мѣрой, могущей способствовать лишь временному пополненію бюджета. Старанія же упрочить за собой болѣе постоянный источникъ дохода обнаруживали въ немъ претензіи, не соотвѣтствующія его даннымъ. На мѣсто профессора въ Мельбурнѣ онъ, конечно, претендовать не могъ; многое также могло помѣшать вступленію его преподавателемъ въ Итонскую Коллегію. Вначалѣ онъ былъ склоненъ считать южно-кентингтонскихъ студентовъ интеллектуальною солью земли, преувеличивать обиліе „приличныхъ мѣстъ“ съ жалованьемъ отъ полутораэта до трехсотъ фунтовъ въ годъ и презирать конкуренцію такихъ низшаго разряда учреждений, какъ университеты Оксфордскій и Кембриджскій и учебныя заведенія на сѣверѣ. Но агенты по приисканію преподавательскихъ мѣстъ, къ которымъ онъ

обратился въ слѣдующую субботу безъ лишнихъ словъ очень скоро разочаровали его.

Главный ассистентъ м-ра Блендершипа въ маленькой грязной конторѣ въ Оксфордъ-стритъ такъ энергично раскрылъ ему глаза, что Льюисгэмъ разсердился.—Вы, можетъ быть, желаете мѣсто директора въ государственной школѣ?—ядовито освѣдомился ассистентъ м-ра Блендершипа. Боже мой! почему бы ужъ не одѣлать васъ прямо епископомъ? Послушайте-ка!—обратился онъ къ своему патрону, только что вошедшему съ сигарой въ зубахъ.—Двадцать одинъ годъ, ни ученой степени, ни знанія игръ, два года практики въ качествѣ младшаго класснаго наставника—желаетъ получить мѣсто директора въ государственной школѣ!

Онъ говорилъ такъ громко, что другіе кліенты, ожидавшіе въ приемной, не могли не услышать, и при каждомъ словѣ тыкалъ перомъ въ сторону Льюисгэма.

— Послушайте! — запальчиво возразилъ Льюисгэмъ;—еслибъ я зналъ условія и обычаи рынка, я не обратился бы къ вамъ.

М-ръ Блендершипъ съ минуту разглядывалъ Льюисгэма, потомъ спросилъ ассистента:

— Какіе у него аттестаты?

Тотъ прочелъ списокъ балловъ за успѣхи въ разныхъ *логіяхъ* и *графіяхъ*.

— Пятьдесятъ, на всемъ готовомъ,—рѣшительно объявилъ м-ръ Блендершипъ;—вотъ на что вы можете рассчитывать. Если повезетъ—шестьдесятъ.

— *Что такое?*—вскричалъ м-ръ Льюисгэмъ.

— Вамъ этого недостаточно?

— Слишкомъ недостаточно.

— За восемьдесятъ можно имѣть кембриджца съ ученою степенью—и еще благодаренъ будетъ.

— Но я не хочу мѣста интерна.

— Мѣстъ приходящихъ наставниковъ очень мало. Чрезвычайно мало. Нуженъ надзоръ за воспитанниками въ дортуарахъ;—и притомъ съ экстернами опасно: вдругъ они вздумаютъ вѣтренничать гдѣ-нибудь на сторонѣ.

— Вы ужъ не женаты-ли, чего добраго?—вдругъ спросилъ ассистентъ, внимательно взглянувъ въ лицо Льюисгэма.

— Т-то есть...—такъ сказать... Да, женатъ.

Ассистентъ выругался себѣ подъ носъ непечатнымъ словомъ.

— Ну, батюшка мой, это вамъ придется скрывать,—сказалъ м-ръ Блендершипъ.—Трудненько вамъ будетъ сыскать мѣстечко—трудненько! Я бы на вашемъ мѣстѣ подождать

до диплома, благо ужъ немного осталось. Съ дипломомъ-то оно легче...

Пауза.

— Дѣло въ томъ,—тихо выговорилъ Льюисгэмъ, глядя на носки своихъ сапогъ,—что мнѣ нужно дѣлать что-нибудь теперь, чтобы дожидаться диплома.

Ассистентъ тихонько присвистнулъ.

— Можетъ, и наклонется какое-нибудь мѣстечко экстерна,—раздумчиво молвилъ м-ръ Блендершипъ, что-то соображая.—Прочитайте-ка мнѣ еще разъ, что тутъ написано въ листкѣ, Бинксъ.—Онъ слушалъ внимательно.—Э! что такое? Противъ религіознаго обученія?—онъ жестомъ остановилъ читавшаго.—Это вадоръ. Нельзя, знаете, требовать, чтобы все было по вашему. Вычеркните это. Вы не получите мѣста ни въ одной изъ среднихъ школъ Англіи, если вы противъ религіознаго обученія. Маменьки—прости Господи!—сѣбли бы васъ. Вы лучше и не заикайтесь объ этомъ. Не вѣрьте—кто нынче вѣритъ? Сотни такихъ, какъ вы,—сотни! Священники,—всѣ! Но говорить объ этомъ нельзя.

— А если спросять?

— Скажите: англиканской церкви. У насъ всякій, кто не диссидентъ, принадлежитъ къ англиканской церкви. Безъ этого вамъ очень трудно будетъ получить какое бы то ни было мѣсто.

— Но...—началъ м-ръ Льюисгэмъ,—это будетъ ложь.

— Вполнѣ законная. Это всякій пойметъ. Если вы на это несогласны, милѣйшій юноша, мы ничего не можемъ сдѣлать для васъ. Остается журналистика или лондонскіе доки. Принимая въ расчетъ вашу малую опытность, скажемъ—доки.

Льюисгэмъ покраснѣлъ пятнами и не отвѣтилъ. Онъ усиленно щипалъ и дергалъ себя за усы—увы! далеко еще не густые.

— Компромиссы.—молодой человѣкъ, — компромиссы! — вздохнулъ м-ръ Блендершипъ, участливо наблюдая за нимъ,—безъ этого невозможно.

Въ первый разъ въ жизни Льюисгэмъ очутился лицомъ къ лицу съ необходимостью произнести сознательную ложь. Онъ быстро соскользнулъ по наклонной плоскости съ суровыхъ высотъ самоуваженія, и послѣдующія слова его уже были недобросовѣстными.

— Я не обещаю вамъ, что я солгу, если меня спросятъ. Этого я не могу обѣщать.

— Вычеркните этотъ пунктъ, — обратился Блендершипъ къ клерку.—Вамъ объ этомъ просто не надо упоминать. Затѣмъ, вы не говорите, что можете учить рисованію.

— Да я и не могу.

— Давайте имъ срисовывать переснятыя копии и смотрите, чтобы они не увидали, какъ вы рисуете!

— Но вѣдь это не значить учить рисованію!

— У насъ это понимается именно такъ. Не забивайте себѣ головы педантизмомъ—это гибель для преподавателя. Поставьте рисованіе. Затѣмъ—скоропись...

— Ну, вотъ еще!

— Скоропись, французскій языкъ, бухгалтерія, коммерческая географія, землемѣріе...

— Но я не могу преподавать ни одного изъ этихъ предметовъ!

— Послушайте, — началъ Блендершипъ и сдѣлалъ эффектную паузу. — У васъ, или у вашей жены есть состояніе?

— Нѣтъ.

— Ну?

Новая пауза и паденіе еще на одну ступень ниже, причемъ, однако, пришлось натолкнуться на препятствіе.

— Но вѣдь меня поймають,—сказалъ Льюисгэмъ.

Блендершипъ засмѣялся.

— Здѣсь, знаете, требуется не столько знаніе предмета, сколько готовность учить. А начальство васъ не поймаетъ, будьте благонадежны. Тѣ завѣдующіе школами, съ которыми мы обыкновенно имѣемъ дѣло, не способны уличить. Они сами не могутъ преподавать ни одного предмета изъ вышеназванныхъ и потому думаютъ, что и никто другой этого не можетъ. Вы будете говорить съ ними о педагогикѣ; они будутъ говорить о практическомъ опытѣ. Но въ программѣ заведенія все это стоитъ, а потому они желаютъ, чтобы оно стояло и въ росписаніи. Нѣкоторые изъ этихъ предметовъ... Взять, напримѣръ, коммерческую географію. Что такое коммерческая географія?

— Морской укропъ, — сказалъ ассистентъ, грызя кончикъ пера, и задумчиво прибавилъ: — И чортъ его знаетъ, что еще.

— Чепуха!—объявилъ Блендершипъ.—Сушная чепуха! Газеты болтають вздоръ о коммерческомъ образованіи. Герцогъ Девонширскій начитался ихъ и принялся болтать то-же, увѣряя, будто онъ самъ это выдумалъ—очень *ему* надо! Родители рады придратъся къ случаю; завѣдующимъ пришлось включить это въ программу, ну, значить, и учителямъ полагается знать. Вотъ вамъ и вся недолга!

— Ладно!—сказалъ Льюисгэмъ, чуть не захлебываясь отъ стыда.—Пишите все, что хотите. Только помните, чтобы мнѣ не жить, а быть проходящимъ.

— Ну,—сказалъ Блендершипъ,—можетъ быть, аттестатъ

васъ и вывезетъ. Но я васъ предупреждаю, это дѣло трудное. Въ какойнибудь приготовительной школѣ, можетъ, и найдется мѣстечко. Ну, кажется, больше разговаривать не о чемъ. Запишите вашъ адресъ...

Ассистентъ издалъ странный звукъ нѣчто среднее между „фью“ и „фи“. *) Блендершипъ посмотрѣлъ на Льюисгэма и неувѣренно кивнулъ головой.

— За внесене въ книгу — полкроны, — объявилъ ассистентъ. — На почтовые расходы — впередъ полкроны.

Но Льюисгэмъ помнилъ совѣты, преподанные ему Дункерлеемъ еще въ Вортлейской школѣ. Съ минуту онъ колебался, потомъ объявилъ:

— Нѣтъ, впередъ платить я не стану. Если вы достанете мнѣ мѣсто, вы получите коммисіонныя; если нѣтъ...

— Мы потеряемъ, — подсказалъ ассистентъ.

— Такъ оно и слѣдуетъ. Здѣсь игра чистая.

— Жительство имѣете въ Лондонѣ? — освѣдомился Блендершипъ.

— Да, — сказалъ клеркъ.

— Хорошо. Почтовыхъ расходовъ мы съ васъ не возьмемъ. Разумѣется, теперь мертвый сезонъ, такъ что вы особенно ничего не ждите. Бываютъ случаи, что на пасху мѣняють учителей... Больше ничего... Есть тамъ еще ктонибудь, Бинксъ?

Гг. Маскелинъ, Смитъ и Трумсъ были агентами болѣе высокаго полета, чѣмъ Блендершипъ, вѣдавшій частныя учрежденія низшаго разряда и дешевыя общественныя школы.

Гг. Маскелинъ, Смитъ и Трумсъ были о своемъ агентствѣ такого высокаго мнѣнія, что вначалѣ даже отказались внести въ свои списки Льюисгэма, чтѣ, понятно, страшно обозлило послѣдняго. Онъ добился интервью съ молодымъ человѣкомъ, одѣтымъ и выразившимся съ обидной корректностью и во все время бесѣды не сводившимъ глазъ съ гуттаперчеваго воротничка нашего героя.

— Едва-ли вы намъ подойдете, — сказалъ онъ, и подвинулъ къ Льюисгэму разграфленный листокъ, который нужно было заполнить. — Мы имѣемъ дѣло по большей части съ учебными заведеніями высшаго разряда и хорошими подготовительными школами.

Пока Льюисгэмъ заполнялъ листокъ разными *логіями* и *графіями*, въ комнату вошелъ молодой человѣкъ съ наружностью герцога и дружески поздоровался съ корректнымъ молодымъ человѣкомъ. То былъ также искатель мѣста. Льюисгэмъ, хоть и не поднималъ головы отъ бумаги, успѣлъ

*) Игра словъ: «Fee» — по-англійски значить: вознагражденіе, плата.

разглядѣть, что на его соперникъ по профессіи былъ длинный сюртукъ, лакированные сапоги и великолѣпнѣйшія сѣрые панталоны. Его понятіе о конкуренціи сразу расширилось. Корректный молодой человекъ глазами указалъ новоприбывшему на гуттаперчевый воротничекъ Льюисгэма; тотъ, вмѣсто отвѣта, пожалъ плечами и слегка скривилъ губы.

— Я получилъ отвѣтъ отъ директора изъ Касльфорда, — пріятнымъ баритономъ сообщилъ новоприбывшій. — Что это, сколько-нибудь порядочный господинъ?

Пока они обсуждали достоинства и недостатки Касльфордскаго директора, Льюисгэмъ подалъ свой листокъ, и корректный молодой человекъ, все еще не сводя глазъ съ гуттаперчеваго воротника, взялъ этотъ листокъ съ видомъ человека, собирающагося перепрыгнуть черезъ пропасть.

— Сомнѣваюсь, чтобы мы могли что-нибудь сдѣлать для васъ, — повторилъ онъ снова. — Можетъ быть, найдется свободное мѣстечко преподавателя англійскаго языка. Наукъ въ *нашихъ* школахъ, знаете ли, не придають особеннаго значенія. Главное — классики и хорошее знаніе игръ — вотъ, что намъ нужно.

— Такъ-съ, — сказалъ Льюисгэмъ.

— Хорошее знаніе игръ, хорошія манеры и все прочее, знаете, въ этомъ родѣ.

— Такъ-съ.

— Вы не изъ народной-ли школы? — освѣдомился корректный молодой человекъ.

— Нѣтъ.

— Гдѣ же вы изволили воспитываться?

Льюисгэмъ вспыхнулъ.

— Развѣ это имѣетъ значеніе? — спросилъ онъ, не отводя глазъ отъ дивныхъ сѣрыхъ панталонъ.

— Для *нашихъ* школъ — несомнѣнно. Это, знаете-ли, вопросъ тона.

— Такъ-съ, — протянулъ Льюисгэмъ, начиная соображать, какія новыя препятствія встали у него на пути. Его непосредственнымъ импульсомъ было поскорѣе уйти, чтобы не чувствовать на себѣ взгляда элегантно одѣтаго молодого учителя. — Вы дадите знать, я полагаю, если у васъ найдется что-нибудь для меня? — обратился онъ, уже на ходу, къ корректному молодому человеку. Тотъ поспѣшилъ отвѣтить утвердительно и раскланяться.

— Часто у васъ попадаютъ такіе субъекты? — спросилъ извѣстно одѣтый молодой человекъ по выходѣ Льюисгэма.

— Довольно часто. Только все-таки, знаете, сортомъ выше. Этотъ резиновый воротничекъ! — не замѣтили? Уфъ! И это „такъ-съ“. И эта хмурая физіономія, мѣшковатость!.. Само

собой, приличнаго платья у него нѣтъ, онъ способенъ и на новое мѣсто явиться съ однимъ тощенькимъ чемоданчикомъ. Но теперь такіе господа да еще надзиратели въ пансіонахъ проникаютъ всюду. Не далѣе какъ на дняхъ у меня былъ Роутонъ.

— Неужто Пиннерскій Роутонъ?

— Да Пиннерскій. И потребовалъ, чтобъ я рекомендовалъ ему кого-нибудь въ этомъ родѣ. „Мнѣ“, говорить, „нужно такого, чтобъ могъ учить ариѳметикѣ“.

Онъ засмѣялся. Изящно одѣтый молодой человѣкъ задумчиво разглядывалъ набалдашникъ своей трости.—*Такой*, замѣтилъ онъ, все равно тамъ не уживется. Если онъ попадетъ въ порядочную школу, его будутъ на каждомъ шагѣ рѣзать приличные учителя.

— Ну, я думаю, *такіе* господа слишкомъ толстокожи, чтобы страдать отъ этого,—возразилъ агентъ.—Это новый типъ. Южный Кенсингтонъ и политехникумы нынче выпускаютъ ихъ тысячами...

Льюисгэмъ забылъ даже свое негодованіе по поводу необходимости приписывать себѣ вѣрованія, которыхъ у него не было, при этомъ новомъ открытіи необходимости для учителя быть прилично одѣтымъ. Идя далѣе, онъ заглядывалъ въ каждое окно, сколько нибудь отражавшее его фигуру. Нѣтъ спора, *его* панталоны далеко не элегантны; они прегнусно отгибаются у сапогъ и висятъ мѣшкомъ воалѣ колѣнъ, а сапоги его не только изношены и безобразны, но еще и прескверно вычищены. Рукава его куртки слишкомъ коротки, и кисти рукъ преглупо торчатъ наружу; кромѣ того, онъ замѣтилъ, что обшлага его куртки отогнуты очень несимметрично, а красный галстухъ плохо завязанъ и сбился на бокъ. И потому этотъ резиновый воротничекъ! Онъ весь лоснится, выпѣлъ и вдругъ ни съ того ни съ сего сталъ липнуть къ шеѣ. Что, еслибъ у него былъ приличный костюмъ? Онъ сталъ соображать, сколько можетъ стоить полная экипировка. Такія сѣрые панталоны, какія онъ видѣлъ сегодня на учителяхъ, врядъ-ли можно купить дешевле, чѣмъ за шестнадцать шиллинговъ, да куртку будетъ стоить на худой конецъ сорокъ—а можетъ, и больше. Онъ зналъ, что хорошее платье стоитъ дорого. Постоявъ у дверей моднаго магазина, онъ вернулся назадъ. Нѣтъ, объ этомъ и думать нечего. Онъ перешелъ черезъ Лейстеръ-скверъ и пошелъ далѣе по Бедфордъ-стритъ, ненавидя всѣхъ попадавшихся ему навстрѣчу хорошо одѣтыхъ мужчинъ.

Гг. Данксъ и Уимборнъ занимали контору въ родѣ банкирской, воалѣ Чансери-Лэнъ. Здѣсь ему, безъ всякихъ разговоровъ, подали листокъ для заполнения. На первомъ мѣстѣ

стояло: „Вѣроисповѣданія“. Льюисгэмъ подумалъ и написалъ: „Англиканской церкви“.

Затѣмъ онъ отправился въ Педагогическій Совѣтъ въ Холборнѣ. Педагогическій Совѣтъ предсталъ передъ нимъ въ лицѣ длиннородаго, плотнаго, добродушнаго господина, съ тоненькой золотой цѣпочкой и пухлыми руками. У него были золотыя очки и ласковое, симпатичное обращеніе, много способствовавшее исцѣленію раненой души Льюисгэма. Онъ самъ занесъ въ списокъ всѣ „логи“ и „графіи“, любезно изумляясь ихъ обилію.

— Вамъ бы слѣдовало,—замѣтилъ онъ,—получить одинъ изъ нашихъ дипломовъ. Вамъ это было бы совсѣмъ не трудно. Конкурса нѣтъ. Но есть преміи—нѣсколько премій денежныхъ.

Льюисгэмъ не замѣтилъ, что его воротничекъ и здѣсь привлекъ вниманіе на этотъ разъ сочувствующаго наблюдателя.

— У насъ читаются различные предметы по курсамъ; кромѣ того, мы экзаменуемъ по теоріи и практикѣ воспитанія. Въ здѣшнихъ мѣстахъ только при нашемъ Совѣтѣ и есть экзамены по теоріи и практикѣ воспитанія для преподавателей въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. И такъ мало желающихъ экзаменоваться! Все больше гувернантки. Мужчины предпочитаютъ воспитаніе съ помощью кулака и линейки. Это характерно для Англіи—царство кулака въ педагогикѣ. Говорить объ этомъ, разумѣется, бесполезно, но такъ это не пройдетъ; что нибудь случится — и что нибудь непріятное—если и впредь будетъ продолжаться то же. Въ Америкѣ школьное дѣло поставлено гораздо лучше,—и въ Германіи тоже. Я говорю это, конечно, только вамъ, вообще, объ этомъ говорить не годится. Тутъ многое надо принять въ расчетъ. Хотя... А вы всетаки хорошо бы сдѣлали, если бы получили у насъ дипломъ и вошли бы, такъ сказать, въ составъ дѣйствующей арміи. Впрочемъ, это ужъ я заглядываю впередъ.

Онъ засмѣялся, какъ бы извиняясь за то, что у него есть маленькая слабость—заглядывать впередъ. Затѣмъ, оставивъ отвлеченныя темы, онъ перешелъ къ подробностямъ относительно дипломовъ и другимъ способамъ получить занятія.

— Есть, разумѣется, частные уроки. Вы не отказались бы позаняться съ отсталымъ? Къ намъ обращаются иногда съ просьбой рекомендовать приходящаго учителя. По большей части, въ школы для дѣвочекъ. Но это, знаете, для людей постарше васъ—для женатыхъ.

— Я женатъ,—сказалъ Льюисгэмъ.

— Э! Что такое?—удивился Педагогическій Совѣтъ.

— Я женатъ,—повторилъ Льюисгэмъ.

— Удивительно! — съ важностью произнесъ Педагогическій Совѣтъ, разглядывая Льюисгэма сквозь золотыя очки. — Удивительно! Я больше чѣмъ вдвое старше васъ и не женатъ. Двадцать одинъ годъ! Вы—вы давно женаты?

— Нѣсколько недѣль.

— Поразительно! Весьма—весьма интересно! По истинѣ!.. Ваша супруга, должно быть, очень мужественная молодая особа... Извините меня! Знаете ли... Вамъ будетъ очень трудно завоевать себѣ положеніе. Впрочемъ—это, конечно, дѣлаетъ васъ пригоднымъ для преподаванія въ школахъ для дѣвицъ. Это-то да. До извѣстной степени, *это*—да.

Послѣ признанія насчетъ женитьбы Педагогическій Совѣтъ, видимо, преисполнился уваженія къ Льюисгэму, и тому это было чрезвычайно пріятно. Но послѣ посѣщенія агентствъ Медицинскаго, Школьнаго и Клерикальнаго, находящихся у Ватерлооскаго моста, онъ опять упалъ духомъ и рѣшилъ идти домой. Еще задолго до конца пути онъ почувствовалъ усталость, и его простодушная гордость по поводу того, что онъ женатъ и ведетъ дѣятельную борьбу съ несочувствующимъ ему міромъ, исчезла. Уступка, сдѣланная имъ въ области религіозныхъ вопросовъ, оставила въ его душѣ ѣдкую горечь; мысль о костюмѣ была прямо-таки мучительна. Онъ еще не дошелъ до яснаго и опредѣленнаго сознанія того факта, что его рыночная цѣна не выше ста фунтовъ въ годъ, но это убѣжденіе мало-по-малу укоренялось въ его умѣ.

День былъ сѣренькій, пасмурный; дулъ холодный вѣтеръ; въ одномъ изъ сапогъ гвоздь вылѣзъ наружу и кололъ пятку, поневолѣ обращая на себя вниманіе Льюисгэма. Ему назойливо лѣзли на память послѣдніе промахи и неудачные отвѣты на экзаменъ ботаники, о которыхъ онъ все это время старался не думать. Въ первый разъ со времени его женитьбы его охватило предчувствіе неудачи.

Придя домой, онъ хотѣлъ сразу усѣсться въ маленькое скрипучее кресло у камина, но Этель помѣшала ему. Она выскочила изъ-за стола, на которомъ стояла только что купленная пишущая машинка, и кинулась къ нему съ распростертыми объятіями, восклицая:

— О, какъ я соскучилась безъ тебя!

Онъ пропустилъ мимо ушей комплиментъ, заключавшійся въ этомъ возгласѣ.

— *Мнѣ* было не такъ ужъ весело, чтобы ты могла жаловаться,—возразилъ онъ новымъ для нея тономъ. Онъ высвободился изъ ея объятій и сѣлъ. Потомъ, замѣтивъ выраженіе ея лица, сказалъ, какъ бы въ видѣ извиненія:

— Я немножко усталъ. И этотъ проклятый гвоздь въ сапогѣ накололъ мнѣ ногу. Надо будетъ его забить. Утомитель-

ная исторія шляться по этимъ агентамъ, но все же лучше было повидать ихъ. Ну, а ты какъ себя чувствуешь?

— Отлично. Но ты, дѣйствительно, усталъ. Мы напьемся чаю. И—позволь мнѣ снять съ тебя сапогъ, милый. Да, да, я сниму.

Она позвонила, выбѣжала изъ комнаты, на лѣстницѣ приказала подавать чай, притащила изъ спальни невзрачный коврикъ и принялась расшнуровывать сапогъ. Настроение духа Льюисгэма моментально измѣнилось. — Молодчина ты у меня, Этель!—объявилъ онъ.—Ей Богу, молодчина!—Когда одинъ сапогъ былъ снятъ, онъ наклонился и поцѣловалъ ее въ ушко. Она бросила расшнуровывать другой сапогъ и началась взаимныя нѣжности...

Черезъ десять минутъ онъ сидѣлъ уже въ туфляхъ, съ чашкой чаю въ рукѣ, а Этель, прикурнувъ на коврикѣ у его ногъ, причемя свѣтъ отъ камина падалъ ей прямо въ лицо, рассказывала ему, что сегодня она получила отвѣтъ на свою публикацію въ *Athenaeum*'ѣ.

— Хорошо, что получила,—сказалъ Льюисгэмъ.

— Отъ романиста,—съ нѣкоторой гордостью пояснила его жена, подавая ему письмо.—Лука Гольдернессъ, авторъ „Горилла Грѣха“ и другихъ романовъ.

— Клиентъ первый сортъ, — не безъ зависти замѣтилъ Льюисгэмъ, наклоняясь впередъ, чтобы при свѣтѣ камина прочесть письмо.

Оно было написано красивымъ круглымъ почеркомъ и на хорошей бумагѣ, какую, надо полагать, употребляютъ романисты.—„Милостивая государыня“,—говорилось въ письмѣ,—„я намѣренъ прислать вамъ, заказнымъ письмомъ, рукопись трехтомнаго романа. Въ немъ около 20,000 словъ, — но вы должны будете сосчитать ихъ точно“.

— Какъ же это сосчитать—я и не знаю,—озабоченно замѣтила Этель.

— Ничего, я покажу тебѣ,—успокоилъ ее мужъ.—Это совсемъ не трудно. Надо сосчитать слова на трехъ-четырехъ страницахъ, найти среднее и помножить.

„Но, разумѣется, прежде чѣмъ передать въ ваши руки мое произведеніе, я долженъ имѣть достаточныя гарантіи въ томъ, что вы не злоупотребите моимъ довѣріемъ, и что ваше исполненіе окажется на надлежащей высотѣ“.

— О! вотъ это скверно!

„А потому я долженъ просить Васъ представить мнѣ рекомендаціи“...

— Чертовски неудобно!—вскричалъ Льюисгэмъ. — Этотъ осель, Леганъ, навѣрное... Но что это?—„Или, въ случаѣ не-

имѣнія таковыхъ, залогъ"... Это, по моему, разумное требованіе.

Къ тому же, требуемый залогъ былъ такъ невеликъ—всего одна гинея. Если бы даже нашъ герой отнесся и болѣе подозрительно къ письму романиста, видъ оживленной, радостной Этели, стремящейся къ самостоятельному труду, заставилъ бы его отбросить сомнѣнія.

— Пошлемъ ему чекъ—пусть видитъ, что у насъ есть деньги въ банкъ,—сказалъ Льюисгэмъ; онъ еще такъ недавно положилъ деньги въ банкъ, что не разучился гордиться этимъ.—Пошлемъ ему чекъ. Онъ тогда совсѣмъ успокоится.

Въ тотъ же вечеръ по отправленіи чека на гинею, супруги получили еще одно утѣшительное извѣстіе отъ гг. Данкса и Цимборна,—прескверно литографированное оповѣщеніе о вакантныхъ мѣстахъ. Все это были мѣста интерновъ, такъ что Льюисгэмъ принять ихъ не могъ; тѣмъ не менѣе литографированный листокъ принесъ съ собой бодрящую увѣренность въ томъ, что въ мірѣ нѣтъ застоя, все движется и мѣняется, открывая новыя шансы и перспективы для осаждающихъ міръ. Затѣмъ Льюисгэмъ принялся пересматривать свои прошлогоднія записки по зоологіи, по временамъ отрываясь отъ дѣла, чтобы приласкать Этель. Теперь, когда ботаника не вывезла, оставалась одна надежда—на зоологію; можетъ быть, она поможетъ ему получить медаль Форбса. Этель принесла изъ сосѣдней комнаты свою лучшую шляпу чтобы нѣсколько измѣнить отдѣлку. Она усѣлась въ маленькое кресло у камина, а Льюисгэмъ, разложивъ передъ собою бумаги и книги, присѣлъ къ столу. Расположивъ по другому васильки, она взглянула на мужа и замѣтила, что онъ не читаетъ, а смотритъ, не отрываясь, въ одну точку на ска-терти, и что глаза его страшно печальны. Она забыла о василькахъ и уставилась на него.

— Пенни за твои мысли.

Льюисгэмъ вздрогнулъ и поднялъ голову.

— А? что такое?

— Почему у тебя такой убитый видъ?

— Развѣ у меня убитый видъ?

— О, да! И злой!

Я только что думалъ, что я бы не прочь утопить или сварить въ кипяткѣ какогонибудь епископа.

— Дорогой мой!

— Они отлично знаютъ, что то, противъ чего они ополчаются—невѣріе не есть ни безуміе, ни грѣховность, и не приносить особеннаго вреда другимъ; отлично знаютъ, что можно быть чистымъ, какъ ясный день, и правдивымъ—словомъ, порядочнымъ человѣкомъ во всѣхъ отношеніяхъ—и не

вѣрить въ то, что они проповѣдуютъ. И знаютъ, что стоитъ только поступиться немного своей честью, чтобы притвориться вѣрующимъ во что угодно. Во что угодно! Но они ни за что въ этомъ не признаются. Они, кажется, рады были бы, еслибы у всѣхъ людей притупилось понятіе о чести и совѣсти. Будь только человѣкъ богатъ, они будутъ подличать и пресмыкаться передъ нимъ безъ конца, хотя бы онъ смѣялся надъ всѣмъ, чему они учатъ. Они готовы принимать золотые сосуды на алтарь отъ мошенниковъ и получать доходы съ непотребныхъ домовъ. Но если человѣкъ бѣденъ и не притворяется вѣрующимъ въ то, во что многіе изъ нихъ сами не вѣрятъ, они пальцемъ не шевельнутъ, чтобы помочь ему бороться съ невѣжествомъ ихъ послѣдователей. Относительно этого твой вотчимъ былъ совершенно правъ. Они знаютъ, какъ обстоитъ дѣло, знаютъ, что большинство лгутъ и обманываютъ, но имъ это все равно. Да и можетъ-ли быть иначе? Они вѣдь успѣли убить въ себѣ совѣсть. Они отбросили стыдъ—почему же намъ не слѣдовать ихъ примѣру!

Избравъ епископовъ козлами отпущенія за свой позоръ, Льюисгэмъ такъ увлекся, что готовъ былъ приписать ихъ проискамъ даже появленіе гвоздя въ своемъ сапогѣ.

М-ссъ Льюисгэмъ была, повидимому, изумлена. Она угадывала направленіе его мыслей.

— Неужели...—начала она и понизила голосъ:—Неужели ты—*невѣрующій*?

Льюисгэмъ угрюмо кивнулъ головой.

— А ты развѣ нѣтъ?

— О нѣтъ!

— Но ты вѣдь не ходишь въ церковь; ты не...

— Не хожу. И все-таки я не невѣрующая.

— Такъ ты христіанка?

— Я полагаю.

— Но христіане... Во что же ты вѣришь?

— О! говорить правду, поступать хорошо, не обижать другихъ, не вредить имъ и все такое.

— Это не значить быть христіаниномъ. Христіанинъ тотъ, кто вѣритъ.

— А по моему, именно это и значить быть христіаниномъ.

— О! въ такомъ случаѣ всякій человѣкъ—христіанинъ. Всѣ мы думаемъ, что хорошо поступать—хорошо и худо поступать—дурно.

— Но не всѣ такъ дѣлаемъ,—возразила м-ссъ Льюисгэмъ, снова принимаясь за васьилки.

— Нѣтъ,—сказалъ Льюисгэмъ, нѣсколько сбитый съ толку

этой женской манерой спорить.—Не всё такъ дѣлають, разумѣется.

Съ минутой онъ пристально глядѣлъ на нее—она склонила головку немного на бокъ и соображала, хорошо ли приколотъ букетъ;—всѣ мысли его были заняты этимъ новымъ и страстнымъ открытіемъ. Онъ какъ-будто хотѣлъ что-то сказать, но раздумалъ и вернулся къ своимъ замѣткамъ.

Скоро онъ опять уже глядѣлъ, не отрываясь, въ одну точку на скатерти.

На слѣдующій день м-ръ Лука Гольдернессъ получилъ чекъ на гинею. Нѣкоторое время онъ внимательно вглядывался въ подпись и что-то соображалъ, затѣмъ взялъ перо и чернила и осторожно переправилъ небрежно написанную Льюисгэмомъ цифру 1 на 5, послѣ чего тщательно занялся своимъ туалетомъ, чтобы придать своей довольно подозрительной физиономіи болѣе благообразный и внушающій довѣріе видъ.

Немного погодя, онъ вышелъ изъ дому, высокій, тощій, съ изсиня-блѣднымъ, какъ у трупа, лицомъ, съ длинными черными волосами, въ полу-клерикальномъ одѣяніи, прискорбно порывѣвшемъ отъ времени. Онъ проявилъ въ своихъ дѣйствіяхъ большую осторожность и разсудительность. Онъ понесъ чекъ не прямо въ банкъ, а бакалейщику, которому былъ долженъ. Бакалейщикъ отнесся къ нему подозрительно.

— Снесите это въ банкъ, если вы сомнѣваетесь,—сказалъ м-ръ Лука Гольдернессъ,—пусть тамъ размѣняютъ. Я самъ не знаю, что это за господинъ и кто онъ такой. Можетъ быть, онъ и мошенникъ—почемъ я знаю. Я не могу отвѣчать за него. Снесите въ банкъ и увидите. Я подожду. Я найду черезъ нѣсколько дней.

— Все въ порядкѣ, не правда ли?—небрежно освѣдомился м-ръ Лука Гольдернессъ, зайдя въ бакалейную лавку два дня спустя.

— Въ полномъ порядкѣ, сэръ,—почтительно подтвердилъ бакалейщикъ, подавая ему четыре фунта, тринадцать шиллинговъ и 6 пенсовъ.

М-ръ Лука Гольдернессъ, передъ тѣмъ необыкновенно внимательно разглядывавшій разныя деликатесы, разложенныя на прилавкѣ, вдругъ оживился и купилъ банку консервовъ изъ лососины. Онъ вышелъ изъ лавки, зажимая остальные деньги въ рукѣ, такъ какъ карманы его платья были слишкомъ стары и не внушали довѣрія. По пути домой онъ купилъ свѣжую булку, отъ которой, едва выйдя изъ булочной, откусилъ большой кусокъ и все время жевалъ его, пока

пель. Кусокъ былъ такъ великъ, что жующій его ротъ по-минутно кривился, принимая самыя безобразныя формы. Онъ глоталъ съ усиленіемъ, каждый разъ при этомъ вытягивая шею. Глаза его выражали животное удовольствіе. Заворачивая за уголь Джедь-Стрита, онъ опять откусилъ кусокъ булки и скрылся изъ виду. Такъ Льюисгэмы больше о немъ и не слыхали.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВЪ ГЛУШИ.

Вновь дряхлый міръ плѣнительнымъ нарядомъ
Украсила волшебница весна...

Увы, равно тоски смертельнымъ ядомъ
 Больная грудь моя полна!

Пѣснь соловья смѣнила пѣсни вьюги,
Тепло, свѣтло въ поляхъ и на лугу,
Но грустно мнѣ! Досадливой подруги,
Кручины злой, избыть я не могу.

Не веселья съ друзьями въ день погожій,
Не радуюсь одинъ въ ненастный день...
Что для меня ликующій міръ Божій,

Чужой толпы борьба, и трудъ и лѣнь,
Когда я здѣсь заблудшійся прохожій,
 Безслѣдно тающая тѣнь?!

С. Травиновъ.

Желѣзная дорога къ священному городу мусульманскаго міра.

Бокль въ своей „Исторіи цивилизаціи Англіи“ утверждаетъ, что по степени уваженія къ военнымъ людямъ и ко всему военному, можно судить объ уровнѣ развитія общества или государства. Но съ еще большею увѣренностью можно сказать, что между просвѣщеніемъ общества и уваженіемъ, которое оно оказываетъ паломникамъ въ св. мѣста, существуетъ такое же обратное отношеніе.

Нигдѣ паломникъ не пользуется такимъ уваженіемъ, какъ въ Турціи, среди мусульманъ. Вслѣдствіе этого мусульманинъ, посѣтившій Макку (Мекку), или „Хажжъ“, становится нестерпимо кичливымъ и гордымъ. Онъ надѣваетъ зеленую чалму и уже считаетъ себя правоспособнымъ поучать невѣжественныхъ, не бывавшихъ въ св. городѣ людей. Подвигъ посѣщенія Макки записывается даже на надгробномъ памятникѣ покойнаго въ назиданіе потомству.

И не только общество, но и государство уважаетъ паломника. Турція ежегодно организуетъ стражу для паломническихъ каравановъ по пустынной дорогѣ въ Макку. Съ караваномъ посылаются много солдатъ и жандармовъ и сотни верблюдовъ и муловъ для всякой поклажи. На паломничество ежегодно тратится довольно большая сумма денегъ... Очевидно, паломничество считается дѣломъ не только личной, но и государственной необходимости.

Дамаскъ является главнымъ центромъ, откуда ежегодно отправляются большіе караваны въ Макку. Изъ Алеппо, Бухары, Персіи, Багдада, даже изъ странъ Европы сюда стекается масса мусульманъ. Въ пятый день послѣ „Рамазана“ *), въ Дамаскѣ происходитъ церемонія отправленія каравана.

Въ настоящемъ году торжество это состоялось 15-го января. Часовъ въ 8^{1/2} утра мы вышли изъ дому. Дамаскъ былъ пустъ,

*) 9-й мѣсяцъ мусульманскаго года.

даже длинный базаръ безмолствовалъ. Всѣ лавки были заперты. Городъ точно передъ нашествіемъ непріятеля или передъ заранѣе извѣстнымъ землетрясеніемъ былъ покинутъ жителями. Только собаки глухо рычали подъ сводами базаровъ и въ узкихъ переулкахъ. Вся жизнь Дамаска сосредоточилась на длинной улицѣ Миданъ *), которая была буквально запружена народомъ. Вдоль домовъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подѣланы даже нары для публики, преимущественно женской. Дома унижены людьми, будто гирляндами изъ разнообразныхъ цвѣтовъ человѣческаго платья. Кое-гдѣ по длинѣ улицы выстроились солдаты. Слышались рѣзкіе звуки военной музыки, какъ ея эхо — ревъ осликовъ и ровный гулъ несмѣтной толпы, подобный шуму моря. Мы попали во время, раньше верблюда со священной палаткой; онъ еще не проходилъ, и мы свободно и быстро выбрались изъ города.

За городомъ свободнѣе; толпа рѣже. Женскія платья оживляютъ печальный пейзажъ безконечныхъ кладбищъ, только вчера украшенныхъ вѣтвями и вѣнками, теперь уже увядшими. Удобныя кареты быстро катятся по шоссе между абрикосовыми, гранатовыми садами и масличными рощами. На разстояніи получаса ѣзды за городомъ устроены палатки для властей. Это сборный пунктъ отправленія. Здѣсь всюду слышны ружейные выстрѣлы, крики торговцевъ и тотъ же стихійный шумъ толпы. Припадая къ сѣдламъ, всадники горячатъ своихъ кровныхъ кобылицъ, играютъ въ войну и носятся по полю, тамъ и сямъ мелькая цвѣтными плащами на фонѣ зелени полей и деревьевъ. Картина живописная и веселая. Востокъ умѣетъ весело праздновать. Да и какъ праздновать угрюмо, молча, сосредоточенно подъ такимъ высокимъ и прекраснымъ небомъ? Только угрюмый сѣверъ сдѣлалъ изъ религіи настроеніе страха, скорби и плача. Востокъ смотрѣлъ и смотреть на свои религіозныя обязанности открытымъ, свѣтлымъ взглядомъ.

Къ палаткамъ съѣзжаются понемногу городскія власти. Приѣхалъ губернаторъ. Наконецъ послышался пушечный выстрѣлъ, — значить верблюдъ со священной палаткой вышелъ за черту города, Вотъ и солдаты, которые должны сопровождать караванъ до Макки; пушки на мулахъ. Но вмѣстѣ съ солдатами и пушками, правительство посылаетъ болѣе надежную защиту—различные подарки шейхамъ (старѣйшинамъ) тѣхъ племенъ бедуиновъ, черезъ земли которыхъ пролегаетъ священный путь. Приходить паломническій караванъ въ одну землю,—его задерживаетъ толпа всадниковъ-бедуиновъ. Получивъ положенные имъ подарки, всадники провожаютъ караванъ до границы своихъ владѣній. Тамъ появляются другіе, берутъ подарки и провожаютъ караванъ по своей землѣ. И такъ до Макки. Солдатъ и пушки приводить въ дѣйствіе осмѣливаются обыкновенно очень рѣдко.

*) Южный отрогъ Дамаска.

Стараются больше уладить дѣло мирнымъ путемъ. Громадные ящики съ разнообразными вещами привезены были изъ Константинополя въ Дамаскъ спустя нѣсколько дней,—ко дню отправления каравана они не успѣли, благодаря необычнымъ въ этомъ году снѣжнымъ заносамъ на Ливанѣ.

Но вотъ вдали показывается качающаяся колокольня-палатка, расшитая золотомъ съ золотыми надписями изъ Корана. За первымъ верблюдомъ слѣдуютъ еще два: на одномъ изъ нихъ сидитъ мулла съ знаменемъ пророка; на второмъ—сѣдой старикъ, шейхъ изъ сосѣдняго съ Дамасскомъ села, Атѣйбе. Бѣдный старикъ отчаянно мотался между горбами горделиво выступавшаго верблюда. Остановка процессіи, казалось, была для него самымъ лучшимъ моментомъ всего торжества. Палатка закачалась и утонула вмѣстѣ съ верблюдомъ въ окружившей ее толпѣ. Всѣ лѣзли къ священному предмету, чтобы прикоснуться къ матеріи феской или платкомъ. Наконецъ, узорную палатку сняли, сложили въ сундуки съ тѣмъ, чтобы вынуть передъ Маккой, а взамѣнъ, для дороги, натянули дешевую зеленую матерію. Палатка эта предназначена для одного человѣка изъ извѣстнаго знатнаго стариннаго рода, за которымъ удержалось право или вѣрнѣе — обязанность ежегоднаго посѣщенія Макки. Должность эта наслѣдственная и оплачивается турецкимъ правительствомъ, ибо присутствіе одного изъ членовъ этого рода считается обязательнымъ для каравана ежегодно.

Всѣ власти Дамасска въ раззолоченныхъ мундирахъ собрались въ палаткахъ. Тутъ же былъ и Абдуррахманъ-паша, начальникъ движенія паломническихъ каравановъ въ Макку. Онъ со всѣми прощается. Вали *) передаетъ ему свою власть. Но это только одна форма. Абдуррахманъ сегодня же воротится въ Дамаскъ, по крайней мѣрѣ полмѣсяца будетъ пьянствовать и уже потомъ догонитъ караванъ, собирающійся обыкновенно въ Музерибъ—южной оконечности французской желѣзной дороги.

Губернаторъ уѣхалъ. Народъ началъ расходиться. Скачки прекратились. Въ сторовѣ выстроился длинный рядъ всадниковъ-бединовъ на верблюдахъ. Это тоже защита каравана во время сорокадневнаго перехода по пустынямъ.

Путешествіе въ Макку сопряжено съ большими опасностями. Переходъ въ 40 дней и 40 ночей, часто безъ воды, выносятъ только сильные люди. Верблюдовъ имѣютъ далеко не всѣ. Хозяева верблюдовъ считаютъ своимъ нравственнымъ долгомъ во временахъ слѣзать съ нихъ и сажать одного изъ пѣшихъ. Но, не смотря на развитое чувство взаимопомощи, всѣ слабые и больные обыкновенно умираютъ въ дорогѣ. Пустыня такъ необитаема и воздухъ такъ сухъ, что трупы людей и животныхъ на другой

*) Губернаторъ.

годъ, по словамъ мусульманскихъ паломниковъ, находятся въ цѣлости на мѣстѣ смерти. Маккская дорога усыяна костями людей и животныхъ. А въ самой Маккѣ очень часто, почти ежегодно появляется какая нибудь эпидемія. Громадное стеченіе народа со всѣхъ концовъ земного шара, грязь и жара—все это представляетъ самыя благопріятныя условія для развитія болѣзней. На разстояніи шести часовъ пути отъ Макки *) ежегодно рѣжется множество жертвенныхъ животныхъ, гниющіе трупы которыхъ и пролитая кровь заражаютъ воздухъ. По установившемуся благочестивому мнѣнію, ежегодно должно быть зарѣзано не меньше 75 тысячъ овецъ. Меньше этого количества жертва считается неугодной Богу. Но обыкновенно рѣжется гораздо больше. Во время эпидеміи трупы людей сотнями и тысячами валяются по улицамъ города и около Каабы и довершаютъ печальную картину дикаго религіознаго невѣжества.

Но все это совѣтъ не смущаетъ истинныхъ правовѣрныхъ. Ежегодно въ Маккѣ бываетъ до 200 тысячъ поклонниковъ **), изъ которыхъ въ годы эпидемій умираетъ почти четвертая часть. И всетаки мусульмане никогда не говорятъ, что въ Маккѣ была эпидемія. По благочестивому убѣжденію, люди въ Маккѣ могутъ умирать или отъ усталости, или вообще по желанію Бога и его пророка Магомета, призывающаго къ себѣ наиболѣе достойныхъ паломниковъ, но никакъ не отъ чумы или холеры.

Правда, души умершихъ въ св. городѣ людей летятъ прямо въ рай, но всетаки картина этой массовой смерти настолько ужасна, что паша Абдуррахманъ, сопровождавшій въ первый разъ лѣтъ шесть тому назадъ караванъ, отъ страха убѣжалъ изъ Макки.

Съ цѣлью облегчить паломникамъ путешествіе въ св. городъ и поднять такимъ образомъ падающій духъ мусульманства, султанъ въ началѣ 1900 года издалъ ираде о постройкѣ желѣзной дороги отъ Дамаска до Макки. Въ день 25-и лѣтняго юбилея султана, 19-го августа 1900 г. въ Дамаскѣ, при большомъ стеченіи народа, былъ торжественно положенъ первый камень будущаго сооруженія.

Постройка этой дороги вызвана болѣе религіозными (какъ то и полагается для теократическаго государства), нежели экономическими соображеніями. Кромѣ того, Турція хочетъ фактически распространить свою власть на дикое Заіорданье, на непокорныя племена кочевниковъ-бедуиновъ. Смотря по той поспѣшности, съ которой ираде воплощается въ дѣло, можно заключить, что Тур-

*) На горѣ Араратъ.

**) Четыре года тому назадъ, по словамъ бывшаго жедскаго (Джеджа) персидскаго консула, однихъ только зарегистрированныхъ паломниковъ было 180 тысячъ. Въ нынѣшнемъ году, по слухамъ, до 300 тыс.

ція придаетъ этой дорогѣ громадное значеніе. И несомнѣнно, маккская дорога событіе громадной исторической важности, событіе, всѣ послѣдствія котораго въ настоящее время даже трудно предвидѣть. Это сооруженіе окажетъ большое вліяніе не только на Сирію и Аравію, но и на весь мусульманскій міръ, хотя далеко не въ томъ смыслѣ, какъ разсчитываетъ турецкое правительство.

Съ проведеніемъ желѣзной дороги паломничество, и безъ того сильное, на первыхъ порахъ, несомнѣнно, усилится. Въ настоящее время изъ 200 милліоновъ мусульманъ всего земного шара въ Маккѣ, какъ уже было сказано, въ среднемъ бываетъ до 200 тысячъ человекъ, т. е. на каждую тысячу мусульманъ по 1 человекъ, тогда какъ изъ 400 милліоновъ христіанъ въ Іерусалимѣ, при необыкновенномъ развитіи паломничества за послѣдніе годы, бываетъ только 10 тысячъ человекъ, или на каждыя 40 тысячъ по одному паломнику, т. е. равно въ 40 разъ меньше, чѣмъ мусульманъ. Даже изъ Россіи, при ея 130 милл. населенія, въ Іерусалимѣ бываетъ самое большее до 5 тысячъ паломниковъ, что составитъ на каждыя 26 тысячъ—1 паломникъ, или въ 26 разъ меньше, чѣмъ даетъ мусульманскій міръ. Можетъ быть у христіанъ больше почитаемыхъ мѣстъ, нежели у мусульманъ, но все же очевидно, что мусульманство во всемъ его составѣ крѣпче держитъ религіозныя традиціи.

Итакъ, на первыхъ порахъ паломничество въ Макку съ проведеніемъ туда желѣзной дороги должно будетъ усилиться. Въ Макку поѣдетъ не только бѣдность и голытьба, которая всегда отличается большимъ равнодушіемъ къ жизни, но и богатые, даже бразованные люди. Зато вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа паломниковъ и съ облегченіемъ пути къ св. мѣстамъ должна будетъ въ скорости пасть и цѣна посѣтившимъ св. мѣста. Невѣжественная масса „хажжей“, всегда фанатичныхъ, всегда нетерпимо-консервативныхъ, потеряетъ свое прежнее значеніе. Болѣе образованные люди вынесутъ изъ Макки инныя впечатлѣнія, къ которымъ слѣпа невѣжественная масса. Хищничество мусульманскаго духовенства, наглый обманъ, превосходящій своей беззастѣнчивостью даже выдумки и подлоги монаховъ Святогробскаго братства *), вымогательство денегъ у правовѣрныхъ паломниковъ дикость и ненужность такого способа богопочитанія—все это будетъ постепенно проникать въ сознаніе мусульманства и производить свое незамѣтное, отрезвляющее дѣйствіе. Кромѣ того, желѣзная дорога устранить до нѣкоторой степени громадныя собранія мусульманъ, разрознить толпу, а вслѣдствіе этого дать паломникамъ возможность выносить изъ этой поѣздки болѣе индивидуальныя впечатлѣнія. Въ толпѣ звѣрѣетъ даже самый гуманнѣйшій человекъ. Глаза

*) См. мою статью «Греки въ Палестинѣ и Сиріи». «Русское Богатство». сентябрь, 1900 г.

мусульманина сверкаютъ изъ толпы озлобленіе, въ толпѣ онъ нетерпимѣ и раздражителнѣе. Что поддерживаетъ мусульманскій фанатизмъ? Невѣжество, праздная уличная жизнь, разнообразныя скопища съ религіозными цѣлями. Общество развивается въ той мѣрѣ, въ какой совершенствуется, освобождаясь отъ вліянія массы, отдѣльная личность. И въ этомъ отношеніи желѣзная дорога окажется большимъ просвѣтителемъ.

Несомнѣнно, что религіозная нетерпимость въ средѣ мусульманъ въ настоящее время гораздо слабѣе, чѣмъ то было 30—40 лѣтъ тому назадъ. На церемоніи отправленія каравана меня особенно поразило отсутствіе прежняго злобнаго, дикаго фанатизма. Говорятъ, раньше мусульманская толпа въ этотъ день была страшно нетерпима по отношенію къ христіанамъ; драки, даже убійства были обыкновеннымъ дѣломъ. На этотъ разъ обошлось все благополучно. Христіане отвоевали себѣ извѣстныя права, съ которыми примирилось теперь не только турецкое правительство, но даже и мусульманское населеніе. Здѣсь еще недавно забыты тѣ условія, при которыхъ въ первое, послѣ завоеванія Сиріи арабами, время мусульмане согласились терпѣть христіанъ. Условія эти такъ характерны, что мы приведемъ здѣсь для образца нѣкоторыя изъ нихъ.

„Во имя Бога милующаго милосерднаго. Это письмо Омару, сыну Хаттаба, князю вѣрующихъ христіанъ такъ и такъ городовъ“... Такъ начиналось письмо покоренныхъ сирійцевъ къ Омару.

„Обязуемся не строить въ городѣ и его окрестностяхъ ни монастыря, ни церкви, ни домашней церкви, ни кельи монаха (пустынника); не стремиться возратить то, что находится въ рукахъ мусульманъ...

Не обучать своихъ дѣтей Корану и не творить козней противъ магометанъ...

...Не говорить на ихъ языкѣ (арабовъ).

Не называться ихъ именами.

Не садиться на хорошія (лошадиныя) сѣдла...

Не носить мечей и вообще не брать никакого оружія...

...Одѣваться вообще по нашей модѣ, гдѣ бы мы ни были...

Не ставить крестовъ надъ церквами и даже не показывать ихъ (кресты).

...Не звонить громко въ колокола (но тихонько можно).

Не пѣть громко надъ покойниками... и т. д.

Изъ этихъ условій нарочно выбраны мною наиболѣе мелочныя, въ которыхъ въ особенности ярко проглядываетъ узость требованій кичливаго фанатика-завоевателя. И не смотря на то, что эти условія были продиктованы христіанамъ тысячу триста лѣтъ тому назадъ (завоеваніе Дамаска въ 79 году мусульм. эры), не смотря на то, что господствующая національность давно смѣ-

нилась другою, исламъ не забылъ своихъ мелочныхъ придирокъ, и до послѣдняго времени христіане принуждены были во многомъ униженно покоряться. Еще не такъ давно желаніе христіанъ повѣсить на церковной колокольнѣ колоколъ, поддерживаемое соотвѣствующимъ по вѣроисповѣданію консульствомъ, принимало форму вопроса политической важности. Въ Хумсѣ *) вопросъ о колоколѣ для православной церкви тянулся цѣлые годы. Русское посольство въ Константинополь настаивало на томъ, чтобы православнымъ Хумса было дано разрѣшеніе повѣсить колоколъ. Блистательная Порта отказывала, ссылаясь на то, что это можетъ вызвать волненіе въ средѣ мѣстныхъ мусульманъ. Посольство доказывало, что христіане другихъ вѣроисповѣданій давно уже звонятъ въ Хумсѣ въ колокола. Каймакамъ **) Хумса нагло отрицалъ это. Дѣло тянулось до тѣхъ поръ, пока дамаскому консулу, г. Б., не пришла въ голову счастливая мысль — сфотографировать хумскую католическую церковь вмѣстѣ съ висѣщимъ на ней колоколомъ. Тогда Порта уступила, но сдѣлала совѣтъ повѣсить колоколъ и нѣкоторое время не звонить: „Привяжите веревку; пусть сначала вѣтеръ позвонитъ, а потомъ уже можно звонить и православнымъ“.

Въ настоящее время христіане имѣютъ церкви, школы, больницы рядомъ съ мусульманскими мечетями и мактабе (школа). Европейцы свободно проживаютъ въ мусульманскихъ городахъ и отлично прибираютъ все къ своимъ рукамъ. Очевидно, духъ мусульманскаго фанатизма падаетъ. Не хватаетъ просвѣщенія, которое одно только можетъ принести съ собою благодѣтельные чувства солидарности всего человѣчества, безъ различія національностей и религій.

Маккская желѣзная дорога подорветъ религіозный спортъ; прямымъ послѣдствіемъ этого явится болѣе разумное и спокойное отношеніе къ святынямъ и человѣческой жизни. Время религіознаго самоубійства проходитъ. Правовѣрные, согласные въ принципъ съ благочестивымъ мнѣніемъ, что умереть по дорогѣ въ Макку или въ самой Маккѣ—значитъ несомнѣнно угодить Аллаху и сдѣлаться обладателемъ прекрасныхъ „гурій“ ***), тѣмъ не менѣе давно уже начали предпочитать для путешествія къ святынямъ морской путь. Желѣзная дорога избавитъ такихъ людей отъ необходимости чувствовать себя виновными за свою слабость передъ пророкомъ Мухаммадомъ.

*) Городъ на сѣверѣ Сиріи.

**) Уѣздный начальникъ.

***) Гурія, дословно—бѣлоснѣжная.

II.

Одновременно съ Маккской желѣзной дорогой—религіознымъ путемъ для суннитовъ, будетъ другой удобный путь въ области болѣе нетерпимой мусульманской секты—шіитовъ. Этотъ путь—Багдадская желѣзная дорога. Такое странное совпаденіе очень знаменательный фактъ для мусульманскаго міра.

Багдадская желѣзная дорога захватитъ или пройдетъ недалеко отъ *Самарры*—мѣста избіенія послѣднихъ имамовъ, *Кирбеля*, гдѣ находится гробница Хусайна—сына Али, *Наджифа*, гдѣ самая главная шіитская святыня—гробъ Али *). Такимъ образомъ Дамаскъ, Мадина и Макка, Самарра, Кирбель, Наджифъ и Багдадъ будутъ связаны съ цивилизованнымъ міромъ желѣзными дорогами. И по багдадской и по маккской линіямъ начнетъ развиваться экономическая жизнь, которая захватитъ собою спящее царство лѣни, невѣжества и религіозной нетерпимости, захватитъ, изомнетъ, перестроитъ по-своему.

Заиорданье можетъ быть цвѣтущею страной. Нужны только руки и средства. Какъ быстро можетъ оживиться эта страна, можно судить по селенію Мадаба **). По свидѣтельству путешественника, г. Ч., это довольно большой поселокъ, окруженный воздѣланными полями, тогда какъ какихъ-нибудь 20 лѣтъ тому назадъ здѣсь была пустыня. Вдоль дороги земля зацвѣтетъ, заселится, тѣмъ болѣе, что воды достать тамъ всегда можно; можно или вырыть колодцы, или возобновить древніе римскіе водопроводы, теперь разрушенные и засыпанные пескомъ ***). Несомнѣнно оживится и Аравія. Но только врядъ ли Турціи это будетъ полезно. Турецкая имперія подобна человѣку, потерявшему способность управлять своими движеніями: хочетъ положить кусокъ въ свой ротъ, но съ досаднымъ комизмомъ протягиваетъ его другому. Дикія племена Аравіи и въ настоящее время мало под-

*) Али—двохродный братъ Мухаммада, 4-й изъ халифовъ. Два сына Али, Хасанъ и Хусайнъ были убиты Язидомъ,—сыномъ Моауїя, дамасскаго халифа. Гробница Хусайна въ Кирбелѣ. Хусайнъ оставилъ послѣ себя дѣтей, потомки которыхъ только и признавались мусульманами Куфы за истинныхъ имамовъ—предстоятелей религіи. Гаруну-р-Рашидъ рѣшилъ покончить съ беспокойными потомками пророка и избилъ ихъ всѣхъ въ Самаррѣ. Одинъ изъ имамовъ спрыгнулъ въ колодезь, гдѣ и былъ заложенъ камнями. Шіиты вѣрятъ, что этотъ имамъ живъ, и настанетъ время, когда онъ выйдетъ изъ колодца и пойдетъ войной на безбожниковъ.—Въ Самаррѣ, Кирбелѣ и Наджифѣ великолѣпныя мечети. Ежегодно туда сходится множество поклонниковъ.

**) На югѣ Сиріи, къ востоку отъ Мертваго моря.

***) Въ Раббатъ Аммонѣ—древней Филадельфіи—гдѣ въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія поселились черкесы, возобновленъ одинъ изъ такихъ водопроводовъ.

чиняются турецкому правительству. Только нѣкоторыя провинціи считаются номинально въ спискѣ владѣній султана. Южная Аравія находится подъ вліяніемъ Англіи, а Макка имѣетъ своего эмира и совсѣмъ не признаетъ надъ собою власти Турціи. Съ проведеніемъ желѣзной дороги, въ Аравію нахлынутъ европейцы и пробудятъ къ дѣятельности спящія силы страны. Они раскопаютъ тамъ всѣ природныя богатства, оживятъ полуостровъ, и онъ или отойдетъ подъ протекторатъ европейскихъ государствъ, или будетъ ими подѣленъ на части. Даже, если онъ отдѣлится отъ Турціи и получитъ автономію,—во всѣхъ случаяхъ имперія останется въ проигрышѣ. При совокупности грозныхъ политическихъ и экономическихъ условій существованія Турецкой имперіи ей ничего нельзя дѣлать у себя лучше. Чѣмъ лучше, тѣмъ хуже. „И никто къ ветхой одеждѣ не приставляетъ заплатъ изъ небѣленной ткани; ибо вновь пришитое отдеретъ отъ стараго, и дыра будетъ еще хуже“ (Матѣ. гл. 9 ст. 16).

Тоже самое можно сказать и о Месопотамской долині. Но въ этомъ случаѣ турки могутъ оправдаться передъ собой вполнѣ, хотя тѣмъ, что не они построили Багдадскую дорогу. Нѣмцы же похозяиничаютъ тамъ, какъ слѣдуетъ.

Эти дороги будутъ имѣть также громадное значеніе и для Дамаска, который все болѣе и болѣе начинаетъ привлекать къ себѣ вниманіе Европы. Съ проведеніемъ Маккской желѣзной дороги его значеніе сразу возрастетъ. Онъ соединится вѣтвью съ Багдадской линіей и окажется въ центрѣ перекрещивающихся желѣзныхъ дорогъ, связывающихъ Средиземное море съ Персидскимъ заливомъ и Малую Азію съ Аравіей. Онъ сдѣлается очень удобнымъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ и промышленнымъ центромъ Сиріи. Европейская промышленность задавитъ жалкіе остатки нѣкогда славнаго дамасскаго производства и расправится съ мѣстными богатствами по своему. Промышленный переворотъ захватитъ и преобладающее мусульманское населеніе Дамаска, заставитъ мусульманъ забыть свои ежечасныя омовенія и молитвы и принудитъ научиться чему нибудь, чтобы не погибнуть въ борьбѣ за существованіе. Тогда мусульманину придется отбросить въ сторону свой кальянъ, за которымъ онъ проводитъ добрую половину дня, протереть заспанные глаза и взглянуть на жизнь совсѣмъ иначе. Плодоносная дамасская равнина рано или поздно закипитъ торговой и промышленной жизнью. Жалко, что древнѣйшій на земномъ шарѣ городъ будетъ передѣланъ на общеевропейскій ладъ, что исчезнетъ своеобразная красота Востока, но, очевидно, это неизбѣжно.

Вообще въ жизни ислама чувствуется роковой переломъ. Турецкая имперія теряетъ свое политическое могущество; исламъ теряетъ свои нравственныя силы. Турецкую имперію создалъ и поддерживалъ исламъ. Склеенная изъ различныхъ народностей,

не понимающих друг друга и вѣчно враждующих между собою, она была сильна во внутренней жизни только дикими порывами преобладающего въ ней мусульманскаго настроенія. Страхъ передъ дикимъ произволомъ не давалъ ей разсыпаться на ея составныя части. Турецкое правительство въ теченіе четырехъ вѣковъ не сумѣло ничѣмъ объединить составныя части имперіи. Экономическая жизнь не только не развилась за все это время, но, кажется, еще болѣе понизилась. Арабская культура и цивилизація были задавлены подъ чужеземнымъ игомъ. Только исламъ, щеголяя рубищами, грязью и бѣдностью, продолжалъ еще держаться. Этою силою турецкое правительство пользовалось всегда для того, чтобы ослабить тотъ или другой элементъ общественной жизни. Тамъ, гдѣ было нужно подавить усиливающихся христіанъ, правительство бросало искру раздора между ними и мусульманами. Послѣдніе рѣзали христіанъ, а регулярныя войска, подъ предлогомъ усмиренія раздора, приходили докончить начатое дѣло.

Маккская и Багдадская желѣзныя дороги поражаютъ исламъ въ самое сердце. Мусульмане смутно чувствуютъ это. Мусульманскіе шейхи втихомолку говорятъ, что желѣзная дорога къ святому городу—„харамъ“—грѣхъ и толкуютъ о томъ, что если ужъ земному представителю Мухаммада, султану, угодно построить въ Макку желѣзную дорогу, то она должна быть сдѣлана только руками мусульманъ. Ни одинъ христіанинъ не долженъ осквернять ее своими нечистыми руками. Больше же всего мусульмане боятся, чтобы собаки-христіане не проникли въ заветный св. городъ, гдѣ до сихъ поръ не ступала еще нога невѣрнаго *). Это благочестивое мнѣніе было на первыхъ порахъ поддержано и правительствомъ. Въ Музерибъ, къ южной оконечности французской дороги Байрутъ-Дамаскъ-Хауранъ, были посланы турецкіе „инженеры“ — контролеры при иностранныхъ желѣзныхъ дорогахъ—и нѣсколько ротъ солдатъ. Нѣсколько мѣсяцевъ прошло въ полномъ бездѣйствіи. „Инженеры“ кейфствовали въ Дамаскѣ. Изъ Константинополя сдѣланъ былъ запросъ, отчего отъ „инженеровъ“ нѣтъ никакихъ извѣстій. Тогда они дѣятельно принялись за работу и въ нѣсколько дней произвели изслѣдованіе на такое разстояніе, что удивили даже Порту. Но тутъ солдаты безъ провіанта и одежды начали роптать, офицеры возмущились тѣмъ, что на нихъ возлагаются обязанности, не соотвѣтствующія роду ихъ дѣятельности, и потребовали двойного жалованья. Ихъ посадили въ тюрьму. Послѣ этого въ дѣлахъ произошла новая задержка, вы-

*) Было нѣсколько случаевъ, когда отважные путешественники (изъ христіанъ Европы) проникали въ Макку; для этого они принимали обрѣзаніе и исполняли всѣ требованія мусульманской религіи. Но вообще и при такихъ условіяхъ попасть въ Макку—дѣло рискованное и почти невозможное. Только самыя тщательныя предосторожности могутъ спасти смѣльчака отъ смерти.

звавшая посылку уже европейскихъ инженеровъ. Пріѣхалъ сначала итальянецъ La Bella, который нашелъ, что изысканія турецкихъ „инженеровъ“ совершенно никуда не годятся, ибо сдѣланы не только безъ всякаго пониманія дѣла, но даже безъ необходимыхъ инструментовъ (?), что дѣло нужно начинать сначала. Теперь турецкое правительство увидѣло, что безъ европейцевъ постройка не состоится. Да напрасно оно думало преступить старыя историческія традиціи: ни въ какихъ болѣе или менѣе важныхъ сооруженіяхъ мусульмане не обходились безъ помощи христіанъ. Даже Каабу имъ строили христіане—эфіопы и греческіе мастера.

III.

Вѣсть о постройкѣ Маккской желѣзной дороги уже давно облетѣла весь міръ. Но тотъ, кто знакомъ со способомъ веденія дѣлъ въ Турецкой имперіи, не удивится, если узнаетъ, что турки почти ничего еще не приготовили, не ассигновали даже никакихъ суммъ, и весь проектъ, какъ говорятъ французы, еще держится въ воздухѣ. Нѣкоторые недовѣрчивые люди, не смотря на султанское іраде, не смотря на торжество закладки и проч., высказываютъ потихоньку мнѣніе, съ точки зрѣнія европейца странное, но въ Турціи, очевидно, вполне естественное. Говорятъ шопотомъ, что Маккская желѣзная дорога — одна лишь идея, предлогъ собрать деньги, нужныя на другое. Подозрѣнія эти подогреваются тѣмъ, что дѣло, не смотря на присутствіе двухъ европейскихъ инженеровъ, подвигается очень плохо. Можетъ быть, искушенные опытомъ, граждане Турецкой имперіи въ данномъ случаѣ въ особенности подозрительны потому, что такое большое предпріятіе рассчитано только на частную благотворительность. Можетъ быть, также, представленіе о всякомъ большомъ предпріятіи не вѣжется со словомъ „Турція“ не только въ умѣ европейца, но и въ умѣ турецкаго подданнаго. Всѣ пожертвованія отсылаются въ Константинополь; никто не ведетъ по этому поводу никакой гласной отчетности,—вотъ почему поневодѣ каждому становится сомнительнымъ, дойдетъ ли по назначенію его посильная жертва. Но все же общество откликнулось на это дѣло очень живо. Говорятъ, султанъ первый подаль всѣмъ правовѣрнымъ благой примѣръ и пожертвовалъ на Маккскую дорогу 45 тысячъ турецкихъ золотыхъ (болѣе милліона франковъ) — свое мѣсячное жалованье. Многіе вслѣдъ за султаномъ приносятъ свои посильныя жертвы. Турецкихъ же чиновниковъ обязали уплатить каждому его мѣсячное жалованье. Для предотвращенія кражи пожертвованій, въ Константинополѣ были отпечатаны бланки, цѣною по 20 піастровъ каждая (1 р. 60 к.). Всякій правовѣрный могъ ихъ покупать, зная, что жертвуетъ на маккскую дорогу.

Въ теченіе только двухъ недѣль конца октября и начала ноября 1900 года, по слухамъ, было собрано до полмилліона турецкихъ лиръ (около 4½ милл. рублей). Подъемъ настроенія небывалый. Жертвуютъ даже иноземные правители, напримѣръ, черногорскій князь и шахъ персидскій (по сообщенію арабск. газетъ). Послѣдній, говорятъ, далъ на это предпріятіе 50 тысячъ турецкихъ лиръ. Впрочемъ, недовѣрчивыя въ такихъ случаяхъ арабскія газеты послѣ этого сообщенія просятъ Бога оправдать такой слухъ. Въ нынѣшнемъ 1901 г. деньги, вырученныя отъ продажи кожъ жертвенныхъ животныхъ, приносимыхъ въ праздникъ Курбанъ Байрама во всѣхъ городахъ имперіи, поступили также на постройку дороги. Одинъ богатый дамаскинецъ обѣщался давать по 15 французскихъ лиръ (105 руб.) *послѣ* постройки каждаго километра дороги. Характерный фактъ! Онъ указываетъ, какъ мало общество довѣряетъ турецкимъ чиновникамъ. Въ карманы министровъ и всякихъ пашей перепадаетъ теперь не одинъ десятокъ тысячъ франковъ отъ претендентовъ на завѣдываніе денежными дѣлами сооруженія. Многія предпріятія въ Турціи оканчиваются плачевнымъ образомъ. Деньги, отпущенныя казной или собранныя отъ частныхъ благотворителей, таютъ, какъ воскъ. Въ соотвѣтствіе этому руководители толстѣютъ, но дѣло не двигается ни на іоту. Въ Турціи всѣ мѣста оцѣниваются не по получаемому жалованью, а по той возможности, которая представляется при этомъ для взятокъ. Абдуррахманъ паша, сопровождающій караваны въ Макку, беретъ большую сумму денегъ отъ правительства и отъ жертвователей на св. мѣста. По возвращеніи онъ привозитъ съ собой мѣшки золота, изъ котораго три четверти отдаетъ кому слѣдуетъ, чтобы удержать за собой это прибыльное мѣсто.

Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ изъ Байрута въ Дамаскъ возятся рельсы—по 5—10 штукъ въ день. Рельсы эти кладутся бесплатно на всякій фургоны съ грузомъ. Стоитъ только чиновникамъ увидѣть въ Дамаскѣ караванъ верблюдовъ, какъ его ведутъ къ „сарайю“ *), гдѣ съ верблюдовъ сваливается грузъ, а хозяинъ обязывается бесплатно отвезти на постройку какую либо поклажу. Всѣ погонщики верблюдовъ попрытались и съ хозяевами грузовъ разговариваютъ, боязливо осматриваясь по сторонамъ.

Въ общемъ постройка этой дороги должна стоять не особенно дорого, если даже услужливые распорядители на много увеличатъ ея цѣну. Французамъ при постройкѣ желѣзной дороги Байрутъ-Дамаскъ-Хауранъ каждый километр обошелся въ 161,686 франковъ **) Но при этомъ нужно принять во вниманіе, что пере-

*) Присутственное мѣсто.

**) Около 60,000 руб.

бросить полотно черезъ Ливанъ, поднять его на высоту 1487 метровъ стоило громадныхъ денегъ. Маккская же дорога пойдетъ на всемъ своемъ протяженіи по довольно ровному каменистому плоскогорію, взволнованному только незначительными горами Хаурана. Самая высшая точка Хауранской (французской) желѣзной дороги—738 метровъ надъ уровнемъ моря. Но такъ какъ самое плоскогоріе немногимъ ниже этой высоты, то, слѣдовательно, подъемы и уклоны Маккской дороги будутъ очень незначительны, что должно на много сократить расходы по постройкѣ. Дамаскъ лежитъ приблизительно на $33\frac{1}{2}^{\circ}$, а Макка на $21\frac{1}{2}^{\circ}$ сѣв. широты. Значитъ, дорога между Маккой и Дамаскомъ должна имѣть около 1300 верстъ, или, приблизительно, 1400 километровъ. По предварительному турецкому расчету каждый километръ дороги долженъ стоить до 70 тыс. франковъ—около 25 тыс. рублей на наши деньги. Значитъ, по этому подсчету вся дорога будетъ стоить 98 милл. франковъ—около 35 миллионѣвъ рублей.

Въ концѣ прошлаго года постройка дороги начата отъ Дамаска до Музериба, параллельно уже существующей французской. Французское посольство опротестовало такое намѣреніе турецкаго правительства, идущаго въ ущербъ французскимъ интересамъ. Турки хладнокровно отвѣчали, что они строятъ дорогу для паломниковъ. Впрочемъ, турки согласились было купить у французовъ желѣзную дорогу, но только всю—Байрутъ-Дамаскъ-Хауранъ. Французская компанія, запродавшая уже раньше часть дороги (Байрутъ-Дамаскъ) другой компаніи, предлагаетъ туркамъ только вторую половину дороги—Дамаскъ-Хауранъ, отъ чего турки отказываются и продолжаютъ дѣлать видъ, что строятъ параллельную дорогу. Но все, что до настоящаго времени успѣли они сдѣлать, это—соединить телеграфной проволокой Дамаскъ и Макау, да произвести кое-какіе расчистки отъ Дамаска до Музериба.

Что изъ этого выйдетъ и чѣмъ кончатся эти торгашескія перепетіи—не важно. Важно то, что Маккская дорога, очевидно, будетъ существовать, не смотря на разстройство турецкихъ финансовъ. Частная благотворительность откликнулась живо на этотъ проектъ, и за деньгами, очевидно, дѣло не станетъ. И дай Богъ! Эта дорога въ будущемъ принесетъ съ собою возрожденіе для Сиріи и Аравіи и смерть худшимъ чертамъ мусульманской культуры, тѣмъ чертамъ, которыя въ теченіе почти полутора тысячи лѣтъ служили главнымъ тормазомъ на пути къ развитію всѣхъ сторонъ жизни не только мусульманства, но и всѣхъ соприкасающихся съ нимъ народовъ.

С. Кондурушкинъ.

БЕЗЪ ПРАВЪ НА ЖИТЕЛЬСТВО.

(О черкъ).

Янкель Канторовичъ уже второй мѣсяцъ жилъ въ Петербургѣ и жилъ, не имѣя на это права, безъ разрѣшенія властей, безъ прописки паспорта въ участкѣ. До сихъ поръ онъ почти не чувствовалъ тяжести своего положенія—обстоятельства сложились благопріятно для Канторовича. И только сегодня ему негдѣ было переночевать. Въ Петербургѣ у него оказался племянникъ, помощникъ присяжнаго повѣреннаго, тоже Канторовичъ. Хотя и не вполне охотно, но все же онъ предложилъ пріѣзжему родственнику свое гостепріимство. Обыкновенно Янкель цѣлый день отсутствовалъ, бѣгалъ по дѣламъ изъ одного конца города въ другой, а передъ вечеромъ приходилъ къ племяннику какъ бы въ гости, но съ чернаго хода, и затѣмъ оставался ночевать. Сегодня у племянника ожидалось прибавленіе семейства. Въ домѣ поднялась суета, появилось нѣсколько постороннихъ лицъ. Янкель сообразилъ, что онъ лишній, и въ началѣ вечера ушелъ куда глаза глядятъ.

Ему, какъ комиссіонеру по продажѣ домовъ, пустопорожнихъ мѣстъ и имѣній, понадобилось пріѣхать въ Петербургъ. Наклеивалось солидное дѣло, въ руки плылъ крупный денежный кушъ: N-скій помѣщикъ, Зотовъ, желалъ продать свое имѣніе бывшему N-скому губернатору, Ворошнину, который изъ губернаторовъ попалъ въ столицу на важный служебный постъ. Ворошнинъ не прочь былъ купить Зотовку: она нравилась ему издавна. Когда онъ служилъ еще въ N-скѣ, то часто заговаривалъ съ Янкелемъ объ имѣніи Зотова. Говорилъ:

— Вотъ уголокъ, такъ уголокъ! Я-бы его пріобрѣлъ съ удовольствіемъ.

Но тогда Зотовъ дорожился, а у Ворошнина не было денегъ. Теперь о Ворошнинѣ толкуютъ, будто онъ составилъ кругленькое состояніе, тайно играя на биржѣ.

— Что-жь?—разсуждалъ по этому поводу Янкель:—отчего ему и не играть? Большому человѣку все можно, не то, что маленькому...

Переговоры о продажѣ Зотовки велись черезъ Канторовича. Это заставляло его жить столько времени вдали отъ семьи, мириться съ неудобствами. Главное неудобство заключалось въ томъ, что онъ не имѣлъ „права жительства“. Дома, въ N-скѣ, Янкель не привыкъ къ такому безправію. Онъ всю жизнь провелъ въ чертѣ еврейской осѣдлости. Въ качествѣ комиссіонера онъ вхожъ былъ къ именитымъ персонамъ города, начиная отъ губернаторовъ. Знатные горожане не могли обойтись безъ его услугъ; многіе изъ нихъ давали о немъ слѣдующій лестный отзывъ:

— Канторовичъ не подведетъ и не надуетъ...

Околодочные протягивали ему руку, какъ доброму знакомому, и никто никогда не спрашивалъ у Янкеля:

— А ты имѣешь право на жительство?

Напротивъ, господа изъ болѣе молодыхъ разговаривали съ нимъ чрезвычайно вѣжливо, называя его просто по фамилии: Канторовичъ. Только прежніе паны неделикатно кричали, обращаясь къ нему:

— Эй ты, Янкель, жидовская рожа!

Но развѣ можно было Янкелю обижаться на стариковъ? Они такъ воспитаны: теперь ужъ поздно ихъ переучивать.

Мало по малу Канторовичъ привыкъ думать, что право на жительство у него есть и что оно неотъемлемо. При Зотовѣ онъ состоялъ довѣреннымъ лицомъ много лѣтъ. Ныѣшней осенью, въ октябрѣ мѣсяцѣ, Зотовъ вернулся изъ за границы, призвалъ Янкеля и сказалъ:

— Видите-ли, Канторовичъ... м-ммъ... Я продаю Зотовку. Это окончательно: другого выхода нѣтъ. Помните Ворошинина? Хорошо-бы продать ему. Во первыхъ, ему нравится усадьба; во вторыхъ, у него сейчасъ денегъ куча. Поѣзжайте, Канторовичъ, въ Петербургъ, предложите, какъ будто отъ себя, нѣсколько чимѣній, въ томъ числѣ и мое... А черезъ недѣлку и я прикачу туда-же... Поняли?

Янкель спокойно кивнулъ головой и, не выдавая своей радости, услужливо отвѣтилъ:

— Хорошо, я поѣду.

Въ ту минуту у него вылетѣло изъ памяти соображеніе о правахъ на жительство. Тѣмъ болѣе не пришло на мысль Зотову вспомнить объ этомъ. Онъ, можетъ быть, не зналъ и о существованіи подобныхъ правъ, а если и зналъ, то очень смутно. Да и, наконецъ, это дѣло не его, а Янкеля.

Раньше другихъ заговорила о правахъ жена Канторовича, Сара Марковна. Ея отца и сестру не такъ давало „выселили“

изъ Москвы, и она помнила, что права на жительство далеко не повсемѣстны. Сара Марковна не одобряла поѣздки Янкеля.

— Богъ съ нимъ, съ Петербургомъ!—протяжно восклицала она:—всѣхъ денегъ на свѣтѣ не загребешь, а тутъ можно попасть въ поганую исторію. Выйдетъ ли что изъ дѣла или нѣтъ, никому неизвѣстно. У Зотова восемь пятницъ на недѣлѣ: сегодня продаетъ, завтра раздумалъ... Не въ первый разъ, знаемъ его капризы... А комиссіонера начнутъ гонять по Петербургу, какъ послѣдняго жулика или босняка... Легко ли это терпѣть? У насъ дѣти образованныя: имъ еще хуже перенести такой скандалъ съ отцомъ... надо о нихъ подумать.

Образованныя дѣти служили предметомъ гордости и для Янкеля. Онѣ составляли святая святыхъ его жизни. Старшій сынъ Канторовича слушалъ лекціи въ кievскомъ университетѣ, дочь перешла въ пятый классъ гимназіи, а трое младшихъ—подготавливались въ разныя учебныя заведенія. Янкель готовъ былъ на всяческія жертвы, лишь бы,—по его выраженію,—„довести дѣтей до ума“. Полусознательно, но онъ смотрѣлъ на себя, какъ на общественный элементъ, безшумно сходящій со сцены, какъ на существо, обязанное расчистить болѣе широкій путь для кого-то другого, идущаго ему на смѣну. Этотъ „кто-то“ воплощался въ образѣ его дѣтей. Продажа Зотовки надолго обезпечивала благосостояніе семьи Канторовича: онъ рѣшилъ ѣхать во чтобы то ни стало.

— Сара, ша!—возражалъ онъ женѣ:—я поѣду. Какънибудь обойдусь... Ну, потерплю немного: большая важность—потерпѣть! Что я за баронъ такой? Другіе терпятъ, а я не могу? Потерплю и я. За то потомъ хорошо будетъ.

Янкель рѣшительно не постигалъ—за какія это провинности предстоитъ ему терпѣть невзгоды въ Петербургѣ. Но „потерпѣть“ соглашался заранѣе. Ничего предосудительнаго не совершилъ онъ съ дѣтскихъ лѣтъ и до настоящаго времени. Его жизнь прошла на глазахъ Н-скихъ жителей; однако, никто не могъ сказать о немъ чтонибудь дурное. Нѣкоторые старожилы знали Янкеля шустрымъ мальчикомъ во дни его дѣтства. Онъ бѣгалъ тогда босикомъ по улицамъ.

Въ знойные лѣтніе мѣсяцы глубокой уличный песокъ такъ жегъ ноги, что щекотало подошвы. Отецъ Янкеля былъ портной. Жили они всею семьей у пана Кромаренки на углу Солдатской улицы, въ подвальномъ этажѣ. Входъ въ ихъ квартиру былъ со двора, а надъ калиткой висѣла небольшая вывѣска съ изображеніемъ широко-раскрытыхъ ножницъ и надписью: „Мужески и дамски партной Ицко Канторовичъ. Военный и партикулярной“.

Немного поодаль отъ воротъ, у самаго забора росла высокая шелковица, единственное развлеченіе босоногого Янкеля. Цѣлое лѣто проводилъ онъ на шелковицѣ; отъ ея красновато-черныхъ ягодъ ходилъ съ перепачканнымъ лицомъ нѣсколько мѣсяцевъ сряду. Не разъ, бывало, тателе ругалъ Янкеля за шелковицу. Порой грозился отстегать его сантиметромъ, но Янкель понималъ, что это одна пустая угроза: тателе никогда пальцемъ никого не тронетъ, а такъ себѣ кричитъ, лишь бы напугать. Въ такихъ случаяхъ Янкель поспѣшно убѣгалъ на улицу. Спустя полчаса, онъ снова сидѣлъ на шелковицѣ, перебрасывая черезъ заборъ ягоды своимъ пріятелямъ, уличнымъ мальчишкамъ.

А солнце припекало всѣхъ, какъ горячимъ огнемъ...

Она и до сихъ поръ цѣла, эта шелковица. Наслѣдники пана Кромаренки — при посредничествѣ Янкеля — продали домъ интенданту Реформатскому. Все тамъ перестроено, все перемѣнилось, а шелковица растетъ и теперь. Старая уже, наполовину сухая, но другая половина еще держится... Какъ и въ старину, мальчишки бѣгаютъ подлѣ нея подъ заборомъ, точно также сбиваютъ ягоды камнями или палками. И каждую весну безпокойно тревожится Янкель, проходя мимо бывшей кромаренковской усадьбы. Листья на шелковицѣ распускаются поздно, и Янкель, глядя на голое дерево, въ тревогѣ замедляетъ шаги:

— Можетъ, уже засохла?

Наконецъ, шелковица зеленѣетъ. Словно обрадовавшись чему-то, взглянуть на нее Янкель, привѣтливо кивнетъ головою и бодро идетъ дальше:

— Жива еще!

И чудится ему, будто онъ только что вернулся изъ школы отъ меламеда, взобрался на верхушку шелковицы и отдыхаетъ. Съ высоты видна вся улица вплоть до базара. И базаръ видно тоже. Безоблачное небо синѣетъ въ вышинѣ, запыленные акаціи поджидаютъ дождя. Но дождь соберется нескоро. Вонъ, за угломъ гимназисты, внуки пана Кромаренки, пускаютъ большущаго бумажнаго змѣя. Янкелю неудержимо хочется разжиться на такого же красиваго змѣя: изъ блѣдно-розовой бумаги, съ хвостомъ... нитокъ много-много, хоть до облаковъ пускай, хватить! Но это дорого стоитъ: не разживешься никогда...

— Вэжж... ж! — визжитъ недосыгаемый змѣй надъ головою Янкеля. Вдругъ зацѣпилъ за трубу и повисъ... Нитка оборвалась, паничи чуть не плачутъ.. Въ обычное время они избѣгаютъ водить компанію съ Янкелемъ, но тутъ онъ кубаремъ скатывается съ шелковицы и бѣжитъ съ предложеніемъ своихъ услугъ. Онъ на какую угодно крышу по дож-

девой трубѣ взберется. На колокольню и то вѣрно влѣзъ бы, если - бѣ захотѣлъ... Услуги приняты. Янкель ликуетъ: хоть въ рукахъ поддержитъ розоваго змѣя. Любопытно, какой онъ вблизи? Черезъ нѣсколько минутъ Янкель на крышѣ и—желанный змѣй у него въ объятыхъ. Огромный! еще больше, чѣмъ кажется издали...

— Слу-у-шай, Я-я-янкель! — кричатъ паничи откуда-то снизу:—ты смотри, не разорви! Не запа-а-ачкай: у тебя ру-у-уки въ шелковицѣ...

— Нѣтъ, я ничего! Я сейчасъ... Лови-и-ите: спуска-а-аю! — отвѣчаетъ Янкель и разстается со змѣемъ.

Опять онъ на землѣ.

— Молодецъ, Янкель! Лазить, какъ обезьяна...

Старшій паничъ даетъ ему пять копѣекъ. Янкель схватилъ пятакъ, сунулъ въ карманъ, потомъ задумался о чемъ-то и говорить:

— Паничу! я вамъ отдамъ назадъ пять копѣекъ, а вы лучше позвольте мнѣ пробѣжать со змѣемъ. Тѣлько до угла? Я не испорчу!

— Еще что выдумалъ? Нитки хочешь перепачкать? Получилъ пятакъ и убирайся.

Немного разочарованный, Янкель возвращается на шелковицу. Моментъ—и горе забыто. Онъ вспоминаетъ: у него въ карманѣ пять копѣекъ.

— Заработалъ! пойду къ „Столику“: сегодня куплю на копѣйку пару леденцовъ, завтра—на копѣйку пару орѣховъ въ сахарѣ, а на субботу двѣ тягучки и помадку. Тогда и брату дамъ половину помадки...

„Столикъ“—это еврей съ одною ногой и съ деревяшкой вмѣсто другой ноги. Онъ торгуетъ „сладостями“ посреди базара. Приноситъ на головѣ ящикъ съ товаромъ, ставитъ его на раздвижную подставку и начинаетъ торговлю. Если большая пыль или мухъ много, стекло на ящикѣ закрыто; въ тихую погоду поднято. У Янкеля слюнки текутъ, когда онъ проходитъ мимо „Столика“. Ну, сегодня и на его улицѣ праздникъ! теперь кутнеть и онъ: заработалъ!

Черезъ четверть часа Янкель все на той же шелковицѣ съ аппетитомъ сосетъ леденцы. Подъ заборомъ толпятся его пріатели. Идетъ оживленная бесѣда. Изрѣдка онъ не безъ боязни посматриваетъ внизъ. Вотъ-вотъ выйдетъ отецъ съ неизмѣннымъ сантиметромъ въ рукахъ, со сгорбленною отъ работы спиною, въ жилеткѣ безъ пиджака. Выйдетъ, увидитъ Янкеля и спроситъ по еврейски:—„Опять ты на шелковицѣ?“

Тогда надо удирать за калитку.

Или старшій панъ Кромаренко (онъ весь день сидитъ у

окна сосѣдняго дома) ни съ того, ни съ сего закричить Янкелю черезъ крыши низенькихъ сарайчиковъ:

— Долго ты, проклятое жиденя, жерготать будешь? Когда ты утомонишься? Гырѣ-гырѣ-гырѣ... Только его одного и слышно! Какъ птица на деревѣ!

Янкель испугается, опрометью бросится на улицу. Но на шелковицу, все равно, вернется.

Давно это было, давно прошло... Вспоминается, какъ сонъ, а было когда-то... И шелковица еще жива: не засохла. Теперь не то. Сыну своему, Абрумчику, коммиссіонеръ Янкель первымъ дѣломъ соорудилъ великолѣпнаго змѣя. И сласти дѣтямъ постоянно покупаетъ, и одѣваетъ ихъ прилично: босикомъ никогда не ходятъ. Его дѣти не стали бы кушать замусоленныхъ конфектъ отъ „Столика“. Онѣ,—чуть халва или пряники не очень свѣжіе, такъ и совсѣмъ не ѣдятъ: избалованы, образованныя!.. Ну, и слава Богу! Лишь бы довести ихъ до ума, а тамъ и помирать можно: сдѣлалъ свое дѣло.

Съ тѣхъ поръ, какъ дѣти принялись за ученье, въ домъ Янкеля начала врываться струя чего-то свѣжаго, доселѣ мало извѣстнаго. Янкель не противился новымъ вѣяніямъ. Сперва это выражалось въ мелочахъ: то мебель дочка Цыпа переставитъ въ квартирѣ точъ въ точъ, какъ у господъ въ богатыхъ домахъ, то абажуры новомодные появятся на лампахъ, то въ театрѣ просится Цыпочка или Абрумчикъ. Книжки читаютъ, выписала газету: ни дать, ни взять—барскія дѣти. Янкель умышленно дѣлалъ видъ, будто не замѣчаетъ разныхъ новшествъ.

Не все ли равно для него, какъ стоитъ мебель? Онѣ не тѣмъ заняты! А въ душѣ былъ доволенъ: къ дѣтямъ приходятъ товарищи, паничи и барышни. Пусть видятъ, какъ живемъ: не хуже людей... Своихъ личныхъ взглядовъ Янкель никому не навязывалъ, но и не поступался ими. Подъ субботу онѣ аккуратно и набожно зажигалъ шабашковыя свѣчи въ высокихъ мѣдныхъ подсвѣчникахъ. Иногда водилъ Абрумчика въ еврейскую школу (синагогу), убѣжденно внушая ему:

— Ты учись чужому, а не забывай и своего.

Какъ-то разъ попалась Янкелю подъ руку тетрадка Цыпочки. Смотритъ онѣ, на оберткѣ выписано со всякими завитушками: „Тетрадь для диктанта ученицы IV-го класса Цециліи Канторовичъ“.

Янкель изумился.

— Что за Цецилія?—спросилъ онѣ у дочери.

Та сконфузилась. Оказывается, подруги смѣются надъ ея именемъ. Все дразнятъ:

— Цыпа, цыпа! цыпѣ-цыпѣ-цыпѣ!

Ну, она взяла и придумала Цецилію.

— Что жъ?—уступчиво согласился Янкель:—Цецилія—такъ Цецилія! Хотя, чѣмъ Цецилія лучше Цыпы? Цыпа тоже хорошее имя.

Однако, съ этого дня „Цыпочка“ исчезла. Осталась Цецилія Канторовичъ. На первыхъ порахъ отецъ и мать ошибались, окликая ее, потомъ привыкли.

Въ семьѣ постепенно и незамѣтно еврейскій языкъ вытѣснялся русскимъ. Съ женою Канторовичъ еще разговаривалъ подчасъ по-еврейски. Съ дѣтьми—почти никогда. Но дѣти умѣли говорить и на родномъ языкѣ.

Когда Абрумчикъ уѣзжалъ въ университетъ, Янкель не выдержалъ и заплакалъ:

— Ой! чего бы я не отдалъ, чтобы ты былъ счастливый!—сказалъ онъ, обнимая сына:—ты не безпокойся, я тебѣ буду высылать на жизнь. Занимайся спокойно и чтобы ни въ чемъ не нуждался. Если не хватитъ, скажи. Прибавлю. Такъ и напишу: студенту университета св. Владиміра, Абраму Яковлевичу Канторовичу. Все я для тебя сдѣлаю, а ты помни одно: не стыдись того, что еврей. Ни передъ кѣмъ не стыдись! И не отрекайся. Иначе Богъ накажетъ...

— Что вы, папаша!—возмутился Абрамъ Яковлевичъ:—развѣ я могу?

Янкель заморгалъ вѣками глазъ.

— Нѣтъ, это я такъ... къ слову... Иногда надо высказать къ слову, вотъ и говорю... И если будешь докторомъ—большимъ, ученымъ, богатымъ—все равно, говори всякому: да, еврей! А отецъ мой—совсѣмъ простой еврей: читать умѣетъ, писать не очень... Но онъ честно жилъ, никакой подлости не сдѣлалъ... За что я буду его стыдиться? Да, Абрумчикъ: честно. Я всегда боялся, чтобы о тебѣ ктонибудь не сказать: это сынъ того мошенника. Вѣрно, и самъ такой же. И никто не смѣетъ сказать. А если скажетъ,—неправда! И дѣдушка твой былъ честный: ради куска хлѣба умеръ за работой. И мать тоже... золотая женщина! Такъ ты помни: ни передъ кѣмъ... Никогда!

При этихъ словахъ заплакалъ и Абрамъ Яковлевичъ.

— Ой, зачѣмъ тебѣ плакать!—спохватился Янкель:—Ну, будетъ, будетъ! это я такъ, къ слову... Еврей, такъ еврей, что-жъ дѣлать? А ты помни.

И Абрамъ Яковлевичъ не забываетъ.

Насчетъ старшаго сына Канторовичъ спокоенъ: почти доведенъ до цѣли. Кончить Абрамъ университетъ, женится, возьметъ приданое, самъ зарабатывать станетъ. У доктора вѣрный кусокъ хлѣба до конца дней; лишь бы работалъ справедливо, не гнушался бѣдными, тогда и ему, и людямъ хорошо будетъ. Къ чему брезгать бѣднымъ человѣкомъ?

Бѣдныхъ много, больше, чѣмъ богатыхъ: отъ каждаго поне-множку, смотришь—и у тебя много... Думай о себѣ, не забывай и другого. Гдѣ не могутъ платить, помощи даромъ: Богъ всегда отдастъ.

Одно лишь опасеніе беспокоило Янкеля: только бы невѣста Абраму попалась добрая! Вотъ, если-бы такая, какъ Сара Марковна, но образованная... Теперь пошла мода, что сами выбираютъ невѣсть, женятся не по сватовству, а по симпатіи. Если же и по сватовству, то раньше знакомятся, разговариваютъ, рассматриваютъ одинъ другого. Прежде было иначе. Янкель съ Сарой Марковной поженлись,—и въ глаза не видѣли другъ друга до свадьбы. Говорили люди: пятьсотъ рублей приданаго, молодая... Больше ничего не зная о невѣстѣ. Пришли вѣнчаться, у нея лицо платкомъ закрыто: въ тѣ времена это правило еще соблюдалось. Янкель смотритъ, нельзя разглядѣть. Охъ, кажется, сто рублей отдалъ бы, чтобъ поскорѣй увидѣть! Вернулись свадьбу играть. На дворѣ, какъ полагается, палатка устроена, музыканты приглашены. Прекрасный оркестръ... Дождикъ побрызгалъ и опять свѣтитъ солнце. Вокругъ палатки толпа народа. Тутъ и евреи, и русскіе—всѣ сбѣжались на музыку. Наконецъ, увидѣлъ Янкель Сару Марковну. И обрадовался же!

Точно еще пятьсотъ рублей кто-то прибавилъ: красавица! Глазки черненькіе, очень красивые. Нѣчто необыкновенное въ ея красотѣ. Глупости все это, а тогда радовался... И жена изъ Сары Марковны вышла хорошая, преданная жена. Янкель не разъ убѣждался въ томъ, убѣдился не на словахъ, а на дѣлѣ. Особенно однажды. Давненько это происходило. Абрамъ—мѣсяца три, какъ на свѣтъ народился, Цециліи не было и въ поминѣ. Янкель и въ ту пору уже комиссіонерствомъ занимался, но не самостоятельно, а состоялъ сподручнымъ при Нухимѣ Туровскомъ. Знаменитый былъ факторъ, на всю губернію славился. Замѣчательный! Старъ становился Нухимъ, искалъ себѣ помощниковъ. Между прочимъ, отличилъ онъ Янкеля и рекомендовалъ Канторовича князю Постромцеву. Князя считали капризнымъ—прекапризнымъ, а Янкелемъ знатный кліентъ остался доволенъ: сумѣлъ угодить старику. Было у князя четыре сына. Одинъ изъ нихъ, Вадимъ Николаевичъ, въ пограничной стражѣ подъ Варшавой служилъ. Часто навѣдывался къ отцу, пріѣзжалъ въ отпускъ. Видный такой, съ погонами... Вернулся разъ Янкель домой, видитъ, у воротъ—тройка буланыхъ. Отъ Постромцевыхъ изъ деревни пріѣхалъ кто-то. Подошелъ къ дверямъ: князекъ Вадимъ съ Сарой Марковной разговариваетъ, пошмивается.

— Какая вы,—говорить,—сердитая! Даже и пошутить

нелзя. А хорошенькая! Хотите, бѣжимъ со мною? Я васъ барыней сдѣлаю, варшавяночкой! Приодѣнетесь, еще лучше станете. Что вамъ здѣсь, за печкой, въ балабостахъ киснуть?

Похолодѣлъ Янкель. Слышитъ, Сара сердится:

— Ну, ужъ это вы оставьте, пожалуйста!

— Почему оставьте? что за глупости? Вонъ у отца, на хutorѣ, арендаторъ есть. Такъ у него дочка Розочка: дѣвица, можно сказать, а и то не столь строга, какъ вы. Веселенькая дѣвица! Честное слово...

— Она мнѣ не примѣръ!—возражаетъ Сара Марковна:—да у насъ скорѣе дѣвица можетъ позволить что нибудь такое... А вышла замужъ, нелзя: непорядокъ!

Князь какъ расхохочется:

— Поди-жъ ты: непорядокъ? Вышла замужъ и вдругъ: непорядокъ? А у насъ наоборотъ. Дамъ — все можно, барышнѣ—нелзя.

— У каждаго свой обычай!—степенно такъ говоритъ Сара Марковна. Сама идетъ въ другую комнату, какъ бы по дѣлу.

Тогда лишь Янкель отворилъ дверь и появился на порогѣ. Онъ даже вида не подалъ, что слышалъ разговоръ. Князекъ и съ нимъ шутить началъ:

— Знаешь, Янкель, а вѣдь жена у тебя премиленькая! честное слово! заглядѣнье, а не жена. Уступи мнѣ, повезу въ Варшаву. Хочешь отступного? Ей-Богу, дамъ.

Янкель хладнокровно отозвался:

— Мы, ваше сіятельство, этимъ товаромъ не торгуемъ. Мы люди темные: у насъ жены для дома, а не на продажу.

Такъ князь Вадимъ и отѣхалъ ни съ чѣмъ.

Сарѣ Марковнѣ Янкель не сказалъ объ этомъ ни слова. Только спустя дня три, принесъ ей въ подарокъ бархатную кофту съ бахромой.

Такую же жену онъ мечталъ найти и для Абрама. Лучшей, по его мнѣнію, желать не надо. Съ совѣтами Сары Марковны Янкель всегда осторожно считался. Но когда вопросъ коснулся его поѣздки въ Петербургъ по дѣлу Зотова, онъ настоялъ на своемъ вопреки увѣщаніямъ жены.

— Все равно, я поѣду!—упрямо твердилъ онъ.

И поѣхалъ.

Въ дорогѣ Янкель успокаивалъ себя надеждой на помощь племянника. Вѣдь онъ же помогалъ племяннику, когда тотъ учился въ университетѣ, затѣмъ пріискивалъ молодому адвокату состоятельную невѣсту. Пріискивалъ и нашелъ. Словомъ, дѣлалъ, что могъ. Пусть и онъ сдѣлаетъ, что можетъ. Развѣ трудно пріютить одного человѣка, хотя бы и неимѣющаго права жительства? Мѣсто онъ перележитъ или объѣсть? Кажется, не воръ, не обманщикъ...

Племянникъ встрѣтилъ Канторовича радушно. Однако Янкель остался встрѣчей недоволенъ. Съ одной стороны, оперившійся адвокатъ какъ будто старался поставить на видъ провинціальному родственнику богатство и великолѣпіе своей новенькой обстановки. Съ другой стороны — племянникъ рѣзко перемѣнилъ тонъ, узнавши, что Янкель намѣревается прожить въ Петербургѣ неопредѣленное время на нелегальномъ положеніи. Къ тому же, судя по всѣмъ признакамъ, молодой Канторовичъ не пользовался правомъ рѣшающаго голоса въ собственномъ домѣ и побаивался жены. Онъ пустился разсуждать, какъ трудно обойтись въ столицѣ безъ паспорта, какъ строго относятся здѣсь къ укрывательству евреевъ. Повсюду торчатъ швейцары, дворники, сосѣдская прислуга. Отъ нихъ не укроешься и не убережешься даже при полномъ желаніи сохранить что либо въ секретѣ.

Янкель слушалъ его, понуро глядѣлъ куда-то въ сторону и думалъ:

— Мелкій человѣкъ! умѣетъ брать, не умѣетъ дать того, что надо... Не хочетъ войти въ положеніе другого... Грошъ цѣна такому человѣку.

Но, въ концѣ концовъ, онъ устроился у племянника съ ночлегомъ.

Ворошининъ даже улыбнулся отъ удовольствія, когда Янкель доложилъ о продажѣ Зотовки, а черезъ нѣсколько дней позвалъ Янкеля къ себѣ и послалъ его съ порученіями по разнымъ дѣламъ. Переговоры съ Зотовымъ быстро подвигались впередъ. Больше мѣсяца все шло благополучно и лишь на сегодняшнюю ночь Янкель не имѣлъ пристанища. Сначала онъ не придавалъ этому значенія. Онъ зналъ не мало „дѣловыхъ“ кондитерскихъ и ресторановъ, которые открывались раннимъ утромъ и закрывались поздней ночью. Такъ и быть: въ ресторанѣ придется посидѣть съ вечера, въ кондитерской — провести утро, а промежуточное время... погулять по городу, что ли... коммерческому человѣку надо ничего не бояться. Да и что тутъ за страхъ? Иные господа нарочно изъ теплой комнаты выходятъ гулять по ночамъ ради удовольствія. Погуляетъ и онъ, Янкель Канторовичъ.

Онъ долго сидѣлъ въ третьестепенномъ ресторанѣ, требуя то закуски, то чай. Перечитывая газету, выучилъ чуть ли не наизусть содержаніе всего нумера. На первой страницѣ одинъ господинъ доказывалъ другому, что тотъ глупъ и ничего не понимаетъ. Самъ, должно быть, умный. Собственно говоря, Янкеля это мало интересовало, но онъ хотѣлъ убить время и читать добросовѣстно, безъ пропусковъ. Гораздо

интереснѣе была на его взглядъ статейка о биржевыхъ маклерахъ. Ее написать кто-то знающій дѣло и написать по совѣсти.

Медленно тянулся часъ за часомъ. За ресторанными столиками пустѣли ряды посѣтителей. Янкель не покидалъ своего мѣста. Его благодушное вечернее настроеніе смѣнялось тревогой, безотчетнымъ чувствомъ горькой обиды. Дѣйствительно, было обидно: ничего онъ не укралъ, никого не обманулъ, не ограбилъ; пріѣхалъ издалека по дѣлу и вдругъ за свои трудовыя деньги не можетъ найти угла, гдѣ-бы преклонить голову. Долженъ слоняться по городу въ темную ночь, прятаться отъ городскихъ, какъ воръ или убійца. И чего ради? Говорятъ: не имѣешь права... Да зачѣмъ оно придумано, такое право? За что, хотя бы примѣрно, его, Канторовича, лишать ночлега? Въ чемъ онъ провинился? Надо же и ему дать заработать; у него семья, дѣти... Всѣмъ нужно жить и каждый обязанъ работать, какъ умѣетъ, лишь бы честно. Считаютъ, будто комиссіонеръ вредный человѣкъ, дармоѣдъ. А никто безъ комиссіонера—ни на шагъ. Взятъ, на примѣръ, его: не по своей же волѣ поѣхалъ онъ сюда. Не предложи Зотовъ, никогда бы и не вздумалъ тащиться въ Петербургъ... И Ворошининъ тоже—на какой высотѣ человѣкъ стоитъ!—а всякій день даетъ Янкелю не одно порученіе, такъ другое. Значить, и безъ комиссіонера нельзя обойтись. Съ какой же стати гнать его, если онъ нуженъ? Странно все устроено на землѣ: одинъ способенъ быть чиновникомъ, другой—пѣвцомъ, третій—портнымъ, четвертый—комиссіонеромъ. Ну, и пусть бы каждый занимался тѣмъ, къ чему имѣетъ способность. Зачѣмъ мѣшать или препятствовать?

Янкель размышлялъ о несовершенствахъ земной жизни и самъ слегка пугался столь вольнодумныхъ мыслей.

А ощущеніе обиды все разрасталось и разрасталось въ его душѣ.

Вышелъ онъ изъ ресторана лишь послѣ того, какъ сонный официантъ предупредительно сообщилъ:

— Господинъ! сейчасъ будутъ тушить свѣтъ...

Ночь стояла не столько холодная, сколько сырая съ неравномѣрными порывами вѣтра, время отъ времени пробѣгавшаго по улицамъ. Сразу Янкелю померещилось, будто на дворѣ совсѣмъ тепло. Но вскорѣ сырость стала пробираться къ нему подъ шубу и онъ почувствовалъ холодъ. Вездѣ затихало ночное движеніе. Туманъ висѣлъ надъ городомъ, блестя отъ влаги тротуары. Неба не было видно: его заслонила густая мгла. Она казалась безпросвѣтной, какъ-то придавливала всѣхъ къ землѣ. Плотнo закутавшись въ шубу, Канторовичъ шелъ по одной изъ улицъ, прилегающихъ къ

Невскому проспекту. Теперь было не только обидно, но и страшно. А вдругъ схватятъ за шиворотъ.

— Ты куда идешь? Кто ты? Право жительства имѣешь?

Что онъ отвѣтитъ? Скандалъ! Правду говорила Сара Марковна. Янкель старался подбодрить себя:

— А кому какое дѣло, куда я иду? Можетъ, я домой откуда нибудь возвращаюсь? Запоздалъ и возвращаюсь. Кто меня смѣетъ останавливать? Если бы я бѣжалъ или шатался взадъ и впередъ по одному мѣсту, тогда иной разговоръ, а я себѣ иду куда-то...

И онъ шелъ неторопливой походкой человѣка, возвращающагося откуда-то куда-то.

— Да и какъ узнаютъ, русскій я или нѣтъ?—убѣждалъ себя Канторовичъ:—у меня и въ лицѣ ничего нѣтъ отмѣннаго. Другіе бывають съ пейсами или рыжіе, или уши очень торчатъ, носы крючкомъ... Что нибудь вообще этакое... А я по виду—господинъ, какъ господинъ: волосы каштановые, носъ ровный, одѣтъ недурно. Шуба выхохоловая, крытая сукномъ; хорошая шуба, въ ломбардѣ на аукціонѣ куплена. Не всякій баринъ такую имѣетъ. Воротникъ изъ польскаго бобра—совершенно новый, въ нынѣшнемъ году пришить. Шапка барашковая, калоши ботиками, все, какъ слѣдуетъ быть, каждый подумаетъ: ну, гуляетъ господинъ по сырой погодѣ... Что ему погода? Захотѣлъ и гуляетъ.

На улицѣ, по мѣрѣ удаленія отъ центра, становилось пустынно. Никто не хваталъ Янкеля за шиворотъ и страхъ его понемногу улетучивался.

— Большой этотъ Петербургъ! ой, какой большой!—проносилося у него въ мысляхъ:—а переночевать негдѣ. Столько людей, столько людей! И самъ по себѣ никто не злой, но всѣ вмѣстѣ—жестокіе... Вотъ и въ томъ домѣ, навѣрное, живутъ добрые люди. А позвони Янкель у дверей, объясни свое положеніе, попроси позволенія переночевать, не пустятъ. Скажутъ: мы не приглашали, онъ намъ неизвѣстенъ. Испугаются, не бродяга ли?

Впрочемъ, онъ и не позвонилъ бы ни за что на свѣтѣ. Хоть бы замерзалъ, такъ и то не позвонилъ... Зачѣмъ ихъ беспокоить попусту? Не они это выдумали, не на Янкелѣ это кончится. Онъ не первый и не послѣдній.

Хорошая выхохоловая шуба не могла защитить отъ назойливой сырости. Янкель озябъ. Пришлось зашагать быстрѣе прежняго, чтобы согрѣться.

— И гдѣ только не случится побывать человѣку, пока онъ проживетъ жизнь!—разсуждалъ Канторовичъ:—думалъ ли я ночевать въ Петербургѣ, на улицѣ? Попасть въ Петербургъ и того никогда не предполагалъ. Въ другихъ городахъ

бывалъ: въ Одессѣ былъ, въ Харьковѣ былъ. Въ Варшаву покойный князь Постромцевъ посылалъ: подъ Плоцкомъ имѣніе хотѣлъ купить для сына. Не пригодилось—земля плохая... Дальше Варшавы не ѣздить никуда изъ Н-ска. Довелось же здѣсь мерзнуть, какъ собакѣ!

Почему-то Янкелю ярко вспомнились невыносимо душныя дни, какіе бываютъ въ Н-скѣ передъ „воробьиными“ ночами. Солнце не грѣетъ, а печетъ, печетъ нестерпимо. Камни мостовой накалены. Жаръ отъ нихъ идетъ, какъ изъ печки. На улицахъ пусто и тихо. Только мороженщики кричатъ на перекресткахъ да хохлы разѣзжаютъ съ возами, полными арбузовъ. Галдятъ и они во все горло:

— Кавуновъ! Кавуно-о-овъ! Кавуно-о-овъ! Вотъ кавуны, хоро-о-ошіе! По три копійки кавунъ! Пятакъ за пару! Кавуновъ, кавуно-о-овъ!

На базарѣ свалены прямо на землю сплошныя горы тѣхъ же „кавуновъ“. Торговки прикрываютъ ихъ „ряднами“ отъ солнца и выкрикиваютъ пронзительными голосами:

— Кавуны, кавуны, кавуны! На вкусъ, на взрѣзъ—пятачекъ штука!

Ставни въ домахъ закрыты. Всѣ раздѣты и пьютъ лимонадъ или воду со льдомъ. А Янкель не боится жары, любить ее: привыкъ съ дѣтства. Ходитъ себѣ по дѣламъ изъ одного дома въ другой, надѣнетъ сѣрый альпаговыя пиджакъ—и никакихъ! Бригадный генералъ Бодриковъ, всегда смѣется:

— Какъ вы не растопитесь, Канторовичъ? Какъ не испечетесь? И не боится же человѣкъ солнечнаго удара! Этакая жарница, а онъ бѣгаетъ...

— Ничего, ваше превосходительство: мы привычныя.

Есть еще у Янкеля и парусиновый костюмъ для жаркой погоды; лѣтомъ — хочешь не хочешь — одѣвайся полегче: тепло, черезчуръ даже тепло, но славно! Не то, что здѣсь. Тутъ какъ будто и мороза нѣтъ, а мерзнешь хуже, чѣмъ въ мятель. Конечно, дома всякому пріятнѣе. Хорошо бы сейчасъ очутиться дома! Черезъ два дня суббота: отправился бы Янкель въ синагогу. Вернулся домой, на обѣдъ щука и все прочее, что полагается. Послѣ обѣда можно пойти съ женою въ проходку на мостовую улицу. Когда-то въ Н-скѣ одна лишь эта улица и была замощена камнемъ. Нынче вымостили весь городъ, а главную улицу никто не называетъ Екатерининской. По старой памяти иначе не говорятъ, какъ: „мостовая“. По субботамъ на мостовой большое гулянье. Публика прохаживается по тротуару съ правой стороны улицы, отъ новой аптеки до соборной площади и обратно. Толпа такая, нельзя разминуться. И Янкель тутъ же, и онъ

не хуже людей. Жена возлѣ него въ плюшевой кофѣ; поверхъ кофты золотые часы съ цѣпочкой прищиплены; на головѣ шляпа-капотка съ лентами. Превосходныя на женѣ вещи: хотя и по случаю куплены, а почти новыя. Янкель со всѣми кланяется, никого не боится.

— Кто это идетъ?

— Комиссіонеръ Канторовичъ. Приличный человѣкъ: у него сынъ черезъ годъ докторомъ будетъ.

А Канторовичъ шествуетъ впередъ, точно не о немъ и рѣчь.

Лѣтомъ субботнее гулянье происходитъ въ скверѣ, противъ военнаго штаба или на берегу рѣки. Лѣтомъ еще лучше, чѣмъ зимою. Пыльно очень; ну, не бѣда: за то не холодно... Жарко днемъ, тепло и ночью. Хорошо!

Янкель вздрогнулъ отъ холода.

Въ сырую зимнюю ночь, безцѣльно бродя по петербургскимъ улицамъ, онъ силился утѣшить себя мечтою о будущемъ благополучіи сына. Вѣдь это онъ, Янкель, сдѣлаетъ Абрама чуть-чуть не равноправнымъ съ господами. Годика черезъ четыре прикатитъ Абрумчикъ въ Петербургъ, остановится на Невскомъ, въ самой лучшей гостиницѣ.

— Кто пріѣхалъ?

— Докторъ медицины Канторовичъ.

Выйдетъ на Невскій, увидитъ околodочнаго и спроситъ:

— Какъ мнѣ пройти къ Зимнему дворцу, въ Эрмитажъ?

Околodочный подъ козырекъ (они здѣсь вѣжливые), укажетъ дорогу, все объяснитъ, растолкуетъ. Докторъ поблагодаритъ и пойдетъ, куда хочетъ: ему всюду можно, никто не имѣетъ права придратъся.

Многія отрадныя картины рисовались въ воображеніи Янкеля, пока онъ переходилъ съ одной незнакомой улицы на другую. О чемъ онъ не вспомнилъ въ эту ночь, чего не передумалъ! Наконецъ, остановился и осмотрѣлся вокругъ. Далеко отошелъ онъ отъ Невскаго. Посреди улицы темнѣлъ какой-то каналъ. Отъ воды дулъ холодный вѣтеръ, тянуло еще большей сыростью. Тускло свѣтили въ туманѣ фонари. Идешь, самъ не зная, куда: этакъ не трудно и заблудиться. Янкель подумалъ, подумалъ и повернулъ назадъ: на тѣхъ улицахъ хоть теплѣе. Шагаль онъ теперь очень поспѣшно, но не могъ согрѣться. Дрожь принимала все тѣло, лицо и руки озябли, застывали усталыя ноги. А, кажется, и мороза нѣтъ!

Свернулъ Канторовичъ въ улицу направо, прошелъ довольно большое разстояніе, затѣмъ взялъ влѣво. По его соображеніямъ въ этой сторонѣ долженъ оказаться Невскій. Безконечно-длинная, узковатая улица безмолвна. Пѣшеходовъ

не видно; изрѣдка проплетется извозчикъ. Дворники дремлютъ у воротъ. Воздухъ становится холоднѣе и холоднѣе: вѣрно къ утру приближается время. Янкель хотѣлъ посмотреть возлѣ фонаря на часы, но не рѣшился распахнуть шубу: озябъ и безъ того. Озябъ такъ, что въ пору попросить у какого нибудь дворника:

— Пусти, голубчикъ, въ дворницкую, погрѣться. Я заплачу деньгами!

Опасно: еще отправить въ участокъ. Подумаетъ: самъ человекъ нарывается на скандалъ. Не просто, должно быть. И въ полицію... Ну, и положеніе! хуже разбойника. Ворошининъ назначилъ быть у него въ девять часовъ. Смѣшно подумать: къ такой особѣ иди безпрепятственно, а ночевать нигдѣ не смѣй? Вѣдь даже и не спать, а лишь погрѣться. Немного погрѣться и опять гуляй по улицамъ...

Но погрѣться было негдѣ.

Вдругъ до слуха Янкеля донесся серебристо-протяжный звукъ колокола. Звонили гдѣ-то впереди, за мглой, въ концѣ этой длинной улицы.

— Къ утрени звонятъ, стало быть, скоро утро!—догадался Янкель. Неожиданно у него блеснула мысль:

— А церковь у нихъ сейчасъ отперта. И тамъ тепло. Звонятъ, значить—зовутъ; зовутъ, значить—открыто. Войду на минутку, погрѣюсь и уйду.

Янкель заспѣшилъ по направленію, откуда доносился звонъ. Вышелъ онъ къ Казанскому собору и сразу узналъ мѣстность: за соборомъ, съ той стороны—Невскій проспектъ. Прошелся вокругъ церкви, нашелъ входъ: пройти между колоннами, а тамъ свѣтъ. Туда и входитъ, гдѣ освѣщено. На мгновеніе Канторовичъ остановился:

— Можно ли?

Разумѣется, можно. Это домъ не человѣческій, а божій: сюда пустятъ и безъ приглашенія. Богъ для всѣхъ одинъ, что жъ тутъ такого, нехорошаго? Да я и не молиться иду: я погрѣться.

Янкель точно оправдывался передъ кѣмъ-то.

— Подайте, Христа ради, бездомному человѣку...—остановилъ его глухой, осипшій голосъ изъ за колонны.

Бездомный...

Спазма сжала горло Янкеля, слезы подступили къ глазамъ. Сегодня и онъ бездомный. Этотъ оборванецъ въ одинаковомъ положеніи съ нимъ: тоже почуветъ на улицѣ. Канторовичъ едва-едва не сказалъ нищему:

— У тебя нѣтъ денегъ, у меня нѣтъ права: оба нуждаемся, оба мерзнемъ!

Онъ не побоялся распахнуть шубу и подалъ бездомному во имя Христа, подалъ даже не глядя, сколько даетъ.

До входа въ церковь оставалось четыре колонны, а Янкель уже снялъ шапку. Относительно шапки онъ твердо помнилъ, но какъ вообще держать себя въ церкви,—не зналъ совершенно.

— Креститься надо? Креститься я не буду. А если спросить: отчего не крестишься? Признаюсь, что еврей, и объясню... все объясню! пусть узнаютъ!..—Наконецъ-то, онъ очутился въ теплѣ. Воздухъ кругомъ такой пріятный; кажется, будто погружаешься въ тепловатые волны. И главное—нѣтъ сырости, нѣтъ вѣтра... Отлично!

Янкель сталъ въ сторонкѣ, въ полутѣнѣ. Въ церковной службѣ ничего не могъ разобрать. Выходилъ дьячекъ, выходилъ дьяконъ, выходилъ священникъ. Старухи зажигали свѣчи, сторожа—тоже. Кто-то радилъ, кто-то пѣлъ. Янкель ни о чемъ не думалъ, не понималъ ни чтенія, ни пѣнія: онъ согрѣвался. Здѣсь было тепло, спокойно; на него не обращали вниманія, онъ чувствовалъ себя въ безопасномъ мѣстѣ. Не скоро отогрѣлся онъ вполне, но отогрѣлся и началъ разглядывать церковь.

— Богатая! много величія, много блеска... Иконы—хорошія, серебро вездѣ, сверкаютъ камни...

Нечаянно Янкель посмотрѣлъ направо. Взоръ его остановился на Голгоѣ:

— Большой крестъ. На немъ распять *ихъ Богъ*. Страдаетъ!.. за нихъ страдаетъ... Вверху сдѣлано небо со звѣздами...

Янкель нѣсколько секундъ смотрѣлъ на изображеніе Распятія, какъ на непонятную для него загадку. Потомъ вспомнилъ о своихъ ночныхъ мытарствахъ.

Ощущеніе незаслуженной обиды опять взяло верхъ надъ его размышленіями. И, снова глядя въ сторону креста, Янкель горячо произнесъ:

— Если Ты такой добрый, если Ты такой сильный, сдѣлай такъ... сдѣлай такъ, чтобы...

Слезы помѣшали Канторовичу докончить его мольбу.

Онъ плакалъ, самъ не замѣчая этого; рыдалъ, выплакивая накопившееся въ душѣ жгучее огорченіе. Въ его слезахъ вылилась и горечь обиды, и усталость, и только что пережитыя тревоженія, и смутныя упованія на что-то лучшее.

.....

Когда Янкель вышелъ изъ собора, надъ городомъ пробуждалось темное сѣверное утро. Еще немножко—и откроется дѣловая кондитерская, а тамъ—пора къ Ворошнину. Пока дойдешь, это не близко: на Сергѣевскую.

Янкель успокаивался.

Какъ ни какъ, а самую холодную часть ночи, передъ наступленіемъ утра, онъ провелъ въ теплѣ.

— А гдѣ я переночую завтра, если нельзя будетъ у племянника?—невольно встревожился онъ:—опять, значить, то же самое?

Его минутное жизнерадостное настроеніе омрачилось заботой.

— Ну, какъ нибудь... Что жъ дѣлать?

О. Н. Ольнемъ.

* * *

Книга пѣсенъ предо мною,—
Только пѣсенъ невеселыхъ,
Будто шепотъ думъ тяжелыхъ
За холодную стѣною...
Видно, темными ночами
Эти пѣсни создавались,
Видно, имъ не улыбались
Звѣзды тихими очами!
Не склонялись къ нимъ сирени
Ароматными цвѣтами,
Осыпая лепестками
Потревоженные тѣни...
Отчего-жъ онѣ прекрасны
Эти пѣсни, пѣсни горя?
Отчего, имъ сердцемъ вторя,
Я полна тоски неясной?
И душѣ такъ пошлѣ и тѣсенъ
Пиръ тупого ликованья—
Послѣ этого рыданья,
Послѣ этихъ скорбныхъ пѣсенъ!..

Г. Галина.

Субъективный методъ въ социологіи и его философскія предпосылки.

Н. Бердяевъ: «Субъективизмъ и индивидуализмъ общественной философіи». Критическій этюдъ о Н. К. Михайловскомъ съ пред. П. Струве. Спб. 1901 г.

Русскіе марксисты, какъ извѣстно, давно уже отнеслись категорически-отрицательно къ „субъективному методу въ социологіи“, предложенному П. Миртовымъ и Н. К. Михайловскимъ. Это отрицательное отношеніе до сихъ поръ, однако, не было поддержано никакой серьезной критикой „субъективизма“. Главные представители русскаго марксизма предпочитали ограничиваться отдѣльными ироническими выходками, часто обнаруживавшими полную беззаботность по части истиннаго существа „субъективного метода“, который большинству—судившему иногда на основаніи одного имени—представлялся чѣмъ-то вроде „савраса безъ узды, носящагося по полю мысли исключительно по велѣнію собственныхъ капризовъ“ *). Пока „критика“ ограничивалась только этимъ, пока находились непритязательные читатели, которыхъ такая „критика“ вполне удовлетворяла,—до тѣхъ поръ не стоило и думать о серьезной защитѣ социологическаго „субъективизма“. Противъ полемическихъ шпилекъ и булавочныхъ уколовъ не облекаться же въ боевой панцырь и броню, не выдвигать же пушекъ и мортиръ. Оставалось ждать, пока въ средѣ самихъ представителей марксизма и, главное, ихъ читателей не поднимется уровень критическаго чутья, уровень требованій, предъявляемыхъ ими къ анализу чужихъ точекъ зрѣнія.

Въ настоящее время дѣло, повидимому, измѣнилось или измѣняется. Книжка г. Бердяева съ предисловіемъ г. П. Струве представлять собою первую попытку серьезно вдуматься въ существо „субъективного метода“, разобраться въ различныхъ формахъ его проявленія, составить о немъ цѣлостное представленіе и, на-

*) Такъ опредѣлилъ Н. К. Михайловскій наивное представленіе о «субъективномъ методѣ» одного изъ самыхъ первыхъ его критиковъ еще въ 70-хъ годахъ.

конецъ, дать его критическую оцѣнку. Первый шагъ, конечно, всегда труденъ, и это обязываетъ къ извѣстной снисходительности по отношенію къ г. Н. Бердяеву. Если онъ не всегда успѣшно справляется со своею задачею, если онъ не всегда вѣрно понимаетъ требованія субъективнаго метода, то этому не нужно удивляться. „Г. Михайловскаго у насъ (т. е., очевидно, у марксистовъ) теперь довольно плохо знаютъ и понимаютъ, и о субъективномъ методѣ существуютъ самыя превратныя понятія“, откровенно сознается г. Бердяевъ. Къ сожалѣнію, и самъ г. Бердяевъ не вполне освободился отъ вліянія этой окружающей его атмосферы, не стряхнулъ съ себя всѣхъ слѣдовъ вліянія этихъ „самыхъ превратныхъ понятій“ о субъективномъ методѣ, „малаго знанія и пониманія“ системы Н. К. Михайловскаго. Отчасти, не спорю, въ этомъ виноватъ самъ Н. К. Михайловскій, ни разу не обработавшій, не систематизировавшій своихъ философско-соціологическихъ воззрѣній въ одномъ связномъ и законченномъ очеркѣ. А еще болѣе въ этомъ виноваты мы, его приверженцы и почитатели, мы, не исполнившіе этой, немножко педантической сортировки по общепринятымъ рубрикамъ, отъ а до з, взглядовъ своего учителя, поглощенного тревогами и запросами дня, и занимающаго слишкомъ отвѣтственный постъ въ „литературѣ и жизни“, чтобы покинуть его для катехизической обработки матеріала старыхъ своихъ статей. При такихъ условіяхъ мы не должны быть слишкомъ строги къ людямъ, которые, не раздѣляя многихъ дорогихъ намъ воззрѣній, составляютъ себѣ не вполне правильное понятіе о нихъ и не усваиваютъ себѣ во всей полнотѣ нашей точки зрѣнія. Поэтому, чтобы поправить дѣло, въ настоящей антикритикѣ всякому разбору возраженій г. Бердяева противъ соціологическаго субъективизма я буду лучше предпосылать краткій и по возможности систематизированный очеркъ той системы воззрѣній, противъ которой направляется его критика. Это избавитъ насъ отъ лишней полемики и сэкономитъ время и мѣсто для споровъ по *существу*, а не по случайнымъ *недоразумѣніямъ*.

I.

Н. К. Михайловскій самъ опредѣляетъ основной мотивъ своей литературной дѣятельности, какъ стремленіе къ выработкѣ единой и цѣлостной *системы правды*, стройнаго міросозерцанія, которое бы неразрывно связывало въ одно высшее цѣлое всѣ понятія человѣка о сущемъ и всѣ его понятія о должномъ. Прообразомъ такой „системы правды“ для него являются, напримѣръ, древнія религіи. Отвлекаясь отъ конкретныхъ различій въ содержаніи всѣхъ этихъ религій, мы увидимъ во всѣхъ ихъ одну драгоценную общую черту. Каждая изъ нихъ отвѣчала разомъ на всѣ

струны человѣческаго сердца, каждая удовлетворяла такъ или иначе всѣмъ потребностямъ своихъ прозелитовъ,—теоретическимъ и практическимъ, общественнымъ и личнымъ, физическимъ и духовнымъ, національнымъ и семейнымъ, эстетическимъ и этическимъ. И то обстоятельство, что удовлетвореніе всѣмъ этимъ потребностямъ доставляла одна гармонически-стройная система,—сообщало необычайную душевную гармонию и уравновѣшенность ея приверженцамъ. „Блаженъ, кто вѣруетъ—тепло тому на свѣтѣ“—не одна пустая фраза. Въ общемъ идейномъ багажѣ современнаго человѣка также должно быть нѣкоторое „святая святыхъ“, къ которому онъ долженъ относиться съ чисто-религіозной преданностью и вокругъ котораго, какъ вокругъ своего естественнаго центра, должны группироваться въ извѣстномъ рациональномъ порядкѣ всѣ его желанія, стремленія и помыслы. „Подъ религіей—говорить въ этомъ именно смыслѣ Н. К. Михайловскій—я разумѣю такое ученіе, которое связываетъ существующія въ данное время понятія о мірѣ съ правилами личной жизни и общественной дѣятельности; связываетъ такъ прочно, что для исповѣдующаго это ученіе поступить противъ своего нравственнаго убѣжденія въ такой же мѣрѣ невозможно, какъ согласиться, что, напримѣръ, дважды-два равняется стеариновой свѣчкѣ. Очевидно, что первые христіане обладали такимъ ученіемъ. Ихъ понятія о прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ вселенной были самымъ тѣснымъ, неразрывнымъ образомъ связаны съ понятіями о нравственной жизни, и связь эта была такого возбуждающаго свойства, что давала имъ возможность дѣйствовать съ полной опредѣленностью. Очевидно также, что мы такого ученія не имѣемъ; наши понятія о существующемъ стоятъ сами по себѣ, понятія о должествующемъ существовать—тоже сами по себѣ, наконецъ, наши дѣйствія—опять сами по себѣ“... *).

Современный человѣкъ остался „безъ догмата“, какъ гласитъ названіе одного изъ прекрасныхъ романовъ Г. Сенкевича. „Догматъ“ исчезъ. Старая система правды, построенная на теологическихъ, внѣміровыхъ началахъ, разложилась, подкошенная подъ самый корень завоеваніями науки. Современному человѣку потребовалась новая система правды, которая не въ меньшей степени, чѣмъ прежняя, объединяла бы всѣ тенденціи его мысли, чувства и воли, но которая бы стояла на уровнѣ современныхъ знаній, такъ же, какъ стояла прежняя на уровнѣ современнаго ей незнанія. Отсутствие системы не можетъ не сказаться психологически на извѣстной двойственности, нравственной рыхлости, дряблости, неустойчивости современнаго человѣка. Дѣйствительность, живыми агентами которой являются люди „безъ догмата“,

*) Сочиненія Н. К. Михайловскаго, т. III, стр. 386—387.

не может не отличаться блѣдностью красокъ, разрозненностью образовъ, мертвенной тусклостью общаго колорита...

„Задача исторіи теперь, когда исчезла правда внѣ-міровая—это установить правду въ мірѣ“—превосходно выразился К. Марксъ въ своемъ „Введеніи въ критику философіи права Гегеля“. На мѣсто правды внѣ-міровой, внѣ-человѣческой, трансцендентной потребовалась правда „отъ міра сего“, правда человѣческая, реальная. Потребовалась система философіи, которая разомъ была бы и *философіей дѣйствительности* и *философіей дѣйствія*.

Соціологическая доктрина, неразрывно связанная для насъ, русскихъ, съ именами П. Миртова и Н. К. Михайловскаго, имѣла такую власть надъ умами и сердцами цѣлаго ряда активнѣйшихъ поколѣній русской интеллигенціи именно потому, что она являлась единой и цѣлостной системой, дававшей удовлетвореніе разомъ и теоретическимъ, и практическимъ потребностямъ ея приверженцевъ. Она была сооруженіемъ, какъ бы высѣченнымъ изъ одного цѣльнаго куска гранита, отсюда и характеръ отношенія къ ней со стороны читающей публики. Ее или цѣликомъ принимали въ ея основахъ, или точно также цѣликомъ отвергали. Сліяніе реального и идеальнаго, объективнаго и субъективнаго, теоретическаго и практическаго моментовъ—вотъ ея основная черта, которая проходитъ красною нитью черезъ всю ея архитектуру, начиная отъ самыхъ общихъ и отвлеченныхъ положеній и кончая самыми частными конкретными.

Эту черту своей системы Н. К. Михайловскій самъ характеризуетъ слѣдующими словами:

„Всякій разъ, какъ мнѣ приходитъ въ голову слово „правда“—я не могу не восхищаться его поразительною внутреннею красотой. Такого слова нѣтъ, кажется, ни въ одномъ европейскомъ языкѣ. Кажется, только по-русски истина и справедливость называются однимъ и тѣмъ же словомъ и какъ бы сливаются въ одно великое цѣлое. Правда въ этомъ огромномъ смыслѣ слова всегда составляла цѣль моихъ исканій. Правда-истина, разлученная съ правдой-справедливостью, правда теоретическаго неба, отрѣзанная отъ правды практической земли, всегда оскорбляла меня, а не только не удовлетворяла. И, наоборотъ, благородная житейская практика, самые высокіе нравственные и общественные идеалы представлялись мнѣ всегда обидно-безсильными, если они отворачивались отъ истины, отъ науки. Я никогда не могъ повѣрить и теперь не вѣрю, чтобы нельзя было найти такую точку зрѣнія, съ которой правда-истина и правда-справедливость являлись бы рука объ руку, одна другую пополняя. Во всякомъ случаѣ, выработка такой точки зрѣнія есть высшая изъ задачъ, какія могутъ представляться человѣческому уму, и нѣтъ усилій, которыхъ жалко было бы потратить на нее. Безбоязненно смотрѣть въ глаза дѣйствительности и ея отраженію—правдѣ-

истинѣ, правдѣ объективной, и, въ то же время охранять и правду-справедливость, правду субъективную—такова задача всей моей жизни“...

Съ точки зрѣнія многихъ и очень многихъ самая постановка вопроса, которую дѣлаетъ Н. К. Михайловскій, покажется ошибочной въ самомъ своемъ корнѣ. Могутъ сказать—какъ уже не разъ и говорилось—что область *сущаго* и *должнаго*—двѣ совершенно особыя, независимыя области; что между ними нѣтъ никакой необходимой связи; что для *истины* и *справедливости* уже по одному тому невозможно логическое объединеніе въ одну систему, что самый критерій истины и самый критерій справедливости не только не совпадаютъ, но, напротивъ того, совершенно различны и ничего общаго между собою не имѣютъ. Критерій истинности той или другой идеи—ея соотвѣтствіе съ объективной дѣйствительностью; критерій справедливости той или иной идеи—ея соотвѣтствіе съ высшими потребностями субъективной природы человѣка. Не ясно ли, что между міромъ теоріи и практики, объективнаго и субъективнаго отношенія къ дѣйствительности лежитъ непроходимая пропасть?

Но именно этой-то двойственности критеріевъ и не можетъ признать Н. К. Михайловскій. Онъ стремится подорвать дуализмъ теоріи и практики въ самомъ его корнѣ, въ вопросѣ о *критеріи истины*.

Можно ли признать, что верховнымъ критеріемъ истинности нашихъ представленій является ихъ соотвѣтствіе или несоотвѣтствіе съ дѣйствительностью? Вотъ вопросъ, который съ точки зрѣнія поверхностнаго „здраваго смысла“ безъ долгихъ разсужденій рѣшается положительно. Обыденный, вулгарный „разсудокъ“ не сомнѣвается, что человѣческія представленія о мірѣ и самый этотъ міръ, являющійся предметомъ человѣческихъ представленій, можно совершенно такъ же раздѣльно изучать и затѣмъ сравнивать, какъ оригиналъ и копію какой нибудь картины. Обыденный разсудокъ привыкъ къ тому, что каждое отдѣльное изъ нашихъ представленій и воспріятій мы можемъ провѣрить всей совокупностью другихъ представленій и воспріятій. Отсюда безсознательно въ этомъ „обыденномъ разсудкѣ“ складывается слѣдующее умозаключеніе: если каждое отдѣльное человѣческое воспріятіе можетъ быть провѣрено чѣмъ-то ему постороннимъ, то, очевидно, для всей совокупности человѣческихъ воспріятій и вырабатываемыхъ изъ нихъ представленій тоже возможна подобная же провѣрка, послѣ которой легокъ и отвѣтъ на вопросъ: совпадаютъ ли наши представленія съ дѣйствительностью, взятой самой по себѣ? Нетрудно замѣтить логическую ошибку этого умозаключенія. Отдѣльное воспріятіе провѣряется другимъ воспріятіемъ и ничѣмъ инымъ. Вся же сово-

купность воспріятій можетъ быть провѣрена лишь самою собою *), ибо кромѣ воспріятія у человѣка нѣтъ орудія, посредствомъ котораго онъ могъ бы познать объективную дѣйствительность. Какъ человѣкъ не можетъ выпрыгнуть изъ самого себя, такъ не можетъ онъ выйти изъ рамокъ своей психофизической организаціи. Его органы чувствъ, эти орудія его познанія, съ ихъ своеобразнымъ устройствомъ, обусловливаютъ собою весь матеріалъ его представленій, содержаніе всей его мыслительной работы. Повѣрку дѣятельности всей совокупности этихъ органовъ чувствъ чѣмъ нибудь для нихъ постороннимъ человѣкъ предпринять не въ силахъ, ибо у него для этого не хватаетъ немногаго: какъ разъ этого „посторонняго“... На вопросъ: соотвѣтствуютъ ли наши представленія дѣйствительности? вся совокупность нашихъ ощущеній, воспріятій и представленій представляетъ ли точный снимокъ съ объективнаго міра?—отвѣтить мы могли бы лишь въ томъ случаѣ, если бы и помимо нашихъ впечатлѣній и воспріятій, путемъ какого нибудь сверхъестественнаго наитія, мы познали бы ту же самую „объективную дѣйствительность“, которую теперь мы знаемъ чрезъ посредство нашихъ органовъ чувствъ. Только въ этомъ случаѣ мы имѣли бы двѣ истины о мірѣ, полученные изъ двухъ различныхъ источниковъ, и могли бы одну провѣрить другой. Но разъ источникъ, изъ котораго мы черпаемъ наши понятія о сущемъ, только одинъ, то чѣмъ можемъ мы провѣрить „благонадежность“ или „достоувѣрность“ этого источника?

Въ небольшой, бѣглой замѣткѣ „О жадѣ познанія“ Н. К. Михайловскій разсматриваетъ этотъ вопросъ, стремясь къ самой полной, самой абсолютной популярности изложенія. Наибольшей точностью отличаются наши зрительныя воспріятія, изъ которыхъ вырабатываются наши представленія о пространствѣ, о протяженныхъ предметахъ и передвиженіи ихъ въ пространствѣ. Посредникомъ, чрезъ котораго мы получаемъ матеріалы для всѣхъ этихъ представленій, является органъ зрѣнія. Обратимся же къ способу его дѣятельности. „Спеціальное отправленіе глаза состоитъ въ воспріятіи свѣтовыхъ лучей, идущихъ къ нему отъ предметовъ. Но будемъ ли мы раздражать зрительный нервъ электричествомъ, кислотой, будемъ ли мы его давить, рвать, рѣзать, на всѣ эти раздраженія онъ отвѣтитъ свѣтовыми явленіями. Если мы будемъ просто давить на свой собственный глазъ, то тоже получимъ, кромѣ ощущенія боли, ощущеніе свѣта. Такимъ образомъ органъ зрѣнія отвѣчаетъ свѣтовыми явленіями

*) Въ этомъ смыслѣ критеріемъ истинности (но критеріемъ одностороннимъ, чисто формальнымъ) является гармонія отдѣльнаго представленія со всѣми остальными, способность его уцѣлѣть въ систему гармонической концепціи міра, *«logische Uebereinstimmung der Gedanken unter sich»*, *«innere Widerspruchslosigkeit der Gedanken»*, по терминологіи Лааса.

на такія раздраженія, которыя не имѣютъ ничего общаго со свѣтомъ“. „Только зрительный аппаратъ, состоящій изъ сѣтчатки, зрительнаго нерва и извѣстной части мозга, способенъ производить свѣтовые ощущенія и соотвѣтственные представленія. Солнечные лучи воспринимаются и нервами осязанія, но здѣсь происходитъ ощущеніе теплоты, свѣтовыхъ же ощущеній не можетъ дать ни одинъ нервъ, кромѣ зрительнаго. То же самое повторяется и съ другими нервами: на языкѣ укусъ даетъ ощущеніе киелаго вкуса, а на соединительной оболочкѣ вѣкъ—осязательное ощущеніе болѣзненнаго жженія. Слѣдовательно, одинъ и тотъ же предметъ производитъ въ насъ различныя ощущенія не потому, что въ немъ самомъ произошли какія нибудь измѣненія, а потому, что онъ дѣйствуетъ на различныя органы чувствъ *). Съ другой стороны, мы видѣли, что зрительный аппаратъ отвѣчаетъ свѣтовыми явленіями на всякія раздраженія. Что бы ни дѣйствовало на органъ зрѣнія — свѣтъ ли, электричество ли, механическое ли давленіе и проч., онъ дѣлаетъ только свое специальное дѣло“. Какъ хорошій мельничный механизмъ будетъ одинаково перемалывать въ мелкій порошокъ, въ муку и зерно и случайно попавшій кусокъ известки, такъ и механизмъ зрѣнія *претворяетъ* въ свѣтовые явленія всѣ, попадающія въ сферу его дѣятельности процессы безъ различія. Съ точки зрѣнія наивнаго реализма процессъ нашего зрѣнія есть нѣчто въ родѣ зеркала, точно копирующаго все, что передъ нимъ реально происходитъ, а органы нашихъ чувствъ въ совокупности представляютъ собой нѣчто въ родѣ открытыхъ дверей, въ которыя и посылаютъ внѣшніе предметы міра свои копіи, снимки, модели — словомъ, самихъ себя въ миниатюрѣ **). Болѣе внимательное разсмотрѣніе, напротивъ, показываетъ, что роль нашихъ органовъ чувствъ, нашей психо-физической организаціи въ процессъ нашего познаванія гораздо болѣе активная ***). Она — обусловливающій моментъ

*) «Одинъ и тотъ же, неизвѣстный намъ по свойству его процессъ, ощущаемый какъ звукъ, когда онъ дѣйствуетъ на органы слуха, является движеніемъ, когда вступаетъ въ связь съ чувствами осязанія и зрѣнія или относится къ нимъ въ мысли. Самъ по себѣ, онъ настолько же не движеніе, насколько и не звукъ. Тѣмъ или другимъ становится онъ только при дѣйствительномъ или же мысленномъ соотношеніи съ соотвѣтственными чувствами». Риль, «Теорія науки и метафизики etc». гл. II, стр. 43.

**) «На что не обращаютъ вниманія односторонніе эмпирики, такъ это на то обстоятельство, что опытъ—вовсе не открытая дверь, черезъ которую входятъ въ насъ внѣшнія вещи, какъ они существуютъ сами по себѣ, но процессъ, посредствомъ котораго *явленіе вещей возникаетъ въ насъ*. Что при этомъ процессѣ всѣ свойства этихъ вещей приходятъ извнѣ, и воспринимающій человекъ для этого ничего не долженъ дѣлать—это противорѣчитъ всякой аналогіи, взятой изъ природы, съ какимъ бы то ни было порожденіемъ новой вещи изъ взаимодействія двухъ другихъ». F. A. Lange, *Geschichte des Materialismus*, 3-te Aufl., II, 27.

***) «Danach bedarf die Erzeugung des Wahrnehmungsobjects bekanntlich

всего процесса. „Свойство, качество предмета есть только *дѣйствіе* предмета, или, вѣрнѣе, постоянная способность дѣйствовать, при благоприятныхъ условіяхъ, извѣстнымъ образомъ на другіе предметы или на наши чувства“, а потому „свойства предметовъ зависятъ не только отъ ихъ природы, но и отъ природы тѣхъ органовъ, на которые они дѣйствуютъ“. Если ужъ искать грубыхъ аналогій, *то скорѣе можно сказать*, что наши представленія относятся къ предполагаемой настоящей, подлинной объективной дѣйствительности такъ же, какъ разноцвѣтный спектръ, отбрасываемый солнечнымъ лучемъ, пропущеннымъ черезъ призму, къ самому солнечному лучу; роль призмы въ данномъ случаѣ была бы аналогична роли нашихъ органовъ чувствъ, нашей физико-психической организаціи. Тотъ, для кого *истина* означаетъ полное соотвѣтствіе съ объективной, независимой отъ субъективнаго міра человѣческой психологіи дѣйствительностью, долженъ придти къ самому горькому разочарованію и скептицизму въ области познанія. Увы, „настоящей“ дѣйствительности мы не знаемъ. „Наши ощущенія, изъ которыхъ путемъ психической дѣятельности слагаются представленія о предметахъ, суть лишь извѣстные символы, извѣстные знаки,—но не произвольно нами выбранные, а навязанные намъ самой природой, самими условіями нашего существованія. Знаки эти нами заучиваются съ ранняго дѣтства путемъ сложнаго, отчасти произвольнаго опыта. Какъ ребенокъ постепенно заучиваетъ буквы, не имѣющія никакого сходства съ выражаемыми ими звуками, потомъ слоги, слова, съ которыми связываются опредѣленные понятія; такъ тотъ же ребенокъ долгимъ опытомъ знакомится съ зрительными ощущеніями, пока, наконецъ, научится вырабатывать *) правильныя, т. е. *пригодныя для жизни* представленія о предметахъ. Разъ отъ однихъ и тѣхъ же предметовъ получаютъ всегда одни и тѣ же знаки, т. е. ощущенія, а отъ разныхъ всегда разные—то такой системы знаковъ для насъ совершенно достаточно, тѣмъ болѣе, что иной и взять неоткуда. Нечего спрашивать, вѣрно ли само по себѣ мое зрительное представленіе о столѣ, на которомъ я пишу, и о различныхъ его качествахъ. Представленіе о столѣ, которое я имѣю, есть истинно и вѣрно,

vielgliedriger Bedingungen und Vermittlungen: der Luft, der Aethers, modificirenden organischer Apparate, Bündel von Nervenfasern, centraler Zellenanhäufungen, mechanischer, chemischer, electricischer Processe. Es wäre kindlich anzunehmen, dass das psychisch Phänomen, die Empfindung, Wahrnehmung, welche am Ende und auf Grund aller diesen Vermittlungen und Bedingungen zum Vorschein kommt, das an sich seiende Ding, der Erreger der Zwischenprozesse, selbst wäre. Laas, Idealismus u. Positivismus, II, 52.

*) Въ этомъ смыслѣ, какъ прекрасно выражается Когенъ, «die Natur nicht ein den Sinnen gegebenes Ding ist, sondern das grosse Fragezeichen, das die Sinne aufrichten, und das der Verstand schrittweise zu lösen hat». Kant's Theorie der Erfahrung, K. XIII, s. 501.

если я могу изъ него напередъ вѣрно и точно опредѣлить, какое ощущеніе я буду имѣть, если я приведу мой глазъ и мою руку въ то или другое положеніе относительно стола. Другого какого нибудь сходства между представленіемъ и представляемымъ предметомъ ни вообразить себѣ, ни понять нельзя“. „Такимъ образомъ, нельзя даже спрашивать: видимъ ли мы предметы такими, каковы они въ дѣйствительности?—потому что объ этой дѣйствительности мы, внѣ условій нашей природы вообще и природы нашего органа зрѣнія въ частности, не можемъ имѣть никакого понятія“.

Наивный реализмъ вульгарнаго здраваго смысла полагаетъ, что вещи извѣстны намъ и независимо отъ субъективной природы нашихъ воспріятій, что мы можемъ познавать объективную истину, не принося въ процессъ этого познанія ровно ничего „отъ себя“. „Какъ—говорить наивный реалистъ—неужели истина не существуетъ внѣ моего представленія? Напротивъ, истина существуетъ независимо отъ моего представленія и часто вопреки ему, какъ въ случаяхъ галлюцинацій, дальтонизма и т. п. ненормальностей психическаго состоянія или организациі человека“. Наивный реализмъ вполне справедливо замѣчаетъ, что истина, реальность вещи не зависятъ отъ *индивидуальныхъ* условій природы познающаго субъекта. Всякую галлюцинацію нельзя же признать за реальность. Но отсюда онъ уже совершенно ошибочно умозаключаетъ къ независимости истины отъ условій познающаго субъекта вообще. Его представленіе объ истинѣ, независимой отъ субъекта вообще, о реальности, стоящей выше людей и внѣ ихъ, — явилось естественнымъ результатомъ того, что представленіямъ отдѣльныхъ единичныхъ лицъ приходится противопоставлять *общее* представленіе массы. Но оно также обусловлено субъективной природою субъекта—только не единичной, конкретной природою, а *средней* природою *средняго* человека... Какъ отдѣльный человекъ можетъ провѣрять одно изъ своихъ ощущеній или воспріятій совокупностью другихъ, такъ воспріятія одного человека можно провѣрять воспріятіями совокупности другихъ людей *). Но если мы спрашиваемъ, соответствуетъ ли это послѣднее, обще-человѣческое воспріятіе самому ощущаемому, воспринимаемому объекту, — провѣрка становится опять-таки невозможной, потому что произвести ее нечѣмъ... „Ощущеніе краснаго цвѣта есть нормальная реакція нор-

*) Въ этомъ смыслѣ и говорить, напр., Зиммель: „Das Sein oder die Wahrheit ist auch nur ein Verhältnissbegriff, d. h. die Majorität der miteinander zusammenhängenden und übereinstimmenden Bewusstseinsinhalte nennen wir Wahrheit, gegenüber den Minorität, und wiederholen damit im Individuellen das schon sonst ausgesprochene Verhältniss, dass Wahrheit die Vorstellung der Gattung, Irrthum aber die schlechthin individuelle Vorstellung wäre“. („Einleitung“, s. 3).

мально устроенныхъ глазъ на свѣтъ, отраженный, скажемъ, кинovarью. Слепой на красный цвѣтъ видитъ кинovarь черною, потому что у него въ нервномъ аппаратѣ недостаетъ элементовъ, на которые могли бы дѣйствовать лучи свѣта, отраженные кинovarью; и это есть нормальная реакція киновари на его особымъ образомъ устроенные глаза; онъ долженъ только знать, что его глаза иначе устроены, чѣмъ у другихъ людей. И одно ощущеніе есть не болѣе истинно и не болѣе ложно, чѣмъ другое, хотя людей, воспринимающихъ красный цвѣтъ, гораздо больше, чѣмъ лишенныхъ этой способности. Вообще, красный цвѣтъ киновари лишь постольку и существуетъ, поскольку существуютъ глаза, могущіе ощущать его“.

Только могучая социологическая потребность *общенія между людьми* заставила человѣчество послѣдовательно выдѣлять изъ всей суммы индивидуальныхъ и въ этомъ смыслѣ субъективныхъ воспріятій такія, которыя особенно способны служить общей почвой для духовнаго общенія, въ которыхъ между собою гармонизируетъ наибольшее число личностей. *) Именно благодаря тому, что совмѣстная социальная жизнь, коллективная реакція на вліянія окружающей среды тѣмъ дружнѣе, цѣльнѣе и успѣшнѣе, чѣмъ однороднѣе воспринимаются эти вліянія общественными атомами-людьми,—именно благодаря этому соответствующія воспріятія приобрѣли для людей болѣшій вѣсъ, большее значеніе, чѣмъ тѣ, въ которыхъ „всякій молодецъ на свой образецъ“. Не то, слѣдовательно, чтобы индивидуальныя уклоненія въ воспріятіяхъ были менѣе „дѣйствительны“, чѣмъ обычныя, среднія, нормальныя. Тѣ и другія равно дѣйствительны, равно необходимы и функціонально связаны съ природой воспринимающаго субъекта. Требованія общественной жизни заставили человѣка, „животное общественное“, возвести въ рангъ высшей истины „die Vorstellung der Gattung“, представленіе *рода* homo sapiens, сравнительно съ представленіемъ индивида. Общественная жизнь создавала нормы не только для поведенія, но и для работы ума. Средній общественный типъ сдѣлался мѣриломъ для индивида. Но эта истина есть только истина относительная, истина *для человека*.

Истинныхъ представленій о мірѣ существуетъ столько же,

*) «Пока не пробудилась потребность сообщенія впечатлѣній и выведенныхъ изъ нихъ представленій однимъ человѣкомъ другому, до тѣхъ поръ существуетъ индивидуальное только созерцаніе и неопредѣленно ощущаемый предметъ его для столь же исключительно индивидуальнаго сознанія. Но потребность эта пробуждается общежитіемъ, она—слѣдствіе социальныхъ инстинктовъ, порожденныхъ и укрѣпленныхъ борьбой за существованіе. Лишь животныя общественныя разрываютъ границы индивидуальнаго сознанія, расширяютъ его психическими отношеніями къ товарищамъ до степени общественнаго. Тутъ только готовится почва для настоящаго опыта, для общаго всѣмъ познаванія общихъ всѣмъ объектов». А. Риль, «Теорія науки etc», стр. 77.

сколько различныхъ типовъ психо-физическихъ организацій. Для каждой изъ нихъ истина, конечно, едина. Но не надо забывать, что эта истина лишь для данной психо-физической организаціи, напримѣръ человеческой, абсолютной же истины, независимой отъ какихъ бы то ни было субъективныхъ опредѣленій — нѣтъ и быть не можетъ. „Человѣкъ — не Богъ, находящійся внѣ всякихъ условій и опредѣленій. Онъ занимаетъ въ іерархіи существъ, населяющихъ міръ, высокое, но совершенно опредѣленное мѣсто, обусловленное его организаціей. Существа высшія его, существа низшія его имѣютъ понятія о мірѣ, весьма отличныя отъ его понятій, и, однако, они не болѣе и не менѣе истинны, чѣмъ его собственныя“. Въ этомъ отношеніи верховнымъ критеріемъ истинности является *пригодность для жизни*, способность служить практическимъ потребностямъ даннымъ образомъ организованнаго существа, — короче, способность служить орудіемъ поддержанія того „*равновѣсія между субъектомъ и окружающей средой*“, которое составляетъ сознательную или безсознательную цѣль въ его борьбѣ за существованіе.

Такимъ образомъ, передъ нами рядъ обычныхъ положеній критической философіи, большей частью уже сдѣлавшихся трюизмами (они не были таковыми, конечно, тогда, когда Н. К. Михайловскій писалъ эти строки, вѣдь это было четверть вѣка назадъ). Но эти положенія переработаны, скомбинированы г. Михайловскимъ на свой особый ладъ. Получается оригинальная концепція, въ которой теорія человеческого познанія и теорія борьбы за существованіе, эволюція и подбора приводятся между собою въ самую тѣсную связь. Однимъ смѣлымъ ударомъ вскрываются *утилитарные* корни самого происхожденія нашего, человеческого представленія объ „истинѣ“. Тѣмъ самымъ дается и теоретическій фундаментъ для предъявленія къ наукѣ и философіи утилитарныхъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова требованій. Отъ лица обыкновеннаго, сѣраго человѣка, выносящаго на своихъ плечахъ всю современную цивилизацію, отъ этого собирательнаго „профана“ — какъ называлъ его Н. К. Михайловскій — отнынѣ съ полнымъ сознаніемъ своего практическаго и теоретическаго права выставляется смѣлое демократическое требованіе: „наука должна служить намъ, профанамъ! ея способность служить намъ — мѣрило ея научности!“

„Метафизики — говорить, между прочимъ, г. Михайловскій — спорили, напримѣръ, очень много о томъ, существуетъ ли реальный міръ, т. е. этотъ столъ, это перо, эта свѣчка, этотъ пишущій человѣкъ и т. д., существуютъ ли они въ дѣйствительности, или, это только призракъ, обманъ, а настоящая дѣйствительность лежитъ гдѣ-то за реальнымъ міромъ, въ качествѣ его субстрата. Много остроумія, силы и тонкости мысли, всѣхъ лучшихъ даровъ человеческой природы потрачено было на этого рода споры,

при чемъ субстратомъ всего реальнаго міра, единосущимъ, дѣйствительнымъ бытіемъ поочередно признавались вода, число, духъ, матерія, воля, опять духъ, опять матерія и т. д. ". Такимъ образомъ, и догматическій матеріализмъ, и догматическій идеализмъ во всѣхъ его разновидностяхъ для г. Михайловскаго одинаково являлись тѣми зданіями на зыбкомъ пескѣ метафизики, надъ которыми собирательный „профанъ“ въ лицѣ Прудона изрекъ свой безжалостный судъ. „Народъ, практикъ по преимуществу—говорить Прудонъ—спрашивалъ, на что годится эта философія и какъ примѣнять ее къ жизни? Когда же ему отвѣтили устами Шеллинга, что философія существуетъ въ себѣ и для себя, что было бы оскорбительно для ея достоинства искать ей какого-нибудь примѣненія,—то народъ отвергъ философовъ и весь міръ послѣдовалъ его примѣру“.

Разъ ясно, что глубочайшіе корни человѣческаго представленія объ истинѣ, человѣческаго познанія истины лежатъ въ области практическихъ потребностей, то отсюда же слѣдуетъ, что всякое стремленіе оторвать науку и знаніе отъ этихъ утилитарныхъ корней представляетъ въ то же время разрывъ съ наукою. Человѣческое познаніе со всѣми основными функциями познавательной способности человѣка опредѣлилось практическимъ моментомъ—поддержаніемъ равновѣсія между человѣкомъ и окружающей, на половину враждебной ему средой. И лишь по скольку философъ, поднимаясь въ заоблачныя высоты метафизики, пытается перешагнуть черезъ условныя и относительныя формы нормальнаго мышленія въ поискахъ за безусловнымъ и абсолютнымъ—лишь по столько онъ и обрѣтаетъ философію, которая существуетъ лишь „въ себѣ и для себя“, а ни на что иное не годится. Практическій протестъ „профана“ здѣсь подаетъ руку теоретическому протесту истинной науки, истинной, критической философіи.

Читатель, знакомый съ такъ называемымъ „эмпирио-критицизмомъ“, философіей, связанной въ особенности съ именемъ Авенариуса, замѣтитъ безъ труда, до какой степени отвѣчаетъ предлагавшееся имъ построеніе „философіи, какъ мышленія о мірѣ, согласно принципу наименьшей мѣры силъ“, тѣмъ требованіямъ, которыя ставитъ философіи Н. К. Михайловскій отъ лица коллективнаго „профана“.

Мы напомнимъ вкратцѣ исходную точку разсужденій Авенариуса. Организція нашего духа, говоритъ онъ, подобно нашей тѣлесной, физической организціи, обладаетъ несомнѣнно характеромъ *цѣлесообразности*. Другой вопросъ, основывается ли эта цѣлесообразность душевной организціи на цѣлесообразности строенія физическаго организма, или та и другая сообразность суть „двѣ стороны“ одного и того же по существу явленія или, наконецъ, послѣднюю причину этой цѣлесообразности слѣдуетъ искать въ

области духа—иными словами, будемъ ли мы ее объяснять материалистически, монистически или спиритуалистически,—несомѣнно одно: „душевная дѣятельность вообще цѣлесообразна: она имѣетъ такое громадное значеніе для самосохраненія индивида, что послѣднее стало бы немислимо, если бы не признать душевную дѣятельность въ высшей степени согласно съ требованіями цѣлесообразности *).“ Здѣсь прежде всего мы видимъ ту же основную точку зрѣнія на человѣческій интеллектъ, какъ на орудіе въ борьбѣ за существованіе **). Мало того. Это признаніе для Авенаріуса играетъ значеніе также исходнаго пункта при установленіи требованій, законно предъявляемыхъ жизнью къ философіи. „Организація, функционирующая цѣлесообразно—говоритъ далѣе Авенаріусъ ***)—должна не только выполнять задачу, но выполнять ее съ возможно меньшей—при данныхъ условіяхъ—мѣрой силъ, или самыми незначительными средствами. Данное рѣшеніе считается тѣмъ цѣлесообразнѣе, чѣмъ меньше бесполезная трата силъ,—и, слѣдовательно, чѣмъ больше силъ сбережено для другихъ функцій; данная трата силъ будетъ тѣмъ цѣлесообразнѣе, чѣмъ болѣе результатъ достигнутъ посредствомъ ея ****). Философія должна отвѣчать на это требованіе экономіи въ употребленіи и затратѣ человѣкомъ его душевныхъ силъ. Философія должна быть методически построеннымъ міросозерцаніемъ, помогающимъ человѣку съ наименьшей затратой силъ ориентироваться въ пестромъ калейдоскопѣ впечатлѣній внѣшняго міра и цѣлесообразно реагировать на нихъ. „Если бы—говоритъ Авенаріусъ—душа обладала неистощимыми силами для развитія представленій, то для нея было бы, конечно, безразлично, какъ много истрачено изъ этого неисчерпаемаго источника; важно было бы, пожалуй, только время, необходимо затраченное. Но такъ какъ силы эти ограничены, то слѣдуетъ ожидать, что душа стремится выполнять процессы ознакомленія, познаванія по возможности цѣлесообразно, т. е. съ сравнительно наименьшей затратой силъ,

*) Р. Авенаріусъ. «Философія, какъ мышленіе о мірѣ согласно принципу наименьшей мѣры силъ». «Научно-филос. библіотека». СПБ. 1899, стр. 7, § 1.

**) Точно также и для Эрнста Маха «diese ersten physischen Functionen wirken in der Oekonomie des Organismus nicht minder, als fest, als Bewegung und Verdauung».

**) Въ работѣ Петцольда («Minima, Maxima und Oekonomie», Altenburg 1891) проведена тщательная параллель между взглядами Авенаріуса и взглядами, къ которымъ самостоятельно, независимо и приблизительно одновременно пришелъ извѣстный физикъ Эрнстъ Махъ. Даемъ здѣсь одну изъ параллельныхъ цитатъ: «Wenn das Denken mit seinen begrenzten Mitteln versucht das reiche Leben der Welt wiederzuspiegeln, von dem es selbst nur ein kleiner Theil ist, und das zu erschöpfen es niemals hoffen kann, so hat es alle Ursache mit seinen Kräften sparsam umzugehen. Daher der Drang aller Philosophien mit wenigen organisch gegliederten Gedanken die Grundzüge Wirklichkeit zu umfassen (s. 55).

****) Ibid., § 2, стр. 7.

или, что то же, съ сравнитель о наибольшимъ результатомъ *).“ Именно поэтому основная задача науки и, на еще болѣе высокихъ ступеняхъ, философіи, — объединять, систематизировать данныя опыта. „При систематизации происходитъ организациа группъ представлений, при чемъ центральное мѣсто въ сознаниіи отводится особо важному комплексу представлений; вокругъ же него, въ надлежащемъ порядкѣ, располагаются другія представлениа. Совокупность представлений, объединенныхъ теоретическимъ интересомъ индивида, получаетъ распорядокъ, организуется. Только такимъ путемъ сознание впервые возвышается надъ наличнымъ запасомъ представлений и лучше осваивается съ нимъ. Но тѣмъ самымъ всѣ постановки вопросовъ получаютъ единое, общее рѣшеніе, т. е. каждый разъ формировка понятія совершается посредствомъ одной лишь группы—центрального представлениа системы **); кромѣ того, воспроизведеніе этой группы становится все легче и понятнѣе, благодаря ея благопріятному положенію и частому примѣненію. Наконецъ, всякая новая проблема тотчасъ же находитъ соотвѣтственное мѣсто въ ряду родственныхъ ей проблемъ и получаетъ свое рѣшеніе чрезъ ея отношеніе къ центральному представленію...“ Вполнѣ понятно, что, не имѣй мы, такой способности связыванія, объединения представлений, умъ нашъ положительно былъ бы подавленъ множествомъ отдѣльныхъ, разрозненныхъ, каждый разъ особыхъ воспріятій, требующихъ отдѣльнаго ознакомленія и запоминанія. Будь силы человѣческаго ума безграничны, можетъ быть, такое безусловно-конкретное знаніе являлось бы идеальнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы втиснуть всякое новое представленіе въ систему, уложить его въ извѣстное родовое понятіе, приходится руководиться общими сходствами и жертвовать нѣкоторыми индивидуальными особенностями выделяющими именно это явленіа на особое мѣсто въ ряду другихъ ***). И надо сознаться, что часто, очень часто система оказывается прокустовымъ ложемъ для всякаго новаго факта, новаго вопроса; что накопленіе этихъ новыхъ фактовъ и вопросовъ то и дѣло разрываетъ тѣсныя рамки системы и заставляетъ передѣлывать, перестраивать ее заново, чтобы привести площадь и объемъ теоретической хранины въ большее соотвѣтствіе съ массой разнообразнаго строительнаго матеріала, изъ котораго приходится его соорудить. Но при ограниченности нашихъ душевныхъ силъ иначе поступать

*) Ibid., § 6, стр. 8.

**) Такъ, наприм., у экономическихъ матеріалистовъ всякій новый историческій фактъ, всякій новый вопросъ получаетъ единое освѣщеніе, когда онъ приводится въ связь съ «центральнымъ представленіемъ системы»—формами производства каждой данной эпохи. В. Ч.

***) «Freilich liegt in dem ökonomischen Schematisiren des Wissenschaft nicht nur ihre Stärke, sondern auch ihr Mangel. Die Thatsachen werden immer nur mit einem Opfer an vollständigkeit dargestellt, nicht genauer, als dies unseren augenblicklichen Bedürfnissen entspricht.» Petzold, e. c. 57.

мы не можемъ. Система—своимъ дѣйствительнымъ или мнимымъ совершенствомъ—даетъ намъ возможность справиться съ безпорядочной массой впечатлѣній, такъ или иначе овладѣть ими, вмѣсто того, чтобы быть раздавленными этой грудой сырого, необработаннаго матеріала. Систематизація есть одинъ изъ главныхъ моментовъ сбереженія силъ. Орудіемъ систематизаціи является составленіе понятій, объединеніе представленій въ группы по сходству *). Эти понятія будутъ родовыми, если мы мыслимъ группы цѣлостныхъ представленій о конкретныхъ единствахъ, встрѣчаемыхъ въ природѣ, о предметахъ или существахъ природы. Эти понятія будутъ отвлеченными, абстрактными, если мы отроизниваемъ отъ этихъ конкретныхъ единствъ тѣ или другія отдѣльныя черты, свойства или качества ихъ. Наконецъ, есть еще третій видъ понятій: мы можемъ объединять и систематизировать общія черты не конкретныхъ предметовъ, а *процессовъ*, рассматривая природу не статически, а динамически, схватывая вещи не въ отдѣльный моментъ, т. е. въ состояніи неподвижности, а въ текучемъ состояніи, въ движеніи. Общія понятія, составляемыя такимъ образомъ, даютъ намъ то, что мы называемъ обычно „законами природы“ **). Дѣло науки и философіи—это, начиная съ фундамента элементарныхъ воспріятій и вырабатываемыхъ изъ нихъ представленій—т. е. съ фундамента *опыта*, построить многоэтажное зданіе, или, лучше сказать, цѣлую пирамиду все болѣе и болѣе всеохватывающихъ понятій. Философія въ этомъ отношеніи различается отъ науки не принципиально, а лишь по степени обобщенія. Довольно удачно, поэтому,

*) «Понятія можно расположить въ рядъ отъ абсолютно-простого или понятія объ абсолютно-простомъ до абсолютно-всеобщаго или понятія объ абсолютно-всеобщемъ. Въ абсолютно-простомъ понятіи пониманіе встрѣчаетъ свой «нижній» предѣлъ, ибо подъ такое понятіе нельзя подвести болѣе простое; въ абсолютно-общемъ понятіи пониманіе достигаетъ своего наиболѣе, «высокаго» предѣла, такъ какъ не можетъ быть еще болѣе общее понятіе которому подчинялось бы абсолютно-общее. Поэтому всѣ науки, имѣющія цѣлью пониманіе, считаютъ свое дѣло поконченнымъ, если, посредствомъ понятій, онѣ, съ одной стороны, разложить свой матеріалъ на его простѣйшія элементы, а съ другой—выведутъ изъ него тѣ понятія, которыя менѣе всего охватываютъ совокупность явленій, т. е. выведутъ самыя общія понятія и основныя или наивысшіе законы.» Авенариусъ, ib., 16.

**) «Сущность нашего пониманія явленій природы состоитъ въ томъ, что мы стараемся отыскать родовыя понятія и естественныя законы. Законы природы ничто иное, какъ родовыя понятія для измѣненій въ природѣ» (Гельмгольцъ. *Handbuch der physiologischen Optik*, Leipzig, 1867, 454). «Законы—также апперцепціи черезъ понятія; но они относятся не къ свойствамъ однородныхъ вещей, какъ понятія въ строгомъ смыслѣ слова, а къ свойствамъ однородныхъ событій.» (Авенариусъ, ib., 16.) Поправка Авенариуса намъ кажется правильною. Законы относятся къ процессамъ скорѣе такъ, какъ *отвлеченныя* понятія относятся къ вещамъ, чѣмъ какъ *родовыя*. Для Маха законъ—«umfassender und verdichteter Bericht über Thatsachen» zur «Entlastung des Gedächtnisses.»

замѣчаніе Спенсера: знаніе необобщенное есть лишь эмпирическое, а не научное знаніе; знаніе, обобщенное въ частныхъ областяхъ, есть наука; знаніе же, совершенно обобщенное, есть философія. Только она даетъ закругленіе нашему міросозерцанію, объединяя отдѣльныя науки и создавая изъ нихъ единую науку.

Но все это только одна сторона дѣла. Тотъ же утилитарный принципъ, принципъ экономіи силъ требуетъ не только правильнаго, раціональнаго, логически-регулированнаго систематизированія даннаго въ опытѣ. Онъ требуетъ не только радикальнаго устраненія всякихъ попытокъ сверхъ-опытнаго „прозрѣванія“, всякихъ попытокъ выйти изъ рамокъ относительной, условной „истины для человѣка“. Мышленіе о мірѣ сообразно принципу наименьшей мѣры силъ будетъ полно и послѣдовательно лишь тогда, когда отъ всякихъ незаконныхъ примѣсей будетъ очищенъ не только самый процессъ систематизаціи, построенія цѣлостнаго міросозерцанія, но и самый матеріалъ, изъ котораго зданіе строится. Изъ этого матеріала должно быть также устранено все лишнее. Требованіе доброкачественности этого матеріала есть требованіе очищенія отъ всякихъ примѣсей, отъ всего посторонняго и ненужнаго, отъ всѣхъ чуждыхъ элементовъ—самого опыта. Полученіе чистаго, непримѣснаго опыта, въ связи съ научной обработкой и систематизаціей единственно данныхъ этого опыта—вотъ два условія, безъ которыхъ философія не будетъ мышленіемъ о мірѣ сообразно наименьшей мѣрѣ силъ.

„Метафизики всѣхъ вѣковъ, пытавшіеся построить законы вселенной умозаключеніемъ отъ предполагаемыхъ необходимостей нашей мысли, всегда дѣйствовали и могли дѣйствовать, лишь ревностно открывая въ своемъ умѣ то, что они сами предварительно въ него вложили, и выпутывая изъ своихъ идей то, что они сами въ нихъ впутали“—сочувственно цитируетъ Н. К. Михайловскій слова одного изъ рѣшительнѣйшихъ англійскихъ эмпиристовъ—Милля. И радикальный разрывъ со всякой метафизикой требуетъ послѣдовательнаго, систематическаго и безжалостнаго удаленія изъ познанія (а слѣдовательно, и его источника—опыта, эмпиріи) всего того, что въ него „впутано“ и „вложено“ произвольно, что не необходимо навязывается человѣку природою человѣческаго опыта. Острый ножъ философской критики долженъ срѣзать всѣ чужеродныя растенія на „древѣ познанія“. А изъ чужеродныхъ организмовъ самыя опасныя какъ разъ тѣ, которые нападаютъ на самыя корни дерева; изъ всѣхъ ядовъ самыя опасныя тѣ, которые поражаютъ самый источникъ ручья или рѣки. Кантъ далъ намъ „критику чистаго разума“, которая подорвала привнесеніе чуждыхъ, метафизическихъ элементовъ въ области мысли. Необходимо „критика чистаго опыта“ для устраненія субъективныхъ примѣсей въ этотъ источникъ и корень всякой мысли.

Философія чистаго опыта, такимъ образомъ, представляетъ собою эмпиризмъ, основанный на философскомъ критицизмѣ, откуда и его названіе „эмпирио-критицизмъ“. Эта философія сознательно, критически-обдуманно идетъ къ той цѣли, которую не вполне сознательно преслѣдовалъ позитивизмъ. Для насъ чрезвычайно интересно отмѣтить, что Н. К. Михайловскій уже давно, еще въ 1870 году, за шесть лѣтъ до появленія на нѣмецкомъ языкѣ „Философіи, какъ мышленія о мірѣ сообразно принципу наименьшей мѣры силъ“ *), вполне уяснилъ себѣ эту бессознательную тенденцію позитивизма и даже въ общихъ чертахъ совершенно отчетливо ее формулировалъ совершенно въ духѣ Авенаріуса. „Черезъ всю дѣятельность Конта, не исключая и его позднѣйшихъ заблужденій—писалъ Михайловскій въ статьѣ „Суздальцы и суздальская критика“—свѣтлою нитью проходитъ одна простая, но глубокая идея: необходимость *такъ экономизировать силы природы и человѣка, чтобы трата ихъ вознаграждалась соответственной прибылью*. Я не утверждаю, чтобы онъ идѣ нибудь такимъ именно образомъ формулировалъ свою задачу (нѣтъ, это сдѣлали со всѣми послѣдствіями лишь Махъ и Авенаріусъ. В. Ч.), но присутствіе этой идеи для меня очевидно и въ его анализѣ трехъ методовъ мышленія, и въ классификаціи наукъ, etc., etc“. „Въ виду этой идеи, можетъ быть, имъ самымъ смутно сознаваемой (въ чемъ я, впрочемъ, отнюдь не убѣжденъ)... Контъ предпринялъ и совершилъ дѣло, поистинѣ гигантское. Требовалось опредѣлить границы человѣческой природы и заставить людей принять какъ для теоретической, такъ и для практической дѣятельности, такой девизъ: только то, что могу, но все, что могу... *Требованіе экономіи умственныхъ силъ* **) *само собою должно было отодвинуть назадъ какъ стремленіе проникнуть въ сущность вещей, познать вещи въ себѣ, такъ и излишнюю спеціализацію знаній*. Корабль человѣческой мысли былъ нагруженъ страшно, черезъ край; въ составъ груза входило много въ высшей степени драгоценныхъ вещей, но много было и совершенно негоднаго балласта; вдобавокъ все это валялось въ безпорядкѣ и затрудняло управленіе ходомъ корабля. Задача, слѣдовательно, была двойная: *выкинуть*

*) Что касается до Э. Маха, то онъ изложилъ свои идеи главнымъ образомъ въ 1882, 1883 и 1888 гг. («Die Oekonomische Natur der physikalischen Forschung», «Die Mechanik in ihrer Entwicklung», «Beiträge zur Analyse der Empfindungen»). Но даже и впервые свою точку зрѣнія на «экономическій принципъ» въ мышленіи онъ высказалъ позже Н. К. Михайловскаго, въ 1872 году.

**) Еще болѣе разительнымъ представляется сходство формулировокъ Н. К. Михайловскаго съ формулировкой Маха, выдвинувшаго свой «Grundansicht über die Natur aller Wissenschaft als einer Oekonomie des Denkens». Статьи Маха по теоріи познанія недавно изданы по-русски Ю. А. Маноцковой въ видѣ особаго сборника; усиленно рекомендуемъ ихъ вниманію читателей.

за бортъ человеческой мысли всю неподлежащую ей вѣдѣнію область непознаваемого и расположить познаваемое, если можно такъ выразиться, *по линіи наименьшаго сопротивленія*“. Не трудно видѣть, что изъ современныхъ философскихъ системъ этому требованію наиболѣе удовлетворяетъ именно эмпирио-критицизмъ. Онъ именно „выбрасываетъ за бортъ человеческой мысли“ множество проблемъ, какъ неправильно поставленныхъ и потому допускающихъ, вмѣсто научнаго рѣшенія, лишь непроеводительную и безрезультатную *трату силъ*.

Какъ извѣстно, однако, Авенаріусъ не остановился на первоначальной формулировкѣ своего принципа, какъ принципа „наименьшей мѣры силъ“. Въ своей основной работѣ, „Критикѣ чистаго опыта“, онъ видоизмѣнилъ нѣсколько свою позицію. Однако, если это видоизмѣненіе очень существенно въ методологическомъ смыслѣ, для построенія всей системы, то *принципиально*, въ смыслѣ объединенія теоретическаго и практическаго момента, устраненія дуализма „истины“, никакого отступленія не произошло. Напротивъ, это единство еще болѣе укрѣпилось. Для Авенаріуса исходной точкой является предположеніе, что человеческій организмъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ, самъ можетъ сохранять себя. Носителемъ единства этого организма является центральная нервная система, въ которой, какъ въ фокусѣ, соединяются всѣ идущія отъ периферіи измѣненія и которыя она опять возвращаетъ къ периферіи (реакція на вліянія извнѣ). Идущія отъ окружающей среды измѣненія являются сплошь и рядомъ враждебными по отношенію къ гармоническому строю организма, разстраивающими формальный строй центральной нервной системы. Этимъ пертурбаціоннымъ вліяніямъ центральная система, или, говоря психологическимъ языкомъ, человеческій духъ противопоставляетъ свою, унаслѣдованную въ ряду поколѣній потенциальную энергію, способность сохраненія самой себя путемъ извѣстныхъ измѣненій—„приспособленій“. Этотъ принципъ поддержанія (Erhaltung) своего формальнаго строя, своей гармоніи („жизнесохраненія“ Авенаріуса), принципъ „устойчивости“ („Stabilität“ Петцольда) замѣнилъ у Авенаріуса прежнее понятіе „наименьшей мѣры силъ“ или „экономіи“ Маха *). И этой замѣнѣ какъ нельзя болѣе удовлетворяетъ другая, имѣющая глубокий смыслъ формулировка Н. К. Михайловскаго: „Истина есть, если можно такъ выразиться, извѣстный, специальный случай *равновѣсія* между субъектомъ и объектомъ“, между человекомъ и окружающей средой: природой и другими людьми.

*) Ср. Карстанъенъ, «Введеніе въ критику чистаго опыта», пер. В. Лесевича, СПб. 1899, стр. 14—15. Нетрудно видѣть, что понятіе «экономіи силъ» является при этомъ понятіемъ подчиненнымъ, а не самостоятельнымъ, частичнымъ, а не всеобщимъ.

И здѣсь, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, г. Михайловскій, не думавшій никогда ни о специальной разработкѣ философскихъ проблемъ, ни о созданіи новой философской школы или чего нибудь подобнаго, однако, предвосхитилъ правильную точку зрѣнія, до которой лишь впоследствии доработалась западно-европейская философская мысль.

Любопытно отмѣтить въ связи съ этимъ, что отъ вниманія Н. К. Михайловскаго не ускользнуло и то обстоятельство, что постороннія примѣсы содержатся не только въ привычкахъ мысли чловѣка, но и въ элементарной основѣ познанія, въ простой эмпири, въ опытѣ и наблюденіи. Вслѣдъ за Спенсеромъ онъ отмѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ, что „точное наблюденіе есть дѣло вовсе не такое легкое и простое, какъ обыкновенно думаютъ“, что въ этомъ скрыто для познанія много опасностей, противъ которыхъ „есть только одно средство: по возможности *тщательно проверять свое эмпирическое содержаніе и отыскивать его источники*“ *). Именно эта „тщательная проверка эмпириі“ и есть задача „критики чистаго опыта“ Авенаріуса. Подобно Авенаріусу, Н. К. Михайловскій всегда былъ глубоко убѣжденъ, что „все наше психическое содержаніе безъ остатка, т. е. всѣ наши мысли, знанія, будь они истинны или ложны, всѣ наши желанія или чувства, будутъ ли они хороши или дурны—обязаны своимъ происхожденіемъ опыту“. „Ни внѣ насъ, ни внутри насъ—прибавлялъ г. Михайловскій—мы не можемъ признать существованія какихъ либо особыхъ дѣятелей, дающихъ намъ, помимо опыта, готовые рѣшенія“... **).

Въ нашу задачу здѣсь, конечно, не можетъ входить обсужденіе вопроса, насколько успѣшно въ настоящее время справился эмпирио-критицизмъ съ тою задачею, которую онъ себѣ поставилъ; все ли, что нужно было выкинуть изъ опыта, какъ чуждую ему субъективную примѣсь, онъ дѣйствительно выкинулъ, и все ли изъ того, что онъ выкинулъ, дѣйствительно нужно было выкинуть. Намъ важно было лишь отмѣтить, что въ принципѣ, въ самой постановкѣ задачи—безповоротно раздѣлаться разъ и навсегда со всякой метафизикой путемъ соединенія позитивнаго эмпиризма съ философскимъ критицизмомъ, путемъ очищенія не только разума, но и опыта, и устранить изъ „истины“ всякій раздѣдающій дуализмъ,—г. Михайловскій хочетъ того же, что и Авенаріусъ. Онъ также стремится сочетать свойственный позитивизму эмпиризмъ съ критической философіей, какъ его надежнейшей опорой и фундаментомъ.

Критическую философію Н. К. Михайловскій всегда считалъ прекраснымъ дисциплинирующимъ умъ средствомъ. Знакомство съ нею онъ настоячиво рекомендовалъ своимъ читателямъ. „Прежде

*) «Что такое прогрессъ?» Соч., т. I, стр. 117.

**) Ibid., 113.

всего—пишетъ онъ, напримѣръ, въ своихъ *Письмахъ о правдѣ и неправдѣ*—мы должны выяснить, какія границы положены нашему уму его природой. Въ этомъ именно состоитъ то, что обыкновенно называется теоріей познания. Я не буду ее здѣсь развивать, но вы, конечно, знаете, хотя въ общихъ чертахъ, тѣ результаты, къ которымъ на этотъ счетъ пришло большинство мыслящихъ людей. За малыми и не стоящими большого вниманія исключеніями всѣ они признаютъ, что человѣку доступна только относительная правда, что животное съ иной организаціей должно понимать вещи иначе, что правда, съ точки зрѣнія человѣка не есть что нибудь вполне соответствующее „природѣ вещей“ и обязательное для всѣхъ существъ. Человѣкъ добываетъ элементы „правды“ при помощи пяти чувствъ, а будь у него ихъ больше или меньше, „правда“ представлялась бы ему совсѣмъ иначе. Границъ, отмѣченныхъ перстомъ природы, переступить нельзя... „Природа человѣка—не заборъ, черезъ который можно перелѣзть и благополучно очутиться на другомъ дворѣ, это—самъ человѣкъ, а перепрыгнуть черезъ самого себя при всемъ желаніи невозможно“.

А между тѣмъ именно такой попыткой выпрыгнуть изъ собственной шкуры кажется г. Михайловскому всякое стремленіе познать безусловную, безотносительную къ модифицирующимъ чувственнымъ аппаратамъ человѣка „дѣйствительность“ или „вещь въ себѣ“ *). „Положительной наукѣ—говоритъ онъ—нѣтъ никакого дѣла до субстанцій и соответствующихъ имъ критеріевъ истинности нашихъ понятій... Для нея истина есть только, если можно такъ выразиться, *известный, специальный случай равновѣсія между субъектомъ и объектомъ*“.

Слѣдующій, отчасти шуточный примѣръ служить у г. Михайловскаго иллюстраціей этого положенія. „По моему столу ползаетъ ранняя муха, отогрѣтая высокой температурой комнаты. Безъ сомнѣнія, она имѣетъ о столѣ представленіе, совершенно отличное отъ моего, но разъ природа ея удовлетворяется этимъ представленіемъ, оно для нея истинно. И если есть мухи-метафизики, то онѣ будутъ совершенно тщетно выбиваться изъ силъ, стараясь усвоить себѣ какія нибудь высшія или вообще иныя—напримѣръ, человѣческія понятія о вещахъ. Совершенно такъ же и человѣку

*) «Потому гораздо лучше будетъ говорить не о предѣлахъ познания, а о необходимыхъ предпосылкахъ его, которыя, правда, также ставятъ предѣлы изслѣдованію, но единственно лишь потому, что они служатъ ему средствами или руководятъ его ходомъ». «Что узнаемъ мы изъ опыта? Только дѣйствія вещей на наше сознание. Такимъ образомъ отъ собственного бытія «вещи» мы отдѣлены ея явленіемъ для нашего сознанія, или нашимъ о ней представленіемъ. Но только философъ абсолюта, которому хотѣлось бы представить себѣ вещи такъ, каковы онѣ вѣтъ всякаго представленія, можетъ усмотрѣть въ этой необходимости, составляющей условіе всякаго познания,—предѣлъ ему, границу». А. Риль, *ibid.*, стр. 25 и 35.

надлежитъ, по совѣту Фейербаха, „довольствоваться даннымъ міромъ“, т. е. такимъ, какимъ онъ данъ для него, человѣка“ *). „Иной выходъ возможенъ только для человѣка, *вторяющаго*, что правильное пониманіе сообщено ему супранатуральнымъ путемъ, и видящаго въ этомъ высшемъ происхожденіи своего пониманія гарантію его правильности; да еще для метафизика, убѣжденнаго въ возможности познанія нумена, вещи въ себѣ, субстрата, сущности явленій. Человѣку науки не приходится такъ презирать свою собственную природу“. „Границы науки совпадаютъ съ границами *человѣка*, какъ существа цѣльнаго и единого... Нѣтъ абсолютной истины, есть только истина для *человѣка*, и, за предѣлами *человѣческой* природы—нѣтъ истины для *человѣка*“. „Я не знаю, что имѣлъ въ виду авторъ извѣстной картины, изображающей истину обнаженной женщиной съ факеломъ въ рукѣ. Но я знаю, что факелъ истины, обнаженной отъ условностей *человѣческой* природы, неспособенъ освѣтить даже малѣйшее пространство, и не ему бороться съ окружающимъ *человѣчествомъ*!“

Во всѣхъ этихъ соображеніяхъ, проникнутыхъ духомъ критицизма и позитивизма, намъ хотѣлось бы еще разъ обратить особенное вниманіе читателей на одну струю идей, характерныхъ лично для г. Михайловскаго, представляющихъ его оригинальную особенность и ярко выдѣляющихъ его изъ ряда другихъ приверженцевъ научной философіи. Это—убѣжденіе въ томъ, что послѣдняго, конечнаго критерія истины нужно искать не въ чисто теоретической, а въ практической области. Истина есть „извѣстный, спеціальный случай равновѣсія между субъектомъ и объектомъ въ частности, „между *человѣкомъ* и природой и другими людьми“. Различныя организованныя существа, процессомъ эволюціи приспособленныя къ различнымъ сферамъ жизни, различнымъ образомъ устанавливаютъ и это „соотвѣтствіе между собою объектомъ—природой“. Отсюда—различіе психофизическихъ организацій и соотвѣтственное различіе въ ихъ представленіяхъ о мірѣ. Не надо забывать, что въ концѣ концовъ интеллектъ есть такое же орудіе въ борьбѣ за существованіе, какъ и физическіе органы. Полезность, приспособленіе, подборъ должны были играть громадную роль въ созданіи, выработкѣ изъ безформеннаго матеріала ощущеній опредѣленныхъ, стройныхъ понятій о мірѣ, дозволяющихъ ориентироваться въ немъ и реагировать на его вліянія все болѣе и болѣе сознательно и цѣлесообразно. Вотъ почему г. Михайловскій и говоритъ о „сложномъ, отчасти произвольномъ опытѣ“, путемъ котораго и теперь еще ребенокъ „научается выработывать *правильныя, т. е. пригодныя для жизни* представленія о предметахъ“. Вотъ почему, согласно его мнѣнію, „важно только, чтобы познаніе удовлетворяло требованіямъ *человѣческой*

*) Ср. А. Риль, «Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма»: «Что такое само по себѣ вещество или матерія, т. е. помимо тѣхъ ощущеній, по которымъ мы только и знаемъ матерію, и вѣдаемъ о ея существованіи—это для насъ неизсѣдимо. да и вопросъ о томъ, по нато-
ящему—совершенно праздный вопросъ». (гл. II, стр. 31).

природы, и критерія истины слѣдуетъ искать уже въ этомъ удовлетвореніи“.

Любопытно, что, въ самое послѣднее время и здѣсь, и въ этомъ пунктѣ западно-европейская философская мысль—на этотъ разъ, въ лицѣ Г. Зиммеля,—пришла къ аналогичнымъ заключеніямъ въ вопросѣ о критеріи истины. Уже въ своемъ „*Einleitung in die Moralwissenschaft*“ Зиммель бросилъ мимоходомъ мысль о томъ, что критерій истины въ послѣднемъ счетѣ нужно искать въ области *практики*. „Это будутъ исключительно практическія побужденія, которыя учатъ различать между категоріями сущаго и воображаемаго... Если поступки, исходнымъ пунктомъ которыхъ являются опредѣленные представленія, не достигаютъ ожидаемаго результата—то съ этими представленіями психологически ассоциируется другое чувство, чѣмъ съ другими представленіями, на основаніи которыхъ мы достигали своихъ цѣлей. Въ основѣ лежать при этомъ вовсе не категорія бытія, въ которую мы на основаніи опыта вдвигаемъ или изъ которой исключаемъ тѣ или другія представленія; естественнѣе дѣло идетъ такимъ образомъ, что среди нашихъ представленій на основаніи практическаго опыта—удовлетворенности съ одной стороны, разочарованія, съ другой—происходитъ дифференцированіе: одна часть получаетъ имя представленій, обладающихъ реальностью,—другая же—простыхъ идей, не болѣе“... Такимъ образомъ, „приписывая извѣстному представленію реальность, бытіе, мы выражаемъ этимъ наличность извѣстнаго отношенія этого представленія къ нашимъ чувствамъ и нашему практическому поведенію“ *).

Эта вскользь брошенная мысль приобретаетъ полное и настоящее освѣщеніе при ея сопоставленіи съ цѣлымъ цикломъ идей, развитыхъ Зиммелемъ въ послѣдствіи въ его работѣ „Объ отношеніи селекціоннаго ученія къ теоріи познанія“.

Уже давно—говоритъ онъ въ этой работѣ—было высказано предположеніе, что человѣческое познаніе возникло, родилось на почвѣ практическихъ запросовъ, касавшихся сохраненія и обезпеченія жизни. Но эта вѣрная мысль часто фигурируетъ въ грубо-наивной и совершенно нефилософской формѣ. Именно, предполагается, что существуетъ независимая отъ субъективнаго міра, отъ психофизической организаціи человѣка истина; и вотъ, путемъ естественнаго подбора, представленія, соотвѣтствующія этой объективной истинѣ, оказываясь полезными для жизни, выживаютъ и сохраняются, тогда какъ другія представленія, этой объективной, независимой истинѣ не соотвѣтствующія—напротивъ, оказываются вредными для поддержанія жизни, вводятъ въ заблужденія и погибаютъ,—часто вмѣстѣ со своими носителями. Съ этой точки зрѣнія критеріемъ истинности служитъ соотвѣтствіе съ независимой объективной дѣйствительностью, а истинность представленія является причиной его полезности. Съ точки же зрѣнія Зиммеля отношеніе какъ разъ обратное. Абсолютной, независимой „истины“ не существуетъ; поэтому она не можетъ

*) „*Einleitung etc.*“ von Georg Simmel, Berlin, 1892, I, 4, 5.

быть antecedentомъ, необходимымъ предварительнымъ условіемъ, опредѣляющимъ полезность представленія. Наоборотъ, полезность есть prius, генетически она существуетъ раньше, она и есть то опредѣляющее начало, которое на зарѣ развитія психической жизни заставляло субъекта ориентироваться въ хаосѣ смутныхъ, сбивчивыхъ, несвязанныхъ между собою, неопредѣленныхъ и недифференцированныхъ представлений. Полезность, и ничто иное, заставляло этого субъекта психологически различно относиться къ разнымъ группамъ представлений, одни изъ нихъ выдѣляя, какъ полезныя по своимъ результатамъ, другія—какъ вредныя; одни—какъ помогающія установить должное равновѣсіе между организмомъ и средой, должное приспособленіе внутреннихъ отношеній къ вѣшнимъ,—другія же, какъ мѣшающія установленію этого необходимаго соответствія.

„Мое мнѣніе, слѣдовательно, таково: между безчисленными, психологически-появляющимися представленіями есть нѣкоторыя, которыя своими воздѣйствіями на поведеніе субъекта оказываются полезными, благопріятными для жизни послѣдняго. Они-то и фиксируются обычнымъ способомъ подбора и въ своей совокупности образуютъ „истинный“ міръ представленій“. Такое сведеніе истины къ полезности... еще болѣе становится вѣроятнымъ при взглядѣ на психофизическія организаціи, стоящія ниже человѣка. Чувственные представленія животныхъ, которыми они отвѣчаютъ на воздѣйствія вѣшней природы, часто должны чрезвычайно рѣзко отличаться отъ нашихъ. Несомнѣнно, многія животныя обладаютъ ощущеніями, которыхъ мы совершенно не знаемъ,—это доказывается, съ одной стороны, нѣкоторыми особенностями ихъ поведенія, съ другой—открытіемъ нервныхъ аппаратовъ, аналогами которыхъ мы не обладаемъ; другимъ, также несомнѣнно, недостають нѣкоторыхъ чувствъ, которыя присущи намъ, у третьихъ, наконецъ, острота качественно-равныхъ ощущеній сильнѣе или слабѣе, чѣмъ у насъ. Причину этой разницы можно искать только въ томъ, что для одного вида наиболѣе приспособленнымъ къ условіямъ его существованія является одинъ комплексъ ощущающихъ аппаратовъ, для другого—другой. Но изъ такого разнообразнаго матеріала неизбежно могутъ получиться только разныя міросозерцанія. Поэтому, представленія о сущемъ, которыя животныя себѣ составляютъ, во всемъ своемъ разнообразіи обусловлены субъективными ихъ жизненными потребностями“. „Для животнаго то представленіе истинно, которое ляжетъ въ основу наиблагопріятнѣйшаго для его условій поведенія, такъ какъ именно необходимость въ такомъ поведеніи и создала тѣ органы, при посредствѣ которыхъ вообще формируются его представленія“.

Итакъ, не самостоятельная, предварительно установленная „истинность“ представленія создаетъ его „полезность“, а наоборотъ—полезность для даннаго вида данныхъ методовъ поведенія привела къ отбору соответственныхъ этимъ методамъ представлений, какъ истинныхъ относительно, истинныхъ для этихъ, извѣстныхъ образомъ организованныхъ существъ. „Даже за всякой

логикой и ея обманчивой само-красотой движенія, скрываются оцѣнки, яснѣе—физиологическія требованія сохраненія опредѣленнаго вида жизни“, какъ выразился Ницше. Ясно, что съ этой точки зрѣнія понятіе истины „теряетъ всякую самостоятельность: истина перестаетъ быть такимъ свойствомъ представленій, которое можетъ быть опредѣлено при помощи теоретическихъ критеріевъ, при чемъ представленія, уже окончательно выработанныя, служатъ основой цѣлесообразнаго поведенія; но изъ безчисленнаго множества появляющихся представленій только тѣ обозначаются и сохраняются при помощи естественнаго подбора, которыя оказываются полезными по своимъ дальнѣйшимъ послѣдствіямъ, и слово „истинный“ не обозначаетъ ничего другого, какъ именно это правильное, практически полезное слѣдствіе мышленія“. „При этомъ вышеупомянутыя основныя представленія на столько же должны быть истинными въ обыденномъ... смыслѣ (т. е. въ смыслѣ точнаго копированія абсолютно вѣрнаго нашего сознанія лежащей дѣйствительности. В. Ч.), на сколько манипуляціи на телеграфномъ станкѣ имѣютъ сходство со словами, записываніе которыхъ они вызываютъ на другой станціи“. „Тотъ же фактъ, что теперь субъектъ въ своихъ поступкахъ руководится познаною истиной и достигаетъ при этомъ желательныхъ результатовъ, объясняется просто тѣмъ, что первоначально истина руководилась практикой и ея результатами“.

Сходство аргументаціи Зиммеля съ приведенной выше аргументаціи Н. К. Михайловскаго бьетъ въ глаза. Если у Зиммеля мысль и ея основа въ эволюціонной теоріи выяснена съ большей тщательностью, детальностью и тонкостью работы,—обычными достоинствами этого автора,—то за то на сторонѣ г. Михайловскаго приоритетъ—и приблизительно двадцатилѣтній приоритетъ—въ смѣлой и рѣшительной формулировкѣ той же самой, по существу, идеи. Сходство же иногда достигаетъ даже до почти полной тождественности выраженій—напр., въ доказательствѣ на примѣрѣ психофизическихъ организацій, стоящихъ ниже человѣческой на общей біологической лѣстницѣ, или въ сравненіи нашихъ субъективныхъ представленій объ объективномъ мірѣ съ телеграфными знаками, символами обозначаемыхъ словъ. Совершенно одинаково и пониманіе обоими авторами общаго смысла, общаго значенія провозглашаемой ими идеи. У г. Михайловскаго, пожалуй, это пониманіе еще шире. Для Зиммеля дѣло обстоитъ такимъ образомъ:

Онъ ставитъ вопросъ такъ: „нельзя ли найти объединяющій принципъ для устраненія двойственности между практическими жизненными потребностями, съ одной стороны, и противостоящимъ имъ субъективно познаваемымъ міромъ—съ другой; не имѣютъ ли эти, повидимому, столь независимые элементы—внѣшняя реальность и субъективная полезность—общаго корня“? На оба эти вопроса онъ отвѣчаетъ утвердительно и, такимъ образомъ, перебрасываетъ мостъ, устанавливаетъ связующее звено между областями сущаго и должнаго, объективно-реальнаго и субъективно-желательнаго. Онъ, однако, имѣетъ въ виду не установленіе цѣлостной системы „двуединой правды“, „правды-истины“

и правды-справедливости". Главное приобретение новой точки зрѣнія онъ видитъ въ устраненіи одного философскаго недоразумѣнія: „какимъ образомъ можетъ вообще познаніе, опредѣляемое чисто субъективными формами, лечь въ основу благопріятной для нашего существованія дѣятельности"? Новая точка зрѣнія,—отвѣчаетъ Зиммель,—побѣдоносно побѣждаетъ эту трудность. „Это дѣлается понятнымъ только тогда, когда полезность дѣятельности принимается за основной факторъ, подбирающій опредѣленные виды дѣятельности и вмѣстѣ съ ними ихъ психологическія основы, которыя въ этомъ случаѣ въ теоретическомъ отношеніи получаютъ значеніе истинныхъ: т. е., когда не считаютъ, что основное свойство познанія—это его истинность, а производное—полезность, но, наоборотъ, что основное—полезность, а производное—истинность“.

Н. К. Михайловскаго интересуютъ главнымъ образомъ не подобные этому теоретическіе вопросы, а другіе, болѣе близкіе къ *практикѣ*, напр.: „почему мы можемъ требовать отъ познанія служенія жизни, практикѣ, ни малѣйшимъ образомъ не посягая на его научность, не унижая его объективной цѣнности, но, наоборотъ, даже возвышая послѣднюю?“ Зиммель—несравненный мастеръ по части плетенія тончайшаго кружева изъ окаймляющихъ философскую систему сопредѣльныхъ понятій, искусно расщепляемыхъ подъ философскимъ микроскопомъ въ зависимости отъ едва замѣтныхъ для невооруженнаго глаза оттѣнковъ. Что же касается до г. Михайловскаго, то онъ, вообще неохотно удалявшійся въ заоблачныя высоты философскихъ отвлеченностей, представляетъ въ этомъ отношеніи прямую противоположность Зиммелю. Н. К. Михайловскій всегда былъ скупъ на систематическій абстрактный анализъ. Его вѣчно звала къ себѣ жизнь, животрепещущая, полная борьбы, тревогъ и волненій, полная движеній и красокъ. Онъ чувствовалъ себя прежде всего участникомъ этой жизни, а его талантъ накладывалъ на него серьезнѣйшую изъ обязанностей—быть теоретическимъ знаменосцемъ опредѣленнаго практическаго общественнаго теченія. Онъ долженъ былъ обосновывать *desiderata* этого теченія, его социальное средо. И онъ крайне неохотно, лишь по столбу, по сколькоу это было безусловно необходимо, отходилъ въ область отвлеченныхъ философскихъ высотъ, чтобы твердой рукой заложить тамъ основныя грани, основныя опорныя пункты своего міросозерцанія, и, исходя изъ нихъ, немедленно освѣтить тѣ или иные „проклятыя“ вопросы, лежащіе на границѣ мысли и жизни *). Такъ и здѣсь. Вопросъ о конечномъ критеріи истины Н. К. Михайловскаго интересуетъ лишь потому, что съ его помощью онъ долженъ немедленно разрѣшить вопросъ о соотношеніи теоретическаго и практическаго, объективнаго и субъективнаго моментовъ въ наукѣ о человѣческомъ обществѣ. И, намѣтивъ лишь въ самыхъ главныхъ и общихъ чертахъ свое отношеніе къ этому отвлеченному философскому вопросу, онъ

*) Именно поэтому во многихъ пунктахъ, гдѣ оба эти мыслителя сходятся въ результатахъ, въ конечныхъ выводахъ—г. Михайловскій и Зиммель прекрасно дополняютъ другъ друга.

тотчасъ переходить къ выясненію того чисто практическаго значенія, которое имѣетъ устраненіе дуализма между теоретическимъ познаніемъ и субъективнымъ, практическимъ отношеніемъ къ міру. „Нашъ критерій—говоритъ Н. К. Михайловскій — имѣетъ еще ту неоцѣнимую выгоду, что онъ объединяетъ области теоретическую и практическую, всѣ изъяснительныя и повелительныя наклоненія всѣхъ человѣческихъ глаголовъ и всю дѣятельность человѣка. Не трудно видѣть, что красота, польза, справедливость въ отдѣльности представляютъ такіе же частные случаи равновѣсія между субъектомъ и объектомъ, между человѣкомъ и природой и другими людьми, какъ и истина; все это—различные способы удовлетворенія различныхъ требованій человѣческой природы“.

Такимъ образомъ, падаетъ основное возраженіе противъ возможности научнаго построенія единой „системы правды“, возраженіе, основывающееся на мнѣніи, будто у „правды-истины и „правды-справедливости“ совершенно различны основные критеріи. Мѣриломъ истины является человѣкъ, какъ существо цѣлостное, не только мыслящее, но и чувствующее, стремящееся къ извѣстнымъ цѣлямъ, дѣйствующее. Его эмоціональная природа, его *потребности*, слѣдовательно, субъективная сторона его духа суть настоящіе законодатели въ области истиннаго для него, человѣка. Служеніе человѣку—служеніе не только въ грязно-жизнейскомъ, низменно-практическомъ смыслѣ, но въ гораздо болѣе широкомъ смыслѣ, вотъ призваніе науки и философіи; и *степень исполненія ими этого призванія есть мѣрило ихъ научности*.

Таковы первые, самые общіе абрисы того моста, который, съ точки зрѣнія Н. К. Михайловскаго, долженъ неразрывно объединить теорію и практику жизни. Когда мы перейдемъ, такъ сказать, къ „теоріи социологическаго познанія“, къ „гносеологии общественной науки“ у Н. К. Михайловскаго, къ знаменитому „субъективному методу“—это единство теоретическаго и практическаго момента изъ абстрактнаго положенія превратится на нашихъ глазахъ въ нѣчто гораздо болѣе конкретное, постепенно будетъ облекаться плотью и кровью, пока не приметъ видъ стройной и полной жизненнаго, боевого духа теоріи „борьбы за индивидуальность“. Но прежде мы должны отмѣтить точки соприкосновенія и расхожденія только что изложенной системы съ философскими взглядами марксизма.

Викторъ Черновъ.

(Продолженіе будетъ).

ЧЕТВЕРТОЕ ПОКОЛѢНІЕ.

Романъ *Вальтера Безанта.*

Переводъ съ англійскаго В. Н—чь.

I.

Отдаленный предокъ.

Было утро въ началѣ марта. Сѣверовосточный вѣтеръ скрипѣлъ сухими сучьями, на которыхъ еще отсутствовали признаки весны; небо застилала одна сплошная сѣрая туча, безъ малѣйшаго просвѣта или голубой полоски; по изгородямъ не виднѣлось цвѣтовъ, не исключая даже чистотѣла; земля еще не размякла по-весеннему, не дала молодыхъ побѣговъ; птицы грустно ежились на вѣткахъ, ожидая болѣе благопріятной погоды настолько терпѣливо, насколько позволялъ имъ плохо утоленный голодъ. Тѣ, которыя питались ягодами и почками, съ тревогою припоминали, что объѣли уже весь боярышникъ и смородинные кусты и что придется летѣть дальше, въ поле; тѣ же, кому надо было безпомощныхъ личинокъ, улитокъ, червей и всякихъ ползучихъ тварей, соображали, что въ такую погоду нельзя ни разрывать землю, ни надѣяться, чтобы черви выползли сами изъ своихъ зимнихъ убѣжищъ. Въ такую погоду, которая для всѣхъ тварей горше ужасовъ мороза, люди кутаются потеплѣе и поспѣшно бѣгутъ по дѣламъ, чтобы, скорѣе ихъ кончивъ, вернуться подъ кровлю.

Южный фасадъ дома выходилъ на обширную террасу, вымощенную краснымъ кирпичемъ и окаймленную кирпичными перилами; невысокая, но изящная лѣстница вела въ садъ, начинавшійся широкой лужайкой. Самый домъ, архитектуры начала восемнадцатаго вѣка, былъ величавъ и просторенъ, хотя всего въ два этажа, съ узкими и очень высокими окнами; надъ окнами верхняго этажа шелъ съ красной черепичной крыши рядъ небольшихъ круглыхъ навѣсцевъ отъ

дождя; крыша была крута и трубы были артистически расположены группами или рядами. Домъ слегка напоминать иностранные образцы и былъ построенъ съ большими претензіями; такія зданія непременно требуютъ вокругъ себя старыхъ деревьевъ, роскошныхъ садовъ, аристократическихъ лужаекъ, и должны находиться въ деревенской глуши, подалеже отъ городскихъ домовъ и улицъ: безъ садовъ, лужаекъ, парка и царственныхъ деревьевъ, они будутъ неумѣстны и нелѣпы. Ярkokрасный кирпичъ, изъ котораго онъ былъ сложенъ, давно поблѣднѣлъ отъ старости; желтый мохъ тамъ и сямъ покрывалъ стѣны, а весь западный флигель заросъ плющемъ, закрывшимъ его совершенно.

Сады были еще роскошнѣе, чѣмъ домъ. Они начинались съ весьма аристократической лужайки. По одну ея сторону, два ливанскихъ кедра склоняли къ землѣ свои вѣтви, а по другую—высились два чудесныхъ грецкихъ орѣшника. Пространство между ними занимала площадка для игръ, гдѣ не было цвѣточныхъ клумбъ. За лужкомъ, напротивъ, ихъ было много. Имѣлись и самшиты, подрѣзанные по старинному. За ними узкою полосой тянулись кусты преимущественно „*молодила*“; далѣе шли: большой огорождъ, густо-засаженный плодовый садъ и оранжерея. Тутъ же рядомъ стояли и ульи.

Все было вполнѣ на барскую ногу. Издали, идя по дорогѣ, мимо парка, прохожій проникался восхищеніемъ и почтеніемъ къ такому аристократическому дому, такъ роскошно расположенному. Впрочемъ, восхищеніе и почтеніе зрителя вскорѣ входило въ извѣстныя границы: эти чувства всецѣло могли относиться къ саду, лужайкамъ и оранжереѣ лишь въ ихъ прежнемъ видѣ. Теперь же трудно было сказать, касается ли чего въ саду рука человѣка, не говоря уже о заступѣ садовника. Все одичало: сорныя травы заполонили гряды, гдѣ прежде росли спаржа и сельдерей; земляничные кустики боролись за существованіе съ чертополохомъ и отстаивали свое бытіе лишь цѣною отсутствія ягодъ; тѣмъ же чертополохомъ, вмѣстѣ съ пыреемъ, „пастушьей сумкой“ и прочими полевыми плевелами, были совершенно покрыты цвѣточныя клумбы. Аллеи и дорожки превратились въ крытые переходы, давно уже непроходимые отъ протянутыхъ и переплетенныхъ поперекъ нихъ вѣтвей; искусственныя формы самшитовъ, когда-то такія ясныя и строгія, получили смутныя и таинственныя очертанія отъ разросшихся во всѣ стороны побѣговъ; лужайка для игръ поросла сорною травой, которая никогда не косилась. Двери оранжерей были распахнуты настежь: стекла побиты, винограды одичали и выползъ сквозь пустыя мѣста въ рамахъ. Какое почтеніе могъ внушать садъ

въ подобномъ состояніи! Скорѣе онъ возбуждалъ жалость. Какъ онъ былъ хорошъ и какъ могъ бы стать хорошъ, будь сюда присланы садовники, чтобы вернуть его къ прежнему великолѣпію!

Если приближались къ дому черезъ садъ, то прежде всего кидалось въ глаза, что кирпичныя ступени, которыя вели на террасу, были выбиты и даже поломаны; многихъ кирпичей не хватало вовсе, въ промежуткахъ росла трава, въ перилахъ виднѣлись мѣста, откуда вывалились цѣлыя кирпичные столбики. При входѣ на террасу обнаруживались ямы и поломки въ кирпичномъ полу, и весь домъ, какъ и садъ, казался запущеннымъ и одряхлѣвшимъ. Съ рамъ и дверей слѣзла краска; не было ни ставенъ, ни занавѣсокъ; одно или два стекла были разбиты и даже не замазаны. Однако и въ этомъ состояніи упадка домъ и сады были красивы; но зритель испытывалъ то ощущеніе печали, какое свойственно при видѣ дряхлости, разрушенія и смерти тамъ, гдѣ бы долженъ быть полный расцвѣтъ зрѣлыхъ силъ.

Въ это утро, когда обманчивая весна вѣяла зимнимъ холодомъ, по кирпичной террасѣ ходилъ взадъ и впередъ человѣкъ очень пожилыхъ лѣтъ. Не смотря на холодъ, на немъ не было ни пальто, ни шарфа или платка на шеѣ, ни перчатокъ.

При ближайшемъ осмотрѣ оказывалось, что возрастъ его не только пожилой, а очень и очень преклонный. О глубокой старости говорили безчисленныя морщины на лицѣ, хотя волосы были густы и ниспадали на плечи бѣлыми кудрями, неподдръзанные и неровные, а широкую грудь покрывала густая бѣлая борода. Старость виднѣлась и въ выдавшихся скулахъ, заострившемся носѣ, провалившемся ртѣ, тонкихъ губахъ и глубоко запавшихъ глазахъ. Но время, не пощадивъ лица, какъ бы не коснулось его тѣла. Не смотря на старость, онъ держался прямо, ходилъ твердымъ, если не упругимъ шагомъ, и, имѣя съ собою палку, не опирался на нее. Ростомъ онъ былъ все еще не менѣе шести футовъ и четырехъ дюймовъ; плечи его были широки, спина неогорблена и все крупное, сильное туловище ничуть не гнулось, точно такъ же, какъ не искривились и не ослабли крѣпкія ноги. Эта разница между лицомъ, собраннымъ въ морщины и исчерченнымъ точно карта генеральнаго штаба, и сильной, прямой, крѣпкой фигурой казалась даже неестественной.

Онъ прошелъ съ одного конца террасы на другой быстро и рѣшительною походкою, затѣмъ повернулся и пошелъ назадъ. Онъ не смотрѣлъ по сторонамъ и казался погруженнымъ въ какую-то думу, такъ какъ выраженіе лица

не мѣнялось. Отъ природы оно было сурово; предметъ его размышленій, можетъ быть, еще увеличивалъ эту жесткость и суровость. На старикѣ была куртка, широкополая, поярковая шляпа, толстые сапоги, въ какихъ ходятъ по полямъ, и весь онъ имѣлъ такой видъ, какъ будто шелъ на охоту; даже палку онъ несъ, точно ружье. Это былъ властный человѣкъ, что было видно сразу; способный къ нападенію—и это замѣчалось съ перваго взгляда; какъ бы вызывающій на бой—кого? за что? Очевидно, природа создала его бойцомъ, одарила большою храбростью, силою, пожалуй, и вспыльчивостью; теперь оставались лишь храбрость, хотя сила ушла, и темпераментъ бойца, хотя дни борьбы миновали.

Во всей усадьбѣ не раздавалось ни звука: ни возни прислуги, ни шаговъ въ домѣ или вокругъ него, ни топота въ конюшняхъ, ни шороха садовниковъ, которые тихо копались бы надъ запущенными цвѣточными клумбами: все молчало. Только свистѣлъ холодный вѣтеръ, да старикъ, ничѣмъ не прикрытый отъ стужи, однообразно и быстро ходилъ съ востока на западъ, съ запада на востокъ.

Такъ онъ проходилъ все утро, часъ за часомъ, не утомляясь этимъ безцѣльнымъ моціономъ. Онъ началъ его въ девять часовъ, а въ половинѣ перваго все еще маршировалъ такимъ же образомъ, ни на что не оглядываясь и не мѣняя того неподвижнаго выраженія, которое могло означать терпѣніе (очень старому человѣку приходится быть терпѣливымъ) или, какъ я сказалъ, вызовъ: человѣкъ, испытывшій несчастья, иногда принимаетъ такое выраженіе, точно приглашая судьбу причинить ему какъ можно болѣе зла и, когда ей уже ничего не остается, все еще мужественно повторяетъ: „Будь, что будетъ!“

На разстояніи около полумили находилась колокольня съ часами. Прислушавшись, можно было изъ сада сосчитать ихъ бой; тотъ же, кто не напрягалъ вниманія, могъ не услышать его вовсе. Вѣдь мелодическій бой отдаленныхъ часовъ сливается съ прочими звуками. Въ деревнѣ мы слышимъ легкіе шорохи, благозвучные и нѣжные, и называемъ ихъ пріятною деревенскою тишиною, хотя это только сліяніе всѣхъ деревенскихъ звуковъ. На самомъ дѣлѣ въ природѣ не бываетъ тишины. Полное безмолвіе свело бы насъ съ ума.

Утро тянулось медленно. Звукъ шаговъ старика на террасѣ былъ такъ же правиленъ, какъ тиканье часовъ. Ни въ осанкѣ, ни въ походкѣ, ни въ лицѣ не происходило ни малѣйшей перемѣны. Онъ ходилъ, точно машина, а лицо оставалось неподвижнымъ, какъ у идола или на картинѣ.

Около одиннадцати часовъ послышались другіе шаги,

шаги мужчины, ступавшаго по хворосту и по сухимъ листьямъ. Старикъ на террасѣ не обратилъ на нихъ вниманія: онъ сдѣлалъ видъ, будто не слышитъ, а когда изъ фруктоваго сада вышелъ мужикъ и остановился подъ орѣховымъ деревомъ, то притворился, будто не видитъ.

Мужикъ былъ тоже не молодъ, хотя далеко не такъ старъ, какъ баринъ. На немъ было рабочее платье; походка его изобличала привычку къ ходьбѣ по рытвинамъ и бороздамъ вспаханнаго поля; на плечѣ онъ держалъ заступъ.

Остановившись подъ орѣховыми деревьями, онъ оперся на заступъ и сталъ смотрѣть на старика, который все шагалъ по террасѣ. Онъ не притворялся, по обычаю многихъ, будто работаетъ, чтобы время отъ времени бросить мимолетный любопытный взоръ; напротивъ, поступалъ совершенно открыто: оперся на лопату и смотрѣлъ прямо, безъ всякаго смущенія. Онъ замѣтилъ, какъ рѣшительно и твердо ступалъ старикъ: его походка далеко не была такъ тверда; его спина уже сгорбилась и плечи опустились, щеки сморщились, а глаза помутнѣли. Вскорѣ онъ вновь поднялъ лопату на плечо и отвернулся.—„Если я умру прежде“... пробормоталъ онъ...

Ни приходъ его, ни уходъ, ни молчаливая ходьба по искошенной травѣ, ни трескъ сухихъ вѣтвей, ни шуршаніе прошлогоднихъ листьевъ не обратили на себя вниманія старика. Онъ ничего не видѣлъ и не слышалъ.

Сухой и холодный восточный вѣтеръ дулъ по-прежнему, птицы уныло попискивали, вѣтви въ саду скрипѣли, а старикъ все ходилъ. Гдѣ-то недалеко, на колокольнѣ, часы били четверть.

Въ половинѣ перваго, на порогѣ отворенной двери показался молодой человѣкъ, одѣтый тепло, сообразно погодѣ. Онъ былъ высокъ ростомъ—выше шести футовъ—и лицомъ поразительно походилъ на старика: очевидно, они были съ нимъ въ ближайшемъ родствѣ. Онъ постоялъ въ дверяхъ, глядя на эту прогулку, унылую, однообразную и безцѣльную, точно ходьба узника по тюремному двору. Она длилась минута за минутой, часъ за часомъ. Онъ простоялъ такъ не менѣе получаса, наблюдая и удивляясь.

— Постоянно и каждый день, столько лѣтъ подъ рядъ!—думалъ молодой человѣкъ.—Почему онъ маячитъ такъ день за день, каждое утро, вѣчно одинъ, вѣчно въ молчаніи, ничего не видя съ открытыми глазами, мертвый для внѣшняго міра, далекій ото всего, не интересуясь ничѣмъ? Никакой отшельникъ не можетъ быть болѣе одинокимъ. Ни малѣйшаго занятія, никакого дѣла, никакого импульса для мысли.

Господи Боже! О чемъ же онъ думаетъ? Не читаетъ ни книгъ, ни газетъ, не пишетъ писемъ. Почему?

Молодой человѣкъ былъ правнукъ этого старика, наследникъ всего помѣстья и, послѣ старика, считался главою фамиліи. Поэтому, изъ почтенія къ прадѣду и изъ чувства долга, онъ пріѣзжалъ временами изъ Лондона, чтобы узнать, здоровъ-ли предокъ и не терпитъ-ли въ чемъ недостатка. Онъ же поддерживалъ переписку съ нотаріусами, которые управляли дѣлами старика.

Съ дѣтскихъ лѣтъ молодой человѣкъ слышалъ о странности и эксцентричности своего прадѣда. Послѣдній жилъ одинъ, не имѣлъ слугъ, кромѣ одной женщины съ дочерью, да и тѣхъ видѣлъ, лишь когда онъ приносили ему поѣсть, не принималъ гостей, не выходилъ изъ дому, кромѣ какъ для ежедневной утренней прогулки по террасѣ, которая во всякую погоду продолжалась четыре часа; ни съ кѣмъ не говорилъ, не исключая и экономки; если кто-нибудь обращался къ нему, онъ ничего не отвѣчалъ; не читалъ ни книгъ, ни газетъ. Дѣлами его завѣдовала одна нотаріальная контора въ сосѣднемъ городкѣ: когда требовалось, чтобы онъ подписалъ чекъ, его писали въ конторѣ и посылали къ нему; онъ подписывалъ и возвращалъ; когда нужно было узнать его мнѣніе относительно дѣла, ему присылались письменныя сообщенія, на которыя онъ отвѣчалъ съ величайшею краткостью. Признаковъ умственного расстройства у него не замѣчалось: насколько могли судить нотаріусы, единственные люди, способные выразить о немъ, опредѣленное мнѣніе, умственные способности старика были въ полномъ порядкѣ и его сужденія являлись совершенно здравыми. Сверхъ того, не замѣчалось ни галлюцинацій, ни меланхоліи, ни душевной тревоги: хотя онъ молчалъ, но лицо не выражало волненія. Каждый день утреннее солнце освѣщало его ясное и безоблачное чело: если онъ не улыбался, за то и не вздыхалъ.

Страннѣе всего было то, что такая эксцентричность, которую можно бы объяснить старостью и потерей всѣхъ друзей и современниковъ, длилась уже около семидесяти лѣтъ. Онъ началъ такую жизнь молодымъ, совѣмъ молодымъ человѣкомъ и съ тѣхъ поръ не измѣнялъ ее. Его правнукъ всегда слышалъ, что причиною было потрясеніе вслѣдствіе внезапной смерти жены. Ничего иного онъ не зналъ и не старался узнать. Когда съ самаго дѣтства видишь передъ собою какую-нибудь странность, то, наконецъ, привыкаешь къ ней безъ разсужденій. Старикъ сдѣлался отшельникомъ, когда дѣдъ этого молодого человѣка былъ еще мальчикомъ; этотъ дѣдъ, а также отецъ и онъ самъ, всегда, если не видѣли,

то знали о странной жизни прадѣда. Поэтому правнукъ нисколько не любопытствовалъ относительно причинъ.

Семьдесятъ лѣтъ!—цѣлая жизнь средняго человѣка, а это удивительное существо провело столько времени въ одиночествѣ, въ молчаніи, въ затворничествѣ и безъ занятій. Но всѣ эти годы не составляли цѣлой жизни старика, такъ какъ ему теперь шель девяносто-четвертый годъ.

Съ отдаленной колокольни слышался бой четвертей, а затѣмъ одинъ ударъ. Въ эту минуту старуха прошла мимо гостя на порогъ и остановилась, ловя взглядъ хозяина. Она ничего не сказала, но дождалась, чтобы тотъ замѣтилъ ея присутствіе. Можетъ быть, онъ уже ждалъ ее. Онъ остановился; старуха удалилась; старый баринъ вошелъ въ домъ, не удостоивъ вниманіемъ молодого человѣка, мимо котораго прошелъ; его глаза скользнули по немъ, но онъ ничѣмъ не далъ замѣтить, что узналъ его или хотъ увидѣлъ, хотя только этотъ молодой человѣкъ изъ всѣхъ его потомковъ навѣщалъ его приблизительно разъ въ мѣсяцъ, чтобы убѣдиться, что онъ еще здоровъ.

Старикъ прошелъ прямо въ ту единственную комнату, которая служила ему и кабинетомъ, и столовою, и спальнею. Прежде она была библіотекою: большая комната, окнами на сѣверъ, высокая и во всѣ времена года темноватая и нѣсколько холодная. Въ большомъ старомодномъ каминѣ горѣлъ яркій огонь. Передъ каминомъ стоялъ столикъ, который прежде находился у окна и употреблялся для занятій; теперь на немъ старику подавали ѣсть. Онъ былъ покрытъ уже скатертью и на немъ стоялъ простой завтракъ, состоявшій изъ бифштекса съ картофелемъ и бутылки портвейна—питья, свойственнаго старикамъ: оно грѣетъ, укрѣпляетъ, веселитъ, придаетъ ощущение силы и, когда пища уже не усваивается въ обычной формѣ, это доброе вино можетъ замѣнить ѣду. Стѣны комнаты исчезали за полками съ книгами; очевидно, нѣкогда кто-нибудь въ семьѣ былъ ученымъ и любилъ книги. Всѣ онѣ были въ кожаныхъ переплетахъ; позолота заглавій на корешкахъ слиняла. Если бы вы взяли любую, то увидѣли бы, что ея листы уже отстаютъ отъ переплета или начали отставать, какъ только вы ее тронули; подольше посмотрѣвъ на полки, вы бы замѣтили, что во всей библіотекѣ нѣтъ книги, изданной послѣ 1829 года.

Изъ многихъ тысячъ книгъ, вышедшихъ въ свѣтъ въ теченіе послѣдующихъ семидесяти лѣтъ, въ этой библіотекѣ не оказывалось ни одной. Напримѣръ, „Трехмѣсячное“ и „Эдинбургское“ „Обозрѣнія“, стоявшія здѣсь въ переплетахъ, а также „Ежегодникъ“ кончались 1829 годомъ. На большомъ библіотечномъ столѣ лежали, какъ бы для ежедневнаго

употребленія, отдѣльные томы и сборники, положенные сюда для семейнаго чтенія въ 1829 году. Съ этого же времени никто ничего тутъ не трогалъ. У камина находилось низкое, длинное кожаное кресло, вся обивка котораго висѣла лохмотьями; къ столу былъ пододвинутъ великолѣпный большой деревянный стулъ, похожій на тѣ, какіе бывають въ швейцарскихъ; коверъ былъ въ клочьяхъ, кромѣ тѣхъ его частей, что шли вдоль книжныхъ полокъ: тамъ сохранились цѣлыя полосы, но онѣ выцвѣли. Передъ каминомъ разостлана была простая толстая овчина.

Молодой человѣкъ прошелъ вслѣдъ за своимъ предкомъ въ библіотеку, взялъ стулъ, поставилъ у камина и, подогнувъ длинныя ноги, сѣлъ, наблюдая и выжидая. Онъ уже сиживалъ здѣсь и прежде. При первомъ свиданіи, безмолвіе старика, отсутствіе выраженія въ его взорѣ, привели его въ ужасъ. Мало по малу онъ привыкъ къ его виду и, уже ничего теперь не испытывая, сидѣлъ по другую сторону камина съ твердымъ намѣреніемъ добросовѣстно вникнуть,—хорошо ли за нимъ ходять и соблюдаютъ ли чистоту, а также здоровъ ли онъ и не слѣдуетъ ли пригласить врача. Поэтому онъ сталъ смотрѣть, какъ ѣсть прадѣдъ.

Тотъ, не обращая на него ни малѣйшаго вниманія, присѣлъ къ столу, поднималъ съ блюда крышку и началъ ѣсть. Каждый день ему подавалось одно и то же. Пожалуй, не много найдется людей, способныхъ въ девяносто четыре года ежедневно уничтожать изрядный кусокъ бифштекса съ картофелемъ и хлѣбомъ и запивать его цѣлою бутылкою портвейна. Однако такъ именно поступалъ отшельникъ. Потомукъ же, со своей стороны, несъ заботу о томъ, чтобы вино было лучшаго качества, и чтобы говядина приготовлялась по всѣмъ правиламъ кулинарнаго искусства, не утрачивая ни мягкости, ни сочности.

Отшельникъ ѣлъ быстро и съ аппетитомъ. Можно было заключить, что въ былыя времена онъ обладалъ способностью уничтожать не мало мяса. Онъ сѣлъ свой бифштексъ съ увлеченіемъ, сопровождая его громаднымъ количествомъ хлѣба, и выпилъ все вино стаканчикомъ точно такъ, какъ, бывало, пивалъ пиво. Онъ не смаковалъ благороднаго вина, не разсматривалъ его на свѣтъ, а пилъ, какъ ребенокъ пить воду,—безсознательно и жадно, съ полнымъ равнодушіемъ къ вкусу и достоинству.

Когда бутылка опустѣла и на тарелкѣ ничего не осталось, онъ всталъ съ деревяннаго стула и во весь ростъ растянулся въ длинномъ креслѣ, при чемъ протянулъ ноги къ огню. Поддерживая голову рукою, онъ облокотился на ручку кресла и сталъ смотрѣть на огонь; но въ глазахъ его не было ника-

кого выраженія. „Очевидно, подумаль правнукъ, старикъ сохранилъ способность къ воспріятію лишь двухъ ощущеній: онъ любить хорошую ѣду и питье, т. е. физическое удовольствіе, ими доставляемое, и испытываетъ удовольствіе отъ теплоты огня“. Затѣмъ, молодой человѣкъ медленно поднялся, сталъ спиною къ огню и, глядя сверху внизъ на предка, началъ свое увѣщаніе, которое съ небольшими вариантами повторялъ въ каждый пріѣздъ:

— Вы знаете,—сказаль онъ,—что время отъ времени я навѣщаю васъ. Я дѣлаю это изъ желанія удостовѣриться, что вамъ хорошо служить, и что вы—въ добромъ здоровьѣ. Каждый разъ вы притворяетесь, будто не замѣчаете меня. Вы такъ себя держите, точно меня нѣтъ вовсе. Однако вы видите меня, вамъ прекрасно извѣстно, кто я таковъ и зачѣмъ здѣсь нахожусь. Очень хорошо. Полагаю, что ваши вкусы влекутъ васъ къ уединенію и молчанію. Что бы я ни говорилъ, боюсь, что это не заставитъ васъ нарушить ваше безмолвіе...

Старикъ ничѣмъ не выразилъ участія, ничего не отвѣтилъ, не сдѣлалъ даже движенія.

— Почему вы осудили себя на такую пожизненную муку,—я не знаю и не освѣдомляюсь. Можетъ быть, я это не узнаю никогда. Но это кажется мнѣ большой ошибкой, какова бы ни была причина, которою, какъ я слышалъ, считается внезапная утрата дорогихъ существъ. Губя себя и страдая всю жизнь, нельзя уничтожить чужого несчастья или чужой вины; если же вина ваша, то, живя такъ, вы лишь увеличиваете ее. Если дѣло въ горестной утратѣ, то достойнѣе мужчины было бы перенести ее, не уклоняясь отъ обязанностей, налагаемыхъ жизнью. Впрочемъ, не зная всѣхъ обстоятельствъ, я не имѣю права судить. Теперь уже,—продолжалъ онъ,—не вернуть загубленные годы, но неужели поздно измѣниться? Неужели не можете вы, хотя бы даже въ преклонномъ возрастѣ, вернуться въ среду вашихъ близкихъ и снова стать человѣкомъ? По моему, труднѣе продолжать такую жизнь—въ уединеніи и тоскѣ, нежели вернуться къ тому существованію, для котораго вы были рождены...

Отвѣта не получилось.

— Сегодня утромъ я обошелъ весь домъ,—безжалостно продолжалъ молодой человѣкъ.—Вы допустили его до полного упадка! Картины и обои попорчены сыростью; чтобы привести усадьбу въ состояніе, приличное дворянскому жилищу, потребуется нѣсколько тысячъ. Не думаете-ли вы, что вамъ слѣдуетъ ихъ затратить и зажечь, какъ подобаешь человѣку съ вашимъ общественнымъ положеніемъ?..

Отвѣта все не было. Впрочемъ, наслѣдникъ и не ждалъ его.

Старикъ приподнялъ голову съ руки и откинулъ ее на спинку стула. Глаза его закрылись, руки упали, дыханіе стало тихимъ и правильнымъ: онъ уснулъ.

Правнукъ все еще стоялъ надъ нимъ. Такое зрѣлище мало его волновало, потому что онъ видѣлъ его въ каждый прѣздъ. Онъ прѣзжалъ около одиннадцати, проходилъ по парку, проводилъ около часа въ пустомъ заброшенномъ домѣ, наблюдалъ, какъ старикъ гуляетъ, шелъ за нимъ въ библіотеку, смотрѣлъ, какъ онъ ѣстъ, а затѣмъ становился передъ нимъ и произносилъ свое увѣщаніе. Послѣднее выслушивалось всегда точно такъ, какъ выслушивались Георгомъ III увѣщанія „города Лондона“: въ неодобрительномъ молчаніи. И каждый разъ посреди его рѣчи патріархъ засыпалъ.

Молодой человѣкъ постоялъ нѣкоторое время, глядя на своего девяносто-четыре-лѣтняго прадѣда. Трудно было отыскать сходство между человѣкомъ такихъ лѣтъ и имъ самимъ, которому всего двадцать шесть. Однако это было всетаки возможно. А при взглядѣ на старика всякій сразу замѣчалъ, что въ цвѣтущую пору жизни онъ долженъ былъ отличаться рѣдкою красотою, обладать силою и крѣпостью, изящною соразмѣрностью, благородствомъ осанки и замѣчательными очертаніями головы и лица. Все это сказывалось и въ потомкѣ, но въ болѣе слабой степени: можетъ быть—съ большею утонченностью, вслѣдствіе образованности и культуры, но съ меньшею силою. Онъ сдѣлалъ то, зачѣмъ прѣзжалъ: высказалъ, что думалъ, но не имѣлъ успѣха, какъ и ожидалъ. Теперь оставалось уйти; дѣлъ никакихъ не было и продолжительностью визита нельзя было ничего добиться.

Но тутъ совершилось весьма замѣчательное, событіе: онъ впервые услышалъ голосъ прадѣда. Ему суждено было услышать его еще разъ, всего одинъ только разъ. За исключеніемъ этого случая, никто никогда не слышалъ его почти уже семьдесятъ лѣтъ.

Патріархъ двигался во снѣ, его пальцы корчились, ноги дергались, голова перекидывалась со стороны на сторону. Потомъ онъ сѣлъ прямо и схватился за ручки кресла; лицо его искажала и сводила судорога, словно подъ наитіемъ злого духа. Онъ привсталъ, все держась за ручки кресла, и заговорилъ... Голосъ звучалъ хрипло и жестко, какъ будто заржавѣлъ отъ отсутствія упражненія. Глаза глядѣли пристально, весь видъ былъ таковъ, словно онъ на кого-то смотритъ и разговариваетъ. Произнесъ онъ слѣдующее:

— Этимъ все кончится...

Послѣ этого онъ сѣлъ опять. Судороги не повторялись. Онъ прислонился головою къ креслу; лицо опять приняло выра-

женіе мира и покоя, какое бываетъ у дѣтей; онъ вновь уснулъ, а можетъ быть и не просыпался.

— Сонъ,—сказалъ себѣ правнукъ. Но онъ запомнилъ слова, которыя такъ и остались въ его головѣ, хотя онъ не могъ опредѣлить—почему.

Онъ осмотрѣлъ всю комнату, думая о странной, одинокой, бездѣльной, однообразной и бесполезной жизни, которую этотъ патріархъ велъ уже столько лѣтъ. Семьдесятъ долгихъ лѣтъ! Все это время затворникъ ни разу не выходилъ за ограду своего сада, не видалъ никого изъ старыхъ знакомыхъ, ни разу даже не воткнулъ лопаты въ землю; ни разу не открылъ книги и не взглянулъ на газету; не зналъ ничего о томъ, что происходило. Для него міръ былъ такимъ же, какъ до Акта о Реформѣ. Для него не было ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфныхъ проволокъ; никакихъ улучшеній, изобрѣтеній, новыхъ идей и новыхъ обычаевъ онъ не зналъ и не подозрѣвалъ. Онъ ни о чемъ не спрашивалъ, ни о чемъ не заботился, ничѣмъ не интересовался: онъ никогда не говорилъ! Ахъ, какое мученіе! Какое безуміе! Какое могло быть оправданіе, какая причина добровольнаго отказа отъ жизни, въ теченіе которой можно было сдѣлать такъ много? Какой могъ быть поводъ для подобнаго дезертированья изъ арміи человѣчества?

Съ тѣхъ поръ, какъ молодой человѣкъ себя помнилъ, онъ слышалъ одну и ту же исторію: существуетъ какой-то семейный „бука“, который носить одно и то же платье, одинаково гуляетъ каждое утро и спитъ послѣ полудня. Въ дѣтствѣ, мать порою рассказывала ему отрывки изъ біографіи затворника. Очень давно, въ царствованіе Георга IV, мрачный отшельникъ былъ красивымъ, веселымъ, общительнымъ молодымъ человѣкомъ; онъ любилъ охоту, стрѣльбу, рыбную ловлю, всякія упражненія подъ открытымъ небомъ, однако не былъ ни мужикомъ, ни варваромъ, а успѣшно прошелъ университетъ, былъ образованъ и культуренъ. Онъ имѣлъ прекрасную бібліотеку, любилъ бесѣдовать съ учеными людьми, путешествовалъ по континенту, что тогда было рѣдкостью, и подумывалъ о вступленіи въ парламентъ. У него было прекрасное, хотя не обширное помѣстье, прелестный домъ и великолѣпные сады. Никто во всемъ графствѣ не могъ быть довольнѣе своею судьбою и съ большимъ упованіемъ глядѣть впередъ, нежели Олджернонь Кампенъ. Мальчикъ запомнилъ это все.

Теперь, глядя на спящаго, онъ испытывалъ странное, смѣшанное чувство: тутъ была и жалость, и презрѣніе, и, отчасти, почтительность или уваженіе, какое подобаетъ питать къ предку. Возможность выразить почтеніе такому от-

даленному предку, какъ прадѣдъ, дается весьма немногимъ. Прадѣдъ лежалъ въ креслѣ, откинувшись на его спинку, слегка поворотивъ голову вбокъ; лицо его, совершенно спокойное, своею восковою прозрачностью напоминало недавно умершаго.

Молодой человѣкъ продолжалъ припоминать все, что слышалъ отъ другихъ объ этомъ старикѣ, составлявшемъ и гордость, и позоръ для семьи. Да и какъ не гордиться, когда имѣешь въ семьѣ затворника, анахорета: это необычно, рѣдко, какъ юношеская рукопись Шекспира; сверхъ того, затворникъ былъ старшимъ въ родѣ и жилъ въ той усадьбѣ, которая была фамиліею резиденціею съ незапамятныхъ временъ.

Онъ вспоминалъ свою мать, вдову съ печальнымъ лицомъ, и бабу, другую вдову съ печальнымъ лицомъ. Ему припомнился одинъ день—черезъ нѣсколько недѣль послѣ преждевременной кончины отца,—тогда ему было всего семь лѣтъ,—объ огорченныхъ женщины сидѣли и плакали вмѣстѣ, бесѣдуя при немъ (только ребенокъ тогда ничего не понималъ); ихъ слова воскресли въ его умѣ теперь въ первый разъ.

— Милая, — говорила старшая изъ дамъ, — наша семья осуждена на горе.

— Но за что? за что? — спросила другая. — Что мы сдѣлали?

Старшая покачала головою:

— Происходятъ вещи, — сказала она, — которыхъ никто и не подозреваетъ. Никто не знаетъ, никто не догадывается, но простирается десница Господня, и кара настигаетъ если не виновнаго, то дѣтей его и внуковъ до третьяго и четвертаго колѣна. Она тяжело обрушилась на этого старика (можетъ быть, за грѣхи отца его), и на насъ, и на дѣтей...

— На безпомощныхъ, невинныхъ дѣтей? Ахъ, это жестоко!

— Такъ сказано въ Писаніи.

Эти слова неожиданно и внезапно припомнились молодому человѣку.

— Кто и чѣмъ провинился? — поставилъ онъ вопросъ. — Этотъ почтенный патріархъ не можетъ быть преступнымъ, ибо страданіе застигло его и томить уже семьдесятъ лѣтъ. Но онѣ говорили о комъ-то еще. Съ какой стати мнѣ вспомнились эти давнишнія слова? Спи себѣ, предокъ!

Въ снѣяхъ онъ встрѣтилъ старую ключницу и остановился разспросить ее о баринѣ.

— Онъ только что говорилъ, — сказалъ онъ.

— Говорилъ? Баринъ говорилъ?

— Онъ выпрямился во снѣ и заговорилъ.

— Господи, да что же онъ сказалъ?

— Онъ очень ясно выговорилъ: „Этимъ все кончится“.

— Повторите еще разъ.

Онъ повторилъ.

— Баринъ,—сказала она,—я не знаю, что это значить. Давно пора бы это кончить. Ахъ, молодой баринъ, случится что-нибудь ужасное! Вѣдь въ первый разъ послѣ семидесяти лѣтъ онъ сказалъ хоть единое слово!

— Это было во снѣ.

— Въ первый разъ черезъ семьдесятъ лѣтъ! Непремѣнно случится что-нибудь ужасное.

II.

Чего ему не хватало.

Въ самой свѣтлой и солнечной комнатѣ непритязательной квартиры, входившей въ составъ домовъ Бендора, въ Вестминстерѣ, сидѣлъ молодой человѣкъ двадцати шести лѣтъ. Вы уже видѣли его, когда онъ навѣщалъ своего безмолвнаго предка въ семейной резиденціи, въ Букингамскомъ графствѣ. Теперь онъ былъ у себя въ кабинетѣ за письменнымъ столомъ. Простая старинная конторка въ наше время давно уже смѣнилась столомъ, настолько обширнымъ, насколько позволяютъ размѣры комнаты: въ данномъ случаѣ онъ имѣлъ восемь футовъ въ длину и пять — въ ширину. Однако онъ не былъ чрезчуръ великъ для своей цѣли, такъ какъ весь былъ заваленъ книгами, бумагами, парламентскими отчетами, французскими и нѣмецкими газетами и „трудами“ англійскихъ ученыхъ обществъ. Безпорядка, однако, не было. Бумаги лежали аккуратно; книги стояли вдоль задняго края, корешками къ пишущему. Это все были историческія, политико-экономическія и справочныя. Подъ рукою же находилась и вертящаяся библіотечка то же съ справочными изданіями. Можно было замѣтить, что послѣднія главнымъ образомъ относились къ торговлѣ, ея статистикѣ, исторіи, ко всему, что касалось свободной торговли, протекціонизма, фабрикъ, промышленности, ввоза и вывоза.

Леонардъ Кампенъ былъ уже членомъ парламента. Нельзя сказать, чтобы онъ достигъ авторитетнаго положенія; но по нѣкоторымъ, болѣе мудренымъ вопросамъ, которые онъ старался усвоить и о которыхъ говорилъ тономъ спеціалиста, рѣчи его выслушивались не безъ вниманія и не слишкомъ кратко передавались въ газетахъ. На большее невозможно и рассчитывать въ двадцать шесть лѣтъ.

Вопросы эти требовали ясности мысли, неутомимаго прилежанія, умѣнья обращаться съ цифрами и дара дѣлать ихъ интересными, а также — чудовищной памяти. Всѣми этими

достоинствами обладалъ этотъ молодой человѣкъ. Въ Кембриджѣ, гдѣ онъ изучалъ математику, его неохотно отпустили экзаменаторы, удостоивъ всевозможныхъ отличій и оплакивая то обстоятельство, что нельзя было идти далѣе „Разряда II, отдѣленія I, класса I“. Ихъ огорчало, что они не могли, — согласно желаніямъ всякаго добраго экзаменатора, — довести экзамены до разряда III, раздѣленнаго на три отдѣла, а каждый отдѣлъ — на три класса, а потомъ до разряда IV, раздѣленнаго точно такимъ же образомъ, и такъ все экзаменовать своихъ кандидатовъ, постепенно уменьшающихся въ числѣ, по разу въ годъ, въ теченіе всей своей земной жизни, вплоть до восьмидесяти-лѣтняго возраста.

„Разрядъ II, отдѣленіе I, классъ I“. Никто не можетъ кончить лучше! Кажется, изъ Леонардовыхъ однокурсниковъ только одинъ отличился настолько же. За это для начала карьеры онъ получилъ наилучшіе отзывы и солидную репутацію умника. Что же касается матеріальныхъ средствъ, то онъ былъ обезпеченъ материнскимъ капиталомъ, дававшимъ около 800 ф. дохода въ годъ и тѣми надеждами, которыя, какъ мы видѣли, были вполне основательны. Поэтому, онъ явился въ Лондонъ подобающе экипированнымъ, вступилъ въ адвокатскую корпорацію, — безъ видовъ на практику, прісмотрѣлъ себѣ „мѣстечко“, заботливо нянчился съ нимъ въ теченіе года и, по дополнительнымъ выборамъ, безъ возраженій попалъ въ парламентъ, въ ряды либераловъ. Во всемъ этомъ онъ слѣдовалъ традиціямъ своей семьи. Онъ былъ третьимъ въ родѣ, послѣ своего отца и дѣда, кончившимъ университетъ. Дѣдъ его, сынъ безмолвнаго затворника, котораго мы уже видѣли, тоже отличался въ Кембриджѣ, тоже попалъ въ парламентъ и тоже начиналъ имѣть немалый успѣхъ, но преждевременно умеръ — тридцати двухъ лѣтъ отъ роду. Его отецъ, въ свою очередь отличившійся въ университетѣ и тоже бывшій въ парламентѣ, тоже считался многообѣщающимъ молодымъ человѣкомъ, умеръ около тѣхъ же лѣтъ. Были минуты, когда Леонардъ задавалъ себѣ вопросъ, не предстоить ли и ему та же грустная участь. Правда, для постановки такого вопроса имѣлись особыя основанія; но ему они были еще неизвѣстны. А пока онъ не думалъ о будущемъ и не тревожился рѣшеніями судьбы.

Кабинетъ былъ удобно меблированъ. Книги покрывали стѣны; на каминѣ стояло два-три бокала, свидѣтельствующа, что обитатель комнаты проводитъ ночи не только въ ученыхъ трудахъ; повыше висѣло изображеніе деревенскаго дома, того самаго, который намъ уже извѣстенъ. И по другимъ признакамъ можно было замѣтить, что отдыхъ не чуждъ хозяину кабинета. Очевидно было присутствіе табаку и даже

вульгарныхъ „корешковъ“. Дверь изъ кабинета вела въ столовую, которая больше ничего изъ себя и не представляла, какъ только столовую, и со своими немногими книгами и картинами производила холодное, даже мрачное впечатлѣніе нежилой комнаты. Спальня было двѣ; сверхъ того—кухня и комната для супружеской четы, которая прислуживала г-ну Кампенъ.

Хозяинъ квартиры положилъ перо и выпрямился. Затѣмъ онъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

Это былъ молодой человѣкъ довольно видной наружности. Черты лица были красивы и рѣзки; лобъ—скорѣе широкъ, чѣмъ высокъ, глаза—скорѣе малы, чѣмъ велики, но остры и блестящи, а брови—почти горизонтальны. Выраженіе лица въ эту минуту было задумчивое, да онъ и дѣйствительно размышлялъ, но въ разговорахъ и спорахъ бывалъ оживленъ, даже горячъ. Онъ ничуть не принадлежалъ къ тому разряду людей, которые ничѣмъ не восхищаются, ничего не желаютъ, ни во что не вѣрятъ. Онъ, напримѣръ, твердо вѣрилъ, что уровень всеобщаго благополучія можно поднять мудрыми законами (которые не должны непременно быть новыми) и хорошимъ воспитаніемъ (но не исключительно въ казенныхъ школахъ). И онъ пламенно желалъ сыграть роль въ поднятіи этого уровня. Это—основательный догматъ для начала, и для государственнаго человѣка онъ поистинѣ драгоцѣненъ.

Вскорѣ Леонардъ опять сѣлъ за свою работу. Приблизительно черезъ часъ, онъ отложилъ перо: то, что онъ предполагалъ сдѣлать въ это утро, было исполнено. Когда человѣку суждено имѣть успѣхъ, то обыкновенно оказывается, что онъ знаетъ, что именно намѣренъ сдѣлать и сколько для того потребуется времени, и принимается за дѣло безъ проволочекъ и съ рѣшимостью.

Не было еще двѣнадцати часовъ, когда Леонардъ отодвинулся отъ стола и со вздохомъ облегченія вскочилъ на ноги. Какъ бы люди ни любили работу, они всегда рады ее окончить. На столѣ, рядомъ съ бумагами, лежала кучка еще не вскрытыхъ писемъ. Онъ взялъ одно и распечаталъ. Писалъ редакторъ одного изъ главныхъ журналовъ, соглашаясь напечатать его статью объ одной экономической теоріи. Леонардъ удовлетворенно улыбнулся. „XIX столѣтіе“—это лѣстница честолюбія. При помощи этого журнала или ему подобныхъ, честолюбивый юноша можетъ выдвинуться, обладая одними знаніями, хотя и безъ авторитетности, по любому предмету и быстрѣе шагнуть впередъ, чѣмъ посредствомъ парламента.

Леонардъ уже писалъ на эту тему, и съ успѣхомъ. Те-

перъ ему предстояло писать въ качествѣ специалиста. Отсюда вы поймете, что умъ Леонарда былъ всецѣло занятъ, даже поглощенъ, дѣломъ, которое доставляло ему величайшее удовольствіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, служило средствомъ для достиженія честолюбивой цѣли; онъ занималъ въ обществѣ хорошее положеніе и работалъ, мыслилъ и развлекался, какъ человѣкъ, привыкшій жить и дѣйствовать въ высшихъ слояхъ, чуждыхъ всякихъ мелочныхъ тревогъ, заботъ о деньгахъ и тому подобномъ.

По той же лѣстницѣ и въ томъ же этажѣ находилась квартира, во всѣхъ подробностяхъ подобная квартирѣ Леонарда, только окна смотрѣли на противоположную сторону. Эта квартира, куда мы не станемъ проникать, занята была молодою дѣвицею, которая жила въ ней точно такъ же, какъ Леонардъ—съ своей прислугой, состоявшей изъ мужа и жены. Въ такомъ большомъ зданіи можно жить по сосѣдству и не знать другъ друга. Леонардъ наврядъ бы и познакомился съ дѣвицею Констанціей Амбри, если-бы не то счастливое обстоятельство, что онъ принадлежалъ къ одному съ нею клубу; онъ былъ представленъ ей въ клубѣ, каждый день видѣлъ ее тамъ за обѣдомъ, вскорѣ открылъ, что они—сосѣди, и между ними возникла дружба. Они часто стали обѣдать вмѣстѣ и вмѣстѣ же возвращаться домой.

Отсюда ясно, что нѣсколько лѣтъ назадъ дѣвицу Констанцію Амбри называли бы эмансипированной женщиной. Слово это теперь устарѣло; черезъ годъ или два оно обветшаетъ совершенно. Эмансипированность перестала вызывать упреки или возбуждать удивленіе. Множество молоденькихъ и незамужнихъ женщинъ живутъ по отдѣльнымъ квартирамъ или комнатамъ, имѣютъ двойные ключи, удивляются, что были такія времена, когда подобныхъ ключей дѣвицамъ не давалось, ходятъ куда хотятъ, смотрятъ что угодно, видятся съ кѣмъ угодно. Лѣтъ двадцать назадъ эмансипированная женщина считала необходимымъ, чтобы доказать превосходство своего ума, быть, по крайней мѣрѣ, атеисткой. Къ этому ее обязывало положеніе. Но теперь, съ прекращеніемъ спора о превосходствѣ ума того и другого пола, она успокоилась и во многихъ отношеніяхъ держитъ себя такъ, какъ будто продолжаетъ находиться въ быломъ *„состояніи рабства“*. Въ данномъ случаѣ имѣлись основательныя причины, заключавшіяся во многихъ сотняхъ годового дохода, по которымъ Констанція Амбри осмѣливалась идти своимъ путемъ и жить сообразно своимъ желаніямъ. Свою независимую карьеру она начала тремя годами ученія въ Гиртонѣ. Въ теченіе своего студенчества она особенно отличалась критическими статьями, въ которыхъ вполнѣ отсутствовало упоминаніе о любви, какъ

она изображается и описывается у поэтовъ; ея знакомые объясняли это не столько дѣвической скромностью, сколько полной неспособностью сочувствовать даже женскому воззрѣнію на этотъ предметъ, которое, впрочемъ, женщины, пишущія стихи и любовныя пѣсни, всѣми силами скрываютъ или изображаютъ въ тѣхъ же выраженіяхъ и формахъ, какъ и мужскую страсть. Покинувъ Гиртонъ, она приняла должность преподавательницы англійской литературы въ женской гимназіи. Вознагражденіе было скудное, почему для замѣщенія этой должности никакъ не находилось хорошей преподавательницы. Констанція имѣла возможность не только ваять на себя эту обязанность, но еще сосредоточить на ней всѣ свои мысли и старанія. Съ удовольствіемъ прибавляемъ, что ея понятія о свободѣ женщинъ не исключали для нихъ свободы одѣваться настолько хорошо, насколько доступно каждой. Она являла своимъ восхищеннымъ и завидующимъ ученицамъ постоянное зрѣлище женщины, одѣтой, какъ слѣдуетъ: не роскошно, но прекрасно. Ученицы относились къ своей преподавательницѣ, облеченной, точно садъ лѣтомъ, въ разнообразную красоту, съ гораздо большимъ почтеніемъ, чѣмъ къ ея предшественницѣ, которая была приземиста, ходила стриженной и обыкновенно являлась въ мужской курткѣ.

Съ Леонардомъ у нихъ завязалась тѣсная дружба. Онъ не боялся ее компрометтировать тѣмъ, что пилъ чай у нея въ гостиной, а Констанція не боялась скомпрометтировать, себя являясь одна къ нему на квартиру. Такое положеніе опасно для молодого человѣка, даже вполне поглощенного честолюбивыми мечтами и отодвинувшаго вопросъ о бракѣ на задній планъ, чтобы заняться имъ въ подходящее время, которое еще не наступило. Опасно оно и для дѣвицы, даже эмансипированной.

Съ молодымъ человѣкомъ приключились всѣ обычныя послѣдствія. Сначала онъ замѣтилъ, что ему особенно пріятно сидѣть рядомъ съ нею за обѣдомъ и провожать ее домой; затѣмъ онъ сталъ чувствовать досаду, если не встрѣчалъ ея; скоро онъ замѣтилъ, что много думаетъ о ней; онъ также ловилъ себя на изліяніяхъ, въ которыхъ повѣрялъ свои честолюбивые планы ей, какъ сочувствующей слушательницѣ: а ужъ это одинъ изъ наихудшихъ симптомовъ. Онъ теперь дошелъ до того градуса, когда образъ дѣвицы вѣчно присутствуетъ въ воображеніи молодого человѣка, даже иногда мѣшаетъ ему работать, и когда объясненіе становится абсолютно необходимымъ для достиженія душевнаго мира и возможности спокойно трудиться. Современный любовникъ уже не говоритъ и не пишетъ о пламени и стрѣлахъ, но все же день и ночь поработенъ мыслью о возлюбленной.

Въ такихъ дѣлахъ наступаетъ время, опредѣленный моментъ, когда необходимо высказаться. Какъ груша въ теченіе опредѣленнаго получаса бываетъ въ состояніи совершенной зрѣлости, такъ и въ любви бываетъ день, часъ, минута, когда извѣстныя слова должны быть сказаны. Очень плохо, если влюбленный выберетъ не тотъ моментъ. Не менѣе плохо, если зрѣлость окажется только съ одной стороны.

Леонардъ Кампенъ впалъ въ эту ошибку. Будучи чело-вѣкомъ сдержаннымъ, онъ думалъ о себѣ много больше, нежели о другихъ. Это не есть непремѣнный признакъ эгоизма или тупоумія; ничуть: людямъ съ сильными натурами и честолюбивыми цѣлями свойственно думать постоянно о себѣ и своихъ цѣляхъ. Поэтому, когда онъ самъ вполне созрѣлъ для объясненія, онъ не поставилъ себѣ вопроса: созрѣло-ли и то лицо, къ которому онъ хотѣлъ обратиться? Къ сожалѣнію, этого не было. Та особа находилась еще въ критическомъ періодѣ: она могла еще смотрѣть на своего пріятеля объективно и не лишилась еще способности судить о немъ.

Леонардъ и не подозревалъ этой, такъ сказать, остановки въ развитіи ея чувства. Онъ предполагалъ, что сердце дѣвушки идетъ въ ногу съ его собственнымъ. Поэтому онъ написалъ письмо — способъ сватовства, менѣе смущающій, нежели устный; но, кажется, дѣвицы предпочитаютъ послѣдній. Конечно, трудно быть пламеннымъ на бумагѣ; а также, въ случаяхъ колебанія, письмо не столь убѣдительно, какъ голосъ въ соединеніи съ пожатіемъ руки и огнемъ взоровъ.

„Дорогой другъ!

Я рискую потерять положеніе, которое является для меня величайшимъ счастіемъ. Вы разрѣшили мнѣ говорить свободно о моихъ стремленіяхъ. Вы даже оказали мнѣ честь сообщить о вашихъ. Ни по какимъ соображеніямъ не хотѣлъ бы я утратить такое довѣріе. Тѣмъ не менѣе, позвольте мнѣ предложить вамъ очень простой вопросъ. Прошу васъ размыслить о возможности переменъ въ нашихъ отношеніяхъ. Эта переменна—она можетъ заключаться лишь въ одномъ—ни въ какомъ случаѣ не уменьшила бы взаимнаго нашего довѣрія, а могла бы его только увеличить. Какъ бы я самъ отнесся къ этому, я выскажу вамъ, если вы позволите.

Вашъ другъ

Л. К.“

Совеѣмъ не любовное письмо, не правда-ли? Однако въ немъ заключались возможности. Видите-ли, онъ подавалъ надежду, что скажетъ кое-что еще. Дѣвица попросила нѣсколько дней на размышленіе. Въ это утро она должна была дать письменный или устный отвѣтъ.

Констанція постучалась въ дверь. Она пришла отъ себя,

безъ шляпы. Она взяла стулъ — Леонардовъ деревянный стулъ—сѣла и заговорила о постороннихъ предметахъ, какъ будто не придавая никакого значенія такой темѣ, какъ предложеніе. Но это была только уловка, вполне женская, какъ всегда.

— Мнѣ вчера вечеромъ сказали въ клубѣ—представьте себѣ, въ клубѣ!—повторила она,—что я себя компрометирую, обѣдая съ вами каждый день и позволяя вамъ провожать меня домой. Вотъ какъ смотреть на свободу женщинъ! Она не смѣетъ имѣть друзей. Но не браните нашихъ членовъ. Прошу васъ помнить, Леонардъ, что я не обращаю никакого вниманія на ихъ слова...

При первомъ взглядѣ на ея лицо становилось ясно, что эта дѣвушка не испугается осужденія со стороны другихъ. На лицѣ ея выражалась гордость. Гордость бываетъ разная: она могла бы гордиться своимъ родствомъ, если-бы пожелала; или умомъ и познаніями, или красотою, которая была замѣчательна. Она не гордилась ничѣмъ подобнымъ, но имѣла ту степень самоуваженія, которая составляетъ гордость высшего разбора. „Она была женщина, слѣдовательно, требовала ухаживанія“, но ухаживатель долженъ былъ принимать въ расчетъ это чувство собственного достоинства. Гордость придавала ей видъ холодности. Всѣ считали ее чрезвычайно холодной. Пожалуй, одинъ только Леонардъ замѣтилъ по тысячѣ мелкихъ признаковъ, что это далеко не такъ. Но постановка головы, очертанія рта, интеллигентный взглядъ, опредѣленность и правильность чертъ говорили о гордости и какъ будто о холодности.

— Я всегда помню ваши слова, Констанція. А теперь скажите мнѣ то, ради чего сюда пришли.

Она встала. Сначала, осмотрѣвъ все, что было на каминѣ, она какъ будто сильно заинтересовалась папиросами и табакомъ, но вдругъ повернулась къ нему и сложила руки:

— Я пришла сказать вамъ вотъ что.

Онъ прочелъ отвѣтъ на ея лицѣ, которое было открыто, сурово и чуждо малѣйшаго признака смущенія, растерянности или слабости. Не такой видъ бываетъ у дѣвушки, отдающей себя своему возлюбленному. Тѣмъ не менѣе, онъ притворился будто не понимаетъ.

— Что именно?

— Вотъ что: я думала цѣлую недѣлю, — *это* не подойдетъ. Не подойдетъ ни для кого изъ насъ. Вы мнѣ очень нравитесь. Мнѣ пріятны наши теперешнія отношенія. Мы вмѣстѣ обѣдаемъ въ клубѣ. Я хожу сюда безъ всякихъ намѣреній. Вы ко мнѣ тоже. Мы бесѣдуемъ, гуляемъ и всюду бываемъ вмѣстѣ. Не думаю, чтобы я цѣнила больше, чѣмъ

вась, кого-либо, изъ могущихъ сдѣлать мнѣ подобное предложеніе; а между тѣмъ...

— Между тѣмъ! Зачѣмъ какія-либо оправданія? — Онъ говорилъ съ холодною, объяснявшеюся отсутствіемъ поощренія со стороны дѣвушки. — Мое поклоненіе вамъ такъ велико...

Она покачала головой и подняла руку.

— Охъ, нѣтъ, нѣтъ, — сказала она. — Поклоненіе? Мнѣ не нужно поклоненія. Что вы разумѣете подъ этимъ словомъ?

— Разумѣю величайшее уваженіе, величайшее почтеніе величайшее восхищеніе...

— Къ чему?

— Къ Констанціи Амбри.

— Благодарю васъ, мой другъ. Часть уваженія принимаю съ благодарностью, но не все. Впрочемъ, полагаю, что въ эту минуту вы имѣете въ виду все, на какое способны. Но разберитесь хорошенько. Поклоняетесь-ли вы моему уму? Будьте же откровенны! Вы знаете, что онъ много ниже вашего. Начни вы притворяться, будто поклоняетесь уму, который ниже вашего, я утратила бы или уваженіе къ вамъ, или вѣру въ вашу правдивость. Значитъ, не въ умѣ дѣло. Можетъ быть, въ талантѣ? Но талантовъ я не имѣю, и вы это хорошо знаете. Не поклоняетесь ли вы моей учености? Но въ ней я много уступаю большинству вашихъ товарищей по университету и образованныхъ людей вашего возраста. Вы не станете увѣрять, будто поклоняетесь моей учености...

— Позвольте же мнѣ поклоняться вашей личности.

Она слегка засмѣялась.

— Это было бы неразумно съ вашей стороны, потому что, притворяясь, будто вы такъ чувствуете, вы унизили бы себя. Я вѣдь не выше васъ въ тѣхъ добродѣтеляхъ, которыя доступны намъ обоимъ: ничуть не выше. Я думаю, что доступная мнѣ степень всего: правдивости, честности, мужества, терпѣнія, всего, всего, подобно — моему уму, много ниже доступнаго вамъ. Вотъ какого я високаго о васъ мнѣнія! Поэтому, другъ мой, прошу васъ, не говорите, что поклоняетесь мнѣ.

— Вы несправедливы къ себѣ, Констанція. По натурѣ, вы много выше меня.

Она засмѣялась опять:

— Если-бы я вышла за васъ, вы черезъ недѣлю открыли бы, что ошибаетесь, и, пожалуй, впали бы въ противоположную крайность.

— Какъ же мнѣ васъ убѣдить?

— Я понимаю. Во мнѣ есть что-то для васъ привлекатель-

ное. Лицо-ли, голосъ-ли, фигура-ли, манеры-ли,—кто скажетъ, что привлекаетъ мужчинъ?

— Констанція, возможно-ли, чтобы вы не сознавали собственной красоты?

Она взглянула ему прямо въ лицо и медленно отвѣтила:

— Я бы хотѣла понять, въ чемъ тутъ дѣло. Я отлично вижу, что мужчины легче влюбляются, нежели женщины. Они дѣлаютъ самыя возмутительныя ошибки,—я знаю нѣсколько примѣровъ,—ошибки непоправимыя. Давайте-же, мы съ вами не сдѣлаемъ ошибки.

— Повѣрьте мнѣ, тутъ бы ея не было.

— Не знаю. Вотъ и вопросъ о красотѣ. Женщины не обманываются красою другихъ женщинъ. Мужчина же, восхищаясь личикомъ, приписываетъ его обладательницѣ всевозможныя добродѣтели. Женщина можетъ смотрѣть на хорошенькое личико, не видя въ немъ патента на чистоту и святость. И потомъ... лицо! На что оно будетъ похоже лѣтъ черезъ двѣнадцать? А лѣтъ черезъ тридцать... Охъ, страшно, подумать!

— Никогда, Констанція! Никогда вы не можете быть иною, какъ вполнѣ прекрасною!

Ничуть не убѣжденная, она вновь покачала головой.

— Я не желаю поклоненія,—повторила она.—Другимъ женщинамъ оно можетъ и нравится, а для меня было бы унижительнымъ. Я не хочу поклоненія: я хочу соперничества. Дайте мнѣ трудиться среди тѣхъ, кто воистину трудится, и добиться подобающаго мнѣ мѣста. Что же касается моего лица и моихъ такъ называемыхъ женскихъ прелестей,—признаюсь, это все вовсе не интересуетъ меня. Ничуть!

— Если вы только позволите мнѣ по прежнему восхищаться...

— О!—Она нетерпѣливо покачала внушавшей это восхищеніе головкой.—Сколько вамъ угодно!

Леонардъ вздохнулъ. Онъ хорошо зналъ, что съ этой молодой особой всякіе доводы бесполезны: она была тверда въ своихъ убѣжденіяхъ.

— Я не стану просить ничего больше,—сказалъ онъ.—Ваше сердце отзывчиво на все, кромѣ любви. Вамъ не хватаетъ одной этой способности, присутствіе которой сдѣлало бы васъ божественной.

Она презрительно засмѣялась.

— Божественной? Ахъ, вы говорите, какъ мужчина,—не какъ ученый или философъ, а просто, какъ мужчина!—Оставивъ личную точку зрѣнія, она перешла на общую:—Вся поэзія искажена ложнымъ, искусственнымъ обожествленіемъ женщины. Я не нуждаюсь въ томъ, чтобы мнѣ приписывали

такого рода божественность. Поэтому я не сожалѣю о своей неспособности къ тому чувству, проявленіе котораго съ моей стороны было бы вамъ желательно: я отлично обхожусь безъ него.

Она говорила съ убѣжденіемъ, и внѣшность ея не противорѣчила словамъ: она была холодна, безъ малѣйшаго отѣнка нѣжности, ничѣмъ не напоминая о Венерѣ.

— На-дняхъ я говорила въ классѣ на эту самую тему. Мы разбирали Херрика; но, и кромѣ него, есть множество поэтовъ, отлично подходящихъ для этой цѣли. Я говорила объ этомъ ложномъ божествѣ и доказывала, что для поэзіи, какъ и для жизни, необходимо извѣстное здравомысліе, которое не утрачивается нами лишь постольку, поскольку мы контролируемъ наши чувства.

То обстоятельство, что въ такую минуту, которая многимъ могла бы показаться важнѣйшею въ жизни, оказывались возможными холодныя философскія разсужденія, было, пожалуй, доказательствомъ, что ни влюбленный, ни дѣвица вовсе не находились во власти любви.

— Можетъ быть, любовь и не признаетъ здравомыслія.

— Такъ лучше ее запереть на замокъ. Я указала моимъ ученицамъ, что всѣ эти выдумки—преувеличеніе, и красивы лишь подъ музыку рѣчюванныхъ, благозвучныхъ фразъ, но въ жизни для нихъ нѣтъ мѣста, кромѣ какъ въ мозгахъ людей, прекратившихъ свое существованіе.

— Прекратившихъ существованіе?

— Я хочу сказать, что времена несдержанной разумомъ страсти уже миновали. Постоянно останавливаться на одномъ только жизненномъ эпизодѣ, преувеличивать его значеніе, обожествлять возлюбленную, значить, какъ я сказала въ классѣ, показывать жизнь въ ложномъ свѣтѣ и отвлекать поэзію отъ ея истиннаго назначенія.

— Какъ же отнеслись ваши слушательницы?

— Ну... знаете... кажется, заурядная дѣвица любить, чтобы ей поклонялись. Это ей очень вредно, такъ какъ она знаетъ, что этого не стоитъ и что это бываетъ недолговременно. Но она, кажется, любить... Въ общемъ, мнѣ показалось, что онѣ не согласны со мною.

— По вашему, въ поэзіи не должно быть любви?

— Не должно быть преувеличенной любви. Такихъ крайностей мы не встрѣчаемъ у болѣе возвышенныхъ поэтовъ. Ихъ нѣтъ ни у Мильтона, ни у Попа, ни у Куопера, ни у Вордсворта, ни у Броунинга. Вы правду сказали, что я еще не испытала любви. Но, во всякомъ случаѣ, она является лишь эпизодомъ въ жизни. Поэзія же должна захватывать всю жизнь въ ея цѣломъ.

— Но и любовь должна захватывать всю жизнь.

— Леонардъ,—сказала она, и лицо ея смягчилось неувѣренностью,—можетъ быть въ моей природѣ есть какой-нибудь дефектъ. Я отъ души желала бы понять, зачѣмъ вамъ эта переменна... Впрочемъ, пусть это не нарушитъ нашей дружбы. Я не могу себѣ представить, чтобы мой отказъ въ такой бездѣлицѣ повелъ бы къ отчужденію между нами.

— Въ такой бездѣлицѣ! Констанція, вы изумительны!

— Но мнѣ кажется, судя по свидѣтельствамъ поэтовъ, что мужчины всегда готовы влюбляться. Если не выгоритъ съ одною женщиною, то на свѣтѣ достаточно другихъ.

— А развѣ это не нарушило бы нашихъ отношеній.

— Вы хотите сказать, что я стала бы ревновать?

— Я считаю невозможнымъ примѣнять понятіе о ревности къ вамъ, Констанція.

Она взглянула на дѣло съ объективной точки зрѣнія.

— Я не стала бы ревновать васъ къ женщинѣ, которую я не видала бы въ глаза, но мнѣ будетъ непріятно, если кто-нибудь станетъ между нами здѣсь. Я думаю, что тогда я не осталась бы тутъ.

— Вы воскрешаете мои надежды, Констанція.

— Нѣтъ. Это только дружба. Потому что, видите ли, все удовольствіе имѣтъ другомъ человѣка, подобнаго вамъ, состоитъ въ свободныхъ и откровенныхъ бесѣдахъ. Я чувствую себя съ вами совершенно непринужденно. Признаюсь, это измѣнилось бы, если бы здѣсь съ нами была еще женщина.

Она немного помолчала. Смущеніе начинало овладѣвать ею.

— Леонардъ,—сказала она,—я подумала не только о себѣ, но и о васъ... Если бы мнѣ казалось, что это для васъ необходимо, или повело бы къ лучшему, я, пожалуй, согласилась бы... хотя не могла бы дать вамъ то, чего вы ждете т. е., взаимнаго поклоненія и тому подобныхъ вещей.

— Необходимо?—повторилъ онъ.

На лицѣ ея не было слѣда той слабости, которая неразлучна съ любовью; напротивъ, оно приняло выраженіе профессиональное, свойственное человѣку, привыкшему разсуждать на темы историческія, философскія, или предаваться анализу.

— Давайте сядемъ и потолкуемъ о васъ вполне безпристрастно, какъ о совершенно посторонней личности.

Она снова сѣла на стулъ, на собственный Леонардовъ стулъ передъ столомъ; стулъ этотъ былъ вращающійся, и она сдѣлала на немъ полъ-оборота, такъ что оперлась локтемъ на бумагу, а лицомъ повернулась къ своему дыхателю. Леонардъ, съ своей стороны, испыталъ то знакомое чувство,

которое овладѣвало имъ въ былые дни, когда профессоръ начиналъ подвергать строгой критикѣ его сочиненіе. Однако онъ засмѣялся и подчинился, занявши кресло по другую сторону камина. Это дало Констанціи нѣкоторое преимущество, такъ какъ ей пришлось глядѣть на него сверху внизъ. Высокій человѣкъ часто забываетъ пользоваться выгодами своего роста.

— Я хочу сказать, считай я, что вамъ необходимъ товарищъ, какъ болѣе слабымъ и менѣе счастливымъ людямъ... поэтамъ, напримѣръ... Я увѣрена, что любовь есть стремленіе найти въ другомъ поддержку и сочувствіе. Нѣкоторые мужчины—болѣе слабые, чѣмъ вы—нуждаются въ сочувствіи наравнѣ съ женщинами. Но вы не испытываете этого стремленія или нужды.

— Ужасное обвиненіе! Да почему же вы знаете?

— Знаю потому, что много объ васъ думала и прониклась такимъ глубокимъ къ вамъ уваженіемъ, что сначала, какъ только я получила ваше письмо, я чуть-чуть не слѣлала большой ошибки.

— Такъ расскажите же мнѣ это подробнѣе. Узнать, что о насъ думаютъ другіе, всегда полезно. Мы постоянно склонны самообольщаться.

— Во-первыхъ, я полагаю, что изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ людей, вы—самый самоувѣренный и довольный судьбою.

— Что жъ? Это—добродѣтель; не правда ли?

— Разумѣется, у васъ полное основаніе быть самоувѣреннымъ. Вы богаты познаніями, и въ университетѣ васъ считали подающимъ надежды. Сейчасъ на васъ смотрятъ какъ на человѣка, который уже многого добился. До сихъ поръ ваша самоувѣренность оправдывалась.

— До сихъ поръ мое самолюбіе не страдаетъ. Но это вѣдь не все?

— Да; вы—тоже самый счастливый изъ всѣхъ. Въ этомъ вы значительно опередили вашихъ современниковъ, потому что каждому изъ нихъ чего-нибудь не хватаетъ, а у васъ есть все. Кому не хватаетъ почтенныхъ предковъ: надо стоять очень высоко, чтобы не горевать о своемъ низкомъ происхожденіи; кому—благовоспитанности; у кого—несчастная наружность, рѣзкій голосъ, нервныя подергиванія; у кого плохой слогъ; терзаетъ бѣдность. Вы одинъ не имѣете ни одного изъяна, который могъ бы стать препятствіемъ на вашемъ пути.

— За это я долженъ благодарить судьбу.

— Вы представляете собой ту рѣдкую комбинацію качествъ, которою создается успѣхъ государственнаго человѣка. Вы—недурны, даже красивы; видъ у васъ внушительный, голосъ

и манеры—хороши; по рожденію и воспитанію вы—баринъ; средствъ вашихъ вамъ довольно, а въ будущемъ предстоитъ получить хорошее помѣстье. Въ самомъ дѣлѣ, Леонардъ, я не знаю, чего бы вы могли просить еще у судьбы.

— Я никогда ничего не просилъ у судьбы.

— А между тѣмъ, все получали. Вы слишкомъ счастливы. Такъ продолжаться не можетъ: что-нибудь предстоитъ вамъ. Судьба никому не даетъ полного счастья.

— Въ самомъ дѣлѣ!—онъ слегка усмѣхнулся.—Но мнѣ ничего иного и не нужно.

— Въ довершеніе всего, вы—вполнѣ здоровы и, кажется, даже незнакомы съ дантистомъ; волосы у васъ тоже еще не рѣдѣютъ. Право, Леонардъ, я не думаю, чтобы во всемъ королевствѣ нашелся еще такой счастливецъ!

— Однако, вы отказываетесь раздѣлить со мною будущность.

— Пожалуй, будь у васъ несчастье или непріятности, я бы не отказалась. Семейные скандалы, напимѣръ... Во многихъ дворянскихъ домахъ полные шкапы всякихъ привидѣній; а у васъ въ шкапахъ—только голубой фарфоръ. Одинъ или два скандала сдѣлали бы васъ болѣе похожимъ на обыкновеннаго человѣка.

— Къ сожалѣнію, съ вашей точки зрѣнія, у насъ въ семьѣ не было скандаловъ.

— Опять: бѣдные родственники! Многихъ такъ тяготятъ эти бѣдные родственники! Они попадаютъ въ невозможныя положенія, и ихъ приходится выручать со множествомъ расходовъ. У меня, напимѣръ, есть кузень, который всегда является неожиданно. Онъ очень расточителенъ и имѣетъ ужасную репутацію. А у васъ? О, счастливый молодой человѣкъ!

— У насъ были случаи ранней смерти, но нѣтъ кузеновъ съ ужасными репутаціями.

— На это я и сѣтую. Вы слишкомъ счастливы. Вамъ бы слѣдовало бросить перстень въ море, какъ сдѣлалъ тотъ слишкомъ счастливый царь, котораго только одного и можно сравнить съ вами.

— Полагаю, что въ свое время явится подагра или что-нибудь въ этомъ родѣ.

— Это вамъ даже не бесполезно,—продолжала она полупути.—Вамъ слишкомъ пріятно живется, Леонардъ. Вы такъ и ждете, что вся ваша жизнь будетъ сплошнымъ триумфальнымъ шествіемъ. Ваше счастье какъ бы выключаетъ васъ изъ всего человѣчества. Вы непохожи на прочихъ людей; тѣмъ все достается цѣною борьбы, а вамъ все само валится съ неба. У васъ нѣтъ ничего общаго съ трудящимся міромъ: ни униженій, ни обидъ, ни стыда, ни неудачъ.

— Я едва-ли понимаю...—начальъ онъ, раздосадованный этимъ неожиданнымъ рядомъ обвиненій.

— Я хочу сказать; что вы стоите выше жизни дѣйствительной, гдѣ люди спотыкаются и падаютъ и гдѣ ихъ подбираютъ, по большей части, женщины. Васъ ни разу не сбивали съ ногъ. Вы говорите, что мнѣ непонятна любовь. Можетъ быть... А вотъ вамъ ужъ она такъ навѣрно непонятна. Любовь означаетъ взаимную поддержку. Намъ съ вами со всѣмъ не нужна поддержка. Вы покрыты броней. Вы не хотите, даже не можете захотѣть узнать, что такое любовь.

Онъ не возражалъ. Такой оборотъ былъ для него неожиданностью. Она говорила о себѣ, что не нуждается въ любви; а теперь обвиняетъ его въ подобномъ же недостаткѣ!

— Леонардъ, если-бы судьба послала вамъ семейные скандалы, бѣдныхъ родственниковъ, которыхъ вамъ пришлось бы стыдиться, что-нибудь, отъ чего вы стали бы уязвимы, подобно прочимъ людямъ, и вы постигли бы, что значить любовь, тогда, въ этомъ невозможномъ случаѣ, я не знаю... я, пожалуй...

Она не кончила фразы и выбѣжала изъ комнаты.

Леонардъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ, и на лицѣ его выразилась нѣкоторая печаль:

— Что она хочетъ сказать? Униженія? Опозоренные родственники? Это—просто смѣшно!

Но тутъ же, во второй разъ послѣ многихъ лѣтъ, ему почудились голоса матери и бабушки. Онѣ говорили о несчастіяхъ, поочереды постигающихъ представителей его рода, начиная со старика въ деревенскомъ домѣ съ террасою. О! Это было нелѣпо. Онъ вскочилъ на ноги. Это, — нелѣпость. Униженіе! Позоръ! Семейныя несчастія! Вадоръ! Констанція отказала ему. Она можетъ одуматься. Между тѣмъ, взгляды его упали на столъ и на бумаги. Онъ сѣлъ, взялъ перо. Любовь, глядѣвшая на него съ самой верхней изъ библиотечныхъ полокъ, исчезла со вздохомъ отчаянія. Влюбленный не слышалъ ни вздоха, ни трепета ея крыльевъ. Онъ склонился надъ бумагами и черезъ минуту вполне погрузился въ то, что писалъ.

Придя къ себѣ, дѣвушка сѣла за столъ и взяла перо, но тотчасъ опять его положила.

— Нѣтъ,—сказала она,—я не могу. Онъ слишкомъ поглощенъ собою. Онъ ничего не знаетъ и ничего не понимаетъ; а міръ полонъ всякихъ бѣдствій. Онъ олицетворяетъ собою счастье, а прочіе люди страдаютъ—ахъ, какъ страдаютъ!—за свои и за чужіе грѣхи. Онъ же ничего не знаетъ. Ничего не понимаетъ. Ахъ, если бы что-нибудь могло его

превратить въ человѣка: униженіе, неудача! Если бы онъ могъ стать человѣкомъ, подобнымъ прочимъ, ну, тогда...

Она положила перо, встала, надѣла шляпу и кофту и вышла на улицу къ прочимъ людямъ.

III.

Что нибудь предстоитъ.

Если вы обладаете рѣдкою способностью работать во всякое время и сосредоточивать ваши мысли на дѣлѣ послѣ любого событія, то, конечно, трудъ является наилучшимъ средствомъ борьбы съ разочарованіемъ и печалью. Прошло два часа. Леонардъ все еще сидѣлъ за письменнымъ столомъ, погруженный въ рядъ излагаемыхъ имъ доводовъ, совершенно позабывъ о томъ, что только что случилось. Наконецъ, его перо стало двигаться медленнѣе; онъ отложилъ его: одинъ отдѣлъ работы былъ законченъ. Онъ выпрямился, перенумеровалъ страницы, сложилъ рукопись и не безъ удивленія почувствовалъ себя способнымъ, успокоившись пропескомъ работы, обсудить только что происшедшій разговоръ. Нѣкоторые, получивъ отказъ, чувствуютъ себя униженными и негодуютъ. Причина этого въ томъ, что ихъ самомнѣніе построено на пескѣ. Леонардъ былъ не таковъ, чтобъ испытывать униженіе отъ какого угодно отвѣта на какой угодно изъ своихъ вопросовъ, хотя бы дѣло касалось брака. То хорошее мнѣніе, какое онъ имѣлъ о себѣ, покоилось на слишкомъ солидныхъ и незыблемыхъ основаніяхъ. Ни одна женщина не могла отказать ему, принимая во вниманіе тѣ данныя, которыми обыкновенно обуславливаются ихъ уваженіе и симпатія къ мужчинамъ. Сама Констанція признала, что судьба была щедра къ нему во всемъ, но, по какому-то женскому капризу или неожиданному коварству, ничуть этимъ не тронулась. Человѣка, подобнаго Леонарду, не можетъ унижить ничто сказанное или сдѣланное ему другими: его унижаютъ развѣ только собственные поступки, ошибки и промахи, которыми такъ полна жизнь большинства.

Онъ былъ способенъ оставить безъ вниманія,—вѣдь это могло еще измѣниться,—отказъ отъ такой благодати, какъ брачный съ нимъ союзъ. Сверхъ того, отказъ былъ облеченъ въ такую изящную и нѣжную форму!

Но что за странный поводъ для отказа! Онъ мысленно повторилъ ея слова. Констанція сказала, что судьба никому не даетъ полного счастья. Онъ же, по ея мнѣнію, представляетъ какъ бы исключеніе изъ этого правила. Онъ хоро-

шаго рода, довольно богатъ, здоровъ во всѣхъ отношеніяхъ, достаточно одаренъ, признанъ талантливымъ, имѣетъ успѣхъ и никакихъ видимыхъ минусовъ. Есть-ли во всемъ свѣтѣ другой подобный человѣкъ? Для него было бы лучше,—согласно пророчеству этой взволновавшей его дѣвушки,—если бы къ такимъ щедрымъ дарамъ судьбы примѣшалось нѣчто изъ общей доли, привкусъ горечи, который неизбежно и явится; непременно что-нибудь случится, что-нибудь уже готовится, грозитъ бѣда: тогда онъ будетъ походить на прочихъ людей и лучше пойметъ жизнь. Лишь получивъ свою долю печали и страданія, позора и униженія, ниспосылаемыхъ людямъ, онъ очутится въ гармоніи съ людьми. Ибо основной тонъ жизни вообще есть страданіе.

Въ этомъ пунктѣ, изъ тумана дѣтскихъ воспоминаній, передъ нимъ выступили двѣ женщины въ траурѣ, обѣ вдовы, которыя сидѣли и плакали вмѣстѣ.

Слова и вся сцена припомнились ему такъ же ясно, какъ въ тотъ день, когда онъ смотрѣлъ на старика, уснувшего въ креслѣ.

Леонардъ отогналъ отъ себя видѣніе: дерновую площадку и садъ, обѣихъ женщинъ, сидѣвшихъ на террасѣ, дитя, игравшее на травѣ, слова... Все это исчезло: онъ вернулся къ настоящему.

— Фантазія!—сказалъ онъ.—Всѣ эти суевѣрные страхи—не болѣе, какъ фантазія.

Онъ рѣшилъ не думать о такихъ вещахъ, забыть предсказаніе мудрой дѣвицы и укоръ ея, что онъ черезчуръ счастливъ.

Мы видѣли, какъ онъ распечаталъ первое изъ небольшой кучки писемъ. Теперь глаза его упали на прочія, онъ взялъ одно и раскрылъ его. Заголовокъ показывалъ, что оно послано изъ модной уэст-эндской гостиницы; почеркъ былъ незнакомый. Однако оно начиналось словами: „Мой дорогой племянникъ“.

— Мой дорогой племянникъ?—повторилъ онъ.—Кто это называетъ меня дорогимъ племянникомъ?

Онъ перевернулъ письмо и прочелъ подпись: „Твой любящій дядя, Фредъ Кампенъ“.

Фредъ Кампенъ! Въ его памяти воскресъ еще день изъ его дѣтства, и онъ увидѣлъ свою мать, это кроткое существо, красною отъ гнѣва при звукѣ этого имени. На глазахъ ея были слезы — не печали, а злости, а щеки такъ и пылали. Больше ничего онъ не помнилъ: имя Фредерика Кампенъ больше уже не упоминалось при немъ.

— Удивительно!—сказалъ Леонардъ и принялся читать дальше:

„Дорогой племянникъ!

Я пріѣхалъ сюда день или два назадъ, послѣ многихъ лѣтъ скитанья. Не теряя времени, послѣ нѣсколькихъ неотложныхъ дѣлъ, я съ тобою повидаюсь. Дочитавъ до этого, потрудишься взглянуть на подпись...

— Уже сдѣлано, — сказалъ Леонардъ. Онъ положилъ письмо и постарался вспомнить побольше. Но не могъ. Въ его памяти опять вырисовался образъ матери, сердитой въ первый и единственный разъ за все время, что онъ ее помнѣлъ. — На что она сердилась? — спросилъ онъ себя, а затѣмъ припомнилъ, что и дядя Христофоръ, извѣстный юристъ, никогда не произносилъ имени Фредерика. — Повидимому такъ былъ семейный скандалъ, — подумалъ онъ и опять принался за письмо.

„Я давно пропавшій скиталецъ. Не думаю, чтобы ты могъ меня помнить: тебѣ было не болѣе пяти лѣтъ, когда я уѣхалъ. Съ ребенкомъ столь нѣжнаго возраста не толкуютъ о семейныхъ дѣлахъ. Когда я покидалъ родину, надо мной было облако — правда, легкое — родъ нѣкой туманной дымки, таинственно свѣтящейся при лучахъ солнца. Это была весьма обыденная тайна долговыхъ обязательствъ, племянничекъ. Я и уѣхалъ. Въ сущности, меня чуть не въ шею вытолкнула вся холодно относившаяся ко мнѣ родня. Не только имѣлись долги, но было прожито и все мое скромное наслѣдственное достояніе. Такъ легкомысленная юность безумно бросаетъ собственныя деньги вслѣдъ за чужими. Мое состояніе мнѣ бы слѣдовало сберечь и захватить съ собою на чужбину, а истратить только то, что я вѣзалъ въ долгъ. Впрочемъ, сейчасъ я опять дома. Слѣдовало бы посѣтить тебя, но имѣю важныя дѣла въ городѣ, гдѣ, — какъ тебѣ, можетъ быть, пріятно будетъ узнать, — мое имя и голосъ имѣютъ значеніе. Тебя хотѣтъ пригласить въ среду къ брату Христофору. Посему надѣюсь свидѣться съ тобою тамъ. Значительность нѣкоторыхъ операцій ставитъ меня въ необходимость день или два посвятить исключительно высшимъ финансовымъ дѣламъ. Кажется, въ старину было въ обычаѣ, чтобы блудный сынъ возвращался въ лохмотьяхъ. Нынче все это измѣнилось: блудный сынъ возвращается въ тонкомъ сукнѣ съ чековой книжкой въ карманѣ и текущимъ счетомъ въ банкѣ. Я увѣренъ, что и вся семья съ удовольствіемъ узнаетъ, насколько я процвѣтаю“.

При чтеніи этого, Леонарду стало не по себѣ. Во-первыхъ, онъ припомнилъ слезы матери, а затѣмъ въ этихъ словахъ ему чувствовалось что-то фальшивое, точно притворное веселье, неискренность котораго кидается въ глаза. Здѣсь

толковалось объ успѣхѣ, который какъ-будто долженъ былъ искупить нѣчто въ прошломъ.

— И и забылъ,—сказалъ онъ,—что у насъ въ семьѣ имѣется блудный сынъ. Впрочемъ, я никогда этого толкомъ и не зналъ. „Насколько я теперь процвѣтаю“. Неужели? „Важныя дѣла въ городѣ“. Ну, посмотримъ. Я отлично могу подождать до среды.

Онъ еще перечиталъ письмо. Что-то въ немъ было не-ладно; образъ кроткой женщины, единственный разъ въ жизни пришедшей въ непритворный гнѣвъ, не гармонировалъ съ туманной дымкой, о которой упоминалъ писавшій. Сверхъ того, романическій герой, набобъ, вернувшійся съ полными карманами денегъ и достигшій высшихъ ступеней богатства, не начинаетъ съ извиненій по поводу обстоятельствъ, принудившихъ его покинуть родину. Напротивъ: онъ возвращается, полный восторга и увѣренности въ хорошемъ приемѣ, какой доставятъ ему его мѣшки съ деньгами.

— Какъ бы то ни было,—сказалъ Леонардъ, откладывая письмо,—это уже старая исторія и, такъ какъ моей бѣдной матери уже не суждено лить слезъ ни надъ нею, ни надъ чѣмъ другимъ, то можно и забыть.

Онъ отложилъ письмо и взялъ слѣдующее.

— Фу!—проворчалъ онъ.—Опять отъ Олджернона! Навѣрное, опять просить займа. А еще Констанція говоритъ, будто у меня нѣтъ бѣдныхъ родственниковъ.

Правда, что кузенъ Олджернонъ время отъ времени бралъ у него деньги, но едва-ли могъ считаться бѣднымъ родственникомъ, будучи единственнымъ сыномъ г-на Христофора Кампенъ, присяжнаго повѣреннаго, имѣвшаго большую и выгодную кліентуру. Привилегіей высшей адвокатуры является то обстоятельство, что большая кліентура непременно выгодна; тогда какъ у повѣренныхъ низшаго разряда бываетъ практика обширная, но невыгодная, точно такъ же, какъ въ числѣ низшаго медицинскаго персонала можно найти лицъ, взимающихъ по пятачку съ весьма многочисленныхъ больныхъ, или въ средѣ духовенства — сельскихъ священниковъ съ очень обширными приходами.

Самъ Олджернонъ стремился къ великой и почетной цѣли: онъ намѣренъ былъ стать драматургомъ будущаго. Онъ еще не написалъ ни одной драмы, но посѣщалъ театры, не пропускалъ ни одного перваго представленія, водилъ знакомство со многими актерами и актрисами, былъ членомъ клуба театраловъ, говорилъ и держалъ себя, какъ актеръ или, по крайней мѣрѣ, какъ человѣкъ, котораго въ театрѣ считаютъ своимъ. Олджернонъ часто нуждался въ деньгахъ, ухитрялся добывать отъ отца не болѣе разъ определенной

суммы въ годъ и привыкъ прибѣгать къ кузену, какъ къ старшему въ родѣ.

Письмо оказалось, какъ предвидѣлъ Леонардъ, просьбою о займѣ.

„Милый Леонардъ, мнѣ очень жаль тебя беспокоить, но обстоятельства у меня стѣсненные, а родитель отказываетъ въ авансахъ. Какъ можетъ онъ, при своемъ прекрасномъ заработкѣ, такъ придираться къ моимъ маленькимъ расходамъ, я рѣшительно не понимаю. Онъ жалуется, что я не работаю. Это вполнѣ неосновательно, такъ какъ нѣтъ человека, который усерднѣе работалъ бы надъ своимъ искусствомъ, нежели я. Почти каждый вечеръ я въ театрѣ. Виновать ли я, что мѣста стоятъ по полугиней? Все это означаетъ, что я желаю получить отъ тебя взаимны десятку, пока родительская жестоковѣйность не пойдетъ на уступки. Твой Олджернонъ“.

Леонардъ прочелъ и фыркнулъ.

— Этотъ молодецъ никогда ничего не станетъ дѣлать,—сказалъ онъ. Тѣмъ не менѣе, онъ сѣлъ, открылъ чековую книжку и написалъ чекъ.—Ну, и подавись!—проговорилъ онъ.

А еще Констанція сказала, что, не имѣя бѣдныхъ родственниковъ, онъ не можетъ сочувствовать имѣющимъ ихъ!

Было и третье письмо: отъ тетки.

„Милый Леонардъ!

Не заглянешь-ли, если только возможно, къ намъ въ среду, чтобы увидѣться съ дядею Фредомъ? Онъ вернулся на родину. Разумѣется, ты не можешь помнить его. Въ старину, онъ, кажется, былъ легкомысленъ, но говорить, что теперь это прошло. Да, признаться, и пора. Онъ, какъ будто, имѣетъ средства и всегда очень веселъ. Будучи въ настоящее время главою рода, ты, надѣюсь, примешь его привѣтливо, забывъ и простивъ прошлое, если въ немъ есть что прощать. Боюсь, что Олджернонъ трудится до переутомленія. Я никогда бы не повѣрила, чтобы искусство драматурга требовало такого неутомимаго присутствія въ театрахъ. Онъ знакомится со множествомъ актеровъ и актрисъ, которые, по его словамъ, могутъ оказать ему большую помощь. Я говорю отцу, который по временамъ ворчитъ, что, когда этотъ мальчикъ рѣшится приступить къ дѣлу, то не будетъ на свѣтѣ драматурга, болѣе добросовѣстно изучившаго свою специальность.

Любящая тебя

Доротея Кампенъ“.

Леонардъ написалъ записку, что принимаетъ приглашеніе, а затѣмъ сталъ безуспѣшно стараться прогнать отъ себя мысль о вернувшемся блудномъ сынѣ. Онъ готовъ былъ даже

за то благодарить Бога, что дядюшка хоть веселъ и благополученъ. Будь Леонардъ поопытнѣе, онъ бы вспомнилъ, что веселость въ блудномъ сынѣ есть качество весьма подозрительное, ибо составляетъ преобладающій тонъ душевнаго настроенія блуднаго сына при всѣхъ, даже самыхъ неблагопріятныхъ, обстоятельствахъ. Эта веселость является его главною, а иногда и единственною добродѣтелью. Онъ веселъ, потому что всегда пріятнѣе веселиться, нежели унывать. Легче смѣяться, чѣмъ плакать. Лишь когда блудный сынъ достигаетъ земнаго благополучія—что бываетъ очень, очень рѣдко—онъ утрачиваетъ свою веселость и принимаетъ на себя видъ отвѣтственный и тревожный, въ подражаніе твердому волею и трудолюбивому старшему брату.

IV.

Все на-лицо.

Наступило одиннадцать часовъ этого самаго вечера. Леонардъ сидѣлъ у камина и думалъ о минувшемъ днѣ. Поздравлять себя было не съ чѣмъ: онъ получилъ отказъ, наслушался непріятныхъ истинъ, былъ названъ слишкомъ счастливымъ, получилъ предостереженіе, что боги никогда не даютъ полнаго счастья человѣку, выслушалъ напоминаніе о томъ, что его жизнь врядъ ли окажется однимъ длиннымъ триумфальнымъ шествіемъ и едва ли онъ будетъ избавленъ отъ тревогъ и заботъ, одолѣвающихъ другихъ людей. Никому не пріятно слышать, будто онъ чересчуръ счастливъ и будто, для уравниенія его съ остальнымъ родомъ человѣческимъ, ему нужны неудачи въ карьерѣ, бѣдные родственники и семейные скандалы. Сверхъ того, какъ бы въ подтвержденіе пророчества, онъ получилъ прибавленіе къ семейству въ лицѣ какого-то подозрительнаго дяди.

Въ домѣ все было тихо; роялей не было слышно, а гдѣ изъ жильцовъ, которые находились дома, уже собирались ложиться спать.

Сидя передъ огнемъ, Леонардъ испытывалъ какую-то странную нервность; онъ намѣревался немножко поработать: ночная тишина особенно благопріятствуетъ труду. Однако почему-то онъ не могъ овладѣть своими мыслями: онѣ ему не повиновались и, вмѣсто того, чтобы вникать въ социальный вопросъ, занялись Констанціей, ея отказомъ и словами, вселившими въ него тревогу и предвѣщавшими дурное.

Неожиданно и безъ всякихъ предварительныхъ звуковъ на лѣстницѣ, въ квартирѣ раздался звонокъ. Леонардъ не

быть нервнымъ или суевѣрнымъ человѣкомъ и безъ всякихъ опасеній относился къ настоящему и будущему. Но въ этотъ вечеръ по нему пробѣжалъ морозъ: онъ почувствовалъ, что съ нимъ должно случиться нѣчто непріятное. Онъ взглянулъ на часы: его слуга долженъ былъ уже находиться въ постели; поэтому онъ всталъ и самъ пошелъ отпереть дверь.

Передъ нимъ стоялъ неизвѣстный человѣкъ высокаго роста, завернутый въ какой-то шотландскій плащъ и въ круглой поярковой шляпѣ.

— Г. Леонардъ Кампенъ?—освѣдомился онъ.

— Разумѣется,—отвѣтилъ онъ рѣзко.—Но вы-то кто? И что вамъ здѣсь нужно ночью?

— Очень жаль, что я такъ поздно. Я не сразу отыскалъ квартиру. Можно побесѣдовать съ вами полчаса? Я вашъ родственникъ, хотя вы не знаете меня.

— Мой родственникъ? Какой родственникъ? Какъ ваша фамилія?

— Вотъ моя карточка. Если позволите войти, я объясню вамъ наше родство. А въ этомъ родствѣ не можетъ быть сомнѣнія.

Леонардъ поглядѣлъ на карточку:

„Г. Самуилъ Галлей-Кампенъ“.—Въ углу были слова: „Ходатай по дѣламъ. Коммерческая улица“.

— Я совсѣмъ васъ не знаю,—сказалъ Леонардъ.—Впрочемъ, пожалуй... Не угодно-ли вамъ войти?

Онъ провелъ его въ кабинетъ и зажегъ еще одинъ или два газовыхъ рожка. Затѣмъ онъ поглядѣлъ на своего гостя.

Тотъ сбросилъ плащъ и шляпу и теперь стоялъ передъ нимъ—высокій, тонкій, съ лицомъ, которое сразу напоминало ястреба длиннымъ, тонкимъ и загнутымъ носомъ и сверкающими, слишкомъ сближенными глазами. Онъ былъ во фракъ, знававшемъ лучшіе дни, и черномъ галстухѣ. Онъ производилъ впечатлѣніе человѣка голоднаго, но не физическимъ голодомъ.

— Самуилъ Галлей-Кампенъ,—повторилъ онъ.—Фамилія моего отца была Галлей; дѣвичья фамилія моей бабушки была Кампенъ.

— Ахъ, ваша бабушка была Кампенъ? Значить, ваша настоящая фамилія—Галлей?

— Я прибавилъ ея фамилію къ своей; оно выходитъ лучше для дѣловыхъ сношеній. Я принялъ гербъ ея—у нея есть гербъ; оно лучше для дѣловыхъ сношеній.

— Вы не имѣете никакихъ правъ на семейный гербъ вашей бабушки.

— Неужели? Да кто-жъ мнѣ запретить? Въ нашей мѣстности это не въ рѣдкость и полезно для дѣлъ.

— Ну, будь по вашему—и фамилія, и гербъ, и все прочее. Потрудитесь объяснить наше родство.

— Въ двухъ словахъ. Тотъ старикъ,—онъ указалъ куда-то на сѣверъ,—что живеть одинъ—отецъ моей бабушки. Ему девяносто съ чѣмъ-то, а ей семьдесятъ съ чѣмъ-то.

— Ахъ, такъ она—моя двоюродная бабка! Странно, что я о ней никогда не слыхивалъ.

— Ничего нѣтъ страннаго. Совершенно въ порядкѣ вещей. Она пошла подъ гору, а вы—въ гору, или остались на горѣ; такъ, разумѣется, вамъ никто не говорилъ о ней.

— Ну, такъ вы мнѣ о ней скажете. Позвольте предложить что-нибудь? Папирску?

Гость оглядѣлъ всю комнату. Нигдѣ не было ни малѣйшихъ признаковъ водки. Онъ вздохнулъ и отказался отъ папирски, но приглашеніе сѣсть принять.

— Благодарю васъ, — сказалъ онъ. — Сидѣть гораздо уютнѣе. Квартира у васъ удобная. Супруги еще не имѣете? Старуха говорила, что вы холостъ. Ну, такъ вотъ: она вышла за моего дѣда, Исаака Галлей. Это случилось пятьдесятъ лѣтъ назадъ, въ 1849-омъ. Нѣтъ, въ 1850-омъ. Исаакъ Галлей обанкротился. Его банкротство было упомянуто въ газетахъ, благодаря крупной суммѣ его долговыхъ обязательствъ. „Таймсъ“ даже поставилъ вопросъ, какъ онъ ухитрился за должать такъ много.

— Пожалуйста, продолжайте. Очень интересно. Эта часть нашей семейной исторіи совершенно нова для меня.

Леонардъ все еще стоялъ и глядѣлъ на гостя сверху внизъ. Онъ все болѣе замѣчалъ, что тотъ до смѣшного похожъ на него, и только питалъ надежду, что самъ онъ меньше напоминаетъ ястреба. Всѣ его родичи были ростомъ много выше средняго, имѣли рѣзкія черты лица и въ общемъ могли назваться красивыми; осанка ихъ была полна достоинства. Этотъ человѣкъ былъ высокъ, имѣлъ рѣзкія черты, но не былъ красивъ и въ немъ не замѣчалось достоинства. Плечи его выдавались впередъ, и онъ горбился. Очевидно, онъ принадлежалъ къ тому же роду, но уже утратилъ чистоту типа и имѣлъ видъ „ординарный“. Никто не могъ принять его за барина по рожденію или воспитанію. Слово „ординарный“ весьма подходило къ г. Галлей-Кампенъ.

— Пожалуйста, продолжайте, — машинально повторилъ Леонардъ, продолжая свои наблюденія.—Вы мнѣ родственникъ, это ясно. Я долженъ извиниться въ томъ, что не зналъ о вашемъ существованіи.

— Мы живемъ на другомъ концѣ города. Я, разумѣется—интеллигентъ, такъ какъ по спеціальности—юристъ...

— Совершенно вѣрно,—сказалъ Леонардъ.

— Но старуха—я хочу сказать: моя бабушка—прилагаетъ всѣ старанія, чтобы я не забылъ разницы между вами и мною. Вы побывали въ Итонѣ и въ университетѣ, сидите въ палатѣ общины и записаны въ модномъ клубѣ. Таковъ вашъ міръ, а я живу въ иномъ. У насъ, на Коммерческой, нѣтъ модныхъ франтовъ. Я ходатайствую по дѣламъ, которыя вамъ показались бы мелкими. У насъ тамъ нѣтъ крупныхъ юристовъ.

— Это—интеллигентная профессія.

— Да. Я не приказчикъ, какъ былъ отецъ.

— Разскажите мнѣ еще про себя. Вы говорите, что вашъ дѣдъ обанкротился. Что, онъ живъ еще?

— Нѣтъ, онъ умеръ десять лѣтъ назадъ, до послѣдней минуты хвастаясь своимъ крахомъ. Его сынъ, а мой отецъ, всю жизнь былъ приказчикомъ въ винной лавкѣ и умеръ чепыре или пять лѣтъ назадъ. Онъ заплатилъ за мою обстановку сто фунтовъ и за права—другую сотню, —и это истощило весь его капиталъ, за исключеніемъ небольшой страховки въ сотню. Когда онъ умеръ, я только начиналъ оперяться; а съ тѣхъ поръ живу и содержу мать и бабушку (хотя оно и нелегко), выжимая кое-что и изъ Мери-Анны.

— Кто это: Мери-Анна?

— Сестра моя, учительница городской школы. Но она всѣ расходы валитъ на меня.

— Такъ у меня цѣлое семейство родственниковъ, которыхъ я до сихъ поръ не зналъ! Это интересно. Нѣтъ-ли еще?

Онъ вспомнилъ кое-какія слова, сказанныя въ тотъ же день утромъ, и поморщился. Вотъ явились и бѣдные родственники. Констанція должна быть довольна.

— Больше нѣтъ: только я и Мери-Анна. То есть, нѣтъ такихъ, кого бы вы признали за родню. Есть отцовская родня и всякіе братья, родные и двоюродные племянники и племянницы со стороны матери; только вамъ-то они уже врядъ-ли придутся сродни.

— Да едва-ли, не смотря на все желаніе...

— Ну, вотъ что, г. Каменный: старуха давно приставала ко мнѣ, чтобы я сходилъ къ вамъ. Мнѣ же не хотѣлось идти. Я не нуждаюсь въ вашемъ знакомствѣ, какъ и вы не нуждаетесь въ моемъ. Но я пришелъ въ угоду ей, чтобы вы знали, что она жива и болѣе всего на свѣтѣ желаетъ повидаться и поговорить съ вами.

— Въ самомъ дѣлѣ? Если дѣло только въ этомъ, то я съ удовольствіемъ навѣщу ее.

— Видите, она всегда была несчастна, отъ роду несчастна, такъ сказать. Но она гордится своею роднею. Эта родня ни-

когда ничего для нея не сдѣлала, по крайней мѣрѣ, доселѣ, ибо неизвѣстно еще, что предстоитъ — что предстоитъ, говорю...

Его рѣчь зазвучала угрозой.

— Что предстоитъ?..—мягко повторилъ Леонардъ.

— Въ будущемъ. Могутъ понадобится доказательства того, кто мы такіе, прежде чѣмъ пройдетъ нѣсколько лѣтъ, или мѣсяцевъ, или даже дней. Поэтому, пожалуй, будетъ всего удобнѣе, если вы теперь поймете, кто она и кто я.

— Вы желаете, чтобы я посѣтилъ мою двоюродную бабу? Я непременно это сдѣлаю.

— Этого она желаетъ. Поэтому я и пришелъ сегодня. Послушайте, сударь: по собственному желанію я не сталъ бы навязываться вамъ. Я пришелъ не просить и не взаймы брать. Но ради старухи я рискнулъ побывать и напомнить вамъ, что она—ваша бабушка. Ей теперь семьдесятъ два года, и временами она тоскуетъ по своей роднѣ. Она не видала никого изъ своихъ съ тѣхъ поръ, какъ вашъ дѣдъ лишилъ себя жизни. А это произошло приблизительно въ 1860-мъ, до нашего съ вами рожденія.

Леонардъ встрепнулся.

— Мой дѣдъ лишилъ себя жизни? Что вы хотите сказать? Мой дѣдъ умеръ гдѣ-то около 1860 г. Что вы разумѣете подъ тѣмъ, что онъ лишилъ себя жизни?

— Какъ? Развѣ вы не знаете? Вашъ дѣдушка, сударь,—продолжалъ тотъ съ твердостью:—умеръ отъ болѣзни, называемой перерѣзаннымъ горломъ. Это случилось совершенно внезапно. Но я знаю это навѣрно, потому что бабушка превосходно помнитъ всю исторію.

— Возможно ли? Убилъ себя? Такъ почему же я никогда не зналъ объ этомъ?

— Полагаю, васъ не хотѣли огорчать. Вашъ отецъ, кажется, былъ въ то время еще ребенкомъ. Можетъ быть, и отъ него скрыли. Тѣмъ не менѣе, это—сухая правда.

Лишилъ себя жизни! Онъ вспомнилъ вдову, которая никогда не улыбалась, блѣднолицую вдову съ поникшимъ взоромъ. Теперь онъ понималъ, почему она всю жизнь проходила въ траурѣ. Онъ узналъ такимъ неожиданнымъ образомъ, почему она удалилась въ тихую корнваллійскую деревушку.

Лишилъ себя жизни! Почему? Казалось какимъ-то святотатствомъ спрашивать объ этомъ у подобной личности. Испытывая колебаніе, Леонардъ взялъ съ камина какую-то бездѣлушку и началъ вертѣть ее. Она упала изъ его рукъ за каминную рѣшетку и разбилась.

— Скажите, пожалуйста,—спросилъ онъ, оставивъ тотъ

вопросъ до другого раза,—почему ваша бабушка разсталась со своей родней?

— Они уѣхали въ деревню. А отецъ ея помѣшался. Она совсѣмъ не знала его въ здравомъ разсудкѣ. Онъ помѣшался, когда убили его деверя.

— Убили деверя? Убили! Что такое? Боже мой! Что вы хотите сказать этимъ самоубійствомъ и убійствомъ?

— Да неужели-же вы не знаете? Его деверя убили на его землѣ, и жена его въ тотъ же день умерла отъ внезапности и горя. А то что-же свело съ ума старика?

— Я... я... я... ничего не знаю, увѣряю васъ, объ этихъ трагедіяхъ.—Эти разоблаченія заставили Леонарда забыть о вульгарности собесѣдника. Онѣ являются для меня новостью. Мнѣ ничего не говорили.

— Никто не говорилъ? Ну, могу сказать... А у насъ старуха только и толкуетъ, что объ этихъ дѣлахъ. Она ими гордится. А вы такъ-таки и не знаете?!

— Ничего. А развѣ есть еще что? И почему вы называете моего прадѣда помѣшаннымъ?

— Мнѣ онъ такой же прадѣдъ, какъ и вамъ. Почему помѣшаннымъ? Вѣдь я его видѣлъ нѣсколько разъ изъ-за садовой стѣны, какъ онъ мечется по террасѣ, точно бѣлый медвѣдь. Не знаю, что вы называете помѣшательствомъ, а я—человѣкъ дѣловой, и если бы имѣлъ кліента, не распечатывающаго писемъ и не отвѣчающаго на нихъ, ни съ кѣмъ не говорящаго ни слова, не заботящагося о дѣтахъ, дающаго рушиться своему дому, не ходящаго въ церковь, не держащаго слугъ въ усадьбѣ,—то я заперъ бы этого несчастнаго въ сумасшедшій домъ.

Леонардъ ничего не возразилъ.

— Но вы мнѣ не рассказали о смерти его жены. Странно, что мнѣ приходится спрашивать о такихъ подробностяхъ касательно моей же семьи.

— Въ то-же время и моей, смѣю напомнить,—не безъ достоинства возразилъ истъ-эндскій ходатай.—Ну, бабушкѣ моей семьдесятъ два года. Значитъ, мать ея умерла ровно семьдесятъ два года назадъ. Ибо она умерла родами, вслѣдствіе испуга, произведеннаго извѣстіемъ объ убійствѣ ея родного брата. Брата звали Ланглей Хольмъ.

— Ланглей? Это—имя моего дѣда.

— Да, Ланглей Хольмъ. Его, кажется, нашли мертвымъ на скатъ какого-то холма. Такимъ образомъ, нашъ прадѣдъ въ одинъ день потерялъ жену и деверя, который былъ его чучшимъ другомъ. Какъ же, развѣ вы туда ѣдите и видите его въ такомъ состояніи, вамъ ни разу не пришло на умъ, что довело его до этого?

— Признаюсь... онъ такъ старъ. Я считалъ это эксцентричностью преклоннаго возраста.

— Нѣтъ!—кузень покачалъ головой.—Одна старость не можетъ такъ скрутить человѣка. Я полагаю, что глубокая старость дѣлаетъ равнодушнымъ къ людямъ, даже къ собственнымъ дѣтямъ, но не прекращаетъ интереса къ денежнымъ дѣламъ.

— Пожалуй, вы и правы, только... словомъ, я ничего не зналъ. Значить, разсудокъ старика былъ потрясенъ двойною утратою. Странно, что мнѣ никогда не говорили! А его сынъ, мой дѣдъ, кончилъ самоубійствомъ! А мужъ его дочери обанкротился!

— Да, несчастій было довольно. Старуха безпрестанно твердить о тяготѣющемъ надъ семьею рокѣ. Второй сынъ утонулъ. Онъ былъ морякъ и утонулъ. Мой отецъ всю жизнь былъ простымъ приказчикомъ. Я самъ испыталъ, каково бываетъ, когда не на что пообѣдать. Если полюбопытствуете узнать, каково бываетъ несчастіе, то подождите, пока проглотается.

— Въ самомъ дѣлѣ?—задумчиво произнесъ Леонардъ.— И всѣ эти бѣды для меня новы. Удивительно, что я обо всѣхъ нихъ узналъ именно сегодня.

— Потомъ вашъ собственный отецъ умеръ также молодымъ; а послѣдній, о комъ толкуетъ старуха, это—его братъ. Забылъ, какъ его звали; только его отправили въ Австралію, когда онъ поддѣлалъ подпись вашего отца.

— Что?

— Поддѣлать подпись. Что, недурно? Да, несчастій тутъ довольно.

Гость всталъ.

— Ну, такъ дѣло въ томъ: желаете вы навѣстить старуху?

— Да, я навѣдаюсь къ ней. Когда ее можно застать?

— Она каждый день спитъ на диванѣ у камина отъ двухъ до четырехъ, а затѣмъ просыпается болѣе бодрой и способной къ бесѣдѣ. Приходите около четырехъ. Входъ со двора: съ улицы входятъ ко мнѣ въ контору, а мой писмоводитель—у меня пока всего одинъ—работаетъ наверху, надъ кухней, въ спальнѣ моей сестры. Домъ очень приличный, и на дверяхъ значится моя фамилія, такъ что нельзя не найти.

— Хорошо, я приду.

— Еще вотъ что, г. Кампеньи: мы не лѣзали впередъ, не старались навязаться вамъ и впредь не намѣрены. Мы живемъ за шесть миль отъ васъ, имѣемъ свой кругъ знакомыхъ, совсѣмъ другой, чѣмъ у васъ. Однако, касательно дѣла есть вопросъ, который я хочу предложить вамъ. Это—дѣловой вопросъ.

Лицо посѣтителя вдругъ стало лисьимъ. Онъ нагнулся впередъ и понизилъ голосъ до шопота. Леонардъ инстинктивно насторожился.

— Если онъ относится къ родовому помѣстью, я не смогу отвѣтить вамъ. Не лучше-ли обратиться къ юристамъ, которые имъ завѣдуютъ?

— Нѣтъ. Они мнѣ ничего не скажутъ. Мнѣ нужно знать вотъ что: у него, кажется, большое помѣстье?

— Кажется, что такъ; но онъ не имѣетъ права продавать его.

— Полагаю, оно даетъ доходъ?

— Безъ сомнѣнія, даетъ.

— Ну, вотъ ужъ семьдесятъ лѣтъ старикъ ничего не тратитъ. Должны быть сбереженія. Въ случаѣ отсутствія завѣщанія, эти сбереженія должны дѣлиться поровну между наслѣдниками вашего дѣда и моею бабкою. Смѣю спросить, извѣстны ли вамъ о существованіи завѣщанія?

— Ничего не знаю ни о какомъ завѣщаніи.

— Весьма вѣроятно, что его и нѣтъ. Человѣкъ, который уже около семидесяти лѣтъ не въ своемъ умѣ, едва ли можетъ оставить завѣщаніе. Если же оставить, то его всегда легко оспорить. Г. Кампенъ, вѣдь ясно, что могли накопиться громадныя капиталы.

— Да, могли, какъ вы говорите, накопиться капиталы.

— Въ такомъ случаѣ возможно,—я говорю, возможно,—что мы съ сестрой станемъ богаты, очень богаты. Относительно себя я едва рѣшаюсь предполагать такую возможность, но должны же быть, должны быть—сбереженія, и вопросъ, который я желалъ бы предложить вамъ, состоитъ въ слѣдующемъ: гдѣ хранятся эти сбереженія? И можно ли узнать, какъ они велики, какова именно сумма, кто получаетъ процентныя деньги и какое имъ дается назначеніе, а также: есть ли завѣщаніе? Было ли оно сдѣлано до или послѣ того, какъ старикъ спятилъ? И если деньги эти завѣщаны кому-нибудь постороннему, то намѣрены ли вы, какъ старшій въ родѣ, оцаривать такое завѣщаніе? Вотъ мои вопросы, г. Кампенъ.

Онъ откинулся на спинку кресла и вложилъ большіе пальцы въ проймы своего жилета.

— Вопросы эти очень важны,—сказалъ Леонардъ.—Какъ юристъ, вы должны понять, что я не могу на нихъ отвѣтить. Что же касается управленія имуществомъ, то полагаю, что мы не имѣемъ права спрашивать нотаріусовъ и ихъ служащихъ. Мы обязаны предполагать, что владѣлецъ помѣстья находится въ здравомъ умѣ. Оспаривать же завѣщаніе можно лишь тогда, когда оно объявлено.

— Послушайте,—кузень облокотился на собственные колѣни и хрипло зашепталъ:—послушайте, капитала должно быть до полутора милліона. Я высчиталъ все это при помощи учебника ариѳметики. Нарочно для этого выучилъ правило, такъ какъ до тѣхъ поръ никогда не зналъ сложныхъ процентовъ. Вычисленій потребовалось множество. Я ихъ всѣ продѣлалъ. Я думалъ, что и конца не будетъ. Мери-Ангя помогла мнѣ. Цѣлыя сотни цифръ—и въ итогѣ вышло полтора милліона... Полтора милліона! Подумайте-ка! Полтора милліона!

Онъ всталъ и медленно надѣлъ пальто.

— Вотъ что,—прибавилъ онъ дрожащимъ голосомъ и страшно волнуясь:—этихъ денегъ не слѣдуетъ выпускать изъ рода. Не слѣдуетъ. Это было бы грѣшно, грѣшно. Мы надѣемся на васъ, какъ на защитника семейныхъ правъ.

Леонардъ засмѣялся.

— Боюсь, что въ этомъ отношеніи не въ состояніи буду помочь вамъ. Покойной ночи. Надѣюсь навѣстить бабушку, согласно ея желанію.

Онъ заперъ дверь за гостемъ. Онъ слышалъ шаги спускавшіеся по лѣстницѣ, и вернулся въ свою пустую комнату.

Но она уже не была пуста: ушедшій привелъ съ собою призраки, которыми и населилъ ее.

Среди нихъ былъ старикъ,—вновь помолодѣвшій—сломленный двойною утратою: жены и лучшаго друга въ одинъ день. Былъ и дѣдъ—самоубійца; по какой причинѣ? Молодой морякъ, уѣхавшій, чтобъ утонуть; собственный Леонардовъ отецъ, умершій молодымъ; возвратившійся разбогатѣвшій родственникъ, который совершилъ подлогъ. Подлогъ! Подлогъ! Слово это звенѣло въ мозгу Леонарда. Была и дочь этой семьи, отвергнутая семьею, попавшая посредствомъ замужества къ такимъ людямъ, образчикомъ которыхъ являлся г. Галлей. Неужели мало этихъ призраковъ для спокойной барской квартирки?

Да, онъ былъ воспитанъ въ невѣдѣніи обо всемъ этомъ. Онъ ничего не зналъ ни о причинахъ затворничества старика, ни о самоубійствѣ дѣда, ни о прочихъ несчастіяхъ. Отъ него все это скрыли. А теперь все сразу обрушилось на его невѣдающую голову.

Онъ сѣлъ передъ каминомъ и въ этотъ вечеръ уже не принимался за свою статью. Въ мозгу его раздавались странныя предостереженія Констанціи: то ему не хватаетъ несчастій,—такихъ, какія угнетаютъ весь окружающій міръ,—чтобы сравняться со всѣмъ остальнымъ человѣчествомъ.

— Теперь недостатокъ восполнить,—сказалъ онъ.—Бѣдные

родственники, скандалы въ семьѣ, униженія и все... Но мнѣ пока отъ этого не лучше.

V.

Интеллигентная профессія.

Въ одной изъ улицъ на востокъ отъ Канцелярскаго переулка находится группа зданій, сравнительно новыхъ, гдѣ сдаются квартиры подъ конторы. Каждая такая квартира состоитъ изъ трехъ комнатъ, а порою изъ четырехъ, пяти, даже шести. Географическое положеніе домовъ указываетъ на профессію ихъ обитателей: развѣ каждый камень въ окрестностяхъ Канцелярскаго переулка не принадлежитъ юриспруденціи? Впрочемъ, бываютъ и исключенія. Напримѣръ, здѣсь пріютилось нѣсколько торговыхъ компаній, и можно наткнуться на дверь съ надписью въ такомъ родѣ: „Г. Джорджъ Кредитонъ, агентъ“. Конторщики и публика, пѣлыми днями мелькавшіе по лѣстницѣ, порою спрашивали другъ друга, чтотутъ за агентство. Но у конторщиковъ были свои дѣла. Такое таинственное агентство, которое производило свои операціи въ тихой конторѣ, куда не входилъ ни одинъ кліентъ, сначала возбудило разныя предположенія, а потомъ перестало кого либо интересовать. Такъ прошло болѣе двадцати лѣтъ съ той поры, какъ впервые появилась на дверяхъ надпись, возбудившая недоумѣніе конторщиковъ.

„Г. Джорджъ Кредитонъ, агентъ“. Агентства бываютъ разныя. Агентъ можетъ управлять имѣніемъ, домомъ, всякаго рода собственностью. Бываютъ агенты для добыванія патентовъ: у многихъ изъ такихъ есть конторы близъ департамента выдачи привилегій; бываютъ литературные агенты, — но Канцелярскій переулокъ—не Парнасъ; бываютъ агенты для составленія и уничтоженія торговыхъ товариществъ; бываютъ театральные агенты—но что общаго между театромъ и судейскимъ кварталомъ? Что же за агентъ былъ г. Кредитонъ?

Г. Джорджъ Кредитонъ, агентъ, сидѣлъ во второй комнатѣ, солидно обставленной, какъ рабочій кабинетъ. Тутъ не было громаднаго и тяжеловѣснаго стола, заваленнаго бумагами и любимаго нотаріусами: его замѣнялъ обыкновенный письменный столъ, стоявшій въ углу, между окномъ и стѣною. Былъ и теплый, красивый коверъ, и звѣриная шкура передъ столомъ, и деревянный стулъ для агента, и два другихъ для посѣтителей. По стѣнамъ стояли книги, не юридическія, а разнообразнаго содержанія. Очевидно, агентъ имѣлъ пристрастіе къ легкому чтенію, ибо на лицо были всѣ современные юмо-

ристы, какъ американскіе, такъ и отечественнаго происхожденія. Были собраны и англійскіе поэты, а также нѣкоторые, но не многіе, изъ французскихъ и нѣмецкихъ. На столѣ, передъ агентомъ, находилось съ подложины переплетенныхъ фоліантовъ съ заголовками на корешкахъ: „Справки отъ А до Е“ и т. д. Въ одномъ углу стоялъ открытый желѣзный сундукъ, къ которому, повидимому, принадлежалъ еще фоліантъ: „Счетная книга“.

Агентъ, занимаясь своимъ дѣломъ, очевидно, желать имѣть видъ важный и отвѣтственный. Лицо его было украшено парю небольшихъ бакенговъ, прямо подрѣзанныхъ и зачесанныхъ къ ушамъ; подбородокъ и губы были выбриты. Образцомъ ему служилъ традиціонный типъ адвоката. Къ сожалѣнію, желанное сходство не достигалось, и лицо это вовсе не напоминало о типѣ, взятомъ за образецъ. Въ немъ не было строгости, не было проницательности; не хватало неподвижности, серьезности, достоинства. Оно скорѣе походило на лицо комическаго актера. Ростомъ этотъ человѣкъ былъ выше шести футовъ при удивительной худобѣ, имѣлъ орлиный носъ и подвижныя, чувствительныя губы.

Онъ началъ свой утренній трудъ чтеніемъ писемъ: ихъ было всего два или три. Онъ заглянулъ въ счетную книгу, посмотрѣлъ на какія-то записи и сдѣлалъ пару отмѣтокъ карандашомъ; затѣмъ, снялъ съ одной полки Сама Слика, Артимуса Уарда и Марка Твена, а съ другой—собраніе сочиненій Гурнанда и одну-двѣ книжки Фредерика Анстея. Онъ поперелистовалъ ихъ и началъ дѣлать краткія выписки и какія-то отмѣтки. Будь тутъ зритель, ему, пожалуй, пришло бы въ голову, что это готовятся матеріалы для сравнительной характеристики англійскаго и американскаго юмора.

Въ первой комнатѣ мальчикъ при конторѣ (за пять шиллинговъ въ недѣлю, четырнадцатилѣтній мальчикъ)—сидѣлъ передъ каминомъ, читая о геройскихъ подвигахъ и дѣяніяхъ знаменитаго Джака Харкавея.

Это былъ славный мальчикъ, съ живымъ воображеніемъ: онъ твердо рѣшилъ въ свое время стать вторымъ Джакомъ Харкавеемъ, а пока искренно благодарилъ судьбу, пославшую ему мѣсто, гдѣ не требовалось много дѣла, какъ носить на почту письма, да сидѣть за книгою передъ каминомъ въ теплой и уютной комнатѣ, куда никто не входилъ, за исключеніемъ хозяина и почтальона; на вопросъ, какое это агентство, мальчикъ не сумѣлъ бы отвѣтить.

Кончивъ свои выписки, г. Джорджъ Кредитонъ методически скололъ бумажки булавками и отложилъ ихъ въ сторону. Затѣмъ онъ вскрылъ послѣднее письмо.

— Отвѣтилъ!—захихикалъ онъ.—Почеркъ Фреда. Я такъ

и зналъ. Назвался Барловомъ, но я сразу догадался. Да, онъ придетъ, онъ придетъ.

Онъ сѣлъ и беззвучно расхохотался, весь трясясь отъ смѣха:—Онъ придетъ. Вотъ такъ удивится!

Тутъ же послышались шаги и голосъ:

— Мнѣ надо видѣть г-на Джорджа Кредитона.

— Это—Фредъ,—сказалъ агентъ и захихикалъ опять.—Ну дѣла!

— У него никого нѣтъ,—отвѣтилъ мальчикъ, не отваживаясь пойти доложить по непривычкѣ къ посѣтителямъ.

Гость былъ высокій мужчина, лѣтъ сорока пяти, хорошо державшійся и крѣпко сложенный. Одѣтъ онъ былъ такъ, чтобы казаться зажиточнымъ, для чего носилъ тяжелую золотую цѣпь. На лицѣ его были признаки, по которымъ мы привыкли заключать о пристрастіи къ крѣпкимъ напиткамъ; но не стоитъ останавливаться на такихъ напоминаніяхъ о человѣческой слабости; кромѣ того, легко и ошибиться. Такія лица часто встрѣчаются въ уютной задней комнаткѣ трактира, съ трубочкой и стаканомъ чего нибудь горячительнаго: красивое лицо, но не изящное и не интеллигентное. Однако, оба послѣднія качества ему тоже слѣдовало бы имѣть. Не смотря на тонкое сукно и бѣлизну бѣлья, внѣшность этого господина какъ-то не внушала уваженія.

— Скажите г-ну Кредитону, что его спрашиваетъ г. Джо-зефъ Барловъ.

— Барловъ?—повторилъ мальчикъ.—Да что жъ вамъ не войти?—и вновь занялся своею книгой приключеній.

Г. Барловъ повиновался и вошелъ во вторую комнату. Но тутъ онъ остановился и воскликнулъ:

— Христофоръ! Ахъ, святые угодники!

— Фредъ! Вернулся и превратился въ Барлова!

Фредъ взялъ протянутую руку, но съ колебаніемъ.

— Коли такъ,—сказалъ онъ,—то и ты—Кредитонъ.

— Въ дѣловыхъ сношеніяхъ—Кредитонъ.

— Вотъ именно. И я въ дѣловыхъ сношеніяхъ—Барловъ.

Они взглянули другъ на друга и расхохотались.

— Я узналъ твой почеркъ, Фредъ. Когда я получилъ письмо, то догадался, что пишешь ты, почему и отвѣтилъ на пишущей машинѣ. Машина никогда не выдастъ и соблюдетъ всякую тайну.

— Потѣха не малая, Хрисъ. Но я не понимаю: ради какого шорта все это?

— Тоже самое и я хочу спросить, Фредъ. Что это значитъ? Новая сбруя, золотая цѣпь, перстень, что это такое? Почему ты не писалъ ни разу?

— Обстоятельства при моемъ отъѣздѣ... Ты помнишь, вѣроятно?

Лицо агента омрачилось.

— Да, да,—отвѣтилъ онъ торопливо.—Положеніе получилось неловкое, и весьма!

— Ты влопался гораздо хуже, по досталось одному мнѣ.

— Пусть такъ, пусть такъ. Но это было давно и... и... ну, мы оба выпутались. Теперь ты—Барловъ, Джозефъ Барловъ.

— А ты теперь—Кредитонъ, Джорджъ Кредитонъ.

— Присядь-ка, Фредъ, и потолкуемъ. Давно ли ты вернулся?

Фредъ взялъ стулъ и сѣлъ къ противоположному краю стола.

— Недѣли съ двѣ, не больше.

— Что-жъ ты до сихъ поръ не разыскалъ меня?

— Какъ сказано, я колебался... Тѣмъ не менѣе, все же я—здѣсь. Барловъ—это фирма, гдѣ я участникомъ, крупная и вліятельная фирма.

— Въ Сидней? Въ Мельбурнѣ?

— Нѣтъ... подальше.—Онъ показалъ куда-то черезъ лѣвое плечо.—Вотъ почему я называюсь Барловомъ. Я здѣсь по дѣламъ фирмы: изъ-за нихъ пріѣхалъ въ Лондонъ. Каждый день бываю въ городѣ: очень важныя дѣла. Благодаря ихъ громадности, языкъ мой нѣмъ.

— О?—Воскличеніемъ этимъ выражалось сомнѣніе.—Ты—дѣловой человѣкъ? Ты? Да ты никогда не могъ сдѣлать простѣйшей задачи на сложеніе.

— Касательно долговъ это весьма возможно. Касательно же причитающихся къ полученію суммъ... Впрочемъ, въ тѣ времена у меня ничего не было. Благополучіе, Хрисъ,—благополучіе вызываетъ наружу всѣ лучшія качества человѣка. Даже и ты имѣешь почтенный видъ.

— Я безукоризненъ уже ровно двадцать четыре года. Я женатъ. Сыну моему двадцать три, дочери—двадцать одинъ годъ. Живу въ Пембриджъ-Кресцентъ, Бейсватеръ.

— Вѣдь ты собирался въ адвокаты?

— Собирался... Только, Фредъ, скажи по совѣсти, заставлялъ ли ты меня когда-либо съ юридической книгой въ рукахъ?

— Ни разу. А теперь ты—агентъ.

— Скажи лучше, что я занимаюсь высшею отраслью литературы. Что выше ораторскаго искусства?

— Вѣрно. Ты снабжаешь міръ (который, право, черезчуръ носится со своею болтовнею) рѣчами и послѣобѣденнымъ краснорѣчіемъ.

— Краснорѣчіемъ всякаго рода, отъ духовнаго до самаго

грѣшнаго: и для лордмерскаго дворца, и для адвокатскаго совѣта, и для палаты общины, и для политическихъ сходовъ.

— А какъ относится къ этому жена твоя?

— Жена? Господь съ тобою, братецъ! Да она не знаетъ, не подозрѣваетъ... Дома я—богатый и извѣстный адвокатъ; всѣ удивляются, что я еще не попалъ въ судьи.

— Какъ? Они не знаютъ?

— Никто. Ни адѣшній домохозяинъ, ни мальчикъ въ прихожей, ни мои кліенты, ни жена, ни дочь, ни сынъ.

— О! А дѣльце-то выгодно?

— Такъ выгодно, что я не смѣнилъ бы на судейскую должность въ гражданской палатѣ.

— Изумительно!—произнесъ Фредъ.—А я всегда считалъ тебя квашнею.

— Не менѣе изумителенъ и твой успѣхъ. Что за счастье, Фредъ, что ты, вернувшись, не имѣешь нужды занимать деньги!—Пристально посмотрѣвъ на брата, онъ увидѣлъ, какъ по лицу того скользнуло облако тревоги и колебанія, и улыбнулся.—Я бы все равно не могъ ничего дать тебѣ: у меня столько расходовъ. Во всякомъ случаѣ, я счастливъ и благодарю Бога, что вижу тебя во главѣ (ты вѣдь сказалъ: во главѣ?) крупной и цвѣтущей фирмы „Барловъ и К°“.

Лицо Фреда замѣтно вытянулось.

— Полагаю, что дѣловыхъ людей не спрашиваютъ о барышахъ?

— Едва ли... едва ли... Впрочемъ, если кто-либо... Но... у меня есть компаньонъ, который не любитъ, чтобы выбалтывались дѣловыя тайны.

— Ну, Фредъ, я радъ, что ты на родинѣ, право, радъ.

Произошло еще рукопожатіе, послѣ котораго они разошлись, повидимому, безпричиннымъ хохотомъ, котораго долго не могли унять.

— Извѣстный адвокатъ!—пробормоталъ Фредъ, когда смѣхъ перешелъ въ отрывистое хихиканье.

— Вліятельный негодіантъ!—проговорилъ Христофоръ.—Охъ, охъ, Господи!—воскликнулъ онъ, вытирая глаза.—Это напоминаетъ старину, когда мы нерѣдко смѣялись. Да и было чему! Кредиторы-то какъ приставали, помнишь?

— Помню. А дѣвчонки... и ужины! Славное было время, Хрисъ! Ты-таки не клалъ охулки на руку!

— Ну, да и ты! А все-таки весело припомнить!

— Хрисъ, я хочу пить.

— Ты всегда хочешь.

За всѣ двадцать пять лѣтъ разлуки братья не забыли этой пріятной черты характера. Онъ всталъ, отворилъ шкафъ и вынулъ бутылку, стаканы и содовую воду. Затѣмъ, они сѣли

другъ противъ друга, каждый со стаканчикомъ и сигарою, сіяя отъ братской любви.

— Точно въ старину, милѣйшій,—сказалъ адвокатъ.

— Вѣрно. Мы повторимъ это еще не разъ, теперь, когда я опять дома,—сказалъ Фредъ.

Поневолѣ вспоминаются слова поэта: „Увы! они были друзьями въ юности“. Но лучше бы они не были друзьями въ юности. Они вмѣстѣ слушали полночный благовѣстъ и вмѣстѣ прокутили скудное наслѣдіе каждаго. Впрочемъ, сейчасъ они дружески бесѣдовали за пріятнымъ напиткомъ, который бываетъ доступенъ и тогда, когда недоступны ни портвейнъ, ни шампанское, ни даже кларетъ.

— Неужели же въ самомъ дѣлѣ никто и не подозрѣваетъ?—спрашивалъ брата Фредъ.

— Ни одна душа. Меня считаютъ маститымъ юристомъ и гордостью семьи послѣ Леонарда, который въ парламентѣ.

— Неужели ты не боишься, что узнаютъ?

— Ни крошки. Дѣло ведется письменно. Я и контору-то держу только для виду. Нѣтъ, я не боюсь. Сюда никто не ходитъ. Какъ ты-то меня нашелъ?

— Мнѣ сказалъ конторщикъ въ гостиницѣ. Онъ увидѣлъ мое имя въ списокѣ лицъ, которымъ предстоитъ говорить на завтрашнемъ обѣдѣ и посоветовалъ написать тебѣ.

— Хорошо. Получить за комиссію. А ты приходи къ намъ въ гости. Знаешь, только помни: никакихъ намековъ на поставщика рѣчей, а?

— Ни слова. Хотя, знаешь, меня поражаетъ, какъ ты могъ это придумать!

— Геніальность, душа моя, чистѣйшая геніальность! Когда получишь свою рѣчь, то будешь мною гордиться. Что значитъ адвокатская практика сравнительно съ практикою за обѣденнымъ столомъ? А теперь, Фредъ, скажи, почему „Барловъ“?

— Ну, ты помнишь вѣдь, что было?

Тотъ кивнулъ головой и опустилъ глаза.

— Какую они подняли кутерьму!

— Цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ о тебѣ не было и слуху.

— Я назвался другимъ именемъ, псевдонимомъ. Я сталъ зваться Жозефомъ Барловъ. Джо—самый этотъ звукъ напоминаетъ о борьбѣ. Ни нѣжности, ни слабости тутъ нѣтъ,

— Да. Что касается меня, то я назвался Кредитомъ. Это имѣетъ характеръ скорѣй почтенный, чѣмъ вызывающій. Мнѣ нужно было добиться довѣрія.

— Расскажи мнѣ о родныхъ. Вспомни, вѣдь я уѣхалъ въ 1874 году, двадцать пять лѣтъ тому назадъ.

Братъ кратко сообщилъ ему о рожденіяхъ и смертяхъ. Мать

ихъ умерла; старшій братъ умеръ тоже, оставивъ единственнаго сына.

— Что касается смерти Олджернона,—сказалъ торговецъ рѣчами,—то это былъ большой ударъ: ему, въ самомъ дѣлѣ, предстояло выдвинуться. А онъ умеръ всего тридцати двухъ лѣтъ. Теперь его сынъ въ палатѣ. Говорятъ, что отъ него многого ждутъ. Онъ, кажется, преданъ наукѣ; я слышалъ, что онъ недурно говоритъ; и онъ—порядочный фатишка.

— А что старикъ—тотъ... дѣдушка? Онъ еще живъ?

— Да. Ему около девяноста пяти.

— Девяносто пять? Ну, теперь ужъ недолго... Отчасти я пріѣхалъ домой, чтобы присмотрѣть за дѣлами. Потому что, хотя помѣстье достанется Олджернонову сыну—чертовское мнѣ несчастье, что Олджеронъ оставилъ сына,—но есть еще капиталы. Я вспомнилъ объ этомъ разъ вечеромъ, и меня, какъ ножомъ, пронзила мысль, что старикъ, вѣроятно, умеръ, капиталы подѣлены, и моя доля пропала. Поэтому я собрался какъ только могъ скорѣе.

— Нѣтъ. Въ этомъ отношеніи все благополучно. Онъ здоровъ и бодръ, а капиталы, полагаю, все растутъ. Чьи они будутъ, никто не знаетъ.

— Понимаю. Ну, мнѣ слѣдуетъ познакомиться съ Олджерновымъ сыномъ.

— А что это за крупная твоя фирма?

— Ну... Вѣдь я сказалъ... богатая фирма.

— Вонъ что! Такъ и должно быть, если во главѣ ея находится Фредъ Кампенъ.

— Оставь въ покоѣ фирму и расскажи мнѣ о твоей удивительной профессіи.

Христофоръ улыбнулся.

— Счастье мое,—сказалъ онъ,—что я въ своемъ родѣ одинъ. Конкуренція могла бы сдѣлать мнѣ подрывъ. Но, кажется, теперь моя репутація установилась слишкомъ твердо и не можетъ быть поколеблена.

— Твоя репутація? Да вѣдь о тебѣ же не могутъ говорить!

— За то могутъ шептать, шепотомъ рассказывать другъ другу. Ты только сообрази, какое удобство! Въмѣсто того, чтобы выжимать изъ собственныхъ мозговъ всякія любезности и изящныя фразы и ничего не выжать, вмѣсто того, чтобы выискивать анекдоты и цитаты, человѣкъ просто пишетъ ко мнѣ. И въ отвѣтъ получаетъ рѣчь, какъ разъ такой длины, какъ ему нужно—отъ пяти минутъ до часу—полную всякихъ прелестей. Такимъ образомъ, можно пріобрѣсти за дешевую плату, почти за ничто, репутацію блистательнаго остроумца и эпиграмматиста. Кромѣ того, подумай и объ

остальной компаніи. Въмѣсто того, чтобы слушать мямленіе робкаго и неуклюжаго зайки, она имѣетъ передъ собою оратора, спокойнаго духомъ, потому что все заучено наизусть, блестящаго и остроумнаго. Онъ поддерживаетъ въ слушателяхъ интересъ и, когда садится, то всѣ вѣдыхаютъ, зачѣмъ онъ говорилъ такъ мало.

— Вотъ и для меня сочини точно такую рѣчь.

— Непремѣнно, непременно. Я тебѣ создамъ репутацію, благодаря которой ты будешь желаннымъ участникомъ всякаго купеческаго обѣда. Тебѣ это страшно поможетъ въ твоихъ грандіозныхъ операціяхъ для вашего торговаго дома. Положись на меня. Потому что, видишь: когда человѣкъ въ первый разъ произнесъ хорошую рѣчь, то его просятъ говорить и въ другой разъ. Ему нужно поддержать свою славу; слѣдовательно, онъ опять обращается ко мнѣ. Вотъ, смотри,—онъ прикрылъ рукой небольшую кучку писемъ:—адѣсь вчерашнія и сегодняшнія письма.—Онъ взялъ ихъ и сталъ тасовать, точно колоду картъ.—Этому нужна отвѣтная рѣчь въ честь арміи. Этому—рѣчь о литературѣ. Этому—возраженіе для палаты общинъ. Женскіе союзы, американская республика, наука, колоніи,—видишь?

— А вознагражденіе?

— Вознагражденіе, Фредъ, соответствуетъ оказанному одолженію. Я создаю ораторовъ, и они бываютъ благодарны. Что же касается тебя...

— Мнѣ нужно отвѣтную рѣчь объ Австраліи. Обѣдъ будетъ въ пятницу въ отелѣ Сесиль: обѣдъ колоніальныхъ предпринимателей.

— Въ самомъ дѣлѣ!—агентъ улыбнулся и потеръ руки.—Это въ высшей степени лестно. Потому что, Фредъ (только, пожалуйста, молчи, какъ мертвый), могу тебѣ сказать, что только этой твоей просьбы не хватало для полного списка рѣчей за вашимъ обѣдомъ. Рѣчи будутъ всѣ, всѣ моего сочиненія, всѣ доставлены агентомъ. Но самые-то перлы, братецъ ты мой, я помѣщу въ твоей. Я сдѣлаю ее лучшею изъ всѣхъ рѣчей. Г. Барловъ—Барловъ изъ Новаго южнаго Уэльса!

Фредъ всталъ.

— Хорошо,—сказалъ онъ,—предоставляю тебѣ заняться моею рѣчью. Приходи сегодня ко мнѣ обѣдать въ отель „Метрополь“, въ половинѣ восьмого. Потомъ мы, пожалуй, пройдемся.

Они пообедали вмѣстѣ такъ, какъ подобаетъ богатымъ людямъ, а въ частности такимъ, которые любятъ заглядывать въ рюмочку. Послѣ обѣда Фредъ взглянулъ на часы.

— Половина девятаго, Хрисъ. Въ это время мы обыкновенно пускались въ путь. Помнишь?

Изъ современной литературы.

(Впечатлѣнія читателя).

I.

Черезъ моря.

(Rydyard Kipling. *From Sea to Sea*. 2 voll. 1900. R. L. Stevenson. *In the South Seas*. 2 voll. 1901).

Путевыя замѣтки обѣихъ книгъ относятся къ одному времени (1887—89, 1888—89), написаны людьми одной націи,—между тѣмъ трудно себѣ представить большую противоположность. Въ одной англичанинъ имперіалистъ, который, хотя и заявляетъ въ эпиграфѣ своей книги „считайте меня человѣкомъ, любящимъ своихъ собратьевъ“, любить и настоящимъ образомъ понимаетъ только свою имперію, ея жителей и тѣхъ, кто родствененъ имъ по духу, понимаетъ еще, конечно, и ту сторону, гдѣ прожилъ большую часть жизни, Индію, но вѣдь она—англійское владѣніе. Другой—прежде всего человѣкъ, для котораго и дикарь человѣкъ, котораго интересуетъ не вопросъ о возможности приобщенія данной страны къ англійской имперіи или тѣ или другіе типы, а человѣкъ, человѣческое въ человѣкѣ. У Киплинга путевыя замѣтки, болѣе или менѣе интересныя, иногда совершенно пустыя, у Стивенсана рядъ яркихъ картинъ отживающей жизни, картинъ, которыя память сохранить съ полной ясностью тогда, когда бѣглые очерки Киплинга совершенно забудутся.

Киплингъ писатель крупный и оригинальный, любимецъ знательной части англійскаго общества, настроенія которой находятъ себѣ у него яркое и красивое выраженіе, поэтому нельзя пройти молчаніемъ даже и неудачныя его произведенія, тѣмъ лѣе, что въ англійской печати и они большею частью вызываютъ только сочувственную критику. Недавно вышедшія два ма его путевыхъ замѣтокъ „Отъ моря до моря“ врядъ ли много прибавятъ къ его литературной славѣ, но они очень любопытны, какъ матеріалъ его авторской психологій.

Сперва идетъ рядъ путевыхъ очерковъ изъ Индіи; они полны

горячей любви къ Индіи и пренебреженіемъ къ туристамъ, которые въ нѣсколько недѣль объѣзжаютъ ее и воображаютъ, что поняли эту сложную, загадочную страну. Кипплингъ часто въ своихъ разсказахъ возвращается къ этой темѣ и одна изъ его любимыхъ каррикатурныхъ фигуръ—членъ парламента, побывавшій въ Индіи почти проѣздомъ и дающій совѣты индійскимъ администраторамъ. Но сквозь эту любовь къ Индіи прорывается мѣстами еще болѣе глубокая любовь къ далекой родинѣ за морями, къ дружной англійской семьѣ въ уютномъ *home*. При всей любви къ Индіи и при удивительномъ знаніи современной жизни въ ней Кипплингъ, какъ это ни странно, очень мало знаетъ ея прошлое. Двѣ-три общедоступныя книжки и путеводитель, вотъ и все, что онъ знаетъ; оттого его попытки оживить иногда старину, когда чувство художника невольно переноситъ его въ прошлое при видѣ развалинъ этого великолѣпнаго прошлаго, очень слабы и неудачны. Какъ блѣдны страницы, гдѣ онъ говоритъ о раджпутанской твердынѣ Читарѣ, воспѣтой старинными пѣвцами. Вся красота этихъ преданій безумной отваги, непобѣдимой гордости, неугасаемой ненависти къ врагу, презрѣнія къ смерти у рыцарей раджпутановъ и ихъ красавицъ-женъ,—все это у Кипплинга исчезло и остался сухой и скучный пересказъ учебника.

Хорошо только въ описаніи Читары посѣщеніе источника „Коровьей пасты“, Го-Мукхъ, которымъ авторъ воспользовался, какъ и разными другими путевыми впечатлѣніями въ своемъ романѣ Наулакха; замѣчательно живо переданъ ужасъ, охватившій посѣтителя въ этомъ пустынномъ мѣстѣ, полномъ тѣней прошлаго, гдѣ по гладкимъ, скользкимъ ступенямъ, невидимымъ, продолжали двигаться тысячи голыхъ ногъ.

Во всѣхъ описаніяхъ страны какая-то искусственность и поспѣшность, точно эти описанія ни для него, ни для его слушателей не интересны, и только очень рѣдко, и то на одно мгновеніе, художникъ беретъ верхъ надъ торопящимся корреспондентомъ, и ярко выдвигаетъ ту или другую черточку, полную значенія и жизни. За то, какъ Кипплингъ оживляется, когда ему случается встрѣтить представителей его любимой, завоевательной имперіи Англій, когда можно поговорить объ этомъ міродержавствѣ. Онъ совершенно умиленъ встрѣчей съ двумя мальчуганами мичманами, „офицерами флота Ея Величества“, которые два раза уже были въ кругосвѣтномъ плаваніи. Для него эти два милыхъ мальчугана становятся почти символомъ, символомъ Британіи, „владычицы надъ морями“.

Потомъ идутъ опять скучныя страницы корреспонденцій Бирма, дорога и т. п. Только въ Сингапурѣ авторъ оживаетъ передъ его глазами встаетъ картина колоній и метрополіи, и о увлеченъ картиной ихъ великаго будущаго. Вотъ еслибы въменно колоніи, почувствовавъ свою силу, отдѣлились, прош

сквозь огонь, воду и мѣдныя трубы, переиспытали и перестрадали бы многое и потомъ вернулись къ любящей матери—метрополи!.. „Какая это была бы встрѣча и какой пересмотръ тарифовъ и въ концѣ—желѣзное кольцо, опоясывающее землю. Внутри его свободная торговля, внѣ его — жесточайшій протекціонизмъ. Это было бы слишкомъ большое осиное гнѣздо, чтобы державы могли его тронуть, какіе бы союзы онѣ не заключали. Мечта эта не исполнится еще скоро, но въ одинъ изъ ближайшихъ дней мы сдѣлаемъ нѣчто подобное. Перелетныя птицы изъ Канады, Борнео... Австраліи, съ сотенъ разбросанныхъ по морю острововъ поютъ одну и ту же пѣсню: мы еще не достаточно сильны, но придетъ день, когда мы будемъ сильны“.

„Милые люди! Вы, которые томитесь въ Индіи и проклинаете всякія правительства, повѣрьте: дивная вещь быть англичаниномъ! Доля наша досталась намъ, потому что мы достойны ея. Воистину, наслѣдіе наше хорошее“. Куда ни взглянуть на карту, всюду видны красныя границы англійскихъ владѣній или, подчеркнутыя краснымъ, угольныя или иныя станціи. И все дальше и дальше заходитъ англійскій предприниматель, учреждаетъ компаніи, разрабатываетъ рудники, строитъ желѣзныя дороги и мосты. А потомъ явятся войска защищать англійскихъ предпринимателей, такъ что южное море станетъ англійскимъ.

Китай смущаетъ его, поражаетъ громадой почти безграничной рабочей силы и у него вырывается полусутильное: „присоединимъ къ себѣ Китай“. Но онъ чувствуетъ, что это не такъ легко и у него звучать уже другія ноты, настолько рѣзкія, что не знаешь, какъ даже къ нимъ относиться и насколько имъ слѣдуетъ придавать значенія. Китайцевъ надо убивать—„это не вопросъ политики, ихъ надо убивать, потому что они не похожи ни на одинъ народъ, который я знаю. Взгляните на ихъ лица. Они презираютъ насъ; это видно, и они нисколько насъ не боятся“. Онъ идетъ на поле, гдѣ совершаются казни. „Китайцы казнятъ сотнями, и, конечно, не я скажу, что такое щедрое проливаніе крови жестоко. Они могли бы въ одномъ Кантонѣ казнить въ годъ тысячь десять, не мѣшая приросту населенія. Палачъ, который оказался по близости, быть можетъ ища работы, предложилъ намъ купить саблю, удостовѣряя, что она отрубила много головъ. „Оставь ее себѣ, сказалъ я, оставь ее себѣ и пусть благое дѣло продолжается“. Онъ проходитъ мимо тюрьмы—смердной ямы, спутникъ его содрогается, а онъ говоритъ: „Это совсѣмъ, какъ и должно быть. Тѣ, кто шлють сюда заключенныхъ, не беспокоятся о нихъ. Заключенные ужасны и несчастны, но и имъ въ сущности, видно, нѣтъ дѣла до всего этого, и мнѣ, право, тоже нѣтъ дѣла. Они—только китайцы; если они другъ съ другомъ обращаются какъ съ собаками, то съ какой стати намъ считать ихъ человѣческими существами? Пусть гниютъ“.

На короткое время Киплингъ, къ счастью, забываетъ, что онъ англичанинъ, который долженъ завоевать всю землю, и остается художникомъ, чуткимъ къ человѣческому страданію, и картина Гонконгскихъ трущобъ, нарисованная имъ, не изгладится изъ памяти читателя: „размышленія одной ночи убѣдили меня въ томъ, что для этихъ женщинъ нѣтъ ада на томъ свѣтѣ, онѣ имѣютъ свой адъ здѣсь, въ этой жизни“; за эти слова и за страницы объ этомъ адѣ много простится Киплингу безчеловѣчныхъ страницъ, полныхъ жестокости и крови.

Описаніе Японіи совершенно неудачное. Киплингъ какъ будто все время чувствуетъ себя не въ своей тарелкѣ—съ одной стороны слишкомъ здѣсь мало цивилизаціи, съ другой—слишкомъ много тонкаго художественнаго чутія и старины, которыхъ онъ совершенно не понимаетъ. Но вотъ онъ случайно попадаетъ на ученіе, забыты политика и храмъ. Съ наслажденіемъ онъ наблюдаетъ за ученіемъ, сравнивая постоянно японскія войска съ англійскими и индійскими, которыми, нечего и говорить, онъ восхищенъ; японскія войска получаютъ его одобреніе только по отношенію къ пѣхотѣ. Настолько скучны и безцвѣтны страницы объ Японіи, что недоумѣваешь, какъ авторъ, тонкій художникъ и крупный писатель, счелъ возможнымъ спасти ихъ отъ вполне заслуженнаго забвенія перепечаткою.

Америка страна родственная Киплингу и вполне доступная его пониманію, оттого и описаніе ея выгодно отличается отъ описанія другихъ странъ; здѣсь же ему представляется случай помечтать о любимомъ империализмѣ, который и въ Америкѣ имѣетъ горячихъ приверженцевъ и уже оказалъ свое вліяніе на американскую политику. Конечно, ничего особенно новаго нѣтъ въ этихъ описаніяхъ, но многое въ нихъ живо и ярко. Снисходительно онъ относится къ самовосхваленію американцевъ, потому что онъ видитъ въ немъ, очевидно, признакъ силы, такое же у него отношеніе и къ проявленіямъ грубости и насилія—онъ вѣдь также, въ сущности, проявленіе силы, а сила—божество, передъ которымъ Киплингъ преклоняется. Онъ прощаетъ американцамъ ихъ выраженіе вражды къ Англіи, не придавая ему особеннаго значенія: у каждаго народа долженъ быть такой врагъ по преданію—у Франціи Германія, у Англіи Россія, у Италіи Австрія. Онъ любитъ американцевъ, не смотря на всѣ ихъ недостатки, и убѣжденъ, что передъ ними великое будущее.

„Я люблю этотъ народъ и если надо подвергнуть ихъ отрицательной критикѣ, я это сдѣлаю лучше самъ. Меня тянетъ къ этому народу больше, чѣмъ къ какому бы то ни было другому, и, право, самъ не знаю отчего“. Онъ признаетъ, что они самонадѣянны „почти даже болѣе, чѣмъ англичане“, вульгарны, плохо уважаютъ законы и т. д., и все-таки онъ любитъ ихъ. Онъ допускаетъ, что въ нихъ очень, очень много отрицательнаго, и

всетаки они величайшій, благороднѣйшій, лучшій народъ въ мірѣ! Подождите только сто лѣтъ и посмотрите, что съ ними будетъ, когда они немного позабудутъ патріархальныя наставленія господина Георга Вашингтона. Подождите, пока Англо-Американо-Германо-Еврей—человѣкъ будущаго — будетъ совсѣмъ снаряженъ какъ слѣдуетъ“. Онъ протянетъ свои длинныя, костлявыя руки Янки „изъ конца въ конецъ земли“. Онъ будетъ лучшимъ писателемъ, поэтомъ, драматургомъ, особенно драматургомъ, такимъ, какого міръ никогда не видѣлъ. Въ силу своей еврейской крови—маленькой капли еврейской крови—онъ будетъ музыкантомъ и живописцемъ“. Онъ создастъ вещи, которыя поразятъ изжившійся востокъ. „Онъ будетъ всѣмъ, что только доступно человѣку, и страна его будетъ владѣть міромъ... Подождите, и вы увидите. Шестьдесятъ милліоновъ людей, главнымъ образомъ, англичанъ по своимъ инстинктамъ, воспитанныхъ съ дѣтства въ убѣжденіи, что нѣтъ ничего невозможнаго, не проскальзываютъ незамѣчено черезъ вѣка, какъ русскіе крестьяне. Они непремѣнно оставятъ по себѣ слѣдъ, помните это“.

Опредѣленность Кипплинга въ его симпатіяхъ соответствуетъ такой же опредѣленности въ антипатіяхъ. Одна изъ подобныхъ антипатій любопытна для насъ русскихъ—это антипатія Кипплинга къ Россіи. Онъ не знаетъ Россіи и не хочетъ ея знать; стоитъ только вспомнить его нелѣпый разсказъ объ англійскомъ офицерѣ, который будто бы въ Крымскую кампанію былъ взятъ въ плѣнъ и сосланъ въ Сибирь, и котораго кнутъ и насиліе превратили въ какого-то полу-звѣря. Но все, что онъ можетъ услышать дурного про Россію, все ему кажется вѣроятнымъ и всему этому онъ радуется. Въ Японіи онъ видитъ какой-то грязный, запущенный корабль, ему говорятъ, что корабль русскій, и что русскіе военные суда столь же грязны. Кипплингъ ликуетъ, правда, что онъ прибавляетъ „можетъ быть это неправда“, и все-таки онъ ликуетъ. Но странно, за этимъ пренебреженіемъ и этой антипатіей чувствуется какой-то, можетъ быть и безсознательный, страхъ, страхъ передъ соперникомъ въ обладаніи міромъ, во власти надъ землею, власти, которая Кипплингу представляется тѣмъ, ради чего стоитъ жить.

Юношескія путевыя замѣтки Кипплинга, которыя, повторимъ еще разъ, рѣшительно не стоило перепечатывать цѣликомъ, показываютъ одно—въ основныхъ своихъ взглядахъ Кипплингъ почти не измѣнился, потому что авторъ этихъ замѣтокъ и авторъ стихотворенія, воспѣвавшаго высокую справедливость и необходимость южно-африканской войны—одно и то же лицо, человѣкъ, для котораго все хорошо, что способствуетъ величію Англіи, такъ какъ Англія одна способна управлять міромъ такъ, какъ должно; для него это непреложная истина. Между тѣмъ его же соотечествен-

никъ писать: *) „Да, мы можемъ распространить границы нашей имперіи такъ, что она займетъ всю землю, и все же это не излѣчить раны себялюбія въ ея сердцѣ. Пусть будетъ у насъ имперія, столько имперій сколько хотите, если такова наша доля, но пусть тогда высшій народъ побѣждаетъ низшій для того только, чтобъ вести его къ свѣту и къ жизни, пусть никогда не будетъ поднятъ мечъ на фетишъ сосѣда, пока поднявшіе мечъ не почувствуютъ раньше, что покончили съ своими собственными фетишами. Въ мысли о завоеваніяхъ только для лучшаго обезпеченія своего обѣда не хватаетъ лишъ маленькой черточки, чтобы сдѣлать завоеванія эти столь же отвратительными, какъ пиръ людоедовъ. Мы не можемъ дать лучшаго, чѣмъ то, что есть у насъ самихъ, и мы должны заглянуть глубоко въ наши сердца, чтобы быть увѣренными въ томъ, что дѣйствительно годимся для высокой задачи—убивать другихъ для ихъ же блага“.

Также смотритъ на задачи Англіи авторъ книги. „Въ южныхъ моряхъ“ Стивенсонъ, прямая противоположность Киплингъ по настроенію и характеру таланта; общаго у нихъ одно—оба блестящіе рассказчики. Стивенсонъ гораздо шире и образованнѣе; человекъ больной, онъ больше думаетъ и вдумывается въ суть вещей, чѣмъ Киплингъ, который жаждетъ дѣла, борьбы, битвы, и какъ бы сторонится отъ болѣе глубокихъ мыслей, потому что мысль часто препятствіе дѣйствию.

Когда читаешь увлекательную книгу Стивенсона, невольно вспоминается другая книга—русской писательницы и путешественницы, теперь тоже умершей Александры Викторовны Потаниной. Въ обѣихъ книгахъ есть черта, очень рѣдкая въ описаніяхъ путешествій—индивидуализація впечатлѣній въ самой полной и сильной мѣрѣ. Въ путешествіяхъ обыкновенно встрѣчаешь типы и обобщенія, оно и понятно—то, что видитъ путешественникъ, скользятъ передъ его глазами и больше всего въ глаза ему бросаются тѣ черты, которые повторяются, черты типичныя для народа, для племени, но не для отдѣльнаго человѣка. Нужно очень большое вниманіе, сильную любовь къ личности, чтобы умѣть выдѣлить человѣка изъ чужеземной толпы; нужно еще и чувство, что имѣешь передъ собою не чужихъ или дикарей, а родственныя существа, съ которыми можно всегда найти нѣчто общее. Стивенсонъ съ глубокимъ пониманіемъ дѣла говорить, что путешественнику, который не сумѣетъ своимъ отношеніемъ возбудить къ себѣ родственныя чувства обще-человѣческой связи и близость, лучше оставить всякую попытку проникнуть въ глубь человѣческой души чужого народа.

Больной Стивенсонъ въ 1888 году поѣхалъ на острова австралійскаго архипелага и оставался тамъ и слѣдующій годъ. Опи-

*) *R. Whiteing* № 5 John Street. 1899.

самую впечатлительней этих странствований и жизни на некоторых островах и посвящена его книга: „Въ южныхъ моряхъ“. Начинается путешествие съ Маркизскихъ острововъ, затѣмъ идетъ архипелагъ Паумоту и Жильбертовы острова.

Основная нота этихъ путевыхъ очерковъ грустная—иначе и быть не могло: передъ Стивенсономъ открывался отживающій міръ, племена, обреченныя на смерть; грусть эта нашла себѣ краснорѣчивое выраженіе въ печальной туземной пословицѣ: „кораллъ растетъ, растетъ пальма, но человѣкъ уходитъ“. Почему эти люди, рослые, крѣпкіе, здоровые, вымираютъ въ этомъ чудномъ климатѣ, не терпя никакой особенной нужды? Столкновение съ пришельцами, европейцами и американцами, внести слишкомъ быстро и слишкомъ много перемѣнъ въ ихъ первобытную, несложную жизнь, которая не можетъ выдержать этого страшнаго напора чуждыхъ ей и новыхъ жизненныхъ даныхъ, она не въ состояніи ихъ переработать съ нужною быстрою и гибнетъ. И не малая доля вины падаетъ на миссіонеровъ, католиковъ и протестантовъ, которые своею нетерпимостью и узостью разрушали сразу, вмѣсто того чтобы постепенно измѣнять, многіе изъ устоевъ туземной жизни. Конечно, и задача миссіонеровъ была не легкая, и лишь очень немногіе изъ нихъ поняли тѣ условія, въ какія ихъ ставила жизнь, и тѣмъ принесли дѣйствительно пользу, а не вредъ, какъ большинство ихъ собратьевъ; мы увидимъ дальше у Стивенсона описаніе нѣсколькихъ подобныхъ истинныхъ апостоловъ. Картина этого „ухода“ людей, которые оставляютъ за собою вѣчно растущіе кораллы и пальмы, удивительно захватывающая. Сперва нѣсколько цифръ: когда миссіонеръ епископъ Дордильонъ прибылъ на Маркизскіе острова, то въ округѣ, гдѣ онъ поселился, было нѣсколько тысячъ туземцевъ; черезъ короткое время послѣ его смерти въ той же мѣстности оставалось ихъ всего *восемь* человѣкъ. Въ другомъ мѣстѣ, гдѣ было четыреста человѣкъ, одна эпидемія оспы и присутствіе одной чахоточной женщины менѣе чѣмъ въ годъ низвели населеніе до одной пары, женщины и мужчины, которые бѣжали изъ этой только что создавшейся пустыни; и еще одинъ случай—въ семьѣ изъ семнадцати человѣкъ появилась въ началѣ года чахотка, а къ августу отъ всей семьи остался одинъ мальчикъ, и то онъ былъ въ отсутствіи все время, въ школѣ. Мы въ правѣ послѣ этихъ страшныхъ чиселъ сказать, что здѣсь царство умиранія.

Житель Маркизскихъ острововъ живетъ подѣ постояннымъ страхомъ смерти, съ мыслью о ней онъ встаетъ, съ тою же мыслью садится за столъ, каждое мгновеніе отравлено мыслью о ней настолько, что подѣ конецъ онъ начинаетъ ждать ее съ нетерпѣніемъ и охотно кончаетъ самоубійствомъ, потому что это вѣчное давленіе смерти становится невыносимымъ. И странно—эта по-

стоянная близость смерти, умирая, труповъ близкихъ ему людей вызываетъ къ немъ какую-то особенную любовь къ погребальному обряду и особенно къ гробу. Жизнь въ этой неминуемой близости смерти, которая каждый день почти вырываетъ кого-нибудь близкаго, блекнетъ и теряетъ всякій смыслъ. Всѣ знаютъ, что всѣ обречены на близкую смерть, имъ нечего ждать, что потомки продолжать ихъ жизнь, передадутъ своимъ потомкамъ завѣты предковъ, ихъ языкъ, преданія, пѣсни, священные обряды. Здѣсь не будетъ потомства, потому что дѣти умрутъ на глазахъ у родителей. Пѣснь замолкаетъ, не слышно пляски, кто же захочетъ плясать, когда всюду кругомъ смерть? И день за днемъ проходить въ этой почти невыносимой тоскѣ постоянного умирая, и съ каждымъ днемъ растутъ могилы и пустѣютъ дома; и новый ужасъ является съ этими смертями—все больше и больше становится число духовъ, этихъ странныхъ существъ, которыя наполняютъ ужасами долгую ночь. Они на этой землѣ, гдѣ человѣческое мясо служило лакомой пищей, быть можетъ, сохранили обычай предковъ, и, кто знаетъ, быть можетъ сторожатъ еще не умершихъ родичей? Надо ихъ кормить, а то они станутъ собираться вокругъ старыхъ пепелищъ и не дадутъ покоя живымъ, тѣмъ, кто еще пока живъ. И медленно догораетъ здѣсь слабый огонекъ тоскующей жизни и все тѣснѣе сдвигается вокругъ него мракъ всеильной смерти, наполненный тѣнями страшныхъ мертвецовъ. Борьбы здѣсь нѣтъ, всѣ смирились и примирились, и скоро здѣсь не будетъ никого.

„Я пошелъ однажды въ ихъ (туземныхъ друзей) логовище“, говоритъ Стивенсонъ.—„Тари не было дома, сынъ его шилъ мѣшокъ, а сноха кормила грудью дѣвочку. Я усѣлся съ ними на полу и молодая женщина стала спрашивать меня про Англію. Я старался объяснять ей все, какъ умѣлъ, клалъ кастрюлю и скорлупу кокосовыхъ орѣховъ одну на другую, чтобы представить дома и толковалъ ей словами и жестами чрезмѣрное обиліе населенія, голодовки и непрестанный трудъ. „Pas de cocotiers? Pas de poroi?“—спросила она. Я сказалъ ей, что тамъ слишкомъ холодно, разясняя все это сложными приемами, защищаясь отъ воображаемыхъ сквозняковъ и грѣясь у воображаемаго огня, такъ чтобы она хорошенько поняла. И она поняла меня вполне, замѣтила, что все это должно быть вредно для здоровья, и нѣкоторое время сидѣла молча, раздумывая объ этой картинѣ невѣдомыхъ ей страданій. Я увѣренъ, что возбудилъ ее состраданіе, потому что мой рассказъ вызвалъ у ней наружу чувство, всегда проникающее сердце жителя Маркизскихъ острововъ. Она обратилась ко мнѣ съ грустной улыбкой, глядя на меня глазами полными тоски, говоря о гибели своего народа. „Ici pas de Capaques“, сказала она, взяла младенца съ груди, протянула его ко мнѣ и прибавила: Тепез—младенецъ такой, какъ этотъ; потомъ

онъ умеръ. Канаки всѣ умираютъ. Потомъ ихъ нѣтъ“. Улыбка и примѣръ собственнаго ребенка, приведенный этой дѣвочкой-матерью, глубоко взволновалъ меня—въ нихъ сказалось такое спокойное отчаяніе. Тѣмъ временемъ мужъ, улыбаясь, доканчивалъ свой мѣшокъ, а безсознательный младенецъ тянулся къ банкѣ съ вареньемъ, которую я принесъ, какъ дружескій даръ, въ ихъ берлогу. И я увидѣлъ передъ собой длинную вереницу вѣковъ и насъ не будетъ, какъ этихъ канаковъ — смерть приближалась, какъ приливъ, и дни были сочтены—не будетъ болѣе Беретани, и никого не будетъ болѣе изъ людей какого бы то ни было племени, не будетъ болѣе книгъ (это меня какъ-то особенно смутило), не будетъ и читателей“.

Мы еще пока не умираемъ, но и въ нашей средѣ мы можемъ пережить эти острые, тяжелыя ощущенія, которыя такъ захватываютъ насъ у Стивенсона. Вы живете въ санаторіи для чахоточныхъ, кругомъ васъ почти только здоровыя, свѣжія лица и первое впечатлѣніе ваше свѣтлое и бодрое, вокругъ васъ какъ будто нѣтъ больныхъ. Проходитъ день, другой—и вы замѣчаете, какъ иныя мѣста за столомъ остаются пустыми, и вы слышите—у такого-то лихорадка. Потомъ вдругъ среди общей веселой болтовни вы улавливаете въ одномъ углу грустную ноту—такому-то очень худо, его сосѣди по комнатамъ перешептываются объ этомъ. И вотъ въ одно утро вы слышите—онъ умеръ. На время болтовня смолкаетъ и кто-нибудь вполголоса замѣчаетъ: „чья очередь теперь“? Пустые стулья за столомъ начинаютъ приобрѣтать еще большее значеніе и невольно сжимается сердце, когда стулъ долго пустуетъ. Тогда вы начинаете чувствовать и понимать, что вы въ средѣ умирающихъ, которымъ только дана отсрочка—не очень длинная. И жизнь, та настоящая, большая жизнь, гдѣ люди работаютъ и живутъ, а не прозябаютъ, отходить куда-то далеко отъ васъ, вы перестаете прислушиваться къ ней и только думаете о днѣ, въ которомъ живете и о томъ неизвѣстномъ будущемъ, которое такъ близко для большинства окружающихъ васъ. Все становится мелкимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ страшно важнымъ, потому что отъ приближенія къ вѣчно-неизвѣстному малое становится большимъ. Правда, знаешь, что тамъ, за стѣнами санаторіи, есть еще другая жизнь, но шаткость этой жизни, которою вы живете, заставляя васъ вѣрить въ призрачность и той жизни и сомнѣваться въ ней. У Канаковъ и этого сомнѣнія нѣтъ: другая жизнь, жизнь другихъ народовъ для нихъ не существуетъ, а ихъ собственная жизнь, они это слишкомъ хорошо понимаютъ, безповоротно кончается.

Надо быть очень сильнымъ человѣкомъ или очень убѣжденнымъ въ чемъ-нибудь, чтобы бороться съ этимъ приливомъ смерти, и бѣдные Канаки, съ слабой волей, безъ всякихъ интересовъ въ жизни, безъ яркой вѣры, складываютъ руки и умираютъ. Даже

сильные примѣры не дѣйствуютъ на нихъ. Среди нихъ жилъ, училъ и умеръ миссіонеръ, котораго они боготворили, монсеньеръ Дорживонъ, апостолическій викарій Маркизскихъ острововъ и епископъ Камбизополиса in partibus. Последнее время его жизни особенно ярко показываетъ громадную нравственную силу этого человѣка, счумѣвшаго въ полной мѣрѣ сохранить жизнь въ этомъ царствѣ смерти. Пришло время, когда глаза отказались служить. Надо было бросить и научныя работы, и житія святыхъ, которыя онъ писалъ для туземцевъ, и работы надъ ихъ языкомъ. Онъ принялся за садоводство и долгіе часы проводилъ за работой въ саду. Но слабое тѣло скоро не могло уже выносить и этого труда. Старый епископъ сталъ вырѣзывать бумажные цвѣты для украшенія своихъ церквей. И долго хранились эти цвѣты любящими руками тогда, когда сдѣлавшій ихъ лежалъ уже въ землѣ.

Епископъ былъ не одинъ, рядомъ съ нимъ такъ и видишь этого столяра-скульптора, брата Михаила, о которомъ сердечно и тепло говорить Стивенсонъ. Церкви, которыя онъ покрывалъ рельефами въ духѣ средневѣковыхъ церквей, живо напоминали этотъ давно отошедшій въ прошлое міръ. Здоровый, веселый и привѣтливый онъ тоже представлялъ собою жизнь въ этомъ царствѣ смерти. Но не одни только миссіонеры являются здѣсь представителями жизни, есть здѣсь еще нѣкоторые старые вожди-короли, которые не сдаются передъ неотразимо набѣгающей смертью и хотятъ жить и властвовать и чувствуютъ, что власть еще осталась имъ, власть настолько полная, насколько ея только можетъ желать человѣкъ.

„Я имѣю власть“, любимыя слова Тембинока, царя Анемамы, и когда ему говорить о далекихъ странахъ и объ ихъ повелителяхъ, онъ улыбается и говоритъ: „я имѣю власть“. И не только онъ ее имѣетъ, но и пользуется ею. Онъ все можетъ взять у своихъ подданныхъ, убить ихъ, когда хочетъ, онъ можетъ перестраивать жизнь на своемъ островѣ такъ, какъ хочетъ, и все это онъ дѣлаетъ и все это доставляетъ ему удовлетвореніе. Родъ свой онъ ведетъ отъ женщины знатнаго рода и акулы; правда, онъ самъ говорить объ этомъ преданіи: „думаю—это ложь“, и все же гордится имъ. Дѣдъ его былъ великій воинъ и жестокій, кровожадный человѣкъ—его боялись и ненавидѣли, а ему это нравилось. Онъ умеръ семидесяти лѣтъ и оставилъ двухъ сыновей. Одинъ изъ нихъ былъ царемъ, отецъ Тембинока, другой поддерживалъ своего брата на царствѣ, и тотъ даже и не подозрѣвалъ, повида-мому, что обязанъ престоломъ другому. „Онъ шелъ на войну и смѣялся“, говорили про него. Все подчинялось его силѣ. Онъ расширилъ владѣнія брата и укрѣпилъ его власть, такъ что, когда на престолъ вступилъ его племянникъ, королевская власть стала властью въ полномъ смыслѣ этого слова.

Пѣсни народа полны славы Тембинока, славы и страха пе-

редь нимъ. Тембинокъ часто даже и не вступаетъ въ словесныя объясненія съ своими подданными—онъ выходитъ изъ дворца и стрѣляетъ изъ ружья, этого достаточно, чтобы подданные поняли и шли на работу. Если онъ недоволенъ кѣмъ, онъ идетъ къ нему и въ видѣ предупрежденія стрѣляетъ въ него, но такъ, чтобы пуля пролетѣла только близь предупреждаемаго и, такъ какъ Тембинокъ прекрасный стрѣлокъ, то пули пролетаютъ очень, очень близко; когда ему это нужно, пуля и сразитъ осужденнаго, но это бываетъ рѣдко. Обо всемъ, что дѣлается въ его владѣніяхъ, царь знаетъ отъ соглядатаевъ, которые каждое утро являются къ доладу и замѣняютъ собою газеты. Живетъ Тембинокъ въ обширномъ дворцѣ, гдѣ кромѣ него нѣтъ мужчинъ, все многочисленное населеніе дворца женщины, старыя и молодыя. Отношенія Тембинока къ нимъ чисто отеческія; чтобы забавлять себя и ихъ, онъ выдумалъ особую карточную игру — ему нужна была своя собственная игра, такая, въ какую не играли бы другіе, потому что онъ царь, не ровня этимъ другимъ! Часть его времени шла на составленіе дневника, иногда онъ писалъ стихи; спрошенный о содержаніи его пѣсень, онъ отвѣтилъ: „Милыя женщины, деревья и море. Собственно неправда, собственно ложь“. Своеобразное, но не лишенное остроумія, опредѣленіе лирической поэзіи. Кромѣ поэзіи, онъ усердно занимался генеалогіей, тоже царскимъ занятіемъ по мѣстнымъ понятіямъ. Такъ протекали дни его жизни, въ сознаніи безусловной власти; такихъ, какъ онъ, не много среди его вымирающихъ родичей.

У Стивенсона очерчено еще нѣсколько туземцевъ съ той же полной индивидуализаціей, какъ и Тембинокъ, все съ тѣмъ же пониманіемъ и вниманіемъ къ *человѣку*, котораго такъ мало понималъ путешественникъ-имперіалистъ Киплингъ въ своихъ странствованіяхъ. Благо для Англіи, что рядомъ съ людьми дѣйствія и силы, Киплингами, у ней есть люди сердца и ума—Стивенсоны.

Не смотря на громадную разницу между книгами обоихъ англійскихъ писателей, у нихъ есть нѣчто общее. Обѣ книги и Стивенсона, и Киплинга какъ будто безсознательно пророческія: у Киплинга болѣе близкое, у Стивенсона болѣе далекое будущее. Дѣйствительно, всѣ великія державы заражены той лихорадкой имперіализма, о которой говоритъ съ такой страстью Киплингъ—Америка, Англія, Германія, Россія — все шире и шире раздвигаются ихъ границы и все яснѣе ихъ соперничество; кто одолѣетъ? А затѣмъ — черезъ много, много вѣковъ быть можетъ, и эти громады начнутъ исчезать и создавшіе ихъ народы начнутъ вымирать, какъ Канаки, и грустное видѣніе Стивенсона станетъ дѣйствительностью. Кто знаетъ? Человѣкъ пока еще, и быть можетъ къ счастью, мало обладаетъ даромъ предвидѣнія: сколько онъ ни старается проникнуть въ тайну невѣдомаго будущаго, она все же ему не дается, и онъ, смотря по настроенію, рисуетъ

себѣ совершенно противоположныя картины жизни своихъ далекихъ потомковъ.

II.

Изъ англійской современности.

(A. Conan Doyle. The Green Flag and ather stories. 1900).

Конанъ Дойль удивительно ярко отражаетъ въ своихъ книгахъ интересы значительной части англійской публики, и именно той, которую событія послѣднихъ лѣтъ особенно выдвинули на первый планъ. Во многомъ онъ напоминаетъ другого, гораздо болѣе крупнаго любимца англійскихъ читателей, Киплинга, напоминаетъ мѣстами даже слогомъ, выраженіями, только онъ еще менѣе общечеловѣченъ, болѣе націоналенъ.

Послѣдній сборникъ его рассказовъ особенно любопытенъ тѣмъ, что въ немъ собраны очерки, касающіеся именно тѣхъ сторонъ, которыя дороги бритту извѣстнаго типа: война, разбой, охота съ гончими, кулачный бой, ловкій обманъ съ патристической или профессиональной цѣлью и т. п. Въ сущности, это все своего рода спортъ, тотъ спортъ, который, по мнѣнію Конана Дойля и многихъ другихъ англичанъ, составляетъ неотъемлемую принадлежность англичанина: „иногда грубая, иногда смѣшная любовь къ спорту до сихъ поръ одинъ изъ главныхъ источниковъ счастья нашего народа. Она лежитъ въ самой глубинѣ нашей природы, и когда эту любовь вытравятъ образованіемъ, то останется существо болѣе возвышенное, болѣе утонченное, но уже не тотъ здоровый типъ бритта, который такъ глубоко наложилъ свою печать на міръ“. Такъ говоритъ Конанъ Дойль въ лучшемъ и самомъ характерномъ рассказѣ своей книги.

Сила, ловкость, удача—вотъ боги, которымъ молятся и герои, и толпа у Конана Дойля, какъ оно и подобаетъ истиннымъ поклонникамъ спорта. Должна течь кровь, должны быть убитые, или, по крайней мѣрѣ, избитые, для того, чтобы такіе люди могли почувствовать настоящее бѣніе жизни. И вотъ книга начинается кровавой битвой между дервишами и англійскими войсками. Въ пылу битвы мятежные ирландцы, ненавидящіе отъ всего сердца своихъ начальниковъ и товарищей англичанъ, не хотятъ стрѣлять и начинаютъ отступать. Напрасно офицеры стараются остановить ихъ увѣщаніями, угрозами, мольбами, ирландцы не хотятъ сражаться и умирать за ненавистное имъ знамя. Пораженіе близко, но вожакъ ирландцевъ, рядовой Конолли, увидѣвъ вдругъ совсѣмъ близко передъ собою арабовъ, кровожадныхъ, жестокихъ, безчеловѣчныхъ, рѣжущихъ безоружныхъ людей, и противъ нихъ честныя, родныя лица солдатъ. Въ одну минуту

онъ преобразился и понялъ, кто другъ и кто врагъ. Онъ вынимаетъ драгоценное зеленое знамя Ирландіи и вокругъ него собираются ирландцы, чтобы бороться до конца и умереть за родное знамя; и всѣ до одинаго легли подъ ударами бѣшеннаго врага, но участь битвы была спасена, непріятель отступилъ.

Разсказъ вполне современный, хотя южно-африканская война показываетъ, что, когда врагъ не дикарь, зеленое знамя рѣдко развѣвается дружелюбно рядомъ съ англійскимъ.

Та же Африка и тѣ же дервиши являются въ другомъ разсказѣ, очень живо написанномъ, но поразительно напоминающемъ нѣкоторыя страницы изъ романа Киплинга „Свѣтъ погасъ“. Здѣсь „три корреспондента“ англійскихъ газетъ подвергаются нападенію дервишей. Двухъ небольшихъ выдержекъ достаточно для характеристики этихъ боевыхъ представителей англійской печати „Постановленія женевской конвенціи не примѣняются къ югу отъ первыхъ пороговъ; легко приготовить надлежащимъ образомъ пулю, если немного обработать ея кончикъ“. Передъ стычкой двое старшихъ корреспондентовъ обучаютъ младшаго, говоря о необходимости въ иныхъ случаяхъ лгать, красть и т. д. Когда начинающій корреспондентъ нѣсколько смущенъ такой моралью, ему говорятъ: „Ну, я бы и солгалъ и укралъ бы лошадь, если-бъ могъ получить цѣлый столбецъ въ ежедневной лондонской газетѣ. А вы Скоттъ?“ „На все готовъ, кромѣ убійства“. „Ну, знаете, я и въ этомъ не вполне на васъ положусь“. „Нѣтъ, право, мнѣ кажется, я не способенъ на убійство газетчика. По моему, это нарушаетъ профессиональныя отношенія. Но если чужой станетъ между корреспондентомъ съ важными вѣстями и телеграфной проволокой, тогда—берегись“....

Три разсказа переносятъ насъ на море и немного отзываются стариной—морскіе разбойники, таинственный сундукъ, убивающій людей, благодаря необыкновенно замысловатому замку. Крови, обмана и насилія здѣсь довольно, чтобы удовлетворить самыхъ требовательныхъ читателей.

Но главный и безспорно лучший по живописи и жизненности разсказъ, изъ котораго мы выше привели мнѣніе автора объ англійскомъ спортѣ, передаетъ намъ картину кулачнаго боя. Робертъ Монтгомери, бѣдный студентъ-медикъ, нанялся на лѣто въ помощники къ доктору, чтобы какъ нибудь просуществовать на каникулахъ и скопить еще кое что на будущій учебный годъ. Но денежныя дѣла его плохи, заемъ у доктора не удастся, и ему все яснѣе становится, что надо бросить университетъ, хотя остался только годъ до окончанія курса.

Монтгомери былъ не глупъ, но такихъ, какъ онъ, на жизненномъ рынкѣ много, онъ былъ очень силенъ, правда, но кому нужна сила? На этотъ товаръ, разсуждаетъ онъ, покупателей нѣтъ. Судьба, однако, взялась ему доказать, что онъ ошибается.

Когда онъ сидѣлъ, погруженный въ свои мрачныя мысли и въ приготовленіе лѣкарствъ, отъ него вдругъ грубо потребовали заказанное лѣкарство. Требовалъ здоровенный парень, который, повидимому, былъ готовъ постоять за свое требованіе крѣпкими кулаками. Напряженные нервы молодого медика не выдержали, и онъ побилъ парня. Оказалось, что побитый долженъ былъ вскорѣ выступить въ кулачномъ бою противъ знаменитаго бойца „Крокслеевскаго мастера“. Столкновеніе парня съ медикомъ сдѣлало его неспособнымъ къ бою, но за то навело его сторонниковъ на мысль искать въ Монтгомери нужнаго имъ бойца. Молодой медикъ сначала смущенъ предложеніемъ выступить въ подобной роли, но обѣщанная награда въ сто фунтовъ, которая дастъ ему возможность кончить курсъ, рѣшаетъ дѣло, и онъ начинаетъ готовиться къ бою. Настаетъ великій день, и Монтгомери ѣдетъ, привѣтствуемый кликами своихъ сторонниковъ, углекоповъ, такъ какъ онъ боецъ угольной копи. Его противникъ — испытанный, старый боецъ, но Монтгомери не падаетъ духомъ: „ему казалось, что онъ точно рыцарь безъ благородныхъ побужденій, который ѣдетъ на корыстный турниръ, и все же въ этой борьбѣ было нѣчто рыцарское. Онъ долженъ былъ бороться за другихъ, также какъ и за себя. Онъ потерпитъ, быть можетъ, пораженіе отъ недостатка силы или умѣнья, но никогда не отъ недостатка мужества, такъ поклялся онъ въ глубинѣ души“. Приготовленія къ бою, характеристика толпы, судей, участниковъ — мастерская.

Выкликаютъ бойцовъ: „Монтгомери — Креггсъ“ и бой начинается. Съ самаго начала чувствуешь, какъ симпатія автора на сторонѣ Монтгомери, который для него типъ истого англичанина: любитель спорта, храбрый, настойчивый, не признающій себя побѣжденнымъ, хотя и жестоко избитый; но симпатія къ одному изъ бойцовъ не лишаетъ автора безпристрастія, а только оживляетъ рассказъ. Условія боя: двадцать круговъ по три минуты, съ роздыхами въ одну минуту. Первый кругъ только выясняетъ характеръ бойцовъ — это сила противъ подвижности. Кругъ за кругомъ проходитъ съ переменнымъ счастіемъ; прошло девять круговъ, и вдругъ Монтгомери замѣтилъ, что противникъ его какъ будто усталъ и какъ будто ему свело ногу; онъ кинулся бѣшено на него и черезъ одно мгновеніе, попавшись въ ловушку, устроенную опытнымъ противникомъ, лежалъ безъ сознанія на землѣ, въ судорожныхъ подергиваніяхъ. Онъ чувствовалъ, что надо встать, иначе все кончено, встать, пока еще не прошли десять секундъ, онъ слышалъ голосъ счетчика: раз — два — три — четыре — пять, онъ уперся на руку, шесть — семь, и всталъ на колѣни, совсѣмъ обезсилившій, но съ твердымъ нареніемъ подняться, восемь — онъ стоитъ, и противникъ свирло накидывается на него и колотитъ его обѣими руками. „Зрителъ“

удерживая дыханіе, наблюдали эти страшные удары и предчувствовали жалкій конецъ, особенно жалкій, когда рѣшительный, но беззащитный человѣкъ не хочетъ признать себя побѣжденнымъ. И тутъ, какъ во снѣ, полусознательно, онъ вспомнилъ, что ему было сказано сыномъ крокслеевскаго мастера, ненавидѣвшимъ отца: мастеръ не видѣлъ ничего лѣвымъ глазомъ; Монтгомери отклонился влѣво и ударъ пришелся только по плечу. Мастеръ сдѣлалъ быстрый оборотъ и накинудся опять на противника. Монтгомери опять отклонился влѣво. Но мастеръ былъ опытнѣе его и страшный ударъ въ лицо опрокинулъ его; теперь все было кончено, ему уже не подняться, онъ это чувствовалъ.

Откуда-то издалека до него доносился голосъ счетчика: разъ—два—три—четыре—пять—шесть... „Время“, произнесъ судья. „Тогда сдержанная до сихъ поръ страсть толпы прорвалась. Сторонники мастера испустили громкій вздохъ разочарованія, сторонники Монтгомери вскочили на ноги съ ревомъ восторга. Еще не все для нихъ потеряно. Еще бы четыре секунды и ихъ боецъ проигралъ, а теперь—у него цѣлая минута, чтобы оправиться. Судья боя осмотрѣлся съ довольнымъ лицомъ и смѣющимися глазами. *Онъ любилъ эту грубую игру, эту школу скромныхъ героев* и ему пріятно было вступить въ *Deus ex machina* въ такую минуту. Монтгомери облили водой, дали ему немного водки, и, когда прошла минута, онъ могъ уже стоять, хотя и былъ еще очень слабъ. Онъ продолжалъ теперь борьбу, избѣгая по возможности ударовъ противника, выжидая, пока вернутся силы. Когда онъ почувствовалъ, что нѣсколько оправился, то повелъ борьбу такъ, какъ его научилъ его же противникъ: онъ представился болѣе усталымъ и болѣе слабымъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ, и далъ противнику утомиться ударами, отъ которыхъ самъ увертывался. Не опасаясь явно ослабѣвшаго Монтгомери, крокслеевскій мастеръ на минуту опустил руку, и въ то же мгновеніе на него опустилась рука Монтгомери: „это былъ великолѣпный ударъ, прямой, отчетливый, рѣзкій“. Мастеръ упалъ и не могъ встать—онъ лежалъ на спинѣ и только судорожно вздрагивалъ и ноги его подергивало... Восемь—девять—десять, сказалъ счетчикъ—ревъ толпы провозгласилъ пораженіе крокслеевскаго мастера. Монтгомери стоялъ полушеломенный, глядя на большого, лежавшаго передъ нимъ человѣка. „Онъ съ трудомъ могъ понять, что все кончено“.

То же впечатлѣніе у васъ; настолько была жива эта сцена, настолько ярко вы видѣли толпу, слышали глухіе удары кулаковъ въ перчаткахъ, напряженно слѣдили за минутами и секундами, что трудно вѣрится, что все кончено, и что вы читали просто описаніе безобразнаго побоища, гдѣ толпа рукоплескала въ изступленіи тому, какъ одинъ человѣкъ билъ другого въ этой „школѣ скромныхъ героев“.

Въ предисловіи авторъ говорить, что тема его рассказовъ, война и спортъ, принаравливаютъ ихъ къ нашему времени. Прочитавъ и продумавъ такіе мастерскіе по формѣ рассказы, какъ „Крокслеевскій мастеръ“, мы можемъ только радоваться тому, что все же и на родинѣ г. Конана Дойля, они принаравлены ко вкусамъ лишь одной части читателей, и что въ Англіи не мало людей, которые думаютъ, что грубая сила, хитрость и ловкость, не стѣсняющіяся средствами для достиженія цѣли, вовсе уже не завидныя качества.

III.

Размышленія пессимиста.

(Challemel-Lacour. Etudes et réflexions d'un pessimiste. Paris. 1901).

„Онъ ненавидѣлъ книгопечатаніе и не думалъ, чтобы въ немъ было спасеніе человѣчества. Онъ не раздѣлялъ справедливаго восторга, который должны возбуждать въ людяхъ благодѣянія этого дивнаго изобрѣтенія, считая его началомъ упадка, такъ какъ оно открыло собою печальнѣйшій и жалчайшій вѣкъ—бумажный вѣкъ. Съ тѣхъ поръ, какъ печатаютъ, говорилъ онъ, мы только и дѣлаемъ, что пишемъ другъ на друга толкованія. Въ этихъ словахъ, заимствованныхъ имъ у Монтэня, онъ выражалъ свое пренебреженіе къ нашей литературѣ изъ вторыхъ рукъ, къ той полунауцѣ и къ тому скудоумію, которыя находятъ себѣ выраженіе въ современномъ обиліи книгъ“.

Изъ бумагъ этого ненавистника печатнаго слова, который былъ министромъ и потомъ президентомъ французскаго сената, извѣстнаго политическаго дѣятеля Франціи, Шалльмель-Лакура, напечатаны теперь „Очерки и размышленія пессимиста“. Жаль, что издатели любопытной рукописи покойнаго, хорошо его лично знавшіе, не сообщили хотя бы нѣкоторыхъ подробностей относительно его жизни, не дали намъ канвы, въ которую мы могли бы вплести „размышленія пессимиста“.

Но и безъ примѣчаній чувствуется, что эти размышленія, записанныя, повидимому, еще въ 1861—1869 годахъ, плоть отъ плоти, кость отъ кости писавшаго. Въ предисловіи, составленномъ какъ бы отъ лица какого-то друга воображаемаго автора книги, сказано, что она предназначалась къ изданію, „чтобы засвидѣтельствовать его искренность“. И дѣйствительно, при каждомъ словѣ чувствуется эта искренность, потребность говорить только то, что думаетъ и чувствуетъ авторъ. Эта любовь къ правдѣ и есть собственно ключъ къ пессимизму Шалльмель-Лакура. Правда, что онъ говоритъ и о прелести самообмана, который даетъ силу, вѣру, счастье, но это только, чтобы не сму-

шать тѣхъ, кто не можетъ вынести безотраднaго свѣта истины. Ему кажется, что, только пока скользишь по поверхности вещей, готовый быть обманутымъ призрaчною внѣшностью, можно видѣть хорошее, вѣрить въ какое-то улучшение челоуѣчества и міра; когда проникнешь въ глубь, раскроешь причины, побужденія, то добро и свѣтъ поблeкнутъ, и останется только признать, что въ сущности все дурно, печально, сѣро. И всетаки, думаетъ онъ, надо жить и работать, какъ будто ничего не было изъ того, до чего довело насъ изслѣдованіе самой сути вещей. Переданы эти мысли, можетъ быть и не очень новыя, такъ изящно, и челоуѣкъ, который ихъ высказывалъ, былъ настолько выше средняго уровня, что на нихъ безусловно стоитъ остановиться, потому что онѣ невольно заставляютъ многое передумать и пере-чувствовать.

Начинается книга нѣскольکو искусственнымъ введеніемъ мнимаго издателя, который говоритъ, что его другъ, авторъ „размышлений“ (настоящій авторъ) сошелъ съ ума. Уже давно замѣчали въ немъ странности и, наконецъ, не осталось сомнѣнія въ томъ, что онъ душевно больной. Доказательствъ тому достаточно: онъ былъ искрененъ и нeлицепріятенъ, умъ его не хотѣлъ подчиняться никакимъ условнымъ формамъ, онъ избѣгалъ людей, не восхищался тѣмъ, чѣмъ восхищаются всѣ; наконецъ, онъ былъ пессимистъ. И вотъ послѣ него остались записки, еще лишній разъ подтверждающія, что авторъ былъ сумасшедшій. У него была странная манія считать цѣлый рядъ людей „людьми серьезными“, какъ онъ выражался, и относиться къ нимъ съ отвращеніемъ. Странно сказать, въ этотъ разрядъ серьезныхъ людей онъ включалъ самыхъ разнообразныхъ представителей рода челоуѣческаго: достаточно было для этого, чтобы данный челоуѣкъ былъ убѣжденъ въ пользѣ и достоинствахъ своихъ дѣлъ и произведеній. Особенно доставалось отъ него писателямъ, которые, по его словамъ, считали себя учителями челоуѣчества и священнослужителями. Но такъ какъ сумасшедшіе постоянно противорѣчатъ себѣ, то и для него существовали исключенія—онъ утверждалъ, напримѣръ, и какъ челоуѣкъ широко начитанный подтверждалъ свои слова обильными ссылками, что такіе великіе писатели, какъ Данте, Шекспиръ, Вольтеръ, Гете, всегда смотрѣли очень легко на свою писательскую дѣятельность, такъ напр., Шекспиру просто нужны были деньги, а Вольтеръ и Гете понимали, что сна, ѣды, прогулокъ и разговоровъ съ дураками не хватитъ на двадцать четыре часа, и потому они всѣ писали, не мечтая вовсе о безсмертіи. Последнее время онъ, впрочемъ, сталъ лучше относиться къ литераторамъ; это какъ разъ совпало съ оживленнымъ обсужденіемъ вопроса объ авторскихъ правахъ. Теперь, такъ полагалъ бѣдный сумасшедшій, литераторы бросили свое „серьезничаніе“, разсужденія о пророческой миссіи и тому подобное, они открыто

признали, что имъ просто нуженъ кусокъ хлѣба и нѣкоторыя удобства для семьи, и, такимъ образомъ, они сразу уничтожили категорію „серьезныхъ литераторовъ“. Онъ самымъ неосторожнымъ образомъ открыто заявлялъ себя пессимистомъ и утверждалъ, что въ пессимизмъ спасеніе. Весьма сомнительно въ виду всего этого, чтобы онъ когда либо поправился и былъ выпущенъ изъ сумасшедшаго дома, куда его помѣстили заботливые друзья.

Первый очеркъ, озаглавленный „Разсужденія о болѣзни и здоровьи, преимущество первой надъ вторымъ, доказанное на знаменитомъ примѣрѣ“, начинается съ парадокса: только больные видятъ истину; известно, что передъ смертью наблюдается особенная ясность и глубина ума; болѣзнь какъ бы преддверіе смерти, отчего тогда болѣзни и не быть началомъ просвѣтленія? Чѣмъ больше страданій, тѣмъ больше истины. Доказательствомъ этому служить жизнь Леопарди, великаго итальянскаго поэта и пессимиста. И вотъ шагъ за шагомъ развертывается передъ нами жизнь полная страданій и страстнаго исканія истины и выраженія этой истины, горькой и безотрадной. „Языкъ человѣческій, возникшій изъ грезъ дѣтства или созданный легковѣріемъ, не способенъ передавать истины. Это, повидимому, хорошо поняли богословы, поэты, философы, дипломаты, потому что они употребляютъ слово только, чтобы воспроизводить сновидѣнія, самообманъ, выдумки, самовозвеличенія первыхъ вѣковъ. Леопарди посмѣлъ сдѣлать слово орудіемъ правды—смертельная смѣлость“. Но этотъ искатель правды во чтобы то ни стало, боровшійся столь мужественно со всякимъ самообманомъ, открывавшій за всѣми мнимыми правдами, въ которыя вѣрить толпа, лежащую въ основѣ ихъ ложь, не могъ отказаться, отрицать одно—любовь. Онъ любилъ, и какъ ни горька была эта „чаша безсмертія“ для него, такъ горька, что онъ назвалъ женщину „звѣремъ безъ сердца“, онъ любилъ, „и память объ этой любви пережила все въ его душѣ, и оттого она и осталась благоуханной навсегда“. Для него „любовь—сонъ, исчезающій съ появленіемъ дня, но сонъ столь сладкій, что люди, только чтобы сохранить его, согласились бы съ радостью на вѣчную ночь. Увы, древніе идолы исчезли, пыль ихъ обломковъ покрывается землею, по которой мы ходимъ; цѣли, которыя нѣкогда могли увлекать молодость, стинули въ буряхъ жизни; прекраснѣйшія мечты, затасканныя по перекресткамъ въ позорныхъ лицедѣйствахъ, стали предметомъ насмѣшки. Любовь—одно, что осталось для тѣхъ, кто входитъ въ этотъ опустошенный міръ“.

И вотъ нашелся человѣкъ, который занесъ руку и на любовь. „Сумасшедшій пессимистъ“ встрѣтился съ нимъ во франкфуртской пивной; онъ понялъ тогда, что „у самаго смѣлаго поэта не хватитъ мужества прикоснуться къ святому святыхъ и что для оскверненія его нужна рука философа“. Философъ, съ которымъ

судьба свела въ пивной будущаго государственнаго человѣка, былъ тогда уже извѣстенъ всей мыслящей Европѣ—это былъ Шопенгауеръ. Шалльмель-Лакуръ посвятилъ ему впослѣдствіи статью, открывшую нѣмецкаго философа французамъ *), и встрѣча, которую онъ имѣлъ съ нимъ, оставила, повидимому, неизгладимые слѣды на французскомъ пессимистѣ. Рѣчь Шопенгауера, приведенная пространно въ „размышленіяхъ пессимиста“ и вкратцѣ въ статьѣ о Шопенгауерѣ, не представляетъ ничего новаго и есть собственно краткое изложеніе нѣкоторыхъ изъ его основныхъ взглядовъ. Шалльмель пробуетъ возражать противъ мрачнаго пессимизма философа ссылкой на любовь и получаетъ отвѣтъ: „Любовь это зло. Волненіе, которое восхищаетъ васъ, глубина, молчаніе—это только созерцаніе генія рода“. И затѣмъ онъ разбиваетъ одну за другой мечты молодого слушателя о любви. Все, что кажется столь свѣтлымъ и прекраснымъ, въ основѣ одно—стремленіе рода продлить свое существованіе. Аскетъ, который и словомъ, и дѣломъ проповѣдуетъ безбрачіе—истинный спаситель, который стремится освободить человѣчество отъ этого позорнаго рабства. Примѣръ его могъ спасти людей, „но,—кончаетъ философъ,—женщины не захотѣли этого, вотъ почему я ихъ ненавижу“.

Молодому французу нѣмецкій философъ показался пророкомъ съ его мрачной исповѣдью. Странно только, что его не удивила односторонность въ сужденіи философа—врядъ ли справедливо сваливать вину за сохраненіе рода человѣческаго на женщинъ: если бы философъ имѣлъ случай больше наблюдать ихъ, онъ бы нашелъ изъ нихъ гораздо болѣе вѣрныхъ союзницъ, чѣмъ среди мужчинъ единомышленниковъ. Намъ невольно припомнилось при этомъ рѣчь молодой дѣвушки, отказывающей любимому человѣку**).

„Видѣли вы, сказала она, портреты въ домѣ моихъ отцовъ? Смотрѣли вы на мою мать и на Фелине? Не останавливались развѣ глаза ваши на картинѣ надъ вашею кроватью? Та, съ которой писанъ этотъ портретъ, умерла вѣка тому назадъ, и она сдѣлала зло въ своей жизни. Но взгляните еще разъ на это изображеніе: это моя рука до послѣдней черточки, это мои глаза, мои волосы. Что-же мое и что-же я, если нѣтъ ни одного изгиба этого бѣднаго моего тѣла (которое вы любите и изъ-за котораго вы мечтаете, что любите меня), ни одного моего движенія, ни одного перелива моего голоса, ни одного взгляда моихъ глазъ, даже теперь, когда я говорю съ тѣмъ, кого люблю, которые не принадлежали бы уже другимъ? Другія, умершія уже вѣка тому назадъ, моими глазами привлекали другихъ мужчинъ; другіе муж-

*) Статья эта перепечатана въ концѣ книги; врядъ ли стоило это дѣлать, такъ какъ теперь она уже имѣетъ мало значенія (*Un Bouddhiste contemporain en Allemagne. Arthur Schopenhauer*).

**) *R. L. Stevenson, Ollale.*

чины слышали мольбы того самого голоса, который теперь звучит въ вашихъ ушахъ. На груди моей руки покойниковъ, онѣ двигаютъ мною, онѣ тянутъ меня, онѣ руководятъ мною; я игрушка, послушная ихъ власти; во мнѣ возродились черты и свойства, которыя давно уже успокоились отъ зла въ глубинѣ могилы. Любите вы меня, другъ мой, или мой родъ? Дѣвушку, которая не знаетъ и не можетъ отвѣчать за ничтожнѣйшую часть своего я? Или потокъ, котораго она преходящее русло, дерево, на которомъ она исчезающій плодъ? Родъ существуетъ, онъ древнѣй и вѣчно юнѣй, въ его груди вѣчная судьба; въ немъ, какъ волны на морѣ, человѣкъ слѣдуетъ за человѣкомъ съ обманчивымъ подобіемъ свободной воли, но они ничто эти люди. Мы говоримъ о душѣ человѣческой, но душа въ родѣ.

...Отцы мои восемь столѣтій тому назадъ властвовали надъ всей этой страной: они были мудры, велики, полны козней и жестоки; они были отборнымъ испанскимъ родомъ; за знаменами ихъ шли на войну войска, короли называли ихъ братьями, а народъ, когда они его вѣшали или жгли его лачуги, проклиналъ ихъ имя. Потомъ пришла перемѣна. Человѣкъ поднимается, и если онъ былъ первоначально звѣремъ, а потомъ поднялся до человѣка, то онъ можетъ и вновь спуститься до звѣрскаго состоянія. Они истомились и натянутыя струны ослабли. Они стали опускаться: умъ ихъ заснулъ, страсти прорывались только случайно и бессмысленно, какъ вѣтеръ, который носится въ горномъ ущельѣ. Красота продолжала передаваться, но безъ ума, который руководилъ ею, и безъ человѣческаго сердца; передавалось сѣмя, окутанное плотью, плоть покрывала кости, но то были плоть и кости звѣрей, а умъ ихъ былъ умъ мухи. Я говорю вамъ, какъ умѣю, но вы сами видѣли, какъ опустилось колесо судьбы моего обреченнаго на погибель рода. Я, среди этого паденія, стою, можетъ быть, на немного возвышенномъ мѣстѣ и вижу и впереди себя, и позади, вижу—и что мы потеряли, и на что осуждены въ нашемъ паденіи. И неужели я, я, которая живу чужою въ этомъ жилищѣ мертвецовъ, моемъ тѣлѣ, ненависта пути его—неужели я опять оживлю его?.. Неужели я передамъ этотъ проклятый сосудъ человѣческой потомству, наполню его новой жизнью, какъ свѣжимъ ядомъ, и брошу его какъ огонь въ лицо потомкамъ? Нѣтъ, я поклялась, родъ мой исчезнетъ съ лица земли“...

Другія проявленія пессимизма Шалльмель-Лакуръ разсматриваетъ, освѣщая ихъ ссылками на взгляды Шекспира, Шелли, Байрона, Свифта, Паскаля, Шанфора, Гейне.

Шекспиръ, по его мнѣнію, смотритъ съ безстрастной, безотраднѣйшей высоты на человѣческую жизнь, потому что онъ видитъ: во первыхъ, что самый сильный, самый могущественный человѣкъ подъ давленіемъ того, что зовется судьбою, т. е. соединенія законовъ естественныхъ, социальныхъ и пси-

хическихъ, то же, что хлѣбное зерно, растираемое жерновомъ; вторыхъ, „что, если есть страсть въ человѣкѣ, она становится для него всѣмъ—и руководящимъ провидѣніемъ, и обманывающей его любовницей, и совѣтникомъ, и тиранномъ его порабащующимъ“; въ третьихъ, что человѣкъ, у котораго нѣтъ страстей—ничто, самое жалкое и презрѣнное существо, упавшее ниже звѣря. Между тѣмъ, есть еще люди, которые думаютъ, что Шекспиръ съ улыбкою смотрѣлъ на жизнь! Они это думаютъ, потому что такъ думать удобно и спокойно. Они обставили свою жизнь мелочными удобствами, успокоились и провозгласили, что ихъ среда совершенство. Это самодовольное совершенство, обладающее многорѣковой свободой, громаднѣйшими богатствами и іоркской ветчиной, называется Англіей.

Когда въ ней появляется гениальный человѣкъ „онъ плюетъ на нее“, и она спѣшитъ отъ него отречься, преслѣдуетъ его, пока онъ живъ, а когда онъ умретъ, она кичится его славой. Потому ея гениі такъ бурны и такъ полонъ возмущенія ихъ пессимизмъ. Проклятые, отвергнутые за то, что осмѣлились бросить горькую правду въ лицо успокоившимся на лицемѣрной жилицемѣрамъ, они порвали связь съ обществомъ и его установленіями, отказались отъ сказочной жизни полной радостей и почета, чтобы обличать ложь человѣческой жизни—одинъ изъ нихъ утонулъ въ волнахъ итальянскаго моря, другой погнѣбъ въ далекой Греціи. Шелли и Байронъ!

„У воротъ Іерусалима стоитъ мрачное зданіе, къ которому вѣрующій мусульманинъ приближается со страхомъ. Это могила Давида. Говорятъ, что царь-цѣвецъ бесѣдуетъ здѣсь съ патриархами; никто не можетъ войти сюда, увидѣть царя и остаться живымъ. Когда старое зданіе грозитъ разрушеніемъ, власть взываетъ къ вѣрующимъ и общается тому, кто рѣшится проникнуть въ гробницу, вѣчное блаженство и—смерть. Страшное испытаніе, гдѣ вѣрующій отдаетъ на погибель и вѣру, и жизнь. Но есть испытаніе еще страшнѣе,—когда кто осмѣлится внести свѣточъ въ подземелья человѣческой вѣры и нравственности.“ Возмездіе за это—гибель и проклятіе, и что найдетъ человѣкъ такую страшную цѣноу? Ничто. Искатели правды, безотрадной и жестокой, Шелли и Байронъ, ничего не убоялись и претерпѣли все. Какъ не понять, что отвернувшись отъ этой жизни, они нашли какое то подобіе счастья въ мірѣ свсей фантазіи? Въ мірѣ, „гдѣ люди не носятъ личины, не боятся смерти, умѣютъ молча страдать и ждать, виновные или невинные, но всегда мягкіе и неодолимые, послѣдняго часа.“ Они могли, но не захотѣли принять участіе въ гражданской жизни ихъ великой страны, потому что стояли выше этой жизни. Но если они не узнали ее, то узналъ ее еще раньше ихъ другой великій писатель, узналъ и проеблялъ, и возненавидѣлъ эту часть жизни, какъ возненавидѣли они всю жизнь.

Дѣтямъ дарятъ на праздники невинную, прелестную, забавную книжку—свифтовскаго Гулливера. Какая насмѣшка! Тотъ, кто написалъ эту книгу, родился съ умомъ смѣлымъ, способнымъ понять все прекрасное; онъ могъ создать великое,—но онъ бросился въ водоворотъ гражданской жизни, который разбилъ его и пришибъ, оставивъ „карликомъ, вращающимъ могучею, гнѣвною рукою палицу Геркулеса.“

„Есть двоякаго рода знатоки человѣческой природы: гении созерцатели, взирающіе на нее сверху, почти не приходя въ соприкосновеніе съ нею, и люди, которыхъ случайности жизни бросали изъ стороны въ сторону и которые, благодаря этому, узнали жизнь собственнымъ опытомъ, такъ сказать во всѣхъ ея мелочахъ. У первыхъ пессимизмъ рождаетъ спокойную созерцательность, у вторыхъ онъ превращается въ мизантропію. Свифтъ—мизантропъ.“

Испытавшій гражданскую жизнь своихъ дней, перешедшій отъ одной партіи къ другой, онъ заглянулъ въ самую глубь тайниковъ партійной жизни и то, что онъ тамъ нашелъ, было ужасно и что еще ужаснѣе—все, что онъ говоритъ о партіяхъ своей страны и своего времени, въ сущности вѣрно для всѣхъ странъ и для всѣхъ народовъ, измѣнились только формы. Сколько ихъ, начинающихъ политическую жизнь умными, благородными, полными высокихъ мечтаній, возвышеннаго честолюбія; прочтите Свифта и вы узнаете, чѣмъ они становятся. Тутъ у Шалльмель-Лакура идутъ строки, полныя личной горечи: „надо войти въ эту борьбу партій, если хочешь еще жить общею жизнью и участвовать въ томъ, что еще осталось въ наши дни отъ жизни дѣйствія... О, еслибъ можно было остаться достаточно юнымъ, я чуть не сказалъ достаточно наивнымъ, чтобъ не видѣть всѣхъ жалкихъ сторонъ партійной жизни и всегда любить слѣпо свою партію, относиться довольно равнодушно къ истинѣ и умѣть всегда молчать о ней. Или, по крайней мѣрѣ, еслибъ возможно было, чтобъ, выйдя изъ всѣхъ этихъ испытаній, человѣкъ имѣлъ силу глядѣть на нихъ, какъ философъ или какъ поэтъ, съ величавымъ спокойствіемъ Гоббса или Мильтона. Быть можетъ, сонъ его тогда былъ бы крѣпче и онъ могъ бы въ сорокъ лѣтъ заснуть, не смотря на стукъ колесъ, и не надо было бы перебирать всѣ эти грустныя вещи, чтобы занять безсонныя ночи.“

Гдѣ же выходъ, за что ухватиться, когда все измѣняется? И онъ вспоминаетъ Паскаля, который считалъ, что „судьба, чело-вѣка—учиться съ трудомъ тому, что бесполезно, вѣчно оставаться въ невѣдѣніи и даже не подозрѣвать, что онъ не знаетъ того единаго, что заслуживаетъ быть узаннымъ“; думалъ такъ и все-таки былъ счастливъ. Что же служило для него источникомъ счастья? Вѣра, но увы это была вѣра, которую не получаетъ вся-

кій, кто хочет, ея можно было сподобиться, но добиться ея нельзя было. Здѣсь значитъ не исходъ. Да въ сущности исхода настоящаго и нѣтъ—остается одно, продолжать жить и дѣйствовать, не смотря ни на что. Тѣмъ и привлекательны и достойны такіе люди, какъ Шанфоръ; „я люблю скептиковъ, такихъ какъ Шанфоръ, которые дѣйствуютъ, какъ будто вѣрятъ“. Краткимъ очеркомъ личности Шанфора въ сущности заканчиваются размышленія, потому что замѣтки о Гейне и поддѣлка подъ Раблэ гораздо болѣе блѣдны.

Шалльмель-Лакуръ не любитъ особенно, какъ мы видѣли въ началѣ, печатной бумаги, оттого его выборъ писателей пессимистовъ не великъ, но онъ совершенно достаточенъ для него: тѣ немногіе мыслители и поэты, которыхъ онъ выбралъ, съ полною убѣдительною и всесторонне доказали ему старую давно извѣстную истину другого стариннаго пессимиста: „суета суетъ и все суета“. Но ее, думаетъ французскій пессимистъ и общественный дѣятель, надо сохранить въ своемъ сердцѣ и жить, и работать, какъ будто бы все было важно и не было „суеты суетъ“. Конечно, ничего особенно новаго нѣтъ во всѣхъ этихъ размышленіяхъ Шалльмель-Лакура, и его характеристики великихъ умовъ, которыхъ онъ беретъ себѣ въ союзники, нѣсколько односторонни и пристрастны, но есть что-то глубоко привлекательное въ картинѣ внутреннего міра общественнаго дѣятеля нашихъ дней. Рядомъ съ шумною жизнью суетливаго рабочаго дня идетъ другая жизнь тихой, бессонной ночи въ уединеніи рабочей комнаты. Здѣсь идетъ провѣрка той первой жизни, попытка остаться вѣрнымъ правдѣ, стараться вникнуть мыслителемъ въ то, во что не могъ вникнуть дѣятелемъ. И какъ мучительны иногда эти часы провѣрки, потому что такъ часто они разбиваютъ все, что создавалось долгою, трудною работою и, что еще мучительнѣе, они разбиваютъ то, что надо будетъ продолжать завтра при свѣтѣ дня и при свѣтѣ этой провѣрки. Хотѣть правды и создавать ложь! И невольно рука протягивается къ книгѣ; столько жило и дѣйствовало людей, и какъ нибудь же они это примирили? Изъ безчисленныхъ книгъ берутся тѣ, гдѣ можно найти мысли разочарованныхъ людей, можетъ быть, провѣркѣ удастся найти ошибки въ ихъ безотрадныхъ разсужденіяхъ, и одна за другою читаются эти книги и тяжелой вереницей проходятъ эти чужія „провѣрки“. Онѣ только дополняютъ картину собственной провѣрки, да какъ иначе и быть? Вѣдь только, когда изъ страха передъ тѣмъ, что можешь найти, не доходишь до конца. покажется, что есть стороны жизни, которыя выдержать ножъ анализа. За правдой скрыто страданіе, какъ и за страданіемъ скрыта правда. Правда дороже всего, а правды можно добиться только доходя до глубины вещей, и правда эта очень часто некрасива и всегда почти безотрадна—въ этомъ

Шалльмель-Лакуръ былъ убѣжденъ. Можетъ быть, здѣсь и была его ошибка, можетъ быть, правда не всегда въ концѣ изслѣдованія и, можетъ быть, иногда правда и прекрасна, и радостна?

Сергій Ольденбургъ.

Замѣтка о новомъ учебникѣ русской исторіи.

Н. Рожковъ. Учебникъ русской исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія. М. 1901.

Имя г. Рожкова небезызвѣстно въ кругу специалистовъ по русской исторіи. Года два тому назадъ онъ выпустилъ въ свѣтъ большое изслѣдованіе по исторіи землевладѣнія въ московскомъ государствѣ, обратившее на себя вниманіе спеціальной критики. Въ числѣ другихъ критиковъ и намъ приходилось на страницахъ „Русскаго Богатства“ указывать на это изслѣдованіе, какъ на цѣнное приобрѣтеніе русской исторической науки. Теперь авторъ его выступилъ съ новымъ трудомъ, уже не специально ученаго, а научно-педагогическаго характера. Издавая свой „учебникъ русской исторіи“, г. Рожковъ, несомнѣнно, шелъ на встрѣчу давно назрѣвшей потребности. Существующія и распространенныя у насъ школьныя руководства по русской исторіи въ громадномъ большинствѣ случаевъ либо уже устарѣли, либо имѣютъ весьма мало общаго съ научной исторіей, и это обстоятельство не мало содѣйствуетъ тому, что между послѣдней и исторіей, какъ предметомъ преподаванія въ средней школѣ, на дѣлѣ лежитъ глубокая пропасть. Приблизить школьное преподаваніе къ дѣйствительному содержанию науки—необходимо, и скорѣе всего это можетъ быть достигнуто, конечно, усиліями самихъ ученыхъ специалистовъ. Въ виду этого предпринятая г. Рожковымъ попытка дать въ формѣ учебника популярное изложеніе русской исторіи способна вызвать серьезный интересъ, тѣмъ болѣе, что его учебникъ по своему плану и содержанию далеко уклоняется отъ господствующихъ въ этой области шаблоновъ. По словамъ автора, „цѣль историческаго образованія,—безразлично, въ средней или высшей школѣ или дома,—заключается въ томъ, чтобы ознакомиться въ цѣльномъ и связномъ изложеніи съ процессомъ развитія явленій общественной жизни, разумѣя подъ послѣднимъ не событія или прагмати-

ческіе факты, а состоянія или культурныя явленія“ (3). Въ строгомъ соответствіи съ этимъ принципомъ онъ и построилъ свой учебникъ, удѣливъ въ немъ прагматической исторіи лишь ничтожное мѣсто сравнительно съ культурной. Весь учебникъ его раздѣленъ на семь главъ. Въ первой изъ нихъ авторъ говоритъ о природѣ и населеніи восточно-европейской равнины въ IX в. по Р. Х., а въ шести слѣдующихъ излагаетъ исторію кievской Руси, удѣльнаго періода, западной и юго-западной Руси въ XVI—XVII вв., московскаго государства, „новой крѣпостной Россіи“, какъ онъ опредѣляетъ время съ начала XVIII до половины XIX в. и, наконецъ, новѣйшаго періода, отъ реформъ имп. Александра II до нашихъ дней. Внутри cadaго изъ этихъ шести отдѣловъ авторъ придерживается одного и того же опредѣленнаго порядка, рассматривая сперва характеръ хозяйства въ данномъ періодѣ, затѣмъ спеціальны составъ общества, состояніе государства, его управленіе и законодательство, положеніе церкви и, наконецъ, внѣшнюю политику.

Ранѣе, чѣмъ обратиться къ разбору фактическаго содержанія, вложеннаго авторомъ въ эти рамки, мы считаемъ небезполезнымъ сдѣлать еще одно предварительное замѣчаніе. Г. Рожковъ предназначаетъ свой учебникъ одновременно для употребленія въ средней школѣ и для самообразованія. Онъ даже печатаетъ на обложкѣ своей книги слова: „для самообразованія“ особо крупнымъ шрифтомъ, какъ бы указывая этимъ на ея преимущественную цѣль. Несомнѣнно, вполне возможны учебники, одновременно преслѣдующіе обѣ указанныя задачи, но, конечно, не всякій типъ учебника одинаково годенъ для этого. По мнѣнію г. Рожкова, учебникъ долженъ стоять въ тѣсной связи съ совершающеюся подъ руководствомъ преподавателя классной работой учениковъ и содержаніе учебника „должно состоять, во первыхъ, въ сжатой и точной формулировкѣ обобщеній, явившихся результатомъ школьной работы, и, во вторыхъ, въ минимальномъ, необходимомъ лишь для ясности, количествѣ хорошо подобранныхъ и кратко намѣченнныхъ фактовъ, иллюстрирующихъ эти обобщенія“. Слѣдуя этой мысли, самъ г. Рожковъ „менѣе всего стремился замѣнить своимъ учебникомъ преподавателя, на долю котораго приходится, напротивъ, усиленная и непрерывная работа“ (4). Но тѣмъ самымъ онъ, очевидно, сдѣлалъ свой учебникъ непригоднымъ для цѣлей самообразованія, при которомъ знакомство съ учебникомъ не предваряется работою преподавателя. Дѣйствительно, уже одна чрезмѣрная краткость изложенія въ связи съ постояннымъ стремленіемъ автора избѣжать фактическихъ сообщеній, ограничиваясь лишь обобщающими формулами, лишаютъ книгу г. Рожкова возможности явиться сколько нибудь пригоднымъ пособіемъ для самообразовательнаго чтенія. Съ другой стороны, стараніе автора подогнать свой учебникъ исключительно къ ин-

тересамъ средней школы въ современномъ ея видѣ отозвалось и съуженіемъ содержанія книги. „Въ текстъ учебника,—говоря словами самого его автора,—внесено изложеніе только процессовъ экономическаго, социальнаго и политическаго развитія Россіи; исторія христіанской догматики и ересей, равно какъ и исторія литературы, не вошли въ учебникъ, такъ какъ то и другое служатъ предметомъ особаго изученія на урокахъ Закона Божія и русской словесности“ (5). Для книги, предназначенной, по плану автора, служить пособіемъ при самообразованіи, подобный мотивъ едва-ли могъ имѣть значеніе. Но слѣдуетъ прибавить, что г. Рожковъ не ограничился исключеніемъ изъ своего учебника исторіи литературы и христіанской догматики. Онъ также исключилъ изъ своего изложенія и вообще исторію умственнаго развитія, равно какъ и всю исторію нравовъ. Чѣмъ вызвано это исключеніе,—авторъ уже не объясняетъ.

Но отъ того, чего не даетъ книга г. Рожкова, намъ пора перейти къ тому, что она даетъ. Ограничивъ свою задачу изложеніемъ экономическаго, социальнаго и политическаго развитія Россіи, г. Рожковъ въ этихъ рубрикахъ сообщаетъ болѣе общія и болѣе согласованныя съ научной литературой свѣдѣнія, нежели тѣ, какія можно встрѣтить въ большинствѣ распространенныхъ у насъ школьныхъ руководствъ. При этомъ его изложеніе, вначалѣ очень краткое, постепенно, по мѣрѣ приближенія къ новымъ временамъ, становится подробнѣе, хотя неизмѣнно сохраняетъ конспективный характеръ, а временами переходитъ даже въ простую номенклатуру. Прямыхъ фактическихъ ошибокъ въ немъ немного, но вполне уберечься отъ нихъ г. Рожковъ все же не сумѣлъ. Такъ, напримѣръ, онъ внесъ въ свою книгу весьма сомнительный фактъ покупки Иваномъ Калитою Бѣловѣрска, Галича и Углича (29). Еще болѣе странно читать въ учебникѣ, составленномъ специалистомъ, утвержденіе, будто польское *liberum veto* представляло собою „право каждаго шляхтича объявить не-дѣйствительными всѣ постановленія сейма, если онъ съ ними былъ несогласенъ“ (86). Предварительную цензуру г. Рожковъ опредѣляетъ, какъ совершаемую „до выхода въ свѣтъ“ изданія, и въ этомъ видитъ ея отличіе отъ цензуры, установленной при императорѣ Александрѣ II для столичныхъ газетъ и журналовъ (100). Какъ извѣстно, однако, въ Россіи всякая цензура, а не только предварительная, имѣетъ мѣсто до выхода изданія въ свѣтъ. Но, повторяемъ, подобныхъ ошибокъ въ изложеніи фактовъ у г. Рожкова встрѣчается немного. Фактическая сторона исторіи и вообще, впрочемъ, играетъ въ его изложеніи весьма невидную и подчиненную роль и является даже, пожалуй, черезчуръ отодвинутою на задній планъ въ ущербъ содержательности учебника. Соотвѣтственно этому и ея недочеты имѣютъ мало важности въ книгѣ г. Рожкова. Важнѣе въ послѣдней не-

дочеты другого рода. Выдвигая на первый планъ не прагматическую, а культурную исторію, авторъ, естественно, долженъ былъ обратить большое вниманіе на разъясненіе своимъ читателямъ общихъ понятій, входящихъ въ составъ послѣдней. При этомъ такія разъясненія далеко не всегда оказываются у него вполне удачными. На первыхъ же страницахъ своей книги г. Рожковъ даетъ такое опредѣленіе системъ земледѣльческаго хозяйства: „когда приемы и средства (хозяйства) несложны, когда хозяйство не требуетъ большого труда и значительнаго капитала, то система хозяйства называется экстенсивной; когда же необходимы большой трудъ и значительный капиталъ, то система хозяйства носить названіе интенсивной“ (12). Политико-экономы и сельскіе хозяева едва-ли согласятся съ такимъ опредѣленіемъ экстенсивнаго и интенсивнаго земледѣлія. Въ свою очередь юристы и социологи врядъ-ли будутъ удовлетворены тѣмъ опредѣленіемъ государства, какое даетъ своимъ читателямъ г. Рожковъ. „Государствомъ, говоритъ онъ, называется такой общественный союзъ, который основанъ на началѣ власти или господства, или, иначе, государство—это общественный союзъ господства“. „Древнѣйшее государство, непосредственно продолжаетъ онъ, есть союзъ личнаго, а не общественнаго господства“. Итакъ, древнѣйшее государство не было государствомъ? Г. Рожковъ какъ бы не замѣчаетъ этого вывода и безжалостно ставитъ читателю новую загадку. „Главное значеніе въ русскомъ государствѣ IX—XII вв., говоритъ онъ, принадлежало вѣчу или собранію всѣхъ свободныхъ людей въ городѣ“ (17). Какимъ образомъ собраніе всѣхъ свободныхъ людей служило органомъ „союза личнаго господства“,—этого авторъ уже не разъясняетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ него, повидимому, совершенно ускользаетъ то обстоятельство, что три его опредѣленія, поставленные рядомъ, взаимно уничтожаютъ одно другое. Не говоримъ уже о томъ, что и опредѣленіе вѣча, какъ „собранія всѣхъ свободныхъ людей“, а не однихъ только главъ семей, неправильно. Такою же неудовлетворительностью и неполнотою страдаютъ и многія объясненія, даваемые авторомъ явленіямъ специально русской исторіи. Такъ, онъ говоритъ о происхожденіи помѣстья, но относительно вотчины довольствуется опредѣленіемъ ея характера, ничего не говоря объ условіяхъ ея возникновенія (25—6). Его объясненіе измѣненій въ податной системѣ московскаго государства, вплоть до реформы Петра В., настолько неясно и сбивчиво, что его врядъ-ли будетъ въ состояніи понять не только ученикъ, но и преподаватель, незнакомый съ специальными трудами по этому вопросу; преподавателю же, знакомому съ такими трудами, придется совершенно отбросить объясненіе г. Рожкова. Говоря о церковныхъ партіяхъ въ московской Руси XV—XVI вв., авторъ довольствуется лишь результатами ихъ ученій, не восходя къ источнику послѣднихъ

(37—8). Подобнымъ же образомъ, объясняя расколъ, онъ видитъ его причину исключительно въ томъ, что „многіе приверженцы старины не признавали новыхъ книгъ правильными“ и „увлекли за собою часть духовенства и народа, вообще тяготѣвшагося своимъ положеніемъ вслѣдствіе утвержденія крѣпостнаго права и злоупотребленій со стороны воеводъ и другихъ властей“ (62). Подобныхъ примѣровъ неполнаго объясненія фактовъ можно было бы привести изъ книги г. Рожкова еще не мало, но мы ограничимся лишь однимъ. Поясняя замѣну въ Судебникѣ Ивана III денежныхъ пеней за уголовныя преступленія казнями и тѣлесными наказаніями, онъ замѣчаетъ: „это указываетъ на то, что преступленіе перестало пониматься только какъ матеріальный вредъ, но стало признаваться вредомъ нравственнымъ“ (36). Такимъ образомъ, все огрубѣніе нравовъ, сказавшееся во введеніи тѣлесныхъ наказаній, какъ бы не существуетъ для г. Рожкова и, сосредоточивая вниманіе лишь на одной сторонѣ объясняемаго имъ процесса, онъ придаетъ этому процессу исключительно прогрессивный характеръ.

Послѣднее указаніе приводитъ насъ къ новому и, быть можетъ, самому важному ряду замѣчаній. Нѣкоторая неясность теоретическихъ положеній автора и наклонность его къ поспѣшнымъ и рѣшительнымъ обобщеніямъ, отразившіяся отчасти и въ приведенныхъ уже примѣрахъ, особенно ярко сказались въ той связи, какую онъ устанавливаетъ между историческими явленіями. Но ранѣе, чѣмъ говорить объ этой сторонѣ учебника г. Рожкова, намъ надо привести объясненіе, данное ей самимъ авторомъ. „Въ учебникѣ, предназначенномъ для средней школы и первоначальнаго самообразованія,—говоритъ онъ въ своемъ предисловіи,—критическое изложеніе немыслимо, здѣсь неизбежна догматичность. Само собой разумѣется, что при этомъ необходимо должны сказаться личныя научныя воззрѣнія составителя. Это совершенно неустранимо, такъ что авторъ не желаетъ даже и оправдываться противъ возможнаго, но не имѣющаго реальнаго значенія упрека въ субъективизмѣ“ (4). Заявленіе г. Рожкова очень рѣшительно, но едва ли очень основательно. Догматичность изложенія еще не тождественна съ субъективизмомъ. Послѣдній имѣетъ въ наукѣ свои, строго опредѣленные границы, а въ учебникѣ эти границы необходимо становятся еще болѣе тѣсными. Въ учебникѣ для средней школы, конечно, немыслимы, говоря словами г. Рожкова, „критическое изложеніе науки, разборъ чужихъ взглядовъ и обстоятельная мотивировка своихъ“, но вездѣ, гдѣ составитель учебника уклоняется отъ общепринятыхъ въ наукѣ взглядовъ, онъ долженъ опираться на такую мотивировку своихъ воззрѣній, данную гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. При несоблюденіи этого правила открывается, дѣйствительно, широкій просторъ для субъективизма, легко могущаго перейти и въ полный произволъ. Г. Рожковъ

весьма мало считается съ указаннымъ соображеніемъ и благодаря этому его книга мѣстами напоминаетъ не столько догматическое изложеніе науки, сколько изложеніе догматовъ. Авторъ рѣшительно и безповоротно высказываетъ такія сужденія о характерѣ историческихъ явленій и ихъ взаимной связи, развитія которыхъ напрасно было бы искать въ научной литературѣ, и читателю предоставляется принимать эти сужденія на вѣру. Нерѣдко придавая оригинальное освѣщеніе и истолкованіе фактамъ экономической исторіи Россіи, г. Рожковъ вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ остальные явленія народной жизни выводитъ непосредственно изъ состоянія народнаго хозяйства и его измѣненій. При томъ ограниченіи историческаго матеріала процессами экономического, социального и политическаго развитія, какое принято г. Рожковымъ въ его учебникѣ, подобное сведеніе явленій исторіи къ экономическимъ причинамъ встрѣчаетъ, конечно, нѣсколько меньше затрудненій, нежели въ томъ случаѣ, когда оно примѣняется ко всѣмъ безъ исключенія сторонамъ народной и государственной жизни. Но, съ одной стороны, г. Рожковъ, излагая общій ходъ русской исторіи, не всегда умѣлъ удержаться въ тѣхъ рамкахъ, какія онъ себѣ поставилъ, а съ другой,—онъ, даже и оставаясь въ этихъ рамкахъ, нерѣдко покупаетъ строгое и послѣдовательное проведеніе указаннаго взгляда цѣною чисто догматическихъ утвержденій, плохо согласованныхъ съ научной литературой и выражающихъ лишь его личные взгляды. Въ результатѣ вмѣсто дѣйствительнаго объясненія историческихъ явленій читатель учебника г. Рожкова нерѣдко получаетъ краткія, но бездоказательныя и мало понятныя формулы, причемъ частое повтореніе въ этихъ формулахъ слова „необходимость“ отнюдь не способствуетъ уясненію закономерности историческаго процесса, вскрывая лишь въ авторѣ нѣкоторую наклонность къ фатализму. Для иллюстраціи сказаннаго мы позволимъ себѣ привести нѣсколько примѣровъ. Говоря о расселеніи славянъ по восточно-европейской равнинѣ, г. Рожковъ рѣшительно утверждаетъ, что въ это время землею владѣли отдѣльныя семьи на началахъ вольнаго захвата (12—13). Едва ли бы, однако, ему удалось доказать это утвержденіе передъ судомъ сколько-нибудь строгой исторической критики. „Отсутствіе сословій и неопредѣленное, неразвитое, беспорядочное государственное устройство“ кіевского періода, по его словамъ, были „слѣдствіями господства въ народномъ хозяйствѣ добывающей промышленности и скотоводства, не требующихъ сложной организаціи хозяйства, не приучающихъ къ порядку“ (19). Наоборотъ, переходъ къ земледѣлію самъ по себѣ явился, по мнѣнію автора, причиною того распредѣленія земельной собственности, которое присуще было восточнымъ и западнымъ русскимъ землямъ въ XIII—XV вв. (25—26). Зарожденіе крѣпостничества въ Западной Руси XV в. объясняется „зарожденіемъ денежнаго

хозяйства при господствѣ земледѣлія“: „землевладѣльцамъ выгодно имѣть барскую запашку, потому что появляется хлѣбный рынокъ, а такъ какъ денегъ еще слишкомъ мало, чтобы можно было платить вольнонаемнымъ рабочимъ, то необходимъ крѣпостной трудъ“ (26). „Московскіе князья, замѣчаетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, объясняя возвышеніе Москвы, были прекрасными хозяевами, что было необходимо при господствѣ земледѣлія въ народномъ производствѣ“ (31). Остается спросить, для кого это было необходимо. Но еще болѣе удивительно другое утвержденіе автора, что „для болѣе прочной политической уніи Польши съ Литовской Русью необходима была унія церковная“ (42). Какъ извѣстно, именно эта церковная унія послужила одной изъ главныхъ причинъ, оторвавшихъ южную Русь отъ Польши, но г. Рожковъ въ увлеченіи прямолинейной идеей необходимости, порождаемой экономическимъ развитіемъ, не замѣчаетъ такихъ мелочей. Мы долго не кончили бы, если бы вадумали перечислить всѣ подобныя утвержденія автора, не находящія себѣ опоры въ научной литературѣ, а подчасъ стоящія и въ прямомъ противорѣчій съ нею. Поэтому мы удовольствуемся лишь двумя примѣрами, которые могутъ показать, какъ рѣшительно идетъ г. Рожковъ по пути объясненія всѣхъ явленій изъ одного самодовлѣющаго экономического процесса и какъ легко готовъ онъ въ этихъ объясненіяхъ удовольствоваться голой формулой, лишенной всякаго живого содержанія. Объясняя возникновеніе крѣпостного права въ Россіи одними чисто экономическими причинами, онъ въ послѣднихъ находитъ и чрезвычайно простую разгадку того факта, что въ Западной Европѣ крестьянинъ былъ прикрѣпленъ къ землѣ, а въ Россіи онъ оказался прикрѣпленнымъ къ личности землевладѣльца. Дѣло въ томъ, что „на западѣ Европы въ XII—XIII вв. зародилось денежное городское хозяйство, т. е. хозяйство съ мѣстнымъ небольшимъ рынкомъ, и необходимо было обезпечить для каждаго небольшого района постоянный и опредѣленный составъ и рабочихъ, и покупателей“, а „въ Россіи XVI в. не было такой изолированности, особыни рынковъ вслѣдствіе множества рѣчныхъ путей и удобства саннаго пути зимой и здѣсь, напротивъ, необходимо было постоянное передвиженіе рабочихъ и покупателей“ (49). Въ представленіи автора крѣпостное право со всѣми его характерными отличіями выросло, такимъ образомъ, изъ одного интереса землевладѣльцевъ, безъ участія всякихъ другихъ силъ. При этомъ онъ какъ бы забываетъ и то, что крѣпостное право при своемъ возникновеніи въ Россіи было направлено какъ разъ противъ „постояннаго передвиженія рабочихъ“, и то, что въ XVI в. крѣпостное право далеко еще не было прикрѣпленіемъ крестьянина къ личности землевладѣльца. Въ другомъ случаѣ, говоря о секуляризациі монастырскихъ имѣній при Екатеринѣ II, авторъ поясняетъ этотъ фактъ тѣмъ, что „денежное

хозяйство, требующее свободы перехода земли отъ одного владельца къ другому, повело къ уничтоженію монастырской вотчины“, и оставляетъ читателя въ полномъ недоумѣніи, какъ эта формула можетъ быть примѣнена къ данному случаю (67-8). При такихъ условіяхъ преподаватель, который рѣшился бы руководиться при своихъ занятіяхъ учебникомъ г. Рожкова и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовалъ бы вполне правильному совѣту автора насчетъ собственной „усиленной и непрерывной работы“, оказался бы въ трудномъ и странномъ положеніи, такъ какъ въ результатъ этой работы ему пришлось бы постепенно отбрасывать главные положенія учебника. Но таковъ естественный результатъ чрезмѣрнаго субъективизма автора, положившаго въ основаніе учебника такую теорію, которая не только не является общепризнанной въ наукѣ, но съ точки зрѣнія которой содержаніе послѣдней ни разу не было систематически изложено.

Нашъ отчетъ о книгѣ г. Рожкова разросся до болѣе значительныхъ размѣровъ, чѣмъ мы сами ожидали. Надѣемся, читатель извинитъ насъ въ виду интереса той попытки, разбору которой посвящена настоящая замѣтка. Попытку эту, на нашъ взглядъ, приходится признать рѣшительно неудавшеюся. Объ этомъ намъ кажется, стоитъ пожалѣть и стоитъ пожелать, чтобы г. Рожковъ возобновилъ ее. У него, несомнѣнно, есть данныя для рѣшенія трудной задачи, за которую онъ взялся, но именно въ виду трудности и важности этой задачи къ ней необходимо приступить съ болѣею осторожностью и обдуманностью.

В. Мякотинъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

П. П. Гнѣдичъ. Купальные огни. Романъ. Спб. 1901.

Читатель, вѣроятно, помнитъ въ романѣ „Война и миръ“ описаніе одного торжественнаго имениннаго обѣда у графа Ростова. Въ числѣ обѣдавшихъ находилась гувернантка съ хозяйскими дѣтьми, которая безпрестанно съ беспокойствомъ озиралась вокругъ себя и, если кто нибудь заговаривалъ съ нею или съ ея питомцами, немедленно принимала такой видъ, какъ будто защищалась отъ оскорбленій. Никто изъ гостей и не думалъ, разумѣется, оскорблять ни ее, ни дѣтей, но бѣдная гувернантка не могла справиться съ своей ажитаціей и до конца обѣда все только тре-

вожилась неизвѣстно за кого и обижалась неизвѣстно за что. Да, именно *бѣдная* гувернантка, жалкая въ своей мнительности, несчастная отъ своей безпричинной подозрительности. Она заслуживаетъ состраданія, потому что она всего въ какихъ нибудь двухъ шагахъ стоитъ отъ той черты, за которой начинается уже настоящая душевная болѣзнь, извѣстная подъ именемъ маніи преслѣдованія.

Въ литературѣ нашей существуетъ цѣлая группа писателей (къ счастью, не очень многочисленная), живѣйшимъ образомъ напоминающихъ эту гувернантку, эскизно, но въ высшей степени мастерски, обрисованную Толстымъ. По внѣшности судя, казалось бы, этимъ господамъ нечего беспокоиться, не на что сердиться: работаютъ они, обыкновенно, въ богатыхъ газетахъ и журналахъ, такъ что гонорары, надо полагать, получаютъ не малые, имѣютъ свой—и вовсе не малочисленный—кругъ читателей и даже почитателей, которые усердно раскупаютъ ихъ произведенія въ отдѣльных изданіяхъ, пользуются вообще успѣхомъ и извѣстностью—и тѣмъ не менѣе они недовольны, а отъ недовольства—раздражительны и мнительны. Отчего это? По нашему мнѣнію, отъ рѣзкаго несоотвѣтствія между ихъ силами и ихъ претензіями. Эти силы, въ нѣкоторыхъ отдѣльных случаяхъ, могутъ быть дѣйствительно очень значительны и даже громадны, но онѣ имѣютъ свой предѣлъ, тогда какъ шальнымъ претензіямъ никакого предѣла не полагается. Вотъ, наприм., Достоевскій. Безъ сомнѣнія, это былъ яркій первоклассный талантъ, но неужели онъ не былъ смѣшенъ и страненъ, когда, по разсказу Панаева, требовалъ отъ Некрасова, издателя „Петербургскаго Сборника“, чтобы его, еще въ рукописи напумѣвшая повѣсть „Бѣдные люди“ была помѣщена въ „Сборникѣ“ непременно или въ самомъ началѣ или въ самомъ концѣ и при томъ для вышаго отличія отъ другихъ статей „Сборника“, была обведена черной узорчатой каймой? Панаевъ добродушно посмѣялся въ послѣдствіи надъ этой претензіей начинавшаго писателя:

Будешь ты доволенъ мною,
Поступлю я какъ подлець:
Обведу тебя каймою.
Помѣщу тебя въ конецъ.

Такъ будто бы *прочиталъ* издатель „Сборника“ (т. е. Некрасовъ), хлопая Достоевскаго по плечу. Или вотъ другой примѣръ, гораздо болѣе мелкій, но за то гораздо болѣе свѣжій. Когда умеръ Данилевскій, историческій романистъ, господамъ Мордовцеву и Салиасу равный, въ газетахъ, какъ водится, появились о немъ разныя замѣтки, воспоминанія, и въ „Новостяхъ“ было разсказано, что Данилевскій былъ недоволенъ одной критической о его произведеніяхъ статьей, несуразный авторъ которой сравнивалъ его со Львомъ Толстымъ. Дѣйствительно, обидно: Григорій Дани-

левскій и Левъ Толстой! „Мировичъ“ и „Война и миръ“! Если это не было со стороны Данилевскаго простымъ маневромъ, которымъ онъ хотѣлъ маскировать свое восхищеніе, то что же это, какъ не манія величія, отъ которой только шагъ до маніи преслѣдованія: вспомните только гоголевскаго Поприщина. Онъ ужъ сшилъ себѣ изъ своего вицъ-мундира мантию, достойную короля испанскаго, а его бьютъ палкой и капаютъ ему на темя холодную воду. Конечно, это происки Пальмерстона, который пожелалъ въ вѣчной къ нему, Поприщину, ненависти и, вотъ, вредить и вредить.

Г. Гнѣдичу тоже мерещится, что ему кто-то вредить, и вредить, главнымъ образомъ, кажется, русская критика, которая относится къ нему отнюдь не какъ къ королю, а видитъ въ немъ обыкновеннаго титулярнаго совѣтника. На рубль амбиціи, на грошъ аммуниціи—эта поговорка довольно вѣрно характеризуетъ писателей того типа, къ которому мы относимъ г. Гнѣдича. Не надо только понимать ее въ буквальномъ смыслѣ. Аммуниція Достоевскаго была богата и блестяща, но такъ какъ онъ требовалъ себѣ почестей, подобающихъ развѣ Юлію Цезарю или Наполеону I, то пропорція остается правильной. Точно также и у г. Гнѣдича: его аммуниція стоитъ не грошъ, а, по крайней мѣрѣ, полтинникъ, но такъ какъ онъ обнаруживаетъ амбиціи на цѣлую сторублевку, то пропорція опять сохраняется—въ сторублевкѣ какъ разъ столько рублей, сколько въ полтинникѣ грошей. Всѣ стихіи художественнаго таланта имѣются у г. Гнѣдича, но въ такихъ количествахъ, которымъ красная цѣна именно всего только пятьдесятъ копѣекъ. Вотъ, напр., образчики юмора г. Гнѣдича: „...коверъ, висѣвшій на стѣнѣ и изображавшій русскую пляску, причемъ лицо плясавшей дѣвушки болѣе напоминало карту Соединенныхъ Штатовъ, чѣмъ существо, созданное по образу и подобию божію“ (108). „Губернаторъ былъ такъ мягокъ и сладокъ, что казался разведеннымъ на малиновомъ сиропѣ и ему особенно былъ тяжелъ Невматулинъ (одинъ изъ главныхъ героевъ романа, писатель), отъ котораго отдавало крутой кашей съ лукомъ“ (114). „Бѣлуновъ пошелъ въ ходъ въ послѣднее время и даже какъ будто разыгрывалъ въ московскихъ кружкахъ какую то роль. Въ училищѣ авали его „шибсомъ“ (?) и щелкали его по носу. Именно поэтому онъ и сталъ теперь, по слухамъ, держать носъ насколько можно выше“ (229). Не менѣе силенъ г. Гнѣдичъ и по части глубокомыслия, къ которому онъ питаетъ такую же склонность, какъ и къ юмору. Но склонность склонностью, амбиція амбиціей, однако, г. Гнѣдичъ какъ будто самъ чувствуетъ, что онъ не очень силенъ въ этой области и потому избралъ приѣмъ, который заранѣе ограждаетъ автора отъ всякихъ нареканій. Приѣмъ этотъ состоитъ въ томъ, что персонажи романа преглубокомысленно о чемъ нибудь разсуждаютъ на цѣломъ десяткѣ страницъ и въ за-

ключеніе кто нибудь изъ нихъ и брякнетъ: „ахъ, какую чепуху мы городимъ!“ Такъ, на стр. 730 нѣкто завершаетъ свои умныя рѣчи такимъ восклицаніемъ: „съ чего это я философствую предъ вами? И философствую-то по дѣтски, какъ недоучившійся семинаристъ“, а на стр. 736 другой нѣкто справедливо замѣчаетъ: „сколько мы съ вами вздора наговорили,—весело сказали онъ. Забудьте, пожалуйста, про нашъ разговоръ“. Вотъ какой удобный пріемъ! Читатель, быть можетъ, самъ только что хотѣлъ замѣтить о *глупомъ философствованіи*, но его съ *веселымъ юморомъ* предупреждаетъ авторъ и говоритъ: забудьте, пожалуйста. Забыть мы, конечно, забудемъ, но всетаки недоумѣваемъ: вы-то, г. Гнѣдичъ, зачѣмъ такъ тщательно записываете глупости, которыя сами же просите поскорѣй забыть?

Разумѣется, это только *façon de parler* автора. Въ глубинѣ души г. Гнѣдичъ убѣжденъ, что его герои философствуютъ не глупо, а очень даже умно, говорятъ не вздоръ, а новую и оригинальную правду. Мы заключаемъ это изъ того, что когда г. Гнѣдичъ философствуетъ непосредственно отъ своего лица, онъ оказывается ничуть не выше своихъ философствующихъ персонажей, но нигдѣ не спохватывается и не говоритъ: „какой я вздоръ пишу! Забудьте, читатель, пожалуйста“. Нѣтъ, онъ философствуетъ вполне серьезно и даже не безъ самодовольствія, философствуетъ, напр., въ такомъ родѣ: „Въ ребяческіе годы такъ ясна связь человѣка съ природой. Гейне говоритъ, что ребенокъ потому такъ любитъ деревья, что помнить ясныѣ, чѣмъ взрослый то время, когда самъ былъ деревомъ. Потомъ, съ годами, эта связь распадается и много лѣтъ нужно, чтобъ, совершивъ огромный кругъ, человѣкъ снова вернулся къ своему первоисточнику (т. е. къ дереву)? Часто бываетъ, что земное странствіе оканчивается прежде, чѣмъ этотъ кругъ бываетъ пройденъ,—и новаго соединенія съ своимъ началомъ (съ деревомъ?) такъ и не происходитъ. Но еще чаще бываетъ, что человѣкъ вдругъ начинаетъ понимать, что онъ и природа—звено неразрывное“ (382—83). Вотъ какое глубокомысліе!

Нервная раздражительность и какое-то странное озлобленіе мѣшаетъ г. Гнѣдичу и логично разсуждать, и спокойно писать. Озлобленіе это направлено не только противъ критиковъ и рецензентовъ (что ужъ мы! Мы тѣ, которыхъ въ литературѣ никто не любитъ и все бездарное клянетъ!), но и вообще противъ литераторовъ. Вотъ, напр., какъ живописуетъ г. Гнѣдичъ одинъ юбилейный обѣдъ въ честь какого-то издателя. „Тотчасъ же приступили къ закускѣ. Татары-касимовцы давно ужъ не видѣли у гостей такой прожорливости. Они, какъ саранча, накинулись на все, что было поставлено на столѣ, безъ всякаго разбора.—Касимовцы сразу почувствовали презрѣніе къ обѣдающимъ“ (271). Презрѣніе это отъ всего сердца раздѣляетъ и г. Гнѣдичъ.

Да и какъ не презирать? Юбилляръ-издатель „ежеминутно подносилъ руку къ тому карману, гдѣ у него лежалъ бумажникъ, и удостовѣрялся—тутъ ли онъ,—не вытащили ли его какъ-нибудь“. Это напечатано на стр. 278. Господинъ литераторъ Гнѣдичъ! Неужели перечитывая эти строки, вы не краснѣли отъ стыда за самого себя?

Однако замѣтитъ намъ читатель, вы говорите только о частностяхъ, хотя и характерныхъ для автора. Но въ чемъ сюжетъ и въ чемъ идея романа? И что означаетъ собою самое заглавіе романа—„Купальные огни“? Купальные огни, отвѣтимъ мы, это тѣ костры, которые раскладываются въ деревняхъ въ ночь на Ивана Купала. Какъ предметы неодушевленные, они ровно никакой роли въ романѣ не играютъ, и почему авторъ называлъ ихъ именемъ свое произведеніе, намъ неизвѣстно. Что же касается сюжета и идеи романа г. Гнѣдича, то мы не говоримъ о нихъ потому, что въ романѣ змѣйнаго шипа сколько угодно, но идеи въ этомъ шипѣ нѣтъ ровно никакой, какъ нѣтъ и сюжета. Это не романъ, а беллетристическій пасквиль—вотъ нашъ окончательный выводъ.

Ф. К. Поповъ. Сборникъ стихотвореній «Въ часы досуга». Варшава. 1901 г.

Сказать, что г. Поповъ хорошій поэтъ, значило-бы сильно погрѣшить противъ истины.

Офицеры должны избѣгать
Осложнять пустяки непремѣнно
И къ дуэли тогда прибѣгать,
Когда честь пострадала навѣрно,—

—пишетъ онъ на первой-же страницѣ сборника своихъ стихотвореній, украшеннаго затѣйливой виньеткой, съ крылатымъ амуромъ въ уголкѣ. Въ рукахъ у амура книга, на обложкѣ которой написано: „поэзія“. Въ сущности, однако, было-бы правильнѣе украсить виньетку болѣе воинственными символами, а въ руки амура (если ужъ онъ неизбѣженъ) дать воинскій уставъ, такъ какъ почти вся книжка стиховъ нашего автора является своего рода попыткой стихотворнаго комментарія къ уставу. Такъ, на стр. 12-й мы находимъ поученіе солдату:

Ничего не долженъ скрыть,
Ссоры, драки избѣгай,
Не старайся грѣхъ прикрыть,
Полицейскимъ помогай!

На стр. 28-й рисуется идеальная гауптвахта:

Лампы, стекла не разбиты,
Все блестяще чистотой;
Арестованные сыты,
И у двери—часовой!

За то на стр. 41 мы видимъ печальныя послѣдствія слабаго надзора за арестованными:

Очень вѣрная картинка,
Фактъ печальный на лицо,
Арестованный, какъ дымка,
Скрылся, выйдя на крыльцо.

Польза гимнастики для солдата изображается на стр. 63 слѣдующимъ образомъ:

Солдаты машины не боятся
И силой очень дорожить...
Какую пользу получаетъ,
Ему извѣстно ужъ давно.
Онъ мускулы сильно укрѣпляетъ,
Когда работаетъ умно.

Темпераментъ у автора повидимому очень впечатлительный: всѣ служебныя событія производятъ на него дѣйствіе сильное, граничащее съ энтузіазмомъ.

Такъ, когда на смотру

Нашъ милѣйшій генераль
На рысяхъ къ намъ подъѣзжалъ,

и затѣмъ

Въ краткой рѣчи сильную мысль
Намъ сказалъ нашъ Гостомысль,

то авторъ исполняется увѣренности, что

Дольше память сохранить,
Этотъ случай, чѣмъ гранить.
Наши дѣти помнить будутъ
И тѣхъ внуки не забудутъ.

Изъ заглавія этого стихотворенія видно, что оно посвящено прощанію съ начальникомъ 10-й пѣхотной дивизіи (въ чинѣ генераль-лейтенанта). Понятно, что, когда муза г-на Попова касается, напримѣръ, военнаго министра—ея полетъ поднимается еще выше. Кромѣ того, авторъ оптимистъ, и все рисуетъ въ болѣе или менѣе розовыхъ краскахъ...

Прекрасная винтовка
Системы Мосина:
Ну, что за изготовка,
Въ три линіи она.

Превосходны также и консервы:

Не прошло и полчаса,
Какъ консервъ ужъ ѣли,
Слышны были голоса,
Какъ его хвалили...

Начальники ласковы, смотры сходятъ отлично. Вообще, хотя и нельзя отрицать, что размѣръ и приемы у г-на Попова нѣсколько

сбиваются съ ноги и ведутъ себя порой, какъ новобранцы на инспекторскомъ смотрѣ,—но... вѣдь это только „досуги“. На настоящихъ же смотрахъ, навѣрное, все сходитъ благополучно. Это видно даже по чисто дѣловому общему тону сборника. Ни одного чувствительнаго стихотворенія, ни одного локона, ни одной женской улыбки, ни одного любовнаго вздоха. На всемъ протяженіи сборника, если и есть разговоръ о любви, то развѣ только о любви къ начальникамъ. Философствуетъ авторъ преимущественно о дисциплинѣ или о вредѣ для офицера азартныхъ игръ, а мечта...
Когда

Вернувшись съ бала, на разсвѣтѣ
Поручикъ крѣпкимъ сномъ заснулъ...

то и тутъ ему приснилась не „она“, не ея глазки, или ротикъ, или улыбка, а... прибавка къ жалованію:

Приказъ неожиданно вдругъ придетъ,
Съ прибранкой всѣ повеселяются...

Неужто, въ самомъ дѣлѣ,—приходить невольню вопросъ,—армейская муза нашихъ дней стала такъ сурово-благонравна, такъ служебно-прозаична и такъ похожа на „приказъ по баталіону“?

Русская Лира. Сборникъ произведеній художественной лирики. Собралъ и составилъ М. Л. Б. Спб. 1901.

Вотъ и еще одинъ сборникъ избранныхъ стихотвореній русскихъ поэтовъ. Какими же принципами руководился его составитель? Въ книгѣ нѣтъ предисловія, и читатель можетъ лишь гадательно судить объ нихъ. Что г-ну М. Л. Б. совершенно чужды историко-литературныя задачи, видно уже изъ того, что нѣтъ удалены съ поля зрѣнія читателя — Батюшковъ, Жуковский, Рылѣевъ, Хомяковъ, М. Л. Михайловъ, Щербина, Курочкинъ и многое множество другихъ общеизвѣстныхъ поэтовъ, хотя, съ другой стороны, не забыты и такія сомнительныя величины, какъ Бенедиктовъ, гг. Абрамовичъ, Буренинъ, Случевскій, Цертелевъ и т. п. Хронологія также находится въ полномъ пренебреженіи: стихотворенія каждаго поэта въ живописномъ безпорядкѣ разбросаны по всей книгѣ, разбитой на девять отдѣловъ. Почему именно на девять, а не на семь, не на пятнадцать? Ужъ не потому ли, что древними насчитывалось девять музъ?..

Чѣмъ же, однако, отличается одна муза г-на М. Л. Б. отъ другой? Къ сожалѣнію, и на этотъ вопросъ не легко отвѣтить. Отдѣлъ второй имѣетъ, напр., два эпитафия: „Въ тѣ дни, когда въ садахъ лица я безмятежно расцвѣталъ“ и „Люби всѣ возрасты покорны“. Читаемъ стихи этого отдѣла и, къ удивленію, находимъ „Птичку“ Туманскаго, „Нелюдимо наше море“ Языкова и „Вѣсы“ Пушкина... Въ отдѣлѣ третьемъ, съ эпитафіемъ

изъ Пушкина „Мнѣ скучно, бѣсъ“, неожиданно оказываются стихотворенія Лермонтова „Нѣтъ, я не Байронъ“ и „Не вѣрь себѣ“, въ мотивахъ которыхъ все, что угодно, кромѣ „скуки“... Не подлежитъ, такимъ образомъ, сомнѣнiю, что единственными критерiями „Русской Лиры“ были личный произволъ и личный художественный вкусъ г. М. Л. Б.—Само собой разумѣется, что будь составленъ именно такого рода сборникъ какимъ-нибудь великимъ человѣкомъ вроде, напр., Льва Толстого, онъ былъ бы въ высшей степени любопытенъ, но хрестоматiя, изданная простымъ смертнымъ (вѣдь подъ литерами М. Л. Б., думаемъ, не скрывается великаго человѣка) можетъ имѣть значенiе и успѣхъ въ томъ только случаѣ, если предѣлы субъективнаго сужденiя въ ней до *plus ultra*, и образцы выбраны толково, умѣло, въ согласiи съ установившимися въ критикѣ взглядами на поэзию вообще и на каждого поэта въ частности. Къ сожалѣнiю, въ „Русской Лирѣ“ слишкомъ много случайнаго, произвольнаго, прямо даже капризнаго... Мы упомянули о странномъ подборѣ поэтовъ (пропущенъ Жуковский!), но слѣдуетъ отмѣтить еще и другой недостатокъ, свойственный, впрочемъ, и другимъ подобнымъ сборникамъ (гг. Сальникова, Бончъ-Бруевича и др.),—говоримъ о количественной несоразмѣрности выбранныхъ образцовъ: изъ Полежаева, Плещеева, Добролюбова, Жемчужникова, Никитина, Надсона г. М. Л. Б. беретъ одно, два, много—пять стихотворенiй, а, напр., изъ г. Минскаго—одиннадцать, изъ Апухтина—десять, изъ Фета—даже девятнадцать. Объяснить ли столь явное предпочтенiе однихъ поэтовъ другимъ пренебреженiемъ къ поэзию такъ называемыхъ гражданскихъ мотивовъ? Но, вотъ, изъ Майкова мы находимъ въ сборникѣ 28 образцовъ, между тѣмъ, какъ изъ Тютчева и Полонскаго, — казалось бы, столь же усердныхъ служителей чистаго искусства, — всего по 10. Неужели же въ такой пропорцiи находятся художественныя достоинства этихъ поэтовъ?...

Правда, не цифрою и не вѣсомъ оцѣнивается золото поэзи. Естественно также, что въ новѣйшее время, съ развитiемъ литературы и стихотворной техники, даже и второстепенный, сравнительно, поэтъ способенъ написать большее количество безукоризненныхъ съ внѣшней стороны и небезынтересныхъ по содержанiю стихотворенiй, нежели иной выдающийся представитель начального перiода литературы (для примѣра назовемъ, хотя бы, г. Фофанова и Баратынскаго); но для соблюденiя правильной исторической перспективы необходимо, по крайней мѣрѣ, оговорить это обстоятельство при составленiи избранной хрестоматiи.

Посмотримъ далѣе, насколько безупреченъ выборъ, дѣлаемый г-номъ М. Л. Б. изъ каждого отдѣльнаго поэта. Въ книгѣ его, дѣйствительно, найдется немало превосходныхъ стихотворенiй, подлинныхъ жемчужинъ русской лирики, и помѣщенiе ихъ дѣ-

лаетъ честь составителю, но тѣмъ прискорбѣе, что среди этихъ жемчужинъ попадаются нерѣдко и простыя горшечныя черепки... Такъ, стихотвореніе г. Фофанова „Это не женщина“, съ его каламбурными рифмами вродѣ „эдема намъ“ и „демономъ“, — сплошная риторика (между тѣмъ, пропущена такая прелестная вещица, какъ „Подъ напѣвъ молитвъ пасхальныхъ“). Обращаютъ затѣмъ на себя вниманіе стихи г. Буренина. Читатель помнитъ, конечно, пушкинскаго „Сѣятеля“:

Свободы сѣятель пустынный
Я вышелъ рано, до звѣзды;
Рукою чистой и безмянной
Въ порабощенныя бразды
Бросалъ живительное сѣмя;
Но потерялъ я только время,
Благія мысли и труды!

И г. Буренинъ, въ свою очередь, пишетъ:

Я въ нѣдрахъ почвы благотворной
Желѣзомъ острымъ борозду
Провелъ рукой, въ трудѣ упорной,
И въ землю смѣло бросилъ зерна
И благодати ждалъ труду.

Не подражательность формы, присущая г. Буренину, останавливаетъ наше вниманіе въ данномъ случаѣ, но латинское изреченіе воспоминается: quod licet Iovi... Это г-нъ-то Буренинъ животворныя зерна бросалъ въ землю, да еще и „смѣло“ бросалъ?! Это его-то „труду“ надо было ждать „благодати“?!

И что-жъ? Упалъ засохшій колосъ,—

съ горечью жалуются благородный другъ графа Алексиса Жасминова, —

Не блещетъ нива красотой,
Ничто не оживить безплодной!..

И эту стихотворную жалобу-пародію г. М. Л. Б. включаетъ въ число безсмертныхъ образцовъ „Русской Лиры“, той самой „Лиры“, правъ на которую не признаетъ за Жуковскимъ и Михайловымъ... Богъ ему судья!..

Выборъ изъ Надсона сдѣланъ довольно-таки странно. Правда, все это очень красивыя, поэтическія вещи („Жалко стройныхъ кипарисовъ“, „Закралась въ уголъ мой тайкомъ“, „Мнѣ снилось вечернее небо“, „Пишу вамъ изъ глуши“), но гдѣ же тутъ Надсонъ, этотъ пѣвецъ „нашихъ дней, ихъ раздумья, тревогъ и сомнѣній“?

Въ числѣ стихотвореній Тютчева, въ общемъ представленныхъ хорошо, попадаетъ такая неважная пьеска, какъ

Что ты клонишь надъ водами,
Ива, макушку (sic!) свою,—

и въ то же время нѣтъ: — „Эти бѣдныя селенья“.

Поэтъ Языковъ въ одномъ изъ образцовъ приглашаетъ друзей „пьянствовать о имени своемъ“:

Все тлѣнь и мигъ! Блаженъ, кому съ друзьями
Свою весну пропить дано,
Кто видитъ мѣръ туманными (т. е. пьяными) глазами
И любить жизнь за пѣсни и вино!

„Все тлѣнь и мигъ“ — оно, конечно, такъ; но для чего же „русскую лиру“ — то сражать подобными стихами?!

Павелъ Россіевъ. Общіе знакомые. Очерки и рассказы. Москва, 1901.

„А это что поэзія“? — спросилъ одинъ изъ „общихъ знакомыхъ“ другого. — „Поэзія-что? Ну, одно слово, поэзія... Поэзія, такъ она и есть поэзія“. Этотъ отвѣтъ совсѣмъ не удовлетворилъ бы насъ, какъ и вопрошавшаго, если бы мы не прочли книжки г. Павла Россіева и въ точности не узнали бы, что такое истинная „поэзія“. Вотъ ея образцы: „Молодая, стройная, какъ украинская дивчина, береза, взбѣжавъ на пригорокъ, свѣсилась своими густыми вѣтвями надъ оврагомъ, точно прислушиваясь къ шуму ручья, бѣгущаго на днѣ его; другая, извиваясь, какъ ужъ, своимъ упругимъ стволомъ, тянется къ первой; третья совсѣмъ нависла надъ оврагомъ“ и т. д., словомъ: *„Тутъ—березы, тамъ березы; спереди и сзади... Это березовая роща“*... Мы взяли это съ первой страницы, а такихъ художественныхъ перловъ не оберешься во всѣхъ разсказахъ этой претенціозной книжонки. И не только въ описаніяхъ природы, но и въ обрисовкахъ и характеристикахъ лицъ и событій. Описывая какого-нибудь изъ „общихъ знакомыхъ“, г. Россіевъ сразу даетъ портретъ: „Что за славный старикъ былъ! Роста небольшого, глазки сѣрые, предобрые, сморщенное лицо не больше печенаго яблока“. И только: не много, но сильно! Или еще лучше: „Онъ былъ очень и очень либераль!“ Или вотъ, душевное состояніе слушателя во время пѣнія цыганки Заиры: „Чѣмъ-то новымъ, сладкимъ вѣяло въ душу и закрадывалось въ сердце... Хотѣлось бесконечно смотрѣть въ бездонные, чертовски-очаровательные, жгучіе, какъ песокъ Сахары, глаза Заиры и ласкать и цѣловать и любить ее“... Г. Россіевъ большой любитель пѣнія, поэтому онъ угощаетъ имъ насъ обязательно чуть ли не въ каждомъ разсказѣ во всѣхъ видахъ: и solo (какой-то „знакомый“ остритъ: „ну и солоно“!), и дуэтами, и хоромъ. Эта страсть не обходится даромъ, и ей приносятся даже жертвы: въ разсказѣ „Иванъ Саввичъ и Бычекъ“ второй изъ этихъ героев погибаетъ въ разгаръ хороваго торжества отъ зависти, натуги или перепоя, — не разберешь. Въ разговорахъ, пикировкахъ и спорахъ этихъ своихъ героев авторъ старается сохранить „индивидуальный колоритъ“, для чего Бычокъ, напр., къ каждому слову прибавляетъ

„Тшъ, поди вотъ!“; другой не произноситъ буквы р и говоритъ: „ви черлтѣ!“ или „чудеса въ рлѣшетѣ“, третій съсююкаетъ и почему-то придерживается еврейской дикціи. Большинство употребляетъ такія слова, какъ, напр., „индея“ (вмѣсто идея), „пессимизма“ (пессимизмъ) или выраженія вродѣ: „Попомните мое слово, что, какъ зачнуть пороть мужиковъ, и *матеріальность увеличится*, и *подъемъ нравственной пищи*“. Всѣ съсююкаютъ, кривляются, угодничаютъ, пресмыкаются, юродствуютъ и третируются самимъ авторомъ болѣе или менѣе слащаво. И всѣ одинаково неестественны. Нѣтъ, въ персонажахъ г-на Павла Россіева мы рѣшительно не узнаемъ „общихъ“, будто-бы, знакомыхъ и думаемъ, что автору лучше было бы оставить эти знакомства „про себя“.

К. Кузьминскій. А. С. Пушкинъ, его публицистическая и журнальная дѣятельность. Москва 1901.

Хорошая студенческая работа, не вносящая ничего новаго въ характеристику Пушкина, но удачно и основательно отгнѣняющая нѣкоторыя черты его жизни и воззрѣній. И раньше это было въ общихъ чертахъ извѣстно, но здѣсь опредѣляется съ особенной ясностью: поэтъ не переставалъ быть общественнымъ дѣятелемъ и видѣть въ общественной работѣ средоточіе своей дѣятельности. Въ интересномъ „Московскомъ Вѣстникѣ“ его участіе выразилось только стихотвореніями; это еще не была та живая журнальная работа, о которой издавна мечталъ и говорилъ поэтъ. Настоящую и ожесточенную борьбу съ „литературной монополіей“ знаменитаго журнальнаго триумвирата—Греча, Булгарина, Сенковского—онъ повелъ въ „Литературной газетѣ“. Но и этотъ невинный органъ, гдѣ поэтъ въ сущности только готовился развернуть свое публицистическое дарованіе, былъ вскорѣ придурень; поводомъ послужило помѣщеніе стиховъ Казимира Делавина, обращенныхъ къ дѣятелямъ іюльскаго переворота, но настоящей причиной закрытія была именно полемика съ булгаринской „Сѣверной Пчелой“, состоявшей подъ покровительствомъ графа Бенкендорфа. Уже и раньше, когда „Литературная газета“ вскользь замѣтила, что сообщенія въ газетѣ Булгарина ложны, возмущенный шефъ жандармовъ просилъ главнаго начальника цензурнаго вѣдомства сдѣлать внушеніе цензору, пропустившему замѣтку; всесильный патронъ „Сѣверной Пчелы“ объяснилъ при этомъ, что свѣдѣнія въ ней помѣщаются по его „приказанію“ и что „Литературная газета“ своимъ обвиненіемъ подрываетъ правительственный престижъ и тѣмъ нарушаетъ общественное спокойствіе. Главный редакторъ газеты, баронъ Дельвигъ, оставленный „въ сильномъ подозрѣніи“ и потрясенный выговоромъ Бенкендорфа, заболѣлъ и умеръ. „Закрытіе газеты, очевидно, застало Пушкина врасплохъ, такъ какъ въ черновыхъ его тетрадяхъ

найдено много. проектовъ полемическихъ статей, критическихъ опытовъ и пр. Видно, Пушкинъ серьезно готовился къ роли публициста и журнальнаго дѣятеля“.

Затѣмъ начинаются хлопоты о своемъ журналѣ; благонамѣренное прошеніе, гдѣ поэтъ общаетъ „строго соображаться съ рѣшеніями цензора“, оставлено безъ удовлетворенія—и это понятно: Пушкинъ имѣлъ наивность въ просьбѣ къ Бенкендорфу указать на то, что монополія „Сѣверной Пчелы“ вредна. Монополія торжествуетъ, „Булгаринъ и Гречъ не перестаютъ терроризовать русскую литературу“—и поэтъ выступаетъ противъ нихъ въ „Телескопѣ“, въ образѣ Теофилакта Косичкина.

Наконецъ, Пушкинъ, достаточно доказавшій свой официальный патріотизмъ „Бородинской годовщиной“, получаетъ разрѣшеніе издавать газету, и даже политическую,—но онъ отказался навсегда отъ мысли воспользоваться этимъ разрѣшеніемъ. „Онъ видѣлъ, что въ Россіи того времени для него это было совершенно невозможно. Ограничиться ролью журналиста, подобнаго Булгарину, онъ не могъ“. Пришлось удовлетвориться журналомъ—и при томъ чисто литературнымъ. Булгаринъ не замедлилъ откликнуться доносомъ: „Литературный журналъ подъ заглавіемъ „Современникъ“, по мнѣнію дѣятельнаго редактора „Сѣверной Пчелы“, долженъ былъ явиться по направленію продолженіемъ „Литературной газеты“, которая, какъ извѣстно, была прекращена за нежелательное направленіе“. Пушкинъ съ полнымъ достоинствомъ отвѣтилъ, что вполне признаетъ справедливость объявленія, напечатаннаго въ „Сѣверной Пчелѣ“: „Современникъ“ по духу своей критики, по многимъ именамъ сотрудниковъ, въ немъ участвующихъ, по неизмѣнному образу мнѣнія о предметахъ, подлежащихъ его суду, будетъ продолженіемъ „Литературной газеты“. Когда доносъ не удался, полились крокодиловы слезы объ упадкѣ таланта поэта, ставшаго журналистомъ. Съ изданіемъ „Современника“—соболезновалъ Сенковский—Россія лишается великаго поэта, который „добровольно отрекается отъ своего произведенія, и съ священныхъ высотъ Геликона, гдѣ онъ прежде, по счастливому выраженію Проперція, *musarum choris implicuit manus*, постепенно нисходитъ къ нижнимъ областямъ горы, къ литературѣ болѣе и болѣе блѣдной и безплодной“. Сенковский пытается даже отклонить поэта отъ журнальной полемики, „самаго низкаго и отвратительнаго рода прозы, послѣ риемованныхъ пасквилей“. Онъ почелъ бы себя счастливымъ, если бы его слова удержали Пушкина отъ этой постыдной дѣятельности. Приблизительно то-же говорила „Сѣверная пчела“, сожалѣвшая о томъ, что „князь мысли сталъ рабомъ толпы“ и т. п. Бѣлинскій встрѣтилъ „Современникъ“ вполне сочувственно, лишь съ нѣкоторыми сомнѣніями. Но Пушкинъ принималъ незначительное участіе въ своемъ литературномъ трехмѣсячникѣ—быть можетъ, именно потому, что узкая

программа обязывала его оставаться въ тѣсныхъ предѣлахъ литературныхъ вопросовъ. При жизни его „Современникъ“ издавался всего одинъ годъ.

Журнальная дѣятельность—не изъ яркихъ цвѣтковъ въ славѣ Пушкина; но въ ней, и еще больше въ порываніяхъ къ ней выразилось яснѣе то, что оставалось бы сомнительнымъ въ прочей дѣятельности поэта: онъ считалъ себя рожденнымъ именно для житейскихъ тревоженій, и тѣмъ охотнѣе брался за метлу полемики, что зналъ, какъ мало это вредить его великому дарованію. Онъ не сказалъ всего, что хотѣлъ—и, быть можетъ, не только въ поэзіи „унесъ съ собой нѣкоторую великую тайну“. Это характерно для Пушкина. Къ какой бы области его дѣятельности мы ни обратились, онъ всегда оказывается новѣе и многообразнѣе, чѣмъ мы ожидали.

Фогтъ и Кохъ. Исторія нѣмецкой литературы. Пер. приватъ-доцента А. Л. Погодина. Изданіе товарищества „Просвѣщеніе“. Спб. 1901.

Совмѣстный трудъ двухъ бреславльскихъ профессоровъ, не такъ давно вышедшій въ оригиналѣ и уже удостоившійся русскаго перевода, представляетъ собой послѣднее слово историко-литературныхъ изученій въ Германіи и охватываетъ всю исторію нѣмецкой литературы отъ древнѣйшаго мѣна и ритуальнаго хора вплоть до самой животрепещущей современности—послѣднихъ драмъ Гауптмана и Зудермана, послѣднихъ стихотвореній Детлевъ фонъ-Лиліенкрона. Это основательный, полный и прекрасно иллюстрированный компендіумъ, очень пригодный для справокъ и общей оріентировки, не свободный, однако, отъ нѣкоторыхъ недостатковъ, которые мы указывали въ отзывѣ о сжатомъ обзорѣ исторіи нѣмецкой литературы второго изъ авторовъ, и которые въ болѣе обширномъ трудѣ, лежащемъ предъ нами, выступаютъ съ болѣе рѣзкостью. Авторы интересуютъ чисто литературное развитіе, но особенное вниманіе они удѣляютъ элементамъ общественной и политической жизни, особенно росту національнаго сознанія въ нѣмецкомъ народѣ и его литературѣ. Точка зрѣнія авторовъ такова, что русскій переводчикъ нашелъ нужнымъ, по его заявленію, сдѣлать въ послѣдней главѣ нѣсколько „выпусковъ“ (т.-е. пропусковъ). Но хуже того, что возможно было пропустить, оказывается, на нашъ взглядъ, то, чего нельзя было вытравить; дѣло не въ томъ, что нѣсколько мѣстъ въ изложеніи развитія новѣйшей литературы „иногда страдаютъ шовинизмомъ, совершенно чуждымъ русской публикѣ“, а въ томъ, что вся книга отравлена духомъ націонализма, да еще боевого, наступательнаго, полнаго самодовольства и нетерпимости. Это отражается и на подборѣ фактовъ, и на отношеніи къ отдѣльнымъ литературнымъ явленіямъ, и на личныхъ характеристикахъ, и на оцѣнкахъ произведеній. Въ этой обширной

исторіи литературы, гдѣ говорится о всякихъ прошлыхъ и современныхъ второстепенностяхъ, не нашлось мѣста даже для упоминанія К.-Э. Францоа, Захеръ-Мазоха; о Бисмаркѣ говорится: „Политическое краснорѣчіе ни въ германскомъ рейхстагѣ, ни въ отдѣльныхъ ландтагахъ не дало образцовъ, которые могли бы занять мѣсто рядомъ съ англійскими; единственное исключеніе составляютъ богатыя образами и сравненіями рѣчи перваго канцлера имперіи. Сборникъ ихъ представляетъ въ исторіи литературы могучій памятникъ желѣзнаго основателя и вождя имперіи“.

Есть, однако, основаніе думать, что автора прельстили въ рѣчахъ желѣзнаго канцлера не ихъ „образы и сравненія“, но ихъ политическое направленіе; иначе почему даже не упомянуты рѣчи столь блестящихъ ораторовъ, какъ Евг. Рихтеръ и Бебель? О рѣчахъ Лассалля тоже ни звука; онъ названъ только въ качествѣ агитатора и автора неудачной трагедіи. Такихъ примѣровъ множество, и перломъ ихъ, какъ и слѣдовало ожидать, является отношеніе автора къ Гейне, характеристика котораго составлена изъ уклончивыхъ комплиментовъ и дрянныхъ намековъ. Да и вся „молодая Германія“ встрѣчаетъ въ авторѣ, поневолѣ признающемъ ея литературное значеніе, весьма несочувственное отношеніе. „Все важнѣйшее, сдѣланное тѣми или другими членами этой школы, стоитъ въ самой слабой связи, или даже вовсе не стоитъ въ связи съ молодой Германіей, какъ одной цѣльной школой. О тѣсной личной дружбѣ, объ общихъ принципахъ ея членовъ, о всемъ томъ, что такъ сближало дѣятелей второй романтической или швабской школы, не можетъ быть и рѣчи, разъ дѣло заходитъ о Молодой Германіи. Только одна полицейская прижимка, отъ которой равно терпѣли всѣ ея члены, могла подавлять, и то несовершенно и не надолго, постоянную полемику Гейне съ Берне, Лаубе съ Гуцковымъ. Ихъ объединяло только безусловное подчиненіе нѣмецкой литературы французской“. И авторъ сочувственно цитируетъ „искренняго и проникательнаго наблюдателя“, находившаго, что „литературная партія Молодой Германіи имѣла бы гораздо больше правъ на названіе Молодой Франціи“—намекъ, имѣющій рѣшающее значеніе для „патріотическаго“ историка литературы.

Мы указываемъ эти и подобныя вещи не для того, чтобы предостеречь отъ нихъ читателя—онъ и самъ съ ними справится,—но для характеристики книги. Не справедливо было бы однако этимъ ограничивать всю характеристику: книга имѣетъ достоинства, которыя мы указали въ началѣ. Изъ нея можно многое узнать; особенно интересенъ обзоръ новой нѣмецкой литературы, столь популярной на родинѣ и столь мало извѣстной у насъ. Случайно мы упомянули одно имя—лирика Детлева фонъ-Лилиенкрона; такихъ именъ много. Цѣлый рядъ романовъ—напр. „Zwischen Himmel und Erde“ Отто Людвигъ, „Ekkehard“ Шеффеля, „Auch Einer“ Фишера—при всемъ ихъ разнообразіи—принадлежать уже

почти къ классическимъ произведеніямъ нѣмецкой литературы; у насъ о нихъ не имѣютъ понятія. О Гамерлингѣ еще немного знаютъ, его выдающаяся послѣдовательница, авторъ замѣчательной „современной эпопеи“ „Робеспьеръ“, вѣнская поэтесса Марія делле-Граціа едва ли извѣстна даже по имени. Но исторія, конечно, не сборникъ свѣдѣній; важны не столько факты, которые здѣсь сообщаются и о которыхъ можно бы узнать какъ нибудь инымъ путемъ: важна ихъ группировка,—та историческая перспектива, въ которой все получаетъ надлежащее мѣсто. Какъ жаль, что правильность этой перспективы такъ часто нарушаютъ въ этой книгѣ соображенія внѣ-литературныя и внѣ-историческія.

Мы не имѣли возможности сличить переводъ съ оригиналомъ, но многое въ немъ показалось намъ страннымъ. Переводчикъ очень добросовѣстенъ и остороженъ, но нѣмецкій языкъ ему знакомъ меньше, чѣмъ можно было бы ожидать; онъ охотно вноситъ иногда въ обиходъ свою терминологію, не всегда удачную; такъ онъ слишкомъ легко переноситъ къ намъ нѣмецкія слова, каковы напр.: *шпрухъ*, *лейхъ мейстерскія пѣсни*, и даже (нѣсколько разъ) *швенки*, образованные почему-то не отъ единственнаго *Schwank*, а отъ множественнаго *Schwänke*. Не принято у насъ также перемой согласныхъ (т.-е. собственно звуковъ—*Lautverschiebung*) называть *перегласовкой* звуковъ, а слово *прюдность* намъ кажется неологизмомъ, едва ли имѣющимъ надежды на прочное существованіе въ языкѣ. *Ziemlich gut* значить не *чрезвычайно хорошо*, а только *довольно хорошо*; слово *welscher*, значеніе котораго извѣстно переводчику, никакъ нельзя переводить *воломскій*, хотя бы и сопровождая это поясненіемъ—*итальянскій или французскій*; у насъ есть для этого болѣе подходящее названіе *романскій*. Не годится ставить въ ковычки безъ всякаго объясненія непереводимыя нѣмецкія выраженія, притворяясь, что они оттого станутъ понятны: ужъ если переводчикъ не смогъ объяснить, что такое „*Butzenscheibenlyrik*“—такъ остроумно обозвалъ Поль Гейзе новѣйшія воспроизведенія средневѣковыхъ поэтическихъ формъ—то читатель этого, конечно, не пойметъ; дѣло просто: *Butzenscheiben* это стеклянные кружки, характерные для старинныхъ расписныхъ оконъ. *Konterfei*—отъ французскаго *contrefait*—значить *портретъ* и потому „*als ich in Conterfeyhen wardt*“ не годится переводить—*когда я былъ въ Контерфейенъ*; могутъ спросить, что это за мѣсто, а на такой вопросъ переводчику, пожалуй, не удастся отвѣтить. Равнымъ образомъ—въ той же фразѣ Ганса Сакса—„*nach Boetischer art*“ (на современномъ литературномъ языкѣ—*nach poetischer Art*) никакъ нельзя перевести *по манеру Веттишера*: приблизительно это значить просто „поэтически“, „какъ поэтъ“. Намъ кажется, что господинъ Веттишеръ и городъ Контерфейенъ г. Погодина имѣютъ такое же право на непреходящую всероссій-

скую извѣстность, какъ и знаменитые Дойенъ д'Аге покойнаго Краевскаго и Ботшафтеръ г. Гибдича.

Сборникъ статей 1899 — 1900 гг. Александра Новикова.
Слб. 1901.

Въ книгѣ собрано до 50 газетныхъ статей и замѣтокъ, помѣщенныхъ авторомъ за указанные въ заголовкѣ годы въ „Новомъ Времени“, „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, „Россіи“ и можетъ быть другихъ газетахъ. Темы, затрагиваемыя г. Новиковымъ, довольно разнообразны. Наибольшее число статей посвящено имъ деревнѣ, деревенскимъ заработкамъ и дворянству; наряду съ ними читатель встрѣтитъ статьи о народномъ образованіи, по вопросамъ внѣшней политики, о дуэляхъ, о русскомъ языкѣ, о коронныхъ судьяхъ, о желѣзнодорожныхъ магистральныхъ и т. д. Написанныя на очередныя газетныя темы, многія изъ этихъ статей уже утратили интересъ современности. Но и за всѣмъ тѣмъ книга г. Новикова имѣетъ извѣстное значеніе. Важны не мысли, защищаемыя въ книгѣ: онѣ не отличаются ни особою глубиною, ни особою оригинальностью. Подъ часъ самому автору то, что онъ говоритъ, кажется „слишкомъ избитымъ“. Что для деревни нужны хорошія школы и хорошіе законы, что дворянскимъ правамъ должны соответствовать опредѣленные обязанности, что намѣренія правительствъ нерѣдко расходятся съ желаніями народовъ, что практикуемая помѣщиками система отработковъ равносильна кулачеству и т. д.—все это трюизмы, много уже разъ повторявшіеся въ прессѣ. Книга имѣетъ всетаки значеніе показателя: не кабинетнымъ путемъ, а непосредственнымъ знакомствомъ „съ внутренними неофициальными сторонами деревенской жизни“ бывшій земскій начальникъ пришелъ къ горькому убѣжденію, что „нѣтъ того насилія, которое не можетъ быть учинено на рубежѣ двадцатаго вѣка надъ русскимъ крестьяниномъ“. Г-на Новикова, бывшаго предводителя, трудно заподозрить въ предвзятости, когда онъ утверждаетъ, что въ наше время многіе „подъ девизомъ дворянства защищаютъ свои высокія мѣста, свои выгодныя жалованья, свою пользу въ хозяйственныхъ отношеніяхъ съ крестьянами, свои полочки изъ дворянскаго банка за счетъ водки, растлѣвающей крестьянъ“. Утвержденіе, что отработочная система, какъ ростовщическая, разорительна для крестьянъ, пріобрѣтаетъ особую цѣну въ устахъ человека, который „самъ выдаетъ (подъ отработки) ежегодно тысячу пятирублевокъ, приносящихъ ему столько же десятирублевокъ“. Любопытно, что эти ничуть недвусмысленныя мысли высказываются человекомъ, который по основнымъ своимъ воззрѣніямъ продолжаетъ оставаться еще на „томъ берегу“. Последнее обстоятельство нерѣдко дѣлаетъ его непослѣдовательнымъ, что

особенно замѣтно при логикѣ, которая ему свойственна, а его рѣчь фальшивой, что особенно ощутительно при искренности тона, которымъ проникнута книга. Понимая, напимѣрь, какъ мало привилегіи дворянства оправдываются современною ролью его въ государственной жизни, онъ не рѣшается однако отнестись къ этимъ привилегіямъ отрицательно и ограничивается вздохами по бывшему девизу „noblesse oblige“. Настаивая на неотложной необходимости закона для деревни, онъ склоненъ представлять себѣ этотъ законъ въ видѣ „X тома“, а „законы о начальствѣ“ отодвигаетъ на задній планъ. Но кто же будетъ писать и выполнять этотъ X томъ? Не тѣ же ли люди, которые уже зарекомендовали себя „кулачествомъ власти“? Между тѣмъ авторъ не только не задумывается надъ этимъ, но и не замѣчаетъ имъ же самимъ приводимыхъ фактовъ, изъ которыхъ явствуетъ, что источникъ произвола не столько въ отсутствіи закона, сколько въ отсутствіи гарантій его соблюденія. Еще фальшивѣе звучитъ рѣчь автора въ тѣхъ случаяхъ, когда свою, хотя и скромную, но честную программу онъ старается связать съ такими лицами, актами и институтами, которые являлись и являются ея злѣйшими врагами.

Противорѣчіе между основными и прикладными, такъ сказать, убѣжденіями автора опредѣляетъ и позицію его, какъ журналиста, — позицію, хотя, быть можетъ и оригинальную, но безусловно фальшивую. Выступая уже не первый годъ въ качествѣ публициста, г. Новиковъ продолжаетъ держать себя въ прессѣ, какъ случайный гость, желающій высказаться въ незнакомомъ обществѣ и какъ бы не знающій, что говорить и будутъ говорить по тому же вопросу другіе въ той же компаніи. Происходитъ это, конечно, не изъ-за наивности... Для человѣка, который извѣстную ему правду общаетъ отстаивать до гробовой доски, такая позиція едва ли удобна. Едва ли удобно, напимѣрь, бороться съ произволомъ въ органѣ, въ которомъ г. Сигма воспѣваетъ этому произволу гимны. Эти неудобства уже испытаны г. Новиковымъ. Со многими лицами, съ которыми онъ начиналъ бесѣду, какъ съ единомышленниками по основнымъ вопросамъ, ему уже пришлось придти въ столкновение изъ-за постулатовъ, къ которымъ привела его жизнь, а съ нѣкоторыми, какъ, напимѣрь, съ г. Бодиско изъ „Московскихъ Вѣдомостей“ или съ г. Мещерскимъ изъ „Гражданина“ — начатую полемику онъ вынужденъ былъ закончить формальнымъ разрывомъ. Рано или поздно г. Новикову придется точнѣе опредѣлить свое мѣсто въ журналистикѣ и, конечно, лучше если онъ это сдѣлаетъ сознательно, а не подъ давленіемъ лишь обстоятельствъ.

Дѣйствія Нижегородской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи.—Сборникъ статей, сообщеній, описей и документовъ. Томъ IV. Нижній-Новгородъ. 1900.

Изъ нашихъ губернскихъ архивныхъ коммиссій пока лишь немногія успѣли придать сколько-нибудь широкую постановку порученному имъ дѣлу и, не ограничиваясь собираніемъ и храненіемъ историческихъ матеріаловъ, перешли къ болѣе или менѣе систематическому изслѣдованію и изданію ихъ. Въ ряду такихъ коммиссій Нижегородская занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Съ 1895 года она выработала для своихъ изданій опредѣленную программу и въ настоящее время передъ нами уже третій (по общему счету—четвертый) томъ „Сборника“, выходящаго по этой программѣ и заключающаго въ себѣ статьи и изслѣдованія историческаго и археологическаго характера, описи архивовъ, матеріалы и, наконецъ, указатели къ ранѣе вышедшимъ изданіямъ. Изъ семи статей, помѣщенныхъ въ настоящемъ томѣ „Сборника“, нѣкоторыя имѣютъ серьезный историческій интересъ. Такова, прежде всего, статья г. Звѣздина: „Нижегородскій секретный совѣщательный комитетъ по дѣламъ о раскольникахъ и его дѣятельность“. Подобные комитеты основывались въ наиболѣе зараженныхъ расколомъ губерніяхъ въ силу высочайшаго повелѣнія отъ 3 ноября 1838 г. и, состоя изъ мѣстнаго архіерея, губернатора, вице-губернатора, предсѣдателя палаты государственныхъ имуществъ, управляющаго удѣльной конторой и жандармскаго штабъ-офицера, носили совѣщательный характеръ, имѣя своею цѣлью внесеніе единства въ распоряженія о раскольникахъ. Согласно высочайшему повелѣнію отъ 9 марта 1840 г. губернаторамъ предоставлялось всѣ слѣдствія по раскольническимъ дѣламъ до передачи ихъ въ судебныя мѣста представлять на разсмотрѣніе этихъ комитетовъ. Послѣдніе „должны были давать дальнѣйшее движеніе судебнымъ порядкомъ только тѣмъ слѣдствіямъ, по коимъ обнаружено явное нарушеніе существующихъ законовъ, сопровождаемое вредными послѣдствіями; тѣ же слѣдствія, къ коимъ привлечены одни лишь давнишніе раскольники и такіе, кои не замѣчены и не изобличены ни въ какихъ противозаконныхъ дѣйствіяхъ, ни въ совращеніи православныхъ, ни даже въ публичномъ отпращиваніи богослуженія и другихъ требъ, и вообще всѣ случаи, подходящіе подъ правила терпимости, и доносы, ведущіе къ обремененію дѣлопроизводствомъ присутственныхъ мѣстъ и стѣсненію прикосновенныхъ людей безъ важныхъ послѣдствій, сами бы собою прекращали, не представляя въ министерство внутреннихъ дѣлъ“. Въ Нижнемъ Новгородѣ такой комитетъ былъ основанъ въ 1851 г. и просуществовалъ, повидимому, до 1869 г., при чемъ, однако, сколько-нибудь энергичную дѣятельность онъ проявилъ лишь въ теченіе первыхъ девяти лѣтъ своего существованія. Посвященная изслѣ-

дованію этой дѣятельности статья г. Звѣздина, вмѣстѣ съ напечатанною имъ же во второмъ отдѣлѣ „Сборника“ обстоятельною описью журналовъ комитета, содержитъ въ себѣ не мало любопытныхъ данныхъ для характеристики, какъ взглядовъ правительства и администраціи въ половинѣ XIX вѣка на расколъ, такъ отчасти и быта самого раскола этой поры. Между прочимъ, и историки нашей литературы найдутъ для себя въ статьѣ г. Звѣздина небезынтересный матеріалъ, касающійся В. И. Даля. Послѣдній былъ въ 50-хъ годахъ управляющимъ удѣльной конторой въ Нижегородской губерніи и, въ качествѣ члена названнаго комитета, высказывалъ въ немъ порою довольно суровыя по отношенію къ раскольникамъ мнѣнія. Другія статьи „Сборника“ носятъ болѣе спеціальный характеръ. Въ небольшой замѣткѣ г. Савельева: „Три проекта объ улучшеніи быта крѣпостныхъ крестьянъ въ Нижегородскомъ уѣздѣ“ излагается содержаніе проектовъ, представленныхъ тремя нижегородскими помѣщиками уѣздному предводителю дворянства въ 1858 г. и ярко обрисовывающихъ взглядъ мѣстнаго дворянства въ моментъ, непосредственно предшествовавшій реформѣ. Даже въ наиболѣе благопріятномъ для крестьянъ проектѣ проводится та мысль, что „обязательный надѣлъ земли долженъ быть весьма умѣренный и рассчитанный на силы слабаго крестьянина, единственно какъ средство привязать его къ мѣстности“, такъ какъ „сильный и денежный всегда имѣютъ возможность нанять за ту же цѣну у помѣщика“ (14). Авторы же двухъ другихъ проектовъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ стремились къ сохраненію всего существа крѣпостнаго права, вплоть до права помѣщика сдавать крестьянъ въ рекруты и ссылатъ въ другія губерніи. Въ свое время нижегородскій губернаторъ, А. Н. Муравьевъ, упрекалъ большинство мѣстнаго губернскаго комитета въ томъ, что „комитетскими положеніемъ крѣпостное право уничтожается лишь въ актахъ и оставляется со всѣми своими послѣдствіями на дѣлѣ“. Разборъ названныхъ проектовъ приводитъ г. Савельева къ справедливому заключенію, что „этотъ горькій упрекъ долженъ относиться не къ одному комитету въ лицѣ большинства его членовъ, но и къ дворянамъ, въ комитетѣ не участвовавшимъ“ (21). Замѣтка г. Смирнова („О подложномъ фабрикантѣ Пушкиновѣ“) содержитъ въ себѣ частную, но не лишенную интереса иллюстрацію одного изъ любопытныхъ моментовъ въ исторіи русской фабрики XVIII столѣтія. Значительныя привилегіи, дарованныя фабрикантамъ Петромъ I, вызвали, между прочимъ, появленіе т. н. „подложныхъ“ фабрикантовъ, заводившихъ фиктивные фабрики ради пользованія соединенными съ ними льготами. Въ своей замѣткѣ г. Смирновъ и рассказываетъ на основаніи архивныхъ документовъ исторію одного изъ такихъ подложныхъ фабрикантовъ второй четверти XVIII вѣка въ Ниж-

немъ Новгородѣ. Остальныя статьи въ „Сборникѣ“ имѣютъ либо узко-спеціальный, либо чисто мѣстный интересъ. Такова посвященная вопросамъ церковной археологіи статья свящ. Добровольскаго о „Чиовникѣ“ Нижегородскаго Спасскаго кафедральнаго собора, таковы же замѣтки г. Мельникова по исторіи окрестностей Н. Новгорода и г. Агафонова — „Къ біографіи В. А. Сбоева“, бывшаго въ 40-хъ годахъ профессоромъ казанскаго университета. Сюда же, наконецъ, приходится отнести и статью г. Звѣздина о родовомъ имѣніи А. С. Пушкина въ Нижегородской губерніи и о пребываніи въ немъ поэта въ 30-хъ годахъ, не вносящую ничего новаго въ біографію Пушкина.

Во второмъ отдѣлѣ „Сборника“, кромѣ упомянутой уже описи журналовъ секретнаго комитета по дѣламъ о раскольникахъ, помѣщены еще три описи архивныхъ дѣлъ XVIII вѣка. Изъ нихъ особенно цѣнною является напечатанная г. Снѣжневскимъ опись журналамъ нижегородскаго намѣстническаго правленія за 1784—1787 гг., заключающая въ себѣ большое количество самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній о провинціальной жизни этой эпохи. Двѣ другія описи трактуютъ о дѣлахъ, имѣющихъ специальное отношеніе къ городскому быту. Г. Мельниковъ напечаталъ опись дѣлъ арзамасскаго городского магистрата 1789—90 гг. о выборахъ на общественныя должности, В. Г. Короленко — продолженіе составленной имъ и начатой печатаніемъ еще въ предыдущемъ томѣ „Сборника“ описи дѣлъ балахнинскаго магистрата. Эта послѣдняя опись составлена съ рѣдкою обстоятельностью, доходящей до того, что описаніе документовъ и дѣлъ подчасъ смѣняется въ ней изслѣдованіемъ ихъ. Если такой пріемъ и трудно вообще рекомендовать при составленіи архивныхъ описей, то въ отдѣльных случаяхъ онъ можетъ все же имѣть въ умѣлыхъ рукахъ большую цѣну, и на этотъ разъ мы имѣемъ дѣло именно съ такимъ случаемъ. Минувя третій отдѣлъ „Сборника“, въ которомъ помѣщено нѣсколько не представляющихъ большого значенія документовъ XVII, XVIII и XIX вв., отмѣтимъ еще двѣ бібліографическія работы, составляющія четвертый его отдѣлъ: это, именно, — составленный В. И. Снѣжневскимъ алфавитный указатель (именной и предметный) къ первымъ 15 выпускамъ „Дѣйствій Нижегородской архивной комиссіи“ и небольшой посмертный трудъ покойнаго А. С. Гацискаго: „Нижегородское содержаніе Древней Россійской Вивліюэки“. Какъ видно уже и изъ этого, по необходимости бѣлаго обзора, настоящій томъ „Сборника“ Нижегородской комиссіи можетъ рассчитывать на вниманіе къ себѣ не только со стороны лицъ, интересующихся исторіей нижегородскаго края.

С. Ф. Либровичъ. Царь въ плѣну. Спб. 1901.

Г. Либровичъ задался цѣлью собрать имѣющіяся въ исторической литературѣ свѣдѣнія о пребываніи въ польскомъ плѣну царя Василя Шуйскаго. Какъ извѣстно, Шуйскій послѣ своего низложенія и постриженія въ монашество былъ выданъ московскими боярами гетману Жолкѣвскому и отвезенъ въ Польшу, гдѣ и умеръ. Тѣло его было похоронено сперва въ мѣстѣ его заключенія—Гостынскомъ замкѣ, потомъ перенесено въ Варшаву, а въ 1635 г. по просьбѣ царя Михаила Федоровича отослано Владиславомъ VI въ Москву. Позднѣе, въ 1647 г., въ Москву отослана была и надгробная плита, положенная кор. Сигизмундомъ III въ варшавской усыпальницѣ Шуйскаго, а въ 1703 г. Петръ В. увезъ изъ Варшавы и картину художника Долабелла, изображавшую представленіе Шуйскаго Сигизмунду. Наконецъ, въ наши дни на мѣстѣ бывшей усыпальницы Шуйскаго въ Варшавѣ построено зданіе первой гимназіи и при немъ православная церковь, при чемъ самая усыпальница осталась, однако, въ нереставрированномъ видѣ. Пересказъ этихъ фактовъ и составляетъ содержаніе книги г. Либровича. Нѣсколько труднѣе опредѣлить то значеніе, которое она можетъ имѣть въ литературѣ. Она не представляетъ собою самостоятельнаго изслѣдованія, и самъ авторъ оговаривается, что онъ „не имѣлъ въ виду составить ученую монографію“. Говоря его словами, онъ хотѣлъ лишь „очертить въ популярной формѣ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ эпизодовъ смутнаго времени“. Но именно съ этой точки зрѣнія его книга едва-ли имѣетъ большую цѣну. Прежде всего нельзя назвать удачнымъ уже самый выборъ трактующей въ ней темы для популярнаго очерка. Пребываніе Василя Шуйскаго въ польскомъ плѣну было лишь небольшимъ и въ значительной мѣрѣ случайнымъ звеномъ въ длинной цѣпи событій смутнаго времени и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названо „однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ эпизодовъ“ этой эпохи. Въ сущности, это обстоятельство отмѣчаетъ и самъ г. Либровичъ, указывая на то, что Шуйскій былъ низложенъ совершенно независимо отъ Польши и въ моментъ своего плѣненія былъ уже не царемъ, а простымъ монахомъ. Если бы авторъ сколько-нибудь послѣдовательно развилъ эту мысль, онъ неизбѣжно пришелъ бы къ выводу о сравнительно небольшомъ значеніи самаго факта плѣна Шуйскаго. Взамѣнъ того, онъ увлекся чисто виѣшнимъ эффектомъ картины „царя въ плѣну“ и сошелъ съ указаннаго ему научной литературой правильнаго пути. Между тѣмъ и данныя, какими мы располагаемъ для возстановленія этой, не совсѣмъ точно озаглавленной г. Либровичемъ, картины, крайне скудны и носятъ скорѣе археологическій, чѣмъ историческій характеръ. Въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ, гдѣ былъ заключенъ и похороненъ Шуйскій, какую плиту надъ нимъ положили и куда ее отослали, но намъ совершенно неизвѣстно, какъ онъ жилъ въ Польшѣ.

Г. Либровичъ не сумѣлъ чѣмъ-либо восполнить этотъ недостатокъ прямыхъ источниковъ и оживить мертвенность изображаемой имъ картины. Его изложеніе, не свободное отъ попытокъ риторическаго краснорѣчія, вмѣстѣ съ тѣмъ безжизненно и сухо, какъ и передаваемыя въ немъ свѣдѣнія официальныхъ источниковъ. Правда, авторъ пытается еще увеличить интересъ этихъ свѣдѣній своими общими разсужденіями, но послѣднія сводятся исключительно къ банальнымъ замѣчаніямъ о характерахъ Шуйскаго и Сигизмунда III и къ произвольнымъ и мало любопытнымъ гипотезамъ о томъ, что было бы, если бы Сигизмундъ отпустилъ своего сына на московское царство. Въ концѣ концовъ самую цѣнную, пожалуй, часть въ книгѣ г. Либровича являютсѣ приложенныя къ ней рисунки, имѣющіе отношеніе къ Шуйскому и его эпохѣ. Такихъ рисунковъ въ книгѣ сорокъ и исполнены они довольно хорошо. Нельзя не замѣтить только, что и въ ихъ выборѣ ярко сказался дилетантизмъ автора. Наряду съ воспроизведеніемъ старыхъ портретовъ Шуйскаго и его современниковъ, снимками съ медалей и гравюръ XVII вѣка и т. п., г. Либровичъ счелъ нужнымъ воспроизвести и фантастическія картины современныхъ намъ художниковъ, вплоть до рисунковъ „Нивы“. Если это и дѣлаетъ его коллекцію болѣе полной, то во всякомъ случаѣ не увеличиваетъ ея достоинства.

Д-ръ Габерландтъ — Народовѣдѣніе. Переводъ съ нѣмецкаго. Э. Гюнсбурга, съ 192 рисунками. С.-Петербургъ. Изданіе В. И. Губинскаго, — 1901.

Сознаемся—мы не могли прочесть этой книги, хотя въ ней всего 126 страницъ. Нѣмецкаго подлинника этого сочиненія Габерландта мы не читали, а переводъ на столько плохъ, что по нему невозможно составить себѣ понятія о книгѣ.

По наружному осмотру это одинъ изъ краткихъ, популярныхъ компендіумовъ народовѣдѣнія, вродѣ книжки Шурца, вышедшей въ 1895 году въ хорошемъ переводѣ Д. Корочевскаго. Подобныя книжки, по своей дешевизнѣ и краткости, никогда не лишнія и въ болѣе богатой литературѣ, чѣмъ наша, но въ такомъ видѣ, въ какомъ выпущена разбираемая нами книжка, ею пользоваться нельзя.

Переводчикъ плохо владѣетъ обоими языками, путаетъ термины и прямо таки перевираетъ ихъ. И не читавши подлинника, нельзя предполагать, чтобы вѣнскій антропологъ, авторъ многихъ специальныхъ работъ въ этой отрасли, могъ сказать, что головной указатель представляетъ собою отношеніе между длиною и высотой черепа. Никто не видывалъ еще въ русской литературѣ термина „млекопитающіеся“, и ни нѣмецкое *Säugethiere*, ни латинское *mammalia* такъ не переводилъ никто. Различіе между терми-

нами „культура“ и „цивилизіція“ совершенно неизвѣстно переводчику, и онъ замѣняетъ одно слово другимъ какъ разъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ подобная замѣна крайне неудобна. Возьмемъ хоть бы примѣръ на стр. 5, гдѣ рѣчь идетъ о законѣ постепеннаго развитія человѣчества и о томъ, что развитіе это шло не одинаково у различныхъ народовъ, при чемъ одни достигли высшихъ ступеней культуры, другіе остановились на первоначальныхъ ея стадіяхъ: „Дѣйствительно, мы можемъ установить поразительное совпаденіе древнѣйшихъ условій быта нашихъ культурныхъ народовъ съ цивилизаціей современныхъ народовъ, живущихъ въ первобытномъ состояніи“.... Всякій, знакомый съ значеніемъ словъ культура и цивилизація, непременно переставилъ бы подчеркнутыя слова; но нашъ переводчикъ, не зная русскаго языка и общепринятыхъ терминовъ, не стѣсняется создавать свои: „Въ своей прогулкѣ по землѣ, народовѣдніе встрѣчаетъ народы на самыхъ различныхъ ступеняхъ культуры. Отъ наименѣ развитыхъ *народныхъ* формъ дикихъ лѣсныхъ веддъ *) на Цейлонѣ, оно поднимается до великихъ культурныхъ націй Европы“ и т. д. (стр. 4). Народныя формы,—изобрѣтеніе переводчика: до сихъ поръ говорили о *бытовыхъ* формахъ, культурныхъ формахъ.

На стр. 3 читаемъ: „этотъ первый періодъ народовѣднія прошелъ, въ этой борьбѣ за вновь открытыя области, въ кровавыхъ завоеваніяхъ и ужасающихъ опустошеніяхъ“.—Вѣдь народовѣдніе наука, она ни съ кѣмъ не дралась и не воевала. Чего добраго, г. переводчикъ и экзекуція графа Вальдерзее поставить на счетъ народовѣднію.—Вотъ тоже хорошая фраза: „необходимо было обнять взоромъ весь населенный земной шаръ, что достигнуто лишь въ послѣднія десятилѣтія почти въ полной мѣрѣ — прежде чѣмъ описательное народовѣдніе не получило возможности изобразить пеструю народную жизнь земли и ея многоступенную культурную лѣстницу“ (стр. 3).

Глава о собственности и правѣ начинается слѣдующими словами: „народовѣдніе обнаруживаетъ, начиная съ первоначальной жизненной ступени, вверхъ своеобразное, двойное поведеніе людей въ нравственномъ отношеніи“. „Между собою, въ менѣе или болѣе обширномъ сообществѣ, къ которому они принадлежатъ и которому обязаны, это другіе люди, чѣмъ вѣтъ этого общества, въ сношеніяхъ съ чужеродцами и съ бѣлыми“ (стр. 44). На той-же 44 стр. узнаемъ: „неправо (новое слово вмѣсто несправедливость) внутри племени ведетъ къ развитію суда, формою мщенія между иноплемениками является *кровавое междоусобіе*“.

О языкѣ (стр. 50): „языкъ (т. е. даръ слова) присущъ всему человѣчеству, на сколько мы можемъ прослѣдить развитіе послѣдняго. Глубочайшіе корни его не доступны нашимъ *предположеніямъ*“;

*) *Ведды*—лѣсной народъ внутренняго Цейлона.

въ лучшемъ случаѣ они (должно быть корни, а не предположенія, а впрочемъ, не знаемъ?) открываются для нашихъ чувствованій при внимательномъ наблюденіи надъ жизнью животныхъ, напр., человекообразныхъ обезьянъ".—Даже подписи подъ рисунками (очень плохими, къ слову сказать) безтолковы: напр., между типами разныхъ народовъ мы открываемъ „змѣйнаго индѣйца“, „лошадинаго тунгуса“...

Духоборцы и молокане въ Закавказьѣ. Шиты въ Карабахѣ. Батчи и опиумоды въ Средней Азіи. Оберъ-Амергау въ горахъ Баваріи. **Разсказы художника В. В. Верещагина**—съ рисунками. Москва. 1900 г.

Настоящіе „разсказы“ художника В. В. Верещагина по своимъ литературнымъ достоинствамъ нисколько не превышаютъ изданныхъ имъ раньше „Листковъ изъ записной книжки“, о которыхъ въ свое время былъ данъ отзывъ на страницахъ „Русскаго Богатства“ *). Мы недоумѣваемъ, почему на этотъ разъ художникъ Верещагинъ назвалъ *разсказами* свои дорожные черновые, случайные, отрывочные и мимолетные наброски развлекающагося туриста, заблуждающаго, между прочимъ, и въ Закавказье, и въ Среднюю Азію, и въ Баварскія горы. Новые „разсказы“ нашего знаменитаго художника опять таки все тѣ-же разрозненные „листки изъ записной книжки“, заполненной безъ особаго выбора фактовъ торопливой рукой досужаго автора, у котораго было слишкомъ много разнообразныхъ путевыхъ впечатлѣній и вовсе не было ни охоты, ни, пожалуй, умѣнья вдуматься поглубже въ смыслъ изображаемаго и придать случайнымъ наброскамъ настоящую литературную обработку. Отмѣтимъ нѣкоторыя частныя особенности разсматриваемыхъ „разсказовъ“. Сообщая черты изъ жизни русскихъ сектантовъ или „сектаторовъ“, какъ называетъ ихъ авторъ, г. Верещагинъ все время держится какого-то высокомерно-презрительнаго тона, который производитъ довольно непріятное впечатлѣніе. О духоборахъ г. Верещагинъ рассказываетъ, что они корыстны, что на собраніяхъ „мужчины становятся съ одной стороны, а женщины съ другой“ (9 стр.), что только „запѣвалы слѣдятъ за словами псалмовъ, а остальные вторятъ во-емъ“ (11 стр.) и что псалмы духоборовъ „неудобны къ печати“. Столь же суровъ отзывъ нашего автора о молоканахъ, которые, будто бы, очень кляузны и употребляютъ втихомолку табакъ и водку.—Извѣстную секту „прыгуновъ“ г. Верещагинъ также почему-то причисляетъ къ молоканамъ. Очень характерно для авторской манеры художника Верещагина нижеслѣдующее мѣсто изъ описанія бѣднѣя прыгуновъ: „...„Дѣтина мой,—пишетъ авторъ на стр. 34,—не только не упалъ, но еще началъ выкидывать

*) См. «Рус. Бог.» 1899 г. № 1-й.

ногами и всѣмъ тѣломъ разные фокусы. Скоро все собраніе заходило,—стонъ пошелъ по хатѣ: скаканье, топанье, вавизгиванье бабъ, руками всѣ размахиваютъ, лица пресвирѣпыя. Я сжался въ уголокъ (sic), просто страшно сдѣлалось, кажется, вотъ-вотъ сейчасъ пришибутъ... Наконецъ, какой-то расходившійся сшибъ кулакомъ свѣчу со стола, въ избѣ сдѣлалось темно... впрочемъ, огонь показался сейчасъ же“.

Присутствуя неоднократно среди сектантовъ и даже бесѣдуя съ ними, авторъ, казалось бы, долженъ хорошо ознакомиться съ воеобразными чертами ихъ быта, но этого знакомства не видно изъ „разсказовъ“ г. Верещагина. Вообще — ничего, кромѣ чертъ, всѣмъ давно извѣстныхъ и чисто внѣшнихъ, г. Верещагинъ подмѣтить не успѣлъ. И до него мы знали, что прыгуны прыгаютъ, на моленіяхъ молоканъ и духоборовъ поютъ гимны, и т. д. — и по прочтеніи его книги ничего новаго мы не узнали... Впрочемъ, быть можетъ, отчасти виновато здѣсь и то незавидное положеніе, въ которомъ очутился нашъ авторъ среди сектантовъ. „Послѣдніе (духоборы) такъ, кажется, и остались увѣрены, пишетъ онъ, что мое пребываніе у нихъ имѣло цѣлью тайные розыски и въ перспективѣ—ссылку на Амур“.

Жаль, что авторъ не сумѣлъ вывести ихъ изъ этой печальной увѣренности. Съ внѣшней стороны книжка г. Верещагина издана вполне удовлетворительно, а рисунки самого автора служатъ, разумѣется, ея главнымъ украшеніемъ.

П. Г. Мижувъ. Образование во Франціи. Низшее, среднее и высшее. С. Петербургъ 1901 г.

Въ послѣднюю четверть минувшаго столѣтія Франція, какъ извѣстно, сдѣлала значительные успѣхи въ дѣлѣ народнаго образованія, въ особенности же начальнаго. Г. Мижувъ весьма обстоятельно знакомитъ насъ съ историческимъ ходомъ школьнаго прогресса во Франціи и сообщаетъ не мало интересныхъ подробностей изъ жизни французской школы, которыя могутъ быть поучительны также и для насъ. Трудъ г. Мижуева интересенъ въ особенности потому, что авторъ не ограничивается изображеніемъ современнаго состоянія французской школы, а знакомитъ своихъ читателей съ тѣмъ длиннымъ путемъ, который привелъ эту школу къ ея настоящему положенію.

Въ періодъ до-революціонный начальныя французскія школы представляли зрѣлище довольно таки печальное. Онѣ наполовину принадлежали духовенству, и всякій встрѣчный могъ занимать въ нихъ учительское мѣсто: стоило только выдержать чрезвычайно простое испытаніе у лица, назначеннаго для этого епископомъ въ каждой епархіи. Только съ тѣхъ поръ, когда эти примитивныя школы были снесены бурнымъ потокомъ революціи, начальное

образование во Франціи пошло впередъ гигантскими шагами. И если среднія французскія школы еще и понинѣ не освободились изъ подъ вліянія клерикализма, то низшія совершенно свободны отъ этого вліянія.

Еще въ 1882 г. въ основу организаціи низшихъ французскихъ школъ вошли три основные принципа, господствующіе и понинѣ: *бесплатность* обученія, *обязательность* и—какъ выражается г. Мижуевъ—*свѣтскость* начальныхъ школъ, т. е. отсутствіе въ школахъ преподаванія Закона Божія, подобно тому, какъ это дѣлается въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.

Въ качествѣ показателя отличнаго состоянія низшаго образованія во Франціи, можетъ служить число учительскихъ семинарій, которыхъ авторъ насчитываетъ тамъ 200 слишкомъ на населеніе, не достигающее 40 милліоновъ. Для соблюденія такой же точно пропорціи на наше 130-милліонное населеніе *потребовалось бы 600 учительскихъ семинарій, тогда какъ у насъ ихъ имѣется на лицо всего 60.*—Меньшими подробностями отличаются очерки г. Мижуева, посвященные развитію средняго и высшаго образованія во Франціи, но все же и они вполне обстоятельны и содержатъ много статистическаго матеріала, представленнаго, правда, въ сыромъ видѣ. Знакомить насъ авторъ также и со спеціальными учебными заведеніями Франціи. Изъ всего сказаннаго видно, что трудъ г. Мижуева заслуживаетъ полнаго вниманія и выходитъ какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ вопросы воспитанія и обученія стали очередными вопросами нашего времени.

Вполнѣ доступная цѣна (1 рубль), несомнѣнно, поможетъ широкому распространенію этого полезнаго изданія.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя комиссія по приобретенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Помощь евреямъ, пострадавшимъ отъ неурожая. Литературно-художественный сборникъ. Петерб. 1901. Ц. 3 р. 50 к.

Карлинъ. Декари. Изъ жизни обитателей Одесскаго порта. Изд. Г. В. Свиштунова Одесса. 1901. Ц. 35 к.

В. Янчевскій. Записки пѣшехода. Ревель. 1901.

Ө. Павловъ. За десять лѣтъ прак-

тики (Отрывки воспоминаній, впечатлѣній и наблюденій изъ фабричной жизни). Изд. С. Дороватова и А. Чарушникова. Москва. 1901. Ц. 50 к.

А. С. Ловенгардтъ. Въ осенней мглѣ. Очерки и рассказы. Одесса. 1901. Ц. 50 к.

Къ свѣту! Сборникъ статей сваяц. **Г. Петрова.** Москва. 1901. Ц. 20 к.

Н. Доманинъ. Изъ жизни муж-
чинъ. Москва. 1901. Ц. 50 к.

Божьи дѣтя. Сборникъ. Составилъ
Ч. Витринскій. Изд. С. Дорова-
товскаго и А. Чарушникова. Москва.
1901. Ц. 7 к.

Вл. Гольденбергъ. Слишкомъ
поздно и др. рассказы. Кіевъ. 1901.
Ц. 1 р.

Чему быть—того не миновать и др.
рассказы. **К. Б. —скаго.** Изд. А. Л.
Трунова. Петерб. 1901. Ц. 80 к.

Оповідання про життя кобзаря.
Ол. Букулевскаго. Кіевъ. 1901. Ц.
2 к.

Е. Воскресенскій. Забѣтки о
преподаваніи русскаго языка въ на-
чальной школѣ. Изд. К. И. Тихомиро-
ва. Москва. 1901. Ц. 35 к.

Новѣйшіе иностранные писатели. Се-
рія I, вып. II. Петерб. 1901. Цѣна се-
ріи (10 вып.) 2 р.

Georges Pellissier. Le mouvement
littéraire contemporain. Paris. 1901.

М. Чайковскій. Жизнь Петра
Ильича Чайковскаго. Вып. VII. Мо-
сква. 1901. Ц. 40 к.

Болтонъ Кингъ. Исторія объ-
единенія Італіи. Т. I. Изд. С. Скир-
мунта. Москва. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

А. О. Тетюсъ. Исторія бурскаго
народа. Ташкентъ. 1901. Ц. 1 р. 35 к.

А. Бѣнлей. Жизнь и ея дѣти. Изд.
М. и С. Сабашиниковыхъ. Москва. 1901.
Ц. 2 р.

І. Нусбаумъ. Основы біологін.
Изд. А. Ю. Маноцковой. Москва. 1901.
Ц. 80 к.

В. Вартаньянцъ. Антропологиче-
ская философія. II. Миртовъ и
субъективный методъ въ социологін.
Тифлисъ. 1901. Ц. 25 к.

А. Богдановъ. Познаніе съ исто-
рической точки зрѣнія. Петерб. 1901.
Ц. 1 р.

Фридрихъ Гюдль. Давидъ Юмъ,
его жизнь и философія. Изд. А. Ю.
Маноцковой. Москва. 1901. Ц. 1 р.
20 к.

В. Д. Батковъ. Наука и филосо-
фія права. Берлинъ. 1901. Ц. 1 р.
50 к.

Талмудъ. Мишна и Тосефта. Кри-
тич. перев. **Н. Переферковича.**
Томъ III. Изд. П. П. Сойкина. Петерб.
1901. Ц. 2 р. 50 к.

Д-ръ Л. Штейнъ. Къ аграрному
вопросу. Изд. А. Ю. Маноцковой. Мо-
сква. 1901. Ц. 75 к.

Кв. Г. М. Тужановъ. Земельные
вопросы и преступность на Кавказѣ.
Петербург. 1901. Ц. 60 к.

М. Н. Волинскій. Всесословная
волость, какъ судебно-административ-
ная и земская единица. Петерб. 1901.
Ц. 75 к.

А. А. Зубрилинъ. Способы улуч-
шенія крестьянскаго хозяйства въ не-
черноземной полосѣ. Изд. И. И. Гор-
бунова-Посадова. Москва. 1901. Ц. 1 р.
10 к.

Ив. Котляревскій. Кредитныя
товарищества. Петерб. 1901. Ц. 15 к.

В. В. Усовъ. Культура болотъ,
луговодство и полевое хозяйство. Пе-
терб. 1901. Ц. 1 р.

Труды опытныхъ лѣсничествъ. Изд.
лѣсного департ. м-ва земледѣлія и го-
суд. имущ. Петерб. 1901.

М. Г. Вланкъ. Сахарная норми-
ровка и вывозная премія. Петерб. 1901.

Б. И. Воротынский. Исторія въ
наукѣ и въ жизни. Казань. 1901. Ц.
35 к.

Ив. Кондорскій. О значеніи пси-
хическихъ факторовъ въ дѣлѣ возник-
новенія и теченія болѣзней. Курскъ.
1901. Ц. 15 к.

Вричъ Н. Тезяновъ. Бесѣды по
гигиенѣ въ примѣненіи ея къ народной
школѣ. Воронежъ. 1901. Ц. 50 к.

В. Размановъ. Физические способы
лѣченія. Москва. 1901. Ц. 75 к.

Ясли-пріюты для дѣтей въ дерев-
няхъ. **А. И. Шингарева.** Воронежъ.
1901. Ц. 5 к.

Тридцатилѣтіе дѣятельности Черни-
говскаго городского общ. управленія
1870—1901. Черниговъ. 1901.

Отчетъ семейно-педагогическаго
кружка въ г. Казани. Казань. 1901.

Отчетъ 1-ой бесплатной Виленской
читальни-библіотеки за 1900 г. Вильна.
1901.

Отчетъ о дѣятельности комиссіи по
устройству народныхъ чтеній въ Ека-
теринославѣ за 1900 г. Екатеринославъ.
1901.

Отчетъ Нижегородской городской
общ. бібліотеки за 1900 г. Нижній-
Новгородъ. 1901.

А. Е. Аленторовъ. Указатель.
книгъ журнальныхъ и газетныхъ ста-
тей и замѣтокъ о киргизахъ. Казань.
1900. Ц. 6 р. 15 к.

Карманный «Весь Петербургъ». Изд.
О. С. Гюдко. Петерб. 1901. Ц. 20 к.

Наша текущая жизнь.

«Миръ Божій», май и іюнь. — «Вѣстникъ Европы», май и іюнь. — «Русская Мысль», апрѣль, май и іюнь. — «Жизнь», апрѣль (Новая философія гг. Струве и Бердяева, или метафизика противъ эволюціоннаго позитивизма. — Г. Милюковъ о реформѣ Петра и русскомъ дворянствѣ. — Низкія истины г. Вересаева и возвышающій обманъ его коллегъ. — «Спиритуалистическій» романъ г. Альбова. — «Семья Варавинныхъ», или борьба либеральныхъ отцовъ и авторитарныхъ дѣтей. — Разгромъ «Жестокихъ» г. Боборыкинымъ. — Проза и поэзія г. Горькаго. — До пріятнаго разговора, князь!).

Позволю себѣ начать съ конца, т. е. изъ двухъ лежащихъ сейчасъ предо мной книжекъ „Мира Божія“, майской и іюньской, остановлюсь прежде всего на послѣдней. Меня очень заинтересовали въ ней двѣ родственныя по духу статьи выдающихся представителей нашего „критическаго“ марксизма: это, съ одной стороны, разсужденія „На разные темы“ г. Струве, а съ другой — „Борьба за идеализмъ“ г. Бердяева. Интересны эти статьи не сами по себѣ, а какъ симптомъ теперешняго настроенія довольно большой части нашей молодежи, какъ знаменія времени. Въ этомъ смыслѣ онѣ гораздо важнѣе, чѣмъ можетъ то показаться иному читателю.

Г. Струве такъ начинаетъ свою статью:

Какъ бы пишущему эти строки ни хотѣлось, чтобы въ нашей литературѣ упразднилась возможно скорѣе всякая ненужная полемика, но ему приходится по неволѣ полемически говорить по адресу тѣхъ, съ кѣмъ онъ въ настоящее время считалъ бы излишнимъ вести прямой споръ *).

Вотъ именно это самое состояніе духа испытываю и я, въ этомъ самомъ положеніи нахожусь и я. Да, страстно желалось бы оставить всякіе не только „прямые“, но и косвенные споры съ людьми, въ родѣ г. Струве или г. Бердяева, съ которыми есть нѣкоторые общіе — и далеко не второстепенные — пункты социальнаго міровоззрѣнія. И „настоящее время“, а въ еще большей степени ближайшее будущее заставитъ, вѣроятно, каждого изъ насъ, возможныхъ союзниковъ въ борьбѣ за общій идеалъ противъ нашихъ общихъ же враговъ, — заставитъ, говорю я, насъ семь разъ примѣрять прежде, чѣмъ отрѣзать, и семь разъ повернуть кончикомъ пера прежде, чѣмъ бросить оскорбительный отзывъ или просто рѣзкій эпитетъ по адресу людей, которые все же

*) Стр. 12.

ближе, нежели кто бы то ни было изъ сторонниковъ иного социальнаго идеала, стоять къ намъ, нашимъ стремленіямъ, нашимъ историческимъ задачамъ, да отчасти и нашимъ приёмамъ ихъ рѣшенія.

Но именно въ виду этой самой возможности совмѣстной дѣятельности чувствуешь потребность объясниться... Если въ моихъ объясненіяхъ съ г. Струве и г. Бердяевымъ и будетъ поэтому полемика, то въ ней во всякомъ случаѣ будетъ отсутствовать по возможности тотъ элементъ личной раздражительности, на который не безъ основанія жалуется г. Струве, говоря о „нетерпимости отродоксальнаго марксизма“. Я умѣю ненавидѣть идейныхъ враговъ, умѣю любить идейныхъ друзей, вѣроятно, не меньше, чѣмъ любой „ортодоксъ“. Но надо же соблюдать извѣстные оттънки въ этой любви и этой ненависти; и если писатели, о которыхъ я поведу сейчасъ рѣчь, извѣстными сторонами своего мировоззрѣнія и своей дѣятельности, по моему убѣжденію, сильно вредятъ нормальному развитію и торжеству общаго мнѣ съ ними социальнаго идеала, то все же, говоря вообще, они идутъ въ направленіи къ этому идеалу и не должны быть смѣшиваемы съ прямыми противниками общественно-прогрессивнаго мировоззрѣнія.

Не буду говорить о полемикѣ г. Струве противъ отродоксальнаго марксизма: по скольку „критика“ будитъ мысль людей, застывшихъ на формулѣ, она можетъ только заслуживать одобренія. Не буду брать на себя и защиты субъективнаго метода г. Михайловскаго, метода, будто бы упраздненнаго самимъ творцомъ въ февральской книжкѣ „Русскаго Богатства“, если вѣрить торжествующимъ заявленіямъ г. Струве: мнѣ нечего играть роль сторожа на территоріи г. Михайловскаго, который счумѣетъ самъ дать надлежащій отпоръ тѣмъ, кто заходитъ охотиться на его владѣніяхъ. Могу лишь увѣрить г. Струве, что если кто упразднилъ свой прежній методъ, то это „критическіе“ марксисты, отказавшіеся отъ своего недавняго догматическаго богословія.

Перехожу прямо къ тому, что касается меня или, вѣрнѣе, тѣхъ пунктовъ въ одной изъ моихъ статей о г. Струве, на которые считаетъ теперь нужнымъ отвѣчать этотъ авторъ. Пункты эти, дѣйствительно, таковы, что только надлежащій отвѣтъ на нихъ можетъ устранить мои сомнѣнія и огорченія по поводу, повторяю, симпатичнаго мнѣ въ общемъ г. Струве, который продолжаетъ меня подкупать своимъ правдоискательствомъ, своею искренностью, своею логическою смѣлостью.

Пунктъ первый: въ декабрьской книжкѣ прошлаго года я замѣтилъ, что и

увлеченіе (г. Струве) идеалистической философій отражаетъ печальное состояніе умовъ господствующихъ классовъ, которые повсюду теперь предпочитаютъ трезвой критической мысли и положительной наукѣ—гашишъ метафизики и сверхъ-чувственныхъ фантазій.

И вотъ г. Струве, окончательно изведшій изъ темницы ортодоксальнаго марксизма свою душу и благожелательно заботящійся о спасеніи моей, констатируетъ по этому поводу „съ немалымъ огорченіемъ“ (эквивалентомъ моего собственнаго огорченія, еще раньше высказаннаго), что такое мое „открытие“ относится, молъ, къ области „наиболѣе сомнительныхъ идей марксизма“, и что я „вдохновляюсь“ здѣсь „самимъ Марксомъ или Энгельсомъ“. А между тѣмъ, предохраняетъ меня г. Струве,

умный и прямо гениальный человѣкъ былъ Марксъ, но встаки ни ему, ни кому иному не удавалось и не удастся связать иначе, какъ бѣлыми нитками и грубыми декретами, метафизическое творчество съ «состояніемъ умовъ господствующихъ классовъ». Или это просто тавтологическій оборотъ (упоеніе гашишемъ метафизики выражаетъ печальное состояніе умовъ господствующихъ классовъ — что же кромѣ печальнаго состоянія можетъ вообще означать склонность къ «гашишу»?), въ которомъ высказывается личное отношеніе г. Подарскаго къ метафизическому умозрѣнію, или это социологическое обобщеніе, стоящее вполнѣ на уровнѣ знаменитаго истолкованія Энгельсомъ, Бернштейномъ и другими неокантіанства, какъ философскаго міровоззрѣнія склоняющейся къ упадку буржуазіи, какъ какого то философскаго Katzenjammer'a господствующихъ классовъ. Конечно, поскольку въ философскомъ творествѣ принимаютъ участіе по преимуществу члены «господствующихъ» классовъ, оно отражаетъ собой состояніе ихъ «умовъ», но для меня между понятіемъ «классъ» и понятіемъ «философское творчество» лежить столь большое разстояніе, и притомъ не пустое, а наполненное самыми разнообразными содержаніемъ, что я не въ силахъ вовсе мыслить себѣ одно понятіе—какъ субъектъ, другое—какъ предикатъ такого сужденія, которое могло бы претендовать на какой-либо человѣческій смыслъ. И когда у меня—согласно принятому и одобренному трафарету—возникаетъ въ головѣ вопросъ, какой классъ повиненъ въ метафизикѣ Спинозы или Фихте, то я—скажу безъ всякаго стыда—начинаю просто глупѣть отъ подобнаго вопроса. Признаюсь, что подобное же чувство оглупѣнія вызвала у меня и марксистская фраза журнальнаго обозрѣвателя «Русскаго Богатства». Кто былъ виноватъ въ моемъ плачевномъ состояніи, предоставляю рѣшить читателю *).

„Кто виноватъ“? Совсѣмъ какъ заглавіе извѣстнаго романа!.. Кто виноватъ? Во всякомъ случаѣ, не я. Вотъ, можетъ быть Бельтовъ,—не герой, конечно, только что упомянутаго романа, а тотъ, другой г. Бельтовъ, написавшій книгу „Къ вопросу“ и т. д. Могу даже сказать, я такъ мало чувствую себя ортодоксальнымъ марксистомъ, что нисколько не боюсь быть заподозрѣннымъ въ распространеніи „наиболѣе сомнительныхъ идей марксизма“ и съ истиннымъ удовольствіемъ цитирую, какъ видите, довольно длинную тираду г. Струве противъ правотѣрныхъ учениковъ Маркса. Цитирую, во-первыхъ, потому, что относительно „повинности“ того или иного класса въ какой нибудь определенной метафизикѣ, напр., „Спинозы или Фихте“, былъ полонъ скептическаго сомнѣнія еще въ то время, какъ критическіе аккорды не срывались съ такою силою со струнъ тогда гораздо

*) Стр. 21—22.

болѣ марксистской, чѣмъ фихтеанской лиры г. Струве, и еще въ то время, какъ г. М. И. Туганъ-Барановскій, „мой ближайшій товарищъ по литературной дѣятельности“,—говорить г. Струве (стр. 19),—который „такъ же, какъ и я, никогда не былъ ортодоксальнымъ марксистомъ“, доказывалъ тѣмъ не менѣе въ полемикѣ съ г. Михайловскимъ, и доказывалъ гораздо болѣе горячо, чѣмъ убѣдительно, въ какой сильной степени идеи хотя Адама Смита обусловливаются экономическими отношеніями и интересами класса.

Цитирую, во-вторыхъ, потому, что, не будучи ни душой, ни тѣломъ виноватъ въ „оглупѣніи“ г. Струве, я въ то же время убѣжденъ—и постараюсь это сейчасъ доказать—что вовсе не надо быть марксистомъ для признанія зависимости между взглядами, чувствами, идеями и предрасудками извѣстнаго класса и его социально-исторической судьбой. Предоставимъ ортодоксальнымъ и не ортодоксальнымъ поклонникамъ экономического материализма заниматься логическимъ и діалектическимъ грань-насыансомъ, пытаясь объяснить каждую философскую систему изъ „классовыхъ интересовъ“. Мы, реалисты и позитивисты, утверждаемъ лишь, что жизненные отношенія извѣстнаго класса, а въ опредѣленныхъ рамкахъ и отдѣльнаго лица, должны отражаться въ различныхъ процессахъ его мозговой и нервной дѣятельности, въ различныхъ видахъ „творчества“: политическомъ, научномъ, эстетическомъ и т. п.; и что продукты этого разнообразнаго творчества являются въ извѣстномъ смыслѣ отраженіемъ жизни.

Грѣшный человѣкъ, но я—то испытываю не просто риторическое, а дѣйствительное чувство „оглупѣнія“, видя, что въ данный моментъ мнѣ приходится доказывать вещь, повидимому уже вошедшую теперь въ обиходъ идей и представленій человѣка, мало-мальски знакомаго съ понятіемъ причинности и законсообразности. Какой изъ историковъ культуры не старается прослѣдить вліяніе общественныхъ формъ на идеи, приемы, навыки, мысли и чувства людей? Какой историкъ литературы не отыскиваетъ—если не всегда теоретически, то всегда фактически—взаимодѣйствія между жизнью и художественнымъ творчествомъ? И развѣ мало теперь даже историковъ философіи, въ родѣ хотя бы Виндельбанда, которые задаются цѣлью привести въ связь работу абстрактной мысли надъ созиданіемъ философскихъ системъ и политическую и культурную эволюцію различныхъ странъ? Г. Струве съ своей эрудиціей долженъ знать все это лучше меня. Но, нисколько не претендуя на такую ученость, я беру первые пришедшіе въ голову примѣры, показывающіе, что люди не до-

*) Г. Туганъ-Барановскій продолжаетъ развивать точку зрѣнія такой зависимости—правда, не съ прежней прямолинейностью—въ своихъ «Очеркахъ изъ исторіи политической экономіи», печатающихся вотъ уже въ нѣсколькихъ книжкахъ «Міра Божія».

жидались Маркса, чтобы установить зависимость между самими, казалось бы, абстрактными продуктами человеческой головы и потребностями данной эпохи и данного общества

Если бы теорема о квадратѣ гипотенузы шокпровала наши привычки ума, то мы быстро отвѣргли бы ее. Если бы мы чувствовали потребность вѣрить, что крокодилы—боги, то завтра же, на площади, имъ воздвигли бы храмъ. Столько различныхъ религій и столько противоположныхъ философій, столько отброшенныхъ истинъ и столько упорно поддерживавшихся заблуждений показали, что установленіе и паденіе мнѣній зависятъ не отъ ихъ абсурдности или очевидности, но отъ того, насколько они подходятъ къ состоянію умовъ или же противорѣчатъ ему. Въ силу этого догмы измѣнялись сообразно вѣкамъ и народамъ. Въ томъ нѣтъ никакого оскорбленія ни для эпохи, ни для расы, если мы объясняемъ ихъ вѣрованія ихъ же основными стремленіями и общими привычками; нѣтъ никакого оскорбленія и для философской системы эклектизма объяснить ея успѣхъ гениемъ и склонностями создавшихъ ее страны и эпохи.

Эти строки писаны въ началѣ 50-хъ годовъ, стало быть, до того времени, какъ ученіе Маркса успѣло широко распространиться и сдѣлаться столь популярнымъ, писаны во всякомъ случаѣ человѣкомъ, который не имѣлъ тогда понятія о Марксѣ, да врядъ ли когда-нибудь и позже прочиталъ хоть одно слово изъ него. И, однако, связь между потребностями общества и продуктами самаго, повидимому, отвлеченнаго творчества указана въ приведенной цитатѣ какъ нельзя болѣе ясно.

Но, можетъ быть, г. Струве усматриваетъ тутъ лишь „общество“, а не „господствующій классъ“. Совѣтую ему въ цитированной книгѣ—онъ, конечно, знаетъ, какой—просмотрѣть хотя бы тѣ страницы, на которыхъ изображается, какъ одинъ изъ духовныхъ отцовъ французскаго эклектизма, Викторъ Кузэнъ, самымъ удачнымъ образомъ приспособлялъ эту философскую систему къ потребностямъ господствующаго класса, либеральной буржуазіи:

Видно, что г. Кузэнъ разносилъ свой эклектизмъ по скамьямъ лѣвой. Онъ изъ своихъ моральныхъ теорій выводилъ конституціонное правительство и партію,—превосходная тактика, которая изъ системы дѣлала партію, переносила на нее расположеніе и интересъ, возбуждавшіеся либеральными мнѣніями, и должна была въ моментъ политическаго торжества превратить ее въ государственную философію.

Не мѣшаетъ, кстати, припомнить довольно пикантную подробность, словно нарочно существующую для того, чтобы снабдить насъ отвѣтомъ по адресу г. Струве, скандализованнаго моимъ мнѣніемъ насчетъ тяготѣнія отживающихъ „господствующихъ классовъ“ къ гашишу метафизики. Вотъ съ какими философскими рѣчами обращался краснорѣчивый эклектикъ къ сыновьямъ буржуазіи, составлявшимъ его университетскую аудиторію:

Господа, вы горячо любите отечество. Если вы хотите спасти его, уверьте въ наши прекрасныя доктрины. Слишкомъ долго мы гнались за сво-

бодой по пути рабства. Мы хотѣли быть свободными, обладая моралью рабовъ. Нѣтъ, пьедесталомъ статусъ свободы не можетъ быть интересъ, и не философія сенсуализмовъ и ея мелкимъ максимамъ суждено служить созданію великихъ народовъ.

Съ другой стороны, если опять таки въ той же книгѣ г. Струве пробѣжить тѣ страницы, на которыхъ изображается, какъ „порядокъ“ и охраняющій его „жандармъ“ являлись практическимъ постулатомъ „прекрасныхъ доктринъ“ эклектизма, смѣнившаго „рабскую мораль“ сенсуализма и „мелкихъ максимъ интереса“, то, пожалуй, онъ согласится, что и помимо Маркса были мыслители, замѣчавшіе зависимость между „сверхъ-чувственными фантазіями“ и состояніемъ умовъ „господствующихъ классовъ“.

Не спору, что „господствующіе классы“ обнаруживали въ нѣкоторыя послѣдующія эпохи стремленіе къ позитивизму и практическое отвращеніе къ метафизикѣ во имя осязательныхъ благъ міра. Но кратко бывали по большей части эти періоды и совпадали съ тѣми временами, когда у представителей владѣнія было спокойно на душѣ. А при малѣйшей пертурбаціи,—что случалось все чаще и чаще по мѣрѣ того, какъ третье сословіе клонилось все болѣе и болѣе къ упадку и слышало за собою гулкіе шаги своего историческаго наслѣдника, четвертаго сословія,—„господствующій классъ“ все охотнѣе и продолжительнѣе прибѣгалъ къ употребленію „гашиша метафизики“ и все усерднѣе рекомендовалъ это же средство для успокоенія реальныхъ и идеальныхъ потребностей настигавшихъ его массъ.

Не знаменательно ли, напр., что послѣ одного изъ такихъ „настиганій“, поведшихъ къ величайшей исторической коллизіи между міромъ труда и міромъ капитала, уже цитированный мною авторъ, онъ, нанесшій такіе страшные удары метафизикѣ, бралъ подъ свое покровительство самый худшій родъ ея, католическій спиритуализмъ, и пѣлъ восторженные дионисамбы ему:

Онъ до сихъ поръ является еще, для милліоновъ человѣческихъ существъ, духовнымъ органомъ, великою парюю крыльевъ, необходимыхъ для того, чтобы поднять человѣка надъ самимъ собой, надъ его низко ползущею жизнію и его ограниченными горизонтами, чтобы довести его, путемъ терпѣнія, смиренія и надежды, до яснаго спокойствія души, чтобы вознести его за предѣлы воздержанія, чистоты и добра. до самоотверженія и жертвы. Всегда и повсюду, какъ только ослабѣваютъ эти крылья или перебиваютъ ихъ, общественная и личная нравственность падаетъ... Ни философскія основанія, ни артистическая и литературная культура, ни даже феодальная, военная и рыцарская честь, никакой кодексъ, никакая администраціи, никакое правительство не въ состояніи замѣнить его (спиритуализмъ) въ этомъ дѣлѣ. Лишь онъ можетъ удержать насъ на нашей природной покатости, остановить незамѣтное сползаніе, въ силу котораго наша раса непрерывно и всею своею первоначальною тяжестью движется назадъ къ самымъ низменнымъ сторонамъ своимъ; и старая книга, какова бы ни была ея современная оболочка, еще и по настоящее время, является самою лучшею помощницею соціальнаго инстинкта.

Теперь, мнѣ кажется, г. Струве можетъ понять, какъ, не будучи марксистомъ, но видя такія сальто-мортале и скачки отъ позитивизма къ апологін самой грубой метафизики у выдающихся представителей буржуазіи, наблюдатель общественной жизни вынужденъ говорить о склонности господствующихъ классовъ къ „гашишу“, какъ объ отраженіи „печальнаго состоянія умовъ“ этихъ, чувствующихъ свое социальное отмирание, классовъ. Слѣдуетъ ли отсюда, что мы должны заподозривать каждого отдѣльнаго мыслителя, cadaго философа въ грубой эгоистической измѣнѣ прежнимъ теоретическимъ убѣжденіямъ подѣ влияніемъ страха за карманъ? Конечно, не слѣдуетъ, хотя могутъ быть и такіе случаи. Но въ чемъ мы должны отдавать себѣ отчетъ, это въ томъ, что привилегированный классъ, взятый въ цѣломъ, не можетъ не отражать и въ своихъ идейныхъ продуктахъ тѣхъ потребностей и интересовъ, которые руководятъ его жизненною дѣятельностью.

Вольно, конечно, было ортодоксальнымъ марксистамъ свести классовую борьбу чуть не исключительно къ борьбѣ за удовлетвореніе экономическихъ потребностей и въ классовыхъ интересахъ видѣть почти единственно хозяйственные интересы: большинство возраженій дѣлаются именно противъ такихъ упрощенныхъ представленій объ обществѣ и его дѣленіяхъ. Но если видѣть въ классахъ группы лицъ, соединенныхъ самыми разнообразными потребностями, въ интересахъ же не только интересы „желудка“, а интересы власти, влиянія, сословной гордости, моды, привычекъ, то довольно трудно понять, что собственно можно возразить противъ зависимости идейныхъ созданій даннаго класса отъ его социальной судьбы и перипетій ея. Надо ли, напр., быть марксистомъ для того, чтобы находить отголоски классовыхъ коллизій въ стихахъ аристократическаго поэта-изгнанника Теофиса, жалующагося на потерю старыхъ традицій, старыхъ понятій о чистотѣ знатныхъ семей и проклинающаго богатство, которое всецѣло царитъ теперь въ его родномъ городѣ (Мегарѣ), развратило нравы и заставляетъ „человѣка изъ хорошаго рода жениться на хамкѣ, дочери хама, если только она принесетъ ему въ приданое много денегъ“?

О, конечно, философія—вещь гораздо болѣе абстрактная, чѣмъ поэзія, и потому гораздо болѣе удаленная отъ непосредственныхъ вопросовъ жизни. Мало того, печать индивидуальнаго творчества, лежащаго на данной умозрительной системѣ (впрочемъ, какъ и на художественномъ произведеніи), маскируетъ зачастую отъ насъ самымъ радикальнымъ образомъ зависимость данной философіи отъ породившей ее социальной и интеллектуальной среды. Но вѣдь я уже сказалъ, что прослѣживая точное выраженіе „классовыхъ интересовъ“ въ отдѣльной метафизической системѣ я предоставляю ученикамъ Маркса. Приведшая же г.

Струве въ смущеніе фраза моя о гашишѣ, отражающемъ современное печальное состояніе господствующихъ классовъ, выражаетъ лишь общую и, по моему, вѣрную мысль относительно того, что социальнo отмирающій и чувствующій это отмирание классъ долженъ сознательно и бессознательно, корыстно и безкорыстно стремиться къ устроению себѣ такихъ идейныхъ убѣжищъ, гдѣ бы онъ могъ забыться отъ зловѣщаго memento mori исторической эволюціи.

Но здѣсь я подхожу ко второму пункту нашего спора, пункту, который можетъ вызвать нежелательное для меня недоразумѣніе, и его я долженъ устранить сейчасъ же. Какъ я смотрю на „увлеченіе г. Струве элементами идейной реакціи“? Вкладываю ли я какой нибудь лично обидный для нашего автора смыслъ въ констатированіе того факта, что г. Струве такъ страстно тяготеетъ къ метафизическому идеализму? Нисколько: я, наоборотъ, сожалью, что человѣкъ мыслящій и искренній подпалъ подъ вліяніе общихъ причинъ современной идейной реакціи, прокидывающейся среди господствующихъ классовъ. Я рассуждаю такъ. Въ тотъ самый моментъ, какъ отмирающее третье сословіе естественно создаетъ себѣ кладбищенскую или же призрачно-возвышенную философію, четвертое сословіе полно жизни, энергіи и всѣми силами своей здоровой души стремится къ удовлетворенію своихъ человѣческихъ, и матеріальныхъ, и идеальныхъ, потребностей здѣсь, на землѣ, въ широкомъ мірѣ божіемъ, при свѣтѣ жаркаго солнца, а не томно-романтической луны. Вмѣстѣ съ великимъ „утопистомъ“ оно готово провозгласить право на „сильныя и утонченныя страсти“. Вліяніе его жизнерадостнаго міровоззрѣнія и его все растущей социальной мощи на сосѣдніе классы становится, наконецъ, настолько сильно, что лучшіе элементы буржуазіи или прямо переходятъ на его сторону, или стараются совмѣстить, если можно такъ выразиться, призрачно-метафизическій культъ луны съ ярко-реальнымъ культомъ солнца.

Къ этимъ межеумочнымъ двубожникамъ и принадлежитъ г. Струве, хотя я не велѣ бы съ нимъ этого разговора, если бы не надѣялся, что рано или поздно, но онъ откажется отъ метафизическаго лунатизма. Авторъ, вотъ, недоумѣваетъ, какъ это „гашишъ“ можетъ сочетаться съ „филистерствомъ“. Но, Богъ мой, кто же, какъ не типичный филистеръ съ необыкновеннымъ чувствомъ распространяется о всевозможныхъ идеализмахъ и въ то же время боится обнаружить настоящій, не метафизическій, а социальный идеализмъ, рѣзко отбрасывая формы современной жизни и безповоротно стремясь къ созиданію новой жизни, безъ компромиссовъ, недомолвокъ и сожалѣній о прошломъ. Опять-таки я не хочу сказать, что г. Струве представляетъ цѣликомъ или даже главнымъ образомъ такого филистера; но у него есть филистерскіе привкусы, и съ ними ему слѣдовало бы раскви-

таться, расквитаться какъ можно скорѣе и полнѣе. Г. Струве, конечно, старается защитить себя отъ затронувшаго его упрека въ филистерствѣ и разсуждаетъ (стр. 22):

Тутъ кроется крупное недоразумѣніе, которому, казалось бы, не должно быть рѣшительно никакого мѣста послѣ опубликованія моего нѣмецкаго критическаго опыта о марксовой теоріи соціальнаго развитія и послѣ выхода въ свѣтъ книги Бердяева съ моимъ предисловіемъ.

Не буду говорить о „выходѣ въ свѣтъ книги Бердяева съ предисловіемъ“, какъ о фактѣ, доказывающемъ отсутствіе филистерства у нашего автора: о томъ писалось уже г. Михайловскимъ и, можетъ, будетъ еще писаться „Русскимъ Богатствомъ“. Но что касается до „нѣмецкаго критическаго опыта“, то, даже подѣ страхомъ оказаться по отношенію къ ученому г. Петру Струве простымъ Петромъ Зудотѣинымъ, я принужденъ сказать, что „сію рукопись читалъ, но содержаніе оной не одобрилъ“, и не одобрилъ именно за привкусы филистерства. Не вдаваясь въ частности, я останавлиюсь лишь на одномъ обстоятельствѣ: критикуя марковскую теорію развитія общества по обостряющимся противорѣчіямъ, г. Струве выдвигаетъ противъ нея свою собственную теорію развитія путемъ все притупляющихся и притупляющихся противорѣчій, совершенно въ духѣ буржуазныхъ апологетовъ незамѣтной и безпрепятственной эволюціи:

Прогрессъ стопомъ благородной
Шелъ тихо торною стезей!..

Само по себѣ такое или иное воззрѣніе на абсолютную вѣрность маркова закона Zusammenbruch'a не зачисляетъ, конечно, еще критиковъ этой формулы въ ряды филистеровъ. Но когда въ пику Марксу, который, допустимъ, преувеличивалъ всеобщность своей формулы, ея приложимость ко всѣмъ народамъ и эпохамъ, вы строите такую же абсолютную формулу исключительно „притупленнаго“ прогресса (правда, лишь для современной эпохи), то я въ правѣ счесть васъ немножко съ родни филистеру, который закрываетъ глаза на всѣмъ извѣстные историческіе факты коллизій и своему желанію мирнаго и тихаго житія придаетъ значеніе какого-то объективнаго закона эволюціи...

Хотѣлъ было я совершенно спокойно поговорить о статьѣ г. Бердяева. Но нѣтъ, чувствую, что эта задача мнѣ не по силамъ. Это не статья, а вулканъ, извергающій въ честь идеализма и расплавленную лаву горячихъ чувствъ, и цѣлыя глыбы булыжника, искусно направляемаго прямо въ лобъ идейнымъ друзьямъ молодого философа, и клубы трансцендентальнаго дыма... Въ особенностяхъ дыма, такъ что временами и самъ вулканъ заволаки-

вается туманомъ, и о его присутствіи судишь больше по взрывамъ и громамъ велимъ и гласамъ трубнымъ: то новый Эмпедоклъ читаетъ титанамъ во чревѣ Этны лекцію о любви и ненависти, въ то время, какъ на откосѣ горы меланхолично видѣются сандалии или, вѣрнѣе, прозаическіе сапоги, которые г. Бердяевъ не успѣлъ еще износить, идя за гробомъ русскаго ортодоксальнаго марксизма...

Но шутки въ сторону: что прикажете сказать о такихъ, напр., разсужденіяхъ, которыя вы могли прочитать десятки и сотни разъ, съ тѣхъ поръ какъ стоитъ міръ и кружится вокругъ самой себя метафизика, и при томъ прочитать—то въ формахъ, далеко оставляющихъ за собою по граціи, силѣ и поэтичности вдохновенные, но не вдохновляющіе читателя монологи г. Бердяева (стр. 25—26):

Но есть одна идея, въ которую упирается идеалистическій взглядъ на міръ и жизнь, это идея нравственнаго міропорядка. Если наука переходитъ въ философію, то философія переходитъ въ религію. Безъ религіозной вѣры въ нравственный міропорядокъ, въ кровную связь индивидуальнаго съ всеобщимъ и неумирающее значеніе всякаго нравственнаго усилія—жить не стоитъ, такъ какъ жизнь безсмысленна и по замѣчательной французской поговоркѣ *rien ne vaut la peine de rien*. У многихъ живеть суевѣрный страхъ передъ религіей, такъ какъ имъ все мерещатся ея историческія формы. Но пора признать, что религія, не смотря на текучесть своего содержанія, есть вѣчная, трансцендентальная функція сознанія и что всякое цѣльное пониманіе и отношеніе къ міру есть религія. Величественный подъемъ духа и идеалистическій энтузіазмъ возможенъ лишь въ томъ случаѣ, если я чувствую всѣмъ своимъ существомъ, что служу человѣческому прогрессу въ его современной исторической формѣ, я служу вѣчной правдѣ, что мои усилія и мои труды безсмертны по своимъ результатамъ и учитываются въ міропорядкѣ. И я думаю, что новый человѣкъ, стряхнувъ съ себя старый міръ съ его суевѣріями, проникнется новой религіей. Глубоко осмысленный и глубоко прогрессивный этический пантеизмъ съ его вѣрой въ окончательное торжество Правды будетъ заключительнымъ аккордомъ въ идеалистическомъ міропониманіи и идеалистическомъ настроеніи. Задача борьбы за идею...

Нѣтъ, положительно не хватаетъ терпѣнія выписывать дальше строки этой блѣдной педантической копіи съ великихъ и жизненныхъ историческихъ оригиналовъ, которые такъ же стары, какъ старъ первый сознательный порывъ человѣка къ творчеству метафизическихъ образовъ. Иди же сюда, ты, божественный поэтъ-философъ, ты, великій греческій идеалистъ, котораго мы тѣмъ съ большимъ энтузіазмомъ можемъ цитировать, что намъ не стыдно признаваться въ любви къ золотой древности теперь, когда нашихъ дѣтей не будетъ терзать схоластическій классицизмъ,—иди и покажи современнымъ выродившимся метафизикамъ, какъ звучитъ голосъ искренняго философскаго творчества!

Заглуши аккордами твоей вдохновенной лиры бречанье ихъ трансцендентальныхъ разстроенныхъ клавикурдъ! Пропой имъ

пѣсню о вѣчной красотѣ и безсмертіи созерцающаго ее любимца боговъ, ты самъ, этотъ любимецъ:

Прямой путь любви,—идешь-ли ты самъ по немъ, или тебя ведетъ другой,—это вѣчно подниматься все выше и выше отъ этихъ близкихъ красотъ къ тому далекому прекрасному и вѣчно восходить, какъ по ступенямъ, отъ одного прекраснаго тѣла къ двумъ, и отъ двухъ ко всемъ, и отъ всѣхъ прекрасныхъ тѣлъ къ прекраснымъ дѣяніямъ и отъ прекрасныхъ дѣяній къ прекраснымъ наукамъ, пока отъ этихъ наукъ ты не достигнешь познанія высочайшей красоты и не увидишь самого прекраснаго.

Этою-то жизнію, дорогой Сократъ,—сказала вдохновенная женщина изъ Мантиней,—долженъ жить человѣкъ, созерцающій высшую красоту. Ибо съ тѣмъ, что ты увидишь, не сравнится ни золото, ни украшенія, ни прекрасная молодежь, одинъ видъ которой приводитъ, однако, и тебя, и многихъ другихъ въ восхищеніе и среди которой вы вѣчно хотѣли бы жить, забывая о пищѣ и питъѣ, лишь бы созерцать красоту ея. Дѣйствительно, что это будетъ за зрѣлище, если кому выпадетъ на долю видѣть само прекрасное чистымъ отъ всякой примѣси, свободнымъ отъ человѣческихъ формъ и цвѣтовъ и прочей бренной суеты,—словомъ, прекрасное въ его единой и божественной сущности! Можно ли сожалѣть о жизни человѣка, который видитъ такой предметъ и который обладаетъ имъ? И не думаешь ли ты, что человѣкъ этотъ, созерцая прекрасное настоящимъ органомъ созерцанія, будетъ лишь одинъ въ состояніи рождать не призраки добродѣтели—онъ и не касается до призраковъ—а истинную добродѣтель, до которой достигъ? Но порождая истинную добродѣтель, но воспитывая ее въ себѣ, онъ по истинѣ долженъ быть тѣмъ, кого возлюбило божество; и если кому суждено быть безсмертнымъ, то этимъ безсмертіемъ будетъ надѣленъ такой человѣкъ...

Аминь! Право, послѣ такихъ дириамбовъ вѣчной истинѣ и безсмертію, эхо которыхъ чаруетъ и волнуетъ васъ на протяжении болѣе, чѣмъ двухъ тысячелѣтій, не захочешь слушать посредственной и скучной арии г. Бердяева, который говорить то же самое, но другими, мѣнѣе крылатыми и золотыми словами, и метафизическому пареню котораго не достаетъ наивности и поэтической непосредственности великаго грека. Ибо, къ несчастію, г. Бердяевъ долженъ былъ вкусить кое-что отъ современной положительной науки, и тотъ плодъ съ древа познанія добра и зла отравляетъ трансцендентальные порывы нашего „борца за идеализмъ“. Благодаря этому, вы найдете въ горячее, но мало убѣдительною,—можно даже сказать, любопытной по своей неубѣдительности—статьѣ г. Бердяева явные признаки двухъ теченій, симптомы психологической гражданской войны, которая мѣшаетъ успѣху внѣшней кампаніи, предпринятой нашимъ авторомъ противъ „матеріализма“, „позитивизма“, „гедонизма“ и т. п. злокозненныхъ враговъ идеалистическаго міровоззрѣнія.

Этимъ объясняется нѣкоторая странность и принужденность философскихъ аллюровъ г. Бердяева, который не можетъ всею своею юношескою горячностью замаскировать тревогу пробуждающихся у него и сейчасъ же подавляемыхъ сомнѣній. Въ этомъ же обстоятельствѣ лежитъ ключъ и къ тѣмъ оговоркамъ, которыя представляютъ забавную сторону этого турнира г. Бердяева во

славу прекрасныхъ глазъ дамы Метафизики. Не успѣтъ нашъ Баярдъ, нашъ рыцарь безъ страха и упрека занести надъ головою враговъ свой идеалистическій мечъ, какъ вдругъ его разищую руку останавливаетъ раздумье, и онъ начинаетъ объяснять читателю, куда собственно онъ намѣренъ нанести ударъ своему противнику, который, де, нѣкоторыми сторонами ему симпатиченъ и т. д.; благодаря чему всѣ эти удары и попадаютъ мимо цѣли...

Вотъ, вотъ, смотрите, онъ пустился на своемъ метафизическомъ Пегасѣ противъ грузнаго и самодовольнаго противника, на латахъ котораго написано „буржуазный, филистерскій духъ“. Вы уже мысленно видите, какъ идеалистическое лезвіе повергаетъ этого врага къ ногамъ нашего Баярда, который бросаетъ ему, завладѣвшему—о ужасъ!—сердцемъ „прогрессивной массы“, вызовъ во имя „великой работы духовнаго перерожденія“. И вдругъ... и вдругъ, совсѣмъ какъ въ Бахчисарайскомъ фонтанѣ Пушкина, въ тѣхъ стихахъ, надъ которыми добродушно посмѣивался самъ божественный поэтъ:

Онъ часто въ сѣчахъ роковыхъ
Подъемлетъ саблю—и съ размаха
Недвижимъ остается вдругъ,
Глядитъ съ безуміемъ вокругъ,
Блѣднѣетъ...

и отъѣзжаетъ въ сторону, растерянно приговаривая:

Потомъ будетъ ясно, что я ничего не имѣю общаго съ реакціонными заявленіями г. Брюнетьера и т. п. о банкротствѣ науки. Позитивная реальтическая наука, принципиально чуждая всякаго романтизма, велика и безсмертна, это—главное приобретеніе XIX вѣка, это вѣчный вкладъ буржуазной эпохи въ сокровищницу человѣческаго духа и никакія посягательства на нее невозможны (стр. 3).

Получивши такимъ образомъ отъ г. Бердяева вмѣсто сокрушительнаго удара букетъ комплиментовъ, „буржуазный“, т. е., попросту сказать, научный духъ уже не безъ ироніи смотритъ на отъѣзжающаго въ сторону *chevalier servant* Метафизики. А *chevalier servant* уже снова припустилъ своего боевого коня и снова занесъ свой идеалистическій мечъ—на сей разъ надъ „матеріализмомъ“ 60-хъ годовъ. Но, опять, что за страшное зрѣлище представляетъ и этотъ эпизодъ турнира! Взгляните на полемическіе жесты нашего трансцендентальнаго героя:

Въ Россіи 60-е годы были «опорой просвѣщенія». Чернышевскій и Писаревъ—наши «просвѣтители», подъ знаменемъ матеріализма они боролись съ мракомъ дореформеннаго общества во имя свободы мысли и человѣческаго достоинства. И мы теперь должны чтить въ Чернышевскомъ и Писаревѣ не «матеріализмъ», въ которомъ не было ничего оригинальнаго и для нашего времени ничего цѣннаго, мы чтимъ ихъ «просвѣтительный идеализмъ» (прим.: У г. Вольнскаго до такой степени отсутствуетъ историческое чутье и политическій тактъ, что онъ никакъ не можетъ этого понять). Наши публицисты

60-х годовъ боролись противъ метафизики, потому что ее защищала Юркевичъ и т. п., боролись противъ культа красоты, потому что за нее цѣплялось крѣпостническое дворянство со своими публицистами, беллетристами, поэтами и поэтиками. Они были исторически правы и въ ихъ матеріалистическомъ міровоззрѣніи, при всей его философской несостоятельности, была заключена огромная практическая правда (стр. 4).

Вотъ ужъ, что называется, и сѣчь, и рубить, и все мимо падать!.. Въ самомъ дѣлѣ, каковъ выводъ изъ этой горячей тирады, которая мечется сразу по всѣмъ направленіямъ? Что „материалисты“ 60-хъ годовъ были глубоко правы. Постараемся же быть столь же „философски-несостоятельны“, какъ они!

Точно также, начавъ за упокой „реализма“ въ искусствѣ на стр. 5, авторъ сейчасъ же, въ примѣчаніи къ этому мѣсту, спохватывается и кончаетъ за здравіе этого направленія, говоря:

я и не думаю посягать на огромныя заслуги реализма въ искусствѣ. Въ извѣстномъ смыслѣ всѣ великія художественныя произведенія—реалистичны, и искусство будущаго примыкаетъ къ реализму.

Съ другой стороны, нашъ рыцарь духа поражаетъ ударами своего Дюрандаля какъ разъ тѣхъ, кому хочетъ лишь салютовать элегантнымъ движеніемъ этого всеокрушающаго меча. Такъ, не успѣлъ онъ преклонить свои колѣна и свой клинокъ передъ „современнымъ искусствомъ съ его „декадентскими“ теченіями“, искусствомъ, которое, молъ, не смотря на „нервную развинченность“, все же

дѣлаетъ въ принципѣ прогрессивныя попытки сказать новое слово и подготовить новаго человѣка съ болѣе красивой душой, полной индивидуальныхъ настроеній и красокъ, безконечно цѣнныхъ для интимной жизни человѣческой личности (стр. 24),—

какъ вдругъ неожиданнымъ ударомъ снизу, изъ примѣчанія, онъ повергаетъ на земь только-что прославленное „новое искусство“ и не безъ основанія замѣчаетъ:

русское декаденство пока (!? В. П.) дало совершенно мертворожденные плоды, да и вообще теперь слишкомъ часто дѣлають себѣ карьеру на декадентствѣ всѣ бездарности.

Это ты сказалъ, о рыцарь духа, а не мы. Наше же дѣло лишь слѣдить за бореніями въ твоей душѣ двухъ теченій,—слѣдить и отмѣчать удары, которые, на подобіе несчастнаго рыцаря Гейне, ты направляешь въ концѣ концовъ въ собственную грудь, и по той же причинѣ, за измѣну дамы—Метафизики:

Da würden wol alle schweigen,
Nur nicht sein eigener Schmerz,
Da müsst' er die Lanze neigen
Widers eigne klagende Herz!..

Не годится вотъ только вамъ, г. Бердяевъ, скажемъ мы, пе-

реходя от торжественнаго „ты“ къ общественному „вы“, не годится бросать по адресу противниковъ вашей вѣроломной дамы упреки, которые или стары и давно опровергнуты, или прямо несправедливы и обнаруживаютъ въ васъ довольно неизвинительное для профессиональнаго „философа“ полужнание вашего же предмета. Продѣлывая, напр., въ обратномъ порядкѣ свойственную вамъ фигуру нападенія-раздумья,—на сей разъ вы начинаете съ комплимента, а кончаете ударомъ, — вы такъ изъясняетесь (стр. 14):

Въ настоящее время нельзя не быть эволюціонистомъ... Но...

— Mercî, grand mercî!—взываютъ къ вамъ осчастливленные этимъ отзывомъ „эволюціонисты“.

„Но“ вы не слушаете ихъ и, многозначительно поднявъ философическій перстъ, продолжаете:

..Но для того, чтобы теорія развитія приобрѣла философскій смыслъ и значеніе, она нуждается въ переработкѣ. Научно-философская теорія развитія должна прежде всего понять то, чего не понимаютъ многіе эволюціонисты: уже Демокритъ зналъ, что *nihil ex nihilo* , жизнь не можетъ развиться изъ отсутствія жизни, психическое изъ отсутствія психическаго, нравственность изъ отсутствія нравственности, познаніе изъ отсутствія познанія, красота изъ отсутствія красоты. Должно быть *то, что* развивается.

Да, очевидно, мы, старики, отстали, очень отстали отъ современнаго философскаго движенія, которое, „переоцѣнивая“ разныя цѣнности, создало и новаго Демокрита, доказывающаго на основаніи формулы *nihil ex nihilo* , что „жизнь не можетъ развиться изъ отсутствія жизни, психическое изъ отсутствія психическаго“ и т. д. Нашъ же старый Демокритъ, о которомъ я съ товарищами читалъ у Діогена Лаэртскаго на семинарской партѣ, и читалъ съ тѣмъ, чтобы въ качествѣ проходившаго курсъ „философін“, разбивать въ семинарскихъ же сочиненіяхъ его матеріалистическія джеумствованія,—этотъ обыкновенный, традиціонный, не „переоцѣненный“ Демокритъ ужасалъ насъ слѣдующими положеніями:

Начало всего сущаго—атомы и пустота; все же прочее существуетъ лишь во мнѣніи. Безконечны суть міры и подлежатъ рожденію и уничтоженію. Ничто не рождается изъ не сущаго и не уничтожается въ не сущемъ. Безконечны суть атомы и по величинѣ, и по численности, и всѣ вмѣстѣ несутся во вращеніи. И такъ рождаются всѣ соединенія, огонь, вода, воздухъ, земля... И солнце, и луна состоятъ изъ тѣхъ же самыхъ вращающихся круглыхъ массъ, а равнымъ образомъ и душа, которая есть то же, что и разумъ...

„А равнымъ образомъ и душа“—вотъ вамъ и „психическое“, которое „не можетъ развиться изъ отсутствія психическаго“!.. Да, „многіе“, очень „многіе эволюціонисты“ не поймутъ торжествующей ссылки г. Бердяева на Демокрита, какъ не поймутъ и всей этой горячей тирады насчетъ необходимости „переработки

теоріи развитія“. Съ нихъ достаточно и того, какъ г. Бердяевъ „переработалъ“ великаго атомиста древности: они ограничатся тѣмъ, что улыбнутся надъ глубокомысленной формулой юнаго философа: „должно быть *то, что* развивается“, улыбнутся и останутся коснѣть въ своемъ неисправленномъ и недополненномъ г. Бердяевымъ эволюціонизмѣ.

Вообще мы думаемъ, что съ критикой эволюціонизма г. „борцу за идеализмъ“ не везетъ, ибо то, что пишетъ объ этомъ г. Бердяевъ, дѣлаетъ честь благородству его души, но переносить насъ въ блаженной памяти двадцатые годы. Помните, дорогой читатель, глубоко жизненный типъ тогдашнихъ дней, восхитительно переданный нашимъ великимъ поэтомъ?—

...Владиміръ Ленскій,
Съ душою прямо геттингенской,
Красавецъ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ,
Поклонникъ Канта и поэтъ.
Онъ изъ Германіи туманной
Привезъ учености плоды:
Вольнолюбивыя мечты,
Духъ пылкій и довольно странный,
Всегда восторженную рѣчь
И кудри черныя до плечъ.

Читайте теперь слѣдующія огнедышащія строки (на стр. 13, но изъ такихъ строкъ состоитъ, въ сущности, вся статья г. Бердяева):

Какъ живой человекъ, сознающій великую важность нравственной проблемы, вы говорите: это добро, а это зло, добро есть цѣнность, я его чувствую какъ что-то безусловно цѣнное, и я хочу служить добру и бороться со зломъ. Въ тотъ моментъ, когда вы устанавливаете самостоятельное качество добра въ вашей душѣ, признаете его абсолютную цѣнность и служите ему, вы совершаете величайшій актъ вашей жизни, истинное богослуженіе, служеніе Богу правды. Но вотъ приходитъ эволюционистъ, зоветъ васъ назадъ къ изслѣдованію моллюсковъ и предлагаетъ вамъ немедленно показать, что все, что вами переживается, какъ святѣйшее, есть лишь полезная иллюзія въ борьбѣ за существованіе, что нравственное сознаніе разлагается на какія-то частицы, не имѣющія ничего общаго съ нравственностью, и что все это неопровержимо доказывается уровнемъ нравственныхъ идеаловъ рыбъ... Всякій общественный боецъ за справедливость является сторонникомъ «естественнаго права», онъ призываетъ къ правдѣ въ человѣческихъ отношеніяхъ, къ утвержденію вѣчныхъ правъ человека, онъ идеалистъ и принимаетъ вѣнецъ за идею правды-справедливости, которая переживается имъ, какъ абсолютная цѣнность. Эволюционистъ постарается охладить его идеалистическій призывъ къ справедливости, онъ постарается эволюціонистическимъ путемъ показать, что сознаваемое идеалистомъ-борцомъ «естественное право» человека, которое онъ такъ страстно желаетъ воплотить въ жизнь, есть чистѣйшая иллюзія и отъ моллюсковъ она произошла такимъ-то образомъ. Только философскій идеализмъ утверждаетъ и обосновываетъ ту жажду правды и справедливости, которой наполнена жизнь практическихъ идеалистовъ, и т. д., и т. д. и до безконечности и т. д.

Нѣтъ, знаете, прямо перо падаетъ изъ рукъ, и больно ста-

новится за „бѣдную русскую мысль“. Давно-ли „ученики“ видѣтъ ничего не хотѣли въ мірѣ, кромѣ „мѣнливой цѣнности“. Теперь эту цѣнность смѣнила „абсолютная цѣнность“; и снова люди ничего не хотятъ видѣть, кромѣ этой, вновь объявившейся, цѣнности, и снова, при помощи одной формулы, одного кабалистическаго слова, пытаются построить весь міръ божій со всѣмъ его великолѣпіемъ и формъ, и цвѣтовъ, и звуковъ. И насъ же, реалистовъ и эволюціонистовъ, упрекаютъ въ односторонности, мало того, прямо обвиняютъ въ томъ, что мы расколаживаемъ порывы гг. идеалистовъ. Право, не знаешь, надо-ли серьезно возражать противъ всей этой метафизической шумихи.

Г. Бердяевъ желаетъ поразить эволюціонизмъ, бросая въ насъ молюсками... Молюски! о наивный и пылкій юноша! Мы, эволюціонисты, полагаемъ, что не только у молюсковъ нѣтъ нравственности, но что она не успѣла еще стать достояніемъ всего человѣчества. Вмѣстѣ съ однимъ замѣчательнымъ (увы! нынѣ умершимъ) русскимъ мыслителемъ, который работалъ надъ вопросами нравственности еще въ то время, какъ ваша метафизическая муза, не смотря на свои тяготѣнія къ апріорному методу, носила дѣтскія панталочки, — вмѣстѣ съ этимъ представителемъ критической мысли мы утверждали, что область морали не только не есть нѣчто прирожденное человѣку, но что далеко не всѣ люди доразвѣдись до моральныхъ требованій, какъ далеко не всѣ люди выработали въ себѣ потребность научнаго, дѣйствительно критическаго мышленія. И примѣръ тому совсѣмъ близко, примѣръ этому — не малая часть современной, такъ называемой, русской интеллигенціи, которая, послѣ своего увлеченія „матеріализмомъ“, увлекается теперь метафизической идейною реакціей, какъ это предусматрѣлъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ Спенсеръ въ разговорѣ съ г. М. М. Ковалевскимъ (см. его „Воспоминанія“ въ „Русской Мысли“).

А что насчетъ расколаживанія вашихъ идеальныхъ порывовъ нами, злокозненными позитивистами и эволюціонистами, то неужели же вамъ, несомнѣнно чуткому и благородному человѣку, не припомнились въ недавнемъ еще нашемъ прошломъ величавые образы дѣятелей, мужчинъ и женщинъ и почти дѣтей, которые были яркими врагами всякой метафизики, но своею жизнью явили всему міру замѣчательные образцы высокой духовной мощи и красоты? Вы вотъ очень цѣните поэзію, — такъ не припомните ли вы въ „стихотвореніяхъ въ прозѣ“ одного изъ величайшихъ романистовъ нашихъ знаменитаго діалога на „Порогѣ“ между „дѣвушкой... русской дѣвушкой“ и невѣдомымъ „медлительнымъ, глухимъ голосомъ“:

«О ты, что желаешь переступить этотъ порогъ, знаешь-ли ты, что тебя ожидаетъ?»

— Знаю, отвѣчаетъ дѣвушка.

«Холодъ, голодъ, ненависть, насмѣшки, презрѣніе, обиды,
тюрьма, болѣзнь, самая смерть?»

— Знаю.

«...Ты готова на жертву?»

— Да.

«На безыменную жертву? Ты погибнешь,—и никто... никто
не будетъ даже знать, чью память почтить.»

— Мнѣ не нужно ни благодарности, ни сожалѣнія. Мнѣ
не нужно имени.

А теперь я попрошу сравнить величіе этого нравственнаго типа, типа, который не нуждается для жертвы ни въ какомъ предварительномъ приѣмѣ метафизическаго гашиша и просто идетъ на гибель, на полную, окончательную гибель, вплоть до исчезновенія самаго воспоминанія, самаго имени; и величіе того типа современныхъ метафизиковъ, который по собственнымъ же словамъ его глашатая и представителя, г. Бердяева, способенъ, какъ мы видѣли, на „величественный подъѣмъ духа и идеалистическій энтузіазмъ лишь въ томъ случаѣ, если чувствуетъ всѣмъ своимъ существомъ, что его усилія и его труды безсмертны по своимъ результатамъ“. Какъ вы думаете, читатель, на чьей сторонѣ истинное величіе духа? А вы сами, какъ полагаете, г. Бердяевъ, требующій у судьбы за свои добродѣтели немедленной платы безсмертіемъ?...

Послѣ этого вопроса,—я чувствую,—временное неудовольствіе, возбужденное во мнѣ глубоко несправедливой критикой г. Бердяева, падаетъ, и я уже безъ особаго огорченія, а скорѣе съ улыбкой констатирую нѣкоторую... примитивность, или наивность, что-ли, полемики нашего автора противъ утилитаризма, который онъ, опираясь на авторитетъ Карлейля, называетъ „свинской философій“ (стр. 10); равно какъ съ тою же улыбкою указываю читателю на разсужденія нашего новаго Ленскаго о человѣческой любви, о „любви, реализующей сродство душъ и имѣющей безусловную цѣну и значеніе“ (стр. 21). Ея, этой любви, мы, эволюціонисты, не знали до г. Бердяева: на то ужъ мы „свинскіе философы“; мы понятія не имѣли объ „идеальной любви съ ея вѣчнымъ романтизмомъ, поэзіей и красотой“ (стр. 22). Ибо лишь „новѣйшее искусство начинаетъ понимать идеалистическую природу любви“ (ibid.); а мы, варвары, даже „не безъ гордости“ говоримъ, что „красота для насъ звукъ пустой“ (стр. 3)...

Хотѣлъ было я напомнить автору, что даже въ „новѣйшемъ искусствѣ“, можетъ быть, не найдешь изображенія такой идеальной любви, живой примѣръ которой даютъ отношенія одного изъ теоретиковъ „свинской философій“, Джона Стюарта Милля, къ мистриссъ Тэйлоръ, которая сдѣлалась его женой послѣ двадцати лѣтъ одухотворенной, глубоко человѣческой, идейной и аффективной привязанности. Но, право, не хочется придавать черезчуръ серьезный трагическій оттѣнокъ этой части нашей литера-

турной тяжбы съ г. Бердяевымъ. Доброе сердце и юношеская импульсивность внушили нашему „борцу за идеализмъ“ мысль ввести насъ во святая святыхъ, въ сокровенные изгибы возвышенной, якобы неизвѣстной намъ любви. Поблагодаримъ же молодого автора за эти старанія; но, поблагодаривъ, скажемъ, что мы не дождались его, чтобы проникнуть въ тайны этого чувства, не смотря на нашу свиносфию, и восхищаться поэтическимъ изображеніемъ могучаго аффекта, не взирая на наше презрѣніе къ „пустому звуку красоты“. О, г. Бердяевъ, повѣрьте, не оставались для насъ, реалистовъ и эволюціонистовъ, неизвѣстными идеализація и поэтизированіе этого чувства, не оставались хотя бы уже потому, что насъ глубоко привлекаютъ къ себѣ постепенное усложненіе и психологическая эволюція человѣческой натуры.

Вмѣстѣ съ Петраркой мы останавливались передъ своеобразными чарами любовнаго „сладкаго гнѣва, сладкой досады, сладкаго примиренія, сладкой боли, сладкаго волненія“ и т. д.

*Dolce ire, dolci sdegni, e dolci paci,
Dolce mal, dolce affanno, e dolce peso,
Dolce parlar e' dolcemente inteso...*

Съ Байрономъ мы, въ пылу неизбѣжной идеализаціи, сравнивали любовь съ „небеснымъ свѣтомъ“, который „поднимаетъ съ земли наше низменное желаніе“.—

*Yes, Love indeed is light from heaven;
A spark of that immortal fire
With angels shared, by Alla given,
To lift from earth our low desire.*

Мы раздѣляли съ Гейне то торжественное настроеніе, когда „сердце, какъ солнце, погружалось въ море любви“—

*Mein Herz ist wie die Sonne
So flammend anzusehn,
Und in ein Meer von Liebe
Versinkt es gross und schön.*

И самый искренній поэтъ Франціи—чародѣй Мюссе—далъ намъ поэтическую картину противорѣчія между тѣмъ, что вы называете „позывомъ къ вѣчной любви“, и хрупкостью его конкретныхъ проявленій:

*Je me dis seulement: «A cette heure, en ce lieu
Un jour, je fus aimé, j'aimais, elle était belle,
J'enfouis ce trésor dans mon âme immortelle
Et je l'emporte à Dieu!...»*

Какъ видите, ничто не ново подъ луной изъ того, что вы съ такой настойчивостью развивали по поводу любви. Можетъ быть, было бы нѣсколько новѣе указать на нѣкоторыя противообщественныя стороны этого чувства и построить гипотезу относи-

тельно того, во что оно превратится въ будущемъ строѣ, основанномъ на солидарности людей-братьевъ. Но это завело бы насъ слишкомъ далеко...

Разстаюсь съ г. Бердяевымъ въ надеждѣ, что во всей предстоящей критикѣ онъ не найдетъ ничего обиднаго для себя и пойметъ, что, какъ бы сочувственно я ни относился къ нѣкоторымъ сторонамъ его общаго со мною социальнаго идеала, я не могъ оставить безъ возраженія его метафизическую точку зрѣнія, которая представляется мнѣ очень вредною именно у насъ въ Россіи, гдѣ интеллигенція еще такъ малочисленна, здоровыя идейныя традиціи такъ еще непрочны.

Въ майской же и іюньской книжкахъ „Міра Божія“ продолжаетъ свои—повторимъ еще разъ—замѣчательные „Очерки по исторіи русской культуры“ г. Милюковъ, который подвергаетъ на этотъ разъ анализу характеръ реформы Петра I, обрисовываетъ оппозиціонныя противъ нея теченія среди старыхъ общественныхъ элементовъ, а также изображаетъ своеобразное преломленіе, испытанное насильно внесенной культурой на русской почвѣ. Очень хорошо обоснована и проведена г. Милюковымъ точка зрѣнія—отчасти сквозящая уже въ извѣстныхъ лекціяхъ г. Ключевского—на реформаторскую дѣятельность Петра, какъ на нѣчто гораздо болѣе стихійное, чѣмъ сознательное:

Это безконечное повтореніе и накопленіе опытовъ, этотъ непрерывный круговоротъ разрушенія и созиданія, и среди всего какая-то неизсякаемая жизненная сила, которую не могутъ ни сломить, ни даже остановить никакія жертвы, никакія потери, никакія неудачи,—все это такія черты, которыя напоминаютъ расточительность природы въ ея слѣпомъ, стихійномъ творчествѣ, а не политическое искусство государственнаго человѣка (май, стр. 148 *).

Любопытно вырисовывается въ изображеніи г. Милюкова психологія дворянства, протестовавшаго противъ петровскихъ преобразованій:

Итакъ, вотъ что особенно непріятно въ реформѣ для русской знати и дворянства: разореніе хозяйства, подрывъ экономическаго благосостоянія. Изъ всѣхъ мотивовъ недовольства—этотъ окажется самымъ сильнымъ и прочнымъ... Къ чему его (дворянина) никогда не удастся приучить и противъ чего онъ всегда останется въ оппозиціи,—это европейское чувство «военной чести», воспитавшее сословный духъ европейскаго дворянства. Очень скоро послѣ Петра онъ почувствуетъ свою корпоративную силу; но онъ воспользуется ею только для того, чтобы какъ можно скорѣе развязаться съ почетною повинностью военной службы и вернуться назадъ, «домой», къ себѣ въ деревню.

*) Ср. г. Ключевского въ его литографированномъ курсѣ «Новой русской исторіи» за 1883—1884 г.: «торопливость реформы, непоследовательность отдѣльных мѣръ, отсутствіе общаго плана... непониманіе того, что мы называли бы народной психологіей... Петръ былъ болѣе техникъ, чѣмъ политикъ» и т. д.

Изъ всѣхъ оппозиціонныхъ стремленій петровскаго времени—это будетъ единственное, которое найдетъ твердую точку опоры въ собственной сословной силѣ и которое осуществится, благодаря этому, *вопреки* волѣ правительства (май, стр. 167).

Позволю себѣ также обратить вниманіе читателей на краткое, но очень удачное выясненіе г. Милюковымъ причинъ и послѣдствій неудавшейся попытки „старой родовой аристократической оппозиціи“ захватить въ свои руки власть при воцареніи Анны. Столкновеніе между этой знатью и вновь испеченнымъ „шляхетствомъ“ (по крайней мѣрѣ, значительною частью его) на почвѣ существенныхъ интересовъ представлено авторомъ, если и не въ совершенно новомъ, то яркомъ освѣщеніи, позволяющемъ ясно видѣть слабость пружинъ, пущенныхъ въ ходъ олигархами, къ которымъ созданное правительствомъ дворянство стало во враждебныя отношенія, надѣясь добиться реальныхъ сословныхъ выгодъ не путемъ борьбы съ центральной властью, а, наоборотъ, путемъ живого содѣйствія ей. Будущее показало, что плебейское, такъ сказать, дворянство было дальновиднѣе и разсчетливѣе аристократическаго дворянства. Дѣйствительно:

Молчавшая до сихъ поръ половина шляхетства оказалась противъ всякаго примѣненія къ Россіи теорій «естественнаго права». И она, однако же, не прочь была воспользоваться тѣми сословными льготами, которыя требовались всѣми проектами и общественными группами безъ различія: и Голицынымъ, и генералитетомъ, и конституціонной частью шляхетства. И всѣ эти требованія въ продолженіе тѣхъ же тридцатыхъ годовъ были удовлетворены правительствомъ (іюнь, стр. 271).

И опять вспоминаешь г. Ключевскаго и его взглядъ на то, какъ служилое дворянство, въ особенности гвардія, участвуетъ во всѣхъ политическихъ переворотахъ 18-го вѣка („такъ гвардія дѣлаетъ почти каждое правительство по смерти Петра до воцаренія Павла“, буквально говорить историкъ въ уже упомянутомъ нами „Курсѣ“ 1883—1884 г.), но участвуетъ съ тѣмъ, чтобы выжимать изъ каждаго новаго переворота социальныя льготы и привилегіи для дворянскаго сословія,—оригинальное подтвержденіе извѣстной теоріи о зависимости между политическимъ и социально-экономическимъ факторомъ, при чемъ здѣсь политика является чрезвычайно цѣлесообразнымъ средствомъ экономики.

Изъ другихъ статей „Мира Божія“ я укажу на окончаніе „Записокъ врача“ г. Вересаева въ майской книжкѣ и на окончаніе же „Сироты“ г. Альбова въ іюньской. Правдивые очерки г. Вересаева имѣли несомнѣнный успѣхъ среди читателей, и лучшимъ доказательствомъ тому являются нападки на автора со стороны его коллегъ—врачей, которые, очевидно, держатся въ медицинѣ знаменитаго *profession de foi* поэта:

Тѣмъ низкихъ истинъ намъ дороже
Насъ возвышающій обманъ.

стараясь, однако, примѣнять эту теорію не къ взаимнымъ отношеніямъ между собой—на то нашимъ авгурамъ не хватаетъ наивности—а къ отношеніямъ между медиками и пациентами. Забавный примѣръ могущества профессиональных чувствъ и интересовъ! Г. Вересаевъ въ заключеніе совершенно резонно возражаетъ на эти притязанія врачей оставлять истину подъ спудомъ для домашнего обихода почтенной корпорации. И сдается намъ, что истинно гуманные и хорошіе медики будутъ только рады неприкрашенному изображенію врачебнаго міра и его отношеній къ болящему человѣчеству. Г. Вересаевъ вовсе не есть измѣнникъ настоящимъ интересамъ своей корпорации: именно въ заключительныхъ главахъ „Записокъ“ вы найдете безпристрастное изложеніе тяжести жизненныхъ условий, обрушивающихся на рядового врача, и критику несправедливыхъ притязаній публики, требующей отъ врачей подвижничества и прямо идеальной святости и безкорыстія, а въ то же время становящейся въ отношеніяхъ къ врачамъ на почву купли-продажи и безпощаднаго примѣненія принципа всеобщей конкуренціи, обрекая и самихъ медиковъ на отчаянную борьбу между собой (кстати, извѣстна ли г. Вересаеву курьезная поговорка на языкѣ кухонной средневѣковой латыни: homo homini lupus, medicus medico lupior—„человѣкъ человѣку волкъ, а врачъ врачу и того волчѣ“).

Но, конечно, и узко-профессиональнаго медика должна поразить та глубокая правдивость, та прямо захватывающая душу искренность, которая является лучшимъ достоинствомъ этихъ вообще интересныхъ и живо написанныхъ очерковъ. Насъ же, профановъ, сильно, кромѣ того, привлекаетъ въ авторѣ его общее широкое и социально-здоровое мировоззрѣніе. Человѣкъ, который способенъ написать такую глубоко-прочувствованную картину смерти интеллигентнаго рабочаго, какую вы найдете на стр. 47—50 „Записокъ“; человѣкъ, у котораго эти подавляющія сцены современнаго общественнаго фатума вызываютъ слѣдующее заключительное размышленіе о судьбѣ всѣхъ бѣдняковъ вообще и въ томъ числѣ бѣдняковъ врачей:

Да, выходъ въ другомъ. Этотъ единственный выходъ—въ сознаніи, что мы — лишь небольшая часть одного громаднаго, не разъединимаго цѣлаго, что исключительно лишь въ судьбѣ и успѣхахъ этого цѣлаго мы можемъ видѣть и свою личную судьбу. и успѣхъ (стр. 50), —

этотъ человѣкъ заслуживаетъ нашей глубокой симпатіи. И эта, надѣюсь, общая симпатія порядочныхъ читателей достаточно вознаградитъ г. Вересаева за крики негодованія корыстныхъ или узко-профессиональныхъ товарищей автора.

Эпопея „сѣренкой жизни“ чиновника — „Сироты“ закончена

г. Альбовымъ,—можетъ быть, нѣсколько неожиданно,—сейчасъ же послѣ кульминаціоннаго по интересу пункта всей повѣсти, а именно похищеній сильно подвыпившаго героя на свадьбѣ его лучшаго и единственнаго друга, съ которымъ Альбовъ ссоритъ „Сироту“ въ апрѣльской книжкѣ, миритъ въ майской, и на свадебное торжество котораго „Сирота“ попадаетъ шаферомъ въ юнскую. Въ заключительныхъ главахъ повѣсти есть цѣлый рядъ глубоко-юмористическихъ страницъ, которыя дѣлаютъ честь изобразительному таланту автора, не смотря на нѣкоторые, очевидно, бессознательные отголоски Гоголя (напр., діалогъ „и ничего такого не спрашивалъ“ — „ничего“ между Павломъ Ивановичемъ и его кухаркой, діалогъ, напоминающій знаменитый діалогъ между Подколесинымъ и Степаномъ въ „Женитьбѣ“). Этими страницами почти вполнѣ выкупается нѣсколько вялое развитіе сюжета въ предшествующихъ книжкахъ; а когда читатель доходитъ до того мѣста, гдѣ передъ болѣзненнымъ съ похмѣлья воображеніемъ „Сироты“ проходятъ прерываемыя моментами забвенія нескладныя вереницы воспоминаній о „позорной ночи“, о видѣнномъ, слышанномъ, а главное—содѣянномъ самимъ героемъ, то, право, трудно кому бы то ни было удержаться отъ искренняго и незлобиваго смѣха подъ влияніемъ этой мастерски очерченной психологіи пьянаго. Чего стоитъ одна рѣчь „Сироты“, произнесенная въ честь новобрачныхъ и умирающая въ рыданіяхъ самого же внезапно огорчившагося оратора!..

Я думаю, эти страницы займутъ почетное мѣсто къ вакхической антологіи, и невольно приходитъ въ голову, какое странное впечатлѣніе произвела бы повѣсть г. Альбова, переведенная на одинъ изъ культурныхъ западно-европейскихъ языковъ. „Сирота“ воистину поражаетъ своимъ спиритуалистическимъ направленіемъ (не въ смыслѣ метафизики гг. Струве и Бердяева, а согласно алхимической терминологіи spiritus'a, какъ летучаго продукта возгонки): я, признаться, не подводилъ точнаго итога всего выпитаго героями повѣсти, но общее впечатлѣніе таково, что на одно членораздѣльное слово дѣйствующихъ лицъ приходится двѣ, а то и три рюмки водки, не считая прочихъ горячительныхъ питій. Недаромъ у иностранцевъ, пишущихъ критики на русскія произведенія, прорывается такъ часто нота искренняго удивленія передъ этимъ „мѣстнымъ колоритомъ“ обязательной и почти непрерывной выпивки. Любителямъ сравнительной словесности не мѣшало бы обратить вниманіе на этотъ пунктъ и опредѣлить долю истины въ этой оцѣнкѣ западно-европейцевъ. Точно-ли это уже такая бытовая деталь нашей жизни?

Романъ г. В. Я. Свѣтлова „Семья Варавинныхъ“, начавшійся въ апрѣльской книжкѣ „Вѣстника Европы“, уже закончился въ

іюльской. Я, признаться, ожидалъ отъ него большаго: мнѣ казалось, что это изображеніе различныхъ типовъ, выросшихъ внутри вліятельной провинціальной семьи, выльется по мѣрѣ дальнѣйшаго хода романа въ картину мѣстной „политической“, если можно такъ выразиться, жизни, удаленной отъ столичныхъ центровъ Россіи. И это впечатлѣніе держалось у меня довольно долго, пока вдругъ, на послѣднихъ страницахъ іюльской книжки, авторъ не заблагоразсудилъ разрубить à la Александръ Македонскій одинъ изъ интереснѣйшихъ узловъ дѣйствія своего романа: я говорю объ административномъ столкновеніи между Варавинимъ сыномъ, типомъ властнаго губернатора изъ молодыхъ и притомъ практическаго нищепанца (безъ Нищепанца теперь, вѣроятно, нигдѣ не обойдешься!), и Варавинимъ отцомъ, губернскимъ предводителемъ дворянства по должности и „либераломъ 60-хъ годовъ“ по убѣжденію. Г. Свѣтловъ убилъ старика параличемъ въ самый интересный моментъ, а именно, когда конфликтъ между представителемъ центральной власти и выразителемъ интересовъ земщины началъ производить сильное волненіе въ губерніи, и отецъ послалъ въ Петербургъ жалобу на сына за его умышленно рѣзкіе и незаконныя дѣйствія. Читатель только что было настроился слѣдить за перипетіями этого далеко не академическаго для нашихъ дней конфликта, какъ вдругъ въ результатъ крупнаго разговора съ сыномъ у отца,

кровь бросилась ему въ голову... Изъ устъ его раздались хрипы и какое-то невнятное бормотаніе; онъ схватился правой рукой за затылокъ, а лѣвая повисла какъ плеть. Его высокое, грузное тѣло рухнуло на полъ, какъ подкошенный стволъ, и лѣвая сторона лица страшно исказилась въ гримасу. Это былъ параличъ, который давно уже подкрадывался къ нему, какъ воръ (іюнь, стр. 587).

Въ результатъ чего, послѣ этого скандала и преслѣдуемый враждебною все возроставшею и возроставшею „молвою“, цѣлой губерніи,

Сергѣй Петровичъ—имя нищепанца-губернатора—вскорѣ уѣхалъ въ Петербургъ (ibid.).

Ахъ, какъ разочаровалъ насъ этотъ ударъ, который явился какъ *deus ex machina* и такъ не кстати оборвалъ становившійся интереснымъ романъ! Я уже, дѣйствительно, ждалъ, какъ губернаторъ-нищепанецъ, въ качествѣ человѣка, любящаго власть и вмѣстѣ съ тѣмъ гордящагося отсутствіемъ всякихъ этихъ сантиментальныхъ идей въ политикѣ и всякой этой либеральной макиловщины, развилъ бы откровенно свою точку зрѣнія на предметъ, не удовлетворяясь тѣми рѣзкими, но отрывочными рѣчами, которыя раза два влагаетъ ему въ уста нашъ авторъ...

Нѣсколько скомканнымъ мнѣ представляется и окончаніе ро-

мана г. Боборыкина „Жестокіе“. Мы оставили этотъ романъ прошлый разъ въ мартовской книжкѣ „Русской Мысли“: въ июньской онъ пришелъ къ преждевременному—не столько по количеству листовъ, сколько по цѣльности впечатлѣнія—концу. Мнѣ теперь кажется, что въ началѣ авторъ, слишкомъ долго останавливался на второстепенныхъ деталяхъ и, не рассчитавъ внутренней пропорціи между частями, черезчуръ растянулъ завязку романа, а, почувствовавъ это, былъ вынужденъ сжать конецъ не въ мѣру удлинившихся бы иначе „Жестокіихъ“. Въ романѣ есть недурныя отдѣльныя мѣста; есть умно задуманныя и успѣшно выполненныя „ситуаціи“. Но въ общемъ это произведеніе не много прибавитъ новыхъ лавровъ къ художественному вѣнку нашего плодовитаго беллетриста. Это, что называется, приличный романъ: читать можно безъ скуки, порою даже съ нѣкоторымъ интересомъ; но сила верженія, сила проникновенія этой вещи въ душу читателя очень умѣренная.

Вторую часть романа можно было бы назвать исторіей крушенія „Жестокіихъ“: изъ торжествующихъ побѣдителей завязки большинство ихъ превращается въ хныкающихъ побѣжденныхъ. Ихъ ряды рѣдѣютъ, и энергія остающихся падаетъ: значитъ ли это, что нашъ чуткій романистъ подмѣтилъ въ самой жизни убыль „сверхъ-человѣческой“ мутной волны? Хотѣлось бы думать такъ. Во всякомъ случаѣ, въ романѣ художникъ расправляется съ „Жестокими“ по жестокому же. Горедливый нищепанецъ-адвокатъ, претерпѣвъ отставку отъ дамы сердца, отправляетъ себя на тотъ свѣтъ. Дама сердца, получивъ по завѣщанію отъ обманутаго мужа на смертномъ одрѣ язвительные мемуары, вскрывающіе день за днемъ подмѣченныя умиравшимъ продѣлки супруги, зачитывается этихъ загробныхъ обвиненій до истерики и въ тоже время тщетно ждетъ любви плѣнительнаго эстета Вилли. Плѣнительный эстетъ отряхаетъ съ своихъ ногъ прахъ декадентства и уходитъ изъ этого уродливаго міра, чтобы стать просто хорошимъ человѣкомъ. Генералъ Красицкій попадаетъ за крупныя мошенничества въ тюрьму. Покровительствуемая имъ артистка Русинова, послѣ кратковременнаго амура съ Вилли, остается при печальномъ интересѣ съ неудавшейся театральной антрепризой и кучей долговъ на рукахъ. Маша Долгова освобождается изъ подъ чаръ „холодка“ декадента высшей пробы Ошарина и начинаетъ тяготѣть всей душой къ Вилли, который въ ожиданіи болѣе сильнаго чувства, платитъ ей пока глубокой симпатіей. Только, кажется, одинъ бѣдный Митя, пораженный измѣной Русиновой и друга, платится смертью за столкновеніе своей крохоты съ свирѣпостью „Жестокіихъ“, тогда какъ станъ этихъ сверхъ-человѣковъ почти цѣликомъ разгромленъ или теряетъ своихъ представителей, перебѣгающихъ въ лагерь обыкновенныхъ порядочныхъ людей.

Изъ другихъ вещей, помѣщенныхъ въ „Русской Мысли“, упомяну о небольшомъ, но очень симпатичномъ разсказѣ изъ морской жизни г. Станюковича, который искусно противопоставляетъ типъ фальшиваго „Добраго“ (любезнаго по внѣшности, но безхарактернаго и равнодушнаго къ своимъ людямъ, капитана) и типъ настоящаго добраго и самоотверженнаго человѣка изъ матросовъ; и о фельетонно, но не безъ юмора написанномъ небольшомъ разсказѣ г-жи Евгеніи Ловецкой „Повезло“.—Повезло, видите-ли, нѣкому публицисту изъ раскаявшихся народниковъ, который тщетно ищетъ темы для своей статьи и находитъ ее въ разговорѣ съ крѣпостникомъ, жалующимся на лѣность и пьянство мужиковъ. Оба эти разсказа помѣщены въ майской книжкѣ.

„Трое“ г. М. Горькаго остаются неоконченными: будемъ надѣяться, что повѣсть выйдетъ отдѣльнымъ изданіемъ, и читателю будетъ легче отдать себѣ отчетъ въ общемъ впечатлѣніи, оставаемомъ новымъ произведеніемъ талантливаго беллетриста. Въ тотъ моментъ, на которомъ обрывается повѣсть въ „Жизни“, главный герой ея, Илья, какъ будто начинаетъ обнаруживать желаніе выскочить изъ грязи, въ которую его втаптываютъ судьба и его собственное эгоистичное желаніе жить во чтобы то ни стало „хорошо“. Онъ позволяетъ себѣ завести интрижку съ бойкой и развратной бабенкой, которой оказывается его квартирная хозяйка и компаньонша по магазину: читатель, можетъ быть, еще не забылъ перваго появленія этой идилической по внѣшности квартильничихи. Но скоро Илья разрываетъ эту претящую ему связь, и появленіе молодой интеллигентной дѣвушки—сестры служившаго у него въ магазинѣ мальчика—въ кружкѣ Ильи и его старыхъ пріятелей—босяковъ заставляетъ читателя ожидать перелома въ жизни „Троихъ“. Стыдъ и раскаяніе проникаютъ въ душу Ильи; и онъ, и его товарищи ждутъ отъ барышни разрѣшенія давно волновавшихъ ихъ вопросовъ и удовлетворенія неясныхъ порывовъ къ иному, лучшему существованію. Пока на этомъ повѣсть обрывается съ обѣщаніемъ—увы!—„окончанія въ слѣдующемъ“. Интересно то идеальное, почти наивно-прекрасное освѣщеніе, въ которомъ является на сей разъ у г. Горькаго человѣкъ изъ интеллигенціи: общается-ли это желаніе автора приняться за изображеніе интеллигентныхъ типовъ безъ того предвзятаго недовѣрія и той излишней ироніи, которыя характеризовали до сихъ поръ отношеніе нашего автора къ интеллигенціи? Если да, то отъ таланта автора можно ждать въ этой области созданія интересныхъ типовъ.

И поэзія поетъ лебединую пѣсню въ „Жизни“ устами г. Горькаго: я говорю о его великолѣпныхъ бѣлыхъ стихахъ, воспѣвающихъ размыромъ Калевалы и гейневскаго „Атта Тролля“ радость

сильной и вольной птицы передъ грозой: „Пѣсня о Буревѣстникѣ“—лишь конецъ „фантазіи“, которую г. Горькій приготовилъ, насколько извѣстно, къ печати подъ заглавіемъ „Весенніе мелодіи“. Мы не нашли въ „Жизни“ начала этой „фантазіи“, начала, посвященнаго разговорамъ птицъ о веснѣ въ саду поэта; и отсутствіе „старого воробья“, воркующихъ о любви голубей, безпокойныхъ чижей, наглыхъ синицъ и вороны съ ея вѣчнымъ крикомъ „фа-актъ!“ и вліятельнаго снигиря, и „сѣраго прохвоста жаворонка“,—это отсутствіе введенія уменьшаетъ если не художественную прелесть, то полноту впечатлѣнія, производимаго граціозной „фантазіей“ г. Горькаго. Скоро-ли появится она цѣликомъ?

Читаю и восхищаюсь мыслями князя-„Гражданина“: положительно, si le prince n'existait pas il faudrait qu'on l'inventât. Мнѣ уже давно не приходилось сподрядъ читать этой интересной во всѣхъ отношеніяхъ Мещериады. Но вотъ по долгу службы журнально-газетнаго обозрѣвателя началъ изучать коллекцію номеровъ „Гражданина“ за этотъ годъ, и уже не могу оторваться: такъ сильно удовольствіе, доставляемое княжеской литературой. Я и постараюсь приобщить моихъ читателей къ этому гигиеническому чувству, но лишь на слѣдующій разъ, ибо о князѣ Мещерскомъ надо или говорить много, или совсѣмъ не говорить: ce cher prince gagne à être connu! Итакъ, о другъ-читатель, до пріятнаго разговора

..... съ нимъ,
Съ лицомъ такимъ.
Съ Его Сіятельствомъ самимъ!.

В. Г. Подарскій.

П о л и т и к а.

Кризисъ либеральной партіи въ Англіи.—Департаментскіе выборы во Франціи.

I.

Кризисъ, который переживаетъ въ настоящее время либеральная партія въ Англіи, представляетъ собою самое выдающееся явленіе современной политической жизни земного міра. Мы его уже не разъ касались на этихъ страницахъ и, между прочимъ, не далѣе, какъ въ нашей прошлой хроникѣ, посвященной южно-африканскимъ, а слѣдовательно, и англійскимъ дѣламъ. Въ отчетномъ мѣсяцѣ, однако, разложеніе старой либеральной партіи сдѣ-

ладо столь значительные и знаменательные шаги, что мы должны снова остановить наше вниманіе на этой эволюціи, имѣющей такое огромное значеніе и для великой націи, въ средѣ которой совершается, и для всего человѣчества, въ средѣ котораго эта нація играетъ такую блестящую роль.

Въ прошлой нашей бесѣдѣ мы остановились на томъ моментѣ, когда въ палатѣ общинъ, послѣ рѣчи лидера либеральной оппозиціи сэра Баннермана-Кемпбеля, критиковавшаго методъ веденія войны правительствомъ, часть либераловъ, около 50 числомъ, и въ томъ числѣ Аскитъ, отдѣлились отъ оппозиціи и голосовали за правительство. Это было первое явное обнаруженіе распада партіи, первая манифестація новыхъ либеральныхъ диссидентовъ. Отсюда мы и начнемъ изложеніе новѣйшаго фазиса этой эволюціи.

Когда дѣломъ отложенія части партіи руководятъ такіе честолюбцы, какъ Чемберленъ, то дѣло выясняется довольно скоро и разлука не заставляетъ себя ждать. Совсѣмъ иначе дѣло обстояло въ тотъ моментъ, съ котораго мы начинаемъ теперь нашу исторію. Гербертъ Генри Аскитъ представляется фигурою совсѣмъ иного сорта, болѣе искреннею и лишенною того элемента предательства, который такъ годится въ подобныхъ случаяхъ. Между тѣмъ, ни Фоулеръ, ни Эдвардъ Грей, никто другой изъ либеральныхъ имперіалистовъ, кромѣ развѣ лорда Розбери, не годится въ лидеры либеральныхъ имперіалистовъ, а только и единственно—Гербертъ Аскитъ. Ему теперь сорокъ восемь лѣтъ, университетское образованіе получилъ въ Оксфордѣ, по профессіи юристъ и адвокатъ. Аскитъ выдвинулся впервые, какъ защитникъ Парнелля. Вслѣдъ за тѣмъ, избранный въ парламентъ, онъ оказался въ числѣ самыхъ горячихъ и преданныхъ сторонниковъ Гладстона, своимъ замѣчательнымъ краснорѣчіемъ оказавшимъ не малыя услуги либеральной партіи. Когда въ 1892 году Гладстонъ составлялъ свое послѣднее министерство, Аскитъ получилъ портфель министра внутреннихъ дѣлъ и на этомъ посту провелъ не мало важныхъ реформъ по мѣстному управленію и по рабочему законодательству, связавъ свое имя съ такими актами, какъ билль объ общинномъ самоуправленіи, объ организаціи школьнаго дѣла и др. Въ 1895 году онъ вышелъ въ отставку вмѣстѣ со всѣмъ либеральнымъ министерствомъ и перешелъ въ оппозицію, гдѣ, какъ бывший министръ, засѣдаетъ на первой скамьѣ вмѣстѣ съ другими бывшими министрами либеральныхъ кабинетовъ, бокъ о бокъ съ лидеромъ, противъ котораго именно съ этой скамьи онъ и голосовалъ въ то памятное іюньское утро, о которомъ мы говорили выше. Это было знаменательно, и консервативная печать привѣтствовала его поведеніе и поведеніе полсотни послѣдовавшихъ за нимъ товарищей съ шумною радостью, смутившею искренняго и нечестолюбиваго Аскита. Нелицепѣрно думая, что онъ не

отдѣлился отъ либеральной партіи, онъ поспѣшилъ заявить, что не должно быть и рѣчи о какомъ-либо расколѣ въ либеральной партіи, и что радость торійской прессы совершенно напрасная. Не такъ, однако, думали другіе вожди либерализма, и сэръ Баннерманъ-Кемпбелъ созвалъ общее собраніе всѣхъ либеральныхъ членовъ парламента для совѣщанія по вопросу о внутреннемъ строеніи партіи. Съ другой стороны, лондонскіе либераль-империалисты замыслили дать банкетъ въ честь Аскита.

26 іюня (9 іюля) состоялось подѣ председательствомъ Баннермана-Кемпбеля общее собраніе либеральныхъ коммонеровъ, открытое рѣчью председателя. Либеральный лидеръ выказалъ въ этой рѣчи много искусства, такта и возвышеннаго благородства, но и много оптимизма. Указавъ на печальные раздоры, возникшіе въ средѣ либеральной партіи, ораторъ отнесъ ихъ отчасти къ игрѣ личныхъ страстей и честолюбія, а затѣмъ къ разногласію по частному вопросу объ южно-африканской войнѣ. Онъ звалъ къ единенію, указывая, какой вредъ не только партіи, но всей странѣ приноситъ слабость либеральной партіи, коренящаяся въ ея внутреннихъ раздорахъ. Увѣренный, что его товарищи сумѣютъ отложить въ сторону личные счеы и самолюбіе, онъ думаетъ, что и разногласія по вопросу о войнѣ не такъ глубоки и рѣзки, какъ принято думать подѣ вліяніемъ и впечатлѣніемъ яркихъ событій. Теперь поздно и бесполезно спорить: нужно ли было начинать войну? Она начата и потребовала громадныхъ жертвъ. Ее надо кончить и кончить въ соотвѣтствіи и съ интересами, и съ достоинствомъ Англіи. Въ этомъ сходятся всѣ либералы, какъ бы они ни разномыслили по вопросу о началѣ войны. Всѣ сходятся также въ томъ, что миръ противникамъ долженъ быть дарованъ почетный; что ихъ свобода и самоуправленіе должны быть гарантированы; что африкандерамъ Капа, примкнувшимъ къ бурамъ, надо даровать амністію; и, наконецъ, что война должна быть ведена, согласно обычаямъ цивилизованныхъ народовъ. Ораторъ знаетъ, что эта программа есть программа всей либеральной партіи, которая можетъ сплотиться, не взирая на различіе въ теоретической и моральной оцѣнкѣ войны. Замѣчательно, что такимъ же оптимизмомъ отличалась и рѣчь Аскита на этомъ митингѣ. Рѣшительно протестуя противъ участія какаго бы то ни было личнаго элемента въ его политическомъ поведеніи, Аскитъ настаивалъ на единствѣ либеральной партіи, находилъ разногласія преходящими, а согласіе основныхъ принциповъ устойчивымъ, при чемъ въ самыхъ горячихъ выраженіяхъ охарактеризовалъ дѣятельность Беннермана-Кемпбеля, какъ лидера въ такіе трудные дни. Впрочемъ, Аскитъ (а за нимъ и Грей) оговорился, что сохраняетъ право по вопросу о войнѣ высказывать свои мнѣнія, руководствуясь интересами страны. Тѣмъ не менѣе, его искренно выраженное желаніе сохранить единство пар-

тіи и вѣра въ возможность этого единства, вмѣстѣ съ такимъ же оптимизмомъ самого лидера, сдѣлало то, что оговорки были заслонены словами и обѣтами солидарности, и митингъ окончился *единогласнымъ* рѣшеніемъ выразить довѣріе сэру Баннерману-Кемпбелю, какъ лидеру партіи. Единство партіи казалось установленнымъ, и старые друзья и соратники разстались, по наружности, по прежнему друзьями и соратниками.

Однако, банкетъ въ честь Аскита всетаки готовился, чтобы отъ имени лондонскихъ либераловъ чествовать именно разрушеніе Аскитомъ солидарности. Сто четырнадцать лондонскихъ либераловъ, записавшихся на этотъ банкетъ, обратились къ графу Розбери съ письмомъ, приглашая его принять участіе въ банкетѣ. Графъ отклонилъ приглашеніе, но напечатанное имъ при этомъ письмо явилось началомъ новаго фазиса излагаемой исторіи. Приводимъ существенное изъ этого отнынѣ историческаго письма бывшаго министра-президента послѣдняго либеральнаго кабинета:

„Въ 1896 году (пишетъ высокородный авторъ письма) я оставилъ руководство либеральною партіей не столько даже въ надеждѣ, сколько въ ожиданіи этимъ укрѣпить ея единство. Съ того времени мнѣ пришлось, не безъ сожалѣнія, выступить изъ многихъ союзовъ и обществъ, стараясь ничего не говорить и не дѣлать, что могло бы нарушить единство партіи или затруднить моихъ преемниковъ. Это была линія поведенія, простая, ясная и лояльная, которая, однако, не всеміи была понята, а отъ нѣкоторыхъ заслужила названіе таинственной. Во всякомъ случаѣ, она не вредила единству партіи.

„Наша партія, чтобы спасти аппарансы солидарности, предоставила свободу мнѣнія и свободу дѣйствія по вопросу о войнѣ. Считаю поэтому себя совершенно освобожденнымъ отъ ограниченій, мною на себя наложенныхъ пять лѣтъ тому назадъ. Не потому, однако, чтобы я желалъ возвратиться на арену политики партіи. Совсѣмъ напротивъ. Добровольно я никогда туда не возвращусь. Я полагаю, напротивъ, что вѣдь этого въ политикѣ есть полезное и мало искомое положеніе для того, кто уже занималъ высокія должности, но вновь занимать ихъ не добивается. Я полагаю, стало быть, что есть положеніе, на которомъ можно высказывать все, что думаешь съ абсолютною независимостью. Слѣдовательно, я говорю исключительно отъ своего имени.

„Что въ странѣ существуетъ могучее либеральное теченіе, что эта огромная сила можетъ сосредоточить свою дѣятельность на вопросахъ внутренней политики, и что она имѣетъ шансы безконечнаго развитія,—въ этомъ я безусловно убѣжденъ.

„Во всемъ, что касается внутренней политики, либералы дѣйствительно имѣютъ широкія перспективы передъ собою. И тѣмъ не менѣе, они не въ состояніи стать силою, пока не примутъ участія въ рѣшеніи имперскихъ вопросовъ, нынѣ связанныхъ съ вопросомъ

о войнѣ. Британская имперія, вся въ ея плѣомъ, приняла участіе въ этой войнѣ, а либеральная партія? Каково ея участіе? Она объявила себя нейтральною и предоставила свободу мнѣній по этимъ вопросамъ! Я заявлялъ, что это невозможное положеніе, осуждающее либеральную партію на совершенное безсіліе. Никакая партія не могла бы существовать при подобныхъ условіяхъ. Вопросы эти слишкомъ значительны. Они затрагиваютъ все человѣчество. Они принадлежатъ къ самымъ жизненнымъ и въ политическомъ, и въ либеральномъ отношеніи.

„Прежде всего, въ нравственномъ отношеніи эта война или справедлива, или несправедлива, а способъ ея веденія или корректенъ, или противорѣчитъ обычаямъ цивилизаціи. Если война несправедлива, если наши способы ея веденія противны цивилизаціи, то наше правительство и наша нація—преступники, и война должна быть остановлена, во что бы то ни стало. Если же война справедлива и ведется корректно, то наша прямая обязанность ее поддерживать всѣми своими силами и содѣйствовать ея возможно быстрому успѣху. Это—основные вопросы изъ самыхъ важныхъ и непримиримыхъ между вопросами, могущими раздѣлять партіи одну отъ другой. Какимъ же образомъ послѣ этого можетъ партія допускать, чтобы ея члены разно мыслили въ этихъ вопросахъ?

„Обратимся къ политической сторонѣ дѣла. Намъ говорятъ, будто все дѣло въ разногласіяхъ переходящихъ, которыя прекратятся вмѣстѣ съ войною, такъ что съ окончаніемъ войны совершенная солидарность воцарится въ рядахъ либераловъ. По моему, совершенно напротивъ. Тѣ, которые питаютъ подобныя иллюзіи, не знаютъ настроенія націи. Фоксъ питалъ подобныя же иллюзіи, когда сопротивлялся великой войнѣ, предпринятой англичанами противъ Франціи. Но, не смотря на его выдающіеся таланты и опытность, онъ только раздѣлилъ партію виговъ, и сорокъ лѣтъ виги были удалены отъ власти. Надо признать ту истину, что государственные дѣятели, которые отдѣляются отъ націи въ какомъ-либо крупномъ національномъ вопросѣ, напр., въ вопросѣ о войнѣ, въ которой всѣ болѣе или менѣе участвуютъ и всѣ терпятъ и страдаютъ, что эти государственные дѣятели создаютъ между собою и націею разстояніе, гораздо болѣе значительное, нежели имъ это кажется. Эти соображенія должны бы имѣть въ виду всѣ, кто, видя власть въ рукахъ своихъ противниковъ, видятъ отложенными и первостепенные вопросы внутренней политики.

• „Нельзя также вопросъ считать обособленнымъ. Всѣ интересуются состояніемъ либеральной партіи. Я утверждаю, что это состояніе отнюдь не является случайностью, чѣмъ либо переходящимъ и эфемернымъ. Это старая болѣзнь. Она заключается никакъ не въ личныхъ соперничествахъ. Объясненіе личными

соперничествами предлагается совершенно искренно тѣмъ, кто не понимает истинной причины зла, разѣдающаго либерализмъ. Зло это имѣть гораздо болѣе глубокіе корни и характеръ явленія постоянного и основного. Разногласіе не ограничивается этою войною. Оно и не кончится съ нею. Оно опирается на антагонизмъ принциповъ, на искренній, коренной и непримиримый антагонизмъ пониманія имперіи и имперской политики.

„Существуетъ школа, по моему мнѣнію, слѣпая по отношенію къ эволюціи міра, которая упорствуетъ въ своемъ инсularномъ уединеніи. Другая школа ставитъ на первый планъ своего символа политической вѣры поддержаніе нашей свободной и благодѣтельной имперіи. Ясно, что партія не можетъ удержатъ въ своихъ рядахъ обѣ школы, если желаетъ сохранить какое-нибудь значеніе. Обѣ фракціи могутъ принять одно и то же имя и помѣститься на одномъ суднѣ, но судно это будетъ осуждено на неподвижность, потому что экипажъ его будетъ грести въ разные стороны.

„Это происходитъ никакъ не отъ ошибокъ того или другого вождя. Здѣсь не можетъ быть рѣчи о личной ответственности. Развитіе нашей имперіи и развитіе мнѣній либеральныхъ партій въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ породили это положеніе. Этого раздѣленія нельзя было избѣгнуть. Его не можетъ устранить собраніе партій. Чтобы либеральная партія снова стала силою, необходимо рѣшительное преобладаніе одной изъ фракцій. Это вопросъ не партійный, а національный, что только и заставило меня высказаться. Для большинства, состоящаго не изъ присяжныхъ политиковъ, представляется въ высшей степени печальнымъ видѣть во главѣ націи слабое правительство, съ еще болѣе слабою оппозиціей противъ него, и въ такое время, когда иностранная вражда и международное соперничество требуютъ отъ насъ напряженія всѣхъ нашихъ силъ, средствъ и способностей!

„Я думаю, что общественное мнѣніе начинаетъ сознать серьезность переживаемаго нами кризиса, исходъ котораго можетъ имѣть безграничныя послѣдствія для всего нашего будущаго. Благопріятнаго исхода я еще не вижу. Нація дала правительству подавляющее большинство. Всѣ внутренніе вопросы приостановлены. И всетаки оппозиція, однородная, единодушная, энергичная, даже слабая числомъ, могла бы заставить прислушиваться къ своему голосу при рѣшеніи важныхъ государственныхъ дѣлъ“.

II.

Письмо графа Розбери произвело огромное впечатлѣніе. Очень осторожное и сдержанное, оно безусловно порываетъ со всѣми гладстоніанскими традиціями. Именно эти традиціи графъ называетъ школою, слѣпою по отношенію къ современности;

именно въ нихъ преемникъ Гладстона не желаетъ видѣть ничего, кромѣ инсулярнаго уединенія. Ниже мы къ этому вопросу возвратимся, а теперь дорисуемъ событія въ средѣ англійской либеральной партіи.

Мы сказали, что письмо бывшаго либеральнаго лидера произвело огромное впечатлѣніе. Опубликованное немедленно послѣ общаго собранія либеральной партіи, на которой обѣ фракціи попытались сохранить солидарность и союзъ, оно явилось рѣзкимъ *dementi* этимъ благороднымъ усиліямъ и огорчило, а частью и возбудило противъ себя большинство либераловъ обѣихъ фракцій. Присяжный органъ всей либеральной партіи „Daily News“ въ сдержанныхъ, но рѣшительныхъ выраженіяхъ осудилъ письмо графа Розбери. Снять раздоръ, когда дѣлаются благородныя усилія для его прекращенія, не соотвѣтствуетъ положенію бывшаго лидера партіи. Настаивать на необходимости раскола партіи отнюдь не значить устраниваться отъ партійной политики, какъ желаетъ утверждать графъ. Можно сдѣлать совершенно противоположное заключеніе. По существу поднятаго графомъ вопроса, „Daily News“ раздѣляетъ оптимизмъ Беннермана и Аскита. „Ближайшая проблема, говоритъ газета, отнюдь не видна, а ея окончаніе“. Приблизительно въ томъ же духѣ высказались и другіе органы либерализма. За то органы торизма встрѣтили этотъ „манифестъ“ графа Розбери (какъ они его не безъ основанія называютъ) съ шумнымъ одобреніемъ. „Standart“, органъ Салисбюри, находитъ, что „манифестъ“ можно сравнить со взрывомъ бомбы. „Графъ Розбери, говоритъ газета, своей жестокой рукою разорвалъ покрывало иллюзій“. „Standart“ приглашаетъ графа продолжать начатое дѣло (мы увидимъ, что графъ послѣдовалъ этому совѣту торійской газеты). „Morning Post“, органъ ортодоксальныхъ тори, привѣтствуя письмо бывшаго лидера либераловъ, замѣчаетъ, что графъ Розбери обнародованіемъ своего манифеста сдѣлалъ высокопатріотическій шагъ и заслуживаетъ благодарности отечества. „Times“, наконецъ, горячо одобряя идеи, высказанныя въ манифестѣ бывшаго преемника Гладстона, рѣшительно осуждаетъ его воздержаніе отъ дѣятельной политической роли. Мы увидимъ, что „Times“ слишкомъ поспѣшили осудить высокороднаго автора „манифеста“. Графъ говорилъ о своемъ удаленіи отъ дѣлъ лишь для того, чтобы тѣмъ дѣятельнѣе принять въ нихъ участіе.

За прессою выступили со своими замѣчаніями политическіе дѣятели. Сэръ Чарльзъ Дилкъ, одинъ изъ первыхъ проповѣдниковъ идеи Greater Britain и выступившій съ этою идеей въ печати, когда никакого имперіализма не существовало, счелъ, однако, необходимымъ рѣшительно осудить демаршъ графа Розбери. Онъ нашелъ его несвоевременнымъ и въ своей категоричности неправильнымъ и вреднымъ. „Невозможно, говорить

Дилльзъ, провести точную и ясную пограничную линію между либералами, которыхъ зовутъ имперіалистами, и тѣми, которыхъ называютъ сторонниками малой Англіи; есть члены парламента, которые примыкаютъ къ имперіалистской идеѣ и сообразно съ этою идеей подаютъ свой голосъ въ палатѣ, но которые не одобряютъ южно-африканской войны, или, по крайней мѣрѣ, не желаютъ содѣйствовать безконечному расширенію британской имперіи, и безъ того очень обширной“. Сэръ Эдвардъ Грей, одинъ изъ самыхъ яркихъ имперіалистовъ между либералами, тоже поспѣшилъ высказаться неодобрительно о письмѣ, которое призвано нарушить только что установившееся соглашеніе. „Если лордъ Розбери, продолжалъ ораторъ, въ самомъ дѣлѣ желаетъ, чтобы въ либеральной партіи установилось единство взглядовъ на войну, онъ долженъ не устраниваться отъ партіи, но принять дѣятельное участіе въ выработкѣ этого согласія взглядовъ. Положеніе, занятое лордомъ Розбери, невозможное и опасное“. Затѣмъ заговорилъ и Аскитъ. Онъ произнесъ рѣчь на данномъ въ его честь лондонскими либеральными имперіалистами банкетѣ, — о немъ мы говорили выше, который подалъ поводъ лорду Розбери написать свой манифестъ и который состоялся 6 (19) іюля въ Лондонѣ подъ предсѣдательствомъ сэра Эдварда Грея. На банкетѣ присутствовало около четырехсотъ либеральныхъ нотаблей, въ томъ числѣ, однако, не болѣе тридцати членовъ парламента. Часть имперіалистовъ либераловъ парламента уклонилась, желая по возможности не выдѣляться изъ партіи и избѣгать такихъ манифестацій, на которыхъ не можетъ присутствовать другая фракція либеральной партіи. Аскитъ самъ долго колебался, принять-ли банкетъ, и въ концѣ концовъ его принялъ, быть можетъ, поддавшись давленію единомышленниковъ, быть можетъ, надѣясь своей рѣчью на банкетѣ внести не раздоръ, а примиреніе. Онъ началъ съ того, что въ рядахъ либеральной партіи всегда издавна существовало и существуетъ разногласіе по вопросу объ имперіи, и это ей не мѣшало и не должно мѣшать быть серьезною прогрессивною силою, однородною въ своихъ основныхъ принципахъ. „Значеніе слова *имперія* понимается каждымъ по-своему, и *имперія* для тори не то, что для насъ. Для насъ *имперія* отнюдь не представляется синдикатомъ съ цѣлью эксплуатировать всевозможныя расы земного шара. Для насъ *имперія* не является даже обществомъ взаимнаго страхованія противъ иностраннаго насилія. Великій и плодотворный опытъ федераціи свободныхъ и самоуправляющихся обществъ, — вотъ что такое *имперія*, какъ мы ее понимаемъ. И такая имперія, построенная въ широко либеральномъ духѣ, не только не противорѣчитъ, но должна содѣйствовать проведенію въ жизнь самыхъ широкихъ и плодотворныхъ соціальныхъ реформъ“. Аскитъ не коснулся прямо письма графа Розбери, но

цитированное мѣсто является ему возраженіемъ. Аскитъ продолжаетъ вѣрить въ сохраненіе единства либеральной партіи, не взирая на разногласія по вопросу объ „имперіи“.

Такимъ образомъ, письмо графа Розбери на первыхъ порахъ было встрѣчено несочувственно либеральными имперіалистами. Имъ такъ больно покидать знаменитыя знамена, вокругъ которыхъ они дали столько упорныхъ битвъ реакціи! Имъ такъ тяжело разставаться съ уважаемыми и частью лично любимыми товарищами! Они съ такою радостью приняли утѣшеніе единогласнаго рѣшенія общаго собранія 26 іюня! И въ этотъ моментъ выступаетъ съ своей „жестокою рукою“ (по счастливому выраженію Standart'a) графъ Розбери и требуетъ отъ нихъ разрыва и съ традиціонными знаменами, и съ боевыми товарищами...

Не мудрено, если именно либеральные имперіалисты, именно Дилькъ, Аскитъ и даже Грей, поспѣшили осудить демаршъ своего единомышленника и вождя (потому что всетаки писалъ „вождь“). Съ другой стороны, подобныя же чувства вниманія къ товарищамъ и общему солидарному прошлому заставили либераловъ, вѣрныхъ старымъ традиціямъ, быть сдержанными и рѣзкими возраженіями лорду Розбери не задѣть и другихъ либеральныхъ имперіалистовъ. Баннерманъ-Кемпбелъ, Вильямъ Гаркортъ, Морлей, Лаусонъ промолчали. Не промолчалъ, однако, самъ графъ Розбери. Послѣ „манифеста“ онъ вскорѣ самъ выступилъ, но уже съ рѣчью, которая еще рѣзче разоблачаетъ намѣренія высокороднаго политика. Конечно, онъ снова заявляетъ, что мысль возвратиться на политическое поприще менѣе всего руководить его демаршами. Одинокій, онъ пойдетъ своимъ путемъ безъ товарищей. Онъ стоитъ внѣ партій и прокладываетъ собственную борозду. Однако, начиная ее одинокимъ, онъ надѣется, что впоследствии это одиночество исчезнетъ. Послѣ этого заявленія о своемъ личномъ положеніи, графъ переходитъ къ проблемамъ, затронутымъ въ вышеприведенномъ „манифестѣ“. Мы видѣли, что такіе вожди либеральнаго имперіализма, какъ Аскитъ и Дилькъ, настаиваютъ на временномъ значеніи разногласій и на сохраненіи единенія во всемъ, что касается основныхъ принциповъ. Противъ этой иллюзіи и возстаетъ графъ Розбери прежде всего. Разногласія во взглядахъ на войну, по мнѣнію оратора, не имѣютъ характера второстепенныхъ или преходящихъ. Они основныя и обнаруживаютъ коренное и непримиримое противорѣчіе въ пониманіи задачъ и всего строя національной жизни. Поэтому, они не только не окончатся со окончаніемъ войны, напротивъ—обострятся и будутъ возобновляться съ все возрастающею силою и горечью по поводу каждаго серьезнаго вопроса, входящаго въ составъ имперіалистской программы. Онъ соглашается, что разногласія того же направленія бывали и прежде въ рядахъ либераловъ, но тогда „имперія“ была еще въ зародышѣ, а имперіалистской

программы не было. И тѣмъ не менѣе пятнадцать лѣтъ тому назадъ, въ 1886 году, когда впервые изъ рядовъ либеральной партіи выступили многочисленные ея адепты, вопросъ home rule'я былъ лишь явнымъ поводомъ, а существенною стороною раскола былъ анти-имперіализмъ Гладстона и другихъ всѣхъ партій. Надо выбирать между имперіализмомъ и анти-имперіализмомъ, потому что это двѣ вполне законченныя и безусловно несовмѣстимыя и непримиримыя программы.

Такова сущность рѣчи благороднаго лорда, ею дополнившаго и всесторонне уяснившаго „манифестъ“. Вмѣстѣ эти два документа представляются въ самомъ дѣлѣ манифестомъ шефа партіи, но партіи, еще не образовавшейся. Программа намѣчена въ общихъ чертахъ только, но довольно ясно. Либеральная программа, какъ ее проводили Гладстонъ, Гаркортъ, Гренвиль, Морлей, Бавнерманъ, Лаусонъ, самъ Розбери, уже болѣе не соотвѣтствуетъ „развитію имперіи за послѣднія 20 лѣтъ“. Ея сторонники слѣпы къ эволюціи человѣчества, потому что отвергаютъ имперіализмъ, который, однако, долженъ быть поставленъ верховнымъ критеріемъ всей политической дѣятельности государственныхъ людей Англіи. Надо поэтому признать, что диссиденты 1886 года были правы, отдѣлившись отъ либераловъ, и что война въ Южной Африкѣ справедлива и ведется корректно. Правительство, однако, слабо и ничтожно. Оно богато только ошибками и промахами. Оно бездѣйствуетъ и остановило движеніе самыхъ жизненныхъ внутреннихъ вопросовъ. Это печальное положеніе вещей становится прямо опаснымъ, благодаря слабости и ничтожеству оппозиціи, вслѣдствіе ея разномыслія при упорствѣ сохранить утраченное единство. Необходима другая оппозиція, хотя бы и малочисленная, но единодушная, во-первыхъ, и отвѣчающая настроенію націи, во-вторыхъ, т. е. оппозиція имперіалистская. Таковъ смыслъ двухъ взаимно дополняющихъ другъ друга документовъ, нами здѣсь прорезюмированныхъ. Совершенно ясно, что лордъ Розбери надѣется создать подобную оппозицію, которая рано или поздно войдетъ въ прокладываемую имъ новую борозду. Элементы для такой оппозиціи намѣчены графомъ въ рамкахъ, широко открываемыхъ для всѣхъ, кто пожелалъ бы въ нихъ войти. Запоздалое хотя, но все же примирительное оправданіе либеральныхъ дезертировъ 1886 года открываетъ имъ возможность возвратиться къ новому „имперіалистскому“ либерализму, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, которые не очень себя скомпрометтировали долговременнымъ союзомъ и сотрудничествомъ съ консерваторами, т. е. не вождямъ. Однако, именно вождей, всѣхъ этихъ Чемберленовъ и Гошеновъ, графу Розбери нужно менѣе всего. Отвлечь-же къ либеральному имперіализму болѣе или менѣе значительную часть либеральныхъ уніонистовъ парламента и еще болѣе значительную часть либерально-уніонистскихъ избирателей представляется задачей, кото-

рую никакъ нельзя назвать безнадежною. Для этого надо убѣдить либеральныхъ имперіалистовъ рѣшительно выступить изъ либеральной партіи, образовать самостоятельную (третью) партію въ палатѣ съ многосторонне разработанною имперіалистскою программой и изъ этой программы вычеркнуть требованіе ирландскаго home rule'я. И манифестъ, и рѣчь-программа бывшаго премьера послѣдняго либеральнаго кабинета направлены къ достиженію этихъ цѣлей. Весьма возможно, что такіе люди, какъ Аскитъ и Дилъкъ, не рѣшатся сами порвать съ либеральною партіей и почти невѣроятно, чтобы они согласились вычеркнуть изъ своей программы ирландскій home rule, который вполнѣ совмѣстимъ съ имперіализмомъ, какъ его опредѣляетъ Аскитъ. Это затруднить эволюцію, но вѣдь можно обойтись и безъ Аскита и Дилъка, какъ безъ Чемберлена и Гошена. Аскитъ и Дилъкъ морально связаны прошлымъ. Чемберленъ и Гошенъ раздѣляютъ отвѣтственность торійскаго правительства. Розбери и его товарищи не должны быть отвѣтственны за дѣйствія теперешняго правительства; ихъ не должны стѣснять никакія моральныя связи и традиціи. Самого графа они, по крайней мѣрѣ, не стѣсняютъ. Съ черствостью честолюбца и съ проницательностью опытнаго дѣльца, лордъ Розбери прокладываетъ свою новую борозду и подготавливаетъ сподвижниковъ изъ прошедшихъ и будущихъ дезертировъ либеральнаго знамени.

Презрительное отношеніе къ тому, что вчера исповѣдывалъ; высокоумѣнное пренебреженіе къ товарищамъ; неуваженіе къ памяти наставниковъ и вождей; лицемѣрное кокетство самоустраненіемъ отъ дѣлъ при явномъ подготовленіи властнаго къ нимъ возвращенія, — все это до-нельзя шокируетъ и отталкиваетъ въ демаршѣ графа Розбери. Не менѣе возбуждаютъ противъ себя и историческія передержки, допущенныя въ своемъ манифестѣ и своей рѣчи благороднымъ лордомъ, вообще хорошо знающимъ отечественную исторію. Желая протянуть руку диссидентамъ 1886 года, графъ Розбери теперь сочиняетъ, что причиною ихъ отпаденія былъ не home rule, а главнымъ образомъ, анти-имперіализмъ большинства либеральной партіи. Кто же были эти отпавшіе „имперіалисты“? Не Брайтъ-ли, для котораго малѣйшее опасеніе возможности войны заставляло оставлять кабинетъ и переходить въ оппозицію? Не Гошенъ-ли, этотъ типичный манчестерецъ, для котораго либерализмъ сводился къ двумъ вещамъ, миру и бережливости? Не Аргайль-ли, этотъ неутомимый противникъ джингоизма Биконсфильда? Самъ Гартингтонъ, нынѣ герцогъ Девонширъ и членъ министерства, были вѣрными товарищами Гладстона, именно, въ его внѣшней политикѣ, а Чемберленъ щеголялъ своей враждою къ имперіализму. Да, наконецъ, и самъ торизмъ того времени, подъ влияніемъ покойнаго Рандольфа Черчилля, на время отрекся отъ имперіализма, господствовавшаго при

Биконсфильдъ. Графъ Розбери, конечно, прекрасно знаетъ все это и сознательно сочиняетъ басню о причинахъ раскола 1886 года, но этою баснею онъ думаетъ построить золотой мостъ отщепенцамъ 1886 года для соединенія съ отщепенцами 1901 года. Другою баснею онъ думаетъ напугать колеблющихся либераловъ, угрожая имъ продолжительнымъ устраненіемъ отъ дѣлъ за разномысліе съ націей въ вопросѣ о войнахъ, „въ которыхъ всѣ болѣе или менѣе участвуютъ и всѣ терпятъ и страдаютъ“. Онъ цитируетъ примѣръ Фокса, возставшаго противъ войны съ французскою республикой, за что нація устранила всѣхъ отъ власти на сорокъ лѣтъ. Розбери, однако, благоразумно не цитируетъ болѣе подходящаго къ современнымъ событіямъ примѣра, какъ ранѣе французской революціи тотъ же Фоксъ съ тѣми же вигами поднималъ голосъ въ парламентѣ за возмущившихся американцевъ. Большинство возстало на это заступничество, и виговъ преслѣдовали тогдашніе джинго, какъ измѣнниковъ. Американцы, однако, продолжали борьбу на западной сторонѣ Атлантическаго океана, а на восточной сторонѣ не прекращали борьбы ихъ благородные защитники Фоксъ, Боркъ, Шериданъ и другіе, которые и успѣли довести эту борьбу до полного торжества, низвергли торійское министерство и заключили миръ, признавъ независимость Америки. За то, когда напуганные „ужасами революціи“, Боркъ съ нѣкоторою частью виговъ отдѣлился отъ своей партіи и заключилъ союзъ съ тори, эта „унія“ дѣйствительно надолго обезпечила господство тори. И теперь не вѣрность принципамъ партій, а измѣна имъ частью партіи передаетъ власть консерваторамъ. Покамѣстъ консерваторамъ, однако, а не дезертирамъ, какъ и тогда... Только будущее покажетъ, на сколько правильны иные разсчеты, питаемые лордомъ Розбери.

Какъ ни претитъ въ моральномъ отношеніи „большой выходъ“ лорда Розбери, нельзя ему отказать въ одномъ. Онъ ясно видитъ неизбежность отпаденія либеральныхъ имперіалистовъ отъ либеральной партіи. Онъ вполне сознаетъ непримиримость имперіализма съ старымъ либерализмомъ, который онъ характеризуетъ, какъ „упорство въ инсулярномъ уединеніи“, „слѣпое къ эволюціи человѣчества“. Эти инсулярные отшельники и слѣпцы, незнакомые съ развитіемъ человѣчества, кто они, однако? Это Морлей, Гаркортъ, Лаусонъ, Кортней, Лабушеръ, крупнѣйшіе и благороднѣйшіе умы парламента, а внѣ его Гербертъ Спенсеръ, Гаррисонъ и т. д. Вотъ они слѣпцы, невѣжды, рутинеры... Конечно, графъ Розбери настолько уменъ и образованъ, что понимаетъ, какую нелѣпую басню сочиняетъ, но эта басня можетъ произвести надлежащее впечатлѣніе на культурныхъ дикарей, которыми теперь такъ богата Англія, а если такъ, то чего церемониться съ какими-то философами и учеными? Для культурныхъ

дикарей вѣдь они звукъ пустой, эти Спенсеры, Морлеи и Гаррисоны!

Нѣтъ, никакъ не инсулярное уединеніе составляетъ девизъ либераловъ „мало-британцевъ“, но чувство солидарности со всѣмъ человечествомъ и вытекающее отсюда желаніе дать и другимъ жить, какъ они хотятъ. Это не уединеніе. Это общеніе, но общеніе свободное. Это не господство. Съ другой стороны, имперіализмъ есть именно господство англосаксонскаго міра надъ „низшими расами“. И не слѣпы искренніе либералы къ современной исторической эволюціи. Они ясно ее видятъ. Солидарность всего цивилизованнаго міра, по ихъ возрѣнію, постепенно созрѣваетъ въ мукахъ этой исторической эволюціи. Солидарность англосаксонскаго міра—далѣе этого не идутъ имперіалисты, и солидарность эта надобна для господства надъ другими народами и расами. „Для насъ имперія не есть синдикатъ съ цѣлью эксплуатаціи всевозможныхъ расъ земного шара“, сказалъ Аскитъ (см. выше). „Она не есть для насъ и торговый домъ“, сказалъ онъ въ другомъ мѣстѣ. Этими отрицаніями самъ Аскитъ лучше всего охарактеризовалъ, что такое „имперія“ для большинства, громаднаго большинства британскихъ имперіалистовъ. Это громадное большинство, впрочемъ, не сочиняетъ себѣ „имперію“, какъ это дѣлаетъ Аскитъ. Оно беретъ „имперію“, какъ она есть уже въ Англіи, а такая имперія, по признанію самого Аскита, есть „торговый домъ, учрежденный съ цѣлью эксплуатаціи всевозможныхъ расъ земного шара“. Сознаютъ ли неизбежность именно такого имперіализма Аскитъ и другіе искренніе либералы, увлекшіеся имперіализмомъ въ своемъ собственномъ освѣщеніи, предсказывать не беремъ; но несомнѣнно, что тѣмъ либераламъ, которые уже теперь понимаютъ сущность имперіализма, не остается ничего, какъ бороться съ этимъ уродливымъ дѣтищемъ, послѣдешемъ капиталистической эволюціи. Борьба неизбежна, а слѣдовательно—и отпаденіе фракціи либеральныхъ имперіалистовъ; но кто изъ наличныхъ честолюбцевъ отъ этого выиграетъ—Чемберленъ, Розбери или нѣкій Иксъ, или только тори, или никто, а страна возвратитъ полномочія великимъ и благороднымъ умамъ, которыми должна бы гордиться?—это трудно предвидѣть. Самъ графъ Розбери, съ своей стороны, подготовляя исходъ, замѣтилъ, что *еще не видитъ исхода*. Повидимому, это было искренно сказано. Справедливо также было имъ сказано, что расколъ необходимъ въ интересахъ всей партіи, т. е. обѣихъ ея фракцій. Только возвративъ себѣ полную свободу, нынѣ ограниченную союзомъ съ либеральными имперіалистами, либералы могутъ готовить торжество своихъ идей.

III.

8 (21) іюля происходили по всей Франціи выборы половины членовъ генеральныхъ совѣтовъ всѣхъ департаментовъ, кромѣ Сены. Всего предстояло 1,454 избранія. Члены генеральныхъ совѣтовъ, вмѣстѣ съ членами муниципальных совѣтовъ, составляютъ корпусъ сенатскихъ избирателей. Въ этомъ ихъ прямое политическое значеніе. Генеральные совѣты избираются всеобщей подачею голосовъ, вслѣдствіе чего исходъ департаментскихъ выборовъ характеризуетъ настроеніе народа. Въ этомъ ихъ косвенное политическое значеніе. Въ настоящій моментъ это послѣднее усиливается тѣмъ обстоятельствомъ, что департаментскіе выборы на этотъ разъ происходили за какіе-нибудь десять мѣсяцевъ передъ имѣющими быть въ маѣ 1902 года генеральными выборами въ палату депутатовъ.

Изъ числа 1456 избрано:			
Республиканцевъ умѣренныхъ	561		
» радикаловъ	480		
» социалистовъ	84		
» ralliés	54	1129	
Националистовъ	80		
Монархистовъ	211	241	
Перебаллотировокъ предстоитъ	85		
Итого		1455	

Результаты для республики самые утѣшительные. За нее высказались $\frac{5}{6}$ избирателей, но эти избиратели почти поровну раздѣляются между умѣренными и радикалами съ социалистами, и ни одна изъ этихъ фракцій большой республиканской партіи не составляетъ сама по себѣ большинства въ странѣ. Республика стоитъ прочно, но ея развитіе и совершенствованіе тормозится этимъ несуществованіемъ прочнаго однороднаго большинства въ странѣ, а потому и въ парламентѣ. Положеніе политическое нѣсколько маскируется еще двумя обстоятельствами. Во-первыхъ, въ составѣ 561 умѣренныхъ республиканцевъ имѣется неудобовыдѣляемый контингентъ мелинистовъ, риботистовъ и другихъ анти-министерскихъ республиканцевъ, составляющихъ вмѣстѣ съ ralliés элементъ переходный къ націоналистамъ и монархистамъ, прямымъ противникамъ существующаго режима. Во-вторыхъ, социалисты выставили своихъ кандидатовъ лишь въ нѣсколькихъ крупныхъ центрахъ, а въ остальной странѣ они вотируютъ за министерскихъ республиканцевъ, къ какой бы фракціи они ни принадлежали. Эти голоса социалистовъ, съ одной стороны, а съ другой—сомнительные голоса полунационалистовъ мелиновскаго толка увеличиваютъ собою цифру, падающую на умѣренныхъ

республиканцевъ. Часть должна быть отчислена налѣво, часть направо, но какая часть—гадать даже невозможно въ виду того, что громадное большинство избранныхъ—мѣстные нотабли, политическое прошлое которыхъ составляетъ величину, малоизвѣстную даже въ Парижѣ, не тольео въ Петербургѣ.

Нѣкоторымъ косвеннымъ показателемъ искомаго отвѣта можетъ служить успѣхъ на выборахъ представителей генеральныхъ совѣтовъ, такъ какъ объ нихъ уже можно сказать,—министерскіе они или антиминистерскіе (т. е. переходные къ реакціонерамъ). Всего предстояло переизбрание сорока выбывшихъ представителей. Изъ нихъ трое не баллотировалось и трое забаллотировано, именно одинъ монархистъ (его мѣсто занялъ умѣренный республиканецъ), одинъ радикалъ (его замѣнилъ умѣренный республиканецъ антиминистерскій) и одинъ умѣренный антиминистерскій (замѣненъ радикаломъ, министерскимъ). Тридцать четыре представителя переизбрано. Изъ нихъ 20 министерскихъ, сторонниковъ всѣхъ оттѣнковъ, 12 антиминистерскихъ республиканцевъ и 2 монархиста. Въ результатѣ за министерство 21, противъ—15. Это большинство $\frac{2}{3}$ не очень расходится съ распределеніемъ голосовъ и въ современной палатѣ. Однако, это солидное большинство есть большинство коалиціонное, т. е. взаимно парализующее дѣятельность.

Слѣдуетъ еще отмѣтить, что въ общемъ республиканцы отняли у націоналистовъ и монархистовъ 80 мѣстъ и потеряли 33, выиграли, стало быть, 47. Это измѣнило большинство въ двухъ департаментахъ. Въ одномъ націоналистско-монархистское большинство смѣнилось республиканскимъ и въ одномъ умѣренно-республиканское большинство уступило мѣсто радикальному. Изъ 87 департаментовъ европейской Франціи монархисты теперь сохраняютъ большинство только въ четырехъ (Нижней Луары, Мэна и Луары, Морбигена и Вандеи).

С. Юмаковъ.

Харьковскіе крахи.

Тяжелому году, только что пережитому южно-русской промышленностью и торговлей, суждено было закончиться такимъ грандіознымъ потрясеніемъ всѣхъ нашихъ финансово-торговыхъ сферъ, близость котораго три—четыре мѣсяца назадъ, конечно, не могли бы предугадать самые завзятые скептики. Знаменитые отнынѣ въ исторіи русскихъ банковъ харьковскіе крахи представляютъ собою такое крупное, серьезное, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ поучительное событіе нашей жизни, которое надолго должно остаться памятнымъ и для специально-заинтересованныхъ сферъ, и для большой публики. Разразившись нежданной грозой, оно захватило массу лицъ. Нѣсколько крупнѣйшихъ коммерческихъ столповъ этой грозой были безповоротно разбиты, нѣкоторые значительно поматы; что же касается заурядныхъ обывателей, то многіе изъ нихъ разорены, и тысячи, а пожалуй, и десятки тысячъ понесли значительные убытки, и врядъ ли найдется въ Россіи много такихъ коммерческихъ учреждений, которыя остались бы совсѣмъ не тронуты харьковской катастрофой. Она съ небывалой яркостью и выпуклостью освѣтила некрасивую изнанку нѣкоторыхъ ранѣ стоявшихъ внѣ всякихъ подозрѣній учреждений и лицъ. По поводу дѣйствій правленій двухъ значительныхъ и одного очень крупнаго банка начато слѣдствіе, казна вынуждена была ассигновать на поддержаніе дѣлъ, съ которыми связаны интересы многихъ тысячъ російскихъ гражданъ, свыше 12 милліоновъ прямыхъ субсидій и, кромѣ того, затратить нѣсколько милліоновъ на экстренные правительственные заказы, имѣющіе ту же цѣль; а нѣсколькимъ учрежденіямъ, кассовая наличность которыхъ могла оказаться ниже требованій по возвращенію вкладовъ, предъявленныхъ напуганною публикою, открыть усиленный кредитъ изъ государственнаго банка, и никто не поручится, что цѣпь обрушившихся на насъ финансовыхъ несчастій уже дошла до своего конца, никто не скажетъ съ увѣренностью, что въ этой грустной исторіи поставлена послѣдняя точка. Уже и этотъ краткій перечень результатовъ харьковскихъ краховъ, я полагаю, достаточенъ для того, чтобы отнѣнить ихъ огромное общественное значеніе, но нѣкоторыя характерныя черты развитія этой печальной эпопеи это значеніе особенно подчеркиваютъ и отнѣняютъ; впрочемъ, эти характерныя черты выяснятся ниже, а теперь начнемъ по порядку.

Надо сказать, что именно намъ, жителямъ юга, быть можетъ, особенно трудно писать о событіяхъ послѣднихъ двухъ—трехъ мѣсяцевъ; они разыгрались отъ насъ слишкомъ близко; они слишкомъ непосредственно задѣли наши интересы; дѣятели, въ нихъ участвовавшіе, слишкомъ хорошо намъ знакомы, если не всѣ лично, то по достовѣрнымъ свидѣтельскимъ показаніямъ. При такихъ условіяхъ легко лишиться чувства перспективы, трудно отдѣлать общенитересную сущность отъ имѣющихъ чисто мѣстное значеніе частныхъ. Постараемся же разобраться въ общихъ чертаніяхъ картины, прежде чѣмъ коснемся собственно изложенія фактовъ.

Первымъ публичнымъ симптомомъ надвигавшейся бѣды въ настоящемъ случаѣ была трагическая смерть извѣстнаго южнаго дѣльца, основателя чуть ли не десятка разныхъ крупныхъ торговыхъ промышленныхъ предпріятій и банковъ, А. К. Алчевскаго; но, какъ ни странно вспомнить объ этомъ теперь, истинный смыслъ смерти подъ колесами паровоза чуть ли не всецѣльнаго полъ-года назадъ финансоваго туза, которому общественное мнѣніе, всегда ослѣпляемое удачею, казалось, готово приписать геніальныя способности, было понято далеко не сразу. Первоначально у насъ на югѣ его кончина приписывалась несчастному случаю, и статьи мѣстныхъ газетъ были проникнуты горячимъ сочувствіемъ къ погибшему. Затѣмъ стали говорить о томъ, что дѣла покойнаго въ послѣднее время сильно пошатнулись, пронесся слухъ, что ему необходимо было достать передъ смертью 2 милліона; но большой публикѣ все еще и въ голову не приходило вопросъ о томъ, до какой степени въ личныхъ дѣлахъ Алчевскаго отражается положеніе цѣлаго ряда крупнѣйшихъ дѣлъ юга. Для того, чтобы пониманіе огромной важности переживаемаго кризиса и истиннаго характера дѣятельности скончавшагося коммерсанта начало проникать въ широкіе круги публики, понадобился цѣлый мѣсяцъ, закончившійся несостоятельностью торговаго банка; наконецъ, полная ревизія дѣлъ харьковскаго земельного банка не оставила уже мѣста никакимъ сомнѣніямъ. Однако и теперь еще нельзя сказать, чтобы все общество ясно разобралось въ прошедшихъ передъ нимъ явленіяхъ; напротивъ, какъ это часто бываетъ, для многихъ *последовательность* фактовъ какъ бы отождествилась съ *причинностью*. Едва ли я ошибусь, если скажу, что еще и до сихъ поръ найдутся люди, вѣрящіе, что виною всѣхъ бѣдъ была самая смерть Алчевскаго. Нерѣдко еще и въ настоящую минуту можно встрѣтить лицъ, которыя съ полной искренностью будутъ увѣрять васъ, что если бы покойному основателю харьковскаго земельного банка наканунѣ кончины удалось бы получить два милліона, то не только онъ остался бы живъ, а и всѣ лопнувшія и пошатнувшіяся теперь дѣла были бы спасены и вообще никакого кризиса не было бы. Конечно, число

такихъ наивныхъ лицъ теперь уже сравнительно не велико, но самая возможность появленія подобныхъ мнѣній, думается, показываетъ, что вопросъ, лежащій въ основѣ всѣхъ послѣднихъ южныхъ событій, вопросъ о томъ, *чѣмъ же они собственно вызваны*—еще ждетъ своего разрѣшенія. Но, разъ онъ поставленъ, вполне естественно расчленивъ его и слѣдомъ за нимъ задаться тремя вопросами: въ какой мѣрѣ кризисъ вызванъ *общимъ положеніемъ* нашей промышленности и акціонернаго дѣла, въ какой мѣрѣ—*невольными ошибками* и въ какой—*недобросовѣстностью* руководителей отдѣльныхъ предпріятій. Собственно, въ настоящую минуту, когда судебная власть призвана разслѣдовать дѣйствія трехъ южныхъ банковъ, общественное мнѣніе юга, приписывавшее прежде всѣ крахи смерти Алчевскаго, какъ бы впадаетъ во вторую ошибку и, подъ вліяніемъ раздраженія и озлобленія, начинаетъ причину всѣхъ золъ видѣть исключительно въ недобросовѣстности руководителей нѣкоторыхъ коммерческихъ дѣлъ. Нечего и говорить, что такой взглядъ на столько же ошибоченъ и одностороненъ, какъ и первый. Я далеко отъ мысли оправдывать правленіе харьковскаго земельного и другихъ банковъ. Вѣроятно, судъ отыщетъ виновныхъ; полагаю, что число ихъ не будетъ незначительно, и да понесутъ они должную кару! Но, забѣгая немного впередъ, я обращаю вниманіе читателя на знаменательный отвѣтъ, данный однимъ изъ членовъ правленія Харьковскаго земельного банка, г. Орловымъ, во время чрезвычайнаго собранія 25 іюня на вопросъ акціонеровъ о томъ, почему земельный банкъ, вопреки, казалось бы, здравому смыслу и съ нарушеніемъ устава торговаго банка, держалъ въ послѣднемъ огромный капиталъ въ 5½ милл. руб., когда собственный основной и резервный капиталъ торговаго банка составлялъ меньше половины этой суммы? Г. Орловъ на этотъ вопросъ замѣтилъ, что прежнимъ собраніямъ акціонеровъ правленіе докладывало о такомъ положеніи вещей, но *акціонеры никогда за него правленіе не порицали*. Я не имѣлъ въ рукахъ протоколовъ прошлыхъ акціонерныхъ собраній земельного банка и потому долженъ принять мнѣніе г. Орлова на вѣру; но меня, профана и диллетанта, его слова заставили глубоко задуматься. Въ самомъ дѣлѣ, если правленіе, исполнительный органъ акціонеровъ, дѣйствовало всегда съ ихъ согласія и одобренія и о своихъ дѣйствіяхъ всегда акціонерамъ докладывало, то одно ли правленіе въ такихъ дѣйствіяхъ отвѣтственно? Мнѣ могутъ возразить, что правленіе харьковскаго земельного банка съ ловкимъ председателемъ во главѣ, расписавъ свои акціи подставнымъ лицамъ, всегда могло создать себѣ на собраніи послушное большинство. Но развѣ подобный приемъ употреблялся въ однихъ прошлыхъ собраніяхъ харьковскаго земельного банка? Развѣ неизвѣстно достоверно, что болѣе половины нашихъ акціонерныхъ собраній происходитъ именно

при такомъ искусственно подобранномъ большинствѣ? И развѣ то самое чрезвычайное собраніе акціонеровъ харьковскаго банка, которое столь рѣзко осудило дѣятельность стараго правленія, было не таково же? Новый владѣлецъ большей части акцій земельного банка, г. Рябушинскій, какъ передавала харьковская молва, еще за полмѣсяца до рѣшительнаго дня открыто говорилъ, что онъ привезетъ въ Харьковъ 24 іюня „2 вагона акціонеровъ“, а участіе въ собраніи десяти лицъ, носящихъ фамилію новаго владѣтеля харьковскаго земельного банка, и изумительная случайность голосованія, при которой масса серьезныхъ вопросовъ проходила *ровно 222 голосами*, право же, внушаютъ сомнѣніе относительно того, не было ли и данное собраніе также искусственно по своему составу, какъ и всѣ прошлыя собранія? Если же это предположеніе вѣрно, то не слѣдуетъ ли изъ него выводъ такого рода: чрезвычайное собраніе 25 іюня привлекаетъ къ суду старое правленіе не вслѣдствіе того, что именно въ этомъ послѣднемъ собраніи акціонерамъ стали извѣстны тѣ или иные дѣйствія правленія,—они могли быть извѣстны и прежнимъ акціонерамъ,—а только потому, что большая часть акцій перешла изъ рукъ гг. Алчевскихъ въ новыя руки гг. Рябушинскихъ. Но, если это правда, то по неволѣ приходится въ голову знаменитое по своей откровенности признаніе г. Струсберга, который во время своего процесса заявилъ, что, будь онъ на мѣстѣ прокурора, то онъ могъ бы, при желаніи, привлечь къ суду всѣхъ директоровъ всѣхъ банковъ. И роковой вопросъ о томъ, что могло бы быть найдено въ другихъ учрежденіяхъ, если бы и тамъ свои гг. Рябушинскіе смѣнили бы своихъ гг. Алчевскихъ, по неволѣ встаетъ въ головѣ ошеломленнаго обывателя.

Возвращаясь къ смерти основателя харьковскаго земельного банка слѣдуетъ прежде всего, однако, сказать, что, конечно, не въ ней кроется причина нашихъ послѣднихъ бѣдъ. Эта причина лежитъ гораздо глубже, возникла несравненно раньше, и врядъ ли мы ошибемся, если начнемъ прежде всего искать ее въ общемъ положеніи акціонернаго дѣла за послѣдніе годы. Извѣстно, что послѣ временнаго оживленія учредительства въ семидесятыхъ годахъ у насъ наступило въ сферѣ промышленности нѣкоторое затишье, выразившееся, между прочимъ, сравнительно слабымъ приливомъ капиталовъ въ акціонерныя предпріятія. Начало девяностыхъ годовъ также еще не отличалось особеннымъ оживленіемъ въ этой области. Въ періодъ съ 1890 по 1895 г. ежегодная сумма прироста капиталовъ, вложенныхъ въ акціонерныя предпріятія, дѣйствующія на основаніи утвержденныхъ въ Россіи уставовъ, колебалась между 63 и 25, милліонами; но съ 1895 г. положеніе дѣлъ рѣзко мѣняется. Это былъ первый годъ, когда приростъ акціонернаго капитала поднялся до 130 милліоновъ; такое ожив-

леніе промышленности радовало дѣльцовъ, но это были еще лишь первые проблески начинавшейся горячки.

Въ 1896, 97 и 98 годахъ послѣдовательно къ акціонерному дѣлу привлекалось 232, 239, 256 милліоновъ; казалось, что быстрота развитія нашей промышленности достигла предѣла, но 1899 годъ далеко оставилъ за собою своихъ предшественниковъ, и въ продолженіи его было разрѣшено выпустить акціонернаго капитала въ общей суммѣ на 430 милліоновъ; даже 1900 годъ, когда уже чувствовалось приближеніе довольно остраго кризиса, далъ цифру въ 337 милліоновъ. Надо сказать, что въ настоящее время у насъ въ рукахъ нѣтъ еще данныхъ для того, чтобы судить, какая часть двухъ послѣднихъ суммъ была дѣйствительно реализована, но насъ въ данную минуту эта сторона дѣла и не интересуетъ. Намъ важны эти цифры только для того, чтобы наглядно показать, что въ послѣдніе годы стремленіе основывать новыя акціонерныя предпріятія возрасло сравнительно съ 1890—94 годами въ 6 или даже въ 8 разъ. Въ какой мѣрѣ эти вновь учреждаемыя въ такомъ огромномъ количествѣ дѣла были продуктомъ дѣйствительно здороваго роста промышленности, основаннаго на ростѣ народныхъ потребностей, определить трудно, но несомнѣнно, что въ значительной, а быть можетъ, и въ преобладающей степени здѣсь играло роль, съ одной стороны, грюндерство, а съ другой—разсчетъ на необычайную легкость полученія крупныхъ барышей, обезпеченныхъ огромными пошлинами и правительственными заказами. Развитіе грюндерства мы видѣли на плачевномъ положеніи многихъ предпріятій, акціи которыхъ были сбыты съ рукъ основателями по искусственно вздутымъ цѣнамъ; что же касается огромной роли въ развитіи нашей промышленности именно правительственныхъ заказовъ, то она отчетливо выяснилась во время тяжелаго положенія южнаго горнаго дѣла за прошлую зиму. Такъ или иначе, но акціонерныя предпріятія нарождались за послѣдніе годы, какъ грибы подъ теплымъ дождемъ, при чемъ, конечно, не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы они всѣ осуществлялись цѣликомъ на наличныя, въ дѣйствительности собранныя деньги.

Напротивъ, кредитъ во всѣхъ видахъ и формахъ, практиковался здѣсь въ широкомъ размѣрѣ, и огромная часть акцій, представляющихъ собою складочный основной капиталъ, не только не была покрыта полнымъ рублемъ, а напротивъ, оплачивалась возможно малымъ взносомъ въ надеждѣ, что впослѣдствіи основной капиталъ будетъ пополненъ доходами самого дѣла или займами, а акціи останутся въ рукахъ основателя въ сущности за 30—25% ихъ нарицательной цѣны.

Въ этой акціонерной горячкѣ, охватившей добрую половину Россіи, горная и металлическая промышленность юга заняла одно изъ первыхъ мѣстъ. Именно, со средины девяностыхъ

годовъ замѣтенъ ея необычайно быстрый ростъ. Въ ряду возникшихъ въ эту эпоху на югѣ дѣлъ, разумѣется, найдется не мало и солидныхъ, серьезно-обставленныхъ, коммерчески-сильныхъ предпріятій, но рядомъ съ ними мы видимъ и значительное количество такихъ обществъ, устроители которыхъ вкладывали первоначально въ дѣло капиталъ, далеко недостаточный для правильного оборудованія и развитія предпріятія. Расчетъ въ такихъ случаяхъ велся, конечно, главнымъ образомъ на будущіе займы и барыши отъ большихъ заказовъ.

Такой крупный и падкій до наживы коммерческій дѣятель, какимъ былъ покойный Алчевскій, не могъ само собою понятно, остаться въ сторонѣ отъ того общаго стремленія къ учредительству, которое охватило финансовый міръ съ 1894 г. Смѣлость, довѣріе всякихъ „сферъ“ къ его будто бы необыкновеннымъ коммерческимъ способностямъ, длинный рядъ удачъ,—все это толкало его къ основанію новыхъ предпріятій въ широкихъ размѣрахъ; Чѣмъ шире, тѣмъ лучше; больше размахъ—больше кредитъ; больше кредитъ—больше барышъ. И вотъ онъ принимаетъ самое живое участіе въ учрежденіи цѣлаго ряда горныхъ и металлургическихъ дѣлъ. Въ числѣ ихъ видное мѣсто занимаетъ, между прочимъ, нѣкое Донецко-Юрьевское металлургическое общество, общество крупное, съ шестимилліоннымъ основнымъ капиталомъ. Первоначально, какъ и всѣ такимъ образомъ основанныя общества, оно, судя по отчетамъ, пошло бойко, стало исчислять свои дивиденды по 15—25 руб. на акцію, что составляло по 6—10% на основной капиталъ; цѣна его бумагъ на биржѣ вдувалась, на сколько возможно, и достигла чуть ли не 600 руб. Однако, когда два года назадъ на югѣ почувствовалось первое стѣсненіе въ деньгахъ, то владѣльцы этихъ бумагъ и, прежде всего, самъ основатель общества не могли нигдѣ помѣщать ихъ не только по указанной цѣнѣ, но даже по цѣнѣ вдвое низшей; большіе банки подъ залогъ ихъ выдавали лишь ничтожныя суммы или вовсе отказывались отъ ихъ пріема. Даже выхлопотанное около 1½, лѣтъ назадъ особое разрѣшеніе закладывать нѣкоторыя южныя негарантированныя бумаги (по мѣстнымъ слухамъ,—именно тѣ бумаги, въ которыхъ особенно былъ заинтересованъ покойный Алчевскій) въ государственномъ банкѣ, въ число которыхъ вошли и донецко-юрьевскія акціи, не помогло дѣлу. Цѣна ихъ понизилась до 80—78 р. При такихъ обстоятельствахъ кредитъ общества, конечно, упалъ. А между тѣмъ, широко задуманное и, по мнѣнію специалистовъ, технически прекрасно обставленное предпріятіе требовало прилива средствъ; когда же острая заминка въ металлургическихъ дѣлахъ, начавшаяся съ сокращенія казенныхъ заказовъ, поставила всѣ южныя заводы въ крайнее затрудненіе, молодое Донецко-Юрьевское общество, существовавшее какихъ-нибудь 5 лѣтъ, оказалось въ особенно тяжеломъ положеніи, которое, судя по даннымъ май-

скаго собранія акціонеровъ, можетъ быть въ общихъ чертахъ показано въ такихъ цифрахъ:

Капиталы запасный и основной (нарицательный) составляютъ 8 милліоновъ; долгу $11\frac{1}{2}$ милліоновъ. Доходъ 1900 г. 8,416 тыс.; расходъ 9.333 тысячи. Правда, въ отчетѣ приходъ увеличенъ на 1,930 тысячъ, составляющихъ стоимость изготовленныхъ, но не проданныхъ издѣлій, и вычисленъ въ суммѣ 10.347 тысячъ; но такой расчетъ, по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія обывателя, при стѣсненномъ положеніи желѣзнаго рынка и при отсутствіи покупателей, врядъ ли можетъ быть признанъ правильнымъ. Надо сказать, что часть запаснаго капитала (свыше 600 тыс.) не имѣетъ формы удобореализуемыхъ цѣнностей, а вложена въ другое дѣло, опять таки въ дѣло Алчевскаго, въ Алексѣевское горнопромышленное общество.

Несомнѣнно, что Донецко-Юрьевское общество нуждалось въ деньгахъ и на развитіе дѣла, и на уплату долговъ, и... на выдачу дивидендовъ, безъ которыхъ его акціи продолжали бы неуклонно падать въ цѣнѣ; очевидно и то, что о доставленіи обществу этихъ денегъ должно было хлопотать наиболѣе заинтересованное лицо—его учредитель. Мы не знаемъ въ настоящее время, въ какомъ состояніи находились и находятся всѣ другія дѣла, въ которыхъ участвовалъ Алчевскій; я остановился на Юрьевскомъ дѣлѣ лишь какъ на болѣе извѣстномъ примѣрѣ; но есть полное основаніе думать, что и кое-какія изъ прочихъ имъ созданныхъ дѣлъ переживаютъ извѣстныя затрудненія. Напримѣръ, даже Алексѣевское горнопромышленное общество, которое считалось на югѣ однимъ изъ солидныхъ предпріятій, теперь, по выясненіи всѣхъ обстоятельствъ, оказалось нуждающимся въ субсидіи, оказанной ему въ размѣрѣ шести милліоновъ.

Итакъ, Алчевскій за послѣдній годъ крайне нуждался въ деньгахъ для поддержанія затѣянныхъ имъ промышленныхъ предпріятій. Нуждался, само собой разумѣется, соотвѣтственно масштабу рассчитанныхъ на предпринимательскіе барыши дѣлъ, не въ десяткахъ или сотняхъ тысячъ, а въ цѣломъ рядѣ милліоновъ. Пока была возможность брать эти милліоны подъ залогъ принадлежащихъ ему и его дѣламъ акцій и другихъ бумагъ въ государственномъ банкѣ или въ такихъ крупныхъ банкахъ, какъ напр., волжско-камскій, онъ бралъ тамъ; но эти банки не могли же давать безостановочно ссуды подъ негарантированные и падающія въ цѣнѣ бумаги въ родѣ донецко-юрьевскихъ акцій; къ тому же большіе банки могли бы, при паденіи цѣны заложенныхъ бумагъ, потребовать по нимъ доплаты. Слѣдовательно, надо было искать денегъ въ другихъ мѣстахъ. Но какое же учрежденіе, въ смыслѣ кредита, могло бы быть въ данномъ случаѣ удобнѣе, чѣмъ мѣстный, основанный когда-то тѣмъ же покойнымъ дѣльцомъ харьковскій торговый банкъ, члены правленія котораго

всёёло находились подъ вліяніемъ Алчевскаго? Отказа въ кредитъ здѣсь никогда не бывало и прежде, а начиная съ 1896 года этотъ кредитъ, постепенно возрастая, дошелъ уже прямо до огромныхъ суммъ. Бѣда въ томъ, что торговый банкъ съ его 2¹/₄ милліонами основного и запаснаго капитала, представлялъ собою, въ соотвѣтствіи съ потребностями г. Алчевскаго, слишкомъ слабый источникъ денегъ. Что нужды! Этотъ источникъ можно пополнить, пополнить тѣми средствами, которыми располагаетъ другое, наиболѣе состоятельное, дѣтище того же г. Алчевскаго—харьковскій земельный банкъ. Надо сказать, что уже давно, вѣроятно, по аналогичнымъ же теперешнему случаю мотивамъ, харьковскій земельный банкъ, — гдѣ всегда и правленіе, и большинство акціонеровъ были на столько близкими г. Алчевскому лицами, что его въ Харьковѣ въ шутку звали не земельнымъ, а *семейнымъ* банкомъ — необыкновенно симпатизировалъ банку торговому. Еще въ 1892 году земельный банкъ держалъ въ торговомъ свыше трехъ милліоновъ своихъ денегъ *), половину на *вкладахъ*, половину на *текущемъ счету*; но съ 96 года сумма *вкладовъ* земельного банка падаетъ до 800 тысячъ; за то текущій счетъ постепенно возрастаетъ и въ 1900 году доходитъ до 3,151 тысячи; общая же сумма средствъ земельного банка, хранимая въ банкѣ торговомъ, въ это время поднимается до 4 милліоновъ, а по балансу на 23 мая 1901 г. уже составляетъ 5,400 тысячъ. Надо отмѣтить, что по уставу, который, конечно, былъ извѣстенъ правленіямъ обоихъ банковъ, имѣвшихъ учредителемъ одно и то же лицо, торговый банкъ не имѣлъ права принимать отъ одного учрежденія вкладъ, который бы превышалъ 8% его основного капитала (2 мил.), или 160,000 р. Такимъ образомъ, имъ было принято отъ земельного банка въ 1900 г. въ 25 разъ, а въ маѣ этого года въ 35 разъ больше, чѣмъ слѣдовало. Но не было бы большой бѣды въ томъ, что банкъ *принялъ* денегъ больше, чѣмъ имѣлъ на то право; бѣда была въ томъ, какъ онъ ихъ *расходовалъ*. А расходовалъ онъ ихъ очень просто: передавалъ непосредственно г. Алчевскому. Одинъ милліонъ четыреста тысячъ руб. было выдано по личнымъ обязательствамъ г. Алчевскаго, т. е. просто подъ его векселя (говорять, за одною подписью), а шесть милліоновъ двадцать девять тысячъ было выдано ему же въ ссуду подъ негарантированныя бумаги, въ значительной степени подъ акціи того же донецко-юрьевскаго общества. Нельзя пройти молчаніемъ тотъ фактъ, что изъ дѣла выяснилось полное и безотчетное повиновеніе правленія торговаго банка покойному дѣльцу. Правленіе не только выдаетъ ему колоссальную ссуду подъ бумаги сомнительной стоимости, но даже не требуетъ отъ него доплаты разницы тогда, когда цѣнность этихъ бумагъ на-

*) Запасный и часть основного капитала.

даетъ чуть-ли не вдвое ниже выданной подъ ихъ залогъ суммы; мало того—черезъ нѣсколько времени правленіе торговаго банка подъ простую росписку возвращаетъ г. Алчевскому значительную часть его бумагъ, не требуя погашенія ссуды! Другими словами, миллионы были выданы подъ залогъ простой росписки!.. Замѣтите, что г. Алчевскій въ послѣднее время не былъ ни предсѣдателемъ, ни членомъ правленія торговаго банка. Оффициально онъ былъ для банка постороннимъ лицомъ. Выдача же нѣсколькихъ миллионовъ общественныхъ денегъ подъ простую росписку посторонняго дѣлу лица, какъ хотите, представляетъ собою съ точки зрѣнія обывателя что-то совершенно необычайное и, хотѣлось бы надѣяться, не каждый день встрѣчающееся!

Рядомъ съ этимъ крупнѣйшимъ злоупотребленіемъ правленіе торговаго банка совершило цѣлый рядъ болѣе или менѣе вредныхъ нарушеній устава. Банкомъ открыты операціи, не разрѣшенныя ему по уставу. Такъ, не имѣя права перезалога процентныхъ бумагъ, онъ тѣмъ не менѣе перезаложилъ ихъ въ волжско-камскомъ банкѣ и въ конторѣ Рябушинскаго почти на 3 миллиона руб.; была открыта, только подъ другимъ именемъ, воспрещенная банку онкольная операція; имъ не привлеченъ къ суду растратившій около 100,000 служащій; банкъ растратилъ фондъ пенсіонно-эмеритальной кассы своихъ служащихъ въ размѣръ 42,000 руб.

Само собой понятно, что при такомъ веденіи дѣла послѣ смерти Алчевскаго банкъ долженъ былъ обанкротиться. Сначала онъ попробовалъ обратиться къ г. министру финансовъ съ ходатайствомъ о поддержкѣ, но въ отвѣтъ получилъ предложеніе просить судъ объ объявленіи несостоятельности; тогда же земельному банку было предложено затребовать отъ торговаго банка всѣ свои вклады. Этимъ требованіемъ судьба торговаго банка была рѣшена быстро и безповоротно; онъ объявленъ несостоятельнымъ; позднѣе о дѣйствіяхъ его правленія начато судебное слѣдствіе.

Но, конечно, не одинъ торговый банкъ слѣпо и безпрекословно служилъ интересамъ своего основателя. Мы не ошибемся, если скажемъ, что въ этомъ отношеніи первое мѣсто безспорно принадлежитъ харьковскому земельному банку. Глядя со стороны, кажется, что его правленіе своей спеціальной задачей ставило изысканіе средствъ для поддержанія въ торговомъ банкѣ способности кредитовать г. Алчевскаго. Мало того, что для этого была совершена ничѣмъ неоправдываемая передача въ торговый банкъ всего запаснаго и части основнаго капитала и свободныхъ средствъ всякихъ наименованій—нѣтъ, земельный банкъ закладывалъ изъ 6—8% цѣнныя бумаги для того, чтобы вырученныя отъ залога деньги передавать торговому банку за 3%, неся, такимъ образомъ, ради удовлетворенія нуждъ своего кре-

дитующагося въ торговомъ банкѣ основателя убытокъ въ 5% годовыхъ. Но, наконецъ, и такіе ресурсы были истощены; субсидированію торговаго банка пришелъ конецъ; тогда земельный банкъ, въ лицѣ правленія, рѣшается для поддержанія своего творца на послѣднее отчаянное средство; назвать это средство его настоящимъ именемъ не рѣшился даже требовавшій на чрезвычайномъ собраніи акціонеровъ 25 іюня преданія правленія банка суду генераль Моравскій. Оказались пущенными въ оборотъ закладные листы, внесенные въ банкъ для досрочнаго погашенія ссудъ. Объяснять значеніе этого поступка, кажется, не стоитъ. Закладной листъ только потому и имѣетъ извѣстную цѣнность, что онъ обезпеченъ тою землею, подъ залогъ которой онъ выпущенъ. Закладной листъ, внесенный въ банкъ въ досрочное погашеніе ссуды—это листъ, уже не имѣющій никакого реальнаго обезпеченія своей стоимости и потому дѣйствительно ничего не стоющій; онъ просто долженъ быть уничтоженъ, и никто другой, какъ правленіе банка обязано было слѣдить за его уничтоженіемъ; если же оно вмѣсто того, чтобы сжигать такіе листы, пускаетъ на 5¹/₂ милліоновъ ихъ въ оборотъ, закладывая въ банкахъ и конторахъ (на 5.100 тысячъ), или даже просто оставляя въ обращеніи въ публикѣ (на 563 тыс.), то оцѣнка такихъ поступковъ, кажется, не представляетъ особаго затрудненія. Нѣкоторые органы печати высказывали мнѣнія, что, пуская въ обращеніе ничего нестоющіе закладные листы, банкъ въ сущности только велъ неразрѣшенную частнымъ банкамъ въ Россіи, но практикующуюся за границей „эмиссіонную операцію“, т. е. выпускалъ въ обращеніе необезпеченные ничѣмъ, кромѣ его капиталовъ, цѣнные бумаги, которые въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ можно приравнять къ нашимъ кредитнымъ билетамъ. Но автору этихъ строкъ такое смѣшеніе понятій представляется нѣсколько страннымъ.

Эмиссіонная операція, тамъ, гдѣ банки имѣютъ на нее право, совершается открыто, подъ извѣстнымъ контролемъ и обставлена извѣстными гарантіями. Тайный выпускъ въ обращеніе закладныхъ листовъ, подлежащихъ погашенію, но имѣющихъ въ глазахъ покупателя или залогодержателя извѣстную цѣнность только потому, что предполагается, что эти листы обезпечены реальною цѣнностью — землею, — конечно, никоимъ образомъ не долженъ быть признаваемъ эмиссіонной операціей; соответствующее этому дѣйствію наименованіе можно гораздо скорѣе найти въ уложеніи о наказаніяхъ, чѣмъ среди терминовъ, употребляемыхъ въ наукахъ о финансахъ.

Само собой разумѣется, что кромѣ этихъ крупнѣйшихъ грѣховъ на правленіи земельного банка лежитъ нѣсколько болѣе мелкихъ: выгодный для членовъ правленія и для акціонеровъ выпускъ новыхъ акцій въ то время, когда прежніе выпуски не

были еще реализованы; расходъ около 500 тысячъ на постройку второго дома, не проведенный правильно по счетамъ; допущеніе такихъ просрочекъ во вносѣ платежей заемщиками, вслѣдствіе которыхъ *пеня*, вносимая послѣдними, составляетъ 25% *чистаго дохода банка*; вѣроятный убытокъ въ 790 тысячъ на ссудахъ, выданныхъ по слишкомъ высокой оцѣнкѣ подъ городскія имуществъ и т. д.—но все это, сравнительно уже мелочи, совершенно блѣднѣющія передъ изложеннымъ выше.

Выяснились всѣ эти факты, только благодаря специальной официальной ревизіи банка, результаты которой были изложены въ особомъ докладѣ чрезвычайному собранію акціонеровъ, созванному по высочайшему повелѣнію. Результаты этого собранія извѣстны: семью гг. Алчевскихъ въ харьковскомъ земельномъ банкѣ смѣнила семья гг. Рябушинскихъ, старое правленіе и ревизионную комиссію постановлено привлечь къ судебной отвѣтственности, къ имуществу покойнаго основателя банка рѣшено предъявить искъ, а у министра финансовъ признано необходимымъ просить ссуду въ размѣрѣ до 6 милліоновъ руб. на тѣхъ условіяхъ, которыя министръ сочтетъ нужнымъ поставить. Ходатайство это удовлетворено; но на покрытіе этой ссуды должны отчисляться прибыли банка, и до ея покрытія въ составъ правленія вводится на правахъ члена особый чиновникъ по назначенію г. министра финансовъ. По правдѣ сказать, намъ представляется нѣсколько удивительнымъ, почему послѣ всего того, что было вскрыто ревизіей, министерство финансовъ вводитъ въ правленіе банка наблюдателя лишь на опредѣленный срокъ; намъ казалось бы естественнымъ теперь, когда въ одномъ изъ земельныхъ банковъ выясненъ цѣлый рядъ такихъ неожиданныхъ и нежелательныхъ явленій, какъ выпускъ въ обращеніе на нѣсколько милліоновъ ничего нестоящихъ и подлежащихъ уничтоженію закладныхъ листовъ, поднять вопросъ о постоянныхъ наблюдателяхъ отъ министерства во всѣхъ земельныхъ банкахъ, а не только вводить временнаго наблюдателя—въ одинъ банкъ. Этотъ вопросъ, быть можетъ, является тѣмъ болѣе своевременнымъ, что одинъ изъ членовъ стараго правленія банка съ поистиннѣ изумительной откровенностью заявилъ, что „пусканіе въ оборотъ подлежащихъ уничтоженію листовъ въ х. з. банкѣ случилось и раньше“. Впрочемъ, этой стороны дѣла мы коснемся еще разъ ниже, а здѣсь только отмѣчаемъ самый фактъ.

Понятно, что такія крупныя крушенія, какъ банкротство харьковского торговаго банка и описанная катастрофа въ банкѣ земельномъ не могли не отразиться на цѣломъ рядѣ лицъ и учреждений. Прежде всего пострадалъ екатеринославскій коммерческій банкъ. Въ настоящее время это дѣло еще не оглашено въ печати во всѣхъ подробностяхъ; но, судя по мѣстнымъ извѣстіямъ, слѣдуетъ думать, что, съ одной стороны, банкъ выдалъ значительныя

суммы подъ залогъ донецко-юрьевскихъ и другихъ малоцѣнныхъ и связанныхъ съ дѣлами Алчевскаго акцій, а съ другой—что раскрытію печальнаго состоянія кассы банка въ значительной мѣрѣ способствовалъ огромный пожаръ 12 іюня на лѣсныхъ пристаняхъ въ Екатеринославѣ, такъ какъ послѣ пожара массѣ мѣстныхъ коммерсантовъ экстренно понадобились деньги. Они бросились въ банкъ за своими вкладами, но касса банка, уже ранѣе истощенная выдачей названныхъ ссудъ, не выдержала, и банкъ долженъ былъ быть объявленъ несостоятельнымъ. Надо замѣтить, что правленіе банка не могло не предвидѣть уже заранѣе печальнаго финала, но это не мѣшало ему до послѣдней минуты принимать вклады. Въ концѣ концовъ, по газетнымъ извѣстіямъ, по поводу нѣкоторыхъ дѣйствій правленія екатеринославскаго банка также начато судебное слѣдствіе.

Но если въ перечисленныхъ трехъ банкахъ дѣла дошли до знаменательныхъ краховъ, сопровождаемыхъ такими условіями, которыя дѣлаютъ возможнымъ начало судебного слѣдствія относительно дѣйствій трехъ правленій, то, конечно, этимъ однимъ не исчерпывается все потрясеніе, переживаемое нашими промышленными и торговыми сферами. Пока мы не знаемъ, сколько пострадало въ этой катастрофѣ частныхъ лицъ и отдѣльныхъ коммерсантовъ; число ихъ, конечно, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть незначительно; что же касается банковъ и крупныхъ промышленныхъ предпріятій, понесшихъ въ этой передрыгѣ серьезные убытки отъ нѣсколькихъ тысячъ до 2 и болѣе милліоновъ, то, по сообщеніямъ прессы, имъ можно было бы составить порядочный списокъ, куда вошли бы и такія сравнительно небольшія дѣла, какъ 2-е харьковское общество взаимнаго кредита, и такія грандіозныя предпріятія, какъ волжско-камскій коммерческій банкъ. Мы не будемъ, конечно, заниматься перечисленіемъ пострадавшихъ банковъ—этотъ вопросъ имѣетъ слишкомъ спеціальныи интересъ. Намъ важно только отмѣтить, что харьковскіе крахи сильно отразились и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и, само собою разумѣется, на всемъ югѣ.

Въ критическіе моменты публику охватывала положительная паника; она бросалась въ кассы банковъ, думая тѣмъ спасти свои сбереженія, и, напримѣръ, въ первые дни по полученіи извѣстій о смерти Алчевскаго или послѣ объявленія несостоятельности торговаго банка конторы кредитныхъ учрежденій Харькова, Полтавы, Екатеринослава, Кременчуга, Таганрога и др. городовъ положительно осаждались вкладчиками. Деньги приходилось выдавать сотнями тысячъ и милліонами, и солиднымъ учрежденіямъ пришлось безъ всякихъ въ сущности реальныхъ причинъ и неожиданно для себя совершенно истощить свои кассы. Не только банки, но даже и частныя конторы (П. Д. Нововъ въ Харьковѣ) должны были обратиться за помощью къ государственному банку

и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ кажется, совершенно умѣстно эта помощь была оказана. Кромѣ того, въ самые послѣдніе дни, по распоряженію министра финансовъ, въ кассы крупныхъ петербургскихъ и московскихъ банковъ на текущіе счета было внесено 25 милліон. изъ суммъ, вырученныхъ желѣзнодорожными обществами отъ реализаціи облигаціонныхъ займовъ, и это распоряженіе, вѣроятно, должно быть поставлено въ извѣстную связь съ описываемыми событіями. Биржа оказалась въ этомъ случаѣ также необычайно чувствительна. Цѣны многихъ бумагъ значительно понизились, но охотниковъ покупать ихъ не оказывалось. Биржевые хищники, конечно, не дремали и искусно воспользовались положеніемъ для эксплуатаціи потерявшей голову публики. Наиболѣе пригодной бумагой въ этомъ отношеніи оказались акціи харьковскаго земельного банка. Дѣло въ томъ, что даже въ самыя критическія минуты недавно пережитыхъ дней для хладнокровнаго наблюдателя было ясно, что этотъ банкъ, понесшій несомнѣнно крупныя убытки, очень далекъ отъ чего либо такого, что могло бы грозить банкротствомъ и ликвидаціей дѣлъ. Его опредѣленный доходъ совершенно обезпеченъ уплатою % по ссудамъ подъ земельныя имущества, которыхъ выдано болѣе, чѣмъ на 100 милліоновъ. Но никакія соображенія не могли удержать напуганныхъ обывателей отъ продажи этихъ акцій; бумаги, которыя 2¹/₂ мѣсяца назадъ охотно покупали по 410 руб., всѣ кинулись продавать сначала по 300 р., потомъ по 200 р.; биржа сейчасъ же, почувявъ добычу, заиграла на пониженіе, и въ періодъ времени, близкій къ собранію акціонеровъ, были проданы по 150, 140 и даже 125 р. за акцію, которая черезъ недѣлю уже снова продавалась по 180, а теперь уже ее нельзя купить за 200 даже за 220 руб. Биржевики, нажившіе въ недѣлю по 100 р. на каждой акціи, потираютъ руки и, пожалуй, втайнѣ благословляютъ виновниковъ харьковской катастрофы; обыватели же, лишившіеся кто половины, кто ³/₄ своихъ сбереженій, конечно, клянутъ всѣхъ заправиль харьковскихъ банковъ и злобно радуются грядущимъ судебнымъ процессамъ. Процессы эти, несомнѣнно, раскроютъ не мало интересныхъ подробностей, характерныхъ бытовыхъ чертъ и поставятъ передъ общественнымъ мнѣніемъ нѣсколько острыхъ вопросовъ, какъ напр., вопросъ о томъ, какова роль во всѣхъ этихъ событіяхъ нѣкоего Любарскаго-Письменнаго, который одновременно состоялъ членомъ всѣхъ трехъ привлекаемыхъ къ суду правленій, а въ екатеринославскомъ банкѣ даже предсѣдательствовалъ? или какими чарами покойный Алчевскій заставлялъ правленія банковъ, ему подчиненныхъ,—я не могу подобрать другого болѣе подходящаго выраженія—совершать такія явно противорѣчація и логикѣ, и уставу, и закону поступки, какъ обратная выдача ему на руки подъ росписку тѣхъ бумагъ, подъ которыя были выданы огромныя ссуды?

Но всѣ эти вопросы, по существу своему, все же имѣютъ ближайшее отношеніе къ личной этикѣ и къ личной отвѣтственности извѣстнаго круга дѣльцовъ, засѣдавшихъ въ разныхъ правленіяхъ и ревизіонныхъ комиссіяхъ пострадавшихъ банковъ. Въ свое время они, вѣроятно, будутъ разслѣдованы судомъ; насъ же они въ настоящій моментъ мало интересуютъ и по отношенію къ нимъ мы можемъ ограничиться напомниманіемъ читателю того, къ сожалѣнію, кажется, неоспоримаго положенія, которое выражается немного грубоватой, но глубоко-правдивой пословицей: „было бы болото, а черти найдутся“. До тѣхъ поръ, пока отдѣльные дѣльцы имѣютъ возможность почти безконтрольно распоряжаться десятками милліоновъ акціонерныхъ капиталовъ, въ той средѣ, которая ходитъ „около денегъ“, всегда найдутся 5—6 лицъ, которые по недомыслию, по слабости характера, или прямо по недобросовѣстности съ охотою пойдутъ на разные, оплачиваемыя тысячами или десятками тысячъ, должности съ такимъ условіемъ, чтобы, не разсуждая, подписывать и дѣлать все то, что имъ прикажетъ подписать или сдѣлать ихъ „хозяинъ“.

Такимъ образомъ, вопросъ объ уголовной отвѣтственности разныхъ членовъ правленія—вопросъ не новый, не составляетъ особенности собственно настоящихъ событій, и, пытаясь въ нихъ разобраться, мы считаемъ за лучшее прямо признать за неправильными дѣйствіями отдѣльныхъ лицъ извѣстное, вѣроятно, довольно крупное значеніе среди причинъ, вызвавшихъ послѣдніе крахи. Но эта причина, такъ сказать, внѣшняя, дѣйствующая съ извѣстною степенью постоянства во всѣхъ аналогичныхъ катастрофахъ и выражающаяся особенно ярко лишь въ послѣдній, предшествующій непосредственной развязкѣ, періодъ времени. Одною недобросовѣстностью дѣятелей можно объяснить растрату суммъ въ какомъ нибудь отдѣльномъ учрежденіи, но не катастрофу, охватившую цѣлый районъ.

Поэтому-то злоупотребленіе отдѣльныхъ лицъ и не представляется для насъ теперь особенно интереснымъ. Гораздо болѣе глубокое и существенное значеніе имѣютъ первые два изъ намѣченныхъ нами въ началѣ этой статьи вопросовъ: въ какой мѣрѣ харьковская катастрофа вызвана общимъ положеніемъ нашей промышленности и акціонернаго дѣла? И въ какой—невольными ошибками заправилъ отдѣльныхъ предпріятій?

На первую часть перваго вопроса, думается, дадутъ нѣкоторые отвѣты приведенныя выше цифры, характеризующія развитіе акціонернаго дѣла въ Россіи за послѣднее десятилѣтіе; на нашъ взглядъ онѣ съ полною ясностью показываютъ извѣстную *искусственность* въ развитіи промышленности за послѣднее время. Въ самомъ дѣлѣ—что за эпоху въ экономической жизни Россіи представляетъ вторая половина девяностыхъ годовъ? Почему именно съ этого момента ростъ акціонерныхъ промышленныхъ предпріятій

тій учетверился или упятирился? Былъ ли это рядъ необычайныхъ урожаевъ, поднявшій до высокой степени потребности и покупную способность населенія? Или эти способности возросли подъ вліяніемъ какихъ-нибудь другихъ особо-благоприятныхъ экономическихъ вліяній? Или мы приобрѣли въ это время огромные внѣшніе рынки? Читателю извѣстно, конечно, что ничего подобнаго въ эту эпоху не случилось. Урожаи были средніе, мѣстами были недороды, новые внѣшніе рынки приобретаются постепенно и очень туго. Очевидно, что при такихъ условіяхъ затрата сотенъ милліоновъ на новыя промышленныя дѣла обусловлена иными причинами, главнѣйшими изъ которыхъ должно считать либо грюндерство съ его исключительнымъ стремленіемъ сорвать предпринимательскій барышъ, либо расчетъ на благодатные казенные заказы и на искусственно поднятыя цѣны продуктовъ, поддерживаемыя огромными пошлинами и другими искусственными мѣрами, въ родѣ нормировки сахара.

Такое общее ненормальное положеніе промышленности служить, быть можетъ, вообще существеннѣйшей причиной акціонернаго ажіотажа послѣднихъ лѣтъ, но условіемъ, обыкновенно благоприятствующимъ особенному развитію этого ажіотажа, является самая форма русскихъ акціонерныхъ предпріятій. Она какъ бы специально приноровлена для того, чтобы дать возможность чуть ли не безконтрольно распоряжаться дѣломъ беззащитнымъ дѣльцамъ, сумѣвшимъ, благодаря ли своимъ талантамъ, благодаря ли своимъ деньгамъ, стать во главѣ дѣла. Краткій срокъ отвѣтственности учредителей, крупная цѣна акцій, легкость расписыванія своихъ акцій на подставныхъ лицъ для созданія искусственнаго большинства на собраніяхъ, безправность акціонеровъ съ малымъ числомъ акцій, отсутствіе фактическаго контроля, легкость выпуска облигацій — все это дѣлаетъ форму нашихъ акціонерныхъ предпріятій прямо желанной формой для дѣльцовъ различныхъ категорій. Недостатокъ нашего акціонернаго законодательства давно признанъ министерствомъ финансовъ, которое уже нѣсколько лѣтъ работаетъ надъ его пересмотромъ; но какъ это часто у насъ случается съ разработкой именно наиболѣе животрепещущихъ вопросовъ, дѣло затянулось на много лѣтъ. Для разсмотрѣнія составленныхъ по этому поводу законопроектовъ не разъ созывались различныя коммиссіи изъ свѣдущихъ лицъ, и въ числѣ ихъ неизмѣнно присутствовалъ и покойный Алчевскій. Теперь, конечно, было бы очень поучительно узнать, какія именно мнѣнія высказывались въ этихъ совѣщаніяхъ погибшимъ коммерческимъ дѣятелемъ. Но, даже не касаясь мнѣній собственно г. Алчевскаго, было бы вообще интересно задаться вопросомъ, въ какой степени безпристрастно и согласно съ общей пользой можетъ быть въ подобномъ дѣлѣ сужденіе дѣльцовъ, заинтересованныхъ въ акціонерныхъ дѣлахъ такъ, какъ былъ заинтересо-

ванъ Алчевскій? И можетъ ли, и должно ли имѣть такое мнѣніе авторитетное значеніе въ глазахъ составителя законо-проекта?

Но, впрочемъ, это въ значительной степени вопросъ посторонній; вернемся къ нашей темѣ. Конечно, никакое законодательство не въ состояніи одно само по себѣ ни уничтожить какія бы то ни было злоупотребленія, ни радикально устранить ихъ причины. Оно можетъ и должно только создать наиболѣе благоприятныя условія для борьбы съ ними и для ихъ обнаруженія. Но какими способами возможно этого достигнуть? Намъ кажется, что эти способы по существу давно извѣстны и носятъ названіе *контроля* и *гласности*. Противъ перваго въ настоящую минуту врядъ ли кто будетъ спорить. Блестящій примѣръ ревизіи харьковскаго земельного банка, произведенной г. Голубевымъ, который съ ясностью и наглядностью раскрылъ разныя закулисныя стороны этого предпріятія, еще слишкомъ свѣжъ у всѣхъ въ памяти. „Хорошо было бы, если бы почаще производились такія ревизіи въ разныхъ нашихъ банкахъ!“—вотъ мысль, которая за послѣдній мѣсяцъ приходила въ голову каждому мыслящему обывателю. И нѣтъ сомнѣнія, что при нашей общественной бездѣтельности, при слабомъ развитіи въ нашей публикѣ истиннаго пониманія коммерческихъ дѣлъ, при невѣжествѣ массы, въ которую, однако, проникаютъ различныя биржевыя бумаги (въ особенности закладныя листы и облигаціи кредитныхъ обществъ), при беззащитности нашихъ дѣльцовъ, *фактическое* наблюденіе за дѣятельностью нашихъ банковъ является крайне желательнымъ, почти необходимымъ. Оно могло бы быть осуществлено и путемъ назначенія членовъ правленія отъ казны или и тѣмъ, и другимъ способомъ вмѣстѣ—это вопросъ подробностей. Думается, что въ этомъ отношеніи дѣйствующие и ранѣе утвержденныя уставы различныхъ обществъ не могли бы помѣшать примѣненію къ нимъ различныхъ методовъ контроля—способы наблюденія на будущее время могли бы быть установлены особымъ закономъ. Дѣлательнымъ помощникомъ такого контроля могли бы явиться *мелкіе акціонеры*, за которыми необходимо обезпечить извѣстныя права. У насъ въ большинствѣ случаевъ акціонеры, имѣющіе менѣе извѣстнаго количества акцій, прямо лишены голоса. Почему? Отвѣтъ на это можетъ быть одинъ—для крупныхъ тузовъ, ворочающихъ сотнями тысячъ и милліонами, акціонеръ, имѣющій 5—10 акцій, кажется чѣмъ-то настолько мелкимъ, что мнѣніе его не должно имѣть значенія. Можетъ быть, съ точки зрѣнія дѣльцовъ это взглядъ и правильный, но законъ, казалось бы, долженъ смотрѣть на дѣло иначе. Надо помнить, что для мелкаго акціонера его 1½—2 тысячи руб. могутъ быть значительно дороже, чѣмъ милліоны для милліонера. Во всякомъ случаѣ, онъ внимательно отнесется къ дѣлу, въ которомъ онъ

состоить участникомъ, и трудно представить себѣ такой случай, когда путемъ убыточныхъ операций и явныхъ злоупотребленій въ извѣстномъ дѣлѣ онъ могъ бы спасти или развить съ выгодой для себя какое-либо другое дѣло. Для миллионера же такое положеніе вполне возможно, какъ то ясно показала печальная связь земельного и торговаго банка съ Донецко-Юрьевскимъ и другими дѣлами г. Алчевскаго. Что крупные акціонеры и пайщики не всегда бываютъ внимательны къ своимъ дѣламъ, можетъ быть доказано и такими примѣрами, относящимися къ послѣднимъ тревожнымъ днямъ: въ Петербургѣ, за неприбытіемъ нужнаго числа акціонеровъ, не состоялось собраніе Донецко-Юрьевскаго общества, а въ Харьковѣ—собраніе членовъ второго общества взаимнаго кредита *).

Кромѣ того, каждому акціонеру слѣдуетъ предоставить право фактическаго ознакомленія со всѣми дѣлами общества по книгамъ и по счетамъ. Если бы даже слѣдствіемъ такого расширенія правъ акціонеровъ явились нѣкоторыя злоупотребленія въ видѣ приобрѣтенія небольшого количества акцій шантажистами или конкуррентами для вывѣдыванія положенія дѣла извѣстнаго учрежденія, то такое неудобство, думается, все же принесло бы съ собой меньше вреда, чѣмъ теперешнее безправіе акціонерной мелкоты. Въ сущности, почему для *честно* ведущагося дѣла могло бы быть вредно ознакомленіе со всѣми его счетами владѣльца ограниченаго числа акцій? Или опасаются нарушенія „коммерческой тайны“. Но, право же, представленіе о „коммерческой тайнѣ“ давно уже нуждается въ коренномъ пересмотрѣ! Слишкомъ уже часто эта „тайна“ сводится къ случаямъ, которые можно бы было сопоставить съ вышеописаннымъ выпускомъ въ обращеніе ничего нестоящихъ закладныхъ листовъ!

Что же касается *гласности*, то ее на первое время можно бы ограничить обязательнымъ допущеніемъ представителей печати на акціонерныя собранія. Въ присутствіи представителей прессы врядъ ли было бы возможно замалчиваніе непріятныхъ для заправиль дѣла заявленій и мнѣній отдѣльныхъ акціонеровъ—случай, къ сожалѣнію, нерѣдкій въ практикѣ нашихъ акціонерныхъ собраній.

Разъ заговоривъ о печати, было бы, быть можетъ, нелишне вспомнить и о тѣхъ услугахъ, которыя она, при большемъ къ ней вниманіи, могла бы оказать дѣлу упорядоченія нашихъ акціонерныхъ предпріятій. За примѣрами ходить недалеко. Извѣ-

*) Уже заканчивая эту статью, мы прочитали сообщеніе о состоявшемся, наконецъ, собраніи второго общ. взаим. кред. въ Харьковѣ. Собраніе было бурное. Выяснено не мало интересныхъ подробностей. Убытокъ, понесенный обществомъ за послѣднее время—630,000 р.; продолженіе собранія отложено на 11 дней, въ теченіе которыхъ особая коммиссія должна обрѣзывать истинное положеніе дѣла.

стно, что именно о злоупотребленіяхъ въ Харьковскомъ земельномъ банкѣ за послѣдніе, если не ошибаемся, 5 лѣтъ дважды поднималась рѣчь въ нашей ежедневной прессѣ, и весьма возможно, что, если бы на эти статьи въ свое время посмотрѣли болѣе серьезно, то, быть можетъ, дѣла банка не приняли бы такого ненормальнаго теченія.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о третьемъ изъ поставленныхъ выше вопросовъ: въ какой мѣрѣ харьковскіе крахи могутъ быть объяснены *ошибками* руководителей потерпѣвшихъ предпріятій? Дать полный и всесторонній отвѣтъ въ этомъ случаѣ можно было бы только послѣ обстоятельнаго обслѣдованія всѣхъ дѣлъ, связанныхъ съ именемъ покойнаго Алчевскаго, и мы, конечно, не можемъ здѣсь такого отвѣта дать; но частныя ошибки, случающіяся вездѣ и всегда, какъ бы онѣ ни были важны и существенны, не могли бы сразу произвести цѣлый рядъ такихъ крупныхъ катастрофъ. Намъ кажется, что, помимо частныхъ ошибокъ, съ значительной долей вѣроятія можно указать и одну основную неправильность расчета, которая и повлекла за собой такой печальный результатъ; эта неправильность заключается въ слѣдующемъ: горныя и металлургическія дѣла, основанныя погибшимъ предпринимателемъ, были рассчитаны не по соображенію съ дѣйствительными, естественными потребностями населенія и съ размѣрами средствъ основателя, а учреждались въ надеждѣ на искусственно вздутые запросы рынка, въ чаяніи крупныхъ казенныхъ заказовъ и въ расчетѣ на возможность покрыть всѣ недочеты въ средствахъ неограниченнымъ кредитомъ. При первомъ затрудненіи на денежномъ и желѣзномъ рынкѣ эти предположенія оказались ошибочными. Отсюда рѣзкая нужда въ деньгахъ, обусловившая все остальное.

Итакъ, постараемся вкратцѣ резюмировать тотъ взглядъ на только что пережитую югомъ коммерческую бурю, который мы старались изложить въ настоящей статьѣ.

Чѣмъ вызваны и какъ произошли харьковскіе крахи?

Искусственно поощряемая горная и металлургическая промышленность открываютъ заманчивое поле для жаждущихъ наживы дѣльцовъ, такъ какъ сулятъ имъ огромные и грюндерскіе, и хозяйскіе барыши.

Въ надеждѣ на эти барыши извѣстный коммерсантъ и опытный предприниматель основываетъ рядъ предпріятій, рассчитанныхъ на такой сбытъ, который не обезпеченъ естественными рынками, и на приливъ такихъ средствъ, какой возможенъ лишь при снокойномъ ходѣ дѣлъ.

Первое стѣсненіе денежнаго рынка, первый промышленный кризисъ ставятъ затѣянныя дѣла въ крайне тяжелое положеніе, создаютъ огромную нужду въ деньгахъ.

Деньги берутся сначала обычными путями въ разныхъ бан-

кахъ; когда же кредитъ въ большихъ банкахъ дѣлается затруднительнымъ, приходится пользоваться уже только однимъ оставшимся источникомъ — не особенно крупнымъ, но послушнымъ предпринимателю мѣстнымъ банкомъ, въ составъ правленія котораго онъ самъ, однако, не входитъ; изъ этого банка берется все, что можно взять.

Но для того, чтобы въ этомъ банкѣ были деньги, которыя можно брать, туда приходится переводить всѣ средства изъ другого банка, изъ котораго пользоваться ими непосредственно предпринимателю оказывается неудобно, такъ какъ такое пользованіе, въ силу его прямого участія въ управленіи этимъ банкомъ, является уже дѣйствіемъ, несомнѣнно предусмотрѣннымъ уложеніемъ о наказаніяхъ.

Когда истощается этотъ подсобный источникъ, то приходится прибѣгать къ средствамъ уже прямо недозволеннымъ, которыми и пользуются до послѣдней возможности, при молчаливомъ согласіи, если хотите, при безмолвномъ пособничествѣ всѣхъ членовъ правленія.

Когда всѣ дозволенные и недозволенные средства исчерпаны, наступаетъ ужасная смерть предпринимателя, банкротство двухъ банковъ, судебное преслѣдованіе противъ членовъ правленій, разореніе и убытки массы лицъ; при этомъ возбужденные обыватели, указывая на отдѣльныхъ участниковъ дѣла, кричатъ: „наблюдайте за ними, контролируйте ихъ, судите ихъ, карайте ихъ! Избавившись отъ нихъ, мы избавимся на будущее время и отъ возможности повторенія такихъ вопіющихъ злоупотребленій!“

Видя послѣднее звѣно въ цѣпи событій, обыватель, оказывается, забываетъ о длинномъ рядѣ звѣньевъ предшествующихъ, а какъ только пройдетъ острое положеніе дѣла, онъ спокойно забудетъ все случившееся для того, чтобы черезъ 5, 10, 20 лѣтъ сдѣлаться жертвою новыхъ подобныхъ же „дѣятелей“.

Обыватель въ извѣстномъ смыслѣ слова, конечно, правъ въ своемъ раздраженіи, но намъ не зачѣмъ объяснять ошибочность его заключеній. Причины катастрофы лежатъ гораздо глубже, чѣмъ ему кажется, и, на нашъ взглядъ, для ихъ устраненія прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на то положеніе, которое создается чрезмѣрнымъ покровительствомъ промышленности, дразнящее и возбуждающее чрезмѣрные аппетиты всякихъ грюндеровъ и крупныхъ предпринимателей; усугубить надъ господами предпринимателями фактическій контроль и продолжить срокъ и размѣры ихъ матеріальной отвѣтственности за основанныя ими предпріятія; расширить права мелкихъ акціонеровъ и обращать больше вниманія на отзывы печати. Быть можетъ, при такихъ условіяхъ мы не будемъ имѣть такого быстрого и пышнаго расцвѣта акціонернаго дѣла, но за то и не будемъ свидѣтелями та-

кихъ печальныхъ и уродливыхъ явленій, какъ описанное выше. Самому же обывателю слѣдуетъ посовѣтовать въ мирное время побольше неослабнаго вниманія къ ходу различныхъ растущихъ вокругъ него дѣлъ и побольше смѣлости и рѣшительности для того, чтобы онъ могъ высказывать громко и публично всѣ свои мнѣнія о нихъ.

Стверянинъ.

Хроника внутренней жизни.

I. По поводу новаго закона о печати.

Высочайше утвержденнымъ 4 іюня сего года мнѣніемъ государственнаго совѣта 144-я статья устава о цензурѣ, предоставляющая министру внутреннихъ дѣлъ право дѣлать повременнымъ изданіямъ, изъятымъ отъ предварительной цензуры, предостереженія, дополнена нижеслѣдующимъ постановленіемъ: „Первое предостереженіе сохраняетъ свою силу въ теченіе одного года со дня его полученія, если за этотъ срокъ не будетъ объявлено второго предостереженія. Если въ теченіе одного года повременное изданіе получить два предостереженія, то дѣйствіе ихъ сохраняетъ свою силу въ теченіе двухъ лѣтъ со дня объявленія изданію второго предостереженія, если за этотъ срокъ не послѣдуетъ третьяго предостереженія. По истеченіи означенныхъ сроковъ повременное изданіе освобождается отъ полученныхъ предостереженій, и слѣдующее за симъ предостереженіе вновь считается первымъ“. Дѣйствіе этого правила, согласно тому же мнѣнію государственнаго совѣта, повелѣно распространить на предостереженія, объявленныя повременнымъ изданіямъ до его утвержденія, т. е. новому закону дана обратная сила. Вслѣдствіе этого рядъ изданій освободился отъ лежавшихъ на нихъ предостереженій, а особымъ распоряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 12 іюня три газеты („Биржевыя Вѣдомости“, „Восходъ“ и „Русскія Вѣдомости“) и одинъ журналъ („Хозяинъ“), получившіе уже по три предостереженія, освобождены отъ дѣйствія примѣчанія къ означенной 144 статьѣ, т. е. отъ обязанности представлять свои номера, накануне выпуска ихъ въ свѣтъ, для просмотра въ цензурные комитеты.

Новый законъ восполнилъ, наконецъ, давно ощущавшійся пробѣлъ въ цензурномъ уставѣ—пробѣлъ, имѣвшій тягостныя послѣдствія для печати и крайне неудобный, какъ выяснилъ опытъ,

для самой администраціи. Законъ 6 апрѣля 1865 г., предоставивъ министру внутреннихъ дѣлъ право дѣлать повременнымъ изданіямъ, изъятымъ отъ предварительной цензуры, предостереженія, вовсе не указавъ срока, по истеченіи котораго данное предостереженіе должно было утрачивать свое значеніе. Такъ какъ самый законъ 6 апрѣля въ сопровождавшемъ его высочайшемъ указѣ названъ временнымъ, составленнымъ лишь „въпредъ до дальнѣйшихъ указаній опыта“, при чемъ введенная имъ система административныхъ взысканій въ правительственныхъ сферахъ разсматривалась въ то время, какъ переходная ступень къ свободѣ печати, то вполнѣ возможно, что установленію срочности не было придано тогда надлежащаго значенія и вопросъ о ней, какъ подробность, не долженствовала имѣть практическаго значенія, и не привлекъ къ себѣ вниманія составителей законопроекта. Возможно и то, что указанный пробѣлъ явился результатомъ простаго недосмотра. По крайней мѣрѣ, въ такъ называемомъ второмъ проектѣ о книгопечатаніи министерства внутреннихъ дѣлъ, относящемся къ 1863 г., предполагалось установить срочность для предостереженій и при томъ болѣе льготную даже, чѣмъ какая дана въ настоящее время: „повременное изданіе, читаемъ мы въ этомъ проектѣ, въ теченіе одного года подвергшееся двумъ предостереженіямъ, по третьему считается прекращеннымъ, если это предостереженіе состоитъ въ теченіе того же самаго года или послѣдующихъ трехъ мѣсяцевъ“ *).

Какъ бы то ни было, случайно или сознательно (въ виду казавшейся неважности) допущенный пробѣлъ, не смотря на всѣ ходатайства и указанія печати, оставался не восполненнымъ въ теченіе 36 лѣтъ. Онъ не былъ дополненъ даже въ 1892 г., когда понятіе о давности рецидива, еще въ 1864 году включенное въ въ уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, было распространено на уложеніе о наказаніяхъ и благами его стали пользоваться даже каторжники.

Между тѣмъ умолчаніе о срокѣ, въ теченіе котораго предосте-

*) Не лишне будетъ привести еще одну справку, дающую понятіе о взглядахъ правительства того времени на преступленія печати. Въ томъ же 1865 г. былъ установленъ годовой срокъ для возбужденія преслѣдованія по нарушеніямъ закона о печати, при чемъ составители закона руководились тѣмъ соображеніемъ, что срокъ давности, освобождающій преступленія и проступки слова, письма и печати отъ преслѣдованія, «по самому свойству сихъ преступленій и проступковъ долженъ быть короче общихъ сроковъ давности, установленныхъ въ общихъ уголовныхъ законахъ. Было бы крайне несправедливо, говорили составители, преслѣдовать преступленія слова, письма или печати по прошествіи долгаго времени, въ промежуткѣ котораго расположеніе умовъ и всѣ обстоятельства, условливающія значеніе высказанной мысли, могли измѣниться и дать первоначальному намѣренію автора совершенно иное толкованіе». (Цитируемъ, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, по «Ежегоднику Союза Русскихъ Писателей». Спб. 1900 г.).

реженія сохраняютъ свою силу, повело къ такимъ послѣдствіямъ, которыя едва ли предвидѣли составители закона 6 апрѣля 1865 г. и которыя не могли быть оправданы не только съ точки зрѣнія справедливости, но и съ точки зрѣнія цѣлесообразности. Предостереженія, сдѣланныя повременному изданію, погашались только или приостановкой изданія послѣ третьяго предостереженія или высочайшею властью. Или особая милость, или повтореніе преступленія подъ условіемъ болѣе строгой кары—другого средства избавиться отъ предостереженій,—отъ этого занесеннаго надъ изданіемъ Дамоклова меча—не было. Но и эти два средства за послѣдніе 20 лѣтъ фактически были недоступны для печати. Ей были даны двѣ амністіи—одна въ 1867, другая въ 1877 г. Всѣ позднѣйшіе всемилостивѣйшіе манифесты никакого примѣненія къ карамъ, налагаемымъ по цензурному уставу, не имѣли. Лишь нынѣшнею весною, за 3 мѣсяца до изданія закона 4 іюня, особыми высочайшими повелѣніями были сняты предостереженія съ нѣкоторыхъ повременныхъ изданій (съ „Новаго Времени“, „Гражданина“, „С.-Петербургскихъ“ и „Московскихъ Вѣдомостей“). Что касается другого средства, а именно приостановки изданія по третьему предостереженію, то съ 1882 г. оно стало приводить не къ освобожденію отъ предостереженій, а къ совсѣмъ инымъ послѣдствіямъ. Въ этомъ году высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета министровъ 144 ст. цензурнаго устава, „впредь до измѣненія въ законодательномъ порядкѣ дѣйствующихъ законовъ о печати“, была дополнена примѣчаніемъ, согласно которому редакціи повременныхъ изданій, получившихъ третье предостереженіе, по истеченіи срока приостановки и по возобновленіи обязаны представлять нумера ихъ для просмотра въ цензурные комитеты, не позже одиннадцати часовъ вечера, наканунѣ дня выпуска въ свѣтъ, при чемъ цензорамъ предоставлено право задерживать выпускъ этихъ нумеровъ, не возбуждая судебного преслѣдованія противъ виновныхъ. Срочность или безсрочность этого обязательства предоставлена ближайшему усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ. Во всѣхъ случаяхъ примѣненія этого примѣчанія, предусмотрѣнная въ немъ кара назначалась безсрочно и оказывалась столь тяжелой, что изъ подвергшихся ей изданій три четверти прекратились, не доживъ до новаго закона съ его обратной силой. Большинство ихъ даже не возобновлялось послѣ наложенія кары.

Считавшіяся безсрочными предостереженія оставались на изданіи, не смотря на перемѣны, которыя происходили вокругъ нихъ и въ нихъ самихъ. То, что признавалось „вреднымъ направленіемъ“, какъ, напримѣръ, критическое отношеніе къ классической системѣ, при измѣнившихся взглядахъ правительства, переставало считаться вреднымъ, но данныя за него предостереженія оставались. Измѣнялся составъ редакціи и сотрудниковъ повре-

менного изданія, измѣнялось его направленіе, но сдѣланныя за прежнее направленіе предостереженія тяготѣли угрозой и надъ новымъ. Пережънялись официальные редакторы и издатели, въ лицѣ которыхъ были объявлены предостереженія, послѣднія все-таки сохраняли свою силу. Предостереженія переходили вмѣстѣ съ изданіемъ по наслѣдству и по духовному завѣщанію, при продажѣ по вольной цѣнѣ и съ аукціона. Помимо очевидной несправедливости и цѣлаго ряда юридическихъ несообразностей, простекавшихъ изъ этого порядка, постепенно онъ привелъ къ отрицанію самой системы предостереженій, невозможности для правительства пользоваться ею. Передъ изданіемъ новаго закона и предшествовавшимъ ему снятіемъ предостереженій съ четырехъ упомянутыхъ изданій, положеніе дѣлъ, созданное постепенно накопившимися предостереженіями, было таково: всѣ важнѣйшіе литературно-политическіе органы подъ двумя или тремя предостереженіями; всѣ они, не исключая „Московскихъ Вѣдомостей“, „Гражданина“ и „Новаго Времени“, официально значились упорствующими „во вредномъ направленіи“. По отношенію къ изданіямъ, получившимъ по три предостереженія при дѣйствіи изложеннаго уже нами примѣчанія къ 144 ст. уст. о ценз., дальнѣйшія предостереженія были безцѣльны и, какъ таковыя, уже не могли имѣть мѣста. Что касается изданій, имѣвшихъ по два предостереженія, то примѣненіе къ нимъ третьяго было бы равносильно переводу ихъ въ первую категорію и по существу, въ виду сопряженнаго съ третьимъ предостереженіемъ, кромѣ приостановки изданія, подчиненія послѣдняго карательной цензурѣ, являлось бы столь тяжкимъ наказаніемъ, что предъ назначеніемъ его неизбежно должно было останавливаться министерство внутреннихъ дѣлъ, разъ оно не ставило своей цѣлью полное уничтоженіе безцензурной печати. Предостереженія представлялось возможнымъ дѣлать лишь новымъ изданіямъ, которыя очень быстро такимъ путемъ переводились въ разрядъ „упорствующихъ“ и, если ихъ не постигало окончательное прекращеніе, пополняли собою одну изъ двухъ только-что указанныхъ категорій. По отношенію же къ старымъ, уже прошедшимъ стадіи двухъ предостереженій, изданіямъ министерство внутреннихъ дѣлъ оказывалось лишеннымъ возможности пользоваться одной изъ самыхъ легкихъ по смыслу закона, а на дѣлѣ обратившейся въ одну изъ самыхъ тяжелыхъ формъ взысканія. Законъ 4 іюня вернулъ до извѣстныхъ предѣловъ системѣ административныхъ каръ утраченную ею эластичность и тѣмъ открылъ возможность болѣе свободнаго пользованія ею...

Въ настоящее время трудно учесть тѣ тягостныя послѣдствія, которыми сказался для періодической печати своевременно не замѣченный, такъ долго не восполнявшійся и лишь новымъ закономъ устраненный пробѣлъ въ законодательствѣ. Трудно дать

даже статистическую справку о томъ, сколько напрасныхъ приостановокъ на время и прекращеній навсегда потерпѣли повременныя изданія,—напрасныхъ въ томъ смыслѣ, что ихъ не было бы, если бы срочность предостереженій даже въ теперешней, не особенно льготной ея формѣ была бы установлена своевременно. Еще труднѣе учесть время въ томъ же смыслѣ напрасно проведенное теперешними и уже прекратившимися изданіями подъ предостереженіями и подъ наложенной въ видѣ кары цензурой, т. е. въ состояніи отбывающихъ безсрочное наказаніе. Если трудно учесть то, что поддается цифровому выраженію, то уже совершенно невозможно опредѣлить размѣры тѣхъ нравственныхъ послѣдствій, какими сказались на нашей журналистикѣ долгими годами и даже цѣлыми десятилѣтіями тяготѣвшія на ней предостереженія. Каждое предостереженіе, приближая получившее его изданіе къ временной приостановкѣ, къ подчиненію цензурѣ и даже къ окончательному, быть можетъ, прекращенію, несомнѣнно заставляло его понижать тонъ по вопросамъ, казавшимся почему либо щекотливыми, воздерживаться отъ высказыванія сужденій, если они могли не понравиться начальству, отъ котораго зависѣла дальнѣйшая кара, и вообще въ дѣло, требующее прежде всего искренности и гражданской доблести, вносить изворотливость и трепетъ. Чѣмъ дольше оставалось предостереженіе на изданіи, тѣмъ дольше продолжался періодъ его обезцвѣченнаго и придавленнаго состоянія. Работа въ такомъ изданіи была столь тягостной, что редакціи и сотрудники бывали рады—и психологически это вполне понятно—даже третьему предостереженію и сопровождавшей его болѣе суровой карѣ, разъ послѣдняя обѣщала освободить ихъ отъ предостереженій и отъ связанной съ ними необходимости безсрочно работать подъ страхомъ ежедневно могущей разразиться грозы. Не можетъ быть поэтому никакихъ сомнѣній, что срочность предостереженій, введенная своевременно, пока законъ 6 апрѣля дѣйствовалъ въ первоначальной своей редакціи, не только устранила бы обусловленные умолчаніемъ о ней несообразности, но и явилась бы очень важной льготой для печати.

Установленная закономъ 4 іюня мѣра не потеряла характера льготы и теперь. Но со времени высочайшаго указа отъ 6 апрѣля 1865 г. юридическое положеніе печати успѣло существенно измѣниться... Еще рѣзче эта перемѣна сказалась въ административной практикѣ по дѣламъ печати. Въмѣстѣ съ измѣненіемъ законодательныхъ и административныхъ нормъ, регулирующихъ наше журнальное дѣло, измѣнилось и значеніе предостереженій въ общей системѣ взысканій, которымъ подлежитъ печать. По закону 1865 г. система предостереженій была не только основной, но и единственной, въ порядкѣ которой могли быть наложены административныя кары на повременныя изданія. Теперь и цензурный уставъ, и въ особенности административная

практика располагаютъ цѣлымъ рядомъ иныхъ формъ воздѣйствія на печать, вовсе не связанныхъ съ системой предостереженій. Поэтому, чтобы уяснить значеніе закона 4 іюня и степень того вліянія, которое онъ можетъ оказать на журнальное дѣло, мы должны вопросъ о срочности предостереженій рассмотреть въ связи съ этими иными формами административнаго воздѣйствія на прессу.

Надѣмся, что читатель не посѣтуетъ на насъ, если мы расширимъ даже эти рамки и по поводу частнаго вопроса текущей жизни скажемъ нѣсколько словъ объ общемъ положеніи русской періодической печати. Этотъ вопросъ давно уже не затрогивался на страницахъ „Русскаго Богатства“, хотя онъ не переставалъ и не перестаетъ быть однимъ изъ самыхъ злободневныхъ и самыхъ важныхъ вопросовъ нашей внутренней жизни.

Для многихъ и многихъ уже лицъ въ наши дни книга, журналъ, газета служатъ предметомъ непосредственнаго, такъ сказать, потребленія, для однихъ—предметомъ своего рода роскоши, источникомъ болѣе или менѣе часто испытываемаго, болѣе или менѣе высоко цѣнимаго удовольствія, для другихъ—предметомъ необходимости, средствомъ удовлетворенія сдѣлавшихся уже насущными морально-интеллектуальныхъ или дѣловыхъ потребностей. Кругъ такихъ лицъ, у которыхъ печатное слово вошло въ обиходъ повседневной жизни, растетъ въ наше время съ поразительною быстротою. По сравненію, однако, съ главною массою населенія—непросвѣщенной и даже безграмотною—численность ихъ приходится считать пока ничтожною. И если бы всѣ задачи печати сводились къ обслуживанію горсти людей, имѣющихъ съ нею непосредственное общеніе, то вопросъ о ея положеніи мы, можетъ быть, и не рѣшили бы считать особо важнымъ и настоятельно неотложнымъ. Но эта функція не составляетъ не только исчерпывающей, но и главной задачи печати. Не умственной только аристократіи, не образованному лишь обществу призвана служить она, а всему народу.

Печатное слово—это самое надежное средство для распространенія истины и самое могучее орудіе для завоеванія справедливости. Не столь важны при этомъ техническія особенности печати, дающія ей возможность пользоваться всею суммою знанія, которою располагаетъ въ данный моментъ человѣчество, и дозволяющія всякую мысль быстро дѣлать достояніемъ массы, сколько внутренняя тенденція, свойственная печатному слову,—служить правдѣ. Дѣло въ данномъ случаѣ не въ личномъ составѣ дѣятелей печати, среди которыхъ можно встрѣтить людей самаго разнообразнаго умственнаго и нравственнаго ценза, а въ основныхъ свойствахъ публичнаго слова. Единственная сила, которою рас-

полагаетъ оно,—это сила убѣжденія, а убѣдить въ чемъ либо ближняго можно не иначе, какъ аппелируя къ его уму и его совѣсти. Къ доводамъ истины и справедливости поэтому неизмѣнно обращается печать и только въ нихъ однихъ лежитъ прочный залогъ ея вліянія.

Это не значитъ, конечно, что все „что напечатано, то правда“. Въ печатное слово можетъ облечься и искреннее заблужденіе, и завѣдомая ложь, и самая черная неправда. Однако тяготящая надъ печатью необходимость служить правдѣ столь неотвратима, что даже злѣйшіе враги послѣдней, появляясь на печатной аренѣ, вынуждены заявлять себя покорными ея слугамъ. И они, дѣйствительно, служатъ ей, служатъ вопреки своимъ намѣреніямъ и своимъ желаніямъ, служатъ уже тѣмъ, что приучаютъ голову и сердце своего читателя работать надъ проблемами общаго блага, котораго нѣтъ и не можетъ быть внѣ истины и справедливости. Маска лицемерія, какъ бы тщательно ни прикрывали они ею свои вождельнія, слишкомъ замѣтна и потому ничуть не страшна при яркомъ свѣтѣ публичности. Изобличенная же ложь и не подержанная насиліемъ неправда лишены всякаго обаянія для публики. Вотъ почему печатное слово, по существу публичное и само по себѣ свободное отъ насильственныхъ атрибутовъ, мы считаемъ самымъ надежнымъ слугою истины и справедливости.

Служа правдѣ, печать служить прежде всего и больше всего самымъ темнымъ и самымъ бѣднымъ классамъ населенія,—тѣмъ классамъ, интересы которыхъ находятся въ непримиримомъ противорѣчій съ охраняемыми кн. Мещерскимъ привилегіями. Для невѣжественной и забытой массы печать является у насъ не только важнѣйшимъ, но подчасъ и единственнымъ истолкователемъ ея нуждъ и самымъ надежнымъ ея представителемъ.

И если мы назвали вопросъ о положеніи печати важнымъ, то не потому, что онъ важенъ для насъ, ея дѣятелей, у которыхъ всякое напоминаніе о немъ отзывается нестерпимою болью въ сердцѣ; и не потому только, что онъ важенъ для нашихъ читателей, непосредственно заинтересованныхъ въ качествѣ читаемыхъ ими произведеній, но и потому, что онъ важенъ для тѣхъ, интересами которыхъ мы стремимся, по мѣрѣ своихъ силъ и въ предѣлахъ доступной для насъ возможности, освѣщать всѣ текущія явленія жизни.

Вернемся, однако, къ юридическимъ нормамъ, сильнѣе, чѣмъ что либо другое опредѣляющимъ положеніе повременной печати и возможность выполненія ею своихъ задачъ.

Повременныя изданія дѣлятся на двѣ, далеко не равноправныя, категоріи: на изданія, выходящія съ разрѣшенія предварительной цензуры, и на изданія, освобожденные отъ нея. По цен-

зурному уставу, безъ предварительной цензуры повременныя изданія могутъ выходить повсемѣстно, если они получили на это разрѣшеніе отъ министра внутреннихъ дѣлъ. При опубликованіи закона 1865 г. всѣмъ газетамъ и журналамъ, выходящимъ въ то время въ столицахъ, было предоставлено право воспользоваться преимуществами безцензурнаго выхода на основаніи простого заявленія объ этомъ со стороны редакцій. Столичная печать широко воспользовалась этимъ правомъ и первое время могла въ массѣ своей считаться свободной отъ предварительной цензуры. Съ теченіемъ времени разрѣшенія на выходъ безъ предварительной цензуры стали даваться все съ большими и большими затрудненіями и въ настоящее время въ столицахъ можно насчитать не мало не только журналовъ, но и газетъ, каждый выпускъ которыхъ появляется въ публику не иначе, какъ съ отмѣткой: „дозволено цензурой“. Распространенное въ публикѣ представленіе о столичной прессѣ, какъ о безцензурной, нельзя поэтому не называть устарѣвшимъ и не отвѣчающимъ дѣйствительности.

Что касается провинціальной печати, то она съ самого начала была поставлена въ болѣе стѣснительныя условія, чѣмъ столичная, при чемъ эта неравноправность мотивировалась въ то время „отсутствіемъ такихъ существенныхъ условій, какъ правильно устроенные суды и органы преслѣдованія.“ „Правильные суды“ послѣ того были введены повсемѣстно, и въ другихъ органахъ преслѣдованія недостатка въ настоящее время провинція не ощущаетъ. Самое обращеніе правительства къ судебнымъ учрежденіямъ по дѣламъ о преступленіяхъ печати почти вовсе вышло изъ практики и какъ въ провинціи, такъ и въ столицахъ замѣнилось мѣрами административнаго воздѣйствія. Измѣнились и общія условія провинціальной жизни, измѣнился культурный ея уровень, измѣнилась и сама областная пресса, неизмѣримо выросшая и возмужавшая. Однако стѣснительныя условія, въ которыхъ она находится, не были измѣнены въ сторону облегченія. Провинціальная печать, какъ была съ самого начала, такъ и сейчасъ остается подцензурной. Допускаемый закономъ и для провинціи выходъ повременныхъ изданій безъ предварительной цензуры разрѣшается крайне рѣдко. Въ настоящее время изъ всей массы провинціальныхъ изданій безъ предварительной цензуры выходятъ лишь двѣ частныхъ газеты: „Кіевлянинъ“ и „Южный Край“.

Для читателя, незнакомаго съ интимной стороной журнальной работы, можетъ быть, не совсѣмъ ясна разница въ положеніи подцензурной и безцензурной печати, и потому не лишнее будетъ остановиться на этомъ предметѣ.

Изъятія отъ предварительной цензуры повременныя изданія прежде выпуска ихъ въ свѣтъ обязательно представляются въ цензурные комитеты, а именно: выходящія не менѣе одного раза въ недѣлю одновременно съ приступомъ къ окончательному це-

чатанію соотвѣтствующаго нумера, а выходящія въ свѣтъ рѣже одного раза въ недѣлю—за четыре дня до его выпуска. При этомъ главному совѣту по дѣламъ печати и цензурнымъ комитетамъ предоставлено право немедленно останавливать выпускъ въ свѣтъ сочиненія, которое будетъ признано ими особо вреднымъ, а по представленію министра внутреннихъ дѣлъ, комитетъ министровъ можетъ воспретить вовсе выпускъ такого сочиненія и постановить объ отобраніи его у издателей. Независимо отъ этого, если въ задержанномъ сочиненіи или номерѣ поврежденнаго изданія усматривается преступленіе, то противъ виновныхъ можетъ быть возбуждено судебное преслѣдованіе. Не лишне при этомъ замѣтить, что принципъ предварительнаго ареста по отношенію къ произведеніямъ печати, изъятымъ отъ предварительной цензуры, внесенъ въ цензурный уставъ особымъ закономъ 12 декабря 1866 г., а право окончательно воспрещать обращеніе и отбирать напечатанные изданія, принадлежавшее по закону 6 апрѣля 1865 г. лишь суду, предоставлено администраціи еще позже, закономъ 7 іюня 1872 года.

Каковы бы ни были, однако, условія, въ которыхъ находятся изданія, выходящія безъ предварительной цензуры, положеніе ихъ всетаки несравненно лучше положенія подцензурныхъ изданій. Лучше, прежде всего, съ технической стороны, которая особенно важна въ газетномъ и журнальномъ дѣлѣ. По цензурному уставу статья для періодическаго изданія можетъ быть просматриваема цензоромъ въ теченіе срока, въ который положено программой выходить каждой книжкѣ или листу этого изданія, т. е. статья для еженедѣльнаго изданія можетъ быть задержана недѣлю, для мѣсячнаго — мѣсяцъ и т. д. Фактически задержка цензурою статей нерѣдко много превосходитъ этотъ максимально-предѣльный срокъ. Еще недавно газеты обратили вниманіе на мелкій, но характерный фактъ: одна изъ провинціальныхъ газетъ извѣстіе отъ 22 февраля помѣстила лишь въ номерѣ отъ 13 мая и извѣщала читателей о событіяхъ, происшедшихъ въ апрѣлѣ, какъ о предстоящихъ. Правда, эти извѣстія касались вопроса о тѣлесныхъ наказаніяхъ, но и независимо отъ содержанія статей и замѣтокъ, задержка нерѣдко происходитъ просто въ силу невозможности для цензора, особенно провинціальнаго, обремененнаго зачастую другими обязанностями, своевременно выполнить всю лежащую на немъ работу. Легко понять, какъ тяжело протекающее отсюда невольное запаздываніе для періодическаго изданія, однимъ изъ непремѣнныхъ достоинствъ котораго должна быть своевременность даваемыхъ имъ извѣстій и отзывовъ. Между тѣмъ, это неудобство подцензурнымъ изданіямъ приходится испытывать не только по отношенію къ отдѣльнымъ фактамъ и статьямъ, но и по отношенію ко всему сообщаемому ими матеріалу. Такъ, почти всѣ подцензурныя газеты состояются

и набираются съ вечера, не позже указанного цензоромъ часа, тогда какъ статьи для безцензурныхъ изданій составляются и набираются въ теченіе всей ночи. Этимъ, однако, не ограничиваются техническія неудобства, проистекающія отъ подчиненія повременнаго изданія предварительной цензурѣ. Въ журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ по самому свойству ихъ нерѣдко требуются измѣненія и дополненія въ самую послѣднюю минуту, но они невозможны, разѣ статья просмотрѣна цензоромъ, такъ какъ всякое измѣненіе потребовало бы новаго цензурнаго просмотра, стало быть, повлекло бы новую задержку.

Эти техническія неудобства, проистекающія отъ подчиненія повременныхъ изданій предварительной цензурѣ, кажутся, однако, ничтожными въ сравненіи съ тѣми неудобствами по существу, которыя имъ приходится испытывать. Безцензурное изданіе можетъ быть задержано и уничтожено, по закону, лишь въ виду „особаго вреда“, который можетъ проистечь отъ распространенія его въ публикѣ. Какъ ни растяжимо это понятіе объ „особомъ“ вредѣ, однако оно всетаки заключаетъ въ себѣ нѣкоторую гарантію, что изданіе не будетъ задержано изъ-за какого либо неважнаго или могущаго не понравиться какому либо отдѣльному лицу мѣста. Еще большую гарантію для безцензурнаго изданія представляетъ то, что вопросъ о задержкѣ и уничтоженіи его проходитъ рядъ инстанцій, изъ которыхъ нѣкоторыя коллегіальны; и восходитъ до одного изъ высшихъ правительственныхъ установленій. Между тѣмъ, подцензурное изданіе со стороны своего содержанія находится въ полной зависимости отъ отдѣльнаго чиновника, ничѣмъ не стѣсненнаго въ своемъ правѣ пользоваться красными чернилами. Отдѣлъ цензурнаго устава, содержащій въ себѣ „Правила въ руководство цензурѣ“, составленъ въ такихъ общихъ выраженіяхъ, которыя не даютъ въ большинствѣ случаевъ достаточно точныхъ указаній цензору и не представляютъ изъ себя ровно никакихъ гарантій для печати. По свойственной каждому человѣку психологіи, цензоръ, конечно, больше заботится о томъ, чтобы уберечь свои интересы, чѣмъ чужіе, ему ввѣренныя. Отвѣтственный передъ начальствомъ за порученное ему дѣло, онъ склоненъ почти всегда вычеркивать скорѣе больше, чѣмъ меньше необходимаго. Всякое сомнительное мѣсто, которое въ безцензурномъ изданіи прошло бы незамѣченнымъ, въ подцензурномъ, несомнѣнно, будетъ вычеркнуто. Мы не говоримъ уже о тѣхъ личныхъ взглядахъ и даже симпатіяхъ и антипатіяхъ, которыя неизбѣжно вносятся при этомъ въ дѣло, особенно провинціальными цензорами, непосредственно связанными съ тою жизнью, которую отражаетъ повременное изданіе. Нѣтъ ничего мудренаго по этому, что многіе факты изъ дѣятельности цензуры, особенно провинціальной, при взглядѣ на нихъ съ общегосударственной или правовой точки зрѣнія, кажутся анекдотическими.

Необходимо, наконецъ, будетъ отмѣтить, что предварительная цензура тяжело сказывается и на матеріальныхъ интересахъ изданій и ихъ сотрудниковъ. Мы разумѣемъ не то, что успѣхъ такихъ изданій среди публики уменьшается, а вполне подпадающую учету затрату денегъ и труда. Цензуре статьи поврежденныхъ изданій доставляются въ послѣдней корректурѣ. Послѣ просмотра нерѣдко требуется новая типографская работа и новая корректура. Ту и другую приходится оплачивать. Оплачивается наборъ и того, что вычернуто и что вовсе не появится въ печати,—а это въ общемъ составляетъ не малую сумму. Не оплачивается лишь трудъ сотрудниковъ забракованныхъ цензоромъ статей. Каждая цензорская выкидка—для нихъ вычетъ и подѣль часть очень чувствительный изъ заработка.

Говоря о цензурѣ, надо прибавить, что нѣкоторые отдѣлы временныхъ изданій, какъ подчиненныхъ предварительной цензурѣ, такъ и изъятыхъ изъ нея, подлежатъ еще цензурѣ специальной. Такъ, напримѣръ, объявленія во всѣхъ изданіяхъ подлежатъ цензурѣ полиціи, объявленія о врачебныхъ, косметическихъ и тому подобныхъ средствахъ—цензурѣ врачебной, отчеты о земскихъ, дворянскихъ, думскихъ и сословныхъ собраніяхъ—цензурѣ градоначальниковъ и губернаторовъ и т. д. Въ практикѣ же, особенно же печати провинціальной, установился еще обычай гранки представленныхъ въ цензуру статей отправлять на просмотръ въ многоразличныя учрежденія, прямо или косвенно заинтересованныя въ предметѣ оглашенія.

Изложенными мѣрами далеко не исчерпываются средства, которыми располагаетъ цензурный уставъ для предупрежденія распространенія въ публикѣ нежелательныхъ или признаваемыхъ вредными статей и извѣстій. Не останавливаясь на болѣе мелкихъ постановленіяхъ, укажемъ здѣсь одно, имѣющее крайне важное значеніе для интересовъ гласности и свободы сужденія. „Если по соображеніямъ высшаго правительства, говорится въ 140 ст. цензурнаго устава, найдено будетъ неудобнымъ оглашеніе или обсужденіе въ печати, въ теченіе нѣкотораго времени, какого-либо вопроса государственной важности, то редакторы изъятыхъ отъ предварительной цензуры поврежденныхъ изданій поставляются о томъ въ извѣстность чрезъ главное управленіе по дѣламъ печати, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ“. Это постановленіе введено въ цензурный уставъ закономъ 16 іюня 1873 г. Непрерывно слѣдующіе ограничительные циркуляры за протекшіе годы накопились въ столь значительномъ числѣ, что руководство имъ представляетъ неимовѣрныя трудности даже въ техническомъ отношеніи, такъ какъ часто трудно бываетъ сказать, о чемъ можно и о чемъ нельзя говорить. Эти затрудненія до послѣднихъ лѣтъ испытывали лишь безцензурныя изданія, но два года тому назадъ обязательство руководиться подобными циркулярами возложено также на

подцензурныя газеты. Понятно поэтому, почему одной изъ самыхъ первыхъ просьбъ, заявленныхъ редакторами провинціальныхъ изданій во время послѣдней поѣздки начальника главнаго управленія по дѣламъ печати, явилось ходатайство о пересмотрѣ циркуляровъ и объ отиѣнѣ тѣхъ изъ нихъ, которые даже съ точки зрѣнія правительства утратили всякое значеніе.

По закону 1865 г. административнымъ взысканіямъ подлежала только безцензурная печать и только по системѣ предостереженій. Министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено было право дѣлать повременнымъ изданіямъ, изъятымъ отъ предварительной цензуры, предостереженія съ указаніемъ на статьи, подавшія къ сему поводъ. Третье предостереженіе приостанавливало продолженіе изданія на срокъ, по усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, не свыше, однако, 6 мѣсяцевъ. Если послѣ третьяго предостереженія министръ внутреннихъ дѣлъ, независимо отъ приостановки изданія, признавалъ нужнымъ вовсе прекратить его, то онъ входилъ объ этомъ съ представленіемъ въ первый департаментъ сената. Административнымъ взысканіямъ по указанной системѣ повременныя изданія, по смыслу закона, подвергались лишь за „вредное направленіе“; поддающіеся болѣе точной квалификаціи проступки печати подлежали судебному преслѣдованію.

Система предостереженій сохраняетъ свою силу и теперь съ двумя, однако, существенными измѣненіями, введенными особымъ положеніемъ комитета министровъ въ 1882 г. Во-первыхъ, послѣ третьяго предостереженія и временной приостановки, освобождавшей до 1882 г. подвергшееся ей изданіе отъ лежавшихъ на немъ предостереженій, теперь оно подчиняется описанной уже нами карательной цензурѣ. Во-вторыхъ, вопросъ о совершенномъ прекращеніи изданія разрѣшается теперь не сенатомъ, а особымъ совѣщаніемъ изъ четырехъ министровъ, при чемъ редакторъ и издатель воспрещеннаго изданія могутъ быть навсегда лишены права быть редакторами и издателями.

Кромѣ описанныхъ каръ, опирающихся въ той или иной мѣрѣ на постановленія цензурнаго устава, административная практика знаетъ еще и другія. Такъ, повременнымъ изданіямъ очень часто воспрещается розничная продажа, при чемъ каждое такое распоряженіе сопровождается ссылкой на 178 ст. цензурнаго устава. Этой статьею, помѣщенной въ отдѣлѣ о книжной торговлѣ, министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено право указывать мѣстнымъ полицейскимъ начальствамъ, при выдачѣ ими дозволеній на розничную продажу, какія книги и отдѣльные нумера повременныхъ изданій не должны быть допускаемы къ розничной продажѣ.

Если мы возвратимся теперь къ закону 4 іюня, то должны будемъ признать, что значеніе дарованнаго имъ облегченія замѣтно умалывается тѣмъ рядомъ наслоеній, которымъ подвергся восполняемый этимъ закономъ законодательный актъ 1865 г....

Новый законъ нельзя, однако, непривѣтствовать. Привѣтствовать его нужно не только за облегченія—а ихъ уже давно не получала печать,—но и за ту форму, въ которой онъ проведенъ. Новый законъ утвержденъ въ формѣ „мнѣнія государственнаго совѣта“, т. е. проведенъ установленнымъ для законовъ порядкомъ, тѣмъ порядкомъ, которымъ давно уже не разсматривались законы о печати. Намъ остается пожелать, чтобы въ томъ же порядкѣ и въ направленіи облегченій, въ которыхъ такъ нуждается печать, состоялся, наконецъ, и общій пересмотръ пензурнаго устава, необходимость какового давно уже признана правительствомъ. Черезъ два года русская повременная печать будетъ праздновать двухсотлѣтній юбилей своего существованія. Двухвѣковая служба—это не только громадная заслуга, но и вполне достаточный стажъ, чтобы устранить, наконецъ, подозрительное отношеніе къ печати. Пора же, въ самомъ дѣлѣ, покончить съ вопросомъ о томъ, добрую или злую силу она изъ себя представляетъ.

II. Опять тучи!.. Опять крахи!..

„Отсутствіе своевременной тучи на небѣ или, наоборотъ, обиліе несвоевременныхъ тучъ,—сказалъ два года тому назадъ г. министръ финансовъ,—нынѣ являются главными опредѣлителями сельскаго благосостоянія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и размѣра жертвъ со стороны казны для возстановленія нарушеннаго равновѣсія, хотя бы въ самыхъ скромныхъ предѣлахъ человѣческаго существованія“ *). И вотъ тучи опять своевременно отсутствовали на небѣ и опять несвоеременно появились. Вотъ уже два мѣсяца почти, какъ газеты переполнены этими прискорбными извѣстіями о тучахъ и о томъ, какъ скверно опредѣлили они предстоящіе размѣры сельскаго благосостоянія. Пагубное вліяніе засухи, продолжавшееся во многихъ мѣстахъ всю вторую половину мая и большую часть іюня, усилили чрезвычайные ливни и градобитія, какими отличался конецъ послѣдняго мѣсяца, а затѣмъ всякіе черви и мошки. По своей интенсивности и по размѣрамъ охваченной площади недородъ текущаго года грозитъ не уступить неурожаямъ 1898 и даже 1891 годовъ. По газетнымъ извѣстіямъ **)—случайнымъ и отрывочнымъ,—трудно, особливо въ на-

*) Изъ рѣчи министра финансовъ, сказанной 1 марта 1899 года въ комиссіи по упорядоченію хлѣбной торговли.

**) Говоря о газетныхъ извѣстіяхъ, не лишнимъ представляется упомянуть, что телеграммы Россійскаго телеграфнаго агентства въ послѣднее

стоящее время, нарисовать достаточно полную и точную картину. Можно сказать только, что онъ охватилъ почти всю юговосточную часть Россіи, а также часть центральной и южной, а именно пѣликомъ или отчасти губерніи: Таврическую, Екатеринославскую, Донскую обл., Курскую губ., Тамбовскую, Пензенскую, Саратовскую, Самарскую, Симбирскую, Нижегородскую, Вятскую, Пермскую, Оренбургскую, Уфимскую и, вѣроятно, нѣкоторыя другія, лежащія между ними или примыкающія къ нимъ. Кромѣ этой сплошной полосы, извѣстія о недородѣ приходятъ изъ многихъ мѣстъ Сибири, Средней Азіи и нѣкоторыхъ лежащихъ особнякомъ мѣстностей Европейской Россіи. Въ нѣкоторыхъ изъ названныхъ губерній недородъ получился полный, т. е. и озимого, и ярового, и травъ, и овощей; въ другихъ—частичный, т. е. озимого или раннихъ, или позднихъ посѣвовъ; въ однихъ мѣстностяхъ онъ оказался сплошнымъ, въ другихъ—пестрымъ. Какъ бы то ни было, общіе размѣры недорода приходится считать громадными. Если же принять во вниманіе, что во многихъ изъ названныхъ мѣстъ благосостояніе сельскаго населенія въ концѣ расшатано предыдущими голодовками, а нѣкоторыя губерніи, какъ, напримѣръ, Таврическую, неурожай посѣщаетъ третій годъ подрядъ, то не трудно предвидѣть и послѣдствія несвоевременнаго появленія тучъ на небѣ. Очевидно, мы стоимъ опять лицомъ къ лицу съ жгучимъ вопросомъ о поддержаніи равновѣсія, „хотя бы въ самыхъ скромныхъ предѣлахъ человѣческаго существованія“. Вопросъ этотъ придется разрѣшать по отношенію къ милліонамъ и, можетъ быть, десяткамъ милліоновъ людей. Съ вопросомъ этимъ нельзя медлить, такъ какъ признаки предстоящаго голода уже налицо: цѣны на хлѣбъ быстро поднялись, цѣна на скотъ рѣзко упала, отъ безкормицы во многихъ мѣстахъ начался уже падежъ скота, а въ Хвалынскомъ уѣздѣ уже появилась цынга...

На сколько можно считать обезпеченнымъ въ настоящее время

время рисуютъ положеніе дѣлъ въ болѣе утѣшительномъ свѣтѣ, чѣмъ частныя корреспонденціи газетъ. Для характеристики сообщаемыхъ агентствомъ свѣдѣній не безынтересно, однако, привести слѣдующую отвѣдь, сдѣланную ему «Ураломъ». «Нѣсколько дней тому назадъ, читаемъ мы въ этой газетѣ, во всѣхъ русскихъ газетахъ, въ томъ числѣ и въ мѣстныхъ, было помѣщено телеграфное сообщеніе Россійскаго агентства изъ Челябинска о благопріятномъ урожаѣ хлѣбовъ въ Камышловскомъ и другихъ уѣздахъ Пермской губерніи, гдѣ, по самымъ точнымъ свѣдѣніямъ, имѣющимъ въ нашемъ распоряженіи, ожидается почти навѣрняка полный неурожай всякихъ хлѣбовъ и гдѣ на поляхъ, засѣянныхъ хлѣбомъ, нынѣ выпущена скотина, лишенная какихъ бы то ни было кормовыхъ травъ. Такая небрежность агента или самого агентства положительно непростительна и легко можетъ ввести въ заблужденіе многихъ инородныхъ лицъ, близко заинтересованныхъ состояніемъ урожая въ разныхъ мѣстахъ имперіи и принужденныхъ, въ силу стеченія печальныхъ обстоятельствъ, вѣрить на слово разной неправдѣ, распускаемой по лицу Россіи единственнымъ телеграфнымъ бюро».

удовлетворительное разрѣшеніе этого вопроса—сказать трудно. Трудно сказать даже, дѣлается ли что-нибудь для этого или нѣтъ. Въ годы прежнихъ недородовъ въ іюлѣ во многихъ мѣстностяхъ экстренныя земскія собранія успѣвали уже выяснитъ приближительные размѣры предстоявшей нужды. Въ настоящемъ году земскихъ собраній нигдѣ не созывалось. Съ 1 іюля дѣло продовольственной помощи отъ земскихъ учрежденій перешло въ вѣдѣніе правительственныхъ установленій, а вмѣстѣ съ тѣмъ его окутала канцелярская тайна. Этимъ, конечно, и нужно объяснить почти полное отсутствіе въ печати свѣдѣній о ходѣ продовольственной кампаніи. Мы желали бы вѣрить, что она идетъ вполне успѣшно и что новыя продовольственныя учрежденія лучше справятся съ нелегкой задачей, выпавшей на ихъ долю, чѣмъ справлялись съ нею земскія учрежденія: отъ болѣе или менѣе удачнаго разрѣшенія ея зависитъ, вѣдь, не только благосостояніе, но и самое существованіе многихъ и многихъ людей.

Но сколь бы ни казались цѣлесообразными новыя продовольственныя учрежденія, какъ бы много ни проявляли они энергіи и преданности дѣлу и, даже, какъ бы щедро при новой системѣ ни оказалось правительство въ своихъ ассигновкахъ,—напередъ можно сказать, что безъ широкаго и ничѣмъ не стѣсненнаго общественнаго содѣйствія борьба съ тяжкими послѣдствіями недорода вполне успѣшной быть не можетъ. Въ этомъ свидѣтельствуеетъ не только первый опытъ прежнихъ продовольственныхъ кампаній, но и рядъ мелкихъ, изо дня въ день повторяющихся и потому, казалось бы, особенно убѣдительныхъ фактовъ.

При такомъ бѣдствіи, какъ неурожай на пространствѣ цѣлаго ряда губерній, нужды, обыкновенно, бываетъ такъ много, она такъ разнообразна и неотложна, и вмѣстѣ съ тѣмъ при всей своей остротѣ иногда такъ малозамѣтна, что нужно очень большое количество глазъ, чтобы хорошо разсмотрѣть ее, нужно очень много головъ, чтобы обдумать наилучшіе способы помочь ей, нужно, наконецъ, очень много рукъ, чтобы осуществить ихъ. И все это нужно дѣлать спѣшно, такъ какъ каждый часъ промедленія несетъ съ собою не только лишнія страданія, но и лишнія смерти. Вотъ почему печать каждый разъ передъ началомъ продовольственной кампаніи упорно и настойчиво твердитъ о необходимости дать широкій просторъ гласности и призвать къ участію въ борьбѣ съ голодомъ всѣ общественныя силы. Въ настоящемъ году эта необходимость особенно велика. Новая продовольственная организація будетъ дѣйствовать впервые. Не говоря объ основныхъ началахъ, на которыхъ она построена, возможно и даже вѣроятно, что въ ея механизмѣ есть не мало недостатковъ, которые обнаружатся только на практикѣ. Чтобы они не могли погубить все дѣло помощи, крайне важно не только своевременно ихъ выяснитъ и обсудитъ, но и быстро восполнить

обусловленные ими недочеты. А этого можно достигнуть не иначе, какъ при посредствѣ общества и печати.

Какъ пройдетъ начавшаяся продовольственная кампанія со стороны общественнаго въ ней участія, явится ли она счастливымъ исключеніемъ или представитъ копію предыдущихъ и даже превзойдетъ ихъ въ отношеніи всякихъ ограничительныхъ мѣръ,—ничего опредѣленнаго въ настоящее время сказать, конечно, нельзя.

Бѣда не приходитъ одна. Это повѣрье, имѣющее по отношенію къ частной жизни мистическій оттѣнокъ, въ жизни народной полно реальнаго и почти рокового значенія. Съ хроническимъ кризисомъ, который переживаетъ сельское населеніе, наша журналистика давно уже ставитъ въ связь настроенія въ торгово-промышленной области. Эти настроенія за послѣдніе годы, привели также къ кризису и также къ хроническому. Нѣкоторыя острыя проявленія его намъ неоднократно уже приходилось отмѣчать въ хроникѣ. И въ настоящій разъ бесѣду о недородѣ мы должны прервать рассказомъ о крахахъ въ торгово-промышленной сферѣ.

Опять крахи!.. Еще такъ недавно мы должны были говорить о грандіозныхъ крахахъ, связанныхъ съ именами сначала фонъ-Дервиза, потомъ Мамонтова. Крахи, вѣдь, всегда бываютъ именнованные: это не то, что голодъ, тифъ, безработица, безпорядки, жертвы которыхъ только Ты, Господи, вѣси. Крахи послѣдняго времени связались съ именемъ Алчевскаго. Въ настоящемъ мѣстѣ, мы лишь въ самыхъ сжатыхъ чертахъ передадимъ сущность бѣды, разразившейся въ области торговли и промышленности *). Впрочемъ, это столь „обыкновенная исторія“, что усвоеніе ея, какъ бы кратко она ни была изложена, не затруднитъ читателя.

Если бы годъ-два тому назадъ мы спросили,—что такое Алчевскій,—намъ бы отвѣтили, что это замѣчательный человѣкъ по уму, энергіи и честности. Говоря прозой, Алчевскій былъ видный дѣлецъ въ области кредита и горнопромышленности и такъ же оживлялъ Югъ Россіи, какъ Мамонтовъ въ свое время „оживлялъ“ Сѣверъ. Пользуясь своимъ вліяніемъ и связями и, можетъ быть, чрезмѣрно довѣряя благоприятной экономической конъюнктурѣ или вѣря въ спасительность и непрерывность казенныхъ заказовъ, онъ учреждалъ одно предпріятіе за другимъ, не жалѣя ни своихъ, ни чужихъ денегъ. Два мѣсяца тому назадъ, Алчевскій былъ раздавленъ побѣдомъ желѣзной дороги. Это обстоятельство въ связи съ циркулировавшими уже слухами

*) Болѣе подробныя свѣдѣнія см. въ статьѣ «Харьковскіе крахи», помѣщенной въ этомъ №.

о томъ, что дѣла его разстроены, потребовало ревизіи, двухъ важныхъ кредитныхъ предпріятій, по отношенію къ которымъ онъ являлся фактическимъ распорядителемъ. Но прежде, чѣмъ ревизія состоялась, одно изъ этихъ предпріятій — харьковскій торговый банкъ, осаждаемый вкладчиками, требовавшими своихъ денегъ, долженъ былъ объявить себя несостоятельнымъ. Не замедлило выясниться безвыходное положеніе и другого — еще болѣе важнаго учрежденія — харьковского земельного банка: дѣла послѣдняго оказались столь запутанными, что онъ не имѣлъ средствъ даже на оплату іюльскихъ купоновъ по своимъ закладнымъ листамъ. Оказалось, что деньги земельного банка были переложены въ торговый, а отсюда вмѣстѣ съ деньгами послѣдняго, равно какъ и деньги екатеринославскаго банка, въ которомъ Алчевскій пользовался столь же достаточнымъ вліяніемъ, были взяты и израсходованы на алексѣевское горно-промышленное общество, на донецко-юрьевскій заводъ и, вѣроятно, на какія либо другія предпріятія, въ которыхъ былъ заинтересованъ Алчевскій. Деньги, израсходованныя при посредствѣ этой операціи, оказались не маленькія: въ балансахъ упомянутыхъ банковъ фигурируютъ не только миллионы, но и десятки миллионовъ рублей. Ревизоры и присяжные попечители эту общую картину краха дополнили такими деталями, которыя потребовали внимательства прокурорской власти.

Какъ и всегда, критическое положеніе однихъ предпріятій отзывалось на цѣломъ рядѣ другихъ. На биржѣ, уже давно находящейся въ угнетенномъ состояніи, появилась знакомая гостья — паника. Въ настоящее время, трудно предвидѣть всѣ послѣдствія, какими отразятся харьковскіе крахи, трудно сказать, сколько и какихъ предпріятій погибнетъ въ начавшейся сумятицѣ, еще труднѣе взвѣсить, какимъ угнетеніемъ отзовется все это на общемъ состояніи нашей торговли и промышленности. Во всякомъ случаѣ министерство финансовъ должно было, не жалѣя казенныхъ средствъ, предпринять рядъ энергическихъ мѣръ для того, чтобы кризисъ не разразился по всей линіи. Надо отдать честь нашему финансовому вѣдомству, что въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о воспособленіи крупнымъ торгово-промышленнымъ предпріятіямъ, его нельзя упрекнуть въ медлительности. Даже канцелярская волокита въ такихъ случаяхъ не оказываетъ вліянія и всѣ необходимыя сношенія производятся, можно сказать, по телеграфу. Не успѣло еще вполнѣ опредѣлиться положеніе Харьковскаго земельного банка, какъ состоялось высочайшее повелѣніе объ отпускѣ ему изъ государственнаго банка шести миллионовъ рублей, на оплату срочныхъ его обязательствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ для поддержки петербургскихъ и частью московскихъ банковъ, по распоряженію г. министра финансовъ, внесено въ нихъ на текущіе вклады свыше 25 миллионовъ рублей, вырученныхъ отъ реализаціи

железно-дорожных облигационных займов. Алексѣевскому горно-промышленному обществу обѣщана, по газетнымъ извѣстіямъ, казенная поддержка въ видѣ 6-ти миллионной субсидіи; донецко-юрьевское общество хлопочетъ о казенномъ заказѣ въ три миллиона рублей. Второму харьковскому обществу открыть кредитъ изъ Государственного банка въ 500,000 руб. Такой же экстраординарный кредитъ въ 300,000 руб. открыть банковской конторѣ Новова въ Харьковѣ. Этимъ случайнымъ перечнемъ оглашенныхъ въ газетахъ кредитовъ и субсидій, конечно, не ограничиваются „размѣры жертвъ со стороны казны для возстановленія нарушеннаго равновѣсія“ въ торгово-промышленной сферѣ. И вопросъ сводится къ тому, удастся ли и на долго ли поддержать это равновѣсіе.

Именованный характеръ краховъ, въ связи съ уголовными дѣяніями, какія при нихъ каждый разъ обнаруживаются, сосредоточиваетъ, обыкновенно, общественное вниманіе на отдѣльныхъ лицахъ и отдѣльныхъ эпизодахъ. Въ дѣателяхъ и въ ихъ уголовныхъ дѣяніяхъ многіе видятъ, благодаря этому, главную причину краховъ, приобретающихъ при такомъ взглядѣ характеръ несчастной случайности, легко устранимой усиленіемъ надзора за банками и акціонерными обществами. „Новое Время“, по поводу послѣднихъ банкротствъ, выступило даже съ проектомъ учрежденія специальной банковской полиціи, на подобіе полиціи судоходной, фабричной и т. д. Легко, однако, понять, что причины краховъ лежатъ несравненно глубже и что излюбленное у насъ средство, въ сколь бы значительной дозѣ его не употребить, не предупредить не только возможныхъ, но и вѣроятныхъ дальнѣйшихъ потрясеній.

Въ самомъ дѣлѣ, неужели только одна случайность привела Мамонтова, — этого „человѣка съ высшими запросами“, „покровителя музъ“, — къ 20-милліонной растратѣ и уголовной скамьѣ? Неужели одна случайность заставила „честнаго“ Алчевскаго заняться уголовными дѣяніями, отъ преслѣдованія за которыя его избавила только преждевременная смерть? Мы не очень высокаго мнѣнія о нравственности нашего дѣлового міра, но все-таки думаемъ, что безъ крайней нужды тотъ же Алчевскій не сталъ бы нанимать „спеціалистовъ“ для составленія, говоря мягко, неясныхъ отчетовъ и заниматься явнопротивозаконными дѣлами. Этимъ уголовнымъ дѣяніемъ отдѣльнаго лица предшествовали нѣкоторыя общія явленія въ нашей экономической жизни, поставившія въ затруднительное положеніе созданныя Алчевскимъ предпріятія и приведшія ихъ въ концѣ концовъ къ гибели или къ необходимости искать спасенія въ явномъ казенномъ иждивеніи. Въ состояніи нашей промышленности и въ особенности въ горной ея отрасли давно уже началась „заминка“. Расцвѣтшее при содѣйствіи казенныхъ заказовъ и не имѣвшее

надежной опоры въ покупательныхъ силахъ массы наше горное дѣло стало немедленно чахнуть, какъ только, благодаря затратамъ на китайскую войну и, можетъ быть, нѣкоторымъ другимъ причинамъ, правительство вынуждено было ослабить желѣзнодорожное строительство и сократить раздачу казенныхъ заказовъ. Прежде всего это отразилось на металлургическихъ предприятияхъ, затѣмъ на каменноугольныхъ и нефтяныхъ. Каменноугольныя предприятия, еще два года тому назадъ работавшія при условіи каменноугольнаго голода и загребавшія неимовѣрные барыши, должны были рѣзко сократить производство. Это сокращеніе было столь значительно, что минувшей зимой полиціи пришлось употребить экстра-ординарныя мѣры для массовой отправки на родину оставшихся безъ работы рабочихъ. Такое же сокращеніе производства и такая же острая безработица обнаружались и въ Баку, на нефтяныхъ промыслахъ. Тогда эти явленія сравнительно мало привлекли къ себѣ вниманія. Между тѣмъ „заминка“ еще разъ нашла себѣ мѣсто, кромѣ названныхъ, въ цѣломъ рядѣ другихъ отраслей промышленности. И все продолжала усиливаться. Весною финансовое вѣдомство оказалось вынужденнымъ усилить казенные заказы. Это средство оказалось, однако, уже безсильнымъ предупредить всѣ тѣ острые явленія, какія начали возникать на почвѣ промышленнаго неблагополучія: выходящія изъ ряда обыкновенныхъ рабочія волненія, давно не бывалые по своей частотѣ и опустошительности пожары и, наконецъ, крахи.

Тучи, изъ года въ годъ нарушающія равновѣсіе „человѣческаго существованія“ миллионныхъ массъ, и хроническіе крахи, свидѣтельствующіе о трудныхъ временахъ для промышленности,—таковы важнѣйшіе признаки, какими можетъ быть охарактеризована экономическая жизнь страны за послѣдніе годы. Съ этими грозными признаками шпрокаго и глубокаго разстройства народнаго хозяйства не безынтересно сопоставить наши дѣйствующія экономическія программы.

Ихъ—двѣ, если не считать той, выходящей уже рамокъ собственно экономической жизни общей программы, центръ тяжести которой лежитъ въ постоянномъ и непрерывномъ усиленіи мѣръ „предупрежденія и пресѣченія“. Одну изъ этихъ экономическихъ программъ усиленно поддерживаютъ наши „охранители“ въ лицѣ „Гражданина“ и „Московскихъ Вѣдомостей“, другую—осуществляетъ всѣми доступными ему средствами наше финансовое вѣдомство. Одна выдвигаетъ на первый планъ интересы сельскаго хозяйства; другая—дорожитъ больше всего интересами торговли и промышленности. Какъ ни противоположны, на первый взглядъ, эти программы, въ практикѣ, однако, онѣ уживаются рядомъ.

Для характеристики экономических основъ первой программы, чтобы не привлекать къ разсмотрѣнію много матеріаловъ, мы воспользуемся одной изъ статей г. И. Кашкарова, печатающихся въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ подъ заглавіемъ „О законности въ деревнѣ“. „Теперь у насъ въ Россіи, говоритъ авторъ, происходятъ непрестанно повторяющіеся и все увеличивающіеся мѣстные недороды хлѣбовъ и вообще культурныхъ растений и быстрое истощеніе верхняго пахатнаго слоя. Это происходитъ потому, что, во-первыхъ, къ сельскому хозяйству не прикладываются умственные силы страны, стягиваемыя искусственными средствами въ города, въ коихъ онѣ бесполезно гибнуть въ значительной степени; во-вторыхъ, пашней занимаются почти одни крестьяне, не имѣющіе ни денежныхъ оборотныхъ средствъ, ни знанія, для того, чтобы возвысить плодородіе полей или хотя бы поддержать естественную силу ихъ производительности и потому специально хищнически истощающіе родную землю; въ третьихъ, потребители изъ деревень переселяются въ города, въ которыхъ они тратятъ свои доходы непродуцательно, отчего усиливается истощеніе почвы и, въ четвертыхъ, крестьяне лишены мѣстныхъ заработковъ, которые прежде они находили въ помѣщичьихъ усадьбахъ“ *). Далекое не полный и несовсѣмъ точный діагнозъ этотъ все-таки не заключаетъ въ себѣ, какъ видитъ читатель, ничего экстравагантнаго. Опираясь на него, можно, казалось бы, было предложить цѣлую систему довольно разумныхъ средствъ для уврачеванія признаваемого авторомъ недуга. Въ самомъ дѣлѣ, если деревня страдаетъ отъ недостатка умственныхъ силъ, то, конечно, прежде всего нужно позаботиться объ увеличеніи общаго запаса ихъ и, главное, снять тѣ многочисленныя заставы для научной мысли и положительнаго знанія, которыя стоятъ на пути ихъ въ деревнѣ и вообще къ трудящемуся люду; если пашней занимаются почти одни крестьяне, то тѣмъ важнѣе подумать объ упроченіи ихъ хозяйства и, если этому мѣшаетъ отсутствіе денежныхъ оборотныхъ средствъ и знанія въ ихъ средѣ, то тѣмъ поспѣшнѣе нужно снабдить ими крестьянскую массу; если въ деревнѣ нѣтъ потребителей, отчего усиливается истощеніе почвы, то нужно позаботиться, чтобы деревенскіе жители не только производили, но и ѣли производимый ими хлѣбъ, а не находились въ положеніи постоянного недоѣданія; если, наконецъ, крестьяне лишены мѣстныхъ заработковъ, которые они находили прежде въ помѣщичьихъ усадьбахъ, то нужно, стало быть, подумать о расширеніи ихъ собственнаго хозяйства, гдѣ бы они могли использовать свои силы съ большею, конечно, для себя выгодой, чѣмъ въ чужомъ

*) «Московскія Вѣдомости», 3 іюля.

хозяйствѣ. Таковы, казалось бы, естественные выводы, къ которымъ долженъ былъ привести поставленный авторомъ діагнозъ.

Но логика г. Кашкарова, какъ и всякая логика на столбцахъ „Московскихъ Вѣдомостей“, ведетъ совсѣмъ въ иную сторону и приводитъ все къ тому же единоспасающему выводу: дворянамъ нужно вернуть ихъ помѣстья, дворянъ нужно снабдить за казенный счетъ оборотными средствами и средствами пропитанія, дворянамъ надо дать возможность „нравственнаго вліянія на близкое имъ по духу крестьянство, что составляетъ ихъ драгоценное наследственное достояніе, перешедшее къ нимъ отъ родителей вмѣстѣ съ землей“. Авторъ излагаетъ и планъ, осуществленіе котораго приведетъ къ этой цѣли. „Нынѣ чиновники, живущіе въ сельскихъ мѣстностяхъ и не имѣющіе никакого вліянія на возстановленіе плодородія отечественныхъ полей, говорить г. Кашкаровъ, получаютъ въ каждомъ уѣздѣ казеннаго содержанія ежегодно около пятидесяти тысячъ рублей“.

„Вотъ расцѣтъ, поясняетъ г. Кашкаровъ, содержанія уѣздныхъ чиновниковъ: семь земскихъ начальниковъ 13.200 руб., уѣздный членъ окружнаго суда 3.300, городской судья—2.200, пять станovýchъ приставовъ— 8.000, тремъ судебнымъ слѣдователямъ—7.500, чинамъ акцизнаго вѣдомства—8.000, податному инспектору, инспектору народныхъ училищъ и исправнику—8.000 р. (Въ этотъ счетъ не вошли секретари и канцеляріи уѣздныхъ присутствій, казенные агрономы и лѣсничіе). Членамъ и предсѣдателямъ земскихъ управъ—5.000 руб.

„Если бы всѣ эти уѣздныя должностныя лица, продолжаетъ онъ, назначались изъ помѣстныхъ дворянъ, живущихъ въ своихъ имѣніяхъ, то ежегодно большая часть получаемаго ими содержанія тратилась бы производительно и составляла бы столь необходимый въ сельскомъ нашемъ хозяйствѣ оборотный его капиталъ“. Стоитъ только осуществить этотъ планъ, и отечество будетъ спасено. Мы можемъ оставить въ сторонѣ тѣ благотворныя, общаемыя авторомъ, послѣдствія, которыя произтекутъ при этомъ „для упроченія законности въ сельскихъ мѣстностяхъ и для охраненія нравственности народа и его вѣры“. Для насъ важны въ данномъ случаѣ экономическіе его результаты. А они несомнѣнны. „Мѣстная почва, поясняетъ авторъ, благодаря оборотнымъ денежнымъ средствамъ и потребленію на мѣстѣ большей части получаемыхъ отъ земли и отъ мѣстной службы доходовъ, истощалась бы несравненно менѣе, чѣмъ теперь“. Авторъ не замѣчаетъ даже, что его проектъ, если его изложить болѣе вульгарнымъ языкомъ, сводящійся въ сущности къ выселенію дворянъ изъ городовъ въ деревни въ цѣляхъ удобренія, имѣетъ для первенствующаго сословія оскорбительный смыслъ. Авторъ думаетъ даже, что осуществленіе этого проекта начато уже, а именно въ 1889 г.—учрежденіемъ земскихъ начальниковъ. И онъ ждетъ лишь продолженія „мудраго внутренняго преобразованія“...

Этотъ планъ уврачеванія экономическихъ невзгодъ Россіи при посредствѣ поголовнаго обращенія помѣстныхъ дворянъ въ чиновниковъ въ цѣляхъ собственнаго ихъ прокормленія и унавоживанія полей, столь нелѣпъ и въ то же время онъ такъ хорошо вскрываетъ истинныя задачи экономической программы, выставленной нашими охранителями, программы, стремящейся интересы небольшой группы выдать за интересы народа, что мы смѣло можемъ, не подвергая его никакой критикѣ, продолжать наше изложеніе.

Другая программа несравненно серьезнѣе, дѣльнѣе и глубже. Сводится она къ освобожденію Россіи отъ исключительнаго подчиненія тучамъ, къ „созданію крѣпкой національной промышленности“ и къ поднятію такимъ образомъ страны „на уровень самодовлѣющей хозяйственной единицы“. Главнымъ средствомъ, выдвигаемымъ для достиженія этой цѣли, является покровительство крупной капиталистической промышленности, осуществляемое, съ одной стороны, высокимъ таможеннымъ тарифомъ, а съ другой—раздачей казенныхъ заказовъ и всякаго рода преміями, льготами и субсидіями. Защитники этой системы хорошо сознаютъ, что „мы проходимъ такимъ путемъ дорогую школу“, что „покровительственная система ложится тяжестью на все населеніе“, удорожая всѣ продукты для потребителей и заставляя ихъ изъ своихъ скудныхъ средствъ въ то время, какъ самимъ ѣсть нечего,—выплачивать баснословные подѣ часть барыши капиталистамъ. Не менѣе тяжело, конечно, ложится на государственныхъ плательщиковъ, иными словами, на то же населеніе и широко практикуемая министерствомъ система непосредственнаго воспособленія за счетъ государственныхъ средствъ. Интересы потребителей и плательщиковъ приносятся такимъ образомъ въ жертву вполне сознательно. Такъ же сознательно, можетъ быть, приносятся на алтарь національной промышленности и интересы непосредственно участвующихъ въ ней рабочихъ, которымъ до сего времени, какъ уже приходилось указывать намъ, не открыто „легальное поле для взаимнаго состязанія на полѣ отечественной промышленности съ умѣлымъ и хорошо вооруженнымъ противникомъ“. Такъ или иначе, интересы народа—трудящихся массъ и при этой программѣ оказываются всецѣло заслоненными интересами небольшой группы представителей капитала.

Средства, предпринятые для подъема промышленности, оказались недостаточными, чтобы въ сравнительно короткій срокъ вызвать къ жизни массу новыхъ предпріятій чисто капиталистическаго типа и создать картину небывалаго промышленнаго и торговаго оживленія. Еще два года тому назадъ казалось возможнымъ публично говорить о „крупныхъ результатахъ“, достигнутыхъ благодаря описанной системѣ, и о близкомъ концѣ дорогой выучки, такъ какъ „многія отрасли промышленности сдѣлали огромные успѣхи и

они у всѣхъ на виду“. Эти успѣхи, какъ засвидѣтельствовали послѣдовавшіе крахи, оказались, однако, очень непрочными. Обѣдненіе трудящагося населенія, за счетъ котораго создавались они, лишило промышленность той почвы, изъ которой она могла бы черпать питательные соки. Потребность въ покровительствѣ, въ казенныхъ заказахъ, въ субсидіяхъ не только не уменьшилась, но вмѣстѣ съ ростомъ промышленности и ослабленіемъ внутренняго рынка еще увеличилась.

И теперь, въ виду появленія всякаго рода тучъ, болѣе чѣмъ когда либо умѣстенъ вопросъ, хватитъ ли государственныхъ средствъ для удовлетворенія этой потребности и можно ли всѣ разсчеты строить на томъ, что „ѣнъ достанетъ“?.. Отвѣтъ, по нашему мнѣнію, можетъ быть только отрицательный.

Гдѣ же всетаки выходъ? Выходъ, мы думаемъ, можетъ быть только одинъ: вмѣсто интересовъ сельскаго хозяйства, промышленности, торговли, подъ видомъ каковыхъ въ дѣйствительности обслуживаются, какъ мы имѣли случай убѣдиться, интересы лишь маленькихъ группъ населенія, цѣлью всей экономической политики необходимо ясно и опредѣленно поставить интересы трудящихся массъ. Только въ ихъ благополучіи лежитъ залогъ процвѣтанія страны. И только это можетъ избавить родину отъ скопившихся надъ нею невзгодъ...

НОВАЯ КНИГА:

П. Я. Стихотворенія.

томъ второй (1898 — 1901).

Издание редакціи журнала „Русское Богатство“.

*Цена 1 рубль.***Энциклопедическій Словарь.**

(начатый проф. И. Е. Андреевскимъ)

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

К. К. АРСЕНЬЕВА и заслуженнаго профессора **В. В. ПЕТРУШЕВСКАГО**

при соучастіи редакторовъ отдѣловъ:

Проф. А. Н. Бекетовъ (біологич. науки), С. А. Венгеровъ (исторія литературы), проф. А. И. Воейковъ (географія), проф. Н. И. Карѣвъ (исторія), А. И. Сомовъ (изящн. искусства), проф. Д. И. Менделѣвъ (химико-технич. и фабрично-завод.), проф. В. Т. Собичевскій (сельско-хозяйственный и лѣсоводство)

Э. Л. Радловъ (философія), проф. Н. О. Соловьевъ (музыка).

Энциклопедическій словарь выходитъ каждые два мѣсяца полутомами, въ 30 лист. убористой печати. Въ настоящее время вышли 63 полут. Цена за каждый полутомъ (въ переплетѣ) 3 руб., за доставку 40 коп.

Словарь обнимаетъ собою свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ наукъ, искусствъ, литературы, исторіи, промышленности и прикладныхъ знаній.

Текстъ помѣщаемыхъ въ словарь статей составляется самостоятельно русскими учеными и специалистами, причемъ все касающееся Россіи обрабатывается наиболѣе полно и тщательно.

Заявленія о подпискѣ принимаются: въ конторѣ журнала „Русское Богатство“ — Петербургъ, *ул. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Допускается разсрочка

на слѣд. услов.: при подпискѣ вносится задатокъ отъ 10 руб., послѣ чего выдаются имѣющіеся на-лицо полутомы; остальная сумма долга выплачивается ежемѣсячными взносами отъ ШЕСТИ рублей, независимо отъ платежей, производимыхъ за остальные полутомы.

Издатели: Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ), И. А. Ефронъ (С.-Петербургъ).

Редакторы-Издатели:

{ *Вл. Г. Короленко.*
Н. К. Михайловскій.

Дозв. ценз. 27 іюля 1901 г.

Типографія. Н. Н. Клобукова, Пряжка, 8.

Отъ конторы редакціи.

Контора редакціи доводитъ до свѣдѣнія гг. подписчиковъ, выписывающихъ журналъ съ разсрочкою подписной платы, что въ іюлѣ истекаетъ срокъ для окончательнаго разсчета за журналъ, и покорнѣйше просить при высылкѣ денегъ сообщать № своей подписки, означенный на печатномъ адресѣ, или прилагать самый адресъ.

Лицамъ, не приславшимъ къ выходу іюльской книжки полной доплаты до подписной суммы 9 руб.,
ВЫСЛКА ЖУРНАЛА БУДЕТЪ ПРЕКРАЩЕНА.

Подписчики, живущіе въ Москвѣ, во избѣжаніе лишнихъ хлопотъ и расходовъ по пересылкѣ денегъ, могутъ вносить доплаты въ отдѣленіе нашей конторы (Никитскія ворота, д. Гагарина), обязательно представляя печатный адресъ, по которому высылается журналъ изъ Петербурга.

Продолжается приемъ подписки на 1901 годъ

(IX-ый годъ изд.)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Вл. Г. Короленко и Н. К. Михайловскимъ.

Подписная цѣна:

На годъ съ доставкой и пересылкой	9 р.
Безъ доставки въ Петербургъ и Москвѣ	8 р.
За границу	12 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ журнала—*уг. Спасской и Васковой ул., д. 1—9.*

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы—*Никитскія ворота, д. Гагарина.*

Книжные магазины, библіотеки, земскіе склады и потребительныя общества, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ только 40 коп. съ каждаго годового экземпляра. Подписка, не вполне оплаченная 8 р. 60 к., а также въ разсрочку, *не принимается.*

АВГУСТЪ.

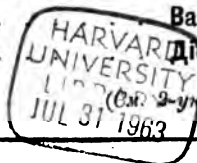
1901.

РУССКОЕ БОГЯТСТВО

№ 8.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. БЕЗЪ ЛЖИ (Изъ записокъ Н. Н.) . М. С—скаго.
2. СЧАСТЛИВЫЕ ОСТРОВА (Англійская колонія «Новая Зеландія»). Окончаніе П. Мижуева.
3. НОЧЬ. Стихотвореніе А. М. Вербова.
4. ГИМНАЗИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ. Продолженіе Б. Никонова.
5. ВЪ ПОИСКАХЪ ЗА ЗОЛОТОМЪ . А. Мягкова.
6. ТРИ СЧАСТЬЯ. Стихотвореніе . . . Г. Галиной.
7. МЕДОВЫЯ РЪКИ. Очерки. VII. Сибирскіе старцы, кухарка Агафья и гражданинъ Рихтеръ Д. Н. Мамина-Сибиряка.
8. ЛЮБОВЬ и МИСТЕРЪ ЛЬЮИС-ГЭМЪ Романъ. Окончаніе. Переводъ съ англійскаго З. Н. Журавской . . Уэльса.
9. СУБЪЕКТИВНЫЙ МЕТОДЪ ВЪ СОЦІОЛОГИИ и ЕГО ФИЛОСОФСКИЯ ПРЕДПОСЫЛКИ. Продолженіе . . . Виктора Чернова.
10. ЧЕТВЕРТОЕ ПОКОЛѢНІЕ. Романъ. Переводъ съ англійскаго В. К—чъ. (Въ приложеніи) Вальтера Безанта.
11. КАПИЩЕ МАМОНЫ Діонео.

(См. 2-ую стр. обложки).

12. НОВЫЯ КНИГИ:

В. А. Жуковский. Сочиненія въ стихахъ и прозѣ.—Вл. Семеновъ. На дальнемъ востокѣ. Очерки и рассказы.—В. Янчевецкій. Записки пѣшехода.—Склирена. Историческая повѣсть. Алексѣя Смирнова. — Труды досуга. Д-ра Ф. Фейгина.—Старый Джонъ. Лѣто. Изъ галлерей современниковъ. — Э. Лангъ. Мифология.—А. Л. Волынский. Царство Карамазовыхъ. Н. С. Лѣсковъ. Замѣтки.—Ф. Лассаль. Дневникъ.—Начала политической экономіи въ популярномъ изложеніи. Н. Денисюкъ.—Г. Гиббинсъ. Исторія торговли Европы. — Новыя книги, поступившія въ редакцію.

13. ФОРМА и СОДЕРЖАНІЕ ВЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ ИСКУССТВА Льва Шейниса.
14. ВЪ ПОИСКАХЪ СОКРОВЕННАГО СМЫСЛА (Отвѣтъ Ѳ. Д. Батюшкову). П. Я.
15. ЯПОНСКІЕ РАБОЧІЕ НА РЫБНЫХЪ ПРОМЫСЛАХЪ СѢВЕРНОЙ ЯПОНИИ и ЮЖНАГО САХАЛИНА Л. В.
16. ПОЛИТИКА. Франческо Криспи.—Текущія дѣла С. Юмакова.
17. ХРОНИКА ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ: I. Новый аграрный законъ.—II. Изъ земской жизни.
18. ОБЪЯВЛЕНІЯ.
-

АВГУСТЪ.

1901.

РУССКОЕ БОГЯТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 8.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. Н. Клебукова, Пряжка, уг. Заводской, д. 1—3.

1901.

Дозволено цензуром. С.-Петербургъ, 26-го августа 1901 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

	СТРАН.
1. Безъ лжи (Изъ записокъ Н. Н.). <i>М. С—скаго</i> . . .	5— 21
2. Счастливые острова (Англійская колонія «Новая Зеландія»). Окончаніе. <i>П. Мижусева</i>	22— 49
3. Ночь. Стихотвореніе <i>А. М. Вербова</i>	49
4. Гимназическіе очерки. Продолженіе. <i>В. Никонова</i> .	50—101
5. Въ поискахъ за золотомъ. <i>А. Мяжова</i>	102—159
6. Три счастья. Стихотвореніе <i>Г. Гаминой</i>	159—160
7. Медовыя рѣки. Очерки. VII. Сибирскіе старцы, ку- харка Агафья и гражданинъ Рихтеръ. <i>Д. Н. Мамина-Сибиряка</i>	161—173
8. Любовь и мистеръ Льюисгэмъ. Романъ. <i>Уэльса</i> . Окон- чаніе. Переводъ съ англійскаго З. Н. Журав- ской	174—218
9. Субъективный методъ въ социологін и его философ- скія предпосылки. Продолженіе. <i>Виктора Чернова</i> .	219—262
10. Четвертое поколѣніе. Романъ. <i>Вальтера Безанта</i> . Переводъ съ англійскаго В. К—чь (Въ прило- женіи)	49—80
11. Капище Мамоны. <i>Діоніо</i>	1— 27
12. Новыя книги: В. А. Жуковский. Сочиненія въ стихахъ и провѣ.—Вл. Се- меновъ. На дальнемъ востокѣ.—Очерки и рассказы.— В. Янчевецкій. Записки пѣшехода.—Склерена. Историче- ская повѣсть. Алексѣя Смирнова.—Труды досуга. Д-ра Ф. Фейгина.—Старый Джонъ. Лѣто. Изъ галлерей совре- менниковъ.—Э. Лангъ. Мисеологія.—А. Л. Волынский. Цар- ство Карамазовыхъ. Н. С. Лѣсковъ. Запѣтки.—Ф. Лассаль. Дневникъ.—Начала политической экономіи въ популярномъ изложеніи. Н. Денисюкъ.—Г. Гиббинсъ. Исторія торговли Европы.—Новыя книги, поступившія въ редакцію . . .	28— 58

(См. на оборотѣ).

13. Форма и содержаніе въ произведеніяхъ искусства.
Льва Шейниса 58— 77
 14. Въ поискахъ современнаго смысла (Отвѣтъ *Θ. Д.*
Батюшкову). *П. Я.* 77— 87
 15. Японскіе рабочіе на рыбныхъ промыслахъ сѣверной
Японіи и южнаго Сахалина. *Л. В.* 88—108
 16. Политика. Франческо Криспи. — Текущія дѣла.
С. Южакова. 109—125
 17. Хроника внутренней жизни: I. Новый аграрный за-
конъ.—II. Изъ земской жизни 125—154
 18. Объявленія.
-

Продолжается приемъ подписки на 1901 годъ
(IX-ый ГОДЪ ИЗД.)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Вл. Г. Короленко и Н. К. Михайловскимъ.

Подписная цѣна:

На годъ съ доставкой и пересылкой	9 р.
Безъ доставки въ Петербургъ и Москвѣ	8 р.
За границу	12 р.
На полгода съ доставкой и пересылкой	5 р.
» » » » за границу	6 р.
На полгода безъ доставки	4 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ журнала—*ул. Спасской и Васковой ул., д. 1—9.*

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы—*Никитскія ворота, д. Гагарина.*

Книжные магазины, бібліотеки, земскіе склады и потребительныя общества, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ только 40 коп. съ каждаго годового экземпляра. Подписка, не вполнѣ оплаченная 8 р. 60 к., а также въ разсрочку, *не принимается.*

Изданія журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО“.

СБОРНИКЪ ЖУРНАЛА „РУССКОЕ БОГАТСТВО“, подъ редакціей **Н. К. Михайловскаго** и **В. Г. Короленко**. Въ двухъ частяхъ. Часть 1-я. БЕЛЛЕТРИСТИКА. Цѣна 2 руб. Часть 2-я. ПУБЛИЦИСТИКА. Цѣна 1 руб.

С. А. Ан—скій. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Ц. 80 к.

Н. Гаринъ. ДѢТСТВО ТЕМЫ. *Третье изд.* Ц. 1 р. 25 к.

— ГИМНАЗИСТЫ. Изд. *второе*. Ц. 1 р. 25 к.

— СТУДЕНТЫ. Ц. 1 р. 25 к.

С. Я. Елпатьевскій. ОЧЕРКИ СИБИРИ. Изд. *второе*. Ц. 1 р.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Ц. 1 р. 50 к.

Вл. Короленко. ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. 1-ая. Изданіе *восьмое*. Цѣна 1 р. 50 к.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. 2-ая. Изданіе *четвертое*. Ц. 1 р. 50 к.

— ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ. Изд. *третье*. Ц. 1 р.

— СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ. Изд. *седьмое*. Ц. 75 к.

Л. Мельшинъ. ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника. *Т. I. (Изданіе второе):* Въ преддверіи. Шелавскій рудникъ.—*Т. II:* Съ товарищами. Кобылка въ пути Среди сопокъ. Эпилогъ. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.

Н. К. Михайловскій. СОЧИНЕНІЯ ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ. Удешевленное изданіе большого формата, въ два столбца, въ 30 печатныхъ листовъ каждый томъ, съ *портретомъ автора*. Ц. 12 р.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Два тома, по 2 рубля каждый.

А. О. Немировскій. НАПАСТЬ. Повѣсть изъ временъ холерной эпидеміи 1892 г. Ц. 1 р.

С. Н. Южаковъ. ДВАЖДЫ ВОКРУГЪ АЗИИ. Путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р. 50 к.

П. Я. СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. I. Изданіе *четвертое* Ц. 1. руб. Томъ II. Ц. 1 р.

Подписчики „Русскаго Богатства“, выписывающіе эти книги, за пересылку не платятъ.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ: въ **С.-Петербургѣ**—*контора редакціи, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

въ **Москвѣ**—*отдѣленіе Конторы, Никитскія ворота, д. Гagarина.*

Шесть томовъ соч. Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО. Ц. 12 р.

СОДЕРЖАНИЕ I Т. 1) Предисловіе. 2) Что такое прогрессъ? 3) Теорія Дарвина и общественная наука. 4) Аналогическій методъ въ общественной наукѣ. 5) Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. 6) Борьба за индивидуальность. 7) Вольница и подвижники. 8) Изъ литературныхъ и журнальных замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

СОДЕРЖАНИЕ II Т. 1) Преступленіе и наказаніе. 2) Герои и толпа. 3) Научныя письма. 4) Патологическая магія. 6) Еще о герояхъ. 6) Еще о толпѣ, 7) На вѣнской всемірной выставкѣ. 8) Изъ литературныхъ и журнальных замѣтокъ 1874 г. 9) Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

СОДЕРЖАНИЕ III Т. 1) Философія исторіи Лун Блана. 2) Вико и его «новая наука». 3) Новый историкъ еврейскаго народа. 4) Что такое счастье? 5) Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга. 6) Критика утилитаризма. 7) Записки Профана.

СОДЕРЖАНИЕ IV Т. 1) Жертва старой русской исторіи. 2) Идеализмъ, идеолопоклонство и реализмъ. 3) Суздальцы и суздальская критика. 4) О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго. 5) Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго. 6) Въ перемежку. 7) Письма о правдѣ и неправдѣ. 8) Литературныя замѣтки 1878 г. 9) Письма къ ученымъ людямъ. 10) Жытейскія и художественныя драмы. 11) Литературныя замѣтки 1879 г. 12) Литературныя замѣтки 1880 г.

СОДЕРЖАНИЕ V Т. 1) Жестокий талантъ. 2) Гл. И. Успенскій. 3) Щедринъ. 4) Герой безвременья. 5) Н. В. Шелгуновъ. 6) Записки современника. I. Независящія обстоятельства. II. О Писемскомъ и Достоевскомъ. III. Нѣчто о лицемѣрахъ. IV. О порнографіи. V. Мѣдные лбы и вареныя души. VI. Послушаемъ умныхъ людей. VII. Три мизантропа. VIII. Пѣснь торжествующей любви и нѣсколько мелочей. IX. Журнальное обозрѣніе. X. Торжество г. Цюна. череда образованности и проч. XI. О нѣкоторыхъ старыхъ и новыхъ недоразумѣніяхъ. XII. Все французъ гадить. XIII. Смерть Дарвина. XIV. О доносахъ. XV. Забытая азбука. XVI. Гамлетизированные поросята. 7) Письма посторонняго въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ».

СОДЕРЖАНИЕ VI Т. 1) Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель. 2) Графъ Бисмаркъ. 3) Предисловіе къ книгѣ объ Иванѣ Грозномъ. 4) Иванъ Грозный въ русской литературѣ. 5) Палка о двухъ концахъ. 6) Романическая исторія. 7) Политическая экономія и общественная наука. 8) Дневникъ читателя. 9) Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ.

Для подписчиковъ „Русскаго Богатства“, вмѣсто 12 р., цѣна 9 руб. безъ пересылки. Пересылка за ихъ счетъ *наложеннымъ платежомъ*—товаромъ большой скорости, посылкой или заказной бандеролью.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учреждений.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Васковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ экспедиціи журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 10 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятые рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1899 г. и не востребованныя обратно до 1-го ноября 1900 г., **уничтожены.**

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

„Б Е З Ъ Л Ж И“.

(Изъ записокъ Н. Н.).

Я, въ сущности, равнодушенъ ко всякимъ такъ называемымъ „этическимъ соображеніямъ“, моральнымъ принципамъ, „голосу совѣсти“ и тому подобнымъ отвлеченностямъ, которымъ извѣстная и при томъ значительная часть людей отводила и, вѣроятно, всегда будетъ отводить крупное значеніе въ своей комедіи или драмѣ жизни. Всякій „дѣлаетъ свою жизнь“... Впрочемъ, не совсѣмъ точно: далеко не всякій ее „дѣлаетъ“,— со многими жизнь, обстановка, наоборотъ, творять все, что имъ угодно. Дѣлаютъ-же свою жизнь только тѣ, кто умѣетъ, кто хочетъ стать выше условностей, подчинить ихъ себѣ и твердо идти къ намѣченной цѣли. Роль остальныхъ—или быть пушечнымъ мясомъ въ битвѣ жизни, или изнывать въ положеніи буриданова осла...

Я пишу это для себя и хочу быть откровеннымъ. Нечего говорить о томъ, что свобода, какую я себѣ создалъ, не ведетъ меня къ кражѣ платковъ изъ кармановъ. Это и мелко, и не эстетично, и глупо. Но я полагаю, что едва-ли найдется человѣкъ, который не взялъ-бы изъ того-же кармана бумажникъ съ миллиономъ, если это можно сдѣлать вполне прилично, безъ шума и риска потерять и то, что есть. Я полагаю, кромѣ того, что это—общая точка зрѣнія... Развѣ каждый умный человѣкъ не живетъ по этимъ-же законамъ?

Никто, конечно, не заявитъ этого открыто; для толпы нужна ходячая монета прописныхъ добродѣтелей. Но мы, немногіе авгуры, признаемся въ этомъ передъ собою. Мы опредѣленно отрекаемся отъ всякихъ намордниковъ, отъ всякихъ самоограниченій въ томъ, что единственно порою даетъ и красоту, и силу, и смыслъ жизни. Въ этомъ наше огромное преимущество, наше главное право на существованіе... Только здѣсь—истинная свобода, свобода сильной личности, сознающей свою силу...

Такъ я продолжаю думать и, однако... чувствую потребность въ чемъ-то разобраться, что-то еще себѣ уяснить...

Мнѣ не особенно трудно описать съ внѣшней стороны все, что такимъ внезапнымъ диссонансомъ вторглось въ мою жизнь, чуть не выбивъ меня изъ колен. Правда,—я по прежнему безусловно вѣрю въ себя и свой путь... Но есть въ моемъ настроеніи что-то недосказанное, какая-то тяжесть... Я не могу вполне опредѣленно дать себѣ отчетъ въ этомъ чувствѣ, не могу и освободиться отъ него... Быть можетъ, самый процессъ описанія пережитого той ночью поможетъ мнѣ выяснить для себя эту тѣнь моего настроенія, сумракъ, невольно гнетущій, порой мѣшающій отдаться спокойному, объективному, обычному моему отношенію къ себѣ. Я не люблю неясностей: въ нихъ часто лежитъ залогъ серьезныхъ осложнений и неожиданностей, допустимыхъ лишь въ пассивномъ существованіи людей массы, но не тѣхъ, кто знаетъ, зачѣмъ живетъ и чего ищетъ. Задача должна быть приведена къ одному неизвѣстному, поставленному ясно и твердо...

Такимъ неизвѣстнымъ является для меня память этой женщины...

Я хорошо помню... Кстати, кажется это характерно, что я начинаю со слова „Я“. Помнится, Тургеневъ о такой привычкѣ гдѣ-то выразился очень ядовито... Это, впрочемъ, въ сторону: пишу я для себя и о себѣ, главнымъ образомъ...

Да, я хорошо помню то оживленіе, съ какимъ жена, получивъ приглашеніе кузины, стала приготовляться къ неожиданной поѣздкѣ на родину. Спокойная и ровная въ послѣдніе годы,—быть можетъ, болѣе спокойная, чѣмъ это было для меня пріятно,—она въ эти дни вся горѣла какимъ-то внутреннимъ огнемъ... Мы и въ самомъ дѣлѣ такъ давно и безвыѣдно сидимъ въ этомъ городишкѣ: я понимаю, что неожиданная поѣздка на родину, хотя-бы и въ глушь, могла доставить ей много удовольствія.

И она была прелестна, какъ пять лѣтъ назадъ, въ своемъ радостномъ возбужденіи... Я издали любовался ею и... пожалуй, былъ немного недоволенъ, что именно со мною она становилась сдержаннѣе и стихала. Но я самъ за эти годы сумѣлъ поставить ее въ рамки нѣкоторой сдержанности, я самъ такъ долго боялся ея непосредственности, ея наивности, такъ тщательно искоренялъ ея „ребячества“, что... она, очевидно, привыкла давать мнѣ то настроеніе, какое я старался въ ней вызывать. Это было хорошо... И я спокойно любовался ею, зная, что отъ этой хорошенькой женщины я всегда сумѣю взять, что захочу, сумѣю на этомъ изящномъ инструментѣ разыграть именно то, что мнѣ нужно и что мнѣ нравится...

398
80
398
16
2388
398
18

— Итакъ, мы завтра ѣдемъ?

Она вдругъ отшатнулась и поблѣднѣла.

— Вы... вы тоже ѣдете?..

— Неужели ты думала ѣхать одна? За сотни верстъ, куда-то въ деревню, въ общество, котораго я совершенно не знаю?.. Наконецъ, приглашеніе получили мы оба.

— Ахъ, да... Общество?.. Простые, деревенскіе люди... Да, вы должны хранить престижъ вашего имени.. Я такъ легко могу скомпрометтировать ваше „положеніе“... Хорошо, мы ѣдемъ вмѣстѣ...

Она ушла и больше не показывалась весь вечеръ. Неужели, думаль я, въ ней не улеглись еще эти дѣтскія вспышки? Ей хочется ѣхать одной, чувствовать себя самостоятельной? Быть можетъ, играть роль „интересной дамы“?.. Вздоръ, она уже достаточно благораазумна и спокойна, наша жизнь идетъ такъ ровно. Давно уже она вполне вошла въ намѣченную ей мною колею... Она увлекается благотворительностью, любитъ костюмы, выѣзды, играетъ въ карты, дружна со многими дамами, живущими такъ-же, какъ и она... *Un peu des rautes, un peu des modes, beaucoup de bâillage*... Все это не опасно, особенно въ хорошо подобранномъ обществѣ.

Но эту внезапную вспышку строптивости нужно было наказать... И въ день нашего отъѣзда я вполне корректно, впрочемъ, продолжалъ наши отношенія въ тонѣ, принятомъ ею вчера.

— Вы долго разсчитываете пробыть у вашей кузины?

— Не знаю, право...

Тонъ апатичный, но я прекрасно знаю, что она волнуется: виски стали почти прозрачны, рука нервно смахнула опустившуюся прядь волосъ.

— Но вы не предполагаете, конечно, остаться дольше, чѣмъ мнѣ позволить отпустить?

— Я думаю, что у насъ еще будетъ время переговорить объ этомъ.

И она прямо, въ упоръ, смотреть мнѣ въ глаза. Это вызовъ, продолженіе вчерашней вспышки?.. Я пожимаю плечами.

— У меня отпускъ на двѣ недѣли... значить, вы можете располагать ими.

Она не отвѣчала.

Мы ѣдемъ. Въ смежномъ купе сидитъ какой-то толстый господинъ и наблюдаетъ насъ. Мимо, въ сосѣдній вагонъ и обратно, постоянно пробѣгаетъ юный артиллеристъ, каждый разъ взглядывая на жену.. Объясняться намъ невозможно,

но я нахожу, что вспышка заходить значительно далѣе, чѣмъ это можно допускать. Очевидно, у нея есть какіе-то особые поводы держаться такъ называюще, вопреки обычной для ея натуры мягкости и боязни размолвокъ.

Мы ѣдемъ молча. Размолвка наша становится тягостна... и въ ней проглядываетъ что-то новое... какое-то до сихъ поръ небывалое упорство... И главное—безъ той неровности и нервности, въ результатѣ которыхъ, бывало, она шла ко мнѣ каляться въ своей вспышкѣ, сквозь слезы улыбаясь ея дикости и неумѣстности. Напротивъ, она совершенно спокойна, даже методична. Спокойно ѣстъ, читаетъ газеты, устраиваетъ на ночь постель и спитъ, какъ дома. При этомъ меня она игнорируетъ, какъ будто не видя, не замѣчая, не признавая моего присутствія... Это неожиданно, это немного сбиваетъ меня съ тона... пожалуй, даже ставить въ глупое положеніе.—Итакъ,—она хотѣла ѣхать одна?.. Теперь она хочетъ дать мнѣ почувствовать свое неудовольствіе?... увидимъ.

Вечерѣтъ. Толстый господинъ спитъ, артиллеристъ вышелъ въ послѣднемъ городѣ, мы почти одни.

— Анна, я просилъ бы васъ помнить, что вамъ уже не разъ приходилось сожалѣть о вашихъ бессмысленныхъ вспышкахъ. Вѣдь если не сегодня, такъ завтра—вы поймете, что неправы именно вы...

— О, да... всегда, всегда я... Можете-ли ошибаться вы, все измѣрившій, все взвѣсившій, предусмотрѣвшій... Но вы не предусмотрѣли, что я... могу устать отъ этого... что у меня нѣтъ больше силъ быть манекеномъ въ вашихъ рукахъ... Оставьте меня!..

— Что значить „оставить васъ“? Дать вамъ возможность доиграть эту сцену до конца, пока перемѣнится ваше настроеніе? Подвергать себя удовольствію все чаще и чаще зависѣть отъ вздорныхъ вспышекъ? Играть глупѣйшую роль у вашихъ родныхъ?.. Помните, что въ борьбѣ, вами начинаемой,—всѣ шансы на моей сторонѣ.

— Поздно. Я не хочу считать вашихъ шансовъ... Черезъ три часа я буду дома... Слышите: дома!..

— Черезъ полъ-часа, на слѣдующей станціи, мы перейдемъ во встрѣчный поѣздъ и возвратимся домой. Будьте любезны, соберите ваши мелочи.

Она подняла глаза, спокойные, слегка удивленные, но ничего не говорящіе.

• — Я ѣду въ Романовку.

— Мы ѣдемъ домой.

Она смотритъ на меня, и я вижу,—въ ея живыхъ и ясныхъ глазахъ начинается мелькать тревога, страхъ.

— Вечеромъ, черезъ три часа, мы будемъ уже въ Рома-

новкѣ. Послушайте,—вдругъ вспыхнула она,—чего вы отъ меня хотите? Зачѣмъ вы меня мучите?

— И я хочу спросить, что *вамъ* отъ меня нужно? Желая доставить вамъ удовольствіе, я согласился на эту поѣздку, но вы недовольны! Вамъ хотѣлось ѣхать одной? Теперь вы хотите, чтобъ я вернулся? Этого не будетъ. Мы вернемся вмѣстѣ.

Я всталъ. Она прекрасно знаетъ, что я не даю пустыхъ обѣщаній, не дѣлаю напрасныхъ угрозъ. На крупную исторію, на скандалъ она не поидетъ. А если бы пошла... то и въ этомъ случаѣ все на моей сторонѣ—она это знаетъ.

— До... до послѣдней минуты вы все меня мучите... Я прошу...—Она не кончила: спазма вдругъ прервала ея голосъ и крупные слезы закрыли глаза.

Я овладѣлъ позиціей, она „просить“, т. е. понимаетъ и признаетъ, что продолженіе поѣздки зависитъ отъ моего великодушія. Для меня пока достаточно, тѣмъ болѣе, что нашъ внезапный выходъ изъ поѣзда былъ бы слишкомъ замѣтенъ. Я недоумѣвающе пожимаю плечами, слегка жму ея руку и сажусь, поправивъ ея подушку. Но она успокаивается не скоро. Лицомъ къ спинкѣ дивана, прячась въ платкѣ, она тихо лежитъ и дѣлаетъ видъ спящей. Время отъ времени, незамѣтно, я слегка приподнимаюсь и взглядываю на нее: слезы, одна за другой, скатываются по лицу, неподвижному и усталому. Мнѣ становится даже жаль ея, я готовъ поцѣловать ея руку, зажавшую платокъ у лица. Мнѣ хочется слабо-отвѣтнаго пожатія руки... Но теперь это дало бы ей преувеличенное понятіе о вліяніи на меня ея слезъ.

И я задумываюсь. Во всемъ этомъ есть что-то ненормальное. Съ одной стороны,—она никогда еще не бывала такъ упорна въ своихъ капризахъ, съ другой—сегодня я былъ какъ-то особенно рѣзокъ и сухъ, слишкомъ сурово показалъ ей *свою* волю, *свою* власть. И все-же, въ концѣ концовъ—я уступилъ ей, я былъ разстроенъ, и она это, вѣроятно, замѣтила. Да, я люблю ее. Неужели я попалъ въ глупое положеніе влюбленнаго мужа? Я какъ-то не могу найти нужнаго тона: то слишкомъ рѣзокъ, то готовъ цѣловать ея руки и извиняться за ту твердость, какую выказалъ въ сношеніяхъ съ нею... Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ кажется, что я больше люблю ея теперь, чѣмъ въ первый годъ нашей брачной жизни, что я еще больше дорожу этой прелестной женщиной, чѣмъ пять лѣтъ назадъ... И сейчасъ, не потерялъ-ли я уже самообладанія?... вмѣсто трезвой оцѣнки положенія, умнаго и твердаго выхода,—у меня является желаніе ее успокоить, приласкать... но только, впрочемъ, на одномъ условіи,—чтобы она знала, что она—моя жена, чтобы она жила только моею

волей, моими желаніями, моимъ умомъ... Да, бракъ—это трудная и сложная шахматная партія, и нужно играть ее очень обдуманно и осторожно... Горе побѣжденному...

— Къ вечеру у васъ будетъ припухшее лицо и красные глаза... Это не красиво...

Она нѣсколько мгновений смотрѣла на меня, какъ будто озадаченная моимъ тономъ, и вдругъ встала. Слезы сразу прекратились.

— Вы правы, я постараюсь больше не плакать...

И опять съ той-же методичностью, съ тѣмъ-же, для меня загадочнымъ и ненавистнымъ уже, спокойствіемъ она оправлялась, собирала свои мелочи, готовясь къ выходу изъ вагона.

Да, я, кажется, опять сдѣлалъ невѣрный ходъ...

Мы вышли изъ вагона на какой-то маленькой, глухой станціи. Порывъ вѣтра густымъ снѣгомъ сразу ослѣпилъ мнѣ глаза, распахнулъ шубу, закрылъ всю платформу съ тусклыми фонарями, маленькимъ вокзаломъ и двумя фигурами у его дверей. Но жена твердой походкой направилась къ этимъ фигурамъ, одна изъ которыхъ оказалась начальникомъ станціи, другая—сторожемъ.

— Лошади изъ Романовки есть?

— Недавно пріѣхали. Да вы лучше переждали-бы: видите, какая поднялась вьюга. Какъ-бы въ степи не сбиться съ дороги.

Жена молча двинулась къ дверямъ зала. Я оглянулся. Вьюга свистала и шипѣла. Слабо громыхали, уходя въ ея мракъ, послѣдніе вагоны поѣзда, и яркій фонарь быстро тускнѣлъ, замирая среди мятели. Еще свирѣпѣе крутился снѣгъ, гоня, заматавая весь поѣздъ, выль вѣтеръ, стоналъ на крышѣ вокзала и гналъ безконечныя тучи острыхъ, льдистыхъ снѣжинокъ.

Я вошелъ въ залъ. Около нашего багажа, сложенного у дверей, уже стоялъ какой-то высокій и хмурый мужикъ съ кнутомъ.

— Вы хотите непременно ѣхать сейчасъ-же? — спросилъ я жену. — Надо подумать о томъ, возможно-ли это? Я хотѣлъ-бы переждать до утра.

— Намъ осталось 15 верстъ ровной дороги. Кучеръ ее отлично знаетъ. Да и лошади къ ней привыкли. Я говорила съ кучеромъ и ѣду сейчасъ...

— Но я не ѣду сейчасъ и напьюсь здѣсь, по крайній мѣрѣ, чаю.

Она пожала плечами и сѣла. Изъ-за грязной стѣйки гряз-

наго буфета намъ принесли чаю. Жена къ нему не притро- нулась. Но я пилъ скверный чай и ѣлъ сомнительные пи- рожки, помня, что до деревни еще чуть-ли не два часа ѣзды по холоду и мятели. Жена сидитъ въ позѣ ожиданія, и мнѣ кажется, каждое мое движеніе провожаетъ своими ясными, загадочными глазами. Что хочетъ сказать она этимъ взгля- домъ? Я не вижу ея, но чувствую на себѣ этотъ присталь- ный, ищущій взглядъ. Подъ нимъ я еще медленнѣе пью свое пойло, еще методичнѣе жую подозрительные пирожки. Что она во мнѣ наблюдаетъ?

— Мнѣ странна ваша торопливость. Вы ставите ни во что мое нежеланіе блуждать по степи? Вы рискуете, зная, что мы можемъ замерзнуть, и настаиваете—ради пустой при- хоти, боясь пропустить балъ? Вы хотите, чтобы эта поѣздка обратилась мнѣ въ неприятность?

— Ахъ, оставьте меня... Я хочу только, чтобы все это скорѣе окончилось...

— Какъ-бы неприятно для меня это ни было?..

— Я не настаивала на вашей поѣздкѣ...

— Совершенно вѣрно. Но я хотѣлъ-бы знать, зачѣмъ все это, если поѣздка наша вызываетъ столько неприятностей?

— Вы знаете: я ѣду къ кузинѣ. Завтра ея свадьба. За- чѣмъ вы ѣдете,—я не знаю...

— Довольно... Я очень сожалѣю, что принялъ приглаше- ніе, но, во всякомъ случаѣ, мы переночуемъ гдѣ-нибудь, а къ вашей кузинѣ выѣдемъ завтра.

— И еще... еще цѣлая ночь пытки?.. Я ѣду сейчасъ... Или вы хотите устроить здѣсь сцену, удержатъ меня? Пре- дупреждаю,—на этотъ разъ вы ничего не достигнете... да, довольно... Вѣдь *это* совсѣмъ, совсѣмъ уже окончится...

Откуда-то изъ-за темнаго угла печи появилась фигура кучера, схватившаго чемоданъ. Буфетчица смотрѣла на насъ во всѣ глаза, стараясь, очевидно, разобрать, о чемъ мы за- говорили такъ возбужденно.

Взбѣшенный, я тоже беру пледъ: да, она права, здѣсь я не стану устраивать сценъ... Но я готовъ, какъ ребенка, схватить ее, схватить такъ, чтобы она почувствовала, что только я, я и моя воля — одни существуютъ для нея въ мірѣ... Что же это?.. Что мѣшаетъ мнѣ всецѣло, какъ вещь, владѣть этой прелестной и теперь ненавидящей меня жен- щиною?.. Я взглядываю на милое, изящное лицо,—такое уста- лое и измученное теперь,—и долженъ удержаться отъ крика бѣшенства, отъ какой-нибудь рѣзкой и бесполезной уже вы- ходки... Неужели я въ самомъ дѣлѣ потерялъ ключъ къ ея кроткой и покорной душѣ?..

Я открываю дверь на платформу. Вѣтеръ страшнымъ по-

рывомъ вырываетъ ее у меня изъ рукъ и бьетъ о стѣну. Туча снѣгу осыпаетъ насъ, лампы мерцаютъ и нѣкоторыя гаснутъ. А за дверью—неумолчный свистъ, шумъ несущейся снѣжной мятели и мракъ...

— Вы всетаки настаиваете на поѣздкѣ?

— Да. Кучеръ ручается за себя и за лошадей.

Возокъ почти занесенъ снѣгомъ. Отгребая его, кучеръ открываетъ дверцы, и мы садимся. Слышно, какъ міриады снѣжинокъ хлещутся о кожанный верхъ, время отъ времени въ какую-то щель врывается острая струя свѣжаго, морознаго воздуха. Кучеръ погоняетъ бойко, лошади, промерзши въ ожиданіи насъ, бѣгутъ дружно.

Я слышу слабый вздохъ жены. Итакъ, она настояла на своемъ? Это вздохъ облегченія, побѣды? Этого легко могло и не быть, но я не нашелся, не сумѣлъ прекратить этотъ бунтъ во время и съ тактомъ... Очевидно, я сдѣлалъ какой-то промахъ, и теперь долженъ допустить всѣ его послѣдствія... Это приводитъ меня въ бѣшенство, но бѣшенство плохой совѣтникъ: необходимо вновь найти вѣрный тонъ, овладѣть и собою, и положеніемъ.

Мы долго ѣдемъ молча. Слышенъ только визгъ полозьевъ, шелестъ и порывистый шумъ снѣга, съ силой бьющагося о стѣны и крышу возка. Въ немъ не холодно, скорѣе душно. Усталость беретъ свое, постепенно по тѣлу разливается истома и жажда покоя, клонить ко сну. Но заснуть, забыться, отдаться полубезсознательному состоянію дремоты мѣшаетъ острое чувство неожиданнаго оскорбленія. Мнѣ недостаетъ привычнаго и необходимаго ощущенія превосходства и полнаго обладанія, какое всегда было и должно быть преобладающимъ въ моихъ отношеніяхъ къ женѣ. Я рѣшаю, что еще до нашего прибытія въ Романовку этотъ вопросъ долженъ быть улаженъ.

Струя свѣжаго воздуха врывается въ возокъ и освѣжаетъ меня. Глубоко вздыхаетъ и жена.

— Надѣюсь, что за время пути ты успѣешь нѣсколько отдохнуть, и вечеръ доставить тебѣ удовольствіе...

Она не отвѣчаетъ.

— Ты устала отъ сборовъ и дороги и была ко мнѣ несправедлива. Прошу тебя успокоиться и помнить, что я радъ доставить тебѣ это удовольствіе. Расскажи мнѣ что-нибудь о твоей кузинѣ и о томъ обществѣ, какое мы тамъ встрѣтимъ.

— Пожалуйста, Андрей Николаевичъ, перестаньте... Я дѣйствительно устала... только не отъ дороги... Я устала быть красивой вещицей, маленькой дѣвочкой... я устала подвергаться вѣчнымъ вліяніямъ вашей обдуманной дипломатіи... быть маріонеткой, куколкой въ вашихъ рукахъ.

Я почувствовалъ, что блѣднѣю, что, пожалуй, мой голосъ выдастъ мое волненіе.

— Это что-то новое, Анна. Вы, вѣроятно, не легко и не сразу нашли эти великолѣпныя фразы женщины, измученной подчиненіемъ тирану-мужу?.. Ты хочешь освободиться отъ моей „тиранніи“?.. Быть можетъ, также отъ здраваго смысла, отъ порядочности?.. Повторяю, это для меня очень ново...

— Довольно же, пожалуйста, довольно, Андрей Николаевичъ. Вѣдь это слова... вы знаете-же, что это только слова для васъ... Я виновата предъ вами за свое малодушіе... Я давно собиралась сказать вамъ все это... Я давно не та дѣвочка, на какой вы женились... Вы сами меня воспитали и многое открыли, хотя, конечно, безъ вашего желанія... Я больше не хочу быть игрушкой... Это вамъ ново? Но вѣдь я не разъ начинала говорить съ вами о томъ, что меня мучило... Вы помните, какъ отвѣчали вы мнѣ? Сухо, властно, неискренно... И какъ я мучилась, обвиняя себя въ непониманіи вашей высокой души, какъ плакала, что не могу быть вашей настоящей подругой!.. Мнѣ такъ хотѣлось.. Потомъ я поняла... Поняла и больше уже не пыталась заговаривать объ этомъ... Ахъ, если-бы тогда... хоть одно ваше искреннее, ласковое слово... Но вы не снизошли до моихъ мукъ... Ну, вотъ... Довольно. Я ѣду къ кузинѣ и... больше къ вамъ не вернусь... Поймите меня, пожалуйста: я не вернусь къ вамъ!..

— Еще разъ, Анна, прошу тебя, успокойся, овладѣй своимъ страннымъ порывомъ. Я готовъ принять за шутку твою оцѣнку пяти лѣтъ нашей счастливой жизни. Пять лѣтъ вы были моей женой и не замѣчали своего рабства, своего угнетенія. А я... смѣю сказать, я былъ добрымъ мужемъ. Я васъ любилъ и люблю... Что же вамъ угодно?.. Вы негодуете на необходимость подчиняться иногда нашимъ общимъ интересамъ? Послѣ пяти лѣтъ, вы негодуете на то, что считали наши интересы общими?.. Теперь вы неожиданно считаете нужнымъ выдѣлить себя и какіе-то свои особые интересы?.. Это очень ново и, конечно, очень современно, вы, можетъ быть, и правы, но...

Мнѣ казалось, что теперь я овладѣваю положеніемъ. Я говорилъ съ привычной увѣренностью и убѣжденіемъ... Она нервно подалась ко мнѣ... Лица ея мнѣ не было видно, но я слышалъ, чувствовалъ ея прерывистое дыханіе.

— Я не хочу и не стану считаться съ вами... Вы въ этомъ сильнѣе... Вы привыкли играть словами... Вѣдь ничего же дорогого, чистаго въ душѣ у васъ нѣтъ... Поймите же, что все кончено... ни одному вашему слову я болѣе не вѣрю...

— А я знаю, что отвѣтственъ за ваши дѣйствія предъ

вами, предъ свѣтомъ: вы должны выслушать меня. Какъ мужъ...

— Мужъ?.. Андрей Николаевичъ! Говорите, что угодно, но вѣдь я знаю, что все это ложь... Мой мужъ?.. Скажите же громко, предъ всѣмъ обществомъ, котораго вы такъ боитесь, скажите, что вы изъ меня сдѣлали?.. Вашего дѣлового агента?.. Любовницу?.. Вещь?.. Вѣдь семьи, дѣтей—вы не хотѣли... И ихъ нѣтъ... Вы вспоминаете когда нибудь объ этомъ? А я.. я вспоминаю и теперь... Я уже все поняла... Васъ поняла, Андрей Николаевичъ: я много, не правда ли, помогла вашей карьерѣ своей красотой, уютомъ нашей гостиной, своей наивной готовностью обласкать, привѣтствовать всѣхъ, кого привѣтствовали вы... Я участвовала въ вашей жизни, а моя жизнь... Ну, да это все, все теперь кончено. Я навсегда оставляю васъ, слышите?..

— Слышу и даже слушаю слишкомъ долго. Впрочемъ, все это легко разрѣшится: мы сейчасъ вернемся на вокзалъ. Дома у васъ будетъ достаточно досуга, чтобы обдумать все, что вы наговорили... Я вамъ обещаю этотъ досугъ и даже полную свободу уединенія... И я увѣренъ, что вы сами выльчитесь отъ вашего внезапнаго душевнаго разстройства...

Я сдѣлалъ движеніе, чтобы открыть окно къ кучеру. Она схватила меня за руки, и между нами завязалась короткая борьба. Она истерически-крѣпко держала мои руки, налегая на меня всѣмъ тѣломъ и стараясь отбросить въ уголъ экипажа.

— Не смѣйте. Оставьте. Это лишній стыдъ: онъ васъ не послушаетъ... Онъ меня носилъ на рукахъ и сдѣлаетъ все, что я прикажу... Теперь вы ничѣмъ уже не можете меня удержать... Пустите же... пустите меня...

Я одолѣлъ въ борьбѣ и теперь, въ свою очередь, держалъ ее за руки. Мною овладѣвало бѣшеное желаніе измять, избить, придушить ее. Сильнымъ движеніемъ она вдругъ вырвала одну руку и локтемъ выбила стекло окна къ кучеру. Безсознательно я выпустилъ ее. Возокъ остановился, въ окнѣ показалась борода кучера.

— Я нечаянно разбила окно, Иванъ. Далеко ли до Романовки?

Кучеръ молча слѣзъ съ козелъ. Вьюга свистала повидимому еще съ большимъ ожесточеніемъ, туча снѣгу ворвалась въ разбитое окно, и вѣтеръ сразу выстудилъ возокъ. Кучеръ медленно, съ усиліемъ что-то вытянулъ изъ-подъ сидѣнія и своимъ запаснымъ армякомъ заткнулъ дыру окна. Затѣмъ его занесенная снѣгомъ фигура показалась у дверцы.

— Прости ты меня, барышня, прости старого дурака... не хотѣлъ другого пустить тебя везти. Заблудился я, старый ду-

ракъ... все ѣхали хорошо да хорошо; самъ не знаю, какъ сбился. И куда заѣхали—вовсе не знать. Давно пора Романовкѣ быть... Посиди ужъ малость, пойду, не нащупаю ли дороги?..

Онъ исчезъ въ снѣжной тѣмѣ. Исчезъ и чрезъ нѣсколько томительныхъ, подавляюще-странныхъ минутъ какого-то полубытія, вновь вынырнулъ предъ самымъ стекломъ возка.

— Посиди, барышня, не выходи, говорю, изъ возка... Крутить такая... борони Богъ, у самаго возка заблудишь... Борони чего Богъ,—тепло въ возкѣ-то, отсидишься до завтра... Ужъ я найду ли, нѣтъ ли...

Онъ тряхнулъ головой по направленію возка и вновь погрузился въ вихрь снѣга.

Разъ еще какъ-будто донесся звукъ его голоса. Какъ и я, охваченная очевидно оцѣпенѣніемъ, жена вдругъ рванулась изъ возка и отвѣтила. Она долго, много разъ повторяла свой крикъ, все порывистѣе, все испуганнѣе, но скоро голосъ отказался ей повиноваться—она уже не въ силахъ была больше кричать. И она всетаки стояла на вьюгѣ, ломая руки, громко обвиняла себя за то, что отпустила старика на вѣрную смерть. Дверца возка стояла все время открытой,—я не хотѣлъ ее закрыть,—жена-же о ней очевидно забыла. Въ возокъ набилось много снѣгу, мои ноги стали забнуть.

— Войдите въ возокъ, или мы здѣсь замерзнемъ, пока онъ найдетъ дорогу.

Она все всматривалась и вслушивалась въ голоса вьюги.

— Го... го... го...—закричалъ и я, высунувшись въ дверцу. Мнѣ вспомнилось, что нерѣдко въ такіа вьюги путники подолго блуждаютъ у самыхъ строеній.

Отвѣтомъ было полное молчаніе. Въ первый разъ пришлось мнѣ такъ вслушиваться, такъ вглядываться въ вой вьюги, въ живую, мчащуюся, бѣлесоватую стѣну, полную угрозы, холодную, безформенную, стихійно-безпощадную...

Я долженъ былъ сдѣлать усиліе, чтобы заставить себя оторваться отъ созерцанія этого владычества стихій, преддверія вѣчности... Меня быстро отрезвила мысль, что, пока въ тѣсномъ возкѣ насъ двое, въ немъ не можетъ быть слишкомъ холодно. Мы, дѣйствительно, можемъ „отсидѣться“ хоть до утра. Схвативъ концы коврика, я выбросилъ изъ возка наметенный снѣгъ и закрылъ дверь. Жена не двигалась. Я смутно видѣлъ ея стройную, изящную фигуру.

— Если вы замерзнете у самаго возка, это нисколько не поможетъ дѣлу,—сказалъ я, опять отворяя дверцу.—Онъ, вѣроятно, сидитъ уже въ теплой избѣ, предоставивъ намъ здѣсь „отсиживаться“, пока придетъ помощь...

Повидимому, она поняла бесполезность своихъ слабыхъ

призывать, посылаемыхъ въ бушующую темноту, и молча вошла въ возокъ, куда я привлекъ ее за руку...

И опять мы, въ глубокомъ молчаніи, сидѣли рядомъ. Она вѣроятно, думала объ Иванѣ, а я почти съ бѣшенствомъ думалъ о ней, чувствуя, какъ она нужна мнѣ, эта женщина, которую я люблю... Неужели все такъ глупо-внезапно, такъ обидно-неожиданно оборвалось?... Неужели я не сумѣю вновь и безповоротно овладѣть ею?... Да, она права: овладѣть—какъ вещь, какъ рабой! Пусть такъ: она—жена человѣка, имѣющаго предъ собою опредѣленныя задачи... А эти задачи... Понимаетъ-ли она, какъ повредить мнѣ этотъ неожиданный скандалъ... Да нѣтъ! Это просто вспышка безумія. Нужно овладѣть опять ея волей. Это такъ просто и легко всегда удавалось мнѣ.

— Сама судьба, Анна, противъ васъ, — сказалъ я ей по возможности спокойно: — она хочетъ, очевидно, дать вамъ возможность одуматься... Вспомните лучшія минуты нашей жизни...

Она сначала какъ будто не слышала, потомъ повернулась въ темнотѣ и сказала съ горечью:

— Ахъ, вы опять объ этомъ? Вы все тотъ-же... Вамъ не приходится въ голову, что тутъ гдѣ-то, можетъ быть, умираетъ человѣкъ, старавшійся спасти насъ... Вы заняты только собою, вѣчно только собою...

— А у васъ явилась склонность къ трагедіямъ: навѣрное, старикъ въ опасности. А вотъ вы... Подумайте, на какую дорогу вы хотите стать?... какое положеніе въ обществѣ вы себѣ готовите? Вѣдь, если повѣрить вашей вспышкѣ, вы готовите крупный „свѣтскій скандалъ“?..

Она странно засмѣялась... Никогда и никому я не простилъ-бы такого смѣха...

— О, Господи... Все тотъ-же жадный, трусливый, позорный эгоизмъ... Довольно, пожалуйста... Неужели вы не чувствуете, что я уже просто не въ силахъ войти въ ваши интересы... Все, что вы скажете, я заранѣе знаю... вѣдь позади пять лѣтъ школы подъ вашимъ руководствомъ... я не хочу больше, не хочу!.. Если вы еще не потеряли вашего удивительнаго такта, которымъ всегда хвалились, — такъ поймите-же, что для васъ теперь лучший исходъ—оставить меня въ покоѣ... мы разойдемся, вы, конечно, сумѣете въ свѣтѣ мотивировать мой отъѣздъ по возможности прилично и устроитесь прекрасно. Но я не вернусь къ вамъ...

И она опять стала жадно прислушиваться къ шипѣнью мятели. Меня охватывало бѣшенство—и какъ будто сознаніе безсилія... А между тѣмъ, если это даже правда, если это даже ненависть... она все-таки мнѣ нужна... Нужна, какъ по-

мощница, какъ хозяйка, наконецъ, какъ любовница... я привыкъ къ ея прелестному тѣлу, къ ея граціи, къ ея изящной и пикантной фигурѣ, къ этому, точно рѣзцомъ изваянному, благородному лицу... Все это уже часть моей жизни, часть меня самого... И она хочетъ отнять у меня все это?..

Я чувствовалъ приливъ острой ненависти, смѣшанной съ какимъ-то еще страннымъ ощущеніемъ.. Это былъ порывъ, можетъ быть, первый въ нашей совмѣстной жизни, когда я не владѣлъ уже ни ею, ни собою. Я не представлялъ себѣ ея настроенія, не обдумывалъ, какъ овладѣть имъ. Я просто охватилъ ея талію, распахнулъ воротникъ ея шубки, наклонился къ ея лицу и сталъ покрывать его поцѣлуями, въ приливѣ ненависти, страсти и желанія укротить ее.

— Моя, моя...—говорилъ я, или думалъ (теперь не помню).—Моя и всегда будешь моею...

Сначала ошеломленная неожиданностью, она лежала неподвижно въ моихъ объятіяхъ, но затѣмъ рванулась такъ судорожно, что дверца съ шумомъ открылась, и она выскочила наружу...

— Боже мой, Боже мой...—это были послѣдніе звуки ея голоса, донесшіеся до меня вмѣстѣ съ порывомъ мятели... Я откинулся въ уголь. Помню, что я былъ спокоенъ. Присутствіе духа во всякой обстановкѣ—черта моего характера, наиболѣе мною цѣнимая... Помню, что я уже не чувствовалъ себя такъ глупо придавленнымъ, какъ раньше, во время ея признаній. Я даже закурилъ сигару и взглянулъ на часы. Было два часа ночи. На дворѣ все еще выла мятель, но мнѣ показалось, что становится тише и теплѣе. Я выглянулъ наружу: нигдѣ не было видно ея фигуры... Крикнулъ,—никто не откликнулся... Фыркнула только одна изъ нашихъ озябшихъ лошадей, звякнулъ колокольчикъ... Свистѣла снѣжная мятель... Мнѣ не оставалось ничего болѣе, какъ войти въ возокъ и закрыть дверку...

Я пишу не для того, чтобы рисоваться своимъ самообладаніемъ или твердостью характера. Мнѣ любопытно самому понять тотъ процессъ, какой я пережилъ за эти дни. Они мнѣ что-то дали, или что-то отняли,—что именно, какъ, въ чемъ заключается острота всего пережитаго, я хочу выяснитъ себѣ этимъ спокойнымъ и возможно-безстрастнымъ воспоминаніемъ.

Я припоминаю, во-первыхъ, чувство безповоротности свершившагося. Я никогда не принадлежалъ къ числу сентиментальныхъ хранителей всякихъ реликвій. Я не любитель разочарованности. Я сторонникъ факта и здраваго къ нему

отношенія. Съ этой точки зрѣнія—фактъ былъ простъ и обыдененъ: два человѣка, мужъ и жена, неожиданной вздорностью послѣдней поставлены были въ положеніе, изъ котораго выйти прилично—для мужа было невозможно безъ какихъ-либо особыхъ, крайнихъ и энергичныхъ мѣръ. Пока я обдумывалъ эти мѣры, случай разрѣшилъ вопросъ. Мы еще не умѣемъ опредѣлять точнѣе такія совпаденія, гдѣ роль рѣшителя судебъ неожиданно принимаетъ на себя тотъ рокъ, для котораго есть столько названій и который, по удивительному и загадочному закону природы, такъ часто въ этихъ случаяхъ играетъ въ руку выше одаренныхъ, болѣе приспособленныхъ личностей. Случай, бессознательный порывъ, рефлексъ, какъ бы ни назвать это,—все равно: свершилось то, что все равно по ходу событій должно было случиться. И только.

Спалъ ли я на самомъ дѣлѣ, или былъ въ томъ среднемъ состояніи, какое лежитъ между сномъ и бодрствованіемъ, навѣрное сказать не могу. Помню, за первымъ облегченіемъ, какое-то саднящее чувство безсмысленнаго рока, помню, затѣмъ, что-то острое, почти ужасъ, при внезапной мысли, что, быть можетъ, ничего не исправлено, а, на оборотъ, испорчено что-то безповоротно и навсегда.. Въ одномъ изъ промежутковъ полусабытья мнѣ пригрезилась жена—въ кругу своихъ, въ Романовкѣ. Она что-то рассказывала, и всѣ смѣялись... надо мной... И что-то безформенное, давящее надвигалось на меня изъ тѣмы полусознанія...

Изъ той же тѣмы выдѣлились вдругъ голоса:

— Возокъ!.. Возокъ здѣсь, сюда!..

Мелькнули фонари, фигуры... Но я полусознательно удержалъ свою дремоту и не подаль голоса. Дверца распахнулась и кто-то громко крикнулъ:

— Онъ здѣсь!.. Вынимайте осторожнѣе. Дастъ Богъ, хоть одинъ живъ... Теплый!..

Еще нѣсколько минутъ, и я сидѣлъ въ широкихъ саяхъ, и меня бережно поддерживали съ обѣихъ сторонъ.

— Бѣдный, какое несчастіе!..

— Какъ мы ему скажемъ, когда онъ очнется? Господи!..

— Но какъ это случилось, почему она вышла изъ возка, если онъ остался?..

— Вѣроятно, заснулъ и не замѣтилъ...

Черезъ часъ я лежалъ въ кровати, вокругъ меня была вся семья, а изъ двухъ дальнихъ комнатъ доносилось мѣрное чтеніе псалтири надъ двумя трупами...

...
Какое-то мягкое, можно бы сказать—уютное впечатлѣніе произвела на меня комната, гдѣ лежала покойная. Много

цвѣтовъ, много свѣту, цвѣты у изголовья на столѣ, вѣнки и гирлянды изъ ели и искусственныхъ бѣлыхъ и голубыхъ цвѣтовъ, большая семья родныхъ и друзей вокругъ,—всѣ тихіе, грустные, благоговѣйно-нѣжно и молча украшающіе усоншую и все вокругъ нея. Та же глубокая скорбь на всѣхъ лицахъ, тихій шепотъ отрывистыхъ указаній, отъ слезъ прерывающійся молодой голосъ кузины, временами замѣнявшій чтеца псалтири... Это была общая и глубоко-нѣжная ласка любящей семьи, единодушное и теплое послѣднее служеніе... Какъ будто сознаніе общей виновности всѣхъ, общая и молчаливая мольба о прощеніи...

Я вглядывался въ лицо умершей. Оно еще не было вполне спокойно. Какая-то напряженность, какъ-бы глубоко запавшая мысль дѣлала его серьезнѣе и суровѣе обычнаго выраженія,—какъ будто старость захотѣла дать намекъ, какую печать положила-бы она на это юное, полудѣтское лицо чрезъ много лѣтъ. Какъ-то странно было сознавать, что предо мною — прошлое, что никогда оно не вернется, никогда не будетъ и тѣхъ сценъ, какія вызвали всю эту драму. И вдругъ я почувствовалъ, что мнѣ больно, что мнѣ глубоко жаль этого прошлаго.

Таковы были впечатлѣнія перваго дня. Я сдѣлалъ усиліе, и мнѣ удалось справиться съ ними. Я легъ спать, какъ мнѣ казалось, значительно успокоенный. Однако ночь принесла съ собою мучительную бессонницу. Обрывки прошлаго, наивныя сцены любви первыхъ мѣсяцевъ брака, эпизоды моей карьеры, нашихъ размолвокъ, постепеннаго отчужденія ея, короткіе моменты, когда казалось, что вновь она живетъ только мною, моей волей, моими желаніями... Въ полудремотѣ вдругъ вставали предъ глазами то сіяющее, ликующее личико невѣсты, то ласковые, безъ словъ говорящіе глаза, то поворотъ шеи, то быстрая и стройная походка... Какое горе была для нея наша первая крупная размолвка... какъ горячо ласкала она меня послѣ этого перваго примиренія, какъ стыдилась этой ссоры.

Но все это прошло, все кончено, и незачѣмъ объ этомъ вспоминать... Она не сумѣла жить и быть счастливой—и умерла. Я долженъ идти своимъ путемъ... Пусть же не тревожатъ меня ненужныя и лишнія воспоминанія...

День похоронъ. Я стою въ большой комнатѣ, наполненной народомъ и наблюдаю всѣхъ этихъ кузинъ и кузинъ кузинъ, которыя постепенно собираются къ похоронамъ, древнихъ старичковъ и старушекъ, прибывшихъ изъ какихъ-то щелей и вспоминающихъ, когда и какъ видѣли они покойную, и

что она тогда говорила, и что дѣлала, и какая была она хорошенькая, наивная, неопытная и милая... И эти разговоры меня раздражаютъ. Очевидно, покойная, по общему мнѣнію, есть нѣчто вродѣ общественнаго достоянія... Она принадлежитъ теперь всѣмъ, каждый говорить о ней почти съ какимъ-то чувствомъ собственности... А она лежитъ спокойная и чистая... Лицо ея какъ будто становится все яснѣе, какъ будто легкая улыбка начинаетъ скользить по ея нѣжному лицу, по полуоткрытымъ губамъ.

И яркимъ, быстрымъ лучемъ вдругъ пронеслась въ памяти далекая, давно минувшая картина... Пять лѣтъ назадъ, въ этой-же комнатѣ... Мы болтали, о чемъ—Богъ-вѣсть, я любовался ея глазами, ея улыбкой, ея волосами, прелестью каждаго движенія, поэзіей каждаго слова юной, чистой любви. Она шутила и смѣялась, и вдругъ, серьезная и робкая, остановилась предо мною.

— Вы... меня очень любите?..

Я сказалъ ей все, что могъ тогда сказать. И она, притихшая, взволнованная, долго и жадно слушала и потомъ подняла на меня свои серьезные глаза:

— Такъ помните-же, что и я васъ люблю... На всю жизнь...

И весь тотъ день она была какая-то сосредоточенная, торжественно-радостная, какъ-бы глубоко удовлетворенная. То было истинное обрученіе наше...

Тоже лицо, тоже глубокое спокойствіе, таже красота счастья...

Совершилось что-то непоправимое, ушло что-то безвозвратно... Я это чувствую съ каждой минутой острѣе...

Начинается послѣднее торжество, гдѣ она еще съ нами, среди людей... Вотъ выдвинулся впередъ священникъ и за нимъ—дьяконъ. Они теперь къ ней ближе всѣхъ, они стали между нею и мною, и всѣми людьми,—тамъ свершается что-то новое, для нея одной нужное, мнѣ чуждое и страшное... Но я не могу быть здѣсь чужимъ. Запахъ кадила наго дыма поражаетъ меня: она мертва, она—вещь; громкій и грустный голосъ священника—послѣдняя связь ея съ міромъ.

Мнѣ дурно. Меня усаживаютъ, приносятъ воды, стараются увести. Но непреклонное совершается своимъ чередомъ, и я не хочу уходить, боюсь пропустить хотя-бы одно слово, одно движеніе изъ всего происходящаго. Все тотъ-же неумолимый голосъ продолжаетъ раздаваться и скоро онъ скажетъ послѣднее свое слово—и все будетъ кончено... И тогда—ее опустятъ въ землю и засыплютъ... Но, Боже мой, неужели я не могу овладѣть собою?

— „Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть, и вижду во

гробѣхъ лежащую, по образу Божію созданную красоту нашу безобразну...

— „Гдѣ доброта тѣлесная, гдѣ юность?.. вся увядоша, вся потребишася... разрушена во гробѣ гноемъ, червми...”

— „Очи заидоша, связаестя нози...”

И вдругъ произошло что-то странное... Священникъ, властный и суровый, на милое, чудное, на живое лицо ея вылилъ масло... И это лицо, въ бумажномъ вѣнцѣ... не двинулось, не измѣнилось... мертвое...

— Анна!..

Я перечиталъ все, что написалъ. Здѣсь нѣтъ ни лицемѣрія, ни рисовки, этихъ подводныхъ скалъ всякихъ автобіографій,—я записалъ то, что случилось, и возстановилъ свои чувства. Случилось, въ сущности, то, что должно было случиться: она заплатила жизнью за попытку разбить наше общее, реальное счастье во имя дѣтскихъ фантазій... Я лично свободенъ и положеніе мое не измѣнилось. Оно могло быть хуже, если бы она привела въ исполненіе свою угрозу. Теперь я—просто любящій супругъ, пораженный горемъ. Это тоже своего рода „положеніе“. Я молодъ и могу устроить себѣ новую семью, устроить ее на этотъ разъ съ большимъ успѣхомъ. Впереди у меня—широкая и расчищенная дорога... И вотъ, вмѣстѣ съ картиной этого обезпеченнаго будущаго, я чувствую, поднимается въ душѣ моей какая-то усталость, отвращеніе къ этому будущему, падаетъ энергія... Зачѣмъ все это, когда... когда что-же?.. Да... что-то ушло... ушла жизнерадостность... Глупая, вздорная женщина, взявшая мою молодость, унесла съ собою и спокойную радость существованія. Мнѣ осталось холодное, сухое довольство удачи, злобное торжество надъ всѣмъ, что ниже меня по уму, по таланту, по успѣху...

Довольно... Загадка, очевидно, останется загадкой... Предо мною—мой старый путь. Къ толпѣ я не спущусь. Безъ увлеченія, безъ юной радости и торжества побѣды я пойду впередъ, пока могу... Потомъ... потомъ?..

М. С—скій.

Счастливые острова.

VIII.

Общій взглядъ на положеніе рабочаго класса въ Н. Зеландіи.—Государственное страхованіе жизни. Пенсіи въ старости.

Рабочій день въ Новой Зеландіи не превышаетъ въ общемъ 8 час. въ день. Заслуга достиженія такого размѣра рабочаго дня въ самой значительной степени должна быть приписана энергичной и настойчивой дѣятельности рабочихъ союзовъ, основною цѣлью которыхъ съ самаго ихъ возникновенія было добиться восьмичасовой рабочей нормы. Впрочемъ, въ виду общепринятаго прекращенія работъ по субботамъ въ 1 часть дня, при 48 час. работы въ недѣлю, на остальные дни приходится нѣсколько болѣе 8 час. и только немногимъ рабочимъ, преимущественно въ большихъ городахъ (Веллингтонъ, Крайстчерчъ) удалось достичь уменьшенія недѣльной продолжительности рабочихъ часовъ до 46 и даже 45.

Относительно размѣра заработной платы мы имѣемъ очень обстоятельныя официальныя данныя въ New Zealand Official Year-book for 1899 г. и нѣсколько болѣе позднія (но болѣе краткія) данныя въ N. Zealand Handbook *), вышедшей только въ апрѣлѣ 1900 г.

Изъ послѣдняго изданія видно, что дневная заработная плата въ разныхъ частяхъ Новой Зеландіи и въ разное время года колеблется въ слѣдующихъ предѣлахъ: кузнецы и столяры зарабатываютъ отъ 3 р. 50 к. до 6 руб. (отъ 7 до 12 шил.), плотники отъ 4 до 5, наборщики отъ 4 до 4¹/₂, чернорабочіе (general labourers) отъ 2 р. 50 до 4 р., каменщики отъ 4 до 6, модистки (milliner) отъ 75 к. до 2 р. 50 к., горнорабочіе и маляры отъ 4 до 5, штукатуры (plasterers) и водопроводчики отъ 4 до 6,

*) Брошюра въ 50 страницъ, выпущенная такъ назыв. Emigrants Informations Office въ Лондонѣ (Официальное учрежденіе, имѣющее задачей періодическій выпускъ брошюръ со всякаго рода надежными свѣдѣніями объ англійскихъ колоніяхъ для руководства эмигрантовъ).

портные отъ $3\frac{1}{2}$ до $4\frac{1}{2}$, портнихи отъ 1 р. 75 к. до 2 р. 50 к. *) и т. д. Сельскій рабочій въ обыкновенное время получаетъ въ недѣлю, на хозяйскихъ харчахъ, отъ $7\frac{1}{2}$ до 10 руб., во время жатвы отъ 10 до 20 руб., пастухи отъ 500 до 750 руб. въ годъ на хозяйскихъ харчахъ; скотники при тѣхъ же условіяхъ,—отъ 520 до 650 руб. Недѣльная плата домашней прислуги (при хозяйскихъ харчахъ) составляетъ: повара и кухарки (cooks) отъ $7\frac{1}{2}$ до $12\frac{1}{2}$ р., служащей одной прислугой (general house servant) отъ 4 до 6 р. 25 коп., прачки отъ 6 до 10, няньки отъ $2\frac{1}{2}$ до 5 и т. д.

Мы полагаемъ, что незначѣмъ удлинять этого списка, чтобы видѣть, что трудъ рабочихъ въ Н. Зеландіи (какъ и въ Австраліи вообще) оплачивается гораздо выше, чѣмъ трудъ рабочихъ всѣхъ странъ континентальной Европы. Даже по сравненію съ англійскими рабочими, положеніе которыхъ, вообще говоря, много лучше положенія ихъ собратьевъ на континентѣ, рабочіе въ Австраліи получаютъ, по расчетамъ компетентныхъ лицъ, вдвое болѣе, при продолжительности работы на 20% меньшей **).

Нужно при этомъ принять еще во вниманіе, что жизнь въ Австраліи дешева, особенно съѣстные припасы. Какъ можно судить по даннымъ о цѣнахъ на главные и второстепенные жизненные продукты, приводимымъ въ официальныхъ изданіяхъ, эти продукты въ Новой Зеландіи вообще немногимъ дороже, чѣмъ въ Россіи. Такъ, мясо въ разныхъ областяхъ Новой Зеландіи продается отъ 10 до 18 коп. фунтъ, баранина отъ 8 до 22 коп., бѣлый хлѣбъ (другого не ѣдятъ въ колоніи) отъ 5 до 7, мука не дороже 5 к. фунтъ, масло отъ 20 до 45 коп., сыръ отъ 10 до 25 к., сахаръ отъ 9 до 12 к., чай отъ 75 к. до 1 рубля, каменный уголь въ большей части колоніи отъ 6 до 16 руб. за тонну, т. е. за 62 пуда, и т. д. Замѣтимъ при этомъ, что это цѣны розничныя, при покупкахъ большими количествами,—что для австралійскаго рабочаго болѣе доступно, чѣмъ для его бѣдныхъ европейскихъ собратьевъ,—цѣны значительно понижаются.

Въ N. Z. Official Year-book за 1898 г. приводятся любопытныя свѣдѣнія о среднемъ размѣрѣ расходовъ каждого жителя разныхъ странъ, извлеченныя изъ извѣстнаго изданія „Mulhall, Dictionary of Statistics“. Согласно этимъ свѣдѣніямъ, англичанинъ тратитъ въ годъ 298 р., французъ 240, нѣмецъ и шведъ 200, испанецъ 156, австріецъ 142, итальянецъ 115, русскій 100 р., американецъ (С. Штаты) 330 р., житель Новой Зеландіи 353 р.

Есть и другія цифры, — гораздо болѣе безспорнаго характера, — которыми еще нагляднѣе опредѣляется относительное

*) Во всѣхъ случаяхъ мы принимаемъ шиллингъ за 50 к. и фунтъ стерл. за 10 р., что близко соответствуетъ дѣйствительности.

**) См. Ch. Dilke. Problems of Greater Britain, vol. II, 289.

благосостояніе разныхъ народовъ: это цифры потребленія главныхъ пищевыхъ продуктовъ. Вотъ какую таблицу мы находимъ въ послѣднемъ изданіи N. Z. Off. Year-book о потребленіи главнаго пищевого продукта—хлѣба: въ Новой Зеландіи въ среднемъ каждый житель потребляетъ 6 бушелей хлѣба (wheat), въ Англіи 5,6; въ Канадѣ 6,6; во Франціи 8; въ Соед. Штатахъ 4,5; въ Италіи 5,4; въ Германіи 3, въ Россіи 2. Эта послѣдняя цифра не должна казаться удивительной, такъ какъ Россія, хотя и служить одной изъ главныхъ странъ вывоза хлѣба, но „по размѣрамъ потребленія занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ въ ряду 12 важнѣйшихъ европейскихъ странъ“ (см. „Вліяніе урожая въ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкот. стор. русск. хозяйства“, 1897, т. I, стр. 70, статья Л. Маресса).

То обстоятельство, что Новая Зеландія (какъ и другія колоніи Австраліи, Канада, С. Амер. Соединенные Штаты) уступаетъ нѣкоторымъ европейскимъ странамъ въ потребленіи хлѣба, объясняется тѣмъ, что въ богатыхъ странахъ хлѣбъ не играетъ такой преобладающей роли въ качествѣ предмета питанія, какъ въ странахъ бѣдныхъ, такъ какъ населеніе богатыхъ странъ потребляетъ много мяса и другихъ болѣе дорогихъ продуктовъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ Новой Зеландіи потребляется въ среднемъ до 260 русскихъ фунтовъ мяса на человѣка, т. е. вдвое болѣе чѣмъ въ Англіи, гдѣ, какъ извѣстно, потребленіе мяса значительнѣе, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ странахъ Европы *). Точно также Новая Зеландія потребляетъ сахару много больше, чѣмъ Европа или Америка—до 100 фунт. въ годъ на человѣка, т. е. въ десять разъ болѣе, чѣмъ въ Россіи. (См. въ цитиров. изданіи „Вліяніе урожая въ и т. д., статью Н. Осипова, стр. 377.)

Мы не будемъ утомлять вниманіе читателя приведеніемъ дальнѣйшихъ свѣдѣній о сравнительномъ потребленіи разныхъ продуктовъ въ Новой Зеландіи и въ другихъ странахъ, такъ какъ и предшествующихъ данныхъ достаточно для вывода, что „австралійцы питаются лучше всѣхъ народовъ“.

Что касается стоимости помѣщеній и квартиръ въ Н. Зеландіи, то мы не находимъ ничего лучшаго, какъ привести слѣдующія относящіяся сюда строки изъ цитированной уже выше брошюры переселенческаго комитета въ Лондонѣ „New Zealand Handbook“, составленной главнымъ образомъ на основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ правительствомъ колоніи. Вотъ что мы читаемъ на стр. 31 этой брошюры:

„Плата за небольшой домъ (cottage) въ двѣ, три комнаты въ

*) См. также нѣкоторые данныя о сравнительномъ потребленіи главныхъ пищевыхъ продуктовъ въ Австраліи и другихъ странахъ въ статьѣ проф. А. О. Фортунатова: „Населеніе и хозяйство Австраліи“ (Русск. Мысль, 1898 г.).

городах колеблется между 2 руб. 50 коп. и 3 руб. въ недѣлю, а дома большихъ размѣровъ, *подходящие для рабочихъ* (suitable for workmen), отдаются отъ 3р. 75 и до 7½ р. (отъ 7½ до 15 шилл.) въ недѣлю. Въ городовъ плата за подобныя помѣщенія колеблется отъ 1½ до 3 руб. въ недѣлю и выше“. Мы увѣрены, что обыкновенный русскій читатель, прочтя эти строки, усомнится, что онъ ихъ прочелъ правильно, перечтетъ вторично, задумается..., но сомнѣваться не перестанетъ, хотя бы его увѣряли, что эти строки взяты изъ официального изданія, вышедшаго въ Англіи, назначеннаго для англичанъ и подлежащаго ничѣмъ не стѣсняемой критикѣ всѣхъ слоевъ англійскаго общества и въ томъ числѣ англійскихъ рабочихъ. Нѣтъ, этихъ рабочихъ должно быть просто вводить въ заблужденіе, хочется думать русскому читателю, привыкшему къ совершенно иной обстановкѣ жизни...

А вотъ что говорить по поводу помѣщеній, въ какихъ живутъ рабочіе въ Австраліи, Чарльзъ Дилкъ, нѣсколько разъ совершавшій путешествія по англійскимъ колоніямъ: „Рабочимъ, жившимъ долгое время въ Австраліи, по большей части удается сберечь достаточно денегъ, чтобы купить себѣ небольшой участокъ земли, за который они обыкновенно платятъ около тысячи рублей. Здѣсь они, при содѣйствіи такъ называемыхъ „строительныхъ обществъ“ (building societies), строятъ себѣ домъ, затрачивая тысячу около трехъ, а лѣтъ черезъ 8—12 становятся уже полными хозяевами недвижимости, цѣнность которой къ этому времени возрастетъ на тысячу или полторы тысячи рублей. Многие рабочіе лѣтъ черезъ десять—двѣнадцать послѣ женитьбы и обзаведенія хозяйствомъ становятся собственниками дома съ садомъ, общою цѣнностью въ пять, семь тысячъ рублей. Въ Мельбурнѣ (Викторія) есть цѣлые подгородные кварталы, гдѣ живутъ рабочіе въ собственныхъ домахъ. Эти дома (cottages) чистенькіе, убраны они внутри съ большимъ вкусомъ, а состояніе сада обнаруживаетъ большія знанія по садоводству. Можно сказать, что половина жителей Мельбурна живетъ въ собственныхъ домахъ и что большая часть рабочихъ этого города имѣютъ свой домъ и землю“ *).

Упоминаемые Дилкомъ „строительныя общества“ организуются для выдачи ссудъ на постройку домовъ, при чемъ строящіе обязуются въ извѣстный срокъ опредѣленными взносами погасить эту ссуду съ процентами. На сколько распространены такого рода операціи въ Новой Зеландіи, видно изъ того, что въ 1897 году такихъ обществъ въ колоніи было 68; получили они въ теченіе

*) Для полной оцѣнки этого факта надо имѣть въ виду, что Мельбурнъ принадлежитъ къ числу городовъ, населеніе которыхъ возросло съ феноменальной быстротой: въ 1841 г. въ немъ не было 5,000 жителей, теперь въ немъ болѣе полумилліона.

года процентовъ и уплатъ въ погашеніе выданныхъ ссудъ болѣе 5¹/₂ милл. руб.

Посмотримъ теперь, какъ обезпеченъ рабочій Новой Зеландіи въ трудныхъ случаяхъ жизни. Мы знаемъ, что о профессиональных интересахъ рабочихъ заботятся ихъ trade-union'ы или профессиональные союзы. Часто эти союзы оказываютъ помощь своимъ членамъ и въ случаяхъ болѣзни, выдаютъ пособия семьямъ умершихъ т. п. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ данныхъ о размѣрахъ такой помощи. Мы упоминали также о существующихъ въ колоніяхъ (какъ и въ самой Англіи) такъ называемыхъ „дружескихъ обществахъ“ (friendly societies), состоящихъ также почти исключительно изъ рабочихъ и имѣющихъ специальной задачей помощь членамъ во время болѣзни, выдачи пенсій въ старости и т. д. Въ Новой Зеландіи въ 1897 г. было почти 33,000 членовъ такихъ обществъ, раздавшихъ въ теченіе года около 760,000 руб. пособій.

Рабочіе Новой Зеландіи, благодаря значительности своихъ заработковъ, оказываются въ состояніи не только поддерживать еженедѣльными и ежемѣсячными взносами вышеуказанныя общества, но въ значительной степени пользуются также и услугами сберегательныхъ кассъ. Въ Новой Зеландіи считается до 420 такихъ кассъ (savings banks), изъ нихъ 412 при почтовыхъ учрежденіяхъ. Въ 1898 г. во всѣхъ кассахъ считалось вкладчиковъ до 200,000, т. е. болѣе четверти всего населенія колоніи, считая женщинъ и дѣтей. Этимъ вкладчикамъ принадлежало въ общемъ до 60 милл. р. Для сравненія можно замѣтить, что въ 1896 г. въ Россіи считалось 4,200 сберегательныхъ кассъ и около 2.160,000 книжекъ, т. е. кассами пользовалось менѣе одной пятидесятой части населенія. Всего въ кассахъ вкладовъ числилось около 391.000,000 руб., т. е. въ 6¹/₂ больше, чѣмъ въ Новой Зеландіи, имѣющей населеніе въ полтораста разъ меньше населенія Россіи *).

Мы не можемъ при этомъ не указать на одно любопытное учрежденіе Новой Зеландіи—государственное страхованіе жизни. Основаніе учрежденія относится къ концу 60-хъ годовъ, когда министерство, вслѣдствіе произошедшаго около этого времени краха нѣсколькихъ обществъ страхованія жизни, рѣшило организовать страховое правительственное учрежденіе, имѣя въ виду, что правительство, занимая деньги подъ меньшій процентъ, чѣмъ частныя лица, и не преслѣдуя цѣлей наживы, можетъ удешевить и упрочить страхованіе жизни, а также сдѣлать его доступнымъ главной массѣ населенія. Дѣйствія новаго учрежденія открылись въ 1870 г.; въ теченіе перваго же года застраховалось 463 лица на сумму въ 2.000,000 руб. Въ теченіе 1898 года застраховалось

*) См. статью проф. В. Г. Яроцкаго въ цитированномъ «Сборникѣ статей по отечествовѣдѣнію», изданномъ въ 1898 г. Александр. Лицейемъ (стр. 221).

3,386 лицъ на сумму 7,135,000 руб. Вообще дѣйствія этого единственнаго въ своемъ родѣ правительственнаго учрежденія все время были очень удачны. Въ настоящее время въ „государственномъ страховомъ департаментѣ“ (N. Z. Government Life Insurance Department) застраховано около 38,000 лицъ на сумму болѣе 93.000,000 руб. Въ теченіе года департаментъ уплатилъ по полисамъ 2.102,000 рублей и отчислилъ въ запасный фондъ 1.364,000; общій размѣръ этого фонда доходитъ почти до 30 милл. рублей.

На капиталы департамента покупаются государственныя процентныя бумаги, бумаги, выпущенныя городскими и другими мѣстными властями, и т. д. Департаментъ можетъ также выдавать ссуды страхователямъ въ извѣстной долѣ внесенныхъ ими платежей. Мы не будемъ перечислять другихъ льготъ, предоставляемыхъ страхователямъ, такъ какъ это отвлекло бы насъ въ сторону. Для многихъ покажется любопытнымъ, что департаментъ выдаетъ премію даже въ случаѣ самоубійства страхователя, если только прошло болѣе 6 мѣсяцевъ послѣ начала страха; если департаментъ убѣдится, что страхователь не имѣлъ въ виду лишить себя жизни во время застрахованія, онъ можетъ выдать премію и при болѣе короткомъ срокѣ застрахованія.

Взявъ въ свои руки страхованіе жизни, правительство Новой Зеландіи, однако, не монополизировало его, и въ Новой Зеландіи свободно оперируютъ главныя страховыя общества Англіи и нѣсколько мѣстныхъ обществъ. Общее число страхующихся въ частныхъ обществахъ равняется числу страхующихся въ департаментѣ государственнаго страхованія; такимъ образомъ, въ Новой Зеландіи число застрахованныхъ жизней доходитъ до 76,000, т. е. около одной десятой населенія, при общей суммѣ страхованія до 200.000,000 руб. Въ Россіи въ 1890 году было застраховано 49,575 жизней *) на сумму около 168.000,000 руб. **).

Какъ ни велики заработки рабочаго въ Новой Зеландіи и Австраліи вообще, какъ ни дешева сравнительно жизнь, какъ ни разнообразны учрежденія, путемъ которыхъ рабочій можетъ обезпечить себѣ старость, однако, болѣе или менѣе значительной части населенія всетаки не удастся достигъ такого обезпеченія частью по собственной винѣ, частью вслѣдствіе особенно неблагоприятно сложившихся обстоятельствъ. Правительство Новой Зе-

*) См. статью проф. М. Д. Дьяконова о «Страхованіи» въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза и Ефрона, полутомъ 54.

**) Въ сущности число застрахованныхъ свою жизнь въ Новой Зеландіи доходитъ до 100,000, такъ какъ «N. Z. Official Year-book» (стр. 298) упоминаетъ еще о двухъ «Industrial Life Insurance Offices», гдѣ застраховано до 21,000 лицъ, на сумму болѣе 5.000,000 руб. Къ сожалѣнію, намъ не удалось выяснитъ, чѣмъ отличается дѣятельность этихъ страховыхъ обществъ (жизни) отъ другихъ.

ландіи,—и въ этомъ отношеніи ушедшее дальше правительствъ всѣхъ другихъ странъ,—не оставило безъ вниманія и такихъ лицъ, издавъ въ 1898 г. законъ о пенсіяхъ для стариковъ, т. е. сдѣлавъ то, о чемъ въ метрополіи уже болѣе десяти лѣтъ говорить и пишутъ...

Этотъ въ высшей степени замѣчательный въ принципиальномъ отношеніи законъ начинается такими словами: „Такъ какъ справедливость требуетъ, чтобы добропорядочные люди (*deserving persons*), выносившіе въ цвѣтъ своихъ силъ бремя государственныхъ расходовъ уплатой податей и содѣйствовавшіе своимъ трудомъ и искусствомъ развитію производительныхъ силъ колоніи, получали въ своей старости пенсію отъ правительства, то симъ повелѣвается“ и т. д.

Сущность закона заключается въ томъ, что всѣ лица 65 лѣтъ и старше, живущія въ колоніи не менѣе 25 лѣтъ и въ теченіе 12 лѣтъ не подвергавшіяся тюремному заключенію срокомъ на 4 мѣсяца или болѣе, получаютъ право на пенсію отъ государства въ размѣрѣ 180 руб. въ годъ, если ихъ доходъ изъ другихъ источниковъ не превышаетъ 520 руб. въ годъ, и если ихъ собственность не превышаетъ 2,700 руб. Право на пенсію предоставлено и женщинамъ, и туземцамъ (маори).

Законъ вошелъ въ силу 1 ноября 1898 г., къ 31 марту 1899 г. пенсію получали уже около 7,500 лицъ, что составляетъ 1% населенія колоніи.

Предлагая парламенту этотъ законъ, первый министръ указывалъ, что затраты изъ государственнаго казначейства на пенсіи послужатъ къ сокращенію расходовъ на содержаніе богадѣленъ и домовъ призрѣнія, что уже и подтверждается на дѣлѣ. Сказать кстати, Новая Зеландія тратитъ на содержаніе госпиталей, домовъ для умалишенныхъ, богадѣленъ и домовъ призрѣнія для престарѣлыхъ, хронически больныхъ и т. д. до 1½ мил. руб.

Мы видимъ изъ приведенныхъ данныхъ, сколь велики и многообразны заботы государства въ Новой Зеландіи о главной массѣ населенія колоніи во всѣ періоды жизни этого населенія. Государственныя заботы о подроставшемъ поколѣніи рабочихъ выражаются въ организаціи обязательной и даровой школы, гдѣ есть возможность учиться въ теченіе 8—9 лѣтъ, и въ учрежденіи стипендій для продолженія образованія въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ — стипендій, получаемыхъ по экзамену и, слѣдовательно, доступныхъ наиболѣе даровитымъ юношамъ всѣхъ классовъ. Правительство Новой Зеландіи окружаетъ своими заботами и взрослого рабочаго, охраняя его трудъ столь подробнымъ и строгимъ „фабричнымъ“ законодательствомъ, какимъ не обладаетъ ни одно государство Европы или Америки. Понимая, однако, что одной законодательной охраны интересовъ рабочаго не достаточно, такъ какъ законъ не можетъ предугады-

вать всѣхъ сложныхъ запросовъ жизни, правительство Новой Зеландіи не только не стѣсняетъ развитія рабочихъ союзовъ, но даже всячески имъ содѣйствуетъ, уступая безвозмездно землю подъ постройки мѣстъ собранія рабочихъ организацій (что дѣлаютъ и другія колоніи Австраліи) и оказывая денежную субсидію ежегодному съѣзду рабочихъ союзовъ колоніи. Какъ говоритъ американецъ Олдричъ, „такой свой образъ дѣйствій правительство Новой Зеландіи объясняетъ тѣмъ, что рабочіе союзы помогаютъ своимъ членамъ въ нуждѣ, содѣйствуютъ пріисканію ими заработка, что облегчаетъ для самого правительства борьбу съ безработицей“ *). Хотя благодаря своему образованію, средствамъ и полной свободѣ ассоціацій, рабочіе Новой Зеландіи въ большей мѣрѣ, чѣмъ рабочіе другихъ странъ, способны защищать свои профессиональные интересы при столкновеніи ихъ съ интересами хозяевъ и хотя, благодаря тому же обстоятельству, сами хозяева болѣе готовы идти на компромиссъ,—тѣмъ не менѣе описаннымъ выше закономъ 1895 г. правительство предоставило обѣимъ сторонамъ въ формѣ примирительныхъ камеръ и третейскаго суда готовый институтъ, съ полной гарантіей безпристрастія, для рѣшенія всякаго рода недоразумѣній и споровъ, возникающихъ между рабочими и предпринимателями.

Мы, наконецъ, только что видѣли, что и при наступленіи старости и потери способности къ труду государство не оставляетъ рабочаго, устраивая для него всякаго рода дома призрѣнія а съ недавняго времени выдавая ему даже пенсію.

„Ранѣе послѣдняго экономическаго кризиса—говоритъ П. Леруа Боле — Австралазію прозвали „раемъ для рабочихъ“. Если подъ этимъ выраженіемъ подразумѣвать то, что нигдѣ масса народонаселенія не пользуется большимъ благосостояніемъ, то оно почти оправдывается,—и не только по отношенію къ одному рабочему классу. Конечно, нѣтъ другой страны на свѣтѣ, гдѣ бы жизнь была такъ легка, какъ въ Австраліи, гдѣ цѣны на все необходимое для человѣка, особенно на жизненные припасы, были бы такъ низки и заработная плата такъ высока“ (цит. сочин., 139).

IX.

Современное экономическое положеніе Н. Зеландіи (земледѣліе, промышленность, торговля, государственной бюджетъ и государственный кредитъ) въ связи съ характеристикой производительности народнаго труда.

Въ предшествующихъ главахъ мы ознакомились съ земельнымъ законодательствомъ Новой Зеландіи, съ законодательствомъ объ охранѣ труда, а также и съ нѣкоторыми основными данными, характеризующими положеніе рабочаго класса въ колоніи: про-

*) См. цитир. сочин., 190.

должительностью рабочего дня, размахом заработной платы и т. д.

Теперь мы посмотримъ, какъ все это отражается на производительности народнаго труда, на состояніи земледѣлія, промышленности, торговли, на государственномъ кредитѣ. Занимаетъ ли Новая Зеландія во всѣхъ этихъ отношеніяхъ столь же выдающееся мѣсто, какое она занимаетъ по смѣлости и рѣшительности своего соціального законодательства? Не имѣя возможности останавливаться на всѣхъ перечисленныхъ вопросахъ съ такой обстоятельностью, какой они заслуживали бы по своей важности, мы ограничимся лишь самымъ суммарнымъ изложеніемъ; при этомъ въ своихъ параллеляхъ мы будемъ имѣть въ виду преимущественно Россію. Къ этому насъ побуждаетъ и то соображеніе, что какъ въ Россіи, такъ и въ Новой Зеландіи преобладающую роль въ народномъ хозяйствѣ играетъ хозяйство сельское и тѣсно связанное съ нимъ промыслы и занятія. Мы просили бы также читателей при оцѣнкѣ послѣдующихъ данныхъ не забывать, что, когда 60 лѣтъ тому назадъ началась систематическая колонизація Новой Зеландіи, колонистамъ приходилось, что называется, начинать все *ab ovo*: расчищать дѣвственный лѣсъ, проводить дороги, разводить привезенныхъ съ собой всякаго рода домашнихъ животныхъ: лошадей, коровъ, овецъ, свиней и т. д. Что же успѣли сдѣлать колонисты за полвѣка на этихъ островахъ, представившихъ въ большей своей части дику и мѣстами безлюдную пустыню?

Въ настоящемъ обзорѣ мы будемъ брать за исходный пунктъ 1870 годъ *), такъ какъ съ этого времени начинается систематическое развитіе производительныхъ силъ колоніи путемъ проведенія желѣзныхъ дорогъ и устройства другихъ общественныхъ сооружений, систематическая помощь иммиграціи и т. д., и такъ какъ—самое главное—съ этихъ же поръ начинается и серія полныхъ и точныхъ данныхъ обо всѣхъ сторонахъ жизни колонистовъ.

Въ 1870 г. въ Новой Зеландіи насчитывалось круглымъ числомъ 10,000 сельско-хозяйственныхъ фермъ (holdings) или хозяйствъ величиной въ одинъ акръ и болѣе, при общемъ количествѣ земли, находящейся подъ культурой (считая и земли засѣянные травой) въ 1.141,000 акровъ (около 400,000 десят.). Въ 1898 г. фермъ указаннаго размѣра было уже до 63,000, съ общимъ количествомъ находящейся подъ сельско-хозяйственной культурой земли въ 12.000,000 акровъ (около 4,5 мил. десят.), изъ которыхъ около 1.700,000 акровъ, т. е. нѣсколько менѣе

*) Для полной оцѣнки послѣдующихъ фактовъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ годъ присоединенія Н. Зеландіи къ владѣніямъ Англіи (1840 г.) тамъ жили всего двѣ тысячи европейцевъ.

седьмой части, было подь разнаго рода хлѣбами и корнеплодами. Изъ хлѣбныхъ растеній засѣвается здѣсь главнымъ образомъ овесъ и пшеница (въ 1898 г. круглымъ числомъ 400,000 акровъ находилось подь посѣвомъ каждаго изъ этихъ растеній). Остальная площадь культурной земли, болѣе 10 мил. акровъ, засѣяна травами.

Итакъ, уже въ настоящее время около одной пятой всей площади Новой Зеландіи, — по поверхности превышающей, какъ мы знаемъ, Англію съ Шотландіей вмѣстѣ, — находится подь культурой и систематически эксплуатируется, правда, пока преимущественно для скотоводства, что объясняется рѣдкостью населенія. Мы увидимъ ниже, каковы результаты скотоводства въ Новой Зеландіи, теперь же, для характеристики состоянія земледѣлія, укажемъ, что урожаи пшеницы въ Новой Зеландіи превышаютъ въ три раза урожаи пшеницы въ Россіи и приближаются къ урожаямъ въ метрополіи, какъ извѣстно, самымъ высшимъ въ Европѣ *).

Это, впрочемъ, и неудивительно. Въ то время, какъ у насъ, напр., „желѣзные плуги входятъ въ обиходъ очень медленно, такъ какъ этому мѣшаетъ дороговизна желѣза“ **), въ Новой Зеландіи „ординарные плуги (single-furrow ploughs) составляютъ рѣдкость и въ общее употребленіе вошли уже т. наз. двухкорпусные и трехкорпусные плуги“, равно какъ и всѣ вообще новѣйшія сельско-хозяйственныя машины“ ***).

Едва ли нужно доказывать читателю, какое огромное значеніе для поднятія производительности труда сельскихъ хозяевъ въ Новой Зеландіи имѣетъ широкое распространеніе образованія и вообще высокое культурное состояніе народа, позволяющее ему быстро оцѣнивать и умѣло примѣнять всякія открытія и улучшенія въ сельскомъ хозяйствѣ. Въ Новой Зеландіи существуетъ болѣе десятка сельско-хозяйственныхъ журналовъ и цѣлый рядъ сельско-хозяйственныхъ обществъ. Народная школа Новой Зеландіи даетъ много элементарныхъ свѣдѣній по физико-химическимъ и естественнымъ наукамъ, изученіе которыхъ въ старшихъ классахъ школы можетъ быть по желанію мѣстныхъ властей (т. е. въ сущности выбирающаго ихъ населенія) дополнено систематическимъ курсомъ сельско-хозяйственныхъ знаній. Вслѣдствіе такого широкаго распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній, предпринятія въ недавнее время правительствомъ Новой Зеландіи мѣры къ улучшенію нѣкоторыхъ отраслей сель-

*) См. сравнительныя данныя объ урожаяхъ пшеницы въ Россіи, Англіи, Новой Зеландіи и въ другихъ колоніяхъ Австраліи — въ цитированной статьѣ проф. А. Ѳ. Фортунатова «Населеніе и хозяйство Австраліи».

**) См. статью Н. А. Крюкова «Россія въ сельско-хозяйственномъ отношеніи» въ 54 полутомѣ энциклопедіи Брокгауза и Ефрона (стр. 235).

***) См. статью о земледѣліи въ Н. Зеландіи въ New Zealand Official Year-book. 1899, 454.

скаго хозяйства, какъ, напр., маслoбойнаго дѣла и сыроваренія, увѣнчались, какъ увидимъ ниже, полнымъ успѣхомъ.

Особенно поразительны успѣхи скотоводства въ Новой Зеландіи. Въ 1858 г. въ колоніи было около 15,000 лошадей, въ 1870 г. около 80,000, а въ 1898 около 260,000, т. е. около 35 лошадей на 100 жителей (въ Европ. Россіи 23 лошади *). Въ 1870 г. рогатаго скота въ колоніи было 437,000 (въ 1859—137,000), въ настоящее время (1898) 1,203,000, т. е. около 180 головъ на 100 жителей (въ Россіи 31 на 100); овецъ въ 1858 г. было въ колоніи 1½ мил., въ 1870 г. около 9 мил., въ 1898 около 20 мил., т. е. около 2,700 на 100 жителей (въ Россіи 53 овцы на 100 жит.). Такимъ относительнымъ богатствомъ овецъ не можетъ похвалиться ни одна страна въ мірѣ **); абсолютное число овецъ въ Н. Зеландіи вдвое превосходитъ численность ихъ на необъятномъ сравнительно пространствѣ Европейской Россіи.

Богатство колоніи овцами позволило ей занять одно изъ первыхъ мѣстъ среди всѣхъ странъ міра по количеству вывозимой шерсти и мяса, т. е. значительно удешевить для сотенъ тысячъ бѣдныхъ людей наиболѣе теплую одежду и наиболѣе питательную пищу. Въ 1870 г. Новая Зеландія вывозила 37,000,000 англ. фунтовъ шерсти, на сумму 17,000,000 рубл., въ 1898 г. она вывезла уже почти 150,000,000 фунт., на сумму почти въ 47,000,000, рубл. Россія же на глазахъ живущаго поколѣнія ***)) изъ страны вывоза шерсти обратилась въ страну ввоза (вывезено въ 1898 г. почти 900,000 пуд., ввезено болѣе милліона пудовъ шерсти, т. е. ввозъ превысилъ вывозъ болѣе чѣмъ на 100,000 пуд.).

Еще болѣе поразительны успѣхи въ организаціи сбыта изъ Новой Зеландіи въ Европу замороженнаго мяса, на особыхъ приспособленныхъ для этого пароходахъ, при чемъ появленіе и развитіе этого рода экспорта есть, можно сказать, дѣло нашихъ дней; самая возможность его (перевозъ свѣжаго мяса, частью черезъ тропики, въ теченіе 40 дней) обусловлена необыкновеннымъ прогрессомъ техники и умѣніемъ пользоваться ею для нуждъ человѣка. Перевозка замороженнаго мяса началась съ 80-тыхъ годовъ; въ 1882 г. было его вывезено 14,244 центнера (по сто фунтовъ), на сумму 193,000 р. Въ настоящее время (1898) вывозится 1½ мил. центнеровъ, на сумму почти въ 17 мил. рублей. За годъ вывезено было около 1⅓ мил. бараньихъ и милліонъ ягнячьихъ

*) Данные, относящіеся къ состоянію скотоводства и сельскаго хозяйства въ Россіи, взяты изъ цитированной статьи Н. А. Крюкова. При всѣхъ проводимыхъ сопоставленіяхъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что въ Н. Зеландіи до колонизаціи ея европейцами *вовсе не было* лошадей, свиней, овецъ и рогатаго скота.

**) Кромѣ, впрочемъ, колоніи «Новый Южный Валлсъ».

***)) См. статью В. И. К. «Промышленность и торговля Россіи» въ 54 полутомѣ Брокгаузъ и Ефрона (стр. 287).

тушь, и, не смотря на это, число овецъ въ Новой Зеландіи продолжаетъ увеличиваться изъ года въ годъ. Новозеландская баранина идетъ исключительно на лондонскій рынокъ, гдѣ продается почти вдвое дешевле англійской или шотландской.

Огромные успѣхи сдѣлало въ Нов. Зеландіи и молочное хозяйство: въ 1888 г. изъ Новой Зеландіи было вывезено масла и сыра на 2 мил. рубл., въ 1897 почти на 5¹/₂ мил., чему много содѣйствовали разныя мѣры правительства, рассылавшаго повсюду лекторовъ и экспертовъ для распространенія въ колоніи лучшихъ способовъ производства этихъ продуктовъ.

Можетъ быть, самымъ поразительнымъ фактомъ для русскаго читателя будетъ сообщеніе проф. Фортунатова о томъ, что „не такъ давно московская (мыловаренная) фирма Крестовникова нашла выгоднымъ приобрѣсти себѣ партію сала въ Австраліи“ *) (г. Фортунатовъ не указываетъ въ какой колоніи). Такъ, благодаря дешевизнѣ транспорта, утрачивается, повидимому, свое значеніе извѣстная пословица: „за моремъ телушка—полушка, да рубль перевозъ“.

Хорошій климатъ и рациональный уходъ за скотомъ въ Н. Зеландіи дѣлаетъ эту колонію благословенной страной и для домашняго скота. Какъ сообщаетъ намъ М. Морфи, предсѣдатель одного изъ селско-хозяйственныхъ обществъ колоніи, „въ Новой Зеландіи нѣтъ вовсе эпизоотій, представляющихъ такой бичъ для рогатаго скота въ многихъ другихъ странахъ“ **). Желая достигнуть полнаго оздоровленія домашняго скота, правительство держитъ агентовъ для осмотра животныхъ съ цѣлью открытія между ними пораженныхъ туберкулезомъ; такихъ животныхъ убиваютъ и тѣмъ предупреждаютъ и передачу заразы людямъ (черезъ молоко).

Новозеландскій скотъ отличается и своей удойностью: здѣсь корова даетъ до 180 ведеръ молока въ годъ ***), тогда какъ даже лучшія изъ великорусскихъ коровъ—монастырскія—даютъ только до 150 ведеръ молока.

Переходимъ къ промышленности обрабатывающей.

По послѣднимъ имѣющимся свѣдѣніямъ, относящимся къ 1896 г., въ Новой Зеландіи считалось до 2,500 промышленныхъ заведеній (исключая такія, гдѣ не употребляются паровые или водяные двигатели, и самыя мелкія мастерскія), съ 27,400 рабочими. Общая цѣнность изготовленныхъ ими продуктовъ опредѣляется въ 90.000,000 р. или около 3,300 р. на рабочаго, т. е., по крайней мѣрѣ, вдвое болѣе, чѣмъ приходится изготовленныхъ продуктовъ на одного русскаго фабричнаго рабочаго (на 1.742,000

*) Цитир. статья въ Русской Мысли (1898).

**) New Zealand Official Year-book. 1899. стр. 461 (Статья *Agriculture in N. Zealand*)

***) См. только что цитир. статью, гдѣ можно найти данныя и о другихъ отрасляхъ сельскаго хозяйства.

рабочихъ 2.745.000,000 р. въ 1896 г.) *). Разница въ производительности труда русскаго и новозеландскаго рабочаго будетъ еще поразительнѣе, если принять во вниманіе, что рабочіе въ Новой Зеландіи работаютъ всего восемь часовъ въ день.

Не менѣе значительна и разница въ уровнѣ заработной платы. Въ 1896 г. 27,400 фабричныхъ рабочихъ Новой Зеландіи (изъ нихъ 4,400 женщ.) получили около 19 мил. рублей заработной платы, при чемъ, какъ сообщается въ N. Z. Official Year-book, средняя заработная плата мужчины составляла около 770 р., а женщины 300 р.; въ Россіи, по свѣдѣніямъ авторитетнаго составителя статьи въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза-Ефрона о промышленности въ Россіи, „средній годовой заработокъ фабричнаго рабочаго опредѣляется въ 187 р. 60 к., при колебаніяхъ отъ 88 р. 54 коп. до 606 руб.“ („относительно приведенной наименьшей платы“, прибавляетъ авторъ статьи, „слѣдуетъ замѣтить, что она чаще выпадаетъ на долю женщинъ и подростковъ“).

Впрочемъ, производительность труда австралійскаго рабочаго превосходитъ не только производительность нашихъ рабочихъ, но и оставляетъ далеко за собою производительность рабочихъ метрополіи, хотя контрастъ въ этомъ случаѣ, конечно, не такъ великъ (см. Ch. Dilke, цит. сочин., vol. II, 289).

Въ приведенные выше итоги промышленныхъ заведеній въ Новой Зеландіи не вошли данныя, относящіяся къ добыванію драгоцѣнныхъ металловъ, особаго рода ископаемой смолы (kauri gum) и каменнаго угля. Цѣнность этого рода продуктовъ Новой Зеландіи превышаетъ въ послѣднее время 21.000,000 руб., при чемъ главную роль по цѣнности имѣетъ добыча золота (10 мил. р.), затѣмъ ископаемой смолы (6 мил.) и каменнаго угля (5 мил.). Количество добываемаго въ колоніи золота, съ истощеніемъ золотоносныхъ россыпей и рудъ, въ настоящее время ниже, чѣмъ въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ, но за то цѣнность ископаемой новозеландской смолы стала вчетверо больше. Нарожденіе каменноугольной промышленности есть дѣло 80-хъ и въ особенности 90-хъ годовъ. Какъ бы то ни было, но уже и теперь житель Новой Зеландіи потребляетъ въ годъ среднимъ числомъ 80 пудовъ каменнаго угля, добываемаго почти исключительно въ колоніи; русскій человѣкъ въ среднемъ потребляетъ въ годъ 7 пудовъ каменнаго угля, изъ которыхъ не менѣе пуда получено изъ-за границы (см. цит. статью В. И. К.).

Торговля Новой Зеландіи достигла также сравнительно высо-

*) См. цитир. статьи В. И. К. По расчетамъ проф. А. Фортунатова, годовая производительность австралійскаго рабочаго (3.145 р.) болѣе чѣмъ вдвое превышаетъ производительность рабочаго русскаго (1,250 р.). См. цитир. статью въ «Рус. Мысли» (1898).

каго развитія. Въ 1870 г. изъ колоніи было вывезено всего на 45 мил. рублей товаровъ разнаго рода и почти на столько же (47 мил.) привезено; въ 1898 г. вывезено ужъ на 103 мил. руб. и ввезено на 82 мил. руб., иными словами, внѣшняя торговля этой маленькой колоніи съ $\frac{3}{4}$ мил. жителей только въ $7\frac{1}{2}$ раза меньше внѣшней торговли Россіи *). На каждого жителя Новой Зеландіи вывезено товаровъ почти на 140 рублей и ввезено на 110 руб., на каждого жителя Россіи въ 1898 г. ввезено товаровъ менѣе, чѣмъ на 6 руб. и ввезено безъ малаго на 5 руб.

Главные предметы вывоза изъ Новой Зеландіи: шерсть (около 47 мил. р.), мороженая баранина (на 17 мил. р.), золото (на 10 мил.), лѣсные товары (на 8 мил.), ископаемая смола („кауги гум“) на 6 мил. р. Въ Новую Зеландію ввозятся преимущественно разные фабрикаты: продукты хлопчато-бумажной, суконной, желѣзодѣлательной, рельсопрокатной, стеклянной и другихъ отраслей промышленности; впрочемъ, въ колонію ввезено также болѣе, чѣмъ на четыре милліона рублей сахару и почти на 2 мил. руб. чаю. Какъ и можно было ожидать, почти три четверти оборотовъ внѣшней торговли колоніи приходится на торговые сношенія съ метрополіей,—въ чемъ и заключается, по мнѣнію многихъ, главная и даже почти единственная выгода, извлекаемая метрополіей изъ связи съ колоніей. Впрочемъ, нѣкоторые готовы отрицать существованіе и такой выгоды, такъ какъ торговые отношенія метрополіи и самоуправляющихся колоній Англіи не поддерживаются никакими дифференціальными или льготными тарифами, и таможенная политика колоній находится всецѣло въ ихъ рукахъ, какъ и всѣ прочія отрасли общественнаго хозяйства.

Въ теченіе 1898 года правительствомъ Новой Зеландіи истрачено по обыкновенному бюджету около 49.000,000 р. и нѣсколько болѣе 15.000,000 по чрезвычайному бюджету,—итого, слѣдовательно, около 64.000,000 руб.

Расходы по обыкновенному бюджету составились изъ слѣдующихъ главныхъ статей: проценты и погашеніе государственнаго долга около 18 мил., эксплуатація желѣзныхъ дорогъ (принадлежащихъ въ Новой Зеландіи исключительно правительству) около 10 мил., народное образованіе около 5 мил. **), почта и телеграфъ около

*) По даннымъ В. И. К. въ 1898 г. въ Россію ввезено товаровъ на 618 м. р. и вывезено на 734.000,000 руб.

**) Эта сумма почти цѣликомъ идетъ на нужды начальнаго образованія. Къ сожалѣнію, мы не могли выяснить себѣ финансовую организацію средняго и высшаго образованія въ колоніи. Мы имѣемъ, однако, основаніе думать, что въ Новой Зеландіи среднія и высшія учебныя заведенія содержатся (кромѣ сбора за ученіе) на доходы съ имѣній и капиталовъ, переданныхъ имъ правительствами бывшихъ провинціальныхъ управленій и въ слѣдствіи общими колониальными правительствами или пожертвованными частными лицами.

4 мил., полиція и судъ около $2\frac{1}{2}$ мил. (полиція 1.153,000 руб., содержаніе тюремъ и арестныхъ домовъ 300,000 р.), госпитали и больницы $1\frac{1}{2}$ мил. и около 1 мил. военные расходы (содержаніе и пополненіе складовъ военныхъ припасовъ, возмѣщеніе расходовъ по призыву волонтеровъ, содержаніе инструкторовъ и т. п.), по каждой изъ остальныхъ статей расходы не достигаютъ милліона рублей. Въ вышеприведенномъ обзорѣ бросается въ глаза, что народное образованіе занимаетъ первое мѣсто среди обычныхъ статей бюджета, послѣ платежей по займамъ и расходамъ по эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, а расходы на военное дѣло стоятъ на послѣднемъ мѣстѣ среди болѣе или менѣе значительныхъ статей расхода,—что представляетъ полный контрастъ относительному положенію этихъ статей въ бюджетахъ государствъ Европы.

Чрезвычайный бюджетъ, достигающій 15 мил. руб., составилъ изъ такихъ статей: приобрѣтеніе земли отъ частныхъ лицъ для перепродажи мелкими участками 5 мил., постройка новыхъ линій желѣзныхъ дорогъ 4 мил., проведеніе шоссеиныхъ дорогъ 4 миліона., постройка общественныхъ зданій 1 мил., долгосрочныя ссуды мѣстнымъ управленіямъ 1 мил.

Какъ обыкновенный, такъ и одна треть чрезвычайнаго бюджета были покрыты обыкновенными доходами, для покрытія остальныхъ 10 мил. чрезвычайнаго бюджета правительство прибѣгло къ займу, не желая возлагать на одно поколѣніе бремя расходовъ, которые по своему характеру должны приносить выгоды странѣ въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ.

Обыкновенные доходы колоніи состояли изъ слѣдующихъ статей: таможенные сборы дали около 20 мил. руб., эксплуатация желѣзныхъ дорогъ 15 мил. (т. е. на 5 мил. выше расхода), гербовый сборъ (stamps) около 8 мил. *), доходъ отъ аренды и продажи государственныхъ земель ихъ 3 мил., поземельный налогъ 3 мил., подоходный налогъ 1.155,000 р. Мы не находимъ возможнымъ приводить остальныхъ, болѣе мелкихъ статей дохода.

Мы уже говорили выше объ основаніяхъ и задачахъ поземельнаго налога въ Новой Зеландіи. Собственники участковъ, цѣнность которыхъ (безъ возведенныхъ на нихъ построекъ и другихъ „улучшеній“, сдѣланныхъ собственникомъ) не превышаетъ 5 тыс. руб., вовсе не платятъ поземельнаго сбора; собственники владѣній цѣнностью не свыше 15 тысячъ рублей платятъ въ казну одинъ пенсъ съ каждаго фунта стерлинговъ стоимости земли, т. е. $4\frac{1}{2}$ коп. съ 10 руб.; такіе собственники, од-

*) Сюда входитъ, какъ видно изъ нѣкоторыхъ расчетовъ, которые мы находимъ въ N. Z. Official Year-book, и доходъ отъ налога на наследство. Къ сожалѣнію, въ названномъ изданіи мы не находимъ подробныхъ данныхъ о податной системѣ колоніи.

нако, ничего не платятъ съ первыхъ 5 тысячъ цѣны ихъ имѣнія. Лица съ собственностью, превышающей 25,000 руб., уплачиваютъ сполна весь сборъ безъ всякихъ вычетовъ. Собственники имѣній цѣнностью въ 50,000 р. и выше, кромѣ указанного налога, платятъ еще добавочный налогъ, прогрессивно увеличивающійся и достигающій 1 пенса съ ф. с. при цѣнности имѣнія въ 500,000 руб. и 2 пенсовъ при цѣнности въ 2 мил. руб. и выше. Такимъ образомъ, мелкіе поземельные собственники не платятъ вовсе поземельнаго сбора, средніе платятъ одинъ или два пенса на фунтъ стерлинговъ стоимости имѣнія ($\frac{1}{240}$ или $\frac{1}{120}$) и крупныя три пенса ($\frac{1}{80}$). Прогрессивный налогъ увеличивается на 20%, если собственникъ живетъ внѣ колоніи. Маори платятъ основной налогъ въ половинномъ размѣрѣ и вовсе не платятъ прогрессивнаго.

Число поземельныхъ собственниковъ въ Новой Зеландіи превышаетъ 90,000; лицъ, вносящихъ поземельный налогъ, считается около 13,000. Въ теченіе 1898 г. этотъ налогъ далъ, какъ мы упоминали, около 3 мил. руб., изъ которыхъ 830,000 руб. приходится на налогъ прогрессивный.

Подходному налогу подлежатъ въ Новой Зеландіи всякаго рода доходы, за единственнымъ исключеніемъ доходовъ съ поземельной собственности. Доходы менѣе 3 тыс. руб. (300 фунт. стерл.) освобождаются отъ налога; съ доходовъ, не превышающихъ 10,000 руб., взимается 6 пенсовъ съ фунта стерл. или 25 коп. съ 10 руб., т. е. одна сороковая дохода; при этомъ скидываются первыя три тысячи дохода. Лица, доходъ которыхъ превышаетъ 10,000 руб., платятъ со всей суммы, за вычетомъ первыхъ трехъ тысячъ, одинъ шиллингъ съ фунта стер., или 50 коп. съ 10 руб. дохода, т. е. $\frac{1}{20}$ дохода. Какъ мы уже упоминали, подходный налогъ далъ въ 1898 году 1.155,000 руб., при чемъ за послѣдніе два года поступленіе по этой статьѣ увеличилось на 105,000 руб.

Такимъ образомъ, и въ области государственнаго хозяйства въ тѣсномъ смыслѣ слова Новая Зеландія дѣлаетъ крайне любопытныя и смѣлыя опыты привлеченія къ несенію податнаго бремени тѣхъ преимущественно классовъ, которые наиболѣе способны удѣлять на это болѣе или менѣе значительныя доли своихъ достатковъ, не рискуя своей хозяйственной самостоятельностью.

Какъ мы видѣли, въ государственномъ бюджетѣ Новой Зеландіи видное мѣсто занимаетъ уплата процентовъ и погашенія по займамъ ихъ. Государственный долгъ колоніи достигаетъ очень большой относительно цифры 470,000,000 руб., при чемъ главная масса займовъ (около 400,000,000) была заключена послѣ 1870 г., т. е. съ того самаго времени, когда, какъ мы упоминали, началось систематическое развитіе производительныхъ силъ страны. Почти всѣ деньги, добытыя займами, получили производительное употребленіе: около 120 милл. пошло на постройку желѣзныхъ

дорогъ, около 44—на проведеніе другихъ путей сообщенія, устройство мостовъ и т. п., около 37 милл. израсходовано на постройку школъ и другихъ общественныхъ зданій, около 20 милл. на покупку земли у маори (а въ послѣднее время и у частныхъ лицъ), почти столько же на систематическую помощь иммиграціи (теперь, съ болѣе полнымъ заселеніемъ колоніи, такая помощь иммиграціи прекратилась), 6 милл. израсходовано на устройство телеграфныхъ сообщеній, 5 милл. на маяки и пристани и т. д.

Получая производительное употребленіе, всѣ эти займы не понижали, а увеличивали богатство колоніи, и кредитъ колоніи непрерывно улучшался: въ то время, какъ въ теченіе первыхъ 10—15 лѣтъ разсматриваемаго періода колонія могла занимать только при условіи уплаты 4%, впослѣдствіи она заклучала займы уже по 3½%, а на послѣдніе 60 милл. колоніей были выпущены 3% бумаги. Иными словами, кредитъ этой незначительной колоніи, на каждого жителя которой приходится слишкомъ 600 руб. государственнаго долга (на каждого жителя Англіи приходится 160 р. и на каждого жителя Россіи 50 руб. государственнаго долга)*), стоитъ выше, чѣмъ кредитъ многихъ государствъ Европы и Америки. Даже склонному находить все дурнымъ въ колоніяхъ. Австраліи, французскому публицисту Полю Леруа Боле приходится констатировать, что „займы колоній не были сдѣланы подобно нашимъ (французскимъ) для того, чтобы исправить бѣдствія, причиненныя войной, или чтобы заняться бесплоднымъ вооруженіемъ“ (цит. сочин., 168). При томъ же, какъ говоритъ проф. Фортунатовъ, „отмѣчая крупный размѣръ долга (Австраліи), не надо забывать, что Австралія, по всей вѣроятности, имѣетъ наибольшій размѣръ богатства на жителя, и чистое имущество (т. е. за вычетомъ долговъ), приходящееся на жителя, тоже выше, чѣмъ гдѣ бы то ни было“.

Какъ видно изъ свѣдѣній, которыя мы находимъ въ N. Z. Official Year-book, болѣе одной четвертой части всѣхъ взрослыхъ, умирающихъ въ колоніи, оставляютъ имущество, подлежащее при переходѣ другимъ лицамъ уплатѣ пошлины; между тѣмъ отъ такихъ пошлинъ освобождены имущества, переходящія отъ умершаго мужа къ женѣ или наоборотъ, а равно и имущества цѣнностью менѣе тысячи рублей. Въ 1896 г. умерло въ колоніи 4,148 взрослыхъ, пошлина получена съ 609 наслѣдствъ (15%); съ каждымъ годомъ процентное отношеніе второго числа къ первому увеличивается**); въ 1898 г. при 4,696 смертныхъ случаяхъ наслѣдственная пошлина уплачена уже въ 1,287 случаяхъ (27½%).

Мы не думаемъ, чтобы какая бы то ни была страна въ мірѣ

*) См. статью проф. А. Свищевского «Финансовое хозяйство Россіи» въ 54 полутомѣ энциклопедіи Брокгауза и Ефрона, стр. 209.

**) Какъ видно изъ данныхъ N. Z. Official Year-book.

могла похвалиться такимъ распространеніемъ достатка среди всей массы взрослого населенія.

Въ N. Z. Official Year-book мы находимъ попытку вычисленія всей массы частныхъ богатствъ колоніи и средней суммы ихъ, приходящейся на каждого жителя. Не находя возможнымъ посвящать читателя въ тѣ приемы,—какъ намъ кажется, довольно надежные,—помощью которыхъ были получены выведенныя цифры, приводимъ только результаты этихъ вычисленій. Въ 1889 г. въ частныхъ рукахъ колонистовъ находилось имущество круглымъ числомъ въ 1,331,000,000 руб., что составляетъ 2,150 р. на жителя (считая и дѣтей); въ 1890 г., при общемъ размѣрѣ частныхъ богатствъ 1,426,000,000 р., на жителя приходилось 2,280 руб. Такое же послѣдовательное увеличеніе мы находимъ и для каждого послѣдующаго года, такъ что въ 1898 г. на каждого жителя приходится уже 2,710 р. *) при общемъ размѣрѣ богатствъ частныхъ лицъ въ два миллиарда рублей съ небольшимъ.

Х.

Выводы: общая характеристика матеріальной, умственной и нравственной культуры населенія Н. Зеландіи.

Подведемъ итоги всему предшествующему изложенію.

Что же такое колонія Новая Зеландія, каково матеріальное положеніе и умственное и нравственное развитіе главной массы ея гражданъ?

Имѣлъ ли основаніе представитель Новой Зеландіи въ Лондонѣ, В. Ривсъ назвать свой докладъ объ этой колоніи **)—„Счастливые острова“, и, слѣдовательно, были ли и мы правы, давая нашей работѣ то же названіе?

Отвѣчая на этотъ вопросъ, укажемъ прежде всего, что климатъ Новой Зеландіи одинъ изъ самыхъ благодатныхъ на земномъ шарѣ; Новая Зеландія не знаетъ крайностей тепла и холода и не страдаетъ вовсе отъ засухъ. „Равномѣрность составляетъ главную особенность климата Новой Зеландіи“, говоритъ П. Леруа Боле.

При такомъ климатѣ жители Новой Зеландіи, почти сплошь состоящіе изъ уроженцевъ Англіи или дѣтей такихъ уроженцевъ, могутъ еще съ большими удобствами, чѣмъ жители метрополи, предаваться всякаго рода играмъ и спорту на откры-

*) Это больше, чѣмъ размѣръ богатства, приходящагося въ среднемъ на каждого жителя во Франціи или въ Англіи и въ 4½ разъ больше богатства, приходящагося въ среднемъ на каждого жителя Италіи. См. сочин. Prof. Marshall. Economies of Industry, 3 ed., 1899. стр. 138.

**) См. главу I.

томъ воздухѣ. Это, конечно, дѣйствуетъ крайне благотворно на здоровье колонистовъ, тѣмъ болѣе, что благодаря своему матеріальному достатку и относительному обилію досуга, спортомъ въ Новой Зеландіи занимаются не только средніе, но и рабочіе классы. „Въ то время, какъ въ Англіи до послѣдняго времени спортомъ занимались главнымъ образомъ высшіе и средніе классы“, говоритъ Ч. Дилькѣ, „въ колоніяхъ (Австраліи) главную массу членовъ клубовъ любителей игры въ футболъ, крокетъ и велосипедныхъ кружковъ составляютъ рабочіе. Рабочіе также часто, какъ и представители богатыхъ классовъ, устраиваютъ прогулки и поѣздки за городъ и т. п.“ *).

Надо сказать при этомъ, что такого рода прогулки и поѣздки имѣютъ особую прелесть въ Новой Зеландіи, вслѣдствіе обилія и разнообразія здѣсь живописныхъ видовъ, не рѣдко сочетающихся красоты альпійскихъ видовъ Швейцаріи съ оригинальностью береговъ Норвегіи или Шотландіи.

„Средняя плотность населенія колоніи около 8 человекъ на квадратную милю“, говоритъ Ривсъ. „Двѣ трети жителей Новой Зеландіи живутъ въ деревняхъ или городахъ съ населеніемъ менѣе 5,000 чел. Болѣе значительные города въ совокупности занимаютъ площадь почти въ 70 квадр. миль—пространство, не малое для четверти милліона жителей. Въ Новой Зеландіи нѣтъ и переполненія домовъ жильцами; на каждый домъ въ колоніи приходится въ среднемъ менѣе пяти жителей. Въ городахъ можно найти весьма мало такихъ мѣстъ, гдѣ бы не было по близости деревьевъ, цвѣтовъ или травы; даже и до полей дойти недолго. Дома—почти всегда деревянные—рѣдко бываютъ выше, чѣмъ въ два этажа, а имѣющіяся обыкновенно въ домахъ закрытыя стеклами или выходящими растеніями веранды показываютъ, что солнце въ Новой Зеландіи жарче чѣмъ въ Англіи“ **).

О степени матеріальнаго благосостоянія населенія Н. Зеландіи можно судить по тѣмъ даннымъ, которые сгруппированы выше. Мы видѣли, что Новая Зеландія, занимая одно изъ первыхъ мѣстъ среди всѣхъ странъ міра по количеству богатства, приходящагося на одного жителя, въ то же время отличается равномернымъ распредѣленіемъ достатка между всей массой населенія. Это доказывается уже тѣмъ, что болѣе четвертой части взрослыхъ, умирая, оставляютъ послѣ себя болѣе или менѣе значительное имущество. Мы знаемъ далѣе, что въ Новой Зеландіи 8-часовой рабочій день получилъ въ обрабатывающей промышленности распространеніе болѣе широкое, чѣмъ въ какой либо другой странѣ, и что здѣсь вся масса трудящагося люда,—какъ фабричные и мастеровые, такъ и лица торговыхъ профессій,

*) Ch. Dilke, Problems of Greater Britain, vol II, 233.

**) Reeves, цитир. сочин., 401.

имѣютъ, кромѣ воскресенья, еще и т. наз. полупраздникъ въ субботу или въ другой день недѣли.

Мы знаемъ, наконецъ, что въ Новой Зеландіи трудъ рабочихъ оплачивается болѣе щедро, чѣмъ гдѣ бы то ни было,—кромѣ, можетъ быть, нѣкоторыхъ другихъ колоній Австраліи. Этимъ обстоятельствомъ, въ связи съ относительной дешевизной главныхъ пищевыхъ продуктовъ, объясняется тотъ, неподлежащій сомнѣнію, фактъ, что Новая Зеландія занимаетъ одно изъ первыхъ, если не первое мѣсто въ мірѣ по среднему на жителя потребленію главныхъ жизненныхъ продуктовъ.

Высокое экономическое благосостояніе главной массы населенія Новой Зеландіи въ значительной степени объясняется высокой производительностью труда новозеландскаго рабочаго, далеко превосходящей производительность труда не только рабочихъ континентальныхъ странъ Европы, но даже лучшихъ въ мірѣ рабочихъ—американцевъ и англичанъ. Высокая производительность труда новозеландскаго рабочаго, будучи сама въ свою очередь въ извѣстной мѣрѣ результатомъ превосходныхъ экономическихъ условий жизни, равно какъ и развитого законодательства объ охранѣ интересовъ труда, объясняется также и широкимъ распространеніемъ въ народной массѣ образованія и вообще высокой умственной культурой населенія.

Новая Зеландія, какъ мы знаемъ, организовала даровое и обязательное образованіе (1877) раньше, чѣмъ это сдѣлали наиболѣе передовыя страны Европы,—кромѣ, можетъ быть, Швейцаріи,—распространивъ обязательность образованія и на туземное населеніе колоніи. Низшая или народная школа въ Новой Зеландіи находится въ самой тѣсной связи со школой средней. Средняя школа здѣсь дѣйствительно средняя, будучи связана не только съ высшей, но и съ общественной народной школой, какъ по курсу, такъ и по составу учащихся.

Возрастъ, съ котораго въ Новой Зеландіи прекращается обязательное посѣщеніе школы (14 лѣтъ,—и то при условіи усвоенія довольно значительнаго запаса знаній, а не одной только грамотности) на два года выше, чѣмъ такой же возрастъ, установленный въ метрополіи, и на три года больше, чѣмъ возрастъ, когда можетъ быть прекращено посѣщеніе школы будущимъ гражданиномъ французской республики. Во Франціи посѣщеніе школы обязательно между 6-ю и 12-ю годами. Однако обязательность прекращается также съ полученіемъ такъ называемаго *certificat d'études primaires*, выдаваемаго по экзамену, къ которому допускаются дѣти 11 лѣтъ.

По относительному числу народныхъ школъ (до 2,000) и по числу учащихся въ нихъ (болѣе 150,000,—т. е. почти 20% всего населенія), Новая Зеландія занимаетъ также одно изъ первыхъ мѣстъ среди культурныхъ странъ міра, уступая въ этомъ отно-

шеніи только С. А. Соединеннымъ Штатамъ. Феноменальнымъ покажется—и не русскимъ только читателямъ—тотъ фактъ, что въ этой колоніи съ $\frac{3}{4}$ мил. жителей существуетъ по меньшей мѣрѣ 4 центра высшаго образованія.

Укажемъ, наконецъ, на послѣдній и, можетъ быть, самый поразительный признакъ необычайно высокаго состоянія умственной культуры населенія колоніи—на тотъ фактъ, что въ Новой Зеландіи считается до 206 періодическихъ изданій, т. е. одно изданіе приходится менѣе чѣмъ на 4,000 населенія всѣхъ возрастовъ. Такимъ относительнымъ числомъ періодическихъ изданій не могутъ похвалиться и С. А. Соединенные Штаты, гдѣ выходитъ около трети всѣхъ періодическихъ изданій міра. Высокое состояніе умственной культуры населенія доказывается и тѣмъ, что Новая Зеландія занимаетъ первое мѣсто въ мірѣ по относительному числу почтовыхъ учреждений, писемъ и телеграммъ.

Не такъ легко учесть явленія, доказывающія то или иное состояніе нравственной культуры населенія. Однако попробуемъ и начнемъ съ начала, съ явленій, характеризующихъ такъ называемую личную нравственность.

Проф. В. Дерюжинскій, описывая мѣры, какими въ Англіи борются съ преступностью населенія (исправительныя учрежденія для малолѣтнихъ преступниковъ, особыя школы для дѣтей безпризорныхъ, сиротъ и для уклоняющихся отъ посѣщенія обыкновенныхъ общественныхъ школъ, общества помощи отбывшимъ наказаніе по суду и т. п.), говоритъ, что всѣ эти мѣры, а также „рядъ разумныхъ реформъ въ области тюремнаго дѣла въ короткій сравнительно промежутокъ времени привели къ тому, что въ Англіи въ послѣдніе годы обнаруживается постепенное уменьшеніе преступности — явленіе поучительное, нигдѣ въ другомъ мѣстѣ еще не наблюдавшееся“ *).

Нисколько не сомнѣваясь въ общей вѣрности утвержденія г. Дерюжинскаго, мы позволимъ себѣ прибавить къ приведенной цитатѣ, что указываемое въ ней поучительное явленіе наблюдается и въ описываемой нами англійской колоніи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ видно изъ соотвѣствующихъ статистическихъ данныхъ, приводимыхъ въ N. Z. Official Year-book, относительное число привлекаемыхъ къ суду въ Новой Зеландіи уменьшилось между 1882 и 1897 гг. болѣе, чѣмъ въ полтора раза, а число заключенныхъ въ тюрьму за послѣднее десятилѣтіе уменьшилось не только относительно, но и абсолютно (съ 691 до 674), не смотря на непрерывный ростъ населенія колоніи, при чемъ въ числѣ заключенныхъ въ тюрьму уроженцы колоніи составляютъ лишь

*) См. статью В. О. Дерюжинскаго «Нравственность» въ «Сборникѣ очерковъ по отечествовѣдѣнію», изданномъ Александровскимъ Лицеємъ (1896), стр. 259.

25%, тогда какъ въ общемъ итогѣ населенія колоніи они составляютъ болѣе 60%.

Въ Новой Зеландіи практикуются всѣ тѣ мѣры борьбы съ преступленіемъ, какія практикуются и въ Англіи, но тюремный режимъ здѣсь много разумнѣе англійскаго, какъ удостовѣряетъ членъ англійскаго парламента М. Дэвитъ, который самъ сидѣлъ семь лѣтъ въ англійскихъ тюрьмахъ *) и съ тѣхъ поръ не переставалъ интересоваться такъ называемымъ пенитенціарнымъ вопросомъ; между прочимъ, въ его книгѣ объ Австраліи цѣлый обширный отдѣлъ посвященъ австралійскимъ тюрьмамъ.

Замѣтимъ кстати, что въ Новой Зеландіи съ 1886 г. практикуется такъ называемое условное освобожденіе отъ наказанія, о которомъ въ послѣднее время у насъ много говорилось, какъ о мѣрѣ крайне желательной. Изъ 914 лицъ, освобожденныхъ условно отъ наказанія въ Новой Зеландіи со времени выхода закона (1886 г.), 763 были впослѣдствіи окончательно освобождены, такъ какъ они вполне оправдали оказанное имъ довѣріе, 58 были вторично арестованы, одинъ окончилъ жизнь самоубійствомъ, 2 умерло, 21 скрылись и 69 остались подъ наблюденіемъ. Главный инспекторъ тюремъ говоритъ по этому поводу такъ: „такого рода результатъ должны признать крайне благопріятнымъ даже лица, наименѣе сочувствующія закону... Нѣкоторые, пожалуй, станутъ утверждать, что, такъ какъ 21 человекъ скрылись отъ надзора, то и самый законъ надо считать опаснымъ для общества, но указанное зло совершенно ничтожно по сравненію съ благотворными результатами закона, благодаря которому нѣсколько сотъ лицъ избѣгли пятна, налагаемаго тюрьмой; а, можетъ быть, это спасло ихъ даже отъ преступной жизненной карьеры“.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ Новой Зеландіи, гдѣ вслѣдствіе очень высокаго въ общемъ уровня матеріальнаго благосостоянія народной массы, меньше чѣмъ гдѣ нибудь имѣется причинъ, побуждающихъ людей къ преступленіямъ, въ то же время примѣняются и наилучшія средства борьбы съ преступностью, до какихъ пока додумалось современное человѣчество.

Извѣстно, что къ числу прямыхъ и косвенныхъ факторовъ бѣдности и преступности относится и такъ называемый алкоголизмъ, т. е., какъ понимается обыкновенно это выраженіе, злоупотребленіе спиртными напитками. И въ этомъ отношеніи колоніи Австраліи и въ особенности Новая Зеландія находятся въ наилучшихъ условіяхъ. Леруа Болье говоритъ, что въ Новой Зеландіи потребленіе на одного жителя спиртныхъ напитковъ

*) Между 1870 и 1877 г., какъ одинъ изъ видныхъ участниковъ такъ называемаго «феніанскаго движенія».

„меньше, чѣмъ во всякой другой странѣ, кромѣ Россіи“ *). По даннымъ, сгруппированнымъ въ недавно вышедшемъ превосходномъ сочиненіи объ алкоголизмѣ **), среднее потребление алкоголя въ главныхъ странахъ міра опредѣляется такими цифрами: абсолютнаго алкоголя (absolute alcohol) во всѣхъ видахъ (водка, пиво, вино и т. д.) выпивается въ среднемъ на жителя въ годъ англійскихъ галлоновъ: во Франціи 3,72; въ Бельгіи 2,81; въ Швейцаріи 2,64; въ Италіи 2,04, въ Германіи 2,09, въ Англіи 2,05, въ Соединенныхъ Штатахъ 1,16; въ Швеціи 1,08; въ Новой Зеландіи 0,73; въ Россіи 0,60; въ Норвегіи и въ Канадѣ 0,54“ (галлонъ=0,36 ведра).

Итакъ, Новая Зеландія, какъ и Россія, по душевому потребленію спирта во всѣхъ видахъ стоитъ въ концѣ приведеннаго выше убывающаго ряда. Однако есть нѣкоторые обстоятельства, значительно измѣняющія смыслъ такого факта для Россіи и для Н. Зеландіи. Малое потребленіе спирта въ Россіи идетъ совершенно параллельно съ малымъ потребленіемъ всѣхъ пищевыхъ продуктовъ и является поэтому однимъ изъ признаковъ народной бѣдности. Справедливость этого доказывается тѣмъ, напр., фактомъ, что у насъ величина урожая отражается самымъ рѣзкимъ образомъ и на душевомъ потребленіи спирта. Въ Новой Зеландіи дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ: занимая одно изъ первыхъ мѣстъ по душевому потребленію мяса, чая, сахара, хлѣба и т. д., Новая Зеландія въ противоположность этому занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ по душевому потребленію алкоголя. Въ Новой Зеландіи, дѣйствительно, алкоголь не пьютъ болѣе извѣстнаго количества потому, что не желаютъ этого дѣлать, а не потому, что не могутъ.

Однако, какъ всѣмъ извѣстно, дѣло не столько въ томъ, много или мало потребляется въ той или иной странѣ спирта, сколько въ томъ, въ какомъ видѣ (пиво, вино или водка) и въ какихъ дозахъ онъ потребляется. Въ Россіи душевое потребленіе вина могло бы увеличиться въ пять или даже десять разъ, но пьянство могло бы въ тоже время уменьшиться, и вредныя послѣдствія этого десятикратнаго душевого потребленія спирта могли бы быть меньше тѣхъ, какія существуютъ при теперешнемъ размѣрѣ потребленія.

Въ Новой Зеландіи, какъ и въ другихъ колоніяхъ Австраліи, при относительно маломъ душевомъ потребленіи спирта, самое это потребленіе идетъ равномернo, и потому пьянство наблюдается весьма рѣдко; на это указываетъ, между прочимъ, Чарльзъ Далькъ и другіе путешественники по колоніямъ Австраліи ***). Въ послѣдніе

*) Цитир. сочин., 143.

**) I. Rowntree and A. Shervell. The Temperance Problem and Social Reform, 1899, 77.

***) M. Davitt, M. Galloway.

годы душевное потребление алкоголя въ Новой Зеландіи, не смотря на его незначительность, имѣетъ склонность къ дальнѣйшему уменьшенію, число же задерживаемыхъ за пьянство падаетъ не только относительно, но и абсолютно (съ 1200 въ 1885 г. до 500 въ 1897 г.). Не смотря на все это, въ 1898 г. вышелъ законъ, по которому судья по заявленію самого алкоголика (привычнаго пьяницы) или по жалобѣ жены, мужа или родственниковъ *) можетъ передать такого алкоголика въ разрѣшенное тѣмъ же закономъ къ открытію правительственное учрежденіе для лѣченія алкоголиковъ.

Замѣтимъ, наконецъ, что уже около десяти лѣтъ все взрослое населеніе (мужчины и женщины) каждаго избирательнаго (для парламентскихъ выборовъ) участка въ Новой Зеландіи вотируетъ слѣдующіе вопросы: слѣдуетъ ли оставить прежнее число мѣстъ продажи спиртныхъ напитковъ или уменьшить это число, или же, наконецъ, закрыть всѣ такія мѣста (для постановленія послѣдняго рѣшенія требуется большинство трехъ пятыхъ голосовъ). До сихъ поръ полное запрещеніе продажи состоялось лишь въ одномъ участкѣ, да и едва ли въ Новой Зеландіи есть необходимости въ такихъ крутыхъ мѣрахъ борьбы съ алкоголизмомъ.

Если читатель помнитъ, мы остановились на данныхъ о преступности и объ алкоголизмѣ въ Новой Зеландіи для характеристики нравственнаго уровня населенія колоніи, при чемъ мы имѣли въ виду такія явленія, которыя можно отнести къ области нравственности *личной*, въ отличіе отъ явленій другого порядка, которыя мы относимъ къ области нравственности *общественной*.

Болѣе или менѣе высокій уровень общественной нравственности въ разныхъ странахъ выражается преимущественно въ законахъ и учрежденіяхъ, *нормирующихъ взаимныя отношенія гражданъ, въ томъ, насколько то или иное общество въ своихъ учрежденіяхъ и законахъ сумѣло приблизиться къ идеаламъ справедливости. И въ этомъ отношеніи колонія Новая Зеландія стоитъ впереди большинства передовыхъ странъ міра.

Такъ, въ Новой Зеландіи мы не находимъ никакихъ дѣленій гражданъ по сословіямъ, съ преимущественными правами однихъ передъ другими. Въ Новой Зеландіи болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, сравнены права женщинъ и мужчинъ: мы знаемъ, что въ этой колоніи, женщины имѣютъ наравнѣ съ мужчинами избирательныя права, что имъ открыты высшія учебныя заведенія для совместнаго образованія съ мужчинами и что имъ доступны всѣ учебныя степени. Мы упоминали, наконецъ, что по недавно вышедшему закону женщины и мужчины, поставлены въ совершенно одинаковыя условія по отношенію къ праву требовать развода судомъ.

*) Такая жалоба, конечно, подлежитъ провѣркѣ.

Переходя къ чисто политическимъ отношеніямъ, мы знаемъ, что Новая Зеландія представляетъ собой одну изъ передовыхъ демократій міра, гдѣ избирательныя права распространены на все взрослое населеніе, какъ европейское, такъ и туземное, какъ мужское, такъ и женское, и что вслѣдствіе этого Новая Зеландія наслаждается полнымъ спокойствіемъ въ политическомъ отношеніи.

Назначеніе главы исполнительной власти въ Новой Зеландіи нисколько не мѣшаетъ тому, что всѣ представители правительственной власти въ колоніи являются въ полномъ смыслѣ слова слугами народа. Какъ говоритъ бывший проф. университета въ Мельбурнѣ, Эд. Дженксъ, въ Австраліи „легче получить доступъ къ министру, чѣмъ къ имѣющему хорошую практику адвокату“ (цитир. сочин., 293).

Въ области отношеній экономическихъ чуткость общественной совѣсти выражается въ Новой Зеландіи наиболѣе передовымъ законодательствомъ объ охранѣ труда рабочихъ во всякаго рода предпріятіяхъ, какъ промышленныхъ, такъ и торговыхъ, предоставленіемъ одинаковой свободы рабочимъ и предпринимателямъ въ объединеніи своихъ силъ и въ организаціи особыхъ судовъ, съ одинаковымъ представительствомъ обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ, для улаженія недоразумѣній, возникающихъ между предпринимателями и рабочими. Въ результатъ всего этого оказывается, что Новая Зеландія въ настоящее время почти не страдаетъ отъ стачекъ, причиняющихъ столько бѣдъ другимъ странамъ.

Высокій уровень общественной совѣсти въ Новой Зеландіи доказывается, далѣе, щедрыми затратами на народное образованіе, преимущественно на образованіе начальное, т. е. назначенное для главной массы населенія, и предоставленіемъ этого начального образованія даромъ для всего подросткающаго поколѣнія. Многіе готовы считать даровую начальную школу одной изъ формъ общественной благотворительности. Если согласиться съ такой точкой зрѣнія, то слѣдуетъ признать вмѣстѣ съ тѣмъ, что это одна изъ самыхъ разумныхъ формъ общественной благотворительности, одна изъ тѣхъ, которыя приносятъ наибольшіе и наилучшіе результаты.

Новая Зеландія стоитъ высоко и въ отношеніи организаціи общественной благотворительности въ общепринятомъ смыслѣ этого выраженія. Въ самомъ дѣлѣ, въ послѣдніе годы эта колонія тратила на содержаніе больницъ, домовъ для умалишенныхъ, пріютовъ для престарѣлыхъ и хроническихъ больныхъ и т. д. до 1½ милл. руб., т. е. почти по два рубля на каждого жителя колоніи; для Россіи при такой же щедрой тратѣ общественныхъ средствъ на дѣла благотворительности мы получили бы феноменальную сумму въ четверть миллиарда рубл. Мы знаемъ, наконецъ, что въ концѣ организаціи общественной благотворительности

въ Новой Зеландіи надо считать состоявшійся въ 1898 г. законъ о пенсіяхъ для всѣхъ лицъ, достигшихъ 65 лѣтъ и не имѣющихъ другого достаточнаго обезпеченія.

Итакъ, мы и на этотъ разъ видимъ, что въ Новой Зеландіи, гдѣ сравнительно весьма мало бѣдности и гдѣ менѣе, чѣмъ гдѣ либо, дѣятельны факторы, производящіе бѣдность (невѣжество, пьянство, болѣзни и т. д.), обществомъ принимаются наиболѣе рѣшительныя мѣры для предотвращенія развитія бѣдности (пріюты для сиротъ и безпризорныхъ дѣтей, особыя школы для дѣтей, уклоняющихся отъ посѣщенія классовъ, госпитали, пріюты для лѣченія школьникова) и для ослабленія лишеній и страданій, когда самый фактъ бѣдности уже можно считать непоправимымъ (въ глубокой старости).

Конечно, было бы странно думать, что въ Н. Зеландіи нѣтъ вовсе несправедливости, горя, нужды и даже нищеты... Изъ предшествующаго изложенія слѣдуетъ только, что всѣ такого рода бѣды посѣщаютъ населеніе Н. Зеландіи гораздо рѣже, чѣмъ населеніе другихъ современныхъ странъ, и что въ то же время борьба со всѣми ними въ Новой Зеландіи легче, чѣмъ въ какой бы то ни было другой странѣ.

Мы думаемъ все-таки, что между нашими читателями найдутся скептики, которыхъ не удовлетворяютъ всѣ приведенные выше факты, не смотря на ихъ изобиліе и разнообразіе, не смотря даже на ихъ полную достовѣрность, такъ какъ мы извлекали эти факты изъ вполне авторитетныхъ источниковъ. Такіе скептики скорѣе всего будутъ отрицать основательность употребленнаго нами критерія для оцѣнки счастья и благополучія общества.

Для нихъ мы прибегнемъ одинъ послѣдній критерій, одинъ послѣдній аргументъ. Мы думаемъ, что никто—даже и тѣ, кто наиболѣе скептически относится къ нашимъ разсужденіямъ—не будетъ оспаривать, что жизнь есть для человѣка основное и самое существенное благо,—уже по той простой причинѣ, что оно составляетъ необходимое условіе пользованія всѣми остальными благами. Къ нашему великому удовольствію, мы можемъ сказать, что и съ точки зрѣнія этого важнѣйшаго и, главное, наименѣе спорнаго критерія жители Новой Зеландіи оказываются самымъ счастливымъ народомъ въ мірѣ, такъ какъ въ этой колоніи смертность достигла минимальныхъ размѣровъ, какіе извѣстны наукѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ смертность въ разныхъ странахъ Европы колеблется между 28 (Австрія) и 17 (Швеція), а въ Россіи переходитъ даже 30—32 на 1000, въ колоніяхъ Австраліи смертность (по даннымъ N. Z. Official Year-book) колеблется между 12 и 16, а въ Новой Зеландіи въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ даже *между 9 и 10*. Иными словами, смертность въ этой колоніи вдвое меньше, чѣмъ въ тѣхъ стра-

нахъ Европы, гдѣ смертность минимальная (Швеція, Англія, Данія) и, по крайней мѣрѣ, втрое меньше, чѣмъ смертность населенія Россіи. Въ то время, какъ у насъ изъ тысячи дѣтей чуть не триста умираетъ, не достигнувъ одного года, а въ Западной Европѣ отъ 100 до 200, въ Новой Зеландіи до года умираетъ не болѣе 85 изъ 1000 родившихся дѣтей. Подобнаго рода отношенія мы найдемъ и для другихъ возрастовъ *).

Теперь, читатель, попытайтесь перевести эти сухія статистическія цифры на данныя совершенно иного рода... Попробуйте представить себѣ, на сколько меньше горя испытываетъ населеніе этой благословенной колоніи, на сколько тамъ меньше матерей, оплакивающихъ своихъ безвременно умершихъ дѣтей, сиротъ, не видящихъ родительской ласки, мужей, оплакивающихъ своихъ женъ, и женъ, сокрушающихся о своихъ покойныхъ мужьяхъ.

Но, можетъ быть, читатель не склоненъ къ такимъ слишкомъ сильно возбуждающимъ чувство вычисленіямъ и разсужденіямъ. Что же, мы можемъ предложить ему перевести тѣ же данныя объ относительной смертности населенія Новой Зеландіи и Европы на почву экономическую. На сколько меньше теряетъ населеніе Новой Зеландіи, не будучи вынуждено затрачивать массу здоровья, силъ и денегъ на воспитаніе дѣтей, изъ которыхъ большая часть умретъ, не достигнувъ даже школьнаго возраста или едва переступивъ его... Вспомнимъ затѣмъ, что на каждого умирающаго приходится 4 — 5 больныхъ, и попробуемъ представить себѣ, на сколько рѣже испытываетъ населеніе Новой Зеландіи горе, а если болѣзнь поражаетъ кормильца семьи, то вдобавокъ къ горю и нужду, чѣмъ населеніе наиболѣе благоустроенныхъ и богатыхъ странъ Европы... Вотъ что скрывается въ цифрахъ смертности 9, 18, 20, 32...

Въ Новой Зеландіи глухонѣмыхъ около 3 на 10,000 душъ, т. е. вдвое меньше, чѣмъ въ большинствѣ странъ Западной Европы и вчетверо менѣе, чѣмъ въ Россіи. Въ Новой Зеландіи слѣпыхъ (менѣе 5 на 10,000) тоже вдвое менѣе, чѣмъ въ большей части Западной Европы, гдѣ ихъ опять таки относительно почти вдвое меньше, чѣмъ въ Россіи...

Но довольно, однако. Если читатель вспомнить о томъ, что нами было сказано выше о затратахъ Новой Зеландіи на госпитали и разные пріюты, если читатель вспомнить, далѣе, какъ много въ Новой Зеландіи обществъ, оказывающихъ своимъ членамъ помощь въ болѣзни и семьямъ ихъ при смерти („дружескіе союзы“—friendly societies,—рабочіе союзы) и какъ распространено въ Новой Зеландіи страхование жизни; если читатель приметъ,

*) См. статью В. Покровскаго и Д. Рихтера «Населеніе» въ 54 полутомѣ энциклопедіи Брокгауза и Ефрона, а также А. Newsholme, Elements of vital statistics, London, 1899, стр. 131.

наконецъ, во вниманіе, что самое страхованіе жизни въ Новой Зеландіи вслѣдствіе безпримѣрно низкой смертности обходится дешевле, чѣмъ гдѣ нибудь; если читатель приметъ все это во вниманіе,—то, мы надѣемся, онъ согласится и на этотъ разъ съ тѣмъ, что хотя болѣзнь и смерть посѣщаютъ жителей Новой Зеландіи рѣже, чѣмъ жителей какой либо другой страны на земномъ шарѣ, все же несчастія, причиняемыя этими неотвратимыми бѣдами, не имѣютъ тамъ такихъ губительныхъ послѣдствій для лицъ, близкихъ больнымъ или умирающимъ, какъ въ другихъ странахъ.

П. Минувевъ.

Н О Ч Ь.

День погасъ. Подъ краемъ тучи плоской
Въ сторонѣ, гдѣ догорѣлъ закатъ,
Небеса алѣющей полоской
Чуть свѣтлѣютъ надъ гребнями хатъ.

За рѣкой, надъ стадомъ запоздалымъ,
Какъ туманъ, клубится пыль во мглѣ.
Кто-то крикнулъ голосомъ усталымъ,
Дозвучала пѣсня на селѣ.

Все чернѣй и гуще мракъ угрюмый,
Все безмолвнѣй царство тьмы и сна,
И полна таинственною думой
Этой ночи душевной тишина.

Словно были только дивной сказкой
Блескъ и шумъ угаснуваго дня,
И въ тиши съ какой-то грустной лаской
Смотрить съ неба вѣчность на меня.

И во мглѣ затерянъ одиноко,
Роемъ грезъ обвѣянъ и смущенъ,
Вижу,—міръ задумался глубоко:
Для чего такъ странно созданъ онъ?..

А. М. Вербовъ.

ГИМНАЗИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

V.

Элладскій.

Почти постоянно пьяный—это былъ представитель произвола и самодурства въ гимназіи. Не смотря на его фамилію, отъ которой вѣяло мягкостью и красотой древней „страны боговъ“, онъ былъ настоящій деспотъ, импонировавшій своей безапелляціонной величавостью, и на его урокахъ скорѣ пахло дикимъ и грубымъ востокомъ, чѣмъ культурной и ясной Элладой.

О себѣ онъ выражался, по большей части, „мы“. Къ ученикамъ обращался, по большей части, на „ты“, а если прямо и не „тыкалъ“, то по грамматическому складу рѣчи заставлялъ это предполагать... Впрочемъ, у него существовало три способа обращаться къ ученикамъ въ зависимости отъ классовъ.

Въ маленькихъ классахъ царило безусловное „ты“. Въ старшихъ Элладскій переходилъ на „вы“ (вѣрнѣе говоря, въ одномъ VIII-мъ классѣ), преимущественно, по адресу первыхъ учениковъ или иныхъ добродѣтельныхъ юношей. Но между этимъ „ты“ и „вы“ у него еще была переходная форма „онъ“, которую Элладскій примѣнялъ тогда, когда „тыкать“ было почему-либо не ловко, а обращенія на „вы“ ученикъ, по его мнѣнію, не заслуживалъ. Эта форма держалась въ среднихъ классахъ, а также въ старшихъ примѣнительно къ ученикамъ дурнымъ и подозрительнымъ.

— Пусть онъ переводить!—говорилъ Элладскій, остановившись передъ такимъ ученикомъ и глядя въ упоръ на него... Говорилъ басомъ, нѣсколько въ носъ, членораздѣльно и чрезвычайно значительнымъ тономъ.

— Пусть онъ уходитъ вонъ изъ класса!—говорилъ онъ, когда ученикъ просилъ позволенія выйти.—Пусть уходитъ и не возвращается! Мы и безъ него обойдемся!

Это обращеніе въ третьемъ лицѣ практиковалось и самими учениками... Они иной разъ и о себѣ выражались не въ первомъ, а тоже въ третьемъ лицѣ:

— Онъ не знаетъ урока!—говорилъ Элладскій, собираясь поставить единицу.

— Нѣтъ, Маркіанъ Степановичъ, онъ знаетъ! Онъ сегодня училъ урокъ!—защищался „онъ“.

Какъ представитель деспотическаго абсолютизма, Элладскій не признавалъ никакихъ правъ личности за своими учениками: ни права на деликатное обращеніе, ни права на свободу и пр. Обращеніе его съ учениками иной разъ было прямо таки непристойное: онъ издѣвался надъ ними въ глаза, говоря, напримѣръ:—Какая у него глупая рожа!—или: Какой дуракъ! Видно по глазамъ, что глупъ, а, должно быть, считаетъ себя умникомъ!—И это говорилось *face à face* съ тѣмъ ученикомъ, о которомъ шла рѣчь! Право на свободу личности, т. е. на возможность оказаться справедливымъ въ какомъ-либо мнѣніи, безусловно не признавалось Элладскимъ. Мало того, ученики не могли хворать, не могли быть подвержены обычнымъ законнымъ человѣческимъ слабостямъ, напримѣръ, хотя бы той слабости, которая заставляетъ учениковъ просить позволенія выйти изъ класса. Въ послѣднемъ случаѣ, если Элладскій и выпускалъ ученика, то почти всегда бранилъ его или грубо издѣвался надъ нимъ.

Кромѣ того, благодаря тому же деспотическому абсолютизму, въ отношеніяхъ Элладскаго не было и признаковъ законности. Для него, что называется, законы не были писаны, опредѣленные порядки, принятые всѣми другими учителями, не существовали. Все регулировалось и опредѣлялось у него однимъ правиломъ „*voluntas principis suprema lex*“, т. е. „хочу съ кашей ѣмъ, хочу масло пахтаю“...

Иногда, въ зависимости отъ того, въ какой мѣрѣ былъ пьянъ, онъ разрѣшалъ ученикамъ нѣкоторыя вольности; напримѣръ, позволялъ вступать съ нимъ въ разговоры частнаго характера, въ другую же пору онъ строго казнилъ всякую попытку со стороны учениковъ къ такимъ партикулярнымъ разговорамъ. Или же, разрѣшая это одному, строго запрещалъ другому.

Басихинъ, напримѣръ, могъ безопасно замѣтить, что „сегодня на дворѣ солнышко свѣтитъ, птички чирикаютъ и заниматься не хочется“—и Элладскій олобительно говорилъ:—Ну, да!.. Но если такую рѣчь заводилъ Аркатовъ или Оминъ, или другой подозрительный ученикъ, то Элладскій нерѣдко озлоблялся.—Что онъ мнѣ говоритъ? Что я младенецъ, что ли? Какой глупецъ!—Иногда онъ охотно выскребалъ ножикомъ дурныя отгѣтки, когда его просили объ этомъ и пред-

лагали ножикъ, въ другой разъ считалъ это почти оскорбленіемъ для себя и за одно уже такое предложеніе ставилъ въ видъ наказанія новую единицу.

Обращеніе съ учениками, порядокъ въ классѣ, методъ преподаванія, регулировались у него не общезвѣстными и принятыми повсемѣстно правилами и законами, но своими собственными обычаями, которые при томъ постоянно нарушались.

Монархическое величіе Элладскаго выражалось помимо этого еще и въ его манерѣ держать себя, въ его голосѣ и внѣшности. Манера у него была воистину царственная: онъ былъ величественъ и важенъ до послѣдней степени... Держался прямо; взорами своими распоряжался не по-просту, какъ всѣ остальные люди, не смотрѣлъ на учениковъ прямо и просто, но взиралъ на нихъ свысока и закинувъ голову... Или же смотрѣлъ куда-то въ пространство, превыше низменнаго міра, лежавшаго предъ нимъ. Кромѣ того, онъ умѣлъ сверкать очами, метать молніи и производилъ такіе эффекты очень охотно.

Голосъ у него былъ густой, басистый. Говорилъ онъ кратко, но сильно („Выйди вонъ“!.. „Единица“!.. „Какой дуракъ“! и пр.)... Внѣшность его была тоже внушительная: высокій ростъ, дородность, красная фізіономія, обрамленная густою бородой трехъ цвѣтовъ: чернаго, рыжаго и сѣдаго. Все это, вмѣстѣ взятое, сильно импонировало.

Подобно всякому восточному деспоту, Элладскій имѣлъ свой дворъ. У него были фавориты, шуты, камергеры, опальные и чернь... Конечно, онъ не давалъ ученикамъ такихъ титуловъ, но это подразумевалось, и „дворъ“ образовывался въ каждомъ классѣ, гдѣ онъ преподавалъ, самъ собою, *tacito consensu*... Это дѣленіе учениковъ было особенно замѣтно тогда, когда Элладскій являлся въ классъ пьянымъ.

Фаворитовъ было, конечно, немного, одинъ или два. Имъ онъ всегда ставилъ хорошія отмѣтки, всегда вызывалъ переводить свои любимыя мѣста въ Одиссеѣ, Илиадѣ и пр. Имъ онъ нерѣдко вручалъ свой журналъ, предписывая отмѣтить, кого нѣтъ въ классѣ. Имъ же поручалъ въ такихъ случаяхъ даже ставить отмѣтки.

— Басихинъ! поставьте Аркатову единицу!

Не рѣдко онъ принималъ отъ фаворита совѣты поставить такому-то такую-то отмѣтку:

— Маркіанъ Степановичъ! Ѳоминъ достоинъ четверки. Онъ знаетъ урокъ.

И Элладскій соглашался.

— Ну, да, пожалуй, можно поставить четыре!..

Камергеры хранили „казенную веревочку“, которою Эл-

ладскій перевязывалъ ученическія тетрадки, и занимались лакейскими обязанностями: поднимали ручку, карандашъ, затворяли за Элладскимъ дверь и пр. Чаше всего это были въ тоже время и фавориты.

Шуты—если они не были въ тоже время и фаворитами—владѣли довольно печальное существованіе: Элладскій возводилъ ихъ въ это званіе на тотъ случай, когда онъ приходилъ очень пьянымъ и нуждался въ развлеченіяхъ. Собственно говоря, тогда весь классъ развлекалъ его, но шутъ пользовался особымъ вниманіемъ Элладскаго... Къ нему послѣдній обращался съ разными замѣчаніями, указывалъ на все, достойное смѣха, и вызывалъ его на остроты и фарсы—обыкновенно одни и тѣ же (Элладскій въ этомъ отношеніи былъ удивительный рутинеръ). Одну изъ особенностей Элладскаго составляла ненависть къ „жидамъ“, поэтому шуты придумывали анекдоты, стихи и пр. на такія темы, въ которыхъ осмѣивался бы „жидъ“. Такъ, однажды Іоганнъ Шульцъ совершенно нечаянно сочинилъ такіе стихи:

Жидъ
Бѣжить,
Дрожить,—

и прочелъ Элладскому. Даже не онъ прочелъ, а его сосѣди. Прочли и указали на автора. Элладскому стихи такъ понравились, что онъ сразу возвелъ скромнаго Іоганна въ званіе шута и держалъ въ этомъ званіи около двухъ мѣсяцевъ, постоянно заставляя его читать упомянутые „стихи“.

Потомъ оказалось, что фаворитъ Басихинъ читаетъ ихъ съ большей экспрессіей и особенно интересными ужимками и комическими интонаціями, и тогда Элладскій передалъ право читать стихи „жидъ бѣжить“ отъ Шульца Басихину.

Но при всемъ этомъ, положеніе шутовъ, какъ уже замѣчено выше, было очень печальное. Пользуясь вниманіемъ Элладскаго, они отнюдь не пользовались его милостями по части отпѣтокъ. А такъ какъ они, по своему положенію, были постоянно на виду, то и подвергались ежеминутной опасности быть вызванными отвѣчать урокъ. Для нихъ не было возможности скрываться отъ Элладскаго въ общей массѣ остальной черни, на которую Элладскій обращалъ мало вниманія и вызывалъ ея представителей лишь ех offiціо, чтобы отдѣлаться отъ нихъ... И вотъ, спрашивая уроки у шутовъ, Элладскій сплошь и рядомъ совершенно несправедливо корилъ ихъ въ томъ, что „стихи сочиняютъ, болтаютъ всякую чепуху, а уроковъ не учатъ“!..

Опальные у Элладскаго были, преимущественно, евреи.

Элладскій звалъ ихъ торжественно и съ присущей ему напыщенностью „израильтянами“ и постоянно подвергалъ ихъ всевозможнымъ униженіямъ (напримѣръ, при нихъ и специально для нихъ, онъ заставлялъ шута читать „жидъ бѣжить“). Однажды онъ, между прочимъ, посадилъ имѣвшихъ въ классѣ двухъ евреевъ на особую парту, подальше отъ прочихъ учениковъ, чтобы они не „заражали православныхъ“.

— Израильтяне!—сказалъ онъ имъ тогда:—удалитесь на заднюю парту! Паршивая овца перепортитъ все стадо!

Ненависть къ „жидамъ“ была какъ бы *idée fixe*. Когда, напримѣръ, ему показывали въ классѣ (развлекая его) портретъ какого-нибудь художника или писателя, показывали книгу какого-нибудь новаго и незнакомаго ему автора, онъ прежде всего спрашивалъ:—А онъ не жидъ?—или:—Онъ, вѣроятно, жидъ!.. Когда ему рассказывали, что въ адѣйшій городъ прѣѣхала такая-то знаменитая артистка, то онъ непременно спрашивалъ:—А она не жидовка?—Взявъ однажды сочиненія Надсона, онъ съ негодованіемъ промолвилъ:—Сочиненія жида!!!—Однако, прочитавъ затѣмъ нѣсколько строчекъ предисловія, онъ обратился къ ученикамъ съ изъясненіемъ удовольствія:

— Впрочемъ, онъ былъ православный!

Сообразно съ этой *idée fixe*, всѣ развлечения его, всѣ рассказы, которые изобрѣтались учениками для развлечения пьянаго Элладскаго, непременно имѣли дѣйствующимъ лицомъ „жида“ или „жидовку“... Одинъ изъ любимыхъ его анекдотовъ въ этомъ родѣ былъ изобрѣтенный кѣмъ-то рассказъ о томъ, какъ въ мѣстномъ женскомъ институтѣ крестили, будто бы, трехъ евреекъ. Рассказъ этотъ былъ совершенно фантастическій, ничего подобнаго на самомъ дѣлѣ не бывало, но Элладскому онъ чрезвычайно нравился, и, приходя пьянымъ, онъ нерѣдко самъ приказывалъ рассказать ему объ „институткахъ жидовкахъ“. Каждый разъ рассказывали съ новыми подробностями, и Элладскій смѣялся, повторяя:

— Ну, да! Голую жидовку въ купель обмакнули!

Въ сущности, это былъ очень не глупый человѣкъ и превосходный знатокъ греческаго языка... Онъ зналъ наизусть почти всю *Иліаду* и *Одиссею* и любилъ ихъ нѣжной и почти-тельной любовью, какъ любилъ и греческій языкъ вообще, считая его самымъ прекраснымъ и чистымъ языкомъ, способнымъ дать человѣку высшія наслажденія. Онъ былъ однимъ изъ послѣднихъ могиканъ, учителей средней школы, могиканъ, *убѣжденныхъ* въ пользу классицизма, а не тѣхъ учителей-чиновниковъ, которые наводнили за послѣднее время гимназій. Не въ примѣръ имъ, онъ не нуждался ни въ какихъ

словаряхъ и подстрочникахъ *), умѣя почти говорить по-гречески, и для него не существовало ни одного темнаго и непонятнаго мѣста во всей греческой литературѣ. Поэтому всѣ молодые учителя гимназіи бѣгали къ нему за справками: какъ перевести то или другое темное мѣсто?—Казалось, только благодаря этой своей великой эрудиціи и знаніямъ, онъ и держался еще въ гимназіи. Во всемъ остальномъ это былъ совершенно архаичный учитель, вполне неподходящій къ современнымъ культурнымъ условіямъ.

Какъ педагогъ, онъ, разумѣется, никуда не годился. Свои знанія онъ ни въ кого вложить не могъ, не смотря на всю свою строгость и суровость. Виною этому было отчасти его безпробудное пьянство, убившее въ немъ всѣ учительскіе таланты, которые могли быть. Трезвымъ его видали рѣдко, пьянымъ чаще, а полупьянымъ, т. е. въ легкомъ подпитіи, чаще всего. Тогда-то именно онъ и требовалъ развлеченій. Иногда же онъ былъ на столько пьянъ, что плохо понималъ, что ему говорили, и бродилъ по классу съ трудомъ, шатаясь и придерживаясь за парты.

Въ трезвомъ состояніи онъ бывалъ сердитъ и свирѣпствовалъ немилосердно, ставя и правому, и виноватому единицы. Благодаря своему хроническому пьянству, онъ былъ серьезно боленъ. Приступы его болѣзни выражались съ внѣшней стороны въ томъ, что онъ время отъ времени конвульсивно схватывался за шею, болѣзненно сгибался, точно подъ какимъ-то невидимымъ ударомъ.

Какъ онъ преподавалъ? Какого метода держался? Его методъ былъ прежде всего устрашительный. Вся система его ученія (если только можно назвать системой тотъ хаосъ, который царствовалъ у него на урокахъ) держалась на единицахъ, какъ на нѣкоей спасительной панацее. Единицы ставились и за незнаніе урока, и за одно невѣрно произнесенное греческое слово, и за шумъ въ классѣ, и за дерзости, и пр., и пр. Иногда бывали дни, что единицы сыпались буквально какъ горохъ изъ мѣшка. Шелъ такой проливной дождь единицъ, что не было почти ни одного счастливица, не получившаго „кола“. Иногда единицы ставились съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ интерваловъ, напримѣръ, черезъ двухъ, третьему; это случалось, обыкновенно, тогда, когда Элладскій гнѣвался на весь классъ (напримѣръ, за шумъ или хохотъ въ классѣ), а ставить единицы *всѣмъ* было бы уже расточительно.

— Аркатовъ! — говорилъ потомъ классный наставникъ,

*) Увы! Даже учителя гимназіи питали нѣжныя чувства къ знаменитымъ «ключамъ», хотя и преслѣдовали учениковъ за это.

придя въ классъ:—вы изъ греческаго языка опять урока не знали! Стыдитесь! Вѣдь вы прежде были первымъ ученикомъ!

— Меня сегодня изъ греческаго не вызывали!—отвѣчалъ изумленный Аркатовъ.

— Но у васъ единица стоитъ! Какъ же такъ?..

Можно было бы, пожалуй, думать, что единицы Элладскаго, благодаря такой щедрости, сильно падали въ цѣнѣ. Правда, курсъ ихъ понижали такіе случаи, когда онѣ стояли въ журналѣ съ соблюденіемъ извѣстныхъ, строго выдержанныхъ интерваловъ, или когда весь урокъ превращался въ одну сплошную единицу, но, тѣмъ не менѣе, единица всетаки сама по себѣ всегда такая скверная штука, что получить ее у Элладскаго, даже при вышеописанныхъ обстоятельствахъ, было очень непріятно. Занимая даже не по праву приобретенное мѣсто въ журналѣ, она все же оказывала соотвѣствующее вліяніе на выводъ общей отмѣтки въ концѣ учебной четверти.

Но зато единицы Элладскаго имѣли ту особенность, что могли въ извѣстныхъ случаяхъ улетучиваться безъ остатка. Онѣ не были такъ жизнеспособны, какъ единицы другихъ педагоговъ. Когда Элладскій бывалъ въ благодушномъ настроеніи, онъ сплошь и рядомъ соглашался устранить ту или другую единицу, по просьбѣ ея обладателя. Устранять совершенно особымъ способомъ—именно, способомъ „выскребанія“... Это былъ одинъ изъ тѣхъ обычаевъ, которыми онъ руководствовался вмѣсто узаконенныхъ правилъ и которыя нарушалъ въ любое время.

Для выскребанія нужно было продѣлать особую, тоже освященную обычаемъ церемонію. Нужно было обратиться къ Элладскому съ почтительнымъ заявленіемъ:

— У меня есть острый ножикъ, Маркіанъ Степановичъ!

— Ну, такъ что же изъ того?

— Единицу бы выскрести?

Обыкновенно Элладскій не сразу соглашался на это... Онъ отказывался, ломался, издѣваясь надъ просителемъ и обѣщая ему поставить еще одну такую же единицу. Но очень часто онъ сдавался на просьбы, бралъ торжественно подносимый ему ножикъ и съ шутками и величественнымъ снисхожденіемъ выскребалъ единицу. У него, благодаря такому способу устраненія единицъ, журналъ былъ мѣстами проскобленъ почти до дыръ. Нѣкоторые шутники, пользуясь его благодушнымъ настроеніемъ, иногда совѣтовали ему ставить единицы „полегче“, не слишкомъ сильно нажимая перомъ, чтобы потомъ было легче выскрести.

Какъ-то однажды онъ заявилъ ученикамъ, что единицы ему надобѣли:

— Отнынѣ будемъ ставить двойки!

Но двойки продержались недолго, и Элладскій вернулся снова къ единицамъ:—ихъ удобнѣе ставить: провелъ черту—и кончено. Гораздо проще.

Онъ преподавалъ, обыкновенно, лишь въ старшихъ классахъ, и все преподаваніе его сводилось къ переводамъ Гомера, Софокла и Геродота. Что же касается до греческаго синтаксиса, который также полагается изучать въ старшихъ классахъ, то преподаваніе его ограничивалось слѣдующею сценой, повторявшейся каждый разъ, когда Элладскій чувствовалъ необходимость въ синтаксическихъ наставленіяхъ:

— Сегодня будемъ заниматься синтаксисомъ. Басихинъ! напишите на доскѣ примѣръ условнаго предложенія: „Когда сова кричитъ—мы пугаемся“. Какъ это будетъ по гречески?

Въ переводѣ этой знаменитой фразы четырьмя или пятью способами съ русскаго языка на греческій и заключалось все преподаваніе синтаксиса. И если Элладскій иногда спрашивалъ ученика:

— А скажите, что вы знаете объ условныхъ предложеніяхъ?

Ученику достаточно было отвѣтить только одной этой фразой:

— Когда сова кричитъ—мы пугаемся!—и Элладскій оставался вполне доволенъ этимъ отвѣтомъ. Онъ принимался переводить ее на греческій языкъ, говоря:

— Ну, да! Вотъ это такъ!—и ставилъ ученику четверку. Четверка у него была тоже любимая отмѣтка, потому что ее тоже легко ставить, да и къ тому же она служила хорошимъ средствомъ уничтоженія единицъ и безъ выскребанія: переправилъ единицу на четверку и кончено дѣло.

Письменные работы онъ устраивалъ крайне рѣдко. Исправлялъ ихъ очень неохотно и съ сердцовъ обыкновенно, исправляя, сыпалъ единицами безъ всякаго сожалѣнія. Подобно тому, какъ при устныхъ урокахъ онъ ставилъ единицы не только за незнаніе урока, но и за шумъ и за дерзости, такъ же и при просмотрѣ письменныхъ работъ онъ ставилъ дурныя отмѣтки не только за дѣйствительныя ошибки, но и за дурной почеркъ, за грязныя пятна на тетради, за неразборчиво написанныя буквы. Слѣдуетъ, впрочемъ, сказать, что въ классный журналъ онъ этихъ отмѣтокъ за письменныя работы не вносилъ...

Во время уроковъ Элладскаго, ученики всегда имѣли въ виду два случая: Элладскій трезвъ и Элладскій пьянъ. Въ первомъ случаѣ въ классѣ обычная смертельная тоска съ нѣкоторой долей страха. Вызванные отвѣчаютъ урокъ, т. е. переводятъ Гомера или Геродота, приготовивъ переводъ по

подстрочнику. Элладскій отлично знаетъ, что ученики пользуются подстрочниками: онъ даже выучилъ наизусть всѣ выраженія, всѣ дикія фразы, которыми пестрить каждый „ключъ“, и если ученикъ употребить другое выраженіе, Элладскій поправитъ его, употребивъ выраженіе ключа: до такой степени ухо его привыкло къ переводамъ подстрочниковъ. Однако, если онъ поймаетъ ученика съ ключемъ in flagranti delicto, онъ отберетъ у него ключъ и поставитъ ему единицу, потому что „это всетаки не порядокъ“.

Итакъ, ученики переводятъ одинъ за другимъ, а Элладскій, мрачный, ходитъ по классу и поправляетъ ихъ, а затѣмъ „спрашиваетъ слова“:

— Закройте книгу! Я буду спрашивать слова... Что значить „patris“? А что значить „polychalkos“?

Или же заставляеть дѣлать „разборъ“:

— А вотъ почему тутъ стоитъ апострофъ? А какая тутъ форма? Аористъ? Только одни глупцы говорятъ, что это аористъ... Онъ (т. е. отвѣчающій) ничего не знаетъ! Imperfectum? Ага! Ему подсказали, вотъ онъ теперь и знаетъ!.. Единица! Пусть дальше переводитъ Аркатовъ.

И т. д. Серьезно, скучно, страшно, и съ разными анекдотами, съ „жидами“, со „стрекозой“ къ нему лучше въ это время и не соваться!

Но это рѣдкіе дни. И не такимъ встаетъ онъ въ памяти своихъ учениковъ, когда они, спустя много лѣтъ по выходѣ изъ гимназіи, вспоминаютъ Элладскаго. Они помнятъ не этого трезваго и свирѣпаго Элладскаго, но Элладскаго другого, хотя и деспота, но пьянаго, благодушнаго, готоваго, впрочемъ, каждую минуту освирѣпѣть, наставить единицъ и снова остыть, болтливаго, если только можно примѣнить этотъ эпитетъ къ его величавой, краткой и сильной рѣчи. Онъ тогда самъ заговариваетъ съ учениками, самъ рассказываетъ анекдоты и охотно слушаетъ всякую чепуху, которую ему городятъ со всѣхъ сторонъ и придворные шуты, и прочіе любители. Иногда онъ входитъ въ классъ твердою поступью, мрачный и молчаливый. Повидимому, онъ трезвъ, надо держать ухо востро, и придется поскучать. Но вотъ, вызвавъ когонибудь отвѣчать урокъ, онъ начинаетъ отвлекаться посторонними вещами, глядѣтъ въ окна, и вдругъ ни съ того, ни съ сего дѣлаетъ какое-нибудь замѣчаніе, обращенное, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, въ пространство. Напримѣръ:— сколько снѣга сегодня навалило!

Замѣчаніе, брошенное въ пространство, подхватывается классомъ, ктонибудь сейчасъ же придумываетъ какуюнибудь сенсационную новость по этому поводу, вродѣ того, на примѣръ, что за городомъ „жидъ“ увязъ въ снѣгу по самую

шею и кричалъ „гевалтъ“... Элладскому это ужасно нравится, и онъ потомъ, даже спустя нѣкоторое время, бормочетъ, ухмыляясь:

— Ну, да!.. „Гевалтъ“... Какой дуракъ!..

И тогда всѣмъ становится ясно, что Элладскій пьянъ, что бояться нечего, и что можно развлекать его, говорить ему всякія новости, до которыхъ онъ такой охотникъ и, вообще, весело проводить время.

Элладскій беретъ книги и журналы, специально приготовленные для него и положенные на парты съ краю, и рассматриваетъ ихъ. Книги заготовляются какія нибудь любопытныя или смѣшныя... Изъ журналовъ предпочитаютъ „Стрекоза“ и „Будильникъ“. Книги и журналы эти предусмотрительно кладутся всякій урокъ на парты, но когда Элладскій трезвъ, онъ не обращаетъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія.

Если какая-нибудь карриатура или картина особенно увеселяетъ его, то онъ показываетъ на нее пальцемъ и хочеть, не говоря ни слова, или же выражаясь кратко:

— Дуракъ! Какая гнусная рожа!

Тогда же онъ самъ рассказываетъ свои собственныя исторіи и новости, напримѣръ, политическія: то-то дѣлается во Франціи, то-то въ Германіи, убили Карно!.. Вѣроятно, жидъ какой-нибудь убилъ!.. Разбирается вопросъ—не жидъ ли Бисмаркъ?.. Если кто-нибудь изъ собесѣдниковъ Элладскаго сдѣлаетъ какое-нибудь черезъ-чуръ нелѣпое предположеніе или замѣчаніе, онъ въ рѣзкой формѣ обрываетъ его:

— Какой тамъ глупецъ это говоритъ? Что за вздоръ!

Порой, когда политика исчерпана, и никакихъ особенно интересныхъ новостей нѣтъ, Элладскій рассказываетъ что нибудь изъ внутренняго быта, иногда даже изъ своей частной жизни. Между прочимъ, онъ очень любитъ рассказывать о томъ, какъ однажды пришелъ къ нему лѣтомъ послѣ экзаменовъ какой-то ученикъ просить переэкзаменовку, пришелъ въ купальню къ нему, какъ разъ тогда, когда Элладскій собрался купаться.

— Я уже штаны снялъ, а онъ переэкзаменовываться!— Элладскій, рассказывая это, хлопаетъ себя по затылку и смѣется. Потомъ онъ снова возвращается къ тому же сюжету и повторяетъ нѣсколько разъ съ особеннымъ смакомъ—и даже болѣе обычнаго въ носъ: „я уже штаны снялъ“ и т. д...

Не рѣдко онъ ведетъ рѣчь о Львѣ Толстомъ, сочиненія котораго строго запрещены для гимназистовъ, но которымъ гимназисты чрезвычайно интересуются. Элладскій относится къ Толстому въ высшей степени пренебрежительно и насмѣшливо, и зоветъ его не иначе, какъ „Лѣвка“ Толстой.

— Сапоги шьеть!.. Землю пашеть!.. Богопротивныя книги пишеть!

— Онъ, должно быть, жидъ, Маркіанъ Степановичъ!

Элладскій задумывается, соображая.

— Какой тамъ глупецъ это говоритъ!—внезапно затѣмъ гнѣвается онъ, сообразивъ крайнюю нелѣпость этого предположенія.—Поставимъ ему единицу за глупость и наглость.

Но при всемъ томъ, во время этихъ собесѣдованій, онъ не теряетъ изъ виду и того, кто „переводить“. Онъ повторяетъ переводимыя фразы, говоритъ:—ну, да!—или:—нѣтъ, это не такъ!—и поправляетъ. Отвѣчающему отчаянно подсказываютъ, Элладскій не замѣчаетъ этого... Когда, наконецъ, переводъ оконченъ, Элладскій ставитъ спрошенному тройку или четверку, смотря по тому, что онъ раньше ставилъ ему.

Такимъ образомъ, все идетъ хорошо, пока Элладскаго не разсердятъ. Разсердить же его могутъ когда угодно и чѣмъ угодно: выраженіемъ лица при разговорахъ, какимъ-нибудь словомъ, которое покажется Элладскому обиднымъ или неприличнымъ, наконецъ, просто, какимъ-нибудь шумомъ, напримѣръ, черезъ-чуръ громкимъ сморканьемъ. Тогда плохо дѣло! Могутъ посыпаться единицы, урокъ сдѣлается скучнымъ и страшнымъ.

Послѣ того, какъ заданная порція Гомера или Геродота переведена, Элладскій вызываетъ когонибудь изъ своихъ фаворитовъ и велитъ имъ переводить что-нибудь приватное: какое-нибудь любимое мѣсто въ Одиссеѣ, или въ исторіи Геродота, или въ „меморабіліяхъ“ Ксенофонта. Къ числу такихъ любимыхъ мѣстъ относится разсказъ Ксенофонта объ явленіи Геркулесу на перепутьѣ двухъ женщинъ, прощаніе Гектора съ Андромахой въ „Иліадѣ“, а также неприличная глава „о скопцахъ“ у Геродота, переводитъ которую онъ обязательно заставляетъ, смѣха ради, Лаврова—очень скромнаго и застѣнчиваго юношу. Лавровъ переводитъ нехотя и съ досадою, а остальные ученики смѣются и говорятъ Элладскому:

— Лаврову стыдно, Маркіанъ Степановичъ!

Маркіанъ Степановичъ, молча, хлопаетъ себя по затылку и смѣется...

Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени глава „о скопцахъ“ дѣлается какъ бы спеціальностью Лаврова. Элладскій съ представленіемъ объ Лавровѣ связываетъ въ своемъ мозгу представленіе о скопцахъ, и если вадумаетъ послушать свое любимое мѣсто въ Геродотѣ, то ему въ голову невольно приходитъ фамилія Лаврова, и онъ вызываетъ его:

— Лавровъ, переведите о скопцахъ!

Но самое любимое мѣсто Элладскаго во всѣхъ греческихъ

авторахъ—это, несомнѣнно, разсказъ (въ „Одиссеѣ“) о томъ, какъ Одиссей съ товарищами напоилъ до пьяна циклопа Полифема, и какъ Полифема стошнило послѣ этого. О Полифемѣ, обыкновенно, переводить. Басихинъ: это его специальность. Элладскій принимаетъ необыкновенно-близко къ сердцу катастрофу съ Полифемомъ, вѣроятно, потому, что самъ частенько испытываетъ такое-же состояніе. Его веселитъ сознаніе, что не онъ одинъ бываетъ пьянъ, но что еще много тысячъ лѣтъ тому назадъ люди уже понимали, что такое быть пьянымъ, и знали, какія при этомъ происходятъ послѣдствія... Элладскаго радуетъ, что Гомеръ такъ превосходно описалъ состояніе пьянаго человѣка. И когда Басихинъ доходитъ до стиха „ereugeto oinobareion“ и переводить его: (по ключу) „Ибо рвало его, опьянѣвшаго отъ вина“—Элладскій хлопаетъ себя по затылку и густымъ басомъ повторять.

— Ну, да! совершенно вѣрно! Ибо рвало его, опьянѣвшаго отъ вина!

Классъ хохочетъ... Смѣется и Элладскій... И послѣ этого ученики то и дѣло обращаются къ нему съ замѣчаніемъ:

— Маркіанъ Степановичъ! Ereugeto oinobareion!..

И Элладскій каждый разъ хлопаетъ себя по затылку, говорить:—Ну, да!—и смѣется...

VI.

Θ и τ α .

Сейчасъ начнется урокъ греческаго языка, урокъ Теоппита Петровича Всепоклонскаго, котораго ученики въ виду трудности произношенія его имени зовутъ за глаза просто „Θитою“... Половина учениковъ на своихъ мѣстахъ, а другіе—въ залѣ, смежномъ съ комнатою VIII-го класса. Гимназисты сбились группами въ классъ и спѣшно, на скорую руку, переводятъ по ключу заданный урокъ—стиховъ 40—50 Софокла.

Урокъ, разумѣется, задается на домъ, но въ старшихъ классахъ уже испоконъ вѣка такъ принято, что дома учать урокъ изъ языковъ лишь 2—3 человѣка изъ самыхъ аккуратныхъ, а всѣ остальные переводятъ заданные стихи Софокла или Гомера въ классъ, за четверть часа до начала занятій, подъ руководствомъ аккуратныхъ товарищей и при помощи „ключа“.

„Перемѣна“ еще не кончилась, но „Θита“, того и гляди, что „обозначится“. Онъ является въ классъ, ни свѣтъ ни

заря, а уходитъ изъ класса по окончаніи урока лишь послѣ настоятельныхъ напоминаній... Въ группахъ учениковъ переводъ летитъ, какъ на парахъ, но проклятыхъ стиховъ остается все еще много! Въ классѣ темно, мрачно. Въ окна глядитъ сѣрая, одноцвѣтная мгла...

Въ залѣ, длинной и, сравнительно, низкой—холодно и сыро, потому что какіе-то любители свѣжаго воздуха открыли всѣ форточки. Вдоль стѣнъ скитаются, словно грѣшныя души, не находящія пристанища, зубрящіе переводъ ученики... Раздается монотонное гудѣніе, а иногда радостные или досадливые возгласы, когда переводъ оказывается удобо-попоятнымъ или, наоборотъ, не удается.

Но вотъ кое гдѣ появляются и праздныя лица. Это значитъ, что переводъ, вслѣдствіе его великой трудности, не оконченъ, и утрачена всякая надежда и, главное, охота окончить его. Это значитъ, что непременно нужно убѣждать „Ѳиту“ устроить extempore.

— Ну, что, кончили?—спрашиваетъ Аркатовъ своего сосѣда по партѣ Іоганна Шульца, который закрылъ Софокла и прохаживается по залѣ съ самымъ независимымъ видомъ.

— Нѣтъ, наплевать! Не стоитъ для „Ѳиты“ учить! А вы?

— А я на васъ рассчитывалъ: переведете и меня научите, хоть пять строчекъ, а остальное, что Богъ дастъ! Вѣдь я почти послѣдній ученикъ... Мнѣ многого-то и не требуется.

— Надо устроить письменный,—говоритъ Шульцъ.

— А ужъ это, конечно, обязательно!..

Нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ и Аркатовъ, начинаютъ во все горло вопіять: — „Письменны-ый!.. Письменны-ый!.. Да здравствуетъ письменны-ый!..“ Это дѣлается для того, чтобы испугать „Ѳиту“, который, авось, подумаетъ, что ученики „бунтуютъ“, и не рѣшится идти въ классъ. Принимая во вниманіе трусость „Ѳиты“ и уже не разъ выказанную имъ боязнь „демонстрацій“—такого рода надежда не лишена смысла.

Кое-кто, впрочемъ, еще пытается переводить злополучнаго „Эдипа въ Колонѣ“, имѣя предъ собою подлинный греческій текстъ, а рядомъ съ нимъ незаконный „ключъ“, съ варварски искаженнымъ русскимъ переводомъ „Эдипа“. Такъ какъ разбирать этотъ искаженный переводъ и добиваться въ немъ смысла очень трудно, то гимназическая практика рекомендуетъ учить непонятныя мѣста „ключа“ прямо наизусть: пускай, дескать, самъ Ѳита разберетъ. Если же учить наизусть нѣтъ времени, то есть въ запасъ еще средство, крайне рискованное, хотя и вѣрное: записать русскій переводъ мелко-мелко тутъ же, вдоль строкъ греческаго подлин-

ника... Отвѣчать урокъ при такомъ приспособленіи — очень легко и просто, но зато и опасно...

Греческія книжки „Эдипа“ имѣются далеко не у всѣхъ учениковъ. Многіе совсѣмъ ихъ не имѣютъ, руководясь тѣмъ логическимъ соображеніемъ, что если дома переводъ все-равно не готовишь, то не зачѣмъ и книгу имѣть, а въ классѣ книга всегда найдется хотя-бы у сосѣда. Можно слѣдить за переводомъ во время урока по одной общей книжкѣ. Бываетъ, конечно, и такъ, что и у сосѣда нѣтъ книги, тогда изобрѣтаются разные фокусы, чтобы имѣть книгу хотя-бы для вида и не обращать на себя вниманія педагога тѣмъ, что сидишь безъ книги, а, стало быть, „не слушаешь, занимаешься постороннимъ дѣломъ и „препятствуешь“ Оитѣ заниматься съ другими“.

Но вотъ Оита „обозначился“. Всѣмъ ученикамъ давнымъ давно извѣстно, какъ „обозначается“ Оита: сначала появляется мутное пятно... Оно растетъ, растетъ, приближается, принимаетъ человѣческій видъ, принимаетъ худощавую согнутую фигурку Оиты—и вотъ, наконецъ, Θεοπεμπτ Петровичъ входитъ въ классъ, аккуратно затворяетъ за собою дверь, торопливо раскланивается и не рѣдко улыбается, обнажая дурные зубы и непременно почесывая при этомъ свою рѣденькую бородку.

— Здравствуйте, Θεοπεμπτ Петровичъ!—привѣтствуютъ его ученики.

— Здравствуйте, здравствуйте!

Голосъ у него—въ противоположность его тощей и мизерной фигурѣ—очень громкій и даже съ какимъ-то суровымъ и дикимъ тембромъ. И при этомъ онъ удивительно разнообразно модулируетъ его. Какіе оттѣнки въ его голосѣ! Въ одномъ этомъ привѣтствіи его слышится и лукавство, и нѣкоторая снисходительность къ ученикамъ, и что-то, напоминающее „себѣ на умъ“: меня, дескать, не проведешь!

Итакъ, „представленіе съ участіемъ Оиты“ началось.

Въ старшихъ классахъ этотъ педагогъ производилъ скорѣе смѣшное и жалкое впечатлѣніе и для восьмиклассниковъ, уже подготовленныхъ для благополучнаго полученія аттестата зрѣлости, былъ мало опасенъ; но въ младшихъ классахъ, гдѣ учениковъ не жалѣютъ, не экономятъ и выпроваживаютъ изъ стѣнъ гимназіи весьма охотно—тамъ Оита славился своими звѣрствами и, благодаря такой репутациі, ученики старшихъ классовъ считали своимъ священнымъ долгомъ изводить Оиту при всякомъ удобномъ случаѣ.

Это былъ низенькій и худощавый человѣкъ съ крайне некрасивымъ лицомъ. Сколько было лѣтъ Оитѣ—этого никто не зналъ. Очевидно было, впрочемъ, что онъ жилъ на свѣтѣ

не мало, потому что лицо его покрывали морщины. Главное бѣдствіе его фізіономіи заключалось въ ея общемъ выраженіи—непріятномъ и отталкивающимъ — и въ маленькихъ бѣгающихъ тусклыхъ глазахъ, таившихъ въ себѣ что-то двусмысленное и недоброе.

У него совсѣмъ не было памяти. Это было однимъ изъ его главныхъ недостатковъ, и на немъ, обыкновенно, основывались всевозможныя надувательства, практикуемыя среди учениковъ. Ему говорили, что сегодня не Софокль, а письменная работа, ему доказывали, что задано гораздо меньше, что еще не успѣли докончить вчерашній урокъ, и пр. Препинали даже факты, долженствовавшіе навести его на мысль о справедливости увѣреній учениковъ и — не рѣдко удавалось убѣдить его. Правда, онъ записывалъ задаваемые имъ уроки себѣ въ журналъ, но ученики и этимъ не смущались.

— Вы, Θεοπεμπτѣ Петровичъ, вѣроятно, по обыкновенію, ошиблись и лишку записали!

— Какъ-же господа? У меня всегда бываетъ вѣрно записано!

— А вонъ въ прошлый разъ, помните?

Начинались опять длинные и сердитые разговоры... Время проходило, и Θита, чувствуя за собою грѣхъ безпамятства, не рѣдко уступалъ ученикамъ.

Онъ имѣлъ свой особенный языкъ и особую манеру говорить, память ему измѣняла иногда даже на разстояніи всего одной фразы отъ другой, такъ что, произнося конецъ предложенія, онъ забывалъ то, о чемъ говорилъ въ началѣ его. Дара слова у него совершенно не было. Онъ путался въ словахъ, заикался, какъ-то особенно хмыкалъ и передѣлывалъ по нѣсколько разъ фразу, желая, чтобы она вышла у него глаже и удобопонятнѣе, при чемъ, конечно, запутывалъ себя и слушателей. Въ это-же время онъ накидывался на учениковъ, браня ихъ за шумъ и дерзости—и въ общемъ получалась какая-то ужасная чепуха.

— Итакъ, слово „огонь“ произошло отъ санскритскаго корня,—напримѣръ, поучалъ Θита.—Θομιντѣ, перестаньте шумѣть! Какой дерзкій!.. Я говорю, что греческое „pyr“ это совсѣмъ не то, что латинское „ignis“. По санскритски... Или я скажу это яснѣе: корень слова „огонь“ и латинскаго ignis таится... Вѣдь такъ лучше?.. Или я скажу еще иначе... Запишите: „Латинское слово „ignis“... Затѣмъ поставьте въ скобкахъ рядомъ: „русское—огонь“... Аркатовъ! что же вы не пишете?.. Вы ничего не слушаете!.. Я вамъ сколько уже разъ говорилъ: „Аркатовъ, будьте внимательнѣе“...

Надъ составленіемъ грамматическихъ примѣровъ Θита

трудился до пота, но всегда придумывалъ примѣры неудачные, которыми потомъ весь классъ дразнилъ его. Такъ, однажды, объясняя что-то такое относительно косвенныхъ и риторическихъ вопросовъ, онъ совершенно запутался—и изъ его объясненія вышло, что и косвенные, и риторическіе вопросы—все это одно и то-же, и что на нихъ можно отвѣчать только двоякимъ образомъ: „не знаю“ или „едва-ли“. И при этомъ онъ придумалъ примѣръ:—„что мнѣ дѣлать?“

— Какой-же отвѣтъ подразумѣвается здѣсь, господа? Двойкій отвѣтъ! Можно отвѣтить: „не знаю“, или еще есть отвѣтъ: „едва-ли“...

Эита уже упустилъ изъ виду самый вопросъ, когда произносилъ отвѣтъ на него „едва-ли“...

Можетъ быть, въ другомъ примѣрѣ этотъ отвѣтъ и пригодился бы,—но въ данномъ случаѣ получилась несообразность:

— Что мнѣ дѣлать?!

— Едва-ли!..

Ученикамъ этотъ примѣръ риторическаго вопроса и отвѣта очень понравился, и они воспользовались имъ для того, чтобы дразнить Эиту.

— Вы, Шульцъ, очень дурной ученикъ! Я уже давно это замѣчаю!

— Что же мнѣ дѣлать, Теопемптъ Петровичъ! не знаю, едва-ли!

— Почему вы, Аркатовъ, пересѣли на заднюю парту?

— Едва-ли, Теопемптъ Петровичъ!..

Языкъ у Эиты былъ тоже вполне своеобразный. Забывая подходящее выраженіе, онъ ставилъ вмѣсто него другое, придуманное на скорую руку, иной разъ вовсе не подходящее; нѣкоторыя изъ его выраженій сдѣлались знаменитыми въ стѣнахъ гимназіи. Такъ, онъ говорилъ:—не звоните!—вмѣсто—не разговаривайте!—„не препятствуй“—вмѣсто „не мѣшай!“—„не барахтайтесь“—вмѣсто „сидите смирно!“...

Все это, взятое вмѣстѣ, составляло специальное „Эитовское нарѣчіе“.

Итакъ, Эита вошелъ въ классъ, раскланялся съ учениками и усѣлся за маленькій столикъ, придвинутый прямо къ передней партѣ. Этотъ столикъ служилъ вмѣсто кафедры въ VIII классѣ. Ученикамъ, сидящимъ на первой партѣ, видно содержаніе учительскаго журнала, когда тотъ лежитъ на этомъ столикѣ. Это обстоятельство всегда очень беспокоитъ Эиту, и онъ, записывая уроки или ставя отмѣтки, прячется отъ своихъ vis à vis и для этого пишетъ въ журналѣ, не положивъ его предъ собою на столъ, какъ принято, держа его у самого носа, въ воздухѣ, и кое-какъ, на

вѣсу, нацарапываетъ въ немъ, что нужно. А окончивъ царапанье, онъ кладетъ развернутый журналъ на столъ корешкомъ вверхъ. Онъ такъ привыкъ прятаться отъ взоровъ учениковъ, что даже и книги постоянно держитъ на своемъ столикѣ въ такомъ положеніи, т. е. развернувъ ихъ и положивъ страницами на столъ, а корешкомъ вверхъ: это тоже особая, „Ѳитовская“ манера обращаться съ книгами.

Сидитъ онъ, скорчившись въ три погибели: одну ногу закинулъ за другую, сгорбился, склонился туловищемъ къ колѣнямъ и мелко строчитъ какое-то писаніе на грязныхъ листахъ бумаги, время отъ времени подозрительно оглядывая классъ своими бѣгающими глазками. Ученикамъ досадно, что онъ опять явился въ классъ ни свѣтъ, ни заря и даже положенныя для прогула 10 минутъ утянулъ у нихъ...

Въ классѣ относительно тихо. Покуда Ѳита строчитъ свои записки, гдѣ-то на задней партѣ происходитъ слѣдующій разговоръ на „Ѳитовскомъ нарѣчій“.

— Сколько минутъ прошло?

— Едва ли!

— Какой дерзкій! Не противься! скажи!

— А ты перестань! Не барахтайся! Не препятствуй! Видишь, „Эдипа“ учу!

Этотъ разговоръ, какъ и предполагается, долетаетъ до Ѳиты... Онъ приподнимается, вытягивая шею, и старается узнать, кто упоминаетъ всуе его излюбленныя выраженія?

— Ну, перестань!—миролюбиво произноситъ онъ, сообразивъ, что не стоитъ обращать вниманіе на всякую мелочь и терять время.

Въ классѣ раздается сдержанный смѣхъ. Эта фраза Ѳиты: „Ну, перестань!“—классическая фраза. Онъ привыкъ употреблять ее въ маленькихъ классахъ, гдѣ принято говорить ученикамъ „ты“, и по привычкѣ постоянно употребляетъ ее и въ VIII классѣ, адресуясь къ неопредѣленной личности или къ классу in corpore.

Такъ какъ смѣхъ не прекращается, то Ѳита рѣшается начать урокъ безъ дальнихъ околичностей и, вызвавъ кого-либо изъ учениковъ, сразу приступить къ дѣлу.

Вотъ онъ всталъ, взялъ книжку, раскрылъ ее, отыскалъ въ ней нужное мѣсто, а затѣмъ подошелъ къ партамъ, прицѣливаясь въ учениковъ, кого бы вызвать? Было ясно, что онъ хочетъ заняться „Эдипомъ“, но ученики покуда молчали, готовясь дать ему отпоръ.

Онъ перебѣгалъ глазами съ одного на другого. Для того, чтобы не быть вызваннымъ Ѳитою, нужно было упорно и „дерзко“ глядѣть ему прямо въ глаза. Ѳита боялся такихъ взглядовъ и вызывалъ, обыкновенно, тѣхъ, кто сидѣлъ смиренно,

устремивъ глаза въ книжку. Кромѣ того, у него была привычка постоянно вызывать одного и того же ученика на протяженіи цѣлыхъ недѣль. Такъ и на этомъ разѣ онъ опять вызвалъ Басихина, обладавшаго собственнымъ ключемъ и поэтому всегда знавшаго переводъ. Басихинъ подъялся, но, согласно общей волѣ класса, сталъ „препятствовать“.

— Ну-съ, переведите!—промолвилъ Ёита.

— Что переводить, Ёеопемптъ Петровичъ?

— „Эдипа“! Неужели вы не знаете?

— Сегодня же письменный!

— Письменный, письменный!—заговорили всѣ кругомъ:—вовсе не „Эдипъ“ сегодня!

— Что вы, господа!—началъ извиваться Ёита, заикаясь, путаясь въ словахъ и улыбаясь. Онъ думалъ обратить это въ шутку и показать, что понимаетъ отказъ учениковъ отъ „Эдипа“ лишь въ томъ смыслѣ, что они хотятъ протянуть время и сдѣлать урокъ покороче.

— Какіе вы шутники, право!.. Точно я не знаю!

— Сами же вчера говорили, что сегодня письменный!—мрачно заявляетъ со своей стороны Аркатовъ:—Мы тетрадки для extempore принесли... А „Эдипа въ Коломнѣ“ и не готовили...

Ёита при словахъ: „Эдипъ въ Коломнѣ“ кидаетъ на Аркатова полозрительный взглядъ.

— Послушайте! Ну, это невозможно! Ну, какъ же это такъ?.. Ну, вы переводите!

Ёита обращается къ сосѣду Басихина.

— Да и я, Ёеопемптъ Петровичъ, не готовилъ „Эдипа“,—возмущается тотъ.—Мы всѣ не готовили. Сами же вы вчера общали поправлять сегодня въ классѣ письменную работу, которую вчера выдали намъ въ концѣ урока. Поправить не успѣли и сказали, что будемъ поправлять сегодня... А затѣмъ, дескать, письменный!

— Ну, хорошо!—согласился, подумавъ Ёита:—четверть часа будемъ поправлять, а потомъ переводить Софокла.

— Нѣтъ, потомъ письменный! Переводить Демосѣена!

— Да, нѣтъ же, господа! Это невозможно!—опять возмущается Ёита.

Когда съ нимъ спорятъ, онъ бѣгаетъ по классу: то повернется къ ученикамъ, то отвернется къ двери; или же встанетъ въ классическую „Ёитовскую“ позу: одна рука обвиваетъ шею и пощипываетъ бородку, другая держитъ у груди раскрытую книгу. Колѣнки ногъ сомкнуты, а ступни ногъ раздвинуты; глаза бѣгаютъ изъ одного угла въ другой.

— Нѣтъ! этого я не могу допустить!—мрачнымъ тономъ произноситъ онъ.

— Да у насъ и книжекъ „Эдипа“ нѣтъ ни у кого. Мы принесли Демосеена для экстемпоралии.

— Не хорошо, господа!—укоряетъ Эита, покачивая головой и закрывая глаза.—Ну, какъ же это такъ: я вамъ задаю одно, а вы готовите другое.

Однако такъ какъ книжекъ Софокла „ни у кого нѣтъ“, то Эита, еще побранившись съ учениками, соглашается „поправлять“ выданную вчера обратно ученикамъ экстемпоралию. Ученики достаютъ тетрадки, которыя со вчерашняго дня спокойно лежатъ въ ранцахъ или просто въ партахъ, и начинается „поправление“.

Подъ „поправленіемъ“ нужно разумѣть слѣдующее: изъ числа просмотрѣнныхъ имъ ученическихъ работъ Эита выбираетъ самую идеальную, по его мнѣнію, работу, вноситъ въ нее еще сверхъ того свои собственныя улучшенія и велитъ написать ее подъ его диктовку въ тетрадяхъ, озаглавивъ: „Correctum“... Такимъ образомъ ученики должны поучаться хорошо писать на будущее время, имѣя теперь предъ глазами рядомъ съ несовершенной собственной работой «совершеннѣйшій образецъ» ея, продиктованный Эитою, возсіявшій яркимъ блескомъ, точно пышная бабочка, появившаяся изъ неуклюжей и грязной куколки.

Эита беретъ тетрадь у Басихина, обладающаго, по мнѣнію Эиты, самымъ лучшимъ слогомъ (хотя Басихинъ по лѣности никогда не даетъ себѣ труда измѣнить хоть сколько нибудь текстъ „ключа“ и прямо—цѣликомъ списываетъ всю работу оттуда). Эита беретъ басихинскую тетрадь и читаетъ по ней съ собственными комментаріями „идеальный“ переводъ на русскій языкъ нѣсколькихъ строчекъ изъ Демосеена, служащихъ темою вчерашней письменной работы; ученики пишутъ...

Слѣдуетъ сказать, кстати, нѣсколько словъ на счетъ того, какъ, вообще, писались въ VIII классѣ экстемпоралии.

По программѣ отъ учениковъ двухъ послѣднихъ классовъ требуется умѣніе переводить Фукидида или Демосеена „правильнымъ русскимъ слогомъ и съ сохраненіемъ смысла подлинника“—безъ помощи словаря. Что касается до „правильнаго русскаго слога“, то слогъ учениковъ выправляли такіе специалисты по этой части, какъ Эита, не умѣвшій связать путемъ двухъ фразъ, или чехъ Миличъ, неправильно говорившій по русски, при чемъ эти господа ставили двойки ученикамъ, имѣвшимъ пятерки за русскія сочиненія, такъ что выраженіе „правильный русскій слогъ“ приняло у учениковъ нѣкоторый юмористическій оттѣнокъ (между прочимъ, „Эитовское нарѣчіе“ ученики звали также „правильнымъ русскимъ слогомъ“). Эита всегда укорялъ восьмиклассниковъ

въ томъ, что они переводятъ „не гладко“, и что слогъ у нихъ „шероховатый“. Это выраженіе его постоянно давало поводъ Шульцу на глазахъ у Всепоклонскаго гладить рукою по страницѣ тетрадки и замѣчать со своей стороны, что, напротивъ, „переводъ очень гладкій, точно полированный“...

„Письменный урокъ“ обыкновенно состоялъ въ слѣдующемъ:

Θита выбираетъ какое-нибудь мѣсто изъ Демосѣена и рекомендуетъ перевести его хорошимъ русскимъ слогомъ; при этомъ ученики, конечно, торгуются съ нимъ, желая перевести меньшее количество строкъ и этимъ огорчаютъ Θεопемпта Петровича, утягивая у него драгоцѣнное время. Когда выбрано мѣсто въ Демосѣенѣ, ученики отыскиваютъ соотвѣтствующее мѣсто въ ключѣ. На весь классъ приходится обыкновенно 3—4 ключа, но ученики распространяютъ полученные изъ ключа свѣдѣнія „по преемству и втайнѣ“ на весь классъ. И вотъ начинается усердное писанье... Θита меланхолически бродитъ по классу изъ угла въ уголъ; ученики подъ его взорами безцеремонно заглядываютъ въ тетради другъ къ другу и въ ключи, которые „изъ приличія“ держатся всетаки подъ партами. Греческій текстъ лежитъ на партахъ исключительно лишь для отвода глазъ. Ученики заглядываютъ другъ къ другу въ тетрадки и совѣщаются, кому и какъ написать переводъ, чтобы не вышло одно и тоже у всѣхъ... Полученный изъ ключа русскій текстъ варьируется на всѣ лады, такъ что, въ тѣсномъ смыслѣ, ученики переводятъ не съ греческаго на русскій, а съ русскаго на русскій. Во время писанья ведутся разговоры частнаго характера съ Θитою. Иногда для отвода глазъ просятъ его объяснить якобы темное мѣсто перевода.

Передъ тѣмъ, какъ начать читать по басихинской тетради „correctum“, Θита сегодня еще немножко побранился съ учениками изъ-за того, что они своими „спорами и шумомъ и всякимъ звономъ“ отняли столько времени отъ занятій.

— Вы постоянно шумите!—обратился онъ къ Шульцу, какъ нарочно, сидѣвшему на этотъ разъ очень смирно,—не даете слова сказать! Такъ и трезвоните!

Шульцъ воспротестовалъ, и еще нѣсколько драгоцѣнныхъ минутъ было утрачено. Наконецъ, Θита сталъ читать „correctum“.

— Ну, господа, слушайте!

Ученики приготовились слушать.

— „Опустошивъ Левкадію, Θивы и Коринѣъ“,—началъ Θита:—„Филиппъ вошелъ въ Аттіку“... Или лучше: „Послѣ того, какъ Филиппъ... опустошилъ“...—Θита остановился и, приподнявъ палецъ съ необыкновенно важнымъ выраженіемъ

лица и голоса произнесъ:—„Опустошилъ—или, я говорю: „нанесъ опустошеніе“—вѣдь такъ лучше? Я бы написалъ: „нанесъ опустошеніе“... такъ лучше!

— Θεοπεμπтъ Петровичъ!—спросилъ Аркатовъ:—а можно сказать „разграбилъ“?

— Аркатовъ! Смотрите! Вы меня перебиваете!—грозно замѣтилъ Ёита,—лучше слушайте, что я читаю.

— По моему, можно написать „разграбилъ“, — не унижается Аркатовъ.—Я такъ, пожалуй, и напишу.

Ёита хочетъ читать „correctum“ далѣе, презрѣвъ аркатовскія кляузы, но Ёомиръ, сосѣдъ Аркатова, встаетъ и ябедничаетъ:

— Θεοπεμπтъ Петровичъ! Аркатовъ написалъ „разграбилъ“..

— Ну, перестань! не шуми!

Ёита крѣпится и, продолжая не обращать вниманія на Аркатова, снова принимается за „correctum“:

— Итакъ, я говорю: „Послѣ того, какъ Филиппъ“... или лучше: „когда Филиппъ опустошилъ“—или я сказалъ: „нанесъ опустошеніе“... Вѣдь лучше? Ну, что же вы не пишете?—вдругъ желчно обратился онъ къ Шульцу:— Что же вы не пишете? Какой, право, безцеремонный!

Ученики засмѣялись.

— Θεοπεμπтъ Петровичъ, вы всегда напрасно на меня нападаете!—обижается Шульцъ, но Ёита опять накидывается на него:

— Вы постоянно производите шумъ! Я васъ знаю!

Ёита сердится, собственно говоря, оттого, что ему очень хочется напасть на Аркатова. Но напасть на Аркатова—это значитъ потерять массу драгоценнаго времени, потому что нѣтъ ни одного ученика въ классѣ многорѣчивѣе Аркатова. Поэтому Ёита срываетъ сердце на другихъ, болѣе благодушныхъ. Аркатовъ уже съ самаго начала урока терзаетъ Ёиту... Зачѣмъ онъ усѣлся на заднюю парту? Что онъ тамъ мудрить и изобрѣтаетъ вмѣстѣ съ Ёоминымъ? Почему такъ пагло глядитъ въ глаза Ёитѣ и задаетъ наглые вопросы?

— Вы постоянно шумите!—продолжаетъ онъ корить Шульца.

— Да я не виноватъ, ей Богу!

— Не сопротивляйтесь!.. Постоянно не имѣете книги! Гдѣ ваша книга?

— Θεοπεμπтъ Петровичъ, опять обращается къ Ёитѣ Аркатовъ:—мы уже написали то, что вы продиктовали намъ...

— Ну, что вы тамъ, Аркатовъ, барахтаетесь! Вы мнѣ мѣшаете!

Ученики опять смѣются надъ этимъ „барахтаетесь“..

— А почему вы, Аркатовъ, ушли съ передней парты? Встаньте!

Аркатовъ встаетъ.

— Здѣсь мнѣ удобнѣе! Я уже тутъ теперь постоянно сижу.

— Вѣдь это же не порядокъ! Развѣ можно.. произвольно мѣнять мѣста? что за безцеремонность? Я васъ прошу пересѣсть.

— Да зачѣмъ-же?

— Вы мнѣ мѣшаете разговорамъ, постоянно звоните тамъ—назади!

— Я сталь-бы спрашивать васъ и на передней партѣ.

— Какой дерзкій!

Сверхъ ожиданія Аркатовъ ничего не возражаетъ на эту реплику, но молча садится... Оита хочетъ приняться за „сoггестum“, но Аркатовъ не даетъ ему покоя... Что за дерзость оставаться на задней партѣ, когда ему приказано пересѣсть!.. Побѣгавъ въ волненіи по классу, Теопемптъ Петровичъ снова обращается къ Аркатову:

— Аркатовъ! Пересядьте, пожалуйста!

— Господи, да къ чему-же?

— Ахъ, какой! Вѣдь вотъ я тружусь, составляю фразы, думаю, какъ лучше выразиться, а вы мѣшаете своимъ постояннымъ звономъ и... барахтаньемъ!

— Ну, я не буду больше задавать вамъ вопросы.

— Постоянно шумите! Я ужъ нѣсколько разъ дѣлалъ вамъ замѣчанія, а вамъ все неймется! Вотъ теперь я изъ за васъ цѣлыхъ пять минутъ потерялъ!

— Теопемптъ Петровичъ! Да вѣдь если я полѣзу черезъ парты, то произведу еще болѣе шумъ, и время утратится...— говорить прерывающимся отъ хохота голосомъ Аркатовъ... Наконецъ, онъ не выдерживаетъ и валится на парту, закрывъ лицо руками и стараясь заглушить подступившій къ нему хохоть... Оитѣ сообщаютъ, что Аркатовъ плачетъ... Шульцъ укоризненно говорить а parte:

— До чего человѣка довели!

Но постепенно все кое-какъ успокаивается... Аркатовъ выходитъ изъ класса и—снова возвращается... Оита рѣшаетъ теперь не обращать на него никакого вниманія... Посмотрѣвъ на часы и увидя, что уже прошло полчаса въ глупыхъ выхѣдкахъ Аркатова и К^о, Оита объявляетъ, что за недостаткомъ времени „сoггестum“ откладывается на завтра, а сейчасъ слѣдуетъ заняться переводомъ Софокла.

Оита, очевидно, хочетъ выказать твердость характера, но и ученики проникнуты той же добродѣтелью.

— Да вѣдь у насъ нѣтъ-же книгъ Софокла: не почему переводить!

Эита мрачно задумывается.

— Надо письменный сдѣлать, Теопемптъ Петровичъ!— совѣтуетъ Эоминъ.

— Нѣтъ, нельзя! Мало времени! Изъ за вашей балтовни мы потеряли цѣлыхъ полчаса... Вы, Эоминъ, дождетесь когданибудь худа!.. Постоянно болтаете и шумите!..

Наступаетъ пауза. Эита бѣгаетъ изъ угла въ уголъ.

— А „Иліада“, господа, у васъ есть?

„Иліада“ оказывается. Ученики соображаютъ, что такъ какъ уже полчаса прошло, и такъ какъ сегодня по росписанію „Иліады“ не полагается, то Эита будетъ спрашивать, очевидно, или старый урокъ изъ Гомера, или заставить переводить à livre ouvert, за что отмѣтокъ не ставится... Таки́мъ образомъ, опасности отъ „Иліады“ нѣтъ никакой... „Иліады“ вынимаются и кладутся на парты. Басихинъ, вызванный опять Эитою, безпрепятственно соглашается переводить старый урокъ, уже двадцать разъ переведенный имъ же самимъ. Эта безпрепятственность такъ радуетъ Эиту послѣ перенесенныхъ непріятностей, что онъ внезапно расцвѣтаетъ душой, улыбается и весело говорить Басихину:

— Итакъ, переведемте!

Вслѣдъ за этимъ онъ гордо поднимаетъ голову и начинаетъ опять бѣгать по классу, но уже съ торжествующимъ выраженіемъ во всей фигурѣ. У него не рѣдкость такіе неожиданные переходы отъ мрачнаго настроенія къ веселому...

Пока Басихинъ переводитъ, а Эита поправляетъ его, запинаясь, пережевывая фразы и путаясь въ словахъ, остальные ученики занимаются, кто чѣмъ хочетъ... Іоганнъ Шульцъ обвязываетъ веревочками свой износившійся ранецъ... Это опять бѣситъ Эиту, и онъ накидывается на злополучнаго Іоганна:

— Перестанете-ли вы звонить?. Что вы тутъ тараторите на весь классъ?

Іоганнъ Шульцъ докладываетъ Эитѣ, что ранецъ онъ завязывалъ молча, и что звонить не онъ, а его многочисленные сосѣди... Но Эита съ представленіемъ о шумѣ и „звонѣ“ постоянно связываетъ въ своемъ мозгу представленіе объ Аркатовѣ, Шульцѣ и Эоминѣ. И эти фамиліи сами собою появляются у него на языкѣ, едва раздается „звонъ“...

Послѣ Шульца сердце его все еще не можетъ успокоиться. Въ классѣ всетаки продолжаютъ шумѣть. Надо опять обрушиться на когонибудь. И Эита обрушивается, но учиняетъ еще худшій промахъ:

— Эоминъ!—кричитъ онъ:—перестаньте!

— Теопемптъ Петровичъ, — докладываютъ ему со смѣхомъ:—Эомина нѣтъ! Онъ вышелъ изъ класса сію минуту.

Опять фамилія Өмина явилась Өитѣ въ голову, исключительно вслѣдствіе ассоціаціи идей:—шумятъ—ну, значитъ, шумитъ Аркатовъ, Шульцъ, Өоминъ... Өоминъ постоянно шумитъ. Въ результатъ, однако, промахъ. Өита конфузится, злится и срываетъ сердце опять на несчастномъ Іоганнѣ, которому пришла необходимость высморкаться:

— Опять вы бушуете!.. Ничего изъ за васъ не слышно!..

— И высморкаться-то нельзя!.. О, Господи!

— А вотъ я убѣждусь, слушали ли вы мои объясненія... слышали-ли то, о чемъ сейчасъ переводили?.. Повторите переводъ „Иліады“!

Шульцъ съ сердцемъ начинаетъ распаковывать свой хитрый ранецъ, въ который онъ уже сложилъ свою „Иліаду“ въ надеждѣ, что Өита не догадается вызвать его... У сосѣда Шульца „Иліады“ совсѣмъ и въ заводѣ нѣтъ, а лежитъ для отвода глазъ „Юлій Цезарь“. Однако товарищи выручаютъ Іоганна: откуда-то къ нему подползаетъ истинная „Иліада“. Шульцъ беретъ ее и жалкимъ голосомъ начинаетъ переводить. Но Өита съ первыхъ же строкъ обрываетъ его:

— Вы не такъ переводите! Ничего не слушали!

— Да какъ же? „Беретъ въ руки камень очень большаго вѣса“?

— Да не „беретъ“!.. Вотъ не слушали, какъ я переводилъ это мѣсто! Я только что говорилъ Басихину, что аористъ передается на русскомъ языкѣ прошедшимъ временемъ, а вы вдругъ настоящее!

— Я поставилъ его для правильного русскаго слога.

— Садитесь!

Өита беретъ журналъ и, придвинувъ его къ самому носу, ставитъ какую-то, повидимому, скверную диффу...

— Вы мнѣ сколько поставили, Өеопемптъ Петровичъ?—любопытствуетъ Шульцъ.

— Два!—отвѣчаетъ съ какимъ-то скромнымъ смиреніемъ въ голосъ Өита и кладетъ раскрытый журналъ на столъ, корешкомъ вверхъ.

Шульцъ точно такъ-же бросаетъ на парту на глазахъ Өиты свою „Иліаду“, тоже раскрытую и корешкомъ вверхъ, и садится, промолвивъ, точно Фаустъ:

— Проклятыя вамъ, всѣ науки земныя!

А у Өиты точно камень свалился съ сердца. Утѣшился—наказалъ Шульца!

Шульцъ—одинъ изъ немногихъ не придирался къ Өитѣ изъ за скверныхъ отмѣтокъ. Онъ не любилъ явно грызться съ Өитою и предпочиталъ вставлять въ общій разговоръ разныя двусмысленныя словечки а parte. Такъ и на этотъ разъ

его двойка сошла. Эйтъ безнаказанно съ рукъ, и Эита радовался своему успѣху.

Онъ вызвалъ опять Басихина и началъ вмѣстѣ съ нимъ переводить о томъ, какъ нѣкій греческій герой, мстя за смерть своего друга, поднялъ съ земли камень большой тяжести, „который поднять не смогли-бы и двѣнадцать мужей, какихъ нынѣ производить земля“. Переводъ этотъ Эита началъ снабжать своими комментаріями. Бѣгая по классу и безпрестанно становясь въ излюбленную позу съ сомкнутыми колѣнями, онъ вздумалъ объяснять, какимъ именно образомъ упомянутый герой поднялъ съ земли столь тяжелый камень... Объясняя, онъ, по своему обыкновенію, въ концѣ концовъ запутался и заявилъ, что герой поднялъ камень „упершись руками и ногами“...

— Они были вѣдь сильные, греки-то!—разсуждалъ онъ:—сильнѣе нынѣшнихъ людей!..

Въ самомъ концѣ урока Эита затѣялъ давать ученикамъ „реальныя объясненія“ къ завтрашнему Софоклу.

Въ программу преподаванія греческаго языка въ старшихъ классахъ были включены такъ называемыя „реальныя объясненія“. Въ противовѣсъ и въ смягченіе буквоедству прежнихъ временъ, когда въ гимназіяхъ изучали древніе языки со всѣми ихъ тонкостями, но безо всякаго разумѣнія той эпохи, когда эти языки были языками живыми,—въ старшихъ классахъ было введено изученіе античнаго быта и обстановки, знакомство съ біографіями переводимыхъ классическихъ писателей и пр. Чтеніе этихъ писателей, конечно, становилось при такихъ условіяхъ гораздо болѣе продуктивнымъ и осмысленнымъ.

Но, какъ и все, что выходило изъ устъ Эиты, его „реальныя объясненія“ имѣли очень своеобразную окраску.

Не владѣя даромъ слова, онъ обыкновенно читалъ эти объясненія ученикамъ по книжкѣ или по запискамъ и требовалъ дословнаго записыванія того, что читалъ. У него не хватало силъ сдѣлать краткій конспектъ изъ той или другой статьи или главы читаемаго сочиненія по данному вопросу—онъ не могъ, по возможности, сократить читаемое, дать только самую суть его—и читалъ *все*, съ мельчайшими подробностями, съ ненужными растянутостями, которыя только затягивали дѣло, такъ что ученики никогда не успѣвали покончить съ даннымъ предметомъ во всей его цѣлости. Большинство учениковъ, записывая эту диктовку „Эиты“, сами дѣлали сокращенія, выкидывая изъ диктуемаго все то, что было тамъ лишь для красоты слога. Иногда на Эиту находило вдохновеніе особаго рода: онъ вдругъ объявлялъ ученикамъ, что на экзаменѣ зрѣлости ассистентъ-профессоръ

обязательно спросить ихъ о томъ, какіе боги были на сторонѣ троянцевъ, и какіе охраняли ахейнъ? Хотя ученики плохо вѣрили въ это пророчество, но—чего не бываетъ!—все-же нельзя было поручиться, что этого не будетъ—и смиренно начинали учить два столбца боговъ... Съ этими богами Эита надоѣдалъ восьмиклассникамъ больше мѣсяца... Ученики постоянно путали ихъ. Эита укорялъ учениковъ, сердился и вызывалъ у нихъ веселый смѣхъ, называя Афродиту „Афрокидой“, такъ какъ его заплетающійся языкъ постоянно перевиралъ классическое имя этой богини. Въ другой разъ восьмиклассники маялись съ названіями греческихъ вѣтровъ, и цѣлые уроки проходили въ записываніи и заучиваніи того, какой вѣтеръ какъ назывался у грековъ и въ которую сторону дулъ?.. Потомъ пришла очередь изучать „Планъ Трои“... Эита долго и старательно чертилъ его на доскѣ, справляясь по какой-то нѣмецкой книжечкѣ, трактовавшей объ этомъ предметѣ... За послѣднее время Эита объяснялъ ученикамъ содержаніе софокловскихъ произведеній, излагалъ краткую біографію Софокла и пр. Разумѣется, все это, по вышеуказанной причинѣ, никогда не бывало заканчиваемо.

Сегодня онъ началъ читать „біографію Эдипа“, составленную имъ самимъ. Ее-то онъ и дописывалъ по приходѣ въ классъ, въ началѣ урока. Въ его рукахъ оказались листки исписанной бумаги грязно-сѣраго цвѣта.

— „Эдипъ, князь Фивскій“...—началъ онъ.

— Какой князь? Кіевскій?—переспросилъ Аркатовъ.

— Я же вамъ ясно сказалъ „Фивскій“ — разсердился Эита:—Неужели не понятно?.. Ну, или я скажу лучше—Фиванскій... Жившій въ городѣ Фивахъ!

— А развѣ онъ былъ князь?

Эита забѣгалъ по классу... Онъ понялъ, что напрасно окрестилъ Эдипа этимъ титуломъ, который зря попался ему на языкъ—такъ же, какъ попадались на языкъ и другія неподходящія выраженія... Но, во избѣжаніе длинныхъ разговоровъ, онъ рѣшилъ оставить вопросъ Аркатова безъ послѣдствій... Однако Аркатовъ не утерпѣлъ, и, по юношескому легкомыслію, пустилъ въ пространство глубокомысленное соображеніе:

— Онъ родомъ-то, должно быть, изъ Россіи: имена-то совсѣмъ русскія: „Эдипъ въ Коломнѣ“, „Эдипъ князь кіевскій“!..

— Послушайте, Аркатовъ! Я вамъ поставлю два за успѣхи!—окончательно разсердился Эита.

Онъ кинулъ на столъ „біографію Эдипа“, взялъ журналъ и нацарапалъ въ немъ двойку. Аркатовъ обидѣлся:

— Θεοπεμπτή Πετροвичъ! За что же?

— За то, что вы нестерпимо дерзко говорите со мной!.. Встаньте! Почему вы не встаете?

Аркатовъ всталъ.

— За что же въ успѣхи-то? Ужъ лучше въ поведеніе поставьте!

— Ну, я и въ поведеніе поставлю!—согласился Оита.

— Θεοεμπτъ Петровичъ! Такъ нельзя!

— Что нельзя?

— Да нельзя же ставить за успѣхи, когда вы меня урока не спрашивали!

— Ну, перестаньте! не шумите!

— Что-жъ это такое, въ самомъ дѣлѣ. Я пожалуйсь директору...

Оита подъ наплывомъ новыхъ дерзостей Аркатова съ минутой молча бѣгаетъ по классу... Но потомъ останавливается и, зажмуривъ глаза, произноситъ тихимъ и значительнымъ голосомъ:

— А, вы мнѣ объявляете войну?.. Смотрите, будетъ худо!.. Я буду бороться!

Онъ собираетъ дрожащими руками растрѣпанные листки „біографіи Эдипа“ и начинаетъ читать біографію далѣе... Аркатовъ сидитъ, вызываясь скрестивъ руки, и не желаетъ писать подъ диктовку...

— Я вамъ припомню!—тихо произноситъ Оита, искоса взглядывая на него.

Аркатовъ молчитъ.

— Васъ не допускать до экзамена!

Аркатовъ все молчитъ и не беретъ пера въ руки... Оита все болѣе и болѣе волнуется...

— И я на васъ пожалуйсь директору!—вдругъ объявляетъ онъ, бѣгая изъ угла въ уголъ...—Вы самый худой ученикъ! Постоянно шумите!.. Васъ только одного и слышно въ классѣ! Я вамъ ужъ сколько разъ говорилъ:—Аркатовъ!.. Смотрите, дождетесь худа!.. Берегитесь!..

Аркатовъ и на эти слова Оиты ничего не отвѣчаетъ и мрачно сидитъ, скрестивши по прежнему руки, затаивъ какую-то ехидную интригу противъ Оиты...

У Оиты изболѣло все сердце, но... до конца урока остается всего нѣсколько минутъ—и нельзя терять ихъ!.. Нужно скорѣе читать далѣе „біографію Эдипа“...

И онъ сталъ ее читать далѣе, но съ первыхъ же строкъ привелъ весь классъ въ восторгъ:

— „Герольдъ однажды ѣхалъ на колесницѣ съ Лаемъ“...

— Какъ такъ съ лаемъ? Что вы, Θεοεμπτъ Петровичъ? Что онъ—собака, что-ли?

Оита забѣгалъ по классу...

— Я право, дивлюсь вамъ, господа!.. Вѣдь это же были греки! Что смѣшно для васъ, то вовсе не было смѣшно для нихъ!..

— Какъ же такъ, всетаки съ лаемъ?

— Да, перестаньте! Отца Эдипа звали Лай... Развѣ вы не знаете? Герольдъ съ нимъ вмѣстѣ и ѣхалъ на колесницѣ... Ну, запишите рядомъ въ скобахъ: „съ отцомъ Эдипа“—чтобъ было понятнѣе.

Въ эту минуту раздался звонокъ... Эита заволновался, заторопился и началъ, путаясь и запинаясь, диктовать далѣе.

— Проклятый сторожъ заниматься не даетъ! Вѣчно звонить!—ворчалъ втихомолку Шульцъ.

Его сосѣди засмѣялись. Ученики безцеремонно стали подниматься и собирать книги. Эиту приходилось каждый разъ чуть не силой выживать изъ класса.

— Θεοπεμπτή Петровичъ! Звонокъ былъ! Домой пора!

— Что къ слѣдующему разу, Θεοπεμπτή Петровичъ?

— Ну, позвольте, позвольте господа!—умолялъ Эита, бѣгая по классу со своими листками:—еще двѣ строчки, чтобъ закончить аккуратно, глаже!..

— А не то „шероховато“ будетъ!—опять замѣчаетъ Шульцъ.

Когда двѣ строчки написаны—ученики рѣшительно поднимаются со своихъ мѣстъ.

— Θεοπεμπτή Петровичъ! Нужно молитву читать!

— Позвольте, господа! Я еще вамъ долженъ сказать... Итакъ, я говорю...

— „Благодаримъ Тебѣ, Создателю“...

Послѣ молитвы, во время которой Эита низко кланяется и все время крестится, ученики окружаютъ его и, буквально, стараются выдавить изъ класса. Онъ задаетъ урокъ къ завтрашнему дню... Ученики даже не торгуются съ нимъ изъ количества строчекъ... Торговаться будутъ завтра!.. Эита силится дать еще какія-то инструкціи, просить чего-то не забывать. Ученики соглашаются со всѣмъ этимъ и выпираютъ его... Онъ раскланивается и убѣгаетъ...

Ученики торопливо идутъ по темному корридору и у дверей „дежурной“ комнаты натыкаются на Аркатова и Эиту... Оба улыбаются... Эита зачеркиваетъ въ своемъ журналѣ аркатовскую двойку и говорить Аркатову:

— Хорошо, я мирюсь! Но только, пожалуйста, впредь не скандальте!.. Поймите, Аркатовъ, я вамъ худа не желаю. Но нельзя же такъ!.. Чуть что—къ директору?!

И онъ прибавляетъ, захлопывая журналъ:

— Какой вы шумъ подняли!.. Какой вы свирѣпый!..

Эита на сегодня исчезаетъ для учениковъ, которые

торопятся домой. Они не видятъ, какъ онъ послѣ всѣхъ надѣваетъ шубу и говоритъ, закрывая глаза, сторожу Степану:

— Трудный былъ день, Степанъ!

А Степанъ, питающій къ Онтѣ симпатію, какъ къ блаженненькому, сочувственно вздыхаетъ... Они не видятъ, какъ двигается по улицѣ маленькая фигурка Онты, и не знаютъ, какія разнообразныя чувства копошатся въ его груди. Тутъ и мелкая ненависть нервнаго человѣка, котораго треплутъ и дергаютъ каждый день, и боязнь предъ начальствомъ, которое можетъ сдѣлать ему выговоръ за дурное веденіе уроковъ, и отсутствіе дисциплины въ классѣ; тутъ и досада, и сожалѣніе, что при всемъ стараніи вести дѣло какъ можно лучше, при полной добросовѣстности и необыкновенномъ усердіи къ дѣлу—все выходитъ какъ-то нелѣпо и безтолково... И многое еще другое копошится тогда въ сердцѣ Онты—этого учителя-неудачника, принужденнаго заниматься тѣми благоглупостями, которыя требуетъ гимназическое преподаваніе, и при томъ учителя, въ полномъ смыслѣ слова, обиженнаго судьбой...

VII.

Черный день.

Сумрачный свинцовый декабрьскій разсвѣтъ мерцаетъ въ окнахъ... Въ комнатахъ еще совсѣмъ темно... Холодно... Съ вечера позабыли еще разъ протопить печь.

Аркатовъ просыпается отъ какого-то неопредѣленнаго тревожнаго ощущенія.—Такъ и есть!—говоритъ онъ самъ себѣ, перейдя въ состояніе бодрствованія и потягиваясь подъ теплымъ одѣяломъ:—такъ и есть!.. Сегодня понедѣльникъ, чтобъ его черты побрали!.. И исторія, и математика!..

Онъ начинаетъ соображать, что, собственно говоря, обозначаетъ разбудившее его тревожное чувство, и припоминаетъ, что изъ исторіи (равно какъ и изъ другихъ предметовъ) урокъ не приготовленъ, не смотря на всѣ напоминанія разсудка, и есть большая надежда, что Кузнецовъ вызоветъ его... А изъ математики во всемъ классѣ только у него одного нѣтъ отмытки за эту учебную четверть... Да еще въ прошлый разъ имѣлъ несчастіе отказаться отъ отвѣта... Значитъ, сегодня математикъ „вытянетъ“ Аркатова несомнѣннѣйшимъ образомъ.

— Не пойду въ классъ!—рѣшилъ Аркатовъ и, довольный тѣмъ, что дѣло разрѣшилось такъ легко и просто, повернулся на другой бокъ и приготовился сладко заснуть... Но вдругъ его ужалила новая мысль...

— Да вѣдь сегодня нужно поправляться изъ греческаго. Послѣдній день передъ табелями; не то двойка выйдетъ! Что я, совсѣмъ съ ума что-ли спятилъ, что вздумалъ оставаться дома? Идіотъ какой! Спать вздумалъ!..

Онъ, скрѣпя сердце, вылѣзъ на половину изъ подъ одѣяла и, охвативъ колѣни руками и трясаясь отъ холода, сталъ, по своей привычкѣ, разсуждать самъ съ собою, съ примѣсью особаго гимназическаго балагурства, которое появлялось у него при подобныхъ печальныхъ обстоятельствахъ, какъ-бы въ противовѣсъ ощущенію тоски и досады.

— О, я, несчастный! — бормоталъ онъ, судорожно стуча зубами:—О, me miserum! И дернулъ меня чортъ получить двойку у Элладскаго! Вотъ и поправляйся теперь! Не будь ея—спаль-бы, да спаль теперь!.. И исторія благополучно миновала-бы!.. Какая несправедливость со стороны родителей отдавать дѣтей на истязаніе Элладскому!..

Но, какъ извѣстно, ни бранью, ни такимъ меланхолическимъ балагурствомъ дѣлу не пособишь. Волей-неволей приходилось вылѣзать изъ подъ одѣяла на холодъ и одѣваться, дрожа и стуча зубами. — Всѣ теперь еще спятъ, за исключеніемъ насъ, каторжныхъ гимназистовъ,—думалъ Аркатовъ:—И Анисья спитъ—„стыдливая, достопочтенная служанка или, иначе, ключница“, какъ говоритъ Гомеръ—и самовара не изготовила, подобно тому, какъ я не изготовилъ урока!.. Еще ее нужно будить! И тетка спитъ! Хотя разъ поднялась бы раньше меня, и сама свела счеты съ Анисьей, а то все я, да я!

Перемѣшивая это бормотанье греческими фразами изъ Гомера, Аркатовъ одѣлся и, выйдя въ кухню, сталъ умываться ледяной водой, нѣсколько охладившей его свирѣпость. Уже значительно разсвѣло; сквозь застывшія окна бѣлѣла снѣжная пелена. Изъ-за перегородки доносился храпъ Анисьи.

Аркатовъ сталъ стучать въ перегородку... Послѣ этого онъ прошелъ въ свою комнату, зажегъ лампу и при невѣрномъ двойкомъ освѣщеніи блѣдной „снѣжной“ зари и лампы развернулъ исторію—и задумался...—не лучше ли греческимъ поддаться? На исторію наплевать! Можетъ быть, и не вызоветь. А если и двойку залѣпить, то въ табелѣ все равно тройка выйдетъ... И то хлѣбъ... Займемся греческимъ!.. Но и тутъ на пути стала неприятная неожиданность:—Тьфу, ты! Пропали на тебя нѣту!—выбрали онъ греческую книгу, не найдя въ ней цѣлыхъ десяти нужнѣйшихъ страницъ... Онъ вспомнилъ, что оставилъ ихъ въ классѣ, въ партѣ, куда положилъ ихъ во время греческаго языка (выдравъ изъ

книги), для того, чтобы удобнѣе было списывать съ нихъ во время экстемпоралии...

— Вотъ такъ штука!—пробормоталъ онъ въ смущеніи:—греческій-то который? Третій урокъ! Первый—латинскій... Потомъ математика... Ну, вотъ за математикой и подзаймусь! Вѣдь старое задано, вѣдь прежде переводилъ уже это... Только повторить придется!.. Да вѣдь переводилъ-то скверно!—вспомнилъ онъ вдругъ:—За это и двойку-то получить!.. Э-эхъ! Ну, и жизнь!

— Ну, тогда, видно, сама судьба велитъ заняться математикой! Вотъ что!

Аркатовъ досталъ тетрадь съ алгебраическими записками, досталъ „курсъ алгебры“ Малинина и Буренина, разложилъ все это передъ собой и—задумался... Въ его головѣ стали мелькать одна за другой, Богъ вѣсть, чѣмъ вызванныя картины минувшаго лѣта...—Ни черта этакъ не выучу!—рѣшилъ онъ:—нужно приналечь!—Онъ взялъ перо, придвинулъ бумагу и сталъ писать на память формулы и выкладки...

— Ужасно слабо понимаю! — произнесъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ труда:—нужно будетъ попросить Фомина въ классѣ объяснить эту китайщину!—Но вспомнивъ, что математика—второй урокъ, онъ невольно разсмѣялся.

— Когда же это, спрашивается, я успѣю все слѣлать: и греческій выучить, и у Фомина поучиться, и еще латынь, по обыкновенію, перевести!.. Вотъ гдѣ проклятое-то существованіе!..

Онъ снова приступилъ къ алгебрѣ, но не успѣлъ поработать и пяти минутъ, какъ тетка, уже успѣвшая встать и устроить чаепитіе, позвала его пить чай...

Захвативъ тетрадь, онъ отправился въ столовую, будучи убѣжденъ, что въ теченіе того времени, пока будетъ пить чай, успѣетъ кое-что выучить... Онъ всегда обманывался въ этомъ разчетѣ и всегда снова вѣрилъ въ него...

Но вотъ чаепитіе окончено. Аркатовъ одѣвается и выходитъ на улицу... Онъ начинаетъ торопливо шагать, ежась отъ мороза.—Пораньше придти не мѣшаетъ! Можно успѣть приготовить до молитвы латинскій переводъ и съэкономить немножко времени для математики... Греческимъ придется заняться уже во время математики, послѣ того, какъ будетъ вызванъ и отвѣтить урокъ.

— Охъ! Будетъ мнѣ сегодня „жалкая гибель“—подумалъ Аркатовъ, опять выражаясь языкомъ „Одиссеи“ или, вѣрнѣе, языкомъ „ключа къ Одессѣ“:—„Задрожитъ милое сердце, и ухватитъ страхъ меня за волосы, когда взойдетъ златокудрая, розоперстая Эосъ!“ А, впрочемъ, если даже и провалюсь, рѣшительно изъ всего,—неожиданно рѣшилъ онъ:—

такъ и то бѣда не большая! Вѣдь живъ останусь!.. Вѣдь хоть и провалюсь, а останусь на поверхности земли!

Но, какъ ни какъ, а какое-то тяжелое непріятное чувство грызетъ все-таки его сердце... И никогда-то не оставляетъ его это чувство—чувство возможности „провалиться“... Теперь—уроки не выучены, и ему грозитъ опасность получить двойки; когда же уроки бывали выучены всѣ (а это съ нимъ случалось въ бытность его въ маленькихъ классахъ, когда онъ состоялъ еще въ чинѣ перваго ученика), тогда онъ боялся нарваться на четверку вмѣсто пятерки... Все равно: всегда одинаковое острое, угнетающее чувство, особенно по утрамъ...

Но, тѣмъ не менѣе, онъ бодро пагалъ... Не доходя нѣсколькихъ домовъ до гимназіи, онъ увидѣлъ шедшаго впереди его латиниста маленькихъ классовъ, Спасскаго.—Обогнать придется!—сообразилъ Аркатовъ:—и нужно раскланяться—все-таки начальство! А сбоку ужасно неловко раскланиваться!.. Ну, его!.. Перейду на другую сторону—и баста!

Аркатовъ перешелъ на противоположную сторону улицы и зашагалъ еще скорѣе прежняго, будучи вполне убѣжденъ, что Спасскій его не замѣтитъ. Но не успѣлъ онъ пройти десяти шаговъ, какъ услышалъ за своей спиной хорошо знакомый пѣвучій голосъ инспектора...—Откуда опять онъ успѣлъ взяться?—подумалъ Аркатовъ съ истиннымъ недоумѣніемъ.. Онъ обернулся и сталъ неловко сдирать съ головы фуражку, чтобы раскланяться съ начальствомъ, такъ внезапно налетѣвшимъ на него... Ударяя отъ Спасскаго и переходя на другую сторону улицы, онъ совершенно упустилъ изъ виду, что тамъ шло другое начальство, прошелъ почти подъ носомъ у него—и вотъ теперь попалъ изъ огня да въ полымя...

—Здравствуйте, здравствуйте, милый!—запѣлъ инспекторъ своимъ теноркомъ; и, подойдя къ почтительно остановившемуся Аркатову, промолвилъ:

—Что-же вы, батенька, не видите ничего подъ носомъ! Не хорошо такъ ротозѣйничать! Съ одной стороны Федоръ Андреевичъ идетъ—вы бѣжите отъ него! Съ другой стороны—я, вы меня не видите!.. Мнѣ ваши поклоны вовсе не нужны, но порядокъ и приличіе соблюдать все-таки требуется!.. Ну, подите, милый, съ Богомъ! Учитесь!..

—Ну, вотъ уже началось!—подумалъ бѣдняга, снова зашагавъ къ гимназіи:—еще солнце не взошло, а ужъ мнѣ влетѣло отъ начальства.

Обогнать Спасскаго ему такъ и не удалось. Оба—и онъ, и Аркатовъ подошли къ крыльцу гимназіи въ одно время. Пока Аркатовъ претерпѣвалъ инспекторскую нотацию и переходилъ снова черезъ улицу, Спасскій прямо подошелъ

къ ступенькамъ крыльца и очутился почти лицомъ къ лицу съ Аркатовымъ...—Кланяться ему или нѣтъ?—подумалъ Аркатовъ:—вѣдь онъ не изъ нашего класса и меня, навѣрное, не знаетъ.

И онъ пропустилъ безъ поклона красную, широкую физиономію Спасскаго, перешагнувшаго черезъ порогъ и скрывшагося за дверь, впереди Аркатова...

Охъ! какъ все это было хорошо знакомо Аркатову: и крыльцо, и дверь, и стеклянная будка, въ которой пряталась эта дверь, и даже извѣстный каждому гимназисту громадный камень предъ крыльцомъ...

Каждый разъ, когда Аркатовъ входилъ на гимназическое крыльцо, его постоянно осыняла одна и та же мысль:—на пять часовъ закабаленъ, и что-то произойдетъ за это время?... Такимъ-ли выйду, какимъ вошелъ?—И гимназія представлялась ему Молохомъ, пожирающимъ дѣтей.

Торопясь уйти отъ настигавшаго его инспектора, который, несомнѣнно, долженъ былъ снова распечь его за то, что онъ не поклонился Спасскому, Аркатовъ поспѣшно пролѣзъ черезъ первую дверь, прошелъ черезъ вторую, предупредительно распахнутую передъ нимъ швейцаромъ, и попалъ въ самую пасть Молоха. Очутившись въ темной и неприглядной швейцарской съ рядами вѣшалокъ, Аркатовъ почувствовалъ, что тоска, „ухватившая его за волосы“, по крайней мѣрѣ, удесятерилась. Въ самомъ дѣлѣ, точно какой-то дамокловъ мечъ виситъ надъ нимъ: бѣги, успѣвай готовить до молитвы латынь! Тамъ опять торопись съ математикой, съ греческимъ, а дальше предстоитъ еще своего рода жупель—исторія! Хоть уже и рѣшено получить изъ нея двойку, но на всякій случай придется готовиться (хотя-бы для успокоенія совѣсти!) и къ ней... А кругомъ все такъ сѣро, мрачно и неприглядно!.. Когда же кончится вся эта канитель? Когда будутъ инья лица, иные порядки, иная учеба?

Взявши подъ мышки ранецъ, Аркатовъ отправился, скрѣпя сердце, въ классъ. Поднимаясь по лѣстницѣ съ ея удивительными розовыми перилами, онъ столкнулся кое съ кѣмъ изъ товарищей и молча пожалъ имъ руки, ротаянутыя такъ же безгласно.—Странная манера здороваться!—подумалъ онъ:—точно воры какіе-то здороваемся!

Онъ очутился на площадкѣ, передъ дверью, ведущею въ классы. Вотъ они—эти проклятые темные, высокіе и узкіе корридоры, настоящее „утро“ Молоха—пищепроводъ его, по которому двигаются въ чрево проглоченные имъ гимназисты...

— Почитать развѣ объявленія? — вздумалось Аркатову: —

нѣтъ-ли чего новаго? — Онъ подошелъ къ висѣвшимъ на стѣнѣ бѣлымъ листамъ въ рамкахъ. Въ одномъ такомъ объявленіи отъ лица директора „строжайше и безусловно“ запрещалось гимназистамъ „катанье на лодкахъ безъ родителей“... Въ другомъ объявленіи были „Правила для хожденія учениковъ гимназіи въ театръ“. Все это было старо, избито, надоѣдливо мозолило глаза изо-дня въ день. — Все какъ слѣдуетъ! — промолвилъ Аркатовъ. — Все на своемъ мѣстѣ! Все обстоитъ благополучно! — И, увидѣвъ за собой плотную фигуру инспектора, онъ ускореннымъ маршемъ прошелъ въ классъ.

Тамъ было уже много народа. Всѣ товарищи Аркатова были заняты переводомъ „Энеиды“, такъ какъ первый урокъ по росписанію былъ латинскій языкъ. Занимающіеся разбились на нѣсколько группъ, по числу имѣвшихся въ классѣ подстрочниковъ („ключей“), съ помощью которыхъ переводили, и изъ каждой группы сбившихся въ кучу гимназистовъ монотонно раздавался голосъ обладателя ключа... Онъ читалъ содержаніе ключа (по-русски), а окружашіе слѣдили за его чтеніемъ по латинскому тексту подлинной „Энеиды“.

У Аркатова своей книжки „Энеиды“ не было, и поэтому онъ подошелъ къ Өмину, приткнувшемуся со своей „Энеидой“ къ одной изъ группъ, поздоровался съ нимъ и сталъ слѣдить вмѣстѣ съ нимъ за переводомъ. Въ этой группѣ переводилъ Басихинъ, счастливый обладатель всевозможныхъ „ключей“... Онъ прочелъ русскій текстъ заданнаго отрывка уже три или четыре раза и дочитывалъ его въ эту минуту въ послѣдній разъ. Аркатову показалось, что онъ постигаетъ смыслъ cadaго латинскаго слова... однако начала перевода онъ все-таки не зналъ и, когда Басихинъ кончилъ чтеніе, Аркатотъ попросилъ его еще разъ прочесть урокъ.

— Нѣтъ, ужъ это я въ послѣдній разъ читалъ! Усталъ! — откровенно заявилъ, потягиваясь, Басихинъ.

— Ну, такъ дайте мнѣ ключъ: я самъ переведу!

— Ключъ я обѣщаль Лаврову!

Аркатовъ отправился къ другой группѣ. Тамъ переводилъ его закадычный пріятель Шульцъ. Онъ тоже кончалъ, но по усиленной просьбѣ Аркатова все-таки согласился еще разъ „пройти“, вмѣстѣ съ Аркатовымъ переводъ, специально для него.

Но едва успѣлъ онъ начать переводъ, какъ раздался звонокъ на молитву.

— Господа! — обратился Аркатовъ къ окружающимъ въ отчаяніи: — Сегодня я дежурный! Я остаюсь на молитву въ классѣ.

Нужно замѣтить, что, по традиціи, въ VI классѣ, какъ

и, вообще, въ старшихъ классахъ, еще существовалъ чинъ „дежурнаго“... Въ чемъ, состояли обязанности дежурнаго *de facto*—этого никто не зналъ... А *de jure*—дежурный долженъ былъ, согласно установившемуся съ незапамятныхъ временъ обычаю, принимать поутру отъ сторожа мѣлъ и тряпку для доски и обязывался затѣмъ хранить ихъ. А такъ какъ мѣлъ и тряпка приносились въ классъ во время молитвы, то дежурный ради этого и освобождался отъ молитвы.

Желающихъ остаться во время молитвы въ классъ, не стоять четверть часа на ногахъ, не дефилировать подъ носомъ у директора и инспектора и пріятно провести время, охраняя мѣлъ и тряпку—такихъ желающихъ было всегда множество. Но этимъ, конечно, и ограничивались претензіи на дежурство.. До молитвы дежурные плодились и множились, послѣ молитвы безслѣдно исчезали. Новый инспекторъ, поступившій въ гимназію въ началѣ этого учебнаго года, велъ жестокую борьбу съ этимъ оригинальнымъ обычаемъ „охраненія тряпки“, поднималъ большой шумъ, когда послѣ звонка на молитву заставлялъ человѣкъ 10—20 дежурныхъ, и гналъ ихъ безъ всякаго снисхожденія въ залъ. Но, не смотря на такія свирѣпости начальства, ученики все еще продолжали вѣрить въ добрый старый обычай и въ возвращеніе къ старымъ порядкамъ, когда инспектору надобѣтъ вводить новшества, и онъ будетъ позволять оставаться въ классъ дежурному, хотя бы и прогоняя всѣхъ „сверхштатныхъ“.

Такъ и на этотъ разъ дежурныхъ оказалось чуть ли не полъ класса. Басихинъ заявилъ, что Аркатовъ не имѣетъ права оставаться въ классъ, такъ какъ пришелъ въ классъ позднѣе всѣхъ. Лавровъ тоже сталъ умолять, чтобы у него не отнимали званіе дежурнаго.—Ей-Богу, господа, изъ математики ни чертѣ не знаю!—Да вѣдь и я ни чертѣ не знаю!—пытался, было, возразить Аркатовъ, но, увидавъ, что претенденты на дежурство появлялись со всѣхъ сторонъ, махнулъ рукою.

— Ну ихъ! Цѣлое „общество охраненія тряпки“ образовывается!.. Имъ же хуже! Одного-то инспекторъ, можетъ быть, и оставилъ бы въ классъ, а этакъ всѣхъ прогнать! Будь, что будетъ! Передъ урокомъ достану у кого-нибудь подстрочникъ и, авось, успѣю перевести хоть начало!.. Не будетъ же Миличъ спрашивать переводъ съ конца!

Молитва тянулася, по обыкновенію, очень долго и утомительно. У Аркатова вяли уши отъ жестокаго пѣнія товарищей, которые нарочно изъ какого-то озарства врали, кто во что гораздъ.

Когда же, наконецъ, молитва была кончена, и ученики стали расходиться по классамъ, Аркатовъ увидѣлъ, что Лав-

ровъ, дѣйствительно прогнанный въ числѣ другихъ дежурныхъ на молитву, пряталъ въ карманъ тетрадку... Онъ стоялъ на молитвѣ позади всѣхъ, невидимый начальствомъ, и, очевидно, успѣлъ приготовить во время длинной молитвы какой-то урокъ...

— Ахъ, я телятина! — воскликнулъ пораженный Аркатовъ: — что же это я-то не догадался!.. Сколько времени зря потерялъ! Могу бы въ эти двадцать минутъ весь урокъ изъ исторіи прочитать! Могу достать на молитву ключъ къ Энеидѣ! О, трижды и четырежды дуракъ!

Ученики усѣлись на мѣста. Опять появились на сцену „русскія и иностранныя Энеиды“ — оперы и либретто. „Оперой“ ученики называли подлинную Энеиду, потому что въ заголовкѣ книги стояла надпись „Opera Vergilii“, которую игривые умы переводили: „Опера Вергилія“. А такъ какъ для уразумѣнія содержанія всякой оперы необходимо ея либретто, то и у Вергиліевой оперы имѣлось свое либретто, поясняющее ея непонятное содержаніе. Ключи — подстрочники, дѣйствительно, оправдывали и съ внѣшней стороны такое названіе: это были маленькія, компактныя книжечки, карманнаго формата, удобныя для того, чтобы держать ихъ подъ партой и прятать отъ учительскаго глаза.

Аркатовъ подсѣлъ къ Ѳомину, потому что у послѣдняго имѣлась латинская Энеида (опера), тогда какъ у Аркатова сегодня не было даже ничего похожаго на Энеиду. Обыкновенно, онъ имѣлъ у себя на партѣ для отвода глазъ „нѣчто похожее на Энеиду“, именно, „Метаморфозы Овидія“, уцѣлѣвшія у него отъ прежнихъ лѣтъ, но сегодня онъ и эту quasi-Энеиду забылъ дома. Къ тому же настоящая Энеида все-таки теперь была безусловно нужна: какъ ни какъ, а урокъ перевести, хоть начало, нужно было!

У Ѳомина, однако, не было либретто, а самъ онъ зналъ переводъ очень плохо. Аркатовъ обратился къ другому сосѣду, Голыбину, но тотъ уже отдалъ либретто Швецову. Швецовъ же на всѣ просьбы Аркатова только огрызался и усерднѣе прежняго начиналъ зубрить трудный, какъ на грѣхъ, переводъ.

Тоскливо, словно въ ожиданіи какого-то великаго бѣдствія, сидѣлъ Аркатовъ на своемъ привычномъ мѣстѣ рядомъ съ Ѳоминымъ. — О, Господи! хоть бы ужъ поскорѣе провалиться! — думалъ онъ. Имъ овладѣла какая-то апатія отчаянія.

— Все равно уже теперь поздно и ничего не выучишь! — Онъ отодвинулъ Энеиду, подперъ голову руками и сталъ съ

безнадежностью въ сердцѣ разсматривать до одури надѣвшіе рисунки и надписи, вырѣзанные на черной вытертой партѣ. Все тѣло его охватила какая-то вялость: не хотѣлось шевельнуть ни рукой, ни ногой; не хотѣлось даже думать ни о чемъ. Представивъ на мгновеніе весь туманъ, все томленіе предстоящихъ пяти уроковъ, Аркатовъ даже вздрогнулъ. Въ окна глядѣла тусклая мгла зимняго утра, такъ и не успѣвашаго сдѣлаться днемъ и грозившаго перейти безъ всякаго просвѣтленія въ еще большую мглу вечера... И въ этой мглѣ, среди опротивѣвшей, отрепанной и ободранной казенной обстановки, среди грязныхъ стѣнъ, въ пыльномъ воздухѣ, въ атмосферѣ тѣхъ самыхъ уроковъ, которые теперь никакими усиліями воли не лѣзутъ дома въ голову, нужно просидѣть цѣлыхъ пять часовъ въ состояніи преступника, ожидающаго казни...

— Вотъ гдѣ соусъ-то жизни!—думалось Аркатову:—сидишь вялый и истомленный физически и нравственно, весь разбитый, хотя съ утра не производилъ ровно никакой работы, кромѣ того, что прошелъ версты двѣ до гимназіи... Вотъ онъ гдѣ смакъ-то существованія! точно облако какое-то свинцовое залегло въ головѣ, и въ немъ копошится ядовитая мысль: „Спросить!.. Провалюсь“!.. И вотъ черезъ минуту опять явится Миличъ, опять начнется скандированіе латинскихъ стиховъ и скучнѣйшій, бессмысленный разборъ ихъ... Еле-еле ползетъ часъ... Время словно пришиблено этой всеобщей тупостью... Вездѣ мгла, туманъ—и изъ тумана выдѣляется одно только улыбающееся самодовольное лицо Милича... А въ ушахъ раздается одинъ только его несносный металлическій голосъ, выкрикивающій ломаннымъ языкомъ, съ неправильными удареніями разныя объясненія и переводимыя фразы. Это какой-то тяжелый кошмаръ, который ежедневно мучитъ Аркатова, и еще не скоро выбьется онъ изъ-подъ власти этого кошмара...

Аркатовъ такъ задумался, что не замѣтилъ, какъ въ классъ вошелъ Миличъ. Оминъ внезапно вскочилъ на ноги. Вскочилъ на ноги весь классъ... Аркатовъ вздрогнулъ, почувствовался и увидѣлъ Милича, входившаго съ журналомъ подъ мышкой.

Миличъ поздоровался съ учениками, усѣлся на кафедру, развернулъ журналъ, и урокъ латинскаго языка начался.

Свинцовый туманъ всеобщаго отупѣнія сгустился въ каменномъ чревѣ Молоха и обвилъ своей пеленой схороненныхъ на днѣ его гимназистовъ. А изъ тумана выдѣлялось самодовольное лицо Милича, и вырывались крикливыя фразы съ неправильными удареніями.

Аркатовъ трусилъ отчаянно. Перевести—даже начало

урока—ему такъ и не удалось...—Вотъ, того и гляди—вызоветь!—думалъ онъ, боязливо косясь на физиономію Милича, стараясь не глядѣть ему въ глаза и, вообще, желая сдѣлаться незамѣтнымъ для него, съежиться, исчезнуть...

Но судьба казнила его нѣсколько иначе, чѣмъ онъ предполагалъ. Миличъ его не вызвалъ, и не урокъ имъ не выученный погубилъ Аркатова, а нѣчто другое...

Когда всѣ тѣ, на кого палъ печальный жребіи нынѣшняго дня, были вызваны и получили отмѣтки, и Миличъ сталъ „дѣлать объясненія на завтра“, т. е. когда всякая опасность уже миновала, Аркатовъ при соучастіи Гомина всецѣло погрузился въ алгебру. И Миличъ замѣтилъ это.

Онъ торопливо слѣзъ съ каеэдры и накинулся на обоихъ пріятелей:

— Что вы такое дѣлаете?—затараторилъ онъ своимъ рѣзкимъ голосомъ:—чѣмъ вы занимаетесь? А? То что есть такое?

Онъ наклонился къ столу, вскинулъ на носъ пенснэ и подвинулъ къ себѣ алгебраическую тетрадь Аркатова.

— То математика!—вскрикнулъ онъ:—Математика!.. Вы занимаетесь математикой! Вы занимаетесь постороннимъ предметомъ! Вы ничего не слушали! А гдѣ ваша книга?

— Вотъ она!—отвѣтилъ Аркатовъ, подавая Энеиду своего сосѣда.

— То Гомина книга! А ваша гдѣ?

— Я позабылъ свою дома!

— Вы позабыли!.. У васъ, никогда не бываетъ книги! Вы не слѣдовали по книгѣ за моими объясненіями! Повторите то, что я сейчасъ говорилъ!

Аркатовъ началъ было плести что-то такое, совершенно несуразное... Онъ отлично сознавалъ, что говорить чепуху, но по какой-то нелѣпой гимназической привычкѣ всетаки счелъ необходимымъ не молчать, а хоть что-нибудь плести... Авось, выйдетъ что ни на есть!

— То бессмыслица!—оборвалъ его Миличъ.

Аркатовъ замолчалъ.

— Я вамъ ставлю два.

Въ эту минуту раздался звонокъ.

— Ну, вотъ началось!—подумалъ Аркатовъ... Онъ былъ до того обезкураженъ этимъ несчастіемъ, что позабылъ бѣжать за Миличемъ, жаловаться на несправедливость, наложить ему... позабылъ и „математику“.

— Математики не будетъ! Хмѣльницкаго въ присяжные выбрали!—объявилъ Гомина, входя передъ вторымъ урокомъ въ классъ:—Сейчасъ пустой урокъ!

— Какъ такъ?—воскликнулъ Аркатовъ:—за коимъ же чортомъ я алгебру готовилъ, да еще и пострадалъ изъ-за нея?

Товарищи засмѣялись.

Эта переměна обстоятельствъ дала новое направление нагмѣреніямъ Аркатова.—Сейчасъ пустой урокъ!.. Превосходно! Успѣю приготовиться какъ слѣдуетъ изъ греческаго!

Онъ вытащилъ изъ парты тѣ злосчастные, положенные туда вчера листки изъ греческой книги, за отсутствіе которыхъ выбранилъ сегодня утромъ самую книгу. У Ѳомина нашлось либретто „Одиссеи“, и переводъ урока удался, какъ нельзя лучше. Аркатовъ возликовалъ:—Ну, ужъ теперь не пропаду!—мелькнула у него въ головѣ горделивая мысль.—Теперь выцарапаюсь благополучно... Вотъ только еще исторію одолѣть бы!.. Ну, да съ ней можно справиться во время большой перемены!

Свинцовый туманъ, между тѣмъ, началъ было какъ будто разсѣиваться. Ученики чувствовали себя очень вольготно и весело. Начальства никакого по близости не было. Сунулся было надзиратель, прозванный за свою неповоротливость и молчаливость „Каменнымъ гостемъ“, посовѣтовалъ ученикамъ сидѣть потише—и исчезъ. Классъ предался самымъ разнообразнымъ занятіямъ. Въ одномъ углу играли въ шашки, въ другомъ переводили, по примѣру Аркатова, „Одиссею“, въ третьемъ просто бесѣдовали.

Покончивъ съ „Одиссеей“, Аркатовъ хотѣлъ было приняться за исторію, но благоуразумный голосъ его разсудка, посовѣтовавшій ему это, былъ заглушенъ какимъ-то другимъ голосомъ, который говорилъ ему, что для исторіи остается еще цѣлая большая перемена, что изъ исторіи все равно уже обезпечена двойка, и онъ уже привыкъ къ этой мысли, и пр. и пр. И какъ ни протестовалъ голосъ разсудка, Аркатовъ не внялъ ему и послушался демона-искусителя, соблазнившаго его провести остальную половину пустого урока въ непозволительнѣйшей праздности, въ болтовнѣ съ товарищами и въ чтеніи „Стрекозы“, заготовленной, по обыкновенію, для Элладскаго.

— Господа! А Элладскій пѣанъ или нѣтъ?

Этотъ вопросъ возникъ уже тогда, когда раздался звонокъ, возвѣщавшій приближеніе греческаго языка. Вопросъ этотъ былъ важенъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, пѣанный Элладскій могъ отказаться спросить урокъ тѣхъ учениковъ, которымъ было нужно „поправляться“, и сверхъ того еще поставить имъ, такъ себѣ, здорово живешь, сверхштатныя единицы за то, что его обезпокоили просьбой „поправиться“, а во-вторыхъ, нужно было принять мѣры для его увеселенія—и, вообще, для улагодворенія его... Мѣры эти заключались въ

томъ, что вниманію Элладскаго предлагались разные веселые журналы, рассказывались анекдоты, и пр. Съ одной стороны, пьяный Элладскій былъ предметомъ увеселеній самихъ учениковъ, и урокъ тогда велся легкомысленно и безопасно, но съ другой стороны, принимая во вниманіе особенности нынѣшняго дня, какъ послѣдняго передъ выводомъ табельныхъ отмѣтокъ, легкомысленность въ веденіи урока могла нынче повредить. Въ другую пору Аркатовъ поразился бы, узнавъ что Элладскій лыка не вяжетъ, но теперь, когда непременно нужно было переправить двойку, въ четверку—теперь можно было призадуматься.

Прошла томительная четверть часа... Наконецъ, появился Элладскій, и всѣмъ стало ясно, что онъ пьянъ.

Онъ былъ до послѣдней степени красенъ. И безъ того багровое лицо его имѣло теперь какой-то сизый оттѣнокъ. Глаза мутно вперились въ пространство... Онъ вошелъ, наклонивъ голову, и чаще прежняго конвульсивно схватывался за шею.

Оглянувшись, Аркатовъ увидѣлъ, что, по меньшей мѣрѣ, треть класса куда-то исчезла... Онъ только позавидовалъ исчезнувшимъ. Позавидовалъ тому, что они могли исчезнуть: имъ не нужно было поправляться... Въ другую пору Аркатовъ прежде всѣхъ другихъ принялъ бы эту мѣру предосторожности, возможную лишь на урокъ у пьянаго Элладскаго... Мѣстомъ исчезновенія служило пространство на полу подъ задней партой. Къ приходу Элладскаго изъ партъ составлялось непроницаемое каре и при томъ такъ, что сбоку доступъ къ задней партѣ былъ совершенно прекращенъ. Тамъ, на полу-то и располагались „на повалъ“ исчезающіе... На стѣнѣ около задней парты красовалась даже надпись: „ночлежный пріютъ“.

Элладскій развернулъ журналъ и, медленно осматривъ посоловѣвшимъ взглядомъ классъ, спросилъ густымъ и хриплымъ басомъ, нѣсколько въ носъ:

— Кого нѣтъ?

— Ужасно многихъ нѣтъ, Маркіанъ Степановичъ!—отвѣтилъ Аркатовъ:—даже сосчитать трудно!

— Ага! ну, тогда сдѣлаемъ перекличку! Александровъ!

— Его нѣтъ, Маркіанъ Степановичъ!—отвѣтилъ самъ Александровъ изъ „ночлежнаго пріюта“.

— Аникіевъ!

— Аникіевъ боленъ! — раздался голосъ Аникіева отсюда же.

Элладскій отмѣтилъ ихъ не бывшими.

— Аркатовъ!

— Здѣсь, Маркіанъ Степановичъ! Позвольте поправить-

ся? — спросилъ Аркатовъ, поднявшись: — спросите меня урокъ?

— А? Что?—спросилъ Элладскій, тупо глядя на него.

— Поправиться позвольте! У меня двойка выходитъ!

— Такъ и пускай ее выходитъ! И отлично! у меня нынче мало двоекъ-то!

Элладскій сталъ продолжать перекличку; Аркатовъ, однако, не терялъ надежды. Когда всѣ „не бывшіе“ были отмѣчены, онъ опять обратился къ Маркіану Степановичу:

— Я урокъ сегодня приготовилъ! Можно перевести?

Элладскій задумался.

— Ну, переводите!

Онъ былъ, повидимому, въ благодушномъ настроеніи. Аркатовъ, счастливый, что дѣло выгорѣло, сталъ переводить, а Элладскій поднялся съ мѣста и пошелъ бродить по классу, придерживаясь за парты и постоянно судорожно хватаясь за шею.

Аркатова онъ почти не слушалъ. Онъ бралъ положенныя на партахъ картинки „Стрекозы“ и „Будильника“, разсматривалъ ихъ... Ученики обращались къ нему, не вставая на ноги, съ разными сенсационными, тутъ же придуманными анекдотами и новостями. Онъ тупо смотрѣлъ на разсказывающихъ, смѣялся или мрачно молчалъ, а потомъ снова принимался бродить около партъ.

Аркатовъ кончилъ.

— Онъ хорошо перевелъ, Маркіанъ Степановичъ!—замѣтилъ Басихинъ:—онъ знаетъ урокъ!

— Ага! Онъ знаетъ!—сказалъ Элладскій, хватаясь за шею.

— Да, Маркіанъ Степановичъ, онъ знаетъ!—промолвилъ въ свою очередь Аркатовъ, выражаясь о себѣ въ третьемъ лицѣ.

— Поставимъ ему четыре!

— Пять можно, Маркіанъ Степановичъ!.. Онъ хорошій ученикъ!—продолжалъ Аркатовъ.

— Ну, нѣтъ, пять сразу трудно поставить! Достаточно четырехъ!

И Элладскій, къ великому восторгу Аркатова, поставилъ ему четверку.

— А у меня, Маркіанъ Степановичъ, ножичекъ есть, острый!—обратился онъ снова къ едва державшемуся на ногахъ педагогу.

— А? Чего?

— Ножичекъ! Выскрести двойку!

— Ну, да! Выскребемъ ему двойку! Онъ знаетъ переводъ!

Все шло, какъ нельзя лучше!.. На Элладскаго нашелъ, очевидно, благой стихъ. Аркатовъ поднесъ ему съ подобаю-

щимъ почтеніемъ ножъ, и Элладскій принялся скоблить двойку, поставленную Аркатову на прошлой недѣлѣ... Такой способъ избавляться отъ плохихъ отмѣтокъ существовалъ на урокахъ Элладскаго ископнѣ-вѣка, но, конечно, удавался далеко не всегда. Элладскій въ иную пору металъ такіе громы, что приступиться къ нему, даже при посредствѣ „Стрекозы“ и „Будильника“, было совершенно невозможно.

Увидѣвъ, что опасности никакой нѣтъ, и что, напротивъ, можно позабавиться и пріятно провести время, обитатели „ночлежнаго пріюта“, соскучившіеся лежать на полу, начали мало-по-малу вылѣзать на поверхность земли... Элладскій, повидимому, замѣтилъ, что народонаселеніе въ классѣ увеличилось, и это его озаботило.

Онъ остановился предъ Аникіевымъ, появившимся на томъ мѣстѣ, гдѣ дотолѣ было пусто, долго въ упоръ глядѣлъ на него мутнымъ взглядомъ и, наконецъ, спросилъ:

— Ты кто?

— Аникіевъ!

— Да вѣдь Аникіева, кажется, въ классѣ нѣтъ? Я отмѣтилъ его не бывшимъ?

— Нѣтъ, есть! Вы, вѣроятно, ошиблись!

— Н-да!.. Но тутъ пусто было!

— Я сейчасъ пересѣлъ сюда отъ окошка; тамъ дуешь!

— Ага! тамъ дуешь! Надо исправить неточность!

Онъ отмѣчаетъ Аникіева присутствующимъ... Спустя секунду, онъ натывается на другое, третье, четвертое новыя лица и начинаетъ сердиться:

— Гдѣ вы дотолѣ скрывались? Почему я отмѣтилъ васъ не бывшими?

Обитатели „ночлежнаго пріюта“ чувствуютъ, что сдѣлали глупость, рассчитавъ, что Элладскій пьянъ на столько, что не замѣтитъ ихъ... Чтобы замаять дѣло, Басихинъ вызывается переводить изъ „Одиссеи“ о томъ, какъ Одиссей съ товарищами напоилъ циклопа Полифема до пьяна, и что изъ этого вышло... Это—любимое мѣсто Элладскаго во всемъ Гомерѣ, и онъ любитъ, чтобы не кто другой, а именно Басихинъ переводилъ это мѣсто, потому что Басихинъ читаетъ съ какимъ-то особеннымъ смакомъ... Пьяный Полифемъ какъ то особенно близокъ сердцу Элладскаго—и когда Басихинъ добирается до стиха: „ereugeto oinobareio“ и переводитъ его по-русски: ибо рвало его, опьянѣвшаго отъ вина—Элладскій, обыкновенно, въ полномъ блаженствѣ ходитъ по классу, хлопаетъ себя по затылку и густымъ басомъ повторяетъ:

— Ereugeto oinobareio!.. Ну, да, ибо рвало его, опьянѣвшаго отъ вина!

Но на этотъ разъ даже „ereugeto oinobareio“ не помогло.

Инцидентъ съ ночлежниками разстроилъ Элладскаго. Онъ насупился, сдѣлался молчаливымъ и какъ будто даже презвѣль...

— Маркіанъ Степановичъ!—обратился къ нему Ѳоминъ,—
egeugeto oinobareio!

Это была обычная фраза, съ которою обращались къ Элладскому въ такое время. Не нужно было даже сопровождать ее никакими комментаріями и иными праздными словами. Она одна была въ состояніи обрадовать Элладскаго и поддержать веселое и благодушное настроеніе въ классѣ... Но на этотъ разъ случилось нѣчто неожиданное... Элладскій испытующе поглядѣлъ, нахмуря брови, на Ѳомина и, заподозривъ его въ какомъ-то озорствѣ, вдругъ накинулся на него:

— Какое тамъ egeugeto!.. Что за наглость!.. Какой знатокъ греческаго языка! по гречески со мной говорить!.. Ему и книги въ руки! Пусть переводить дальше!

И не успѣлъ Ѳоминъ опомниться и хотя что нибудь перевести, какъ Элладскій, злобно посмотрѣвъ на него, возгласилъ:

— Единица!

И поставилъ ему огромный „коль“...

Классъ сразу притихъ... Элладскаго обили съ хорошаго настроенія... Теперь нужно было держать ухо востро. Но Ѳоминъ и Аркатовъ находились въ истинно-безумномъ ослѣпленіи. Для поправленія такого рода печальныхъ обстоятельствъ, какъ полученіе у пьянаго Элладскаго внезапной единицы, существовалъ традиціонный способъ выскребанія, которому, по ритуалу, должна была предшествовать особая комедія: пострадавшій ложился головой на парту и изображалъ изъ себя плачущаго, а сосѣдь его указывалъ на него мимо проходящему Элладскому, и говорилъ:—Маркіанъ Степановичъ, онъ плачетъ!..—Обыкновенно Маркіанъ Степановичъ интересовался, почему онъ плачетъ?.. нерѣдко явилъ его и издѣвался надъ нимъ, но въ концѣ-концовъ,—если былъ въ болѣе или менѣе хорошемъ настроеніи,—выскребалъ злополучную единицу...

Но нынче все пошло не такъ. Аркатовъ съ Ѳоминымъ могли бы понять это, но ими овладѣло, какъ уже было замѣчено, безумное ослѣпленіе...

Ѳоминъ улегся и „заплакалъ“... Элладскій прошелъ мимо, нахмурясь хуже грозовой тучи.

— Маркіанъ Степановичъ! Ѳоминъ плачетъ!—доложилъ Аркатовъ.

— Ага! онъ плачетъ!—закричалъ раздраженный Элладскій:—Ну, и ты плачь!..

Онъ поставилъ единицу и Аркатову...

Раздавшійся звонокъ возвѣстилъ, подобно похоронному колоколу, „жалкую гибель“ двухъ пріятелей, одинъ изъ которыхъ сегодня принималъ эту гибель уже второй разъ...

Не смотря на то, что было всего 12 часовъ, т. е. самый разгаръ дня, въ гимназіи было темно и мрачно. Въ высокихъ и темныхъ корридорахъ теперь—въ большую пере-мѣну—толклись, какъ пчелы въ ульѣ, ученики, начиная отъ самыхъ маленькихъ мальчиковъ—съ пальчикъ, чрезвычайно утомительныхъ въ своихъ блузахъ и брюкахъ на выпускъ, и кончая огромными, дородными и усатыми юношами, которые, можетъ быть, были бы очень недурны во фракъ или въ мундиръ, но въ блузахъ выглядѣли, по меньшей мѣрѣ, странно. Начались ежедневные маленькіе скандалы, вызванные суетой и оживленіемъ большой пере-мѣны и тѣсною корридоромъ... Въ одномъ мѣстѣ выбили стекло въ двери, и инспекторъ уже распекалъ тамъ виновника, захваченнаго *in flagranti delicto*. Въ другомъ мѣстѣ какой-то малышъ, бѣжавшій по корридору, налетѣлъ съ размаха на самаго директора, выплывавшаго въ эту минуту изъ дверей класса, и угодилъ ему головою прямо въ животъ. Отъ ужаса, увидѣвъ и понявъ, что онъ натворилъ, бѣдняга заревѣлъ во все горло и, весь въ слезахъ, былъ препровожденъ въ де-журную комнату, въ уголъ.

Дежурная комната была мѣстомъ страданія всѣхъ провинившихся. Тамъ былъ „уголъ“, въ который ставили маленькихъ гимназистовъ, тамъ-же распекали старшихъ учениковъ. Тамъ стояли шкафы съ книгами и бюсты великихъ людей (а какихъ именно, это всегда оставалось для гимназистовъ неизвѣстнымъ); на стѣнахъ висѣли карты и двѣ громадныя генеалогическія таблицы Капетинговъ и Каролинговъ, неизвѣстно зачѣмъ приобрѣтенныя гимназіей. На окнахъ висѣли шторы, а въ окнахъ виднѣлась сегодня все та же свинцовая, мгла тусклаго зимняго дня, постепенно переходившаго въ вечеръ. Отъ пыли и какого-то специально-гимназическаго тумана и здѣсь былъ такой-же синій и тусклый воздухъ, какъ и въ классахъ.

И вотъ здѣсь-то, на этомъ лобномъ мѣстѣ, едва началась большая пере-мѣна, Аркатовъ пріять третью казнь.

Судьба, преслѣдовавшая его сегодня, не пожелала дать ему роздыха даже въ большую пере-мѣну. Въ образѣ „Каменнаго гостя“ она явилась Аркатову, который только что раскрылъ учебникъ исторіи, и повелѣла ему идти въ де-журную комнату...

— Зачѣмъ это, Аркадій Петровичъ?—пытался разспрашивать „Каменнаго гостя“ нѣсколько удивленный Аркатовъ, не сознававшій за собою покуда никакой особой вины.

Но Аркадій Петровичъ, какъ и подобаетъ статуѣ, былъ нѣмъ и безгласенъ... Онъ привелъ Аркатова въ дежурную, оставилъ его тамъ и пошелъ за новыми жертвами.

Въ дежурной Аркатовъ увидѣлъ такую картину: въ знаменитомъ углу уже стояло трое мальчугановъ. Одинъ изъ нихъ былъ тотъ самый, который чуть-было не проткнулъ своей головою директора. Несчастный обливался слезами—да и было отчего! Во первыхъ, передъ нимъ стоялъ директоръ и, хотя и добродушно, а все же распекалъ его, а, во вторыхъ, онъ предчувствовалъ, что теперь ему въ классѣ не будетъ прохода отъ товарищей, которые не преминутъ выдумать что нибудь обидное для него по этому случаю. Двое сосѣдей его, стоявшихъ въ углу, боязливо косились на директора.

Аркатова встрѣтилъ инспекторъ.

— Что же это вы, батенька, начальству-то не кланяетесь?—запѣлъ онъ своимъ тоненькимъ голоскомъ:—отовсюду на васъ жалобы! Федору Андреевичу сегодня опять не поклонились, уже послѣ того, какъ я утромъ замѣтилъ объ этомъ вамъ. Директоръ тоже жалуется: вчера видѣлъ васъ на улицѣ, вы прошли мимо него и хоть-бы глазомъ моргнули! Что же это за безобразіе? Вы кто такой? Ученикъ вы гимназіи или нѣтъ?

Инспекторъ все повышалъ и повышалъ тонъ.

— „Крѣпчаетъ!“—подумалъ Аркатовъ. Бѣдняга стоялъ, переминаясь съ ноги на ногу, и тосковалъ, предчувствуя, что нотация затянется, и что исторію онъ такъ и не успѣетъ выучить.

— И. когда я встрѣтился вчера съ директоромъ? Хоть убей, не вспомню!—думалъ онъ, съ тоской глядя то на инспекторскія ноги, то на столъ, покрытый желтою клеенкой, то на таблицы Каролинговъ и Капетинговъ...

— Такихъ ротозѣевъ, какъ вы, поискать, такъ не найдешь!—продолжалъ инспекторъ:—этакій ротозѣй! Носъ къ носу встрѣчается съ директоромъ, смотритъ на него—и проходитъ мимо, не моргнувъ глазомъ. Нужно-же, батенька, взять глаза-то въ руки! Вѣдь ваши поклоны намъ не нужны!..

— Опять началась сказка про бѣлаго бычка!—думалъ Аркатовъ:—Поклоны не нужны, а кланяться надо!

— Но хуже всего то, что вы—злостный ротозѣй! Вы могли бы быть внимательнымъ, но не хотите!..

— Господи! Да когда же я встрѣтился съ директоромъ?—думалъ, изнемогая отъ тоски, Аркатовъ:—вѣдь, чортъ его

знаеть—идеть закутавшись въ шубу, такъ что носа у него не видно, а потомъ жалуется, что ему не кланяются!.. Такъ-то его и не ротозѣй не узнаеть!.. Хоть-бы знаки какіе-нибудь подавалъ!..

Директоръ въ эту минуту кончилъ распекать маленькихъ гимназистовъ, подошелъ къ инспектору и началъ, въ видѣ дополненія и подкрѣпленія, со своей стороны, хотя и съ обычнымъ добродушнымъ балагурствомъ, укорять Аркатова:

— Ты кто? Гимназистъ ты или нѣтъ? Хочешь оставаться гимназистомъ или не хочешь? Коли не хочешь, такъ намъ тебя не надо! Силой держать не станемъ: уходи прочь! гуляй по улицамъ, не кланяйся никому, на всѣхъ наплюй! Будь свободнымъ гражданиномъ! Санкюлотомъ! Какой ты гимназистъ? Учишься скверно! *Barba crescit, caput nescit*.

— Невозможный ротозѣй!—вставилъ отъ себя инспекторъ.

— Нѣтъ, онъ не ротозѣй! Онъ хорошо знаетъ и видитъ, кто идетъ къ нему навстрѣчу... Онъ—свободный гражданинъ! Санкюлотъ! Ему на всѣхъ наплевать! Ему насъ не надо! Ну, и намъ такого не надо! Можешь уходить отъ насъ совсѣмъ!..

И, сказавъ это, директоръ отвернулся и ушелъ изъ дежурной. Аркатовъ хорошо зналъ, что эти угрозы—простое балагурство, но его невыносимо мучило все это „словесное казненіе“, томительное торчанье на ногахъ, потеря времени, все это празднословіе, всѣ эти бесполезныя правоученія... Все равно, при всемъ добромъ желаніи раскланяться съ начальствомъ, онъ, навѣрное, опять прозѣваетъ или не узнаеть его, или будетъ не во время рассуждать (какъ при встрѣчѣ со Спасскимъ)—стоитъ кланяться или не стоитъ?.. Себя не передѣлаешь.

Въ концѣ концовъ, послѣ долгихъ и томительныхъ поученій, инспекторъ вынесъ Аркатову обвинительный вердиктъ и опредѣлилъ наказаніе:

— Безъ обѣда!

— Значить, у меня сегодня шесть уроковъ!—озлобленно думалъ Аркатовъ, идя въ классъ:—Латынь, пустой урокъ, греческій, исторія, русскій и безъ обѣда... А главное—вотъ тебѣ и исторія! Вотъ тебѣ и подготовился!

До начала урока оставалось всего десять минутъ... Со свинцомъ въ головѣ, озлобленный, одурманенный инспекторскимъ празднословіемъ, Аркатовъ усѣлся на парту, сталъ читать урокъ о Даніилѣ Романовичѣ—и къ ужасу своему почувствовалъ, что буквы и строки скользятъ передъ глазами, но совершенно не усваиваются памятью...

Прошло еще десять минут...

Аркатовъ съ судорожнымъ напряженіемъ старался вникнуть въ смыслъ читаемаго и усвоить его. Онъ бѣгло прочелъ всѣ три страницы урока, но, когда попытался припомнить прочитанное, то оказалось, что онъ не помнилъ ничего... Тогда онъ сталъ торопливо зазубривать механически начало урока, чтобы хоть что нибудь путное сказать Кузнецову, если тотъ вызоветъ его...

Отчего, не смотря на предрасположеніе получить двойку изъ исторіи и на безопасность ея для табеля, онъ все-таки старался изъ всѣхъ силъ избѣжать ея и страдалъ передъ исторіей еще пуще, чѣмъ предъ болѣе опасными математикой и латинскимъ языкомъ?

Дѣло въ томъ, что Кузнецовъ былъ однимъ изъ немногихъ учителей, серьезно-поставившихъ свой предметъ, любившихъ его и предъявлявшихъ къ ученикамъ строгія и серьезныя требованія... Кромѣ того, онъ былъ частнымъ образомъ знакомъ съ Аркатовымъ. Аркатовъ уважалъ его и очень желалъ быть у него на хорошемъ счету. И все-таки, не смотря на всѣ благія намѣренія, онъ не выучилъ вчера урока изъ исторіи и теперь имѣлъ длинныя и непріятныя пререканія со своею совѣстью...

Учить урокъ теперь, за минуту до появленія Кузнецова, истинное безуміе. Когда сердце сжимается отъ тоски и страха, то голова работаетъ плохо, стало быть, приходится остановиться на томъ печальномъ фактѣ, что урока онъ, Аркатовъ, не знаетъ, и что только одно чудо можетъ просвѣтить его голову и спасти его... И Аркатовъ попробовалъ даже молиться. Скорѣе рефлексивно, чѣмъ сознательно, онъ, по привычкѣ, усвоенной для подобныхъ отчаянныхъ минутъ, поднялъ глаза вверхъ и мысленно проговорилъ сочиненную имъ самимъ еще въ первомъ классѣ молитву:—„Помоги, Господи, урокъ хорошо отвѣтить, если меня вызовутъ“.

Но нѣтъ! не „если меня вызовутъ“, а „когда меня вызовутъ“,—мысленно поправилъ онъ себя,—почти несомнѣнно, что Кузнецовъ „вытянетъ“!..

И вотъ наступаетъ часъ расплаты за вчерашнюю лѣнь! Кузнецовъ—высокій, корректный—входитъ большими шагами въ классъ... Онъ—послѣдній палачъ Аркатова въ теченіе этого дня, и его-то Аркатовъ всего менѣе желалъ бы имѣть своимъ палачемъ.

Настаетъ ужаснѣйшая минута! Кузнецовъ просматриваетъ журналъ, выбирая, кого бы вызвать.. Аркатовъ напряженно, съ болѣзненнымъ усиленіемъ старается вспомнить хоть начало урока. Онъ заглядываетъ въ книгу и прочитываетъ вслухъ: „Печально было положеніе русскихъ приднѣпровскихъ обла-

стей"... Ага! Рѣчь идетъ о приднѣпровскихъ областяхъ. При комъ же, чортъ возьми?

— При потомкахъ Святослава Ярославовича,—подсказываетъ Ѳоминъ.

Кузнецовъ заглядываетъ на обоихъ пріятелей и все еще колеблется, кого вызвать...—Святославъ Ярославовичъ!—мысленно повторяетъ, изнемогая, Аркатовъ:—Неужели же, вправду вызовешь меня? Что за чушь!

Онъ ищетъ глазами то мѣсто въ книгѣ, которое говорить о Святославѣ Ярославовичѣ, чтобы прочесть, что же дальше?—Но вдругъ словно стрѣла пронзааетъ его:

— Аркатовъ!

Это Кузнецовъ вызываетъ его. И, произнеся его фамилію отчетливо и громко, онъ выпрямляется и глядитъ въ сторону, блестя своимъ пенснэ...

Аркатова передернуло какъ-бы отъ электрическаго разряда.

— А, впрочемъ, провалюсь—и кончено,—подумалъ онъ:—и всѣ мученія кончатся!

Онъ медленно-медленно приподнялся, словно та тяжесть, которая давила его сердце, сдѣлалась изъ аллегорической и мысленной тяжести, тяжестью реальной и въ самомъ дѣлѣ прижимала его къ скамейкѣ... Онъ всталъ на ноги и долго собирался начать свой отвѣтъ, то отодвигая книгу, то закрывая ее и переминаясь съ ноги на ногу... Кузнецовъ все еще смотрѣлъ въ сторону... Въ классѣ наступила мертвая тишина, какъ будто никого, кромѣ Аркатова и Кузнецова, не существовало...

Но вотъ Кузнецовъ медленно поворачиваетъ лицо къ Аркатову:

— Ну-съ!

Онъ готовится слушать Аркатова, сооротивъ серьезнѣйшую и покуда еще (какъ кажется Аркатову) благожелательную физиономію.

— Вотъ онъ еще думаетъ, что я путный ученикъ, и что буду только отвѣчать ему!—фантазируетъ Аркатовъ:—какъ бы не такъ!

— Ну-съ!—повторяетъ Кузнецовъ и двигается на стулѣ.

Аркатовъ колеблется: не лучше-ли ужъ прямо признаться, что урока не приготовилъ, чѣмъ разыгрывать глупую и ни къ чему не нужную комедію, заставляя Кузнецова нѣкоторое время думать, что онъ—Аркатовъ—урокъ знаетъ и что остается, какъ и былъ, хорошимъ ученикомъ у Кузнецова. Но вдругъ его внезапно осяняетъ: онъ вспоминаетъ начало заданнаго урока...

— Печально было положеніе русскихъ приднѣпровскихъ областей... „Печально было положеніе Аркатова“,— про-

неслась въ его мозгу неожиданная, исполненная горькаго юмора мысль.

Произнеси эту фразу увѣреннымъ голосомъ, Аркатовъ начинаетъ мямлить что-то несуразное:

— Положеніе было печальное... Ну, да!.. Я говорю, что... что положеніе было печальное... оччень печальное...

Послѣднія слова Аркатовъ произносить какимъ-то трогательнымъ тономъ и даже какъ-то судорожно вздыхаетъ.

Что же ему сказать далѣе? Какъ быть?

Онъ переминается съ ноги на ногу и съ жалкимъ видомъ смотритъ, нахмурясь, на черную крышку парты съ вырѣзанными и написанными на ней, надѣвшими ему надписями и рисунками... Кузнецовъ хмурится и, опять отвернувшись, смотритъ въ сторону, и опять пенснэ его сверкаетъ... Аркатовъ снова вздыхаетъ... Ему кажется, что онъ всетаки кое что знаетъ, но что путается и мямлитъ просто отъ страха.

— Надо снова начать, болѣе обстоятельно и толково,— думаетъ онъ:—а не то я утратилъ спокойный и дѣловой тонъ, плету, запинаясь, изображаю изъ себя какого-то несчастнаго, прокислаго дурака—и голосъ у меня жалобный и униженный!

— Положеніе приднѣпровскихъ областей...—вдругъ началъ онъ такъ громко и неожиданно, словно вскрикнулъ. Товарищи кругомъ засмѣялись; Аркатовъ сконфузился до послѣдней степени—и замолчалъ окончательно. Кузнецовъ сморщился, а рука его взяла перо и, держа его на вѣсу, стала двигаться къ журналу. Но онъ остановился и, повидимому, желалъ всетаки дать возможность Аркату выплыть, не вѣря еще, чтобы онъ оказался окончательно нikuда не пригоднымъ.

— Скажите, съ какого года по какой княжилъ Даниилъ Романовичъ?

Аркатовъ молчалъ, подавленный сознаниемъ того смѣшного и дурацкаго положенія, въ которое поставилъ сейчасъ самъ себя... Онъ разозлился на все и на вся—и на себя, и на товарищей, и на Кузнецова, и на судьбу и рѣшилъ не говорить ни слова.

— Кто былъ Василько?

Аркатовъ молчалъ, хотя и зналъ, кто былъ Василько:—Нечего и тянуть, скорѣе конецъ!—подумалъ онъ.

Кузнецовъ молча поставилъ ему единицу. Аркатовъ видѣлъ это. Видѣлъ, что все кончено, и сѣлъ, не дожидаясь приглашенія.

Урокъ пошелъ своимъ чередомъ послѣ этого инцидента... На Аркатова Кузнецовъ не обращалъ уже ни малѣйшаго вниманія, и аркатовская гордость очень страдала отъ этого... Его самолюбіе было уязвлено и тѣмъ, что онъ выказалъ себя дуракомъ, и надъ нимъ смѣялись, а также еще тѣмъ, что

Кузнецовъ теперь совершенно махнулъ на него рукой, какъ на презрѣннаго отпѣтаго бездѣльника.

— Почему онъ не укоряетъ меня, не удивляется, что я не знаю урока? Вѣдь онъ-же близко знаетъ меня и знаетъ, что я способный и неглупый! Почему онъ не бранить меня, какъ бранить Шульца и Фомина, когда они плохо отвѣчаютъ, а пренебрегъ мной, какъ самымъ завалящимъ, послѣднимъ ученикомъ?—думалъ съ тоской и досадою Аркатовъ...

Во время урока Кузнецовъ бесѣдовалъ съ другими—не провалившимися учениками—какъ съ равными, острилъ, и они имѣли право бесѣдовать съ нимъ и подавать реплики, а Аркатовъ не имѣлъ этого права, и его какъ будто вовсе не существовало въ классѣ... Онъ переживалъ муки изгнанія, отлученія отъ общества—и эта послѣдняя казнь убивала его хуже всѣхъ предыдущихъ...

Мрачный, тоскливый день незамѣтно перешелъ въ настоящую вечернюю мглу... Пятый урокъ (послѣдній для класса и предпослѣдній для Аркатова) былъ русскій языкъ: писали сочиненіе. Было уже такъ темно, что ломило глаза при писаньи. Тема была тоскливая, отвратительная—учитель словесности предложилъ ученикамъ старшаго класса изложить своими словами содержаніе той пѣсни „Энеиды“, которую они переводили за послѣднее время. Опять появились на сцену подстрочники, потому что писать самостоятельно такую работу почти никто не могъ: всѣ такъ мало интересовались тѣмъ, что говорится въ Энеидѣ, и питали такое искреннее отвращеніе къ ея героямъ и ихъ приключеніямъ, что никогда не знали, какъ и чѣмъ началась та или другая переводимая „пѣсня“, что за чѣмъ слѣдовало, и какія событія въ ней рассказывались...

Аркатовъ впалъ въ истинное озлобленіе, и, кромѣ того, его всего охватила непреодолимая вялость и истома... Рука не поднималась писать. Онъ опустилъ голову на руки и, не поднимаясь, заявилъ коротко и мрачно словеснику:

— Я писать не буду, Владиміръ Петровичъ!

— Это почему?

— Не могу!

— Почему не можете? Тема-то, кажется, не трудная!

Аркатовъ смолчалъ и, не отвѣчая на вопросъ педагога, совсѣмъ улегся головою на парту.

— Вы больны?—спросилъ словесникъ, подозрительно взглянувъ на него.

— Боленъ!

Владиміръ Петровичъ молча отмѣтилъ что-то въ журналѣ и уже больше не придирался къ Аркатову. А Арка-

товъ такъ и пролежалъ весь урокъ, ни о чемъ не думая, не интересуясь даже тѣмъ, поставилъ или нѣтъ Владиміръ Петровичъ ему единицу за отказъ? Тоска и истома все больше и больше овладѣвали имъ... Онъ чувствовалъ, что вправду заболѣваетъ. Голова была точно чѣмъ-то налита, члены ломило. А въ классѣ становилось все темнѣе и темнѣе...

Но и это все еще было ничего, въ сравненіи съ тѣмъ ощущеніемъ одиночества и покинутости, которое охватило Аркатова, когда классъ кончился, и ученики отправились послѣ наскоро прочитанной молитвы домой. Когда всѣ ушли, и шаги замерли въ гулкихъ, теперь уже пустынныхъ и совершенно темныхъ корридорахъ, въ классѣ, гдѣ одиноко сидѣлъ Аркатовъ, вошелъ инспекторъ.

Аркатовъ, не поднимаясь, поглядѣлъ на него и снова впалъ въ тоску, положивъ голову на парту. Инспекторъ хотѣлъ было сдѣлать ему соотвѣтствующее внушеніе, но, очевидно, гимназическій туманъ и томленіе и на него подѣйствовали, и онъ за день усталъ и изнемогъ. Онъ пробормоталъ что-то себѣ подъ носъ и вышелъ, затворивъ за собою дверь...

— Уйти развѣ?—подумалъ Аркатовъ:—Уйти-то можно, да что толку? Швейцаръ и сторожа увидятъ и наядбедничаютъ—и вмѣсто одного сегодняшняго безъ-обѣда наполучаешь ихъ на цѣлую недѣлю!

И онъ остался одинъ въ полутемномъ, уныломъ, ободранномъ классѣ, глядѣвшемъ теперь еще унылѣе и страшнѣе, чѣмъ тогда, когда его наполняло десятка два шумныхъ и благодушныхъ аркатовскихъ товарищей... Изъ громадныхъ четырехъ-угольниковъ оконъ лилась грязно-сѣрая мгла вмѣсто свѣта и, казалось, еще болѣе грязнила и темнила стѣны, и безъ того темныя и грязныя... Классъ имѣлъ теперь особенную фizioномію и особые звуки—звуки тишины—мертвой и грустной, наводившей на сердце нестерпимую тоску...

Окна все болѣе темнѣли... Стѣны, казалось, сдвигались и давили Аркатова... Онъ чувствовалъ, что его какъ будто бросили живьемъ въ какой-то отвратительный склепъ и замуровали тамъ... Время тянулось нестерпимо долго... Часовъ у Аркатова не было, и онъ боялся, что его забудутъ здѣсь и запрутъ дверь, ведущую съ площадки въ классы, или что, по меньшей мѣрѣ, онъ просидитъ долѣе часа.

А гдѣ-то внѣ склепа жили, шумѣли, вдыхали свѣжій воздухъ люди. Гдѣ-то внѣ склепа ужасающая тяжелая мгла разсѣивалась и забывалась, благодаря зажженнымъ свѣчамъ и лампамъ. Но чудовищный нѣмой каменный Молохъ все еще держалъ въ своихъ мрачныхъ нѣдрахъ изнемогающую жертву вдали и отъ людей, и отъ лампъ.

Наконецъ, въ склепа слышались шаги одного изъ тѣхъ людей, которые были свободны и не замурованы. Аркатовъ приподнялъ голову и оглядѣлся: было уже совсѣмъ темно—четвертый часъ на исходѣ; шаги приближались, шаги звучали необыкновенно гулко и дико въ мертвомъ величїи склепа.

Въ классъ вошелъ сторожъ: Аркастову была дарована свобода.

Онъ всталъ, забралъ свой ранецъ, забылъ въ партъ, по обыкновенію, злополучные листки греческой книжки и вышелъ изъ класса, придерживаясь за стѣны. У него сильно кружилась голова. Сторожъ шелъ за нимъ слѣдомъ, гремя шагами и позвякивая связкой ключей.

Аркастовъ спустился внизъ по полу-темной лѣстницѣ съ розовыми перилами. Внизу, въ швейцарской тускло мерцала лампа. Онъ одѣлся и, такъ какъ у него все еще кружилась голова, то едва не упалъ, надѣвая пальто.

Физическая и нравственная усталость одолѣвали его. Гимназія казалась невообразимо отталкивающей и противной... И у него промелькнула отчетливая мысль, что и сегодня, и завтра, и послѣзавтра не будетъ, какъ и вчера, учить дома уроковъ... Только бы добраться до дому, отдохнуть и позавѣять всю эту скверну и тьму!..

Дверь наружу была открыта. Выйдя черезъ стеклянную будку на крыльцо, Аркатовъ остановился и сталъ смотрѣть на улицу и на длинные ряды фонарей... Да! Уже горѣли фонари... И вдругъ ему показалось, что за то время, пока онъ сидѣлъ въ склепѣ, жизнь ушла впередъ... Ушло и исчезло то время, которое нужно было для того, чтобы погасить дневной свѣтъ и зажечь фонари, и которое въ видѣ бѣлесоватыхъ „снѣжныхъ“ сумерекъ предшествовало обѣду тамъ, дома... Аркатовъ любилъ эти сумерки, освѣщаемыя топившеюся печью въ столовой и сопровождавшіяся особою музыкой—трескомъ горящихъ дровъ, мѣрнымъ говоромъ маятника и однообразной унылою рѣчью вентилятора на верху у печки... Все это сегодня уже ушло и не вернется, и онъ остался одинъ позади...

Отъ свѣжаго ли воздуха, отъ слабости ли, охватившей его, отъ избытка ли дурныхъ впечатлѣній—Богъ знаетъ отчего,—но къ горлу Аркастова вдругъ подступили жестокія непрошенныя слезы, и онъ, уподобившись маленькому гимнасту-первокласснику, заплакалъ навзрыдъ.

— Такимъ-ли вышелъ изъ гимназіи, какимъ вошелъ въ нее? Вотъ и провалился!.. Вотъ и остался на поверхности земли!—безсвязно твердилъ онъ, кусая губы, и слезы все лились изъ его глазъ.

Б. Никоновъ .

(Окончаніе слѣдуетъ).

Въ поискахъ за золотомъ.

I.

Отъ Петербурга до С.-Франциско.

18 апрѣля 1900 года мы выѣхали изъ Петербурга въ Лондонъ и далѣе. Путь предстоялъ намъ не близкій: ни много-ни мало должны мы были пересѣчь Атлантическій океанъ, пробхать поперекъ всю Америку, въ С.-Франциско сѣсть на зафрахтованный для нашей экспедиціи пароходъ „Самоа“ и на немъ слѣдовать въ Беринговъ проливъ къ берегамъ Чукотскаго полуострова, чтобы искать тамъ золото. Наша экспедиція была смѣшанная: русско-англійско-американская. Вотъ исторія ея возникновенія въ самыхъ короткихъ чертахъ.

На восточномъ берегу Берингова пролива въ Аляскѣ, года 3—4 назадъ, были сдѣланы богатѣйшія открытія золота, а затѣмъ, естественно, вниманіе всѣхъ обратилось и на наши берега, и уже года два назадъ нѣкоторые предприимчивые американцы пробовали искать золото и у насъ. Наконецъ, въ началѣ 1900 года составилаcя цѣлая компанія капиталистовъ, которая и явилась въ Петербургъ ходатайствовать о разрѣшеніи ей искать и разрабатывать золото на нашемъ берегу. Но и русскіе не дремали. За нѣсколько времени до прибытія американско-англійскихъ капиталистовъ исключительное право исканія о разработки золота и другихъ полезныхъ ископаемыхъ было предоставлено полковнику В. М. Вонлярлярскому, и такимъ образомъ, иностраннымъ гостямъ пришлось имѣть дѣло уже не съ русскимъ правительствомъ, а съ частнымъ лицомъ.

Между тѣмъ, и г. Вонлярлярскій былъ поставленъ въ очень затруднительное положеніе: отдаленность Чукотскаго полуострова, отсутствіе военной охраны береговъ и давно установившіяся у чукчей съ американцами-китобоями торговыя сношенія—все это заставляло предполагать, что чисто русская экспедиція можетъ попасть въ очень непріятное положеніе при столкновеніи съ

американскими хищниками, приливъ которыхъ на нашу территорию ожидался въ очень значительныхъ размѣрахъ.

Организовать-же вооруженную охрану такой громадной береговой полосы стоило бы страшныхъ денегъ. Поэтому, когда англо-американскіе капиталисты предложили принять ихъ въ дѣло, то г-ну Вонлярлярскому былъ прямой расчетъ согласиться, такъ какъ, заинтересованные въ предпріятіи, они, конечно, сами позаботились бы объ охранѣ береговъ отъ хищническихъ набѣговъ своихъ соотечественниковъ. Такимъ образомъ, и создалась наша „пестрая экспедиція“, какъ прозвалъ ее одинъ русскій, съ которымъ мы встрѣтились въ С.-Франциско.

И дѣйствительно, „пестрая“: въ составъ нашей экспедиціи входили русскіе, поляки, американцы, англичане, евреи, норвежцы, китайцы и даже былъ одинъ осетинъ! Но въ такомъ „пестромъ“ видѣ составилаь она только въ С.-Франциско; изъ Петербурга же въ Лондонъ мы выѣхали въ слѣдующемъ составѣ: г. Вонлярлярскій съ женой *), начальникъ экспедиціи горный инженеръ К. И. Богдановичъ съ женой, переводчикъ, обрусѣвшій англичанинъ А. М. Макферсонъ, докторъ экспедиціи И. Н. Акифьевъ, казакъ-осетинъ Н. Сеоевъ и пишущій эти строки въ качествѣ помощника г. Богдановича.

Быстро мчалъ насъ nord-express, и 20 числа мы были уже въ Лондонѣ, а 22 прощались съ г. Вонлярлярскимъ и его супругой, отъѣзжая въ Ливерпуль, чтобы попасть къ отходу парохода „Compania“, который долженъ былъ доставить насъ въ Америку. 22 уже къ вечеру мы покинули Европу.

На „Compania“ наше общество пополнилось; къ намъ присоединились: м-ръ Беккеръ — изящный, красивый англичанинъ, главный компаньонъ г. Вонлярлярскаго; м-ръ Робертсъ, — но о немъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ поподробнѣе. Ему было 72 года; дряхлъ онъ былъ такъ, что, буквально, сидя засыпалъ, а проснувшись, съ трудомъ поднималъ вѣки, за что и получилъ прозваніе Вія или „поднимите мнѣ вѣки“. Намъ сказали, что онъ настоящій человекъ золотого дѣла, что онъ на золотѣ два или три милліонныхъ состоянія нажилъ и прожилъ; что имя м-ра Робертса извѣстно по всей Америкѣ, что нѣтъ болѣе опытнаго „prospector’a“ **). На этомъ основаніи его положеніе въ экспедиціи было особое: всѣ иностранцы, равно какъ и мы, русскіе, обязаны были быть въ полномъ распоряженіи г-на Богдановича; всѣ, но не м-ръ Робертсъ, о которомъ м-ръ Беккеръ просилъ Богдановича: „очень прошу васъ предоставить м-ру Робертсу полную свободу въ выборѣ методовъ исканія золота и принять всѣ орудія и машины, которыя онъ пожелаетъ“. И никому, конечно, и въ

*) Они должны были остаться въ Лондонѣ.

**) Искатель золота.

голову не приходило сомнѣваться въ такой одѣлкѣ его: къ чему бы иначе нужно было тащить такую развалюху въ далекое и небезопасное путешествіе?

Затѣмъ ѣхалъ съ нами майоръ Стернъ,—объамериканившійся еврей. Онъ говорилъ по нѣмецки, и потому мы съ нимъ больше, чѣмъ съ другими, разговаривали, и хотя онъ былъ представитель капиталистовъ, но держалъ себя очень скромно, какъ-то въ тѣни, всегда былъ неизмѣнно вѣжливъ и корректенъ, и когда, впоследствии, мы указывали ему на разные безобразія по оборудованію экспедиціи, въ которомъ онъ принималъ дѣятельное участіе, то майоръ, выпучивая глаза и поднимая типичнымъ жестомъ еврея руки кверху, неизмѣнно съ выраженіемъ крайняго негодованія восклицалъ: O-o! Das ist schräklich!.. но дальше этого не шелъ.

Ѣхало съ нами еще нѣсколько молодыхъ людей, но мы не знали ихъ отношенія къ экспедиціи.

Итакъ, 22 апрѣля мы вышли съ Ливерпульскаго рейда, а 29 ошвартовались уже въ Нью-Йоркѣ. Весь переходъ, значить, сдѣлали въ 7 сутокъ, а должны были сдѣлать всего въ 5 сутокъ съ часами. Задержка произошла вслѣдствіе страшнаго шторма, въ который мы попали тотчасъ по выходѣ изъ Гольфштрема. Штормъ былъ такъ силенъ, что громадная „Compania“ совершенно зарывалась въ волнахъ, и ходъ пришлось сбавить съ 40 верстъ до 5—6 въ часъ.

Часовъ въ 8 вечера 29 апрѣля мы медленно вошли въ Гудзонъ, миновали грозные форты и маякъ-памятникъ „Свободы“ и остановились противъ пристани. Громадная „Compania“ не могла самостоятельно повернуть въ широкой рѣкѣ, и смѣшно было смотрѣть, какъ два лилипута пароходика, упершись носами съ разныхъ сторонъ въ корму и носъ „Compania“, работая полнымъ ходомъ впередъ,—повернули ее на мѣстѣ, и она подошла къ пристани.

Не смотря на очень цѣлесообразную организацію непріятнаго таможеннаго досмотра, мы все же только около часу ночи попали въ отель Вальдорфъ Асторія—громадное зданіе, въ которомъ мы не приминули заблудиться не одинъ разъ.

Въ Нью-Йоркѣ мы пробыли всего два дня, и онъ совершенно оглушилъ меня. Электрическіе, конные, паровые, канатные трамваи и желѣзнодорожные поѣзда съ грохотомъ, шипѣньемъ, звонками и свистомъ несутся мимо васъ и справа, и слѣва, и спереди, и сзади, и даже надъ вами по неуклюжимъ, тяжелымъ эстакадамъ. Тутъ же тысячи возовъ—не нашихъ, а громадныхъ, пудовъ на 400—600 и болѣе, запряженныхъ парой слонообразныхъ коней, медленно двигаются, сталкиваются въ сутолокѣ уличной жизни и разѣзжаются. Легкіе, изящные кабріолеты, запряженные блестящими англазированными рысаками, безшумно и граціозно скользятъ по улицамъ, искусно лавируя между тяжеловозами и трамваями; отъ тысячи же велосипедистовъ—просто въ глазахъ

рябить, а тутъ еще сотни мальчугановъ, то съ газетами, то съ плодами, то богъ знаетъ съ какой еще дрянью шныряють, какъ бѣсы, въ этой многотысячной движущейся толпѣ и пронзительно выкрикиваютъ. Полиціи совсѣмъ мало и корректные полисмэны, кажется, за тѣмъ только и существуютъ, чтобы переводить съ угла на уголъ растерявшихся дамъ.

Но вотъ мы снова въ поѣздѣ и съ головкружительной быстротой мчимся въ Вашингтонъ въ превосходномъ вагонѣ, по превосходному полотну, и къ вечеру мы въ столицѣ Штатовъ.

Положительно не можетъ быть города лучше Вашингтона! Въ немъ нѣтъ той скученности домовъ, какая замѣчается въ Нью-Йоркѣ или Чикаго, нѣтъ и 30-этажныхъ гигантовъ, что, какъ гнилые зубы въ челюсти, лѣзутъ вверхъ, нѣтъ того адскаго движенія. Улицы широки, обсажены иногда въ нѣсколько рядовъ деревьями. Масса садовъ и парковъ, изящная архитектура зданій — все это уже привлекаетъ. И если Нью-Йоркъ, Чикаго, С.-Франциско — столицы промышленности, то Вашингтонъ, безспорно, столица интеллектуальной жизни страны.

За пять дней, которые мы тамъ прожили, мы успѣли осмотрѣть всѣ музеи (а ихъ тамъ не мало), побывать въ пріемной Бѣлаго Дома, взобраться на самый верхъ обелиска Вашингтона (70 саж. высоты), посмотрѣть на засѣданія конгресса и сената, заглянуть въ пустую въ то время залу Верховнаго Суда, обѣжать изумительно богатый и изящный дворецъ національной библіотеки и даже, при осмотрѣ министерства финансовъ, зачѣмъ то познакомиться съ старшимъ секретаремъ министра.

Я не стану всего этого описывать подробно, — скажу только, что между музеями русскими и американскими *) главная разница въ томъ заключается, что у насъ есть что показать, но нѣтъ помѣщеній, а у американцевъ скорѣе наоборотъ: роскошныя помѣщенія и почти нечего показывать, хотя есть и очень богатые нѣкоторые отдѣлы музеевъ; такъ, напримѣръ, въ этнографическомъ музеѣ очень богатъ отдѣлъ индѣйскій, но и только; другіе же отдѣлы до жалости бѣдны: напримѣръ, славянскія племена представлены всего парой болгаръ!

Относительно искусства во всѣхъ его подраздѣленіяхъ у меня осталось впечатлѣніе, что у американцевъ своего собственнаго искусства почти нѣтъ. Въ Вашингтонскомъ Эрмитажѣ „*Corcoran gallery of Arts*“ собрано множество скульптурныхъ произведеній и картинъ, но это все въ лучшемъ случаѣ оригиналы европейскихъ мастеровъ или посредственные копии съ ихъ твореній **).

*) Я говорю лишь о музеяхъ Вашингтона и С.-Франциско.

**) Только въ отдѣлѣ акварелей есть очень не дурныя вещицы чисто американскаго происхожденія; по большей части онѣ помѣчены женскими именами ихъ творцовъ.

Не могу здѣсь не сказать нѣсколько словъ объ одной картинѣ нашего соотечественника — Айвазовскаго. Ихъ собственно двѣ. Одна изображаетъ „приходъ въ Либаву американскаго судна съ хлѣбомъ“ въ голодный 92 годъ, а другая называется „Привозъ американскаго хлѣба въ русскую деревню“. Вотъ она-то и любопытна. На первомъ планѣ картины лихая тройка съ расписной дугой и бубенцами мчится во весь опоръ. Сани, чуть ли не козловыя, полны хлѣбомъ. Тройкой правитъ мужикъ, а на возу стоитъ молодой парень и держитъ въ рукахъ знамя. За этой тройкой видна цѣлая вереница такихъ же бѣшеннхъ троекъ, исчезающихъ въ туманной перспективѣ улицы. Въ той же туманной перспективѣ видны прекрасныя избы съ тесовыми крышами, съ рѣзными коньками и наличниками. Даже, помнится, онѣ украшены флагами! Изъ избы выбѣгаетъ народъ, машетъ шапками и, очевидно, кричитъ „ура“! Кто видалъ въ жизни привозъ хлѣба въ русскую голодную деревню, того не можетъ же возмутить эта шутовская декорація.

Въ отдѣлѣ скульптурномъ васъ поражаетъ масса гипсовыхъ копій съ античныхъ статуй, сдѣланныхъ такъ грубо, что даже швы, образующіеся при отливкѣ, не стерты.

Почти не имѣя яркихъ представителей искусства, американцы также мало развиты и въ отношеніи музыки; ихъ любимыя инструменты—банджо и ксилофонъ—оба до послѣдней степени не музыкальны. Но уже прямо бить Божій въ Америкѣ—это всевозможныя фонографы, графофоны, микрофоны и тому подобныя механическія музыкальныя инструменты. Когда вы идете послѣ 6 часовъ (т. е. послѣ закрытія лавокъ и конторъ) по неторговымъ жилымъ улицамъ, вы тамъ и тутъ можете наблюдать, какъ на крылечкѣ расположилось цѣлое семейство и наслаждается спокойствіемъ, чуднымъ воздухомъ и... тишиной, хотѣлъ я сказать, да вотъ и нѣтъ, тишины-то именно и не достаетъ. Её нарушаютъ несущіеся изъ каждаго дома, изъ каждой квартиры звуки фонографовъ съ братіей. Крикливыя, шипящія, они перебиваютъ другъ друга, несутъ разноголосицу и порой сливаются въ такую какофонию, что хоть уши зажимай... А добродѣтельные янки сидятъ, посасываютъ сигары и сосредоточенно слушаютъ... Тоже и въ танцахъ. Нельзя быть въ театрѣ или въ кафе-штантѣ, чтобы не увидать любимаго танца американцевъ—негритянскаго. Неграціозный, грубый и нелѣпый, онъ надоѣлъ мнѣ съ перваго же дня. А американцы наслаждаются и смотрятъ, какъ танцуютъ его на подмосткахъ и мужчины, и женщины, и даже дѣти 3—4 лѣтъ: и вмѣстѣ, и порознь, и въ костюмахъ, и почти безъ таковыхъ. При мнѣ однажды подвизалось цѣлое семейство, состоящее изъ папа, мама, мальчугана лѣтъ 7—8 и дѣвчурки лѣтъ 3-хъ. Восторгъ достигъ апогея, когда дѣвчурка, по примѣру канканирующей машины, задрала спереди юбочку...

А театр? Я былъ и въ Вашингтонѣ, и въ С.-Франциско въ сложности разъ десять въ театрахъ, и меня поражали слѣдующія черты американской публики. Во-первыхъ, ей, вѣроятно, необходима смѣна впечатлѣній, и поэтому программа представленій чрезвычайно разнообразна: водевиль смѣняется пѣніемъ, пѣніе — танцами, танцы — фокусами, фокусы — гимнастами, гимнасты — кинематографомъ, а этотъ послѣдній — какимъ-нибудь актомъ, изъ оперы.

Во-вторыхъ, наибольшій фуроръ производятъ грубые внѣшніе эффекты. Не обходится ни одной комедіи или водевиля, чтобы ктонибудь когонибудь не выкинулъ за окно или не сотворилъ чтонибудь подобное. Мать, напримѣръ, часто выбрасываетъ за окно своего ребенка, мужъ — жену или ея любовника, и въ такомъ случаѣ за окномъ слышится трескъ и грохотъ, будто цѣлый желѣзнодорожный поѣздъ свалился. А публика довольна. Хочетъ такъ заразительно, что невольно смѣешься и самъ. Но еще большій восторгъ вызываютъ злободневные куплетисты. Не стѣсненные цензурой, они добродушно или ядовито высмѣиваютъ и крупныхъ политическихъ дѣятелей, и своихъ, и чужихъ, и полицію, и плутни добродѣтельныхъ буржуа — раскаты хохота иногда не даютъ имъ возможности пѣть. Этотъ здоровый, свободный смѣхъ возбуждалъ во мнѣ только чувство зависти.

Но приглядитесь къ публикѣ... Вы увидите, какъ она разнообразна.

Вотъ сидятъ почтенная старушка въ большихъ очкахъ; дальше молодая, навѣрно, супружеская чета. Отъ смѣха молоденькая мистрисъ совсѣмъ ослабѣла и кладетъ головку на плечо своего спутника; дальше — звѣнать веселые дѣвичьи голоса — это цѣлая компанія 14—15-лѣтнихъ миссъ, которыя однѣ пришли сюда, однѣ и уйдутъ, и въ голову никому не приходитъ, что къ нимъ могутъ пристать нахалы, что ктонибудь ихъ обидитъ. Вотъ изящно одѣтый, въ сверкающей бѣлизной рубашкѣ джентльмэнъ, но его лицо слишкомъ завѣтрилось, его руки черны и носятъ много слѣдовъ ожоговъ: можно поручиться, что это слесарь съ ближайшаго завода. Вотъ цѣлая семья съ двухлѣтнимъ гражданиномъ на колѣняхъ у матери; вотъ рядъ молодежи — это приказчики изъ магазиновъ. Вся эта публика наработалась и теперь хочетъ отдыхать, хочетъ веселиться. Ей не нужно острыхъ развлеченій (хотя вкусы толпы и грубы). Веселье въ ней самой сидитъ и рвется наружу. Такого искренняго, массоваго хохота я въ Россіи не слыхалъ.

Но американцы любятъ комфортъ, и поэтому въ театрахъ всюду стоятъ или столики, садясь за которые, вы заказываете себѣ какое-нибудь питье, на что американцы великіе мастера, или, если стулья стоятъ непрерывными рядами, то позади спинки стульевъ каждого ряда прикрѣпляется узенькая полочка,

на нее вы ставите поданные стаканы. Въ промежуткахъ между номерами программы stuart'ы мѣняютъ стаканы и получаютъ деньги. Въ зрительномъ залѣ курятъ всѣ, но почему-то въ Америкѣ употребляются какія-то особенныя спички, которыя янки зажигаютъ о подошву сапога съ страшнымъ трескомъ, и вы можете зачастую видѣть, какъ изящный джентльмэнъ, желая дать вамъ огня, вдругъ быстро лягаетъ ногой и въ тотъ же моментъ раздается трескъ—это онъ успѣлъ чиркнуть спичкой о подошву сапога.

Въ залѣ курятъ всѣ, но только не дамы. Американскія дамы публично не пьютъ и не курятъ, но великолѣпно все это продѣлываютъ дома или въ кружкѣ близкихъ людей. Всѣ это знаютъ, но англійское лицемѣріе привилось въ данномъ случаѣ крѣпко. Однажды, въ шикарномъ ресторанѣ послѣ завтрака наша спутница закурила папироску вмѣстѣ съ мужчинами. Къ старшему изъ нашей компаніи немедленно подошелъ stuart и просилъ предложить дамѣ не курить, такъ какъ въ противномъ случаѣ ей придется оставить залъ. А мужчины всѣ дымили, кто во что гораздъ—сигары, сигаретки и даже трубки...

Пробывъ въ Вашингтонѣ пять сутокъ, мы черезъ Чикаго отправились въ С.-Франциско въ великолѣпномъ пульмановскомъ поѣздѣ. Въ самомъ Чикаго мы пробыли всего 2 часа, но этого было довольно для того, чтобы мы съ г. Макферсономъ успѣли сбѣгать взглянуть на озеро. Этотъ путь уже столько разъ описатьъ, что повторять описаніе поѣзда, поѣздныхъ порядковъ, видовъ попутныхъ—скучно. Мнѣ хочется рассказать только о двухъ своихъ наблюденіяхъ.

Однажды ночью, когда мы уже поднялись на плоскогорье Uta, я почувствовалъ, что мы стоимъ и стоимъ что-то долго. Одѣться было дѣломъ одной минуты, и, выскочивъ изъ вагона, я увидѣлъ, что нашъ поѣздъ остановился на развѣздѣ среди пустыни. Сзади него на тѣхъ-же рельсахъ стояли еще два поѣзда—значить, стоимъ давно. Разспросить я не умѣлъ и потому рѣшилъ, что впереди случилось несчастье, путь загроможденъ, и мы ждемъ его очистки: стало быть, можно погулять. Солнце взошло. Воздухъ на высотѣ 7,000 футовъ былъ прозраченъ и чистъ. Ни кустика, ни селенія вблизи. Незамѣтно я отошелъ съ полверсты на ближайшій холмикъ. За холмомъ оказалось озеро, и я спустился къ нему. Поѣздъ отъ меня скрылся. Передо мною была пустыня, суровая, величавая. Типина полная—та жуткая тишина, отъ которой въ ушахъ звенить. Я присѣлъ на камень и у ногъ, на пескѣ увидаль пулю винчестера. Въ моей памяти живо воскресли запавшія съ дѣтства картины дикой американской жизни. Кто ими не увлекался? Кто не воображалъ себя Медвѣжьимъ Когтемъ или Смѣлой Рукой? Я совсѣмъ замечтался, населяя эту живую, подлинную арену прошлой борьбы героями дѣтства... какъ вдругъ до меня донесся

слабый свистокъ паровоза. „Уйдетъ поѣздъ“—опомнился я и бѣгомъ выбѣжалъ на холмъ. Но поѣздъ стоялъ, а изъ выемки впереди мчался къ развѣзду паровозъ. Я не зналъ, шли мы одиночной или двойной тягой, и, подумавъ, что, можетъ быть, это нашъ второй паровозъ, ходившій на развѣдки, я бѣгомъ побѣжалъ къ поѣзду: вѣдь пристегнуть паровозъ недолго. Уйдетъ мой поѣздъ безъ меня, что я тогда буду дѣлать одинъ, безъ языка и безъ денегъ, оставшихся въ вагонѣ? Но прибѣжавшій паровозъ что-то взялъ съ нашего поѣзда и опять убѣжалъ. Я рѣшилъ пойти по пути къ мѣсту несчастья, но тутъ—такъ и ахнулъ. Кой-что въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ я понимаю и состояніе пути меня ужаснуло. Шпалы совершенно гнили, костылей не держатъ (я свободно вынималъ рукой нѣкоторые изъ нихъ и снова вставлялъ), баластъ выдуло и концы шпалъ висятъ, на стрѣлкѣ болты расхлебались, кривая закругленія пути совершенно не вывѣрена,—однимъ словомъ, ничего общаго съ полотномъ между Нью-Йоркомъ и Вашингтономъ. Какъ тамъ все было въ образцовомъ порядкѣ, такъ здѣсь не было и намека на техническій надзоръ. И по такому-то пути мы мчались со скоростью 50—60 верстъ въ часъ и будемъ еще мчаться! Нельзя сказать, чтобы остальную часть пути я чувствовалъ себя спокойно.

Но вотъ съ грохотомъ мимо промчался служебный поѣздъ съ паровымъ краномъ, вызванный по телефону изъ ближайшаго депо. За нимъ двинулись и мы и, пройдя верстъ пять, остановились саженихъ въ 100 отъ мѣста несчастья. Здѣсь видѣлъ я, какъ быстро кранъ захватилъ тендеръ, лежавшій почти поперекъ пути, поднялъ его, повернулъ и поставилъ на мѣсто, затѣмъ тоже самое продѣлано было и съ паровозомъ. На все ушло меньше получаса, и мы двинулись къ станціи.

Слѣдуя дальше по пути, мнѣ удалось видѣть, какъ американцы работаютъ новое, земляное полотно. Нашихъ грабарокъ и тачекъ я совсѣмъ не видалъ. Земля изъ резерва добывается и вывозится на полотно особаго устройства (крайне простого) широкими лотками съ острыми, широкими краемъ и рѣжущими боковыми стѣнками. Въ такой лотокъ впрягаются или люди, или лошади, смотря по величинѣ его, и тащатъ лотокъ, какъ плугъ, а одинъ человекъ держитъ въ рукахъ рукоятку и регулируетъ ея уклонъ рѣзакъ. Какъ только лотокъ полонъ, онъ дѣлаетъ движеніе рукояткой внизъ, и рѣзакъ уже больше не рѣжетъ земли. Затѣмъ лотокъ волокомъ вывозится на полотно, опрокидывается и снова свозится въ резервъ. Резервъ выходитъ правильный, аккуратный, дно его ровно, работа подвигается быстро. Просто смотрѣть весело. У насъ такъ работать не умѣютъ.

Но въ еще большій восторгъ пришелъ я, когда увидалъ въ дѣйствиіи громадный экскаваторъ. Правленіе дороги задумало сократить линію и съ этой цѣлью прокладывало новый путь. Мы

шли еще по старому пути, по горѣ, а саженой 10 внизъ экскаваторъ работалъ въ той-же горѣ выемку для новаго пути. Рядомъ стоялъ поѣздъ узкоколейной дорожки съ платформами подъемной силы не меньше 300 пудовъ. И вотъ громадный ковшъ экскаватора мощно врѣзывался въ каменную розсыпь, наполнялся до краевъ, затѣмъ медленно поднимался на воздухъ и, сдѣлавъ на краивъ оборотъ, останавливался надъ платформой; дно ковша открывалось и содержимое высыпалось на нее. Еще одинъ такой ковшъ, и платформа въ пять мин. готова; поѣздъ нѣсколько подается впередъ, и еще черезъ пять мин. готова другая платформа. Чудовище прямо грызло гору, а у регулятора стоялъ всего одинъ человекъ. Легкими движеніями рукъ онъ управлялъ могучей машиной. На сколько американцы профаны въ искусствѣ, на столько же они изобрѣтательны и практичны въ области техники.

Поздно вечеромъ 10 мая мы прибыли благополучно въ С. Франциско.

II.

Отъѣздъ.—Новые члены экспедиціи.—Спиритическая подкладка.—Самоа и его экипажъ.—Алеутскіе острова.—Бухта Провидѣнія.—Progress и м-ръ Шоклей.—Чукотское кладбище.

Описывать С. Франциско и его достопримѣчательности я не буду, а равно и нашу бѣготню и суматоху, сопряженную съ снаряженіемъ экспедиціи. Скажу только, что снаряженіе это встрѣчало все новыя и новыя задержки, непонятныя для насъ, и отъѣздъ все откладывался, даже когда все было готово. Почти три недѣли провозились мы въ С.-Франциско и, наконецъ, 27 мая ст. ст., поздно вечеромъ Самоа отошелъ отъ пристани. Уходили мы украдкой, ночью, съ потушенными фонарями. Дѣло въ томъ, что м-ра Робертса преслѣдовала за долги полиція, и поэтому, чтобы можно было уйти безпрепятственно, онъ скрывался. За нѣсколько часовъ до отхода Самоа произошла слѣдующая сценка: на пристань явился, какъ-бы гуляя, полицмэнъ и, увидя на палубѣ собаку Робертса, спросилъ одного изъ нашихъ спутниковъ:—Чья это собака?

— М-ра Робертса,—послѣдовалъ отвѣтъ.

— А который здѣсь м-ръ Робертсъ?

— А вонъ сѣдой, полный джентельмэнъ,—отвѣчалъ американецъ, указывая на майора Стерна.

Тогда полицмэнъ вынулъ изъ кармана бумагу и, принявъ официально-торжественный видъ, подошелъ къ майору; тотъ спокойно смотрѣлъ на него, покуривая сигару.

— М-ръ Робертсъ! по порученію высшей власти Штата, я вручаю вамъ эту бумагу съ запрещеніемъ выѣзда изъ Штата.

Но мнимый м-ръ Робертсъ, спокойно заложивъ руки въ кар-

маны, повернулся спиной къ полисману; тотъ зашелъ съ другой стороны и еще громче повторилъ свои слова, но... снова увидалъ спину. Тогда, снова обойдя маіора, полисманъ произнесъ:

— Это бесполезно. Я при свидѣтеляхъ вручаю вамъ эту бумагу.—И онъ торжественно положилъ ее на какой-то тукъ передъ маіоромъ, а затѣмъ, кивнувъ головой, также величественно удалился... Лишь только онъ скрылся за угломъ, какъ раздался гомерическій смѣхъ, и тотчасъ-же капитаномъ Самоа Джансономъ былъ составленъ протоколъ о томъ, какъ полисманъ ошибкой вручилъ бумагу на имя м-ра Робертса всѣмъ извѣстному джентельмену маіору Стерну. Свидѣтели подписались, и протоколъ немедленно былъ отправленъ въ редакцію одной изъ газетъ.

Итакъ, въ 11 часъ вечера 27 мая мы покинули С.-Франциско.

При выходѣ изъ залива мы остановились. Къ Самоа подошла шлюпка: четыре джентельмена вскарабкались изъ нея на палубу; дружное „ура“ привѣтствовало ихъ. Мгновенно зажглись всѣ огни, и Самоа полнымъ ходомъ вышелъ въ открытое море.

Теперь можно сказать нѣсколько словъ объ окончательно выяснившемся составѣ нашей экспедиціи. Кромѣ г. Богдановича съ женой, Макферсона, Акифьева, Соеова и меня, къ русской части компаніи присоединился еще г. Лемашевскій.

Это былъ крѣпкій, коренастый старикъ съ недобрыми, часто зло сверкавшими глазами. Онъ 37 лѣтъ плавалъ между Америкой, Алеутскими островами, Владивостокомъ и Японіей и только что рѣшилъ было отдохнуть и даже уже бросилъ мѣсто командира судна, чтобы пожить на покой въ С. Франциско, какъ, встрѣтившись съ г. Богдановичемъ, самъ для себя неожиданно рѣшилъ плыть съ нами. Собственно его обязанности были для меня не ясны, и мнѣ кажется, что г. Богдановичъ пригласилъ его, какъ опытнаго моряка, не надѣясь на знанія экипажа Самоа. Но двѣ волчицы въ одномъ оврагѣ не водятся, и между экс-командиромъ Лемашевскимъ и капитаномъ Джансономъ происходило въ пути много мелкихъ столкновеній, которыя только еще болѣе осложняли международныя отношенія компаніи аргонавтовъ, и безъ того крайне неясныя и недоброжелательныя.

Къ американской же компаніи, состоявшей изъ извѣстныхъ уже намъ м-ра Робертса и Стерна, присоединились еще: молодой горный инженеръ англичанинъ Рикаръ, представитель капитала м-ръ Уайтъ, старый алкоголикъ сомнительнаго происхожденія, но по симпатіямъ—истый англичанинъ, ненавидѣвшій буровъ до глубины души; затѣмъ молоденькій, маленькій, вертлявый м-ръ Ленфильдъ. Къ 26 годамъ онъ успѣлъ, по его словамъ, кончить два факультета: математическій и геологическій, прослужить офицеромъ, побывать въ Россіи на Уралѣ и въ степяхъ Закаспійскаго отдѣла, объѣздить Штаты, читая лекціи о работѣ сжатого воздуха. Онъ порядочно говорилъ по русски. М-ръ Дауленъ—молодой чело-

вѣкъ, рекомендованный въ качествѣ геолога. М-ръ Пикарь, по профессіи, набивальщикъ чучель, но рекомендованный опытнымъ проспекторомъ. И, наконецъ, два Скрентона: отецъ—мужчина вершковъ 13 росту—плотникъ по профессіи, и сынъ, совершенный мальчишъ, работавшій на фабрикѣ консервовъ. Четыре таинственные джентельмэна, доставленные на Самоа шлюпкой, и были: Робертсъ, Дауленъ и два Скрентона.

Къ американцамъ же примыкали китайцы рабочіе.

Не могу удержаться, чтобы не рассказать здѣсь о спиритической подкладкѣ нашей экспедиціи.

За два года до составленія нашей экспедиціи Скрентонъ—отецъ, скромный плотникъ и убѣжденный спиритъ, задумалъ идти искать богатства въ Кэпъ-Номъ, но передъ путешествіемъ онъ спросилъ духовъ, что съ нимъ будетъ, и получилъ отвѣтъ, который тотчасъ-же записалъ въ книжку. Духи сказали: „ты пробудешь въ Номѣ только годъ; неожиданно уѣдешь оттуда, не разбогатѣвъ; вслѣдствіе одного несчастія будешь въ Нью-Йоркѣ; оттуда поѣдешь въ страну, о которой не думаешь и тамъ разбогатѣешь“. Поѣхалъ Скрентонъ въ Саp-Nome, но не прошло и года, какъ получилъ извѣстіе, что его мать больна и лежитъ въ Нью-Йоркѣ у своей дочери. Бросивъ работу и не разбогатѣвъ Скрентонъ поѣхалъ въ Нью-Йоркъ и тамъ похоронилъ свою мать. Видя, что часть предсказанія исполнилась столь блистательно, Скрентонъ окончательно увѣровалъ и во вторую половину его. Онъ началъ прислушиваться, и вотъ все чаще и чаще онъ слышитъ слово *Siberia*.—Такъ вотъ страна, о которой онъ не думалъ, и гдѣ онъ разбогатѣетъ! Случай свелъ его съ Робертсомъ.

Невѣжественный и суевѣрный, какъ всѣ американскіе золотискатели, Робертсъ ухватился за Скрентона, какъ за талисманъ счастья. Если Скрентонъ разбогатѣетъ въ Сибири, то тѣмъ болѣе разбогатѣетъ онъ—Робертсъ. Оставивъ Скрентона въ Нью-Йоркѣ, Робертсъ полетѣлъ въ Лондонъ и тамъ организовалъ или присоединился къ вышеупомянутому обществу капиталистовъ. Такова повѣсть, слышанная нами отъ самого Скрентона.

Теперь опишу наше суденышко и его экипажъ.

Длинной Самоа былъ 155 ф. и водоизмѣщеніе 600 тоннъ. Махімумъ хода 9 узловъ, при наибольшей осадкѣ въ 12 футовъ. Собственно Самоа было-бы правильнѣе назвать паровой баржей, такъ какъ онъ строился специально для каботажнаго плаванія у береговъ Калифорніи, для перевозки лѣса. Такъ какъ дерево громоздскій, но легкій матеріалъ, то у такихъ судовъ центръ тяжести располагается какъ-то особенно. Когда-же мы загрузили трюмы Самоа тяжелыми машинами, провизіей и главное, 400 тоннами угля, то отъ необычнаго груза центръ тяжести расположился совсѣмъ не по расчету, и потому насъ постоянно качало, даже въ тихую погоду. Въ добавокъ онъ былъ такъ перегруженъ,

что въ самомъ низкомъ мѣстѣ палуба была залита водой вершка на 4!..

Капитанъ Самоа Джансонъ, толстый, красный, съ свинными глазками, былъ вполне достоинъ своего судна. Хотя онъ и имѣлъ сертификатъ шкипера дальняго плаванія, но въ такомъ никогда не бывалъ, лоции не признавалъ, ежесуточные астрономическія опредѣленія считалъ пустой забавой и выше всего ставилъ игру въ „покеръ“, которой и предавался часовъ по 12 въ сутки. Безпеченъ онъ былъ такъ, что ушелъ въ такое дальнее и отвѣтственное плаваніе, не захвативъ не только ни одного сигнальнаго флага, даже не имѣлъ сигнальнаго кодекса на суднѣ. Кромѣ того, онъ былъ массонъ 32-ой степени, т. е. массонскій генераль, вдобавокъ... запойный пьяница.

Младшій помощникъ капитана былъ 18-лѣтній юноша, еще ничего не знавшій, и всѣ наши надежды мы возложили на старшаго помощника м-ра Рейнера,—дѣльнаго, смѣлаго и толковаго, но слишкомъ скромнаго моряка.

Три качегара, три механика и восемь человѣкъ команды въ большинствѣ были дѣльные моряки, но командировъ въ грошъ не ставили и даже неоднократно въ пьяномъ видѣ заводили обоюдную драку.

Вотъ при такихъ-то условіяхъ намъ предстояло идти 11 сутокъ, не видя земли, до Алеутскихъ острововъ, а тамъ, дальше, воображеніе рисовало малоизслѣдованное Берингово море, съ туманами, льдами, бурями и дикими скалистыми берегами, а еще дальше рисовался грозный Ледовитый океанъ.

Бывало, сидишь на верхнемъ мостикѣ, смотришь на безконечную даль океана и какъ-то весь проникаешься сознаниемъ безсилія передъ этой неизмѣримо могучей стихіей, и жуткое чувство закрадывается въ душу. Задумаешься—и незамѣтно начинаешь чувствовать, что нѣтъ уже страха, что тоже море влило въ душу жажду борьбы, сознание силы генія человѣка и безотчетное, но страшно сильное стремленіе дальше и дальше, быстрѣй и быстрѣй мчаться впередъ, что бы тамъ „впередѣ“ ни было; пусть даже смерть, но и она рисуется возбужденному воображенію прекрасной, пусть только придетъ среди кипучей, безумно-смѣлой борьбы. Ничто такъ не возбуждаетъ энергій, какъ видъ безконечнаго простора моря...

Я видѣлъ тысячеверстную равнину Барабинской степи, видѣлъ безконечную полосу чуть не дѣвственныхъ лѣсовъ сѣвернаго Урала, бродилъ по дикимъ, мертвымъ скаламъ южнаго Урала, намѣчая то съ топоромъ въ рукѣ, то привязанный къ крѣпкому канату, шагъ за шагомъ, ось будущаго желѣзнодорожнаго полотна. Тамъ тоже была борьба, подчасъ тяжелая, опасная, но не было въ ней того подъема духа, той, кажется, несокрушимой энергій, которую даетъ видъ волнующагося моря. Оно вѣдь,

какъ душа человѣческая, беспокойная, ненасытная, вѣчно жаждущая простора и воли...

И вставляли въ моемъ воображеніи древнія сказанія о могучихъ, безстрашныхъ викингихъ, о легендарныхъ аргонавтахъ, о подвигахъ Колумба... Мнѣ понятна была эта жажда простора, это неодолимое стремленіе дальше, дальше, за предѣлы повседневнаго, надоѣвшаго кругозора.

Зачѣмъ все уже открыто? Зачѣмъ всѣ моря извѣзжены вдоль и поперекъ? Хоть бы уголокъ какой на мою долю достался! И не думалъ я тогда, что этотъ, хотя и дѣйствительно маленькій, но все же не изслѣдованный уголокъ на мою долю найдется. А нашелся. Но объ этомъ послѣ.

Путешествіе наше до Алеутскихъ острововъ мы совершили благополучнѣйшимъ образомъ. Десять дней мы плыли и ничего не видали, кромѣ китовъ, дельфиновъ да двухъ парусныхъ шкунъ, промелькнувшихъ на горизонтѣ. И вотъ на одиннадцатый день, рано утромъ, изъ мглы окутавшаго насъ сѣдого тумана неясно вырисовался угрюмый горный мысъ Моргана, за нимъ другой, а когда пелена тумана совсѣмъ порѣдѣла, мы съ большимъ любопытствомъ, да по правдѣ сказать, и съ удовольствіемъ, осматривали берега пролива между какими-то двумя островами Алеутской гряды, предвкушая наслажденіе походить по твердой, неизблемой почвѣ.

Но вотъ Самоа круто повернулъ къ западу, затѣмъ на югъ и очутился въ уютной закрытой бухтѣ. Впереди и направо виднѣлось на берегу какое-то селеніе. Можно было разглядѣть большіе склады, магазины и съ десятокъ домиковъ. На рейдѣ, противъ селенія, стояло нѣсколько судовъ, но мы прошли мимо нихъ, дальше вглубь бухты и тамъ увидали... нашу русскую, деревенскую церковь! Кругомъ нее ютилось до сотни домовъ самой разнообразной архитектуры. Это—селеніе Уналашка.

Едва Самоа ошвартовался, какъ мы съ докторомъ, никого не дожидаясь, сбѣжали на берегъ и помчались вдоль берега моря, по главной, впрочемъ, и единственной улицѣ. Пробѣжавши съ версту, мы очутились на русскомъ кладбищѣ. Обошли его, читая надписи на памятникахъ, и грѣшнымъ дѣломъ—ограбили могилы, нарвавши съ нихъ много цвѣтовъ, чтобы послать ихъ домой. Очень пріятная вещь ходить по твердой землѣ, и мы, вдоволь находившись, вернулись на Самоа, зайдя предварительно къ больному старику священнику.

Населеніе Уналашки довольно пестро, но, несомнѣнно, главную массу составляютъ обалеутившіеся русскіе и обрусѣвшіе алеуты; къ нимъ присоединяется немного голландцевъ, нѣмцевъ и англичанъ. Очень пріятно было слышать здѣсь, такъ далеко отъ родины, повсюду звучащую, хотя и сильно попорченную, но все же русскую рѣчь.

На другой день мы много бродили по горамъ, прилежающимъ къ селенію, и съ интересомъ всматривались въ угрюмый и новый для насъ характеръ страны. Деревьевъ нѣтъ, камень, снѣгъ да зеленая травка, жалкая въ это время года, да еще мѣстами выжженные американцами *) не радуютъ взора. Мертво и угрюмо. Кругомъ на островахъ видны кратеры мелкихъ вулкановъ, частью цѣлые, частью разрушенные, а на горизонтѣ, покрытая густой шапкой облаковъ, высилась гора Макушина.

Да! И эта угрюмая гряда острововъ и та громадная богатѣйшая территорія, къ которой примыкаетъ гряда, принеся уже сотни милліоновъ,—все это продано на 14 милліоновъ рублей!

А между тѣмъ, еще въ 1850 г. русскій горный инженеръ Дорошинъ открылъ въ Аляскѣ золото и писалъ: „такіе результаты представляютъ самое положительное основаніе дальнѣйшимъ усиліямъ и надеждамъ къ отысканію росыпей съ уважительнымъ содержаніемъ благороднаго металла“ **). И все-таки эта область, гдѣ что ни бухта, что ни мысъ—то славнее русское имя смѣлаго моряка или ученаго—продана за гроши... Не то ли же самое повторилось на западномъ берегу Тихаго океана, когда вся Курильская гряда была отдана Японіи въ промѣнъ за владѣніе южной частью Сахалина, которой, собственно говоря, она и не владѣла, а теперь японцы могутъ запретить намъ проходъ изъ Охотскаго моря въ Берингово...

8 мая въ 6 часовъ вечера мы покинули Уналашку, а 12 сквозь густой туманъ, окруженные льдинами, ощупью пробирались въ бухту Провидѣнія. Этотъ переходъ былъ не очень спокоенъ. Мы и вышли-то при порядочномъ вѣтрѣ, а къ 10-ти онъ достигъ очень значительныхъ размѣровъ. Размахи судна доходили до 34° въ одну сторону. Такая качка была еще въ первый разъ, и спать на узенькихъ койкахъ было пренеудобно. Къ вечеру спустился еще густой туманъ, и ревъ сирены черезъ каждыя 5 минутъ положительно не давалъ спать. Наконецъ, 12 числа, пройдя двое сутокъ сплошнымъ туманомъ безъ астрономическихъ опредѣленій, мы стали на якорь въ открытомъ морѣ, потому что совершенно не знали, гдѣ находимся, быть можетъ, у самыхъ береговъ. Хорошо еще, что было тихо, хотя громадные гладкія волны, отголосокъ пронесшейся бури, и основательно покачивали нашу бандуру.

Рѣшено было послать старшаго офицера на вельботѣ „Надежда“ на рекогносцировку. Попросить разрѣшенія у г. Богдано-

*) Американскіе prospector'ы увѣрены, что по цвѣту дыма горящей травы можно узнать золотосодержащую мѣстность.

**) См. «черки Номе» К. И. Богдановича.

веча также вѣхать было дѣломъ одной минуты. И вотъ шесть матросовъ, Рейнеръ и я въ густомъ туманѣ быстро плывемъ къ неизвѣстнымъ берегамъ. Не отошли мы отъ Самоа и сотни саженъ, какъ онъ уже скрылся изъ виду; только частый вой сирены доносился до насъ. Полтора часа мы шли прямо на сѣверъ, бросая изрѣдка лотъ. Свистки Самоа все слабѣли, слабѣли и, наконецъ, совсѣмъ стали не слышны. А берега все не видно, только ледъ все густѣетъ. Наконецъ, рѣшили попробовать эхо. Подняли весла, дождались, когда вода подъ носомъ журчать перестала, и разомъ крикнули. Тишина... только льдинки, обламываясь, звенятъ. Еще разъ крикнули—та же тишина. Даже жутко стало. Что еслибы нашъ крикъ былъ крикомъ о спасеніи, и море отвѣтило такой же мертвой тишиной?.. Какой леденящій душу холодъ охватилъ бы насъ. А между тѣмъ, если бы поднялся вѣтеръ, или отнесло незамѣтно теченіемъ въ сторону, или выбились бы изъ силъ, что стали бы мы дѣлать? Я осматриваю лодку—нигдѣ ни боченка свѣжей воды, ни кусочка хлѣба—небрежность непростительная! Крикнувъ въ послѣдній третій разъ, мы повернули назадъ и часа черезъ полтора, продрогшіе и усталые, карабкались на Самоа.

Всю ночь мы простояли и утромъ 13 медленно двинулись впередъ. Тотъ же туманъ, тѣ же льды. Но вотъ справа едва-едва вырисовывается угрюмый, горный массивъ, и вдругъ мы сразу вышли изъ полосы тумана и увидали себя на входѣ въ бухту Провидѣнія!.. Мало того, направо за узенькой кошкой, верстахъ въ 3—4 впереди, мы разглядѣли двухмачтовый пароходъ, а въ глубинѣ бухты еще дымилъ кто-то. Начались споры, волненія. Какія суда? Зачѣмъ они тутъ?..

Мы ждали въ бухтѣ Провидѣнія встрѣчи съ военнымъ транспортомъ „Якутъ“, который ежегодно крейсируетъ около Командорскихъ острововъ, охраняя котиковые промысла, и нынѣ онъ былъ командированъ зайти на Чукотскій полуостровъ, сдать намъ кой какіе грузы изъ Владивостока и 12 рабочихъ приискателей. Намъ, русскимъ, такъ надобно все американское, что мы всей душой ждали этой встрѣчи. Не говоря уже объ интересѣ свиданія съ соотечественниками, мы не безъ удовольствія подумывали и о русскихъ щахъ, кашѣ, водкѣ и т. п. благахъ, которыхъ мы вотъ уже два мѣсяца не видали, а послѣдніе двѣ недѣли—на Самоа—ежедневно поваръ насъ угощалъ или супомъ изъ устричныхъ консервовъ, или супомъ изъ консервированнаго молока—гадость страшная!.. Медленно, медленно пробирается Самоа среди льдовъ, но половина вопроса уже рѣшена: въ бинокль мы разглядѣли русскій торговый флагъ. Значить, не Якутъ, но кто же? Отъ берега, между тѣмъ, отдѣлились двѣ черныя точки. Оказалось, это двѣ чукотскія лодки, полныя народомъ. Одѣтые въ

оленьи шкуры, грязные, больные, они произвели на насъ удручающее впечатлѣніе.

Покуда мы разглядывали чукчей, кто-то въ бинокль прочелъ названіе судна. Это былъ Progress, совершенно неизвѣстное намъ судно, а дымъ, видѣнный нами въ глубинѣ бухты, оказался дымомъ небольшого катерка съ Progress'a.

Едва успѣли мы отдать якорь, какъ къ нашему борту подошелъ катерокъ, и на палубу поднялись три джентельмена. Двое изъ нихъ были самаго обыкновеннаго, дюжиннаго типа, но старшій изъ нихъ, уже сѣдой человекъ и, повидимому, глава, сразу обращалъ на себя вниманіе. Вся его сухощавая, мускулистая фигура, энергичный профиль, блестящіе, пронизывающіе глаза, увѣренные движенія—все обличало несокрушимую силу, отвагу и энергію. И дѣйствительно, въ чемъ другомъ, а ужъ въ отвагѣ и энергіи нельзя было отказать мистеру Шоклею. Но отчего же русскій торговый флагъ и *мистеръ* Шоклей? Очень просто.

Владивостокскій купецъ Юлій Приннеръ съ компаніей зафрахтовалъ судно „Progress“ и пригласилъ американскихъ инженеровъ съ м-мъ Шоклеемъ во главѣ, далъ имъ рабочихъ и, не зная ничего, кромѣ слуховъ о правахъ г. Вонлярлярскаго на Чукотскій полуостровъ, отправилъ туда *свою* экспедицію искать золото. И вотъ мы встрѣтились. Шоклей пробылъ на Самоа недолго и уѣхалъ обратно, наведя насъ на многія сопоставленія.

Шоклей все зналъ въ деталяхъ о нашей экспедиціи: даты нашихъ выѣздовъ изъ Петербурга, Лондона, С.-Франциско, составъ экспедиціи, срокъ и мѣсто встрѣчи съ Якутомъ. Онъ не только зналъ Робертса и Стерна, но и передалъ имъ какія-то письма и бумаги и имѣлъ въ каютѣ Робертса продолжительный съ нимъ разговоръ; мы же о немъ ничего не знали, и никто изъ американцевъ и словомъ не обмолвился о Шоклеѣ.

Припомнились непонятныя оттягиванія дня нашего выѣзда изъ С. Франциско, припомнились крайне настойчивыя требованія въ Уналашкѣ со стороны Робертса и Уайта идти не прямо на Чукотскій полуостровъ, а сначала зайти въ Сар-Ноше, припомнилось многое другое и... объяснилось: несомнѣнно, экспедиція Шоклея имѣла тѣсную связь съ нашими заатлантическими друзьями, несомнѣнно, что эти друзья хотѣли дать возможность Шоклею попасть на Чукотскій полуостровъ раньше Самоа *).

И въ этомъ они успѣли: Шоклей вышелъ изъ Владивостока недѣлей раньше насъ, былъ на мѣстѣ за 10 дней до прихода

*) Ихъ планъ былъ таковъ: такъ какъ высочайшее утвержденіе правъ г. Вонлярлярскаго еще не было оффиціально извѣстно въ Хабаровскѣ, ко времени отхода Progress'a, то они и рассчитывали вырвать изъ рукъ г. Вонлярлярскаго тѣ золотосныя площади, которыя они заявили бы до встрѣчи съ Самоа.

Самоа и успѣлъ обойти все Чукотское побережье до мыса Деуснева, не смотря на густые льды. Энергія и смѣлость Шоклея были поразительны, но онѣ пропали безплодно. Во первыхъ, за наши права заступились льды, позволившіе Шоклею сдѣлать высадку лишь въ двухъ-трехъ мѣстахъ, а во-вторыхъ, хищническія надежды его не оправдались: на нашемъ берегу богатаго золота, лежащаго прямо сверху, какъ Car-Nome, не найдено, да, можетъ быть, и нѣтъ.

При первой возможности мы съ докторомъ высадились на кошку, отдѣляющую бухту Пloverъ отъ бухты Провидѣнія, очень довольные тѣмъ, что, объѣхавъ половину земного шара, мы снова попали въ Россію, да еще туда, гдѣ немногіе изъ русскихъ бывали. Идти по каменистой кошкѣ было трудно. Обойдя кругомъ чукотское поселеніе изъ 3—4 юртъ, мы, преслѣдуемые злобнымъ лаемъ стаи псовъ, пошли къ подножью горъ, поднимавшихся на материкѣ. Дикія, мрачныя, задернутыя клочками сѣдого тумана, онѣ смотрѣли недружелюбно. Хотя мы съ докторомъ вовсе не устали, а все-жъ присѣли на разбросанныя тамъ и тутъ въ большомъ количествѣ кости китовъ. Лестно было съ непривычки-то посидѣть на такихъ необыкновенныхъ стульяхъ! Посидѣли, пошли дальше. Все подножье горъ было усыпано мелкой галькой, совершенно темно-бурой отъ покрывающихъ ее лишаевъ, но на этомъ темномъ фонѣ я замѣтилъ свѣтлыя полоски. Наклонился я, гляжу—галька ободрана, обтерта. Осмотрѣлся кругомъ повнимательнѣе и понялъ,—свѣтлыя, извилистыя полоски тянулись отъ самаго селенія, съ одной стороны, и исчезали въ горахъ—съ другой. Очевидно, это были пѣшеходныя тропинки, но куда ведутъ онѣ? Я заинтересовался и крикнулъ доктору, что пойду въ гору по тропинкѣ. Онъ было пошелъ со мной, но скоро передумалъ и присѣлъ, сказавъ, что дождется меня здѣсь... Я полѣзъ выше и очень скоро увидалъ нѣкоторыя особенности: свѣже вывороченные камни, какія-то палки, воткнутыя между камнями. Я подумалъ, что это слѣды развѣдокъ, которыя дѣлали люди съ Progressa'a, и съ удвоеннымъ вниманіемъ сталъ осматриваться. Вдругъ вижу подъ ногами человѣческій черепъ... „Кладбище чукчей“!—тотчасъ догадался я. „Конечно, оно—несомнѣнно: это не палки—это полозья нарты! Вотъ и рога оленей виднѣются“. Страшно обрадованный, я выбѣжалъ на край холма и, махая черепомъ, сталъ звать доктора. Онъ быстро вскарабкался ко мнѣ и тоже очень заинтересовался моимъ открытіемъ. Приглядываясь внимательно, мы ясно увидали массу могилъ. Всѣ онѣ были одной основной формы: на галькѣ выложены въ видѣ эллипсиса крупные камни, съ однимъ большимъ камнемъ на сѣверномъ концѣ его. Иногда эллипсисъ не полонъ и не достаетъ боковыхъ камней. Нѣкоторыя могилы совсѣмъ новыя, другія старыя. Поти на каждой могилѣ подъ большимъ камнемъ (который иногда

замѣняется кучей камней) сложены оленьи рога въ количествѣ отъ двухъ-трехъ кусочковъ до двухъ паръ многовѣтвистыхъ, по большей части, обломанныхъ роговъ. Могилъ была масса, черепа и кости бѣлѣли повсюду, но ни одного цѣлаго скелета мы не видали. Это происходитъ оттого, что чукчи не зарываютъ своихъ покойниковъ, а кладутъ прямо на землю, и собаки и песцы преисправно кушаютъ ихъ. Конечно, нашей первой мыслью было унести нѣсколько череповъ съ собой, потому что черепа чукчей въ Европѣ рѣдкость, но случай столкновенія съ чукчами, при условіяхъ аналогичныхъ нашимъ, рассказанный, кажется, въ книжкѣ Олсуфьева, заставилъ насъ остановиться, и мы тутъ же придумали планъ перевозки нѣсколькихъ череповъ незамѣтно отъ чукчей, постоянно толпившихся у насъ на палубѣ.

Мы спустились къ бухтѣ и, собравъ съ полосы прибоа нѣсколько представителей жизни здѣшняго моря, усталые и голодные, вернулись на Самоа.

III.

Уходъ Progress'a. Поиски золота. Мысль Чаплина. Забавныя недоразумѣнія съ чукчами. Островъ Аракамъ-Чеченъ и Егоръ Пуринъ. Русско-американскія отношенія. Св. Лаврентій. Неожиданная встрѣча. Поискъ.

Рано утромъ, среди густого тумана, Progress снялся съ якоря и ушелъ въ море неизвѣстно куда. Это рискованное исчезновеніе тѣмъ болѣе было странно, что Шоклей говорилъ о своемъ намѣреніи остаться въ бухтѣ Провидѣнія дня три. Вскорѣ, впрочемъ, объяснилась внезапность ухода.

Послѣ завтрака г. Богдановичъ предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ осмотрѣть бухту Эмма. У борта стоялъ нашъ паровой катеръ „Владимиръ“ и немилосердно дымилъ, ожидая насъ. Собраться было недолго, и мы отправились. Катеромъ управлялъ Макферсонъ, и мы, идя вдоль сѣверо-восточнаго берега, должны были искусно лавировать среди густого льда. Бухта Эмма оказалась полной еще не взломаннаго льда, такъ что намъ пришлось высадиться на входной мысъ и отъ него уже пѣшкомъ идти вдоль западнаго, пологатаго и болотистаго склона хребта, отдѣляющаго Эмму отъ Провидѣнія. Здѣсь въ гранитѣ была найдена кварцевая жила, въ которой, по разсмотрѣнію образцовъ подъ микроскопомъ въ Петербургѣ, найдены были знаки золота. Пройдя версты полторы, мы поднялись выше и самымъ хребтомъ вернулись къ „Владимиру“. По дорогѣ мы видѣли большое чукотское кладбище,—судя по состоянію могильныхъ камней, очень древнее и замѣчательное тѣмъ, что на нѣкоторыхъ могилахъ камни лежали въ видѣ сложныхъ дольменовъ.

Тамъ и тутъ приставая къ берегу, мы часа черезъ 4 вернулись на Самоа.

На другой день мы всё, и русскіе, и американцы, ѣздили на Оленнюю рѣку, впадающую въ море близъ мыса Лесовскаго на западномъ берегу бухты Провидѣнія. На берегъ набѣгали порядочныя буруны, и мы все же, только вымокнувъ, сумѣли высадиться. Въ пробахъ, взятыхъ сверху, были найдены знаки золота. Американцы, жаждавшіе найти богатства прямо сверху, были разочарованы и нисколько не заинтересовались мѣстностью; г. Богдановичъ-же взглянулъ иначе и на другой день отправилъ туда же меня, Скrentона и трехъ рабочихъ: двухъ натурализовавшихся въ Америкѣ русскихъ Тимофея и Григорія и норвежца Эрика.

Первыя-же промывки дали знаки золота; Скrentонъ, выдавшій богатства Ном'а, остался совершенно равнодушнымъ, я же былъ очень обрадованъ. И безъ того возбужденные первымъ исканіемъ золота, Тимофей и Григорій такъ переполнились мечтой о немъ, что вездѣ и всюду и во всемъ видѣли или золото, или поводъ поговорить о немъ.

Оба страшные любители болтать, они, энергично стуча кайлами, вели приблизительно такіе разговоры:

— Эхъ! кабы найти кусокъ золота—съ голову... вотъ-бы...—начинаетъ одинъ.

— Съ голову,—усмѣхается другой,—въ пудъ бы найти само-родокъ..

— Чего пудъ? Ты думаешь, въ головѣ-то меньше будетъ?

— Въ чью голову? Коли въ твою такой-же пустой будетъ, конечно, меньше.

— Дуракъ... А. Г., тутъ нѣтъ золота?—и не быстрый на соображеніе, Григорій подаетъ мнѣ крупную гальку, заминая этимъ разговоръ. Маневръ удается: Тимофей опускаетъ кайлу и, выпучивъ глаза, напряженно смотритъ на меня.

— Нѣтъ. Тутъ ничего нѣтъ,—говорю я, пряча гальку въ мѣшокъ, какъ образецъ породы.

— Нѣту... а прячете...—недовѣрчиво говорить Григорій.

— Что-же? Я тебя обманывать, что-ли, стану?—говорю я,—кабы было золото, я бы показалъ, чтобы и вы умѣли находить. Это я беру для Карла Ивановича.

Работа начинается снова. Черезъ минуту, гляжу, Тимофей колотитъ плашмя кайлой большую гальку, стараясь расколотить ее.

— Зачѣмъ это ты?

— А можетъ, А. Г., тутъ золото внутри есть?

И опять стучать кайлы.

Но глубже 8 четвертей намъ не удалось пробить ни одного шурфа: вода заливала, а мы, надѣясь на мерзлую землю, съ собой даже и ведеръ не взяли. Къ концу дня всё мои спутники, кромѣ развѣ Эрика, были разочарованы. Скrentонъ утасъ раньше всѣхъ. Григорій продержался подольше, но и его лѣнивая натура не выдержала напряженія. Тимофей былъ возбужденъ и болталъ все

время, но работалъ уже не такъ горячо, и только Эрикъ спокойно и равномерно, какъ быкъ, работалъ съ утра до вечера. И характеръ-же былъ у этого человѣка! Образцовый работникъ, честный и прямой, онъ не передъ чѣмъ не останавливался, если необходимо, по его мнѣнію, было что-либо сдѣлать. Съ нимъ былъ такой случай. Онъ плавалъ матросомъ на одномъ американскомъ китобоѣ. Пиратскіе нравы, царившіе на китобоѣ, ему не нравились, расчета-же ему не давали и даже, боясь, чтобы хорошій матросъ не сбѣжалъ, его не спускали на берегъ. И вотъ, по немногу, работая по ночамъ, изъ обручей бочки и двухъ матросскихъ непромокаемыхъ пальто онъ смастерилъ себѣ крошечную скорлупку съ веслами изъ клепокъ той-же бочки. Накопивъ себѣ немного провизіи и воды, онъ ночью однажды удралъ и проплылъ въ своей скорлупѣ около 40 верстъ!

Къ семи часамъ вечера мы вернулись къ мѣсту высадки, гдѣ насъ уже ждалъ „Владиміръ“. Я былъ очень доволенъ этимъ первымъ рабочимъ днемъ: во-первыхъ, золото все-же нашли, а во-вторыхъ, мнѣ удалось, не смотря на туманъ, сдѣлать съемку Оленной рѣки верстъ на 12, самой большой рѣки отъ бухты Провидѣнія до Колупянской губы: раньше! на картахъ изображалось лишь устье ея.

Въ ту-же ночь мы опять снялись съ якоря, чтобы идти къ мысу Чаплина, и къ утру стали противъ селенія Уныныя на этомъ мысѣ.

Американцы пришли въ восторгъ уже отъ одного вида берега.

— Just same Nome! *)—воскликали они радостные и возбужденные и тотчасъ же всѣ до одинаго, со всѣми катаяцами съѣхали на берегъ.

Спустя часъ съѣхали на берегъ и всѣ мы русскіе, за исключеніемъ г-жи Богдановичъ. Но къ не малому удивленію нашему, у самаго берега мы встрѣтили уже возвращающагося Робертса. Онъ объявилъ, что тутъ ничего нѣтъ. Мы пошли дальше и увидели, что его партія, поковырявъ немного въ песчаной косѣ, уже кончила работу и занималась веденіемъ знакомства съ чукчами.

Въ этотъ день мы изслѣдовали берегъ между мысами Чаплина и Мартенсъ и нашли здѣсь всѣ номскіе спутники золота,—кажется, и знаки попадались, хотя это изслѣдованіе было еще болѣе поверхностно, чѣмъ на Оленной рѣкѣ.

Въ чукотскомъ селеніи со мной случилось два забавныхъ эпизода. Селеніе это огромное, самое большое на всемъ побережьи. Нѣкогда американцы пробовали устроить здѣсь свои постоянныя факторіи и съ этою цѣлью выстроили три деревянныхъ пакауза, которыми и пользуются теперь чукчи, какъ лавочками.

*) Какъ есть Номъ!

Зашли мы въ одинъ изъ такихъ пакгаузовъ, принадлежащій знаменитому чукотскому Ротшильду—Ковару. Чего только не было въ этой своеобразной телѣжкѣ дядюшки Якова: начиная отъ шкуры бѣлаго медвѣдя, китовыхъ усовъ, моржовыхъ клыковъ, переходя къ чаю, сахару, табаку, мукѣ, эта лѣстница завершалась керосиновой горѣлкой Primus и... скрипкой, на которой маіоръ Стернь тотчасъ же и сыгралъ англійскій маршъ,—чѣмъ привелъ въ восторгъ не только американцевъ, но и окружавшихъ насъ густой толпой чукчей.

Оглядывая этотъ сѣверный „Мюръ и Мерилизъ“, я замѣтилъ на потолокъ какой-то странный предметъ, затѣйливо сплетенный изъ какихъ-то шнурковъ и кисточекъ. Предполагая, что это украшеніе одежды, я снялъ странный предметъ и понесъ его къ Ковару торговаться, ничего не замѣчая. А между тѣмъ, замѣтить было что, потому что, когда я дотронулся до плеча старика Ковара, протягивая ему вещьцу, то онъ, обернувшись ко мнѣ, изобразилъ на своемъ лицѣ крайній ужасъ; оглянувшись, я увидѣлъ, что и всѣ чукчи смотрѣли на меня съ большимъ изумленіемъ, смѣшаннымъ со страхомъ. Я ничего не понималъ и попросилъ Ленфильда *) спросить у Ковара, въ чемъ дѣло? Оказалось, что я снялъ съ потолка священный омулетъ, прѣшвенный шаманомъ для покровительства торговымъ дѣламъ Ковара. Я страшно былъ смущенъ и, извиняясь за свое невѣжество, осторожно повѣсилъ его на прежнее мѣсто. Чукчи быстро успокоились и, видя мое смущеніе, дружелюбно и одобрительно похлопывали меня по плечу.

Едва я оправился, какъ новый предметъ привлекъ мое вниманіе: это былъ полный охотничій наборъ чукчи. Къ широкому плетеному ремню была привязана масса всевозможныхъ сумочекъ, кисетовъ, ножей, шпилекъ, длинныхъ и тонкихъ ремешковъ и, кромѣ того, тутъ-же висѣлъ, зашитый въ кожаный футляръ, чудный кристаллъ дымчатаго горнаго хрусталя. Мнѣ страшно захотѣлось пріобрѣсти этотъ наборъ для этнографическаго музея нашей академіи наукъ, которому я обѣщалъ собрать въ Чукотской землѣ все, что окажется возможнымъ. Я снялъ наборъ со стѣны и понесъ къ Ковару... Вижу: снова чукчи качаютъ головами, а самъ Коваръ, понявъ въ чемъ дѣло, лишь отрицательно мотнулъ головой, будто презрительно улыбаясь. Я увидѣлъ, что снова совершилъ безтактность, и дѣйствительно: кто-же не знаетъ такой простой вещи, что если охотникъ продастъ свой наборъ, то онъ умретъ до первой-же охоты? И снова мнѣ пришлось краснѣть за свое невѣжество.

Кстати расскажу здѣсь, какъ я еще одинъ разъ попался. Замѣтилъ я, что всѣ чукчи мужчины носятъ кожаный поясъ и въ

*) Почти всѣ чукчи понимаютъ и говорятъ по-англійски, по-русски же, въ лучшемъ случаѣ, знаютъ только: кырпычъ чай, чахаръ, другъ.

него (на спинѣ) вилетають маленькую человѣческую фигурку.— Я просилъ продать мнѣ такой поясъ. Но чукча, къ которому я обратился, засмѣялся такъ весело и искренно, что я совсѣмъ смутился. Онъ-же быстро созвалъ товарищей и со смѣхомъ рассказывать имъ о моей выходкѣ; тѣ тоже принялись смѣяться, хитро поглядывая на меня. Наконецъ, одинъ изъ нихъ, не стѣсняясь присутствіемъ женщинъ, наглядно показавъ, что съ нимъ будетъ, если онъ продастъ свой поясъ съ фигуркой. Впослѣдствіи, когда у насъ появился переводчикъ козакъ, объяснилось, что эта фигурка—богъ производительныхъ силъ мужчины, и если бы тотъ чукча продалъ своего бога мнѣ, то не могъ-бы болѣе имѣть дѣтей. Но по моей просьбѣ чукчи мнѣ вырѣзали изъ кости двухъ такихъ боговъ.

Въ то время, какъ мы мирно осматривали лавку Ковара, вдругъ раздался тревожный, прерывистый свистокъ. Мы тотчасъ выскочили изъ лачки и побѣжали къ шлюпкамъ, оставленнымъ на берегу, тревожно всматриваясь въ пароходъ, хотя трудно было разглядѣть что либо за версту разстоянія.

— Перепились, навѣрно, да и ранили кого нибудь,—предположилъ кто-то.

— Флагъ приспущенъ! Смотрите!

Дѣйствительно, на серединѣ высоты мачты висѣлъ, опустившись бѣзъ вѣтра, флагъ. Около него виднѣлся столпившійся народъ. Дружно гребли мы, и вельботъ стрѣлой летѣлъ къ Самоа.

— Это не толпа, это все флаги вывѣшены,—разглядѣлъ въ бинокль Лемашевскій.—И никакой бѣготни нѣтъ, на пароходѣ все спокойно!—удивлялся старикъ; мы же только сильнѣе налегали на весла.

— Альфредъ Марковичъ! Что случилось?—крикнулъ Богдановичъ.

— Ничего. А что?

Макферсонъ, Робертъ и Рейнеръ мирно сидѣли вмѣстѣ на мостикѣ.

— Почему тревожные свистки давали?

— Это не тревожные. Это м-ръ Робертъ потребовалъ собрать назадъ на пароходъ свою партію...

Къ утру мы снялись и тронулись дальше. Богдановичу хотѣлось пройти Сенявинскимъ проливомъ. Этотъ проливъ отдѣляетъ островъ Аракамъ-Чеченъ отъ материка.

Пустыни и угрюмы, какъ и все побережье Чукотскаго полуострова, берега этого пролива. Только и видишь, куда хватаетъ взоръ, что голыя, мрачныя скалы, задернутыя синеватой дымкой. А когда мы зашли въ бухту Глазенапа на самомъ островѣ, то очутились точно въ какомъ-то провалѣ: синее море, голубое небо

и кольцо синевато-сѣрыхъ, островерхихъ горъ съ ярко-бѣлыми пятнами снѣга—казалось, нѣтъ отсюда выхода на просторъ, на свободу.

А вотъ и бѣднякъ, который, дѣйствительно, не нашелъ выхода отсюда къ свободѣ, къ свѣту, къ теплу и жизни... Высокій крестъ виднѣется на каменистомъ пригоркѣ. На крестѣ надпись: „Егоръ Пуринъ. Писарь клинера „Гайдамакъ“. Скончался 25 іюля 1875 года“—и больше ничего. Грустная, одинокая могила! Мнѣ живо представилось: стоитъ „Гайдамакъ“ на рейдѣ. На берегу кучка моряковъ. Суровая, величавая панихида. Стройный хоръ звучить. „Вѣчная память“ несется къ холодному небу. Гулко стучитъ кирка о скалу. Не стало больше Егора Пурина. Ушелъ „Гайдамакъ“—и остался онъ, одинокій, на пустынномъ островѣ. Гдѣ-то плакала мать... Гдѣ-то поминали Егорушку. Прошло все. Забыли всѣ, только суровыя горы изъ страшныхъ враговъ превратились въ друзей. Окружили они своего гостя дружной семьей... Обходя суда скалистый островъ, снѣжныя бури разбиваются объ ихъ мощную грудь, и нѣтъ ни у кого силы обидѣть одинокую могилу,—четверть вѣка стоитъ высокій крестъ.

А, можетъ быть, и изъ насъ ктонибудь... Уйдетъ Самоа, оставивъ новый крестъ на мрачныхъ берегахъ... Одиночество, холодъ и вьюга. Страшная зимняя вьюга воесть... Нѣтъ! Не надо! Скорѣе къ людямъ, къ простору и жизни!

Сѣверная часть пролива оказалась затертой льдами, и мы, повернувъ назадъ, вышли въ открытое море. „Самоа“ направился къ бухтѣ св. Лаврентія. Такъ какъ къ этому времени уже накопилось достаточно матеріала для характеристики отношеній, установившихся между нами и иностранцами, то я позволю себѣ остановиться на нихъ.

Когда, еще въ Петербургѣ, мы узнали, что наша экспедиція будетъ смѣшанная, то, не знаю—какъ другимъ, а мнѣ, по крайней мѣрѣ, совмѣстная, напряженная работа въ своеобразной обстановкѣ сѣвера съ энергичными англосаксонцами казалась очень заманчивой, а отсюда уже логически вытекала возможность и легкость быстро выучиться понимать и хоть немного говорить по англійски. Кромѣ того, я былъ увѣренъ, что съ нами пойдутъ уже опытные, закаленные prospector'ы, и знакомился съ каждымъ новымъ лицомъ, какъ съ человѣкомъ, отъ котораго я многому научусь. Но разочарованіе не заставило себя ждать. Началось оно еще при снаряженіи экспедиціи и быстро подкрѣпилось г. Ленфильдомъ, который, явившись въ С.-Франциско и желая попасть въ экспедицію, познакомился съ нами и сначала былъ просто образцомъ любезности и вниманія, такъ что мы съ докторомъ даже ходатайствовали за него передъ г. Богдановичемъ, прося при-

нять его въ экспедицію. Но лишь только ему было объявлено, что онъ принять, фронтъ перемѣнился, и, вмѣсто любезности, мы увидали недовольную скупающую фizioномію, которая ясно выражала сильнѣйшее нежеланіе якшаться съ нами.

Сначала, впрочемъ, и всѣ были любезны съ нами; но по немногу, незнакомые вначалѣ между собой, они перезнакомились, сблизились и совершенно отдѣлились отъ насъ. Въ первый же рабочий день на р. Оленной пришлось убѣдиться въ ихъ полной несостоятельности въ качествѣ prospector'овъ, и въ тоже время по немногу разочаровываться въ нихъ и какъ въ людяхъ. Судно наше было американское, большинство составляли американцы, весь режимъ жизни чисто американскій и, почувствовавъ свою силу, американцы, съ позволенія сказать, задрали носъ *), да къ этому, какъ оказалось, они съ своей точки зрѣнія имѣли и довольно вѣское основаніе. Бѣда была только въ томъ, что мы не могли принять ихъ точки зрѣнія.

Почти тотчасъ послѣ отплытія изъ С.-Франциско Робертсъ, Уайтъ и прочіе главари, а глядя на нихъ—и мелочь, начали давать понять намъ, что они настоящіе хозяева экспедиціи. Г. Богдановичъ ихъ сначала очень деликатно осаживалъ. Быть можетъ, тутъ и была роковая ошибка. Вообще, мы думали, что имѣемъ дѣло все же съ порядочными людьми, а оказалось... ну, да дальнѣйшее покажетъ, что оказалось... Наши заатлантическіе друзья приняли нашу деликатность за слабость и, уважая только силу, рассчитывали, такъ сказать, осѣдлать г. Богдановича. Очень быстро Робертсъ дошелъ до невозможнаго. Такъ, онъ однажды позволилъ себѣ кричать на палубѣ „Самоа“, что онъ—Робертсъ—„наконецъ, вступить въ свои права, прекратить это безобразіе и не позволить болѣе искать золота, какъ ищутъ дураки“ и т. п. А „безобразіе“ заключалось въ томъ, что г. Богдановичъ, дѣйствуя по опредѣленному, вполне цѣлесообразному плану, не хотѣлъ идти въ Номъ до встрѣчи съ „Якутомъ“, „до постановки рабочихъ на дѣло“. Робертсовскій же „не дурацкій“ способъ исканія золота заключался совершенно неизвѣстно въ чемъ, ибо на всѣ просьбы г. Богдановича сообщить ему свой планъ работъ, онъ неизмѣнно отвѣчалъ, что ему необходимо идти въ Номе изучить тамъ условія нахождения золота: какъ круглый невѣжда, онъ просто безъ указки не могъ ориентироваться въ работѣ. Послѣ этой послѣдней выходки г. Богдановичъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ американцевъ и сказалъ, что онъ, какъ начальникъ экспедиціи, не можетъ допустить повторенія чего-либо подобнаго, и если м-ръ Робертсъ позволитъ себѣ еще что нибудь, то онъ вынужденъ будетъ немедленно посадить его на американскій берегъ.

*) Иначе я не умѣю назвать ихъ поведенія въ ежедневныхъ столкновеніяхъ, которыми полна совмѣстная жизнь на маленькомъ пароходѣ.

Все это случилось утромъ того дня, когда мы шли отъ мыса Чаплина къ бухтѣ св. Лаврентія, а ночью у меня съ Ленфильдомъ былъ разговоръ, въ которомъ онъ сообщилъ мнѣ, что такъ какъ деньги на экспедицію внесены East Siberian Syndicate, то Стернь и Уайтъ, какъ представители синдиката,—настоящіе хозяева экспедиціи; ея начальникъ Робертсъ, а г. Богдановичъ только подставное лицо, принятое и посланное синдикатомъ, какъ необходимая уступка русскимъ законамъ, мы же—декорація. Это объяснило все... Вѣдь въ Америкѣ уважается всякая сила, а долларъ больше всего. Въ тоже самое время въ другомъ концѣ какой-то компаніи у нашего доктора съ Уайтомъ былъ точъ въ точъ такой же разговоръ. И оба они (т. е. Ленфильдъ и Уайтъ) пренаивно упрекали г. Богдановича въ непорядочномъ къ нимъ отношеніи... потому что онъ, принимая должность начальника экспедиціи, долженъ былъ понимать, что онъ лишь подставное лицо: по ихъ мнѣнію, г. Богдановичъ выходилъ какимъ-то узурпаторомъ власти надъ экспедиціей?!

Кажется, утренняа бесѣда г. Богдановича и наши продолжительныя разъясненія и убѣжденія возымѣли свое дѣйствіе, ибо американцы стали по старому любезны... хотя на нѣсколько дней, не болѣе.

Между тѣмъ, мы подошли къ бухтѣ св. Лаврентія. Входъ въ нее былъ запертъ густымъ плавучимъ льдомъ, да и самая бухта еще не вскрылась, а потому мы стали на якорь въ отерытомъ морѣ противъ селенія Эндогай на мысѣ Новосильцева, верстахъ въ 5 отъ берега.

Такъ какъ мы отдали якорь уже вечеромъ, то въ этотъ день никто на берегъ не съѣзжалъ, а часу въ 12-мъ ночи мы съ докторомъ, выйдя на мостикъ, такъ восхитились оригинальной обстановкой, что рѣшили просидѣть всю ночь и дожидаться солнца.

Обстановка была оригинальна, на самомъ дѣлѣ. Представьте себѣ море, загромажденное льдами. Въ небольшихъ промежуткахъ между льдинами показываются то и дѣло усатыя морды нерпъ *), съ любопытствомъ разглядывающихъ пароходъ и насъ, пассажировъ, которые платятъ имъ той же монетой. Угрюмый массивъ мыса Новосильцева темно сѣрый, съ яркими бѣлыми пятнами снѣга, ясно видны при своеобразномъ освѣщеніи полярной ночи въ іюнѣ. Ни звука—тишина мертвая, изрѣдка прерываемая грохотомъ лопнувшей льдины. Прибавьте ощущение 12—15 тысячъ верстъ разстоянія отъ Петербурга, отъ близкихъ, и вы поймете, что, разъ поддавшись своеобразному настроенію, навѣянному такой оригинальной обстановкой, не хотѣлось его прерывать. Мы даже, полюбовавшись и погрузившись по далекимъ „приснымъ сердцу“

*) Нерпа—видъ тюленя.

людямъ, чтобы разсѣять грусть и подбавить оригинальности,— спустились въ буфетъ, взяли „по баночкѣ Креста-бланочки“ *) да ананасъ и, взобравшись на мостикъ, принялись все это уничтожать. Но до солнца все же не досидѣли и пошли спать. Наутро была назначена поѣздка на берегъ.

Въ 8 часовъ утра двѣ шлюпки были спущены на берегъ и въ первую ушли: Богдановичъ, Макферсонъ, я и четверо рабочихъ. Намъ предстояла задача найти проходъ въ широкой полосѣ плавающего льда и добраться до берега. А это — задача не легкая, потому что отдѣльныя льдины, движимыя вѣтромъ или теченіемъ, то сходятся, образуя цѣлыя ледяныя поля, то расходятся, открывая извилистые проходы, по которымъ и приходится пробираться, рискуя тѣмъ, что въ одинъ далеко не прекрасный моментъ, ледъ сзади и спереди сомкнется и, въ лучшемъ случаѣ, вы проплываете нѣсколько часовъ внутри ледяного кольца, покуда откроется новый выходъ,—опасности въ этомъ не много, хотя опасность и сторожить васъ на каждомъ шагѣ. Дѣло въ томъ, что льдины очень толсты, въ нѣсколько сажень толщины; плавая, сталкиваясь и подтаивая, онѣ постоянно мѣняютъ свою форму. Отъ этого перемѣщается центр тяжести, и ледяная громада въ нѣсколько сотъ, если не тысячъ пудовъ вѣсу, вдругъ, со страшнымъ шумомъ, поднимая волну и дробя все вокругъ себя, поворачивается на другую сторону, т. е. подводная часть дѣлается надводной. Очень красиво это зрѣлище, когда наблюдаешь его съ парохода, но не могу сказать, чтобы было большое удовольствіе плыть пять верстъ бокъ-о-бокъ съ такими неустойчивыми сосѣдями. Мы, въ концѣ концовъ, заблудились, зайдя въ глухой каналъ, и насъ выручили чукчи, двѣ лодки которыхъ мы увидѣли пробирающимися отъ берега среди льдовъ; къ нимъ-то мы и подобрались, но для этого нужно было проскользнуть подъ нависшей громадной льдиной. А вѣдь иногда достаточно легкаго сотрясенія, чтобы такая громада кувырнулась... Но вотъ, подойдя ближе, мы видимъ, что южнѣ селенія, подъ горой, стоитъ палатка, бѣлая обыкновенная палатка!.. Кто бы это могъ быть? — задавали мы себѣ вопросъ. Предположеніе, что это американскіе хищники, быстро рухнуло, потому что въ бинокль ясно былъ виднѣнъ русскій торговый флагъ, развѣвающийся надъ палаткой. Думали, думали и рѣшили, что это пришелъ „Якутъ“ и гдѣ нибудь укрывся, а здѣсь высадилъ нашихъ рабочихъ. Вонъ и красныя рубахи виднѣются... Мы очень этому обрадовались.

Когда же мы пристали, то дѣйствительно увидали толпу русскихъ, но они съ такимъ удивленіемъ смотрѣли на насъ, что ошибочность нашего предположенія стала внѣ всякаго сомнѣнія.

*) Cresta-blanca—бѣлое калифорнійское вино.

Изъ разспросовъ оказалось, что это принсковая партія, высаженная „Progress'омъ“ еще 7 июня, значить, еще за недѣлю до встрѣчи съ нами въ бухтѣ Провидѣнія... Стало быть, они хотѣли скрыть отъ насъ существованіе этой партіи. Не даромъ они такъ усердно пугали насъ льдами, не даромъ Робертсъ требовалъ такъ настойчиво и рѣзко, чтобы г. Богдановичъ изъ бухты Провидѣнія шелъ не на сѣверъ, а въ Nome! Дальше въ лѣсъ—больше дровъ: рассказы партіи выяснили намъ, почему Progress ушелъ изъ бухты Провидѣнія ночью, въ туманъ. Оказалось, что онъ прямо отправился сюда, но ледъ былъ такъ густъ, что ни съ берега, ни съ судна никто не могъ ѣхать, такъ что Progress, простоявши два дня, ушелъ отъ мыса Новосильцева, не снесаясь съ рабочими.

По словамъ старшаго, они совершенно потеряли надежду найти здѣсь золото, но онъ тутъ-же обманулъ насъ, показавши невѣрно направленіе, куда послалъ часть своей партіи. Видя, что отъ нихъ ничего не добьешься, г. Богдановичъ, я и Эрикъ пошли въ гору, задавшись цѣлью обойти горный массивъ мыса кругомъ, производя самыя поверхностныя развѣдки. При переходѣ черезъ горный ручей, мы увидали на берегу остатки какихъ-то машинъ; при ближайшемъ разсмотрѣніи, это оказался небольшой паровой двигатель. Чтобы узнать, откуда онъ взялся, мы обратились къ чукчамъ, но спрошенный чукча по англійски говорилъ очень плохо, и изъ всѣхъ его объясненій узнали мы только, что два года назадъ сюда приходило небольшое американское судно. Люди высадились, поставили машину, но вдругъ пришли льды, люди бросили машину, а сами уплыли и больше не возвращались. Это было очень интересно.

Покуда мы обходили мысъ, американцы съѣхали тоже на берегъ, и покопавшись около брошенной машины въ мерзломъ пескѣ у берега моря, нашли знаки золота и массу *guby sand'a*, т. е. гранатоваго песку, главнаго и лучшаго спутника Nome'скаго золота. Мы знаковъ не видали, но *guby sand* находили въ большомъ количествѣ *).

Мы съ г. Богдановичемъ такъ устали, что, завершивъ почти уже полный кругъ, не доходя версты до деревни, сѣли на скалы и послали неутомимаго Эрика сказать, чтобы шлюпка сюда пришла за нами. Г. Богдановичъ задремалъ, пригрѣтый солнышкомъ, а я лежалъ на своемъ жесткомъ ложѣ и глядѣлъ на залитое заходящимъ солнцемъ море, прислушиваясь то къ мелодичному звону

*) Мнѣ эта мѣстность представляется крайне интересной: если самыя поверхностныя развѣдки, произведенныя. быть можетъ, какъ разъ въ отвалахъ работъ американцевъ, дали знаки, то золотоносность самой рѣчки—вѣтъ сомнѣнія. Къ сожалѣнію, рѣчка была заполнена слоемъ снѣга сажени въ 3 толщиной и ее развѣдать не удалось. Но вѣдь почему нибудь американцы поставили здѣсь машину?

ломающихся льдинокъ, то къ выстрѣло-подобному грохоту лопающихся ледяныхъ полей.

Между тѣмъ, подошла шлюпка. Въ ней сидѣли Макферсонъ, докторъ и Николай.

Мы быстро усѣлись и подъ парусами пошли на Самоа.

Докторъ рассказывалъ о результатахъ своего дня. Помимо своихъ собственныхъ наблюдений и свѣдѣній, ему удалось и для меня собрать кое-что.

Предвидя, что мнѣ не придется зайти еще разъ въ селеніе и на кладбище, я просилъ его сдѣлать это за меня и обратить главное вниманіе на кладбище, такъ какъ рабочіе „Progress'a“ рассказывали намъ, что при нихъ уже были одни похороны,—и доктору удалось не только видѣть, но и снять фотографіи съ похороненныхъ чукчи и чукчанки, а также собрать нѣсколько предметовъ домашняго обихода, которые чукчи ломаютъ при погребеніи на кладбищѣ.

IV.

Высадка. Уходъ Самоа. Возня съ китайцемъ. Мой пріятель чукча. Приходъ Самоа. Встрѣча съ Progress'омъ. Якутъ и вліяніе его появленія. Проба бирскихъ рабочихъ.

Черезъ нѣсколько дней меня покинули на берегу Сенявинскаго пролива въ устьи р. Маричъ. Г. Богдановичъ рѣшилъ уступить американцамъ и идти въ Нопе, не дождавшись Якута, а чтобы дѣло не стояло, велѣлъ мнѣ съ Николаемъ, Тимофеемъ, Григоріемъ, Эрикомъ и двумя китайцами высадиться и обследовать мѣстность, прилегающую къ р. Маричъ.

Вечеромъ, передъ уходомъ Самоа, высадились всѣ на берегъ: кто дѣлать развѣдку, кто помогать устроить мнѣ станъ, а кто и такъ себѣ—погулять. Но поставить двѣ палатки, перевезти и прибрать немногочисленные припасы — было не долго, и къ закату всѣ возвратились на пароходъ. Поѣхалъ и я получить послѣднія инструкціи и захватить кой-что забытое. Назадъ ко мнѣ на станъ мы вернулись вмѣстѣ съ докторомъ и, выпивъ на новосельи „по баночкѣ креста-бланочки“, разстались.

Проснулся я утромъ, а ужъ Самоа и слѣдъ простылъ. Покуда готовили завтракъ, собирались и прочее, я пошелъ на ближайшій холмъ, чтобы осмотрѣть мѣстность и выбрать направление работъ. Взобрался я на холмъ да и задумался. Одинъ... т. е., положимъ, не одинъ, со мной Николай и прочіе, но все же какъ-то очень одиноко. Что ни случись — рассчитывать на чью-либо помощь нечего. А вдругъ Самоа погибнетъ?.. Что тогда? Можетъ быть, предстоитъ зимовать здѣсь? Или на какомъ нибудь случайномъ китобой плыть въ Америку? И то, и другое не очень-

то привлекательно. Хорошо, если „Якутъ“ меня здѣсь найдетъ, но неизвѣстно, гдѣ онъ? Уже давно миновалъ срокъ встрѣчи съ нимъ; можетъ быть, онъ погибъ или чинится гдѣ нибудь: долго ли проломиться объ эти проклятыя льдины...

Я совсѣмъ было предался мрачнымъ думамъ, да во время вспомнилъ, что надо работать, и вернулся на станъ.

Позавтракавъ наскоро, я велѣлъ собираться. Черезъ пять минутъ всѣ были уже готовы, за исключеніемъ китайца. Ихъ было у меня двое, но одного, который былъ почище, я сдѣлалъ поваромъ.

— Скоро-ли?

— Да все собирается.

Наконецъ, китаецъ показался изъ палатки.

— Ну! кто что понесетъ?

Стали разбирать инструменты. Когда Эрикъ, Тимофей и Григорій взяли поровну, то на долю китайца осталось всего: лопата желѣзная, кайла, лотокъ для промывки и мѣшечекъ съ сухарями—меньше 20-ти фунтовъ. Китаецъ показываетъ знаками, что ему тяжело. Я разсердился, велѣлъ, не теряя времени, положить вещи ему на плечо и пошелъ было, вдругъ оглянулся—а китайца нѣтъ.

— Гдѣ онъ?

— Да въ палатку ушелъ.

Я готовъ былъ окончательно разсердиться на неумѣлаго и медлительнаго китайца, какъ онъ снова появился; черезъ плечо у него висѣли двѣ бутылки съ какой-то жидкостью.

— Что это такое?—Оказалось: холодный чай съ нѣсколькими каплями виски.

— Это зачѣмъ? Скажи ему, Тимофей *), что мы будемъ пить чай два-три на работѣ.

Тимофей сказалъ, китаецъ что-то отвѣтилъ.

— Онъ говоритъ, что по пути, пока идетъ, пить хочется.

— Такъ вѣдь въ тундрѣ-то, мало ему воды, что-ли? Тамъ прекрасная вода.

— Онъ говоритъ, что сырой воды пить не можетъ. Заболѣетъ.

— Чортъ-бы его побралъ! Наложите на него инструменты: пусть тащить.

Наложили на него лопату, кайлу и сухари. Пошли. Почва твердая, нога не вязнетъ, отстаетъ китаецъ. Прошли съ версту, китаецъ на полверсты отсталъ. Спустились въ тундру: кочки, болото, нога вязнетъ, идти, дѣйствительно, тяжело. Прошли еще съ версту—китаецъ едва виднѣнъ.

— Чортъ возьми! Намъ надо переваливать за тотъ пригорокъ. Вѣдь онъ заблудится еще, не видя насъ. Придется подождать его.

*) Тимофей болталъ по англійски.

Взобрались мы на пригорокъ, сидимъ и ждемъ. Ждали минутъ пять, кричать стали, махать ему, чтобы скорѣе шель, а онъ, точно нарочно, остановился, сложилъ ношу и тоже усѣлся, потомъ, не торопясь, выпилъ изъ бутылки и закурилъ трубку. Что съ нимъ дѣлать? Идти къ нему?—не хотѣлось. Гонять людей по тундрѣ изъ за лѣнтя?—несправедливо. Сидѣть и ждать?—но вѣдь и онъ будетъ сидѣть и ждать.

Я придумалъ хитрость: мы громко разомъ крикнули и, когда онъ медленно обернулся, я махнулъ ему рукой по направленію поворота, быстро со всей партіей спустился подъ горку и залегъ тамъ, скрывшись изъ его глазъ, въ расчетѣ, что онъ поторопится. Не прошло и двухъ-трехъ минутъ—меня подмывало посмотреть, что онъ дѣлаетъ. Ползкомъ взобрался я на пригорокъ и вижу: мой манза, вѣроятно, побоявшись остаться въ одиночествѣ въ неизвѣстной мѣстности, чуть не на рысяхъ катить по тундрѣ. Значить, можетъ: притворяется, лѣнится. Такое зло взяло. Когда онъ подошелъ къ намъ, я строго сказалъ ему, что если онъ не будетъ идти ровно со всѣми, то не дамъ ему ѣсть на работѣ. Это помогло, и онъ пошелъ значительно скорѣе, но на первомъ же шурфѣ опять извелъ меня: онъ буквально не умѣлъ кайлы въ рукахъ держать, постоянно пилъ свой чай и курилъ изъ маленькой трубки табакъ съ опиѣмъ: меня прямо тошнило отъ этого запаха.

Просто измучился я съ китайцемъ.

На другой день мы пошли вдоль берега на шлюпкѣ, и опять оказалось, что китаецъ не умѣетъ ни грести, ни править. А наши американцы хвастались въ С. Франциско, что китайцы наняты превосходные...

И такъ каждый день отправлялись мы куда нибудь, но нельзя сказать, чтобы результаты поисковъ могли радовать: за все время только одинъ разъ и нашли знакъ. Да, собственно говоря, и ждать нельзя было: шурфы наши затопляло, отливныхъ средствъ не было, отводныя канавы копать силъ не хватало, и безъ того по мерзлотѣ работа шла медленно, топлива-же для походовъ я не имѣлъ.

27 числа съ утра я послалъ рабочихъ съ Николаемъ развѣдать одну рѣчку, а самъ остался дома привести въ порядокъ журналы работъ и начертить результаты съемки, которую я ежедневно пополнялъ, и, кромѣ того, мнѣ почему-то казалось, что сегодня именно ко мнѣ придетъ „Якутъ“. Отправивши рабочихъ, я усѣлся и самъ за свою работу. Не прошло и часа, какъ полы моей палатки раздвинулись, и въ отверстіе показалась грязная, улыбающаяся рожа чукчи, моего пріятеля. Онъ жилъ въ полверстѣ отъ меня въ своей одиноко стоящей куртѣ. Наше знакомство, наша дружба началась съ того, что онъ помогалъ намъ при высадкѣ. Жалокъ онъ былъ страшно: распухшія, больныя губы и десны

кровоточили, такъ что бѣдняга еле могъ говорить. За помощь я далъ ему четверть кирпича чаю и немного сахару; надо было видѣть, какъ онъ обрадовался.

— Кырпычъ-чай! Кырпычъ-чай!—твердилъ онъ, нюхая и облизывая плитку и сахаръ.—Чахаръ! Чахаръ! Другъ!—Онъ трясъ мою руку и дѣтски-радостно смотрѣлъ мнѣ въ глаза. Въ это время я увидалъ на берегу единственный обломокъ дерева, какъ я думалъ, выкинутый моремъ, и ошибся. Когда я велѣлъ его перенести къ стану, то мой чукча, нисколько не противясь, объяснилъ, что этотъ кусокъ привезенъ издалека и принадлежитъ ему. Я обрадовался случаю и далъ ему еще чаю. Съ этого у насъ и пошла дружба. Онъ каждый день приходилъ ко мнѣ и разъ принесъ какой-то костяной предметъ, вродѣ набалдашника палки, очевидно не чукотской работы, и подалъ мнѣ. Набалдашникъ этотъ былъ мнѣ не нуженъ, но отказаться купить его я не могъ и, взявъ вещьцу, предложилъ кусокъ чаю, но онъ энергично замоталъ головой, отказывался взять и не взялъ, не смотря на мои уговоры.

Цѣлая исторія у меня съ нимъ была по поводу покупки оленей. Я сталъ объяснять ему, что хочу купить двухъ оленей,—онъ не понималъ. Тогда я въ книжкѣ нарисовалъ ему оленей. Онъ сразу понялъ, обрадовался и забормоталъ: ййи! ййи! т. е. да, да, ладно. Онъ пошелъ въ юрту, и я видѣлъ, какъ черезъ минуту куда-то въ горы мчался его старшій сынишка, лѣтъ десяти, безъ шапки, но съ вишестеромъ за спиной. Черезъ два дня, рано утромъ, меня разбудилъ Николай.

— А. Г., оленей пригнали. Много.

— Гдѣ? ты откуда знаешь?

— Да, вонъ, слышно!

Дѣйствительно, явственно слышался какой-то гулкій шорохъ и гортанные окрики чукчи. Одѣлся я, вышелъ, — оказалось, что пригнали все стадо—головъ двѣсти. Выбирай, значить, любого.

Николай почему-то облюбовалъ двухъ изъ стада и указалъ на нихъ чукчѣ; и вотъ молодой чукча-пастухъ, не громко выкрикивая какое-то слово, тихо пошелъ къ стаду. Сначала оно было шарахнулось, а затѣмъ, какъ-бы повинувшись гипнотическому внушенію, все повернулось головами къ нему, образовавъ кружокъ. Пастухъ медленно-медленно разобралъ лассо и однимъ движеніемъ бросилъ его въ стадо, но... промахнулся, а стадо бросилось въ сторону. Три раза повторялась эта операція, а неловкій чукча все не могъ поймать. Олени-же насторожились и ту же стали поддаваться внушенію. Уже мой чукча потерялъ терпѣніе, и самъ хотѣлъ бросить лассо, какъ въ этотъ моментъ одинъ изъ оленей былъ пойманъ. Чтобы не видѣть дальнѣйшей сцены, я ушелъ въ палатку доставать чай, сказавъ Николаю, что и одного оленя довольно. У меня было условіе съ чукчей, что за оленя я плачу

два кирпича чаю, т. е. я ему такъ говорилъ, и потому, согласно обѣщанію, вынесъ ему два кирпича; онъ съ восторгомъ схватилъ ихъ и, бормоча что-то, побѣждалъ опять къ стаду.

— А. Г.!—раздался голосъ Николая. — Вы развѣ велѣли еще ловить оленя?

— Нѣтъ! А что?

— Да они ужъ поймали и рѣжутъ.

— Ну все равно. Вотъ возьми. Дай ему еще два кирпича.— Съ этими словами я вылъзъ изъ палатки и увидалъ моего чукчу, который съ счастливой рожей, удовлетворенно кивая головой, показывая мнѣ, что два оленя уже зарѣзаны и все покончено. Тутъ подошелъ Николай и подаль ему еще два кирпича. Чукча недоумѣло посмотрѣлъ на насъ и затѣмъ, что-то сообразивъ, побѣждалъ опять къ стаду. Ясно было, что тутъ крылось какое-то недоразрѣніе. Вернувши чукчу, я сталъ, какъ мнѣ казалось, очень наглядно объяснять ему, что плачу по два кирпича за каждаго оленя. Онъ не понималъ. Тогда вступился Николай. Онъ отобралъ у чукчи всѣ 4 кирпича и пошелъ къ оленямъ.—Смотри,— коротко сказалъ онъ чукчѣ и положилъ на каждаго оленя по два кирпича. Тогда чукча понялъ. Онъ присѣлъ, зажмурилъ глаза и завизжалъ. На визгъ приближали бабы, тоже завизжали, и долго потомъ старый чукча трясъ намъ съ Николаемъ руки, повторяя какія-то непонятныя слова.

Удовольствіе его еще увеличилось, когда я велѣлъ отдать ему головы, ноги, внутренности и шкурки убитыхъ оленей.

Такъ вотъ этотъ-то мой пріятель и появился въ разрѣзѣ палатки, когда я сидѣлъ одинъ и приводилъ въ порядокъ свои матеріалы.

Онъ дѣлалъ мнѣ знаки, показывая на уши и глаза. Я понялъ, что надо что-то посмотреть, и вышелъ.

Лопоча что-то по своему, чукча показывалъ мнѣ рукой вдоль пролива. Тамъ, изъ за выдавагося мыса на островѣ Аракама, поднималась къ небу струйка дыма, чуть замѣтная на фонѣ угрюмыхъ горъ.

Ура! „Якутъ“! но... собственно говоря: почему „Якутъ“, а не какой другой пароходъ? Можетъ быть Самоа, можетъ быть какой нибудь американецъ...—тотчасъ же усомнился я про себя.

Покуда я бесплодно размышлялъ надъ этимъ вопросомъ, пароходъ выпелъ изъ-за мыса, но разглядѣть оснастку или даже цвѣтъ судна не было возможности, тѣмъ болѣе, что у меня и бинокля не было. Оставалось выжидать событій. Прошелъ часъ, судно на столько приблизилось, что уже видно было, что это не военное судно, значить—не „Якутъ“... Но кто же? Если американцы,—что я съ ними буду дѣлать или они со мной?

Но вотъ судно слегка измѣнило курсъ и я увидалъ... Самоа! Я и обрадовался, и разочаровался: хотѣлось чего нибудь новень-

каго, интереснаго и вдругъ — противный Самоа, съ надоѣвшей обстановкой и людьми. Но все же онъ, можетъ быть, везетъ письма оттуда... изъ Россіи... и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ шлюпкѣ. Вотъ меня увидали съ Самоа и машутъ, машу и я въ отвѣтъ. Вотъ до меня доносится грохотъ якорной цѣпи. Вотъ и шлюпка отошла отъ борта. Черезъ нѣсколько минутъ мы радостножимаемъ другъ другу руки. Разспросы. Разказы. Разговоры. Я ничѣмъ не могъ порадовать г. Богдановича: золота мы не нашли, но и онъ меня не порадовалъ: писемъ въ Номъ для меня не было. Грустно!

Побродили мы съ г. Богдановичемъ на другой день по протокамъ рѣки Маричъ и вечеромъ снялись, чтобы идти вдоль Сенявинскаго пролива, заходя въ попутныя бухты: Аболешева, Коніамъ и др.

Эти поиски не дали хорошихъ результатовъ, и 3-го іюля мы покинули проливъ, чтобы идти къ мысу Чаплина и справиться тамъ у чукчей: не проходилъ ли „Якутъ“. Но только что мы вышли изъ пролива, какъ въ морѣ увидали паровое судно, въ которомъ тотчасъ же узнали Progress. Онъ шелъ въ юго-западномъ направленіи, повидимому, также къ мысу Чаплина. Разстояніе между нами все уменьшалось, и, наконецъ, мы увидали, какъ на мачтѣ Progress'a появились сигнальные флаги. Г. Богдановичъ потребовалъ у капитана кодексъ-сигналовъ, но такового на суднѣ не оказалось, такъ что понять сигналовъ мы не могли, не могли и отвѣчать Progress'у.

Срамъ да и только!

Когда оба судна стали на якорь, то съ Progress'a снова пріѣхалъ къ намъ Шоклей и, ни мало не смущаясь за свою прошлую ложь, передалъ г. Богдановичу письмо отъ г. Новаковскаго, командира „Якута“, который извѣщалъ, что уже съ недѣлю ждетъ насъ въ бухтѣ св. Лаврентія. Тотчасъ якорь былъ поднятъ, и мы полнымъ ходомъ пошли къ Лаврентію, предвкушая радость свиданія.

Ночью насъ накрылъ туманъ—идти пришлось осторожно, а когда утромъ, часовъ въ восемь, я вышелъ на палубу, то увидалъ, что мы стоимъ на якорѣ противъ низкаго, тундристаго берега, съ высокой горой въ отдаленіи, все же прекрасно видимой сквозь жидкій туманъ.

— Не знаешь, Николай, что это мы тутъ стали?

— Вотъ, А. Г., капитанъ говоритъ, что это та гора, гдѣ мы чужихъ рабочихъ нашли.

— Мысъ Новосильцева?

— Да, да.

— Да какой же это мысъ Новосильцева! Это не онъ.

— И я говорю—не онъ.

Пошелъ я къ капитану, а по дорогѣ узналъ, что якорь былъ поданъ часовъ въ шесть утра, и тогда же не спавшій г. Богдановичъ доказывалъ капитану, что это не мысъ Новосильцева, но... пьяный

капитанъ утверждалъ, что это именно мысъ Новосильцева, и что онъ въ бухту до свѣту не пойдетъ. Такъ г. Богдановичъ и отступился.

Между тѣмъ, туманъ началъ разсѣиваться и впереди верстахъ въ 15-ти сталъ ясно вырисовываться мысъ Новосильцева. Тогда ужъ и проспавшійся капитанъ согласился, и мы медленно пошли къ мысу.

Мало-по-малу изъ-за мыса открылась и бухта св. Лаврентія, и вскорѣ мы увидали за островкомъ Литке два судна: одно—былъ „Якутъ“, а другое неизвѣстной національности. По бухтѣ плавалъ густой ледъ. Къ этому придрался нашъ достойный Джансонъ.

— Не могу идти по сплошному льду, — сказалъ онъ рѣшительно, — я отдамъ якорь въ открытомъ морѣ.

Это была уже прямо насмѣшка, и г. Богдановичъ приказалъ идти впередъ. Капитанъ повиновался, и мы, пренебрежительно обогнувъ островокъ Литке, стали на якорь въ нѣсколькихъ десяткахъ саженой отъ Якута.

Тотчасъ была спущена шлюпка; въ нее помѣстились г.г. Богдановичъ, Акифьевъ, Макферсонъ и я.

Насъ очень любезно встрѣтилъ командиръ транспорта А. А. Новаковский и увелъ къ себѣ. Побывъ у него немного, мы отправились сдѣлать визитъ каютъ-компаніи и, не смотря на то, что ни съ кѣмъ изъ членовъ ея никто знакомъ раньше не былъ—очень быстро сошлись, какъ нельзя ближе.

Не вдаваясь въ подробности, скажу только, что трудно встрѣтить больше вниманія, радушія и гостепріимства, чѣмъ мы встрѣтили на „Якутѣ“. Три дня мы провели вмѣстѣ, и, наконецъ, на четвертый день въ ночь „Якутъ“ ушелъ. Только въ концѣ августа мы снова увидимся: онъ придетъ къ намъ въ бухту Провидѣнія.

Здѣсь уместно отмѣтить еще разъ одну характерную черточку международныхъ отношеній: за все время нашей совмѣстной стоянки съ „Якутомъ“, даже съ момента послѣдней встрѣчи съ Progress'омъ, американцы были неузнаваемы: они вдругъ стали внимательны, вѣжливы, предупредительны. Мнѣ кажется, они не вѣрили въ приходъ „Якута“ и потому считали насъ въ своихъ рукахъ, но когда „Якутъ“ явился, когда онъ высадилъ на Самоа: 5 вооруженныхъ Петропавловскихъ казаковъ, 3 вооруженныхъ же своихъ матросовъ, да еще 12 дюжихъ сибирскихъ прискаателей которые уже однимъ своимъ внѣшнимъ видомъ производили довольно сильное впечатлѣніе, то сила наша почувствовалась, и, по обыкновенію, американцы отнеслись къ ней съ уваженіемъ, тѣмъ болѣе, что въ этотъ моментъ они были безъ головы, потому что Робертсъ съ Уайтомъ остались въ Ном'ѣ. Но такое настроеніе продержалось не долго.

Въ послѣдній день стоянки „Якута“, я ѣздилъ по распоряженію г. Богдановича развѣдать одинъ ключикъ на выходѣ губы и, такимъ образомъ, могъ тутъ же приглядѣться къ рабочимъ. Со мной было шесть человѣкъ. На работѣ въ шурфахъ они немного полѣживались, что и понятно: сразу рабочій рѣдко втягивается въ дѣло. Но по окончаніи работы, по пути къ Самоа имъ пришлось выдержать хорошій экзаменъ по части выносливости и смѣлости. Надо сказать, что никто изъ нихъ ни разу по морю въ шлюпкѣ не плавалъ, а тѣмъ болѣе никому не приходилось грести, и вотъ, когда мы спустились, оставя работу, къ шлюпкѣ, то увидали, что поднялся здоровый вѣтеръ. Лодка была защищена отъ бурновъ, и мы отошли отъ берега благополучно, но лишь только завернули за небольшой мысъ, какъ насъ встрѣтила крутая, сильная волна. Курсъ пришлось держать въ $\frac{3}{4}$ волны, что было очень трудно: мы шли страшно медленно, шлюпка плохо слушалась руля, приходилось считаться еще съ теченіемъ и льдинами, которыя нужно было осторожно обходить. И безъ того утомленнымъ рабочимъ пришлось прогresti непрерывно три часа и грести во всю такъ, что весла гнулись. И не смотря на то, что это былъ ихъ первый опытъ борьбы съ моремъ, они прекрасно дѣлали свое дѣло, стараясь не обнаруживать страха, только урядкой бросаемые на бѣшенныя волны робкіе взгляды выдавали душевное состояніе моихъ моряковъ... Да, эти не выдадутъ, это не несчастные китайцы.

Не смотря на качку, мы прекрасно пристали и высадились на Самоа.

V.

Дальнѣйшія развѣдки.—Случай съ Николаемъ.—Богѣзнъ Лемашевского.—Снова на берегу.—Меня выручаетъ казакъ.—Буръ знаменитаго прогредстога.—Мы идемъ въ Ледовитый океанъ.—Дважды легкомысленный Джансонъ.—Штормъ.—Недоразумѣіе.—Колючинская губа.

На другой день послѣ ухода „Якута“ мы снялись съ якоря и пошли на сѣверъ къ устью р. Нуньямо, гдѣ рассчитывали взять запасъ свѣжей воды. Здѣсь, противъ небольшого селенія, мы стали на якорь и, пока брали воду, г. Богдановичъ послалъ меня развѣдать рѣку.

Я оставилъ большую часть рабочихъ на большомъ шурфѣ, который заложилъ верстахъ въ $1\frac{1}{2}$ отъ устья, а самъ съ тремя рабочими пошелъ дальше по рѣкѣ. Тяжело достался намъ этотъ день. И вообще-то частенько въ тѣхъ мѣстахъ вспоминались мнѣ иллюстраціи Дорэ къ Потерянному Раю, а здѣсь—такъ и подавно. Наканунѣ, съ входной горы бухты св. Лаврентія, я видѣлъ долину этой рѣки и такъ казалось издали тутъ хорошо. Ровные берега съ ярко-зелеными пятнами травы, рѣчка вьется, принимая въ

себя справа и слѣва падунцы. Тамъ и сямъ видны отдѣльные большіе камни... А вблизи!.. Вблизи ровный берегъ оказался розсыпью громадныхъ глыбъ гранита. Такой розсыпи я не видывалъ, и меня неотступно преслѣдовало представленіе, что эта розсыпь—не просто груда камней, а кладбище какихъ-то, нѣкогда живыхъ, мощныхъ гранитныхъ великановъ. Гордые, несокрушимые, казалось, высились они здѣсь, смѣясь надъ бурями, морозами и даже... надъ самимъ временемъ. Но пришла какая-то роковая сила и растерла гигантовъ въ песчинки: все это неисчислимое множество каменныхъ глыбъ въ десятки и сотни пудовъ—вѣдь это только песчинки, жалкія, ничтожныя... Какія страшныя силы работаютъ въ природѣ, и какъ въ такія минуты понятна и близка психологія дикаря, одухотворившая тѣ силы. Но пройдетъ сотня лѣтъ, и будущій посѣтителъ уже не увидитъ этой картины смерти и разрушенія. Здѣсь все затянется, все сравняется вязкая, мокрая тундра, какъ ужъ мѣстами и затянула, и будутъ на ровномъ зеленомъ коврѣ торчать лишь одинокія глыбы. Вотъ и сейчасъ среди тундры я вижу одинокую скалу—подхожу къ ней и поражаюсь: весь камень изборозженъ какими-то узорами! Что это за узоры? Откуда взялись они?.. Я не могу дать себѣ отвѣта на этотъ вопросъ, тѣмъ болѣе, что, торопясь идти впередъ, я отложилъ подробный осмотръ и зарисовку ихъ на обратный путь, а назадъ пошелъ другой, болѣе короткой, дорогой, совсѣмъ усталый. Такъ больше и не видалъ я этого интереснаго камня...

Покуда я разглядывалъ камень, рабочіе ушли впередъ, надо было догонять, но это легко сказать, а исполнить... трудно-вато... Особенно сначала я боялся быстро идти по этой розсыпи. Безпрестанно подъ ноги попадались камни, которые на видъ едва держались. Казалось, стоитъ до нихъ чуть-чуть дотронуться, не то что прыгнуть, и они упадутъ. Но не тутъ-то было. Зимнія вьюги, дующія здѣсь по нѣскольку недѣль подрядъ въ опредѣленномъ направленіи съ страшной силой, такъ ихъ втиснули крѣпко другъ въ друга, что ни одинъ камень не шелохнется. Когда я убѣдился въ этомъ, то быстро пошелъ скакать съ камня на камень, подпираясь остроконечной вѣшкой изъ-подъ бусоли, и быстро догналъ рабочихъ. Они меня встрѣтили новостью: оказалось, что мы забыли взять съ собою дровъ для кипяченія воды. Что дѣлать? Ничто такъ не подкрѣпляетъ, какъ стаканъ чаю, и я послалъ одного рабочаго налегкѣ за дровами къ большому шурфу. Онъ ушелъ, а мы двинулись дальше. Скоро попалась подходящая мѣстность, и я рѣшилъ тутъ заложить шурфъ. Рабочіе принялись за дѣло, а я принялся собирать образцы породъ, опредѣлять протяженіе, дѣлать съемку.

Скоро мы увидали вдали нашего посланца, онъ уже возвращался къ намъ, но... такъ и не вернулся. Онъ рѣшилъ, что

мы свернули въ боковой падунъ, и пошелъ по нему, а мы такъ и остались безъ дровъ. Еле-еле насобирали стеблей ползучей карликовой ивы въ количествѣ, достаточномъ для вскипяченія лишь кружки воды; кромѣ этого маленькаго растеньица другого горючаго матеріала нѣтъ на всемъ побережьи отъ Восточнаго мыса до бухты Провидѣнья. Это полное отсутствіе топлива, конечно, очень затруднить дальнія экспедиціи въ глубь полуострова.

Часамъ къ 8 вечера мы были уже на „Владимірѣ“ и шли полнымъ ходомъ къ Самоа. По дорогѣ Макферсонъ разсказалъ мнѣ объ отвратительномъ происшествіи, случившемся на Самоа въ мое отсутствіе.

Николай Сеоевъ, нашъ осетинъ казакъ, завѣдывалъ выдачей вещей изъ трюма. Г. Богдановичъ далъ ему списокъ, по которому надлежало выдать припасы и инструменты для американской партіи, которую предполагалось на другой день высадить въ бухтѣ св. Лаврентія. Николай выдавалъ вещи, принималъ ихъ Скрентонъ младшій, а Ленфильдъ „при семъ присутствовалъ“. Между прочимъ, г. Богдановичъ распорядился выдать американцамъ часть лотковъ промывныхъ—старыхъ, а часть новыхъ, которые не такъ удобны въ работѣ, какъ старые. Но Ленфильдъ, ничего не понимая, потребовалъ всѣ лотки новые. Исполнительный Николай отказался измѣнить что-либо въ списокъ Богдановича и сказалъ, что выдастъ только съ его разрѣшенія. Слово за слово, Ленфильдъ велѣлъ Скрентону спрыгнуть въ трюмъ и силой взять новые лотки. Николай не допустилъ этого. Тогда Ленфильдъ *приказалъ ударить* Николая, что глупый мальчишка Скрентонъ и исполнилъ, ударивъ Николая прямо по лицу!

Надо знать умнаго, честнаго, самолюбиваго Николая, чтобы представить себѣ, что съ нимъ сдѣлалось. Произошла потрясающая сцена. Еле удалось обезоружить озвѣрѣвшаго Николая. Когда я увидалъ его спустя нѣсколько часовъ послѣ событія, на немъ лица не было. Глаза горѣли и перебѣгали быстро съ предмета на предметъ. Онъ ничего не понималъ и твердилъ только, что бросить Ленфильда въ воду или убить его. Скрентона же онъ такъ презиралъ, что даже не говорилъ о немъ. Ленфильдъ же напоминалъ напроказившую левретку... Какая-то „безпокойная ласковость взгляда“, какое-то подленькое заискиваніе—противно смотрѣть было. Николай ко мнѣ относился очень хорошо, и я долго бесѣдовалъ съ нимъ, уговаривая его наплевать на Ленфильда. Но онъ лишь угрюмо отмалчивался, и только разъ у него вырвалась безсвязная рѣчь, изъ которой я понялъ, что онъ упрекалъ меня за переходъ на сторону американцевъ. Жаль мнѣ его было страшно. Я понималъ, что дѣлалось у него въ душѣ и, конечно, никакіе уговоры тутъ помочь не могли, но не могъ же я все-таки согласиться, что Ленфильдъ подлежитъ утопленію? Единственно,

что я могъ съ своей стороны сдѣлать—это не подавать руки Ленфильду, что и исполнилъ. Онъ же просилъ извиненія и у Николая, и у г. Богдановича. Мало по малу Николай успокоился, тѣмъ болѣе, что на другой день вечеромъ Ленфильдъ съ партіей былъ высаженъ на берегъ, а Скрентонъ расчитанъ въ Номъ.

Изъ бухты св. Лаврентія мы пошли въ бухту Мечигмэнъ, гдѣ, при входѣ, капитанъ, совершенно нелѣпо завернувъ за кошку, посадилъ Самоа на мель, на каковой мы и просидѣли сутки.

Къ этому времени у насъ совсѣмъ разболѣлся Лемашевскій. Его укусилъ комаръ въ палецъ. Онъ расчесалъ укусъ, засорилъ, и въ результатъ—сильнѣйшая флегмона руки. Первый разрѣвъ дѣлалъ, какъ старшій, врачъ „Якута“, но затѣмъ Акифьеву одному пришлось справляться съ болѣзнью. На руку страшно было взглянуть... Не смотря на самыя энергичныя мѣры, болѣзнь быстро подвигалась впередъ, и багровая опухоль поднялась уже выше локтя. Молодой докторъ не зналъ, что дѣлать. Отнять руку въ такой обстановкѣ, безъ хлороформа, онъ не рѣшался. Вести же больного въ Номе и тамъ произвести эту операцію на берегу съ помощью американскаго врача было очень рискованно. Вынесетъ ли старикъ переходъ, вынесетъ ли отвратительную высадку въ Номъ; нельзя же сдѣлать операцію на постоянно качающейся бандурѣ, въ тѣсной каютѣ? Старикъ становилось все хуже. Меня докторъ привлекъ къ себѣ въ помощь, и я, присутствуя при мучительныхъ манипуляціяхъ его надъ рукой больного, только диву давался стоицизму 62-лѣтняго старика.

Три дня мы простояли въ Мечигмэнѣ, и мнѣ удалось сдѣлать точную карту выходной части губы, въ глубь-же ея мы, къ сожалѣнію, не попали. Но пришло время Самоа идти въ Номе, и меня снова высадили на берегъ между Мечигмэномъ и мысомъ Новосильцева вмѣстѣ съ Николаемъ, двумя казаками и 6 рабочими.

Прощаясь съ Лемашевскимъ, я не думалъ ужъ его болѣе увидеть.

Я прожилъ здѣсь дней восемь, изслѣдуя берега и рѣчки, но поиски мои были неудачны: главное, чего мнѣ не доставало, это отливныхъ средствъ и крѣплений. Взятыя нами съ собой маленькіе насосы, при пробѣ, оказались никуда не годными, ибо по прейскуранту значились: „для перекачки пива“, т. е. совершенно чистой жидкости, ну, а вода въ шурфѣ чистой назваться не можетъ. Достаточно было маленькой песчинкѣ попасть подъ клапанъ, чтобы онъ пересталъ работать—надо было его разбирать, промывать и снова собирать.

Въ концѣ концовъ я его бросилъ и работалъ ведрами, но и тѣ оказались не прочными и очень быстро ломались.

Все изслѣдуемое побережье значится на картахъ черточками, мнѣ же удалось снять подробную карту. Я жалѣлъ только, что мы не могли измѣрить магнитнаго склоненія, которое, по показаніямъ картъ, здѣсь доходитъ до 22°.

Хорошо бродить по тундрѣ! То на слѣды старыхъ чукотскихъ кочевій натыкаешься, то на покинутыя кладбища. Бродишь по этимъ остаткамъ прошлой жизни, фантазируешь, рисуешь себѣ картины жизни, а глаза внимательно осматриваютъ землю, выглядывая что нибудь интересное; мнѣ удалось найти здѣсь костяную стрѣлу, бубенчики и еще кое что.

Однажды случилась было со мной порядочная непріятность. Пошли мы съ казакомъ Третьяковымъ, умѣвшимъ говорить по чукотски, въ селеніе, расположенное на южной сторонѣ мыса Новосильцева, оставивъ рабочихъ въ устьи р. Гудлингента бить шурфъ. Мы шли берегомъ. Въ одномъ мѣстѣ намъ предстояло перейти небольшой ручей. Собственно ручья не было, потому что онъ превратился въ почти неподвижную массу жидкой грязи, вымытой изъ оврага. Только что я сдѣлалъ по ней два шага, какъ началъ вязнуть, прыгнулъ дальше—окончательно увязъ и чувствую, какъ меня затягиваетъ все глубже и глубже. Рванулъ—только хуже увязъ.

— Третьяковъ! Третьяковъ!

— Ого!—доносится съ крутого берега до меня. Третьяковъ пошелъ верхомъ.

— Помогай! Сюда!

Черезъ нѣсколько минутъ Третьяковъ показался надъ обрывомъ и сразу, сообразивъ въ чемъ дѣло, въ два прыжка очутился на твердомъ берегу грязнаго потока.

— Что дѣлать-то будемъ? Выручай.

— Усь не знаю, сто и дѣлать-то,—въ раздумьи говоритъ онъ, сходя по камчатски.

И придумали мы сдѣлать родъ гати отъ Третьякова ко мнѣ. онъ притащилъ 3—4 плоскихъ большихъ камня и бросилъ ихъ около берега. Получилась при этомъ возможность обомъ держаться за одно ружье.

Третьяковъ, чтобы увеличить площадь давленія, легъ на свою гать и принялся меня тащить за ружье. Но на мнѣ были высокіе матросскіе сапоги. Когда Третьяковъ тащилъ меня, то ноги вытѣзали изъ сапогъ. Не пойдешь же нѣсколько верстъ по льду да по острой галькѣ босикомъ? Бились, бились, наконецъ, я выдернулъ одну ногу и оперся колѣномъ на положенныя рядомъ два ружья и палку отъ бусоли. Получивъ точку опоры, я выдернулъ и другую ногу. Затѣмъ легъ прямо на грязь бокомъ, чтобы увеличить площадь давленія, и, перекачиваясь съ боку на бокъ, докатился до Третьякова. Хорошъ я былъ послѣ такого катанья!.. Много мы съ Третьяковымъ потомъ смѣялись... Съ тѣхъ поръ я старательно обхождилъ ненадежныя мѣста.

Незамѣтно пролетѣло восемьъ дней. Самоа снова стоялъ противъ моего стана. На этотъ разъ я получилъ письма... и хотя ихъ было три полныхъ большихъ пакета, но мнѣ все казалось мало...

Была и другая пріятная новость: Лемашевскій поправляется и капризничаетъ немилосердно. Наконецъ, третья новость: Робертъ и Уайтъ *достовѣрно* узнали въ Номѣ, что золото есть въ Колючинской губѣ, т. е. въ первой губѣ отъ Восточнаго мыса къ западу по побережью Ледовитаго океана.

Поэтому маршрутъ предполагался такой: идти съ развѣдками до мыса Восточнаго и затѣмъ, если окажется возможнымъ, оттуда, уже не останавливаясь, пройти въ Колючинскую губу, оставляя развѣдку побережья на обратный путь.

Я, конечно, пришелъ въ восторгъ отъ такого плана работъ, но г. Богдановичъ охладилъ его, сказавъ мнѣ, что онъ заинтересованъ мѣстностью, гдѣ я только что работалъ, и что здѣсь онъ думаетъ примѣнить большой буръ, изобрѣтенный Робертсомъ; мнѣ придется снова остаться здѣсь, а они безъ меня ужъ сходятъ на сѣверъ. Жаль, что не попаду въ Колючинскую губу!

На утро г. Богдановичъ назначилъ пробу бура: онъ оказался никуда не годнымъ; каждая галька въ квадратный дюймъ останавливала его работу. Даже наши prospector'ы сконфузились! А стоилъ онъ 800 рублей и такихъ буровъ, по настоянію Робертса, взято было три штуки! Пришлось отказаться отъ мысли пройти буромъ на значительную глубину. Такъ обидно было пріѣхать изъ за тридцати земель на работу и тутъ только увидеть, что пріѣхали съ пустыми руками. Такъ и оставили мы злополучный буръ на берегу рѣчки на память потомству о цѣлесообразности „методовъ исканія золота“ Робертса... „Не бывать бы счастью, да несчастье помогло“. Неудача съ буромъ сдѣлала излишнимъ мое пребываніе здѣсь, и, оставя Николая съ 4 рабочими и однимъ казакомъ для развѣдки одной рѣчки, которой я не успѣлъ развѣдать, мы направились на сѣверъ.

Высаживаясь то тутъ, то тамъ, мы зашли за мысъ Литке, и здѣсь въ виду мыса Восточнаго попали на интереснѣйшее мѣсто: каждый лотокъ промытаго песку съ берега давалъ знаки золота. Въ виду этого г. Богдановичъ рѣшилъ остаться здѣсь еще на сутки, чтобы заложить большой шурфъ. И безъ того въ послѣдніе дни часто намъ докучали туманы, а въ этотъ день просто какъ въ молоко очутились... Условившись съ командиромъ относительно сигнальныхъ свистковъ и взявши точно румбъ на N, мы, т. е. г. Богдановичъ, Макферсонъ, я и 6 рабочихъ отошли на вельботѣ. Всего черезъ полчаса мы были уже на берегу и принялись за работу. Часа въ два туманъ разсѣялся на нѣсколько минутъ, и я взялъ точный румбъ на Самоа, а въ 6 часовъ, мы, кончивъ работу, пошли на веслахъ обратно. Дулъ зюль-ость, довольно крѣпкій и, стало

быть, для насъ почти встрѣчный. Проголодавшіеся рабочіе приналегли на весла. Мы рассчитывали не больше какъ черезъ часъ быть на Самоа, но прошелъ не только часъ, а два и три, а Самоа все нѣтъ, какъ нѣтъ. Не слышно и свистковъ сигнальных, даже, въ довершеніе всѣхъ золь, намъ не по чему опредѣлить, какъ скоро мы идемъ, да и идемъ ли еще? Можетъ быть, рабочіе не выгребаютъ противъ волны. Все скрыто туманной завѣсой. Уже давно мы чередуемся на веслахъ, возбужденные работой и предвкушеніемъ отдыха: настроеніе пропало: всѣ хмурятся. Г. Богдановичъ увѣренъ, что я невѣрно взялъ румбъ, за курсомъ же мы слѣдимъ по тремъ компасамъ. Можетъ быть, и теченіе отнесло насъ въ сторону... Волны все круче, да круче. Бѣлые гребни зацѣпились кругомъ. Уже не одинъ разъ насъ обдало холодной водой. Наконецъ, общимъ совѣтомъ было рѣшено повернуть назадъ и ночевать на берегу. Не очень-то пріятная перспектива—провести вечеръ и ночь на мокромъ, холодномъ пескѣ, въ мокрой одеждѣ, голоднымъ, безъ куска хлѣба, не имѣя даже возможности развести огонь. Г. Богдановичъ предполагалъ къ обѣду вернуться на пароходъ и нашелъ излишнимъ брать съ собой провизію и дрова. Но дѣлать нечего. Другого выхода нѣтъ, и несется къ берегу нашъ вельботъ попутными теперь волнами. Мы не теряемъ надежды, и то и дѣло кому нибудь въ надвинувшихся сумеркахъ кажется, что онъ видитъ Самоа: кто справа увидитъ, кто слѣва. Идемъ полнымъ ходомъ съ часъ, и вдругъ матросъ, сидѣвшій загребнымъ, крикнулъ:

— Вонъ, вонъ „Самоа“!

О, радость—точно „Самоа“! Быстро по двумъ компасамъ замѣчаемъ румбъ, и хорошо, что поспѣшили: „Самоа“ снова скрылся въ туманѣ.

Послѣ поворота на румбъ „Самоа“ пришлось идти не въ разрѣзъ, а вдоль волны. Но всѣ ожили—впереди ждало тепло, ѣда, сухое платье! Еще полчаса ожесточенной работы, и мы на „Самоа“! Здѣсь выяснилась истинная причина нашего злословія: командиръ, видите-ли, хотѣлъ для насъ-же подойти поближе къ берегу, но пошелъ не по направленію, взятому нами и ему извѣстному, а по произвольному, и на новомъ мѣстѣ сталъ на якорь. Оттого-то мы и прошли мимо „Самоа“.

Вотъ ужъ медвѣжья услуга!

Ура! Окончательно рѣшено идти въ Колучинскую губу. Приято это рѣшеніе не безъ колебаній. Ко всякимъ соображеніямъ, въ родѣ плавающихъ льдовъ, возможности быть затертыми и т. д., и т. д., присоединялось еще одно. Дѣло въ томъ, что наша бандура не имѣла опрѣснителя и потому приходилось запасаться водой: у насъ въ тотъ моментъ воды было всего на два дня... Г. Богдановичъ долго не рѣшался рискнуть идти на неизвѣстный сѣверъ безъ воды. А вдругъ да воды не достанемъ: что тогда?

Идти-же за водой назадъ въ Сенявинскій проливъ было-бы ужъ очень обидно, да и невѣроятнымъ казалось не найти воды въ бухтѣ, длинною около 150 верстъ по единственной картѣ Норденшильда. И мы пошли.

Вотъ и граница Ледовитаго океана—Восточный мысъ, впервые открытый казакомъ Дежневымъ и переименованный нынѣ въ мысъ Дежнева. Скалистый, угрюмый, онъ далеко выдался въ море. Сейчасъ за мысомъ большая лагуна. Мы здѣсь остановились на сутки и въ видѣ предохранительной мѣры заперли воду и прекратили стирку.

Нашъ поискъ въ тѣхъ мѣстахъ былъ неудаченъ: во-первыхъ, посадили катеръ на мель при входѣ въ лагуну и пришлось вытѣзывать въ воду, а во-вторыхъ, въ мелкой лагунѣ оказалась такая крутая волна, что мы еле-еле выгребали.

Да! вѣтеръ въ морѣ все крѣпчалъ...

Снялись съ якоря, пошли дальше, и по дорогѣ случился трагикомическій случай съ командиромъ. Увидавши, что съ отвѣснаго скалистаго берега, съ высоты саженой въ десять, падаетъ струя прѣсной воды, онъ рѣшилъ, что этой водой можно налить шлюпки и такимъ образомъ пополнить запасъ. Напрасно мы все ему указывали на отвѣсность берега, силу струи, на страшные буруны, онъ очень увѣренно объяснялъ намъ, что ничего не можетъ быть проще, какъ взять здѣсь воду, и что онъ въ Калифорніи уже 16 лѣтъ беретъ воду именно при такихъ условіяхъ.

Само собой, что воды мы не достали ни капли, а часовъ 15 потеряли. А вѣтеръ все крѣпчалъ да крѣпчалъ, и изъ SO превратился сначала въ O, а затѣмъ въ NO. Теперь мы, не останавливаясь, идемъ на полныхъ парахъ въ Колючинскую губу. Кромѣ описаній Норденшильда ничего не имѣемъ для ознакомленія съ этими малоизвѣстными странами. Миновали мысъ Сердце-Камень. Съ вечера спустился густой туманъ. Не утихаетъ—но, слава Богу, къ утру мы будемъ въ Колючинской губѣ.

Настало туманное, холодное утро, вѣтеръ рветъ поставленные паруса. Нашу бандуру швыряетъ. Давно бы пора намъ быть противъ входа въ губу, но лишь только мы поворачиваемъ на югъ, къ предполагаемому входу, какъ сквозь туманъ показывается ровный низкій берегъ. Это тѣмъ болѣе странно, что по картѣ Норденшильда входъ въ Колючинскую губу имѣетъ до 50—60 верстъ въ ширину.

Всѣ наверху, на мостикѣ. Всѣ мы смущены исчезновеніемъ входа и разглядываемъ карту. Г. Богдановичъ настаиваетъ, чтобы бросили лотъ, потому что по даннымъ Норденшильда противъ входа въ Колючинскую губу имѣется островъ Колючинскій, а передъ нимъ каменная банка съ 4-хъ саженой глубиной. Капитанъ нехотя соглашается. Лотъ даетъ 8 сажень—и то маловато; волна идетъ страшно крутая. Вдругъ лотовый кричитъ—„4 сажени“!—Мы на

банки! И въ ту же минуту впереди насъ изъ тумана высунулся мрачный, какъ монахъ, скалистый Колючинскій островъ.

— Назадъ! въ открытое море!

„Самоа“ даетъ крутой поворотъ на сѣверъ. Насъ страшно швыряетъ бортовая качка, но... лотъ снова даетъ 8—14 сажень... Слава Богу! Вѣтеръ перемѣнился въ N и туманъ рѣдѣетъ. Но что-же дѣлать?.. Штормъ реветъ все сильнѣе. Все яростнѣе и яростнѣе бросаются на насъ волны! Во чтобы то ни стало *надо* найти входъ...

— Руль на бортъ!

Снова крутой поворотъ, и мы идемъ на югъ къ предполагаемому входу. Вотъ показался и берегъ—низкій и ровный. Рѣшено идти вдоль него, не теряя изъ виду. Берегъ заворачивается на SW... Что это входъ, что-ли? Но и съ праваго борта тоже виднѣнъ берегъ и близко: не далѣе версты, онъ идетъ на SO? Что-же это передъ нами? Маленькая неизвѣстная бухта? Или какой-нибудь неизвѣстный входъ въ Колючинскую губу? Намъ сейчасъ не до рѣшенія этихъ вопросовъ. Передъ нами проливъ версты 4 шириной между двумя гигантскими кошками. Не все-ли равно: гдѣ мы? Мы счастливы, что волны насъ не бьютъ! Вотъ „Самоа“ даетъ поворотъ на O. Якорь отданъ, и мы въ совершенной безопасности...

VI.

Пискъ въ Колючинской губѣ.—Счастье съ золотомъ американцевъ.—Пѣздки.—Неожиданная ночная экскурсія.—Уходъ.—Недовольство американцевъ.—Ихъ забастовка.—Насиліе.—По пути въ Номе.—Мы подъ арестомъ.

Едва былъ отданъ якорь, какъ мы съѣхали на берегъ. Въ многочисленныхъ озерахъ и ручьяхъ на Восточной сторонѣ оказалась прекрасная прѣсная вода, и завтра мы начнемъ ее брать. Тутъ же я распорядился заложить шурфъ. Американцы бродятъ по берегу и больше охотятся на куликовъ, которыхъ здѣсь великое множество, чѣмъ занимаются развѣдкой. Тѣмъ не менѣе, Рикаръ, проходя мимо шурфа, сообщилъ мнѣ, что они находятъ знаки золота, а у меня въ шурфѣ не то, что знаковъ, а и шлиха-то почти нѣтъ. Чудно!.. Впрочемъ, у насъ былъ разъ случай еще страннѣй. Г. Богдановичъ, разглядывая шлихи, не помню гдѣ взятые, не нашелъ въ нихъ знаковъ, не нашли и мы, а Робертсъ, взявши шлихи эти къ себѣ въ каюту посмотрѣть, вынесъ ихъ намъ обратно, объявляя шлихи золотоносными. И дѣйствительно, на черномъ фонѣ шлиха явственно блестѣло нѣсколько крупныхъ золотинокъ, на столько крупныхъ, что незамѣтить ихъ было бы невозможно. Былъ и еще случай. Въ бухтѣ Коніамъ напали мы на рѣчку, вѣрнѣе, горный ручей. Стали брать пробы: у Рикара тотчасъ же въ лоткѣ оказалась золотинка, какихъ мы еще ни разъ

не видали. Г. Богдановичъ поставилъ на этотъ ручей 5 сибирскихъ прискателей. Они разработали ручей очень старательно и не нашли ни одного знака?! Такое ужъ видно счастье было у американцевъ... Желая проверить Рикара въ Колючинской губѣ, я взялъ съ шурфа одного рабочаго и пошелъ брать пробы тамъ же, гдѣ только-что брали американцы, и, не смотря на самую тщательную собственноручную промывку, я не видалъ ни одного знака.

Между тѣмъ, туманъ пошелъ какими-то полосами: то ясно становится, то вдругъ вновь окутаетъ, такъ что за 10 сажень ничего не видно. Но все же въ моменты ясныхъ полосъ я успѣлъ разсмотрѣть, что бухта, въ дѣйствительности, очень мало имѣетъ общаго съ бухтой на картѣ, а, главное, на картѣ не значились тѣ колоссальныя кошки по двадцати слишкомъ верстъ длины и мѣстами до нѣсколько верстъ ширины. Если бы не такіе вѣскіе указатели, какъ Колючинскій островъ, банка, на которую мы попали, и разстояніе отъ мыса Сердце-Камень, я бы не повѣрилъ, что мы находимся въ этой самой Колючинской губѣ. Меня страшно заинтересовалъ вопросъ: почему Норденшильдъ не видалъ этихъ кошекъ и изобразилъ входъ въ губу шириною въ 50—60 верстъ? Это тѣмъ болѣе странно, что карта побережья отъ 147° по 157°, существовавшая до Норденшильда, имъ исправлена, и самая Колючинская губа передвинута нѣсколько къ востоку. Мнѣ кажется, что единственно возможное объясненіе состоитъ въ томъ, что Норденшильдъ былъ здѣсь зимой, когда все было занесено снѣгомъ, и мѣстами приподнятый до высоты 5 саж. южный берегъ восточной кошки онъ, вѣроятно, принялъ за торосъ льда.

Оглядывая бухту, я намѣчалъ направленія будущихъ экскурсій и для развѣдокъ, и для съемки. Необходимы двѣ экскурсіи вдоль обѣихъ кошекъ; затѣмъ туда, на Дальній Берегъ въ южную часть бухты, гдѣ западный берегъ загибается прямо на востокъ; потомъ „Самоа“ продвинется въ глубь бухты, и тамъ мы еще побродимъ. Такъ пріятно было мечтать о томъ, что первая точная карта Колючинской губы съ промѣрами будетъ сдѣлана мной. Но мои мечты не суждено было сбыться: мнѣ удалось сдѣлать въ Колючинской губѣ очень не многое. Препятствія создалъ штормъ, который, не только не прекращался, а, напротивъ, свирѣпѣлъ все больше и больше. Онъ дулъ уже съ NNW, и волны изъ океана стали забѣгать къ намъ въ бухту. Въ виду этого г. Богдановичъ никуда насъ не отправлялъ. День за днемъ проходилъ—и я испытывалъ муки Тантала. Напрасно изо дня въ день я возобновлялъ свои просьбы къ г. Богдановичу отпустить меня на катерѣ на развѣдки. Напрасно поддерживалъ меня энергичный и опытный старикъ Макферсонъ. Только случайно удалось кой-что сдѣлать. Одинъ разъ призвалъ меня къ себѣ г. Богдановичъ уже часа въ два дня и сказалъ, что Робертъ желаетъ развѣдать западную кошку.

Надо было отправлять туда катеръ, значить, и я могъ взять рабочихъ для развѣдокъ. Я воспользовался этой командировкой и сдѣлалъ съемку конца и общаго направленія этой кошки, а также сдѣлалъ и промѣры по 3—4 направленіямъ. Работали мы прямо въ водѣ, но все прошло совершенно благополучно, хотя, конечно, нельзя было похвастаться по возвращеніи на „Самоа“ сухостью нашихъ костюмовъ.

Въ этотъ день среди волнъ мы съ Макферсономъ видѣли какое-то большое морское животное. Разъ оно показалось вблизи катера, въ другой разъ нѣсколько дальше: для нерпы оно было слишкомъ велико, для моржа — у него не хватало клыковъ. Мнѣ пришло въ голову: не морская ли это корова, — тѣмъ болѣе, что въ послѣдствіи я видѣлъ кучи водорослей, выкинутыхъ штормомъ на берегъ, а коровы водились тамъ, гдѣ было достаточно корму.

Другой разъ, также уже послѣ 12 часовъ, удалось уговорить г. Богдановича отпустить насъ въ экскурсію вдоль восточной кошки. Онъ не только отпустилъ насъ, но и самъ съ нами поѣхалъ. Прошли мы верстъ пятнадцать. Я дополнилъ свою съемку и промѣры. Путь туда былъ вполнѣ благополученъ, но обратный доставилъ всѣмъ непріятности. Лишь только мы вышли изъ подъ защиты высокаго берега кошки, какъ насъ встрѣтила порядочная волна. Намъ всѣмъ досталось: никто сухой не вернулся, но я за свое неразуміе былъ наказанъ. Дѣло въ томъ, что я надѣлъ резиновые панталоны и поверхъ ихъ резиновые же сапоги, въ результатъ: какъ обдасть волной, такъ по резинѣ панталонъ вода и стекаетъ въ сапоги — скоро у меня тамъ образовалась лагуна. А вода въ Ледовитомъ океанѣ очень холодная, около нуля. Не думалъ я, что пройдетъ мнѣ даромъ эта поѣздка — однако-жъ ничего, даже насморка не схватилъ.

А штормъ все ревелъ да ревелъ. Дѣлать абсолютно нечего. Ближнія части развѣданы, а дальше идти въ глубь губы г. Богдановичъ не соглашается. Онъ боится, что NW можетъ принести массу льдовъ и насъ запретъ здѣсь на зиму. Напрасно мы доказываемъ ему, что если около двухъ недѣль дулъ южный вѣтеръ, то онъ унесъ ледъ далеко на сѣверъ и въ 3—4 дня обратно принести его не можетъ; что, уйдя даже за 15—20 верстъ въ глубь, мы все же будемъ видѣть море и можно установить дежурство на мачтѣ. Тщетно... Сегодня (29-го) передъ вечеромъ онъ объявилъ, чтобы готовились къ выходу въ море на утро, если штормъ даже и не утихнетъ. Началась спѣшная работа по приготовленію судна къ выходу въ море. Все принаитовывается. Въ трюмъ все разложено заново, по возможности закрѣплено. Подняли катеръ и закрѣпили. Все готово. Прощай надежда на полную съемку Колючинской губы!

Пошли мы съ докторомъ проявлять фотографическія пла-

стинки. Волнуюсь я страшно. Порчу негативъ за негативомъ, наконецъ, чувствую, что окончательно не могу сидѣть на мѣстѣ, и рѣшаю, что поѣду на ближнюю кошку, попробую обойти одну лагуну и узнать, имѣетъ она выходъ въ океанъ или нѣтъ. И вдругъ мы съ докторомъ замѣчаемъ, что не слышно рева и воя шторма... Что это значитъ? Неужели стихло?.. Снова рождается надежда попасть въ глубь губы. Тихо вѣдь, значитъ, льдовъ нечего бояться. Въ это время кто-то подошелъ къ нашей каморкѣ и постучалъ.

— А. Г., вы здѣсь? что дѣлаете?—спрашивалъ Макферсонъ.

— Здѣсь. Проявляю.

— Бросьте. Г. Богдановичъ велѣлъ собираться сейчасъ идти на „Владимірѣ“ на Дальній Берегъ.

— Ладно, ладно. Не дразните меня.

— Да право же. Выходите и посмотрите.

Все еще не довѣряя, я выскочилъ изъ камеры. Смотрю—точно: съ „Владиміра“ сняты крѣпи, и все готово къ спуску его. Я бросился къ г. Богдановичу. Оказывается, онъ отправляется на „Владимірѣ“, подъ управленіемъ Макферсона, меня съ тремя рабочими, Ленфильда и Даулена съ двумя китайцами развѣдать Дальній Берегъ...

— А вы, Карлъ Ивановичъ, утромъ подойдете туда же на Самоа?

— Что вы! Что вы! Завтра мы уходимъ, и, пожалуйста, не задержите насъ: возвращайтесь къ восьми часамъ.

Ну, что дѣлать! Все лучше, чѣмъ ничего...

Въ половинѣ двѣнадцатаго ночи мы отошли отъ Самоа. Луна свѣтила. По небу ползли разрозненные облачка. „Владимірѣ“ весело попыхиваетъ и мчитъ насъ къ желанному Дальнему Берегу. Величавыя, мощныя волны доходятъ до насъ съ океана и мѣрно то поднимаютъ катеръ, то опускаютъ. Я стою на борту съ лотомъ въ рукѣ и черезъ каждыя пять минутъ бросаю его. Птицы у меня на душѣ поютъ. Такъ бы и плавалъ все по этимъ безвѣстнымъ берегамъ... кабы воля!.. И въ головѣ у меня создается цѣлая экспедиція, рядъ экспедицій: внутрь страны, и въ глубь губы, и на сѣверо-западъ вдоль берега океана, и археологическія раскопки, и, какъ вѣнецъ мечтаній—зимовка на землѣ Врангеля для наблюденій надъ магнитными явленіями. Я ужъ и товарищей подобралъ, и знакомыхъ рабочихъ—все надежный, рѣшительный народъ... унесся, словомъ... Вдругъ... Стопъ машина!

— Что такое?

— Насосъ испортился: не беретъ воду,—объясняетъ мнѣ Макферсонъ.

— Какъ испортился? Совсѣмъ?

— Не знаю. Сейчасъ увидимъ. Григорій, выгребай жаръ изъ топки.

Господи! Ну что же это!? Вѣдь Танталь и тотъ мучился меньше! Отданъ якорь; не вьется дымъ надъ трубой. Далеко еще желанный берегъ. На шлюпкѣ долго идти, да и рабочіе устать.

— Потерпите, потерпите: черезъ полтора часа, можетъ быть, и пойдемъ,—успокаиваетъ меня добрый старикъ Макферсонъ.

Легко сказать: „потерпите; черезъ полтора часа, *можетъ быть*, пойдемъ“, но вѣдь, *можетъ быть*, и *не пойдемъ*? Да и потеря 1½ часовъ изъ отпущенныхъ мнѣ восьми слишкомъ значительна.

Исправилъ Макферсонъ насосъ. Разводимъ снова пары. Наступаетъ рѣшительная минута:

— Попробуемъ: возьметъ-ли теперь?

— Ну, что?

— Сейчасъ. Сейчасъ. Беретъ понемногу... Беретъ... Взялъ!

— Ура! Скорѣй! Скорѣй!

Живо выходить якорь и снова стучить винтъ подъ кормой.

Вотъ мы и на Дальнемъ Берегу. Ленфилдъ съ Дауленомъ и китайцами пошли направо, а я налѣво. Каждая промывка даетъ много шлиха. Но золото, если и есть, то микроскопически мелкое, а у насъ не то что микроскопа, а и лупы-то нѣтъ. Идя по тундрѣ, я замѣтилъ очень часто попадающіеся бугорки и, вспомнивъ, что у Норденшильда есть рисунокъ и разрѣзъ могилы чукчи, очень похожей на такой бугорокъ, рѣшилъ, что это могилы и приступилъ къ раскопкѣ одной изъ нихъ. Снявши слой тундры верхковъ въ 6—8, я наткнулся на чистый и необыкновенно крѣпкій слой льда: кайла со звономъ отскакивала, очень слабо пробивая его. Увидя, что подробное изслѣдованіе этого льда отниметъ слишкомъ много времени, я долженъ былъ оставить работу.

Я сначала предполагалъ идти по одной изъ рѣчекъ къ подножью горъ, виднѣвшихся, какъ мнѣ казалось, всего верстахъ въ 2—3 отъ берега, но оказалось, что до нихъ верстъ 20—25, и поэтому я отказался отъ первоначальнаго плана, рѣшилъ идти вдоль берега брать пробы въ устьяхъ рѣчекъ и производить съемку. Разстоянія до горъ здѣсь громадны. Такъ, напримеръ, съ перваго же дня обратила на себя мое вниманіе двойная гора, стоящая совсѣмъ отдѣльно къ востоку отъ общей гряды и, повидимому, въ вершинѣ бухты *). Оказалось, что до нея не ближе ста верстъ. Затѣмъ на Дальнемъ Берегу я увидалъ двѣ сверкавшія бѣлизной снѣжныя вершины въ SSW направленіи. По приблизительному расчету, до нихъ около двухсотъ верстъ, и такъ какъ надъ горизонтомъ видна была только часть

*) Я называлъ ее «Двѣ сестры».

вершинъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ, то надо думать, что эти двѣ вершины достигаютъ очень значительной вышины *).

Идя по берегу, я видѣлъ три чукотскія лодки, опрокинутыя вверхъ дномъ, съ аккуратно сложенными подъ ними охотничьими принадлежностями. Мнѣ очень хотѣлось кой-чѣмъ воспользоваться, но невозможность оставить что либо въ промѣнъ заставила отказаться отъ этой мысли. Было уже 8 часовъ, пора возвращаться къ катеру, который уже давно свиститъ, вызывая меня... Такъ не хотѣлось уѣзжать! Такъ манило на восточный берегъ, очень изрѣзанный крутыми и довольно высокими горами, чуть виднѣвшимися въ синеватой дымкѣ.

Когда я вернулся на катеръ, американцы спали, но Макферсонъ сказалъ, что, по ихъ словамъ, они нашли знаки. Везетъ имъ въ Колючинской губѣ!..

Въ началѣ 11 часа мы были на Самоа. Сдавъ образцы породъ шлиховъ и отчетъ о поѣздѣ г. Богдановичу, я, какъ спощъ, повалился и заснулъ. Безсонная ночь, нервное напряженіе и пяти-часовое безостановочное шатаніе по тундрѣ сказались.

Я проснулся, когда Самоа уже выходилъ изъ пролива въ океанъ, и только успѣлъ сдѣлать два фотографическіе снимка общаго вида губы.

Съ горькимъ чувствомъ оставлялъ я, вѣроятно, уже навсегда, этотъ далекій малоизвѣстный уголокъ моря.

Американцы были страшно недовольны кратковременностью пребыванія въ Колючинской губѣ и поверхностью развѣдокъ, и, по моему, вполнѣ основательно. Колючинская губа съ сѣвера и Мечигмэнская съ юга почти насквозь прорѣзываютъ Чукотскій полуостровъ, оставляя между своими вершинами перешеекъ верстъ въ 60 шириной.

Развѣдка обоихъ береговъ заливовъ и перешейка составляла интереснѣйшую задачу нашей экспедиціи и первоначально входила въ планъ работъ, но затѣмъ была почему-то отмѣнена г. Богдановичемъ, даже не были развѣданы вершины заливовъ, хотя бы поверхностно. Для того же, чтобы набрать прѣсной воды въ Колючинской губѣ, не стоило терять ни времени, ни денегъ.

Г. Богдановичъ стремился къ тому мѣсту близъ мыса Дежнева, гдѣ мы нашли лучшее золото, и хотѣлъ тамъ высадить американцевъ съ китайцами для правильной развѣдки. Самоа же, забравъ по пути оставленныхъ рабочихъ, долженъ былъ идти въ южную

*) Ближнія горы имѣютъ около 2000 ф., на нихъ не было ни снѣжины значитъ, полоса вѣчнаго снѣга здѣсь выше 2000 ф.

часть концессионированного побережья, т. е. въ заливъ Креста и Анадырскую губу.

Разъ изслѣдованіе Колючинской губы было кончено, этотъ планъ работъ былъ вполне цѣлесообразный. Уже были выданы и лежали приготовленными къ выгрузкѣ всѣ припасы, нужные для американской партіи, когда наканунѣ высадки всѣ американцы отказались совсѣмъ работать, а глядя на нихъ—и китайцы, ссылаясь на запрещеніе Робертса. Дѣло было въ томъ, что Робертсъ и Уайтъ пожелали, чтобы г. Богдановичъ прямо изъ Колючинской губы везъ ихъ въ Номе въ третій разъ. Г. Богдановичъ совершенно основательно отказалъ имъ въ этомъ, говоря, что онъ не имѣетъ времени ѣздить въ Номе, потому что уже августъ, рабочее сидятъ безъ дѣла, а оставленные нами русскія партіи, быть можетъ, терпятъ нужду въ припасахъ, такъ какъ мы проѣздили дольше, чѣмъ предполагали. Но Робертсъ сталъ прямо этого требовать, грозя г. Богдановичу разными карами по американскимъ законамъ. Г. Богдановичъ, конечно, не испугался угрозъ, но еще настойчивѣе отказалъ Робертсу, хотя и обѣщалъ отвезти его въ Номе при первой возможности. Робертсъ и на это не согласился и все говорилъ о какихъ-то громадныхъ убыткахъ. Принимая во вниманіе, что еще при насъ въ Лондонѣ East Siberian Syndicate'омъ были выпущены акціи по фунту стерлинговъ, что въ іюнѣ онѣ уже котировались по $4\frac{1}{2}$ ф. ст., вполне возможно предположить, что эти джентельмены во время своего пребыванія въ Номѣ раздували дѣло и теперь стремились подтвердить свои дутыя рекламныя телеграммы новыми свѣдѣніями изъ Колючинской губы, чтобы снять еще пѣнки съ акцій до послышки телеграммъ г. Богдановичемъ, который всегда въ своихъ отчетахъ былъ крайне остороженъ. Къ этимъ соображеніямъ присоединялись еще наши наблюденія надъ чудесными превращеніями пустыхъ шлиховъ въ золотоносные, надъ чудеснымъ счастьемъ американцевъ въ Колючинской губѣ и надъ таинственными манипуляціями съ шлихами, которыя Робертсъ производилъ въ своей каютѣ... Такъ вотъ, взявши хотя бы совокупность всѣхъ этихъ данныхъ, можно вполне понять отказъ г. Богдановича. О многихъ второстепенныхъ поводахъ я не упоминаю.

На отказъ г. Богдановича Робертсъ и отвѣтилъ всеобщимъ отказомъ американцевъ отъ работы.

Забастовали они очень дружно, тѣмъ охотнѣе, что ничѣмъ не рисковали, потому что еще въ С.-Франциско г. Богдановичъ, конечно, ничего не ожидавшій подобнаго, произвелъ расчетъ съ американцами и, такимъ образомъ, былъ въ данный моментъ безсилентъ.

Два дня мы простояли, развѣдывая заинтересовавшее г. Богдановича мѣсто, всюду находя знаки золота. Работали поголовно всѣ русскіе.

Затѣмъ мы пошли подбирать оставленные партіи Николая и Петрова *) и, исполнивъ это, зашли въ проливъ между островомъ Шурлукъ и материкомъ (Сенявинскій проливъ); тамъ продавали котлы и запасались водой. Это заняло три дня. Въ исходѣ этого третьяго дня, когда все было готово, г. Богдановичъ далъ курсъ на бухту Провидѣнія, гдѣ на Оленной рѣкѣ хотѣлъ оставить пять русскихъ рабочихъ. Мы вышли въ море въ девятомъ часу вечера, переходъ предстоялъ всего въ 7 — 8 часовъ, и, предполагая утромъ работать, мы всѣ разошлись по каютамъ и заснули.

Проснулся я утромъ... Что такое? Мы еще идемъ и идемъ на всѣхъ паряхъ: все дрожитъ и трясется. Уже 8 часовъ, а берега не видно... посмотрѣлъ на компасъ... Ба! Въмѣсто юго-запада, идемъ прямо на востокъ. Въ Сар-Номе, значить... Неужели г. Богдановичъ передумалъ? Я быстро одѣлся и поднялся на мостикъ. Что за притча? На мостикѣ вся компанія въ сборѣ.

На полу валяются плады и одѣяла,—видимо, нѣсколько человѣкъ спало на мостикѣ. Изъ-подъ короткихъ курточекъ младшаго помощника и Ленфильда виднѣются револьверы. Я поздоровался общимъ поклономъ и спросилъ капитана: — Сар-Номе? Командиръ мотнулъ утвердительно головой и пробурчалъ:—Сар-Номе.

Я пошелъ внизъ къ г. Богдановичу.

— Карлъ Ивановичъ! Мы идемъ въ Сар-Номе?

— Знаю. Я еще въ 4 часа замѣтилъ перемѣну курса.

— Такъ что же это? Пиратство, захватъ? Плѣнъ?

— Да ужъ что хотите.

— И вы ничего не предпримите?

— Что-жъ я могу предпринять? Не драку же затѣять?

Грѣшный человѣкъ—я былъ за драку. Какъ! получить, такъ сказать, чуть не по фizioномiи, и молча утереться! Понятно, что американцы смѣются на Дальнемъ Востокѣ надъ нами. Здѣсь они господа: они бьютъ китовъ и моржей, они ведутъ торговлю пушнымъ товаромъ, они безданны-безпошлинно ѣздятъ сюда и увозятъ у чукчей оленей къ себѣ въ Америку. Что хотятъ — то и дѣлаютъ, а мы только пріятно улыбаемся и дѣлаемъ видъ, что ровно ничего не видимъ. Вѣдь роль такого судна, какъ „Якутъ“—прямо жалкая. Онъ фактически не можетъ арестовать больше одного судна, да и арестъ одного-то ему тяжело достанется: на немъ всего три вахтенныхъ офицера; переведя одного на арестованное судно, вахту придется дѣлить между двумя офицерами, а это очень тяжело. И приходится „Якуту“ дѣлать видъ, что все обстоитъ благополучно. А тутъ еще надъ нами, надъ нашей экспедиціей съ правительственнымъ чиновникомъ во

*) Петровъ былъ оставленъ въ бухтѣ Коніамъ.

главѣ, учинено насиліе, и мы тоже дѣлаемъ видъ, что будто ничего не замѣчаемъ.. Понятно, что американцы теперь еще больше утвердятся во мнѣніи, что съ нами можно дѣлать все, что угодно, и исполнѣ безнаказанно. Обидно было до послѣдней степени. И я не знаю, какъ удержался, чтобы не завести драки. Правда, американцевъ почти не было видно, — они видимо насъ избѣгали.

Г. Богдановичъ, между тѣмъ, рѣшилъ пригласить къ себѣ капитана, чтобы потребовать отъ него объясненій: на какомъ основаніи онъ рѣшился нарушить договоръ фрахтованія, измѣнивши курсъ безъ согласія и вопреки приказанію его? Капитанъ прислалъ сказать, что теперь на „Самоа“ нѣтъ экспедиціи, а есть только пассажиры; если пассажиру Богдановичу угодно видѣть капитана, то пусть онъ придетъ къ нему въ капитанскую каюту. Конечно, г. Богдановичъ не пошелъ.

Мы всѣ сидѣли въ каютѣ г. Богдановича и разговаривали, когда въ дверяхъ показались фигуры Уайта и Рикара. Они просили позволенія поговорить съ г. Богдановичемъ. Г. Богдановичъ пригласилъ ихъ. Насъ всѣхъ поразилъ ихъ растерянный, робкій видъ. Уайтъ же положительно имѣлъ видъ человѣка, который ждетъ, что вотъ-вотъ его ударятъ по затылку. Мы съ любопытствомъ ждали разговора. Каково же было наше изумленіе, когда оказалось, что они пришли просить г. Богдановича дать общаніе, что русскіе не примутъ никакихъ насильственныхъ мѣръ по отношенію къ американцамъ до прихода въ Номе?! Много было надо употребить усилій, чтобы не расхохотаться, глядя, какъ Уайтъ робко озирался кругомъ, немилосердно теребя шапку, въ ожиданіи отвѣта. Г. Богдановичъ своимъ тихимъ, спокойнымъ голосомъ объяснилъ имъ:

— Если бы я былъ начальникъ экспедиціи, я бы могъ удовлетворить вашу просьбу. Но вы—вы сами лишили меня власти, я—пассажиръ, и теперь ни за что не отвѣчаю.

Еще больше сжался Уайтъ послѣ такого отвѣта и пробормоталъ что-то вродѣ просьбы: не подбивать, по крайней мѣрѣ, людей къ насилію. И снова г. Богдановичъ отвѣчалъ ему:

— Я считаю себя арестованнымъ. Власть взялъ въ свои руки командиръ, пусть онъ и справляется.

Конечно, стоило только два-три слова сказать нашей командѣ—тутъ Богъ знаетъ, что бы было. Но г. Богдановичъ потребовалъ, чтобы мы объяснили командѣ, что идемъ въ Номе, потому что такъ надо.

А „Самоа“ все тѣмъ же напряженно-полнымъ ходомъ шелъ къ американскимъ берегамъ. Вотъ показались и синѣющія горы, а вотъ у ихъ подножья протянулась тонкая бѣлая полоска; въ бинокль видно уже хорошо, что это все бѣлѣютъ палатки, палатки и палатки.

На 30 миль вдоль берега моря тянется эта бѣлая полоса палатокъ; дальше отъ берега, въ тундрѣ ихъ меньше и совсѣмъ мало по склонамъ и вершинамъ горъ. Въ этихъ палаткахъ и двухъ-трехъ десяткахъ деревянныхъ домовъ ютятся до 40 тысячъ народу, привлеченнаго золотой лихорадкой. На рейдѣ противъ центра этого своеобразнаго города стоитъ на якорѣ десятеа три судовъ самыхъ разнообразныхъ типовъ, начиная съ легкой, изящной конструкціи таможенныхъ крейсеровъ до тяжелыхъ и неуклюжихъ угольщиковъ. Лишь только мы подошли, какъ тотчасъ же со всѣхъ сторонъ устремились къ намъ паровые катерки, всевозможные шлюпки и ялики съ предложеніемъ услугъ. Вѣтеръ былъ небольшой, но рейдъ совершенно открытый, безъ признаковъ подобія гавани, и потому буруны набѣгаютъ на берегъ очень яростно: высадка здѣсь отчаянная.

Но вотъ отданъ якорь, и, по распоряженію капитана, его матросы стали-было спускать шлюпку, но Богдановичъ воспротивился. На этотъ разъ они уступили, быть можетъ, испугавшись нашей команды, которую въ этотъ моментъ я вызвалъ по командѣ: „всѣ наверхъ“. Какъ бы то ни было, но спущена была *пароходная* шлюпка, и на ней Рейнеръ отправился на берегъ. Вѣтеръ все усиливался, начался дождь. На „Самоа“ американцевъ не видно: всѣ сидятъ по своимъ каютамъ. Часовъ въ 10 вечера пришла шлюпка съ Рейнеромъ и черезъ часъ, не смотря на сильную волну, снова пошла на берегъ и вернулась только въ 2 часа ночи. Всѣ наши уже спали, американцы же бодрствовали. Бодрствовали и мы съ Николаемъ и порѣшили съ нимъ подурочить своихъ враговъ. Онъ надѣлъ свою бурку, которая всегда на американцевъ производила сильное впечатлѣніе, а я облекся въ широкую куртку съ высокимъ воротникомъ, и мы принялись бродить по всей палубѣ, то сойдемся, то опять разойдемся, то пересвиснемся съ бака на ютъ... Смотримъ: понемногу на мостикъ взбирается одна темная фигура, за ней другая, третья... Собрались въ кучку и тихо разговариваютъ. Но вотъ на мостикѣ свиснули, вахтенный, которыхъ никогда раньше не бывало, сорвался съ бака, бѣгомъ поднялся на мостикъ (обыкновенно матросы не спѣшили являться на зовъ капитана) и, получивъ какую-то инструкцію, сбѣжалъ внизъ въ матросское помѣщеніе... Скоро оттуда показались еще двѣ фигуры, которыя и начали ходить по правому и лѣвому борту судна.

Ни одинъ американецъ на „Самоа“ не спалъ въ эту ночь. Забавляться мнѣ скоро надоѣло, и я пошелъ спать, но Николай такъ разохотился, что продолжалъ пугать ихъ своей мрачной фигурой вплоть до разсвѣта.

Такъ за весь вечеръ и за ночь къ намъ на судно никто изъ властей не явился. Не появлялся никто и на другой день. Около часу дня мы снялись съ якоря и пошли вдоль берега къ казар-

мамъ войскъ, противъ которыхъ и бросили якорь. На берегъ въ шлюпкѣ пошелъ капитанъ и Робертсъ.

Черезъ какой-нибудь часъ къ нашему борту подошла шлюпка. Я вышелъ посмотрѣть на прибывшихъ, но лишь только переступилъ порогъ двери, ведущей на палубу, какъ изъ-за борта одинъ за другимъ стали появляться американскіе солдаты. Они тутъ же примыкали штыки и вкладывали патроны въ магазины. Затѣмъ они быстро разбѣжались по судну и заняли всѣ, по ихъ мнѣнію, важные посты. Ими руководилъ молодой поручикъ. Затѣмъ прибылъ старикъ маіоръ и прослѣдовалъ въ каюту капитана. Сначала появленіе солдатъ взбѣсило было меня, но потомъ мнѣ стало смѣшно, и я, взявши фотографическій аппаратъ, пошелъ снимать молоденькихъ американскихъ воиновъ. Они презабавно напускали на себя грозный видъ, очевидно, желая увѣковѣчить себя въ наиболѣе грозной позѣ, но долго не выдерживали и начинали улыбаться.

Я не буду описывать всѣхъ подробностей нашего плѣна, скажу только, что солдаты пробыли у насъ на борту 4 дня, затѣмъ были сняты, и ихъ замѣнили таможенные крейсера, ставшіе по бокамъ Самоа. Въ началѣ арестъ былъ на столько строгій, что назначено было, напримѣръ, послѣ 9 часовъ вечера подниматься изъ каютъ-компаніи по внутренней лѣстницѣ, а не по наружной; запрещено было сообщеніе юта съ бакомъ послѣ 9 часовъ. Мы этого послѣдняго распоряженія не знали, и г. Богдановичъ, въ исходѣ 9-го часа, просилъ меня сходить къ якутскимъ матросамъ и взять у нихъ боевые патроны. Я пошелъ, благополучно миновалъ часового, вошелъ въ каюту матросовъ, взялъ у нихъ патроны, положилъ ихъ въ необъятные карманы своей куртки и пошелъ обратно. Я внимательно смотрѣлъ подъ ноги, чтобы не запнуться объ какой-нибудь канатъ, какъ вдругъ, поровнявшись съ часовымъ, скорѣе почувствовалъ, чѣмъ увидалъ, что онъ сдѣлалъ какое-то быстрое движеніе, и въ ту же минуту у моей груди, касаясь куртки, очутился широкій штыкъ-тесакъ американскаго ружья. Часовой что-то крикнулъ. Изъ машиннаго отдѣленія выскочили еще солдаты и окружили меня. По счастью, дверь въ каюту г. Богдановича (по тому же борту) была отворена, и я его окликнулъ. Увидя меня въ критическомъ положеніи, онъ тотчасъ же пошелъ объясняться съ поручикомъ. Поручикъ заявилъ, что послѣ 9 часовъ сообщеніе юта съ бакомъ прекращается, но приказалъ тотчасъ освободить меня.

Въ эту ночь я заснулъ подъ веселые разговоры и дружный хохотъ американскихъ солдатъ, которые, собравшись въ каютъ-компаніи, усердно уничтожали наше пиво и закуски.

VII.

Причина ареста.—Номъ.—Арестованы мы или нѣтъ?—Власти въ затрудненіи.—Выручаетъ подковникъ Эвансъ.—Якутъ.—Уходъ Самоа.—Мы идемъ на Камчатку.

На утро мы получили номскія газеты и здѣсь только узнали, почему насъ насильно увезли въ Номе. Оказалось, что мы, русская часть экспедиціи, ни много, ни мало—морскіе пираты, злоумышлявшіе противъ драгоцѣнной жизни м-ра Робертса и К°, и что американцы вынуждены были такъ круто поступить съ нами. Вотъ точный переводъ одного изъ газетныхъ сообщеній.

Раскрытое преступленіе.

Русскіе составляютъ заговоръ, чтобы захватить пароходъ Самоа! Тридцать славянъ задумываютъ преступленіе, но принуждены сдаться семи рѣшительнымъ американцамъ!

На пароходѣ Самоа, который еще недавно приходилъ сюда съ Сибирскаго побережья, произошли новыя сильнѣйшія смуты!

Прежнія недоразумѣнія такъ недавни, что, вѣроятно, еще свѣжи въ памяти здѣшняго населенія. Послѣднія же смуты гораздо серьезнѣе, даже такъ серьезны, что возможно интернаціональное столкновеніе между Штатами и Россіей! Всѣ, замѣшанные въ этой исторіи, упорно молчатъ о случившемся на „Самоа“, и въ настоящее время рѣшительно невозможно добиться всѣхъ деталей. Изъ того же, что можно было узнать, видно лишь, что было затѣяно грандіозное мошенничество, и если оно не удалось, то только благодаря бдительности и храбрости немногихъ американцевъ, которые должны были стать его жертвами. Исторія заключается въ слѣдующемъ.

Нѣсколько времени тому назадъ Самоа отправился къ Сибирскому берегу, чтобы перевезти людей и припасы для разработки концессіи, которая дана русскимъ правительствомъ синдикату лондонскихъ капиталистовъ. Предпріятіе было подъ управленіемъ Д. Д. Робертса, человѣка всѣмъ извѣстнаго и хорошо знакомаго съ коммерческими воротилами страны. Съ нимъ былъ русскій гражданскій инженеръ Дадунедичъ (понимай—Богдановичъ). Кромѣ того, на суднѣ было около тридцати русскихъ рабочихъ и семь американцевъ, приглашенныхъ мистеромъ Робертсомъ на разныя должности.

Еще до отхода судна, м-ръ Робертсъ не совсѣмъ былъ доволенъ слишкомъ большимъ количествомъ иностранцевъ на борту, такъ какъ бывшіе раньше опыты научили его не слишкомъ-то довѣрять ихъ честности.

Вскорѣ, по выходѣ судна въ море, кой-какія мелочи дали почувствовать, что на Самоа не все ладно. Такое подозрѣніе лишь

укрѣпилось, когда американцы узнали, что русскіе рабочіе, въ сущности, оказались казацкими солдатами. Объ этомъ открытіи никому ничего не было сказано, но былъ учрежденъ строгій надзоръ за Дадунедичемъ и его помощниками. Этотъ надзоръ повелъ къ открытію заговора, точный характеръ котораго до сихъ поръ еще не выясненъ.

Вотъ, однако, что было дознано.

Намѣреніе русскихъ было завладѣть судномъ, взять въ плѣнъ американцевъ, находившихся на немъ, отвезти ихъ во внутреннія дебри Сибири и бросить ихъ тамъ или убить!

Какъ только м-ръ Робертсъ и его товарищи узнали объ этомъ заговорѣ, они немедленно вооружились и ждали случая разрушить его. Судно въ это время плавало въ русскихъ водахъ, и поэтому рѣшено было прежде всего вывести Самоа изъ подъ власти царя. Янки выжидали удобный моментъ, когда однажды ночью всѣ русскіе спали внизу, и привели свой планъ въ исполненіе. Двое вооруженныхъ были поставлены на мостикъ, одинъ на кормовой части палубы, одинъ на носовой, остальные же расположились въ пунктахъ, откуда бы они могли стрѣлять съ наибольшимъ успѣхомъ и... судно было повернуто къ американскимъ берегамъ!!

Когда Дадунедичъ и его казаки узнали, что ихъ перехитрили они просто взбѣсались со злости!

Но м-ръ Робертсъ и его люди заявили имъ, что имѣется только два выхода: или подчиниться, или драться!

Тридцать русскихъ сдались, и семь американцевъ привели и судно, и плѣнныхъ въ Номъ.

Прибывъ сюда, м-ръ Робертсъ немедленно сообщилъ властямъ о случившемся, и въ результатъ на Самоа былъ поставленъ военный караулъ. Самоа стоитъ теперь противъ Номы и останется тамъ, пока не будутъ приняты рѣшительныя мѣры противъ русскихъ злоумышленниковъ.

Все дѣло сводится къ американской прозорливости и храбрости, противопоставленной рабской хитрости и вѣроломству...

Янки выиграли!!

Нѣтъ возможности словами выразить удивленіе м-ру Робертсу за его умѣлое веденіе дѣла, а его подчиненнымъ—за храбрость, съ какой они его поддерживали съ начала до конца“.

Ну, а куда судъ, да дѣло, куда насъ никто ни о чемъ не спрашивалъ, намъ ничего не оставалось дѣлать, какъ смотрѣть на берегъ...

Nome City расположенъ около устья р. Snake River на бичѣ, т. е. на низкой песчаной прибрежной полосѣ. Золото найдено было здѣсь лишь осенью 1898 г. и съ тѣхъ поръ начался приливъ сюда людей. Въ 1900 г., когда мы тамъ были, пріѣзжихъ

числилось болѣе 30 тысячъ. Работа идетъ и на бичѣ, и въ тундрѣ, и въ горахъ. На бичѣ можетъ добывать каждый желающій безданно, безпошлинно, тундра же и горы разбиты на участки (claim) величиной около 7,5 десятинъ, и пользоваться ими можно съ платой 5 рублей за отводъ.

Какъ у насъ въ Сибири возникали золотопріисковыя республики, такъ и здѣсь быстро было организовано самоуправленіе, пожарная команда, санитарный совѣтъ, госпитальный отрядъ, благотворительныя учрежденія.

Правительство не только не стѣсняло новую общину, но дало ей почтовое отдѣленіе, войско для охраны правъ частныхъ лицъ и таможеню.

Теперь здѣсь имѣется уже три газеты, береговая желѣзная дорога, электрическіе фонари, не говоря уже о массѣ притонновъ, приноровленныхъ ко всевозможнымъ видамъ обиранія. Цѣны на все страшныя и колеблются въ зависимости отъ состоянія моря, т. е. отъ подвоза и выгрузки товаровъ. Колеблются же онѣ весьма значительно. Такъ, напр., цѣна на уголь въ среднемъ 50 руб. тонна, но бывали періоды, когда платили по 140 рублей и даже до 250 руб. за тонну. Стоимость рабочихъ силъ также очень мѣняется: отъ 10 до 24 руб. въ день на человѣка и отъ 60 до 600 руб. въ день за пару лошадей. Когда мнѣ пришлось быть въ самомъ Номѣ, то за завтракъ изъ куска мяса и чашки кофе съ хлѣбомъ и бутылкой пива съ меня взяли 3 доллара, т. е. 6 руб. Самый обыкновенный штопоръ въ лавкѣ Alask Comm. Company стоилъ 2 руб. Денегъ въ обращеніи, видно, мало, и въ каждой лавчонкѣ, въ каждомъ кабакѣ стоятъ вѣсы для взвѣшивания золота.

Прошло четыре дня, а мы все еще не знали ничего о своей судьбѣ. Американцы завладѣли нашими шлюпками и катеромъ и большую часть времени проводили на берегу.

Власти съ нами были любезны. Майоръ нѣсколько разъ приглашалъ г. Богдановича къ себѣ „чайку попить“. Г. Богдановичъ объяснялъ ему, что онъ, въ качествѣ арестованнаго, не можетъ съѣхать на берегъ. Майоръ горячо возражалъ, говоря, что арестовано судно, но не мы. Г. Богдановичъ всетаки не соглашался и аргументировалъ приблизительно такъ: „Если я свободный, полноправный человѣкъ, то могу быть тамъ, гдѣ *мнѣ* нужно быть, и дѣлать то, что *мнѣ* нужно дѣлать. Мнѣ нужно быть въ Сибири, мнѣ нужно искать золото. А вмѣсто того, я сижу въ Номѣ и не работаю. Довѣреннымъ мнѣ имуществомъ экспедиціи распоряжаются другія лица безъ моего согласія. Раньше надо мной было произведено насиліе пьянымъ капитаномъ, теперь поступокъ пьянаго капитана санкціонированъ властями, и безъ моего со-

гласія и разрѣшенія на суднѣ живутъ американскіе солдаты. Я считаю себя лишеннымъ своихъ правъ и свободы передвиженія, т. е. арестованнымъ“.

Съ прїѣздомъ въ Номъ капитана Джарвиса и полковника Эванса *) дѣло перемѣнилось. Эти люди понимали, что неприлично держать подъ арестомъ, да еще военнымъ, русскаго чиновника, матросовъ и казаковъ. Кромѣ того, для всѣхъ стала ясною ложь американцевъ о нашихъ пиратскихъ стремленіяхъ. Предстояла не легкая задача уладить дѣло.

Г. Богдановичъ выставилъ слѣдующія требованія: 1) всѣ американскіе члены экспедиціи должны быть немедленно удалены съ „Самоа“ и 2) „Самоа“ немедленно долженъ идти къ берегамъ Сибири, въ бухту Провидѣнія.

Первое требованіе удовлетворить было легко, но второе оказалось невыполнимымъ, потому что капитанъ Жансонъ, зная, что въ бухту Провидѣнія придетъ „Якутъ“, боялся ареста и на отрѣзъ отказался идти въ Сибирь. Номскія власти оказались безсильными. Онѣ предлагали комбинацію за комбинаціей, но встрѣчали съ обѣихъ сторонъ непоколебимое упорство. Наконецъ, почти уже рѣшили, что придется Самоа отправить въ С.-Франциско. Г. Богдановичъ отвѣчалъ на это, что насильно его могутъ везти куда угодно, но чтобы власти не забывали, что „Самоа“ ушелъ отъ Сибирскихъ береговъ неожиданно, ночью, такъ что даже чукчи не знаютъ, гдѣ онъ теперь. „Якутъ“ придетъ и, не найдя насъ, конечно, отправится искать. Удобно ли, чтобы русское военное судно въ бурное осеннее время искало „Самоа“ даже въ Ледовитомъ океанѣ?

Да. Это было не совсѣмъ удобно. Но что же дѣлать? Выручилъ полковникъ Эвансъ: онъ пожертвовалъ собой, согласившись идти на „Самоа“ въ качествѣ защитника капитана. Американцевъ выселили, и мы, потерявши 7 дней, пошли въ бухту Провидѣнія. „Якутъ“ еще не приходилъ, и поэтому мы занялись развѣдкой Оленной рѣки, получая все болѣе и болѣе интересныя данныя. 26-го пришелъ „Якутъ“.

Наши рассказы о минувшихъ приключеніяхъ во вкусъ Купера возбуждали то негодованіе, то смѣхъ. Командиръ „Якута“ назначилъ комиссію для производства слѣдствія. Капитанъ Жансонъ далъ показанія, идущія совершенно въ разрѣзъ съ показаніями, данными имъ же въ Номѣ, вся команда показала въ нашу пользу. Наконецъ, всѣ опрошены, подписи получены. Г. Богдановичъ рѣшилъ весь грузъ съ Самоа сложить на берегу, за исключеніемъ того, что можно было надѣяться продать въ Петропавловскѣ.

27-го августа мы всѣ переселились на „Якутъ“, и въ тотъ же

*) Первый—начальникъ таможи, второй—членъ м-ва финансовъ.

день разыгрался заключительный аккордъ нашихъ русско-американскихъ отношеній.

Джансонъ напился до безчувствія и въ пьяномъ видѣ увѣ-
рялъ, что всѣ подлецы, одинъ Богдановичъ—порядочный чело-
вѣкъ. Попрощались мы съ Эвенсомъ, офицерами „Самоа“ и эки-
пажемъ и отошли на „Якутъ“. Въ морѣ ревелъ штормъ, но Джан-
сонъ развелъ пары и, не смотря на мольбы Эвенса остаться, не
смотря на полное отсутствіе балласта и осадку въ 5 фут. всего,
салютуя намъ, вышелъ въ туманное бурное море.

На другой день при сравнительно тихой погодѣ покинули и
мы бухту Провидѣнія, держа курсъ въ Петропавловскъ на Кам-
чаткѣ.

Прощай, Чукотскій полуостровъ!

А. Мягковъ.

ТРИ СЧАСТЬЯ.

I.

Я бродила въ лѣсу пробужденномъ:
Первой почки листокъ,
Какъ зеленый глазокъ,
Наклонялся къ фіалкамъ смущеннымъ.

„Солнце—счастье“! шептали побѣги,
Воскресая отъ сна...
И роняла весна
Поцѣлуи душистые нѣги.

II.

Нѣтъ цвѣтовъ... ихъ давно оборвала
Осень жадной рукой
И покровъ золотой
По увядшей травѣ разбросала.

Но улыбкой трепещутъ березы
Подъ осеннимъ дождемъ,
И о счастья быломъ
Льются тихія, свѣтлыя слезы.

III.

Лѣсъ убило дыханье мороза.
Въ бѣлоснѣжныхъ цѣпяхъ
На поникшихъ вѣтвяхъ
Онъ хорошъ—какъ погибшая греза.

Но, сквозь иней, я слышу невнятный
Шепотъ ели съ сосной:
„Счастье—сонъ и покой,
Сладкій сонъ до весны ароматной“!

Г. Галина.

МЕДОВЫЯ РЪКИ.

(Очерки).

VII.

Сибирскіе старцы, кухарка Агафья и гражданинъ Рихтеръ.

I.

Средняго роста, плечистый и коренастый старикъ, осторожно пробирался по огороду, выбирая дорогу между грядъ такъ, чтобы его не было видно изъ оконъ докторской квартиры. Впрочемъ, самъ докторъ вставалъ поздно, а могла увидѣть акушерка Прасковья Ивановна или ея горничная Паня. Старикъ благополучно обогнулъ баню, и оставалось пройти небольшое разстояніе между сараями и кухней. Окна въ кухнѣ были открыты, и въ одномъ виднѣлась спина кухарки Агафьи, мѣсившей тѣсто.

— Экая спина-то,—подумалъ старикъ.

— Ты это куда прешь-то?—неожиданно окликнулъ его сердитый голосъ кучера Игната.—Тебѣ што было сказано? Позабылъ становаго Федора Ивановича?

— Оставь ты меня, Игнатъ,—отвѣтилъ старикъ, стараясь придать своему голосу строгую ласковость.—И совсѣмъ даже не твое это дѣло... Ради Бога, оставь. Не къ тебѣ, вѣдь, иду...

Игнатъ, здоровенный парень, съ скуластымъ и угрюмымъ лицомъ, чистилъ докторскую лошадь и въ этотъ моментъ отличался особенной дѣловой мрачностью, а тутъ еще старецъ подвернулся.

— Не къ тебѣ иду, сказано,—повторилъ старикъ уже съ нѣкоторымъ нахальствомъ...

— Значить, къ Агафѣѣ?

— Значить, къ Агафѣѣ...—вызывающе отвѣтилъ старикъ, глядя на Игната въ упоръ маленькими сѣрыми глазами.

Онъ уже хотѣлъ идти къ кухнѣ, когда Игнатъ вспомнилъ, что вѣдь Агафья его жена, и что на этомъ основаніи слѣдуетъ старику наkostenъ хорошенько шею. Игнатъ бросилъ скребницу и остановилъ старика, схвативъ за плечо.

— Куда прѣшь, безголовый?!

Старикъ только повернулъ могучимъ плечомъ, и кучеръ Игнатъ отлетѣлъ въ сторону.

— Говорятъ тебѣ: оставь!—сурово крикнулъ старикъ.—А то единымъ махомъ весь изъ тебя духъ вышибу...

Остервенившійся Игнатъ уже ничего не понималъ, съ какимъ-то ревомъ бросился на старика и, какъ медвѣдь, сразу подмывалъ его подъ себя. Но это продолжалось всего одинъ моментъ, а въ слѣдующій уже старикъ сидѣлъ на Игнатѣ верхомъ и немилосердно колотилъ его прямо по лицу, такъ что только скулы трещали.

— Говорили тебѣ: оставь...—повторялъ старикъ.

На крикъ Игната изъ кухни выбѣжала Агафья и съ причитаньями начала разнимать дравшихся.

— Голубчикъ... Матвѣй Петровичъ... оставь ты его, глупаго!.. Ничего онъ не понимаетъ...

Когда Агафья убѣдилась, что ей не разнять дравшихся, она пустила въ ходъ послѣднее средство и проговорила:

— Вонъ барыня въ окно смотреть...

Смотрѣла въ окно не барыня, а горничная Паня, но дравшіеся поднялись и конфузливо пошли въ кухню. Дорогой Игнатъ успѣлъ вытереть кровь съ лица рукавомъ рубахи, продолжая ругаться.

— Зачѣмъ по скулѣ бьешь, желторотый?!.. Вотъ пріѣдетъ становой Федоръ Ивановичъ, такъ я тебя произведу... Будешь помнить, каковъ есть человѣкъ Игнатъ... Я тебѣ покажу, старому чорту.

— Говорилъ тебѣ: оставь,—повторялъ свое старикъ.—Я тебя не трогалъ...

— Охъ, оставьте вы грѣшить, ради истиннаго Христа,—умоляла слезливо Агафья.

Кухня была свѣтлая и большая, какъ и полагается настоящей господской кухнѣ. И кухарка была по кухнѣ—молодая, ядреная, какъ рѣпа. Она носила сборчатый сарафанъ съ чисто заводскимъ пикомъ, а подвязанный подъ мышками длинный передникъ („запонъ“, какъ говорятъ на Уралѣ) нисколько не портилъ могучей груди. Вообще, баба была красавица, какъ ее ни наряди. Она показала глазами старику мѣсто въ переднемъ углу на лавкѣ подъ образомъ, но онъ только покосился на образъ и присѣлъ на кончикъ лавки у двери, спиной къ образу. Игнатъ умывался у рукомойки за большой русской печью и продолжалъ ругаться.

— Знаемъ мы этихъ варнаковъ, сибирскихъ старцевъ... Даже очень хорошо знаемъ. Кто въ третьемъ году у насъ хомуты укралъ? Выпросился ночевать такой-же варнакъ, а утромъ хомутовъ и не стало...

Агафья понимала, что Игнатъ уже не сердится на старца и что сорветъ сердце на ней.

— Ну, и пусть бьетъ,—рѣшила она про себя, улыбаясь смиренно сидѣвшему на лавочкѣ сибирскому старцу.—И пусть...

Она добыла изъ залавка кусокъ вареной говядины отъ вчерашняго господскаго супа и подала на столъ. А потомъ отрѣзала большой ломоть ржаного хлѣба и пѣвуче проговорила:

— Не обезсудь, миленькій, на угощеніи... Въ чужихъ людяхъ живемъ, такъ ужъ что подъ рукой нашлось. Прикушай, Матвѣй Петровичъ...

Сибирскій старецъ взялъ ломоть хлѣба, завѣсилъ его на рукѣ и съ улыбкой спросилъ:

— По твоему это, Агафьюшка, хлѣбъ?

— Ужъ какъ печь испекла, Матвѣй Петровичъ...—отвѣтила Агафья, не понимая вопроса.

— Печь-то печью, а только печаль не отъ печи... Мучку-то на какихъ вѣсахъ вѣсила? На клейменныхъ, голубушка: на чашкахъ-то лежить мучка, а на коромыслѣ печать антихристовъ. И кто вѣсть сей хлѣбъ, тотъ вѣрный слуга антихристовъ. Въ апокалипсисѣ пряменько сказано: „безъ числа его на купити, ни продати никто не можетъ, а число его 666...“ Поняла, миленькая?

Игнатъ только что хотѣлъ вытереть лицо полотенцемъ, но такъ и остолбенѣлъ. Вотъ какъ ловко сказалъ сибирскій старецъ про клейменный-то хлѣбъ... Игнатъ съ мокрымъ лицомъ подошелъ къ старцу и бухнулъ ему въ ноги.

— Ужъ ты того, Матвѣй... значить, прости за давешнее...

— Не мнѣ кланяться, миленькій, а кланяться своему становому Федору Иванычу, самому любезному антихристову сосуду,—сурово отвѣтилъ старецъ, поднимаясь съ лавки.

Онъ подтянулъ ременный поясъ, которымъ былъ перехваченъ татарскій азымъ, и хотѣлъ выйти, но, оглянувшись на стоявшую у печки Агафью, замѣтилъ стоявшую на окнѣ пустую бутылку изъ-подъ сельтерской воды.

— Это у васъ что такое?

— Бутылка..

— Вижу и антихристово клеймо на бутылкѣ вижу. А вотъ ты мнѣ скажи, что въ бутылкѣ-то было?..

— Извѣстно, вода...

— Вотъ то-то, что вода... Вода—даръ Божій и шипѣть не

будетъ. А тутъ вытацишь пробку, твоя вода и зашипитъ, потому какъ онѣ, скверный, надышаль въ бутылку смраду. Господамъ, которые щепотью молятся, это первый скусъ... Охъ, и говорить-то, миленькіе, грѣшно объ его мерзостяхъ! Всѣ у него щепотники, какъ рыба въ неводу, и все онѣ осквернилъ: гдѣ скверной своей лапой цапнетъ, гдѣ смрадомъ надышетъ, гдѣ свою антихристову печать наложитъ, яко евое антихристово знаменіе.

Когда сибирскій старецъ ушелъ, Игнатъ молча бросился на жену и началъ ее немилосердно бить. Онѣ таскалъ ее по полу за косы, топталъ ногами, билъ кулакомъ прямо по лицу.

— Вотъ тебѣ сибирскіе старцы!..—рычалъ Игнатъ, дѣлая передышку.—Я изъ тебя вышибу всю дурь, змѣя...

Агафья все терпѣла, пока мужъ не ударилъ ее ногой прямо въ животъ. Господская кухня огласилась неистовымъ бабьимъ крикомъ.

II.

Отчаянный вопль Агафьи разбудилъ барыню Прасковью Ивановну. Она выскочила въ ночной кофточкѣ въ столовую, гдѣ спряталась Паня.

— Игнатъ убилъ Агафью,—шепотомъ заявила перепуганная и поблѣднѣвшая, какъ полотно, дѣвушка.—Своими глазами видѣла, барыня...

Донесшійся изъ кухни новый вопль показалъ, что Агафья еще жива. Прасковья Ивановна не растерялась, а накинувъ на скорую руку утренній капоть, въ однѣхъ туфляхъ бросилась въ кабинетъ, гдѣ спалъ докторъ Рихтеръ.

— Гдѣ у васъ револьверъ, Гаврило Гаврилычъ?—кричала она, на ходу завязывая распущенные волосы въ узелъ.—Игнатъ убиваетъ жену...

— Револьверъ въ письменномъ столѣ,—спокойно отвѣтилъ докторъ, потягиваясь подъ своимъ пледомъ.—А что касается Игната, такъ я тебѣ не совѣтую мѣшаться въ чужія семейныя дѣла...

— А если онѣ убиваетъ Агафью?.. Паня видѣла своими глазами.

— Пустяки, просто маленькое семейное недоразумѣніе. Агафья повоюетъ, а потомъ и помиряется.

— Ничего вы не понимаете! Такихъ вещей нельзя позволять, и я могу только удивляться вашему безсердечію...

— Успокойся, пожалуйста, и не мѣшай мнѣ спать. Револьверъ въ лѣвомъ ящикѣ... Только будь осторожна и не подстрѣли сгоряча себя.

Пока Прасковья Ивановна искала револьверъ, докторъ невольно полюбовался ею. Въ сущности, удивительно милая женщина, не утратившая ни въ фигурѣ, ни въ движеніяхъ дѣвичьей свѣжести. Даже безпорядочный утренній костюмъ не портилъ общаго впечатлѣнія. Особенно хорошо было круглое лицо съ темными горячими глазами, сейчасъ точно вспыхнувшее чисто южной энергіей. Когда Прасковья Ивановна сердилась, она была особенно хороша, что свойственно не всѣмъ женщинамъ. Съ своей стороны, Прасковья Ивановна въ спокойномъ равнодушіи доктора видѣла только тысячу первое доказательство гнуснаго мужского эгоизма. Схвативъ револьверъ, она съ презрительной улыбкой проговорила:

— Вы, Гаврила Гаврилычъ... вы, дѣйствительно, только гражданинъ Рихтеръ—и больше ничего.

— Что-же, я ничего не имѣю противъ этого,—согласился докторъ, позѣвывая.

— И кухаркинъ сынъ,—прибавила уже про себя Прасковья Ивановна.—Сейчасъ видно кухаркину кровь...

Выбѣжавъ въ слѣдующую комнату съ револьверомъ въ рукахъ, она успѣла уже раскаться въ этой, выговоренной про себя, тайной мысли.

— Все еще убиваетъ...—встрѣтила ее шепотомъ Паня, ждавшая въ столовой.—Вотъ какъ кричить Агафья...

— А вотъ я сейчасъ его застрѣлю, негодяя!—энергично отвѣтила Прасковья Ивановна, показавъ револьверъ.—Да еще баринъ ему задастъ, когда встанетъ.

Кухня была черезъ дворъ. Когда Прасковья Ивановна спустилась съ параднаго крыльца, то увидѣла, что Игнатъ, какъ ни въ чемъ не бывало, чиститъ подъ навѣсомъ лошадь. Она быстро подошла къ нему и грозно спросила:

— Ты это что дѣлаешь, разбойникъ... а?

Игнатъ даже не повернулъ головы и, продолжая драть скребницей вздрагивавшую лошадь, очень грубо отвѣтилъ:

— Лошадь чищу...

— Ахъ, ты, негодяй!—уже крикнула Прасковья Ивановна, подступая ближе.—А кто сейчасъ убивалъ Агафью?

— Агафью? Это васъ не касаето, барыня, потому какъ Агафья мнѣ жена, и я по закону могу дѣлать съ ней, что хочу...

— Да ты съ кѣмъ разговариваешь-то, разбойникъ? Вотъ я возьму и сейчасъ застрѣлю тебя...

— И даже очень не смѣете убивать живого человѣка.

— А, не смѣю... Тогда я тебя отправлю, негодяя, къ Федору Иванычу, и онъ посадить тебя въ кутузку... да! Потомъ я буду жаловаться мировому судѣ... да! Наконецъ, Гаврила

Гаврилычъ тебѣ задасть... Онъ уже одѣвается и сейчасъ выйдетъ... Съ нимъ не будешь такъ разговаривать и грубить, какъ со мной. Понялъ, негодяй?!

„Негодяй“ продолжалъ свою работу и все поворачивался къ разсвирѣпѣвшей барынѣ спиной, чтобы не показать опухшаго отъ работы сибирскаго старца лица. При имени барина онъ даже ухмыльнулся самымъ глупымъ образомъ, что не ускользнуло отъ вниманія Прасковьи Ивановны.

— И этотъ негодяй еще смѣется... Отчего ты прячешь лицо? Хотя и негодяй, а совѣстно посмотрѣть въ глаза... Вотъ баринъ тебѣ задасть, и Федоръ Ивановичъ, и мировой судья.

— Промежду мужа и жены судья-то одинъ Богъ. И не касаясь это самое дѣло васъ даже нисколько... Хочу и буду бить, сколько влѣзаетъ, потому какъ я въ законѣ съ Агафьей.

Дальнѣйшія разсужденія съ негодяемъ были совершенно излишни, и Прасковья Ивановна отправилась въ кухню. Агафья въ какомъ-то оцѣпенѣннѣ сидѣла на лавкѣ и даже не замѣтила, какъ вошла барыня. Она была вся въ крови, а лицо ея было обезображено до неузнаваемости. Правый глазъ совершенно затекъ подъ громаднымъ синякомъ. Паня даже вскрикнула, когда увидѣла Агафью въ такомъ видѣ.

— Агафья, тебѣ больно?—спросила Прасковья Ивановна по дѣтски.—Паня, бѣги скорѣе въ аптеку и принеси мнѣ губку, карболки, англійскаго пластыря... Нѣтъ, сначала принеси губку и теплой воды. Ахъ, негодяй... Ахъ, разбойникъ!!

Агафья молчала. Она не плакала, не стонала, не жаловалась, а только вздрагивала и пугливо озиралась на входную дверь. Человѣка не было, оставалось одно избитое женское тѣло. Прасковья Ивановна стояла надъ ней и не знала, что ей дѣлать и что говорить.

— Баринъ одѣвается...—скороговоркой повторяла Прасковья Ивановна, чтобы сказать что нибудь.—Потомъ я пошлю Паню за Федоромъ Ивановичемъ... да... Вечеромъ къ намъ придетъ пить чай мировой судья... Однимъ словомъ, я все устрою. Игнать не имѣетъ права бить тебя, какъ скотину, да и скотину никто такъ не бьетъ...

— Милая барыня, оставьте,—сухо отвѣтила Агафья, охая отъ боли въ плечѣ.

— Какъ: оставьте?! Я о тебѣ-же хлопочу...

— Нечего тутъ хлопотать: что заслужила, то и получила.

— Агафья, да что съ тобой?! Изъ за чего у васъ вышла вся эта исторія?

— Ахъ, милая барыня, не спрашивайте...

Единственнымъ свидѣтелемъ этого разговора былъ солнечный весенній лучъ, съ любопытствомъ заглядывавшій въ окно,

да нѣсколько мухъ, бродившихъ по ломтю оставленнаго сибирскимъ старцемъ ржаного хлѣба. Какъ Прасковья Ивановна ни допрашивала, ничего не могла добиться. Ее выручила вернувшаяся съ водой и губками Паня, которая боялась взглянуть въ лицо Агафѣ. Засучивъ рукава, Прасковья Ивановна опытной рукой принялась мыть лицо и голову Агафѣ, которая покорялась каждому ея движенію. Когда кровь была смыта, ничего особеннаго не оказалось, т. е. черепъ былъ цѣль, а пострадало одно лицо отъ кровоподтековъ и содранной кое-гдѣ кожи. Все-таки пришлось кое-гдѣ залѣпить ссадины пластыремъ, а разбитый глазъ забинтовать. Оставалась разсѣченная рана на губѣ, но Агафья не согласилась ее зашивать.

— Ничего, барыня, живое мясо само сросется..

Когда работа кончилась и Прасковья Ивановна начала мыть руки, Агафья неожиданно повалилась ей комомъ въ ноги и запричитала.

— Милая барыня, не троньте вы, ради истиннаго Христа, Игната...

— Да, вѣдь, я о тебѣ-же хлопочу, глупая?!.. Надо его хорошенько проучить...

— Барыня, ужъ наше дѣло такое... Хотя и битая, а все же мужняя жена, въ настоящемъ законѣ.

Прасковья Ивановна закусилла губу, повернулась и вышла. Это было уже оскорбленіе, какъ и давешній отвѣтъ Игната, т. е. намекъ на ея незаконное сожителство съ докторомъ.

Вернувшись въ свою спальню, Прасковья Ивановна расплакалась. Она слишкомъ переволновалась...

— Это какія-то низшія животныя, — шептала она сквозь слезы. — И ничего человѣческаго...

III.

Выдался нервный день. Докторъ Рихтеръ отправился въ свое время, т. е. въ десять часовъ утра въ больницу, обошелъ четыре палаты (лѣтомъ онѣ пустовали, потому что лѣтомъ заводскіе рабочіе не любили лѣчиться), принялъ въ амбулаторномъ отдѣленіи человѣкъ пятнадцать, сѣзидилъ къ двумъ тифознымъ больнымъ и въ обычное время, т. е. къ пяти часамъ, вернулся домой. Онъ послѣ рабочаго дня вообще чувствовалъ себя хорошо, какъ человѣкъ, который не даромъ ѣстъ хлѣбъ и ѣхалъ всегда домой съ удовольствіемъ. Прибавьте къ этому, что Прасковья Ивановна, какъ всѣ хохлушки, была отличная хозяйка и умѣла изъ ничего выкроить что нибудь вкусное и даже пикантное.

Сегодня, какъ всегда, онъ вошелъ въ переднюю въ очень хорошемъ настроеніи. Паня его встрѣтила, и по ея лицу онъ догадался, что въ домѣ что-то неладно. Паня смотрѣла въ землю, и это было плохимъ признакомъ. Въ столовой Прасковья Ивановны не было, что было еще хуже. Докторъ только теперь припомнилъ, что утромъ было что-то такое, однимъ словомъ—была глупость, и что Прасковья Ивановна на него сердится. На чисто-русскомъ лицѣ доктора, съ присвоенномъ таковому окладистой бородкой, мягкимъ носомъ и этими добрыми славянскими глазами, явилось недовольное выраженіе. Если Прасковья Ивановна не въ духѣ, слѣдовательно, все въ домѣ идетъ вверхъ дномъ. И т. д.

Но „гражданинъ“ Рихтеръ ошибся. Прасковья Ивановна вышла къ обѣду и даже извинилась, что заставила себя ждать. У нея былъ такой кроткій видъ, и докторъ понялъ, что все дѣло въ сегодняшнемъ утрешнемъ происшествіи, о которомъ онъ совершенно добросовѣстно забылъ.

— Ну, что *тамъ* такое дѣлается?—спросилъ докторъ, когда подали по его вкусу зажаренную котлетку.

— Я ничего не понимаю, Гаврило Гаврилычъ,—отвѣтила она съ продолжавшейся кротостью.

Онъ говорилъ ей „ты“, а она—„вы“. Это какъ-то установилось само собой и оставалось.

— Я тоже ничего не понимаю,—отвѣтилъ докторъ.

— Дѣло гораздо серьезнѣе, чѣмъ можно было бы думать,—заговорила Парасковья Ивановна.—И пока ясно только одно: что мы съ вами ровно ничего не понимаемъ. Скажу больше, мы даже не можемъ ничего понять. Какіе-то сибирскіе старцы, что-то такое Агафья... Игнатъ прежде, чѣмъ бить жену, отчаянно дрался съ однимъ изъ этихъ сибирскихъ старцевъ,—что Паня видѣла собственными глазами, когда мы спали, Заподозрить въ чемъ нибудь Агафью я не имѣю никакого права, и самъ Игнатъ ни въ чемъ ее не обвиняетъ. Вообще, въ нашемъ домѣ творятся совершенно непонятныя вещи...

— Гмъ... да...

— И, какъ мнѣ кажется, дѣло гораздо серьезнѣе, чѣмъ мы вообще привыкли думать о нашей прислугѣ.

— Я понимаю, что прислуга такіе-же люди, какъ и мы съ тобой,—заговорилъ докторъ, стараясь сдерживать нарастающее раздраженіе.—Да, понимаю... Можетъ быть, понимаю даже больше другихъ, потому что самъ—сынъ петербургской кухарки...

Когда докторъ начиналъ волноваться, что съ нимъ случилось очень рѣдко, Прасковья Ивановна сразу чувствовала себя виноватой. Опять сказывалось—да простятъ меня южныя женщины!—привычка восточной женщины къ повинно-

венію, въ меньшемъ случаѣ—къ извѣстному режиму. Но сейчасъ вышло, какъ разъ, наоборотъ. Прасковья Ивановна подовинула свой стулъ поближе къ стулу доктора и заговорила въ полголоса:

— Представь себѣ, Гаврило Гаврилычъ, наша Агафья по-мѣшалась на томъ, что должна спасать свою душу. Да... Я ходила къ ней второй разъ. Она почти обругала меня, какъ... Я, право, не умѣю сказать, какъ она меня называла. Но въ ея глазахъ мы съ вами просто погибшіе люди... Она-же и жалѣть насъ!.. Какая-то тамъ щепоть, хожденіе по-солонь, и т. д. Она мнѣ прямо въ глаза сказала, что считаетъ насъ погибшими людьми. Что-то тутъ играетъ роль и ржаной хлѣбъ, и сельтерская вода, и то, что я волосы плету не въ одну косу, по дѣвичьи... Представьте себѣ, все это говоритъ мнѣ наша собственная Агафья и говоритъ авторитетно, какъ какая-то Жанна Д'аркъ.

— Гмъ... да... Кажется, дѣло сведется къ тому, что мы должны идти и извиниться предъ Игнатомъ,—не безъ ядовитости замѣтилъ докторъ.

— Опять не то!..

Прасковья Ивановна даже вскочила съ своего мѣста и зашагала по столовой.

— Да, не то... Если вы хотите знать, гражданинъ Рихтеръ, я начинаю понимать нашу Агафью съ ея щепотью и хожденіемъ по-солонь. Вѣдь весь вопросъ въ томъ, что она хочетъ спасти свою бабью душу, а мы... Вы только подумайте, что гдѣ-то въ нашей кухнѣ тлѣетъ мысль о спасеніи души. Развѣ это не трогательно?

— Прибавь къ этому, что всѣ эти сибирскіе старцы—бѣглецы и каторжники.

— Очень можетъ быть... Мы даже могли-бы сдѣлать такъ, что когда пріѣдетъ Ѳеодоръ Ивановичъ...

— Ну, это уже лишнее...

— Нѣтъ, будемъ говорить по душѣ... Мнѣ Паня все рассказала, т. е. рассказала, что въ нашу кухню приходятъ какіе-то два сибирскихъ старца. Одного зовутъ Матвѣемъ, который сегодня дрался съ Игнатомъ, а другого Спиридономъ. Они совращаютъ нашу Агафью въ расколъ, и въ этомъ разгадка сегодняшней исторіи... Игнатъ жалѣетъ по своему совращаемую жену и на этомъ основаніи бьетъ ее смертнымъ боемъ.

Весь вечеръ былъ занятъ тоже мыслью о томъ, что дѣлается въ кухнѣ. Паня разъ пять бѣгала посмотреть въ окно и ничего особеннаго не увидѣла. Игнатъ починалъ какую-то сбрую, а Агафья что-то шила. Даже завернувшій вечеркомъ становой Ѳеодоръ Ивановичъ не могъ отогнать этой мысли о

кухнѣ. Это былъ толстый и лысый мужчина за пятьдесятъ. Полицейскій мундиръ сидѣлъ на немъ мѣшкомъ. Круглое лицо вѣчно лоснилось, точно было покрыто лакомъ. Ѳедоръ Иванычъ любилъ хорошо покушать, хорошо выпить, хорошо соснуть и хорошо повинтить, отличался почти истеричной набожностью и боялся грома до такой степени, что во время грозы спасался на собственной постели, прикрывъ голову подушкой. Между прочимъ, онъ любилъ острить, и одной изъ самыхъ его удачныхъ острофъ было та, что онъ прозвалъ доктора „гражданиномъ“.

— Конечно, гражданинъ, потому что живетъ гражданскимъ бракомъ,—объяснялъ Ѳедоръ Иванычъ, подмигивая немного косившимъ глазомъ.

Сегодняшній вечеръ какъ-то не удался, какъ не удались пельмени у Агафьи, хотя по этой части она была великая мастерица. Прасковья Ивановна извинялась предъ гостемъ, а докторъ курилъ сигару и думалъ объ Агафѣ.

— У васъ много раскольниковъ?—спросилъ онъ Ѳедора Иваныча.

— А сколько угодно этого добра, хотъ отбавляй. Нашъ Ушкуйскій заводъ старинное и самое крѣпкое раскольникче гнѣздо. Охъ, и хлопотъ-же мнѣ съ ними было...

— А сейчасъ?

— Ну, сейчасъ какъ будто полегче... Бываютъ, конечно, случаи, но особеннаго ничего не замѣтно. Ихъ губить то, что они дѣлятся между собой на разные толки и согласія и отчаянно враждуютъ.

— Чего-же они хотятъ?

— Вѣроятно, они и сами этого не знаютъ...

Позднимъ вечеромъ, когда Ѳедоръ Иванычъ уѣхалъ, Прасковья Ивановна долго сидѣла на террасѣ одна. Послѣ весенняго теплаго дня наступила довольно холодная горная ночь. Съ террасы можно было видѣть краешекъ заводскаго пруда, залегшую подъ плотиною фабрику, а дальше начинались горы, покрытыя лѣсомъ. Ночью фабрика была почти красива, благодаря своей вѣчной рабочей иллюминаціи—всполохами вырывалось пламя изъ доменныхъ печей, высокія трубы снопами разсыпали искры, густыми клубами валилъ черный дымъ. Гдѣ-то, точно подъ землей, слышались удары молотовъ, визгъ и лязгъ желѣза, тяжелое дыханіе паровыхъ машинъ, шумъ воды, свистки и окрики рабочихъ. Прасковья Ивановна долго любовалась этой картиной и вспоминала свою далекую родину съ ея чудными весенними ночами. У нея что-то ныло въ душѣ, ей хотѣлось плакать. Почему она не думала о своей душѣ, какъ думаетъ Агафья?

IV.

Въ слѣдующіе дни кухня продолжала оставаться центромъ общаго вниманія. Оказалось, что дня черезъ три вечеромъ приходили оба сибирскихъ старца и долго сидѣли Игната не было дома. Старцы пришли съ собственными чашками и съ аппетитомъ ѣли докторскій супъ. Агафья все время стояла передъ ними и слушала, подперевъ по-бабьи щеку рукой. Въ открытое окно слышно было каждое слово, но Паня ничего не поняла.

— Что-то такое о горахъ да о пещерахъ все толковали,— рассказывала она.— Спиридонъ, худенькій такой старичокъ, все грозилъ ей, что она душу свою губить... Агафья плакала и въ ноги кланялась... Потомъ старцы пили водку изъ своихъ стаканчиковъ... Матвѣй все грозился, что убьетъ Игната, если онъ станетъ опять бить жену, а Спиридонъ велѣлъ Агафѣ все терпѣть. А когда пришелъ Игнатъ, старцы убѣжали въ окно..

Изъ этого довольно безсвязнаго показанія трудно было что-нибудь заключить.

— Эти сибирскіе старцы еще насъ всѣхъ убьютъ,— говорила Прасковья Ивановна.— Надо поговорить съ Агафьей серьезно. Можетъ быть, это разбойники..

— Нѣтъ, барыня, они все божественное говорятъ,— защищала старцевъ Паня.— Спиридонъ училъ Агафью, какъ надо молиться, и самъ складывалъ ей пальцы въ ихній раскольничій крестъ.

Паня только потомъ призналась, какъ сибирскіе старцы ругали господъ и всячески ихъ срамили, какъ безбожниковъ.

— „И молятся твой господа щепотью, и крещены противъ солнца, и живутъ супротивъ закона, какъ собаки“,— объясняла Паня со слезами на глазахъ.— Ужъ мнѣ такъ было обидно... Особенно этотъ Матвѣй ругался, который билъ Игната. И потомъ все поминали какую-то вдову Марью Тимофеевну... Такъ страшно было слушать, такъ страшно!..

Докторъ сначала не обращалъ вниманія на всю эту исторію, а потомъ заинтересовался. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ онъ живетъ на Уралѣ лѣтъ пять, имѣетъ съ раскольниками постоянное дѣло и ничего о нихъ не знаетъ. Даже и не интересовался что-нибудь узнать. А эти люди живутъ своимъ собственнымъ міромъ, у нихъ свои жгучіе интересы, сомнѣнія и страстное тяготѣніе къ правдѣ, хотя послѣднее и выражается иногда въ довольно странныхъ формахъ, чтобы не сказать больше. Конечно, тутъ есть и своя доля религіознаго

фанатизма, и наслѣдственность, и гипнозъ, и воинствующая стадность. Во всякомъ случаѣ, явленіе громадной общественной важности, непонятое и не объясненное до сихъ поръ, но продолжающее существовать, принимая уродливыя формы.

— Да, надо этимъ вопросомъ заняться,—рѣшилъ докторъ, перебирая въ умѣ злобу послѣднихъ дней.—Матеріаль самый благодарный, да и все подъ рукой. Взять хоть того же Игната...

Докторъ приступилъ къ выполнению своего плана съ самыми тонкими предосторожностями. Игнатъ былъ вызванъ въ кабинетъ для совмѣстнаго обсужденія вопроса о новомъ дорожномъ тарантасѣ, какъ экспертъ. Онъ, какъ всегда, оставился у двери, заложилъ руки за спину и началъ смотрѣть на барина тупымъ взглядомъ, какъ быкъ. Повидимому, у Игната явилось подозрѣніе, что его не даромъ вызвали, и что, конечно, тарантасъ только предлогъ.

— Вотъ сейчасъ баринъ учнетъ пилить за Агафью,—думалъ Игнатъ, наблюдая шагавшаго передъ нимъ доктора.

Переговоры о тарантасѣ кончились скоро, потому что Игнатъ соглашался на все: и такъ можно, и этакъ можно.

— Послушай, Игнатъ, какіе это сибирскіе старцы ходятъ къ вамъ въ кухню?—спросилъ докторъ, стараясь придать и лицу, и голосу равнодушное выраженіе.

— Старцы-то?—тоже равнодушно повторилъ Игнатъ вопросъ.—А кто ихъ знаетъ... Сказываются сибирскими.

— А зачѣмъ они ходятъ къ тебѣ?

— А, значить, жену Агафью сомущаютъ,—откровенно признался Игнатъ, нисколько не смущаясь.—Значить, для спасенія души...

— Чѣмъ же они сомущаютъ?

— Разное говорятъ... Однимъ словомъ, волки безпаспортные. Убить мало...

— Гмъ... да... Я это такъ спрашиваю. Мнѣ все равно. Спасать душу—дѣло недурное. Можетъ быть, и ты хочешь спастись?

Игнатъ посмотрѣлъ изъ подлобья на барина, почесалъ въ затылкѣ и, нехотя, отвѣтилъ:

— Гдѣ ужъ нашему брату, которые, значить, около лошадей!..

Игната удивило, что баринъ ни слова не сказалъ про избіеніе Агафьи, а онъ уже приготовилъ чисто кучерской отвѣтъ: „Вотъ тебѣ, баринъ, хомутъ и дуга, а я тебѣ больше не слуга“.

У Прасковьи Ивановны, которая производила допросъ Агафьи, дѣло шло успешнѣе, вѣроятно потому, что Прасковья Ивановна проявила болѣе сильный дипломатическій

талантъ. Сначала Агафья отнеслась къ барынѣ очень подозрительно и даже что-то нагрубила.

— Зачѣмъ ты грубишь мнѣ, Агафья?

— А зачѣмъ вы меня пытаете, барыня, о чемъ не слѣдуетъ? Можетъ, мнѣ и разговаривать-то съ вами грѣшно...

— Чѣмъ же грѣшно?

Агафья понесла какую-то околесную о щепоти, хожденіи по-солонь, клейменныхъ вѣсахъ и сельтерской водѣ.

— Это научили тебя говорить сибирскіе старцы?

При напоминаніи о сибирскихъ старцахъ Агафья впала въ какое-то ожесточенное состояніе и даже погрозила барынѣ кулакомъ.

— Вотъ теперь вы—барыня, а я—слуга, а кто будетъ на томъ свѣтѣ въ смолѣ кипѣть?!—истерически выкрикивала Агафья.—Это тоже надо понимать, ежели который человѣкъ правильный... Для васъ душа-то наплевать. Вы вотъ и постовъ не соблюдаете...

Прасковья Ивановна рѣшила выдерживать характеръ до послѣдняго и старалась говорить съ ангельской кротостью.

— Агафья, неужели для спасенія души необходимо грубить людямъ, которые тебѣ же желаютъ пользы?

— Матвѣй наказалъ обличать...

Кроткій тонъ барыни подѣйствовалъ на Агафью. Она какъ-то сразу отмякла и расплакалась.

— Барыня, ничего-то ничего вы не понимаете,—запричитала она, вытирая слезы передникомъ.—И того не знаете, что я, можетъ быть, ночи не сплю... Силушки моей не стало... и страшно какъ... Какъ раздумаешься—у смерти конецъ. Вѣдь вся-то я грѣшная и съ мужемъ живу по-грѣшному, потому какъ вѣнчали насъ противъ солнца... И тебя сейчасъ осудила, а по писанію лучше согрѣшить, чѣмъ осудить—кто осудилъ, на томъ и грѣхъ. Охъ, моченьки моей нѣтъ... Смерть моя... И васъ жалъ, и своего Игната жалъ, и себя жалъ... Никакого терпѣнья! Вамъ-то, поди, смѣшно дуру-бабу неученую слушать, а мнѣ тошнехонько...

Прасковья Ивановна только теперь замѣтила стоявшую въ углу Паню и тоже плакавшую.

— Паня, ты-то о чемъ плачешь?—спросила Прасковья Ивановна.

— А не знаю...—отвѣтила дѣвушка, закрывая лицо руками.

Д. Маминъ-Сибирякъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Любовь и мистеръ Льюисгэмъ

Романъ Уэльса.

Переводъ съ англійскаго.

З. Журавской.

XXVI.

Чары разсѣиваются.

Въ сущности, розовая пора влюбленности, ухаживанье, женитьба и свадебная пѣснь ничто иное, какъ заря дѣйствительной жизни, послѣ которой наступаетъ долгій промежутокъ бѣлаго трезвеннаго дневнаго свѣта. Какъ бы мы ни старались удержать эти восхитительныя минуты, онѣ безжалостно блекнуть и увядаютъ; имъ нѣтъ возврата, нѣтъ новой зари; есть только для глупцовъ жалкія имитации и безцѣльное заглядываніе въ потемнѣвшіе пустые покои. А жизнь идетъ своимъ чередомъ. Мы растемъ—потомъ старѣемся.

Наши юные новобрачные, вынырнувъ изъ атмосферы полусвѣта и утреннихъ звѣздъ, увидали надъ головами своими пасмурное сѣроватое небо и въ первый разъ, какъ слѣдуетъ, разсмотрѣли другъ друга при свѣтѣ будничнаго дня.

Быть можетъ, если бы Льюисгэмы были существа болѣе утонченныя, охлажденіе совершилось-бы постепенно, съ достоинствомъ, путемъ цѣлаго ряда маленькихъ разочарованій, трогательно скрываемыхъ, и усиливъ поддержать подобающую сентиментальную атмосферу. И такъ, мало по малу, наступилъ бы день. Но наши молодые супруги были для этого слишкомъ первобытны. Первые столкновенія, первыя догадки о томъ, что они не совсѣмъ одинаковые люди, уже были нами описаны; было бы досадно и скучно перечислять всѣ мелкія осложненія, всѣ отбѣнки конфликта между ихъ личностями. Они дошли—о Боже!—даже и до словесныхъ конфликтовъ. Ихъ угнетала постоянная забота, страхъ, что

деньги на исходѣ, а работы все нѣтъ, какъ нѣтъ, и тревожные поиски этой работы. Этель, кромѣ того, томила еще необходимостью проводить долгіе часы въ одиночествѣ и безо всякаго дѣла. Споры между супругами возникали изъ за всякаго пустяка; однажды Льюисгэмъ цѣлую ночь не спалъ отъ безпредѣльнаго изумленія, убѣдившись, что Этель ни капельки не интересуется благоденствіемъ человѣчества, а его социализмъ кажется ей фантазіей и при томъ нескромной и вздорной. Какъ-то, въ воскресенье они вышли вмѣстѣ гулять въ прекраснѣйшемъ расположеніи духа, а вернулись оба красные и взволнованные, обмѣниваясь колкостями и язвительными словами—споръ вышелъ изъ-за социальныхъ условностей въ какой-то повѣстукѣ, прочитанной Этелью. По необъяснимымъ причинамъ Льюисгэмъ воспылалъ жестокой ненавистью къ подобнымъ повѣстускамъ. Такія ссоры были, по большей части, лишь мелкими стычками, и наступавшія вслѣдъ за тѣмъ періоды обоюднѣйшей неловкости и молчанія рано или поздно оканчивались „миромъ“, временнымъ или полнымъ, хотя раза два было и такъ, что примиреніе только растравило едва зажившую рану. Но каждая стычка оставляла по себѣ слѣдъ, рубецъ, стирала въ жизни новобрачныхъ еще одинъ изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ штриховъ романическаго колорита.

Пять долгихъ мѣсяцевъ—за вычетомъ двухъ мелкихъ удачъ—ни одному изъ нихъ не удавалось найти работу, прибавить что нибудь къ ихъ скуднымъ доходамъ. Одинъ разъ Льюисгэмъ получилъ двѣнадцать шиллинговъ за разгадку премированного ребуса въ еженедѣльной газеткѣ; въ другой разъ Этели прислалъ минимальную порцію переписки какой-то поэтъ, видимо прочитавшій ея публикацію въ „Athenaeum“ъ. Поэта звали Эдвинъ Пикъ Бейсъ, и почеркъ у него былъ не установившійся — буквы расплзались во всѣ стороны. Онъ прислалъ нѣсколько коротенькихъ стихотвореній на отдѣльныхъ клочкахъ бумаги съ подписью: „желательно имѣть три копія каждаго, красиво написанныя въ различныхъ стиляхъ“ и „скрѣпленные не металлическими скрѣпками, но шелковинками подходящихъ цвѣтовъ“. Эти инструкции заставили молодыхъ супруговъ порядкомъ поломать голову. Одно стихотвореніе называлось „Пѣсня птички“, другое—„Тѣни облаковъ“ и третье—„Egungium“, но Льюисгэмъ полагалъ, что ихъ можно озаглавить всѣ вмѣстѣ однимъ словомъ „Наброски“. Въ уплату поэтъ прислалъ, презирая почтовые правила, полсоверена въ письмѣ, съ просьбой оставить лишнее у себя, въ счетъ будущихъ работъ. Немного погодя, сильно измѣненные копія

всѣхъ трехъ стихотвореній были снова возвращены Этели съ загадочной надписью на каждомъ:

„Стиль мнѣ нравится, только прощу еще болѣе въ этомъ родѣ.“

Авторъ принесъ ихъ собственноручно. Льюисгэма не было дома, но Этель сама отперла дверь, такъ что надпись оказалась излишней. „Онъ еще совсѣмъ мальчикъ,“—говорила потомъ Этель, передавая ихъ разговоръ Льюисгэму, заинтересованному посѣтителемъ. И оба чувствовали, что молодость Эдвина Пикъ Бэйкса какъ бы до извѣстной степени лишаетъ реальности этотъ новый видъ заработка.

Начиная со дня своей свадьбы и до послѣдняго экзамена въ июнѣ, Льюисгэмъ велъ странную, двойственную жизнь амфибіи. Дома была Этель и упорное мучительное исканіе работы, приступы раздраженія противъ хозяйки за постоянныя приписки и надбавки, куча заботъ и волненій, среди которыхъ онъ чувствовалъ себя необычайно зрѣлымъ и опытнымъ мужемъ. Но съ этими періодами появившейся зрѣлости чередовались проблески молодости, лекціи въ Кенсингтонѣ, гдѣ онъ былъ просто-на-просто плохо дисциплинированнымъ и обманувшимъ надежды студентомъ, съ возрастающей наклонностью къ болтовнѣ. Въ южномъ Кенсингтонѣ онъ носился съ теоріями и идеалами, какъ и подобаетъ студенту; въ маленькихъ комнаткахъ въ Чэльси—съ наступленіемъ лѣта въ нихъ стало очень душно и разбросанныя повсюду грошевыя повѣстухи, любимыя Этелью, не способствовали порядку; въ маленькихъ комнаткахъ въ Чэльси онъ былъ частнымъ человѣкомъ, имѣлъ опредѣленное конкретное положеніе; здѣсь идеалы уступали мѣсто дѣйствительности.

Міръ, гдѣ начался періодъ его возмужалости, какъ онъ смутно соображалъ теперь, былъ до странности малъ и узокъ. Единственными посторонними, пришлыми извнѣ, людьми въ немъ были супруги Чэффери. Нерѣдко Чэффери заходилъ къ нимъ поужинать и, не смотря на свою мошенническую профессію, все больше завоевывалъ симпатіи Льюисгэма, какъ своими увлекательными монологами, такъ и тѣмъ, что онъ постоянно выражалъ почтеніе и зависть къ научнымъ занятіямъ молодого студента. Кромѣ того, Льюисгэмъ чѣмъ, дальше, тѣмъ больше сочувствовалъ желчнымъ выходкамъ Чэффери противъ тѣхъ, кто правитъ міромъ. Отраднo было послушать, какъ онъ громилъ епископовъ и тому подобныхъ господъ. Онъ великолѣпно выражалъ то, что Льюисгэму хотѣлось сказать самому. М-рсъ Чэффери носилась изъ дома въ домъ,—моментально исчезая при появленіи Льюисгэма: маленькая черная фигурка, нервная, невзрачная, небрежно

одѣтая. Она являлась, потому что Этель, не смотря на свои завѣренія, что „любовь для нея все на свѣтѣ“, находила семейную жизнь нѣсколько скучной и унылой въ отсутствіе Льюисгэма. А когда онъ возвращался, она снѣшила уйти, ибо борьба противъ міра развила въ нашемъ героѣ нѣкую раздражительность. Льюисгэмъ никому въ Кенсингтонѣ не говорилъ о своей женитьбѣ—въ началѣ потому, что это была такая восхитительная тайна, потомъ—совсѣмъ по другимъ причинамъ. А потому его два міра совсѣмъ не соприкасались между собою. Они начинались и оканчивались у кованыхъ желѣзныхъ воротъ. Но наступилъ день, когда эти ворота захлопнулись за Льюисгэмомъ въ послѣдній разъ, и тутъ пришелъ конецъ его юности.

На послѣднемъ экзаменѣ по біологіи, знаменовавшемъ собою конецъ еженедѣльнымъ получкамъ въ размѣрѣ гиней, онъ провалился—и самъ сознавалъ это. Въ вечеръ послѣдняго дня, посвященнаго практическимъ испытаніямъ, онъ засидѣлся дольше всѣхъ. Усталый, разбитый, съ горячей головой, всклокоченными волосами и красными ушами, онъ упрямо сидѣлъ до послѣдней минуты, отыскивая восходящую линію *perfridium*'а въ тѣлѣ земляного червя. Но подобныя тонкости не даются тѣмъ, кто весь годъ бѣгалъ отъ лабораторныхъ занятій. Наконецъ, Льюисгэмъ всталъ, отдалъ свою тетрадь молодому старообразному демонстранту, столь лестно привѣтствовавшему его восемь мѣсяцевъ тому назадъ, и пошелъ черезъ всю лабораторію къ двери, возлѣ которой кучкой стояли другіе студенты.

Смизерсъ о чемъ-то громко разглагольствовалъ; юноша съ большими ушами внимательно слушалъ.

— А вотъ и Льюисгэмъ! Ну, какъ вы справились, Льюисгэмъ?—допытывался Смизерсъ, не скрывая, что за себя онъ совершенно спокоенъ.

— Отвратительно!—кинулъ на ходу Льюисгэмъ и пошелъ дальше.

— Значитъ, капуть?—крикнулъ въ догонку Смизерсъ.

Льюисгэмъ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ.

Миссъ Гейдингеръ стояла со шляпкой въ рукѣ и смотрѣла на разгоряченные глаза Льюисгэма. Онъ хотѣлъ молча пройти мимо, но что-то въ ея лицѣ пересилило даже его огорченіе. Онъ остановился.

— Выдержали вы?—спросилъ онъ любезно, на сколько могъ.

Она покачала головой и спросила:

— Вы идете внизъ?

— Надо полагать,—отвѣтилъ Льюисгэмъ тономъ, въ которомъ смутно звучалъ отголосокъ обиды, нанесенной ему Смизерсомъ.

Онъ отворилъ стеклянную дверь изъ корридора на лѣстницу. Они молча спустились до первой площадки.

— Вы попытаетесь еще разъ, въ будущемъ году?—спросила миссъ Гейдингеръ.

— Нѣтъ. Больше я сюда не вернусь. Никогда.

Наступила пауза.

— Что же вы будете дѣлать?—спросила она.

— Не знаю. Поищу мѣста. Надо же чѣмъ нибудь жить. Это „надо“ удручало меня весь нашъ учебный сезонъ.

— Я думала...—Она запнулась. —Вы опять уѣдете къ дядѣ?

— Нѣтъ. Останусь въ Лондонѣ. Что толку ѣздить въ деревню? тамъ вѣдь ничего не добьешься. При томъ же—сказать правду, я поссорился съ дядей.

— Что же вы думаете дѣлать?—уроки давать?

— Должно быть, что такъ. Я не увѣренъ. Что придется, лишь бы оплачивалось.

— Понимаю.

Нѣкоторое время они шли молча.

— А вы, я полагаю, еще попытаетесь?—спросилъ онъ.

— По ботаникѣ, пожалуй, еще попытаюсь,—если найдется вакансія. Кстати, я думала—иногда случайно узнаешь... Скажите мнѣ вашъ адресъ. На случай, если я услышу что-нибудь подходящее...

Льюисгэмъ остановился, подумалъ и сказалъ: „Да, конечно“,—но адреса все-таки не далъ, и она опять напомнила объ этомъ, когда они сошли внизъ.

— Проклятый „*nephridium*“!—сказалъ Льюисгэмъ.—Благодаря ему, у меня все вылетѣло изъ головы.

Они обмѣнялись адресами на листкахъ, вырванныхъ изъ записной книжки миссъ Гейдингеръ.

Она подождала въ швейцарской, пока онъ расписывался въ книгѣ. Дойдя до желѣзныхъ воротъ, она сказала:

— Я пройду Кенсингтонскимъ паркомъ.

Ему теперь было уже досадно, зачѣмъ онъ далъ ей свой адресъ, и онъ не пожелалъ понять намека, заключавшагося въ этомъ сообщеніи.

— Я иду въ Чэльси,—сказалъ онъ.

Она помедлила минутку, глядя на него въ смущеніи.

— Такъ значитъ, прощайте?

— Прощайте,—сказалъ онъ, приподнявъ шляпу.

Онъ медленно перешелъ черезъ дорогу, таща туго набитый клеенчатый портфель, теперь испещренный трещинами. Въ раздумьи дошелъ онъ до угла Кромвель-родъ и повернулъ по ней направо, такъ что могъ видѣть красное зданіе университета, красиво и гордо высившееся надъ садами Естест-

венно-Исторического Музея. Онъ съ сожалѣніемъ оглянулся на это зданіе.

Онъ былъ вполне увѣренъ, что провалился на послѣднемъ экзаменѣ. Онъ зналъ, что теперь карьера ученаго закрыта для него навсегда, и вспоминалъ, какъ онъ впервые шелъ по этой самой дорогѣ, къ этому самому зданію, и всѣ надежды и рѣшенія, наполнявшія тогда его душу. О, эта мечта о непрерывномъ упорномъ трудѣ безъ отклоненій въ сторону, безъ поблажекъ себѣ!.. Чего бы не достигъ онъ, если бы онъ преслѣдовалъ неуклонно одну только цѣль, если бы стремленія его не раздвоились?..

Въ этомъ самомъ саду онъ со Смизерсомъ и Парксономъ сидѣли втроемъ на скамеечкѣ у самаго края оврага и разсуждали о социализмѣ—незадолго до того, какъ онъ прочелъ свой рефератъ...

— Да,—выговорилъ онъ вслухъ,—да,—и *это* тоже прошло. Все прошло.

Въ эту минуту уголъ зданія Естественно-Исторического Музея закрылъ отъ него удаляющуюся *Alma Mater*. Онъ вздохнулъ и повернулся лицомъ къ душнымъ маленькимъ комнатамъ въ Чэльси и еще не покоренному міру.

XXVII.

Исторія одной ссоры.

Ссора эта произошла въ концѣ сентября. Къ этому времени почти всѣ розовые тона уже поблекли, ибо со дня свадьбы Льюисгэмовъ прошло полгода. Денежныя дѣла ихъ перешли въ другую фазу; хроническая боязнь катастрофы смѣнилась хроническимъ урѣзываніемъ себя; Льюисгэмъ на-шелъ работу: уроки математики и геометрическаго черченія. Ученикъ его, нѣкій Кэптенъ Вигурсъ, поставщикъ провіанта на армію, занимался въ разные часы, неопредѣленное количество времени и платилъ ни болѣе ни менѣе, какъ по два шиллинга въ часъ. Кромѣ того Льюисгэму была дана возможность выказать свои таланты въ качествѣ преподавателя начальной математики въ одной изъ школъ. Все это, взятое вмѣстѣ, давало до пятнадцати слишкомъ шиллинговъ въ недѣлю, а впереди можно было надѣяться и на большее... Теперь весь вопросъ былъ въ томъ, какъ существовать въ промежуткахъ между сроками получекъ денегъ отъ Вигурса. Въ такіе промежутки блузки Этели теряли свою свѣжесть, а Льюисгэмъ мужественно воздерживался отъ починки сапога, лопнувшего какъ разъ у большого пальца.

Начало ссоры было довольно тривиальное, но подь конецъ дошло до обобщеній. Льюисгэмъ съ утра былъ въ скверномъ расположеніи духа, удрученный воспоминаніемъ о вчерашней стычкѣ, а тутъ еще выпелъ маленькій инцидентъ, ничего не имѣвшій общаго съ явной причиною ссоры, но на столько взволновавшій супруговъ, что потомъ оба они уже горячились выше всякой мѣры и надобности. Выйдя изъ-за драпировки, прикрывавшей дверь въ спальню, Льюисгэмъ замѣтилъ на столѣ, кой-какъ накрытомъ для завтрака, между двухъ тарелокъ письмо, видимо, случайно попавшее туда по неловкости Этели; по ея позѣ видно было, что она только что отдернула руку, и письмо упало. Взоры ихъ встрѣтились, и она покраснѣла. Онъ сѣлъ и взялъ письмо, испытывая нѣкоторую неловкость. Письмо было отъ миссъ Гейдингеръ. Онъ помедлилъ минутку, хотѣлъ было положить письмо въ карманъ, но потомъ раздумалъ и распечаталъ. Письмо было длинное, и читать пришлось долго. Въ общемъ письмо показалось ему довольно скучнымъ, но онъ ничѣмъ не выказалъ этого. Прочитавъ, онъ тщательно сложилъ его и спрятавъ въ карманъ.

Съ формальной стороны это не имѣло никакого отношенія къ ссорѣ. Ссора началась уже послѣ завтрака. У Льюисгэма выпало свободное утро, и онъ рѣшилъ заняться пересмотромъ кое-какихъ записокъ по математикѣ. На несчастье, разыскивая эти записки, онъ наткнулся на груды повѣстусшекъ, излюбленныхъ Этелью, и обошелся съ ними довольно таки безцеремонно.

— Эта дрянь валяется всюду. Ты бы хоть иногда давала себѣ трудъ сложить ихъ въ одно мѣсто.

— Онѣ лежали въ порядкѣ, пока ты не расшвырялъ ихъ,—возразила Этель.

— Этакая мерзость! только и годится, что въ печку!—объявилъ Льюисгэмъ, обращаясь ко всему міру вообще и ни къ кому въ частности, и со злобой швырнулъ одну книжечку въ уголъ.

— Однако, ты самъ пытался написать такую-же.—замѣтила Этель, намекая на огромную кипу бумаги, измаранной Льюисгэмомъ въ напрасныхъ попыткахъ создать что-нибудь беллетристическое, въ то время, когда у него не было еще уроковъ. Напоминаніе объ этомъ всегда страшно раздражало его.

— Что такое?—сухо переспросилъ онъ.

— Ты самъ пытался написать повѣсть, — повторила не совсѣмъ охотно Этель.

— Ты не дашь мнѣ забыть объ этомъ.

— Ты самъ мнѣ напомнилъ.

Съ минуту онъ злобно смотрѣлъ на нее.

— Какъ бы тамъ ни было, этой пакости нечего здѣсь валяться. У насъ комната — точно хлѣвъ, чистаго угла не найдешь никогда.

— Старая пѣсня. Ты всегда это говоришь.

— Ну а что-же—*есть*?

— Конечно, есть.

— *Гдѣ-же?*

Этель сдѣлала видъ, что не слышитъ. Но въ Льюисгэма точно вселился бѣсъ, онъ уже не могъ удержаться.

— И добро бы у тебя была какая другая работа. Комнаты даже убрать не можеть.

Это былъ нечестный ударъ. Этель обернулась.

— Если бы я *убрала* ихъ,—возразила она дрожащимъ голосомъ, подчеркивая слово *убрала*,—ты бы только сказать, что я ихъ припрятала. Что пользы стараться угодить тебѣ?

Злой духъ подтолкнулъ Льюисгэма отвѣтить:—*Пользы*, очевидно, никакой.

Щеки Этели пылали, и глаза горѣли отъ не пролитыхъ слезъ. Она вдругъ перешла изъ оборонительнаго положенія въ наступательное и, съ дрожащими въ голосѣ нотками гнѣва, выложила разомъ то, что давно копилось у нея на душѣ.

— Я ни въ чемъ не могу угодить тебѣ съ тѣхъ поръ, какъ у тебя завелась переписка съ миссъ Гейдингеръ.

Наступила мертвая тишина. Оба точно онѣмѣли отъ удивленія. До сихъ поръ предполагалось, что Этель не имѣетъ понятія о существованіи миссъ Гейдингеръ. Въ умѣ Льюисгэма мелькнула догадка.—Откуда ты знаешь?—началь было онъ, но тотчасъ сообразилъ, что въ этомъ направленіи продолжать невозможно, и поступилъ, какъ истый мужчина: воскликнулъ съ отвращеніемъ:—Тыфу!—и, сердито возвысивъ голосъ, укоризненнымъ тономъ продолжалъ:—Какъ это нелѣпо! Что за вадоръ ты городишь? Какъ будто ты когда-нибудь старалась угодить мнѣ! Какъ будто ты не дѣлаешь все время какъ разъ наоборотъ!—Онъ запнулся, пораженный собственной несправедливостью и круто вернулся къ своей исходной точкѣ.

— Какъ ты узнала, что письмо отъ миссъ Гейдингеръ? Въ голосѣ Этели слышались слезы.

— А мнѣ, по твоему, не слѣдовало знать?

— Но какъ?

— Ты, должно быть, думаешь, что это меня не касается. Ты думаешь, что я каменная...

— Ты хочешь сказать... ты полагаешь?..

— Да—*полагаю!*..

Съ минуту Льюисгэмъ въ смущеніи глядѣлъ на нее, подыскивая какой-нибудь уничтожающій возгласъ, какой-нибудь неотразимый доводъ, которымъ бы онъ сразу могъ убѣдить ее, но такого не находилось. Онъ былъ прижать къ стѣнѣ. И вся душа всколыхнулась въ немъ отъ несправедливаго, неразумнаго гнѣва.

— Ревность! — вскричалъ онъ. — Ревность! Какъ будто... Развѣ мнѣ не могутъ писать о такихъ вещахъ, которыхъ ты не понимаешь, — не способна понять? Если бы я самъ просилъ тебя читать, ты бы не стала... Потому-то и...

— Ты никогда не давалъ мнѣ возможности понять.

— Будто?

— Конечно, нѣтъ!

— Что ты говоришь! А въ началѣ? Я пробовалъ.. Соціализмъ, религія—все. Но что тебѣ до этого? На все это тебѣ наплевать. Тебѣ бы хотѣлось, чтобы и я ни о чемъ такомъ не думалъ, ничѣмъ не интересовался? Что толку было убѣждать тебя? Ты любишь меня по своему, въ извѣстномъ смыслѣ, — а все остальное во мнѣ для тебя ничего не стоитъ! И за то только, что у меня есть другъ...

— Другъ!

— Да—другъ!

— Зачѣмъ же ты прячешь ея письма?

— Говорю же тебѣ, что ты бы не поняла, о чемъ она пишетъ. Ну да, плевать. Не стану я съ тобой спорить. Не стану! Ты ревнива, и баста! Только и всего!

— Кто бы на моемъ мѣстѣ не ревновалъ?

Онъ уставился на нее, какъ бы не понимая вопроса. Эта тема представляла неодолимые трудности. Онъ осмотрѣлся вокругъ, ища къ чему бы придраться, чтобы переменить разговоръ. Лежавшія на столѣ записки по математикѣ, вытащенные имъ изъ-подъ груды повѣстусшекъ, снова возбудили его гнѣвъ, напомнивъ о его обидѣ, о потраченномъ даромъ времени. Онъ круто вернулся къ основной причинѣ ихъ раздора. Яростно жестикулируя, онъ вскричалъ:

— Такъ не можетъ продолжаться! Это невыносимо! Развѣ я могу здѣсь работать? Развѣ я могу что нибудь дѣлать?

Онъ сдѣлалъ три шага и остановился посрединѣ комнаты, гдѣ было больше простора.

— Я не потерплю этого—я не намѣренъ этого переносить! Ссоры, придирки, непріятности. Смотри! Я нынче утромъ хотѣлъ работать, хотѣлъ пересмотрѣть записки. А ты вмѣсто того заводишь ссору..

Такой несправедливости стерпѣть не было силъ.—Не я завела ссору!—съ плачемъ выкрикнула Этель.

На крикъ можно отвѣчать только крикомъ, и Льюисгэмъ крикнулъ:

— Нѣтъ, ты. Ты изъ пустяка выводишь исторію. Придирается, злится, ревнуетъ—кого? меня! Развѣ здѣсь можно работать? Развѣ можно жить въ такомъ домѣ? Я уйду. Я сейчасъ иду въ Кенсингтонъ и буду работать тамъ.

У него не хватало словъ, а Этель, видимо, готовилась къ отвѣду. Онъ озирался, ища, чѣмъ бы еще раззадорить себя. Необходимо было дѣйствовать безотлагательно. На боковомъ столикѣ онъ увидалъ *Vertebrata* Гексли. Онъ схватилъ книгу, размахнулся, описавъ дугу въ воздухѣ, и съ силой швырнулъ книгу въ пустой каминъ.

Секунды двѣ онъ какъ будто искалъ другого метательнаго снаряда, но тутъ онъ увидалъ на комодѣ свою шляпу, схватилъ ее и трагически зашагалъ къ выходу.

У двери онъ минутку помедлилъ, потомъ распахнулъ ее настежь и съ силой захлопнулъ за собой. Такимъ образомъ, міръ былъ оповѣщенъ о справедливости его гнѣва, и онъ съ честью вышелъ на улицу.

Онъ шелъ, куда глаза глядятъ, по улицамъ, усыпаннымъ дѣловымъ озабоченнымъ людомъ, спѣшившимъ на работу. Но скоро привычка направила его шаги къ Бромптонъ-родъ. Утреннее движеніе въ ту сторону увлекло съ собой и его. Довольно долго, не смотря на упрямо шевелившееся на днѣ души удивленіе, гнѣвъ его не остывалъ,—онъ не давалъ ему остыть. Зачѣмъ я женился на ней?—твердилъ онъ себѣ, не переставая.—Зачѣмъ, чего ради я женился на ней?—Но, какъ бы то ни было, рѣшительное слово сказано. Онъ этого не потерпитъ. Этому долженъ быть положенъ конецъ. Такое положеніе вещей нестерпимо; такъ продолжаться не можетъ. Онъ придумывалъ громовую рѣчь, которую ему слѣдовало бы тогда же произнести передъ нею въ доказательство непереложности своего рѣшенія, придумывалъ разныя жестокости. Надо было ощутительно дать ей понять, что больше онъ этого не потерпитъ. Чего именно не потерпитъ?—этого вопроса онъ тщательно избѣгалъ.

Какимъ образомъ, для чего онъ женился на ней?.. Окружающая обстановка была, какъ нельзя болѣе подъ стать, его мрачнымъ мыслямъ. Огромныя, вытянутыя въ длину зданія изъ листового желѣза, къ которымъ примыкаетъ музей Искусствъ (и надо же было ему придти сюда!), изуродованная часовня, кривая, какъ-то бокомъ выступавшая въ улицу, казалось тоже негодовали на судьбу. Какой злой рокъ заставилъ его жениться на ней? Съ такими честолюбивыми замыслами! Послѣ такого начала!

Задумавшись, онъ миновалъ ворота музея и замѣтилъ это

только тогда, когда былъ уже довольно далеко. Гнѣвнымъ движеніемъ онъ повернулъ назадъ и вошелъ черезъ турникетъ въ музей, потомъ черезъ галлерею Старога Желѣза пошелъ въ образовательную библіотеку. Ряды свободныхъ столовъ, полки съ книгами сулили успокоеніе, убѣжище...

Таковъ былъ Льюисгэмъ утромъ. Но еще задолго до полудня гнѣвъ его погасъ и пылкая увѣренность въ недостойнствѣ Этели тоже. Лицо его, выглядывавшее изъ-за груды не раскрытыхъ книгъ по геологіи, было уныло и мрачно. Память рисовала ему его собственный портретъ, какимъ онъ былъ во время давешней ссоры—грубымъ, заносчивымъ, недобросовѣстнымъ. И изъ-за чего все это вышло?

Около двухъ часовъ онъ уже шелъ къ Вигурсу съ душою, полной остраго раскаянія. Какимъ образомъ совершился такой переходъ, трудно разсказать словами, ибо мысли гибче словъ и эмоціи несравненно труднѣе уловимы. Одно только мы можемъ сказать опредѣленно: въ душѣ его проснулось воспоминаніе. Оно донеслось до него издали, сквозь стеклянную крышу библіотеки. Онъ сначала даже не сообразилъ, что это воспоминаніе; онъ только чувствовалъ, что ему что-то мѣшаетъ сосредоточиться, и раздражался на это препятствіе.

— Чортъ побери эту проклятую шарманку!—проворчалъ онъ, ударивъ ладонью по раскрытой книгѣ.

И вдругъ судорожно зажалъ уши руками.

Минуту спустя онъ отбросилъ книги, всталъ и запагалъ по библіотекѣ. Музыка неожиданно оборвалась на полъ-тактъ, и отзвукъ ея замеръ среди окружающей тишины.

Льюисгэмъ захлопнулъ книгу, которую держалъ въ рукѣ, и вернулся на свое мѣсто.

Минуту спустя онъ, самъ того не замѣчая, напѣвалъ какую-то заунывную мелодію и снова думалъ о ссорѣ, которая, какъ ему казалось, совсѣмъ изгладилась изъ его памяти. Изъ-за чего все это вышло? У него было странное ощущеніе: какъ будто что-то вырвалось на свободу внутри его и шевелилось въ его душѣ. Но что? Словно въ отвѣтъ въ памяти его всплыла картинка изъ жизни въ Вортлеѣ: необычайно ясный лунный свѣтъ, склонъ холма, городокъ, ярко освѣщенный внизу, и музыка, унылая и чувствительная мелодія. Почему-то ему слышались звуки органа,—хотя онъ зналъ, что на самомъ дѣлѣ играетъ оркестеръ, и вмѣстѣ съ музыкой слышались протяжныя слова, походившія на слова закличанія:

Sweet dreamland fa—ces, passing to and fro,
Bring back to mem'ry, days of long ago—oh.

Подъ эту музыку не только вся картина встала передъ нимъ съ графической точностью, но и волненіе, безпричинное, безразсудное потокомъ хлынуло въ его душу, волненіе, какого, еще минуто тому назадъ онъ былъ увѣренъ, никогда больше не испытаетъ.

Онъ вспомнилъ все. Онъ спускался съ этого холма, и Этель шла рядомъ съ нимъ.

Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ *такъ* любилъ ее когда-то?

Тѣфу!—Онъ даже сплюнулъ и вернулся къ своимъ книгамъ.

Но мелодія по прежнему звучала въ ухахъ; память неотступно рисовала картины былого; онъ стояли передъ его глазами, и когда онъ завтракалъ молокомъ съ бѣлымъ хлѣбомъ—онъ рѣшилъ не возвращаться домой къ завтраку—и когда онъ шелъ на урокъ къ Вигурсу. Потому ли, что завтракъ изъ молока съ бѣлымъ хлѣбомъ самъ по себѣ наводитъ на болѣе кроткія мысли, или по какой другой причинѣ, но только шелъ онъ смущенный и въ безграничномъ недоумѣніи, спрашивая себя:

— Но если такъ, какъ же мы, чортъ побери, дошли до этого?

Утренній шумъ и движеніе на улицахъ уступили мѣсто почти полной тишинѣ. Льюисгэмъ мужественно старался разрѣшить вопросъ, возникшій въ его умѣ: какъ дошло до этого? Они поссорились—этого отрицать нельзя—и ужъ не въ первый разъ. Въ послѣднее время они ссорятся часто. Это была настоящая ссора: они стояли другъ противъ друга, какъ враги, нанося удары, парируя ихъ, стараясь уязвить побольнѣе. Онъ старался припомнить все по порядку,—что онъ ей говорилъ, и что она отвѣчала, но не могъ этого сдѣлать. Онъ позабылъ слова и отношеніе между ними. Въ его памяти вставалъ не логически послѣдовательный споръ и рядъ отдѣльныхъ, не имѣющихъ связи между собою сентенцій, рѣзкихъ, отрывочныхъ, какъ изрѣченія, вырѣзанные на камнѣ. Изъ всей сцены ему припомнилась только одна картинка—Этель у стола, съ пылающимъ лицомъ и глазами, блестящими отъ слезъ.

Необходимость лавировать между экипажами при переходѣ черезъ улицу на мигъ отвлекла его отъ этихъ мыслей. Но, вынырнувъ изъ давки и очутившись на противоположномъ тротуарѣ, онъ вновь былъ пораженъ контрастомъ ихъ измѣнившихся отношеній съ прежними. Онъ сдѣлалъ послѣднюю попытку свалить все на Этель, доказать себѣ, что эта перемѣна произошла исключительно по ея винѣ. Она начала ссору, начала умышленно, потому что вздумала ревновать. Она ревнуетъ къ миссъ Гейдингеръ, потому что она

дура. Но теперь эти обвиненія падали одно за другимъ, разсѣивались, какъ дымъ. А фигуры двухъ влюбленныхъ, идущихъ рука объ руку въ лунномъ сіяніи, неотступно стояли передъ глазами. Пробираясь узенькими проулками, выходящими на Большую Кенсингтонскую улицу, онъ уже не обвинялъ ее. А возлѣ городской ратуши онъ сдѣлалъ еще шагъ впередъ. Онъ спросилъ себя: развѣ не можетъ быть, что, до извѣстной степени, я самъ виноватъ больше ея?

И тотчасъ же почувствовалъ, что все время внутренно сознавалъ это.

Разъ вступивъ на этотъ путь, онъ двигался быстро. Не прошелъ онъ и ста шаговъ, какъ всякая борьба въ его душѣ улеглась, и онъ съ головой нырнулъ въ бездну угрызеній и самоукоровъ. И вся эта драматическая сцена, всѣ эти грубыя, жестокія вещи, которыя онъ говорилъ, встали передъ нимъ снова, но уже не какъ надписи, вырѣзанныя на камнѣ, а какъ обвиненія, начертанныя огненными буквами на стѣнѣ. Онъ пытался увѣрить себя, что не говорилъ этого, что память сыграла съ нимъ злую шутку, что онъ, можетъ быть, и говорилъ нѣчто подобное, но не такъ грубо, не такъ рѣзко, но это ему не удавалось. Почти столь же напрасны были его попытки умалить собственную боль и обиду. Эти попытки помогли ему только измѣрить глубину своего паденія.

Теперь все воскресло въ его памяти, какъ живое. Онъ видѣлъ Этель, всю облитую солнцемъ въ аллеѣ; Этель блѣдную, въ лунномъ сіяніи, въ моментъ ихъ прощанья передъ домомъ Фробишеровъ; Этель, выходящую изъ дома Легэна и поджидающую его для совмѣстной вечерней прогулки; Этель, только что обвиняемую, когда она вышла къ нему изъ за драпировки, вся сіяющая отъ радости и волненія. И, наконецъ, Этель, растрепанную и заплаканную въ плохо освѣщенной неприбранной комнаткѣ. Все это послѣдовательно припоминалось ему подъ музыку уличнаго органчика. Какъ можно было перейти отъ такой радужно-цвѣтной зари къ такому пасмурному, унылому дню? Что они утратили, что ушло отъ нихъ? Вѣдь онъ и она, наполнявшіе такой горечью жизнь другъ друга въ теченіе послѣднихъ злополучныхъ недѣль, были тѣ же самые люди, которые такъ свѣтло и радостно улыбались другъ другу въ его воспоминаніяхъ!

Его одолѣвала тоска. Теперь онъ винилъ наравнѣ и ее, и себя. Онъ готовъ былъ стонать отъ тоски.—Какъ это глупо все вышло! И изъ-за чего?

Онъ теперь узналъ любовь, узналъ, что она сильнѣе и властнѣй разсудка.

Онъ зналъ теперь, что любить ее, и его недавній гнѣвъ, враждебность, осужденіе ея казалось ему теперь чѣмъ-то

чуждымъ его душѣ, занесеннымъ извнѣ. Онъ самъ себѣ не вѣрилъ, припоминая, какъ послѣ первыхъ восторговъ, ихъ взаимная нѣжность мало по малу шла на убыль, какъ они постепенно становились скупѣе на ласки, какъ поддались первымъ приступамъ раздраженія, припоминая вечера, которые онъ проводилъ за работою, упорно не желая замѣчать ея присутствія. „Нельзя же вѣчно цѣловаться да милоститься,“—сказалъ онъ, и они разошлись въ разныя стороны. Какъ часто въ мелочахъ онъ бывалъ нетерпѣливъ, несправедливъ къ ней! Какъ часто задѣвалъ ее грубостью, недостаткомъ сочувствія, рѣзкой критикой ея поступковъ, ее, больше всего, нелѣпой тайнственностью, которой онъ окружалъ свою переписку съ миссъ Гейдингеръ. Чего ради онъ пряталъ отъ Этели ея письма?—какъ будто ему было что прятать! Что тутъ было скрывать? Что въ этихъ письмахъ могло вызвать ея негодованіе? Казалось-бы, ничего. А между тѣмъ, изъ-за этихъ вотъ мелочей, ихъ любовь стала похожа на нѣкогда дорогую и цѣнную вещь, попавшую въ грубыя руки, исцарапанную, изломанную, потертую, недалекую отъ полнаго разрушенія. И ея отношеніе къ нему измѣнилось: между ними легла пропасть, которую ему, быть можетъ, никогда уже не удастся заполнить.

— Нѣтъ, этого не должно быть, не будетъ!

Но какъ вернуться къ прежней близости, какъ изгладить впечатлѣніе сказанныхъ словъ, какъ раздѣлать то, что сдѣлано?

Можно ли вернуть прошлое?

На минуту онъ задумался надъ этимъ вопросомъ. Что, если вернуть его невозможно? Что, если зло не поправимо? Что, если дверь, которую онъ захлопнулъ за собою, заперлась на замокъ и не отворится для него больше ужъ никогда?

— Но мы должны, *должны* это сдѣлать!—говорилъ себѣ Льюисгэмъ.

Онъ понималъ, что извиненія и доводы разсудка будутъ здѣсь бесполезны.

Онъ долженъ начать сызнова, вернуться къ эмоціямъ былыхъ дней, стряхнуть давящій ихъ обоихъ гнетъ будничныхъ тревогъ и заботъ, вытравившихъ изъ жизни ихъ и свѣтъ, и радость. Но какъ? какъ?

Онъ долженъ предстать передъ нею снова влюбленнымъ. Но съ чего начать, какъ подчеркнуть перемѣну? У нихъ и раньше бывали примиренія, уступки скрѣпя сердце, договоры. Но это совсѣмъ другое. Онъ придумывалъ, что бы ей сказать, какъ разбудить ея душу. Но все, что приходило ему на умъ, было холодно и жестко, или жалостно и недостойно

его, или же театрально и глупо. А что, если дверь уже заперта? Если теперь уже поздно? На каждом шагу его колело воспоминаніе о томъ или другомъ обидномъ взглядѣ или грубомъ словѣ. Онъ вдругъ сообразилъ, какъ онъ долженъ былъ измѣниться въ ея глазахъ, и эта мысль была ему нестерпима. Ибо теперь онъ уже убѣдился, что любить ее всѣмъ сердцемъ, по прежнему.

И вдругъ онъ увидѣлъ передъ собой окно цвѣточнаго магазина и посрединѣ его букетъ розъ.

Онъ привлекли его вниманіе раньше, чѣмъ онъ сообразилъ почему. Передъ нимъ были бѣлыя, дѣвственно бѣлыя розы, блѣдно-желтыя, розовыя и алыя, розы всѣхъ оттѣнковъ тѣльнаго и жемчужнаго цвѣта, и посрединѣ одна темно-красная, мрачная. Вся эта роскошь благоухающихъ красокъ, ярко окрашенныхъ запаховъ, и эта мрачная нотка посрединѣ, словно отразила его мысли, его ощущенія. Онъ вдругъ круто повернулъ, остановился передъ окномъ и безцеремонно установился на цвѣты—букетъ былъ роскошный—онъ это видѣлъ; но почему онъ такъ привлекаетъ его вниманіе?

Тутъ его точно осянило. Вѣдь это и есть то, что ему нужно. Теперь ему было ясно, что надо сдѣлать. Вотъ что должно подчеркнуть перемѣну, растопить ледъ, а главное—уничтожить эту проклятую замкнутость. Каждый изъ нихъ до того ушелъ въ свою скорлупу, что ужъ ему и неловко быть самымъ собою съ другимъ. Эти цвѣты поразятъ ее неожиданностью, пламенемъ блеснутъ ей въ глаза, согрѣютъ ея душу.

А тамъ, вслѣдъ за розами, вернется и онъ.

И вдругъ сѣрый туманъ, окутывавшій его душу, разсѣялся, и онъ увидать міръ опять свѣтлымъ и радостнымъ, и явственно увидѣлъ сцену примиренія, о которой мечталъ: и Этель, не плачущей и язвящей, а веселой—такой веселой, какой она всегда была прежде. Сердце его забилося сильнѣе и чаще. Нуженъ подарокъ, и онъ знаетъ какой.

Неумѣстная скромность попыталась было слабымъ голосомъ заявить протестъ и тотчасъ же смолкла. Въ карманѣ у него былъ совершенъ. Онъ вошелъ.

Онъ очутился передъ внушительныхъ размѣровъ молодой дамой въ черномъ и... растерялся. Онъ былъ совершенно не подготовленъ. Онъ никогда раньше не покупалъ цвѣтовъ. Онъ озирался вокругъ, ища вдохновенія. Потомъ указалъ на розы.

— Я хочу... эти розы...

Когда онъ вышелъ, въ карманѣ у него осталось отъ соверена всего нѣсколько мелкихъ серебряныхъ монетъ. Розы онъ велѣлъ хорошенько упаковать и отправить Этели, непременно къ шести часамъ.

— Ровно въ шесть,—нѣсколько разъ повторилъ Льюисгэмъ.

— Понимаемъ,—сказала ему молодая особа въ черномъ, дѣлая видъ, что не можетъ скрыть улыбки.—Мы вѣдь призывкли; намъ не въ первый разъ.

XXVIII.

Появленіе розъ.

Но и съ розами ему не повезло.

Когда Льюисгэмъ пришелъ домой отъ Вигурса, было уже почти семь часовъ. Онъ вошелъ въ домъ съ сильно бьющимся сердцемъ. Онъ ожидалъ найти Этель взволнованной, съ цвѣтами въ рукахъ. Но у нея было блѣдное, измученное лицо. Онъ такъ удивился этому, что привѣтствіе замерло на его устахъ. Его, очевидно, надули. Онъ вошелъ въ гостиную—тамъ нигдѣ не видно было розъ. Этель прошла впередъ и стала у окна, спиною къ нему. Онъ не могъ дольше выносить неизвѣстности.

— Ничего не приносили?

Не спросить было нельзя, хотя онъ былъ заранѣе увѣренъ въ отвѣтъ.

Этель взглянула на него.

— А что же, по твоему, могли принести?

— О! ничего.

Она опять стала смотрѣть въ окно.

— Нѣтъ,—выговорила она медленно,—ничего не принесли.

Онъ придумывалъ, что бы такое сказать ей, чтобъ сократить разстояніе между ними, но ничего не могъ выдумать. Надо подождать, пока принесутъ розы. Онъ вытащилъ свои книги, чтобы какъ-нибудь убить время до ужина. Ужинъ прошелъ холодно и церемонно, прерываемый лишь самыми необходимыми чрезмѣрно учтивыми замѣчаніями. Разочарованіе и досада вновь омрачили душу Льюисгэма. Онъ начиналъ злиться на весь міръ вообще—и на нее въ томъ числѣ; онъ видѣлъ, что она все еще судить о немъ по прежнему, думаетъ, что онъ сердится,—и это, дѣйствительно, сердило его. Онъ опять, взялся за книги, а она помогала служанкѣ убирать со стола, какъ вдругъ послышался стукъ въ наружную дверь.—Наконецъ-то, принесли!—сказалъ онъ себѣ и мгновенно просіялъ, но не зная, что ему дѣлать—бѣжать ли на встрѣчу или остаться сидѣть и посмотреть, какъ она приметъ подарокъ. Какъ бы это спровадить служанку? она только помѣха. Въ

это время послышался голосъ Чэффери.—Чортъ бы его побралъ!—пробормоталъ себѣ подъ носъ Льюисгэмъ.

Теперь оставалось одно: если принесть розы, шмыгнуть въ корридоръ, перехватить ихъ и снести прямо въ спальню черезъ дверь, ведущую туда изъ корридора. Было бы весьма нежелательно, чтобы ихъ принесли при Чэффери. Онъ способенъ такъ высмѣять „подобные сантименты“, что всю жизнь не забудешь.

Льюисгэмъ старался всячески показать, что онъ не очень-то радъ гостю. Но Чэффери былъ въ такомъ прекрасномъ настроеніи, что не посмотрѣлъ бы и на десять такихъ холодныхъ пріемовъ. Онъ усѣлся, не дожидаясь приглашенія, въ свое любимое кресло.

Передъ м-ромъ и м-рсь Чэффери Льюисгэмы всегда прикрывали свои нелады притворной чистосердечностью, и м-ръ Чэффери скоро болталъ безъ умолку, не подозрѣвая, какой кризисъ переживаютъ молодые супруги. Онъ вынулъ изъ жилетнаго кармана двѣ сигары, говоря:

— Дивный моментъ! Честный человѣкъ курить прекрасную сигару, или обратно: прекрасный человѣкъ курить честную сигару—какъ вамъ больше нравится? Не хотите ли одну? Нѣтъ? Охъ, ужъ эти мнѣ ваши строгія правила! А вмѣстѣ было бы еще пріятнѣе. Право, мнѣ было бы также пріятно дать вамъ выкурить эту сигару, какъ выкурить ее самому. Ибо нынче я исполненъ благоволенія.

Онъ бережно отрѣзалъ кончикъ сигары, чиркнулъ спичкой, выждалъ, пока она догорѣла до дерева, только тогда закурилъ и съ минуту сидѣлъ молча, пуская огромные клубы дыма. Потомъ снова заговорилъ, въ промежуткахъ между фразами выпуская дымъ разнообразными красивыми спиралями.

— До сихъ поръ я плутовалъ только ради забавы.

Онъ подождалъ и, видя, что Льюисгэмъ не собирается отвѣчать, продолжалъ:

— На свѣтѣ есть три сорта людей, мой другъ, три, не больше,—а женщинъ только одинъ. Есть счастливые люди, есть плуты и глупцы. Помѣсей я не считаю. А плуты и глупцы, на мой взглядъ, весьма и весьма похожи другъ на друга.

Онъ опять подождалъ.

— Я тоже такъ полагаю,—буркнулъ Льюисгэмъ и угрюмо уставился въ каминъ.

Чэффери наблюдалъ за нимъ.

— Я проповѣдую мудрость. Нынче вечеромъ я особенно въ ударѣ. Я преподношу вамъ самыя завѣтныя свои и луч-

шія мысли—ибо, какъ вы увидите когда-нибудь—нынче особенный день. А вы разсѣянны.

Льюисгэмъ поднималъ на него глаза.

— День вашего рожденія?

— Тамъ будетъ видно. Я дѣлалъ чрезвычайно цѣнныя наблюденія надъ плутами и глупцами. Я рано убѣдился въ абсолютной необходимости для человѣка быть честнымъ, если онъ хочетъ быть счастливымъ. Для меня это такъ же вѣрно, какъ то, что на небѣ есть солнце. Это васъ удивляетъ?

— Видите ли, это плохо согласуется...

— Да. Я знаю, я знаю. Я вамъ все это объясню. Но прежде дайте мнѣ сказать вамъ, какой должна быть счастливая жизнь. Слушайте меня такъ, какъ если бы я лежалъ на смертномъ одрѣ, и это былъ мой прощальный завѣтъ. Прежде всего—неподкупность ума. Исцѣдуйте все и крѣпко держитесь того, что вы нашли правымъ. Жизнь не должна имѣть для васъ никакихъ иллюзій, никакихъ сюрпризовъ. Природа полна жестокихъ катастрофъ; человѣкъ—физически выродившаяся обезьяна; всѣ вожделѣнія, всѣ инстинкты должны быть обуздываемы; въ природѣ вещей нѣтъ спасенія; если оно есть, оно только въ природѣ человѣка. Все это грустно, но этой грустной правдѣ нужно смотрѣть прямо въ глаза. Надѣюсь, вы слѣдите за моею мыслью?

— Продолжайте,—сказалъ Льюисгэмъ, въ которомъ привитая рефератнымъ кружкомъ любовь къ преніямъ и защитѣ тезисовъ пересилила на мигъ тревогу о розахъ.

— Въ молодости—ученіе, саморазвитіе, въ юности—честолюбіе; на зарѣ возмужалости—любовь, не театральная страсть, а любовь.

Чэффери выговорилъ это особенно торжественно, внушительно поднимая палецъ.

— Затѣмъ—бракъ, въ молодыхъ годахъ и приличный, потомъ дѣти и честный, упорный трудъ для нихъ, трудъ на пользу страны, гдѣ живетъ вся семья; жизнь, полная самопожертвованія и на закатѣ—законная гордость. Вотъ счастливая жизнь. Обезпеченный отдыхъ и душевный покой на старости лѣтъ — вотъ счастливая жизнь; съ тѣхъ поръ, какъ на землѣ началась жизнь, она путемъ естественнаго подбора стремилась еоздать наиболѣе подходящаго для себя человѣка. Такимъ образомъ, человѣкъ можетъ прожить счастливо отъ колыбели до могилы — по крайней мѣрѣ — довольно счастливо. И для этого требуются три вещи: здоровое тѣло, здоровый умъ и здоровая воля... Да, здоровая воля.

Чэффери помолчалъ.

— Всякое иное счастье непрочно. И когда всѣ люди станутъ мудры, всѣ будутъ искать такой жизни. Слава! Бо-

гатство! Искусство! Краснокожіе чутъ помѣшанныхъ, и мы недалеко отъ этого. Но я говорю, что всѣ люди, не ведущіе такой счастливой жизни, плуты и глупцы. Физическое уродство въ моихъ глазахъ нѣчто вродѣ глупости тѣла.

— Да,—поддержалъ Льюисгэмъ:—я полагаю—вы правы.

— Глупецъ не умѣетъ добиться счастья потому, что у него не хватаетъ ума; онъ плохо рассчитываетъ, ковыляется, спотыкается, любой толчокъ или неожиданность могутъ сбить его съ ногъ; онъ учится страсти изъ книгъ, а жену беретъ изъ непотребнаго дома; онъ вздоритъ изъ-за пустяковъ; угрозы пугаютъ его, тщеславіе его обольщаетъ; онъ ослѣпленъ и потому попадаетъ въ просакъ. Плутъ же—когда онъ не дуракъ—не достигаетъ ничего, потому что не можетъ идти противъ свѣта. Многіе плуты въ то же время и дураки—большинство таковы—но не всѣ. Я знаю—я плутъ, но не дуракъ. Обыкновенный плутъ лишенъ воли, движущаго фактора, побуждающаго человѣка добиваться того, что онъ считаетъ за благо. Выдержка, настойчивость ему ненавистны. Узокъ путь и тѣсны врата; плутъ не можетъ удержаться на этомъ пути; глупецъ не умѣетъ найти его.

Тутъ Льюисгэмъ пропустилъ мимо ушей нѣсколько фразъ, ибо въ наружную дверь постучали. Онъ всталъ, но Этель предупредила его. Онъ постарался скрыть свою тревогу, но все же вздохнулъ свободнѣе, когда услышалъ стукъ затворившейся двери и легкіе шаги Этели, направлявшіеся изъ коридора въ спальню. Онъ повернулся къ Чэффери.

— Приходило ли вамъ когда-нибудь въ голову,—вдругъ, повидимому, ни съ того, ни съ сего спросилъ Чэффери,—что нравственное убѣжденіе само по себѣ еще не есть побудительная причина? Точно такъ же, какъ на одной желѣзнодорожной картѣ поѣздъ не уѣдетъ и на милю.

— Какъ? — переспросилъ Льюисгэмъ. — Карта? поѣздъ — миля—да, конечно. Конечно, нѣтъ.

— Вотъ то-то и оно-то. Такъ-то и бываетъ всегда съ заправскими плутами. Мы не дураки, мы не слѣпцы, мы знаемъ. Но передъ нами проѣзжая дорога, крутая, каменистая, скучная, родъ суроваго, но прочнаго счастья; а рядомъ—веселая, смѣющаяся тропинка,—трона соблазна, мой другъ, какъ говорятъ поэты, и на ней западня среди цвѣтовъ...

Этель вышла изъ-за драпировки, посмотрѣла на Льюисгэма, постояла немного, присѣла къ столу на плетеное кресло, какъ бы съ тѣмъ, чтобы взять оставленное на столѣ шитье, но тотчасъ же встала и ушла опять въ спальню.

Чэффери продолжалъ распространяться о скоротечности и тому подобныхъ высокихъ матеріяхъ. Льюисгэмъ пропустилъ цѣлыя тирады мимо ушей; все вниманіе его погло-

щено было розами. Зачѣмъ Этель ушла снова въ спальню? Неужели же?..

Въ эту минуту она опять вернулась, но сѣла такъ, что онъ не могъ видѣть ея лица.

— Если можно что-либо противопоставить подобной чистой и честной жизни, такъ это жизнь искателя приключеній. Но всякій авантюристъ долженъ молить себя у Бога ранней смерти, ибо приключенія несутъ съ собою раны, раны—болѣзни, а болѣзни—разстройство нервной системы. Этого не бываетъ только въ романахъ. А когда нервная сила убита, чего тогда стоитъ человѣкъ?.. О чемъ вы думаете, мой другъ?

— Тсъ! Что это?

Съ улицы опять постучали. Презирая золотыя изреченія мудрости, Льюисгэмъ вскочилъ и побѣждалъ отворять. Вошелъ знакомый мадамъ Гадовъ и направился прямо къ ней черезъ корридоръ, потомъ внизъ по лѣстницѣ. Когда Льюисгэмъ вернулся, Чэффери уже собрался уходить.

— Я побесѣдовалъ бы съ вами подольше, мой другъ, но я вижу—вамъ не до меня. У васъ что-то есть на душѣ. Не стану докучать вамъ догадками. Когда нибудь вы вспомните...—Онъ не договорилъ и положилъ руку на плечо Льюисгэма.

Можно было подумать, что онъ чѣмъ-то обиженъ.

Въ другое время Льюисгэмъ, можетъ быть, постарался бы умиловить его, но теперь онъ даже не сталъ извиняться. Чэффери повернулся къ Этели и посмотрѣлъ на нее какъ-то странно, потомъ протянулъ ей руку.—Прощай!

Въ дверяхъ онъ такъ же странно посмотрѣлъ на Льюисгэма, какъ бы собираясь что-то сказать, но сказалъ только: „Прощайте“!

Въ его манерѣ и звукѣ голоса было что-то, заставившее Льюисгэма остановиться на порогѣ и посмотрѣть ему вслѣдъ, но тотчасъ же мысль о розахъ снова всплыла въ его умѣ и взяла верхъ надъ всѣми другими.

Вернувшись въ гостиную, онъ засталъ Этель сидящей у стола машинки. Она перебирала клавиши. При входѣ его она пересѣла въ кресло, взяла книгу и закрыла ею лицо. Онъ смотрѣлъ на нее. Голова его была полна вопросовъ, но онъ не рѣшался заговорить. Значить, въ концѣ концовъ, такъ таки и не принесли? Онъ былъ жестоко разочарованъ и страшно золъ на безсовѣстно обманувшую его продавщицу. Онъ взглянулъ на часы разъ и другой, взялъ книгу и сдѣлалъ видъ, что читаетъ, но мысленно придумывалъ громовую рѣчь, которую онъ произнесетъ завтра въ цвѣточномъ магазинѣ. Онъ положилъ книгу, взялъ свой черный портфель и началъ безцѣльно открывать и закрывать его. При этомъ онъ украдкой

взглянуть на Этель и поймалъ ея взглядъ. Она тоже украдкой смотрѣла на него, и онъ не понималъ выраженія ея лица.

Онъ направился въ спальню и остановился, какъ вкопанный.

Тамъ пахло розами. Запахъ былъ такъ силенъ, что онъ взглянулъ за дверь, ожидая найти тамъ букетъ, перенесенный туда какой-то таинственной силой. Но въ корридоръ не слышно было запаха розъ.

Вдругъ онъ увидалъ что-то загадочно блѣвшее на полу у его ногъ и, нагнувшись, поднялъ блѣдно-желтый лепестокъ. Онъ держалъ его въ рукѣ и смотрѣлъ на него въ полномъ недоумѣніи. Въ эту минуту онъ замѣтилъ, что чехолъ на туалетѣ виситъ неровно, и, по вдохновенію, мгновенно отыскалъ связь между этимъ маленькимъ безпорядкомъ и лепесткомъ, блѣвшимъ въ его рукѣ.

Онъ шагнулъ впередъ, приподнял чехолъ и что же!— тамъ лежали его розы, измятыя, скомканныя!

У него захватило дыханіе, какъ у человѣка, котораго неожиданно окунули въ холодную воду. Онъ такъ и остался стоять съ чехломъ въ рукѣ.

Въ дверяхъ показалась Этель, блѣдная, съ какимъ-то новымъ непривычнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Онъ уставился на нее.

— Скажи на милость, зачѣмъ ты сунула сюда мои розы?

Она въ свою очередь уставилась на него, и на ея лицѣ отразилось его удивленіе.

— Зачѣмъ ты сунула сюда мои розы?—спросилъ онъ снова.

— Твои розы! Какъ? Такъ это ты прислалъ эти розы?

XXIX.

Розы и терніи.

Онъ продолжалъ смотрѣть на нее, не разгибаясь, не выпуская изъ рукъ чехла, лишь медленно, постепенно уясняя себѣ значеніе ея словъ.

И вдругъ ему все стало ясно.

При первомъ проблескѣ пониманія въ его лицѣ, она вскрикнула отъ изумленія и ужаса, шагнула впередъ и опустилась на табуретку. Потомъ, повернувшись къ нему, начала:

— Я... — и остановилась, нетерпѣливо всплеснувъ руками.—О!

Онъ, наконецъ, выпрямился и все смотрѣлъ на нее. Корзина съ розами, опрокинутая, лежала на полу между ними.

— Ты думала, что ихъ прислалъ кто-нибудь другой? —

спросилъ онъ, стараясь освоиться съ этимъ новымъ оборотомъ дѣла. Весь міръ перевернулся въ его глазахъ.

Она отвела глаза и пролепетала:—Я не знала... Это ловушка... Могла ли я думать, что это розы отъ тебя?

— Ты думала, что ихъ прислать кто-нибудь другой?

— Да. Думала.

— Кто же?

— М-ръ Бэйнсъ.

— Этотъ мальчишка?

— Да, этотъ мальчишка.

— Прекрасно!

Льюисгэмъ озирался вокругъ, отказываясь постичь непостижимое.

— Вы хотите сказать, что вы завели шашни съ этимъ юношей за моей спиной?

Она открыла ротъ, чтобы возразить, но не нашла словъ.

Его блѣдность все увеличивалась, пока, наконецъ, послѣдніе слѣды краски не сбѣжали съ его лица. Онъ засмѣялся, потомъ стиснулъ зубы. Мужъ и жена смотрѣли другъ на друга.

— А мнѣ и въ голову не приходило,—выговорилъ онъ ровнымъ голосомъ.

Онъ сѣлъ на кровать, съ какимъ-то злобнымъ наслажденіемъ топча ногами разбросанныя по полу розы.

— Мнѣ и въ голову не приходило!—повторилъ онъ, и легкая корзиночка, подброшенная кверху его ногой, какъ-то негодующе подпрыгнувъ, выкатилась изъ подъ драпировки въ сосѣднюю комнату, оставивъ за собой кровавый слѣдъ изъ ярко-алыхъ лепестковъ.

Такъ они сидѣли минуты двѣ, если не больше. Когда онъ заговорилъ снова, голосъ его звучалъ хрипло. Онъ формулировалъ свои чувства въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, какъ и раньше.

— Послушайте,—началъ онъ, откашливаясь, чтобы прояснить голосъ.—Не знаю, вы, можетъ быть, думаете, что я стерплю и это, но я не намѣренъ терпѣть.

Онъ взглянулъ на нее. Она сидѣла, глядя прямо передъ собой, не дѣлая даже попытки отразить неожиданную напасть.

— Говоря, что я не намѣренъ терпѣть это,—пояснилъ Льюисгэмъ,—я не имѣю въ виду устраивать вамъ сцены, исторіи или что-нибудь въ этомъ родѣ. Можно ссориться и возмущаться многимъ, и всетаки жить вмѣстѣ. Но это — это совсѣмъ другое. Вотъ къ чему привели всѣ мои мечты и иллюзіи!.. Подумайте, сколько я потерялъ изъ-за этой проклятой женитьбы. А теперь... Ты не понимаешь, не можешь понять.

— И ты... И *ты* не понимаешь!—повторяла Этель, плача, но не глядя на него и не поднимая рукъ, безпомощно лежавшихъ на колѣняхъ.

— Начинаю понимать.

Онъ помолчалъ, собираясь съ силами.

— Въ одинъ годъ погибли всѣ мои стремленія, всѣ надежды. Я знаю, что я былъ грубъ, раздражителенъ, я это, знаю. Я разрывался на двое. Но... я купилъ для васъ эти розы.

Она взглянула на розы, потомъ на его бѣлое, какъ бумага, лицо, сдѣлала чуть замѣтное движеніе въ его сторону и—опять замерла на мѣстѣ.

— Я думаю одно. Я давно убѣдился, что вы ограничены и пусты, что вы не способны ни думать, ни чувствовать, какъ я думаю и чувствую, я примирился съ этимъ. Но я думаю, что вы, по крайней мѣрѣ, вѣрны мнѣ...

— Я и вѣрна тебѣ.

— А вы... ба! вы швыряете мои розы подъ столъ!

Новая зловѣщая пауза. Этель пошевелилась, и онъ повернулся нѣ ей посмотреть, что она хочетъ дѣлать. Она вытащила платокъ и принялась вытирать имъ сухіе глаза, сначала одинъ, потомъ другой. Потомъ зарыдала:

— Я... я такъ же... вѣрна... какъ и ты... не хуже тебя.

Въ первый моментъ Льюисгэмъ былъ пораженъ. Потомъ сообразилъ, что на это возраженіе не слѣдуетъ обращать вниманіе.

— Я бы вынесъ это, я бы вынесъ все, если бъ вы были честны, если бъ я могъ быть увѣренъ въ васъ. Я глупецъ, я знаю, но я примирился бы и съ тѣмъ, что мнѣ пришлось бросить любимое дѣло, и съ потерей всякой надежды на завѣтную карьеру, будь я увѣренъ, что вы вѣрны мнѣ. Я... я *очень* любилъ васъ...

Онъ вдругъ смолкъ, замѣтивъ, что впадаетъ въ патетическій тонъ. Нѣтъ, этого не нужно. Лучше ужъ гнѣвъ.

— А вы—вы обманывали меня! Давно ли, часто ли—мнѣ все равно. Вы обманули меня. И я вамъ говорю,—онъ началъ жестикулировать,—что я не на столько глупъ и не на столько рабъ вашъ, чтобы стерпѣть и это! Что другое, а *такимъ* дуракомъ ни одной женщины меня не видать... Довольно-съ. На этомъ мы кончимъ; по крайней мѣрѣ, что касается меня. Мы повѣнчаны, но это мнѣ безразлично, будь мы повѣнчаны сто тысячъ разъ. Я не стану жить съ женщиной, которая принимаетъ цвѣты отъ другого мужчины...

— Я же не принимала.

Льюисгэмъ далъ волю гнѣву. Весь дрожа, онъ схватилъ пучекъ розъ и протянулъ ей.—А это что?—Онъ укололъ

себѣ палецъ шипомъ, и изъ пальца шла кровь, какъ тогда, когда онъ рвалъ для нея цвѣты терна.

— Я же не взяла цвѣтовъ,—оправдывалась Этель.—Я не виновата, что ихъ прислали.

— Уфъ! Какъ вамъ только не стыдно! Ну, да все равно. Что пользы доказывать и отрицать? Вы взяли цвѣты, они у васъ. Вы хотѣли схитрить, но выдали себя. И нашей жизни, и всему этому—онъ повелъ рукой по воздуху, какъ бы указывая на мебель мадамъ Гадовъ—пришелъ конецъ.

Онъ посмотрѣлъ на жену и съ мрачнымъ удовольствіемъ повторилъ:—Конецъ.

Она вскинула на него глаза. Въ лицѣ его не было и слѣда угрызенія.—Я не стану больше жить съ вами,—пояснилъ онъ,—чтобы не вышло ошибки. Наша совмѣстная жизнь кончена.

Взглядъ ея перешелъ съ его лица на разбросанныя по полу розы и остановился на нихъ. Она не плакала больше, и лицо у нея, за исключеніемъ глазъ, было совсѣмъ бѣлое.

Онъ повторилъ свое рѣшеніе въ другой формѣ.—Я уѣду. Намъ не слѣдовало вовсе жениться. Но... я никогда не ожидалъ *этого!*

— Я не знала!—выкрикнула она вдругъ.—Я же не знала! Чѣмъ же я виновата? Охъ, Господи!

Она смолкла и смотрѣла на него, ломая руки, безумнымъ, полнымъ отчаянія взоромъ.

Льюисгэмъ оставался непроницаемымъ и враждебнымъ.

— Это меня не интересуетъ,—возразилъ онъ въ отвѣтъ на ея нѣмую мольбу.—Этимъ все рѣшено. Вотъ *этимъ!*—Онъ указалъ на разбросанные цвѣты.—Не все ли мнѣ равно, что случилось или не случилось? Какъ бы тамъ ни было... о! я не сержусь. Я радъ. Вы понимаете? Покрайней мѣрѣ, все разрѣшилось. Чѣмъ скорѣе мы разойдемся, тѣмъ лучше. Я не останусь подъ одной крышей съ вами и одного дня. Я вынесу свой сундукъ и ремни въ ту комнату и тамъ уложусь. Ночь поневолѣ придется провести здѣсь; я усну въ креслѣ или буду *думать*. А завтра я рассчитаюсь съ мадамъ Гадовъ и уѣду. Вы можете вернуться... къ вашимъ плутнямъ.

Онъ перевелъ духъ. Она молчала, какъ мертвая.

— Вамъ этого хотѣлось—теперь можете. Вы хотѣли это сдѣлать, пока у меня не было еще работы. Помните? Ваше мѣсто у Легэна до сихъ поръ не занято—вы это знаете. Мнѣ все равно. Я вамъ говорю, что мнѣ теперь все равно. Не въ *этомъ* дѣло! Идите своей дорогой—я пойду своей. Понимаете? И вся эта гадость—этотъ стыдъ жить вмѣстѣ, когда ни одинъ изъ насъ не любитъ другого—да, я не люблю васъ *теперь*, такъ и знайте, и не воображайте себѣ!—кон-

чится, наконецъ, и навсегда. А что до брака—плевать я на него хотѣлъ! что въ немъ толку? Ошибка остается ошибкой и стыдъ стыдомъ. Это позоръ, а позору долженъ придти конецъ, и конецъ пришелъ.

Онъ съ рѣшительнымъ видомъ всталъ, отшвырнулъ отъ себя ногой въ сторону розы и полѣзъ подъ кровать за ремнями. Этель не возражала и не двигалась, но слѣдила за каждымъ его движеніемъ. Ремни не сразу удалось вытянуть, и Льюисгэмъ проворчалъ себѣ подъ носъ:—Да вылезай же, чортъ тебя дери!—Вытащивъ, наконецъ, ремни, онъ швырнулъ ихъ въ сосѣднюю комнату и вернулся за сундукомъ. Онъ рѣшилъ укладываться въ гостиной.

Выбравъ всѣ свои вещи изъ спальни, онъ съ тѣмъ же рѣшительнымъ видомъ задернулъ драпировку. По звукамъ, доносившимся до него, онъ сообразилъ, что она бросилась на кровать, и это наполнило его душу злобнымъ удовлетвореніемъ.

Съ минуту онъ постоялъ, прислушиваясь, затѣмъ началъ методически укладывать вещи. Первый взрывъ негодованія, вызванный неожиданностью открытія, стихъ. Онъ хорошо зналъ, что подвергаетъ ее тяжелой карѣ, и это было ему пріятно. При томъ же мысль, что долгій и тягостный періодъ смутныхъ недоразумѣній разрѣшился такимъ непредвидѣннымъ кризисомъ, сама по себѣ доставляла ему какое-то странное удовольствіе. Въ то же время молчаніе по ту сторону драпировки давало ему себя чувствовать весьма ощутительно, и онъ нарочно производилъ разные маленькіе шумы, выбивалъ пыль изъ книгъ, вытряхивалъ платье и т. п., чтобы показать, что онъ рѣшительно готовится къ отъѣзду.

Было около девяти часовъ. Въ одиннадцать онъ еще не кончилъ укладываться.

Внезапно онъ очутился во мракѣ. У мадамъ Гадовъ была похвальная привычка, въ видахъ экономіи, въ этотъ часъ тушить газъ, за исключеніемъ тѣхъ вечеровъ, когда у нея бывали гости.

Льюисгэмъ пошарилъ въ карманѣ, но спичекъ не оказалось. Онъ шепотомъ выругался. Специально на этотъ случай у него была куплена мѣдная лампа, а въ спальнѣ стояли свѣчи. Этель зажгла свѣчу; между складокъ драпировки виднѣлась полоска желтоватаго свѣта. Льюисгэмъ сталъ ощупью пробираться къ камину, по дорогѣ пребольно ударившись бокомъ о стулъ.

На каминѣ спичекъ не было. Переходя къ комоду, онъ чуть не упалъ, запнувшись о ремни. Въ нѣмой ярости онъ потрясъ кулаками и тутъ же споткнулся на корзинку, въ которой были розы. И на комодѣ онъ не могъ найти спичекъ.

У Этели въ спальнѣ, навѣрно. есть спички, но войти туда невозможно. Еще, пожалуй, пришлось бы просить, потому что она иногда носить спички въ карманѣ... Надобно бросить укладку—ничего больше не остается. Изъ сосѣдней комнаты не доносилось ни звука.

Онъ рѣшилъ прикурнуть на креслѣ и попытаться уснуть. Осторожно, ощупью, онъ добрался до кресла и сѣлъ. Съ минуту онъ еще прислушивался, потомъ закрылъ глаза и приготовился спать.

Но, вмѣсто сна, онъ думалъ о томъ, что ему придется дѣлать завтра. Онъ представлялъ себѣ сцену расчетовъ съ мадамъ Гадовъ и поиски новой холостой квартиры. Онъ соображалъ, въ какой части города легче будетъ найти ее. Возможныя хлопоты съ вещами, затрудненія и неприятели при поискахъ выростали въ его глазахъ до гигантскихъ размѣровъ. Все это мелочи, но мысль о нихъ страшно раздражала его. Его интересовало, что дѣлаетъ Этель—тоже укладывается? Что она намѣрена предпринять? Онъ прислушался, но ничего не было слышно. Какъ тамъ тихо! Удивительно тихо. Что она можетъ дѣлать? Этотъ новый интересъ вытѣснилъ изъ его головы мысли о завтрашнемъ днѣ. Онъ потихоньку поднялся съ кресла и сталъ прислушиваться, потомъ опять сѣлъ. Чтобы отогнать неумѣстное любопытство относительно тишины въ спальнѣ, онъ сталъ перебирать свои обиды и ея вины передъ собой.

Ему не сразу удалось сосредоточить свои мысли на этой темѣ, но скоро память его начала усердно работать, хотя, странное дѣло, припоминались ему какъ разъ не обиды. Его терзала нелѣпая мысль, что онъ былъ опять несправедливъ къ Этели, опять былъ опрометчивъ и золъ. Онъ дѣлалъ надъ собой неимоверныя усилія, чтобы воротить давешній порывъ ревности, но напрасно. Ея возраженіе, что она была такъ же вѣрна, какъ и онъ, упорно выдвигалось на первый планъ въ его умѣ. Онъ не могъ отогнать отъ себя мысли о томъ, что будетъ съ Этеляю, если онъ покинетъ еѣ. Что она будетъ дѣлать? Онъ зналъ, какъ она слабохарактерна, какъ ей нужна его опора и поддержка. Боже правый! Чего она не сдѣлаетъ?

Усиліемъ воли онъ сосредоточилъ свои мысли на Бѣйнсѣ. Это помогло. Онъ опять ощутилъ почву подъ ногами. Какая бы горькая участь ни ждала ее, заслужила она ее. И подѣломъ!

Но тутъ онъ незамѣтно опять скользнулъ внизъ, и опять его одолѣли, какъ давеча утромъ, угрызенія и сожалѣнія. Онъ схватился за Бѣйнса, какъ утопающій за соломенку, и соломенка вывезла. Нѣкоторое время онъ думалъ о Бѣйнсѣ.

Онъ никогда не видалъ поэта, и воображенію его быть предоставленъ полный просторъ. Одно казалось ему возмутительно досаднымъ препятствіемъ къ трагическому отмщенію за свою честь — молодость Бэйнса. Вѣдь онъ совсѣмъ мальчишка, пожалуй, еще моложе его самого!

Вопросъ: „Что станетъ съ Этелью?“— снова всплылъ на поверхность. Онъ боролся, заставляя себя не думать объ этомъ. Ну и пусть! Ему-то что? Это ея дѣло.

Гнѣвъ его потухъ, но онъ неумолимо твердилъ себѣ, что иного пути, кромѣ избраннаго имъ, ему нѣтъ. Если *это* простить, такъ можно и все простить. Есть вещи, которыхъ человѣкъ не *долженъ* терпѣть! Онъ упорно цѣплялся за эту точку зрѣнія. Потомъ у него смутно мелькнула мысль, что, пожалуй, многое онъ самъ выдумалъ. Но вѣдь ужъ флиртъ-то былъ у нихъ, кокетничала-то она навѣрное!.. Онъ боролся противъ такихъ мыслей, какъ будто въ его стремленіи къ справедливости было что-то унизительное. Онъ пытался представить себѣ ихъ вмѣстѣ...

Потомъ рѣшилъ, что самое лучшее будетъ уснуть.

Но его усталость была не изъ тѣхъ, которыя ведутъ съ собой сонъ. Онъ пробовалъ считать, припоминалъ химическія формулы, удѣльные вѣсы разныхъ жидкостей.

Онъ вздрогнулъ, ощутилъ холодъ и сообразилъ, что онъ сидитъ, скорчившись въ неудобной позѣ, на неудобномъ креслѣ. Онъ, очевидно, вздремнулъ. Онъ посмотрѣлъ, виденъ ли свѣтъ между складками драпировки. Да, виденъ, но вздрагиваетъ. Должно быть, свѣча догораетъ. Онъ подивился, что кругомъ все такъ тихо.

Чего же онъ вдругъ испугался?

Онъ долго сидѣлъ, прислушиваясь, нѣтъ ли движенія въ спальнѣ, вытягивая шею впередъ въ темнотѣ...

Ему пришла забавная мысль, что все случившееся происходило давнымъ давно. Онъ отогналъ эту мысль, какъ отогналъ и безразсудную увѣренность въ томъ, что произошло что-то непоправимое. Но почему же кругомъ такъ тихо?

Его одолѣвало предчувствіе какого-то страшнаго несчастья, непоправимаго, непереноснаго.

Онъ всталъ и медленно, съ безконечными предосторожностями, чтобы не стукнуть чѣмъ-нибудь, сталъ пробираться къ двери, прикрытой драпировкой. Онъ приложилъ глаза къ щелкѣ, обозначенной полоской свѣта.

Ничего не слышно, ни даже ровнаго дыханія спящей.

Онъ замѣтилъ, что дверь не заперта, но слегка приотворена. Онъ тихонько подтолкнулъ одну половинку. Все еще ни звука. Онъ отворилъ дверь шире и заглянулъ внутрь комнаты. Догорѣвшая свѣча вспыхивала и дымилась. Этель

лежала полураздѣтая на кровати; въ ея рукѣ, у самого лица была роза.

Онъ стоялъ блѣдный, какъ полотно, боясь пошевелиться, напрягая слухъ. Но даже и теперь онъ не могъ уловить ея дыханія.

Въ сущности, по всей вѣроятности, все благополучно. Она просто спитъ. Онъ тихонько уйдетъ, пока она не проснулась. Если она увидитъ его...

Онъ опять посмотрѣлъ на нее. Въ ея лицѣ было что-то...

Онъ подошелъ ближе, уже не заботясь о томъ, чтобы шаговъ его не было слышно, наклонился къ ней. Ничего не слышать, она-какъ будто не дышетъ.

Ея рѣсницы были еще влажны отъ слезъ, и подушка возлѣ щеки мокрая. На это блѣдное, заплаканное лицо больно было смотрѣть.

Ему стало нестерпимо жаль ее. Онъ забылъ все, кромѣ этого и того, какъ онъ обижалъ ее весь этотъ день. Въ эту минуту Этель пошевелилась и невнятно пролепетала одно изъ фантастическихъ ласковыхъ именъ, придуманныхъ ею для него.

Онъ забылъ, что они должны разстаться навсегда. Онъ ничего не чувствовалъ, кромѣ радости по поводу того, что она можетъ двигаться и говорить. Ревности какъ не бывало. Онъ упалъ на колѣни.

— Милая, — шепнулъ онъ. — Ты совсѣмъ здорова? Я... я не могъ уловить твоего дыханія, не могъ разслышать.

Она вздрогнула и проснулась.

— Я былъ въ другой комнатѣ, — продолжалъ Льюисгэмъ взволнованнымъ голосомъ. — Кругомъ такая тишина. Мнѣ стало страшно, я не зналъ, что случилось. Милая, Этель, милая!.. Ты совсѣмъ здорова?

Она быстро сѣла на постель, испытующе глядя на него.

— О, дай мнѣ сказать тебѣ!.. — вырвалось у нея стономъ. — Дай мнѣ сказать! Это все вздоръ — пустяки... Ты не хотѣлъ меня выслушать. Ты не давалъ мнѣ говорить. Это не справедливо, не выслушавъ...

Онъ сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ.

— Дорогая, я зналъ, что это вздоръ. Я зналъ. Я зналъ.

Она, рыдая, продолжала оправдываться отрывочными фразами.

— Это такъ просто. М-ръ Бэйнсъ... что-то въ его обращеніи подсказало мнѣ... Я знала, что онъ способенъ натворить глупостей... Но мнѣ такъ хотѣлось помочь тебѣ! — Она смолкла, вдругъ почувствовавъ, что не можетъ продолжать. Ей, какъ въ блескѣ молніи, представилась случайная встрѣча, глупости, которыя онъ говорилъ, ея страхъ, отступленіе...

Она рассказала-бы, если бы знала какъ. Но она не умѣетъ. Она поколебалась и рѣшила не говорить. — Ну и вотъ, — продолжала она, — я и подумала, что это онъ прислалъ розы, и струсила... Я испугалась...

— Милочка моя! Милочка! Я былъ жестокъ къ тебѣ. Я былъ несправедливъ. Я понимаю, понимаю. Прости меня, родная, прости.

— Мнѣ такъ хотѣлось чѣмъ нибудь помочь тебѣ. Это все, что я могла сдѣлать: маленькій заработокъ. А ты все сердился. Я думала, что ты совсѣмъ разлюбилъ меня за то, что я не понимаю твоего дѣла... И эта миссъ Гейдингеръ... О! это было ужасно!

— Голубка моя! Я нисколько не интересуюсь миссъ Гейдингеръ.

— Я знаю, что я тебѣ только помѣха. Но если-бъ ты только захотѣлъ помочь мнѣ. О! я стала бы работать, учиться. Я бы все сдѣлала, что только могу, чтобы понять.

— Милая, — шепнулъ Льюисгэмъ. — *Милая.*

— И чтобы *она*...

— Милая, — голосъ его звучалъ торжественно. — Я былъ скотъ. Я все это покончу, все покончу.

Онъ вдругъ схватилъ ее въ объятія и сталъ цѣловать.

— О, я *знаю*, что я глупая...

— Ты не глупая. Это я былъ глупъ. Я былъ жестокъ, безразсуденъ. Весь день сегодня... я корилъ себя. Милая! Мнѣ ничего не надо, кромѣ *тебя*. Только бы ты была со мною, все остальное вздоръ... Но я вѣчно торопился, говорилъ рѣзко... Это все оттого, что я заваленъ работой и отъ бѣдности. Милочка моя, мы должны держаться другъ друга. Сегодня весь день... Это было ужасно...

Онъ запнулся. Они прижались другъ къ другу.

— Вѣдь я люблю тебя, — сказала она, обвивая его шею руками... — Я такъ... *такъ* люблю тебя!..

Онъ притянулъ ее къ себѣ еще ближе, поцѣловалъ ее въ шейку. Она прижалась къ нему.

Губы ихъ встрѣтились.

Догорѣвшая свѣча вспыхнула яркимъ пламенемъ, затрещала и разомъ погасла. Воздухъ былъ тяжелый отъ сильного запаха розъ.

XXX.

Исчезновеніе.

Во вторникъ Льюисгэмъ, вернувшись домой въ пять часовъ—въ половинѣ шестого ему нужно было уже опять на урокъ—засталъ м-рсъ Чэффери и Этель въ слезахъ. Онъ усталъ и ему очень хотѣлось чаю, но ожидавшія его новости заставили позабыть о чаѣ.

— Онъ уѣхалъ,—объявила Этель.

— Кто уѣхалъ? Какъ! Неужто Чэффери?

М-рсъ Чэффери, зорко слѣдя за тѣмъ, какъ приметъ это Льюисгэмъ, уныло кивнула головой, стирая слезы много видѣвшимся носовымъ платкомъ.

Льюисгэмъ быстро сообразилъ, въ чемъ дѣло, и затрепеталъ, не рѣшаясь угадывать послѣдствія. Этель протянула ему письмо..

Съ минуту Льюисгэмъ держалъ его въ рукахъ, не читая и задавая вопросы. М-рсъ Чэффери нашла письмо подъ часами, когда пришло время заводить ихъ—они заводятся разъ въ недѣлю. Чэффери, какъ оказалось, еще въ субботу вечеромъ ушелъ изъ дома и съ тѣхъ поръ не возвращался. Письмо было не запечатано и адресовано Льюисгэму. Это было длинное многословное посланіе, съ претензіями на остроуміе, по стилю значительно ниже рѣчей автора. Оно было написано за нѣсколько часовъ до послѣдняго визита Чэффери къ Льюисгэмамъ; такъ что его поученія являлись какъ бы постскриптумомъ къ завѣщанію.

„Чрезмѣрная глупость этого субъекта Легэна гонить меня вонъ изъ страны“, читалъ Льюисгэмъ. „Въ концѣ концовъ я таки далъ осѣчку, попался; боюсь, что это проступокъ даже съ точки зрѣнія закона. Я уѣзжаю. Удираю. Рву всѣ связи. Мнѣ будетъ не доставать нашихъ долгихъ освѣжающихъ бесѣдъ: вы изобличили меня, и я могъ говорить съ вами на чистоту. Мнѣ грустно разстаться и съ Этелью, но, благодаря Богу, о ней есть кому позаботиться! Вы позаботитесь, конечно, о нихъ обѣихъ, хотя на „обѣихъ“ вы, можетъ быть, и не рассчитывали.

Льюисгэмъ чуть не завылъ и, пропустивъ вторую страницу, перешелъ прямо къ третьей, гдѣ Чэффери излагалъ уже разныя практическія соображенія. Онъ чувствовалъ, что обѣ женщины смотрятъ на него, не сводя глазъ.

„Въ нашемъ Клапгэмскомъ домѣ изъ легкаго и удобоносимаго движимаго имущества осталось не много такого,

что избѣжало пагубнаго дѣйствія моей прискорбной непредусмотрительности, но все же кой какія вещи остались: окованный желѣзомъ сундукъ; конторка со сломанными петлями и большой воздушный насосъ; все это, несомнѣнно, можно заложить, если только вамъ удастся дотащить это до лавки закладчика. У васъ больше силы воли, чѣмъ у меня, у меня никогда не хватало энергіи стащить всю эту дрянь внизъ. Окованный желѣзомъ сундукъ первоначально принадлежалъ мнѣ, когда я еще не былъ женатъ на вашей тещѣ, такъ что, какъ видите, я не вовсе равнодушенъ къ вашему благополучію и необходимости чѣмъ нибудь отблагодарить васъ за труды. Не судите меня слишкомъ строго“.

Льюисгэмъ быстро перевернулъ листокъ, не дочитавъ до конца страницы.

„Моя жизнь въ Клапгэмъ въ послѣднее время наскучила мнѣ, и, говоря правду, зрѣлище вашего бодрого юнаго счастья—вѣдь это, знаете, большое счастье отдаться цѣликомъ борьбѣ съ міромъ—напомнило мнѣ, что годы уходятъ. Вы подумаете, что я увлекся новыми вѣяніями. Не только это. Чтобы быть вполне искреннимъ въ своей самокритикѣ, я скажу вамъ, что мнѣ еще хочется жить; я чувствую, что моя жизнь не совсѣмъ еще изжита. Какія это дивныя слова: пожить своей собственной жизнью; отдающія честнымъ презрѣніемъ къ нравственному плагиату о *Imitatio Christi* тутъ не при чемъ... Мнѣ хочется увидать новыя мѣста, новыхъ людей... Я знаю, мнѣ уже поздновато начинать жизнь сызнова; я уже успѣлъ облысѣть и бакенбарды мои посѣдѣли, но—лучше поздно, чѣмъ никогда. Почему монополія подобныхъ опытовъ должна быть предоставлена современнымъ ученымъ дѣвицамъ? Да и бакенбарды, въ концѣ концовъ, можно выкрасить...“

„Въ недалекомъ будущемъ Легэнъ узнаетъ такія вещи—я коснусь ихъ слегка—которымъ онъ будетъ не мало дивиться“. Льюисгэмъ сталъ читать внимательнѣе. „Дивлюсь и я этому человѣку, всюду жадно ищущему чудесъ, когда онъ самъ окруженъ почти невѣроятными чудесами. Что это за человѣкъ, который гоняется вѣчно за духами, когда его собственное глупое я (нелогичное, неразумное, вызванное къ жизни какимъ-то непонятнымъ волшебствомъ) ошутительнѣе для него, чѣмъ его дыханіе, и ближе къ нему, чѣмъ его руки и ноги. Что такое самъ онъ, чтобы ему дивиться духамъ? Удивляюсь, какъ это далеко не ничтожное физическое явленіе до сихъ поръ не обратило на себя вниманія нашихъ изслѣдователей, и почему общество изслѣдованія рѣдкостныхъ иллюзій и галлюцинацій не подвергаетъ Легэна допросу. *A priori* можно утверждать, что такое ненужное непонятное су-

щество, такой вздорный болтунъ можетъ быть только порожденіемъ чьей-то больной истеричной фантазіи. Вы вѣрите, что такая вещь, какъ Легэнь, существуетъ? Признаюсь, у меня на этотъ счетъ весьма серьезныя сомнѣнія. Къ счастью, его банкиръ человекъ болѣе довѣрчиваго типа, чѣмъ я... Впрочемъ, обо всемъ этомъ вскорѣ разскажетъ вамъ самъ Легэнь.“

Дальше Льюисгэмъ не сталъ читать.

— Онъ, должно быть, воображалъ, когда писалъ это, что вся эта дребедень необычайно умна,—горько усмѣхнулся онъ, швыряя листки на столъ.—Дѣло просто: онъ укралъ, поддѣлалъ чужую подпись или что нибудь въ этомъ родѣ и удралъ.

Наступило молчаніе.

— Что же будетъ съ мамашей?—спросила Этель.

Льюисгэмъ взглянулъ на мамашу и на минуту задумался. Потомъ посмотрѣлъ на Этель.

— Что-жъ, поплывемъ всѣ въ одной лодкѣ.

— Я не хочу быть въ тягость никому,—слезливо пробормотала м-рсъ Чэффери.

— Я думаю, ты могла бы напоить меня чаемъ, Этель; это вѣдь ничего не измѣнитъ,—сказалъ Льюисгэмъ, садясь, и забарабанилъ пальцами по столу.—Мнѣ въ четверть седьмого надо быть уже въ Вальгамъ-Гринѣ.

— Поплывемъ всѣ въ одной лодкѣ,—немного спустя повторилъ Льюисгэмъ, продолжая барабанить по столу. Его главнымъ образомъ занималъ тотъ любопытный фактъ, что имъ теперь придется всѣмъ плыть въ одной лодкѣ. Какая у него необычайная способность навлекать на себя отвѣтственность! Онъ поднялъ глаза, поймалъ взглядъ заплаканныхъ глазъ м-рсъ Чэффери, вопросительно и скорбно устремленный на Этель, и его озабоченность смѣнилась вдругъ состраданіемъ.

— Не горюйте, мамаша,—сказалъ онъ.—Вы вѣдь не виноваты. Я васъ не брошу.

— Ахъ!—воскликнула м-рсъ Чэффери.—Я была увѣрена въ этомъ!—А Этель подошла и поцѣловала его.

Ему грозила неминуемая опасность перехода изъ однихъ объятій въ другія, но такая перспектива ни мало не привлекала его, и онъ сказалъ:

— Дали бы вы мнѣ лучше чаю.

За чаемъ онъ все время разспрашивалъ м-рсъ Чэффери о подробностяхъ, стараясь освоиться съ новымъ положеніемъ вещей и собрать все въ одинъ фокусъ.

Но и въ десять часовъ, когда онъ возвращался съ уроковъ домой, усталый и разгоряченный, онъ все еще старался

о томъ же и не могъ этого сдѣлать. Въ схемѣ, набросанной имъ, было слишкомъ много пробѣловъ и недоумѣній, и это его смущало.

Онъ зналъ, что ужинъ будетъ только прелюдией къ безконечнымъ разговорамъ о случившемся и, дѣйствительно, ему удалось лечь въ постель только около двухъ часовъ ночи. За то программа дѣйствій была въ общихъ чертахъ уже выработана.

М-рсъ Чэффери была прикована къ Клапгэму—ихъ домъ былъ снятъ на нѣсколько лѣтъ—слѣдовательно, придется переѣхать туда. Подвальный этажъ и первый сдавались въ наемъ безъ мебели, и доходы съ нихъ, въ сущности, покрывали собою квартирную плату. Чэффери занимали часть нижняго и второй этажъ. Во второмъ этажѣ была спальня, прежде предоставлявшаяся въ распоряженіе жильцовъ нижняго этажа; эту спальню могутъ занять они съ Этелью. Тамъ есть старый туалетный столъ, который можно превратить въ письменный, на случай, если придется работать дома. Этель можетъ поставить свою машинку въ нижней полутемной столовой. М-рсъ Чэффери и Этель будутъ покупать провизію и заниматься хозяйствомъ; а тамъ—въ виду того, что отдача комнаты въ наймы не вязалась съ профессиональной гордостью Льюисгэма, надо постараться какъ можно скорѣе освободиться отъ связывающаго ихъ контракта и пріискать квартиру поменьше, гдѣ нибудь на окраинахъ. Если они переѣдутъ, не оставивъ адреса, они могутъ рассчитывать, что чувства ихъ не будутъ оскорблены возвращеніемъ блуднаго отца Чэффери.

Непрестанное и трогательное восхищеніе м-рсъ Чэффери добротой Льюисгэма лишь отчасти умѣряло его склонность къ горькимъ мыслямъ и философствованіямъ. Размышленія практическаго свойства усложнялись догадками и предположеніями относительно Чэффери, что онъ могъ сдѣлать, куда онъ уѣхалъ, и нѣтъ ли какихъ нибудь шансовъ на его возвращеніе.

Когда м-рсъ Чэффери, проливъ потоки слезъ и осыпавъ своихъ добрыхъ, милыхъ дѣтей градомъ поцѣлуевъ и благословеній, наконецъ, убралась во свояси, м-ръ и м-рсъ Льюисгэмъ вернулись въ гостиную. Личико м-рсъ Льюисгэмъ выражало энтузіазмъ.

— Ты мой хорошій, славный!—сказала она, закинувъ на шею мужу свои пухленькія ручки, которыхъ прикосновеніе было ему наградой.—Я знаю, знаю. Я сегодня весь вечеръ была влюблена въ тебя. Милый! милый!..

На другой день Льюисгэмъ былъ слишкомъ занятъ, чтобы повидаться съ Легэномъ, но на слѣдующее утро онъ за-

шелъ къ изслѣдователю психическихъ явленій и засталъ его за исправленіемъ корректуры „Геспера“. Тѣмъ не менѣе Леганъ принялъ молодого человѣка очень радушно, воображая, что тотъ явился за разрѣшеніемъ многихъ вопросовъ, какъ собирался раньше. О женитьбѣ Льюисгэма онъ, очевидно, не зналъ. Льюисгэмъ брякнулъ ему всю правду сразу.

— Онъ былъ здѣсь въ субботу, — сказалъ Леганъ. — Вы всегда были склонны относиться къ нему подозрительно. Есть ли у васъ основанія?

— Прочитайте-ка лучше, — сказалъ Льюисгэмъ, подавивъ насмѣшливую улыбку и подавая ему письмо Чэффери.

Во время чтенія Льюисгэмъ то поглядывалъ на Легана, чтобы не пропустить момента, когда онъ дойдетъ до того, что относится къ нему лично, то съ завистью разглядывалъ разныя письменныя принадлежности, въ изобиліи красовавшіяся на столѣ. Навѣрное, у лопоухаго юноши тоже есть все это...

Когда Леганъ дошелъ до вопроса о подлинности своего существованія, щеки его какъ-то удивительно странно оттопырились, но ничѣмъ инымъ онъ не выказалъ своего негодованія.

— Чудеса! — сказалъ онъ, наконецъ. — Причемъ тутъ мои банкеры?

Его глаза смотрѣли на Льюисгэма изъ-подъ очковъ съ преувеличенной кротостью.

— Какъ вы думаете, что это значитъ? Не сошелъ ли онъ съ ума? Мы производили въ послѣднее время нѣкоторые опыты, требующіе значительнаго умственнаго напряженія. Онъ, я и еще одна лѣди. Опыты гипнотическаго характера...

— Я бы на вашемъ мѣстѣ заглянулъ въ свою чековую книжку.

Леганъ вынулъ ключи и досталъ свою чековую книжку. Онъ перелисталъ ее и протянулъ Льюисгэму.

— Здѣсь все въ порядкѣ.

— Гмъ. А *это*? — тоже въ порядкѣ?

Онъ подаль книжку обратно Легану, раскрытую на страничкѣ съ оторваннымъ чекомъ. Леганъ уставился на нее и сконфуженно провелъ рукою по лбу.

— Я... не вижу, — сказалъ онъ.

Льюисгэмъ никогда не слыхалъ о гипнотическихъ внушеніяхъ, сохраняющихъ силу и послѣ транса, и отнесся къ этому заявленію съ большимъ недоумѣніемъ.

— Вы не видите, что половина листовъ оторвана? Что за вздоръ!

— Не вижу, — повторилъ Леганъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ Льюисгэмъ не могъ удержаться отъ нелѣпыхъ повтореній своего недовѣрчиваго вопроса; наконецъ, онъ указалъ на сосѣдній листокъ.

— Взгляните же сюда. Этотъ листокъ вы видите?

— Совершенно ясно.

— Можете прочесть номеръ?

— Пять тысячъ двѣсти семьдесятъ девять.

— А на этомъ?

— Пять тысячъ двѣсти восемьдесятъ одинъ.

— Ну? Куда же дѣвался пять тысячъ двѣсти восьмидесятый?

Леганъ, видимо, начиналъ чувствовать себя неловко. — Неужели же... — началъ онъ. — Не можетъ же быть... Не прочтете ли вы номеръ, т. е. цифру на чекѣ — на листкѣ, котораго я не вижу.

— Онъ бѣлый, — сказалъ Льюисгэмъ, будучи не въ силахъ сдержать усмѣшки.

— Да, конечно. — Лицо Легана выразило еще большее смущеніе. — Вы не обидитесь, если я позову служанку взглянуть?...

Льюисгэмъ ничего не имѣлъ противъ, и вошла та же дѣвушка, которая впускала его на сеансъ. Давъ показаніе, она удалилась. Выходя изъ комнаты въ дверь, находившуюся за спиной Легана, она остановилась, поймала взглядъ Льюисгэма, подняла брови, поджала губы и многозначительно покосилась на своего господина.

— Боюсь, — сказалъ Леганъ, — что со мной поступили гнусно. М-ръ Чэффери — человѣкъ, несомнѣнно, большихъ дарованій... большихъ дарованій, но я боюсь... я очень боюсь, что въ данномъ случаѣ онъ злоупотребилъ условіями опыта. Все это и его оскорбленія весьма огорчаютъ меня.

Онъ смолкъ. Льюисгэмъ всталъ.

— Вы не откажете навѣститъ меня еще разъ? — съ кроткой учтивостью попросилъ Леганъ.

Льюисгэмъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что ему жаль этого человѣка.

— Онъ человѣкъ необычайныхъ дарованій, — повторилъ Леганъ. — Я привыкъ довѣрять ему... Въ послѣднее время у меня въ банкѣ собралась довольно крупная сумма, но какъ онъ узналъ объ этомъ, я не умѣю сказать. Конечно, если не предположить, что онъ обладаетъ исключительными способностями.

Зайдя на другой день къ Легану, Льюисгэмъ узналъ подробности мошеннической продѣлки Чэффери и вдобавокъ то обстоятельство, что „лади“ также исчезла.

— Это-то хорошо! — эгоистически замѣтилъ онъ. — По край-

ней мѣрѣ, онъ ужъ навѣрное не вернется. — Онъ попробовалъ вообразить себѣ „лэди“ и тутъ ясное, чѣмъ когда либо, почувствовалъ, какъ скуденъ его опытъ и какъ бѣдно воображеніе. Однако и у этихъ господъ съ сѣдыми бакенбардами и подержаной честью есть свои эмоціи. И они способны пламенѣть!.. Затѣмъ онъ вернулся къ дѣлу. Оказалось, что Чэффери, загипнотизировавъ Легэна, внушилъ ему дать свой „автографъ“ на чековомъ бланкѣ.

— Странное дѣло! — пояснялъ Легэнъ. — Сомнительно даже, подлежить ли онъ отвѣтственности по закону? Въ законѣ такъ смутно сказано насчетъ гипнотизма. А чекъ-то вѣдь я подписалъ.

Маленькій человѣчекъ, не смотря на свою потерю, былъ уже опять почти веселъ; его забавляла курьезная маленькая подробность.

— Вы можете сказать, что это совпаденіе, можете объяснить это случайностью, — говорилъ онъ, — но я предпочитаю поискать другого объясненія. Вы только подумайте. Цифру моего баланса знаютъ только я да мои банкиры. Отъ меня онъ этого узнать не могъ, потому что я самъ не зналъ — я по мѣсяцамъ не заглядывалъ въ свою чековую книжку. А онъ выставилъ на чекъ какъ разъ эту сумму, съ ошибкой всего на семнадцать шиллинговъ и шесть пенсовъ. А цифрата свыше пятисотъ фунтовъ!

Дойдя до этого, онъ совсѣмъ просіялъ.

— Всего на семнадцать шиллинговъ и шесть пенсовъ! Каково! Какъ вы это объясните, а? Попробуйте дать этому матеріалистическое объясненіе. Не съумѣете. И я не могу.

— А я думаю, что я могу.

— Ну-съ, — какое же?

Льюисгэмъ кивнулъ на маленькій ящичекъ письменнаго стола.

— Не думаете ли вы, — ему стало смѣшно, но онъ удержался, — что у него могла быть отмычка?

Возвращаясь въ Клангэмъ, Льюисгэмъ сначала видѣлъ передъ собой забавно вытянувшуюся фізіономію Легэна. Но немного погодя ему стало уже не такъ смѣшно.

Онъ задумался надъ тѣмъ необычайнымъ фактомъ, что Чэффери его тестъ, м-рисъ Чэффери — теща, что они оба и Этель составляютъ его семью, его *кланъ*, и этотъ мрачный грязный домъ на Клангэмскомъ холмѣ будетъ его домомъ. Его домомъ! Связь его со всѣми этими людьми и предметами была неразрывной, какъ будто онъ и родился среди нихъ. А между тѣмъ, еще годъ тому назадъ никто изъ нихъ не существовалъ для него; даже воспоминаніе объ Этели поблѣднѣло и почти ступшествовалось. Вотъ что значитъ судьба!

Событія послѣднихъ мѣсяцевъ, словно въ ракурсѣ, прошли передъ нимъ съ быстротой пантомимы. Все это вдругъ представилось ему въ смѣшномъ видѣ, и онъ засмѣялся.

Этотъ смѣхъ составилъ эпоху въ его жизни. Никогда раньше Льюисгэмъ, когда ему приходилось туго, не смѣялся надъ затруднительностью своего положенія. Чрезмѣрной серьезности, свойственной юности, пришелъ конецъ; наступалъ періодъ зрѣлости. Этотъ смѣхъ былъ предвѣстникомъ безконечныхъ уступокъ и примиреній.

XXXI.

Въ паркѣ Баттерси.

Хотя Льюисгэмъ и обѣщалъ порвать всякія отношенія съ миссъ Гейдингеръ, онъ ничего не предпринималъ для этого въ теченіе цѣлыхъ пяти недѣль; онъ только оставилъ ей послѣднее злополучное письмо безъ отвѣта. Тѣмъ временемъ супруги успѣли переѣхать отъ мадамъ Гадовъ въ Клангэмъ, — при чемъ не обошлось безъ непріятностей всякаго рода, — и поселиться въ маленькой комнаткѣ во второмъ этажѣ, устроившись именно такъ, какъ они предполагали. И здѣсь-то отъ нѣсколькихъ шепотомъ сказанныхъ словъ измѣнился весь міръ, измѣнился до неузнаваемости.

Слова эти были произнесены шепотомъ, межъ слезъ и рыданій, въ то время, какъ руки Этели обвивали шею ея мужа, а распущенные волосы ея падали ей на лицо, совершенно закрывая его. Шепотомъ отвѣчалъ на нихъ и Льюисгэмъ, нѣсколько смущенный, но въ то же время ошущающій странную гордость, странное не испытанное дотолѣ волненіе, нѣчто совершенно не похожее на то, что, какъ ему казалось, онъ долженъ будетъ почувствовать, услыхавъ то, что ему теперь было сказано и чего онъ такъ боялся. Онъ вдругъ почувствовалъ, что это конецъ, рѣшеніе задачи, примиреніе, выходъ изъ конфликта, который такъ долго тяготилъ его. Колебаніямъ пришелъ конецъ; теперь онъ знаетъ свой путь.

На другой день онъ послалъ записочку, а два дня спустя покончилъ свои математическія занятія часомъ раньше, чѣмъ это было безусловно необходимо, и, вмѣсто того, чтобы идти прямо къ Вигурсу, отправился черезъ мостъ въ паркъ Баттерси. Тамъ, возлѣ скамьи, на которой они однажды уже сидѣли вмѣстѣ, прохаживалась взадъ и впередъ, въ ожиданіи его, миссъ Гейдингеръ. Они пошли вмѣстѣ до конца аллеи и назадъ, обмѣниваясь коротенькими фразами на безразличныя темы. Затѣмъ наступило молчаніе...

— Вы что-нибудь хотите сказать, мнѣ? — спросила миссъ Гейдингеръ.

Льюисгэмъ слегка нзмѣнился въ лицѣ.

— О, да. Дѣло въ томъ... — Онъ напустилъ на себя развязность. — Я вамъ говорилъ когда-нибудь, что я женатъ?

— *Женаты?*

— Да!

— Вы женаты?

— Ну да. — Это было сказано уже съ досадой.

Съ минуту оба молчали. Льюисгэмъ имѣлъ довольно жалкій видъ и смотрѣлъ на георгины; миссъ Гейдингеръ смотрѣла на него.

— И это—то, что, вы хотѣли сказать мнѣ?

Льюисгэмъ повернулся къ ней и встрѣтилъ ея взглядъ.

— Да. Это именно я и хотѣлъ сказать вамъ.

Снова молчаніе.

— Если вамъ все равно, я бы присѣла, — сказала равнодушнымъ тономъ миссъ Гейдингеръ.

— Здѣсь есть скамейка—вонъ тамъ, подъ деревомъ.

Они дошли до скамьи молча.

— Ну-съ,—спокойно сказала миссъ Гейдингеръ,—теперь скажите мнѣ, на комъ вы женаты?

Льюисгэмъ отвѣтилъ въ общихъ выраженіяхъ. Но она предлагала ему вопросъ за вопросомъ, и онъ, запинаясь и чувствуя себя дуракомъ, все же отвѣчалъ правду.

— Я могла бы догадаться, — говорила она.—Догадаться было не трудно. Но я не хотѣла знать. Говорите еще. Расскажите мнѣ о ней.

Льюисгэмъ повиновался. Все это было ему страшно неприятно, но дѣлать нечего: онъ общалъ Этели и долженъ былъ выполнить обѣщаніе. Теперь миссъ Гейдингеръ знала его исторію въ общихъ чертахъ, знала все, кромѣ его чувства.

— Значить, вы женились передъ вторымъ экзаменомъ?

— Да.

— Но почему же вы не сказали мнѣ этого раньше?

— Не знаю. Мнѣ хотѣлось сказать... тогда... въ Кенсингтонскомъ саду. Но я не сказалъ. Я полагаю, мнѣ слѣдовало сказать.

— Думаю, что слѣдовало.

— Да, я тоже это думаю... Но я не сказалъ. Почему-то мнѣ было трудно сказать. Я не зналъ, какъ вы отнесетесь. Это произошло такъ быстро... ну, и все такое.

Онъ замолчалъ.

— Я полагаю, что вамъ всетаки слѣдовало сказать, — повторила миссъ Гейдингеръ, не отрывая глазъ отъ его профиля.

Льюисгэмъ приступилъ ко второй и болѣе трудной половинѣ объясненія.

— У насъ были недоразумѣнія все время... я хочу сказать... недоразумѣнія изъ-за васъ. Немножко затруднительно... Дѣло въ томъ, что моя жена... Видите ли, она смотритъ на вещи совсѣмъ иначе, чѣмъ мы съ вами.

— Мы съ вами?

— Да... Это странно, конечно. Но она видѣла ваши письма...

— Неужели вы показывали?..

— Нѣтъ. Но... я хочу сказать, что она знаетъ, что мы переписываемся, и что вы мнѣ пишете о социализмѣ и литературѣ и о томъ, что насъ обоихъ интересуетъ, а ее нѣтъ.

— Вы хотите сказать, что такія вещи недоступны ея пониманію?

— Она не думала о нихъ. Я полагаю, разница образованія...

— И она противъ?..

— Нѣтъ,—не задумываясь, солгалъ Льюисгэмъ.—Она не противъ, но...

— Такъ въ чемъ же дѣло?—блѣднѣя, спросила миссъ Гейдингеръ.

— Она чувствуетъ, что... Она чувствуетъ... она не говорить этого, но я знаю, она чувствуетъ, что ей слѣдовало бы имѣть въ этомъ свою долю. Я знаю, какъ она любитъ меня. И ей стыдно... это ей напоминаетъ... Вы понимаете, какъ это ей должно быть обидно?

— Да. Я понимаю. Такъ что даже это немногое...—У миссъ Гейдингеръ какъ будто захватило дыханіе, и она неожиданно смолкла. Потомъ, сдѣлавъ надъ собою усиліе, начала опять: —А меня обидѣтъ..—но ротъ ея искривился гримасой, и она опять замолчала.

Льюисгэмъ колебался.

— Я *зналъ*, что это оскорбитъ васъ.

— Вы любите ее. Вы можете пожертвовать...

— Нѣтъ. Не въ томъ дѣло. Здѣсь есть разница. Обидѣтъ ее—вѣдь она не пойметъ. А вы—мнѣ казалось естественнымъ придти и сказать вамъ прямо. Я смотрю на васъ, какъ на... Для нея я всегда дѣлаю снисхожденіе..

— Вы любите ее?

— Я самъ не знаю, въ *этомъ-ли* разница, или въ чемъ другомъ. Все это такъ сложно. Любовь все или ничего. Я знаю васъ лучше, чѣмъ ее; вы знаете меня лучше, чѣмъ она когда-нибудь будетъ знать. Я могу говорить съ вами такъ, какъ не могу говорить съ нею. Я могу раскрыть пе-

редъ вами всю свою душу, почти всю, и знаю, что вы поймете меня... А все-таки...

— Вы любите ее.

— Да, — признался Льюисгэмъ, въ смущеніи дергая себя за усы. — Должно быть... должно быть, что такъ.

Нѣкоторое время оба молчали. Миссъ Гейдингеръ заговорила первая, выразительно, страстно:

— О! Подумайте только, что *вы* кончили *этимъ!*.. Что всѣ ваши замыслы, всѣ надежды... Что она дала вамъ такого, чего я не могла бы дать? Даже и теперь! Почему я должна отказаться отъ того немногаго въ васъ, что принадлежитъ мнѣ? Если бы она могла взять это... Но она не можетъ. Если васъ оставить одного, вы ничего не сдѣлаете. Все ваше честолюбіе, всѣ интересы мало-по-малу сойдутъ на нѣтъ, и ей это будетъ все равно. Она не пойметъ. Она будетъ думать, что вы все тотъ-же. Зачѣмъ ей помогать тому, чѣмъ она не въ силахъ владѣть? Взять у меня мое и отдать ей для того, чтобы она выбросила!

Она смотрѣла не на Льюисгэма, но въ пространство; лицо у нея было блѣдное и несчастное.

— Въ извѣстномъ смыслѣ... я привыкла думать о васъ, какъ о чемъ то... принадлежащемъ мнѣ... и впередъ буду... такъ же...

— Знаете что, — началъ, помолчавъ, Льюисгэмъ. — Въ послѣднее время мнѣ не разъ приходила въ голову одна мысль... Не думаете-ли вы, что вы, можетъ быть, черезчуръ, высоко цѣните мои способности? Я знаю, мы съ вами строили широкіе планы. Но вотъ ужъ полгода слишкомъ я бьюсь, чтобы добыть себѣ такой кусокъ хлѣба, который доступенъ почти каждому. Это беретъ у меня все мое время. Послѣ этого нелзя не подумать, что въ болѣе трудной борьбѣ я бы, пожалуй, и совсѣмъ сплеховалъ.

— Нѣтъ, — рѣшительно возразила она. — У васъ были большіе задатки. Вы могли бы сдѣлать многое. Даже и теперь вы можете сдѣлать многое. Если бы я только могла видѣть васъ изрѣдка, писать вамъ... Вы такъ даровиты и... слабы. Вамъ нуженъ непременно кто-нибудь... Въ этомъ ваша слабость. Вы не довѣряете собственнымъ силамъ. Вамъ нужны сочувствіе и поддержка, безграничная вѣра въ васъ. Почему я не могу дать этого вамъ? Это все, что мнѣ нужно. Покрайней мѣрѣ, все, что мнѣ нужно теперь. Зачѣмъ ей знать? У нея это ничего не отнимаетъ. Мнѣ ничего не надо, у нея есть то, что нужно ей. Но я знаю, что одна, своими только силами, я тоже ничего не могу сдѣлать. А съ вами... Вѣдь ей обидно только потому, что она знаетъ. Зачѣмъ ей знать?

Льюисгэмъ смотрѣлъ на нее въ нерѣшимости. Глаза ея блистали: она искренно вѣрила въ его призрачное величіе. И, по крайней мѣрѣ, въ эту минуту у него не было никакихъ сомнѣній относительно возможности достиженія завѣтной цѣли. Но онъ зналъ, что тайна его величія и это поклоненіе ему идутъ рука объ руку, что они составляютъ какъ бы одно нераздѣльное цѣлое. И въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ Этели знать? Воображеніе, быстро опережая мысли, подсказывало ему, какъ это можно устроить и что изъ этого можетъ выйти; рисовало усложненіе жизни, постоянную неловкость, возможность попасться.

— Дѣло въ томъ, что я долженъ упрощать свою жизнь, а не усложнять. Я ничего не добьюсь, если не начну съ этого. Только люди со средствами могутъ позволять себѣ усложненія. Тутъ надо выбирать одно или другое.

Онъ колебался. Вдругъ ему представилась Этель, плачущая, какой онъ видѣлъ ее разъ, когда свѣтъ падалъ прямо въ глаза ей и слезы сверкали, какъ роса.

— Нѣтъ,—выговорилъ онъ почти грубо.—Нѣтъ. Это похоже на... Я ничего не могу дѣлать потихоньку. Я хочу сказать... Не то, чтобы я былъ ужъ такъ удивительно честенъ... теперь. Но я не такой человѣкъ. Я сейчасъ попадусь. Изъ этого ничего не выйдетъ: она все равно узнаетъ. Моя жизнь слишкомъ сложна. Я не могу оставить ее такой, какъ она есть, и въ то-же время идя прямымъ путемъ. Я... вы преувеличиваете мои дарованія. И при томъ случилось нѣчто... нѣчто такое...—Онъ запнулся и перескочилъ прямо къ заключенію:—однимъ словомъ—я не могу. Мнѣ нужно упростить—вотъ вамъ и весь сказъ. Мнѣ жаль, но это такъ.

Миссъ Гейдингеръ не отвѣчала. Ея молчаніе удивляло его. Секундъ двадцать они сидѣли, не говоря ни слова. Вдругъ она быстро поднялась съ мѣста; онъ вскочилъ еще быстрее. Лицо ея пылало, глаза были опущены.

— Прощайте,—сказала она упавшимъ голосомъ и протянула руку.

— Но...—началъ Льюисгэмъ и запнулся. Краска сбѣжала съ лица миссъ Гейдингеръ. Она посмотрѣла ему прямо въ глаза, усмѣхаясь.

— Прощайте. Говорить больше не о чемъ, не правда-ли? Прощайте.

Онъ взялъ ея руку.

— Прощайте. Надѣюсь, я не...

— Прощайте,—нетерпѣливо повторила она и вдругъ вырвала руку, повернулась и пошла. Онъ шагнулъ было вслѣдъ за нею.

— Миссъ Гейдингеръ!—Она не останавливалась.—Миссъ Гейдингеръ!—Онъ понималъ, что она не хочетъ отозваться...

Онъ остался стоять безъ движенія, не глядя ей вслѣдъ. Въ душѣ его шевелилось горькое чувство утраты, смутное желаніе догнать ее, осыпать туманными и страстными увѣреніями...

Хоть бы разъ она обернулась. Она была уже далеко, когда онъ рѣшилъ идти вслѣдъ за нею. Разъ сдвинувшись съ мѣста, онъ все ускорялъ шагъ и скоро сталъ нагонять ее. Между ними оставалось всего шаговъ тридцать разстоянія, когда она подошла къ воротамъ.

Онъ замедлилъ шагъ. Ему вдругъ стало страшно,—какъ бы она не обернулась. Но она прошла черезъ ворота и скрылась изъ виду. Онъ остановился, глядя въ ту сторону, куда она пошла. Потомъ вздохнулъ и повернулъ налѣво, по аллеѣ, которая вела къ мосту и къ Вигурсу.

На серединѣ моста имъ опять овладѣла нерѣшительность. Онъ остановился, колеблясь, не умѣя отогнать докучливой мысли. Онъ взглянулъ на часы и сообразилъ, что ему надо спѣшить, если онъ хочетъ захватить поѣздъ, идущій въ Эрльсъ-Кортъ, къ Вигурсу. Онъ мысленно послалъ Вигурса ко всѣмъ чертямъ.

Но въ концѣ концовъ онъ все же попалъ на поѣздъ.

XXXII.

Окончательная побѣда.

Въ тотъ же вечеръ, часовъ около семи, Этель вошла въ ихъ комнату, съ большой только что купленной ею корзинкой для бумагъ и застала мужа, сидящимъ за туалетнымъ столикомъ, превращеннымъ въ письменный столъ. Видъ изъ окна былъ, для лондонскаго вида, очень широкій: длинный покатый рядъ крышъ, тянущихся вплоть до вокзала, надъ нимъ голубая полоса неба, темнѣющая у зенита, а внизу сливающаяся съ туманнымъ таинственнымъ хаосомъ крышъ и трубъ, изъ котораго вырывались сигнальные огни и клубы дыма, движущаяся цѣпь огоньковъ каретныхъ фонарей и широкія улицы. Этель показала мужу корзину и поставила ее у стола. Въ это время взгляды ея упали на желтый листъ картона въ его рукахъ.

— Что это у тебя?

Онъ подаль ей листъ.

— Я нашелъ это на днѣ своего сундука. Это у меня было въ Вортлеѣ.

Передъ нею была программа дѣйствій, въ хронологическомъ порядкѣ, озаглавленная *schéma*, съ отмѣтками на поляхъ; всѣ числа были наскоро переправлены поспѣшной рукой.

— Какъ пожелтѣло-то! — удивилась Этель.

Онъ подумалъ, что ей слѣдовало бы сказать не то, и внезапно ему стало жаль этой бѣдной *схемы* и своихъ несбывшихся надеждъ. Видя, что онъ задумался, Этель положила руку ему на плечо и склонилась къ нему.

— Милый! — шепнула она странно измѣнившимся голосомъ. Онъ понялъ, что она хочетъ сказать что-то такое, что ей трудно сказать.

— Что?

— Ты не огорчаешься?

— Чѣмъ?

— *Этимъ*.

— Нѣтъ!

— Тебѣ не... ты даже не жалѣешь?

— Нѣтъ, и не жалѣю.

— Я не могу понять этого. Такъ много...

— Я радъ. Пойми, *радъ*.

— Но безпокойство, расходы—все это... какъ ты будешь работать?

— Вотъ-вотъ. Потому я и радъ.

Она видимо все еще сомнѣвалась. Онъ взглянулъ на нее и прочелъ вопросъ въ ея глазахъ. Онъ обнялъ ее одной рукой, а она тотчасъ жѣ, почти бессознательно повинувшись его желанію, наклонилась и поцѣловала его.

— Этимъ все рѣшено—понимаешь? Это связало насъ. Прежде можно было... А теперь совсѣмъ другое. Это такая... Это соединительное звено между нами, именно то, чего намъ не доставало. Ребенокъ тѣснѣе сблизитъ насъ, сольетъ въ одно. Мы будемъ жить для него. Я буду работать для него. Все другое... — онъ смотрѣлъ въ лицо истинѣ... — было только... тщеславіе.

На лицѣ ея все еще оставалась тѣнь сомнѣнія, тѣнь грусти.

— Милый!

— Что?

Она сдвинула брови.

— Нѣтъ. Не могу.

Опять наступила пауза, во время которой она очутилась у него на колѣняхъ.

Онъ поцѣловалъ ея руку, но лицо ея оставалось серьезнымъ, и смотрѣла она не на него, а вглубь комнаты, въ сгущавшіеся сумерки.

— Я знаю, я глупая,—начала она.—Я говорю... совсѣмъ не то, что чувствую.

Онъ ждалъ продолженія.

— Нѣтъ... не могу... не умѣю...

Онъ чувствовалъ, что надо помочь ей выразить ея мысль, но и ему было нѣсколько трудно высказать это словами.

— Я, кажется, понимаю тебя,—началъ онъ, стараясь уловить неощутимое, и смолкъ. Наступившая пауза была долга, но не совсѣмъ безсодержательна. Этель неожиданно отстранилась отъ него и нарушила молчаніе, перейдя къ прозѣ.

— Если я не сойду внизъ, мамаша подастъ ужинъ...

Въ дверяхъ она остановилась и повернула къ нему смутно бѣлѣвшее лицо. Съ минуту оба испытующе смотрѣли другъ на друга. Ей видны были только смутныя очертанія его фигуры. Онъ призывно протянулъ руки...

Внизу раздались шаги. Она поспѣшно высвободилась и выбѣжала изъ комнаты. Онъ слышалъ, какъ она кричала на ходу:—„Мамаша! Не накрывайте на столъ. Лежите себѣ! Я сейчасъ приду“.

Онъ прислушивался къ ея шагамъ, пока ихъ не поглотила захлопнувшаяся кухонная дверь. Тогда онъ опять обратился къ *схемѣ*, и въ первый моментъ она показалась ему такой пустой затѣей.

Онъ держалъ передъ собой листъ въ обѣихъ рукахъ и разсматривалъ написанное, какъ будто это былъ почеркъ не его, а другого. И въ самомъ дѣлѣ, это писалъ другой человѣкъ.

— Памфлеты въ защиту либерализма,—прочелъ онъ и засмѣялся.

Мысли унесли его далеко. Поза его сдѣлалась болѣе непринужденной; схема превратилась на время въ простой символъ, въ исходную точку; онъ смотрѣлъ въ окно, въ двигающуюся темень и думалъ. Мысли его долгое время были наполовину эмоціями, эмоціями, принявшими форму и сущность идей. Но постепенно онъ выяснялись, формулировались опредѣленнѣе отрывистыми короткими фразами.

— Да, тщеславіе... Самомнѣніе мальчика. А всетаки... для меня... Во мнѣ слишкомъ сильно сказываются два человѣка... Два человѣка?... Вздоръ! Общее мѣсто! Такія грезы, какъ у меня—такія способности. Э!—вздоръ! Всѣ мечтаютъ о томъ же. А всетаки... какіе у меня были широкіе замыслы!

Мысли его перешли къ социализму, къ его чистолюбивой мечтѣ возродить и исправить міръ. Онъ подивился, сколько новыхъ перспективъ открылось ему съ тѣхъ поръ.

— Не для насъ... не для насъ. Нашъ удѣлъ погибнуть въ пустынѣ. Когда нибудь... гдѣ нибудь... взойдетъ солнце...

Но не для насъ... А все ребенокъ. Будущее—это ребенокъ. Будущее... Что мы такое—всѣ мы—какъ не его слуги?—слуги, или предатели. Естественный подборъ—вотъ его путь... на этомъ пути счастье... должно быть. Иного не бываетъ.

Онъ вздохнулъ.

— Т. е. нѣтъ иного счастья, которое бы длилось всю жизнь. А все-таки жизнь какъ будто сыграла со мной злую шутку: сулила такъ много—дала такъ мало!.. Нѣтъ! Нельзя смотрѣть на это *такъ*. Это не годится. *Не* годится! Карьера! Это само по себѣ карьера—важнѣйшая изъ всѣхъ. Я—отецъ. Зачѣмъ желать большаго?.. А... Этель? Не диво, что она казалась мнѣ безсодержательной и пустой. У нея и не было содержанія въ жизни. Не диво, что она жила въ постоянной тревогѣ. Невыполненное назначеніе... Что ей было дѣлать? Она была рабыней, игрушкой... Да. Это жизнь. Одно это—жизнь. Для этого мы созданы, для этого и родились на свѣтъ. Все другое... *все* другое... только игра... Игра!

Онъ перевелъ взглядъ на *схему*. Руки его инстинктивно отдергивались. Онъ колебался. Изъ этого символа вставало яркое видѣніе стройной выдержанной карьеры, трудъ и успѣхи въ строгой послѣдовательности, отличія за отличіями... Онъ стиснулъ губы и разорвалъ желтый листъ надвое. Потомъ перервалъ каждую половину еще пополамъ и опять пополамъ, тщательно, осторожно, пока схема не превратилась въ грудку безчисленныхъ мелкихъ кусочковъ. Ему казалось, что съ этимъ онъ разрываетъ въ клочки часть самого себя, своего прежняго я.

— Игра!—прошепталъ онъ, послѣ долгаго молчанія. Конецъ юности... конецъ пустымъ грезамъ!..

Онъ весь стихъ; руки его покоились на столѣ, взоръ не отрывался отъ продолговатаго синяго четырехугольника, вставленнаго въ раму окна. Гаснущій свѣтъ тамъ, за окномъ собрался въ одномъ пунктѣ; тамъ заиглала звѣздочка.

Онъ замѣтилъ, что все еще держитъ въ рукѣ изорванные куски. Онъ протянулъ руку и бросилъ ихъ въ новую корзину для бумагъ, купленную для него Этелью.

Два кусочка выпали изъ корзины. Онъ нагнулся, поднять ихъ и осторожно положилъ вмѣстѣ съ другими.

К О Н Е Ц Ъ.

Субъективный методъ въ социологіи и его философскія предпосылки.

II.

Въ книжкѣ Фр. Энгельса о Фейербахѣ *) въ видѣ приложенія напечатаны наброски Маркса, относящіеся къ 1845 г. и формулирующія его общефилософскія воззрѣнія **). Эти наброски — ничто иное, какъ тезисы, въ которыхъ суммировалось содержаніе задуманной тогда Марксомъ особой работы. Фр. Энгельсъ справедливо считаетъ эти тезисы „неопѣнными въ качествѣ перваго документа, въ которомъ отложился *геніальный зародышъ новаго міросозерцанія*“.

Къ сожалѣнію, эмбриологи не даромъ констатируютъ фактъ, что зародышевыя формы самыхъ разнообразныхъ организмовъ, благодаря неопредѣленности, недифференцированности своей структуры, въ высшей степени похожи другъ на друга и потому трудно различимы. Этотъ законъ сказался и на „тезисахъ“ Маркса. Ничѣмъ инымъ, думается мнѣ, нельзя объяснить, что Энгельсъ, развивая въ своей книгѣ доктрины наивно-догматическаго матеріализма, въ то же время убѣжденъ, что „тезисы“ Маркса и есть „геніальный зародышъ“ подробно развиваемаго и излагаемаго имъ міросозерцанія.

Несомнѣнно, мѣстами формулировки Маркса оставляютъ желать многого въ смыслѣ философской точности, ясности и опредѣленности. Весьма возможно, что нѣкоторой расплывчатости *формы* въ данномъ случаѣ соотвѣтствовала такая же неопредѣленность и расплывчатость въ *содержаніи*. У Маркса опредѣлилась тогда вполне, какъ мнѣ кажется, лишь *общая тенденція* міросозерцанія, общій *духъ*, его проникающій, но далеко еще не сложились ни всѣ его внѣшнія очертанія, отрицательныя его

*) «Ludwig Feuerbach und der Ausgang der klassischen deutschen Philosophie», Stuttgart, Verl. Dietz, 1888.

**) Anhang: K. Marx über Feuerbach vom Jahre 1845.

отъ другихъ міросозерцаній, ни внутренняя структура *). Къ тому же, думается мнѣ, послѣдующая идейная эволюція Маркса шла зигзагами, а вовсе не была такъ же прямолинейна и логически правильна въ опредѣленномъ направленіи, какъ развитие опредѣленного вида организма изъ его эмбриона. Вотъ почему Энгельсъ—какъ ниже мы и постараемся показать—сплошь и рядомъ даетъ къ „тезисамъ“ Маркса комментаріи, упраздняющіе текстъ...

Приведемъ сначала основные, характерные для „зародышевыхъ“ философскихъ воззрѣній Маркса тезисы, съ необходимыми разъясненіями.

„Главный недостатокъ всего прежняго матеріализма — включая и фейербаховскій — заключается въ томъ, что объектъ, дѣйствительность, чувственная данность разсматривался имъ лишь съ объективной, созерцательной стороны, а не въ качествѣ человеческой чувственной дѣятельности, практики, не субъективно“ **). Для матеріализма данныя опыта обладали абсолютною реальностью, которую человѣку оставалось лишь пассивно созерцать. Согласно выраженію Ланге, для матеріалиста чувства—ничто иное, какъ открытыя двери, черезъ которыя проникаютъ въ наше сознаніе всѣ внѣшніе объекты, „въ натуральности своей“, какъ выражается одна вульгарная пѣсенка. Для матеріалиста скрыта дѣятельная сторона, активная роль самого субъекта въ процессѣ познания. Для него скрыто, что и процессы воспріятія, и процессы мышленія—суть область человеческой практики, субъективной дѣятельности, имѣющей важное значеніе въ регулированіи совокупности взаимныхъ отношеній между человѣкомъ и средой. „Поэтому, дѣятельную сторону, въ противоположность матеріализму, развивалъ идеализмъ, — но развивалъ только абстрактно, такъ какъ идеализмъ, естественно, не признаетъ реальной, чувственной дѣятельности, какъ таковой“ ***). Идеализмъ, при всемъ своемъ преимуществѣ въ этомъ пунктѣ передъ матеріализмомъ, воспользоваться этимъ преимуществомъ однако не могъ. Онъ покидалъ почву реальнаго, онъ тяготѣлъ къ сверхчувственному міру, и признаніе активной роли самого субъекта въ познаніи служило ему лишь для того, чтобы поколебать вѣру въ реальность этого міра и тѣмъ самымъ подготовить умы къ признанію высшей реальности, лежащей по ту сторону

*) Въ предисловіи къ названному сочиненію Энгельсъ самъ признаетъ, что въ знаніяхъ его и Маркса въ то время были большіе пробѣлы.

**) «Nur unter der Form des Objects oder der Anschauung... nicht aber als menschlich-sinnliche Thätigkeit, Praxis, nicht subjectiv». «L. Feuerbach» s. 69.

***) «Daher geschah es, dass die thätige Seite, im Gegensatz zum Materialismus, vom Idealismus entwickelt wurde — aber nur abstract, da der Idealismus natürlich die wirkliche, sinnliche Thätigkeit als solche nicht kennt». Ib. 69.

опыта. Условность, относительность, сомнительность всего, что находится *Diesseits*, въ нашемъ мірѣ, должно было укрѣпить тенденцію идеализма проникнуть *Jenseits*, за предѣлы „человѣчески-чувственного“ представленія о мірѣ. Вотъ почему идеализмъ оказался такъ же несостоятельнымъ, какъ и материализмъ, въ рѣшеніи задачи—объединить теорію и практику, показавъ, что „объектъ, дѣйствительность, чувственная данность“ имѣютъ свою субъективную сторону, что ихъ теоретическое познаніе есть въ то же время „человѣчески-чувственная дѣятельность, практика“. Не даетъ такого объединенія и Фейербахъ. „Онъ разсматриваетъ только теоретическую дѣятельность, какъ истинно-человѣческую дѣятельность, тогда какъ практика рисуется ему и изображается имъ исключительно въ грязно-житейскомъ видѣ. Онъ не понимаетъ, такимъ образомъ, значенія общественно-преобразовательной, практически-критической дѣятельности“ *). При этомъ онъ раздѣляетъ все ту же общую ошибку материализма. Не замѣчая субъективнаго элемента уже въ самомъ человѣческомъ познаніи, материалисты вырываютъ пропасть между теоріей и практикой. Укрѣпляясь на чисто-объективной точкѣ зрѣнія, они теряютъ чутье субъективнаго, практическаго. Напримѣръ, „материалистическое ученіе о томъ, что люди суть продукты обстоятельствъ... забываетъ, что обстоятельства измѣняются людьми“ **). Такимъ образомъ, и въ своей умственной, и въ своей общественной жизни человѣкъ разсматривается исключительно въ качествѣ *пассивнаго* элемента. Укрѣпившись на *созерцательной* точкѣ зрѣнія, материализмъ и тамъ, и здѣсь упускаетъ дѣйственную и телеологическую сторону. А между тѣмъ, она присуща даже самымъ элементарнѣйшимъ формамъ познанія. „Фейербахъ, невольный абстрактнымъ мышленіемъ, апеллируетъ къ *чувственному воспріятію*; но онъ не понимаетъ чувственность какъ практическую, человѣчески-чувственную дѣятельность“ ***). Самый критерій истины въ концѣ концовъ имѣетъ практическую при-

*) «Er betrachtet... nur das theoretische Verhalten als das ächt menschliche, während die Praxis nur in ihrer schmutzig-judischen Form gefasst und fixirt wird. Er begreift daher nicht die Bedeutung der «revolutionären», der praktisch-kritischen Thätigkeit» Ibid., 69.

**) «Die materialistische Lehre, dass die Menschen—Producte der Umstände sind.... vergisst, dass die Umstände eben von den Menschen verändert werden.... Das Zusammenfallen des Aenderns der Umstände und der menschlichen Thätigkeit kann nur als umwälzende Praxis gefasst und rationell verstanden werden». Ibid., 70.

***) «Feuerbach, mit dem abstracten Denken nicht zufrieden, appellirt an die sinnliche Anschauung; aber er fasst die Sinnlichkeit nicht als praktische menschlich-sinnliche Thätigkeit». ib. 71. Та же мысль выражена съ другимъ оттенкомъ раньше: «Feuerbach will sinnliche, von den Gedanken-Objecten wirklich unterschiedene Objecte; aber er fasst die menschliche Thätigkeit nicht als gegenständliche Thätigkeit». ib. 69.

роду, лежитъ въ практической области. „Вопросъ о томъ, обладаетъ ли человѣческое мышленіе предметной истинностью—вовсе не вопросъ *теоріи*, а *практическій* вопросъ. Въ практикѣ долженъ доказать человѣкъ истинность, т. е. реальность, мощь, *посюсторонность* своего мышленія. Споръ же о дѣйствительности или недѣйствительности мышленія, изолирующагося отъ практики, есть чисто-схоластическій споръ“ *). Здѣсь мы встрѣчаемся съ тѣмъ же энергическимъ ограниченіемъ области мышленія міромъ, лежащимъ „по сю сторону“ человѣчески-чувственного, опытнаго представленія міра, съ тѣмъ же энергическимъ отметаніемъ всякихъ *Jenseits*, всякихъ сверхчувственностей, трансцендентностей, которое мы видѣли и у русскихъ теоретиковъ „субъективнаго метода“. Мало того. Здѣсь въ существѣ дѣла столь же рѣшительно отрицается и двойственность критеріевъ правды-истины и правды-справедливости. У правды-истины оказывается также *практическій* критерій, да и сама теорія, само мышленіе, вплоть до элементарнѣйшихъ чувственныхъ воспріятій, оказывается частью *человѣческой практики*. Духовное сродство обѣихъ точекъ зрѣнія бьетъ въ глаза. „Экономическая природа всякаго мышленія“ (Махъ), подчиненная высшему принципу „поддержанія жизнесохраненія“ (Авенариусъ) или „поддержанія равновѣсія между субъектомъ и объектомъ, между человѣкомъ и природой и другими людьми“ (Михайловскій)—вотъ опредѣляющее начало, подъ влияніемъ котораго вырабатывалось, складывалось путемъ естественнаго подбора (Зиммель), въ усложненной общественной средѣ (Риль) то, что мы теперь называемъ „объективной истинной“.

Намъ остается только пожалѣть о томъ, что „геніальный зародышъ“ дѣйствительно „*новаго міросозерцанія*“ не былъ взрощенъ и развитъ до состоянія зрѣлости ни самимъ Марксомъ, ни его учениками, а безславно „не расцвѣлъ и отцвѣлъ въ утрѣ пасмурныхъ дней“. И самъ Марксъ, и Энгельсъ—въ особенности Энгельсъ — вполнѣ охотно и охотно становились на исключительно объективную, созерцательную точку зрѣнія, и лишь въ минимальной дозѣ допускали практическую, субъективную. У Маркса послѣдняя лишь прорывалась мѣстами, какъ будто противъ воли, помимо контроля; что же касается Энгельса, такъ онъ даже принципиально отвергалъ практическую, этическую точку зрѣнія и презрительно-иронически отзывался объ ней, не признавая за ней никакой цѣнности. Но объ этомъ ниже.

*) Die Frage, ob dem menschlichen Denken gegenständliche Wahrheit zukomme, ist keine Frage der Theorie, sondern eine praktische Frage. In der Praxis muss der Mensch die Wahrheit, d. h. die Wirklichkeit und Macht, die Diesseitigkeit seines Denkens beweisen. Der Streit über die Wirklichkeit oder Nichtwirklichkeit eines Denkens, das sich von den Praxis isolirt, ist eine rein scholastische Frage». ib. 70.

Насколько въ философской области Энгельсъ наивно принимаетъ грубѣйшую матеріалистическую догматику за дальнѣйшее развитіе смѣлыхъ идей, общими штрихами набросанныхъ Марксомъ въ его „тезисахъ“, показываетъ достаточно слѣдующій примѣръ. Мысль о практическомъ критеріи истины—мысль, которая, какъ мы старались показать, лежитъ въ основѣ многихъ новѣйшихъ философскихъ теченій—предстаетъ передъ нами въ неузнаваемо-топорномъ видѣ. Энгельсъ ставитъ вопросъ: „какъ относятся наши идеи объ окружающемъ насъ мірѣ къ самому этому міру? Въ состояніи ли наше мышленіе познать дѣйствительный міръ, можемъ ли мы въ нашихъ понятіяхъ и представленіяхъ составить себѣ *настоящее зеркальное отраженіе* (ein richtiges Spiegelbild) этой дѣйствительности?“ *) Энгельсъ тотчасъ же отвѣчаетъ, будто бы „огромнѣйшее большинство“ философовъ даютъ на этотъ вопросъ утвердительный отвѣтъ. А съ несогласно-мыслящимъ меньшинствомъ онъ раздѣливается совершенно по военному, быстро и просто. „Есть, однако, еще рядъ другихъ философовъ, которые оспариваютъ возможность познанія міра, или, по крайней мѣрѣ, исчерпывающаго познанія. Изъ новѣйшихъ философовъ сюда относятся Юмъ и Кантъ **)... Самое убійственное опроверженіе этихъ, какъ и всѣхъ другихъ подобныхъ философскихъ выдумокъ, заключается въ *практикѣ*, именно въ экспериментѣ и въ индустріи. Если мы можемъ доказать правильность нашего пониманія того или другого естественнаго явленія, самостоятельно его создавая, производя его изъ его условій и заставляя служить нашимъ цѣлямъ, то тѣмъ самымъ кантовской „вещи въ себѣ“ приходитъ конецъ. Химическія вещества, производимыя въ животныхъ и растительныхъ тѣлахъ, оставались такими „вещами въ себѣ“, пока органическая химія не научилась готовить ихъ одно за другимъ. Тѣмъ самымъ „вещь въ себѣ“ обращалась въ „вещь для насъ“, какъ напр. ализаринъ, красящее вещество марены, которое намъ теперь нѣтъ надобности выращивать въ полѣ, въ корняхъ марены, такъ какъ мы можемъ получить его гораздо проще и дешевле изъ каменноугольнаго дегтя“ ***).

Что изъ каменноугольнаго дегтя „дешевле и проще“ можно получать ализаринъ. этому, конечно, не удивится никакой неокантіанецъ. Но что вмѣстѣ съ ализариномъ изъ того же дегтя,

*) Назв. соч., в. 17. Любопытно, что въ единственномъ русскомъ переводѣ этого сочиненія вслѣдствіи «Theorie des Spiegelbildes» передается въ значительно ослабленномъ видѣ, напр., «могутъ ли наши представленія и понятія о внѣшнемъ мірѣ быть вѣрными его отраженіями».

**) Въ 1888 году довольно странно было называть «новѣйшими» такихъ философовъ, какъ Кантъ и въ особенности Юмъ. Изъ это время естественно было слышать имена Когена, Ланге, Рилля, Лааса, Либмана, Геринга и т. п. Но Энгельсъ, видимо, не былъ силенъ въ «новѣйшей» философій.

***) I. с., в. 17—18.

столь же дешевымъ образомъ можно добыть опроверженіе „вещи въ себѣ“—это, конечно, не для однихъ нео-кантіанцевъ покажется замѣчательнымъ и неслыханнымъ открытіемъ.

Энгельсъ, повидимому, узнавши, что по Канту „вещь въ себѣ“ непознаваема, переделалъ эту теорему въ обратную и рѣшилъ, что все непознанное есть „вещь въ себѣ“. Съ этой упрощенной точки зрѣнія, конечно, всякое химическое соединеніе, котораго мы не можемъ возсоздать изъ его элементовъ, есть „вещь въ себѣ“, а какъ только мы научились его разлагать и возсоздавать, такъ эта „вещь въ себѣ“, обратилась въ «вещь для насъ». Это вполнѣ вяжется съ представленіями наивнаго матеріализма, для котораго атомъ—предполагаемый неразложимый остатокъ всякаго анализа—есть настоящая „вещь въ себѣ“, абсолютная реальность, основа и первоисточникъ всего сущаго. Но атомъ есть гипотетическій окончательный остатокъ анализа, онъ,—„не-дѣлимое“. Потому-то въ системахъ матеріалистовъ-догматиковъ онъ и играетъ роль настоящихъ „вещей въ себѣ“. Всѣ же вещества, пока анализомъ не разложены, Энгельсъ возводитъ въ рангъ временныхъ вещей въ себѣ, которымъ предстоитъ перейти въ рангъ вещей для насъ. Впрочемъ, все это настолько странно и наивно, что я лично склоняюсь иногда къ мысли, что вся эта операція съ помраченіемъ „вещи въ себѣ“ при помощи марены и каменноугольнаго дегтя есть просто тяжеловѣсная нѣмецкая шутка, въ которой усматривали нѣчто серьезное и не могли заподозрить шутки, именно благодаря ея чрезмѣрной тяжеловѣсности *).

Намѣренія Энгельса были самыя превосходныя. Онъ чувствовалъ, что признаніе за оболочкой доступныхъ опыту явленій еще другого міра—міра „вещей въ себѣ“, хотя бы и непознаваемыхъ, всетаки какъ будто ослабляетъ, подрываетъ реальность этого міра. Онъ чувствовалъ, что это признаніе—наклонная плоскость, на которой трудно удержаться, трудно не дойти до чисто-идеалистическихъ выводовъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы не воспринимаетъ вещей, какъ они существуютъ абсолютно внѣ насъ, независимо отъ формъ нашего созерцанія; если все наше сознаніе есть лишь знаніе нашихъ впечатлѣній; то что же порукой въ томъ, хотя бы, что весь „внѣшній міръ“ не есть лишь иллюзія, лишь созданіе человѣческой психики? И въ самомъ дѣлѣ, не трудно видѣть, что даже многіе кантіанцы и нео-кантіанцы не-

*) Въ томъ самомъ русскомъ переводѣ энгельсовскаго «Фейербаха», о которомъ мы уже говорили, противорѣчіе между Энгельсомъ и Марксомъ устранено чрезвычайно просто. Именно, «Der Mensch muss *Diesseitigkeit* («посюсторонность») seines Denkens heweisen» переведено: «доказать, что его мышленіе не останавливается по сю сторону явленій». И выходитъ будто бы Марксъ, подобно Энгельсу, утверждалъ познаваемость вещей въ себѣ и «посюсторонность» мышленія.

редко въ своихъ формулировкахъ сбиваются на такой „солипсизмъ“ (solus одинъ только, ipse—я самъ, отсюда и солипсизмъ—ученіе, признающее единственной достовѣрной реальностью только воспринимающаго субъекта).

Для наивнаго, вульгарнаго „здраваго смысла“ несомнѣнно объективное существованіе всего воспринимаемаго. Для него звукъ есть совершенно особая реальность, объективно существующая и двигающаяся въ пространствѣ, хотя и не матеріальная. Зеленый цвѣтъ листа для него столь же неразрывно слитъ съ листомъ, какъ его упругость, его внѣшнія очертанія, его строеніе. Зеленый цвѣтъ для него вовсе не феноменъ, происходящій лишь при извѣстныхъ условіяхъ, при извѣстномъ освѣщеніи; нѣтъ, этотъ „здравый смыслъ“ абсолютно убѣжденъ, что зеленый цвѣтъ листа существуетъ всегда, что ночью мы только не можемъ видѣть этой зелени, а она тутъ, на лицо, въ листѣ, передъ нашими глазами. Матеріалистъ уже поднялся ступенью выше. Для него всѣ свойства вещей раздѣлились на первичныя и вторичныя. Первыя — какъ упругость, непроницаемость и т. п. общія свойства матеріи — суть для матеріалиста настоящія реальности; вторыя — цвѣта, звуки, запахи etc. — суть лишь наши „впечатлѣнія“. Первыя существуютъ независимо отъ насъ, внѣ насъ и принадлежать вещамъ самимъ по себѣ; вторыя, напротивъ, совершаются „въ насъ“, въ нашемъ организмѣ, въ нашемъ сознаніи, въ силу вліянія „вещей самихъ по себѣ“, которыми для матеріалиста и являются матерія и движеніе, міръ атомовъ съ его сложной механикой *). Но и на этомъ мысль человѣческая не могла остановиться. Анализъ показалъ, что „первичныя“ свойства вещей выведены нашимъ умомъ также изъ нашихъ впечатлѣній, что въ этомъ отношеніи никакой качественной разницы между „первичными“ и „вторичными“ свойствами нѣтъ. Это открытіе произвело цѣлый кризисъ Умы, свыкшіеся съ матеріалистическими поведеніями мысли, привыкшіе, съ одной стороны, видѣть бытіе абсолютное, а съ другой — „воображаемое“, увидѣли, какъ абсолютное потонуло въ воображаемомъ... Изъ абсолютнаго міра вещей, находящихся внѣ человѣка, „первичныя“ свойства матеріи были переселены туда же, гдѣ находились и „вторичныя свойства“ — въ человѣка, въ субъектъ, въ его сознаніе... Прежде человѣкъ былъ заключенъ въ міръ; теперь весь міръ былъ упрятанъ въ человѣка... Но острый ножъ критическаго анализа не остановился и на этомъ. Онъ добрался до послѣдней абсолютной реальности — до субъекта. А что же такое этотъ „мыслящій субъектъ“, это „я“,

*) „Auf der einen Seite die in mechanischen Prozessen laufende Welt farbloser Körper, auf der andern die Seele, der Geist, das Ich, durch seine Organe aus jener Welt Reize empfangend und sie zu einer farbigen, tönenden Welt der Wahrnehmung umgestaltend“. Laas, Idealismus u. Positivismus, III, 37.

которое носить въ себѣ, будто бы, весь мнимо-объективный міръ, низведенный до степени простыхъ представленій и не болѣе того? Этотъ субъектъ, это „я“ оказалось само не болѣе, какъ представленіемъ, и при томъ въ высшей степени отвлеченнымъ... „Я“ оказалось построеннымъ изъ тѣхъ же самыхъ матеріаловъ—представленій—изъ которыхъ было построено и зданіе внѣшняго міра, за что послѣднее и было разжаловано изъ реальности во что-то кажущееся. Теперь въ область того же кажущагося перешло и „я“. Философскій идеализмъ въ своей крайней формѣ—формѣ солипсизма—уступалъ свое мѣсто полному скептицизму и агностицизму (ἀγνοῖσθαι—не знаю). Самая возможность познанія подверглась сомнѣнію; истина, дѣйствительность казались фантомами. Разумъ человѣческій какъ будто самъ, взявшись за изслѣдованіе своей собственной природы, открылъ свою несостоятельность, медленно и постепенно перепилилъ тотъ сукъ, на которомъ сидѣлъ...

„Отдѣлить область непознаваемого отъ области доступнаго человѣческому вѣдѣнію было задачею многихъ умовъ даже въ глубокой древности“,—говоритъ Н. К. Михайловскій. „Но слѣдуетъ замѣтить, что большинство... не могли остановиться во время, и, вмѣстѣ съ баластомъ, выбрасывали за бортъ и вещи первой необходимости. Сомнѣнія въ возможности познать ноумены, вещи въ себѣ, вещи, каковы онѣ дѣйствительно, а не только каковыми онѣ намъ представляются, сомнѣнія эти и совершенное отрицаніе этой возможности сплошь и рядомъ вели къ сомнѣніямъ и къ прямому отрицанію неизмѣнности причинной связи, существованія внѣшняго міра и проч. Чисто діалектическимъ путемъ нетрудно добѣжать до такихъ выводовъ, и въ метафизической системѣ они могутъ занять свое законное мѣсто; но съ точки зрѣнія науки и положительной философіи такіе выводы могутъ быть разсматриваемы только какъ попытки поднять къ верху обѣ ноги заразъ“.

Мысль человѣческая, конечно, неустанно пыталась стать вновь на обѣ ноги и выйти изъ того философскаго тупика, въ который она зашла, подвергнувъ сомнѣнію и отрицанію все и вся. Два великихъ теченія мысли возникли отсюда: позитивизмъ или реализмъ и трансцендентальная философія.

Трансцендентальная философія исходила изъ признанія, что все то, что дано намъ эмпирически—и „внѣшній міръ“, и мое собственное „я“—суть дѣйствительно лишь представленія, не болѣе. Весь нашъ міръ не есть міръ реальностей, а лишь міръ представленій. Основа этихъ представленій лежитъ по ту сторону нашего опыта, и наше познаніе ничего намъ о ней не говоритъ. Все, что мы открываемъ вокругъ себя—доходитъ до нашего сознанія, подвергнувшись предварительной обработкѣ субъективныхъ формъ нашего воспріятія. Но это не значитъ, что весь

міръ есть иллюзія, игра воображенія. Да и всякая иллюзія требуетъ, что бы существовалъ, по крайней мѣрѣ, субъектъ иллюзіи. Міръ существуетъ, мы только не знаемъ, каковъ онъ самъ по себѣ. Мы знаемъ лишь, какимъ онъ *является* для нашей психики, какъ онъ на нее дѣйствуетъ. За міромъ явленій лежитъ міръ „вещей въ себѣ“—истинныхъ причинъ, лежащихъ въ основѣ человѣческихъ, какъ и всякихъ другихъ способовъ воспріятія и представленія міра. Реальность міра и субъекта не мечта, не иллюзія, но только основы ея нужно искать не въ опытномъ, эмпирическомъ мірѣ, а въ сверхъ-опытномъ, надъ-эмпирическомъ. Иными словами, она не имманентна, а трансцендентна. Для матеріалиста самостоятельнымъ, независимымъ или безусловнымъ бытіемъ обладали первичныя свойства матеріи; для идеалиста—духъ. Для трансцендентальной философіи и духъ, и матерія лишились безусловной реальности, и она была спасена путемъ перенесенія своей основы въ „другой міръ“, міръ-двойникъ, міръ „вещей въ себѣ“. Не то же ли дѣлаютъ и менѣе ученые люди, которые, не достигая счастья на землѣ и не будучи въ состояніи избѣгнуть страшашей ихъ смерти, создаютъ себѣ въ мысляхъ иной міръ, куда переносятъ и вѣчное блаженство, и безсмертіе? Міръ непознаваемыхъ „вещей въ себѣ“ былъ созданъ потому, что иначе некуда было бы дѣвать, негдѣ было бы спасти реально существующій, а не „представляемый“ только міръ.

Позитивизмъ въ широкомъ смыслѣ этого слова *) подошелъ къ дѣлу съ совершенно другой стороны. Въмѣсто того, чтобы спасти реальность міра тѣмъ или инымъ путемъ, онъ анализировалъ самое понятіе реальности, подвергъ его строгой критикѣ и открылъ, что виной всѣхъ недоразумѣній является просто неправильное, некритическое употребленіе этого понятія. Для скептика вещь перестаетъ быть реальной, коль скоро доказано, что она является такой, а не иной для опредѣленнаго сознанія. Это относительное бытіе, бытіе для такого то сознанія, бытіе, обусловленное извѣстными конкретными познавательными формами, для него почему то недостаточно „реальное“ бытіе. Ему нужно безотносительное, безусловное бытіе. Но откуда взялось это понятіе „безусловнаго“? Дано ли намъ въ опытѣ хоть что-нибудь „безусловное“? Ничего подобнаго. Въ опытѣ намъ дана всеобщая міровая связь: все въ ней относительно, все ограничено другъ-другомъ; все, что существуетъ, дано намъ въ совокупности своихъ отношеній къ окружающему и въ этихъ отношеніяхъ не существуетъ. Такъ же точно взаимно-обусловлены человѣческое „я“ и среда, его окру-

*) Вундтъ въ этомъ смыслѣ говоритъ объ эмпирио-критицизмѣ и объ имманентной философіи, объединяя ихъ въ ту же общую рубрику: «позитивныя теоріи познанія». Впрочемъ, имманенты лишь одной сторонѣ своей теоріи подходятъ къ позитивизму, а другими далеко выходятъ изъ его рамокъ.

жающая, его „внѣшній міръ“. Они даны нераздѣльными, неразрывно-связанными. „Я“ не является независимымъ отъ среды, внутренній міръ этого „я“ опредѣляется совокупностью впечатлѣній, относящихся къ „внѣшнему міру“, средѣ. Среда не является чѣмъ то независимымъ отъ „я“, безусловно противостоящимъ ему во внѣ; среда—это данное для субъекта въ опытѣ,—въ опытѣ, обусловленномъ его субъективными познавательными формами. Эта неразрывная связь субъекта съ объектомъ есть лишь частный случай всеобщей и неразрывной мировой связи. Съ какой стати пытаться вырвать то или другое явленіе изъ этой неразрывной связи и разсматривать, какъ нѣчто самодовлѣющее, независимое ни отъ чего, стоящее внѣ всякихъ отношеній къ чему бы то ни было, „само по себѣ и для себя“? Съ какой стати это фиктивное, проблематическое, лишь съ трудомъ и смутно воображаемое бытіе считать истинно-реальнымъ? Оно, напротивъ, менѣе всего реально. Оно и составлено-то чисто-отрицательнымъ путемъ, путемъ простаго отрицанія общихъ свойствъ реально-наблюдаемыхъ нами вещей: относительности, обусловленности, конкретности и т. п. Въ него не привзошло ни одного положительнаго признака—потому что намъ вѣдь и негдѣ взять такого признака. И вотъ, понятіе, все содержаніе котораго состоитъ въ чистомъ отрицаніи, понятіе, которое по существу равносильно чистому минусу, поставленному ко всѣмъ извѣстнымъ намъ положительнымъ свойствамъ, такое понятіе бытія считаютъ необходимымъ для приданія „бытію“ должной несомнѣнности и положительности! И такъ какъ такимъ „бытіемъ“ не надѣлено ничто, то, естественно, разочаровываются, сомнѣваются въ реальности всего, что мы имѣемъ въ опытѣ, приходятъ къ полному скептицизму, или въ лучшемъ случаѣ отправляютъ „истинную реальность“ туда, куда еще никто, будто-бы, не проникалъ и не могъ проникнуть,—что, однако, не помѣшало нѣкоторымъ дальнозоркимъ людямъ усмотрѣть въ этой недосыгаемой области ясные слѣды пребыванія „истинной реальности“.

Намѣтивъ этими общими штрихами основное направленіе, въ которомъ искали выхода изъ тупого переулка скептицизма трансценденталисты и позитивисты; мы кстати замѣтимъ, что процессъ само-критики и внутренняго развитія обоихъ этихъ направленій отчасти началъ сближать ихъ между собою, покрайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ развѣтвленіяхъ. Позитивизмъ, первоначально, устами Конта, довольно догматически устанавливавшій свои принципы и проводившій границы между положительнымъ знаніемъ и метафизикой, все болѣе и болѣе воспринималъ въ себя теоретико-познавательные элементы; трансцендентальная философія, въ лицѣ Канта, отца современнаго критицизма и современной гносеологіи (ученіе о познаніи), такъ рѣшительно намѣтившая дуализмъ міра явленій и міра вещей въ себѣ, также не стояла

на мѣстѣ, и современное нео-кантіанство все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе отказывается въ наслѣдіи своего учителя отъ элементовъ трансцендентнаго, сверхъ-опытнаго, и становится все болѣе и болѣе реалистичнымъ.

„Вещь въ себѣ“, столь сильно смущавшая Энгельса и подвигнувшая его на столь рискованныя экскурсіи въ область философіи, имѣла свою долгую исторію—едва ли закончившюся даже теперь—въ рядахъ самихъ нео-кантіанцевъ. И среди нихъ она возбудила много сомнѣній, только ни для кого изъ нихъ вопросъ не рѣшался такъ просто, какъ для Энгельса. Изъ разногласій по этому пункту взяло начало нѣсколько различныхъ теченій, и каждое рѣшало на свой ладъ вопросъ о мѣстѣ, которое должно занимать понятіе „вещи въ себѣ“ въ философской системѣ. Одно изъ первыхъ рѣшеній, какъ сказано, гласило такъ: „Разныя существа имѣютъ въ связи съ различіемъ своихъ организацій разныя понятія о мірѣ; слѣдовательно, каждое вноситъ свой субъективный элементъ въ свое пониманіе міра; чистаго объекта мы въ своихъ воспріятіяхъ не получаемъ. Мы имѣемъ дѣло лишь съ вліяніемъ этого объекта на нашу субъективную природу. Наше представленіе есть результатъ, продуктъ взаимодѣйствія, съ одной стороны,—доподлиннаго объекта, „вещи въ себѣ“, а съ другой стороны,—нашего субъекта. А такъ какъ продуктъ взаимодѣйствія двухъ вещей естественно отличается отъ нихъ обѣихъ, то и наше знаніе о мірѣ не дастъ намъ знанія истинной природы вещей. Кромѣ міра, который мы видимъ, ошупываемъ и познаемъ, есть еще глубочайшій источникъ нашего познанія, недостигаемый для насъ міръ „вещей въ себѣ“. Къ нему не приложимы никакія изъ категорій *нашего* субъективнаго представленія о мірѣ—ни время, ни пространство, ни закономерность, ни причинность, и т. п.“

Болѣе вдумчивое разсужденіе не замедлило, однако, обнаружить присутствіе нѣкотораго противорѣчія въ приведенномъ разсужденіи. А именно, представился вопросъ: если къ міру „вещей въ себѣ“ не приложимы никакія категоріи человѣческаго мышленія, если мы о немъ ничего знать и ничего говорить не можемъ, то какъ же можно выводить наши представленія изъ „взаимодѣйствія“ между вещью въ себѣ и субъектомъ? Какъ можно себѣ представить это „взаимодѣйствіе“? Не есть ли самое понятіе „взаимодѣйствія“—чисто человѣческое понятіе? Вводи „вещь въ себѣ“ въ это взаимодѣйствіе, не приписываемъ ли мы ей по неволѣ тѣмъ самымъ извѣстнымъ *свойствамъ*, тогда какъ, по нашему собственному признанію, мы этого дѣлать не можемъ? И что такое тотъ „субъектъ“, съ которымъ „доподлинный“ объектъ, „вещь въ себѣ“ входитъ во взаимодѣйствіе? Если весь міръ раздвигается для насъ на міръ явленій и міръ вещей въ себѣ, то раздвигается и субъектъ. „Истинная природа“ человѣка такъ

же скрыта отъ него самого, какъ „истинная природа“ всѣхъ прочихъ вещей. Человѣкъ съ самимъ собою ознакомляется тѣмъ же порядкомъ, какъ и съ остальнымъ міромъ, и, стало быть, имѣть о себѣ столь же неполное знаніе. Человѣка-явленіе нельзя смѣшивать съ человѣкомъ - вещью въ себѣ. Съ какими же „субъектомъ“ во взаимодействіи оказывается „истинная природа вещей“? Съ человѣкомъ, рассматриваемымъ какъ явленіе, или съ человѣкомъ въ „себѣ“? Если съ человѣкомъ, рассматриваемымъ какъ явленіе,—то, стало быть, нѣтъ принципиальной пропасти между міромъ „вещей въ себѣ“ и міромъ „явленій“: то и дѣло между разными экземплярами обоихъ міровъ происходятъ маленькія рандеву, устанавливаются дѣловыя сношенія, сотрудничество, операція для произведенія совмѣстнаго продукта— „представленія“ субъекта. Но не является ли насмѣшкой надъ тезисомъ о непознаваемости вещи въ себѣ это предположеніе о брачныхъ союзахъ между чувственными и сверхчувственными вещами для законнаго рожденія дѣтей—воспріятій и представленій о мірѣ? Если же взаимодействіе это происходитъ между объектомъ, какъ вещью въ себѣ, и субъектомъ, тоже какъ вещью въ себѣ—то дѣло выходитъ еще хуже. Мы разомъ совершаемъ пять коренныхъ логическихъ прегрѣшеній. Во первыхъ, мы вводимъ въ міръ „вещей въ себѣ“ понятіе единичности, обособленности, конкретности. Мы въ мірѣ „вещей въ себѣ“ отдѣляемъ другъ отъ друга независимыя, самостоятельныя величины, ибо только между такими отдѣльными величинами и возможно „взаимодействіе“. Но какое мы имѣемъ на это право? Быть можетъ, міръ „вещей въ себѣ“ есть простая, сплошная и абсолютно-недѣлимая субстанція? Во вторыхъ, мы переносимъ и въ міръ вещей въ себѣ наше противоположеніе субъективнаго объективному, тогда какъ, въ сущности, мы не имѣемъ ни малѣйшаго права утверждать, будто такое противоположеніе можетъ сохранять какое бы то ни было значеніе внѣ области нашего опыта. Въ третьихъ, утверждая и для міра вещей въ себѣ раздѣльное существованіе субъекта и *внѣшняго* для него объекта, мы тѣмъ самымъ уже незамѣтно для самихъ себя помѣстили ихъ въ пространствѣ. Далѣе, въ четвертыхъ, столь же незамѣтно мы приложили къ этому міру и категорію *времени*, ибо утверждаемъ, что между „вещами въ себѣ“ происходитъ *процессъ* взаимодействія, а всякій *процессъ* есть нѣчто длящееся, предполагающее время, въ теченіе котораго протекаетъ. И, наконецъ, въ пятыхъ, мы имѣли въ *результатъ* этого процесса взаимодействія, какъ его *слѣдствіе* или *продуктъ*—существованіе міра, какъ *явленія*, какъ *представленія* человѣческаго ума. Слѣдовательно, мы ввели „вещь въ себѣ“ въ круговоротъ *причинной* связи. Логически придя къ умозаключенію объ относительности нашего знанія, о недостижимости для насъ особаго, единственнаго истинно-реальнаго міра вещей въ себѣ, чистыхъ, без-

примѣсныхъ объектовъ, мы въ концѣ концовъ попали въ заколдованный кругъ противорѣчій и грубѣйшихъ логическихъ ошибокъ. Для иллюстраціи положенія о дуализмѣ міра явленій и міра вещей въ себѣ мы намѣренно употребили ранѣе*) картинную аналогію со спектромъ солнечнаго луча, пропущеннаго черезъ призму. Заговоривъ о вещи въ себѣ, признавъ ея реальность, мы, дѣйствительно, должны были по неволѣ попасть въ власть грубаго перенесенія нашихъ обычныхъ понятій за предѣлы нашего опыта, гдѣ—по нашему же собственному признанію—понятія эти не могутъ имѣть никакого значенія **).

Таковы соображенія, заставившія приверженцевъ современной научной философіи совершенно отказаться отъ кантовскаго дуализма міра явленій и міра вещей въ себѣ, порвать съ этимъ дуализмомъ разъ навсегда, подкосить его въ самомъ корнѣ. Критическая философія, поставившая своимъ основнымъ требованіемъ методически вскрывать генезисъ всякаго понятія, критически прослѣживая весь путь его образованія въ человѣческомъ умѣ, приступила съ острымъ ножомъ критическаго анализа къ провѣркѣ образованія самаго понятія о „вещи въ себѣ“, объ „абсолютномъ объектѣ“. И въ результатѣ анализа оказалось, что „вещь въ себѣ“ нельзя разсматривать, какъ реальность, какъ конкретную величину; что это есть не болѣе, какъ *предѣльное понятіе*.

Сравнивая индивидуальныя представленія отдѣльныхъ людей, мы отвлекаемъ тѣ признаки этихъ представленій, которыя у различныхъ индивидовъ различны, которыя представляютъ лишь субъективное достояніе одного или немногихъ экземпляровъ вида homo sapiens. То, что остается за вычетомъ этихъ индивидуальныхъ чертъ, и составляетъ содержаніе „объективной“ дѣйствительности для человѣка. Чѣмъ большому кругу людей общи извѣстные элементарные опыты, тѣмъ болѣе они „объективны“. Есть обширный кругъ опытовъ и воспріятій, въ которыхъ единогласіе людскихъ сужденій достигаетъ своего maximum'a:—это воспріятія пространства и движенія. Неудивительно, что человѣкъ, какъ животное общественное, которое ищетъ почвы для духовнаго общенія съ другими людьми, стремится установить полную гармонію съ себѣ подобными, координировать въ одно стройное цѣлое свое поведеніе съ поведеніемъ своихъ ближнихъ,—неудивительно, говоримъ мы, что при этихъ условіяхъ человѣкъ все стремится свести къ движенію, для всего найти механической эквивалентъ. Всѣ прочія воспріятія у людей въ большей или меньшей степени субъективно-различны. Только языкъ математики и механики, языкъ движенія и измѣренія есть языкъ общечеловѣ-

*) См. первую главу, въ предыдущей книжкѣ «Русскаго Богатства».

**) Ниже мы увидимъ, какія изъ этихъ противорѣчій встрѣчаются у са-
мого Канта, и какъ онъ пытается изъ нихъ выбраться.

ческий. Вотъ почему наибольшей объективностью обладаютъ для насъ истины этого круга явленій.

Но человѣческій умъ не можетъ остановиться на этой границѣ между субъективнымъ воспріятіемъ индивидуума и объективной дѣйствительностью. Человѣкъ знаетъ о существованіи другихъ организованныхъ біологическихъ единицъ, стоящихъ ниже его на лѣстницѣ жизни. Онъ знаетъ, что земля, на которой онъ живетъ - ничтожная песчинка въ океанѣ міровъ, которыми наполнена вселенная. Онъ не имѣетъ никакого права считать себя вершиною всего мірозданія. Онъ не имѣетъ права считать и современнаго состоянія своей собственной психофизической организаціи конечнымъ, высшимъ пунктомъ эволюціи. Все течетъ, все измѣняется—прогрессъ безконеченъ. Наше представленіе о мірѣ не есть еще высшее возможное представленіе. Для насъ, при нашемъ современномъ состояніи оно „объективно“. Но оно не абсолютно-объективно, на немъ лежитъ печать нашей ограниченности. Эта ограниченность есть субъективная ограниченность всего человѣческаго рода. Если мы представимъ себѣ рядъ представленій о мірѣ другихъ конечныхъ существъ и будемъ сравнивать эти представленія съ нашимъ, то въ нихъ точно также окажутся и общія, и различныя черты, какъ онѣ оказались и при сравненіи между собою представленій отдѣльныхъ индивидовъ человѣческаго рода. Само собою понятно, что чѣмъ большее количество представленій различно организованныхъ существъ мы будемъ привлекать къ сравненію, тѣмъ больше элементовъ нашего познанія будетъ отходить въ область „субъективнаго“, тѣмъ меньше будетъ оставаться и выдерживать пробу въ качествѣ объективныхъ. Продолжая операцію этого мысленнаго, гипотетическаго сравненія и взаимнаго сокращенія субъективныхъ элементовъ и формъ познаванія до безконечности, мы въ качествѣ предѣльнаго понятія—предѣльнаго понятія въ самомъ строгомъ математическомъ смыслѣ—получимъ абсолютный объектъ, освобожденный отъ всякихъ конкретныхъ опредѣленій, придаваемыхъ ему различно организованными конечными существами; мы получаемъ пресловутую „вещь въ себѣ“, къ которой не применимы никакія категоріи мышленія человѣка или вообще конечнаго существа. Понятно, почему міръ „вещей въ себѣ“ выходитъ принципиально отличнымъ отъ міра явленій. Предѣльная величина всегда принципиально отлична отъ величины, безконечно къ ней приближающейся. Эмпирически сколько бы различныхъ представленій о мірѣ мы ни сравнивали, въ остаткѣ отвлеченія отъ субъективныхъ ихъ различій мы никогда не получимъ „вещи въ себѣ“, а всегда что нибудь эмпирически данное и общее въ различныхъ формахъ представленій. Доводя это общее до minimum'a и продолжая этотъ процессъ гипотетически до безконечности, мы принимаемъ остатокъ равнымъ нулю. Но это только условный приѣмъ, не болѣе. Эмпирическій, дѣйствительный оста-

токъ всегда будетъ нѣкоторой величиной, какъ бы микроскопически-мала она ни была, и полного совпаденія съ „чистымъ объектомъ“ никогда не будетъ *).

„Вещь въ себѣ“, такимъ образомъ, вовсе не есть реальность въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ реальны различныя конкретныя опредѣленія переменнѣйшей величины, для которой она является математическимъ „предѣломъ“. Это—логическая условность, служащая простымъ показателемъ извѣстной тенденции. Опираясь съ предѣльнымъ понятіемъ, ни въ коемъ случаѣ не нужно забывать этого. Въ математикѣ мы также встрѣчаемся съ предѣльными понятіями, оперируемъ, напр., съ понятіемъ „безконечности“, ставимъ ее со знакомъ $+$ и со знакомъ $-$, беремъ ее то какъ положительную, то какъ отрицательную величину, приравниваемъ къ ней ту или другую конечную переменную величину; хотя по внѣшности эти дѣйствія—цѣлый рядъ противорѣчій, но подъ этими противорѣчіями заключается совершенно особенный и вполнѣ реальный смыслъ **). Тоже и съ „вещью въ себѣ“. Разгадкой видимаго противорѣчія, неразлучнаго съ мышленіемъ этой принципиально недоступной мышленію вещи—является именно то, что „вещь въ себѣ“ не есть какая то особая реальность, стоящая рядомъ съ другими реальностями—это не болѣе, какъ предѣльное понятіе, служащее для *закругленія нашего міросозерцанія*. Оправданіе для философа, оперирующаго съ этимъ понятіемъ, совершенно такое же, какъ и для математика, оперирующаго съ ирраціональными величинами, какъ и для геометра, оперирующаго съ „безконечностью“, какъ съ конечной величиной. И тотъ, и другой, и третій съ извѣстной условной цѣлью, повидимому, совершаютъ надъ этими странными объектами такіа дѣйствія, которыя можно совершать лишь надъ вполнѣ раціональными, простыми и понятными конечными числами. Подобно понятію *безконечности*, понятіе „вещи въ себѣ“ есть чисто-отрицательное, предѣльное понятіе, оно не имѣетъ никакихъ положительныхъ признаковъ и опредѣленій. Вотъ почему стремленіе перешагнуть за предѣлы опыта, попытаться разъяснить, что же такое, наконецъ, представляютъ собою вещи, независимо отъ

*) «Такъ мы можемъ безпредѣльно увеличивать число n сторонъ вписаннаго въ кругъ многоугольника, такъ что можемъ приравнять $n = \infty$; но площадь этого многоугольника, хотя и будетъ при этомъ возрастать, но не можетъ сдѣлаться ни равна, ни больше площади описаннаго круга, приближаясь къ ней, какъ къ предѣлу» (Лоренцъ, «Элементы высшей математики», М. 1894, стр. 40).

**) «Чтобы обозначить такой процессъ непрерывнаго возрастанія X , мы пишемъ: $X = \infty$ (безконечности). Здѣсь знакъ равенства употребленъ не въ смыслѣ приравниванія X какому нибудь опредѣленному значенію, ибо приравниваніе величины безконечности указываетъ только возможность подвергнуть эту величину процессу безпредѣльно продолжающагося возрастанія въ указанномъ смыслѣ» (ib. 41).

субъективных опредѣленій опыта, есть операція не только практически-невозможная, но и логически-абсурдная. Понятіе „вещи въ себѣ“ именно и получено-то путемъ *отрицанія* всѣхъ возможныхъ конкретныхъ положительныхъ опредѣленій, путемъ, такъ сказать, ихъ взаимнаго сокращенія. Это—остатокъ отъ послѣдовательнаго безконечнаго вычитанія, это что-то вродѣ математической точки, не имѣющей никакихъ измѣреній, и оставшейся отъ реальной „вещи“, послѣ того, какъ послѣдовательно отъ нея отнято все... кромѣ имени, кромѣ голаго названія, звука, пустого, бессодержательнаго, имѣющаго только отрицательное, „предѣльное“ значеніе.

Эту отрицательную сторону дѣла прекрасно видѣлъ уже Гегель, у котораго, однако, иронизированье надъ „вещью въ себѣ“ происходило совершенно изъ другого источника, чѣмъ у критикующихъ и анализирующихъ это понятіе сторонниковъ научной философіи. Крайности, говорятъ, сходятся. Для сторонника научной философіи непріятно, что обладаніе „истинной реальностью“, качественно высшей, чѣмъ эмпирическая реальность, приписывается трансцендентному, внѣ-опытному, хотя и не познаваемому; для метафизика—же во вкусъ Гегеля непріятно именно то, что эта „истинная реальность“ объявлена непознаваемой. Трансцендентальная философія получаетъ поэтому удары съ двухъ противоположныхъ сторонъ. „Можно замѣтить—говорить Гегель въ своей „Логикѣ“,—что здѣсь выясняется смыслъ „вещи въ себѣ“, которая является очень простой абстракціей, но въ теченіе нѣкотораго времени была очень важной категоріей, какъ будто чѣмъ-то возвышеннымъ, подобно тому какъ положеніе: „мы не знаемъ, что такое вещи сами по себѣ“ было глубокомысленной мудростью. Вещи называются „вещами въ себѣ“, какъ скоро мы абстрагируемъ ихъ отъ всякаго „бытія для другаго“, т. е. вообще по скольку мы мыслимъ ихъ внѣ всякихъ опредѣленій, какъ чистыя „ничто“. Въ этомъ смыслѣ, разумѣется, нельзя знать, *что такое* представляетъ вещь сама по себѣ. Ибо вѣдь вопросъ: что такое?—требуется, что бы вещи были приданы какія либо опредѣленія; между тѣмъ какъ, однако, вещи, которымъ эти опредѣленія должны быть приданы, должны быть въ то же время „вещами въ себѣ“, т. е. именно вещами внѣ всякаго конкретнаго опредѣленія. Такимъ образомъ, *въ самый вопросъ безсознательнымъ образомъ вложена невозможность отвѣта*,—или же, если дается, то бессмысленный отвѣтъ... Поэтому очень хорошо извѣстно, что такое „вещи въ себѣ“: онѣ, какъ таковыя, суть ничто иное, какъ пустыя, бессодержательныя абстракціи“ *).

*) Georg Wilhelm Friedrich Hegel's Werke, III B., 2-te Aufl., Berlin 1841, „Wissenschaft der Logik“, 1 Th., 2 Abth., S. 120—121. См. также IV B., то же соч., 2 Abth. (цитирую по 1-му изд., Berlin, 1834) краткую формулировку

„Въ самый вопросъ безсознательнымъ образомъ вложена невозможность отвѣта“. Это замѣчаніе Гегеля необычайно мѣтко. Не въ томъ, стало быть, дѣло, что подходя къ „вещамъ въ себѣ“, мы натыкаемся на вопросъ, котораго нельзя разрѣшить; нѣтъ, мы просто *неправильно ставимъ сами себѣ вопросъ*, ставимъ его такъ, что *самой постановкой* вопроса исключаемъ возможность какого либо отвѣта: въ самомъ вопросѣ скрывается уже непримиримое противорѣчіе. Имѣя это въ виду, современный эмпириокритицистъ будетъ смѣло оспаривать утвержденіе, будто, подходя къ „вещамъ въ себѣ“, мы необходимо натыкаемся на внѣшніе для познанія предѣлы, на вопросы, не только неразрѣшенные, но и неразрѣшимые.

„Дѣйствительно ли такъ несомнѣнна для насъ неразрѣшимость „мировой загадки“? Нѣтъ, никоимъ образомъ! Освободимся отъ этой схоластической идеи и будемъ довѣрять могуществу нашей мысли! Она для насъ—все: неужели мы сами будемъ ограничивать ее? Да развѣ это не прямая нелогичность — ставить мышленію задачу, которую оно *по самой своей природѣ* никогда не можетъ разрѣшить? Значить, міръ есть нѣчто такое, что не можетъ быть никогда понято мыслью; міръ—нѣчто невысказанное!.. Нѣтъ, задача мышленія можетъ быть поставлена и выведена только изъ его собственныхъ условій, изъ природы самого мышленія, она не можетъ быть ему навязана извнѣ. Если міръ кажется намъ неразрѣшимой загадкой, то мы сами въ этомъ виноваты. Этой мировой загадки больше нѣтъ, развѣ только мы сами этого не хотимъ. Всѣ вопросы, которые можетъ рационально поставить человекъ, допускаютъ отвѣтъ, и этотъ отвѣтъ съ прогрессомъ знаній будетъ данъ. Вопросы же, въ неразрѣшимости которыхъ средствами мышленія человекъ убѣждается, разрѣшеніе которыхъ, слѣдовательно, невысказанное... да это просто *нелогично поставленные* вопросы, которые ходомъ дальнѣйшаго развитія неизбежно отбрасываются, упраздняются. Сила мышленія по отношенію къ его задачѣ безгранична. Мы не можемъ переоцѣнить ее. Для мысли нѣтъ ничего недоступнаго, нѣтъ границъ нашему познанію природы“ *).

Оффиціальныя корифеи и привать-звонари русской метафизики (вродѣ хотя бы г. А. Волынскаго) въ негодованіи раздирали ризы своя и посыпали пепломъ главы, сѣтуя на то, что русскіе позитивисты и субъективисты подрѣзаютъ, будто бы, крылья человѣческому духу, насмѣхаясь надъ вѣчными, какъ міръ, порывами этого

всего сказаннаго: «Ding an sich als solches nichts anderes, als die leere Abstraction von aller Bestimmtheit ist, von dem man allerdings nichts wissen kann, eben darum weil es die Abstraction von aller Bestimmung sein soll». (s. 131).

*) Joseph Petzoldt, «Einführung in die Philosophie der reinen Erfahrung» Leipzig, 1900, s. 3.

духа къ абсолютному, метафизическому знанію. Они и не замѣчали, что эта возня съ „вѣчными“ метафизическими проблемами являлась не больше, какъ корпѣнемъ надъ внутренне-невозможными, неправильно поставленными задачами—совершенно вродѣ задачи отысканія квадратуры круга, *perpetuum mobile* и т. п. Для Н. К. Михайловскаго, какъ и для Петцольда, нѣтъ *внѣшнихъ* предѣловъ познанія; какъ онъ опредѣлялъ—„границы науки совпадаютъ съ границами человѣка, какъ существа цѣльнаго и единого... Нѣтъ абсолютной истины, есть лишь истина для человѣка, и за предѣлами человѣческой природы—нѣтъ истины для человѣка“. „Границы“ и „предѣлы“ познанію скорѣе ужъ кладутъ метафизики, загоняя мысль въ тупые переулки неразрѣшимыхъ, вслѣдствіе неправильной постановки, проблемъ. Въ неразрѣшимости метафизическихъ проблемъ такъ же мало можно видѣть свидѣтельство безсилія или ограниченности человѣческой мысли, какъ мало свидѣтельствуетъ о нихъ хотя бы, напримѣръ, неразрѣшимость проблемы: что больше—аршинъ или пудъ?

Понятно, до какой степени смѣшными съ этой точки зрѣнія являются сѣтованія на невозможность *познать* вещи въ себѣ. Тотъ, кто понимаетъ, что такое представляютъ собою эти пресловутыя „вещи“, какъ логическія категоріи, каково ихъ значеніе и назначеніе—можетъ лишь иронизировать надъ людьми, для которыхъ тезисъ о непознаваемости „вещей въ себѣ“ равносильенъ скептицизму или агностицизму въ области познанія. Рациональное употребленіе категорій „вещи въ себѣ“ менѣе всего можетъ суживать поле человѣческаго познанія.

Не нужно только давать словамъ себя обманывать. Риль справедливо замѣчаетъ, что уже въ положеніе „сущность вещей непознаваема“ можетъ вкладываться неподходящій *оттѣнокъ*. Когда мы „непознаваемую“ предѣльную величину называемъ „сущностью“, то мы тѣмъ самымъ какъ будто считаемъ познаваемые вещи тѣмъ-то поверхностнымъ, внѣшнимъ, видимымъ, а „непознаваемое“, напротивъ того, тѣмъ то глубокимъ, настоящимъ, истинно-существеннымъ—такой *оттѣнокъ* присущъ самому термину „сущность“. Удобнѣе, поэтому, оставить выраженіе „сущность“ для познаваемого міра, именно для постоянныхъ и неизмѣнныхъ свойствъ явленій, какъ наиболѣе для нихъ характерныхъ, въ противоположность преходящимъ и измѣнчивымъ свойствамъ, какъ случайнымъ и нехарактернымъ. Въ этомъ смыслѣ мы всегда и говоримъ о „существѣ“ явленія, о его „существенныхъ чертахъ“, сущности. Такая, не сверхъ-опытная, а чувственно-данная „сущность“ есть логическая категорія. Ея логическая природа сказывается хотя въ томъ, что „существеннымъ“ для предмета мы часто считаемъ чисто-отрицательные признаки. Какъ и воѣ понятія, въ этомъ смыслѣ понятіе „сущности“ чисто-относительно. Что съ одной точки зрѣнія въ „вещи“ будетъ су-

щественнымъ, то съ другой—несущественнымъ, при чемъ обѣ точки зрѣнія будутъ законны—въ извѣстныхъ предѣлахъ и ради извѣстной цѣли. Въ этомъ смыслѣ „существенное“ въ вещи намѣчается нами самими, и по одному этому для насъ „всего значимѣе въ вещахъ именно ихъ сущность“, ибо во всей эмпирической полнотѣ изученіе любого единичнаго явленія предполагаетъ такую громадную работу, что „практически его должно признать просто безконечнымъ“ *).

Не менѣе мѣтко отмѣчаетъ Риль слѣдующій слабый пунктъ трансцендентальной философіи: Кантъ создалъ изъ того, что „лежитъ въ основѣ“ различныхъ представленій о мірѣ, а слѣдовательно изъ отвлеченнаго понятія, которое неизбежно *bedingt* *содержаніемъ*, чѣмъ „явленіе“ — особую сверхчувственную вещь, которой придалъ цѣну высшую противъ явленія вещей для человѣческаго сознанія („etwas Vornehmes“ Гегеля); но „если бы въ чисто теоретическомъ изслѣдованіи могла быть рѣчь о какомъ-либо опредѣленіи „достоинства“ или „цѣны“, а не объ одномъ лишь пониманіи и твердомъ обоснованіи этого пониманія, то въ виду всего, что мы можемъ заключать по аналогіи, пришлось бы, наоборотъ, „явленіямъ“ отдать предпочтеніе надъ „вещами“. Въ всякаго отношенія къ какому бы то ни было сознанію вещь—ничто, безсодержательная абстракція; свойства вещи есть ничто иное, какъ совокупность ея отношеній „Вещь въ себѣ“—это даже меньше, чѣмъ скелетъ бывшей „вещи“. Она облекается въ плоть и кровь только для опредѣленнаго сознанія; и чѣмъ выше соотносительное „сознаніе“, тѣмъ богаче содержаніемъ является „вещь“ **). Для чловека, сгумѣвшаго силой своей мысли раздвинуть поле своихъ впечатлѣній, микроскопъ открываетъ въ простой, ничтожной, безцвѣтной каплѣ воды цѣлыя міры, наполненные своеобразною жизнью. Отвлекаясь не только отъ сложныхъ, но и отъ элементарнѣйшихъ формъ воспріятія, получая „вещь въ себѣ“, мы, слѣдовательно, имѣемъ дѣло отнюдь не съ чѣмъ-то большимъ, чѣмъ „явленіе“. Противоположное мнѣніе психологически объясняется, кромѣ обманыванія себя внѣшностью слова, развѣ только тѣмъ, что „человѣкъ, по субъективнымъ основаніямъ, склоненъ переоцѣнивать неизвѣстное, предпочитать его тому, что знакомо“ ***).

*) А. Риль, «Теорія науки и метафизика», стр. 29—32.

**) Риль, *ib.*, стр. 34.

***) Риль, *ib.*, стр. 32. Еще въ своихъ «Realistische Grundzüge» (Graz, 1870) этотъ авторъ ясно формулировалъ ту же мысль. «Die Annahme des Dinges an sich besteht in der Ueberzeugung dass dasjenige, was wir aus seiner Einwirkung auf uns erkennen, auch abgesehen von dieser Wirkung vorhanden sei... Die verbreitetsten Ansichten über das Verhältnis der Erscheinung zum *Dan sich* stehen noch zu sehr unter dem Einflusse des Kant'schen Dualismus. Mit dem Ausdrucke «*Dan sich*»—verbindet sich die Vorstellung eines gewissen höhern Werthes gegenüber der Erscheinung, die diesem Begriffe ganz fremd ist», etc. (s. 64).

У самого Канта, какъ извѣстно, „вещь въ себѣ“ также иногда называется просто „предѣльнымъ понятіемъ“. Но бѣда въ томъ, что термину „предѣлъ“ можетъ быть приданъ двоякій смыслъ. Предѣлъ въ математическомъ смыслѣ далеко не то же, что предѣлъ въ смыслѣ физическомъ. Предѣломъ въ первомъ смыслѣ слова можетъ быть простая условность, абстракція, имѣющая лишь логическое бытіе; предѣлъ во второмъ смыслѣ — непременно особая реальность, которая своимъ существованіемъ ограничиваетъ другую реальность. Этотъ двойственный смыслъ слова „предѣлъ“ при некритическомъ его употребленіи какъ нельзя болѣе способенъ создать иллюзію о реальности вещи въ себѣ — иллюзію, о которой мы и говорили выше. Для Канта ни въ коемъ случаѣ бытіе „вещи въ себѣ“, нумена не ограничивалось областью чисто логическаго. Если бы это было иначе, то Кантъ былъ бы прямо позитивистомъ *).

Въ первомъ изданіи „Критики чистаго разума“ Кантъ писалъ: „Изъ понятія „явленія“ вообще естественнымъ образомъ вытекаетъ, что ему должно соответствовать нѣчто, что само по себѣ уже не будетъ явленіемъ... самое слово „явленіе“ указываетъ на отношеніе къ чему то такому, о чемъ непосредственное представленіе мы составляемъ посредствомъ чувствъ, но что само по себѣ должно быть и есть нѣчто — т. е. предметъ, независимый отъ нашей чувственности. Отсюда и происходитъ понятіе о „нуменѣ“, которое совершенно не является положительнымъ понятіемъ (понятіемъ съ положительнымъ содержаніемъ) и вовсе не заключаетъ въ себѣ никакого опредѣленнаго свѣдѣнія о какой бы то ни было вещи; оно обозначаетъ просто лишь идею о нѣкоторомъ „нѣчто“ вообще, при чемъ я абстрагируюсь отъ всякихъ формъ чувственнаго созерцанія **). Любопытно, что во второмъ изданіи Кантъ нашелъ, что это мѣсто недостаточно хорошо и замѣнилъ его слѣдующимъ: „Если мы подъ „нуменомъ“ будемъ понимать вещь, по скольку она не является объектомъ нашего чувственнаго созерцанія, по скольку мы абстрагируемся отъ нашего способа ея созерцанія — то это будетъ „нуменъ“ въ отрицательномъ значеніи. По скольку же мы будемъ подъ нимъ понимать объектъ созерцанія, принципиально отличнаго отъ чувственнаго — принимая совершенно особенный видъ созерцанія, чисто-интеллектуальный, которымъ, однако, мы не обладаемъ и самая возможность котораго для насъ непостижима — то это будетъ уже нуменъ въ позитивномъ значеніи“ ***).

*) Г. Челпановъ въ своей статьѣ «Философія Канта» («Міръ Божій») считаетъ возможнымъ сказать, что Кантъ «Критики чистаго разума» — «позитивистъ въ собственномъ смыслѣ слова», что, конечно, невярно.

**) Immanuel Kants «Kritik der reinen Vernunft» hrsgb. von Dr. Karl Vorländer, Halle 1900, s. 269—270 (Anmerkung).

***) Ibid., s. 272—273.

Понятно, что нео-кантіанцы, наклонные къ позитивизму и реализму, а вмѣстѣ съ ними и позитивисты, высоко цѣнящіе теоретико-познавательную сторону работъ отца трансцендентальной философіи, усиленно эксплуатируютъ всѣ формулировки, въ которыхъ выражается отрицательный, негативный смыслъ понятія „вещи въ себѣ“ или нумена. Лаасъ, напримѣръ, съ торжествомъ подчеркиваетъ, что, по признанію самого Канта, вещь въ себѣ есть чистое ничто — „nichts“ ¹⁾. Въ другомъ трудѣ Кантъ говоритъ о „совершенно несправедливыхъ и неразумныхъ сѣтованіяхъ“ на то, что мы не знаемъ *сущности* вещей, въ смыслѣ „вещей въ себѣ“ ²⁾. Совершенно въ духѣ цитированныхъ выше мѣстъ изъ Рила Кантъ развиваетъ слѣдующій строй идей. Матерія есть явленіе. Въ чемъ заключаются ея „внутреннія свойства“—я ищу во взаимныхъ отношеніяхъ ея частей, во всѣхъ мѣстахъ пространства, которое она занимаетъ, въ ея внѣшнихъ дѣйствіяхъ на другіе предметы. Нигдѣ я не имѣю при этомъ чего то внутренне ей присущаго въ абсолютномъ смыслѣ, но всегда только въ относительномъ, и это „внутреннее“, эта „сущность“ матеріи всегда можетъ быть разрѣшена въ рядъ чувственно-воспринимаемыхъ отношеній. „Что же касается до исключительно, всецѣло „внутренняго“, въ смыслѣ чистаго разума, это лишь чистая мечта (eine blosse Grille)“... „Внутрь природы (ins innere der Natur) проникаютъ наблюденіе и анализъ явленій, и нѣтъ возможности знать, какъ далеко могутъ они пойти со временемъ“ ³⁾. „Что такое вещь въ себѣ, я не знаю, да мнѣ этого вовсе и не нужно знать, ибо я никогда не встрѣчаюсь съ вещью иначе, какъ въ явленіи“ ⁴⁾. Понятіе вещи въ себѣ „не заключаетъ въ себѣ никакой объективной реальности (gar keine objective Realität bei sich führe)“ ⁵⁾, оно „остается для насъ безсодержательнымъ и служить ни къ чему другому, какъ только для того, чтобы намѣтить границы нашей чувственности и оставить пустое мѣсто, которое мы не можемъ наполнить ни посредствомъ чистаго разсудка, ни посредствомъ какого бы то ни было возможнаго опыта“ ⁶⁾. „Понятіе нумена такимъ образомъ есть просто предѣльное понятіе, для того, чтобы вдвинуть въ опредѣленные рамки примѣненіе нашей чувственности; употребленіе этого понятія чисто отрицательное“ ⁷⁾.

Но увы! Все это только одна сторона „вещи въ себѣ“,—это

¹⁾ Laas, Idealismus und Positivismus., III, s. 458.

²⁾ «Kr. d. r. V.», s. 292. «Diese Klagen ...sind ganz unbillig and unvernünftig».

³⁾ «Kr. d. r. V.», s. 291—292.

⁴⁾ Ibid., 291.

⁵⁾ Ibid., 347.

⁶⁾ Ibid., 300.

⁷⁾ Ibid., 274.

„Nooumenon im negativem Verstande“. Къ сожалѣнью, ею для Канта все не исчерпывалось. И тотъ же самый Эрнстъ Лаасъ, съ удовольствіемъ подчеркивающій всѣ позитивныя нотки у Канта, въ другомъ своемъ трудѣ („Kants Analogien der Erfahrung“, Berlin 1876) вынужденъ констатировать, что Кантъ, тѣмъ не менѣе, „такъ убѣжденъ въ *существованіи* вещи въ себѣ, что отъ оспаривающихъ его отдѣляется язвительнымъ, но не совсѣмъ основательнымъ замѣчаніемъ, будто „изъ этого вытекало бы то несуразное положеніе, что *явленіе* обходится безъ того нѣчто, которое *проявляется*“ *). Кантъ забываетъ, что „нѣчто“, проявляющееся для субъективно-различныхъ воспріятій отдѣльныхъ людей, есть объектъ, въ совокупности тѣхъ своихъ признаковъ, которые одинаково воспринимаются всѣми нормально-организованными людьми; „нѣчто“, проявляющееся въ различныхъ воспріятіяхъ разныхъ видовъ надѣленныхъ сознаніемъ организмовъ, есть опять таки объектъ въ совокупности тѣхъ, трудно-опредѣлимыхъ (вслѣдствіе малаго знанія психологіи животныхъ) элементарнѣйшихъ свойствъ, которые связаны и съ элементарнѣйшими ощущеніями (вѣроятно, преимущественно осязательнаго характера), которыя были исходною точкой психической эволюціи человѣческаго рода, и отъ которой такъ недалеко ушли многіе виды организмовъ. Но ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть этимъ „нѣчто“ кантовская „вещь въ себѣ“, ибо вещь въ себѣ—фикція, идеальный предѣлъ абстрагирования отъ субъективнаго въ воспріятіи. *Реально* предѣлъ этотъ столь же мало достигается, какъ мало превращается въ окружность вписанный многоугольникъ при *реальномъ* умноженіи его сторонъ до какого угодно *реального* большого числа. Игнорируя это, Кантъ склоненъ за явленіемъ, какъ таковымъ, безъ соответственной ему дѣйствительно *существующей* вещи въ себѣ, признавать только субъективное бытіе, бытіе въ психологіи человѣка. Нетрудно видѣть, что вѣрно какъ разъ обратное: именно „вещь въ себѣ“, какъ условность, какъ фикція, имѣетъ бытіе лишь чисто логическое, въ разумѣ, въ психикѣ человѣка, а не относится къ чему нибудь въ *данныхъ* воспріятія и опыта. Явленіе реальнѣе вещи въ себѣ, а не наоборотъ. Вопреки этому Кантъ говорить: „Если явленіямъ не придавать больше значенія, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ имѣютъ—т. е. не считать ихъ вещами въ себѣ, а *только* (*sic!*) представленіями (*blosse Vorstellungen*), связывающимися по эмпирическимъ законамъ,—то сами они должны имѣть свое *основаніе*, лежащее внѣ круга явленій. Такая чисто умопостигаемая *причина* сама въ своей причинности, однако, не обусловлена явленіями, хотя дѣйствія ея проявляются и могутъ обуславливаться другими явленіями. Т. е. она со своей причинностью стоитъ внѣ ряда; напротивъ, *дѣйствія* ея входятъ въ рядъ эмпирическихъ

*) Laas, «Analogien» etc., s. 329 (Anmerkung).

условіи“¹⁾. Это—предметъ самъ по себѣ или „трансцендентальный объектъ“, который есть „причина явленій, хотя самъ не явленіе, и не можетъ быть мыслимъ ни какъ величина, ни какъ реальность, ни какъ субстанція“²⁾, но просто „подъ именемъ невѣдомаго *нѣчто*“³⁾. „Этому трансцендентальному объекту мы можемъ приписать весь объемъ и связь нашихъ воспріятій и сказать: онъ данъ самъ по себѣ раньше [всякаго“ опыта“⁴⁾. Хотя онъ является сокрытымъ отъ нашего опыта, но его допущеніе не заключаетъ въ себѣ ничего противорѣчиваго: „ибо нельзя же утверждать о чувственномъ познаніи, что оно есть единственный возможный способъ созерцанія“⁵⁾. Мы и приходимъ, такимъ образомъ, къ понятію нумена „въ положительномъ значеніи“, какъ „объекта не-чувственного созерцанія“, „принципіально отличнаго отъ нашего чувственнаго“. Раскрыть содержаніе этого понятія мы не можемъ; оно было бы для насъ непостижимо „даже если бы кто нибудь намъ могъ сказать, что это такое: ибо понять мы можемъ только то, въ чемъ заключается нѣчто соотвѣтствующее словамъ изъ области нами созерцаемаго“.⁶⁾ Все это и приводитъ насъ къ выводу: наше теоретическое познаніе „относится къ явленіямъ; что же касается вещи въ себѣ, то оно оставляетъ ее для себя—*дѣйствительной*, но для насъ неизвѣстной (als für sich *wirklich*, aber von uns *aperkannt*)“. „То, что необходимо насъ заставляетъ переступить за предѣлы опыта и явленій, это—*безусловное*, котораго необходимо и съ полнымъ правомъ требуетъ въ видѣ „вещи въ себѣ“ нашъ разумъ въ дополненіе ко всему обусловленному, чтобы посредствомъ этого мыслить законченнымъ рядъ условій“, т. е. найти послѣднее основаніе всему сущему. „Послѣ этого намъ еще остается только, отрѣзавши теоретическому разуму всякій дальнѣйшій путь въ этомъ царствѣ сверхчувственного, попытаться — нѣтъ ли въ *практическомъ* познаніи разума данныхъ для раскрытія содержанія этого сверхъ-опытнаго понятія безусловнаго, и такимъ образомъ, для перехода, согласно стремленію метафизики, за границы всякаго возможнаго опыта“... „При такого рода методѣ теоретическій разумъ, по-крайней мѣрѣ, очистилъ мѣсто для подобнаго расширенія нашихъ понятій, оставивъ это мѣсто необходимо пустымъ, не заполненнымъ; и вотъ, намъ остается только заполнить его, если возможно, *практическими данными* разума; мы можемъ теперь сдѣлать это безпрепятственно (ибо докучный скептикъ-разумъ намъ помѣшать въ этомъ не можетъ, онъ самъ себѣ по-

¹⁾ Kr. d. r. V., s. 461.

²⁾ Ibid., s. 299.

³⁾ Ibid., s. 430.

⁴⁾ Ibid., s. 275.

⁵⁾ Ibid., s. 274.

⁶⁾ Ibid., 292.

ложилъ границы, самъ отказался отъ притязаній быть законодателемъ въ этой области „трансцендентнаго“. В. Ч.). Мало того: теоретическій разумъ насъ какъ бы самъ къ этому приглашаетъ, *)).

„Тутъ ужъ поприще широко: знай работай да не трись“! Для практическаго разума открывается широкое поле дѣятельности. А въ самомъ классически-простомъ и, если позволительно такъ выразиться, оголенномъ видѣ, лишеннымъ всякихъ теоретическихъ фиговыхъ листковъ, этотъ методъ свободнаго законодательства практическаго разума выраженъ въ знаменитомъ изреченіи Вольтера: если бы Бога не было, то его надо бы было выдумать. Нечего и говорить, что у Канта мы встрѣчаемъ гораздо болѣе тонкую работу. У него уже самъ теоретическій разумъ всецѣло подготовилъ работу практическаго. Разъ міръ вещей въ себѣ принимается принципиально отличнымъ отъ міра явленій, то самая тенденція человѣческаго ума мыслить противоположеніями приглашаетъ отрицательнымъ путемъ опредѣлить основныя черты міра вещей въ себѣ. Нашъ міръ есть царство гнетущей необходимости—тамъ царство свободы. Въ нашемъ мірѣ все смертно, все преходяще—тамъ царство безсмертія. Въ нашемъ мірѣ все конечно, ограничено и лишь относительно реально: тамъ царство безконечнаго, неограниченнаго, „всереальнѣйшаго существа (entis realissimi)“ **). Здѣсь приходитъ на помощь цѣлый рядъ элементовъ „практическаго разума“: наше ничѣмъ неистребимое сознаніе нравственной свободы, оскорбляемое признаніемъ всеобщаго господства необходимости; цѣлый рядъ этическихъ тенденцій, слишкомъ высокихъ, чтобы получить удовлетвореніе въ краткомъ промежуткѣ личной жизни и часто къ тому же еще жестоко обрываемыхъ суровой и прозаической дѣйствительностью; исканіе „высшаго смысла жизни“ и т. п., и т. п. „Такъ дѣлается понятнымъ, почему во всей способности разума *только практическое* можетъ помочь намъ подняться надъ міромъ чувственнаго, доставляя познанія о нѣкоторомъ сверхчувственномъ порядкѣ и связи, которые, однако, по этому же самому и могутъ быть расширены лишь такъ далеко, какъ это необходимо для чистыхъ практическихъ цѣлей“ ***).

Намъ нѣтъ надобности идти далѣе. Методъ, которымъ кантовскій практическій разумъ обрабатываетъ нивы, запретныя для разума теоретическаго, насъ здѣсь мало интересуетъ. Для насъ важнѣе овидіевы метаморфозы, пережитыя на нашихъ глазахъ „вещью въ себѣ“. Изъ скромнаго „nichts“, изъ чистаго ничтожества въ буквальномъ смыслѣ слова, она постепенно превратилась въ нѣчто (etwas), далѣе въ нѣчто дѣйствительное (wirklich),

*) Ibid., с. 23—24.

**) «Kr. d. r. V.», s. 489.

***) «Kritik der praktischen Vernunft», hrsg. von Kehrbach, s. 124.

въ основу явленій (Gründe), въ ихъ причину (in telligible Ursache) со своими дѣйствіями (Wirkungen) въ эмпирическомъ мірѣ, въ проявляющуюся субстанцію (etwas, was da erscheint), данную прежде всякаго опыта (vor aller Erfahrung), въ возможный предметъ особаго сверхчувственного созерцанія (nichtsinnlichen Anschauung) и, наконецъ, — *finis coronat opus* — реальность міра вещей въ себѣ возведена въ превосходную степень тѣмъ, что онъ объявленъ мѣстопребываніемъ „всереальнѣйшаго“ существа. И въ то же время ту же „вещь въ себѣ“ тѣмъ же самымъ Кантомъ не позволяется мыслить „ни какъ величину, ни какъ реальность, ни какъ субстанцію“, ибо все это понятія и категоріи, взятія изъ чувственнаго міра *). Какъ выбраться изъ этого противорѣчія? Положеніе для Канта создается невозможное. Если говорить о „вещахъ въ себѣ“, какъ о чемъ-то, имѣющемъ не только значеніе логически-условнаго, но дѣйствительнаго, то тѣмъ самымъ немислимо избѣгнуть незаконнаго примѣненія чувственныхъ понятій къ этой „сверхчувственной вещи“. Намъ неоткуда взять такихъ словъ, которыя годились-бы для разговора о сверхчувственномъ и не набрасывали бы на него компрометирующей „чувственной“ тѣни. Кантъ напрягаетъ всѣ силы своей діалектики, чтобы заранѣе отпаривать всѣ возможные аргументы. Если вы скажете, что *дѣйствовать* одна вещь на другую можетъ только тогда, когда одна является *внѣшней* для другой, слѣдовательно, дѣйствіе вещи въ себѣ, проявляющееся въ эмпирическомъ мірѣ, самую эту „вещь въ себѣ“ предполагать въ пространствѣ, то Кантъ остроумно указываетъ на то, что „дѣйствуютъ“ же наши мысли другъ на друга, не будучи пространственными. Возраженіе отпаривано, хотя по существу Кантъ прячется отъ дождя да въ воду, прибѣгая къ грубому антропоморфизму. Если вы скажете, что незаконное примѣненіе чувственныхъ понятій заключается уже въ самомъ признаніи „вещи въ себѣ“ основаніемъ и причиной явленій, то онъ опять имѣетъ готовый отвѣтъ: это только внѣшне-словесное сходство, ибо въ сверхчувственномъ, умопостигаемомъ видѣ царить принципиально, качественно отличная причинность: причинность изъ свободы. И опять таки это рождаетъ только новый вопросъ: а откуда взято содержаніе понятія „свободы“? Еще хуже дѣло обстоитъ съ другими, перечисленными выше, положительными принципами, которые Кантъ невольно долженъ приписать „вещамъ въ себѣ“, какъ скоро онъ не ограничиваетъ ихъ бытіе областью чисто-логической

*) По Канту, нельзя изъ нашихъ понятій дѣлать *трансцендентальное* употребленіе, позволительно лишь эмпирическое. «Трансцендентальное употребленіе понятія... заключается въ томъ, что оно примѣняется къ вещамъ вообще и самимъ по себѣ, эмпирическое же—къ примѣненію исключительно къ явленіямъ, т. е. предметамъ возможнаго опыта.» «Kr. d. r. V.» в. 260-261.

условности. Разъ „вещь въ себѣ“ есть „нѣчто“, именно „то, что является“, слѣдовательно, нѣчто „дѣйствительное“, то ужъ этимъ самымъ вещь въ себѣ дѣлается субстанціей, т. е. понятіемъ, по Канту, выведеннымъ изъ чувственнаго міра—предметомъ какого то возможнаго познанія. Да, говорить Кантъ, но только въ этомъ нѣтъ никакого противорѣчія: мы можемъ представить себѣ познаніе принципиально отличнымъ отъ нашего, не-чувственнымъ, и „вещь въ себѣ“ и будетъ возможнымъ предметомъ такого „чисто-духовнаго“ познанія. Въ качествѣ такового мы можемъ называть нашъ „трансцендентальный объектъ“ вещью, предметомъ, дѣйствительно-сущимъ, въ то же время не принося въ эти понятія ничего чувственнаго. Но здѣсь само собой напрашивается слѣдующее соображеніе: *познаніе*, какъ таковое, уже предполагаетъ, съ одной стороны—познаваемое, съ другой—познающее; познаніе непрѣнно есть *отношеніе* между ними, слѣдовательно, познаніе всегда относительно, всегда обусловленно даннымъ конкретнымъ соотношеніемъ, и безусловное, абсолютное познаніе есть *contradictio in adjecto*, понятіе внутренне-противорѣчивое. Разъ мы говоримъ, что вещь въ себѣ есть объектъ такого познанія, мы на другой сторонѣ необходимо предполагаемъ субъекта познанія, а по Канту „чисто-духовное“ познаніе должно быть чуждо всякаго субъективнаго элемента.

Желая устранить всѣ эти возраженія не по частямъ, а въ цѣломъ, Кантъ для этого устанавливаетъ специальное различіе между двумя способами употребленія нашихъ понятій и категорій: одинъ изъ нихъ онъ называетъ *конститутивнымъ*, а другой—*регулятивнымъ*. Такъ, напр., дана математическая пропорція: одна извѣстная величина относится къ другой извѣстной величинѣ, какъ третья извѣстная величина относится къ x , величинѣ неизвѣстной. Изъ такой пропорціи можетъ быть найдено, выведено, *конституировано* значеніе x ; поэтому положеніе, изъ котораго мы исходили ($a:b=c:x$) мы и назовемъ *конститутивнымъ*. Философія въ этомъ отношеніи прямая противоположность математикѣ. Въ ней мы имѣемъ основныя положенія *), имѣющія не конститутивный, а только *регулятивный* характеръ. Такъ какъ они имѣютъ отношеніе къ величинамъ не только *количественно* различнымъ, какъ математика, а различнымъ *качественно*, то „изъ трехъ данныхъ величинъ можно узнать и дать *a priori* только ихъ *отношеніе* къ четвертому члену, но не самый этотъ четвертый членъ“ **). Такъ что когда мы, напр., говоримъ, что отношеніе міра вещей въ себѣ къ міру явленій = отношенію основанія или причины къ слѣдствію, то мы этимъ можемъ еще

*) Основными Кантъ называетъ такія положенія, которыя не основываются на высшихъ и болѣе общихъ знаніяхъ.

**) Ibid., 206.

ровно ничего не высказывать относительно внутренней природы „вещей въ себѣ“. Отсюда вытекаетъ, что упрекъ въ мышленіи сверхчувственного въ терминахъ чувственного, опытнаго—несправедливъ, если мы употребляемъ эти категоріи лишь въ регулятивномъ, а не въ конститутивномъ значеніи. Нетрудно, однако, видѣть, что этимъ Кантъ ничего не доказываетъ. Нельзя обосновать позволительности мыслить сверхчувственное въ формахъ и категоріяхъ чувственного на различеніи „конститутивного“ и „регулятивного“ употребленія категорій и основоположеній, ибо само это различеніе основано на безмолвномъ предположеніи, что есть способъ примѣнять термины, взятые изъ чувственного міра, къ сверхчувственнымъ предметамъ, отвлекаясь отъ всякаго чувственного содержанія. Въ этого содержанія эти термины не существуютъ. Кантъ предполагаетъ то, что должно доказать, мы встрѣчаемъ здѣсь несомнѣннѣйшее *petitio principii*. По Канту, какъ будто могутъ существовать сужденія, говорящія нѣчто объ *отношеніяхъ* „вещей“, но ничего не говорящія объ ихъ свойствахъ. Но для этого нужно бы доказать, что есть „свойства“, въ то же время не являющіяся „отношеніями“ и не разрѣшимыя въ „отношенія“ (будь то отношенія между частями цѣлага или между цѣлымъ и другими цѣлыми).

Такимъ образомъ, попытка Канта отстоять *положительное* значеніе вещи въ себѣ или нумена кажется намъ абсолютно неосостоятельной. Итакъ, мы остаемся при одномъ отрицательномъ значеніи. Вещь въ себѣ не есть „нѣчто“, своимъ реальнымъ существованіемъ ограничивающее міръ явленій, а своей непознаваемостью—область познаваемого; это категорія предѣльная только въ смыслѣ математическомъ, это просто полезная фикція, не болѣе.

Нео-кантіанцамъ не легко было справиться съ унаслѣдованными противорѣчіями своего учителя. Одинъ изъ самыхъ умныхъ и глубокихъ нео-кантіанцевъ, Фридрихъ-Альбертъ Ланге, является особенно яркимъ примѣромъ этого. И онъ пытается найти разрѣшеніе противорѣчій въ томъ положеніи, что „вещь въ себѣ есть просто предѣльное понятіе“. Но до какой степени въ чисто-логическое содержаніе этого понятія у него вкрадывается грубо-физическій элементъ, показываетъ хотя бы та аналогія, посредствомъ которой онъ хочетъ выяснитъ путь, приводящій насъ къ неизбежному допущенію „вещи въ себѣ“. „Рыба въ прудѣ—пишетъ Ланге—можетъ плавать только въ водной, а не въ земной сферѣ; но тѣмъ не менѣе она можетъ толкаться головой о землю на днѣ и по бокамъ пруда. Такъ и мы могли бы, разумѣется, пройти съ понятіемъ причинности все царство опыта, чтобы найти лежащую за его предѣлами, абсолютно замкнутую для нашего познанія область“ *). И это пишетъ, самъ себѣ противорѣча, тотъ же са-

*) F. A. Lange, *Geschichte des Materialismus*, 3-te Aufl., II, s. 49.

мый Ланге, который въ другихъ случаяхъ прекрасно понимаетъ, что „граница познанія въ дѣйствительности вовсе не есть какая-то твердая преграда, которая рѣзко противостала бы естественному поступательному ходу познанія въ извѣстномъ пунктѣ его пути“ *). Изъ одного противорѣчія Ланге поладаетъ въ другое, сомнѣвается, колеблется... „Такимъ образомъ, мы дѣйствительно не знаемъ, существуетъ ли „вещь въ себѣ“. Мы знаемъ только, что послѣдовательное приложеніе законовъ нашего мышленія ведетъ насъ къ составленію себѣ понятія о совершенно проблематическомъ „нѣчто“, которое мы и принимаемъ за причину явленій, какъ скоро мы узнали, что нашъ міръ есть міръ представленій“ **). Или, какъ выражается онъ въ другомъ мѣстѣ, вещь въ себѣ „отодвигается въ сферу лишь мысленной вещи“. Такова неопредѣленная позиція, занятая этимъ глубокимъ, разностороннимъ и проницательнымъ умомъ. Ланге ясно видитъ всѣ слабыя стороны кантовской точки зрѣнія, но у него нѣтъ такой другой точки зрѣнія, на которую онъ могъ бы опредѣленно и безповоротно перейти. И тѣмъ не менѣе, онъ то и дѣло подходитъ чрезвычайно близко къ правильной точкѣ зрѣнія. Выяснивъ проблематичность и сомнительность реального бытія „вещей въ себѣ“, онъ говоритъ: „Если же теперь спросятъ, гдѣ же тогда въ концѣ-концовъ остаются „вещи“?—то отвѣтъ гласитъ: въ явленіяхъ! Чѣмъ больше выдыхается, улетучивается „вещь въ себѣ“, сводясь къ голому представленію, тѣмъ больше выигрываетъ въ реальности міръ явленій. Онъ охватываетъ всю совокупность того, что мы вообще можемъ назвать „дѣйствительнымъ“ ***). Превосходныя слова, подъ которыми мы подписываемся обѣими руками!

Что же, въ такомъ случаѣ, мѣшаетъ Ланге окончательно раздѣлаться съ „вещью въ себѣ“ въ положительномъ значеніи этого слова? Отвѣтъ мы получимъ, если отъ свойствъ теоретическаго ума Ланге перейдемъ къ его практическому разуму, отъ Ланге-теоретика перейдемъ къ Ланге-живому, чувствующему и дѣйствующему человѣку. Именно практическій разумъ и склоняетъ у Ланге теоретическій разумъ на логическое грѣхопаденіе. Мягкая, женственная, мечтательная натура его практически слишкомъ склонна къ уступкамъ, къ миролюбію, слишкомъ чужда сѣлаго, боевого духа. Именно это и помѣшало Ланге выработать свою непреклонно-строгую и цѣлостную „систему двуединой правды“. И онъ самъ несомнѣнно чувствовалъ этотъ пробѣлъ, это отсутствіе единого связующаго начала. Рѣдко гдѣ можно найти столько тихой грусти по цѣлостному міросозерцанію, по „правдѣ-справедливости“, какъ въ элегически-спокойномъ изложеніи послѣдней главы его

*) Ibid., s. 161.

**) Ibid., 49.

***) Ibid., s. 49. Курсивъ нашъ.

„Исторіи матеріализма“—„Der Standpunkt des Ideals“. Но это именно тихая грусть, а не энергичное стремленіе, соединенное съ вѣрою въ свои силы. „Одно вѣрно: что человѣкъ имѣетъ потребность въ дополненіи дѣйствительности посредствомъ иного, идеальнаго міра, созданнаго имъ самимъ; и что въ подобныхъ созданіяхъ проявляются всѣ высшія и благороднѣйшія созданія его духа“... Неустранимъ тотъ фактъ, „что нашъ духъ созданъ такъ, чтобы вѣчно снова вызывать въ себѣ картины міровой гармоніи; что здѣсь, какъ и повсюду, рядомъ съ дѣйствительностью и выше ея онъ ставитъ идеалъ, и отдыхаетъ отъ борьбы и страданій жизни, поднимаясь въ мысли къ міру всяческаго совершенства. И вотъ это-то идеальное стремленіе человѣческаго духа *приобрѣтаетъ новую силу, благодаря убѣжденію, что наша дѣйствительность, есть не абсолютная дѣйствительность, а лишь явленіе*“ *). Это—чрезвычайно характерный психологическій моментъ. Признаніе высшей реальности міра „вещей въ себѣ“ требуется Ланге для спасенія идеала. Не достигаемый въ эмпирическомъ мірѣ, идеалъ благополучно транспортируется въ область вещей въ себѣ.

Идеаль, такимъ образомъ, отрывается отъ жизни, ставится внѣ ея, по другую сторону непроходимой пропасти, отдѣляющей два этихъ міра. Мы уже видѣли, что Ланге почти совершенно пришелъ къ понятію о вещи въ себѣ, какъ о логической условности, о „голомъ представленіи“, играющемъ роль предѣльнаго понятія, Grenzbegriff, мыслимаго предѣла отвлеченія отъ всякихъ субъективныхъ формъ воспріятія объективнаго міра. Именно идеальнаго предѣла, ибо реально полное отвлеченіе немислимо, оно означало бы полное устраненіе и самаго объекта. Последовательное устраненіе всѣхъ субъективныхъ формъ превращаетъ объектъ въ безконечно уменьшающуюся величину, предѣлъ которой—0. И пресловутая „вещь въ себѣ“ какъ разъ и есть этотъ предѣльный 0. И такую то логическую условность цѣлымъ рядомъ тонкихъ философскихъ соображеній онъ успѣваетъ на половину гипостазировать, превратить изъ простой абстракціи въ реальность,—на половину, говорю я, потому, что самъ Ланге не рѣшается отстанав-
 ливать большее, чѣмъ только „проблематическое“ ея бытіе. Получается что то неопредѣленное, расплывчатое, туманное, какая то мутная вода, въ которой любители метафизики могутъ прекрасно рыбку ловить, творя въ этой „проблематической области“ зданіе иного „идеальнаго міра“, „міра всяческаго совершенства“, осуществленіе котораго здѣсь, „въ мірѣ явленій“, какъ извѣстно, довольно хлопотная и неблагодарная задача. И на эту то зыбкую, невѣрную почву готовъ порой переступить и Ф. А. Ланге, покинувъ твердую почву дѣйствительности—я разумѣю не мерт-

*) F. A. Lange, Geschichte des Materialismus etc., II, 544, 545.

вую, распластанную, разсѣченную холоднымъ ножомъ анализа, а живую, кипучую дѣйствительность, полную борьбы и творчества! Какъ будто въ ней мало мѣста всему идеальному, чистому, свѣтлому! Какъ будто идеальное—въ какомъ то застывшемъ и неподвижномъ „мірѣ всяческаго совершенства“, а не въ самой жизни, движеніи впередъ, борьбѣ за высшія формы индивидуальной и социальной жизни! Ланге долженъ былъ бы вспомнить прекрасныя слова Лессинга: „Если бы Господь Богъ предложилъ мнѣ въ одной рукѣ—полное обладаніе истиной, а въ другой—безконечное приближеніе къ ней, я отвѣтилъ бы: нѣтъ, Творецъ, оставь при себѣ свою истину, а мнѣ дай то, безъ чего моя жизнь будетъ блѣдна и мертва, лишится всякаго смысла, цвѣта и содержанія—святое недовольство всякимъ даннымъ состояніемъ и непрерывное, беззавѣтное стремленіе къ лучшему; его я не промѣняю ни на какое спокойное и неподвижное обладаніе готовой истиной, упавшей мнѣ съ неба помимо всякихъ моихъ усилій“. Пусть идеаль никогда не осуществляется въ эмпирическомъ мірѣ. Печалиться и сѣтовать объ этомъ нечего. Вовсе не единственный выходъ спасти этотъ идеаль, перенеся его въ область, лежащую „по ту сторону“ человѣческаго опыта. Достаточно лишь правильно отнестись къ идеалу, какъ тоже къ своеобразному предѣльному понятію, которое только указываетъ тенденцію, направленіе движенія, и которое перестало бы быть указателемъ пути, если бы цѣликомъ воплотилось по ту или по сю сторону, въ томъ или другомъ пунктѣ нашего, человѣческаго бытія, нашей духовной жизнедѣятельности. Тогда идеаль пересталъ бы быть символомъ жизни и прогресса, а сталъ бы символомъ неподвижности и мертвечины. А мертвечина такъ и останется мертвечиной, какъ ни расцвѣчивайте, какъ ни раскрашивайте, какъ ни раззолачивайте ее, превращая въ блаженную тихую пристань „всяческаго совершенства“. Для Ланге идеаль нуженъ, чтобы „отдохнуть отъ борьбы и страданій жизни, поднимаясь въ мысли до этого царства гармоніи“, тогда какъ для позитивиста-субъективиста идеаль—менѣе всего призывъ къ отдыху и забвенію, это скорѣе звукъ трубы, сзывающій въ походъ и напоминающій о близкой борьбѣ. Для Ланге это—цѣлительный бальзамъ, проливаемый на раны инвалидовъ борьбы, вмѣсто того, чтобы быть освѣжающимъ и укрѣпляющимъ питьемъ передъ битвой. Вотъ къ чему сводится различіе двухъ точекъ зрѣнія, вотъ почему для насъ не нужно соблазняющее Ланге „потустороннее“ бытіе идеала, вотъ почему мы различно относимся къ вопросу о дѣйствительности или недѣйствительности міра „вещей въ себѣ“... И вотъ почему Н. К. Михайловскій, на котораго Ланге имѣлъ, несомнѣнно, немалое вліяніе, вопреки ему привѣтствуетъ своеобразный „категорическій императивъ“ Фейербаха—„довольствуйся дан-

нымъ міромъ“, а Ланге никакъ не можетъ съ нимъ примириться...

Въ тѣхъ же тезисахъ о Фейербахѣ, которыми мы начали эту главу, К. Марксъ, между прочимъ, говоритъ: „Все таинственное, влекущее теорію къ мистицизму, находитъ свое раціональное разрѣшеніе въ человѣческой практикѣ и въ пониманіи этой практики... Философы только различнымъ образомъ *истолковывали* міръ; но дѣло идетъ о томъ, чтобы *измѣнить* его“ *). Эти превосходныя слова Маркса опять таки по всему своему духу совершенно подходятъ къ тому философскому миросозерпанію, которое ставитъ себѣ цѣлью интегральное слитіе теоретическаго и практическаго момента, объединеніе правды-истины и правды-справедливости. Характерно, что въ сущности тоже говоритъ позитивистъ Лаасъ, разбирая мнѣніе Ланге, что кантовскій „умопостигаемый міръ“ по существу есть міръ творчества, что это нужно признать прямо и открыто. „Это отождествленіе—говоритъ онъ—требованій практическаго разума Канта и предметовъ вѣрованій съ мѣрами и образами творческой фантазій“ представляетъ, какъ цѣлое, „опасное направленіе мысли“. Правда, оно „можетъ обладать большою притягательною и оплодотворяющею силою для нѣкоторыхъ своеобразныхъ, художественно-мечтательныхъ, такъ сказать романтическихъ и женственныхъ натуръ... Но для культурной и общественной работы, для нормальнаго человѣка, для всѣхъ жизнедѣятельныхъ, реалистическихъ, мужественныхъ характеровъ надо имѣть наготовѣ менѣе игрушечные идеалы. Пусть будетъ „умопостигаемый“ міръ просто на просто воображеніемъ, фантазіей! Менѣе всего позитивистъ будетъ имѣть причины спорить противъ этого. Но не этотъ міръ—поле нашей дѣятельности. Нис Rhodus... По счастью, и „въ мірѣ явленій“ не такъ трудно отысканіе идеала. Нужно только умѣть абстрагироваться отъ собственной личности и расширить свои симпатіи за предѣлы узкаго горизонта индивидуальной жизни. Прогрессирующее облегченіе и смягченіе всякой нужды и страданій, все болѣе и болѣе богатое и разнообразное наполненіе своего существованія чистыми и высокими радостями—все это составляетъ совершенно достаточный стимулъ. И работа въ этомъ направленіи, въ общемъ, должна гораздо болѣе оживотворяющимъ образомъ дѣйствовать на людей лично, чѣмъ болѣзненный, ненормальный девизъ Шиллера-Ланге: „отважся ошибаться и мечтать“! И врядъ ли цѣлесообразно проповѣдывать привлекательность серьезному характеру жизненной работы посредствомъ искусственныхъ расцвѣчиваній и отраженій...

Vor dem Tode erschrickst du? du wünschst unsterblich
zu leben?

Leb im Ganzen! Wenn du lange dahin bist, es bleibt.

*) „L. Feuerbach etc“, s. 72.

(Ты боишься смерти? ты хотѣлъ бы жить безсмертно?
Живи въ цѣломъ! Когда тебя уже давно не будетъ,
оно останется) *).

Но если такого суроваго приговора заслуживаетъ поэтическая философія, или, лучше сказать, философская поэзія Ф. А. Ланге, то что же сказать про тѣ теоріи и тѣхъ теоретиковъ, которые даже не имѣютъ смѣлости сами „заполнять“ то „пустое мѣсто“, которое остается у нихъ послѣ признанія реальности вещей въ себѣ, а услужливо и покладисто предоставляютъ это особому на то установленному департаменту „умопостигаемыхъ“ дѣлъ?

Послушаемъ одного изъ представителей философіи этого типа, человѣка науки, проф. Ю. Охоровича. Это—естественникъ, въ своей области—позитивистъ, стоящій на почвѣ современнаго философскаго критицизма, словомъ, человѣкъ, слово котораго обладаетъ въ глазахъ всѣхъ немалымъ авторитетомъ. „Мы,—говоритъ онъ,—не въ состояніи понимать вселенную иначе, какъ условно, т. е. относительно насъ самихъ, потому что не можемъ выйти изъ себя... Понимать—значитъ оцѣнивать отношенія; оцѣнивать отношенія—значитъ сравнивать и различать... Но сближеніе и дѣленіе имѣютъ свои границы. Оба эти процесса, даже доведенные до крайняго совершенства, не перестанутъ быть сближеніемъ и дѣленіемъ, синтезомъ и анализомъ, хотя и не могутъ сближать и раздѣлять того, что не подлежитъ сближенію и дѣленію, т. е. *безусловнаго бытія*. Всякій разъ, когда мы рѣшаемся оставить доступную для насъ область отношеній и переходимъ за предвѣчную завѣсу безусловнаго бытія, мы неминуемо впадаемъ въ противорѣчія вслѣдствіе непоколебимыхъ законовъ мышленія, именно потому, что вносимъ туда понятія условныя, относя ихъ къ предполагаемой безусловной сущности матеріи, духа, пространства и времени; потому, наконецъ, что, обладая только понятіемъ отношеній бытія ограниченнаго, готовы примѣнять единственно возможное къ *великому непостижимому*, а это послѣднее стараемся поставить отдѣльно и независимо отъ всѣхъ другихъ отношеній и явленій... Коль скоро нашему знанію доступны лишь отношенія, то оно не только вслѣдствіе этого ничего не теряетъ, но, напротивъ, такимъ только образомъ станетъ развиваться прогрессивно (ибо *безусловное* знаніе необходимо закончено, *цѣльно*, и не допускаетъ дальнѣйшаго прогресса). Противъ такого положенія нѣтъ другого упрека, какъ только тотъ (впрочемъ, признаваемый каждымъ знаніемъ) что оно—несовершенно, ибо условно“ **). „Не зная, что такое безусловная сила,

*) Laas, «Idealismus und Positivismus», III, 629.

**) Ю. Охоровичъ, «Объ основныхъ противорѣчіяхъ нашего знанія о вселенной», М., 1874, стр. 46—47.

безусловный духъ, мы можемъ, однако, изслѣдовать проявленія ихъ, открывать управляющіе этими проявленіями законы, сравнивать эти законы съ законами другихъ явленій, психическія—съ физическими и наоборотъ. Открывая законы, мы можемъ примѣнять ихъ къ жизни, педагогѣ, исторіи, этикѣ, къ медицинѣ, механикѣ и т. д.—Все же прочее покрыто предвѣчною завѣсою, за которою ничто недоступно нашему уму, и тамъ мы встрѣчаемъ одни неодолимые противорѣчія, и независимо отъ свойствъ разума—*предугадываемъ* существованіе непостижимой, безмѣрной и самобытной силы“ *). Этотъ „предугадываемый міръ“, г. Охоровича тоже, что „умопостигаемый“ („интеллигибельный“, intelligible Welt) міръ Канта, въ который онъ переселялъ полное торжество нравственнаго закона, свободу воли, безсмертіе души и божество—понятія, незащитимости которыхъ для реальнаго міра явленій онъ же доказывалъ съ такой сплой аргументаціи. Это „Непознаваемое“ Спенсера, — непознаваемое, признаніе реальности котораго въ его „Основныхъ Началахъ“ служатъ основой для компромисса между вѣрой и знаніемъ. Г. Охоровичъ очень хорошъ своей откровенностью, ради которой мы еще продолжимъ наши цитаты.

„Теперь выскажемся — говорить г. Охоровичъ,—относительно будто-бы отрицанія бытія безусловной предвѣчной силы.—Напротивъ: положительная философія не отрицаетъ того, что для нея непонятно, она оспариваетъ только возможность пониманія, а съ этой истиной согласны вѣдь всѣ.—Духъ человѣческій, обладавъ свойственной ему логикой, сознаетъ необходимость гармоніи, хотя постигнуть ее не можетъ; онъ, углубляясь въ явленія природы, не въ состояніи отказаться отъ мысли, что существуетъ какая-то могущественная, всеобщающая сила — безусловная и вѣчная!.. Философія, дѣйствительно положительная, *признаетъ бытіе ея*, но болѣе ничего сказать о ней не можетъ; тому же, кого не удовлетворяетъ такой результатъ, остается только одно—вѣровать“...**). „Знаніе и вѣра должны существовать отдѣльно, на сколько ихъ требуетъ человѣческая умственность и нравственность, т. е. всѣ дѣла вѣры слѣдуетъ подчинить преданію религіозному и совѣсти, дѣла же знанія—преданію науки и разуму. Философія, дѣйствительно положительная, т. е. ограничивающая поле своихъ дѣйствій и созерцающая только доступные для ума человѣческаго факты, *способна менѣе всѣхъ другихъ бороться съ догматами вѣры*, такъ какъ вѣра только на столько занимается вопросами физическими, химическими и социальными, на сколько они могутъ прояснять истины безусловныя. Предоставивъ эти послѣднія догмату и принявъ на свою долю скромный трудъ изслѣдованія фактовъ—на сколько слабый умъ нашъ способенъ по-

*) Ibid., стр. 43.

**) Ibid., стр. 54.

завать ихъ — мы признаемъ святое право вѣры, согрѣвающей сердца идеальной любовью, и святое право науки, освѣщающей тусклый путь жизни опытомъ и благоразумными изслѣдованіями. Нѣтъ сомнѣнія, что знаніе и вѣра могутъ существовать другъ подле друга, не требуя особаго соединенія и безъ взаимнаго вмѣшательства въ свои дѣйствія“ *).

Таковы два департамента, къ которымъ, по этой точкѣ зрѣнія, согласно либеральному правовому принципу строгаго раздѣленія властей, приписываются всѣ людскія дѣла. Съ одной стороны — „слабый умъ“ съ его „скромнымъ трудомъ изслѣдованія фактовъ“, „опытомъ и благоразумными изслѣдованіями“; съ другой стороны — „согрѣваніе сердца идеальной любовью“ и „совѣсть“, отписанныя въ особое вѣдомство, опирающееся на „признаніе бытія“ безусловной „вещи въ себѣ“. Такъ раскалывается на двое цѣлостное человѣческое міросозерцаніе, чтобы затѣмъ искусственно склеиться, быть наскоро спитымъ воедино бѣлыми нитками оппортунизма, лепечущаго рабымъ языкомъ что-то о „скромности“ и „благоразуміи“ своего „слабаго ума“. Этотъ рабій языкъ былъ Н. К. Михайловскому всегда чуждъ. Всякое реальное „бытіе“ для него должно было быть „познаннымъ“, а не „предугаданнымъ“ или „постигнутымъ“, благодаря какому-то наитію духа, который „не учась ученъ, коль прійдетъ въ восхищеніе“. Съ другой стороны, онъ не могъ ограничивать поприща науки лишь „опытомъ и благоразумными изслѣдованіями“. Онъ могъ бы сказать превосходными словами Лассаля: „что же такое наука, если она не даетъ уму необходимаго этического направленія? И что же такое нравственность, если она не результатъ истиннаго знанія“? Ему нужна не разорванная и кое-какъ склеенная, а цѣльная и единая „система правды“ великой двуединой правды, гармонически сливающая наши понятія объ истинѣ и справедливости въ одно стройное цѣлое. Ему нужна система міросозерцанія, удовлетворяющая одновременно и потребности знанія, и требованіямъ совѣсти, одновременно и „освѣщающая тусклый путь жизни“, и „согрѣвающая сердца идеальной любовью“. Ему нужна такая система, между прочимъ, и потому, что онъ прекрасно понимаетъ, на сколько неизбѣжно обращеніе къ фантазій и преданію, на сколько неизбѣжно появленіе теологической и метафизической отрыжки у людей, которые не могутъ найти удовлетворенія въ наукѣ, если она удаляется отъ запросовъ жизни въ скромную обитель „опыта и благоразумныхъ изслѣдованій“... „Довольствоваться даннымъ міромъ“ онъ понимаетъ въ смыслѣ необходимости изъ матеріаловъ грѣшной земли „построить зданье до небесъ“, вмѣсто того, чтобы на облакахъ строить воздушные замки, утѣ-

*) Ibid., 49—50.

шаясь только красотой созданій своего воображенія... то бишь, „умопостиженія“ (не смѣшивать съ умопомраченіемъ).

Наслѣдственные противорѣчія, въ кругу которыхъ вертится трансцендентальная философія, въ связи съ той позиціей, которую занимаетъ эта философія по отношенію къ преданію, естественно вызвали противъ нея реакцію. „Это ученіе—говоритъ Петцольдтъ—есть только достигшій высокой степени развитія отпрыскъ одной изъ самыхъ старыхъ и примитивныхъ идей—идеи безсилія человѣческаго духа... Ясные слѣды ея существованія можно указать еще въ древнемъ мірѣ; всѣ средніе вѣка были временемъ ея господства; она подрѣзала крылья и ослабляла смѣлый полетъ мысли новаго времени... Стремленіе средневѣковой теологіи было доказать ничтожество человѣческой мысли и дѣйствія, чтобы пробуждать и питать потребность въ милостивомъ вмѣшательствѣ супра-натуральныхъ силъ“. Эта идея въ различныхъ варіаціяхъ оказала глубокое вліяніе на философское мышленіе. Подъ ея вліяніемъ „Кантъ подпалъ подъ власть такой схоластики, какъ признаніе безсилія человѣческаго ума объять міръ, „вещь въ себѣ“, и вытекающее отсюда признаніе одной изъ главнѣйшихъ задачъ философіи—установить твердо границы ея силъ“. Отсюда же ведетъ свое начало и сплетеніе всякой практической философіи съ элементами метафизическаго и даже теологическаго характера; только тогда, когда суверенность человѣческаго разума установлена въ теоретической сферѣ, она можетъ восторжествовать и въ практической. Это и есть двойная задача новѣйшей, *научной* философіи. Отвергая всякій произволъ въ мышленіи, всякія метафизическія спекуляціи, она покоится на опытѣ, опирается лишь на то, что намъ первоначально дано въ этомъ опытѣ, и допускаетъ, въ видѣ добавокъ къ нему, только необходимыя и сознательно ставимыя *гипотезы*, которыя должны практически оправдать себя и свое право на существованіе. Эта философія „не только должна улавливать біеніе жизненнаго пульса какъ въ области науки, такъ и всей дѣйствительной жизни въ ея совокупности; ея возвышеннѣйшая цѣль—со своей стороны воздѣйствовать въ благоприятную сторону на самый процессъ складыванія, развитія этой жизни, на поступательное движеніе человечества во всѣхъ направленіяхъ; мало того, она должна поставить этому поступательному движенію его цѣль“. Она должна, между прочимъ, „освободить человѣческое мышленіе изъ подъ гнета ученія, будто міръ есть только наше представленіе, возвратить человѣка природѣ и освѣтить лучами благотворнаго свѣта ту темноту, въ которой скрывается его будущее“ *).

Такая философія нужна каждому участнику здороваго общественнаго движенія. О ней мечтали, къ ней стремились, ея не-

*) Ios. Petzoldt, «Einf. in die Phil. d. r. Erfahrung», ss. 1—9.

обходимость чувствовали и Марксъ, и Энгельсъ. Мало того. „На зарѣ своей туманной юности“, какъ показываютъ цитированные нами тезисы о Фейербахѣ, Марксъ ощупью какъ будто напалъ на вѣрный путь,—но, къ сожалѣнію, только для того, чтобы сойти съ него въ сторону смѣшенія совершенно не-философскаго и до-философскаго матеріализма съ гегелевской діалектикой. Здоровое чутье жизни то и дѣло толкаетъ и его, и Энгельса къ внесенію живыхъ нотъ въ область философіи, гдѣ еще и по сію пору слишкомъ много красивой, но тонкой и непрочной философской паутины, которую должно смести могучее вѣяніе живой жизни, какъ только оно ворвется въ застоявшійся воздухъ четырехъ стѣнъ философскихъ келій и скитовъ. Но всѣ эти порывы того же Энгельса, какъ мы отчасти уже видѣли, скованы путами старыхъ, метафизическихъ поведеній мысли.

Одной изъ самыхъ свѣтлыхъ мыслей Энгельса нужно признать именно положеніе о неограниченной силѣ мысли, познанія, хотя и это положеніе закутано у него въ гегельянскую тогу „противорѣчій“. Человѣческая мысль можетъ и должна стремиться къ „исчерпывающему познанію всей системы міра въ ея совокупности“, а съ другой стороны, реально ни въ какой историческій моментъ она „не въ состояніи окончательно разрѣшить эту задачу, какъ по существу своей собственной природы, такъ и природы мірового цѣлаго“. Это противорѣчіе „ежедневно и непрерывно разрѣшается въ безконечномъ прогрессивномъ развитіи человечества“. Безъ этого противорѣчія была бы немыслима *безграницность* познанія: „если бы оказалась возможность составить точную отраженную картину всего мірового цѣлаго въ своихъ мысляхъ, то тѣмъ самымъ царство человѣческаго знанія оказалось бы законченнымъ, замкнутымъ“. Дальше идти было бы нельзя — человѣческому познанію былъ бы положенъ конецъ. Отсюда еще новый рядъ противорѣчій: „верховенство мышленія воплощается, реализуется въ цѣломъ рядѣ далекаго отъ верховенства мышленія индивидуальныхъ людей; познаніе, претендующее на безусловную истинность—въ рядѣ относительныхъ заблужденій... Въ этомъ смыслѣ верховенство человѣческаго мышленія столь же существуетъ, какъ и не существуетъ, и человѣческая познавательная способность столь же ограничена, сколь и неограничена. Мышленіе всевластно и неограничено по своей природной способности (Anlage), призванію, возможности и исторической конечной цѣли; оно далеко не всевластно и ограничено по своему конкретному осуществленію и ежечасной дѣйствительности“ *).

Одной изъ особенностей метафизическаго мышленія является

*) Fr. Engels «Herrn Eugen Dühring Umwälzung in d. Wissenschaft», ss. 16, 19, 65.

то, что оно *отрицательныя* понятія имѣть слабость употреб-
лять, какъ *положительныя*. Мы уже видѣли, что предѣльное по-
нятіе, логическая условность—„вещь въ себѣ“ была произведена
въ нѣкоторую положительную величину, обладающую высшей
реальностью. Такъ и понятія безусловнаго, безконечнаго. Мета-
физикъ наивно не замѣчаетъ никакого противорѣчія въ словахъ
„безусловное (или безконечное) существо“. Онъ не останавли-
вается даже на этимологическомъ составѣ слова „безконечность“,
достаточно показывающемъ, что содержаніе этого понятія не за-
ключаетъ въ себѣ ничего, кромѣ чистаго отрицанія, что оно
только негативно. Когда мы говоримъ, что человѣческое позна-
ніе безгранично, мы только говоримъ, что его работѣ нѣтъ ни-
гдѣ твердыхъ и абсолютныхъ вѣдшихъ границъ, что пока оно
существуетъ, до тѣхъ поръ оно безпрепятственно можетъ все
расширять и расширять арену своей дѣятельности во всѣхъ на-
правленіяхъ, въ ширь и въ глубину, въ видѣ цѣлаго ряда концен-
трическихъ круговъ, въ которой прибавляются все новыя и но-
выя объемлющія. Понятно, что въ каждый данный моментъ сумма
познаній человѣчества представляетъ конечную величину. *Безко-
нечной* величины оно представлять никогда не можетъ, ибо *без-
конечная* величина есть не реальность, а предѣльное понятіе. Но
метафизикъ тѣмъ-то и грѣшитъ, что не понимаетъ природы пре-
дѣльныхъ понятій. Онъ ихъ превращаетъ въ реальности, въ сущ-
ности, оперируетъ съ ними, какъ съ таковыми, отчего у него и
получается цѣлый рядъ противорѣчій, въ которыхъ онъ и бьется.
Примѣры мы видѣли хотя бы у Канта и Ланге съ „вещью въ
себѣ“. Проще всего выходъ изъ этого положенія нашель Гегель,
возведя противорѣчія во всеобщій міровой принципъ. Съ этой
точки зрѣнія противорѣчіями нечего смущаться, ихъ можно и
должно плодить сколько угодно. Методъ для этого очень простой:
вездѣ множить безконечныя величины на конечныя, и наоборотъ,
какъ равноправныя реальности. Такъ и поступаетъ въ данномъ
случаѣ Энгельсъ. Провозгласивъ безграничность познанія, онъ
воображаетъ, что тѣмъ самымъ установилъ не просто отсутствіе
твердаго предѣла расширенію познанія (величины всегда конеч-
ной), а какую-то особенную ея способность „объять необъятное“,
составить себѣ „точную отраженную картину *всего* мірового *цѣ-
лаго* въ мысляхъ“ или „зеркальное отраженіе дѣйствительности“;
передѣлавъ такимъ образомъ вполне негативное положеніе о без-
граничности знанія въ метафизическое положеніе *абсолютнаго*
знанія, онъ неожиданно открылъ противорѣчіе—такое абсолют-
ное, безконечно-сильное знаніе не могло бы далѣе развиваться,
и мы получили бы *границу*, предѣлъ дальнѣйшему познанію... Но
тутъ на выручку подоспѣло понятіе о безконечности историче-
скаго развитія и въ немъ благополучно найдено „разрѣшеніе про-
тиворѣчія“, синтезисъ положенія и отрицанія, къ вѣщей славѣ

Гегеля и діалектики. И въ такіа-то головоломныя сальтомортале съ безконечностью, 'подъ безконечность, изъ-подъ безконечности и черезъ безконечность надо было Энгельсу облечь простую, ясную и нисколько не противорѣчивую истину, что наша мысль въ своемъ поступательномъ ходѣ нигдѣ въ мірѣ не встрѣчаетъ твердаго внѣшняго предѣла.. я не говорю уже о томъ, что по той же причинѣ Энгельсу пришлось вызвать метафизическія тѣни какого-то „предназначенія“ и „исторической конечной цѣли“ мышленія... Впрочемъ, въ гегельянскомъ одѣяніи марксизма что ни лоскутъ, то „историческая миссія“, „конечная причина“, „послѣдняя инстанція ряда причинъ“...

Съ точки зрѣнія марксистовъ-гегельянцовъ уже элементарное *движеніе* есть *противорѣчіе*; а такъ какъ на движеніе современное естествознаніе стремится свести всѣ процессы измѣненій въ матеріальномъ мірѣ, то понятно, что этотъ тезисъ, разъ доказанный, утвердилъ бы во всемъ мірѣ діалектическій привидишъ. Какъ же доказываютъ это положеніе гегельянцы - марксисты, Ф. Энгельсъ, а съ нимъ и напѣ его послѣдователь, г. Бельтовъ? А очень просто. Когда тѣло движется, то оно должно быть одновременно въ двухъ различныхъ мѣстахъ; ибо если бы оно одно мгновеніе находилось *только* въ опредѣленномъ мѣстѣ, и лишь въ другое мгновеніе оказалось на другомъ мѣстѣ, то, значить, оно не находилось бы въ состояніи *непрерывнаго* движенія. Но съ другой стороны, развѣ нахожденіе въ одинъ и тотъ же моментъ въ двухъ различныхъ мѣстахъ не есть противорѣчіе? Да, есть, и потому движеніе, а съ нимъ и всякое измѣненіе есть воплощеніе противорѣчія и совершается по діалектическимъ законамъ *).

Движенья нѣтъ—сказалъ мудрецъ брадатый;
Другой же всталъ и сталъ предъ нимъ ходить.
Хвалили всѣ отвѣтъ замысловатый...

Гегельянское толкованіе движенія есть лишь видоизмѣненное изданіе аргументаціи греческаго философа о „невозможности“ движенія. Эта невозможность, по нашимъ гегельянцамъ, совершенно особаго рода невозможность, невозможность воплощенная, „невозможность въ дѣйствіи“!!! какъ пишутъ про свои сальтомортале въ широковыщательныхъ рекламахъ акробаты и фокусники. И въ самомъ дѣлѣ, здѣсь мы тоже имѣемъ дѣло съ *логическимъ* сальтомортале. При движеніи движущееся тѣло представляется конечнымъ, пространство сплошнымъ, такъ что движеніе въ этомъ пространствѣ должно быть также непрерывнымъ, сплошнымъ. *Но за то время берется не сплошнымъ, не непрерывнымъ, а раскалывается на конечныя частички, „моменты“ или*

*) См. F. Engels «Herrn Eugen Dühring etc.», s. 97. Н. Бельтовъ «Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію», стр. 72.

„мгновенія“. Если въ каждой изъ этихъ частичекъ времени движеніе должно не прерываться, то и получаютъ выводъ: тѣло одновременно находится здѣсь и въ то же время не здѣсь. Но такъ какъ „моментъ“ вовсе не есть какой-то неразложимый „атомъ“ времени, а *процессъ*; такъ какъ никакая малая часть времени не можетъ считаться чѣмъ-то застывшимъ, неподвижнымъ цѣлымъ, а наоборотъ—ничего нѣтъ болѣе *текучаго*, чѣмъ время—то какое же противорѣчіе заключается въ томъ, что въ опредѣленный *моментъ*, т. е. въ продолженіе хотя и очень малаго, но всетаки имѣющаго опредѣленную величину *теченія* времени предметъ также протекаетъ то или другое разстояніе?

Здѣсь мы видимъ интереснѣйшее смѣшеніе матеріализма съ гегельянствомъ. Это, въ самомъ дѣлѣ, совершенно по-матеріалистически все, даже время и пространство, разложить на недѣлимые, абсолютно-простыя частицы, своего рода атомы времени и пространства, а затѣмъ пробовать уложить въ нихъ движеніе, самоналѣгшая часть котораго является всетаки смѣной одного „атома“ пространства на другой „атомъ“ въ теченіе одного только „атома“ времени. Эта своеобразная атомистика стоитъ эквилибристики „изъ-подъ безконечности, черезъ безконечность и т. д.“; и не мудрено, что онѣ такъ хорошо уживаются вмѣстѣ.

Мы видѣли, какъ неудачна оппозиція Энгельса трансцендентальной философіи, хотя въ основѣ этой оппозиціи и лежатъ здоровые мотивы. Теперь бросимъ взглядъ на отношеніе Энгельса къ другому великому философскому теченію, пытавшемуся вывести мысль изъ тупого переулкa скептицизма, въ которую ее завели плутанья по дебрямъ метафизики—къ позитивизму.

Мы уже говорили, что позитивизмъ рѣшилъ эту задачу, исходя изъ критики понятія безусловнаго бытія. Сомнѣніе въ реальности внѣшняго міра возникло лишь потому, что понятіе „реальности“ отождествлялось съ понятіемъ „реальности абсолютной“. Существованіе своего собственнаго „я“, какъ самое близкое, знакомое и потому достовѣрное существованіе (откуда и *cogito, ergo sum* — я мыслю, я сознаю, слѣдовательно, существую—Декарта) было послѣднимъ убѣжищемъ этой абсолютной реальности. „Но—говоритъ позитивизмъ—эта „мыслящая субстанція“, въ которую выросло и кристаллизовалось „я“—также вѣдь ничто иное, какъ представленіе, да къ тому еще весьма производное... И если вмѣсто этой абстракціи возстановить вновь тѣ непосредственныя данныя, которыя ей служатъ фундаментомъ, то въ нихъ нельзя будетъ найти ровно ничего, что обосновывало и оправдывало бы столь рѣшительное преимущество, отдаваемое этому „я“ передъ объектомъ воспріятія; преимущество, въ силу котораго реальное существованіе субъекта можно было бы принять за несомнѣнное и вѣрное, реальность же объектовъ, по скольку они находятся „внѣ насъ“—только за нѣчто проблема-

тическое. Дѣйствительность, бытіе мыслящаго для насъ стоитъ не выше, чѣмъ бытіе и дѣйствительность мыслимаго. Объекты не стоятъ „внѣ“ сознанія; но, конечно, они не находятся также и „въ насъ“, какъ это по недоразумѣнію утверждается въ идеалистическомъ лагерѣ; они стоятъ *въ отношеніи къ намъ*, какъ и мы, со своей стороны, стоимъ въ отношеніи къ нимъ. Только тогда, когда эмпирически данный субъектъ затвердѣваетъ въ нашемъ представленіи до превращенія въ какую-то трансцендентную субстанцію—только тогда объекты представленій выѣстъ со своимъ носителемъ—сознаніемъ—превращаются въ проявленія дѣятельности этого нашего метафизическаго „я“, въ его видоизмѣненія, модификаціи; только тогда тѣ и другія—представленія и объекты—оказываются „въ насъ“. Тутъ-то и можетъ возникнуть вопросъ чисто-идеалистическаго пошиба: а что, соотвѣтствуютъ ли эти объекты какой нибудь абсолютной, трансцендентной реальности, находящейся внѣ насъ, подобно тому, какъ наше сознаніе,—согласно предпосылкѣ—свидѣтельствуетъ о бытіи метафизическаго „субъекта“. Но для того, кто подобныхъ предпосылокъ не дѣлаетъ,—не возникаетъ ни откуда и принципиальной низшей оцѣнки реальности объекта сравнительно съ субъектомъ“ *).

Такимъ образомъ, положеніе стараго, контовскаго позитивизма объ относительности всѣхъ нашихъ знаній новѣйшіе позитивисты, какъ Лаасъ, обосновываютъ на принципѣ *соотносительности субъекта и объекта*, или, выражаясь философскимъ жаргономъ, принципѣ *коррелятивизма*. Другой сторонникъ критическаго реализма, Алоизъ Риль, излагаетъ этотъ принципъ слѣдующимъ образомъ: „Явленія зависятъ вмѣстѣ и отъ природы чувственной дѣятельности, и отъ формы тѣхъ раздраженій, которыя даютъ толчекъ этой дѣятельности. Поэтому въ опытѣ намъ не можетъ быть дано ни одного чисто-физическаго, но точно такъ же и ни одного чисто-духовнаго акта. Факты опыта—всегда психо-физическія явленія. Измѣненіе въ одномъ объектѣ природы, произведенное другимъ объектомъ, мы узнаемъ только по измѣненію, которому подвергается наше воспріятіе... Даже восприниманіе нами себя самихъ (если здѣсь умѣстно выраженіе „восприниманіе“) дѣлается возможнымъ только благодаря противопоставленію себя чему нибудь воспринимаемому во внѣшнемъ мірѣ. Явленія—а съ ними только мы и имѣемъ дѣло въ сферѣ опыта—всѣ сплошь относительны, и при томъ не только лишь въ томъ смыслѣ, что относятся всегда къ какому нибудь сознанію, а и въ томъ особенномъ смыслѣ, что внѣшнія явленія стоятъ въ неразрывномъ отношеніи взаимности къ явленіямъ внутреннимъ. Этотъ основной фактъ чувственнаго сознанія называютъ принципомъ соотносительности объекта съ субъектомъ.

*) Laas, Idealismus und Positivismus, III, s. 52.

„Но тѣ сильно наклонены духъ къ олицетворенію абстрактныхъ оруженій, такъ еще сильно вліяніе стараго метафизическаго роія мыслей на современный научный, что принципъ этой соотвѣстности безпрестанно нарушается, и то одинъ, то другой моментъ чувственнаго познания отрѣшается отъ своего ко-лата и ставится независимо, самостоятельно. Отдадимся въ разсмотрѣнію объективной стороны опыта—и тотчасъ мы беремъ изъ виду субъективную сторону: мы готовы вѣрить въ безусловную реальность матеріи и движенія, какими они являются нашимъ внѣшнимъ чувствамъ; станемъ ли мы размышлять о субъективной сторонѣ—и легко впадаемъ въ противоположное заблужденіе: мы готовы приписать духовнымъ явленіямъ гораздо большую непосредственность и самостоятельность, нежели они дѣйствительно ихъ имѣютъ. Матеріалистическими или спиритуалистическими гипотезами мы вырываемъ пропасть между тѣломъ и душой, т. е. сначала дѣлаемъ изъ своихъ отвлеченій, абстракцій—сущности, а потомъ и предпринимаемъ тщетныя попытки выводить все духовное изъ физическаго или постигать физическое изъ духовнаго, что значитъ выводить субъектъ изъ объекта или объектъ изъ субъекта, т. е. упразднять, мысленно уничтожать основную предпосылку всякаго познанія“ *).

Цитируемое сочиненіе Риль вышло въ 1887 г., а въ слѣдующемъ году Энгельсъ, точно задаваясь цѣлью иллюстрировать его положенія, представлялъ въ „Л. Фейербахъ“ слѣдующую великолѣпную по простотѣ классификацію философскихъ системъ. Принципомъ классификаціи является „вопросъ о томъ, какъ относится мышленіе къ бытію, что является первичнымъ: духъ или природа“. „Философы распались на два большихъ лагеря, смотря по тому или иному отвѣту на этотъ вопросъ. Тѣ, кто принимали первичность духа сравнительно съ природой... —образовали лагерь идеалистовъ. Тѣ же, кто считалъ за первичное начало природу—принадлежать къ различнымъ школамъ матеріализма“. Въ этихъ школахъ Энгельсу ничего неизвѣстно, развѣ еще только „Eklek-

*) Риль, «Теорія науки и метафизика», стр. 35—36. Съ другой стороны, Рихардъ Авенариусъ—Авенариусъ, такъ безпощадно-строго относившійся ко всякимъ произвольнымъ привнесеніямъ къ даннымъ опыта, говоритъ: «Мы принимаемъ не одну только окружающую среду, но и самихъ себя, т. е. собственно говоря, наше «я» есть нѣчто находимое, встрѣченное нами въ томъ же точно смыслѣ, какъ и окружающая среда. Никакое полное описаніе даннаго (его свойствъ и связей) не можетъ содержать «я», не заключая въ себѣ и среды, окружающей это «я»; никакое полное описаніе даннаго не можетъ содержать въ себѣ среды безъ того «я», котораго эта среда окружаетъ». (Der menschliche Weltbegriff, Vierteljahrsschrift, XVIII, 2, s. 146). «Эта совмѣстность и нераздѣльность «я» и окружающей среды,—говоритъ ученикъ Авенариуса Карстанъенъ,—это принципиальное соподчиненіе и равнозначность взаимно-координированныхъ «я» и среды Авенариусъ противопоставляетъ одностороннему пониманію какъ философскаго идеализма, такъ и матеріализма и реализма въ качествѣ «принципиальной эмпирио-критической координатіи». См. Карстанъенъ, Введеніе, стр. XVIII.

tische Bettelsuppe“, нищенская эклектическая философия стоит хлеба, которая, по его словамъ, „преподается въ германскихъ университетахъ подъ именемъ философіи“.— При этомъ мы также вспоминается извѣстное изреченіе, что въ трехъ областяхъ идеализма—политикѣ, воспитаніи и философіи—всякій и каждый разъ и мы обо всемъ свое необычайно рѣзкое и определенное мнѣніе... Я тогда тѣхъ, кто сколько-нибудь серьезно занимался этими предметами, наметать.

Мы видѣли, до какой степени мало понимаетъ Энгельсъ про субъективизмъ коррелятивизма. Поэтому для него вся философія вертится вокругъ идеализма и матеріализма, къ которому онъ самъ примыкаетъ. Повидимому, ему были просто неизвѣстны философскія школы, пытавшіяся стать выше обѣихъ этихъ точекъ зрѣнія. Критическій позитивизмъ Геринга и Лааса, критическій реализмъ Рила, имманентная точка зрѣнія Шуппе, Шуберта-Сольдерна и Леклера, строгій критическій эмпиризмъ Маха и отчасти даже Авенаріуса *)—все это, повидимому, пришлось бы зачислить по Энгельсу въ рубрику „эклектической нищенской похлебки“... Cum grano salis можно здѣсь напомнить, что для Энгельса „mit Hegel schliesst die Philosophie überhaupt ab“, на Гегелѣ заканчивается философія.. (L. Feuerbach, s. 9).

Но и положеніе объ относительности всего нашего знанія въ болѣе общемъ видѣ усвоено Энгельсомъ очень плохо. Правда, онъ говоритъ не разъ такія, напр., вещи: „наконецъ, абсолютная истина, недостижимая на этомъ пути (построенія цѣлостныхъ философскихъ системъ для разрѣшенія всѣхъ противорѣчій „мировой загадки“) и для каждого отдѣльнаго человѣка, оставляется въ сторонѣ; люди устремляются въ поиски за относительными истинами, достижимыми на пути положительныхъ наукъ и объединенія ихъ результатовъ при помощи диалектического метода“ (Ib., s. 9). За исключеніемъ послѣдней „ложки дегтя“ здѣсь какъ будто все звучитъ вполне позитивистски. Истина—говоритъ въ другомъ мѣстѣ Энгельсъ вслѣдъ за Гегелемъ—заклывается „въ самомъ процессѣ познаванія, въ долгомъ историческомъ развитіи науки, поднимающейся съ низшихъ ступеней знанія на все высшія и высшія, но никогда не достигающей такого пункта, гдѣ, благодаря нахожденію такъ называемой абсолютной истины, наука уже не могла бы идти дальше и ей осталось бы только, сложивъ руки, созерцать пріобрѣтенную абсолютную истину“ (ib., 4). Для Энгельса „разъ навсегда положенъ конецъ потребности въ окончательныхъ рѣшеніяхъ и вѣчныхъ истинахъ; всегда имѣется въ виду необходимая ограниченность всякаго пріобрѣтеннаго нами знанія—ограниченность, обусловленная тѣми обстоятель-

*) Первый томъ «Критики чистаго опыта», правда, вышелъ въ томъ же году, какъ и «Л. Фейербахъ» Энгельса; но «Философія, какъ мышленіе о мірѣ» появилась десятью годами ранѣе.

Но тамъ, при которыхъ оно приобрѣтено. Намъ болѣе не импонируютъ и противоположности, съ которыми не въ состояніи справиться и посейчасъ еще пользующаяся распространеніемъ старая метафизика: противоположность между истиннымъ и ложнымъ, добромъ и зломъ, тождественностью и различіемъ, необходимостью и случайностью; намъ извѣстно, что всѣ эти противоположности—относительны...“ (ibid., s. 46). Но самъ же Энгельсъ справедливо говоритъ, что общаго признанія какой либо истины еще мало. Иныя истины—какъ, напр., идея всеобщей измѣняемости въ природѣ, или относительности всѣхъ человѣческихъ познаній—могутъ „до такой степени войти въ общее сознаніе, что въ своемъ общемъ видѣ едва встрѣтятъ съ чьей либо стороны противорѣчіе“. „Но чисто словесное признаніе истины—это одно, а ея проведеніе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ на практикѣ, ея примѣненіе во всякой подвергающейся изслѣдованію области—совершенно другое“ (ib., s. 46). И въ этомъ-то послѣднемъ отношеніи Энгельсъ,—увы! далеко не безгрѣшенъ. И любопытно, что опять таки никто другой, какъ Гегель вводитъ его въ соблазнъ и заставляетъ нарушить принципъ относительности явленій. Въ качествѣ преимущества Гегеля надъ Фейербахомъ онъ указываетъ, что „для Гегеля зло является формой, въ которой представляется движущее начало историческаго развитія.“ Въ этомъ положеніи заключается двойной смыслъ: во первыхъ, каждый новый прогрессивный шагъ необходимо выступаетъ въ качествѣ оскорбленія чего нибудь святаго, въ качествѣ возстанія противъ стараго, вымирающаго, но освященнаго привычкою строя; во вторыхъ — со времени появленія классовыхъ противорѣчій, именно дурныя страсти людей—алчность и властолюбіе—сдѣлались рычагами историческаго развитія... Но Фейербаху и въ голову не приходитъ изслѣдовать историческую роль нравственнаго зла“ (ib., 36). Конечно, для правовѣрнаго гегельянца эта формула перехода зла по закону противорѣчія въ свою собственную противоположность въ высшей степени соблазнительна. Но для позитивиста, учащаго объ относительности всѣхъ нашихъ понятій, самая постановка вопроса: „какова историческая роль нравственнаго зла“? будетъ абсурдной, ибо при ней понятія добра и зла приобрѣтаютъ уже абсолютное, разъ навсегда данное, сверхъ-историческое значеніе...

Энгельсъ думаетъ, что онъ стоитъ на почвѣ положительныхъ наукъ, когда говоритъ, что съ переходомъ его и Маркса отъ гегельянства къ матеріализму для нихъ „діалектика была сведена на науку о всеобщихъ законахъ движенія—какъ во вѣшнемъ мірѣ, такъ и въ человѣческомъ мышленіи“. Конечно, и нынче любой позитивистъ можетъ фигурально выразиться, пользуясь обыкновеннымъ языкомъ, вродѣ того, что „движеніе его мыслей приняло другое направленіе“, что его мысль „прыгаетъ съ предмета на предметъ“ и т. п. Но если вы предложите ему изложить об-

щіе законы движенія мыслей и предметовъ, онъ, безъ сомнѣнія, почувствуетъ безпокойство за состояніе вашихъ умственныхъ способностей. Положительная наука о „всеобщихъ законахъ движенія какъ во внѣшнемъ мірѣ, такъ и въ человѣческомъ мышленіи“ существуетъ только на страницахъ энгельсовскаго „Л. Фейербаха“. Наши гегельянцы этимъ не смущаются. Они твердо вѣрують и исповѣдуютъ слова учителя, что дѣйствительно есть они, эти „общіе законы движенія какъ во внѣшнемъ мірѣ, такъ и въ человѣческой мысли“—это все тѣ же абсолютные и неизмѣнные „законы противорѣчія“, законы діалектическіе. Въ обѣихъ этихъ областяхъ мы открываемъ „два ряда законовъ, которые по существу тождественны, по формѣ же различны по столько, по сколько человѣческая голова можетъ ихъ примѣнять сознательно, въ то время какъ въ природѣ они прокладываютъ себѣ дорогу безсознательно, въ формѣ внѣшней необходимости, въ безконечномъ ряду кажущихся случайностей. Но тѣмъ самымъ діалектика понятій дѣлается лишь сознательнымъ отраженіемъ, рефлексомъ діалектическаго движенія въ дѣйствительномъ мірѣ“ *). Здѣсь уже достаточно характерно *гипостазированіе* законовъ природы, превращеніе ихъ въ какія то „сущности“, силы, прокладывающія себѣ дорогу черезъ кажущіяся случайности, чтобы осуществиться въ ихъ ряду, etc., etc. Какъ все это безконечно далеко отъ современной науки и философіи, которыя ставятъ себѣ задачей простое и ясное систематизированіе данныхъ опыта, безъ всякихъ привнесеній въ нихъ некритически образованныхъ представленій о сущностяхъ, силахъ, и т. п. „дѣятеляхъ“, создаваемыхъ сплошь и рядомъ первоначально не болѣе, какъ образностью нашей рѣчи, но въ концѣ концовъ не менѣе часто затвердѣвающихъ въ полумистическія „діалектики“ и т. п. болѣе или менѣе антропоморфизированныя представленія, которымъ не мѣсто въ строгой наукѣ!

На этомъ мы и покинемъ Энгельса и философскія воззрѣнія стараго марксизма. Я надѣюсь, что даже изъ моего изложенія, по необходимости бѣглого и недостаточнаго, все-таки ясно, на сколько незащитимы тѣ позиціи, на которыхъ утвердились въ концѣ концовъ основоположники марксизма. Слабость этихъ позицій чувствуется почти всѣми, и даже всѣ старанія такого талантливаго и изворотливаго адвоката марксизма, какъ Н. Бельтовъ, не приобрѣли много сторонниковъ „діалектическому матеріализму“ въ области его философіи. Неудивительно, поэтому, что современные русскіе марксисты для борьбы съ „субъективной школой въ социологіи“ стремятся выбрать другія, болѣе удобныя и неприступныя въ философскомъ отношеніи позиціи. Послѣ нѣкотораго колебанія часть изъ нихъ успѣла, наконецъ, опредѣлить свой путь и твердою ногой вступила на него. Книжка г. Бердяева съ предисловіемъ П. Струве представляетъ первую пробу новыхъ позицій, какъ операціоннаго базиса для атаки на „субъективизмъ“. Къ оцѣнкѣ ихъ мы въ слѣдующей главѣ и обратимся.

(Продолженіе слѣдуетъ).

В. Черновъ.

*) «L. Feuerbach» etc., s. 45.

— Я думаю, что помню. Я теперь такъ благонамѣренъ, что мнѣ неприлично и вспоминать.

— Поплясать можно было въ Голборновомъ казино и въ Арджеилѣ; поужинать и прослушать пѣсенку у Джуджа и Джури, у Иванса и въ Угольной Ямѣ; проплясать съ модисточкой у Колдвелля, а у Креморна...

— Мой милый Фредъ, это все—старина. И ничего этого теперь нѣтъ. Голборнъ и Арджеилъ стали ресторанами. Креморнъ перестраивается, объ Ивансѣ нѣтъ и помину, а такія заведенія, какъ Джуджа и Джури, теперь не разрѣшаются.

— Что жъ теперь дѣлаетъ молодежь?

— А почему я знаю? Какъ нибудь забавляется. Но это—не наше съ тобой дѣло. Ты ужъ не молодецкіи, Фредъ.

— Къ чорту! Что жъ мнѣ съ собою дѣлать по вечерамъ? Думаю, если не могу участвовать самъ, то можно хоть поглядѣть.

— Нѣтъ, и поглядѣть нельзя. Оставь ребятъ въ покоѣ. Запишись въ клубъ и сиди одинъ въ курильной по цѣлымъ вечерамъ: вотъ тебѣ и забава!

— Когда такъ, то могу пойти и въ театръ.

— О да! Ты долженъ одѣться, какъ на вечеръ, и сидѣть въ ложѣ... Бывало, мы сиживали въ партерѣ... Есть концертныя залы и разныя выставки; можешь туда ходить, если угодно. Но помни, надо беречь репутацію. Не забывай о своемъ положеніи.

— Къ чорту мое положеніе! Вставай и сведи меня куда нибудь, гдѣ бы можно посмѣяться и было на что взглянуть.

— Милый Фредъ, будь разсудителенъ. Я—почтенный адвокатъ и имѣю взрослого сына. Возможно ли мнѣ показываться въ такихъ мѣстахъ? Да и позволю замѣтить, что глава фирмы „Барловъ и К^о“ не увеличитъ своего кредита въ городѣ, если его увидятъ кое-гдѣ.

— Меня никто не знаетъ.

— Не забудь, братецъ, что кто хочетъ добыть денегъ, тотъ и вечеромъ долженъ быть такимъ же серьезнымъ и солиднымъ капиталистомъ, какъ утромъ.

— Такъ пойдемъ въ курильную и покуримъ. Какъ легко забывается отвѣтственность, налагаемая успѣхомъ!

— Именно!—Христофоръ улыбнулся.— Именно. Хорошо сказано. Отвѣтственность, налагаемая успѣхомъ! Я вставляю эту фразу въ твою рѣчь. Отвѣтственность, налагаемая успѣхомъ!..

VI.

Возвращеніе блуднаго сына.

Супруга Христофора Кампенъй принимала гостей. Комнаты были полны народа; преобладала молодежь—пріятели ея сына и дочери. Большинство изъ нихъ были одарены тѣми литературными и художественными склонностями, которыя дѣлали ихъ строгими критиками, хотя никто изъ нихъ еще не подарилъ міру собственныхъ безсмертныхъ твореній. Интересъ вечера сосредоточивался, однако, на вновь прибывшемъ изъ Австраліи, по слухамъ—милліонерѣ, который, будучи высокъ и толстъ, занималъ много мѣста въ комнатѣ; столько же онъ занималъ и въ разговорѣ: говорилъ громко и смѣялся раскатисто. Онъ успѣшно казался тѣмъ, чѣмъ желалъ: весьма благополучнымъ господиномъ, привыкшимъ къ преклоненію передъ его милліонами.

Леонардъ явился поздно.

— Я рада видѣть тебя,—сказала ему хозяйка.—Фредерикъ, ты врядъ ли помнишь этого твоего племянника, сына Олджернона?

Фредерикъ отвѣтилъ крѣпкимъ рукопожатіемъ.

— Когда я покидалъ Англію,—сказалъ онъ,—тебѣ было не болѣе четырехъ-пяти лѣтъ. Какъ же могу я помнить тебя, Леонардъ?

— И я не могу помнить васъ (Онъ старался изгнать изъ памяти нѣкое неблагозвучное слово). Но я съ удовольствіемъ вижу васъ на родинѣ и, на этотъ разъ, надѣюсь, навсегда.

— Не думаю. Дѣла... дѣла часто бываютъ неотложны, особенно, если ведешь ихъ на большую ногу. Въ городѣ могутъ задержать меня на нѣсколько недѣль или отпустить въ скоромъ времени. Я вполнѣ завишу отъ города.

Если хорошенько вдуматься, то какъ богатъ долженъ быть человѣкъ, чтобы вполнѣ зависѣть отъ города. Окружающіе взглянули на говорившаго съ удвоеннымъ интересомъ и даже со страхомъ. Они не были въ зависимости отъ города.

— Признаюсь, — продолжалъ онъ, — мнѣ хотѣлось бы остаться. Свѣтское общество, послѣ многихъ лѣтъ отсутствія, кажется пріятнымъ. Нѣкоторые считаютъ его пустымъ. Пожалуй! Одежда мѣняется (Онъ критически оглядѣлся). Моды уже не тѣ, что двадцать пять лѣтъ назадъ, но впечатлѣніе все то же. А впечатлѣніе это—все. Нечего заглядывать за кулисы. Суровый, старый колонистъ (а между тѣмъ,

не было въ комнатѣ человѣка, лучше вылощеннаго) смотреть лишь на внѣшность и находить ее восхитительною.

— Можеть ли нереальное быть восхитительнымъ? — пролепетала со вздохомъ одна изъ дамъ.

— Во всякомъ случаѣ, — продолжалъ Леонардъ, — вы сколько нибудь погостите у насъ?

— И этого не знаю. У меня есть компаньонъ въ Австраліи... Нужно возобновить нѣкоторыя связи въ городѣ... Но нѣсколько недѣль у меня будетъ свободныхъ, и я поосмотрюсь здѣсь. Должны же мы, колонисты, показать городу, что не всѣ предпріятія сосредоточены здѣсь, у васъ, да и не все богатство... не все богатство. А чѣмъ занимаешься ты, Леонардъ? — спросилъ онъ снисходительно.

— Я засѣдаю въ палатѣ.

— Какъ твой отецъ и дѣдъ. Это — блистательная карьера.

— Эта карьера можеть быть блистательной.

— Правда, правда. Неизбѣжны и неудачи... множество неудачъ. Гдѣ и когда тебя удобнѣе застать?

Леонардъ отвѣтилъ.

— Запиши мнѣ это на бумажку сегодня же. Я какъ нибудь удосужусь.

Скверное слово опять непріятно всплыло въ мозгу Леонарда.

Г. Фредерикъ Кампенъ продолжалъ свою прерванную рѣчь, доказывавшую необходимость существованія бѣдняковъ ради возможнаго и завиднаго существованія богатей. Онъ рассуждалъ съ точки зрѣнія миллионера и настаивалъ не только на святости богатства, а еще на обязанностяхъ бѣдняковъ къ людямъ, выше ихъ стоящимъ.

Леонардъ незамѣтно вышелъ. Ему было не по себѣ. Онъ не могъ забыть того, что слышалъ объ этомъ громогласномъ, цвѣтущемъ, самодовольномъ господинѣ. Кромѣ того, тотъ, кажется, пересаливалъ, какъ будто игралъ роль. Зачѣмъ?

Во второй гостиной онъ засталъ своихъ кузена и кузину, Олджернона и Филиппу. Первый, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати трехъ-четырехъ, обладалъ высокимъ ростомъ, но черезчуръ малою головою. Онъ часто улыбался и съ легкою непринужденностью бесѣдовалъ въ кружкѣ пріятелей. Лицо его было красиво, но не указывало на трудолюбіе.

Леонардъ спросилъ, каковы его успѣхи.

— Все то-же, — отвѣтилъ онъ со смѣхомъ. — Изученіе драматическаго искусства представляетъ безконечныя трудности. Вотъ почему мы завалены пьесами.

— Такъ тебѣ остается показать міру, какова должна быть настоящая пьеса.

— Въ этомъ мое назначеніе. Я продолжу свои занятія

еще на годъ или около того, а потомъ—увидишь! Моя метода въ томъ, чтобы изучать искусство на самой сценѣ, а не по книгамъ. Я смотрю на актеровъ, сижу въ разныхъ пунктахъ зрительной залы, наблюдаю и учусь. А потомъ сяду и напишу...

— Ну, я нетерпѣливо буду ждать результата...

— Послушай, Леонардъ,—онъ понизилъ голосъ.—Я слышала, что ты временами провѣдываешь старика. Ему ужъ почти девяносто пять лѣтъ. Онъ долго не протянетъ. Помѣстье, разумѣется, твое. Но какъ же капиталы?

— Я ничего о нихъ не знаю.

— При той практикѣ, какую имѣетъ мой родитель, и съ нашею долею наслѣдства, неужели позволительно такъ пилить меня изъ-за моей работы? Что ты скажешь? Къ чему мнѣ думать о деньгахъ? Денегъ хватить,—должно хватить. По крайней мѣрѣ,—прибавилъ онъ гордо,—мой трудъ свободенъ отъ низменнаго стимула нужды, чуждъ торгашескаго отбѣнка, бича искусства, иссушающаго его жизненность, чуждъ унижительной мысли о деньгахъ.

Леонардъ отошелъ прочь. Въ дверяхъ стояла кузина Филиппа.

— Ты сейчасъ болталъ съ Олджернономъ?—сказала она.—Видишь, онъ все протягиваетъ руки за драматическимъ искусствомъ.

— Я это вижу,—отвѣтилъ онъ сухо.—Можетъ быть, современнымъ онъ его и поймаетъ, но пока, какъ ты говоришь, только протягиваетъ руки. А ты?

— У меня вѣдь одна мечта, все та же,—отвѣтила она, какъ бы угнетенная своими усиліями.

— Надѣюсь, что она осуществится. Кстати, Филиппа: я только что попалъ на цѣлый выводокъ новыхъ родственниковъ...

— Новыхъ родственниковъ? Какихъ это?

— На двоюродную бабушку. Троюроднаго брата я видѣлъ; завтра увижу двоюродную бабушку и троюродную сестрицу:

— Кто-жъ такіе? Если они намъ родня, то значить ужъ съ папашиней стороны. А я-то думала, что у насъ родныхъ только ты.

— У дяди Фреда могутъ быть дѣти. Спрашивали вы его, женатъ ли онъ?

— Нѣтъ. Онъ обѣщалъ рассказать обо всѣхъ своихъ приключеніяхъ. Онъ холостъ. Не интересно-ли, что явился новый дядя, холостякъ и богатый, какъ Крезь? Олджернонъ уже...—она запнулась, вспомнивъ полученное предостереженіе.—Такъ что-жъ это за родные?

— Будь готова пострадать въ твоей семейной гордости.

— Да вѣдь у насъ нѣтъ бѣдныхъ родныхъ, не правда ли? Я думала..

— Ну, слушай, душенька. Дѣдушкина сестра Люси вышла въ 1847 году за нѣкоего Исаака Галлея. Ей въ бракѣ не посчастливилось. Супругъ обанкротился, а такъ какъ въ то время отецъ ея уже впалъ въ состояніе умопомраченія, или вошелъ въ свою роль молчальника и затворника, то и дочери онъ не помогъ. Они впали въ бѣдность. Сынъ ея былъ приказчикомъ въ городѣ, внукъ—ходатай по дѣламъ на Коммерческой, и по дѣламъ, полагаю, не крупнымъ; а внучка—учительницей въ городской школѣ.

— Дѣйствительно!—дѣвушка слушала холодно: взгляды ея скользили по комнатѣ, полной хорошо одѣтаго люда.—Въ городской школѣ! Наша родственница! Учительница! Какъ интересно! Не рассказать ли всѣмъ этимъ о нашихъ родственникахъ?

— У нихъ навѣрно имѣется собственное троюродное родство. Но троюродныхъ, кажется, обыкновенно держать на заднемъ планѣ.

— Кажется, такъ. Тѣмъ не менѣе, мы всегда ставили свой родъ выше общаго уровня. А это для насъ ударъ; не правда ли, Леонардъ?

— Разумѣется, Филиппа. Но нашъ родъ все же остается стариннымъ и почтеннымъ. Какой нибудь троюродный братецъ не можетъ разрушить нашихъ традицій. Мы всетаки имѣемъ основаніе гордиться ими.

Онъ оставилъ дѣвушку и пошелъ искать дядю, который оказался, какъ онъ и думалъ, въ кабинетѣ, вдали отъ свѣтской толпы.

— Все за работою!—сказалъ онъ.—Можно отвлечь тебя на минутку?

Адвокатъ быстро сунулъ бумаги въ ящикъ стола.

— Да, все некогда,—сказалъ онъ.—У насъ, юристовъ, кажется, больше всѣхъ работы, особенно у такихъ, у кого конфиденціальная практика, какъ у меня, о которой даже и не слышно.

— Отъ этого она не хуже оплачивается, а?

Адвокатъ улыбнулся.

— Сводимъ концы съ концами,—сказалъ онъ скромно,—сводимъ. Да, да, сводимъ концы.

— На дняхъ я навѣщалъ старика,—сказалъ Леонардъ, взявшись за стулъ.—Я думалъ, тебѣ это интересно. Онъ совершенно здоровъ; перемѣнъ нѣтъ никакихъ. Мнѣ хочется узнать отъ тебя вотъ что, такъ какъ въ скоромъ времени

мнѣ это свѣдѣніе потребуется: въ состояніи ли онъ сдѣлать завѣщаніе?

Адвокатъ подумалъ, прежде чѣмъ высказать мнѣніе. Долгая юридическая опытность и обширная практика придавали его мнѣнію особую цѣнность.

— Я сказать бы,—произнесъ онъ важно, какъ бы разбирая юридически данный вопросъ (въ воображеніи онъ нарядился въ мантию и парикъ)—я сказать бы,—повторилъ онъ,—съ перваго взгляда, что не можетъ, вотъ уже семьдесятъ лѣтъ. Нѣтъ сомнѣнія, что во многихъ отношеніяхъ его эксцентричность близка къ невмѣняемости. Онъ ничѣмъ не занятъ, допускаетъ разрушеніе дома, мебели, картинъ, всегда молчитъ, не имѣетъ интересовъ. Это указываетъ, говорю я, на умственное потрясеніе вслѣдствіе удара, поразившаго его семьдесятъ лѣтъ назадъ.

— Удара, о которомъ я узналъ только на дняхъ.

— Моя невѣстка, а твоя мать и твой дѣдъ хотѣли оградить тебя отъ семейнаго рока, скрывши отъ тебя правду, т. е. никогда не сообщая ее тебѣ вполне. Я поступилъ такъ же по отношенію къ моимъ дѣтямъ.

— Семейный рокъ! Что вы подъ этимъ разумѣете?

— Вотъ видишь: у нихъ былъ такой предрасудокъ. Отецъ твой умеръ молодымъ, дѣдъ—тоже; имъ, какъ и тебѣ, предстояла блестящая карьера. Прадѣдъ твой, двадцати-шести лѣтъ отъ роду, былъ пораженъ горемъ, о которомъ ты теперь знаешь.

— И они думали...

— Они думали, что это—кара дѣтей за невѣдомые грѣхи отцовъ. Они думали, что отецъ этого старика совершилъ что-нибудь ужасное.

— Ахъ, да вѣдь это нелѣпо!

— Не спорю, не спорю. Что же касается вмѣняемости для совершенія завѣщанія, надо помнить, что во всѣ эти годы старикъ не сдѣлалъ ничего безумнаго. Я былъ у его повѣренныхъ. Они говорятъ, что ихъ фирма, отъ отца къ сыну, вела дѣла старика, и что онъ всегда въ денежныхъ дѣлахъ показывалъ ясность пониманія. Я не могъ у нихъ спросить, куда онъ употребилъ или намѣренъ употребить свои деньги. Но вотъ тебѣ фактъ: нотариусъ свидѣтельствуетъ о ясности его ума. Отсюда я вывожу предположеніе, что онъ сдѣлаетъ со своими деньгами что-нибудь удивительное, неожиданное и возмутительное, а оспорить его завѣщаніе будетъ трудно, пожалуй, невозможно.

— Такъ вотъ какого ты мнѣнія? Я же спросилъ тебя потому, что открыть цѣлую семью доселѣ невѣдомыхъ родственниковъ. Извѣстна тебѣ фамилія Галлей?

— Нѣтъ. Это что-то не изъ высшей знати.

— Весьма возможно; только это фамилія нашихъ родственниковъ. Троюродный мой братецъ ходатайствуетъ по дѣламъ, должно быть, не высокаго сорта, да и не претендуетъ на барство. Онъ практикуетъ и живетъ на Коммерческой, гдѣ, кажется, не живетъ ни одинъ приличный повѣренный.

— Вѣрно. Съ этой точки зрѣнія такое мѣсто жительства ужасно.

— У него оказывается сестра, которая учительствуетъ въ городской школѣ.

— Учительница городской школы?... Ну, это хоть прилично. Да что же это за милые родственнички?

— Внучата твоей тетки, которую зовутъ Люси.

— Люси? Да, я слыхалъ о ней. Я думалъ, она давно умерла.

— Она вышла за какого-то Галлея, и они, кажется, утратили свое прежнее общественное положеніе.

— Еще семейныя бѣды!—Адвоката передернуло.—Я не суетѣренъ,—сказалъ онъ,—но все-таки: опять бѣды.

— Какія тамъ бѣды! Что за вздоръ! Въ каждой семьѣ одни удачливы, другіе нѣтъ, третьи—ни то, ни се. Вотъ тебѣ, напримѣръ, посчастливилось добыть и славу, и богатство.

— Да, мнѣ посчастливилось,—сказалъ адвокатъ чуть не со стономъ.—О да, да, конечно!

— И дядя Фредъ, видишь, вернулся съ большимъ состояніемъ, покончивъ съ увлеченіями.

— Правда.—Лицо у адвоката вытянулось.—Съ большимъ состояніемъ. Онъ самъ сказалъ тебѣ это? Да, намъ обоимъ повезло и посчастливилось: и мнѣ, и Фреду. Продолжай же, Леонардъ. Такъ эти родственники?..

— Внучата Люси Кампенъ. А ее самое я увижу на дняхъ.

— Они чего нибудь просятъ? Денегъ? Протекціи?

— На сколько я понялъ—ничего, ни даже протекціи.

— Это хорошо. Пусть находится сколько угодно бѣдныхъ родственниковъ, лишь бы не просили ни денегъ, ни протекціи. Дашь денегъ—они непременно бросятъ работать и начнутъ жить на твой счетъ. Попробуй бывать у нихъ и введи въ свой кругъ,—они осрамятъ тебя.

— Этотъ ходатай ни о чемъ не просилъ. Мой троюродный братецъ возлагаетъ надежды на то, что называетъ сбереженіями. Онъ, повидимому, убѣжденъ, что старикъ не въ состояніи написать завѣщанія, и что все его личное имущество будетъ дѣлиться на двѣ равныя части, при чемъ одна половина достанется наслѣдникамъ твоего отца, а другая—его бабкѣ.

— Опасаюсь, что оно такъ, исполнѣ такъ. Но могло быть

написано завѣщаніе прежде, нежели тотъ впалъ въ эксцентричность. Очень жаль, Леонардъ, что всплыли эти кузены; очень жаль потому, что еще придется дѣлиться съ ними. А вѣдь сбереженія-то должны быть не малы. Мать никогда не говорила намъ объ этомъ родствѣ; однако оно существуетъ и нанесетъ намъ серьезный ущербъ. Да и Фредъ теперь тутъ и потребуетъ своей доли. Еще бѣда!

— Отчего дѣдѣшка умеръ такимъ молодымъ?—спросилъ Леонардъ, мѣняя тему.

— Захворалъ горячкою. Мнѣ было тогда всего два года.

Леонардъ промолчалъ о самоубійствѣ. Ясно, что не только отъ него, но и отъ дядей были скрыты подробности этой неожиданной смерти.

Онъ вышелъ, аккуратно притворивъ за собою дверь.

Едва онъ ушелъ, адвокатъ вытащилъ свои бумаги и опять принялся за рѣчь, для которой уже припасъ полдюжины хорошихъ анекдотовъ. Въ такихъ случаяхъ англійская публика вовсе не требуетъ, чтобы они непременно были новы.

Леонардъ присоединился къ остальному обществу.

Часть пути домой онъ прошелъ вмѣстѣ съ дядею Фредомъ.

— Я не ожидалъ,—сказалъ тотъ,—застать старика еще въ живыхъ. Безъ сомнѣнія, онъ долго не протянетъ. Думалъ ли ты о томъ, что будетъ, когда наступитъ конецъ?

— Признаюсь, не очень.

— А слѣдуетъ подумать. Полагаю, что онъ не тратитъ и пятидесятой доли своего дохода, а въ дѣтствѣ я слыхалъ, что имѣніе даетъ по 7000 ф. въ годъ.

— Весьма вѣроятно, если не было пониженія цѣнъ.

— Положимъ, онъ тратитъ по 150 ф. въ годъ; значитъ, остается по 5850 ф. Клади 800 на поправки и ремонтъ, останется по 5000 въ годъ. Это длится уже семьдесятъ лѣтъ. Итого—420,000 ф. Со сложными процентами за всѣ эти годы наберется не менѣе двухъ милліоновъ. А кому достанется?

— Его потомкамъ, я думаю.

— Тебѣ, брату Христофору и мнѣ. Подѣлимъ между собою два милліончика. Недурно, очень недурно! Прощай же, дружокъ, прощай.

Онъ удалился весело, эластичной походкой.

— Наберется... Наберется...—думалъ Леонардъ. Ужъ не начать ли и мнѣ разсчитывать, сколько тамъ накопилось? А что, какъ все накопленное пропадетъ, окажется истраченнымъ, несуществующимъ, отданнымъ кому либо чужому?

VII.

Дѣтя скорбей.

Въ холодный день, подъ сѣрымъ небомъ и при восточномъ вѣтрѣ, Леонардъ въ первый разъ шелъ по Коммерческой, отыскивая новоявленную родню. Улица эта широка, но ширина не всегда придаетъ веселый видъ; есть мѣста, которыя даже при тепломъ лѣтнемъ солнцѣ кажутся мрачными. Унылое однообразіе Коммерческой улицы ничѣмъ не можетъ скраситься. Его чувствуютъ даже дѣти, предпочитающія для своихъ игръ сосѣдніе переулки; чувствуютъ и такія лица, которыя, обыкновенно, стоятъ выше подобныхъ впечатлѣній: какъ кондуктора и кучера вагоновъ „конки“. Тамъ и сямъ попадается церковь, гостиница или фабрика, площадь или большой магазинъ. Одна изъ площадей была живописна прежде, когда на ней бывала ярмарка козъ; теперь она стала „высокоприлична“: козъ уже нѣтъ, и вся мѣстность смотритъ меланхолически. Къ сѣверу и къ югу отъ главной улицы идутъ ряды переулковъ, перекрещенныхъ еще переулками, и все вмѣстѣ похоже на шахматную доску. Всѣ эти улицы подобны, какъ треугольники у Эвклида. Удивляешься, какъ здѣшніе жители отыскиваютъ свои дома; тѣмъ не менѣе, дома, хотя всѣ на одинъ образецъ, аккуратны, чисты и хорошо содержатся. Обитатели ихъ благоденствуютъ, сообразно своимъ воззрѣніямъ на благоденствіе; переулки оживлены, хоть главная улица меланхолична. „Увы!“—говоритъ она.—„Можетъ ли подобная улица быть веселою? Вѣдь я веду къ докамъ, къ известковому заводу, въ Попларъ, Коннингъ-таунъ и на Собачій Островъ“!

Домъ г-на Галлея находился на сѣверной сторонѣ, въ удобной близости къ нѣкому полицейскому участку, гдѣ Галлей практиковалъ ежедневно, принося домой когда по три, по четыре полукроны, а когда и меньше, такъ какъ конкуренція между профессиональными защитниками въ полицейскихъ участкахъ сильна, даже безпощадна. Пять шиллинговъ—обычный гонораръ за защиту забраннаго въ участокъ, а еще ходятъ слухи, будто и эту скромную плату приходится дѣлить съ нѣкоторымъ чиновникомъ, предпочитающимъ остаться неизвѣстнымъ.

На дверяхъ имѣлась мѣдная дощечка: „Г. Самуилъ Галлей, ходатай по дѣламъ“. Домъ былъ узкій, трехэтажный, очень приличный и такой же унылый, какъ улица, на которой находился.

Леонардъ постучалъ не безъ колебанія. Черезъ нѣсколько минутъ ему отперъ мальчикъ съ перомъ за ухомъ.

— Ахъ, вамъ нужно г-жу Галлей?—сказалъ онъ.—Вонъ туда, въ заднюю комнату! — И онъ убѣжалъ опять наверхъ, оставивъ посѣтителя на подѣздѣ.

Тотъ, впрочемъ, повиновался указанію и, сообразно ему, толкнулъ дверь. Онъ очутился въ маленькой выходившей во дворъ комнатѣ, гдѣ сидѣло три женщины, олицетворявшія три поры жизни: двадцатилѣтняя, пятидесятилѣтняя и семидесятилѣтняя.

Былъ накрытъ столъ для чая; на старомодномъ очажкѣ (жаль, что исчезъ гостепріимный очажокъ!) чайникъ пѣлъ свою пѣсенку; масляные сухарики и булочки поджаривались передъ огнемъ, за высокой, старозавѣтной рѣшеткой; чайная посуда, тортъ и хлѣбъ съ масломъ стояли на столѣ, а дамы ждали гостя въ праздничныхъ платьяхъ. Леонардъ не безъ облегченія убѣдился въ отсутствіи г-на Самуила.

Старшая изъ трехъ дамъ привѣтствовала его:

— Внучекъ мой, Леонардъ, — сказала она, протягивая руку, — я рада, очень рада познакомиться съ тобою. Вотъ это, — она указала на даму среднихъ лѣтъ, — моя невѣстка, вдова, увы! моего единственнаго сына, а это, — она взглянула на дѣвушку, — моя внучка.

Говорившая была настоящая барыня. Это доказывалось ея рѣчью, голосомъ, осанкою, тонкими чертами лица. Она была высокаго роста, какъ и всѣ ея сородичи; ея густые сѣдые волосы прятались подъ черный кружевной чепецъ, остатокъ былого великолѣпія; щеки были еще гладки, нѣжны и слегка розоваты; глаза — еще полны тепла и свѣта; руки были нѣжны, вся фигура изящна: плечи не горбились, голова не повисала. Она напомнила Леонарду затворника, но выраженія ихъ лицъ были различны: у него оно было вызывающимъ и жесткимъ, а у нея кроткимъ и печальнымъ.

Вторая дама, во вдовьемъ чепцѣ и въ большомъ количествѣ чернаго крепа, очевидно, принадлежала къ другому обществу слою. Нѣкоторые люди толкуютъ о низшемъ слоѣ средняго сословія. Я знаю, что такое подраздѣленіе возмутительно. Зачѣмъ говоримъ мы о низшемъ слоѣ средняго сословія? Вѣдь мы не говоримъ же: низшій слой высшаго круга! Какъ бы то ни было, эта дама принадлежала къ многочисленному классу людей, которымъ приходится перебиваться въ жизни съ малыми средствами и прежде всего соображать, сколько чего можно купить на пятакъ. Эта ужасная необходимость въ наихудшей своей формѣ отнимаетъ у жизни всякую радость и счастье. Когда каждый день несетъ съ собою тревогу изъ-за пятака, то не остается мѣста ни для

граціи, ни для культуры, ни для художества, ни для поэзіи, ни для чего прекраснаго и дающаго наслажденіе. Жизнь становится постоянною мукою отъ страха, столь же ужасною, какъ непрерывное ощущеніе физической боли. Даже по исчезновеніи страха за завтрашній день, вполнѣ или отчасти съ увеличеніемъ благосостоянія, остается о немъ память, точно рубецъ отъ раны, и сохраняются порожденныя имъ тѣлесныя и душевныя привычки.

Младшая г-жа Галлей принадлежала къ людямъ, отчасти избавившимся отъ этого страха. Но она помнила... Пока другіе бесѣдовали, она сидѣла въ молчаніи, но по праву занимала мѣсто хозяйки и разливала чай. Она была низенькаго роста и въ молодости могла быть хорошенькой.

Третья дѣвица, по имени Мери-Анна, школьная учительница, малымъ ростомъ и незначительною внѣшностью отчасти походила на мать, но когда она заговорила, то выказала умъ. Мѣста городскихъ учительницъ достаются лицамъ способнымъ и рѣшительнымъ.

— Дай мнѣ взглянуть на тебя, Леонардъ. — Старая дама не выпускала его руки. — Ахъ, какая для меня радость опять увидѣть кого-нибудь изъ своихъ! Ты очень высокъ, Леонардъ, какъ и всѣ мы; лицомъ—настоящій Кампенъ, и ты гордъ! О да! въ тебѣ много гордости, какъ въ отцѣ моемъ и братьяхъ. Пятьдесятъ лѣтъ, болѣе пятидесяти, я не видала никого изъ своихъ! Мы такъ страдали, такъ страдали...

Она тяжело вздохнула и выпустила его руку.

— Сядь, мой милый,—сказала она ласково,—сядь и въ кои-то вѣки откушай съ нами. Мери-Анна, дай кузену кусокъ торта,—я пекла его сама,—если онъ не захочетъ сначала съѣсть хлѣба съ масломъ.

Угощеніе началось по всѣмъ правиламъ, благо къ тому представлялся случай: гости тутъ бывали не часто. Леонардъ изъ любезности съѣлъ кусокъ торта и выпилъ двѣ чашки чаю. Старуха говорила, пока остальные хозяйничали.

— Я знаю тебя по имени, Леонардъ,—сказала она.—Я помню, какъ ты родился, тому двадцать семь лѣтъ,—да, въ 1873, почти въ одно время съ Самуиломъ. Твоя мать и бабушка жили въ Корнваллисѣ. Я переписывалась съ невесткою до ея смерти; а съ тѣхъ поръ ничего уже не слыхала про тебя. Внукъ мнѣ сказалъ, что ты—въ палатѣ. Какъ отецъ, такъ и сынъ, какъ отецъ, такъ и сынъ! Нашъ родъ всегда засѣдалъ въ парламентѣ. Еще въ Долгомъ Парламентѣ были Кампенъ.

Такъ продолжала она, пока передавались чашки, а прочія дамы молчали.

Наконецъ, угощеніе пришло къ концу. Мери-Анна сама

вынесла посуду, младшая г-жа Галлей вышла за нею, и Леонардъ остался на-единѣ съ бабушкою, какъ было условлено заранѣе. Ей хотѣлось поговорить съ нимъ о своей семьѣ.

— Посмотри,—сказала она, указывая на портретъ въ рамкѣ, висѣвшій на стѣнѣ,—это мой мужъ въ тридцать лѣтъ. Здѣсь онъ не очень авантюренъ, но... все же... недуренъ. Въ молодости онъ считался чрезвычайно красивымъ. Но внѣшняя красота его, какъ и удача, и добрый нравъ, продержались не долго. Бѣдняга! Тяжелы были его испытанія и только отчасти вознаградились грандіозностью его разоренія.

Леонардъ подумалъ, что красота можетъ соединяться со всякаго рода выраженіемъ; данное же лицо имѣло видъ совершенно приказчицѣй. Кромѣ того, уже въ тридцать лѣтъ на немъ виднѣлась какъ бы печать пристрастія къ спиртнымъ напиткамъ.

— А тутъ, рядомъ,—мой сынъ. По внѣшности онъ—наполовину Кампенъ, но не настоящій Кампенъ. Нѣтъ, въ немъ слишкомъ много было Галлеевскаго! Не было истинной родовой гордости у бѣдняжки!

Лицо молодого человѣка, приблизительно лѣтъ двадцати, было красиво, но выражало слабость, нерѣшительность, отсутствіе характера.

— У бѣднаго мальчика не было ни гордости, ни честолюбія, не понимаю—почему! Ни малѣйшей гордости или честолюбія. Отъ этого онъ всю жизнь и пробылъ приказчикомъ въ городѣ. Будь у него гордость, онъ пошелъ бы выше.

— Долженъ вамъ сказать,—замѣтилъ Леонардъ,—что, вѣроятно, по уважительнымъ причинамъ, меня держали въ невѣдѣніи о судьбахъ моихъ близкихъ. Я только вчера услышалъ отъ вашего внука, что у насъ въ лѣтописяхъ значатся и скорби, и несчастія.

— Скорби и несчастія? А ты о нихъ и не слыхивалъ! Мои внучата, которые имѣютъ на то гораздо меньше правъ, знаютъ нашу семейную хронику лучше, чѣмъ исторію рода ихъ родной матери или дѣда. Конечно, у того скромнаго люда, который здѣсь окружаетъ насъ, горести совсѣмъ не похожи на наши. Большинство живетъ въ горѣ по шею, да и въ будущемъ ждетъ только бѣды, и все это для нихъ не такъ важно, быть бы каждый день сытыми. А ты даже не слыхивалъ о несчастіяхъ нашей семьи? Ну, этому я удивляюсь! Да есть ли еще такая злополучная семья? А ты могъ умереть во цвѣтъ лѣтъ, погибнуть отъ удара, попасть подъ вагонъ, даже не зная, что такъ же непреложно рожденъ для бѣдствій, какъ искра должна летѣть кверху.

— Я рожденъ для бѣдствій? Болѣе, чѣмъ остальные люди?

Леонардъ произнесъ это какъ бы во снѣ. Голова у него закружилась: комната вся завертѣлась; онъ схватился за ручки кресла. Съ минуту онъ не слышалъ ничего, кромѣ голоса Констанціи, предостерегавшей его, что судьба никому не даетъ полного счастья; что онъ доселѣ былъ чрезвычайъ счастливъ, что ради уравненія его съ прочими, что нибудъ постигнетъ его; что семейные скандалы, бѣдные родственники, позоръ и непріятности составляютъ удѣлъ всего міра и, чтобы стать человѣкомъ, чтобы понимать людей, ему необходимо узнать страданіе, какъ и прочимъ, на опытѣ. Неужели же она—пророчица? Едва прошло нѣсколько дней, и чего уже съ нимъ не случилось? Но онъ еще пока не зналъ всего, что случилось и чтѣ ему предстояло.

Онъ опомнился. Дурнота длилась не болѣе минуты. Но мысль и воспоминаніе летятъ быстрѣ времени. Старуха все говорила:

— Сколько ты прожилъ лѣтъ, и никто не сказалъ тебѣ! Зачѣмъ же тебя держали въ потемкахъ? А я все представляла себѣ, какъ ты сидишь грустный и ждешь, когда-то разразится ударъ!

— Я не зналъ ни о какомъ ударѣ и не предвидѣлъ его возможности. Позвольте сказать вамъ, что я и не боюсь его. Это—одно суевѣріе.

— Нѣтъ! нѣтъ!—Старая барыня покачала головою и положила на его руку свою.—Милый мальчикъ, ты еще подъ проклятіемъ. Ударъ долженъ разразиться. Можетъ быть, его умѣритъ Божье милосердіе. На меня же онъ обрушился безопадно. Въ этомъ—наше отличіе. Вотъ что значить быть Кампениемъ! Впрочемъ, бѣдствія не будутъ длиться вѣчно. Они прекратятся съ твоимъ поколѣніемъ. Меня уже тогда не будетъ на свѣтѣ; но, признаюсь, я рада была бы увидѣть, что счастье вернулось въ нашу семью!

— Вашъ внукъ, между прочимъ, упомянулъ объ убійствѣ и самоубійствѣ?

— Между прочимъ! Дѣйствительно! А банкротство мужа! А что сдѣлалъ твой дядя Фредъ, мой племянникъ, и за что его выслали изъ отечества? Я думала, что мать твоя заболѣетъ отъ стыда. А мой бѣдный отецъ! А процессъ! Тебѣ не говорили о процессѣ?

— О какомъ процессѣ?

— О процессѣ объ убійствѣ. Весьма любопытное дѣло. Думаю, что тотъ, кого обвиняли, и былъ дѣйствительнымъ виновникомъ, потому что никого не видали на томъ мѣстѣ, кромѣ его. Но онъ вернулся. Мой отецъ былъ очень добръ къ нему. Онъ далъ ему адвоката, который и отстоялъ его. У меня есть полный отчетъ объ этомъ дѣлѣ въ вырѣзкахъ изъ

газетъ, которыя я наклеила на бумагу и составила цѣлую книгу. Я дамъ тебѣ прочесть, если хочешь.

— Благодарю васъ. Это, должно быть, интересно,—небрежно отвѣтилъ онъ.

— Очень интересно. Такъ развѣ, по твоему, этихъ бѣдъ не достаточно для одной семьи?

— Вполнѣ достаточно; но не на столько, чтобы сказать что мы рождены для бѣдствій.

— Ахъ, Леонардъ! Если бъ ты видѣлъ что видѣла я, и вытерпѣлъ, что вытерпѣла я! Я оказалась несчастнѣе всѣхъ. Братья умерли: бѣдный милый Ланглей отъ своей же руки, а Христофоръ, милый мальчикъ, утонулъ. Отецъ мой давно ужъ мертвъ заживо. Подобно ему, я все живу. Все живу и жду новаго горя.

Она покачала головой, и глаза ея наполнились слезами.

— Я росла бѣдною, заброшенною дѣвочкою, безъ матери, и все равно, что безъ отца. Присмотра за мною не было. Явился Галлей. Онъ былъ красивъ, и я приняла его, по глупости, за равнаго мнѣ по воспитанію и рожденію, почему и вышла за него. Я убѣждала съ нимъ и повѣщчалась. Потомъ мнѣ все выяснилось. Онъ думалъ, что я богата, а у меня ничего не было; отецъ даже не отвѣчалъ на мои письма. Онъ обанкротился и былъ со мною жестокъ, очень жестокъ. Пришла бѣдность, изводящая, ужасная бѣдность. Ты не знаешь, милый внучекъ, что это значитъ. Молю Бога, чтобы ты и не узналъ. Нѣтъ несчастія ужаснѣе бѣдности, развѣ только безчестіе. Наконецъ, онъ умеръ,—вдова облегченно вздохнула, и одинъ этотъ вздохъ былъ цѣлою повѣстью горя,—а сынъ его сдѣлался приказчикомъ и сталъ содержать всѣхъ насъ. Теперь онъ умеръ, и меня содержитъ внукъ. Пятьдесятъ лѣтъ я пробыла рабою и служанкою, кухаркою и судомойкою, и вмѣстѣ нянькою при мужѣ, сынѣ и внукѣ. И мнѣ такъ захотѣлось поговорить хоть разъ съ кѣмъ нибудь изъ своихъ!

Леонардъ взялъ и пожалъ ея руку. Сказать тутъ было нечего.

— Расскажи мнѣ про себя,—попросила она.

Онъ кратко сообщилъ ей о своемъ положеніи и надеждахъ.

— До сихъ поръ тебѣ везло,—сказала она,—но смотри! Надъ семьею нашею тяготѣетъ рокъ. Онъ можетъ пощадить тебя, но я въ этомъ не увѣрена. Я сомнѣваюсь. Я боюсь. Есть столько родовъ несчастія. Я опасюсь ихъ всѣхъ.—Она съ покорностью сложила руки.—Посѣти горемъ меня, но не этихъ молодыхъ!—сказала она.—Меня! Объ этомъ молюсь ежедневно. Я ужъ стара и притерпѣлась. Моимъ испытаніемъ будетъ, вѣроятно, болѣзнь. Пусть же лучше терзаетъ

она меня, чѣмъ горе будетъ томить невинную молодежь. Леонардъ, я теперь припоминаю одно письмо твоей бабушки, гдѣ она говоритъ, что надо скрыть отъ дѣтей всѣ наши бѣды. Да, я вспомнила.

Она продолжала говорить, рассказала всю семейную хронику и подробно распространилась о каждомъ несчастіи.

Пока Леонардъ, сидя въ этой тихой комнаткѣ, при надвигающихся сумеркахъ и поблескиваніи огня, слушалъ нѣжный, грустный говоръ скобрной женщины, въ его воображеніи опять воскресли обѣ вдовы въ траурныхъ одеждахъ, въ домикѣ среди цвѣтовъ: кустовъ фуксіи, штамбовыхъ розъ, миртъ и страстоцвѣта. Всѣ дни его дѣтства онѣ провели вмѣстѣ, молчаливыя, блѣдныя, скорбящія. Теперь онѣ все понялъ. Не мужей оплакивали онѣ, а грядущую участь дѣтей своихъ, которыхъ воображали обреченными на страданіе. Онъ вспомнилъ, какъ мать сказала разъ:—„Слава Богу: у меня всего одинъ“.

— Леонардъ,—продолжала старуха,—пятьдесятъ лѣтъ я все думала и соображала. Здѣсь кроется какое нибудь большое преступленіе. Несчастія начались съ моего отца; его жизнь была погублена въ возмездіе за чей-то грѣхъ. Онъ составлялъ первое поколѣніе, мое же поколѣніе было вторымъ. Мы всѣ стали искупительными жертвами за эту невѣдомую намъ вину. Его поколѣніе было первымъ,—повторила она, какъ бы затверживая слова,—мое—вторымъ; мы стали искупительными жертвами за чей-то грѣхъ. Въ третьемъ колѣнѣ: отецъ твой умеръ молодымъ, а братъ его убѣжалъ, сдѣлавъ подлогъ. Ахъ, можно ли себя представить, чтобы Кампеный оказался на это способнымъ! Вотъ и третье поколѣніе. Ты принадлежишь къ четвертому... скоро проклятіе будетъ снято. До третьяго и четвертаго, но не до пятаго!

— Да,—сказалъ Леонардъ,—я, кажется, вспоминаю. Тамъ... дома... тоже думали нѣчто подобное. Но, милая бабушка, поразмыслите: если горести постигаютъ насъ въ отищеніе за великое преступленіе, которое совершенно уже давно и которое нельзя ни уничтожить, ни исправить, то что же намъ остается, какъ ни сидѣть смирно и заниматься своими дѣлами?

Она покачала головою.

— Хорошо тебѣ разговаривать! Что-то скажешь, когда начнетъ! Если бы могли открыть, въ чемъ преступленіе... но это невозможно. Мы бы могли искупить... Но это немислимо. Мы такъ безсильны. Боже мой! Такъ безсильны и такъ невинны.

Она встала и закрыла лицо платкомъ. Плачь о своихъ горестяхъ, очевидно, облегчалъ ее, какъ и сообщеніе о нихъ внуку.

— Ежедневно молюсь... день и ночь... чтобы десница мести остановилась. Сидя здѣсь, я по цѣлымъ днямъ думаю. Я, кажется, ужъ разучилась читать...

Леонардъ взглянулъ на полки: имѣлось нѣкоторое количество книгъ.

— Пока Мери Анна не начала учиться, книгъ не было вовсе. Мы такъ бѣдствовали, что пришлось продать все, даже книги. Только эта одна комната во всемъ домѣ и меблирована прилично. Внучка—единственное мое утѣшеніе. Она добрая дѣвочка, Леонардъ. Наружностью она въ Галлеевъ, но душою—настоящая Кампенъ, и гордая, хоть ты этого и не угадаешь, потому что она такая коротышка, совсѣмъ не въ насъ. Она—мое утѣшеніе. Мы съ ней мечтаемъ иногда отсюда уѣхать и зажить вдвоемъ: мы обѣ были бы тогда счастливыѣ. Внукъ мой не... не совсѣмъ... таковъ, какъ желательно. Разумѣется, ему страшно трудно. Все бѣдность, бѣдность, бѣдность! О, Леонардъ!—Она поймала его руку.—Молись, чтобы не знать бѣдности! Она вызываетъ наружу все, что въ насъ есть дурного.

Леонардъ прервалъ монологъ, который могъ длиться безъ конца.

— Я навѣщу васъ еще, если позволите,—сказалъ онъ.

— Если позволю! Ахъ, если бы ты только зналъ, какая мнѣ радость, какое счастье хоть взглянуть на тебя! Вѣдь у тебя лицо моего брата, моего отца! Да, приходи, приходи еще!

— Если такъ, то я приду, и скоро. А пока не забудьте, что я вашъ внукъ, хоть и двоюродный, но это—все равно. Если я чѣмъ нибудь могу улучшить ваше положеніе...

— Нѣтъ, нѣтъ, милый мальчикъ. Не надо этого!—воскликнула она поспѣшно.—Я была бѣдна, но никогда... Не надо. Отецъ, который долженъ былъ мнѣ помочь, не сдѣлалъ этого; а разъ онъ не хочетъ, ни отъ кого не возьму. Я бы могла возстановить свои права, если бы хотѣла. У насъ въ семьѣ, кромѣ меня, не бывало безприданницъ. Да и она—она указала по направленію къ фасаду дома, гдѣ находилась контора внука,—все бы только забрала себѣ.

— Вотъ что! Но если...

— Если нужно будетъ, я скажу. Не давай ему денегъ. Ему безъ нихъ лучше. Онъ потратитъ ихъ на спекуляціи съ домами. Не надо, Леонардъ.

— Я хотѣлъ только для васъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, для меня не надо. Но навѣсти меня еще, милый мальчикъ, и мы потолкуемъ о своихъ. Я еще много бѣдъ пропустила... Ахъ, что это за счастливый для меня день!

Онъ опять пожалъ ей руку.

— Не падайте духомъ, милая бабушка. Мы не можемъ гибнуть изъ за чужой вины. Забудьте о былыхъ печаляхъ. Не опасайтесь воображаемой бѣды въ будущемъ. Будущность въ рукахъ Правосудія, а не Мести.

Говорилъ онъ храбро, но собственное его сердце не было свободно отъ страха.

Въ сѣняхъ его остановилъ Самуиль, выбѣжавшій изъ своей конторы.

— Я пилъ чай у себя,—сказалъ онъ,—чтобы дать ей по-толковать съ вами наединѣ, да и по правдѣ, мнѣ надоѣла она со своею семьею, исключая, конечно, ея капиталовъ... Говорила она о нихъ?—спросилъ онъ шепотомъ.—Я такъ и думалъ, что не станетъ. Не могу привести ее къ здоровому взгляду на этотъ вопросъ. У женщинъ вовсе нѣтъ воображенія. Такой старикъ не можетъ оставить завѣщанія. Не можетъ! Это утѣшительно. Добрый вечеръ, Кампенъ. Мы считываемъ на васъ, какъ на защитника семьи въ случаѣ безумныхъ распоряженій. Да что ему: девяносто пять или девяносто шесть. Эгоистично жить такъ долго. Подумалъ бы о правнукахъ!

VIII.

Въ странѣ буквѣ.

Нѣсколько дней спустя Леонардъ и Констанція встрѣтились въ клубѣ и обѣдали за однимъ столомъ. О предложеніи и отказѣ, по безмолвному между ними соглашенію, не упоминалось. Отношенія, повидимому, оставались безъ перемѣны. Въ дѣйствительности же все было уже не то.

— Вы что-то задумчивы,—сказала она, дважды сдѣлавъ какое-то замѣчаніе, на которое онъ не обратилъ вниманія,—и, кажется, разсѣяны.

— Да, извините, пожалуйста... Я не могу разобраться въ мысляхъ. То же было бы и съ вами, если бы васъ внезапно постигло такое увеличеніе семейства.

— У васъ явились неожиданные родственники изъ Америки?

— Явились: бабушка, двоюродная тетушка и троюродные братецъ и сестрица. Они—не изъ Америки, а напротивъ—съ дальняго Востока этого города, изъ Ратклиффа, или Шадвеля, или, пожалуй, Степнея.

— Неужели!

Констанція выслушала съ удивленіемъ и, конечно, ожидала дальнѣйшаго, если только на дальнѣйшее можно было надѣяться. А, можетъ быть, ея пріятель не пожелаетъ распространяться о своей шадвельской роднѣ?

— Бабушка восхитительна,—продолжалъ онъ,—тетушка—меньше восхитительна, а братецъ и сестрица. ну, братецъ ходатайствуетъ по дѣламъ, главнымъ образомъ, кажется, въ полицейскихъ участкахъ, защищая пьяницъ, скандалистовъ, воришекъ, плутовъ и мошенниковъ.

— Жизнь даже разнообразная, полная сюрпризовъ и неожиданностей.

— Онъ довольно похожъ на всѣхъ нашихъ: высокъ, съ рѣзкими чертами; пожалуй, больше напоминаетъ ястреба, нежели орла. Но обмануться можно. Его сестра похожа на свою мать: мала, кругла, пухля и—не скрываю—ординарна. Учительствуетъ въ городской школѣ. Вы какъ-то на дняхъ пожалѣли, Констанція, что меня не одолѣваютъ бѣдные родственники.

— Я просто считаю васъ баловнемъ судьбы. Я напомнила вамъ, что карьеру вы уже составили, отличились въ университетѣ, идете впередъ въ палатѣ, и что у васъ нѣтъ ни семейныхъ скандаловъ или несчастій, ни бѣдныхъ родственниковъ, ни, вообще, ничего такого.

— Такъ вотъ этотъ изъянъ теперь заполненъ появленіемъ и родственниковъ, и всего прочаго. Ваше напоминаніе о томъ, чего мнѣ не дано, заставило судьбу одуматься, и она поспѣшила преподнести мнѣ все сполна. Я теперь совершенно уподобился остальному человѣчеству.

— Бѣдные родственники хотятъ денегъ?

— Да, но не отъ меня. Ходатай мечтаетъ о громадныхъ суммахъ, накопленныхъ патріархомъ, о которомъ я говорилъ вамъ. Его привело ко мнѣ корыстолюбіе, но не желаніе занять... Отчасти ему хотѣлось неофициально заявить свою претензію, а отчасти—подготовить меня къ оспариванію завѣщанія, которое можетъ оставить старикъ. Онъ бѣденъ и поэтому жаденъ, я полагаю.

— Кажется, у всѣхъ у насъ есть бѣдные родственники,—сказала Констанція. — Впрочемъ, мои не особенно тревожатъ меня.

— Моя семья увеличилась и въ другомъ отношеніи. Нѣкій мой дядюшка, когда-то съ успѣхомъ разыгравшій старую трагедію о блудномъ сынѣ, вернулся изъ Австраліи.

— Онъ держался той-же діеты, что и блудный сынъ?

— Т. е. ѣлъ отбросы, которыхъ не ѣли свиньи? Ну, по его наружности этого не видно! Онъ хорошо одѣтъ, толстъ и важенъ. Онъ постоянно твердитъ и желаетъ внушить всякому, что дѣла его процвѣтають. Однако, оно какъ-то сомнительно.

Леонардъ умолкъ: не всегда разумно выражать сомнѣніе.

— Возвращеніе пожилого блуднаго сына интересно и не-

обычно. Боюсь, тутъ не съ чѣмъ особенно поздравлять васъ.

— Однако вы-же говорили, что мнѣ не хватаетъ бѣдныхъ родственниковъ? Впрочемъ, это еще не все. Вы что-то упоминали и о скандалахъ? Такъ и они теперь имѣются.

— О!—Констанція измѣнилась въ лицѣ.—Скандалы? Но, Леонардъ, мнѣ очень жаль, и я, право, не предполагала..

— Разумѣется нѣтъ: это простое совпаденіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ и всѣ совпаденія, оно удивило меня именно послѣ вашихъ словъ, которыя не на шутку меня встревожили. У меня оказалась замѣчательная семейная хроника, полная удивительныхъ событій и все несчастныхъ.

— Но у васъ уже была замѣчательная семейная хроника?

— Я и самъ такъ думалъ: хроника длинная и почетная, кончающаяся старымъ затворникомъ, о которомъ я вамъ говорилъ. Мы отчасти гордимся этимъ престарѣлымъ человекомъ, этимъ страннымъ существомъ, которое живетъ въ уединеніи уже семьдесятъ лѣтъ. Я всегда слыхалъ о немъ. Въ самомъ раннемъ дѣтствѣ мнѣ рассказали объ изумительномъ образѣ жизни этого эксцентричнаго предка. Мнѣ столько толковали о немъ, вѣроятно, потому, что я наслѣдую послѣ него помѣстье. Но мнѣ никогда не говорили (вѣроятно, потому, что исторія слишкомъ ужасна), почему старикъ сдѣлался отшельникомъ. Это я узналъ только вчера отъ двоюродной бабушки, единственной дочери стараго затворника.

— Ну, почему-же? т. е. я, конечно, не имѣю права спрашивать васъ о семейныхъ дѣлахъ...

— Нѣтъ, пожалуйста. Нѣтъ ничего такого, что не можетъ быть сказано даже публично. Да и вообще, на свѣтѣ врядъли есть тайны. Ну, такъ, повидимому, въ одинъ прекрасный день, семьдесятъ лѣтъ назадъ, деверь этого старика, въ то время браваго молодца, лѣтъ двадцати пяти-шести, гостилъ у него въ усадьбѣ. Онъ вышелъ погулять послѣ чаю и вскорѣ былъ найденъ убитымъ въ лѣсу, а его сестра, жена моего предка, внезапно, получивъ это ужасное извѣстіе, скончалась въ тотъ-же день. Моя старая бабка родилась въ день смерти своей матери. Этотъ ударъ, дѣйствительно, жестокій, погрузилъ моего предка въ такую горестъ, что онъ сразу сталъ тѣмъ, чѣмъ остается и доселѣ: мрачнымъ отшельникомъ, не чувствующимъ интереса ни къ чему на свѣтѣ. Мнѣ очень странно, что молодой человекъ, сильный тѣломъ и духомъ, не могъ стряхнуть съ себя этого гнета.

— Да, это странно. У меня самой былъ предокъ, котораго гдѣ-то убили: отецъ одной изъ моихъ бабушекъ. Но у васъ—совсѣмъ другое дѣло!

— Эту исторію мнѣ рассказала старая бабка; она приду-

мала цѣлую теорію о какомъ-то давно совершенномъ великомъ преступленіи. Она намекала, что отецъ отшельника, вѣроятно, былъ великимъ преступникомъ, злодѣйствъ котораго никто не зналъ и не подозрѣвалъ—чѣмъ-то вродѣ Жилиа де Рецъ. Бѣдствія сыпались за бѣдствіями,—она перечислила цѣлый рядъ несчастій, которыя всѣ, по ея мнѣнію, являются послѣдствіемъ какого-то преступленія, совершеннаго этимъ достойнымъ человѣкомъ. Я думаю, что онъ былъ не хуже всѣхъ прочихъ смертныхъ, охотящихся съ гончими и пьющихъ портвейнъ.

— Она, конечно, думаетъ о карѣ Божіей до третьяго и четвертаго колѣна. А вы къ которому принадлежите?

— По этой теоріи—къ четвертому. Теорія весьма соблазнительна: придаетъ семьѣ еще отличіе. Эта бабушка весьма гордится своимъ родомъ, и утѣшеніемъ въ собственныхъ бѣдствіяхъ ей служить мысль, что она ими искупаетъ какое-то бывшее прегрѣшеніе. Не правда-ли, какъ странно?

— Разумѣется, если нѣтъ преступленія, то не можетъ быть и послѣдствій. А несчастія были очень значительны?

— Да, очень значительны и, несомнѣнно, тягостны. Оставить ихъ безъ вниманія, отрицать или перетолковать невозможно. Несчастія, удары судьбы—какъ хотите.

— Что-же говорить о нихъ вашъ отшельникъ?

— Ничего; онъ совсѣмъ не говоритъ. Констанція, хотите со мной сѣздить взглянуть на него и на усадьбу? Вѣдь отсюда всего двадцать пять миль. Дороги просохли; идетъ весна. Поѣдемъ завтра. Тамъ хорошенькое село, старинная церковь, разваливающійся домъ восемнадцатаго вѣка, большіе сады, заросшіе травами и чертополохомъ, и паркъ; а сверхъ всего—самъ отшельникъ.

— Ему можетъ быть непріятно мое посѣщеніе?

— Онъ его и не замѣтитъ. Къ тому-же онъ спитъ все послѣ обѣда; а когда бодрствуетъ, то никого не видитъ. Его взглядъ пронизываетъ людей насквозь, точно Рентгеновскій лучъ.

Изо всѣхъ большихъ дорогъ, ведущихъ изъ Лондона, наименѣе оживлена, безъ сомнѣнія, та, которая ведетъ на Уксбриджъ и, слѣдовательно, въ самое сердце Букингамскаго графства, страны буковъ. Велосипеды попадаютъ на ней рѣдко; средній велосипедистъ мало знаетъ или цѣнить ея прелести. Однако взглянуть тамъ есть на что; можете посѣтить домикъ, гдѣ Мильтонъ окончилъ „Потерянный Рай“: онъ сохраняется какъ разъ въ томъ-же видѣ, какъ и при жизни поэта. Черезъ каждыя двѣ, три мили попадаютъ церкви, достопримѣчательныя, даже историческія по большей части, и очень красивыя. Почти каждая церковь въ этомъ

графствѣ связана съ памятью о какомъ-нибудь знаменитомъ человѣкѣ. По правую сторону дороги находится усыпальница Русселей, съ ихъ стариннымъ замкомъ, радостью и наслажденіемъ для глазъ, направо-же стоитъ еще древній замокъ. Налѣво находится тихое и мирное мѣсто погребенія Пенна и Эльвуда, этихъ двухъ знаменитыхъ членовъ „Общества Друзей“. Или, тоже налѣво, можете свернуть въ сторону, чтобы взглянуть на церковь, дорогу и домъ англійскаго патриота Джона Гемпдена. Путь лежитъ то вверхъ, то внизъ по длиннымъ, низкимъ холмамъ и вдоль длинныхъ, низкихъ долинъ. По обѣ стороны тянутся лѣса, заросли и парки, а также разбросаны отдѣльныя деревья и деревенскіе домики. Нѣтъ графства въ Англіи, столь богатаго деревенскими жилищами, какъ этотъ Букингамширъ. Черезъ каждыя шесть или восемь миль попадается городокъ. Всѣ городки въ Букингамѣ малы и всѣ они живописны. Въ каждомъ есть базарная площадь, ратуша, старинная гостиница и старинные дома. Я знаю одинъ, гдѣ есть гостиница, построенная въ четырнадцатомъ вѣкѣ. Ее срисовалъ для меня искусный миниатюристъ; я назвалъ ее „Кабаньей головой“ въ Истъ-Чипѣ, и пусть кто-нибудь попробуетъ усомниться въ вѣрности этого названія. Если найдутся такіе смѣльчаки, то я прибавлю портретъ самого Джона Фальстафа, возсѣдающаго въ большомъ креслѣ у огня.

Въ прекрасный, ясный день, раннюю весною, по этой мѣстности неслись два велосипедиста. Это были Леонардъ и его пріятельница Констанція. Они доѣхали до Уксбриджа по желѣзной дорогѣ, а затѣмъ взяли въ сторону.

Сначала имъ казалось достаточнымъ вдыхать чистый весенній воздухъ, летѣть по тихой дорогѣ подъ крики грачей на деревьяхъ и подъ пѣніе жаворонковъ, летавшихъ надъ полями. Затѣмъ они приблизились другъ къ другу и стали бесѣдовать.

— Вы это хотѣли мнѣ показать?—спросила Констанція.— Я очень рада, если это все. Что за прелестная мѣстность! И что за ароматный воздухъ! Солнце извлекаетъ ароматы изъ полей и изъ лѣсовъ.

— Это самая тихая и красивая изъ всѣхъ дорогъ подъ Лондономъ. Но я покажу вамъ еще нѣчто, только не сегодня. Мы пріѣдемъ сюда опять. Я покажу вамъ домикъ Мильтона и могилу Пенна, церковь и могилу Джона Гемпдена и старый замокъ Ченіевъ и Латимеровъ. Сегодня-же ограничусь усадьбою нашей семьи.

— Мы пріѣдемъ сюда, когда изъ почекъ распустятся листья, и розовая изгородь начнетъ цвѣсти!

— И когда нашъ паркъ будетъ стоить того, чтобы на него

заглянуть. Впрочемъ, все у насъ въ упадкѣ. Вы увидите домъ, церковь и село; затѣмъ, если хотите, доберемся до ближайшаго городка, кое-какъ пообедаемъ и вернемся домой по желѣзной дорогѣ.

— Это я одобряю.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе, послѣ чего Леонардъ снова заговорилъ о своей семьѣ:

— Эта усадьба,—сказалъ онъ,—принадлежитъ намъ съ незапамятныхъ временъ. Великихъ или замѣчательныхъ людей въ нашемъ роду не было. По зрѣломъ размышленіи, вы согласитесь, что замѣчательныхъ людей не можетъ хватить на всѣ семейства. Два раза мы сдѣлали попытку стать замѣчательными: мой родной отецъ и мой дѣдъ, оба подавали надежды на блистательную политическую карьеру, но оба умерли въ раннюю пору зрѣлости.

— Оба? Какъ это странно!

— Да, это относится къ тому, что двоюродная бабка называетъ семейнымъ рокомъ. Дѣйствительно, насъ постигало удивительное множество неудачъ. Получилась картина семьи гонимой и преслѣдуемой судьбою.

Она выслушала его рассказъ объ извѣстныхъ ему бѣдствіяхъ.

— Право,—сказала она,—ваша хроника какъ-бы иллюстрируетъ ужасныя слова: „до третьяго и четвертаго колѣна“. Не удивляюсь, что ваша бабка ищетъ преступника. Что могли сдѣлать ваши предки, чтобы навлечь на себя такой рядъ несчастій?

— Сойдемте и отдохнемъ немного.

Они присѣли у плетня, и разговоръ сталъ серьезнѣе.

— Что сдѣлали мои предки? Да ничего! Въ этомъ я вполне увѣренъ. Они всегда были почтенными помѣщиками, записными охотниками на лисицъ и съ оттѣнкомъ научнаго диллетантизма. Ничего они не сдѣлали особеннаго, а просто не повезло имъ, вотъ и все! Тѣмъ не менѣе, то изрѣченіе какъ-то виѣдряется въ голову. Я вѣдь не суевѣренъ; однако, съ тѣхъ поръ, какъ почтенная старушка... Впрочемъ, сегодня утромъ я прибѣгнулъ къ логикѣ; я сказалъ себѣ: было-бы на столько несправедливо, чтобы несчастныя дѣти страдали за прегрѣшенія отцовъ, что этого не можетъ быть.

— Не знаю,—отвѣтила Констанція:—я въ этомъ не такъ увѣрена.

— Вы тоже склонны къ суевѣрію? Я вѣдь былъ воспитанъ на этой теоріи...

— Я думаю, вы бывали въ церкви?

— Да, мы посѣщали церковь. Теперь припоминаю, что и мать моя, по причинѣ, которую я узналъ недавно, была увѣ-

рена, что мы искупаемъ грѣхи нашихъ предковъ. Мнѣ очень легко вернуться къ мыслямъ и языку, усвоеннымъ въ дѣтствѣ, такъ легко, что нынче-же утромъ я разыскалъ одинъ текстъ, который, было, забыть.

— Какой?

— Опровергающій эту самую теорію. Въ немъ выражено мнѣніе какъ разъ противоположное. Это слова пророка Іезекіиля. Вы ихъ помните?

— Нѣтъ, никогда не читала этого пророка и никогда не думала объ этомъ предметѣ.

— Великолѣпнѣйшій текстъ. Іезекіиль—одинъ изъ прехорошнѣйшихъ писателей; его бы слѣдовало больше читать и изучать.

— Скажите-же мнѣ смыслъ этого текста.

— Я могу процитировать подлинныя слова. Слушайте.

Онъ всталъ, снялъ шляпу и съ сильнымъ выраженіемъ произнесъ текстъ:

— „О чемъ мыслите вы, приводящіе пословицу касательно земли Израильской, говоря: отцы ѣдятъ кислый виноградъ, а у дѣтей бываетъ оскомина! Такъ же вѣрно, какъ Я живу, Господь Богъ говоритъ, не должны вы больше употреблять эту пословицу. Смотрите: всякая душа—въ Моей власти; какъ душа отца, такъ и душа сына. Душа прегрѣшившая да умретъ. Но если человѣкъ праведенъ, то онъ навѣрно будетъ жить.“ Это — благородныя слова, Констанція. — Леонардъ говорилъ очень торжественно.—Въ наше время никто не интересуется толкованіемъ пророковъ; тѣмъ не менѣе, слова эти очень благородны. Я самъ никогда не считалъ себя суевѣрнымъ и не признавалъ наслѣдственности въ несчастіяхъ; однако, услышавъ впервые длинный перечень бѣдствій, постигшихъ мою семью, я былъ охваченъ какимъ-то ужасомъ, точно рука Судьбы придавила всѣхъ насъ.

— Это очень благородныя слова,—повторила Констанція.—Сказавшій ихъ, какъ будто думалъ о различіи между послѣдствіями, извѣстными послѣдствіями жизни каждаго человѣка для его дѣтей—и...

— Какими послѣдствіями? Отъ отца къ сыну?

— Да, вамъ стоитъ только взглянуть вокругъ. Мы живемъ среди условій, созданныхъ нашими предками. Мои были добродѣтельны и процвѣтали: накопили денегъ и закупили земель; жили, какъ говорилося въ древности, богобоязненно. Поэтому я здорова тѣломъ и душою и обезпечена отъ бѣдности.

— Да, это само собою разумѣется; но я имѣлъ въ виду не тѣ послѣдствія.

— Примите въ соображеніе именно эти. Человѣкъ те-

рять свое состояніе и положеніе въ обществѣ, за нимъ понижается уровень и его дѣтей, и внуковъ. Все зданіе поклѣпной приходится строить вновь. Неужели не имѣетъ значенія унаслѣдованіе опозореннаго имени? Если кто совершаетъ дурной поступокъ, то не срамитъ ли онъ имъ и дѣтей своихъ?

— Безъ сомнѣнія,—но единственно этимъ поступкомъ; а ихъ вовсе не преслѣдуетъ мстительный рокъ.

— Кто можетъ прослѣдить всѣ послѣдствія отдѣльнаго поступка? Кто можетъ знать, къ чему онъ поведетъ?

— Да, но вѣдь третье и четвертое поколѣнія...

— Кто можетъ сказать, когда эти послѣдствія прекратятся?

— „Какъ Я живу, говоритъ Господь“, это торжественное увѣреніе—оборотъ рѣчи, можетъ быть,—только оборотъ рѣчи; но если такъ, какой смѣлый оборотъ! „Какъ Я живу“.—Самъ Господь произноситъ клятву: — „если человѣкъ праведенъ, то онъ навѣрно будетъ жить“.

— Человѣкъ можетъ быть осужденъ на бѣдность и исключенъ изъ общества позорными дѣяніями отца своего, а самъ можетъ все-же быть праведнымъ. Вотъ это различіе и желалъ установить пророкъ. Какое же несчастіе, поразившее вашу семью, надрываетъ душу человѣка? Смерть? Бѣдность? Дурные поступки нѣкоторыхъ ея членовъ?—Леонардъ покачалъ головою.

— Да, я понимаю, что вы имѣете въ виду. Признаюсь, что сообщенія этой старушки произвели на меня впечатлѣніе. Ими объясняется такъ много.

— Можетъ быть, ими объясняется и все, только не въ смыслѣ ея теоріи.

— Я теперь понимаю многое, что было мнѣ не ясно: печаль моей матери и грустные взоры, которые покоились на мнѣ съ дѣтства. Она подстерегала руку судьбы: она ждала несчастья. Меня она держала въ невѣдѣніи, но ее томила мысль, что и въ третьемъ, и въ четвертомъ поколѣніи грѣхи, невѣдомые грѣхи отцовъ будутъ взысканы на дѣтяхъ. Когда я это узналъ,—повторилъ онъ, вполнѣ находясь во власти той-же мысли,—то почувствовалъ то же ожиданіе, такой же страхъ, какъ будто, куда-бы я ни двинулся, за что-бы ни принялся, рука, поразившая моего отца, дѣда и здѣшняго старика, должна настигнуть и меня.

— Это очень естественно.

— Такимъ образомъ, слова еврейскаго пророка показались мнѣ какъ-бы сказанными нарочно для меня. Наши предки прибѣгали къ библіи за утѣшеніемъ и просвѣщеніемъ. Они полагали, что всякое сомнѣніе и затрудненіе въ

ней предусмѣренно и разрѣшено. Можетъ быть, и намъ придется вернуться къ этой вѣрѣ. А между тѣмъ...

Онъ оглядѣлся вокругъ: передъ нимъ былъ новый міръ, полный новыхъ идей.

— Только не въ наше время,—продолжалъ онъ.—Мы живемъ въ вѣкъ науки. Когда кончится ея царство, можетъ возобновиться царство вѣры.

Онъ говорилъ, точно сомнѣваясь и колеблясь.

— Примите слова пророка на свой счетъ, Леонардъ.

— По крайней мѣрѣ, я истолковалъ ихъ такъ, что взглянулъ на вещь съ другой точки зрѣнія. При этомъ я принялъ въ расчетъ всѣ несчастія по очереди. Съ наслѣдственностью въ нихъ нѣтъ ничего общаго. Вашъ примѣръ относительно человѣка, потерявшаго состояніе и оставляющаго дѣтей своихъ въ бѣдности, сюда не относится. Мой прадѣдъ лишился ума отъ великаго горя. Его сынъ кончаетъ самоубійствомъ. Почему? Никто не знаетъ. Молодой морякъ тонетъ. Почему? Потому что онъ морякъ. Дочь вступаетъ въ неравный бракъ. Почему? Потому что выросла заброшенною сиротою. Мой родной отецъ умеръ молодымъ. Почему? Потому что его унесла болѣзнь.

— Леонардъ,—Констанція положила руку на его рукавъ,—не разсуждайте больше объ этомъ предметѣ. Оставьте его. Такая вещь можетъ повліять дурно. На ней могутъ слишкомъ сосредоточиться ваши мысли.

— Какъ нибудь постараюсь забыть. Но пока, признаюсь, этотъ вопросъ меня преслѣдуетъ.

— Это нѣсколько объясняетъ ваше вчерашнее и сегодняшнее обращеніе. Вы, вообще, серьезны, но теперь стали разсѣянны. Вы слишкомъ много думаете объ этихъ бѣдахъ.

Онъ улыбнулся.

— Я полагаю, что серьезною я обязанъ полученному воспитанію. Пока я не попалъ въ школу, мы жили въ Корнваллисѣ, въ глуши, у самаго моря, въ сторонѣ отъ остальныхъ жилищъ. Семья наша была очень тихая: мать и бабушка, обѣ носили вдовій трауръ. Разговоровъ бывало мало, а смѣха или веселья—никакого, и, какъ я теперь понялъ, этихъ несчастныхъ женщинъ все время угнетали воспоминанія о скорбяхъ и боязнъ новыхъ бѣдъ. Онѣ ничего не говорили мнѣ, но я чувствовалъ господство печали въ домѣ. Думаю, что это сдѣлало меня тихимъ ребенкомъ, безо всякой склонности къ легкомыслію, свойственной большинству моихъ товарищей.

— Я рада, что вы мнѣ это сказали, — отвѣчала она.—Этимъ объясняется многое въ вашемъ характерѣ; теперь я лучше понимаю васъ.

Они сѣли на велосипеды и молча проѣхали нѣсколько миль.

— Взгляните! — воскликнулъ онъ. — Вонъ наша старая усадьба!

Онъ указывалъ вдаль, на паркъ. Въ концѣ его стоялъ красный кирпичный домъ съ красною черепичною кровлею и красными трубами — домъ всего въ два этажа. Къ нему вела аллея для экипажей, но передъ нимъ не было ни палисадника, ни ограды. Домъ непосредственно поднимался надъ паркомъ.

— Вы видите только одну сторону, — сказалъ Леонардъ. — Сады всѣ — съ другой стороны, но страшно запущены: въ усадьбѣ ничто не поддерживается вотъ уже семьдесятъ лѣтъ. Я удивляюсь, какъ все еще не развалилось.

Они свернули съ дороги въ аллею.

— Когда этотъ двойной ударъ поразилъ старика, то онъ впалъ въ состояніе апатіи, въ которомъ находится и доселѣ. Мы войдемъ по черному ходу. Парадный подъѣздъ всегда запертъ.

Когда они пошли по мраморному полу большой залы, ихъ шаги разбудили громоподобные отголоски по всему дому. На стѣнахъ были гербы и оружіе, но все заржавѣло отъ сырости. Висѣли двѣ или три картины; но съ нихъ слупилась краска, и изображенные на нихъ фигуры напоминали призраки или группы призраковъ въ черныхъ рамахъ.

— Затворникъ живетъ въ библіотекѣ, — сказалъ Леонардъ. — Осмотримъ сначала прочія комнаты.

Онъ отворилъ дверь; за нею оказалась столовая. Ничто въ ней не было тронуту. Это была большая зала. По стѣнамъ въ рядъ стояли стулья. Былъ буфетъ; красное дерево не попортилось отъ времени, съ него только сошла политура. Кожа на стульяхъ истлѣла и была въ ключьяхъ; коверъ протертъ и изъѣденъ молью. Старомодные красные бархатные обои складками висѣли со стѣнъ. Старинная высокая мѣдная рѣшетка у камина почернѣла, будучи запущена столько лѣтъ. Картины на стѣнахъ сохранились лучше, нежели въ залѣ, но были непоправимо испорчены сыростью; гардины свалились съ колецъ.

— Подумайте, какіе здѣсь давались парадные обѣды! — сказалъ Леонардъ. — Сколько бывало болтовни, смѣха и удовольствія! И внезапно, неожиданно всему пришелъ конецъ; пустота и молчаніе царятъ здѣсь уже семьдесятъ лѣтъ.

Онъ заперъ дверь и отворилъ другую: въ былыя времена здѣсь была гостиная. Комната была роскошная: длинная, высокая, соразмѣрная. Въ одномъ углу стояла арфа, съ

порванными или ослабшими струнами. Рояль съ разложенными нотами былъ еще открытъ; онъ стоялъ открытымъ уже семьдесятъ лѣтъ. Клавиши были покрыты пылью, а струны ржавчиною. Послѣдняя изъ игранныхъ на немъ пьесъ еще стояла на попитрѣ. Вокругъ разставлены были старинные диваны и кресла. Каминъ былъ уставленъ причудливыми фарфоровыми вещичками. Имѣлись и боковые столики, по старинной модѣ раскрашенные бѣлымъ, желтымъ и золотомъ. Обои отстали отъ стѣнъ, какъ и въ столовой. Лучи солнца проникали въ комнату сквозь окна, не мытая семьдесятъ лѣтъ. Моль весело порхала, какъ бы радуясь этой заброшенности. На одномъ изъ столовъ у камина были оставлены: какое-то фантастическое рукодѣлье въ рабочей корзинкѣ, открытій бюварь, не дописанное письмо и чернильница съ тремя или четырьмя гусиными перьями; на стулѣ, у стола, лежала открытая книга; она пролежала такъ семьдесятъ лѣтъ.

Констанція вошла безшумными шагами, какъ бы въ такое мѣсто, гдѣ тишина священна; она заговорила шепотомъ; царившее здѣсь безмолвіе угнетало ея душу, наполняя ее страннымъ трепетомъ и опасеніемъ. Она стала осматриваться.

— Вы часто бываете здѣсь, Леонардъ?

— Нѣтъ, я всего только разъ отворялъ эту дверь, и тогда меня охватило странное чувство: не знаю, какъ назвать его, и даже стыдно въ немъ признаться. Мнѣ представилось, будто комната полна привидѣній.

— И по моему тоже. Имъ полонъ весь домъ. Я почувствовала ихъ дыханіе на щекахъ, какъ только мы вошли сюда. Но они не разсердятся на насъ, Леонардъ, да и вамъ они не стали бы вредить, хотъ бы и могли. Обойдемъ же всю комнату.

Она взглянула на ноты:

— Это Глюковский „Орфей“, пѣсня объ Орфѣѣ и Эвридикѣ; она ее пѣла наканунѣ... наканунѣ... Взгляните на эту изящную работу: дѣтское платьице.

Она взяла открытую книгу: это были „Мысли“ Паскаля.

— Она читала это наканунѣ... наканунѣ...—Ея глаза наполнились слезами.—Романъ совсѣмъ не ординарный; книга написана для душъ возвышенныхъ; прекрасная, изящная работа... Леонардъ, все это характеризуетъ женщину и атмосферу, которою она себя окружала. Ни въ ея сердцѣ, ни въ управленіи домомъ не было ничего низменнаго или пошлаго: признаки эти слабы, но вѣрны. Мнѣ кажется, что я ее уже знаю, хотя и не слыхивала о ней до сего дня. О, что за

потеря для ея мужа! Что за трагедія, что за ужасная трагедія!

Ея взгляды упали на письмо; она взяла его въ руки.

— Посмотрите,— сказала она, — письмо это начато, но не дописано. Не будетъ-ли святотатствомъ дать ему попасть въ чужія руки? Возьмите его, Леонардъ.

— Прошло уже столько лѣтъ, что его можно прочесть,— сказалъ Леонардъ, стряхивая съ него пыль семидесяти годовщины.— Въ немъ не можетъ быть ничего такого, въ чемъ пришлось бы раскаться той, которая его писала.

Онъ медленно прочиталъ письмо.

Оно было написано острымъ и косымъ итальянскимъ почеркомъ, красивымъ почеркомъ того времени, когда женщины во всемъ сильнѣе отличались отъ мужчинъ. Теперь мы всѣ пишемъ одинаково.

— „Моя милая“... Не могу разобрать имени, остальное читается легко. „Олджернонъ и Ланглеи ушли въ кабинетъ говорить о дѣлѣ. Это все тянется исторія съ мельницею. Меня беспокоитъ Олджернонъ: онъ до странности разсѣянъ въ послѣдніе два, три дня. Можетъ быть, онъ тревожится за меня; но это совсѣмъ напрасно: я чувствую себя совершенно здоровой и бодрой. Нынче утромъ онъ всталъ очень рано, и я слышала, какъ онъ расхаживалъ внизъ, въ кабинетъ. Это вовсе на него не похоже. Впрочемъ, должна-ли жена роптать, когда ея властелинъ находится въ тревогѣ за нее? Его рѣшеніе относительно мельницы твердо; но боюсь, что Ланглеи не уступитъ. Ты знаешь, какъ онъ можетъ быть настойчивъ, не смотря на свои пріятныя улыбки“. Это все, Констанція, больше ничего здѣсь не написано.

— Значитъ, оно было написано наканунѣ... наканунѣ... Сохраните это письмо, Леонардъ. У васъ нѣтъ другихъ ея писемъ. А можетъ быть, нѣтъ и совсѣмъ ничего изъ принадлежавшаго этой бѣдняжкѣ? Не представляю себѣ только, кто былъ Ланглеи. У меня былъ прадѣдъ съ тѣмъ-же именемъ. Оно попадаетъ не часто.

— Моего несчастнаго дѣда, который убилъ себя, тоже звали Ланглеемъ. Это—совпаденіе. Безъ сомнѣнія, его называли такъ въ честь лица, упомянутого въ этомъ письмѣ. Имя рѣдкое, какъ вы сказали. Что-же касается этого письма,— я сохранию его. Въ числѣ моихъ вещей нѣтъ ничего, что бы напоминало эту несчастную прабабку.

— Гдѣ же ея золотыя вещи?

— Можетъ быть, все тамъ же, куда она положила ихъ, а можетъ быть, хранятся въ банкѣ. Я никогда не слыхала ни о чемъ, принадлежавшемъ ей.

Констанція ходила по комнатѣ и осматривала все. По-

всюду лежала толстымъ слоемъ пыль, но не черная городская, а легкая коричневая пыль, которую легко было сдунуть или смахнуть. Она провела по струнамъ арфы, которыя отвѣтили диссонансами, вслѣдствіе семидесятилѣтней заброшенности. Она коснулась фортепьянныхъ клавишей и вздрогнула отъ ихъ грубыхъ и хриплыхъ звуковъ. Она осмотрѣла столы и стулья съ изогнутыми ножками и оригинальныя фарфоровыя штучки, стоявшія на каминѣ.

— Ну,—сказала она,—этотъ домъ надо сохранить въ этомъ видѣ, какъ настоящій музей мебелировки временъ Георга IV. Вотъ гитара; значить, эта дама играла на гитарѣ, равно какъ на арфѣ и на рояли? Картины-то—все акварели. Стекла отчасти сохранили ихъ, но сырость все-же пробралась, и всѣ онѣ попорчены. Ихъ бы слѣдовало скопировать для изученія вкусовъ того времени. И картины эти хороши. Вотъ здѣсь какъ будто акварельная копія съ картины Констебля. Развѣ онъ жилъ въ то время? А это портретъ?

Она вздрогнула.

— Господи, Боже! что это такое?

— Это? Да, очевидно, портретъ,—сказалъ Леонардъ.—Что вы, Констанція...

Она смотрѣла на картину съ величайшимъ интересомъ и любопытствомъ.

— Какимъ образомъ могъ этотъ рисунокъ попасть сюда? Леонардъ посмотрѣлъ тоже.

— Не могу вамъ сказать,—отвѣтилъ онъ:—я самъ всего во второй разъ вхожу сюда. Это—молодой человѣкъ. Пріятное и милое лицо; короткіе волосы, завитые, вѣроятно, искусственно. Лицо представляется мнѣ знакомымъ, не знаю почему...

— Леонардъ, это портретъ моего родного прадѣда. Какъ онъ сюда попалъ. Его копія или оригиналъ находится у меня. Какъ онъ очутился здѣсь? Онъ былъ друженъ съ вашими родными?

— Совершенно ничего объ этомъ не знаю. По воротнику, кудрявымъ волосамъ и маленькимъ бакамъ могу признать его за современника моего затворника—прадѣда. Постойте! На рамкѣ есть имя. Можете прочесть?

Онъ смахнулъ пыль.

— „Ланглей Хольмъ, 1825“. Ланглей Хольмъ?—Что такое Констанція?

— Охъ, Леонардъ, вѣдь Ланглей Хольмъ былъ мой прадѣдъ. И онъ былъ убитъ; я помню, что слыхала объ этомъ: онъ былъ убитъ. Значить, это случилось здѣсь, и онъ былъ зятемъ этого старика и... и... и ваша трагедія оказывается также и моею.

— Не очень ли вы спѣшите умоzakлюченіемъ? Почему вы знаете, что въ Кампеный-паркѣ былъ убитъ именно Ланглей Холмъ?

— Я не знаю, я только убѣждена въ этомъ. Наконецъ, вотъ и письмо. Олджернонъ и Ланглей были въ кабинетѣ. Это сказано въ письмѣ. О, я не сомнѣваюсь, ничуть не сомнѣваюсь. Это его портретъ; онъ былъ здѣсь наканунѣ... наканунѣ ужасной трагедіи. Это не могъ быть никто другой. Леонардъ, это очень странно. Вы сообщаете мнѣ вашу исторію, привозите меня взглянуть на мѣстность, гдѣ она происходила, и на домъ затворника, и исторія ваша оказывается моею. Узнать объ этомъ здѣсь и вмѣстѣ съ вами — это странно, это удивительно! Ваша исторія—вмѣстѣ и моя,—повторила она, глядя ему въ лицо. — У насъ общая трагедія.

— Мы еще въ этомъ не увѣрены. Можетъ найтись и другое объясненіе.

— Не можетъ быть другого. Мы найдемъ газеты того времени, отыщемъ гдѣнибудь отчетъ объ этомъ убійствѣ. Даже въ 1826 году врядъ ли было возможно убить помѣщика такъ, чтобы это не попало въ газеты. Но я и такъ вполнѣ, вполнѣ увѣрена. Это мой прадѣдъ, Ланглей Холмъ, и его смерть была первымъ изъ бѣдствій вашей семьи.

— Это было первое изъ наслѣдственныхъ несчастій.

— Самое важное и роковое по послѣдствіямъ. Можетъ быть всѣ прочія бѣдствія вытекли изъ этого одного.—Леонардъ смотрѣлъ на портретъ.

— Я сказалъ, что мнѣ это лицо знакомо: вѣдь это ваше лицо, Констанція. Сходство просто поразительно. У васъ его глаза, его овалъ лица, его ротъ. Несомнѣнно, это вашъ предокъ. Что-же касается остального, то, разъ онъ умеръ преждевременною и насильственною смертью, я тоже склоненъ предположить, что это случилось здѣсь, въ этой усадьбѣ, и тогда моя трагедія становится, какъ вы говорите, и вашей. Исторія у насъ общая: дальнѣйшихъ доказательствъ не требуется. Въ одномъ году не могло быть двухъ убійствъ двухъ дворянъ и друзей этого дома. Вы правы: это—тотъ самый человѣкъ, чья смерть повлекла за собою столько горя.

Нѣсколько времени они молча глядѣли на портретъ. Ихъ наполняла ужасомъ мысль о внезапной смерти этого браваго юноши, полного силы и надеждъ.

— Можно представить себѣ эту сцену!—сказала Констанція.—Какойнибудь запыхавшійся деревенскій мальчишка внезапно принесъ извѣстіе; старикъ тогда былъ молодъ, вся жизнь была открыта передъ нимъ, ему улыбалась счастливая будущность; жена услышала и ужаснула весь домъ

своимъ воплемъ; внезапное потрясеніе; тяжелый ударъ; утрата всего, наиболѣе дорогого; смерть жены, за которую онъ такъ тревожился; ужасный, ужасный конецъ человѣка, котораго онъ любилъ; о, Леонардъ, неужели вамъ не тяжело объ этомъ думать?

— Конечно; но столь же ужасные удары постигали и другихъ молодыхъ людей, [и, однако, тѣ оставались живы и продолжали свои занятія. Свойственно-ли человѣку горевать семьдесятъ лѣтъ?

— Не думаю, чтобы онъ испыталъ или продолжалъ испытывать горе. Его мозгъ получилъ сильное потрясеніе, отъ котораго доселѣ не оправился.

— Но онъ можетъ дѣлать дѣла по своему: посредствомъ короткихъ письменныхъ распоряженій.

— Мы не врачи, чтобы объяснять дѣятельность поврежденнаго мозга. Мы можемъ, однако, понять, что подобная вещь способна оглушить, какъ ударъ молотомъ или дубиною. Мозгъ его не истребленъ, но оглушенъ. Я думаю, что онъ не испыталъ горя, а только страшный гнетъ какой-то тяжести, ощущеніе страданія безъ боли, сознаніе мрака, не могущаго разсѣяться. Развѣ подобное событіе не могло имѣть такихъ послѣдствій?

— Можетъ быть; во всякомъ случаѣ, Констанція, вы забыли одно: то обстоятельство, что мы родственники. Это открытіе сдѣлало насъ родственниками.

Она ваяла его протянутую руку подъ взглядомъ предка, который привѣтливо смотрѣлъ на нихъ изъ своей пыльной и слинявшей рамы.

— Мы родные, не близкіе, но все же родные. Вотъ вы и нашли еще родственницу. Надѣюсь, сударь, что вы не станете ея стыдиться или причислять ее къ числу семейныхъ несчастій. Эта трагедія касается насъ обоихъ. Уйдемте, Леонардъ, изъ этой комнаты: она полна призраковъ. Я слышу вопли этой женщины, вижу блѣдное лицо осиротѣлаго молодого мужа. Уйдемъ!

Она вывела его изъ комнаты и тихонько притворила дверь.

Леонардъ пошелъ впередъ по широкой дубовой лѣстницѣ, которую не сокрушили ни заброшенность, ни время. Во второмъ этажѣ оказалось нѣсколько дверей. Они отворили одну: комната была полна вещей, принадлежавшихъ дѣтямъ: игрушки и куклы, платица, сапожки и шляпки, дѣтская колясочка, предшественница современной, кровати, аспидныя доски, карандаши и ящики съ красками. Комната не смотрѣла покинутой: дѣти въ ней жили, а потомъ выросли; но всѣ старыя игрушки лежали такъ, какъ были ими оставлены.

— Послѣ того удара,—сказалъ Леонардъ,—жизнь въ домѣ

кое-какъ продолжалась. Затворникъ уединился у себя въ спальнѣ и въ библіотекѣ; столовую и гостиную заперли; комнату его жены, ту, гдѣ она умерла, тоже заперли; сыновья уѣхали; дочь убѣжала со своимъ возлюбленнымъ, господиномъ Галлей; тогда только усадьба опустѣла совершенно.

Онъ заперъ эту дверь и отперъ другую.

— Вотъ была ея комната,—прошепталъ онъ.

Констанція заглянула въ комнату. Въ ней стояла большая кровать съ балдахиномъ на четырехъ колоннахъ, со ступеньками съ каждой стороны, чтобы ея хозяйка могла взойти на перину съ достоинствомъ, подобающимъ ея положенію. Нельзя себѣ представить, чтобы дворянка въ 1820 году, или около того, была принуждена унижительно лѣзть на высокую перину. Поэтому ступеньки стояли на своемъ мѣстѣ. Мы уже утратили это различіе, когда-то существовавшее между званіемъ благороднымъ и низкимъ: люди благородные съ достоинствомъ поднимались по этимъ ступенькамъ на постель, а чернь прыгала или лѣзла; въ наше время послѣдними способами попадаютъ въ постель всѣ. Въ комнатѣ было нѣсколько шкафовъ; въ открытыя дверцы выглядывали платья, которыя провисѣли семьдесятъ лѣтъ, какъ бы ожидая, что ихъ снимутъ и надѣнутъ. Моды смѣнялись, а они все ждали. Былъ комодъ, на которомъ стояли замысловато сдѣланные ящички: серебряныя и мозаичныя шкатулочки, серебряныя золоченыя табакерки—небольшая коллекція старинныхъ рѣдкостей, принадлежавшихъ предкамъ послѣдней обитательницы. Былъ туалетъ, на которомъ лежали всевозможныя принадлежности такъ, какъ были оставлены. Констанція на цыпочкахъ вошла въ комнату, поглядывая на большую кровать, которая напоминала собою погребальную колесницу XIV вѣка, съ перьями и тяжеловѣсною рѣзбой: ей чуть не представлялось, что въ кровати кто-нибудь окажется. У зеркала стояла открытая шкатулка съ драгоценностями. Констанція вынула изъ нея все и, любясь, пересмотрѣла вещи. Тутъ были кольца и медальоны, жемчужныя ожерелья, брилліантовыя брошки, браслеты, эгретки, часы—все, чего могла пожелать богатая помѣщица. Дѣвушка все положила назадъ, но не заперла шкатулки, и, оставивши все, какъ застала, выскользнула изъ комнаты.

— Эти вещи принадлежали Ланглевой сестрѣ,—прошептала она,—а она была изъ нашихъ, моя, родная.

Они заперли дверь и, сойдя внизъ, снова очутились одни въ большомъ пустомъ залѣ, гдѣ эхо ихъ шаговъ раздавалось по всему дому и слова, даже сказанныя шепотомъ, насмѣшливо повторялись отъ стѣны къ стѣнѣ, отдаваясь подъ самыми потолками.

„Капище Мамоны“.

«И изъ дыма вышла саранча на землю, и дана была ей власть, какую имѣютъ земные скорпіоны... У ней были хвосты, какъ у скорпіоновъ, а въ хвостахъ ея были тѣла; власть же ея была—вредить людямъ».

Откровение Св. Іоанна.

I.

Въ своемъ „Путешествіи по Франціи“ Юнгъ доказываетъ, что „американская революція была крайне выгодна для всего міра, въ особенности же, для самой Англіи“ *). Высказано это было нѣсколько лѣтъ послѣ отдѣленія Соединенныхъ Штатовъ и многимъ показалось парадоксомъ. Рейналь, напр., выражаетъ сожалѣніе, что несообразности высказываетъ „такой умный и добросовѣстный путешественникъ“. Въ самомъ дѣлѣ, по всѣмъ законамъ меркантилизма выходило, что отпаденіе тринадцати колоній должно погубить Англію. До войны за независимость, какъ это доказываетъ Адамъ Смитъ,—англійскіе промышленники предвидѣли полное разореніе. Когда независимость Соединенныхъ Штатовъ была признана, Франціи казалось, что теперь она одержала промышленную побѣду надъ экономической соперницей. Адамъ Смитъ доказываетъ нѣсколько пространно, что Англія пожертвовала европейскими рынками для колоніальныхъ. Парижскій трактатъ разрушилъ монополію Англіи. И страна не только не пострадала отъ этого, но, наоборотъ, сильно выиграла. „Міру представилось крайне замѣчательное зрѣлище; онъ увидаль единственный въ своемъ родѣ опытъ: нація лишилась тринадцати провинцій; но она *выиграла* *) отъ потери. Ея богатство, благоденствіе и сила возрасли“, — говоритъ авторъ цитированной книги.

Соединенные Штаты вольны были теперь покупать, гдѣ хо-

*) «Travels in France» (Miss Betham-Edvard's edition). p. 261.

**) Курсивъ принадлежитъ Юнгу.

тѣли, и производить, что хотѣли. Но республика, освободившаяся отъ политической зависимости Англіи,—продолжала находиться въ экономической зависимости. Пятнадцать лѣтъ спустя, послѣ заключенія парижскаго трактата, торговля Англіи съ Соединенными Штатами удвоилась. Политическое событіе, которое должно было вызвать экономическую гибель Англіи,—усилило лишь ея богатства. Приведу нѣсколько цифръ.

Г о д ы.	Вывозъ изъ Англіи въ Соед. Шт.	Ввозъ въ Англію изъ Соед. Шт.
1771— 73	3.064,843 ф. ст.	1.322,532
1790— 92	3.976,211 " "	1.141,337
1798—1800	6.507,478 " "	1.986,528 *)

Англія потеряла подданныхъ, но получила потребителей. Энергія страны была теперь направлена вся на развитіе промышленности. Англія широко воспользовалась подходящимъ моментомъ, когда ея соперница была занята революціей. Страна сдѣлала огромный шагъ впередъ и на нѣсколько десятилѣтій оставила далеко позади всѣхъ экономическихъ конкурентовъ.

Но вотъ Англія вступила въ новый фазисъ развитія, о которомъ мнѣ приходилось говорить уже нѣсколько разъ. Промышленные конкуренты явились всюду тамъ, гдѣ Англія владѣла одна. Англійскіе промышленники снова предвидѣть разореніе, какъ во времена Адама Смита; но теперь положеніе дѣлъ сложнѣе. Англійская промышленность сильно отстала; на фабрикахъ—старыя машины, давно уже оставленные на континентѣ въ силу устарѣлыхъ методовъ, фабриканты работаютъ въ убытокъ, когда ихъ промышленные конкуренты въ состояніи захватывать рынки. Я нѣсколько разъ пытался доказать, что англійская промышленность *не можетъ* занять прежняго мѣста, даже если страна выстроитъ политехническіе институты и введетъ таможенные кордоны вокругъ имперіи (что предлагаетъ империализмъ). Въ Англіи „возсталъ новый фараонъ“. Страна въ силу цѣлаго ряда причинъ вступила въ фазисъ чрезмѣрнаго развитія биржевого капитала. Является болѣе выгоднымъ помѣщать деньги не въ фабрикахъ и заводахъ въ Англіи, а въ иностранныхъ предпріятіяхъ и въ колоніяхъ. Въ иностранныхъ предпріятіяхъ потому, что молодыя и умирающія страны, куда идутъ англійскіе капиталы, легко подпадаютъ всецѣло подъ контроль капиталистовъ; въ колоніи же потому, что такъ возможно эксплуатировать мѣстныя богатства (золото, алмазы, драгоценныя породы деревъ, смолы и пр.) при помощи мѣстнаго, дешеваго и; собственно говоря, *подневольнаго* труда. Я пытался уже доказать, что хотя и представители растущаго биржевого капитала, и пред-

*) Brougham, Colonial Policy, v. I, p. 263.

ставители падающей промышленности вмѣстѣ участвуютъ въ такъ называемомъ имперіалистскомъ движеніи, но въ дѣйствительности они враждебны другъ другу.

Итакъ, вершителемъ судебъ современной Англіи является биржевой капиталъ. Жизненная сила страны пролетаріата, какъ я пытаюсь показать въ статьѣ „Два промышленныхъ міра“, не вступаетъ въ борьбу съ новой силой, а идетъ въ сторону наименьшаго сопротивленія; онъ или проявляетъ стремленіе переселиться въ колоніи, которыя превращаются въ промышленные центры, или же поступаетъ на службу къ нему. Биржевому капиталу требуется громадная армія для защиты своихъ интересовъ въ различныхъ концахъ міра. Конскрипцію Англія не введетъ, а предпочтетъ платить солдатамъ столько, сколько они получаютъ на фабрикахъ (и теперь нѣсколько десятковъ тысячъ солдатъ въ Южной Африкѣ получаютъ по 5 ш. въ день). Та часть пролетаріата, которая не переселится въ колоніи, гдѣ возрождается новая Англія,—войдетъ, между прочимъ, въ составъ громадной арміи, которая нужна биржевому капиталу теперь. Въ этомъ письмѣ я хочу поговорить о лондонскомъ капищѣ мамоны, о штабъ-квартирѣ денежнаго капитала, откуда онъ владѣетъ половиной міра. Закопченное лондонскими туманами капище стоитъ въ сердцѣ Сити, между англійскимъ банкомъ и дворцомъ лорда-мэра. Близъ національнаго капища въ древнемъ мірѣ стояли сотни храмовъ, въ которыхъ дѣйствовали жрецы, подвластные главному храму. Близъ капища мамоны лежатъ сотни банковъ, англійскихъ, канадскихъ, австралійскихъ, индійскихъ и другихъ. Капище мамоны охраняется бронзовымъ Веллингтономъ. Онъ является символомъ того, что биржа всегда имѣетъ наготовѣ армію, которая пойдетъ отстаивать ея интересы куда угодно: въ Южную Африку, въ Китай, въ Египетъ,—словомъ, всюду, гдѣ англійскіе капиталы подвергаются какой нибудь опасности. Бронзовый Веллингтонъ охраняетъ, собственно говоря, двѣ биржи: товарную (Royal Exchange) и фондовую (Stock Exchange). Въ этомъ письмѣ я буду говорить только о фондовой биржѣ, потому что она, собственно, является капищемъ того божества, которое опредѣляетъ теперь характеръ страны. Это капище имѣетъ уже восторженныхъ историковъ, я говорю о только что вышедшемъ увѣсистомъ томѣ Чарльза Дюгинда „The Story of the Stock Exchange“ (Исторія лондонской фондовой биржи). Въ капищѣ есть верховные жрецы, заправляющіе судьбами не одной страны. Эти верховные жрецы—цари денежнаго капитала, финансисты съ широкимъ размахомъ Сесилия Родса, Барна Барнато, Альбу, Ротшильда и др. Верховные жрецы дѣйствуютъ черезъ посредство многочисленной, крѣпко сплоченной касты простыхъ жрецовъ—brokers (маклеровъ) и торговцевъ (jobbers). Это ихъ официальное названіе. Технические клички (bulls, bears,

stags) опредѣляютъ родъ занятій каждаго простаго жреца. Капище имѣетъ свою длинную исторію. Оно долго занимало второстепенное мѣсто въ странѣ (я говорю *только* о фондовой биржѣ; товарная имѣла ужъ значеніе въ XV вѣкѣ) и лишь терпѣлась, какъ печальное, но неизбежное зло. Лишь тогда, когда стала въ Англіи меркнуть слава промышленнаго капитала, міровое значеніе капища вполне опредѣлилось. Верховные жрецы его уже давно пользуются почетомъ, хотя прежде не были вершителями судебъ многихъ странъ; но простые жрецы вплоть до послѣдняго времени пользовались очень нелестной репутаціей. Лишь теперь, во время послѣдней войны („ихъ собственной войны“) эти жрецы стали образцами „настоящихъ“ патріотовъ; они кладутъ теперь въ Лондонѣ клеймо на то, что есть истинный патріотизмъ и что есть „измѣна“. Прежде слово „broker“ было многимъ болѣе почетно, чѣмъ равнозначущее слово „маклеръ“ у насъ. Теперь и эти второстепенные жрецы властно выступили впередъ. Они знаютъ, что капище, въ которомъ служатъ, теперь владычествуетъ судьбами міра. Я не думаю дать исторію биржи. Цѣль моя гораздо скромнѣе: бѣгло очертить наиболѣе выдающіеся моменты фондовой биржи и дать нѣкоторое представление о „кастахъ жрецовъ“. Предъ нами пройдутъ цари биржи, которые рѣдко выступаютъ изъ таинственнаго мрака, затѣмъ тѣ многочисленные жрецы, которые постоянно на виду. Въ концѣ XVI вѣка во всемъ Лондонѣ было всего лишь тридцать маклеровъ. Теперь имъ нѣтъ числа. Однихъ лишь членовъ stock Exchange болѣе пяти тысячъ. Тридцать маклеровъ находились въ вѣдѣніи лорда мэра и альдерменовъ, зависимость продолжалась до конца семидесятихъ годовъ XIX столѣтія. Биржевые маклеры долго и упорно боролись, чтобы сбросить „ярмо лорда-мэра“, какъ они говорили, и, наконецъ, добились свободы.

Настоящіе биржевые маклеры появились вмѣстѣ съ колоніями и государственнымъ долгомъ въ концѣ XVII вѣка. У публики накопилось много денегъ, которыхъ негдѣ было помѣстить. Правительство же нуждалось въ деньгахъ и въ первый разъ прибѣгло къ правильному внутреннему займу. Въ январѣ 1693 г. прошелъ въ третьемъ чтеніи билль о государственномъ займѣ. Государство выпустило бумаги отверженнаго долга. Свободные капиталы нашли примѣненіе, а для биржевыхъ маклеровъ явилось широкое поле для спекуляцій. Вмѣстѣ съ первымъ займомъ появился англійскій банкъ. Черезъ пятнадцать лѣтъ, при королевѣ Аннѣ, заключенъ былъ второй государственный заемъ. Національный долгъ достигъ пяти милліоновъ ф. ст.; а къ 1717 г. отверженный долгъ равнялся уже 43½ м. ф. ст. Теперь онъ равенъ 700 мил. ф. ст. И до того короли и правительство занимали деньги. При королевѣ Елизаветѣ, напр., Сити снабдило правительство деньгами; но Вильгельмъ III первый ввелъ фондиро-

ванный національный долгъ, по которому правильно уплачиваются проценты. Бумаги государственнаго долга первое время колебались очень сильно. Нѣсколько разъ казалось, что государство обанкротится, но трудное положеніе государства являлось временемъ богатой жатвы для биржи, тѣмъ болѣе, что Вильгельмъ III заключалъ займы не только подъ консоли. Онъ выпускалъ лотереи пожизненныя ренты и т. п. Въ особенности, широкимъ полемъ для спекуляцій явились, такъ называемыя, тонтинны. Этотъ способъ займа придуманъ неаполитанскимъ банкиромъ Лоренцо Тонти. Всякій, подписавшійся на „тонтину“, получалъ отъ государства пожизненную ренту. Когда онъ умиралъ, рента распределялась между другими владѣльцами тонтинъ. Съ теченіемъ времени, конечно, оставшіеся въ живыхъ получали все больше и больше, по мѣрѣ того, какъ умирали остальные владѣльцы тонтинъ. Пережившій всѣхъ получалъ громадную ренту. Со смертью его обязательства правительства прекращались. Можно себя представить, какимъ источникомъ спекуляцій являлись тонтинны, непрочныя, какъ сама жизнь!

Другимъ источникомъ, содѣйствовавшимъ развитію биржи, были колоніи, а именнo—акціи индійской и гудзоновой компаній. Какъ и всюду, явились финансовыя геніи, опередившіе свою эпоху. Кончали они неудачно. Такъ, напр., журналъ „*Flying Post*“ за 1695 г. такъ описываетъ злосчастіе двухъ финансовыхъ геніевъ, опередившихъ эпоху. „Появились два биржевыхъ маклера, которые предлагали какое угодно число гиней, не болѣе тысячи однако, по 27 шиллинговъ за каждую. Это не мало содѣйствовало пониженію цѣнъ. Но одинъ купецъ, поймавъ маклера на словѣ, попросилъ его показать продаваемыя гиней. Биржевой маклеръ могъ представить лишь двѣ гиней, что явилось нагляднымъ доказательствомъ дурнаго замысла маклеровъ. Ихъ побили палками на биржѣ и выгнали на улицу, гдѣ толпа тоже нзрядно помяла ихъ. Но урокъ этотъ не остановилъ другихъ. Явились еще биржевыя маклеры, которые предлагали гиней уже не по 27 ш., а на шиллингъ дешевле. Но и этихъ выгнали кулаками. Толпа схватила маклеровъ въ тавернѣ, куда они думали спрятаться, и потащила къ лорду мэру, когда же не застала его дома, то расправилась своимъ судомъ. Жадность биржевыхъ маклеровъ остудили тѣмъ, что поставили ихъ подъ помпу. Послѣ этого пошатнувшіяся было цѣны на гиней—вновь установились“. Какъ видите, финансовыя геніи, угодившіе подъ помпу, предвосхитили лишь идею „сдѣлокъ на разность“, широко практикующихся теперь. Какъ извѣстно, при такихъ операціяхъ, какъ покупающіе, такъ и продающіе могутъ не имѣть ни денегъ, ни покупаемыхъ бумагъ. Обѣ стороны рассчитываютъ пріобрѣсть и деньги, и бумаги до условленнаго срока исполненія договора. Другіе финансовыя геніи въ 1694 г. придумали *срочныя сдѣлки*, любимыя операціи

спекулянтовъ. Въ силу *срочной сдѣлки* покупатель обязуется заплатить за покупку (т. е. за акціи или консоли) къ извѣстному сроку, хотя не думаетъ заплатить и не желаетъ также получить бумаги, которыя долженъ къ сроку доставить продавецъ. Если бумаги упали къ сроку („дню ликвидаціи“, *settling day*), покупатель платитъ продавцу разницу; если же поднялись,—то получаетъ разницу отъ продавца.

Долго купцы никакъ не могли помириться съ освященнымъ теперь временемъ биржевымъ приѣмомъ для повышенія или пониженія бумагъ къ дню ликвидаціи, — съ пусканіемъ въ ходъ ложныхъ извѣстій. И теперь искусственно создается паника или чрезмѣрное оживленіе биржи, не смотря на то, что телеграфная проволока охватываетъ весь земной шаръ и провѣрка слуха является дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. Можно представить, какъ легко было фабриковать ложное извѣстіе два вѣка тому назадъ... Въ концѣ концовъ, купцы потребовали изгнанія биржевыхъ маклеровъ изъ зданія биржи. То былъ „великій исходъ“, знаменательный въ исторіи биржи. Изгнанные маклеры въ 1698 г. нашли убѣжище въ Exchange Alley рядомъ съ „потеряннымъ раемъ“ и уничтоженное потомъ во время большого пожара.

II.

Печать быстро поняла, какая страшная, черная сила поднимается противъ общества. Объ этомъ свидѣлствуетъ цѣлый рядъ памфлетовъ, составлявшихъ любимую форму, къ которой прибѣгали тогда журналисты.

Въ 1701 г. появляется памфлетъ „Раскрытіе подлостей биржевиковъ“ (*The Villainy of Stock Jobbers Detected*). Самый рѣзкій памфлетъ, обличавшій биржу, появился въ 1719 г. Название его нѣсколько длинно: „*Анатомія биржи, или система биржевого надувательства. Доказательство, что биржевые спекуляціи являются въ сущности воровствомъ, и мошенничествомъ, и что они составляютъ измѣну общественнымъ интересамъ*“. Этотъ жгучій и блестящій по формѣ памфлетъ читается съ захватывающимъ интересомъ еще и теперь. Авторъ его — Даніэль Дефо. Позже нѣсколько противъ биржи ополчился Свифтъ. Къ этому времени относится зарожденіе терминовъ *Bull* (быкъ, биржевой маклеръ, играющій на пониженіе) и *Bear* (медведь, маклеръ, играющій на повышеніе) для обозначенія лицъ, роль которыхъ на биржѣ растетъ съ каждымъ десятилѣтіемъ. „Название *медведь* должно намекать на охотника, который продаетъ уже шкуру, прежде, чѣмъ изловилъ звѣря. *Медведь* на биржѣ, какъ этотъ охотникъ, продаетъ то, чего не имѣетъ“, — такъ опредѣляетъ терминъ Гросъ, авторъ „Классическаго словаря разговорнаго языка“ (1788 г.).

Силу и мировое значеніе биржи опредѣлили иностранные займы. Есть нѣкоторое различіе въ реализованіи иностранныхъ займовъ на биржахъ парижской и лондонской. Во Франціи много мелкихъ рантье, которые готовы помѣстить свои капиталы всюду, гдѣ обезпеченъ хорошій процентъ и гдѣ есть полная гарантія, что капиталы не пропадутъ. Въ силу этого мелкіе рантье охотно подписываются на русскія бумаги и совершенно не желаютъ помѣщать капиталовъ во французскихъ колоніяхъ. Альфредъ Неймаркъ вычисляетъ капиталы такихъ французскихъ рантье въ 80 миллиардовъ франковъ *). Изъ нихъ 60 миллиардовъ помѣщено во французскихъ государственныхъ бумагахъ, а 20 миллиардовъ — въ иностранныхъ. Изъ 60 миллиардовъ всего лишь 1 миллиардъ 550 мил. помѣщены въ Алжирѣ, Тунисѣ, Индо-Китаѣ, Мадагаскарѣ и пр. **). „Въ Алжирѣ не переселяются наши колонисты. Тѣ же, которые переселились, не имѣютъ денегъ. Метрополія боится помѣщать свои капиталы въ колоніяхъ. Она крайне подозрительна“. „Рантье охотнѣе отправляютъ свои капиталы въ Россію“ ***). „Французскій рантье крайне остороженъ и подозрителенъ. Онъ больше всего боится риска. До Африки такъ далеко, до Азіи—еще дальше“ ****). Англія — страна крупныхъ капиталистовъ. На сколько мелкій французскій рантье остороженъ, на столько англійскій капиталистъ смѣлъ и рѣшителенъ; но за то онъ не удовлетворяется маленькимъ процентомъ, какъ французскій рантье. Онъ снабжаетъ своими капиталами умирающія и молодые государства. Тутъ большая выгода, но и большой рискъ. Въ силу этого, англійскій капиталистъ желаетъ захватить въ свои руки контроль надъ должникомъ. Такія страны становятся „карманными государствами“ Англіи, т. е. англійской биржи. Иностранный заемъ, совершенный въ Лондонѣ, покрывается не мелкими рантье, какъ во Франціи, а нѣсколькими крупными домами, царями биржи. Первый иностранный заемъ на лондонской биржѣ заключенъ былъ въ 1706 г. Австрійскій императоръ занялъ 500 тысячъ ф. ст., по 8%, подъ обезпеченіе доходовъ съ Силезіи, на срокъ въ восемь лѣтъ. Въ настоящее время сумма иностранныхъ займовъ, заключенныхъ на лондонской биржѣ, достигаетъ тридцати миллиардовъ рублей. Это—золотая сѣть, накинутая биржей на нѣсколько государствъ. Она держитъ вѣрнѣе, чѣмъ та стальная кольчуга, которой Вулканъ накрылъ свою невѣрную жену. Съ перваго момента существованія биржи политическія извѣстія стали барометромъ колебанія цѣнъ. Такъ, одна изъ первыхъ паникъ была вызвана ложнымъ извѣстіемъ о смерти королевы Анны, пущеннымъ знаменитымъ тогда

*) Une nouvelle évaluation des valeurs mobilières en France. 1897, p. 48.

**) L. Vignon, L'exploitation de notre empire colonial, 1900, p. 13.

***) L. Vignon, p. p. 16—17.

****) Ib. p. 24.

банкиромъ Лопедомъ. Въ наше время телеграфныя агентства часто становятся орудіемъ въ рукахъ биржи. Въ XVIII в. извѣстія доставлялись черезъ банкировъ, имѣвшихъ своихъ корреспондентовъ. Первымъ такимъ агентомъ былъ сэръ Генри Фарнезъ, который имѣлъ даже специальный патентъ отъ короля. Фарнезъ нажилъ громадное состояніе тѣмъ, что пользовался получаемыми извѣстіями для игры на биржѣ. Когда получались благоприятныя извѣстія, онъ отправлялъ своихъ агентовъ на биржу и приказывалъ имъ смотрѣть возможно болѣе мрачно. Публика спѣшила тогда продавать свои бумаги, страшась краха. Но кое-кто вскорѣ понялъ хитрость, и чѣмъ болѣе у агентовъ Фарнеза была похоронная фивіономія, тѣмъ усиленнѣе покупались бумаги.

Во время войны за испанское наслѣдство государственный долгъ съ 3½ мил. ф. ст. возросъ до 54 мил. ф. ст. Вмѣстѣ съ увеличеніемъ національнаго долга росло значеніе биржи, росли также и обличенія со стороны печати. Противъ биржи выступали всѣ знаменитые писатели того времени: Поупъ, Стиль, Аддисонъ и Свифтъ. „Биржа стала мишенью злословія,—говорить апологетъ ея,—безчисленныхъ оскорбленій и поношеній. Ее бичевали, ругали. Не было такого сильнаго выраженія, которымъ не воспользовались бы писатели противъ биржи“ *). Автору кажется, что на биржу взвели напраслину. Читатель пойметъ причину „оскорбленій и поношеній“, если вспомнить первый и самый серьезный биржевой крахъ въ 1720 г., такъ называемый, лопнувшій мыльный пузырь южныхъ морей. Къ тому времени опредѣлились двѣ компаніи, боровшіяся на биржѣ: индійская и „общество Южныхъ морей“. Обѣ компаніи поняли, что для господства на финансовомъ рынкѣ необходима и политическая власть. Въ силу этого онѣ бросились добывать ее тѣмъ примитивнымъ путемъ, который до сихъ поръ еще широко практикуется на континентѣ: подкупомъ и взятками. Компаніи покупали и продавали избирательные округа. Мѣста въ парламентѣ котировались на биржѣ, какъ лотерейные билеты. Индійская компанія возникла въ началѣ XVII в. Компанія Южныхъ морей—на 100 лѣтъ позже, именно, въ 1710 г. Она выпустила акцій на 10 мил. ф. ст. Въ первое время дѣятельность компаніи была скромная; но въ 1720 г. общество получило монополію вести торговлю въ южныхъ моряхъ. Операциі компаніи были различны: снабжать рабами Южную Америку, эксплуатировать неизвѣстныя земли, которыя могутъ быть открыты въ южныхъ моряхъ, выкупъ нѣкоторыхъ займовъ и пр. Началась лихорадочная спекуляція. Компанія пустила въ ходъ много ложныхъ слуховъ. Она утверждала, что Перу станетъ англійской колоніей, такъ какъ Испанія вымѣняетъ ее на Гибралтаръ. Тогда же было придумано положеніе, оформленное лишь въ послѣднее время,

*. The Story of the Stock Exchange, p. 33.

что „торговля слѣдуетъ за флагомъ“, т. е. увеличивается съ захватомъ новыхъ территорій. Капиталь компаніи сразу повысился до 32½ мил. фун. ст. Въ 1714 г. акціи компаніи стоили отъ 1—1½ ф. ст., въ апрѣлѣ 1720 г.—325 ф. ст. Манія спекуляціи охватила англійское общество. Нервная эпидемія росла, какъ чума. Пятнадцатаго мая 1720 г. акціи стоили 500 ф. ст., 21мая—600, 23 мая—650, еще черезъ два дня—710 ф. ст. Второго іюня—890. Третьяго іюня онѣ упали до 640 ф. ст.; но на слѣдующій день опять поднялись скачкомъ до 770. Второго августа акціи стоили 1000, седьмого—1100, девятого—1200. Затѣмъ пузырь лопнулъ. Второго сентября акціи упали до 700. Началась страшная паника. Современникъ, описывая событіе, начинаетъ стихомъ изъ книги „Исхода“: „И былъ великій вопль въ Египтѣ; потому что не было дома, гдѣ не было мертвеца“. Дѣйствительно, „отъ фараона, сидящаго на тронѣ“ до „узника, который въ темницѣ“,—всѣ съ лихорадочнымъ, захватывающимъ вниманіемъ слѣдили за скачками акцій, за быстрыми обогащеніями въ одинъ день, въ одинъ часъ. Паника была тѣмъ сильнѣе, что само государство подвергалось сильной опасности: англійскій банкъ авансировалъ большія суммы компаніи подъ обезпеченіе бумагъ ея. Эти же бумаги, которыя въ 1719 г. шли альпари, и въ августѣ 1720 г. стоили 1200, въ октябрѣ того же года стоили лишь 86. Тысячи семействъ были разорены. Богатые люди стали нищими. Послѣдовалъ рядъ самоубійствъ и сумасшествій. Картину мы находимъ въ памфлетѣ того времени „Зеркало помѣшательства Англіи на мыльных пузыряхъ“. На фантастической почвѣ, породившей „мыльный пузырь Южныхъ морей“, возникъ въ томъ же году цѣлый рядъ компаній, одна причудливѣе другой. Онѣ всѣ лопнули вмѣстѣ съ главнымъ мыльнымъ пузыремъ. Свифтъ описываетъ эпидемію изобрѣтателей. Одинъ изъ нихъ пытался извлечь солнечные лучи изъ огурцовъ, чтобы закупорить теплоту въ бутылки и продавать огородникамъ въ холодное лѣто. Другой изобрѣтатель пробовалъ обжигать ледъ, чтобы превращать его въ порошокъ, и писалъ трактатъ о ковкости огня. Далѣе—изобрѣтатели предлагаютъ устроить компанію для смягченія мрамора и превращенія его въ подушки, и т. д. Свифтъ имѣлъ въ виду компаніи, образовавшіяся на биржѣ во время большой „южно-морской“ эпидеміи. Въ числѣ „лопнувшихъ пузырей“ были компаніи: для извлеченія серебра изъ свинца, для распространенія нѣкоего талисмана, радикально излѣчивающаго подагру и каменную болѣзнь, для извлеченія коровьяго масла изъ древесины бука, для эксплуатаціи летучаго корабля, для эксплуатаціи вѣчнаго движенія, для страхованія браковъ отъ разводовъ, для охлажденія мозга при помощи особыхъ насосовъ, для приготовленія *кубическихъ* пулъ и ядеръ. Возникла компанія съ капиталомъ въ миллионъ, предвосхитившая идею Тартарена: она

проектировала устроить портъ Тарасконъ на отдаленномъ островѣ. Публика подписывалась на все. Одинъ предприимчивый человекъ объявилъ подписку на акціи „очень выгоднаго предпріятія, но сущность котораго нельзя сказать никому“. Подписка началась на биржѣ въ 12 ч., а въ 3 ч. достигла ужъ 3000 ф. ст. Вслѣдствіе участія „компаніи Южныхъ морей“, министръ финансовъ вышелъ въ отставку, а многіе коммонеры были изгнаны изъ парламента.

III.

Эпоха наполеоновскихъ войнъ была страшнымъ несчастьемъ для промышленной Англіи, но богатой жатвой для биржи. „Никогда такъ блестяще не шли дѣла,—говоритъ Дюжюиндъ,—какъ въ пятилѣтіе, закончившееся памятнымъ 1815 г. Одинъ лишь національный долгъ увеличился за пять лѣтъ на 120 мил. ф. ст.“ *) Биржа спѣшила воспользоваться каждымъ событіемъ, какъ хорошимъ урожаемъ. Смерть Наполеона возвѣщалась безконечное число разъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ государственныя трехпроцентныя бумаги колебались отъ 54—73. Иногда въ одинъ часъ цѣнность бумагъ падала на восемь фунтовъ. Вотъ обычная сцена, происходившая тогда на биржѣ. Она заимствована изъ современной газеты. „Двери биржи открылись; трещотка, возвѣщающая открытіе дѣятельности, дѣйствуетъ на всѣхъ, какъ стаканъ добраго вина. Консоли стоятъ 69, 69¹/₈. Послѣдняя цифра представляетъ требованіе продавцевъ. Пускаются въ ходъ всевозможные приемы, чтобы заставить правительственнаго агента приобрести консоли по наиболѣе высокой цѣнѣ. Въ двѣнадцать часовъ биржевой маклеръ, уполномоченный правительствомъ, поднимается на эстраду. „Господа,—возглашаетъ онъ,—я покупаю для правительства на 60 тысячъ ф. ст. консолей, предлагаю по 69“. „Прибавьте ¹/₈,—говорятъ биржевые маклеры,—тогда вы приобретете у меня на 10 тысячъ“, „а у меня на пять“, „а у меня на двѣ“.

— Я вамъ продамъ на всѣ 60 тысячъ по 69,—предлагаетъ одинъ. Въ десять минутъ сдѣлка кончена. Остальные биржевики разъярены тѣмъ, что заработокъ ушелъ отъ нихъ, и набрасываются на того, кто предложилъ по 69. Его бьютъ, плюютъ ему въ лицо, хватаютъ за шиворотъ, срываютъ парикъ и забрасываютъ его на карнизъ. Агентъ стоитъ съ голымъ черепомъ, куда сторожъ приноситъ лѣстницу и лѣзетъ за парикомъ“.

Въ концѣ января 1814 г. Наполеонъ, предупредивъ у Монмираля соединеніе русскаго корпуса Сакена съ прусскимъ корпусомъ Іорка, нанесъ первому изъ нихъ чувствительное пораженіе, послѣ котораго Сакенъ отступилъ на Шато-Тьерри, потерявъ

*) The Story of the Stock Exchange, p. 107.

2800 ч. и 13 орудій. Это событіе сильно отозвалось на биржѣ: консоли упали до 27¹/₂; но вдругъ настроеніе биржи сразу измѣнилось. Въ Лондонѣ получило частное извѣстіе, что союзники взяли Парижъ, и что Наполеонъ убитъ. Извѣстіе было получено такъ. Ямщики сообщили, что привезли въ Лондонъ французскаго офицера, ѣхавшаго всю ночь изъ Дувра. Въ Дуврѣ видѣли, что великолѣпный мундиръ французскаго офицера весь мокрый послѣ переправы черезъ бурный каналъ. Офицеръ сообщилъ, что онъ полковникъ Дюбургъ, адъютантъ лорда Каткарта. Адъютантъ не дѣлалъ секрета изъ своего путешествія, а всѣмъ говорилъ о смерти Наполеона. На каждой станціи онъ щедро раздавалъ ямщикамъ наполеондоры, предлагая выпить за союзниковъ. Въ великолѣпной каретѣ, украшенной лавровыми вѣнками, полковникъ проскакалъ по Лондону. Это видѣли всѣ. „Курьеръ привезъ извѣстіе о полной гибели арміи Наполеона“,—съ этой новостью открылась биржа. Официальнаго подтвержденія не было, но консоли сразу съ 27¹/₂ поднялись до 30. Къ двѣнадцати часамъ подтвержденія извѣстія все еще не было; но бумаги отвержденнаго государственнаго долга поднялись, тѣмъ не менѣе, до 33. На другой день выяснилось, что извѣстіе ложно. Великолѣпный полковникъ исчезъ безъ слѣда. Все оказалось устроеннымъ группою биржевиковъ, которые хотѣли продать по высокой цѣнѣ бумаги на 750,000 ф. ст. Консоли, конечно, сразу упали. „Радость, жадное ожиданіе крупныхъ барышей смѣнились на биржѣ разочарованіемъ, потомъ отчаяніемъ и бѣшенствомъ по поводу того, что такъ легко дались въ обманъ. Биржевики били кулаками въ стѣны, рвали волосы себѣ, скрипѣли зубами, такъ какъ многіе, желая сразу разбогатѣть, разорились совершенно. Всѣ желали мести“,—такъ описываютъ событіе современныя газеты. Вскорѣ открылось, кто были составившіе заговоръ. Къ суду привлекли Деберанжера, игравшаго полковника, и двухъ крупныхъ банкировъ, сэра Томаса Кокрэна и Бута. Обвиненные приговорены къ штрафу и къ выставленію у позорнаго столба у дверей биржи. Послѣдняя часть наказанія не была, однако, приведена въ исполненіе, такъ какъ много сильныхъ людей заявили, что подсудимые употребили лишь военную хитрость. Сэръ Томасъ Кокрэнъ потомъ сильно пошелъ въ гору и умеръ пѣромъ, графомъ Дандональдомъ. Когда Наполеонъ дѣйствительно палъ, на биржѣ это событіе почти не отразилось. Даже Ватерлоо вызвало не повышеніе бумагъ, а скорѣе пониженіе ихъ. Въ январѣ 1815 г. консоли стояли 66, въ іюнѣ 54, къ концу года—60.

Послѣ 1815 г. особенно пошли на биржѣ иностранныя займы. Одинъ изъ нихъ въ особенности любопытенъ. Шотландскій авантюристъ Макъ Грегоръ поселился на Москитовомъ берегу въ Южной Америкѣ и сдѣлался тамъ кадикомъ племени Поайе. Отъ имени своего народа онъ заключилъ заемъ на биржѣ на 200 тысячъ

ф. ст. Капикъ краснорѣчиво говорилъ про красоты и естественныя богатства своей страны и собралъ большую партію эмигрантовъ. Особо снаряженный корабль повезъ ихъ въ новое Эльдорадо, вмѣсто котораго нашли лишь нездоровое тропическое болото. Большая часть переселенцевъ умерла отъ желтой лихорадки. Немногіе возвратились на родину. Удивительнѣе всего то, что бумаги „займы Поайе“ появились вторично на биржѣ въ 1836 г. во время маніи на иностранныя займы.

Столѣтіе „мыльного пузыря Южныхъ морей“ ознаменовалось новымъ колоссальнымъ биржевымъ крахомъ. Новая сила—паръ революціонизировала промышленность. Примѣненіе ея только что зарождалось; первыя сооруженія были неуклюжи; но лихорадочная фантазія биржи опередила событія. Десятки компаній зарождались ежедневно для эксплуатаціи новой силы и лопались. Валовой капиталъ возникавшихъ компаній равнялся 150 мил. ф. ст. При крахѣ общество потеряло тогда около 48 мил. ф. ст. Перечислю нѣкоторыя компаніи: „общество построенія желѣзной дороги отъ Дувра до Булони (т. е. черезъ проливъ), на мосту“, „общество для превращенія путемъ парасвинца въ золото“, „общество эксплуатаціи машины для пароваго доенія коровъ“ и т. д. Къ спекуляціямъ на паровыя машины прибавились спекуляціи на рудники, составляющія до сихъ поръ одну изъ главныхъ отраслей дѣятельности лондонской биржи. Эти спекуляціи вызвали уже не одну войну, не одно поголовное возстаніе туземцевъ (напр., въ странѣ Матабеловъ въ 1895 г., въ странѣ Ашантиевъ въ 1900 г. и т. д.). По всей вѣроятности, во всякомъ случаѣ, не меньше войнъ и возстаній предвидится въ будущемъ. Одно время спекуляціонная горячка превратилась въ настоящую манію. Площадь предъ биржей была запружена людьми, свершавшими сдѣлки, покупателями, и продавцами акцій. Чтобы пробраться въ зданіе биржи, нужно было подкупать всѣхъ тѣхъ, которые стояли на пути. Всюду въ толпѣ шныряли „джентельмэны съ громадными записными книжками въ рукахъ, съ ястребиными глазами, съ фальшивыми алмазами въ булавкахъ“, предлагая сдѣлки. Такъ шло до конца 1825 г., когда биржу охватила паника. Порой совершенно невозможно выяснитъ истинныя причины страшнаго оживленія биржи или, наоборотъ, паники. Явленія часто носятъ прямо патологическій характеръ. Крахъ 1825 г. страшно отозвался на финансахъ всей страны. Въ октябрѣ 1824 г. въ англійскомъ банкѣ было въ звонкой монетѣ и въ слиткахъ $11\frac{3}{4}$ мил. ф. ст. Въ февралѣ 1825 г. $8\frac{3}{4}$ мил., въ августѣ $3\frac{3}{4}$ мил. Въ декабрѣ цѣлый рядъ банковъ прекратилъ платежи; публика потребовала обратно вклады, и англійскій банкъ остался почти безъ денегъ. Всей странѣ грозило банкротство. Когда паника нѣсколько уменьшилась, въ англійскомъ банкѣ оставался лишь одинъ милліонъ.

До 1825 г. публика считала биржу только громаднымъ игор-

нымъ домомъ. Послѣ краха, страна поняла, что биржа тѣсно и неразрывно спаяна съ финансами всего государства. Въ силу этого, въ прессѣ сталъ появляться особый отдѣлъ, въ которомъ говорилось о цѣнахъ на биржѣ. До 1825 г. даже Times не упоминалъ о нихъ. Затѣмъ появляется ужъ специальная газета, посвященная биржѣ (Financial News). Теперь цѣлый рядъ специальныхъ редакторовъ представляетъ крупную англійскую прессу на биржѣ. Это—настоящіе посланники отъ ея величества прессы къ его величеству Мамонѣ. Биржевой отдѣлъ въ англійской газетѣ самый важный и самый отвѣтственный, такъ какъ нигдѣ не возможны такія злоупотребленія, какъ здѣсь.

Какъ я замѣтилъ уже, лондонская биржа охотно отзывается на предложенія заключить иностранный заемъ; но она предпочитаетъ имѣть должниками страны молодыя или умирающія, легко подчиняющіяся полному контролю. Въ силу этого же, ничего такъ не страшится биржа, какъ народнаго движенія, во время котораго должникъ, т. е. отвѣтственное правительство выходитъ изъ подъ контроля. Лѣтъ тридцать тому назадъ, въ эпоху процвѣтанія промышленности въ Англіи,—промышленный капиталъ бралъ верхъ надъ биржевымъ. Представителямъ перваго нужны были рынки съ свободнымъ покупателемъ, отвѣтственнымъ за свои поступки. Тогда Англія поддерживала освобожденіе маленькихъ народовъ изъ подъ ига. Биржа всегда была противъ революцій, которыя изгоняютъ отвѣтственныхъ должниковъ; ей выгодно было правительство, которое заключаетъ займы, не спрашивая никого, ибо такое правительство даетъ какія угодно гарантіи. Но куда явились конкуренты на международныхъ рынкахъ, представители промышленнаго капитала въ Англіи были сильнѣе представителей капитала биржевого. Итакъ, народныя движенія всегда пугали биржу, и она не жалѣла денегъ, чтобы подавить ихъ. Донъ Карлосъ въ Испаніи и донъ Мигуэль въ Португаліи вызвали не малыя колебанія лондонской биржи. Какъ Испанія, такъ и Португалія исконные должники лондонской биржи. Претенденты могли причинить серьезный крахъ. Въ силу этого, биржа дала Португаліи (подъ обезпеченіе виноградарниковъ) 800,000 ф. ст. на изгнаніе дона Мигуэля, а потомъ еще два милліона ф. ст. Испанія получила отъ биржи для борьбы съ дономъ Карлосомъ 4 мил. ф. ст. (въ видѣ займа, конечно). Кромѣ того, государственныя бумаги ея были искусственно подняты на биржѣ съ 16½ до 72. Послѣдняя операція успѣшно продолжалась до тѣхъ поръ, пока банки не увидали, что денежный рынокъ загроможденъ бумагами, не представляющими никакой цѣнности. Послѣдовала паника 1835 г. Испанскія бумаги въ одинъ день упали на 10%, а въ недѣлю—на 40%. Джонъ Фрэнсисъ такъ описываетъ эту панику. „Трудно передать то подавленное настроеніе, которое наблюдалось на биржѣ 21 мая (1835 г.), когда

приблизилось время прекращенія сдѣлокъ. Сотни людей, которые всегда добросовѣстно вели свои дѣла,—оказались не состоятельными. Заключившіе сдѣлки на срокъ не могли заплатить разницу. Несостоятельными оказались сотни благоразумныхъ людей, воздерживавшихся отъ биржевой игры, но повѣрившихъ, что повышение испанскихъ государственныхъ бумагъ естественное. Треть банкировъ оказались несостоятельными. Всѣ иностранныя бумаги потеряли всякую цѣнность. Подъ нихъ не давали ссудъ. Черезъ два года, вслѣдствіе возстанія въ Канадѣ, паника повторилась опять.

IV.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ началась „желѣзно-дорожная эпидемія“. Болѣе полувѣка прошло съ тѣхъ поръ, какъ случилось то счастливое для англійской промышленности событіе, о которомъ миѣніе Юнга я привелъ въ началѣ статьи. Англійская промышленность тогда стояла почти въ зенитѣ. Европейскій и Азіатскій востокъ, Южная Америка и Австралія, побережья Средиземнаго моря и отчасти Сѣверная Америка—всѣ были промышленными вассалами Англии. Денегъ и тогда уже накопилось въ странѣ много. Для нихъ нужно было примѣненіе. Желѣзныя дороги явились какъ нельзя болѣе кстати. Въ январѣ 1845 г. народилось пятнадцать акціонерныхъ компаній для постройки желѣзныхъ дорогъ. Въ апрѣлѣ ихъ было уже 52. Началась тогда бѣшеная биржевая игра на квитианціи въ суммѣ, внесенной въ складочный капиталъ не только англійскихъ, но и иностранныхъ желѣзно-дорожныхъ предприятий. Игра далѣе захватила сталелитейные заводы. Газеты наполнились широковыщательными рекламами. На тѣ предприятия, которыя сулили меньше 10%, публика не желала даже смотрѣть. Фондовая биржа уже не выѣщала всѣхъ, желающихъ играть. Образовалось филиальное отдѣленіе ея, нѣчто въ родѣ нашей петербургской декутовской биржи не доброй памяти, только въ болѣе крупныхъ размѣрахъ. Въ сентябрѣ существовало уже не менѣе 457 зарегистрированныхъ желѣзнодорожныхъ компаній, въ октябрѣ прибавилось еще 363. Въ ноябрѣ существовало уже 1035 компаній для сооруженія желѣзныхъ дорогъ. Искони уже осенью въ Лондонѣ появляется „левъ сезона“, на которомъ сосредоточено общее вниманіе, о которомъ трубятъ всѣ газеты. Не львомъ, а „богомъ сезона“ и не только въ Лондонѣ, но и во всей Англии былъ тогда желѣзнодорожный король Гэдсонъ. Правительство само подпало подъ вліяніе строительной горячки. Одной изъ рѣчей Роберта Пиза, во всякомъ случаѣ, биржа тогда широко пользовалась, чтобы рекламировать желѣзныя дороги. Строительная горячка захватила и провинцію. Тѣ, которые помѣстили свои капиталы въ консоляхъ, спѣшили продать бумаги отверженнаго

государственного долга, чтобы купить акцій проектируемых желѣзныхъ дорогъ. Серьезная пресса предупреждала публику не зарываться; она доказывала, что помѣщеніе 50 мил. ф. ст. въ проектируемыхъ желѣзныхъ дорогахъ — гибельно отзовется на финансахъ страны. Но надъ этими статьями тогда смѣялись. Чтобы выстроить всѣ тѣ желѣзныя дороги, которыя проектировались тогда, потребовались бы сотни миллионовъ ф. ст. А новыя компаніи все еще нарождались. Много компаній, помѣщавшихъ рекламы, не были даже зарегистрированы; они не получали концессію отъ парламента и не добивались ея. Организаторы компаній думали не о томъ, чтобы построить линію, а о томъ, чтобы заполучить отъ публики задатокъ за акціи и премію. Года два тому назадъ въ *City Press* появились воспоминанія Эдуарда Калоо, который въ сороковыхъ годахъ состоялъ членомъ биржевого общества. „Со времени „мыльного пузыря Южныхъ морей“ никогда еще публику не охватывало такое типично выраженное помѣшательство; никогда еще на биржѣ такъ безумно не спекулировали,— какъ тогда, когда Джорджъ Стефенсонъ отправилъ свою „Ракету“ изъ Ливерпуля въ Манчестеръ“ *),—говоритъ упомянутый авторъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Англійская публика задумала покрыть Англію и Ирландію желѣзнодорожной сѣтью и дала примѣръ континенту. Вся страна желала принять участіе въ движеніи. Дамы закладывали брилліанты и мчались съ деньгами на биржу, чтобы подписаться на акціи. Желѣзнодорожная манія захватила всю страну, отъ сѣвера до крайняго юга, все населеніе—отъ лорда до мелкаго лавочника. Нѣтъ, кажется, такой бѣдной деревушки, заброшенной въ болотахъ или въ горахъ, отъ которой спекулянты не проектировали бы желѣзнодорожную линію къ ближайшему городу, а оттуда къ Лондону. Въ тѣ счастливые дни, чтобы составить желѣзнодорожную линію, требовалось не много: бойкій, развязный адвокатъ, чертежникъ, членъ парламента, карта Англіи, компасъ, карандашъ и линейка. Вотъ и все. Адвокатъ составлялъ проспектъ, членъ парламента указывалъ деревушку въ своемъ округѣ, чертежникъ наносилъ на карту Англіи проектируемую желѣзнодорожную линію. Затѣмъ документъ украшался именами двухъ-трехъ лордовъ, а если удавалось убѣдить, приглашали подписаться какого нибудь фабриканта, если только въ деревушкѣ имѣлся таковой. Все это были „временные директоры“. Затѣмъ „организаціонный комитетъ печаталъ акціи, не дожидаясь даже полученія концессіи“. Биржа была наводнена безконечнымъ числомъ акцій. Удивительнѣе всего то, что онѣ находили покупателей. „Ликвидациа“ (т. е. тотъ день, когда на биржѣ происходитъ самая операція исполненія договора: продавецъ доставляетъ бумаги, покупатель—деньги, *Stichtag*) желѣзнодорожныхъ акцій

*) *Ракетой* назывался первый паровозъ, пущенный Стефенсономъ.

занимала прежде на биржѣ одинъ день. Въ 1845 г., во время горячки, дѣлъ было такъ много, что „ликвидация“ затягивалась на цѣлую недѣлю. Манія создала особый типъ дѣльцовъ, получившихъ кличку „пыжиковъ“. „Пыжикъ“—подписывается на акціи. не имѣя ни малѣйшаго желанія (да и средствъ при томъ) купить ихъ. Онъ желаетъ лишь перепродать ихъ, чтобы воспользоваться преміей. Обращаюсь снова къ автору, котораго цитировать уже раньше. „Въ тѣ времена дѣла велись не совсѣмъ такъ, какъ теперь,—говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Эдуардъ Калоо.—Отъ подписавшагося на акціи не спрашивали задатка. Директоры считали вполне достаточнымъ, если къ нимъ за акціями обращались письменно. Томъ, Дикъ или Гарри. Всякій, обладавшій приличнымъ почеркомъ, могъ на установленномъ бланкѣ обратиться къ директорамъ за акціями. И, дѣйствительно, писали сотни людей, какъ изъ Лондона, такъ и изъ провинціи. Многіе изъ нихъ не имѣли ни малѣйшаго намѣренія внести въ банкъ установленный задатокъ и крайне затруднились бы, если бы пришлось сдѣлать это. Такихъ прозвали „пыжиками“. Проспекты съ бланками выдавались всѣмъ бесплатно. „Пыжику“ оставалось лишь заполнить бланкъ, послать его по почтѣ и ждать. Конечно, необходимо было указать приличный адресъ (т. е. не въ трущобахъ); но и это затрудненіе устранялось при содѣйствіи пріятелей. Какъ только „пыжикъ“ получалъ извѣстіе, что за нимъ оставлены такіе-то акціи, онъ мчался въ Сити и перепродавалъ свои акціи“. „Пыжикъ“, собственно говоря, становился орудіемъ въ рукахъ биржевыхъ акулъ. Тогда анонимныхъ обществъ съ ограниченной отвѣтственностью, какъ теперь, не было еще. Каждый директоръ и каждый владѣлецъ акцій былъ отвѣтственъ всѣмъ своимъ имуществомъ за дѣла компаніи. Въ силу этого, биржевая акула не хотѣла пріобрѣтать акціи на свое имя. Акула давала „пыжику“ деньги на то, чтобы внести задатокъ и небольшой куртажъ, затѣмъ получала квитанцію въ суммѣ, внесенной въ складочный капиталъ, на которую могла спекулировать, не опасаясь имущественной отвѣтственности. „Пыжики“ были такъ полезны акуламъ, что выработалась даже специальная профессія „охотниковъ за пыжиками“. Они шныряли по городу и собирали „пыжиковъ“, чтобы погнать ихъ „табуномъ“ на биржу. Такъ продолжалось до ноября 1845 г., когда лихорадочная спекуляція закончилась неизбежнымъ крахомъ и неразрывно связанной съ нимъ паникой. Крахъ отразился на цѣнныхъ бумагахъ всѣхъ видовъ. Большая часть 1263 желѣзнодорожныхъ компаній лопнула. „Ужасъ охватилъ вкладчиковъ по всей странѣ,—говоритъ Калоо,—всего лишь недѣлю назадъ они смотрѣли на перевязанные пачки цѣнныхъ акцій, хранившіяся въ ихъ кассахъ, какъ на реальные богатства. Вкладчики тогда ни за что не разстались бы со своими пачками, рассчитывая, что акціи будутъ все подниматься въ цѣнѣ. Теперь

всѣ желали продать свои бумаги возможно скорѣе, за какую угодно цѣну. Публика напомнила бѣшено мчащееся стадо, бѣгущее отъ степного пожара. Старались отдѣлаться, какъ отъ дутыхъ, ничего не стоящихъ акцій, такъ и отъ бумагъ вполне солидныхъ. Приобрѣтая послѣднія по ничтожной цѣнѣ,—биржевыя акулы, нажились въ эти дни безумной паники гораздо больше, чѣмъ тогда, когда желѣзнодорожная манія свирѣпствовала во всей силѣ... Банкротствамъ, между тѣмъ, не было числа. Стукъ молота, возвѣщающій несостоятельнаго должника, раздавался на биржѣ безпрестанно. Директоры и тѣ пайщики, которые имѣли какое нибудь состояніе,—увидали, что имъ грозитъ опасность, потерять все. Судебныя издержки были громадны, и адвокаты заботились, чтобы кто нибудь покрылъ ихъ. Одному „пыжику“ вручили бумагу, изъ которой онъ узналъ, что онъ долженъ заплатить громадную сумму. „Пыжикъ“ совершенно даже забылъ про то, что когда-то подписался на акціи. Онъ спокойно взялъ документъ, повертѣлъ его и сказалъ приставу:

— Послушайте, тутъ написано, что бумага стоитъ 5 ф. 6 ш. 8 п. Неужели вы думаете, что я когда нибудь заплачу эти деньги, не говоря уже про тѣ тысячи фунтовъ, о которыхъ говорится въ бумагѣ?

— О, мы это знаемъ. Мы послали вамъ бумагу, только для того, чтобы поставить ее въ счетъ директорамъ.

Много декоративныхъ директоровъ, никогда не принимавшихъ участія въ дѣлахъ, вынуждены были бѣжать на континентъ съ крохами своего состоянія и здѣсь прожили нѣсколько лѣтъ*. Теперь, съ введеніемъ ограниченной отвѣтственности, выиграли много „promoters“, т. е. организаторы компаній; выиграли также директора, но за то проиграла публика. Я уже приводилъ какъ-то цифры, показывающія, сколько потеряла публика за восемь лѣтъ отъ того, что лопнули дутыя компаніи. Валовая сумма достигаетъ 403.976,737 ф. ст., т. е., болѣе четырехъ миллиардовъ рублей *). Нагляднымъ примѣромъ является также процессъ финансиста Гулли, о которомъ я писалъ подробно въ „Русскомъ Богатствѣ“ года три тому назадъ.

V.

Покуда биржа не занимала еще такого исключительнаго положенія, дѣлались иногда попытки ограничить ея дѣятельность и, во всякомъ случаѣ, сдѣлать „жало въ хвостъ скорпіоновъ“ не столь вреднымъ для публики. Въ 1875 г. назначена была большая коммиссія для изслѣдованія дѣятельности биржи. Въ составъ коммиссіи входили, между прочимъ, такія лица, которые извѣстны

*) Подсчетъ сдѣланъ въ „Drifting“ 1901, p. 155.

были своимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ биржѣ. Таковы Эдуардъ Стэнгопъ, прославившійся въ послѣдствіи борьбой со „старымъ Джо“ (Чемберленомъ) и сэръ Чарльзъ Россель, въ послѣдствіи главный судья.

Года два тому назадъ, на банкетѣ у лорда-мэра, Россель выступилъ, къ великому негодованію Сити, обличителемъ биржевыхъ спекуляцій. Какъ представители заинтересованной стороны, опрошены были комиссіей цари биржи, верховные жрецы капища мамоны: Септимусъ Скоттъ, Генри Шериданъ, Натаніэль Ротшильдъ, баронъ Эрлангеръ и др. Главной задачей комиссіи было ограничить спекуляцію на нѣкоторые иностранные займы. Биржа реализовала займы для южно-американскихъ республикъ, какъ Гондурасъ, Санъ Доминго, Коста Рика и Парагвай, которыя никогда не платили по своимъ обязательствамъ. Деньги давала, конечно, публика, введенная въ заблужденіе биржей. Отчетъ комиссіи былъ очень неблагопріятенъ для биржи, но не грозилъ ничѣмъ серьезнымъ. Комиссія могла рекомендовать лишь рядъ желательныхъ мѣръ, которыя не были приняты во вниманіе биржей. Выяснилось, напр., что ничего не стоящія бумажки южно-американскихъ республикъ искусственно поднимаются на биржѣ во время заключенія займа.

Публика, видя, что бумажки идутъ съ преміей, набрасывалась на нихъ; но затѣмъ, конечно, сразу бумажки падали, и пріобрѣвшіе ихъ видѣли себя разоренными. Къ этому же времени относится вторженіе на лондонскую биржу „янки“, т. е. американскихъ бумагъ. Одно время „янки“ повели даже къ краху; но съ побѣдой партіи президента Макъ-Кинлея, вождя крупнаго капитала и трестовъ,—прочно утвердились на биржѣ. Теперь для сдѣлокъ на „янки“ нѣтъ на биржѣ специальный рынокъ, такой же, какъ для консолей, колониальныхъ бумагъ и „кафровъ“, т. е. южно-африканскихъ бумагъ. „Кафры“ играютъ первую роль на биржѣ за послѣднія десять лѣтъ. Въ силу этого кафрскій рынокъ, или „кафрскій кругъ“ ведетъ наиболѣе живую дѣятельность.

Считаю тутъ уместнымъ сказать два слова объ обыкновенныхъ биржевыхъ операціяхъ. „Понижатели“ продаютъ часто бумаги, которыхъ у нихъ еще нѣтъ, и „повышатели“ пріобрѣтаютъ за деньги, которыхъ тоже еще пока нѣтъ. „Понижатель“, или Bear, „медвѣдь“, продающій бумаги, которыхъ у него покуда нѣтъ, называется „бланкистомъ“. Для ликвидаціи сдѣлки назначается на биржѣ особый день, называемый settling day (обыкновенно, къ концу мѣсяца). Къ settling day „понижатель“, Bear, долженъ доставить проданныя бумаги, а повышатель, Bull, т. е. быкъ—деньги. Невыполненіе сдѣлки грозитъ изгнаніемъ изъ капища Мамоны. Но возможны отсрочки. На этихъ отсрочкахъ ликвидаціоннаго дня основана азартная биржевая игра. Возьму наглядные примѣры, чтобы дать читателю представленіе объ этой игрѣ.

„Понижатель“, „медвѣдь“ (Bear) продалъ in blanco (т. е. бумаги, которыхъ у него нѣтъ) 500 „кафровъ“ по 10 ф. ст. за акцію. Срокъ—черезъ мѣсяць. „Медвѣдь“ разсчитываетъ, что черезъ мѣсяць буры поколотятъ англичанъ, и „кафры“ падутъ въ цѣнѣ, такъ что, вмѣсто 10 ф. за акцію, онъ купитъ ихъ по 9 ф. Если расчетъ оправдается, „медвѣдь“ положить въ карманъ разницу, т. е. 500 ф. Но вотъ пришелъ ликвидаціонный день. Буры англичанъ не поколотили; наоборотъ, изъ Юж. Африки приходятъ все утѣшительныя вѣсти, такъ что „кафры“ поднялись въ цѣнѣ и, вмѣсто 10 ф., стоятъ 11. Если бы „медвѣдь“ выполнилъ сдѣлку, онъ бы потерялъ по фунту на акцію, т. е. 500 ф. Между тѣмъ, по расчетамъ „медвѣдя“, „кафры“ непремѣнно должны пасть въ цѣнѣ, такъ какъ понижатель скептически относится къ официальнымъ телеграммамъ и думаетъ, что дѣла англичанъ плохи. Нужно, значитъ, выждать время, покуда буры успѣютъ поколотить англичанъ. И вотъ „медвѣдь“ устраиваетъ *депортъ*: онъ покупаетъ у „быка“ (Bull), т. е. у повышателя, пятьсотъ „кафровъ“, но заключаетъ условіе продать ему черезъ мѣсяць столько же „кафровъ“. Покупка совершается по курсу дня, продать же по условленной цѣнѣ. Разница между двумя курсами и будетъ *депортъ*. Иногда „быки“ (повышатели) устраиваютъ синдикатъ и скупаютъ всѣхъ „кафровъ“, имѣющихся на биржѣ. Это, конечно, тогда, когда „медвѣди“ обязались доставить къ ликвидаціонному дню именно эти акціи. Такая операція называется „угломъ“ (corner).

„Медвѣди“, загнанные въ уголъ, должны или покупать „кафровъ“ по высокой цѣнѣ, когда приходится выполнить обязательства, или при помощи того же синдиката устроить крайне невыгодный для себя *депортъ*. „Уголъ“ не разъ практиковался на биржѣ и не разъ приводилъ къ колоссальнымъ крахамъ.

Теперь посмотримъ, что такое еще одна операція—„репортъ“.

„Быкъ“, т. е. повышатель, покупаетъ пятьсотъ „янки“ (т. е. американскихъ бумагъ) по 10 ф. каждую. Онъ разсчитываетъ, что къ *settling day* (къ сроку выполненія сдѣлки) „янки“ *повысятся* въ цѣнѣ и будутъ стоять по 11 ф. Приходитъ срокъ. „Янки“ не только не повысились, но упали: въ Пенсильваніи началась громадная стачка, которая грозитъ захватить и другіе штаты. „Быку“ нѣтъ расчета принять бумаги теперь, тѣмъ болѣе, что, по его расчетамъ, стачка должна непремѣнно кончиться, и „янки“ пойдутъ въ гору. „Быкъ“ устраиваетъ отсрочку выполненія сдѣлки (*продолгацію* ея), такъ называемый,—*репортъ*.

Повышатель продаетъ бумаги, но съ условіемъ продать ихъ ему обратно черезъ мѣсяць. Продажа совершается по курсу дня. Покупка черезъ мѣсяць опредѣляется по условному курсу. Разница между курсами, собственно говоря, и будетъ *репортъ*.

Corner устраивался на биржѣ много разъ. Въ 1889 г., напр., создалась „компанія Уорнера“ для эксплуатаціи патентованнаго

лѣкарства. Подобнымъ лѣкарствамъ, главнымъ образомъ, въ видѣ пилюль, въ Англіи нѣтъ числа. Отличительный признакъ ихъ—безчисленное количество болѣзней, излѣчиваемыхъ ими (по увѣренію рекламъ). Однѣ и тѣ же пилюли излѣчиваютъ падагру, зубную боль, мигрень, чахотку, расстройство желудка, блѣдную немочь, каменную болѣзнь, родимчикъ, нефритъ, ячмень, косноязычіе, бронхитъ, накожные болѣзани. На первомъ планѣ, конечно, значится, что пилюли „помогаютъ отъ обилія желчи“. Кажется, ни одна болѣзнь не развита такъ въ Англіи, какъ страданія печени. Самое главное, о чемъ заботятся изобрѣтатели, это, повидимому, придумать названіе для пилюль, которое било бы гвоздемъ въ голову. Нѣкоторые изобрѣтатели нашли, даже для Англіи, колоссальныя состоянія. Компанія Уорнера ввела новыя пилюли „Вѣрное излѣченіе“. Отъ какой болѣзни? спросите вы.—Отъ *всѣхъ*. Дѣятельность компаніи, на взглядъ обыкновенныхъ людей, была колоссальнымъ мошенничествомъ съ перваго момента до послѣдняго. На биржу было выпущено 35 тысячъ акцій, которыя сейчасъ же разобрали, какъ выяснилось впослѣдствіи, подставныя лица. Затѣмъ началось искусственное подниманіе цѣнъ акцій и рекламированіе ихъ въ нѣкоторыхъ газетахъ. Въ мартѣ 1900 г. директоръ на собраніи „акціонеровъ“ заявилъ, что требованія на акціи въ пять разъ больше превышаютъ выпущенное число ихъ. Заявлено было, что выдается 15% дивиденда.

При сдѣлкахъ „депортъ“ равнялся 10½%. „Быки“ скупили акціи и устроили „уголъ“ (corner). Черезъ пятнадцать дней акціи поднялись на 30%, еще черезъ двѣ недѣли—на 35%, а черезъ два дня—на 50%. Затѣмъ „быки“ продали акціи, и онѣ сразу упали почти до нуля. Дѣло дошло до суда, который, высказавъ соболѣзнованіе обманутымъ,—заявилъ, однако, что не можетъ усмотрѣть мошенничества. Тѣмъ дѣло и закончилось.

Однимъ изъ самыхъ серьезныхъ краховъ послѣдняго времени является крушеніе банка Беринга въ 1890 г. Крахъ отозвался на финансахъ всей страны и показалъ, какъ, въ сущности, сравнительно легко поставить англійскій банкъ въ критическое положеніе при всякомъ отливѣ золота изъ крупнаго банка (вслѣдствіе требованія обратно вкладовъ). Банкъ Беринга существуетъ съ 1793 г. и считался самымъ солиднымъ и осторожнымъ въ Англіи. Уже въ началѣ XIX вѣка этотъ банкъ имѣлъ крупное международное значеніе. Герцогъ Риншелье („одесскій“) говорилъ, что въ Европѣ шесть великихъ державъ: Англія, Франція, Россія, Австрія, Пруссія и „Братья Берингъ“. Банкъ ступилъ на зыбучую почву Аргентинскихъ финансовъ, и 15 ноября 1890 г. старая фирма пала. Англійскій банкъ очутился въ критическомъ положеніи вслѣдствіе малаго запаса золота. Сдѣланы были поспѣшныя займы во французскомъ и русскомъ государственныхъ банкахъ, и фирму спасли. На биржѣ бумаги отверженнаго госу-

дарственного долга (консоли) сразу упали до $93\frac{3}{4}$ (вмѣсто 112). Много банковъ лопнуло; но „медвѣди“ сильно играли на пониженіе. Для нихъ опасность, въ которой находилось государство,—была золотымъ дождемъ.

VI.

Теперь нѣсколько словъ о „кафрахъ“. Южно-африканскія бумаги явились на биржѣ въ восьмидесятыхъ годахъ. Вначалѣ то были акціи алмазныхъ росыпей въ Кимберлеѣ. Компаній было много; затѣмъ мало по малу выдвинулись двѣ компаніи, которыя стали душить меньшія предпріятія. Черезъ годъ остались лишь два борца: Сесиль Родсъ и Барнай Барнато. Каждый изъ нихъ стоялъ во главѣ могущественной компаніи. Соперники пытались довести другъ друга до банкротства. Театромъ войны была—лондонская биржа, „кафрскій кругъ“, который и приобрѣлъ съ тѣхъ поръ первенствующее значеніе. Соперники то устраивали „уголъ“, то сразу пускали въ продажу скупленные предварительно акціи противника, чтобы создать панику и низвести цѣнность бумагъ. Биржа до сихъ поръ рассказываетъ съ благоговѣніемъ про этотъ историческій бой. Но соперники не могли одолѣть другъ друга, и, по предложенію Сесила Родса, заключенъ былъ миръ: обѣ компаніи соединились. Затѣмъ число бумагъ, обращающихся въ „кафрскомъ кругѣ“, увеличилось дутыми акціями золотыхъ приисковъ въ странѣ Матабеловъ и дѣйствительными акціями „ранда“ въ Йоганисбургѣ. „Кафры“ быстро плодились: непрерывно возникали компаніи для эксплуатаціи золота въ Родезии. О характерѣ этихъ компаній мнѣ уже пришлось писать не разъ въ „Русскомъ Богатствѣ“. Акціи выпускались, когда имѣлось лишь въ виду найти золото. Этимъ обуславливается страшное колебаніе „кафровъ“, съ одной стороны, и рядъ мятежей инородцевъ—съ другой. Организаторамъ компаній нужно было найти непременно то золото, на которое шла уже игра на лондонской биржѣ.

Фашода вызвала въ 1899 г. страхъ и трепетъ на биржѣ. Осложненіе явилось неожиданностью для капища. Многіе думали, что война близка дѣйствительно. Трансваальскую войну биржа считаетъ своею собственною и не только не трепетала, но, наоборотъ, ликовала, когда военные дѣйствія начались. Это—первая большая война, въ которую королямъ биржи, заправляющимъ „кафрскимъ кругомъ“—удалось втянуть страну. Набѣгъ Джемсона, первый предвозвѣстникъ войны, былъ въ значительной степени выработанъ на биржѣ. „У насъ имѣется много фактовъ, доказывающихъ, что главныя фирмы знали о подготовляющихся событіяхъ“,—говоритъ нашъ восторженный поклонникъ биржи *).

*) The Story etc, p. 339.

Два мѣсяца послѣ набѣга биржа устроила восторженный приемъ нѣсколькимъ солдатамъ, участвовавшимъ въ набѣгѣ. „Быки“ и „медвѣди“ превратились въ выучныхъ животныхъ и протаскали на плечахъ по всѣмъ заламъ биржи товарищей Джемсона. Почти четыре года пришлось потомъ ждать биржѣ выполнения завѣтнаго желанія. Пришлось основать нѣсколько газетъ (*Daily Mail*, *Evening News* и др.), которыя популяризировали бы войну, пришлось скупить прессу въ Южной Африкѣ и командировать туда своихъ корреспондентовъ (Монейпени и др.), которые сообщали бы въ Англію о страданіяхъ уитлэндеровъ. Наконецъ, желанное осуществилось. „Война эта особенно связана съ биржей,—говорить съ похвалой Чарльзъ Дюгюидъ,—она была начата ради уитлэндеровъ, изъ которыхъ многіе непосредственно заинтересованы въ приискахъ. Война породила много демонстрацій на биржѣ и вызвала взрывъ патриотизма на ней“ *). Правда, та же война вызвала страшное увеличеніе національнаго долга, потому что патриотическая биржа категорически высказалась противъ повышенія подоходнаго налога и за то, чтобы издержки были покрыты путемъ займа; правда, въ связи съ увеличеніемъ государственнаго долга, консоли упали на 20%; правда, биржа пользовалась каждымъ поражениемъ или побѣдой, чтобы поднять искусственно цѣны „кафрскихъ“ бумагъ,—но нашъ историкъ отъяняетъ лояльность биржи во все время. Одиннадцатаго октября 1899 г., когда началась война, биржа устроила большую патриотическую демонстрацію. Началась она расправой съ Крюгеромъ. Его имя „простучали“ (т. е. объявили несостоятельнымъ должникомъ), затѣмъ чучело президента повѣсили надъ порогомъ биржи. Послѣ этого биржа пропѣла національный гимнъ и „Вотъ солдаты королевы“. „Почему-то на биржѣ пришли къ ошибочному заключенію, что одна изъ фирмъ отказалась сохранить мѣсто для двухъ своихъ служащихъ, отправлявшихся на войну,—говорить нашъ историкъ. Извѣстіе объ этомъ появилось въ *Daily Mail*. Замѣтку вырѣзали и помѣстили на стѣнѣ на видномъ мѣстѣ. Биржа закипѣла негодованіемъ. Въ полдень пришелъ одинъ изъ представителей фирмы. На него набросилась озлобленная толпа, окружила со всѣхъ сторонъ, стала свистать, улюлюкать и толкать. Тутъ подоспѣли маклеры и продавцы изъ „Кафрскаго круга“; они пустили въ ходъ кулаки. Жертва, говорятъ, нѣсколько разъ падала въ обморокъ; но когда она открывала глаза,—ее снова принимались бить. Дѣльца потащили въ „Карфскій кругъ“ и мяли тамъ. Начали почему-то бить другихъ. Наконецъ, толпа выперла на улицу. Здѣсь жертву отняли и усадили въ кэбъ.—Когда маклеры и продавцы возвратились снова въ зданіе, и когда страсти остыли,—продолжаетъ нашъ историкъ,—вспомнили, что никто такъ много не по-

*) The Story of the Stock Exchange, p. 382.

жертвовалъ въ пользу раненыхъ, какъ побитый“. „Хаки“ стало на долгое время любимымъ цвѣтомъ биржи. Не только биржевики облачились въ желтые галстуки и панталоны, но даже записныя книжки, въ которыя вносились результаты игры на пониженіе и повышение, соотвѣтственно дурнымъ или хорошимъ извѣстіямъ съ театра войны,—и эти книжки были переплетены въ „постоящее хаки“ (т. е. въ матерію, изъ которой шьются солдатскіе мундиры). Въ особенности патріотизмъ биржи проявился во время „мэфекинговъ“, т. е. въ дни полученія извѣстія объ освобожденіи трехъ осажденныхъ городовъ. До того пустили въ ходъ фальшивую телеграмму объ освобожденіи Ледисмита. Всѣ „кафрскія“ бумаги сильно поднялись. Спекулянты, пустившіе въ ходъ телеграмму, сильно нажились, затѣмъ бумаги пали еще ниже, чѣмъ стояли раньше. Любопытно, что дѣйствительное освобожденіе Ледисмита совершенно не отразилось на кафрскихъ бумагахъ. Въ свое время я описывалъ въ „Русскомъ Богатствѣ“ одну изъ патріотическихъ сатурналій биржи предъ дворцомъ лорда-мэра. Я описывалъ толстыхъ джентельменовъ, которые, сдвинувъ цилиндръ на ухо, поправявъ полы черныхъ сюртуковъ, отплясывали на площади пиррическіе танцы предъ дѣвками въ шляпкахъ съ красными перьями. Я говорилъ уже про другихъ джентельменовъ, тоже въ цилиндрахъ и черныхъ сюртукахъ, кружившихся въ хороводѣ вокругъ фонарнаго столба, на которомъ повѣшенъ былъ Крюгеръ en effigie.

Теперь я возьму изъ книги нашего историка нѣсколько строкъ, дополняющихъ картину. „На биржѣ сцена была торжественная. „Рынки“ распѣвали „Rule Britannia“ и „God save the Queen“. Потомъ всѣ обезумѣли отъ восторга. Пиля за Буллера, за Уайта, за колоніальныя и отечественныя войска. „Рынки“ забавлялись, какъ дѣти. Дѣльцы гарцовали на спинахъ другъ у друга, распѣвая „Вотъ солдаты королевы“; затѣмъ кавалькада изъ шестнадцати подобныхъ всадниковъ, предшествуемая „быками“ и „медвѣдями“, дувшими, что было силъ, въ жестяныя трубы,—обѣхала всю биржу. Передъ биржей весь день продѣлывались различныя штуки... На другой день на биржѣ было не мало разсказовъ. Одинъ проснулся въ чужомъ, совершенно незнакомомъ домѣ и не зналъ, какъ попалъ туда. Другой проснулся утромъ въ развалившейся будкѣ, на окраинѣ города, увѣренный, что спитъ въ своей спальнѣ. Къ великому негодованію, онъ увидѣлъ, что въ будкѣ еще кто-то, и сталъ кричать: „какъ вы смѣли забраться въ мой домъ“! Лишь потомъ онъ убѣдился, что другой—его товарищъ по биржѣ. Оба рѣшительно не помнили, какъ очутились въ будкѣ. Третій попалъ къ себѣ, но въ карманахъ нашелъ неизвѣстно какимъ образомъ угодившіе туда дамскіе чулки, дѣтскую погремушку, клокъ волосъ, очевидно выданный изъ чьей-то бороды, суповую разливательную ложку и шесть билетовъ

перваго класса подземной желѣзной дороги“ *). „Веселье по поводу освобожденія Мэфекинга было еще большее“,—прибавляетъ авторъ. Интересно, сколько клоковъ волосъ и дамскихъ чулокъ нашли на другой день патріоты биржи у себя въ карманахъ! Я могу привести здѣсь первую строфу героической поэмы, сочиненной по поводу знаменательнаго событія однимъ изъ членовъ биржевой корпораціи. „О, Лондонъ, отложи на сегодня перо, линейку и счетную книгу. Заплетай вѣнки для побѣдителя и пой, ликую: „о-о-ла-ла-ла! Забудь, о, Лондонъ, твои торговыя дѣла. Распространяй всюду радостную вѣсть про то, что Мэфекингъ освобожденъ“. Всего лишь въ іюлѣ этого года, когда военный жаръ въ странѣ уже сильно остылъ, биржа принимала видное участіе въ большой патріотической демонстраціи, устроенной по инициативѣ лорда-мэра и корпорацій Сити — въ залѣ гильдій. Опять „быки“ и „медвѣди“ подъ предводительствомъ знаменитаго биржевого патріота Кларка (по-просту, Чарли) прошли процессіей съ музыкой и флагами. Но демонстрація ограничилась лишь этимъ, да еще патріотическимъ пѣніемъ и патріотическими восклицаніями: „вѣшать измѣнниковъ!“ „долой про-буровъ“ и т. д. Пиррическіе танцы, патріотическіе тосты, ведущіе къ ночевкамъ въ развалившейся будкѣ и пр. — все это, повидимому, отошло въ область прошлаго. Биржа, какъ мы видѣли, много кричала о своемъ патріотизмѣ. Она была даже всѣхъ тѣхъ, которые недостаточно пылко проявляли любовь къ отечеству, брала штурмомъ митинги про-буровъ и пр. Особенно много трубилъ о своемъ патріотизмѣ „Кафрскій кругъ“. Короли его были въ Кимберлеѣ во время осады. Этотъ фактъ особенно подчеркивался и ими, и пѣвцами биржи. Мы видѣли, что биржа пользовалась всякимъ моментомъ (и сочиняла даже ихъ), чтобы спекулировать на государственныя бумаги къ крайней невыгодѣ страны. Недавно выяснился еще слѣдующій любопытный фактъ. Въ засѣданіи парламента 25 іюля 1901 г. одинъ изъ ирландскихъ депутатовъ сдѣлалъ запросъ по поводу счета въ триста тысячъ ф. ст., предъявленнаго правительству Сесилемъ Родсомъ, представителемъ алмазной компаніи „Дебирсъ“. Счетъ долженъ былъ покрыть издержки, сдѣланныя компаніей во время осады Кимберлея, во время которой, какъ извѣстно, Сесиль Родсъ парадировалъ, какъ сверхпатріотъ. Послѣ снятія осады онъ похвалялся, что алмазныя россыпи охранялись не англійскими солдатами, а добровольцами, собранными компаніей. Въ счетѣ имѣются такія рубрики:

1) За вѣнокъ, возложенный на могилу убитаго	
офицера	19 ф. 10 ш.

*) The Story, etc., p. 396—97.

- 2) Наемъ кэба для газетныхъ корреспондентовъ,
находящихся при компаніи 70 ф. — ш.
- 3) Туземнымъ гонцамъ, доставлявшимъ С. Родсу
въ Кимберлей газеты изъ Моддерривера . 788 „ — „
- 4) За доставку письма С. Родса въ Мэфе-
кингъ 25 „ — „

и т. д.

Компанія поставила въ счетъ государству доставленіе газетъ С. Родсу и расходы по его частной перепискѣ. Газетные корреспонденты, которыхъ возили въ кэбѣ, это сотрудники „*Daily Mail*“ и „*Globe*“, воспѣвавшіе гражданскіе подвиги колоссальной биржевой компаніи. Счетъ возвратили обратно компаніи съ вѣжливымъ намекомъ, что нужно знать и совѣсть. Компанія уменьшила требованіе до 54,641 ф. 4 ш. 9 пенсовъ. По поводу этого счета, консервативный журналъ „*Spectator*“ говоритъ: „Сесиль Родсъ ввелъ тотъ деморализующій духъ наживы, основанной на имперіализмѣ, который, между прочимъ, создалъ великія преступленія въ странѣ матабеловъ и вызвалъ возстаніе пхъ *).

VII.

Прибавлю еще нѣсколько штриховъ, рисующихъ нравы касты биржевыхъ дѣятелей. Биржа, революционизирующая постоянно денежный рынокъ, — крайне консервативна. Въ 1893 г. она устроила большую демонстрацію противъ гомъ-руля. Охотно пользующіеся всякимъ кризисомъ своей страны требовали единства ея. Въ іюлѣ 1901 г. биржа на другомъ большомъ митингѣ требовала многочисленныхъ казней въ Южной Африкѣ. Но это говоритъ еще о грубости нравовъ биржи. Въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ классъ культурныхъ дикарей не имѣетъ столько представителей, какъ на биржѣ. Я обращаюсь за иллюстраціями къ восторженному историку биржи. Онъ приводитъ нѣсколько „шутокъ на дѣлѣ“, practical jokes, которыя въ ходу на биржѣ. Но прежде всего, что такое practical jokes? Пошутить надъ чѣмъ-нибудь—это будетъ просто „joke“. Сказать кому-нибудь, что его требуютъ по дѣлу въ комнату, и тамъ вылить ему на голову неожиданно ведро воды—это будетъ „шутка на дѣлѣ“, practical joke. Въ число „шутокъ на дѣлѣ“ входятъ подложныя телеграммы съ извѣстіемъ о смерти дѣтей или жены, невѣрное извѣстіе о разореніи и т. д. Мы, жители континента, порой рѣшительно не понимаемъ пристрастія къ „practical jokes“, которое проявляютъ почтенные джентльмены, уже полвѣка вышедшіе изъ того возраста, когда шалости (не въ такой степени грубые) понятны. Когда „practical joke“

*) «*Spectator*», 27 іюля 1901 г.

заканчивается увѣщемъ того, надъ кѣмъ „пошутили“, — это называется „horse play“. Тогда она осуждается; но все же на не ссылаются на судъ, какъ на смягчающую вину обстоятельство. „Horse play“ — достояніе подонковъ, такъ называемаго, полупреступнаго класса. „Культурные дикари“ въ цилиндрахъ и черныхъ сюртукахъ предпочитаютъ „шутки на дѣлѣ“. „Удачнымъ“ шуткамъ прессы культурныхъ дикарей посвящаетъ передовыя статьи. И нигдѣ такъ не процвѣтаютъ practical jokes, какъ на биржѣ.

„Обычная шутка это — обсыпать кого-нибудь мукой или отрубями въ то время, какъ онъ стоитъ возлѣ доски, на которой выставлены цѣны. Новичку подсовываютъ акціи не существующихъ компаній, напр., общества для эксплуатаціи шлагбаумовъ и заставъ въ Китаѣ, а не то серьезно предлагаютъ составить компанію для соединенія желѣзной дорогой океана съ небомъ. Въ видѣ „practical joke“ доставляются ложныя телеграммы (мы видѣли, что это дѣлается иногда и не „въ шутку“), а то даже отпечатываются фальшивыя проспекты. Пускаются въ ходъ „корейскія консоли“, акціи обществъ: „покупки оливковаго масла въ Греціи“, „скупки вторыхъ закладныхъ“ и пр. *). Даже нашъ историкъ, считающій эти шутки очень остроумными, находитъ, что иногда онѣ заходили нѣсколько далеко. Въ одномъ случаѣ, покупатель, который былъ увѣренъ, что приобрѣлъ состояніе, — сошелъ съ ума, когда убѣдился, что находящіяся въ его рукахъ бумаги — не имѣютъ никакой цѣны. Покупатель думалъ, что сдѣлался жертвой мошенничества, тѣмъ болѣе, что на биржѣ иногда трудно провести демаркаціонную линію между законнымъ дѣломъ и обманомъ. Другой, надъ которымъ сыграли „шутку на дѣлѣ“, считая себя разореннымъ, покончилъ самоубійствомъ. Иногда „шутники“ не прочь извлечь и денежную выгоду изъ „practical joke“. Такъ, „въ шутку“ заглядываютъ черезъ плечо въ чужія записныя книжки, чтобы узнать число бумагъ, которыя желаютъ сбыть или же приобрести. Результатомъ пользуются для чисто практическихъ цѣлей. Бываетъ, что „шутниковъ“ перехитряютъ довольно чувствительно. Одинъ изъ дѣльцовъ убѣдился, что по ошибкѣ приобрѣлъ 1,500 нежелательныхъ акцій. Онъ тогда переписалъ ихъ въ другую рубрику, въ отдѣлѣ „нужно купить“, затѣмъ нечаянно будто раскрылъ записную книжку, чѣмъ поспѣшили воспользоваться „шутники“. Изъ записи они поняли, что дѣльцу нужны 1,500 акцій и стали повышать цѣны на эти бумаги. Дѣлецъ тогда изъ своей ошибки извлекъ выгоду въ нѣсколько сотъ ф. ст.

„Practical joke“ считается также поджечь развернутую газету, въ которую углубился дѣлецъ. Англійскія газеты — очень боль-

*) The Story of the Stock Exchange, p. 170.

шія, бумага ихъ приготовлена изъ древесной пасты, въ силу этого сразу вспыхиваетъ громадное пламя, которое не только пугаетъ читающаго, но можетъ опалить ему усы и бакенбарды. Часто биржевики подкладываютъ другъ другу подъ стулъ большой лѣсной орѣхъ, начиненный порохомъ, съ горящимъ трутомъ. Шутка практикуется надъ людьми нервными, озабоченными дѣлами. Недавно такую шутку устроили надъ биржевикомъ Гарри Брауномъ. Онъ пришелъ въ ярость, крикнулъ, что отомститъ, и удалился. Черезъ полчаса онъ явился на биржу съ громаднымъ кокосовымъ орѣхомъ, къ которому былъ прилаженъ тлѣющій фитиль и положилъ все это на паркетъ. Это уже была цѣлая бомба. Шутники въ испугѣ разбѣжались во всѣ стороны; но фитиль догорѣлъ, а взрыва не послѣдовало. Въ кокосовомъ орѣхѣ ничего, кромѣ молока, не было. „Очень часто на биржѣ кому-нибудь въ лицо невѣдомо откуда летитъ гнилой апельсинъ, — говорятъ нашъ историкъ, — а то подхватятъ чей-нибудь цилиндръ и начнутъ его подбрасывать ногами, какъ въ игрѣ въ *футболъ*; любятъ также привязывать другъ другу къ заднимъ пуговицамъ коробки изъ-подъ карлсбадской соли и пр.“ *). Такъ забавляются и шалятъ дѣти, изъ которыхъ нѣкоторымъ уже подъ шестьдесятъ.

Еще болѣе грубы нравы „служителей купона“, т. е. безчисленныхъ клерковъ, работающихъ на биржѣ. Въ то время, какъ „жрецы“ забавляются наверху, клерки „шутятъ“ въ нижнемъ этажѣ, въ громадной залѣ, гдѣ работаетъ человекъ пятьсотъ. „Шумъ, гамъ и крикъ, стоящій тамъ, — не поддаются описанію, — говоритъ нашъ историкъ **). — Конечно, клерки также любятъ „шутки на дѣлѣ“, какъ и ихъ предприниматели. Пусть кто-нибудь съ нѣсколько странной наружностью (напр., съ длинными волосами или съ большой бородой) войдетъ въ залъ. Поднимется невѣроятный гвалтъ. Всѣ клерки вскочатъ на столы и начнутъ лаять, выть и ревѣть. Минутъ десять всѣ будутъ голосить: „уберите его“!

Эти яву въ цилиндрахъ и черныхъ сюртукахъ составляли центръ арміи, бравшей штурмомъ митинги „про-буровъ“. Объ идеалахъ „жрецовъ“ капища Мамоны можно судить по ихъ прессѣ, большой и малой („*Times*“, „*Daily Mail*“, „*Daily Express*“ и „*Financial News*“); но объ этомъ я уже писалъ.

Діонео.

*) The Story, etc. 173.

**) The Story, etc., p. 307.

НОВЫЯ КНИГИ.

В. А. Жуковский. Сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Изданіе десятое, исправленное и дополненное подъ ред. П. А. Ефремова.

Это однотомное изданіе, выпущенное книгопродавцемъ Глазуновымъ по весьма доступной цѣнѣ (2 р. 25 к.), конечно, встрѣчено будетъ въ литературѣ и обществѣ съ живѣйшею радостью. Черезъ годъ мы будемъ справлять 50-лѣтнюю годовщину смерти Жуковскаго; согласно русскимъ законамъ о печати, только тогда сочиненія его станутъ всенародной собственностью, однако и тогда врядъ ли будетъ многимъ дешевле подобная книга-левиафанъ (въ ней 1000 страницъ, по два убористыхъ столбца въ каждой).

Судьба сочиненій этого замѣчательнаго поэта особенно ясно показываетъ, сколько теряютъ и общество, и сами писатели отъ чрезмѣрно долгаго срока литературной собственности, установленнаго нашимъ закономъ. Дѣло въ томъ, что литературное вліяніе и значеніе Жуковскаго относятся ко второму десятилѣтію прошлаго вѣка; съ появленіемъ Пушкина, въ продолженіе слѣдующихъ 30 лѣтъ (Жуковский умеръ лишь въ 1842 году; онъ прожилъ 70 лѣтъ), онъ уже только допѣвалъ и варьировалъ на разные лады свои юношескіе мотивы, стоя совершенно въ сторонѣ отъ новаго литературнаго движенія. Раздался и безвременно смолкъ протестующій голосъ Лермонтова; Кольцовъ пропѣлъ свои чудныя народныя пѣсни; послышались скорбныя стоны музы мести и печали... Жуковский все жилъ, продолжая воспѣвать неземныхъ дѣвъ, блѣднолицыхъ рыцарей, загробныя свиданія, привидѣнія, вѣдьмъ, чертей... Естественно, что многія изъ этихъ пѣснопѣннй казались устарѣлыми даже еще при жизни поэта, вызывая лишь удивленіе къ тѣмъ простодушнымъ временамъ, когда какой-нибудь „Громобой“ могъ считаться шедевромъ искусства, будить восторги, исторгать слезы и создавать подражанія, подражанія безъ конца. Дороговизна сочиненій Жуковскаго, дѣлавшая ихъ доступными лишь богатымъ людямъ, довершила остальное, и имя пѣвца „Золотой арфы“ постепенно окружилось забвеніемъ; съ дѣйствительно слабыхъ вещей пренебрежительное отношеніе перенеслось мало-по-малу и на такія, которыя заслуживаютъ вѣчной славы и удивленія. Про современное намъ поколѣніе, кажется, безъ преувеличенія можно сказать, что оно совсѣмъ почти не знаетъ Жуковскаго (если не считать одного-двухъ десятковъ образцовъ, приводимыхъ въ школьныхъ хрестоматіяхъ),

и, быть можетъ, этимъ только незнаніемъ слѣдуетъ объяснить снисходительное временами отношеніе критики и публики къ попыткамъ современныхъ символистовъ-декадентовъ насадить у насъ ново-мистическій романтизмъ. Какъ жалко это „новое“ по сравненію съ старымъ! Тамъ, у Жуковского, всѣ эти „мертвыя невѣсты“, дающія въ лунную ночь свои поцѣлуи, были живыми поэтическими образами, создававшимися въ рамкѣ извѣстныхъ историческихъ условій, теперь это не болѣе, какъ холодная выдумка, въ лучшемъ случаѣ—„плѣнной мысли раздраженіе“: былъ звонъ, да неизвѣстно—гдѣ онъ... Не столько величина таланта спасла Жуковского отъ забвенія (вѣдь не спасла же она, напр., Державина!), сколько его глубокая искренность и задушевность,—то, что онъ дѣйствительно жилъ грѣзами своей поэзіи.

Я музу юную, бывало,
Встрѣчалъ въ подлунной сторонѣ,
И вдохновеніе слетало
Съ небесъ, незваное, ко мнѣ;
На все живое наводило
Животворящій лучъ оно,
И для меня въ то время было—
Жизнь и поэзія одно.

Только теперь, съ выходомъ перваго дешеваго изданія, все русское юношество, всѣ любители поэзіи прочтутъ, наконецъ, всего Жуковского, узнаютъ его во всей полнотѣ, поймутъ и его историческую роль, и непреходящее поэтическое значеніе. Въ короткой журнальной рецензіи эту роль и это значеніе можно отмѣтить, разумѣется, лишь въ общихъ чертахъ. Въ лицѣ Жуковского русское общество имѣло перваго по счету поэта въ подлинномъ смыслѣ этого слова, поэта, котораго полюбило не вслѣдствіе доводовъ риторики или прихоти моды, какъ оно любило раньше Ломоносова, Хераскова, Державина, Карамзина, а потому, что истинный талантъ ударилъ по сердцамъ, расшевелилъ поэтическія струны, живущія въ душѣ и самыхъ трезвыхъ, самыхъ прозаическихъ людей. До Жуковского *такой* поэзіи не существовало на Руси.

Романтизмъ Жуковского, явившійся на смѣну полной фальши ложно-классической школы, также имѣлъ, конечно, свои условности и крайности (любовь къ среднимъ вѣкамъ, мистицизмъ), но онъ силенъ былъ тѣмъ, что апеллировалъ къ живому человеческому чувству. Изображеніе души реальнаго человѣка, идеальныхъ стремленій, существующихъ въ живой дѣйствительности, было еще далеко впереди, но въ мечтательно-нѣжныхъ стихахъ Жуковского уже послышался голосъ истинной гуманной поэзіи. Въмѣстѣ съ Батюшковымъ Жуковский подготовилъ появленіе Пушкина... Но, помимо этой великой историко-литературной заслуги, произведенія его и въ наше время сохраняютъ неувядаемую, юно-

шескую свѣжесть. „Мечтательная грусть, унылая мелодія,—говорить Бѣлинскій,—задушевность и сердечность, фантастическая настроенность духа, безвыходно погруженного въ самомъ себѣ,—вотъ преобладающій характеръ поэзіи Жуковского, составляющій и ея непобѣдимую прелесть, и ея недостатокъ, какъ всякой неполноты и односторонности, и хотя содержаніе и тонъ поэзіи Жуковского суть экзотическія растенія въ отношеніи къ русской поэзіи, переселенцы съ чуждой почвы, изъ-подъ чуждаго неба, однако... Жуковскій поэтъ не одной своей эпохи. Его стихотворенія всегда будутъ находить отзвѣвъ въ юныхъ поколѣніяхъ, приготавливающихся къ жизни и еще только мечтающихъ о жизни, но не знающихъ ея“.—„И какъ не любить горячо этого поэта,—спрашиваетъ великій критикъ въ другомъ мѣстѣ.—котораго каждый изъ насъ съ благодарностью признаетъ своимъ воспитателемъ, развившимъ въ его душѣ всѣ благородныя сѣмена высшей жизни, все святое и завѣтное бытія? Это непрерывное стремленіе куда-то, это томительное позываніе въ туманную даль, за которою тускло мерцаетъ заря лучшей жизни; эта вѣчная грусть по какому-то недостижимому идеалу блаженства, тоскливое воспоминаніе о миломъ „прежде“, въ которомъ жизнь была такъ полна надеждъ и удовлетворенія; это всегдашнее недовольство настоящимъ; эта гордая и твердая вѣра въ вѣчность любви и жизни... Что это такое, какъ не первое пробужденіе духа, познававшего себя духомъ“?—„О Жуковскомъ говорятъ,—прибавляетъ ко всему этому Бѣлинскій,—что у него мало своего, но почти все переводы! Ошибочное мнѣніе! Жуковскій поэтъ, а не переводчикъ: онъ возсоздаетъ, но не переводитъ, онъ беретъ у нѣмцевъ и англичанъ только свое, оставляя въ подлинникахъ неприкосновеннымъ ихъ собственное, и потому его, такъ называемые, переводы несовершенны, какъ переводы, но превосходны, какъ его собственныя созданія“.

Въ заключеніе напомнимъ еще прелестную характеристику, данную поэзіи Жуковского Пушкинымъ:

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль.
И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль
И рѣзвая задумается радость.

Вл. Семеновъ. На дальнемъ Востокѣ. Очерки и рассказы.
Спб. 1901.

Хорошо написанной и изящно изданной книгѣ г. Семенова предшествуетъ предисловіе „отъ автора“, которое, какъ ложка дегтя въ бочкѣ меда, придаетъ произведенію г. Семенова очень непріятный отвкусъ. Безхитростный и даже нѣсколько наивный,

но искренній и интересный рассказчикъ въ текстѣ книги, г. Семеновъ является въ предисловіи довольно запальчивымъ полемистомъ, отнюдь не возбуждающимъ къ себѣ симпатіи. Полемизируетъ г. Семеновъ съ г. Станюковичемъ, котораго онъ хотя не называетъ по фамиліи, но называетъ заглавія его произведеній, такъ что никакого сомнѣнія быть не можетъ. Не наше дѣло защищать г. Станюковича, но вполне наше дѣло характеризовать писательскую личность г. Семенова, а потому мы и скажемъ, что гораздо было бы лучше и для насъ, читателей, и для самого автора, если бы онъ потихоньку и скромненько рассказывалъ, а бряцать въ литературѣ оружіемъ не пытался бы. Бряцая, г. Семеновъ ни кого другого, а самого себя ушибаетъ. Вотъ онъ что говорить, напримѣръ: „мнѣ казалось, что я обязанъ заявить свой, хотя бы и слабый и незамѣтный, протестъ противъ популярныхъ среди читающей публики „Морскихъ рассказовъ“, которые казались и посейчасъ кажутся мнѣ нѣсколько шаржированными. Можетъ быть въ дальнія времена паруснаго флота и существовали въ дѣйствительности такія дѣтски-цѣльныя, одно-сторонне-направленныя натуры, но теперь люди, населяющіе баютъ-компаніи—это тѣ же наши добрые знакомые, какихъ мы встрѣчаемъ въ повседневной жизни“ (III—IV). Мы спросимъ г. Семенова: нужно ли *протестовать* противъ изображеній дѣйствительности только (по вашему же признанію) *нѣсколько* шаржированныхъ? Вотъ какую новость (для васъ) мы вамъ скажемъ: всякій *типъ* представляетъ собою *нѣкоторый* шаржъ, изображаетъ дѣйствительность *нѣсколько* въ жомъ или другомъ смыслѣ видоизмѣненную. Въ литературѣ, какъ и въ пластическихъ искусствахъ, быть художникомъ совсѣмъ не значитъ быть копистомъ людей и природы. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, ваше замѣчаніе, что моряки—„это тѣ же наши добрые знакомые, какихъ мы встрѣчаемъ въ повседневной жизни“, совсѣмъ не вяжется съ другимъ вашимъ замѣчаніемъ, что „стальная громада, созданная великимъ царствомъ“ (т. е. по-просту паровое судно, на которомъ служилъ г. Семеновъ), „населена его (т. е. великаго царства) лучшими сынами“ (15). Не такъ ужъ много „лучшихъ сыновъ“ у Россіи, чтобы мы могли походя встрѣчать ихъ „въ повседневной жизни“, и, кромѣ того, мы находимъ нескромнымъ со стороны г. Семенова величать своихъ товарищей и сослуживцевъ—„лучшими сынами великаго царства“. Вотъ тутъ нѣтъ ли настоящаго шаржа, подлинной утрировки? Въ третьихъ—и это нашъ главный аргументъ—г. Семеновъ не въ свои сани садится, не за свое дѣло берется: онъ весьма удовлетворительный, даже хорошій пейзажистъ, а г. Станюковичъ—идейный жанристъ, такъ что другъ другу они отнюдь не указъ. „Протестъ“ г. Семенова противъ г. Станюковича не только „слабъ и незамѣтенъ“,

какъ выражается авторъ,—это просто холостой выстрѣлъ въ невѣдомое пространство.

Мы назвали г. Семенова пейзажистомъ. Дѣйствительно, картины природы да и вообще всякаго рода *внѣшнія* описанія (городовъ, храмовъ, развалинъ и проч.) у него выходятъ большею частью весьма удачными, но о людяхъ, объ ихъ психиѣ, ихъ внутренней жизни, не спрашивайте г. Семенова. Въ особенности не спрашивайте его объ его сослуживцахъ: сказано вамъ, что они—„лучшіе сыны“ Россіи—чего же еще? Матросы у г. Семенова все такіе веселые и бравые, офицеры—между собою братски-дружны, на службѣ строго-исполнительны, а командиръ... Боже, что это за идеальный командиръ! „За командирское обѣщаніе матросы были готовы работать хоть по 24 часа въ сутки“ (46). Двадцать четыре часа въ сутки... Не шаржировано ли тутъ что нибудь *несколько*? Правда, командиръ былъ не чета тѣмъ командирамъ, которыхъ показывалъ намъ г. Станюковичъ. Тѣ пороли людей линьками, направо и налево раздавали зуботычины, отъ нихъ спасались иногда, бросаясь за бортъ („Исайка“), тогда какъ у командира г. Семенова—„ни тревоги, ни нетерпѣнія не видно на этомъ худомъ, загорѣломъ лицѣ,—только выраженіе силы и спокойной увѣренности въ себѣ, передъ которой такъ благоговѣть команда“ (14). А было передъ тѣмъ благоговѣть? *Спокойная увѣренность* командира не была ли только личиною? Мы задаемъ эти вопросы потому, что, черезъ десятокъ страницъ, авторъ рассказываетъ о командирѣ, какъ онъ, „всю ночь, наклонившись надъ картой, въ тысячный разъ изучалъ сомнительные створы и растворы“ (24)... Гм! Въ *тысячный* разъ! Нѣтъ ли тутъ столь нелюбимой авторомъ шаржировки? А если нѣтъ, то тысячекратная провѣрка говоритъ ли въ пользу *спокойной увѣренности* командира? Очевидно, путаница какая-то, происходящая или отъ служебнаго усердія автора, или отъ его благодушія: за все и про все, даже за противоположныя, другъ друга исключаютія, свойства, ему хочется восхвалить свое начальство, своихъ товарищей и своихъ подчиненныхъ, т. е. матросовъ. Ну, напримѣръ, что такое, казалось бы, крикъ *ура*? По нашему простому сужденію, крикъ есть крикъ и ничего больше, а по г. Семенову, это цѣлая выразительнѣйшая арія. „Тысячи людей (эскадры, къ которой принадлежало и судно г. Семенова) напрягали всѣ силы, всю душу свою выливали въ этотъ крикъ, и страшенъ и непобѣдимъ казался этотъ ревъ одушевленной человѣческой громады. И радость, и гордое торжество, и гнѣвъ, и угроза звучали въ его могучихъ раскатахъ“ (10—11). О, Господи! Всего-то три буквы, два слога, въ междометіи „ура“, а вѣдь сколько чувствъ можно имъ выразить, даже *всю душу* можно въ немъ вылить, если вѣрить г. Семенову. Добрый человѣкъ, прекрасный товарищъ, пылкій патріотъ и довольно талантливый писатель г. Семеновъ, но ему

надо снять дымчато-розовые очки, мѣшающія ему видѣть людей и вещи въ правдивомъ освѣщеніи.

В. Янчевецкій. Записки пѣшехода. Томъ первый. Ревель. 1901.

Начиная перелистывать книжку г. Янчевецкаго, читатель встрѣчаетъ прежде всего лаконическое посвященіе: *Моему отцу*. Это хорошо, думаетъ читатель, авторъ почтительный сынъ. На слѣдующей страницѣ читатель находитъ изъясненіе благодарности автора: „приношу искреннюю благодарность кн. Э. Э. Ухтомскому, Ал. Ал. Суворину, С. Н. Сыромятникову, а также всѣмъ лицамъ, которыя оказывали мнѣ свое содѣйствіе въ моихъ скитаніяхъ по Святой Руси“. И это хорошо, думаетъ читатель, авторъ признательный человѣкъ. Непонятно только, за что же собственно благодарить онъ г.г. Ухтомскаго, Суворина и Сыромятникова? Если за „содѣйствіе въ скитаніяхъ“, тогда, вмѣсто словъ *а также*, слѣдовало поставить слово *вообще*. Но не будемъ придирчивы и ради прекрасныхъ чувствъ автора простимъ ему нѣкоторую неграмматичность выражений. На слѣдующей страницѣ читатель находитъ „народную пѣсню“, записанную авторомъ „въ деревнѣ Кузнерка Малмыжскаго уѣзда“. Довольно это странная пѣсня. Она начинается, по записи г. Янчевецкаго, такимъ несообразнымъ вопросомъ:

Что жѣ ты, лучинушка,
Не ясно горишь,
Что не вспыхиваешь?

Какая-токая лучинушка? Есть у насъ старая поэтическая пѣсня о лучинушкѣ, представляющая собою элегическую жалобу загнанной и забытой невѣстки на *свекровь лютую*, но эта пѣсня начинается не страннымъ вопросомъ ни съ того, ни съ сего, а предварительнымъ воззваніемъ:

Лучина, лучинушка, березовая!
Что же ты, лучинушка, неясно горишь?

„Да помилуйте, жалобно воскликнетъ г. Янчевецкій, я записалъ слово въ слово такъ, какъ мнѣ малмыжскій пастухъ продиктовалъ—чѣмъ же я виноватъ“! Стыдно, молодой человѣкъ, скажемъ мы, слѣпо довѣряться авторитету пастуха, хотя бы и малмыжскаго.

Не менѣе стыдно записывать, подъ видомъ „народной“ пѣсни, такія фабрично-заводскія пошлости, какъ —: „Въ лѣсъ по ягоды ходила, жука чернаго нашла“ (97) или „Дайте чернильницу съ перомъ и съ бумажкой гербовой“,—произведеніе, вѣроятно, того же талантливаго поэта, который сочинилъ не безызвѣстную пѣсню: „дайте ножикъ, дайте вилку, заколю я мово милку“. Не стоило скитаться по Россіи, чтобы подбирать въ ней подобный вздоръ и соръ.

Пѣсни, записанныя г. Янчевецкимъ, отнюдь не составляютъ главнаго содержанія его книжки: онѣ только пріятнымъ образомъ перемежаются прозаическіе рассказы изъ народной жизни собственнаго сочиненія автора. Что сказать объ этихъ рассказахъ? Намъ, знающимъ Рѣшетникова, Левитова, Николая Успенскаго, Слѣпцова, Златовратскаго и, въ особенности Глѣба Успенскаго, какъ-то странно и отчасти даже конфузно читать эти рассказы. Представьте себѣ, что вы только что вернулись съ выставки, на которой видѣли картины Рѣпина, Васнецова, Маковского и пр., а дома васъ поджидаетъ знакомый гимназистъ, который принесъ и съ гордостью показываетъ вамъ акварель собственнаго издѣлья. „Какъ вамъ нравится“? Очень, очень, голубчикъ, недурно, продолжайте, можетъ быть, впослѣдствіи и выйдетъ какойнибудь толкъ. Это самое мы жѣлали бы сказать и г. Янчевецкому. Онъ именно представляется намъ гимназистомъ 5—6 класса, сбѣжавшимъ въ глубь Россіи отъ трудностей латинской и греческой грамматики. Въ этомъ дѣлѣ ему преступнымъ образомъ помогли извѣстные противники классическаго и защитники реальнаго образованія—гг. Ухтомскій, Суворинъ и Сыромятниковъ, которыхъ авторъ и выдаетъ головою, умалчивая о другихъ своихъ пособникахъ и укрывателяхъ. Это, конечно, благородно со стороны автора: г.г. Ухтомскій, Суворинъ и Сыромятниковъ, по своей высокопоставленности, врядъ-ли чѣмъ рискуютъ, тогда какъ другія лица, если бы ихъ назвалъ авторъ, могли бы поплатиться или по статьямъ о соvrащеніи несовершеннолѣтнихъ, или по статьямъ о попустительствѣ. Столь же просто, по нашему мнѣнію, объясняется и посвященіе авторомъ своей книжки своему отцу, посвященіе, на поверхностный взглядъ довольно претенціозное: ясно, что такимъ способомъ г. Янчевецкій хотѣлъ смягчить справедливый родительскій гнѣвъ за свой побѣгъ изъ гимназіи и избавить себя отъ наказанія, быть можетъ, даже тѣлеснаго.

Скирена. Историческая повѣсть **Алексѣя Смирнова.** СПБ. 1901.

Кто-то изъ нашихъ ученыхъ историковъ довольно зло сказалъ о нашихъ историческихъ беллетристахъ: всѣ они плохо знаютъ исторію, за исключеніемъ г. Мордовцева, который не знаетъ ея вовсе. Можетъ быть, это и вѣрно, но дѣло въ томъ, что къ исторической беллетристикѣ нельзя предъявлять тѣ требованія, какія мы предъявляемъ историческимъ монографіямъ или учебникамъ. Фактическая правда и правда художественная совсѣмъ не одно и то же. Въ романѣ „Война и миръ“ — наилучшемъ изъ всѣхъ историческихъ романовъ когда либо и гдѣ либо написанныхъ—Толстой весьма нерѣдко говоритъ о тайныхъ чувствахъ и думахъ, волновавшихъ его историческихъ героев — Наполеона, Александра, Кутузова и пр., передаетъ разговоры, происходившіе

съ глазу на глазъ, такъ что ни слышать, ни записать ихъ никто не могъ, и т. п. Имѣлъ ли Толстой право поступать такимъ образомъ? Безъ всякаго сомнѣнія, имѣлъ. Художникъ не регистрируетъ факты, какъ учебникъ, не группируетъ и не освѣщаетъ ихъ съ точки зрѣнія какой нибудь теоріи, какъ историкъ,—онъ вскрываетъ ихъ внутреннюю, психологическую сущность, а въ этомъ дѣлѣ участіе творческой фантазіи и неизбѣжно, и вполне закононо. „Выдумка гдѣ?“—съ этимъ вопросомъ было бы нелѣпо обращаться къ историку, но Тургеневъ былъ правъ, задавши этотъ вопросъ молодымъ писателямъ мнимо-реалистическаго направленія. Фотографическій портретъ всегда *точнѣе*, нежели портретъ, нарисованный талантливымъ художникомъ, но который изъ нихъ болѣе *похожъ*, живѣе напоминаетъ оригиналъ? Разумѣется, послѣдній, и это именно потому, что художникъ работаетъ съ помощью творческой фантазіи и изображаетъ *физиономию* чело­вѣка, тогда какъ фотографическая пластинка только воспринимаетъ свѣто-тѣни *лица*, совершенно такъ же, какъ и свѣто-тѣни скюртука, въ который вы одѣты, и кресла, на которомъ вы сидите.

Всѣ эти элементарныя эстетическія истины не безызвѣстны г. Смирнову, но онъ понимаетъ ихъ и пользуется ими слишкомъ ужъ своеобразно. Судя по многочисленнымъ примѣчаніямъ, приложеннымъ къ повѣсти, г. Смирновъ тщательно и добросовѣстно, по первымъ источникамъ, изучилъ изображаемую имъ картину изъ жизни Византіи XI вѣка. Удовлетворительно владея литературной формой, г. Смирновъ могъ бы *сдѣлать* небезынтересный историческій очеркъ, въ родѣ византійскихъ очерковъ г. Ремезова, но роль рассказчика-популяризатора, очевидно, показалась автору слишкомъ скромной и узкой, и онъ задумалъ блеснуть художественностью. Напрасное и даже пагубное самообольщеніе! У г. Смирнова есть все, чтобы быть хорошимъ популяризаторомъ, и нѣтъ ничего, чтобы быть настоящимъ художникомъ. Говоря метафорически, у него нѣтъ никакихъ красокъ на палитрѣ и онъ, сознательно или нѣтъ, старается восполнить этотъ недостатокъ старательной ретушовкой своихъ фотографическихъ изображеній. Ужъ и старается же г. Смирновъ! „Выдумка“? „Творческая фантазія“? Да сколько вамъ угодно! Факты—фактами и въ „примѣчаніяхъ и объясненіяхъ“, приложенныхъ къ повѣсти, г. Смирновъ представляетъ документальныя данныя, въ видѣ цитатъ на греческомъ и латинскомъ языкахъ изъ разныхъ хроникъ и лѣтописей, но въ текстѣ книги, памятуя, что вѣдь онъ пишетъ не хронику, а *повѣсть*, авторъ даетъ полный просторъ своей „фантазіи“ и не скупится на „выдумки“. Героиня повѣсти, Склирена, какъ значится въ „примѣчаніяхъ“—„Constantini Monomachi Imperatoris concubina, a quo Augusta appellata est“, но въ самой повѣсти Склирена является отнюдь не простой любовницей импе-

ратора, а существомъ вполне сверхъестественнымъ. Она полубила плѣннаго варвара—славянина, который, однако, относится къ ней совершенно равнодушно, и Склирена отправляется къ „вдохновенному кудеснику, завѣтовъ грядущаго вѣстнику“ за совѣтомъ и помощью. Тутъ еще нѣтъ ничего мудренаго: и теперь не однѣ только деревенскія бабы обращаются въ подобныхъ случаяхъ къ знахарямъ и знахаркамъ. Но вотъ тутъ-то и начинаются „выдумки“ и „фантазїи“ автора. Кудесникъ прекраснымъ литературнымъ языкомъ говоритъ Склиренѣ: „Я знаю средство помочь тебѣ, слушай и рѣши, согласна ли ты. Я могу надѣлать тебя дивнымъ даромъ. Ты умѣешь играть на лютнѣ; необыкновенную силу придамъ я твоимъ пѣснямъ, чуденъ сдѣлается звукъ твоей лютни, но особенно звонка и пѣвуча станетъ главная, тонкая струна ея. Все страданіе твоего сердца перейдетъ въ звуки; каждый разъ, когда ты забудешь о себѣ для него, когда ты всю жизнь свою готова будешь разбить для его минутнаго счастья—пѣсня твоя получитъ чудесную силу и страшное могущество. Врядъ ли что (даже не *кто*, а *что*; каменные стѣны, напр.?) устоитъ передъ такою пѣсней. Но чудная связь установится между тобою и лютней, всѣ волненія твоего сердца будутъ дрожать на ея струнахъ; каждый разъ послѣ вдохновенно могучей пѣсни будетъ рваться тонкая струна, и, когда она оборвется въ третій разъ, съ нею вмѣстѣ оборвется и жизнь твоя“ (108). Какой краснорѣчивый кудесникъ! Все произошло какъ по писаному: Склирена играетъ на лютнѣ, варваръ-славянинъ млѣетъ, Склирена играетъ другой разъ—варваръ таетъ, Склирена играетъ третій разъ—варваръ падаетъ къ ея ногамъ, но тутъ какъ разъ рвется послѣдняя струна, Склирена умираетъ, а варваръ остается „при пиковомъ интересѣ“, какъ говорятъ современные гадалки. Авторъ принимаетъ живѣйшее участіе во всѣхъ этихъ диковинныхъ дѣлахъ и все пристаётъ къ читателю съ вопросомъ: „развѣ мигъ не вѣчность?“ (155 и слѣд.).—„Не совсѣмъ—бормочетъ оторопѣвшій читатель—есть маленькая разница. Коли мигъ есть вѣчность, то вѣчность есть мигъ, а это что-то не того... немножко не сообразно“.

Охъ, ужъ эти цвѣты краснорѣчія! Примите, г. Смирновъ, нашъ истинно-благожелательный совѣтъ,—бросьте беллетристику, оставьте „выдумки“, не давайте воли своей „фантазїи“ и по просту, безъ непосильныхъ для васъ затѣй, излагайте историческіе факты во всей ихъ реальной правдѣ. Всѣ будутъ въ выигрышѣ: и вы, и читатели, и мы, рецензенты, потому что, повѣрьте, намъ гораздо прїятнѣе хвалить, нежели порицать.

Труды досуга. Д-ра Ф. Фейгина. СПБ. 1901.

Г. Фейгинъ—врачъ, и мы отъ души желаемъ ему возможно большаго расширенія его практики. Читатель, конечно, понимаетъ нашу логику: будетъ у г. Фейгина большая практика—не будетъ у него досуга, а не будетъ досуга—не будетъ и „трудовъ досуга“. Соглашаемся, что это желаніе наше нѣсколько эгоистично: прекращеніе писательской дѣятельности г. Фейгина будетъ пріятно для рецензентовъ, но сопряженное съ этимъ прекращеніемъ расширеніе врачебной дѣятельности г. Фейгина будетъ ли пріятно для пациентовъ?—не станемъ рѣшать этого вопроса, а постараемся лучше *показать* читателю г. Фейгина во всей его натуральной прелести.

На первомъ мѣстѣ „Трудовъ“ стоитъ статья „Мѣры къ поднятію уровня общественной нравственности“. Статья эта „посвящается высокоуважаемому Василию Васильевичу Розанову“. Это хорошо: достойное—достойному. Кромѣ того, посвященіе это имѣетъ другой, уже чисто логическій смыслъ: г. Розановъ, какъ извѣстно, одной изъ главнѣйшихъ мѣръ для поднятія нравственности считаетъ розгу, а г. Фейгинъ, идя путемъ тѣхъ же умозаключеній, далеко опережаетъ г. Розанова и во всеуслышаніе, печатно, чернымъ по бѣлому, предлагаетъ... Не будемъ торопиться, однако. Дальше мы увидимъ, что именно предлагаетъ г. Фейгинъ, а пока спросимъ только автора: что же, такъ ужъ низокъ уровень нашей нравственности, что для поднятія его необходимо принимать особыя мѣры? О, да! По мнѣнію г. Фейгина, „общество наше все глубже и глубже погрязаетъ въ развратъ и до мозга костей проникнуто ложью и фарисейскимъ лицемеріемъ“ (3). Оглядываемся вокругъ себя, проникаемъ взоромъ внутрь самихъ себя и никакихъ особенныхъ поводовъ для тревоги и для экстраординарныхъ мѣръ не усматриваемъ: общество мы какъ общество, люди мы какъ люди, ничѣмъ не хуже другихъ культурныхъ обществъ, не хуже цивилизованныхъ людей другихъ національностей. Однако, исходя изъ этого положенія о крайней безнравственности и распущенности русскаго общества, д-ръ Фейгинъ проектируетъ рядъ практическихъ мѣръ, доказывая ихъ разумность цитатами изъ апостольскихъ посланій,—при томъ иногда перевранныхъ (см., наприм., на стр. 13—*дважды* невѣрно приведенную цитату изъ перваго посланія къ Коринѣянамъ апостола Павла). А мѣропріятія, рекомендуемыя г. Фейгинымъ для поднятія уровня нашей нравственности, таковы: Во 1-хъ, „церковь должна отпамъ холостымъ воспретить бракъ съ иною женщиною, кромѣ какъ съ тою, съ которою имъ прижиты дѣти“ (стр. 4). Во 2-хъ, „церковь, такъ же какъ и законы гражданскіе, не должна давать права на брачный союзъ людямъ завѣдомо порочнымъ и преступнымъ.—Правомъ на брачный союзъ должны пользоваться только люди свободные отъ пороковъ, люди, взаимность которыхъ не

подлежить для церкви сомнѣнію“ (10). Слѣдуетъ опять цитата изъ посланія ап. Павла къ Галатамъ, и цитата опять таки перевернутая, не только въ текстѣ, но и въ указаніи на стихъ. Въ 3-хъ, г. Фейгинъ „полагалъ бы, что по отношенію къ нимъ (къ незаконнорожденнымъ дѣтямъ) было бы и справедливѣе и для нихъ полезнѣе, если бы вмѣсто „незаконнорожденныхъ“ они назывались бы „дѣтьми безсердечныхъ и безчестныхъ родителей“ (22). Помните, читатель, у Щедрина: къ сему показанію явный прелюбодѣй такой-то руку приложилъ. Это хорошо, но званіе, придуманное г. Фейгинымъ, намъ еще больше нравится. „Вы, собственно, кто такой?“—Да я, собственно, сынъ безсердечныхъ и безчестныхъ родителей.—Превосходно, г. Фейгинъ! Превосходно, неумолимый обличитель нашей русской безнравственности! Въ четвертыхъ... приготовьтесь, читатель... въ четвертыхъ, докторъ Фейгинъ „находилъ бы вполне пѣлесообразнымъ, для воспрепятствованія пьяницамъ нарождаемымъ ими потомствомъ портить культуру человѣческую, подвергать ихъ кастраціи“ (32). Ай, батюшки! восклицаетъ оторопѣвшій читатель... Да-съ, вотъ какую „мѣру“ придумалъ д-ръ Фейгинъ. „Имѣя въ виду и принимая въ соображеніе“, какъ любить выражаться нашъ авторъ, что издревле *Руси есть веселье—пити*, что вѣдь и мы съ вами, читатель, не прочь пропустить другую—третью—четвертую, легко сообразить, какое широкое поле для дѣятельности открывается не только передъ докторами, но и передъ коновалами, съ принятіемъ проекта г. Фейгина. А какъ быть съ женщинами? Очень просто: надо поощрять проституцію. Вотъ подлинныя слова д-ра Фейгина: „хотя, благодаря успѣхамъ пресловутой „дивилизаціи“, все болѣе и болѣе разнуздывающей нравы, проституція давно уже дошла до своихъ геркулесовыхъ столбовъ, тѣмъ не менѣе если бы и оказалось возможнымъ для нея еще болѣе усилиться, то пусть усиливается“ (15). „Въ силу пословицы: на большой дорогѣ трава не растетъ—проституція приноситъ большую пользу еще и тѣмъ, что дурное сѣмя попадаетъ на неплодную почву“ (16). Любопытно сопоставить эти „мѣры“ г. Фейгина съ его же утвержденіемъ, что „если бы изъ 100 человѣкъ у 5 явилось желаніе остаться дѣвственниками, то родъ человѣческій исчезъ бы съ лица земли, лѣтъ черезъ 300 или 200, а можетъ быть и еще скорѣе“ (28). Итакъ? Выводъ, кажется, ясенъ.

„Ну, будетъ, бросьте г. Фейгина, я теперь вижу, что онъ такое“—скажетъ читатель. Нельзя бросить, не докончивши дѣла, отвѣтимъ мы. Попавъ на счастливую мысль кастрировать пьяницъ, г. Фейгинъ въ слѣдующей статьѣ „Мѣры къ улучшенію нрава опасныхъ преступниковъ“ даетъ этой мысли гораздо болѣе широкое примѣненіе: не пьяницы только, но и вообще всѣ нарушители государственнаго и общественнаго благочинія, начиная съ анархистовъ и кончая обыкновенными уголовными пре-

ступниками, подлежатъ кастрированію, по мнѣнію д-ра Фейгина. Мы опять должны привести подлинныя слова автора. „Имѣя въ виду, что половая сфера служить, безусловно, главнѣйшимъ источникомъ разврата и преступлений и, принявъ въ соображеніе, (здѣсь, какъ и въ другихъ цитатахъ, знаки препинанія—авторскіе), то парализующее вліяніе на страстность темперамента вообще, которое оскотленіе вызываетъ собою, какъ у животныхъ, такъ и у человѣка, остается только удивляться, что мѣра эта, широко примѣняемая въ отношеніи къ животнымъ, съ цѣлью укрощенія ихъ права, не нашла себѣ до сихъ поръ примѣненія съ тою же цѣлью въ отношеніи къ преступникамъ, и вообще къ людямъ, грозящимъ ли обществу опасностью или возмущающимъ его своею порочною“ (46). „Казалось бы, что, въ виду столь очевиднаго укрощающаго дѣйствія оскотленія на нравъ человѣка, ничто не представлялось бы болѣе естественнымъ, какъ внесеніе его давнымъ давно въ число мѣръ наказанія,—именно, съ цѣлью исправленія преступниковъ, жизнь которыхъ находили бы полезнымъ сохранить для государства, хотя бы только и въ качествѣ работниковъ“ (47).

Вотъ теперь, пожалуй, и кончить пора: д-ръ Фейгинъ достаточно отрекомендованъ. Если читатель волнуется и негодуетъ, то мы скажемъ, что это напрасно: г. Фейгинъ не стоитъ такого серьезнаго чувства, какъ негодованіе. Уже одна феноменальная безграмотность *доктора* Фейгина способна обезоружить критику. Въ комедіи „Коллеги“ (отмѣтимъ въ скобкахъ, что коллеги доктора почти всѣ обладаютъ „клерикальными“ фамиліями: Дьяконовъ, Вознесенскій, Просвиринъ, Крестовоздвиженскій, Успенскій, Протопоповъ и всѣ они, какъ люди, одинъ другого хуже) губернаторъ, наприм., по ремаркѣ автора, *подаетъ руку и любезно жметъ ее*. Странный способъ привѣтствія: любезно жать свою собственную руку! Тотъ же губернаторъ (и въ той же сценѣ—стр. 96) на пространствѣ *шести* строкъ *четыре* раза, по авторскимъ ремаркамъ, мѣняетъ тонъ: сначала онъ говоритъ *закинувъ голову—повелительно*, черезъ строчку—*съ раздраженіемъ и гримасой неудовольствія*, черезъ двѣ строчки—*презрительно*, а на слѣдующей строчкѣ *строго*. Удивительный губернаторъ! Но если г. Фейгинъ прелестенъ, какъ философъ, публицистъ и драматургъ, то въ роли поэта онъ просто очарователенъ. Вотъ небольшой образчикъ поэзіи д-ра Фейгина:

Хотя бъ и пошлина могла
Достигнуть тоже безъ труда,
Если бъ лишь была она
Гораздо больше велика
Чтобъ произведенія свои
Цѣной и качествомъ могли,
Заграничныхъ превзойти,
И въ рынки къ намъ закрыть пути;

Но несравненно бы скорѣй,
 Ту цѣль достигли бѣ мы вѣрнѣй,
 Когда бы вовсе запретить
 Къ намъ тѣ товары привозить,
 Въ коихъ нѣтъ у насъ нужды,
 И въ избыткѣ есть свои (387).

Вы смѣтаете, читатель? Ну, вотъ этого результата мы и добивались. Негодовать на д-ра Фейгина нельзя, ему можно только сострадать, какъ бѣдному, неизлѣчимоу графоману.

Старый Джонъ. Лѣто. Изъ галлерей современниковъ. Спб. 1901.

Герои г. Старого Джона живутъ на дачѣ и занимаются безконечными разговорами, длинными и скучными, на всякія темы— философскія, критическія, литературныя, эстетическія и инныя. Эти разговоры положительно отравляютъ дачную жизнь всей собравшейся компаніи, и только трое изъ нея пользуются лѣтомъ для своего удовольствія: самъ хозяинъ дачи, почтенный генералъ, по совѣту шведскаго „аэро-и фотопата“, бѣгаетъ на солнцѣ и воздѣхъ въ адамовомъ одѣяніи, какъ мать родила, и молодая приживалка въ его домѣ заводитъ романъ со студентомъ репетиторомъ, при чемъ оба они доводятъ его до благополучнаго конца подъ необычайный шумъ разговоровъ. Остальные только говорятъ и читаютъ другъ другу свои произведенія. Говорятъ все о возвышенномъ и важномъ, не оставляя безъ вниманія ни одной отрасли знанія, искусства и литературы. Все подвергается критикѣ и передѣлкѣ, во всемъ отбрасывается и упраздняется прошлое и предшествующее, а на его мѣсто становится новое и небывалое. Да и можетъ ли быть иначе, когда тутъ собрались не просто художники, литераторы и ученые, а художники, артисты и писатели необыкновенные, призванные дать совсѣмъ иное направленіе искусству и наукѣ, повернуть ихъ въ совершенно другую сторону. Не только имена ихъ не совсѣмъ обычные (напр., художникъ Переварцевъ, литераторъ Гекатомбовъ, профессоръ Лубоѣдовъ, психіатръ Листовертвъ, естественникъ Горорытовъ и т. д.) и говорятъ они, не строго придерживаясь предразсудковъ въ грамматикѣ и стилистикѣ,—но и по внѣшности своей они рѣзко отличаются отъ окружающихъ: нѣкій философъ, имя котораго остается въ тайнѣ, но чья „поэма“ читается вслухъ, почти не признаетъ одежды и обходится безъ крова, не смотря на дождь и снѣгъ; художникъ Краюхинъ и его другъ писатель бродятъ по колѣно въ грязи, игнорируя иные способы передвиженія, и т. д. Читалось въ этомъ учено-литературно-артистическомъ обществѣ не менѣе, чѣмъ говорилось: почти каждый изъ его членовъ имѣлъ въ запасѣ и даже въ карманѣ что нибудь изъ плодовъ своего вдохновенія и въ подтвержденіе какой либо своей мысли тотчасъ же представлялъ

вниманію слушателей изложеніе ея въ прозѣ или стихахъ. Вотъ почему добрая половина изъ того, что написано въ „Лѣтъ“ (а написано почти 300 стр.), принадлежитъ перу нашихъ удивительныхъ и эксцентричныхъ героевъ. Есть тутъ и „поэма въ пѣвучей прозѣ“, и поэма въ стихахъ, и стихотворенія въ прозѣ, и проза въ стихахъ, и просто стихи, и трактатъ о любви, и рефератъ объ этикѣ и проч., чего мы даже не перечислимъ, пожалуй. Вотъ, напр., бродячій философъ, о которомъ мы уже упоминали и котораго собесѣдники спрашиваютъ: „да вы не антихристъ-ли?“ Онъ совсѣмъ отрицаетъ современную культуру и въ поясненіе своей пропаганды предлагаетъ свою поэму „Альтруистка Сива“, которая и прочитывается съ большимъ успѣхомъ въ полномъ сборѣ нашего общества. Эта „фантазія изъ быта минувшихъ формаций“ воспѣваетъ (какъ уже сказано, „пѣвучей прозой“) одну изъ женъ людоеда, которая отдаетъ себя на съѣденіе каннибаламъ, чтобы только спасти отъ голодной смерти остальную семью. Это противопоставленіе добродѣтелей дикарки слабостямъ современныхъ дамъ тѣмъ болѣе сильно и неотразимо въ своемъ воздѣйствіи на слушателя, что сантиментальные изувѣры готовы были перегрызать другъ друга, и отецъ говорилъ сыну: „Ну, да ты, мой возлюбленный, можешь это дѣло (т. е. проѣзжему „перерѣзать засохшее горло“) поправить и сумѣешь искуснымъ ударомъ перерѣзать отцовское горло“. Понятно, что „поэма“ производитъ впечатлѣніе не на однихъ дамъ. Другіе не уступаютъ философу. Всѣ они новаторы и реформаторы въ какойнибудь области. Но главный критикъ и реформаторъ—это знакомый уже намъ литераторъ—„человѣкъ двадцатаго вѣка“ Гекатомбовъ. Идетъ онъ не снизу вверхъ, а „сверху внизъ“, идетъ „прямо“, нигдѣ не останавливаясь, черезъ всю Россію до самой Австраліи, „собираясь пройти предварительно насквозь Мессопотамію и Индостанъ“. Идетъ онъ побѣдоносно, чтобы обновить и освѣжить литературу, науку и искусство, такъ какъ, объявляетъ онъ, „все обветшало, все въ заплатахъ, все плетется на костыляхъ, перевязано бандажами“. Когда одинъ изъ его друзей подозрительно спрашиваетъ его, не есть-ли это шествіе „сверху внизъ“—просто декадентство, онъ съ негодованіемъ отвергаетъ это предположеніе и говоритъ: „Ничего декадентскаго я не совмѣщаю (?) въ себѣ, но я стремлюсь къ обновленію стараго,—прежніе мѣха (?) устарѣли,—и мѣха, и вино должно (?) быть ново“. Къ сожалѣнію, мы не узнаемъ, въ чемъ это новое заключается. Только въ одномъ мѣстѣ онъ развиваетъ мысль, что нужно писать не о томъ, что есть, а что должно быть и кажется таковымъ, больше-же всего пзбѣгать критиканства и отрицанія. Критику и критиковъ онъ ненавидитъ всѣми своими силами. Достается имъ всѣмъ. Начинаетъ онъ съ Бѣлинскаго, котораго „человѣкъ двадцатаго вѣка“ успѣшно свергаетъ съ пьедестала, под-

крѣпясь ссылками на Достоевскаго и хватаясь обѣими руками за извѣстную ошибку великаго критика въ первоначальной оцѣнкѣ тургеневскаго таланта. Будучи столь строгъ къ современной критикѣ и примѣняя къ ней пушкинское сравненіе критики съ сужденіемъ слугъ о своихъ господахъ, нашъ герой снисходителенъ только къ произведеніямъ новѣйшаго творчества, образцы котораго мы отчасти видѣли выше. Интересно, что тотъ же самый мотивъ звучитъ неослабно и въ нѣсколькихъ характеристикахъ, приведенныхъ въ концѣ книги подъ названіемъ: „Изъ галереи современниковъ“: и здѣсь критикъ и критикамъ достается не въ мѣру больше, чѣмъ другимъ „современникамъ“. Такъ, въ отрывкѣ „Гамъ“ (тоже, что хамъ) авторъ,—на этотъ разъ уже не устами умника и новатора Гекатомбова, а „собственными словами“ свирѣпо клеймитъ хамами всѣхъ, кто безъ патента и особыхъ, автору извѣстныхъ, привилегій выражаетъ свои сужденія о картинахъ, книгахъ, музыкѣ или игрѣ. „Интеллигентовъ“ онъ посрамляетъ указаніемъ на народную скромность и громить ихъ словами: „Интеллигенты, *напротивъ того*, очень любятъ критиковать ближнихъ и именно тѣхъ ближнихъ, до которыхъ имъ рукой не достать. Прочтеть онъ повѣсть и подпишетъ: Сѣю рукопись читалъ И Содержаніе Онной нѣ одобрилъ“.

Но, какъ ни страшенъ г. Старый Джонъ для критиковъ и рецензентовъ, все-таки едва ли найдется среди нихъ хоть одинъ, который рѣшится сказать, что произведеніе г. Старога Джона онъ прочелъ и „содержаніе онаго одобрилъ“.

Э. Лангъ. Мифологія. Пер. подъ ред. П. Н. и В. Н. Харузинныхъ. М. 1901.

Вопросъ о возникновеніи мифовъ имѣетъ уже очень долгую исторію. Еще древніе ученые и философы, возвысившись надъ міровоззрѣніемъ массъ, съ недоумѣніемъ спрашивали себя, откуда ихъ народъ взялъ свою мифологію: тѣ странные рассказы о походженіяхъ боговъ и героевъ, гдѣ не только сообщаются вещи совершенно невѣроятныя, но гдѣ еще, вдобавокъ, ихъ боги являются по большей части лжецами, убійцами и ворами.

Въ настоящее время существуетъ нѣсколько теорій, объясняющихъ возникновеніе мифовъ. Самая распространенная теорія, это теорія филологическая, главнымъ представителемъ которой былъ недавно умершій Максъ Мюллеръ. Теорія Макса Мюллера сводится къ тому, что мифологія есть „болѣзнь языка“. Языкъ первобытнаго человѣка отличается такою неопредѣленностью, неясностью и сбивчивостью, что даетъ поводъ для множества недоумѣній; если прибавить къ этому, что онъ измѣняется, и что слѣдующія поколѣнія могутъ помнить фразы и не помнить ихъ первоначальнаго смысла, то мы легко представимъ себѣ, что не-

совершенство языка можетъ дать основу для своеобразныхъ мифовъ.

Лангъ энергически критикуетъ эту теорію. Хотя онъ и признаетъ, что нѣкоторые мифы такъ объяснены Максомъ Мюллеромъ, что спорить противъ его объясненія невозможно, однако, онъ рѣшительно утверждаетъ, что мифы нельзя разсматривать только какъ „болѣзнь языка“, что громаднѣйшее большинство мифовъ объясняются совершенно иначе.

Лангъ есть представитель антропологической теоріи мифологій. Согласно этой теоріи, мифы являются нормальнымъ продуктомъ мышленія дикарей. Дикарь не имѣетъ представленія о личности, онъ приписываетъ всѣмъ, даже отвлеченнымъ предметамъ личное существованіе. Для него не только небо, море, вѣтеръ—люди, но также и отвлеченныя явленія—тоже люди; и при этомъ все это люди такіе же, какъ и онъ самъ, т. е. съ тѣми же умственными и нравственными качествами. Люди, животныя, растенія, камни, даже явленія природы,—все это способно превращаться другъ въ друга, все это одушевлено стремленіями и желаніями дикаря. Отсюда понятна возможность возникновенія самыхъ дикихъ мифовъ, вродѣ того, что облака поѣдаютъ звѣзды, или что темныя пятна на лунѣ произошли оттого, что ей въ лицо былъ брошенъ заяцъ.

Лангъ критикуетъ не только теорію Макса Мюллера, но и теорію Герберта Спенсера, который предложилъ болѣе сложное объясненіе мифовъ, при чемъ основнымъ факторомъ у Спенсера является поклоненіе предкамъ. Дикари постоянно носятъ имена растеній, животныхъ или небесныхъ явленій. И вотъ, если умеръ дикарь, носившій, положимъ, имя Темная Туча и совершившій на своемъ вѣку различныя дѣянія, рассказы о которыхъ переходятъ къ потомкамъ, то эти потомки скоро забудутъ, что эти дѣянія (разумѣется, еще прикрашенныя легендою) совершены человекомъ, носившимъ имя „Темная Туча“, и будутъ утверждать, что они совершены этою самою темною тучею. Лангъ находитъ, что теорія Спенсера требуетъ „громаднаго объема памяти и, въ то же время, странной склонности къ забвенію“.

Антропологическая теорія, защищаемая Лангомъ, конечно, имѣетъ большія достоинства. И она высоко цѣнится специалистами по мифологій и фольклору. Однако самъ Лангъ признаетъ, что нѣкоторые мифы нужно объяснить согласно теоріи Макса Мюллера. Мы думаемъ, что еще большее число мифовъ можно объяснять согласно съ теоріей Спенсера. Во всякомъ случаѣ, окончательная теорія мифологій еще не создана, и въ нее, безъ сомнѣнія, войдутъ элементы всѣхъ трехъ соперничающихъ теперь теорій.

Однимъ ошибками мышленія трудно цѣлкомъ объяснить всѣ мифы. Возьмемъ, наприм., готтентотскій мифъ о происхожденіи смерти. Луна послала зайца сообщить людямъ, что они будутъ

возрождаться такъ же, какъ и она. Но заяцъ, пока добѣжать, спуталъ приказаніе и сообщилъ людямъ, что они умрутъ и не возродятся. Луна разсердилась и ударомъ раздвоила зайцу губу. Что обновленіе луны могло навести готтентотовъ на мысль объ обновленіи человѣка, это вполне понятно; но почему тутъ замѣшался заяцъ? Почему существованіе „заячьей губы“ связано съ несостоявшимся безсмертіемъ человѣка?

Пока дѣло идетъ о великихъ космическихъ явленіяхъ: о грозѣ, лунѣ, солнцѣ, облакахъ и т. п., то теорія Ланга является весьма удобною. Дикарь, пытаясь дать объясненіе окружающимъ его явленіямъ и представляя, положимъ, грозу, по своему, такимъ же дикаремъ, какъ и онъ самъ, легко придетъ къ созданію миеа. Но, какъ намъ кажется, подобное объясненіе гораздо труднѣе дать въ томъ случаѣ, когда великимъ божествомъ, согласно миеу, являются такія ничтожныя животныя, какъ, наприм., паукъ или саранча. Саранча—создатель луны; какая ошибка въ мышленіи должна произойти, чтобы привести къ такому миеу? Не проще ли здѣсь предположить объясненіе, согласно теоріи Спенсера или Макса Мюллера? Вообще, путанница понятій, возникающая согласно теоріи Спенсера, гораздо прихотливѣе, своеобразнѣе и гибче. И поэтому, признавая все достоинство теоріи Ланга, мы не думаемъ, чтобы она упразднила теоріи Макса Мюллера и Герберта Спенсера.

А. Л. Волынский. Царство Карамазовыхъ. Н. С. Лѣсковъ. Замѣтки. Спб. 1901.

Среди міровыхъ писателей Достоевскій занимаетъ своеобразное мѣсто. Онъ меньше всего былъ склоненъ къ уловленію характерныхъ общественныхъ явленій, къ воссозданію типовъ, выдвигаемыхъ данною историческою эпохою, и самая крупная попытка его въ этомъ направленіи, сдѣланная въ романѣ „Бѣсы“, останется навсегда и самымъ темнымъ пятномъ его писательской карьеры. Натура въ высшей степени неуравновѣшенная, писатель въ высшей степени субъективный, онъ нашелъ свою стихію въ живописи страстей, глубокихъ и неодолимо-сильныхъ, но развивающихся на почвѣ больной психики. Въ противоположность Шекспиру, Гете, Пушкину, рисовавшимъ преимущественно типичныя, до прозрачности ясныя картины душевныхъ драмъ, онъ былъ виртуозомъ въ анализѣ тѣхъ безчисленныхъ и безконечно-мучительныхъ осложнений, которыя вносятся въ эти драмы разстройствами психической дѣятельности. „Жестокій“ въ этой виртуозности талантъ, онъ обыкновенно беретъ уже искалѣченныхъ, уже изломанныхъ людей и заставляетъ ихъ судорожно корчиться и извиваться въ тискахъ трагическаго фатума. Самъ все больше и больше отдаваясь во власть мистицизма, онъ наполняетъ имъ и

душевную жизнь своихъ героевъ, которые вслѣдствіе этого живутъ, мыслятъ, борются и гибнутъ какъ будто въ какомъ-то кошмарѣ, окутывающемъ всю ихъ судьбу. Даже колоссальное художественное дарованіе Достоевскаго не всегда спасаетъ ихъ отъ вырожденія въ безтѣлесныя символическія тѣни (Алеша Карамазовъ), но они всегда остаются созданіями въ высшей степени исключительными, одинокими, носящими на себѣ рѣзкій отпечатокъ субъективныхъ особенностей своего творца. Все это въ полной мѣрѣ относится и къ лицамъ, дѣйствующимъ въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“; создать изъ нихъ цѣлое „царство“, предполагающее большой кругъ явленій, объединенныхъ какими-то общими признаками, какими-то типическими чертами,—задача больше чѣмъ мудреная, и потому такое сочетаніе словъ, какъ „Царство Карамазовыхъ“, невольно вызываетъ недоумѣніе, которое не разсѣется и тогда, когда вы прочтете статьи г. Волинскаго, вошедшія подъ этимъ заглавіемъ въ лежащій теперь передъ нами объемистый томъ. Самъ г. Волинскій признаетъ, что все въ этомъ „обширномъ царствѣ“ „только складывается, образовывается, намѣчается“, но въ то же время онъ находитъ, что здѣсь „кристаллизуются какіе-то новые типы и новыя красоты“ (стр. 3). Въ другомъ мѣстѣ, подхватывая фразу Ивана Карамазова, г. Волинскій заявляетъ, что „царство Карамазовыхъ есть царство подростающихъ мальчиковъ“ (стр. 113), но и это эффектное опредѣленіе слишкомъ загадочно, чтобы удовлетворить любознательнаго читателя, заинтересовавшагося темой г. Волинскаго.

Но если трудно охватить богатое психологическое содержаніе „Карамазовыхъ“ въ живомъ синтезѣ, то несравненно легче собрать разсѣянные въ нихъ элементы мистической проповѣди, особенно при надлежащей готовности проникнуться ею. Именно такой проникновенностью и отличаются статьи г. Волинскаго. Судьбѣ угодно было, чтобы искатель „новой мозговой линіи“ нашелъ въ „Карамазовыхъ“ „новую красоту“ и поклонился ей съ рвеніемъ новообращеннаго. Въ „Посвященіи“ онъ пишетъ: „Уже въ самомъ процессѣ работы надъ этими статьями и потомъ, когда я просматривалъ ихъ въ цѣломъ, я сознавалъ, что нѣкое волнующее меня богофильское вѣяніе, которому я старался дать выраженіе при анализѣ Достоевскаго, прошло въ меня отъ моей матери“. Это автобіографическое признаніе, повидимому, означаетъ, что нѣкое богофильское вѣяніе прошло въ автора уже давно, раньше, чѣмъ онъ началъ писать о „Братьяхъ Карамазовыхъ“; но изъ того же признанія ясно, что „Карамазовы“ сыграли въ судьбѣ этого вѣянія у г. Волинскаго очень большую роль: только „въ процессѣ работы надъ ними и потомъ“ онъ вполнѣ отдалъ себѣ отчетъ въ этомъ вѣяніи. При такомъ сильномъ вліяніи, оказанномъ на него этимъ романомъ, г. Волинскій, конечно, уже не могъ отнестись къ нему критически. И дѣйствительно, изло-

женную въ немъ мистическую проповѣдь г. Волинскій принимаетъ, можно сказать, съ колѣнопреклоненнымъ умиленіемъ и непрерывнымъ восторгомъ. Приведа, напримѣръ, восклицаніе Дмитрія Карамазова въ его разговорѣ съ Алешей на тему о красотѣ: „Тутъ дьяволъ съ Богомъ борется, а поле битвы—сердца людей“,—г. Волинскій замѣчаетъ: „Поистинѣ можно сказать, что Достоевскій достигаетъ въ этихъ немногихъ словахъ Дмитрія Карамазова небывалой еще въ русской литературѣ глубины“. Послѣ этого можетъ, правда, показаться нѣсколько страннымъ, что г. Волинскому здѣсь „невольнo хочется... сдѣлать какую-то поправку“, которую онъ тутъ же и дѣлаетъ: оказывается, что, по г. Волинскому, дѣло, собственно, обстоитъ такъ: „Въ сердцѣ живетъ Богъ, и его-то, на этомъ именно мѣстѣ, постоянно осаждастъ дьяволъ“ (стр. 24—25). Но, въ сущности, что же тутъ страннаго? Поправка г. Волинскаго, показывающая, что онъ можетъ безъ всякаго труда, если захочетъ, превзойти и небывалую еще въ русской литературѣ глубину, только усугубляетъ то впечатлѣніе проникновенности, о которомъ упомянуто было выше. Подобнымъ же образомъ, процитировавъ слова Дмитрія о Грушенькѣ, что она—„инфернальница, царица всѣхъ инфернальницъ, въ своемъ родѣ восторгъ“,—и изъяснивъ, что вообще всякая красота инфернальна, кромѣ еще неродившейся богочеловѣческой красоты, нашъ критикъ опять восклицаетъ въ безмѣрномъ умиленіи: „Однимъ небольшимъ словомъ Достоевскій отмыкаетъ, какъ волшебнымъ ключемъ, двери, ведущія къ новой безконечности и является провозвѣстникомъ новыхъ теченій въ жизни и литературѣ. Онъ стоитъ на вершинѣ, недостигаемой для ветхозавѣтныхъ пророковъ русской литературы, и даже Левъ Толстой, мощно разгребавшій цѣлыми годами землю около этого скрытаго источника живой воды, не докопался до него“. (Стр. 12—13). Опять-таки въ лучахъ проповѣднической славы Достоевскаго скромно сіяетъ самъ г. Волинскій, сумѣвшій откопать, оцѣнить и истолковать міру великое открытіе...

А между тѣмъ, не чувствуете ли вы въ этомъ вдохновенномъ комментаріи нѣчто именно ветхозавѣтное, нѣчто покрытое плѣсенью вѣковъ (скажемъ такъ въ подражаніе образному стилю г. Волинскаго)? не слышится ли въ немъ нѣкій отголосокъ взгляда на красоту, какъ на нѣчто нечистое, идущее отъ діавола? Увы, это такъ, и такова ужъ особенность г. Волинскаго: облюбуется онъ тему, разработаетъ ее съ усердіемъ и копотливостью почти ученаго, приведетъ множество выписокъ, снабдитъ ихъ толкованіями небывалой глубины,—и въ концѣ концовъ все выйдетъ у него какъ-то наоборотъ и ни къ чему. Послѣ многолѣтнихъ напряженныхъ, хотя и безсильныхъ стараній развѣнчать „ветхозавѣтныхъ пророковъ русской литературы“,—т. е. лучшихъ дѣятелей русской общественной мысли, дѣйствительно двигавшихъ ее

впередъ,—г. Волинскій предлагаетъ намъ самоновѣйшія откровенія въ такомъ духѣ: „Человѣкъ малъ, какъ человѣкъ, какъ существо, которое хотѣло бы жить по внушеніямъ своего разсудка, но онъ великъ, когда является исполнителемъ не своей, а сверхчеловѣческой воли“ (стр. 41); г. Волинскій безконечно восхищается „чисто русской психологіей (?),—способностью къ вдохновенному (?) самоуменьшенію“ (стр. 64); г. Волинскій скорбитъ о рѣшеніи Дмитрія Карамазова бѣжать отъ незаслуженной имъ уголовной кары; г. Волинскому „больно за Митю, грустно за Христа“, ибо „дѣло именно въ томъ, чтобы, не мудрствуя, взять крестъ, посылаемый судьбою, потому что въ ея дѣйствіяхъ больше логики и высшей психологіи (?), чѣмъ въ мудрствованіяхъ даже такой чистой души, какъ душа Алеши“ (стр. 85).

Къ счастью, все это выходитъ у г. Волинскаго не столько сокрушительно, сколько смѣшно, и такой благополучный оборотъ получается именно вслѣдствіе присущей ему способности чрезвычайно легко приходить въ состояніе умиленія и восторга. Ему ничего не стоитъ, напр., вдохновиться идеей „вина, этого древняго, но вѣчно юнаго напитка, безъ котораго не можетъ обойтись ни одинъ человѣкъ, ищущій забвенія отъ скорбей, улады своимъ печалямъ, жаждущій уловить въ экстазѣ мерпаніе отдаленныхъ звѣздъ“. Это говорится по поводу опьяненія Грушеньки: теперь, т. е. подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, „она видитъ міръ такимъ, каковъ онъ въ дѣйствительности и есть, но какимъ его нельзя видѣть сквозь тусклыя понятія разсудка, какимъ можно его видѣть только въ свѣтѣ безумнаго вакхическаго умиленія... Въ ея сердцѣ... трагедія міровой борьбы между inferнальными и небесными силами вдругъ замираетъ въ проникновенномъ умиленіи передъ жизнью въ цѣломъ, въ полнотѣ (?), которая ужасно какъ хороша“. „Вотъ каково опьяненіе Грушеньки и вотъ что значить опьяненіе для глубокихъ душъ“,—наставительно заключаетъ почтенный критикъ (стр. 16—17). Нельзя не сознаться, что все это въ самомъ дѣлѣ „ужасно какъ хорошо“,—хорошо въ особенности тѣмъ убѣжденнымъ видомъ, съ которымъ все это излагается и который позволяетъ читателю тоже сдѣлать, съ своей стороны, совершенно серьезный выводъ: такъ какъ нельзя, конечно, предположить, что г. Волинскій пишетъ всѣ свои критическія изслѣдованія въ состояніи „безумнаго вакхическаго умиленія“, то онъ, г. Волинскій, долженъ признать, что въ нихъ міръ рисуется не такимъ, каковъ онъ есть въ дѣйствительности, т. е., иначе говоря, что въ нихъ все „наоборотъ“; или же, если это разсужденіе къ нему не примѣнимо, то онъ неизбѣжно долженъ согласиться на свое исключеніе изъ числа глубокихъ душъ, долженъ принять, какъ вполне имъ заслуженный, примѣрно такой приговоръ: не смотря на внѣшніе атрибуты учености и шумный пафосъ, г. Волинскій—писатель легкомысленный и поверхностный;

оттого-то въ своихъ поискахъ новаго ради новаго, поискахъ безъ руководящей нити, онъ, подъ видомъ новаго, извлекаетъ на свѣтъ ветхое, изжитое и, что хуже всего, принижющее человѣка („человѣкъ малъ, какъ человѣкъ, какъ существо, которое хотѣло бы жить по внушеніямъ своего разсудка“ и т. д.). Но при этомъ, благодаря низкой температурѣ вспышки и слишкомъ легкой воспламеняемости, г. Волынский ежеминутно самъ уничтожаетъ себя и этимъ, въ сущности, избавляетъ ненавистную ему „либеральную журналистику“ отъ неблагодарнаго труда опровергать его доводы...

Пройдемъ и мы, не останавливаясь, мимо цѣлаго ряда самыхъ громкихъ и назидательныхъ откровеній г. Волынскаго: объ „утонченномъ красноречіи адвокатуры“, „въ которомъ общество улавливаетъ для себя что-то страшно политическое, что-то страшно звонкое“ (стр. 93), „о диллетантскомъ движеніи въ духѣ материализма, которое изъ либеральной журналистики 60-хъ и 70-хъ годовъ выплеснулось на невѣжественную русскую улицу“ (стр. 68), и о многомъ другомъ. Замѣтимъ только мимоходомъ, что даже самое диллетантское движеніе въ духѣ материализма всетаки еще гораздо научнѣе вѣры г. Волынскаго въ хиромантику, исповѣдуемой въ одной изъ послѣднихъ статей разбираемаго тома, гдѣ любопытствующіе могутъ прочесть о „великихъ усиліяхъ современныхъ умовъ разгадать — черезъ анатомическіе и фیزیологическіе признаки руки — свойства душъ“ (стр. 473). Къ счастью, можно надѣяться, что этой вѣрѣ г. Волынскаго ни въ какомъ случаѣ не суждено „выплеснуться на невѣжественную русскую улицу“, а предопредѣлено такъ и остаться достояніемъ ученаго автора.

Рядомъ съ Достоевскимъ для г. Волынскаго источникомъ богосфильскихъ озареній является... Лѣсковъ, которому посвященъ слѣдующій за статьями о Достоевскомъ и почти такой же обширный (около 200 страницъ) отдѣлъ книги. Здѣсь опять такъ и льются восторги передъ Лѣсковымъ, какъ художникомъ; такъ и пестрятъ эпитеты въ родѣ „божественная“ нѣжность (стр. 294), „неземной“ юморъ (стр. 295), „почти божеская“ любознательность къ малымъ величинамъ (стр. 312), писатель „почти великій“ (стр. 394). Оказывается, что Лѣсковъ „по таланту былъ писатель, призванный... именно подчеркнуть и освѣтить величіе божественной малости (?) на землѣ“. Онъ, „какъ никто“, „умѣлъ вникать въ психологію своихъ маленькихъ героевъ обыденнаго строя жизни“... (стр. 312). И, наконецъ, — last not least, — онъ „умѣлъ оцѣнивать важныя историческія явленія, указывать ихъ недостатки, бороться съ ихъ воздѣйствіемъ“ (стр. 339).

Такое неумѣренное возвеличеніе Лѣскова очень скоро заводитъ г. Волынскаго въ трясины, изъ которой онъ уже никакъ не можетъ выбраться. Вынужденный признать, что романъ Лѣскова „На ножахъ“, долженствовалъ обличить „нигилистовъ“, напи-

санъ „какъ это ни странно, безъ сколько-нибудь замѣтнаго таланта“, г. Волинскій меланхолически замѣчаетъ: „Нельзя понять, какимъ образомъ Лѣсковъ могъ написать именно такое произведение“ (стр. 391). Въ самомъ дѣлѣ, трудно это понять, если повѣрить г. Волинскому, что Лѣсковъ умѣлъ оцѣнивать историческія явленія, и, наоборотъ, очень легко понять, если въ этомъ рѣшительномъ утвержденіи почтеннаго критика видѣть легковѣсный и тенденціозный парадоксъ, такой же примѣрно, какъ его отзывъ о „той широкой справедливости, которую умѣлъ воздавать разнымъ теченіямъ и броженіямъ русской общественности“ Достоевскій (стр. 158).

Впрочемъ, характеристика Лѣскова у г. Волинскаго не представляетъ такого сплошнаго славословія въ напряженно-приподнятомъ тонѣ, какъ статьи о Достоевскомъ. Какъ публицистъ, Лѣсковъ не внушаетъ симпатій и г. Волинскому, который справедливо отмѣчаетъ въ его статьяхъ „обиліе коварныхъ отступленій, оговорокъ и уступокъ, перемежающихся съ краснорѣчіемъ въ обычномъ патріотическомъ стилѣ“ (стр. 224), „лицемѣріе“ (стр. 225), склонность „къ боязливому замечанію старыхъ слѣдовъ“ (стр. 221), „преувеличенную ненависть къ нигилистамъ“, выражавшуюся „мстительными вспышками“ (стр. 248) Г. Волинскій тратитъ много усилій и словъ на согласованіе положительныхъ и отрицательныхъ сторонъ въ писательской фізіономіи и личномъ характерѣ Лѣскова, но такъ какъ первыя преувеличены критикомъ сверхъ всякой мѣры, а для правильной оцѣнки вторыхъ у него не хватаетъ ясной руководящей нити, то изъ всѣхъ этихъ стараній никакого серьезнаго результата не получается. Судя по нѣкоторымъ интимнымъ бесѣдамъ, упоминаемымъ въ статьяхъ г. Волинскаго, онъ состоялъ съ Лѣсковымъ въ довольно близкихъ пріятельскихъ отношеніяхъ, но это обстоятельство ему не помѣшало (а можетъ быть, оно-то и дало ему возможность) сдѣлать надъ могилой Лѣскова одно разоблаченіе, бросающее на него достаточно-таки некрасивую тѣнь. Оказывается, что, „уже примирившись“, по выраженію г. Волинскаго, „съ либералами“, Лѣсковъ „въ частныхъ письмахъ обстрѣливалъ литератора, рядомъ съ которымъ,—на страницахъ одного и того же журнала,—онъ печатаетъ, время отъ времени, свои произведенія, не лишеныя либеральнаго отгѣнка“; въ этихъ письмахъ „онъ поддерживаетъ защитниковъ философскаго взгляда на эстетику“ (философскимъ взглядомъ г. Волинскій называетъ, конечно, свой взглядъ) „и въ то же время сочувственно выводитъ въ „Чортовыхъ куклахъ“ борца за служебное искусство“. Г. Волинскій приводитъ и выдержки изъ этихъ частныхъ писемъ Лѣскова, дѣйствительно доказывающія его великое лицемѣріе. При обрисовкѣ этой малопривлекательной фігуры г. Волинскій, вообще, довольно широко черпаетъ изъ своихъ личныхъ воспоминаній.

наній, но, впрочемъ. ничего не говорить о томъ, находился ли онъ во время писанія этихъ статей тоже подъ дѣйствіемъ „нѣкоего богофильскаго вѣянія“.

Ф. Лассаль. Дневникъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Изд. Б. Н. Звонарева. Спб. 1901.

Какъ извѣстно, у Лассалья психическая и, въ частности, умственная зрѣлость наступила необычайно рано. 19-ти лѣтъ отъ роду онъ написалъ свое знаменитое изслѣдованіе о Гераклитѣ Темномъ, а 21 года открылъ не менѣе знаменитую борьбу съ графомъ Гапфельдомъ. Свои записки Лассаль началъ вести на исходѣ 15-го года, а закончилъ ихъ 16-лѣтнимъ подросткомъ, — и не смотря на это, „Дневникъ“ представляетъ выдающійся интересъ. На протяженіи какихъ-нибудь шестнадцати мѣсяцевъ, обнимаемыхъ этими записками, авторъ изъ ребенка превращается въ юношу, котораго уже глубоко волнуютъ вопросы современности, который уже предчувствуетъ и свое призваніе стать въ ряды борцовъ за лучшее будущее человѣчества.

Та быстрота, съ которой промелькнуло отрочество Лассалья, оставила на немъ, однако, и отрицательные слѣды. Слишкомъ рано начавъ участвовать въ жизни взрослыхъ, довольно низменной по характеру заполнявшихъ ее интересовъ, онъ не сознаетъ и не чуждается многихъ тѣневыхъ сторонъ этой жизни, и читателя непріятно поражаетъ по временамъ преждевременная практичность и житейская опытность этого подростка, вѣчно совершающаго какія-нибудь сдѣлки для добыванія денегъ, которыя, впрочемъ, — надо отдать ему справедливость, — тотчасъ-же снова уливаютъ изъ его рукъ, дающаго дѣловые матримоніальные совѣты своей сестрѣ-невѣстѣ и обучающаго своихъ взрослыхъ знакомыхъ приемамъ завоеванія дамскихъ сердецъ. Но, какъ это ни удивительно, вся эта грязь къ нему не пристаётъ: его охраняють рѣдкая прямота и искренность и тотъ горячій идеалистическій энтузіазмъ, который навсегда остался главною силою Лассалья, сколько бы ни толковали объ его „дьявольскомъ честолюбіи“. Сознаніе своего превосходства надъ окружающими, своихъ недюжинныхъ дарованій и воли уже пробуждается въ немъ, но сильный и свѣтлый умъ предохраняетъ его отъ всего напускного. Любя чтеніе, читая, несомнѣнно, много и вдумчиво среди разнообразныхъ развлеченій и ребяческихъ шалостей, наполняющихъ его досуги, онъ ничуть не кичится своими знаніями, своей серьезностью, — что составляетъ обычную слабость сколько-нибудь даровитыхъ дѣтей его возраста, — но брошенное вскользь тамъ и сямъ яркое замѣчаніе по поводу прочитанной книги или общественнаго событія показываетъ, что этотъ „лѣнтій“ и „шелопай“ самостоятельно и ясно мыслить, глубоко и страстно чувствуетъ и развивается съ поразительной быстротой.

Въ „Дневникѣ“ ярко вырисовывается сильная индивидуальность юнаго автора, неустанно и страстно борющаяся со всѣмъ тѣмъ, что такъ или иначе стремится принизить и обезличить ее. Во второй части „Дневника“, относящейся къ пребыванію Лассалья въ лейпцигской коммерческой школѣ, эта борьба принимаетъ все болѣе сознательный и идейный характеръ. Представители бездушной школьной рутины, которой Лассаль не хочетъ и органически не можетъ покориться, подвергаютъ его довольно суровымъ преслѣдованіямъ, вызывающимъ съ его стороны слѣдующую характерную отповѣдь, написанную въ свойственномъ Лассалю эфатическомъ и стремительномъ стилѣ: „Я открыто сказалъ бы ему (директору Шибѣ); что весь учительскій персоналъ онъ употребляетъ для шпіонства, кляузничества и выслѣживанія, шпіонить самъ, точно за государственными преступниками, чтобы открыть заговоръ, и нимало не заботится о томъ, чтобы предостеречь отъ ошибокъ 16-лѣтнихъ юношей. О, какъ бы я хотѣлъ сказать этому плутоватому деспоту какъ можно больше правды, какой онъ еще не слышалъ и не услышитъ! Я гремѣлъ бы ему въ уши до тѣхъ поръ, пока у него не лопнули бы барабанныя перепонки! Я сказалъ бы ему, и всѣ ученики подтвердили бы, что въ этой школѣ учатся только низкопоклонничать, унижаться и угождать сторожамъ“... Нѣсколько позже Лассаль заноситъ въ дневникъ признаніе, сдѣланное однимъ изъ учителей, Феллеромъ, въ частномъ разговорѣ и затѣмъ переданное Лассалю: „И директоръ, и мы, учителя, твердо рѣшили, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, удалить Лассалья изъ школы, если онъ самъ не уйдетъ. Онъ въ высшей степени опасенъ. Онъ имѣетъ уже приверженцевъ“. „Это сообщеніе,—пишетъ Лассаль,—вызвало у меня самыя разнообразныя ощущенія. Такъ далеко мое тщеславіе еще не заходило. Какъ ни велика была моя самоувѣренность, но я никогда не думалъ, что всемогущій Шибѣ боится меня, „глупаго юноши“. Ха, ха, ха! Я помиралъ со смѣху. Какъ тутъ не стать тщеславнымъ? Мало того, что я его никогда не боялся; нѣтъ, я еще для него опасенъ. Онъ боится меня—и такъ сильно. Онъ дошелъ даже до того, что признался въ этомъ Феллеру и вошелъ съ учителями въ соглашеніе—при первой возможности удалить меня. Это навело меня на серьезные размышленія, и я рѣшилъ остаться въ школѣ“...

Наравнѣ съ проявленіями деспотизма всякаго рода, въ молодомъ Лассалѣ вызываетъ страстное негодованіе и терпѣливая покорность насилію. По поводу извѣстій о гоненіяхъ на евреевъ въ Дамаскѣ, онъ восклицаетъ съ горечью: „Трусливый народъ! Ты не заслужилъ лучшей участи. Червь, попираемый ногами, и тотъ извивается, а ты склоняешься все ниже. Ты рожденъ рабомъ“! Къ той же темѣ онъ возвращается еще разъ нѣсколько позднѣе, но, повидимому, здравое общественное чутъе уже теперь предохраняетъ его отъ бесплоднаго увлеченія голой національной

идеи, и онъ переноситъ свой интересъ на болѣе широкую политическую почву. „Свобода“, „свобода народовъ“ становится отнынѣ его божествомъ, къ которому постоянно обращаются всѣ его помыслы. Объ этомъ свидѣлствуетъ цѣлый рядъ записей въ „Дневникъ“. Такъ, по поводу книги Эльснера о Наполеонѣ I онъ пишетъ; „Какой сильный языкъ, какое негодованіе противъ деспотіи тирановъ! Почти не вѣрится, чтобы у нѣмца любовь къ свободѣ была такъ сильна“. Нѣсколько дней спустя, подъ вліяніемъ „Парижскихъ писемъ“ Берне, Лассаль замѣчаетъ: „Если посмотрѣть на эту тюрьму — Германію, какъ въ ней попираются ногами человѣческія права, сердце сжимается при видѣ глупости этихъ людей“. Рано развившаяся склонность къ анализу, къ отказыванію элементарныхъ причинъ, направляющихъ дѣйствія людей, внушаетъ ему однажды скептическую мысль, которую онъ и не задумывается добросовѣстно записать: „Родись я принцемъ или княземъ, я былъ бы душой и тѣломъ аристократъ. Но такъ какъ я сынъ простого бюргера, то буду въ свое время демократомъ“.

Но этотъ червякъ скептицизма такъ и остается у него въ области умозрѣнія, не подтачивая порывовъ энтузіазма, возбуждаемаго въ немъ мыслью о самоотверженномъ служеніи лучшимъ задачамъ человѣчества, и юный Лассаль даетъ себѣ великую Ганибалову клятву: „Я хочу провозгласить свободу народамъ, хотя бы мнѣ пришлось погибнуть въ этой попыткѣ. Клянусь надзвѣзднымъ Богомъ, и проклятье мнѣ, если я нарушу эту клятву!“

Alle Menschen, gleich geboren,
Sind ein adliges Geschlecht!...

Опредѣливъ содержаніе и конечную цѣль своей будущей дѣятельности, Лассаль намѣчаетъ и тотъ путь, которымъ онъ пойдетъ. Этотъ путь — писательство, еще точнѣе — „публицистика“, которую онъ понимаетъ, какъ „пламенный призывъ къ борьбѣ за свободу“. Эта ясность сознанія, въ связи съ необычайной твердостью воли, дѣлаютъ его уже въ тотъ ранній періодъ жизни, къ которому относится „Дневникъ“, почти полновластнымъ господиномъ своей судьбы. Онъ не поддается ни школьной рутинѣ, ни силѣ другихъ внѣшнихъ условий. Промѣнявъ бреславльскую гимназію на лейпцигское коммерческое училище съ цѣлью выйти изъ затруднительнаго положенія, которое онъ отчасти самъ создалъ себѣ въ гимназіи цѣлымъ рядомъ легкомысленныхъ продѣлокъ, онъ вскорѣ приходитъ къ сознанію своей ошибки, но не ограничивается одними сожалѣніями, а настойчиво домогается возвращенія на соответствующій своимъ стремленіямъ путь и успѣваетъ убѣдить отца, — чловѣка дѣловаго, расчетливаго, практическаго и далеко не склоннаго слѣпо подчиняться прихотямъ подростка, — снова уступить его волѣ, руководимой безповоротносознаннымъ призваніемъ. Сломивъ сопротивленіе враждебныхъ

обстоятельствъ, Лассаль твердо вступаетъ на ту дорогу, дальнѣйшимъ этапамъ которой предстояло могущественно повліять на судьбы рабочаго движенія въ Германіи и своими, полными драматизма, перипетіями властно приковать къ себѣ сочувственное вниманіе всего образованнаго міра...

Къ „Дневнику“ приложено біографическое предисловіе, написанное редакторомъ нѣмецкаго изданія (вышедшаго въ Бреславлѣ, въ 1892 году), Полемъ Линдау, имя котораго безъ всякой видимой причины опущено въ русскомъ переводѣ книжки. Въ этомъ предисловіи небезызвѣстный романистъ и критикъ, лично знавшій Лассалья, даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія и разъясненія относительно лицъ и фактовъ, упоминаемыхъ въ „Дневникѣ“, а также и пытается освѣтить и самое содержаніе послѣдняго. Нельзя сказать, однако, чтобы такая попытка ему удалась. Поэтому мы мало потеряли бы, если бы собственныя соображенія біографа и не были полностью воспроизведены въ русскомъ изданіи „Дневника“. Что касается перевода, то онъ оставляетъ желать очень и очень многого. Литературныя достоинства подлинника довольно сильно пострадали въ русской передачѣ, которая сильно хромаетъ со стороны стиля и, кромѣ того, полна крайне грубыхъ погрѣшностей. Такъ, напр., Маккавей, съ которымъ сравниваетъ Лассалья біографъ, оказывается въ переводѣ „Маккаберомъ“ (Maccabäer), общественное положеніе (Ansehen) — „внѣшнимъ видомъ“, самоувѣренность — „самосознаніемъ“, реформатская гимназія — „преобразованной“ гимназіей, и пр. и пр. Кромѣ того, переводчикъ употребляетъ такія странныя выраженія, какъ „молодой юноша“, „полувзрослый юноша“ и т. д. Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ переводчикъ иногда объясняетъ читателю смыслъ иностранныхъ выраженій и фразъ, встрѣчающихся въ „Дневникѣ“, при чемъ получаютъ не малые курьезы: „Monsieur vous serez à plaindre“ переведено въ выноскѣ: „вы понравитесь“, а къ стиху „impudentiam praedicandam nec ferendam“ сдѣлано поясненіе, что онъ будто бы означаетъ: „о, безстыдство, о которомъ слѣдовало предупредить, но котораго не слѣдовало дѣлать“! Ужъ чего-чего, а такихъ поясненій дѣйствительно „не слѣдовало дѣлать“...

Начала политической экономіи съ нѣкоторыми примѣчаніями по исторіи политической экономіи. Дж. См. Милля, К. Маркса, проф. А. И. Чупрова и А. А. Исаева въ популярномъ изложеніи Н. Денисюкъ. М. 1901.

Г. Денисюкъ взялся составить компиляцію изъ трудовъ авторовъ, названныхъ въ заглавіи его книжки. Компиляціи въ нѣкоторыхъ случаяхъ бываютъ весьма полезны. Популярное изложеніе, напр., какого либо спеціальнаго, недоступнаго для „большой“ публики, научнаго или философскаго трактата можно только

привѣтствовать. Съ другой стороны, необходимымъ условіемъ для такой компилятивной работы, если она составлена изъ трудовъ нѣсколькихъ авторовъ, является однородность источниковъ. Работа г. Денисюка въ сущности не удовлетворяетъ ни одному изъ указанныхъ условій. Источники его отнюдь нельзя назвать однородными. Достаточно неопредѣленный, въ значительной степени самъ по себѣ компилятивный Милль во многомъ прямо противоположенъ оригинальному и стройному до односторонности Марксу. Учебники Исаева и, въ особенности, Чупрова обладаютъ и сами по себѣ весьма достаточною популярностью изложенія...

Въ распредѣленіи книги на отдѣлы, а послѣднихъ на главы г. Денисюкъ слѣдуетъ обычной классификаціи, съ тѣмъ, однако, отступленіемъ, что вслѣдъ за отдѣломъ „Производство“ слѣдуетъ отдѣлъ „Распредѣленіе“, а за нимъ уже „Обращеніе“, а не наоборотъ. Это, конечно, правильно, такъ какъ всякій произведенный продуктъ, вѣрнѣе цѣнность его, первоначально распредѣляется между отдѣльными агентами производства, а затѣмъ уже поступаетъ на рынокъ, въ круговоротъ обращенія. Названнымъ отдѣламъ предшествуетъ небольшое введеніе, посвященное выясненію основныхъ понятій науки. Интересно остановиться на самомъ опредѣленіи политической экономіи, даваемомъ авторомъ. Подъ политическою экономіею онъ разумѣетъ „науку о народномъ хозяйствѣ, стремящуюся установить причины и слѣдствія въ явленіяхъ хозяйственной жизни народа, разсматривая ихъ, какъ цѣлое, въ ихъ естественной, органической связи, по скольку дѣло идетъ объ удовлетвореніи матеріальныхъ потребностей“ (8—9). Не говоря уже о значительной тяжеловѣсности этого опредѣленія, необходимо признать, что оно страдаетъ и извѣстною односторонностью, по скольку въ данномъ случаѣ авторъ остался вѣрнымъ одному изъ своихъ авторитетовъ—проф. Чупрову, суживающему также предметъ политической экономіи до изученія дѣятельности, направленной къ удовлетворенію *матеріальныхъ* потребностей. Другіе экономисты, въ томъ числѣ и классическая школа, а за нею и Марксъ, опредѣляютъ политическую экономію гораздо шире: какъ науку, изучающую дѣятельность людей, направленную къ удовлетворенію *всѣхъ* потребностей, но только матеріальными *средствами*. Отсюда и взгляды данной школы на производительность труда, вызывающіе и по сей день столько споровъ. Впрочемъ, г. Денисюкъ, въ полное противорѣчіе съ только что указаннымъ опредѣленіемъ политической экономіи, считаетъ производительнымъ „всякій трудъ, прямо или косвенно способствующій созданію матеріальнаго богатства“ (38), а не только предметовъ, удовлетворяющихъ матеріальнымъ потребностямъ.

Достаточно узкое пониманіе непосредственнаго объекта политической экономіи совмѣщается у г. Денисюка съ довольно широкими рамками ея въ смыслѣ возможнаго вліянія на нее другихъ

научныхъ дисциплинъ. Такъ напр., г. Денисюкъ полагаетъ, что „наука о законахъ, управляющихъ производствомъ благъ“, т. е. политическая экономія, находится въ связи съ „наукою о мотивахъ, опредѣляющихъ волю“, т. е. съ философіей и религіей. Въ доказательство этой мысли авторъ считаетъ нужнымъ привести слова Лавелэ о томъ, что „такъ какъ человѣкъ существо разумное, свободное и способное къ совершенствованію, то экономистъ совѣтуетъ ему (?) пользоваться свободой и разумомъ“ (13). Въ разныхъ мѣстахъ книги даетъ себя непріятно чувствовать страсть автора къ сентенціямъ, которыми въ прозѣ и въ стихахъ изобилуетъ книга. Собственно главы о производствѣ, распредѣленіи, обмѣнѣ и обращеніи написаны не дурно, достаточно популярно и могутъ быть съ пользою прочтены начинающимъ читателемъ. Встрѣчаются, однако, и ошибки, и дефекты. Мало удовлетворительною является, напримѣръ, глава о поземельной рентѣ, гдѣ въ нѣсколькихъ словахъ излагается теорія Рикардо, при чемъ ни слова не говорится объ абсолютной рентѣ, которая, какъ извѣстно, столь выдвигается Марксомъ, обозначеннымъ въ качествѣ одного изъ авторовъ книги на обложкѣ ея. Вопросъ о цѣнности (которую авторъ называетъ то цѣнностью, то стоимостью) отнесенъ въ отдѣлъ обмѣна, и здѣсь совершенно игнорируются вопросы производства и распредѣленія ея. Самая теорія цѣнности изложена слишкомъ прямолинейно, безъ анализа всѣхъ ея осложнений, обнаруженныхъ изслѣдованіями послѣдняго времени. Встрѣчаются такіа неловкія выраженія, какъ „трудъ, направленный на вещи“ (87). Почему-то въ отдѣлъ обмѣна затесалась глава (XIII), трактующая объ „экономическомъ строѣ Россіи“.

Авторъ дѣлаетъ здѣсь нѣсколько укoriaзненныхъ замѣчаній насчетъ „промышленности Россіи, искусственно выросшей и взлелѣянной запретительными мѣрами и покровительственными пошлинами“, и выражаетъ сочувствіе совершенно иной экономической программѣ: „говорить объ экономическомъ будущемъ Россіи значить говорить объ ея земледѣльческой промышленности и ея „сѣятелѣ и хранителѣ“ (273—4). Въ связи съ этимъ онъ говоритъ о недостаточности внѣшняго рынка, о необходимости озаботиться расширеніемъ рынка внутренняго, о переселеніяхъ, арендѣ и т. п. Однако, весь этотъ анализъ экономическаго быта Россіи слѣдуетъ признать поверхностнымъ, написаннымъ на основаніи случайныхъ источниковъ и далеко уступающимъ по сравненію, соотвѣствующимъ частямъ учебника, напр., Исаева. Замѣтимъ также, что, касаясь въ другомъ мѣстѣ русской общины, авторъ посвящаетъ ей ровно одну страницу (91—2). Такого рода пробѣлы, которыхъ имѣется въ книгѣ нѣсколько, создаютъ неровность въ изложеніи и никоимъ образомъ не могутъ быть объяснены недостаткомъ мѣста. Нашелъ же авторъ достаточно мѣста и для обширныхъ примѣчаній о третъестепенныхъ экономистахъ,

и для главъ о страхованіи, налогахъ, бюджетѣ и займахъ (что, собственно, болѣе уместно въ учебникѣ финансоваго права), и даже для пространныхъ разсужденій, въ видѣ опять-таки особыхъ главъ (VIII и IX), по вопросу о милитаризмѣ и экономическомъ положеніи женщины. Вслѣдъ за этими главами помѣщена почему-то, довольно интересно, впрочемъ, составленная, біографія Адама Смитта. Наконецъ, къ книгѣ приложенъ библиографическій указатель книгъ и статей по исторіи политической экономіи (включая изданія классическихъ экономистовъ). — Не смотря на всѣ указанные недостатки, нельзя назвать „Начало“ г. Денисюка плохимъ учебникомъ. Является, однако, принципиальный вопросъ: целесообразно ли подобное изданіе при наличности оригинальныхъ, вполне научныхъ и достаточно популярныхъ учебниковъ?

Г. Гиббинсъ. Исторія торговли Европы, перев. съ англ. **Е. Ч.** Съ картами. Спб. 1901.

Извѣстный англійскій экономистъ-историкъ Гиббинсъ знакомъ и русской публикѣ по краткой, но интересной „Промышленной исторіи Англіи“, выдержавшей въ русскомъ переводѣ два изданія. Настоящая книжка посвящена сжатою обзору исторіи торговли всей Европы, въ которомъ, однако, Англіи отведено видное мѣсто. Авторъ начинаетъ съ обозрѣнія торговли въ древности, у Финикянъ и Карфагенянъ, въ Греціи и Римѣ, переходитъ къ торговлѣ средневѣковой и затѣмъ болѣе половины книжки удѣляетъ характеристикъ современной торговли Англіи, Франціи, Германіи, Голландіи, Россіи и другихъ государствъ.

Разумѣется, на такомъ маломъ пространствѣ, при чрезвычайной обширности темъ изслѣдованія, не нашлось мѣста для обстоятельныхъ обзоровъ и широкихъ картинъ. При томъ же эволюція характера и размѣра торговли и формъ торговыхъ отношеній здѣсь прослѣживается по отдѣльнымъ странамъ, изъ которыхъ каждой опять-таки отводится весьма ограниченное количество страницъ.

Отсюда получился, далѣе, нѣкоторый ущербъ ясности и стройности основной нити изложенія. Выводы, извлеченные авторомъ въ результатѣ анализа „Исторіи торговли“, оказались, конечно, весьма скромными. Даже въ „общемъ обзорѣ“ (стр. 212) Гиббинсъ ограничивается выводомъ, что „система строго запретительной политики прежнихъ поколѣній начинаетъ все болѣе и болѣе замѣняться принципами свободной торговли“. Впрочемъ, Англія интересуетъ Гиббинса болѣе всего, и по отношенію къ ней онъ помѣщаетъ выводы болѣе общаго характера. Такъ, анализируя положеніе Англіи на аренѣ современной міровой торговли, Гиббинсъ замѣчаетъ, что „и другія государства развили свою промышленность, земледѣліе, мореходство и торговлю, такъ что

Англія занимает теперь только первое мѣсто въ ряду многихъ другихъ, точно также торговыхъ государствъ“ (190). Здѣсь звучитъ уже нотка болѣе принципиальнаго характера, врѣзывающаяся въ самую суть современныхъ затрудненій капиталистическаго строя, вызывающихъ столько тревогъ и опасеній. Центръ тяжести книжки, впрочемъ, не въ этихъ выводахъ, а въ связномъ изложеніи основныхъ фактовъ историческаго развитія торговли важнѣйшихъ европейскихъ странъ. Книжка носитъ элементарный характеръ и переведена хорошимъ русскимъ языкомъ.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по приобретенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Ахалъ - Текинецъ (псевдонимъ). Химеры XX-го вѣка. Геній любви. Спб. 1901. Ц. 40 к.

А. Н. Емельяновъ-Коханскій. Обнаженные нервы. 2-ое изд. Москва. 1901. Ц. 1 р.

І. М. Левитъ. Стихотворенія. Кипиневъ. 1901. Ц. 50 к.

Пѣсни русскихъ поэтовъ. Сборникъ. Составила **М. А. Коломенкина**. Москва. 1900.

Первая книжка пѣсенъ. Сборникъ стихотвореній. Составила **М. А. Коломенкина**. Москва. 1900.

Вторая книжка пѣсенъ. Сборникъ стихотвореній. Составила **М. А. Коломенкина**. Москва. 1900.

Словацкіе поэты. Изд. подъ ред. **Н. Новича**. Спб. 1901. Ц. 40 к.

Альфредъ Дрейфусъ. Пять лѣтъ моей жизни. 1894 — 1899. Изд. т-ва «Знаніе». Спб. 1901. Ц. 1 р. 20 к.

А. Е. Заринъ. Увлеченія А. С. Пушкина женщинами. Спб. 1901. Ц. 30 к.

М. Чайковский. Жизнь Петра Ильича Чайковскаго. Т. II. Вып. IX. Ц. 40 к.

Е. Н. Старне. Первобытная семья, ея возникновеніе и развитіе. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1901. Ц. 1 р. 60 к.

В. Мининъ. Дедуктивная и индуктивная логика. Библіотека для самообразованія. Москва. 1901. Ц. 1 р. 75 к.

П. Карпеевъ. Николай Михайлов-

скій и его значеніе въ русской литературѣ (Оттискъ изъ Львовскаго «Научно-Литературнаго Вѣстника» за 1901 г.).

Литературная хрестоматія для всѣхъ. Составлена Одесскимъ обществомъ любителей науки, литературы и искусства. Т. I, вып. II. Одесса. 1901. Ц. 1 р. 25 к.

Дѣло дворянъ Безмѣновыхъ. Спб. 1901. Ц. 20 к.

Ф. П. Будневичъ. Частный проектъ гражданскаго уложенія Россійской Имперіи. Варшава. 1901. Ц. 2 р.

Е. Я. Загорскій. Теорія желѣзнодорожныхъ тарифовъ. Спб. 1901. Ц. 3 р.

Отзывы о результатахъ введенія казенной продажи питей, поступившіе въ м-во финансовъ. Спб. 1901.

Н. А. Бородинъ. Уральскіе казаки и ихъ рыболовство. Изд. «Вѣстника казачьихъ войскъ». Спб. 1901.

Прот. **І. Булыгевъ**. Судьбы православія въ Прибалтійскомъ краѣ. Изд. П. П. Сойкина. Спб. 1901. Ц. 25 к.

Врачъ **П. Ф. Кудрявцевъ**. О влияніи школы на здоровье школьника. Симбирскъ. 1901.

Проектъ реформы средней школы. Инженера **Г. М. Кантелъ**. Спб. 1901.

Сельскія школы Тамбовской губ. Изд. Тамбовской губ. управы. Тамбовъ. 1901. Zemstvo du Gouvernement de Viatka. Par Goloubeff. Paris. 1900.

Обзоръ дѣятельности министерства земледѣлія и госуд. имущ. за 7-ой годъ его существованія. Спб. 1901.

Краткія справочныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ русскихъ хозяйствахъ. Вып. II. Спб. 1901.

Л. П. Смиренко. Иллюстрированное описаніе маточныхъ коллекцій питомника.

О результатахъ научныхъ изслѣдованій, произведенныхъ надъ механическими фильтрами въ Америкѣ. Докладъ инженера *Н. П. Зими́на*. Москва. 1901.

Американскій способъ очищенія воды и различныя системы фильтровъ. Очеркъ инженера *Н. П. Зими́на* и *О. Н. Зиминой*. Москва. 1901. Ц. 75 к.

А. Каве. Математическій анализъ игры въ рулетку. Москва. 1901. Ц. 3 р.

В. А. Дюновъ. Курсъ двойной итальянской бухгалтеріи. Москва. 1901. Ц. 75 к.

Учительскій календарь. Составилъ *М. Герасимовъ*. Изд. бр. Башмаковыхъ. Двѣ части. Спб. 1901.

Отчетъ за 1900 г. Общества для распространенія св. писанія въ Россіи. Спб. 1901.

Отчетъ о дѣятельности консултантшъ помощ. прис. повѣр. при Московскомъ мировомъ съѣздѣ за 1900 г. Москва. 1901.

Отчетъ о дѣятельности Пермскаго библиотечнаго общества имени Д. Д. Смышляева за 1899—1900 г. Пермь. 1901.

Отчетъ Иваново-Вознесенской общ. публ. библіотеки за 1900 г. Владимірь. 1901.

С. Васюковъ. Цѣлебный край. Кавказскія минеральныя воды. Оригинальный литературно-художественный путеводитель съ рисунками и пр. Спб. 1901.

Форма и содержаніе въ произведеніяхъ искусства *).

(Нѣсколько словъ о «религіи красоты» и о «красотѣ зла»).

I.

Вопросъ о значеніи формы и содержанія въ произведеніяхъ искусства, о взаимномъ отношеніи этихъ двухъ элементовъ художественнаго творчества можетъ, на первый взглядъ, показаться вопросомъ чисто-академическаго характера, стоящимъ совершенно въ сторонѣ отъ той большой дороги, по которой идетъ современная мысль со всѣми ея тревожными запросами. Въ самомъ дѣлѣ, форма и содержаніе... развѣ это не одинъ изъ тѣхъ отвлеченныхъ вопросовъ, на которые были такъ падки трактаты старой классической эстетики, безапелляціонно разрѣшавшіе всякія сомнѣнія, исходя изъ разъ на всегда установленныхъ, строго определенныхъ категорій, схемъ, дѣленій и подраздѣленій! А разъ это такъ, то умѣстно-ли удѣлять ему время, когда истекшее девятнадцатое столѣтіе завѣщало намъ такъ много иныхъ вопросовъ, болѣе реальныхъ, болѣе жизненныхъ и настойчиво требующихъ

*) Публичная лекція, прочтенная въ Парижѣ. 6 апрѣля 1901 г.

отвѣта? Но въ томъ-то и дѣло, что въ наше время вопросы теории искусства все болѣе и болѣе выходятъ изъ заоблачной сферы отвлеченныхъ разсужденій и становятся, напротивъ, предметомъ точнаго научнаго изслѣдованія, а съ другой стороны, по мѣрѣ того какъ искусство становится все болѣе и болѣе доступнымъ массѣ, оно такъ тѣсно переплетается съ жизнью, играетъ и призвано играть въ дальнѣйшей эволюціи человѣчества такую крупную роль, что игнорированіе его было бы непростительной ошибкой.

Что касается въ частности вопроса о формѣ и содержаніи въ произведеніяхъ искусства, то на немъ тѣмъ болѣе интересно и умѣстно остановиться, что его новѣйшая исторія представляетъ одну изъ любопытнѣйшихъ сторонъ той сложной и многообразной, какъ узоры калейдоскопа, „современной смуты“, характерныя черты которой такъ мѣтко уловилъ Н. К. Михайловскій. Эта новѣйшая исторія занимающаго насъ вопроса неразрывно связана съ возникновеніемъ такихъ теченій въ искусствѣ, какъ декаденство и символизмъ, и, чтобы показать, какъ далеко зашла въ этомъ отношеніи „смута“ умовъ, достаточно будетъ напомнить, что эти новыя теченія проникли въ Россію отчасти подъ флагомъ марксизма. Конечно, самъ по себѣ, какъ доктрина, марксизмъ совершенно не при чемъ въ этомъ увлеченіи „новыми“ вѣяніями въ искусствѣ нѣкоторыхъ изъ его адептовъ. Но такова ужъ, надо полагать, чарующая сила нѣкоторыхъ словъ, что эпитетъ *новый* мѣшаетъ порой разглядѣть, что именно кроется подъ этимъ „новымъ“, подъ новыми вѣяніями, „новымъ“ настроеніемъ, новыми теченіями. Не избѣжалъ этого обаянія „новаго“ даже и такой солидный журналъ, какъ „Вѣстникъ Европы“. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, одинъ изъ сотрудниковъ этого органа, давая отчетъ о художественномъ отдѣлѣ всемирной выставки и считая необходимымъ познакомить предварительно русскаго читателя съ господствующими во Франціи взглядами на искусство, высказалъ по этому поводу довольно любопытныя вещи, на которыхъ я нахожу не лишнимъ остановиться, какъ на прекрасномъ образчикѣ той путаницы понятій, которую внесли съ собой такъ называемыя новыя теченія въ искусствѣ.

„По нашему мнѣнію“, писалъ корреспондентъ „Вѣстника Европы“ *), „на первомъ планѣ слѣдуетъ выяснить, что сюжетъ, тема въ живописи или скульптурѣ *никакого значенія* (курсивъ въ подлинникѣ) не имѣетъ... Но, насколько мы могли замѣтить, у образованныхъ русскихъ людей, даже у нѣкоторыхъ русскихъ художниковъ, сюжетъ еще играетъ довольно важную роль. Они не подозреваютъ, что они „отстаютъ“ на цѣлые пол-

*) „Вѣстникъ Европы“, іюль 1900 г., стр. 318—322.

вѣка“. Бросивъ мимоходомъ по адресу „образованныхъ русскихъ людей и даже нѣкоторыхъ русскихъ художниковъ“ упрекъ въ отсталости не болѣе, не менѣе какъ на цѣлые полвѣка, авторъ продолжаетъ: „Инынѣ вполнѣ установленъ такой взглядъ: сюжетъ въ живописи никакого значенія не имѣетъ—все равно, что сюжетъ въ музыкѣ или слова въ пѣніи... То же самое можно сказать и о художественныхъ произведеніяхъ литературы... Интересно отмѣтить, что образованные французы совершенно иначе оцѣниваютъ художественно-литературное произведение, чѣмъ образованный русскій человѣкъ“. Какъ иллюстрацію къ этому послѣднему положенію, г. М. приводитъ такой фактъ: нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ захотѣлъ познакомить „очень образованную французскую семью“ съ произведеніями Тургенева и далъ ей „Дворянское гнѣздо“. Черезъ нѣсколько дней, онъ нашелъ семью въ восторгѣ: „Вотъ—сказали ему—чистое искусство, настоящая соната Шумана, гдѣ начальный мотивъ возвращается въ концѣ нѣсколько измѣненнымъ, меланхолическимъ“. Корреспондента „Вѣстника Европы“ этотъ своеобразный отзывъ о „Дворянскомъ гнѣздѣ“ привелъ, должно быть, въ не меньшій восторгъ, чѣмъ романъ Тургенева—французскую семью, и онъ такъ продолжаетъ свои смѣлыя обобщенія: „Что мы сказали о музыкѣ и о художественной литературѣ, примѣняется вполнѣ къ живописи. Сюжетъ въ живописи или скульптурѣ—только *предлогъ* (курсивъ подлинника) для гармоническихъ красокъ, формъ и линий. Такъ сюжетъ понимали древніе; такъ его понимали знаменитые итальянцы эпохи возрожденія; такъ его понимали голландцы, и такъ его понимаютъ новѣйшіе французы... Политическія или социальныя событія послѣднихъ десяти лѣтъ на искусствѣ нисколько не отразились. „Художники французскіе довели технику до большого совершенства“—это совершенно вѣрно. Но подъ техникой они подразумеваютъ умѣнье владѣть красками такъ, чтобы возможно вѣрнѣе, возможно искреннѣе воспроизвести жизнь и природу и воспроизвести средствами наиболѣе простыми. Живопись есть гармонія красокъ, подобно тому, какъ музыка есть гармонія звуковъ. Что та и другая могутъ вызвать въ немъ тѣ или другія думы—это несомнѣнно; но художникъ долженъ заботиться только о лучшей гармоніи, а не о сюжетѣ. Одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ современныхъ живописцевъ, американецъ Whistler часто называетъ свои картины просто: *Гармонія въ сѣромъ, Гармонія въ розовомъ*. Эти „гармоніи“ были просто портреты молодыхъ женщинъ. Была также картина подъ названіемъ: *Гармонія въ зеленомъ*“.

Этими словами и заканчивается характеристика господствующихъ, по увѣренію автора, во Франціи взглядовъ на искусство и, какъ сейчасъ упомянутой французской „очень образованной семьи“, намъ остается только воскликнуть: вотъ чистое искус-

ство! Не картины съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ содержаниемъ, а просто *гармоніи*: гармонія въ сѣромъ, гармонія въ розовомъ, гармонія въ зеленомъ!..

Такъ ли это, однако? Дѣйствительно ли этотъ безконечный рядъ „гармоній“ возможно вѣрнѣе и возможно искреннѣе воспроизводить жизнь и природу? Повседневный опытъ достаточно убѣдительно говоритъ намъ, что ни природа, ни еще меньше, конечно, жизнь не знаетъ такихъ сплошныхъ, монотонныхъ гармоній. Напротивъ, окружающая насъ дѣйствительность производитъ прямо противоположное впечатлѣніе—она поражаетъ зачастую своими причудливыми контрастами:

Какой нестройный гулъ, и какъ пестра картина!
Здѣсь—поцѣлуй любви, а тамъ—ударъ ножомъ;
Здѣсь нагло прозвенѣлъ бубенчикъ арлекина,
А тамъ идетъ пророкъ, согбенный подъ крестомъ.
Гдѣ солнце, тамъ и тѣнь! Гдѣ слезы и молитвы,
Тамъ и голодный стонъ мятежной нищеты;
Вчера здѣсь былъ разгаръ кровопролитной битвы,
А завтра—расцвѣтутъ душистые цвѣты.

И если дѣйствительно задача искусства состоитъ въ томъ, чтобы „возможно вѣрнѣе и возможно искреннѣе воспроизвести жизнь и природу“, то почему его вниманіе должны поглощать исключительно „душистые цвѣты“ и „поцѣлуй любви“, тогда какъ „ударъ ножомъ“ и „голодный стонъ мятежной нищеты“ для него какъ будто и не существуютъ? Поклонники чистаго искусства, искусства для искусства не затруднятся, конечно, отвѣтить на этотъ вопросъ: да очень просто—скажутъ они—именно потому, что, въ противоположность „голодному стону мятежной нищеты“, явленію несомнѣнно уродливому, душистые цвѣты и поцѣлуй любви, какъ проявленія гармоніи и красоты, вполне достойны искусства. Такъ говорила и старая эстетика, для которой красота, одна только красота, красота сама по себѣ, внѣ всякаго отношенія къ живымъ потребностямъ и стремленіямъ человѣка, составляла альфу и омегу всего искусства, его исходный пунктъ и конечную цѣль. И какъ бы только для того, чтобы лишній разъ показать, что ничто не ново подъ луной, самоновѣйшіе „эстеты“, такъ гордо заявляющіе о своемъ отреченіи отъ всякихъ традицій, пытаются въ сущности воздвигнуть свой храмъ чистаго искусства на жалкихъ развалинахъ весьма обветшалой, хотя и знаменитой нѣкогда, триады „абсолютнаго добра, абсолютной истины и абсолютной красоты“. Но если эта триада даже, такъ сказать, въ полномъ своемъ составѣ позволила только создать своего рода воздушный замокъ, не лишенный, быть можетъ, нѣкоторой стройности и архитектурной законченности, но все-таки ни болѣе, ни менѣе какъ воздушный замокъ, то чего же ждать отъ постройки, которую хотятъ возвести на единствен-

номъ уцѣлѣвшемъ или, по крайней мѣрѣ, кажущемся таковымъ членъ триединой формулы — на абсолютной красотѣ! Оправдывается-ли хоть сколько-нибудь эта, какъ ее громко называютъ, „религія красоты“ — оправдывается-ли не съ точки зрѣнія справедливости, не съ точки зрѣнія морали (эти понятія представляютъ для „эстетовъ“ лишенные содержанія звуки), а просто въ томъ смыслѣ, имѣетъ-ли она подъ собою реальную почву, вытекаетъ-ли она изъ психологіи человѣка, изъ его потребностей и стремленій? Иными словами, дѣйствительно-ли объ искусствѣ вообще можно сказать то же самое, что сказалъ въ высшей степени несправедливо Бодлэръ о поэзіи „la poésie n'a pas la Vérité pour objet, elle n'a qu'Elle-même?“ Дѣйствительно-ли искусство есть ни что иное, какъ утонченный, самодовольствующій культъ особаго божества, возникающій изъ якобы присущаго человѣку стремленія къ красотѣ, какъ къ одному изъ проявленій абсолютно совершеннаго?

II.

Какъ ни мало выясненъ до сихъ поръ въ наукѣ вопросъ о возникновеніи искусства, но всѣ собранныя по этому предмету данныя согласно свидѣтельствуютъ о томъ, что на своихъ начальныхъ ступеняхъ развитія искусство не только не стояло выше жизни и вѣе ея, отвѣчая какой-то отвлеченной потребности въ прекрасномъ, а, напротивъ, на каждомъ шагѣ тѣсно связывалось съ реальнымъ міромъ. Тотъ палеолитическій человѣкъ, который выгравировалъ на хранящейся въ Сенъ-Жерменскомъ музеѣ костяной пластинкѣ изображеніе мамонта, былъ, конечно, далеко хотя бы отъ безотчетнаго поклоненія абсолютной красотѣ. Такъ же далека отъ этого была и древнѣйшая поэзія, представлявшая смѣшеніе слова или, вѣрнѣе, односложныхъ восклицаній, мимики, пляски и музыки и тѣсно связывавшаяся съ обыденной жизнью, съ обрядами и, отчасти, а, можетъ быть, даже главнымъ образомъ, съ работой, какъ это доказываетъ К. Бюхеръ въ своей весьма интересной и поучительной книгѣ „Работа и ритмъ“ *). Но — скажутъ намъ — вольно же вамъ рыться въ „преданіяхъ старины глубокой, дѣлахъ давно минувшихъ дней“: по уродливымъ, далеко въ глубь вѣковъ уходящимъ корнямъ вы не можете, конечно, судить о могучемъ стволѣ, выросшемъ, правда, на этихъ же корняхъ, но уже давно раскинувшемъ въ ширь и въ высъ свои вѣчно зеленныя вѣтви, символъ незыблемой красоты. И вотъ мы смотримъ на эти болѣе позднія, болѣе зрѣлыя, болѣе совершенныя произведенія искусства и что же? Мы прежде всего за-

*) Bücher. *Arbeit und Rhythmus*; Лейпцигъ, 1899.

мѣчаемъ, что даже въ самыя блестящія эпохи своего расцвѣта искусство никогда не отождествляется съ абсолютной красотой; мало того, наряду съ прекраснымъ оно почти такъ же любовно удѣляетъ свое вниманіе элементу прямо противоположному—*уродливому*. И это, повторяю, въ самыя блестящія эпохи художественнаго творчества. Въ Греціи, гдѣ въ силу природныхъ и общественныхъ условій, культъ красоты достигаетъ своего наивысшаго напряженія, художественная фантазія создаетъ, однако, цѣлый міръ чудовищъ: кентавровъ, стоглавыхъ драконовъ, семиглавыхъ гидръ и т. п. И если даже оставить въ сторонѣ такіе чисто фантастическіе образы,—многочисленные примѣры которыхъ мы находимъ хотя бы при осмотрѣ одного только Собора Парижской Богоматери,—то въ искусствѣ еще остается, кромѣ того, цѣлая обширная область *уродливаго* реального, область настолько обширная, что она дала возможность Шарко и Полю Рише собрать весьма богатый матеріалъ, послужившій имъ для извѣстной книги, еще далеко, однако, не исчерпывающей сюжета, *Les déformés et les malades dans l'art* („Уроды и больные въ искусствѣ“). Тутъ мы уже имѣемъ дѣло не съ фантазіей художника, а съ самой жизнью, съ патологическими отклоненіями, воспроизведенными на столько реально, что эти изображенія пріобрѣтаютъ глубокий интересъ даже съ чисто медицинской точки зрѣнія.

И этимъ сюжетамъ, столь далеко стоящимъ не только отъ абсолютно прекраснаго, но и отъ красоты, понимаемой въ самомъ вульгарномъ смыслѣ слова, посвящаютъ свое вниманіе величайшіе мастера кисти и рѣзца. Вы прекрасно помните, конечно, въ Луврѣ, въ Salon carré, картину Поля Веронзза „Бракъ въ Канѣ“: трудно представить себѣ обстановку болѣе пышную, болѣе великолѣпную, чѣмъ эта роскошная зала съ ея импозантной колоннадой, гдѣ за столомъ возсѣдаютъ драпированные въ блестящія венеціанскія одежды персонажи, писанные большей частью съ монарховъ различныхъ европейскихъ дворовъ того времени, и тутъ же... на первомъ планѣ картины, передъ вами уродливый карликъ съ искривленными, рахитическими ногами! Вы скажете, что въ XVI вѣкѣ, къ которому относится эта картина, присутствіе карликовъ и шутовъ составляло такой неотъемлемый элементъ всякаго придворнаго пиршества, что художнику трудно было не считаться съ нимъ, если только онъ хотѣлъ остаться сколько-нибудь вѣрнымъ дѣйствительности. Но вотъ имѣющаяся въ Луврѣ же другая картина голландскаго художника Мора „Le Nain de Charles-Quint“ — посмотрите этотъ портретъ карлика, взгляните въ это уродливое лицо, замѣтите этотъ пронизывающій васъ насквозь взглядъ сверкающихъ сосредоточенной злобой глазъ, и вы, быть можетъ впервые, невольно задумаетесь надъ сложной психикой этого рода „отверженныхъ“, миссія которыхъ состояла въ увеселеніи праздныхъ вѣнценосцевъ добраго стараго

времени униженіемъ чловѣческаго достоинства, и вмѣстѣ съ тѣмъ вы поймете, что искусство не сводится къ поклоненію красотѣ, къ религіозному экстазу художника или зрителя передъ формой...

Но оставимъ въ сторонѣ изображенія физическихъ недостатковъ и возьмемъ картину, не преслѣдующую подобной цѣли—хотя бы „La Kermesse“ Рубенса. Развѣ безшабашно пирующие персонажи этой картины, съ ихъ огрубѣлыми лицами и обезформленными отъ неумѣренной ѣды туловищами, не идутъ въ разрѣзъ съ самыми элементарными понятіями о прекрасномъ, а между тѣмъ никакому строгому цѣнителю искусства, конечно, и въ голову не придетъ исключить эту картину изъ области художественнаго творчества; напротивъ, строгій критикъ, по всей вѣроятности, поставитъ эту картину даже выше многихъ аллегорическихъ композицій того же Рубенса, въ которыхъ красота формы играетъ, однако, очень видную и даже преобладающую роль.

Представимъ себѣ, наконецъ, картину, посвященную, въ противоположность предыдущимъ примѣрамъ, изображенію красоты—вотъ, скажемъ, полотно, рисующее намъ великолѣпный горный пейзажъ: спросимъ себя, почему намъ нравится эта картина, только-ли потому, что на ней въ чарующей глазъ гармоніи представлены красиво изрѣзанныя вершины снѣжной цѣпи, причудливые изгибы горнаго потока, пѣнящаяся и сверкающая на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги вода... Но мы видѣли тотъ-же пейзажъ въ дѣйствительности, и на многихъ изъ насъ всѣ эти красоты природы, однако, не произвели такого сильнаго впечатлѣнія, какъ это небольшое полотно съ его разноцвѣтными пятнами и мазками. Были, правда, и такіе, которыхъ дѣйствительность поразила сильнѣе, чѣмъ ея художественное изображеніе, но вѣдь не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ дѣйствительности вы находились не только подъ вліяніемъ зрительныхъ впечатлѣній: ваше непривычное ухо жителя городовъ поражала эта тишина заколдованнаго горнаго царства, тишина, съ которою какъ бы только гармонировали и шумъ потока, и слабо доносившаяся изъ долины своеобразная мелодія альпійскихъ колокольчиковъ, ваши легкія жадно вдыхали бодрящій, горный воздухъ, пропитанный ароматомъ душистыхъ травъ, и все это вмѣстѣ взятое, всѣ эти новыя впечатлѣнія зрѣнія, слуха, обонянія и, наконецъ, просто здороваго самочувствія создавали, само собою понятно, совершенно особенное душевное настроеніе. Въ фикціи художника ничего этого нѣтъ: она рассчитана исключительно на ваши зрительныя впечатлѣнія и, тѣмъ не менѣе, она способна заставить васъ переживать эмоціи болѣе глубокія, чѣмъ тѣ, которыя вы испытывали при созерцаніи реальныхъ красотъ природы. Значитъ, и тутъ опять-таки дѣло не только въ красотѣ, и тутъ очевидно, что искусство не есть только воплощеніе гармоніи красокъ, линий

или звуковъ, не есть только стремленіе къ красотѣ. Такъ въ чемъ же дѣло, и что же такое искусство?

III.

Пытаясь—можно сказать, впервые—поставить этотъ вопросъ на научную почву, англійская школа эстетиковъ-эволюціонистовъ, со Спенсеромъ и Грант-Алленомъ во главѣ, приравниваетъ искусство къ *игрѣ*, потребность въ которой возникаетъ, какъ извѣстно, уже у животныхъ, обладающихъ достаточно высокой организацией и достаточнымъ избыткомъ нервной энергіи, избыткомъ, который и расходуется, такимъ образомъ, въ извѣстной подражательной дѣятельности.

Въ этомъ взглядѣ нова только, собственно говоря, его естественно-научная подкладка, такъ какъ самая мысль объ отождествленіи искусства съ игрой была выражена еще Шиллеромъ, и надо сказать, что точка зрѣнія нѣмецкаго поэта еще слишкомъ сильно чувствуется въ ученіи Спенсера и его послѣдователей. Въ самомъ дѣлѣ, Спенсеръ тщательно отдѣляетъ область *эстетическаго* отъ области *полезнаго*: искусство, какъ и игра, не соответствуетъ *насущной* потребности организма, оно не входитъ въ кругъ его активныхъ стремленій, а является только развлеченіемъ, роскошью, если хотите,—утвержденіе чрезвычайно любопытное въ устахъ эволюціониста, для котораго даже самыя высокія нравственныя чувства возникаютъ изъ органическихъ потребностей, и только эстетическія наслажденія стоятъ совершенно особнякомъ, исключая всякій намекъ на подчиненіе общимъ законамъ эволюціи.

Несравненно ближе къ правильному пониманію эволюціонной точки зрѣнія стоитъ Маркъ Гюйо, для котораго все содержаніе искусства заключается, какъ въ зародышѣ, въ понятіи о *пріятномъ*: „... le beau est renfermé en germe dans l'agréable, comme d'ailleurs le bien même“ *). Если внести въ это положеніе маленькую поправку, а именно замѣнить не совсѣмъ удачно выбранный терминъ *l'agréable* терминомъ болѣе общимъ и болѣе вѣрнымъ, выражающимъ не только пассивное воспріятіе извѣстныхъ ощущеній, но и активное стремленіе къ нимъ, терминомъ *привлекательное* (*attrayant*), то съ мыслью Гюйо можно будетъ согласиться, не дѣлая, однако, изъ нея того окончательнаго вывода, который дѣлаетъ авторъ, будто всякое наслажденіе — хотя бы даже вкусовое или обонятельное — можетъ принять характеръ *эстетическаго* наслажденія.

*) Marc Guyau, *Les problèmes de l'esthétique contemporaine*; Парижъ, 1897:

4-ое изд., стр. 75.

§ 8. Отдѣлъ II.

Тому, для кого искусство есть своего рода святая святыхъ, эта мысль о *привлекательномъ*, какъ объ основѣ искусства, можетъ, пожалуй, показаться чрезвычайно грубой, ибо элементъ привлекательности лежитъ безспорно и въ основѣ самыхъ животныхъ влеченій. Но мы этимъ обстоятельствомъ, конечно, не станемъ смущаться: мы знаемъ, что путемъ постепенной дифференціаціи изъ этого элемента *привлекательнаго* возникли наряду съ самыми грубыми физиологическими влеченіями и самые высокіе нравственные идеалы, подобно тому, какъ путемъ той же дифференціаціи изъ первобытной поэзіи, представлявшей смѣшеніе безформенныхъ зачатковъ лирики, эпоса и драмы, возникли въ концѣ концовъ драмы Шекспира, лирическія стихотворенія Гейне и романы Толстого.

Этотъ же процессъ дифференціаціи выдѣлилъ эстетическія наслажденія изъ обширной области *привлекательнаго* въ особую группу, характеризуюмую... чѣмъ? да прежде всего *общеніемъ человека съ собою подобными* — общеніемъ, которое достигается въ данномъ случаѣ путемъ воплощенія внутренняго міра человека въ образы, заставляющіе людей переживать чужую жизнь или, по крайней мѣрѣ, чужое настроеніе. Даже на начальныхъ ступеняхъ развитія искусства, когда человѣческое я всецѣло поглощаетъ его духовные интересы, когда, на примѣръ, поэзія представляетъ прежде всего „лирику голода и любви“, когда она является, такъ сказать, продуктомъ страданія, и тогда процессъ эстетическаго творчества возникаетъ изъ стремленія облегчить эти страданія, высказавъ ихъ другимъ людямъ. Въ этомъ именно процессѣ *зараженія* чужими чувствами, въ этомъ процессѣ, который какъ бы пополняетъ наше маленькое я, приобщая къ нему тысячи другихъ жизней, заставляя личность слиться съ массой, съ огромнымъ міромъ живыхъ людей, и кроется источникъ того остраго, часто граничащаго со страданіемъ эстетическаго наслажденія, которое испытываетъ какъ воспринимающій художественные образы, такъ и создающій ихъ. Въ этомъ именно процессѣ, а не въ наслажденіи красотой и кроется значеніе искусства, та его чудотѣйственная сила, которая такъ поражаетъ Гамлета, когда онъ къ стыду своему замѣчаетъ, что у актера „при вымыслѣ пустомъ“

Въ глазахъ слеза дрожить и мѣлѣть голосъ.

Въ чертахъ лица отчаянье и ужась...

И все изъ ничего—изъ-за Гекубы!

Что онъ Гекубѣ, что она ему?

Что плачетъ онъ о ней?..

Да, „что плачетъ онъ о ней“? И замѣчательно не столько то, что актеръ плачетъ, переживая скорбь Гекубы, сколько то, что эти слезы, это переживаніе и изображеніе чужихъ страданій заставляютъ его и зрителя испытывать высокое своеобразное на-

слаждене—этимъ именно иллюзія, создаваемая искусствомъ, отличается отъ дѣйствительности, гдѣ, по крайней мѣрѣ, при нормальныхъ, условіяхъ созерцаніе уродливаго можетъ вызвать только отвращеніе, а не наслажденіе, и гдѣ видѣ страданія способенъ внушить только аналогичное же чувство, которому будетъ, конечно, совершенно чуждъ элементъ привлекательности.

Какимъ же образомъ искусство достигаетъ этой *иллюзіи*, составляющей одно изъ существенныхъ условій эстетическаго наслажденія. Оно достигаетъ ея путемъ *внушенія*, для котораго оно располагаетъ богатымъ арсеналомъ средствъ, составляющихъ то, что называется *техникой* искусства и позволяющихъ художнику облечь свои мысли, чувства, настроенія въ конкретные образы.

Казалось бы, слѣдовательно, что *форма* произведенія искусства должна всегда являться элементомъ подчиненнымъ, зависящимъ отъ того внутренняго *содержанія*, которое стремится воплотить въ нее художникъ. Въ дѣйствительности это, однако, рѣшается не такъ просто. Дѣло въ томъ, что средства, которыми располагаетъ искусство, даже не будучи, такъ сказать, одухотворены мыслью художника, обладаютъ сами по себѣ извѣстной привлекательностью, начала которой заложены въ строеніи нашихъ органовъ чувствъ и нашей нервной системы. Извѣстныя ассоціаціи линій, красокъ, звуковъ пріятно поражаютъ наше зрѣніе и слухъ, другія—непріятно. Чарующая сила волшебныхъ звуковъ, увлекательность ритма и рѣзмы, прелесть гармоніи красокъ, все это—своего рода обоюдоострое оружіе, пользуясь которымъ художникъ, смотря по обстоятельствамъ, либо поработитъ инерцію мертваго матеріала, одухотворивъ его своей мыслью, либо будетъ, напротивъ, самъ поработенъ и какъ бы загипнотизированъ привлекательностью формы *). Я говорю *поработенъ* и *загипнотизированъ*: что эти выраженія какъ нельзя вѣрнѣе передаютъ состояніе души такого художника, объ этомъ свидѣлствуетъ своего рода признаніе, вырвавшееся изъ-подъ пера одного изъ нашихъ отечественныхъ поэтовъ, г. Минскаго, который такими яркими красками рисуетъ могущество *слова*, разсматриваемаго, такъ сказать, *an und für sich*: „слова сами по себѣ обладаютъ какою-то притягательною, какъ бы накликающей силой“, результатомъ каковой силы и является то, что мысль становится „работою своихъ работъ; чуть только она рождается, на нее беззащитную со всѣхъ сторонъ нападаютъ образы, сравненія, берутъ ее въ плѣнъ и влекутъ по прямому направленію, оглушая своимъ звукомъ **).

*) Эта мысль была мною развита болѣе подробно въ статьѣ *Роль психическаго автоматизма въ новомъ искусствѣ* («Русское Богатство», сентябрь, 1900).

**) Минскій, *При свѣтѣ совѣсти*, 2-ое изд., стр. 126—127.

Вотъ тотъ камень преткновенія, о который споткнулись многіе изъ современныхъ искателей новыхъ путей въ искусствѣ. Почему съ ними случилось это несчастіе? Почему то обоюдоострое оружіе, о которомъ я сейчасъ говорилъ, обратилось противъ нихъ же, почему искусство въ ихъ рукахъ выродилось въ чисто автоматическую игру красокъ и звуковъ, и ассоціаціи интеллектуальныя, ассоціаціи образовъ и понятій уступили мѣсто ассоціаціямъ низшаго порядка, ассоціаціямъ поверхностнымъ, основаннымъ на созвучіи словъ въ поэзіи, на гармоніи красокъ въ живописи? Все это не разъ пытались объяснить психическими аномаліями представителей этихъ направленій въ искусствѣ: съ легкой руки Макса Нордау, и отчасти еще раньше съ не менѣе легкой руки Ломброзо, чрезвычайно растяжимое понятіе *вырожденія* примѣняется на каждомъ шагѣ къ художникамъ и поэтамъ; психіатры приводятъ стихотворенія, написанныя психическими больными и напоминающія нѣкоторыя произведенія декадентовъ и символистовъ по неопредѣленности быстро мѣняющихся картинъ, по ненормальному сочетанію разныхъ ощущеній звука и свѣта и т. п. Всѣ эти психіатрическіе этюды, однако, нисколько не выясняютъ причинъ этой своего рода умственной эпидеміи: передъ нами явленіе общественное и объяснять его индивидуальными особенностями, личной неуравновѣшенностью тѣхъ или иныхъ индивидовъ, значить, въ сущности ничего не объяснять *). Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь всегда были психическіе больные, и всегда находились среди нихъ такіе, которые питали слабость излагать бредъ своей больной души на бумагѣ и при томъ непременно въ стихотворной формѣ; эти стихотворенія они любезно сообщали лѣчившему ихъ врачу или окружающимъ и этимъ дѣло ограничивалось, а тутъ вдругъ подобныя стихотворенія стали печататься и въ журналахъ, и отдѣльными сборниками, стали даже издаваться особые журналы, посвященные такого рода литературѣ, у авторовъ нашлись многочисленные подражатели и т. д. Значить, дѣйствуютъ тутъ какія-то общія причины, а не психическая неуравновѣшенность господъ Х, У или Z. Эти причины кроются отчасти въ предыдущихъ фазахъ развитія искусства, отчасти же гораздо глубже, а именно въ общихъ условіяхъ современной дѣйствительности, въ нравствен-

*) Лекція эта была уже прочитана, когда я познакомился съ помѣщеннымъ въ февральской книжкѣ «Русской Мысли» очеркомъ г. Россолимо *«Искусство, больные нервы и воспитаніе»*, гдѣ опять и опять, съ тѣми же неизмѣнными ссылками на «знаменитаго туринскаго психіатра» Ломброзо и на «выдающагося врача-философа» Макса Нордау весь вопросъ о такъ называемомъ новомъ искусствѣ объясняется «не чѣмъ инымъ, какъ проявленіемъ больной души». Не пора ли было бы, между прочимъ, нашимъ отечественнымъ ученымъ перестать ссылаться на такіе сомнительные научные и философскіе авторитеты, какъ «выдающійся»... салонный болтуны Максъ Нордау.

номъ оскудѣніи буржуазіи и въ особенностяхъ нашей переходной эпохѣ броженія съ характеризующими ее общимъ недовольствомъ и неудовлетворенностью.

IV.

Что касается собственно искусства, то при внимательномъ отношеніи къ дѣлу не трудно замѣтить, что такія явленія какъ импрессионизмъ въ живописи и скульптурѣ или символизмъ въ поэзіи возникли въ сущности изъ вполне законной реакціи (куда зашла эта реакція—другой вопросъ) противъ утѣрки господствовавшаго раньше реализма въ искусствѣ, реализма, который у нѣкоторыхъ художниковъ выродился въ рабское копированіе природы и жизни и, слѣдовательно, не отвѣчалъ задачамъ художественнаго творчества. Въ самомъ дѣлѣ, иллюзія составляетъ, какъ мы видѣли, существенный элементъ эстетическаго наслажденія, а точная копія дѣйствительности никогда не создаетъ такой иллюзіи: даже передъ очень искусно сдѣланной восковой фигурой мы никогда не будемъ испытывать эстетическаго наслажденія, какъ не будемъ его испытывать при чтеніи этнографическаго отчета «удебной драмы. Тщательная отдѣлка деталей въ произведеніи искусства, заставляя наше вниманіе разбрасываться, мѣшаетъ цѣльности впечатлѣнія, мѣшаетъ уловить характерныя, существенныя черты, и, наоборотъ, нѣсколькими мѣткими штрихами художникъ можетъ внушать намъ *впечатлѣніе* дѣйствительности. Тутъ происходитъ до извѣстной степени тоже, что при гипнозѣ: сейчасъ вы внушили загипнотизированному субъекту, что передъ нимъ, скажемъ, комнатное растение, теперь вы увѣряете его, что это не растение, а собака, его хотя и слабо реагирующее я все-таки не подчиняется сразу этой мысли—„вотъ еще! собака“? пробуетъ онъ возразить вамъ, пока его повинующееся вашей мысли воображеніе не успѣло еще вызвать образа собаки. Да, да!—увѣряете вы его—собака; вотъ, вотъ—видите, какъ она виляетъ хвостомъ... этого штриха достаточно, чтобы субъектъ теперь уже ясно видѣлъ передъ собою собаку и былъ въ состояніи описать вамъ до мельчайшихъ подробностей ея внѣшній видъ. Это, конечно, патологическій случай, но и въ нормальныхъ условіяхъ наше воображеніе можно *навести* именно такимъ образомъ на опредѣленную работу въ томъ или иномъ направленіи. Искуснаго изображенія нѣсколькихъ цвѣтовъ, болѣе тщательно отдѣланныхъ на первомъ планѣ картины и едва намѣченныхъ дальше, будетъ достаточно, чтобы картина производила на насъ впечатлѣніе обширнаго цвѣтника. Это обыкновенно объясняютъ перспективой. Не желая вдаваться здѣсь въ техническія подробности, я напомнимъ только, что такъ называемая перспектива въ жи-

вописи не имѣетъ ничего общаго съ перспективой въ дѣйствительности: послѣдняя отвѣчаетъ извѣстнымъ законамъ оптики, тогда какъ первая сводится въ сущности къ процессу внушенія, ибо въ концѣ концовъ вѣдь всѣ планы картины лежатъ въ одной плоскости.

Все это еще болѣе вѣрно по отношенію къ художественнымъ произведеніямъ слова. Въ „Театральномъ разъѣздѣ“ Гоголя спрятавшійся у выхода изъ театра авторъ, послѣ перваго представленія пьесы, слышитъ, между прочимъ, такой отзывъ одного изъ зрителей: „Это всякій день увидишь и на улицѣ. Садись только у окна да записывай все, что ни дѣлается—вотъ и вся штука“! Вотъ именно „записывай все, что ни дѣлается“—такому наивному рецепту и имѣли несчастье слѣдовать ярые реалисты, тщательно и съ пунктуальностью судебного слѣдователя записывавшіе все, что они видѣли, нагромождая ненужныя случайныя детали и не оставляя никакой пищи для воображенія читателя. Какъ остроумно замѣчаетъ Брандесъ, фантазія любить, чтобы ей облегчали работу, чтобы отъ нея не требовали чрезмѣрнаго напряженія, но она не желаетъ, чтобы ее лишали даже и легкой работы. Къ тому же, сколько не нагромождайте деталей, произведенію слова въ смыслѣ пластики, конечно, не подѣ силу будетъ конкуренція съ живописью или скульптурой. Леонардо-да-Винчи говорилъ, что живопись лучше поэзіи, потому что она можетъ показать женщину, которую любишь, тогда какъ поэзія можетъ только рассказать о ней. Превосходство ли это или нѣтъ, но фактъ тотъ, что художникъ слова какъ бы предоставляетъ читателю окончательно оформить созданный имъ образъ. Когда я читалъ „Воскресеніе“ Толстого, передо мною болѣе или менѣе ясно рисовались образы нѣкорыхъ изъ дѣйствующихъ лицъ романа; потомъ я впервые увидѣлъ на всемірной выставкѣ прекрасные рисунки Пастернака, предназначавшіеся для французскаго иллюстрированнаго изданія „Воскресенія“, и оказалось, что одни образы, созданные иллюстраторомъ, болѣе или менѣе сходятся съ тѣмъ, какъ я ихъ представилъ себѣ, другіе — совершенно нѣтъ. Такъ бываетъ почти всегда, когда по прочтеніи какого-нибудь беллетристическаго произведенія вы увидите его затѣмъ въ иллюстрированномъ изданіи. Еще лучше можно прослѣдить то же явленіе въ драматическомъ произведеніи, гдѣ незаконченность творчества автора выступаетъ особенно рѣзко, такъ какъ это творчество пополняется творчествомъ артиста, о которомъ справедливо говорятъ, что онъ *создаетъ* роль, при чемъ одна и та же роль можетъ быть воплощена весьма различно одинаково талантливыми артистами.

Въ этой относительной свободѣ, которую авторъ художественнаго произведенія предоставляетъ воображенію зрителя или читателя, пріобщая такимъ образомъ его самого къ процессу творчества, лежитъ одинъ изъ источниковъ эстетическаго наслажденія. Мысле-

ніе по преимуществу образами и символами, а не строго логическими связными понятіями, вполне обезпечиваетъ эту свободу, и въ этомъ отношеніи реакція противъ утрированнаго реализма вполне понятна, но сдѣлать изъ символистики законъ художественнаго творчества, пользоваться словами не только какъ выраженіемъ мысли, но просто какъ звуками или нотами, заставляя читателя или слушателя разбираться въ самыхъ мимолетныхъ, не поддающихся опредѣленію движеніяхъ психики поэта, это значитъ, выражаясь словами одного изъ такихъ поэтовъ, „позабыть языкъ земной“—ну, а при такихъ обстоятельствахъ, конечно, нельзя рассчитывать на общеніе съ людьми. Творчество направляется тогда исключительно на элементъ формы, который обособляется отъ элемента выразительности и дѣлается самодовлѣющимъ цѣлымъ.

Такое обособленіе элемента формы въ искусствѣ возможно только на почвѣ нравственнаго оскуднѣнія, когда творчество является не продуктомъ назрѣвшей въ художникѣ потребности выразить такъ или иначе свой внутренній міръ, а чисто ремесленнымъ, хотя бы и доведеннымъ до виртуозности дѣломъ, и когда относительно умственнаго и нравственнаго содержанія существуетъ самый слабый спросъ. Этимъ я не хочу сказать, чтобы такіа произведенія не имѣли рѣшительно никакой эстетической цѣнности. Элементъ формы, какъ мы уже видѣли, можетъ быть самостоятельнымъ источникомъ эстетическаго наслажденія: декоративное полотно, рѣшительно ничего не говорящее ни уму, ни сердцу, можетъ произвести въ высшей степени пріятное впечатлѣніе на сѣтчатую оболочку глаза, такъ же какъ звучный стихъ съ самымъ неинтереснымъ содержаніемъ можетъ пріятно поразить нашъ слухъ. Но, вырождаясь въ исключительную заботу о технической отдѣлкѣ формы, искусство теряетъ всякую связь съ другими областями мысли и всякое общественное значеніе, т. е. перестаетъ отвѣчать своему назначенію служить средствомъ для общенія между людьми.

Говоря объ общественномъ значеніи искусства, мы вовсе не требуемъ, чтобы искусство обязательно носило дидактическій и утилитарный характеръ, чтобы художникъ непременно гнался за воплощеніемъ въ выразительные образы философскихъ доктринъ, научныхъ истинъ или политическихъ идеаловъ. Такое идейное содержаніе могутъ, конечно, внести въ свои произведенія только совершенно исключительные люди, соединяющіе замѣчательное художественное дарованіе съ высокимъ личнымъ развитіемъ. Только Лукрецій могъ воплотить въ звучный и увлекательный стихъ ученіе Эпикура, только Леонардо-да-Винчи могъ въ женскомъ портретѣ выразить всю глубину такъ долго волновавшей философовъ загадки жизни, только поэзія Байрона могла явиться живымъ воплощеніемъ міровой скорби, какъ лучшаго

протеста против безотраднaго и настоящаго. Помимо того, что подобныя задачи подъ силу только титанамъ искусства, необходимо имѣть въ виду, что ихъ осуществленіе требуетъ со стороны художника участія въ процессѣ творчества, такъ сказать, всей своей личностью. Если художникъ уединился отъ окружающаго міра, если интересы мысли и жизни вообще ему въ сущности совершенно чужды, если у него нѣтъ ничего за душою, а приходится только *искать* настроеніе, которое онъ *намѣренъ* передать, то никакая усовершенствованная техника, никакая виртуозность не позволяютъ ему придать своему произведенію ту жизненность и искренность, которыя необходимы для воздѣйствія на чужую душу. И наоборотъ, при самомъ сильномъ сознательномъ увлеченіи опредѣленной идеей, художникъ рискуетъ приблизиться къ тѣмъ формамъ *дидактическаго* искусства, которыя, собственно говоря, стоятъ гораздо ближе къ другимъ областямъ мышленія, чѣмъ къ искусству, такъ какъ существенный для искусства эстетическій элементъ въ нихъ значительно ступевывается. Гдѣ же выходъ изъ этой диллемы? А помните гаршинскаго „Глухаря“, помните художника, котораго неотвязчиво преслѣдуетъ вынесенный имъ изъ посѣщенія завода образъ рабочаго-глухаря, по груди котораго безостановочно бьетъ тяжелый молотъ... Вотъ только тогда, когда процессъ творчества является результатомъ неудержимой потребности воплотить внѣ себя такой деспотически овладѣвшій сознаниемъ художника образъ или настроеніе,—только тогда художникъ не рискуетъ стать жертвой ни увлеченія ремесленной техникой искусства, ни увлеченія теоритической тенденціей.

Слѣдовательно, вообще говоря, отъ произведеній искусства можно и должно требовать *содержательности*, нисколько не стѣсняя этимъ художника ни въ выборѣ темы, ни въ выборѣ формы. Даже въ музыкѣ эстетическое наслажденіе не сводится къ одной гармоніи звуковъ—эта гармонія является только могучимъ средствомъ выраженія извѣстныхъ чувствъ, внушенія извѣстныхъ эмоцій. Когда насъ увѣряютъ, что „слова въ пѣннѣ не имѣютъ никакого значенія“, это не совсѣмъ вѣрно. Я припоминаю по этому поводу артиста-комика, который одно время забавлялъ парижскую публику очень простымъ средствомъ. Онъ отрекомендовалъ себя реформаторомъ французской шансонетки и затѣмъ наглядно излагалъ свою реформу. Эта реформа состояла въ обновленіи концертнаго репертуара такимъ путемъ: стоять сѣсть какой-нибудь извѣстный трогательный романсъ на мотивъ не менѣе извѣстной веселой разухабистой пѣсенки и наоборотъ!.. Вы, конечно, легко представляете себѣ эффектъ подобной реформы, по своему не желавшей считаться съ элементомъ *содержанія*. Въ музыкальной мелодіи всегда есть извѣстное, тѣсно связанное съ формою содержаніе, то это только потому, что языкъ

музыки не для всѣхъ одинаково выразителенъ. Когда автору *Lieder ohne Worte* кто-то любезно послалъ текстъ для нѣкоторыхъ изъ этихъ пѣсень, онъ отвѣтилъ: „музыка болѣе опредѣленна, чѣмъ слово, и пытаться объяснить ее словами, значить, только затемнять ея смыслъ“. Конечно, далеко не для всѣхъ музыка имѣетъ такой строго опредѣленный смыслъ, но мы уже видѣли, что эстетическое наслажденіе нисколько не страдаетъ отъ того, что воображенію, воспринимающему художественные образы, предоставляется болѣе или менѣе окончательно оформить ихъ. Если отъ музыки мы перейдемъ къ искусствамъ изобразительнымъ, то увидимъ, что даже пейзажная и портретная живопись вовсе не предполагаютъ непримѣнно отсутствіе содержанія: въ хорошемъ пейзажѣ вы видите не только изображеніе природы, но вмѣстѣ съ тѣмъ вы воспринимаете и *настроenie* художника; въ портретѣ сказывается умѣнье художника угадать характерныя черты личности и въ этомъ отношеніи портретъ какого-нибудь пошляка можетъ представлять глубокий психологическій интересъ и доставлять зрителямъ высокое эстетическое наслажденіе. La Tour, передъ которымъ позировала вся знать XVIII вѣка говорилъ о своихъ высокопоставленныхъ кліентахъ: „Ils croient que je ne saisis que les traits de leur visage; mais je descends au fond d'eux-mêmes à leur insu et je les remporte tout entiers“. И портреты La Tour'a именно тѣмъ и интересны, что передъ вами какъ бы развертывается вся психика субъекта; нужды нѣтъ, что среди нихъ нѣтъ портретовъ, которые можно было бы назвать „гармоніей въ сѣромъ“ или „гармоніей въ розовомъ“. Напротивъ, портреты „гармоніи“, гдѣ художникъ заботится только объ извѣстномъ сочетаніи красокъ, только о формѣ, даже если они и производятъ болѣе пріятное впечатлѣніе на глазъ, не способны, однако, доставить такое же глубокое эстетическое наслажденіе.

Поклонники чистой гармоніи въ искусствѣ лѣбятъ ссылаться на примѣръ Греціи и эпохи Возрожденія, когда всевластно царилъ культъ красоты. Но начать съ того, что мы обрѣтаемся не подъ счастливымъ небомъ Эллады и что воображать себя примитивными греками намъ... скажу словами одного изъ мужиковъ въ „Плодахъ Просвѣщенія“, „клеимать не позволяетъ“. Примѣръ эпохи Возрожденія? Но вспомнимъ, чѣмъ обуславливался въ то время культъ красоты... Представьте себѣ усталого путника, забравшагося въ длинную подземную галерею. Уже долго онъ идетъ по ней; кругомъ темно, сыро, ноги скользятъ по мокрымъ камнямъ, грудь спираетъ отъ недостатка воздуха, а галлерей какъ будто нѣтъ конца, и вдругъ... полоса свѣта, и вотъ онъ опять на вольномъ воздухѣ, среди залитой солнцемъ зелени. Удивительно-ли, что теперь онъ съ восторгомъ смотритъ на каждую травку! Чѣмъ какъ не такой подземной галлереей былъ долгій періодъ среднихъ вѣковъ съ его тяжелымъ гнетомъ католицизма,

истязаніями плоти и удушливымъ дымомъ костровъ инквизиціи! И едва только разсѣялся этотъ дымъ, какъ передъ человѣчествомъ открылся новый міръ, въ которомъ ему все, конечно, казалось прекраснымъ. Прекрасны не только формы человѣческаго тѣла, но даже отдѣльныя мышцы и кости, и Бенвенуто Челлини говорить своимъ ученикамъ: „вы будете съ удовольствіемъ рисовать позвонки, ибо они великолѣпны; потомъ вы нарисуете крестецъ, прекрасную кость!“

Къ несчастію или къ счастью для человѣчества безвозвратно прошло это время наивныхъ восторговъ: исторія выдвинула передъ нимъ другія задачи, болѣе интересныя, чѣмъ бесплодное умиленіе передъ чистой красотой...

V.

Было бы, однако, несправедливо сказать, что представители новыхъ теченій въ искусствѣ ограничиваются исключительно погоней за красотой формы: есть среди нихъ и такіе, которое вкладываютъ въ свои произведенія извѣстное крайнее содержаніе. И совершенно напрасно насъ увѣряютъ, что во Франціи „политическія или социальныя событія послѣднихъ десяти лѣтъ на искусствѣ нисколько не отразились“ *). Во время дѣла Дрейфуса и того обостренія клерико-милитаризма, которому оно дало начало, въ парижскомъ Салонѣ было больше чѣмъ когда бы то ни было картинъ на военно-патріотическія и клерикально-умилительныя темы. Девизомъ авторовъ этихъ произведеній было, очевидно, основное правило всяческой коммерціи, гласящее „лови моментъ!“

Вообще говоря, идейное содержаніе, отвѣчающее на господствующій спросъ буржуазіи, какъ и культъ чистой красоты, опять-таки носить въ сущности анти-соціальныя характеръ и, слѣдовательно, противорѣчить основной идеѣ истиннаго искусства. вмѣсто общенія съ міромъ, личность художника—если только она, въ угоду буржуазному обществу, не прославляетъ культъ самыхъ тривиальныхъ наслажденій—стремится уйти далеко отъ жизни, на недостижимыя высоты, въ бѣлоснѣжную пустыню или къ мистическимъ дѣвамъ, а то и просто—неизвѣстно куда. Вотъ для примѣра любопытный образчикъ такихъ стремленій:

Si tu veux être grand, bâtis la citadelle:
Loin de tous et trop haut, bâtis-la pour toi seul;
Qu'elle soit imprenable et vierge, et qu'autour d'elle
Le mont fasse un rempart et la neige un linceul!

Вы спросите, зачѣмъ понадобилось поэту строить эту недосты-

*) «Вѣстникъ Европы», июль 1900 г., стр. 321.

ЖИМО высокую крѣпость, для какихъ такихъ подвиговъ намѣренъ онъ уединиться въ эту дѣвственно-чистую, неприступную обитель... На это послѣдуетъ такой отвѣтъ:

C'est là qu'il faut bâtir l'asile de ton âme,
Et pour que ton désir y soit la seule loi,
Que rien n'accède à lui, de l'éloge ou du blâme,
Grave sur ton seuil blanc le mot magique: «Moi».

Очень просто: начертай на своемъ порогѣ волшебное слово «Я», а на все прочее тебѣ „вполнѣ и исключительно наплевать“, наплевать даже и на то, что твоя нѣсна будетъ по истинѣ глазомъ вопіющаго въ пустынь:

... Nul n'entendra ton hymne et que t'importe?
Chante pour toi; ton cœur est l'écho de ton cœur!

Что поразительнѣе всего въ такихъ поэтическихъ произведеніяхъ, какъ и во всякаго рода поддѣлкахъ новѣйшей живописи или поэзіи подъ болѣе или менѣе примитивныя настроенія, это—крайняя неискренность. Ни одинъ поэтъ не „поетъ“ для самого себя и Эдмондъ Гарокуръ, авторъ сейчасъ приведенныхъ стиховъ, печатающій свои произведенія въ самыхъ распространенныхъ журналахъ, это прекрасно знаетъ, а, между тѣмъ, становится въ позу и восклицаетъ: „chante pour toi!“ Верленъ тотъ даже хвастаетъ цинично этой неискренностью, признаваясь, что онъ пишетъ очень гладнокровно весьма „прочувствованные“ стихи:

A nous qui ciselons les mots comme des coupes
Et qui faisons des vers émus très froidement...

„Магическое я“, сверхчеловѣчество, общественный индифференцизмъ, красота зла—вотъ излюбленныя „новѣйшія“ темы, которыми далеко не гнушаются и наши російскіе новаторы искусства. Полюбуйтесь хотя бы той эффектной картиной изъ романа г. Мережковского „Воскресшіе Боги“, гдѣ Леонардо да Винчи и мальчикъ Франческо предаются спокойному созерцанію природы въ ту самую минуту, когда въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нихъ происходитъ кровопролитное сраженіе, въ которомъ должна рѣшиться участь страны: „Оба, Леонардо и Франческо чувствовали одно и то же: не все-ли равно, кто кого побѣдитъ—французы ломбардцевъ или ломбардцы французовъ, король или герцогъ, свои или чужіе? Отечество, политика, слава, война, паденіе царствъ, возмущеніе народовъ,—все, что людямъ кажется великимъ и грознымъ, не похоже-ли на это маленькое, въ вечернемъ свѣтѣ тающее облочко порохового дыма—среди вѣчной ясности природы“? *)

Какъ хотите, а такое олимпійское спокойствіе передъ „паде-

*) Мережковский, *Воскресшіе Боги*, «Міръ Божій», іюнь 1900, стр. 190.

ніемъ царствъ“ и „возмущеніемъ народа“ что-то ужъ слишкомъ ненормальное для отзывчивой души, какою мы въ правѣ предположить у великаго художника...

Я знаю, что самоновѣйшіе пѣвцы зла, сверхчеловѣчества и мистицизма считаютъ себя прямыми преемниками Бодлэра. Но это не болѣе какъ недоразумѣніе. Въ теоріи сторонникъ чистаго искусства, авторъ „Цвѣтовъ зла“—тѣхъ „Цвѣтовъ зла“, которые правительство второй имперіи предало осужденію, когда они появились въ сборникѣ Бодлэра, но которые оно само такъ тщательно выращивало въ дѣйствительной жизни—останавливается на этой своеобразной флорѣ не съ любовью и не съ индифферентизмомъ спокойнаго наблюдателя жизни, а съ ужасомъ, отвращеніемъ или состраданіемъ. Онъ рѣзко бичуетъ развратъ и пороки буржуазіи, рисуетъ безотрадные картины нищеты и страданія рабочихъ классовъ, обездоленность обитателей парижскихъ фобурговъ... Далеко не примиряясь съ ужасной дѣйствительностью, Бодлэръ, однако, ищетъ идеалъ не въ мистицизмѣ, а въ борьбѣ съ этой дѣйствительностью. Прочтите хотя бы тотъ отдѣлъ „Цвѣтовъ зла“, который носитъ достаточно опредѣленное названіе *La Révolte*, прочтите въ особенности „*Le Reniement de Saint Pierre*“—этотъ крикъ негодующаго протеста противъ смиренія и „непротивленія злу“—и вы увидите, что если этотъ міръ не удовлетворяетъ поэта, то именно потому, что въ немъ, въ этомъ мірѣ, „*l'action n'est pas la sœur du rêve*“, *дѣйствіе* не сестра мечты, не идетъ рука объ руку съ идеаломъ... Какъ далека отъ такого дѣйствительнаго настроенія глава новѣйшей поэзіи, „*le prince des roches*“ Верленъ, который, если по временамъ и перестаетъ барахтаться въ грязи разврата, то только затѣмъ, чтобы тутъ же окунуться въ мутныя волны мистицизма...

Эта „новѣйшая“ поэзія—продуктъ разлагающейся буржуазіи. Достаточно, въ самомъ дѣлѣ, вспомнить, что происходило во Франціи лѣтъ десять тому назадъ, когда печатались католическія поэмы Верлена и благочестивые романы Юисманса, когда среди учащейся французской молодежи превозносились идеи Мельхіора де Вогюэ, когда, по свидѣтельству Анри Беранже *), среди этой молодежи объявилась мистическая „*nostalgie du divin*“, выражавшаяся какъ въ жизни, такъ и въ искусствѣ и тщательно эксплуатируемая католическимъ духовенствомъ, заигрывавшимъ въ ту пору съ либеральными вѣяніями, когда наивнымъ юнымъ аббатамъ, въ родѣ Виктора Шарбонеля, вчера только вырвавшимся изъ душевной атмосферы семинарій и тяготившимся своей оторванностью отъ жизни, стали чудиться заманчивыя перспективы кипучей практической дѣятельности, новая просвѣтительная миссія...

*) Henry Bérenger, *La jeunesse intellectuelle et le catholicisme en France*, «Revue des Revues», 15 января 1897 г.

Вы знаете, чѣмъ кончился этотъ кратковременный флиртъ католицизма съ демократическими идеалами; вы знаете, что молодежь не долго предавалась мистической тоскѣ и поспѣшила оставить этотъ скользкій, якобы новый путь—такова ужъ судьба всѣхъ тѣхъ новыхъ путей, которые, въ жизни-ли, въ наукѣ, или въ искусствѣ, ведутъ *назадъ*. Въ противоположность древнему Риму, къ которому, какъ извѣстно, вели всѣ дороги, въ вѣчный городъ будущаго, въ обѣтованную землю человѣческой, а не отвлеченной справедливости ведетъ только одна дорога—дорога самой широкой солидарности, не той слишкомъ хорошо знакомой намъ солидарности, которая безжалостно уродуетъ и калѣчитъ личность, а той солидарности, благодаря которой личность достигаетъ своего наивысшаго развитія и совершенства, обезпечиваетъ за собою максимумъ радостей и наслажденій не иначе, какъ сливаясь съ, обществомъ, той солидарности, для осуществленія которой нужна, пока что, борьба и словомъ, и дѣломъ...

Левъ Шейнисъ.

Въ поискахъ сокровеннаго смысла.

(Отвѣтъ *Г. Д. Батюшкову*).

„Не съ точки зрѣнія узкаго морализма, конечно, надлежитъ судить о поэтѣ,—говорить г. Батюшковъ въ своей статьѣ о Бодлерѣ, помѣщенной въ августовской книжкѣ „Міра Божьяго“,—но нужно имѣть мужество смотрѣть правдѣ въ глаза, не набрасывая пелены на то, чего не хочешь видѣть и не приписывая автору исключительныя свойства своего настроенія“. Обращаясь къ моимъ переводамъ изъ Бодлера („Стихотворенія“, т. II), онъ находитъ, что въ нихъ я отвернулся отъ правды, и задается цѣлью настаивать меня на путь истинный. Мнѣ хотѣлось бы разобраться въ этихъ наставленіяхъ...

Нѣкоторыхъ положительныхъ достоинствъ французскаго поэта почтенный критикъ не отрицаетъ. Онъ согласенъ съ тѣмъ, что Бодлеръ обладалъ „значительнымъ спиритуализмомъ“, что, будучи въ высшей степени „личнымъ“ поэтомъ, онъ какъ бы стыдился выдвигать индивидуализмъ до назойливаго выпячиванія своего „я“; что онъ „не отрицать различія (?) добра и зла и не переступалъ границъ, какъ тѣ изъ его послѣдователей, которые увѣровали въ новую мораль ницшеанства“. Критикъ признаетъ, наконецъ, что уже самое заглавіе, данное поэтомъ своей

книгѣ, показываетъ отрицательное отношеніе автора къ „изображеннымъ въ ней ситуаціямъ“... И однако, за всёмъ тѣмъ, г. Батюшковъ относится въ высшей степени недоброжелательно, чтобы не сказать—враждебно, къ поэзіи „Цвѣтовъ зла“. Въ ней есть, по его мнѣнію, такія характерныя черты, которыя способны вызывать далеко не свѣтлыя чувства. Идеализмъ ея туманенъ и ничѣмъ (!) не отличается отъ идеализма позднѣйшихъ декадентовъ. Преобладающіе мотивы—сладострастіе, пресыщеніе, жестокость...

Что касается моихъ переводовъ, то, по мнѣнію г. Батюшкова, я „сильно ступсевалъ“ кое-какія основныя черты въ мировоззрѣніи Бодлера; „систематически“ (хотя г. Батюшковъ вѣритъ—и непроизвольно) переначивалъ французскаго поэта, придавая ему болѣе идеальное освѣщеніе; вообще окрашивалъ его въ „новый и субъективный“ цвѣтъ, впадая въ „несвойственную“ Бодлеру сантиментальность, повышая тонъ изложенія, сглаживая и смягчая стиль, даже видоизмѣняя образы... „Все это,—заканчиваетъ критикъ,—черезчуръ субъективная призма для перевода и оцѣнки французскаго поэта, который представленъ намъ инымъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ“.

Мнѣ кажется, что еслибы „все это“ было дѣйствительно справедливо, то я провинился бы не въ „субъективизмъ“ только, какъ мягко выражается г. Батюшковъ, а въ очень серьезномъ литературномъ грѣхѣ. Къ счастью, не такъ страшенъ дьяволъ, какъ рисуютъ его себѣ иные критики, и я думаю, что съ несравненно большимъ правомъ могу сказать относительно г. Батюшкова, что его пониманіе французскаго поэта чрезвычайно субъективно, почти что тенденціозно...

Возьмемъ для начала, хотя бы, утвержденіе, будто Бодлеръ требовалъ отъ любимой женщины, чтобы она была порочной. Бодлеръ, дѣйствительно, былъ, какъ извѣстно, весьма невысокаго мнѣнія объ умственныхъ и душевныхъ способностяхъ женщины (онъ не допускалъ даже, чтобы она могла такъ же глубоко страдать, какъ мужчина), и, однако, переберите всѣ его личныя любовныя стихотворенія—вы нигдѣ не отыщете того, что утверждаетъ его русскій критикъ: „(Усталой душѣ поэта) нуженъ печальный образъ, который дразнилъ бы притупившіеся нервы, и совсѣмъ не надо добродѣтели, а, напротивъ, пусть печаль свидѣтельствуетъ, что сердце красавицы искусилось во всѣхъ изгибахъ порока“ (курсивъ мой, какъ и вездѣ ниже. П. Я.). Мысль эту г. Батюшковъ высказываетъ по поводу стихотворенія „Печальный Мадригалъ“, съ которымъ онъ вообще продѣлываетъ то самое (только наоборотъ), въ чемъ обвиняетъ меня по отношенію ко всей поэзіи Бодлера: цѣлымъ рядомъ сомнительныхъ толкованій и не сомнительныхъ натяжекъ, едва замѣтныхъ вставокъ отъ себя и т. п. онъ пытается придать пьесѣ оттѣнокъ порочности, котораго въ ней нѣтъ.

Какъ характерно, напр., что, переведа выраженіе „l'âme de *Cris pleine*“ (душа, полная криковъ) словами: „душа, вся въ смятеніи“, г. Батюшковъ считаетъ нужнымъ добавить: „отъ того, что опустилась до дна порока“. Послѣднія слова представляютъ чистѣйшее измышленіе, такъ какъ ничего соотвѣтствующаго въ текстѣ стихотворенія нѣтъ. „L'irrésistible dégoût—неодолимое отвращеніе (къ жизни)—критикъ поясняетъ словами: „какъ результатъ пресыщенія“... Но почему же непременно — пресыщенія? Развѣ утрата вкуса къ жизни не можетъ являться также и результатомъ перенесенныхъ въ жизни ударовъ, разочарованій въ людяхъ и въ идеалахъ („les vieux amours déracinés“) и т. п.? *).

Que m'importe que tu sois sage?
Sois belle! et sois triste!

обращается поэтъ къ своей возлюбленной. „Очень нужно, чтобъ ты была *добродѣтельна*“, переводитъ г. Батюшковъ, настаивая на томъ, что слово „sage“ обозначаетъ здѣсь не умъ, а добродѣтель. Первоначальное значеніе этого слова (мудрый), — поясняетъ онъ, — вытѣснено въ живомъ языкѣ другимъ значеніемъ (добродѣтельный, благонравный), и сохранилось *исключительно* въ существительномъ *le sage*—мудрецъ... Но, не говоря уже о такомъ словѣ, какъ *sage femme*—повивальная бабка, которую французы зовутъ такъ, не ради, конечно, ея добродѣтелей, я предложилъ бы, напр., почтенному критику перевести, согласно его толкованію слова *sage*, такой стихъ того же Бодлера:

Sois sage, ô ma Douleur, et tiens-toi plus tranquille...

Стихомъ этимъ начинается стихотвореніе „*Récueillement*“, безукоризненную чистоту и свѣтлую одухотворенность котораго не заподозрить, конечно, и такой мнительный критикъ, какъ г. Батюшковъ. Неужели же онъ полагаетъ, что хотя скорбь, вообще говоря, и не можетъ быть порочной или добродѣтельной, но у Бодлера, молъ, все возможно?.. Онъ вѣдь „пѣвецъ зла и порока“, и переводчикъ всюду обязанъ совать эти свойства,—такъ, что ли?..

Я и не думаю, разумѣется, отрицать, что въ современномъ французскомъ языкѣ прилагательное *sage* имѣетъ, кромѣ стараго, и по-

*) Кстати,—разъ зашла уже объ этомъ рѣчь,—мнѣ хочется напомнить г. Батюшкову, что напрасно онъ такъ смѣло и увѣренно говорить о *личной* порочности Бодлера, какъ о какомъ-то всѣмъ извѣстномъ, доказанномъ фактѣ. Напротивъ, ничего положительнаго на этотъ счетъ неизвѣстно. Бодлеръ отличался, правда, большими причудами; для успокоенія нервныхъ болѣй злоупотреблялъ одно время опиумъ; въ ранней молодости, *быть можетъ*, предавался и нѣкоторымъ излишествахъ въ любви, но вотъ и все, что въ этомъ смыслѣ даетъ намъ его біографія (ранняя смерть отъ паралича, несомнѣнно, была результатомъ печальной наслѣдственности). И какое же право имѣемъ мы приравнивать его, напр., къ Верлену, сидѣвшему въ тюрьмѣ за преступленія противъ нравственности?

вое значеніе (особенно относительно женщин): я думаю только, что указываемый г. Батюшковымъ второй смыслъ долженъ быть принимаемъ не съ бухты-барахты, что называется, а лишь по контексту, въ связи съ другими прилегающими мыслями. Не пишеть, быть можетъ, и то вспомнить, что стихотворенія Бодлера писались *болѣе полутора назадъ*, когда прискорбная тенденція современнаго французскаго языка опешливаетъ значеніе самыхъ порою хорошихъ словъ не была еще столь развита...

Но пускай я ошибся, пускай не вѣренъ мой переводъ этого стиха („Пусть твой умъ остроуіемъ не блистаетъ“ *), и Бодлеръ дѣйствительно говорить о женской добродѣтели: „Что мнѣ за дѣло до твоей добродѣтели? Будь лишь прекрасна и будь печальна!“—Развѣ отсюда слѣдуетъ, что онъ непремѣнно хочетъ, чтобы любимая женщина не была добродѣтельной? Изъ дальнѣйшаго содержанія „Печальнаго Мадригала“ не видно даже того, чтобы прошлое его героини было порочно. „Я знаю, говорить поэтъ,—что твое сердце, избилующее *старыми вырванными съ корнемъ привязанностями*, еще пылаетъ, какъ кузнечный горнъ, и что ты таишь въ своей груди немножко гордости отверженцевъ“—вотъ и весь матеріалъ, который даетъ намъ стихотвореніе для сужденія объ этомъ прошломъ, и, мнѣ кажется, матеріалъ этотъ говорить скорѣе въ пользу того, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ женщиной, много страдавшей, нежели порочной. Г. Батюшковъ прибѣгаетъ и къ другимъ натяжкамъ. Ему не нравится, напр., что слова: „твое сердце погружается въ ужасъ, надъ твоимъ настоящимъ простирается ужасное (affreux) облако прошлаго“ я перевожу стихами: „И, въ душѣ твоей ужасъ рождая, словно туча встаетъ грозовая—память горя былого и зла“. Онъ, съ своей стороны, увѣряетъ, будто поэтъ вызываетъ здѣсь память объ „отвратительномъ“ прошломъ, которое „дѣйствовало бы, какъ острая приправа въ кушаньѣ“. Но откуда взялъ это г. Батюшковъ? Почему французское слово „affreux“, первыя значенія котораго — страшный, ужасный, въ словарѣ Бодлера должно непремѣнно значить: отвратительный, дѣйствующій, какъ острая приправа?..

Далѣе, по словамъ поэта, горе любимой имѣ женщины не успокаивается, не смотря на всѣ его ласки („malgré ta main qui te berce“). Мой переводъ: „И, какъ няня, пытаюсь напрасно убаюкать порывъ твой ужасный“—вызываетъ опять неудовольствіе г. Батюшкова: „Въ переводѣ г. П. Я. стихи совершенно переиначены, и получается образъ какого то сантиментально-сострадательнаго поэта, который силится, но тщетно убаюкать чужое горе“. Сравненіе „какъ няня“ (въ моемъ переводѣ) онъ пишетъ

*) Г. Батюшковъ полагаетъ, что я имѣю въ виду остроуміе... Но смѣю его увѣрить, что по-русски остроуіе ума не совсѣмъ то же, что—остроуміе.

даже курсивомъ, съ знакомъ вопроса въ скобкахъ, очевидно удивляясь—откуда я могъ взять его... Но пусть обратится г. Батюшковъ къ любому толковому словарю: французское *bercer* не значитъ вѣдь—просто ласкать, какъ онъ переводитъ это слово, а именно—ласкать, какъ няня, качать, убаюкивать (имѣющійся у меня подъ руками Ляруссъ такъ опредѣляетъ значеніе *bercer*: „*balancer, un enfant pour l'endormir*“). Такимъ образомъ, торопливый критикъ совершенно напрасно бросаетъ мнѣ снисходительную улыбку: „это, можетъ быть, очень мило, но это... не Бодлера!“

Задавшись цѣлью—вездѣ въ Бодлерѣ отыскивать сокровенный смыслъ, въ стихотвореніи „*Une nuit que j'étais près d'une affreuse Juive*“ г. Батюшковъ проникаетъ въ дѣло глубже, чѣмъ позволяетъ... даже грамматика! Стихи

Je me pris songer près de ce corps vendu
A la triste beauté dont mon désir se prive.

(я принялся размышлять подлѣ этого продажнаго тѣла о жалкой красотѣ, отъ которой *воздерживается* мое желаніе, т. е. которая, по-просту говоря, мнѣ противна)—г. Батюшковъ переводитъ; „о печальной красавицѣ, которой мое желаніе *лишено*“ и разливается цѣлымъ потокомъ поученій по моему адресу („переводчикъ просто-таки пропустилъ это стремленіе поэта къ печальной красавицѣ“, „очевидно, къ другой женщинѣ, а не къ еврейкѣ“) и т. д. Согласно своему толкованію начальныхъ строкъ, критикъ передѣлываетъ и все стихотвореніе, не замѣчая получающейся у него натынутости (конечно, естественной у Бодлера!) и побѣдоносно заявляетъ: „въ переводѣ смыслъ совсѣмъ иной“.

Да, конечно, совсѣмъ иной, но я предоставляю читателю самому судить, возможно ли смѣшивать французскій глаголъ *se priver* (воздерживаться) съ *être privé* (быть лишеннымъ) *)...

*) Дальше въ подлинникѣ читаемъ: „*Je me représentai sa majesté native, son regard de vigueur et de grâces armé, ses cheveux qui lui font un casque parfumé, et dont le souvenir pour l'amour me ravive. Car j'eusse avec ferveur baisé ton noble corps et depuis tes pieds frais jusqu'à tes noires tresses déroulè le trésor des profondes caresses, si, quelque soir, d'un pleur obtenu sans effort tu pouvais seulement, ô reine des cruelles, obscurcir la splendeur de tes froides prunelles.*“—Г. Батюшковъ, по своему передавая это ясное до прозрачности мѣсто, позволяетъ себѣ совсѣмъ затушевать слово *native* (какъ будто его и нѣтъ!) и затѣмъ перевести такъ: „И если бы лежащая передъ нимъ женщина могла невольною слезой затмѣнить блескъ своихъ холодныхъ зрачковъ, то онъ и ее покрывъ бы ласками“ Откуда, однако, взялось у него это крошечное и? Критику, который такъ строго относится къ чужой работѣ, не пристало бы, мнѣ кажется, обнаруживать столько свободы въ собственныхъ переводахъ... Позволю себѣ маленькую догадку: смутилъ г. Батюшкова, по всей вѣроятности, стихъ „*dont le souvenir pour l'amour me ravive*“. Le souvenir—вспоминаніе... Значитъ, поэтъ говорить здѣсь о другой женщинѣ... Но я напомнилъ бы г. Батюшкову общизвѣстное выраженіе „le souvenir de la mort“—мысль о смерти, хотя бы и своей собственной (которую нельзя, конечно, вспоминать).

Мерещится мнѣ всюду драма.—

могъ бы сказать про себя г. Батюшковъ некрасовскимъ стихомъ. Разбирая (и тоже бракуя) мой переводъ стихотворенія „*La servante au grand coeur dont vous étiez jalouse*“, почтенный критикъ такъ комментируетъ подчеркнутую здѣсь фразу: „Говорить (это) мужъ—своей женѣ, приглашая ее пойти на могилу той, которая когда-то возбуждала ее ревность, а теперь поконится мертвой подъ скромнымъ дерномъ. Было ли что нибудь, давшее поводъ женѣ ревновать служанку—и къ кому: къ мужу? къ ребенку? Все это не выяснено, не досказано Бодлеромъ, и тѣмъ не менѣе именно упоминаніе о ревности придаетъ какой-то особый отпечатокъ не добраго поддразниванія мужа и т. д. Невольную дрожь вызываетъ этотъ, будто бы невинный, призывъ мужа снести цвѣтовъ на могилу бывшей служанки, и цѣлая семейная драма чуетъся“ и т. д.

Все это не столько не выяснено и не досказано Бодлеромъ, сколько напутано самимъ г. Батюшковымъ. Что это, въ самомъ дѣлѣ, значитъ: „ревновать *служанку* (по смыслу стиховъ—няньку) къ мужу, къ ребенку?“ Если г. Батюшковъ хочетъ сказать, что жена ревнуетъ мужа къ женщицѣ, бывшей когда то его няней и, по словамъ поэта, приходящей теперь изъ гроба приласкать его своимъ материнскимъ окомъ (*souven l'enfant grandi de son oeil maternel*), то онъ, долженъ бы, кажется, самъ понять всю неправдоподобность и даже смѣхотворность такой догадки; если же онъ имѣетъ въ виду жену поэта, ревнующую *ихъ общаго* ребенка къ нянькѣ, то вѣдь это чувство, весьма естественное у матерей, ничего недобраго въ себѣ не заключаетъ въ томъ смыслѣ, какой разумѣетъ г. Батюшковъ, да и изъ текста ясно видно, что подъ ребенкомъ разумѣется здѣсь самъ поэтъ.

Пофилософствуй—умъ вскружится!

А ларчикъ открывается, между тѣмъ, очень просто. Какъ я и перевелъ, Бодлеръ говоритъ здѣсь о собственной нянѣ, слова же „*dont vous étiez jalouse*“, по очевидному для всякаго непредубѣжденнаго читателя смыслу, относятся къ его матери... И никакой, слѣдовательно, „драмы между мужемъ и женой“, никакого „недобраго поддразниванія“ въ нихъ нѣтъ и слѣда! Подчиняясь жестокому требованію стихотворной формы, я, правда, совсѣмъ опустилъ въ своемъ переводѣ эти слова (что и подало г. Батюшкову поводъ взять на себя роль „механики мудреца“), но я думаю, что имѣю въ этомъ нѣкоторое извиненіе: въ дальнѣйшемъ текстѣ пьесы ни однимъ словомъ не упоминается больше о матери, такъ что пропускъ обращенія къ ней не наноситъ ни малѣйшаго ущерба общему смыслу стихотворенія. Я думаю, возможно даже, что и самъ Бодлеръ единственно потому вспомнилъ

здѣсь о матери, что соблазнился богатою рифмой „*jalouse*“ и „*rélouse*“: вѣдь форма имѣетъ свою власть надъ самыми даже крупными талантами...

Изъ всѣхъ приводимыхъ г. Батюшковымъ примѣровъ произвольнаго обращенія моего съ бодлеровскимъ текстомъ, я не могу опровергнуть одного только: одна изъ строфъ „Мученицы“, дѣйствительно, передана мною неправильно. Но неправильность эта несущественна по отношенію къ цѣлому пьесы, и самъ г. Батюшковъ, при всей своей придиричивости (онъ почти страницу — изъ восьми — посвящаетъ выясненію этой несущественной ошибки!), снисходительно оговаривается: „Охотно признаемъ, что въ данномъ случаѣ неточность перевода—случайный промахъ, на которомъ мы отнюдь не желали бы настаивать. Такія погрѣшности со всѣми случаются“.

Не стану спорить и относительно несовершенства стиха въ моемъ переводѣ „Признанія“. Увы! я даже думаю, что г. Батюшковъ выбралъ далеко не самый яркій и уязвимый образчикъ такого рода моихъ промаховъ, и что ихъ вообще отыщется у меня не мало... За такія указанія я, разумѣется, могу быть только благодарнымъ! Не мелочное авторское самолюбіе побудило меня взяться за такое щекотливое и неблагоприятное дѣло, какъ антикритика, и я надѣюсь, что безпристрастный читатель признаетъ это, просмотрѣвъ мою настоящую замѣтку.

Но, охотно принимая справедливыя указанія недостатковъ моихъ переводовъ, я не могу не протестовать противъ обвиненія, напр., въ томъ, будто я прибѣгаю къ систематическимъ вставкамъ, которыя „не вяжутся съ духомъ бодлеровской поэзіи“. Къ сожалѣнію, мой отвѣтъ г. Батюшкову грозитъ слишкомъ растянуться, и потому изъ нѣсколькихъ приводимыхъ имъ примѣровъ я остановлюсь лишь на одномъ, наиболѣе яркомъ. Я попрошу благосклоннаго читателя не поскучать прочесть и слѣпить подстрочный и стихотворный переводъ „Пирушки тряпичниковъ“:

Подстр. переводъ.

Часто, при красномъ свѣтѣ фонаря, когда вѣтеръ бьетъ его пламя и мучить стекло, въ сердцѣ стариннаго предмѣстья, въ грязномъ лабиринтѣ, гдѣ люди кишатъ, какъ бурныя дрожжи,

Встрѣчаешь тряпичника, который идетъ, тряся головою, спотыкался и стучался, подобно поэту, о стѣны, и, не заботясь о полицейскихъ шпионахъ, его подданныхъ, изливаетъ свое сердце въ блестящихъ проектахъ.

Стихотв. переводъ.

Ненастье. Фонарей дрожащихъ слышенъ стукъ.
Чуть льется красный свѣтъ на лабиринтъ лачугъ
Предмѣстья стараго, гдѣ бурными дрожжами
Рабочій бродитъ людъ, и грязь стоитъ морями.
Въ душѣ тряпичника, межъ тѣмъ, тепло и свѣтъ!
Качаясь, стучаясь о стѣны, какъ поэтъ.
Забывъ и помышляя о сыщикахъ коварныхъ,
Онъ весь излитъ радъ въ проектахъ лучезарныхъ:

Онъ даетъ клятвы, диктуетъ воз-
вышенные законы, ниспровергаетъ
злыхъ, поднимаетъ жертвъ и подъ
небесной твердью, висящей какъ ба-
дахня, упивается блескомъ собствен-
ной добродѣтели.

Да, эти люди, истомленные домаш-
ними печальми, измолотые трудомъ и
измученные годами, надорванные и
согнутые подъ грудой тряпья, этой
сложной своты огромнаго Парижа,

Возвращаются, пропитанные запа-
хомъ бочекъ, въ сопровожденіи това-
рищей, побѣлѣвшихъ въ бояхъ, съ
усами, висящими какъ старья зна-
мена... Хоругви, цвѣты и триумфаль-
ныя арки

Поднимаются передъ ними (торже-
ственный, волшебный видъ!), и въ
оглушительной и лучистой оргн трубъ,
сопѣла, криковъ и барабана они не-
сутъ славу стѣпленному любовью на-
роду.

Законы издастъ для всѣхъ племенъ
земныхъ,
Вѣнчаетъ лавромъ жертвъ, ниспровер-
гаетъ злыхъ
И подъ шатромъ небесъ, нависшихъ
бадахняномъ,
Отважными мнитъ себя и мощными
паладиномъ!
Старикъ, до времени согнутый и сѣ-
дой,
Измолотый трудомъ, заботой и нуж-
дой,
Уставшій подбирать вонючія тряпицы,
Отрыжку грязную прожорливой сто-
лицы,
Такъ онъ идетъ домой, въ свой уголъ
бѣдняка,
Пропитанъ запахомъ приятнымъ по-
гребка,
Съ толпой товарищей, и ихъ усы сѣ-
дые
Висятъ, какъ предъ полкомъ знамени
боевья!
Предъ ними солнца блескъ, и флаги, и
цвѣты...
И въ шумной оргн (о, свѣтлыя
мечты!)
Побѣдныхъ кликовъ, трубъ несутъ
они свободу
И воскресеня есть усталою на-
роду...

Этотъ переводъ г. Батюшковъ называетъ „вольнымъ“, а
смыслъ заключительныхъ строкъ совершенно искаженнымъ. Онъ
довольно ядовито замѣчаетъ: „Все это весьма знакомые намъ мо-
тивы собственной поэзіи г. П. Я., но вѣдь они совсѣмъ не вяжутся
съ поэзіей Бодлера“. Далеко не считая свой переводъ безукориз-
неннымъ, я всетаки, признаюсь, недоумѣваю—какимъ же требова-
ніямъ долженъ удовлетворять вообще стихотворный переводъ, что-
бы можно было признать его близкимъ къ оригиналу *). Что же
касается недоумѣнія моего критика передъ мотивомъ, будто бы
несвойственнымъ французскому поэту, то, можетъ быть, недоумѣ-
ніе это разсѣется, если я напомню г. Батюшкову (чего онъ, по-
видимому, не знаетъ), что „Пирушка тряпичниковъ“ была напи-
сана Бодлеромъ вскорѣ послѣ знаменитыхъ февральскихъ дней,
когда поэтъ самъ дрался на баррикадахъ...

Остается сказать еще нѣсколько словъ о „тонѣ изложенія“,
который я въ своихъ переводахъ очень часто, будто бы, „повы-

*) У Шиллера въ «Торжествѣ Побѣдителей» просто сказано: «И къ
дикому всегдѣ грековъ пѣнницы примѣшивали горестное пѣніе, оплакивая
свои страданія и гибель царства», а знаменитѣйшій русскій переводчикъ, Жу-
ковскій, въ своемъ переводѣ, который по справедливости считается образо-
вымъ, такъ передалъ это мѣсто: «И съ побѣдной пѣснью дикой ихъ сливался
тихій стонъ по тебѣ, святой, великій, невозвратный Иліонъ».

шаю“ и тѣмъ также приукрашиваю настоящаго Бодлера. Но именно этотъ упрекъ и есть лучшее, по моему мнѣнію, доказательство, что строгій критикъ довольно-таки невнимательно свѣрялъ мои переводы съ текстомъ *). Если о чемъ либо приходится мнѣ жалѣть, то прежде всего и больше всего о томъ, что я очень часто даже и приблизительно не умѣлъ достигъ благородной высоты бодлеровскаго тона! Выбранный г. Батюшковымъ примѣръ „повышеннаго тона“, какъ разъ, и относится къ такимъ мѣстамъ, гдѣ я *недостаточно сильно* выразилъ красивый образъ Бодлера:

En toi je tomberai, végétale ambroisie,
Grain précieux jeté par l'éternel Semeur,
Pour que de notre amour naisse la poésie
Qui jaillira vers Dieu comme une rare fleur! —

говорить у него „душа вина“, обращаясь къ утомленной рабчей семьѣ; у меня же переведено:

Я въ грудь къ вамъ упаду амброзіей священной,
Таинственнымъ зерномъ, ниспосланнымъ судьбой,
И брызнетъ изъ него, какъ солнца лучъ живой,
Цвѣтокъ поэзіи нетлѣнный!

О Бодлерѣ, какъ о поэтѣ, невозможно судить правильно, выхватывая изъ его книги то или другое отдѣльное стихотвореніе. Книга его представляетъ исключительное по своему замыслу литературное явленіе, и разсматривать и судить ее нужно во всемъ ея объемѣ, притомъ съ точки зрѣнія, которую указалъ намъ самъ авторъ въ заглавіяхъ: „Цвѣты зла“ и „Сплинъ и Идеаль“. Нельзя забывать слова, сказанныя поэтомъ послѣ осужденія его сборника полиціей нравовъ: „Развѣ актеръ, выступающій на сценѣ, отвѣтственъ за роли преступниковъ, которыхъ онъ изображаетъ? Не имѣлъ ли я права, не былъ ли даже обязанъ съ возможнымъ совершенствомъ приноровить свой умъ и талантъ ко всевозможнымъ софизмамъ и видамъ развращенности своего вѣка?“ Но критики, лишь поверхностно ознакомившіеся съ Бодлеромъ, обыкновенно про это забываютъ и все злое и жестокое, изображенное въ его книгѣ, приписываютъ самому поэту. Еще разъ — справедливо ли это? „Цвѣты Зла“ не были, съ другой стороны, и произведеніемъ чистаго искусства, обезьянства, жонглерства (опять-таки подлинныя слова Бодлера),— нѣтъ, онъ „вложилъ въ эту жестокую книгу всю свою мысль и сердце, всю свою нѣжность и ненависть, всю свою религію“; и онъ ли виноватъ, что за нена-

*) Между прочимъ, стихотвореніе «L'amour du mensonge» онъ отмѣчаетъ — повидимому, не безъ цѣли—въ числѣ непереведенныхъ мною. Пьесу эту онъ можетъ найти на 201 стран. моей книги...

вистью и злобой не всякій умѣетъ разглядѣть и нѣжное, любящее сердце, истекающее кровью при видѣ мрака и зла, царящихъ въ мірѣ?

Какъ одно изъ свидѣтельствъ противъ Бодлера, г. Батюшковъ приводитъ увлеченіе „Цвѣтами Зла“ такого завѣдомо-порочнаго человѣка, какъ Оскаръ Уайльдъ. Но по этому случаю я позволю себѣ напомнить г. Батюшкову одного изъ героевъ книги „Въ мірѣ отверженныхъ“, который изъ всѣхъ силъ старался возвести въ перлъ созданія гоголевскаго Чичикова. „Онъ восторгался его ловкой затѣей, превозносилъ до небесъ его мошенническіе таланты и кричалъ: — Такъ имъ и надо, тусямъ простокішнымъ! Чтобы губъ не разѣвали... Эхъ, кабы меня теперь на волю пустили, я-бъ не такую еще пулю отмочилъ, я-бъ имъ такого Чичикова разыгралъ...“ Неужели же, съ точки зрѣнія г. Батюшкова, обстоятельство это говорить что-нибудь противъ этической цѣнности знаменитой поэмы великаго русскаго писателя?

А, впрочемъ, скажу еще и то: я не читалъ всей статьи Оскара Уайльда, посвященной „Цвѣтамъ Зла“, но въ цитатѣ, приводимой г. Батюшковымъ, не нахожу, по совѣсти говоря, ничего ужаснаго. Напротивъ, если отбросить нѣсколько вычурную форму, то развѣ это не вѣрно, что по прочтеніи бодлеровской книги „не на одну только минуту, а на много пустыхъ, озаренныхъ луною ночей и безлюдныхъ, безсолнечныхъ дней въ душѣ твоей поселится *отчаяніе, тебѣ чужое, и чужая мука* будетъ глотать твое сердце? Прочти всю книгу, дай ей сказать твоей душѣ хоть одну изъ своихъ тайнъ, и ты жадно захочешь узнать другія, будешь питаться ядовитымъ медомъ и стремиться къ *раскаянію* въ странныхъ преступленіяхъ, *въ которыхъ невиненъ, и къ искупленію* странныхъ наслажденій, которыхъ не зналъ“. Но вѣдь заставить читателя пережить, какъ свою, чужую муку—чего больше и желать можетъ всякій истинный талантъ? И развѣ, напр., Шекспиръ, создатель леди Макбетъ, или же Достоевскій, который, очевидно, самъ пережилъ мысленно всѣ муки своего Раскольникова,—развѣ они повинны въ преступленіяхъ, которыя изображали?

Въ этомъ смыслѣ совершенно неоснователенъ титулъ „*пѣвецъ зла и порока*“, который г. Батюшковъ такъ усиленно навязываетъ Бодлеру. Хотя и не сочувствуя порокамъ, онъ обладалъ, видите-ли, даромъ проникновенія въ ихъ сущность, умѣнемъ выразить, въ чемъ заключается ихъ обаяніе... Но вѣдь никто же не назоветъ, напр., Достоевскаго, обладавшаго точно такимъ же даромъ, „проповѣдникомъ сладострастія“?! Не большей логичностью отличается, на мой взглядъ, и другой доводъ г. Батюшкова. Соглашаясь еще разъ, что Бодлеръ относится къ пороку съ осужденіемъ (ну, еще бы отрицать это!), почтенный критикъ настаиваетъ, однако, на томъ, что поэтъ, будто бы, не вѣрилъ въ возможность исправить порочную человѣческую при-

роду, и что пессимизмъ его доходилъ до полного отчаянія. Но неужели быть пессимистомъ значить непременно быть апологетомъ зла? А Леопарди? Онъ тоже былъ пѣвцомъ Зла и депотизма, въ тискахъ котораго изнывала его несчастная родина? Подъ большимъ также сомнѣніемъ остается вопросъ, считалъ-ли Бодлеръ *безнадежно* дурной человѣческую природу. Нотки безнадежности, разумѣется, отыскать можно; но вѣдь и у Некрасова встрѣчаются точь въ точь такія же ноты: „Дряхлый міръ на роковомъ пути, человѣкъ до ужаса бездушенъ“ и т. п.

Справедливо ли назвать извѣрившимся въ человѣческое достоинство поэта, который написалъ такія благородныя и возвышенныя строки:

Car c'est vraiment, Seigneur, le meilleur témoignage
Que nous puissions donner de notre dignité
Que cet ardent sanglot qui roule d'âge en âge
Et vient mourir au bord de votre éternité!

Да, съ слишкомъ различныхъ точекъ зрѣнія глядимъ мы съ г. Батюшковымъ на Бодлера. Почтенный мой критикъ безъ излишней скромности полагаетъ, что по прочтеніи его статьи я въ третій разъ (почему именно въ третій?) пересмотрю произведенія любимаго своего поэта и сознаюсь, наконецъ, что увлеченіе это было пустой иллюзіей.. Я, съ своей стороны, скажу только, что взгляды г. Батюшкова на знаменитаго французскаго поэта сложились, по всей вѣроятности, сравнительно недавно, подъ впечатлѣніемъ декадентской поэзіи новѣйшаго времени, темная тѣнь отъ которой совершенно заслонила въ глазахъ критика свѣтлую и возвышенную идейность автора „Цвѣтовъ Зла“. Г. Батюшковъ мало, повидимому, знакомъ съ тѣмъ впечатлѣніемъ, какое Бодлеръ производилъ на выдающихся представителей европейскаго общества въ тѣ времена, когда не было еще и помину о Верленахъ, Маларме и имъ подобныхъ. Я осмѣлился бы рекомендовать ему поискать слѣдовъ Бодлера въ европейскихъ литературахъ 60-хъ и 70-хъ годовъ, вспомнить о мнѣніи Виктора Гюго, итальянскаго поэта Кардуччи, англійскаго—Свинборна, польскаго поэта и критика Лянгэ (переводившихъ Бодлера и отчасти ему подражавшихъ), а также прочесть, напр., статью французскаго критика Анри Сера, изъ которой—кстати сказать—я лично и узналъ про существованіе сборника „Цвѣтовъ Зла“.

П. Я.

Японскіе рабочіе на рыбныхъ промыслахъ сѣверной Японіи и южнаго Сахалина.

Рабочіе Японіи, уходящіе на заработки за границу, избираютъ два направленія: земледѣльцы изъ южныхъ областей страны идутъ далѣе къ югу,—въ поискахъ за земледѣльческими заработками,—вплоть до Гавайскихъ острововъ и Австраліи, или же въ Америку. Рабочіе изъ мѣстностей къ сѣверу отъ Токио уходятъ на о-въ Хокайдо (Хокайдо—земля Сѣвернаго моря, Новая земля), Сахалинъ и въ Приамурскій край, занимаясь, главнымъ образомъ, рыболовнымъ промысломъ, издавна имъ привычнымъ. Положенія этихъ отхожихъ рыбаковъ и касается нашъ очеркъ. Написанъ онъ со словъ одного интеллигентнаго японца, который самъ нѣсколько лѣтъ провелъ, какъ простой рабочій, на отхожихъ рыбныхъ промыслахъ на сѣверѣ Японіи и на Сахалинѣ.

Познакомимъ читателя съ біографіей самого рассказчика, а затѣмъ съ его наблюденіями надъ жизнью японскихъ рыбаковъ,—стараясь возможно ближе придерживаться въ нашемъ изложеніи его безыскусственного разсказа.

I.

Послѣ окончанія электро-технической школы, 19-ти лѣтъ, я былъ телеграфистомъ; считался я человѣкомъ обеспеченнымъ, такъ какъ получалъ 15 рублей въ мѣсяцъ жалованья (въ Японіи врачъ получаетъ 50 рубл. въ мѣсяцъ и считается уже совсѣмъ богатымъ человѣкомъ) и при этомъ пользовался благосклоннымъ вниманіемъ начальника телеграфной конторы. Но у меня не было свойственной большей части моихъ товарищей склонности проводить жизнь безпечно и въ кутежахъ. Съ однимъ изъ этихъ товарищей я любилъ читать журналы, въ которыхъ сообщались свѣдѣнія о жизни въ Америкѣ и о счастливыхъ жителяхъ этой страны. Я часто сравнивалъ съ ними бѣдныхъ и грубыхъ рыбаковъ Хокайдо (будучи чиновникомъ на станціи въ приморскомъ городкѣ, я часто видѣлъ на берегу рабочихъ, грубыхъ и несчастныхъ по поясъ въ холодной водѣ) и думалъ: какъ сдѣлать, чтобы японскіе рабочіе также были счастливы и могли получать пенсію, а не пропадать безъ помощи, чтобы хозяинъ обращалъ вниманіе на японскаго рабочаго, какъ обращаютъ американскіе.

Однако я не во всемъ винилъ японскаго хозяина-промыш-

ленника, который часто тоже страдалъ и разорялся отъ болѣе богатыхъ промышленниковъ. Я думалъ, что лучшая организація рыбнаго дѣла на берегахъ Японіи—по образцу американскихъ рыбныхъ промысловъ; развитіе предприимчивости среди японцевъ, распространеніе научныхъ свѣдѣній сдѣлаютъ это дѣло менѣе рискованнымъ и улучшить положеніе какъ бѣдныхъ промышленниковъ, такъ и ихъ рабочихъ,—такъ какъ болѣе энергичная работа потребуетъ и болѣе сильныхъ и обеспеченныхъ рабочихъ.

Сначала моя мысль была направлена на отдаленныя страны, гдѣ ловля, какъ я читалъ въ американскихъ журналахъ, требовала много энергіи, мужества, научныхъ знаній и любви ко всякому труду. Въ это время въ Хакодате стояло много хищническихъ, англійскихъ, американскихъ и шведскихъ судовъ (отъ 100 до 120). Мой товарищъ, не долго думая, поступилъ на одно изъ американскихъ судовъ, „но мои глаза больше обращались къ японскимъ берегамъ“. Я рѣшилъ, что по образцу американской промышленности, сначала нужно развить береговой промыселъ Японіи; но прежде всего нужно изучить промысловыя условія и, главное, жизнь самого рабочаго.

Я не хотѣлъ поступить приказчикомъ на промыселъ, потому что хотѣлъ познакомиться съ жизнью простыхъ рыбаковъ; ѣсть и спать съ ними вмѣстѣ и испытать, сколько силъ надо для этого. Я думалъ опубликовать все испытанное. Затѣмъ нужно было изучить промысловую жизнь и самое дѣло, собрать образчики рыбы въ разные періоды ея хода и представить все это на выставку или въ школу рыболовства; главное же, „дать молодымъ людямъ понятіе, что дурно и что хорошо въ нашей странѣ въ жизни рабочаго“.

Мнѣ хотѣлось испытать самое трудное въ жизни рыбака, и такъ какъ трехмѣсячный сезонъ лова селетки на Сахалинѣ считался самымъ труднымъ и опаснымъ, то я разузналъ, кто главный рыбопромышленникъ Сахалинскихъ артелей. Я пришелъ къ нему прямо въ домъ, безъ рекомендаціи.

— Мнѣ сказали, что вы ѣдете на Сахалинъ?—спросилъ я.

— Да,—отвѣтилъ онъ,—я уже болѣе 20-ти лѣтъ выѣзжаю туда на джонкѣ или шкунѣ.

— Не примете ли вы меня, для знакомства съ промысловымъ дѣломъ, простымъ рабочимъ?

Онъ не зналъ, кто я и откуда, и чѣмъ занимался раньше, но, видя, что я не рабочій, съ нѣжными руками, очень удивился моему желанію поступить на такую простую работу и спросилъ:

— Зачѣмъ вамъ это надо?

Я искренно изложилъ свое мнѣніе относительно поднятія промысловаго дѣла въ Японіи, но умолчалъ о главной своей цѣли—изученіи жизни рабочаго, боясь его отказа. Хозяинъ согласился, но немного посмѣялся, сказавъ:

— Вы не выдержите и скоро бросите ваши бредни, какъ всѣ молодые люди.

Тутъ онъ началъ рассказывать о трудностяхъ пути и работѣ.

Я усиленно просилъ его, горячо протестуя и повторяя: „я не брошу своего намѣренія“!

Наконецъ, онъ окончательно согласился, и я обѣщалъ подать прошеніе объ увольненіи меня отъ должности телеграфнаго чиновника.

Въ этотъ первый визитъ хозяинъ показался мнѣ смирнымъ и образованнымъ человѣкомъ.

Когда я подалъ начальнику телеграфной конторы прошеніе объ увольненіи, онъ очень удивился моему намѣренію и уговаривалъ меня не уходить, обѣщая дать возможность учиться весной въ высшей электротехнической школѣ, для полученія лучшаго мѣста на телеграфѣ.

Я не открылъ ему причины своего ухода и, поблагодаривъ за участіе, подалъ все-таки прошеніе. Черезъ недѣлю я получилъ увольненіе отъ министерства путей сообщенія.

Въ кругу моихъ товарищей по службѣ, которыхъ было пятьдесятъчеловѣкъ, я говорилъ о своемъ намѣреніи только двоимъ и то еще ранѣе. Теперь они очень удивились моей рѣшительности, но сочувствовали мнѣ.

Первымъ долгомъ я счелъ нужнымъ одѣться, какъ простой рабочій, для чего купилъ себѣ ихъ обычный костюмъ и повязалъ голову рабочимъ платкомъ (чиновники и высшее сословіе носятъ шляпы).

Въ новомъ костюмѣ я пошелъ въ сарай рыбопромышленника, къ которому поступилъ по условію даромъ, только за пищу.

П.

Оставшись въ Японіи на первый сезонъ лова (до отъѣзда на Сахалинъ было еще далеко), я сталъ присматриваться къ условіямъ жизни рабочаго въ Японіи.

Городъ Хокайдо, центральный городъ острова Хокайдо, служить сосредоточіемъ какъ найма и отправки рабочихъ на промыслы, такъ и рыбопромышленныхъ операцій хозяевъ. По берегамъ самого острова расположены многочисленные рыбалки и, какъ только начинается рыбный сезонъ, Хокайдо переполняется рабочими и промышленниками. Участки рыбопромышленниковъ на Хокайдо очень малы, однако каждому хозяину нужно не менѣе 4000 рублей, чтобы вести селечный промыселъ, и до 3000 рубл.—для промысла горбуши и кэты. Многие промышленники, не имѣя капитала, находятъ кредитъ въ самомъ Хокайдо; они являются въ Хокайдо за долго до открытія рыбнаго лова и

устраиваютъ свои дѣла посредствомъ широко распространеннаго народнаго обычая „адѣ“. По этому обычаю крестьянинъ, получая весной ссуду для посѣва риса (зерномъ или деньгами), обязуется возвратить займодавцу свой долгъ осенью зерномъ, по самой дешевой цѣнѣ, существующей на мѣстномъ рынкѣ. Подобно этому и рыбопромышленники обязуются уплатить долгъ свой по окончаніи лова рыбою или рыбными продуктами, по наименьшей рыночной цѣнѣ.

Въ сущности, такой рыбопромышленникъ не капиталистъ, а слуга чужого капитала, пользующійся кредитомъ, вообще очень распространеннымъ въ Японіи.

Рыбопромышленникъ, получившій ссуду, начинаетъ нанимать рабочихъ и покупаетъ здѣсь же въ Хокайдѣ всѣ снасти и запасы. Наемъ рабочихъ идетъ черезъ особыхъ агентовъ, у которыхъ давно уже скопилось много рабочихъ рукъ въ ожиданіи наемщиковъ: эти агенты обыкновенно содержатъ гостиницы для рабочихъ. Не многіе изъ рабочихъ идутъ прямо къ тѣмъ хозяевамъ, у которыхъ работали раньше, или по рекомендаціи работавшихъ у нихъ товарищей.

Большинство рабочихъ, идущихъ на промысла въ Хокайдѣ, или переселенцы съ разныхъ мѣстъ сѣверной Японіи, пришедшіе искать счастья въ Хокайдѣ, или несчастливцы, потерпѣвшіе отъ голода, землетрясенія, наводненія, пожара и др. бѣдствій. Они приходятъ въ Хакодате чистые душой, неспособные на обманъ, довѣрчивые и неопытные, и сразу попадають въ дешевыя гостиницы-притоны, хозяева которыхъ поджидаютъ и зазываютъ ихъ къ себѣ. Рабочій съ готовностью и благодарностью принимаетъ предложеніе посредническихъ услугъ хозяина притона; наемъ затягивается, а рабочій успѣлъ уже задолжать и подъ давленіемъ долга поспѣшно соглашается принять первое сдѣланное предложеніе, при чемъ платитъ еще коммиссіонныя агенту-хозяину. Въ результатѣ, въ выигрышѣ рыбопромышленникъ и агентъ, который получаетъ коммиссіонныя и отъ наемщиковъ, и отъ рабочихъ. Часто рабочій, вдобавокъ ко всему этому, проигрываетъ еще въ счетъ будущей получки шуллерамъ въ притонахъ и остальные гроши. Условіе найма дѣлается обыкновенно письменное; наниматель гарантируетъ себя разными штрафами въ случаѣ отказа рабочихъ выполнять приказанія, а рабочіе получаютъ только право требовать своевременнаго возвращенія съ работы на родину или въ условленное мѣсто. Въ случаѣ побѣга рабочаго отвѣтственность падаетъ на агента.

Рабочій получаетъ задатокъ, обыкновенно половину или третъ жалованья (изъ 30—40 рубл. за сезонъ), и, расплатившись съ агентомъ, покупаетъ на оставшіяся копейки керимонъ (легкая одежда), короткій платокъ на голову, соломенные туфли и теп-

лый ватный халатъ, который служить ему подстилкой въ холодномъ сараѣ и единственной защитой отъ холода на морѣ.

На зафрахтованномъ пароходѣ рабочіе отправляются на мѣсто лова.

Опытные рабочіе иногда убѣгаютъ дорогой, но надзоръ за ними очень бдительный.

По прибытіи на мѣсто, партія должна безпрекословно исполнять всѣ приказанія „синдо“ старшаго и младшаго (довѣренныхъ хозяевъ по дѣлу и по расправѣ съ рабочими). Партія распределяется вначалѣ на подготовительныя работы: въ лѣсъ за бревнами для устройства дамбъ подъ тукъ и за дровами для будущей варки тука. Часть рабочихъ вытаскиваютъ кунгасы изъ зимнихъ сараевъ, и проч.

Время до начала лова и самое начало лова очень холодное.

Рабочіе живутъ въ сараяхъ, крытыхъ только рогожей, гдѣ согрѣваются у очага отъ холодовъ ранней весны. Но еще труднѣе становится рабочему съ началомъ хода рыбы (тоже очень холодное время).

Рабочіе встаютъ въ два часа ночи, ложатся въ девять часовъ вечера. Праздниковъ никогда не бываетъ, кромѣ двухъ, по обычаю: въ началѣ лова и въ концѣ его, чтобы распить подаренную хозяиномъ „саки“ (рисовая водка). Рабочіе получаютъ процентъ со всего улова за сезонъ, именно $\frac{1}{11}$ часть, что составляетъ на человѣка отъ 3—12 рубл. Однако штрафы поглощаютъ зачастую весь заработокъ.

Пища дается довольно обильная, хотя однообразная, — рисовый супъ съ соленой рыбой по три раза въ день; плохое качество продуктовъ нерѣдко вызываетъ возмущенія рабочихъ. Самою трудною работою считается ловъ селедки въ морѣ. Эта работа производится ночью, когда попадается больше рыбы. Въ темную, часто бурную ночь (ходъ рыбы не ждетъ), отправляются два кунгаса, съ 15-ю человѣками каждый, сторожить ходъ рыбы; ихъ сопровождаетъ сторожевая лодка для сношенія съ берегомъ.

Рабочіе, вытянувшіе тоню, въ мокрой одеждѣ присаживаются къ костру, не зная, согрѣваться-ли или перехватить комокъ риса, нарочно приготовленнаго комкомъ, чтобы съѣсть поскорѣе. Хватаютъ его руками, смоченными морскою водой, изъ общей чашки, отчего рисъ приобретаетъ вкусъ морской воды. Ночью вытаскивается неводъ отъ 30 до 40 разъ; понятно, что рабочіе не имѣютъ времени спать. Къ утру руки рабочихъ опухаютъ отъ холодной воды, глаза воспаляются отъ бессонницы, вѣтра и костра, лица закопчены дымомъ, а голоса хрипятъ отъ постоянной пѣсни, при вытаскиваніи невода, при чемъ синдо велитъ пѣть громче, чтобы рабочій не ускользнулъ отъ работы.

Вытащенный уловъ нужно караулить на кунгасѣ; нужно вычерпывать рыбу изъ громаднаго мѣшка въ лодку, подвозить на

берегъ, спѣша, чтобы не подхватилъ штормъ и не унесъ и уловъ, и невода.

Сторожъ у невода на кунгасѣ нерѣдко погибаетъ отъ шторма и долженъ быть изъ храбрыхъ, потому что помощь съ берега рѣдко поспѣваетъ; люди какъ-то привыкаютъ къ опасности и не спѣшатъ спасать и спастись. Иногда уносятъ въ море и кунгасы съ рабочими, если плохо разсчитано время въ ночные штормы.

На сушѣ днемъ начинается работа варки тука—тѣми же рабочими, которые спали ночью только два часа—а между тѣмъ, варка тука очень отвѣтственная работа, требующая, во-первыхъ, быстроты, потому что въ дождь сваренный тукъ не высушивается, а загниваетъ; во-вторыхъ,—искусства, такъ какъ не проваренный во всю глубину тукъ тоже загниваетъ и теряетъ цѣну. Работа эта, кромѣ того, трудна вслѣдствіе невозможности отлучиться отъ костра, на которомъ стоитъ котель. Дымъ отъ этого костра воспаляетъ глаза,—и безъ того больные отъ ночной работы,—и мѣшаетъ работать. Сваренная рыба требуетъ усиленной прессовки, и ослабѣвшій рабочій исполняетъ ее съ трудомъ. Опытный рабочій дѣлаетъ 10 прессовъ въ день, слабый не сдѣлаетъ и половины. Рабочаго ждетъ или вознагражденіе до 10-ти рублей за эту работу, или не меньшій штрафъ.

III.

Селедочный промыселъ на островѣ Хокайдо ведется 300 лѣтъ; технически онъ почти не совершенствуется, нововведенія не примѣняются, и промысловое дѣло ведется по старинѣ, только нѣкоторые болѣе мелкіе и дешевые инструменты нѣсколько улучшились. Ведется дѣло всегда однимъ хозяиномъ; компаніи въ Японіи встрѣчаются рѣдко; можно назвать двѣ-три на островѣ Хокайдо. Одна изъ нихъ „Мацуй“ для ловли красной рыбы очень большая, имѣетъ банкъ, свои пароходы и отдѣленія въ Лондонѣ, Америкѣ и Шанхаѣ, но члены этой компаніи всѣ родственники между собой. Другая—„Суисанкайша“ (суи—вода, санъ—господинъ, кайша—компанія), на паяхъ, съ основнымъ капиталомъ 300 тысячъ рублей, имѣла три шхуны и субсидію отъ правительства для ловли морскихъ звѣрей; занималась она и ловлей трески. Компанія имѣла наемныхъ рабочихъ-специалистовъ стрѣлковъ и велась не на семейныхъ началахъ. Теперь эта компанія обанкротилась.

Устойчивымъ предпріятіемъ въ Японіи считается то, въ которомъ все управленіе ведется родственниками. Если промыселъ развился, то хозяинъ долженъ имѣть довѣренныхъ лицъ во всякомъ изъ его участковъ. Обыкновенно стараются взять бѣднаго члена своей семьи: брата или другого родственника, для чего

подготавливают намяченное лицо съ дѣтства; или берутъ чужихъ сиротъ, бѣдныхъ дѣтей и усыновляютъ ихъ; или вводятъ въ семью новыхъ членовъ посредствомъ браковъ, при чемъ даютъ часть земли или небольшое имущество съ условіемъ — помогать главѣ семьи. Кто не имѣетъ такихъ вѣрныхъ управляющихъ, нанимаетъ лучшихъ и испытанныхъ изъ своихъ рабочихъ; но такіе управляющіе долго не уживаются на одномъ мѣстѣ.

На промыслахъ, гдѣ управляетъ родственникъ хозяина, рабочимъ живется плохо: наживаясь на счетъ своего хозяина, до вѣреннаго родственника старается свалить малую доходность промысла на плохую работу рабочихъ; на самомъ же дѣлѣ, кладетъ себѣ доходы въ карманъ. Къ рабочимъ управляющіе и приказчики относятся обыкновенно дурно. Ближе къ рабочимъ стоятъ и болѣе съ ними ладить „синдо“, на обязанности котораго лежить непосредственное завѣдываніе ловомъ и приготовленіемъ рыбы или тука. Синдо самъ долженъ быть умѣлымъ рыболовомъ: онъ проводитъ по необходимости всѣ дни съ рабочими, и потому старается не слишкомъ раздражать ихъ. Онъ ближе къ рабочимъ и ихъ понятіямъ, онъ долженъ обладать физической силой и быть способнымъ разнимать дерущихся, а иногда и выдерживать нападенія разсерженнаго рабочаго. Самъ синдо немного привыкаетъ терпѣть. Часто ему приходится молча выслушивать импровизацію рабочихъ, которые, вытягивая тоню, поютъ то, что они думаютъ въ данный моментъ *).

IV.

Придя въ сарай, гдѣ жили рабочіе моего будущаго хозяина, я прежде всего разыскалъ синдо. Синдо не зналъ, кто я, но, спустя часъ, пришелъ хозяинъ и, указавъ на меня, объяснилъ ему дѣлъ моего поступленія. Синдо далъ мнѣ ту же работу, которую исполняли въ этотъ день всѣ рабочіе въ сараѣ, именно: привязывать къ соломеннымъ канатамъ каменныя грузила. Я старался дѣлать, какъ другіе, но, къ стыду моему, скоро на рукахъ выступила кровь и каждое движеніе рукой стало очень болѣзненнымъ. Рабочіе посматривали на меня и тихонько разговаривали между собой, а хозяинъ пришелъ и посмѣялся надо мной. Наступила пора обѣдать. Подали низенькіе столики изъ простого теса (очень длинныя доски на ножкахъ, высотой вершка три), за каждымъ столомъ сидѣло человѣкъ по десяти. Поваръ подавалъ каждому по чашкѣ (изъ простого фарфора, вмѣстимостью стакана въ два), блюдечко и двѣ палочки для захватыванія риса, потомъ закричалъ, чтобы

*) Напримѣръ: нашъ синдо дуракъ, скупой. Далѣе обыкновенно слѣдуютъ намеки скабрезнаго характера по адресу того же синдо, приказчика и хозяина.

садились обѣдать. Всѣ шумно бросили работу и усѣлись на циновкахъ, поджавъ ноги. Я хотѣлъ поговорить съ синдо и намѣревался сѣсть рядомъ, но онъ повернулся и ушелъ обѣдать въ свое отдѣленіе. Я съѣлъ свою порцію, хотя и съ большимъ трудомъ и насиліемъ надъ собой: рисъ оказался черноватымъ и съ дурнымъ запахомъ, супъ изъ соленой горбуши тоже плохой. Рабочіе же ѣли по нѣскольку чашекъ съ аппетитомъ. Обѣдали около получаса, послѣ обѣда отдыхали часъ. Во время отдыха одни спали, другіе играли въ карты, а третьи болтали и смѣялись. Черезъ часъ было приказано снова приняться за работу: однихъ послали сушить неводъ, только что вымоченный въ отварѣ изъ дерева, предупреждающемъ отъ гніенія, другіе продолжали прерванную работу. Въ 7 часовъ вечера работы закончили и сѣли ужинать; ужинъ былъ подобенъ обѣду. Послѣ ужина синдо освободилъ всѣхъ, предоставивъ идти, кто куда хотѣлъ, и въ сараѣ остался только сторожъ лѣтъ 70-ти. Я остался съ нимъ и завелъ разговоръ. Онъ былъ совсѣмъ лысый и сморщенный, но еще здоровый, съ сильными отъ долголѣтней работы руками. Зубы были цѣлы и рѣчь его была ясна. Однако спина его уже согнулась. Онъ рассказалъ мнѣ свою исторію.

— Однажды ночью, служа матросомъ, я, безъ разрѣшенія командира джонки, вышелъ на берегъ съ товарищами, закутилъ въ одномъ тайномъ притонѣ и опоздалъ возвратиться къ сроку на джонку. Договоръ служащихъ на джонкахъ, хотя и заключенный домашнимъ порядкомъ, былъ строгъ; поэтому я рѣшилъ не возвращаться и избѣжать перевода въ низшіе служители безъ жалованья. Не хотѣлось мнѣ видѣть раздраженное лицо капитана, и я бѣжалъ. Найти мѣсто оказалось очень трудно, такъ какъ я не зналъ ни земледѣлія, ни какой другой работы, кромѣ матросской службы. Денегъ у меня не было, и я шатался по улицамъ, прося милостыню. Скоро я наткнулся на одну компанію шуллеровъ, которая имѣла свою организацію и пригласила меня членомъ. Это было отдѣленіе главной большой компаніи въ 300—400 членовъ; каждому примкнувшему давали немного денегъ, на которыя онъ велъ шуллерскую игру въ пользу хозяина, за что его одѣвали и кормили. Самая горячая шуллерская игра велась во время сбора рабочихъ въ городѣ для весенняго и осенняго найма на промыслы. Члены общества уходили въ разные мѣста острова и обыгрывали рабочихъ.

Какъ новый членъ компаніи, я былъ очень исполнительенъ, привыкнувъ на джонкѣ подчиняться безпрекословно. Я игралъ, мошенничалъ, привыкъ къ развратной жизни въ притонахъ и со страхомъ думалъ о трудѣ и честной работѣ. Не разъ я сидѣлъ въ тюрьмѣ, такъ какъ картежные притоны въ Японіи запрещены,—но привыкъ и къ тюрьмѣ.

Наконецъ, я началъ обманывать самого хозяина, не отдавая

ему выигрыша; показываться на глаза къ хозяину стало стыдно и опасно, такъ какъ бывали и случаи убійства такихъ нарушителей выгодъ хозяина. Я снова бѣжалъ, и въ этотъ разъ на отдаленный промыселъ. Это дѣло не казалось мнѣ особенно противнымъ, по старой привычкѣ къ морю. И вотъ, такъ и остался на этой работѣ всю жизнь.

— А вы женаты? имѣете семью?

— Во время своей безпутной жизни я зналъ одну женщину, но уступилъ ее товарищу за карточный долгъ. Послѣ того я жилъ холостякомъ; о своихъ родныхъ ничего не знаю, потому что ничего не писалъ имъ со времени прибытія на Хокайдо,—писать было стыдно. А теперь у меня нѣтъ денегъ. Я получаю за селечный сезонъ 30 руб., за три мѣсяца; но, получивъ задатокъ, долженъ купить себѣ одежду, заплатить долги, а вторая половина жалованья въ концѣ сезона почти вся идетъ на вычеты и штрафы, такъ что я спѣшу договориться къ другому хозяину, начавшему ловить маленькія селедки—кильки; тамъ за два мѣсяца даютъ отъ 15 до 20-ти рублей. Потерявъ опять половину жалованья, я тороплюсь поступить къ третьему на осенній ловъ кэты, и такъ далѣе, весь годъ.

Наступила ночь и рабочіе стали возвращаться въ сарай, кто съ громкими пѣснями, кто шатаясь отъ вина, кто хвастаясь украденными въ ресторанѣ пустяками, какъ подвигомъ храбрости. Нѣкоторые возвращались въ сопровожденіи поддерживавшихъ ихъ уличныхъ женщинъ. Въ сараѣ стоялъ шумъ; приходящіе усаживались вокругъ горящаго очага, смѣясь, хохоча, гримасничая. Но мало-по-малу усталость загоняла рабочихъ на свои мѣста (постели на нарахъ), а нѣкоторые спали прямо на землѣ, около очага. Въ сараѣ раздавался громкій хрипъ раскидавшихся въ беспорядкѣ, почти голыхъ рабочихъ, спавшихъ среди грязи и пыли. Я улегся въ сторонкѣ, но мнѣ не давали уснуть и люди, и насѣкомыя. Хотя былъ май, но ночи были холодныя, и я удивлялся, какъ всѣ спятъ прямо на рогожахъ, покрываясь только ватнымъ халатомъ. Я чуть не убѣжалъ изъ сарая въ комнату хозяина, который не разъ зазывалъ меня къ себѣ ночевать. Но было совѣстно согласиться на это послѣ многихъ отказовъ.

На другой день въ четыре часа утра всѣ рабочіе принялись уже за работу.

У.

Первыя впечатлѣнія, вынесенныя мною изъ знакомства съ нравами и привычками рабочихъ, были не особенно благоприятны.

Поражала меня ихъ грубость. Не разъ приходилось мнѣ быть свидѣтелемъ, какъ, заставъ проходящихъ торговцевъ и торговекъ,

одни изъ рабочихъ старались занять ихъ разговоромъ, а другіе въ то же время незамѣтно брали ихъ товаръ; или какъ рабочіе издѣвались надъ прохожими, крича: „смотрите какія длинныя ноги“, „вотъ какая некрасивая“, „вотъ миленькая! Иди, я тебѣ дамъ подарокъ“.

Помню, какъ однажды я возвращался въ сарай съ однимъ изъ рабочихъ; вдругъ онъ подбѣжалъ къ мимо проходившей женщинѣ и, униженно бросившись на колѣни (въ знакъ вѣжливости), сталъ просить дать ему гребешокъ изъ головы, чтобы причесать волосы,—женщина покраснѣла отъ оскорбленія, но бросила ему гребешокъ. Я стѣснялся ходить съ рабочими по улицамъ. На мой вопросъ: зачѣмъ они такъ ведутъ себя?—все смѣялись.

Поражали меня также рассказы рабочихъ о разныхъ случаяхъ ихъ жизни, при чемъ они нерѣдко явно хвастались такими поступками, которые совсѣмъ не заслуживали одобренія.

Такъ, одинъ рабочій рассказывалъ, что онъ постоянно убѣгаетъ отъ хозяина, получивши задатокъ. Разъ, когда онъ убѣжалъ, его догнали на лошади, схватили, связали и били кнутомъ, привязавъ къ сѣдлу. По возвращеніи въ сарай, его подвѣсили на веревкѣ къ потолку (десять лѣтъ тому назадъ на островѣ Хокайдо, на самой восточной окраинѣ существовалъ еще самосудъ) и не давали ѣсть и пить цѣлый день. Мало того, хозяинъ приказалъ всѣмъ остальнымъ рабочимъ по очереди бить его палкою. Если кто не соглашался бить товарища, то и того наказывали.

Работникъ, наказанный хозяиномъ, не только не получаетъ ни копѣйки послѣ окончанія сезона, но его задерживаютъ и дольше, заставляя работать, чтобы покрыть оставшіяся за нимъ долгъ.

Вслѣдъ за первымъ, сталъ рассказывать и другой рабочій о самосудѣ, который онъ тоже испыталъ за неисполненную работу:

— Меня съ другими товарищами задержали послѣ окончанія сезона; тогда мы, человекъ пять, рѣшили сообща бѣжать съ промысла. Хотѣли бѣжать черезъ лѣсъ, боясь, что на большой дорогѣ насъ застигнетъ погоня. По условію, мы поднялись ночью поодионокѣ и, проскользнувъ мимо сторожа, собрались въ назначенномъ мѣстѣ въ лѣсу. Мы дрожали въ своей плохой одеждѣ; никто не захватилъ провизіи и компаса (въ Японіи рыболовы и моряки знаютъ его употребленіе), пришлось руководиться мерцаніемъ южной звѣзды, къ указаніямъ которой мы привыкли, работая въ ночное время на кунгасѣ. Шесть дней мы пробыли въ тайгѣ, питааясь лѣсными растеніями, и все спѣшили дойти до рѣчки, которую надѣялись встрѣтить на седьмой день пути. Наконецъ, мы ея достигли, но едва избѣжали голодной смерти. Нѣкоторымъ удалось поступить послѣ на другіе промыслы, я же не осмѣлился выйти на людное мѣсто и рѣшился остаться жить

въ лѣсу, гдѣ сошелся съ анкой и прожилъ съ ней 6 лѣтъ въ построенной нами юртѣ, питаюсь рыбой и травой.

Нѣкоторые рабочіе были женаты и имѣли дѣтей. Жены приходили къ мужьямъ въ сарай въ день получекъ задатка и просили денегъ. Мужъ обыкновенно старался отговориться: „приходи завтра; сегодня хозяинъ мнѣ не далъ“. Вечеромъ онъ шлялся по улицамъ и прокучивалъ деньги, до послѣдней копейки. На другой день жена и дѣти приходятъ опять, и мужъ волей-неволей идетъ къ хозяину просить еще денегъ. Если хозяинъ дастъ рубль, то семья получаетъ его; а если откажетъ, то рабочій выпрашиваетъ у товарища хоть 50 коп., съ которыми жена и возвращается домой.

Среди рабочихъ Японіи очень развиты игры и единоборство. Эти развлечения превращаются часто въ преступную страсть. Во время единоборства окружающіе держутъ пари за побѣдителя, такъ же, какъ и сами участвующіе, дерутся на призы. Смертные случаи нерѣдко бываютъ исходомъ единоборства.

Но еще болѣе распространена игра въ карты. Мы упоминали раньше о картежныхъ притонахъ въ рабочихъ гостиницахъ. Среди самихъ рабочихъ есть члены разныхъ шаекъ шуллеровъ, имѣющихъ правильную организацію, съ очень деспотическимъ управленіемъ. Членамъ шуллерскаго общества вмѣняется въ обязанность, въ случаѣ публичныхъ обвиненій въ мошенничествѣ, защищаться. Благодаря этому, развивается привычка дорожить своеобразной честью главы компаніи, товарищей и своей собственной: для защиты ея пускается нерѣдко въ ходъ и оружіе; членъ компаніи, не радѣющій объ ея чести, подвергается исключенію.

Зачастую бываютъ сцены въ такомъ родѣ. Проигравшійся сердится и говоритъ: „ты мошенничаешь! Но тебѣ не удастся всегда меня обыгрывать, ты случайно меня обыгралъ!“ Шуллеръ отвѣчаетъ: „ты оскорбляешь меня, и я готовъ драться съ тобой до смерти“. — „Ну, пойдемъ драться!“ — и противники вынимаютъ изъ-за пазухи ножи или пускаютъ въ ходъ кулаки.

Оскорбленіе имени главы шайки вызываетъ еще болѣе ожесточенную защиту по обязанности, — особенно, если оно имѣло мѣсто въ присутствіи надзирателя; смертный исходъ столкновеній въ этихъ случаяхъ всего чаще.

Въ настоящее время, когда Новая Земля (Хоккайдо) организована административно, такихъ самосудовъ меньше, такъ какъ за порядкомъ слѣдитъ полиція и жандармы, соперничающіе въ усердіи.

Бываетъ, что всевыносящій рабочій въ день праздника, заканчивающаго работы, подъ вліяніемъ выпитой водки-саки, осмѣливается выместить на своихъ притѣснителяхъ вынесенныя обиды. Если хозяинъ не скроется во время, особенно послѣ нечестной

расплаты, то прежде всего страдаетъ его имущество; но иногда дѣло заходитъ и дальше, и нерѣдко протесты рабочихъ оканчиваются убійствомъ.

VI.

Итакъ, первый сезонъ лова я провелъ въ Японіи. Наступило время отъѣзда на Сахалинъ.

Рабочіе, нанятые на сезонъ лова на Сахалинъ, составляютъ классъ общества, который считается самымъ несчастнымъ въ Японіи; на Сахалинъ ѣдутъ люди, или потерявшіе репутацію честныхъ рабочихъ на прежней службѣ, или не умѣющіе найти никакой лучшей работы. Это можно сказать, впрочемъ, и обо всѣхъ рабочихъ, идущихъ на рыбные промыслы Японіи, но къ отъѣзжающимъ на Сахалинъ примѣнима такая характеристика по преимуществу.

Всякій изъ отъѣзжавшихъ зналъ о страшномъ пути въ трюмѣ тѣснаго паруснаго судна, на шкунѣ или джонкѣ, рейсъ которой свершается по волѣ вѣтра отъ двухъ до четырехъ недѣль и больше. При скудныхъ запасахъ пищи и свѣжей воды, рабочіе привозятся на Сахалинъ, въ случаѣ бурнаго пути, полумертвые, т. е. распухшіе отъ цынги и „какка“,—мѣстная болѣзнь „бери-бери“, родъ почти неизлѣчимой водянки. Больные, привезенные на Сахалинъ въ концѣ марта, помѣщаются въ холодные сараи, удаленные отъ Корсаковска, единственнаго мѣста, гдѣ можно получить медицинскую помощь, на десятки и сотни верстъ. Въ Корсаковской лѣчебницѣ, если и остаются, то или совсѣмъ умирающіе, или на самое короткое время, потому что рабочіе боятся потерять свой заработокъ и даже, быть можетъ, средства къ существованію въ незнакомой странѣ.

Въ мартѣ на югѣ Сахалина идетъ еще ледъ, но сейчасъ вслѣдъ за нимъ и сельдь (золотое дно Сахалина), и, слѣдовательно, время труда, требующаго особеннаго напряженія рабочей энергіи.

Пропустить ловъ сельди въ теченіе двухъ-трехъ недѣль хода,—значить разориться. Дальнѣйшая работа — заготовка тука, — сравнительно, легче, особенно съ наступленіемъ тепла: но притѣсненія и придирки хозяевъ усиливаются вмѣстѣ съ уменьшеніемъ зависимости хозяевъ отъ усердія рабочихъ. Въ общемъ, порядки на промыслахъ были тѣ же, что и въ Японіи.

На Сахалинѣ болѣе, чѣмъ на родинѣ, я старался завязать тѣсныя отношенія хотя съ нѣкоторыми изъ рабочихъ. Скажу о нѣсколькихъ, съ которыми удалось мнѣ ближе сойтись. Среди нихъ особенно вспоминаю одного молодого рабочаго, родомъ изъ дворянскаго сословія. Изъ его словъ я заключилъ, что онъ былъ бѣденъ съ дѣтства, однако получилъ воспитаніе въ

школъ и хорошо писалъ. Онъ горько жаловался мнѣ на свое положеніе и искренно хотѣлъ оставить жизнь промысловаго рабочаго, въ которой онъ прожилъ уже десять лѣтъ, шатаясь съ одного промысла на другой; хотѣлъ возвратиться въ свою провинцію Найчи (т. е. Внутренняя земля, Главный островъ), гдѣ осталась его жена съ двухлѣтнимъ сыномъ. Онъ боялся переноситься мыслью къ нимъ, хотя невольно постоянно говорилъ о нихъ, гадая о томъ: живы они или нѣтъ. На нашемъ промыслѣ онъ встрѣтилъ земляка и былъ пораженъ извѣстіемъ, что жена его не перестаетъ ждать его возвращенія, а сынъ выросъ въ двѣнадцатилѣтняго мальчика. Я подкрѣпилъ его желаніе собрать немного денегъ для возвращенія на родину. Къ несчастью, онъ задумалъ выиграть въ карты поскорѣй все, что ему нужно, и, проигравъ все жалованье, бѣжалъ неизвѣстно куда.

Года три спустя я услышалъ на одномъ промыслѣ его фамилію. Хотѣлъ повидаться съ нимъ, но онъ явно избѣгалъ встрѣчъ со мною.

Еще болѣе заинтересовалъ меня другой рабочій, повидимому очень смирный, бѣлолицый, крѣпкаго сложенія, но какъ будто не привычный къ работѣ на промыслѣ; онъ посматривалъ часто украдкой на меня, но я не заговаривалъ съ нимъ. Изъ разговоровъ его съ товарищами я замѣтилъ его не простой выговоръ; онъ говорилъ рабочимъ разные пустяки высокими слогами, и я заинтересовался этимъ чудачкомъ. Оказался онъ бывшимъ писцомъ въ полицію; отставленный отъ службы за какую-то вину, онъ поступилъ на простую работу. Я хотѣлъ разспросить обо всемъ его самого, но онъ избѣгалъ меня, какъ бы стыдись. Наступало время хода рыбы. Бывшій писецъ уклонялся отъ работы подъ разными предлогами и все старался уговорить рабочихъ слѣдовать его примѣру. Когда хозяинъ говорилъ ему грубости, онъ собирался драться съ хозяиномъ, упрекая его за дурную пищу, доведшую его до болѣзни. Работалъ онъ мало и больше ходилъ въ разные углы промысла, вездѣ возбуждая рабочихъ противъ несправедливости хозяина и уговаривая жаловаться въ полицію. Кажется, онъ рассчитывалъ вывести хозяина изъ терпѣнія, запугать его до того, чтобы хозяинъ предпочелъ отпустить его, во избѣжаніе дальнѣйшихъ безпокойствъ. Сперва я сочувствовалъ этому рабочему, потому что возмущался поступками приказчика, который кричалъ на людей, какъ пастухъ на скотъ: „пошелъ ты...“ и т. д., особенно же обижалъ новичковъ, плохо понимавшихъ дѣло. Однако мнѣ было непріятно, что и самъ возмущавшійся плохо исполнялъ свои обязанности. Однажды я сталъ ему говорить: „ты имѣешь совѣсть, ты грамотный,—почему ты не ведешь себя лучше, тогда ты съ большимъ правомъ могъ бы защищать новичковъ-товарищей“.—„Правда,—отвѣчалъ онъ мнѣ,—но я отъ природы лѣнивый“. Товарищи любили его, но не работали за него, какъ онъ

желалъ. Приказчикъ боялся его, не трогалъ и не наказывалъ. Послѣ окончанія сезона онъ ушелъ, не получивъ никакого вознагражденія, и куда дѣвался—не знаю.

Послѣ я слыжалъ, что такіе неудачники, попавшіе въ новую для себя жизнь, обыкновенно бываютъ всеѣмъ недовольны, не имѣютъ силъ быть лучше и падаютъ все ниже. Такіе люди, какъ мой знакомый, правда, иногда возбуждали къ стачкѣ и сопротивленію, но не имѣли продолжительнаго вліянія на рабочихъ; хотя вообще рабочіе желали бы имѣть среди себя такихъ сотоварищей побольше, а промышленники—меньше.

Среди рабочихъ на Сахалинѣ попадалось много всякихъ ремесленниковъ, мастеровыхъ и даже бывшихъ писарей и надзирателей. Самыми счастливыми, по моему, были люди всюду побывавшіе, доходившіе до Камчатки и Амура, любители путешествовать безъ цѣли и безъ заботы, часто сами не зная куда, но смѣло, руководствуясь однимъ желаніемъ идти на сѣверъ или югъ, блуждая безъ компаса, по звѣздамъ. Глядя на нихъ, я часто думалъ, не слѣдуетъ ли вообще считать ихъ единственно счастливыми людьми? У меня осталась въ памяти мысль, прочтенная въ одной американской газетѣ: „самый счастливый человѣкъ—бѣдный, не опасющійся за свое богатство и положеніе“. Да, беззаботные рабочіе ходили оборванцами, полуголодные, работали въ сырость и холодъ, но не стѣснялись ни въ мысляхъ, ни словахъ: они говорили прямо и грубо, какъ съ высшими, такъ и съ низшими, не сдерживались въ ссорахъ и въ дракѣ, а когда были веселы—пѣли съ утра до вечера. Передъ ними „не было ни волка, ни тигра“, т. е. не боялись они ни приказчика, ни синдо, ни даже хозяина. Въ крайнемъ случаѣ они бѣжали и гдѣ нибудь находили работу. Рабочій утѣшаетъ себя словами: „рисъ и солнце всюду за мной пойдутъ: промышленникъ безъ рабочаго,—говоритъ онъ:—какъ безъ Бога, ничего не можетъ сдѣлать“. Много людей убѣгало съ промысла, многіе заболѣвали. На ихъ мѣсто поступали новые и почти не было дня, чтобы не являлись желающіе работать. Больныхъ возвращали агентамъ, которые присылали взамѣнъ другихъ рабочихъ. Если агентъ не исполнялъ требованій, не имѣя готовыхъ рабочихъ, то искали на мѣстѣ здоровыхъ и сильныхъ людей. Сильными рабочими хозяева дорожатъ, ради особаго рода выгодъ. Не рѣдко бываетъ, что силачъ, очень лѣнивый въ обыкновенной работѣ, хитростью вынуждаетъ окружающихъ работать сверхъ силы: онъ смѣется надъ ихъ усталостью, называетъ всеѣхъ слабыми, а самъ работаетъ изо всеѣхъ силъ, чтобы только вызвать соперничество и крайнее утомленіе товарищей. За такія состязанія хозяинъ прощаетъ этому силачу всю его прошлую лѣнь.

VII.

Можно смѣло сказать, что главный врагъ рабочаго на промыслѣ приказчикъ. Для того, чтобы понять лучше значеніе приказчика, я расскажу нѣсколько случаевъ изъ моей дальнѣйшей жизни на промыслѣ.

Въ теченіе четырехъ лѣтъ я служилъ у двухъ хозяевъ, и они были, сравнительно, справедливые, хотя и богатые люди; но положеніе рабочихъ было одинаково на всѣхъ промыслахъ, порядки, введенные съ давнихъ временъ, сохранялись неизмѣнно. На одномъ промыслѣ приказчикъ былъ старикъ, на другомъ молодой. Послѣдній былъ сравнительно образованный человѣкъ; онъ окончилъ простую школу и имѣлъ довольно здравыя понятія, не обращался такъ жестоко съ рабочими, какъ старикъ, и интересовался ихъ жизнью; это было видно уже изъ его рассказовъ о промысловой жизни и объ обычаяхъ, распространенныхъ какъ среди рабочихъ, такъ и среди хозяевъ. Я также обмѣнивался съ нимъ своими мыслями и въ теченіе двухъ лѣтъ не замѣчалъ съ его стороны особыхъ притѣсненій рабочихъ; но штрафовалъ онъ немилосердно, соблюдая интересы хозяина, своего родственника.

Старику было около пятидесяти лѣтъ, онъ былъ нахальный, грубый, совершенно безграмотный, такъ что едва записывалъ въ книгу самое необходимое. Раньше онъ былъ простымъ рабочимъ въ теченіе тридцати лѣтъ и очень кичился своимъ знаніемъ дѣла, особенно когда обучалъ новичковъ, неловкихъ въ работѣ и къ тому же смиренныхъ и покорныхъ. Онъ даже бранилъ снудо, впрочемъ, въ его отсутствіе, стараясь показать свою мудрость рабочимъ. Хитрый старикъ понималъ силу отчаянныхъ рабочихъ на промыслѣ, которые ни сколько его не боялись и способны были при случаѣ даже и убить. Такихъ онъ задабривалъ, не трогая ихъ открыто, не замѣчая ихъ лѣни, и даже иногда угощалъ ихъ любимой водкой или вкуснымъ пряникомъ. Подкупивъ такихъ лицъ, онъ не стѣснялся притѣснять другихъ. Работая у этого приказчика, я былъ еще новичкомъ на промысловой работѣ и зналъ, какъ трудно работать подрядъ 17—18 часовъ, не имѣя никогда праздника и отдыха во время хода рыбы два-три часа въ сутки. Я чувствовалъ себя такъ, какъ будто упалъ съ высокой горы внизъ, голова кружилась отъ недостатка сна, слабость и сонливость не покидали меня. Случалось, что въ первыя попавшіяся свободныя десять минутъ я засыпалъ на морскомъ берегу, въ грязи, не смотря ни на какой холодъ.

Я началъ страдать сильнымъ кровотеченіемъ изъ носа; желудокъ я себѣ разстроилъ, питаюсь плохимъ рисомъ, приготовленнымъ комками и смоченнымъ морской водой, а брать его изъ котла

самому—тоже нельзя было, потому что рабочимъ воспрещалось входить въ сарай или отлучаться изъ виду, во избѣжаніе побѣговъ во время спѣшной работы. Я едва выносилъ свое положеніе и видѣлъ, что и другіе, болѣе привычныя, тоже страдаютъ. Я сознавалъ, что такая работа невыносима для человѣка, но понималъ, что хозяинъ рисковалъ потерять очень много, если бы давалъ отдыхъ въ это горячее время; однако имѣть смѣнныхъ рабочихъ онъ не только могъ бы, но это было бы болѣе, чѣмъ справедливо. Дать же рабочимъ вкусный супъ три раза въ день и подкрѣпить ихъ силы было бы даже выгодно для хозяина, такъ какъ ослабѣвшіе рабочіе работали вяло. Не могу вспомнить безъ отвращенія холодный супъ опоздавашаго рабочаго,—онъ вонялъ чѣмъ-то противнымъ. Мысль о лучшей пищѣ меня преслѣдовала, особенно когда я видѣлъ, какъ отправляются обѣдать синдо и приказчикъ, и какъ бодро выходятъ они послѣ сытнаго обѣда и вкусныхъ напитковъ. Синдо былъ добрый человѣкъ и угощалъ иногда своими собственными напитками наиболѣе ослабѣвшихъ рабочихъ или даже и всѣхъ, во время самой трудной работы. Послѣ непосильныхъ работъ давалъ саки и хозяинъ, но очень мало. Когда, наконецъ, кончился рыбный сезонъ на этомъ промыслѣ, начался расчетъ, рабочимъ выдавали остатки жалованья. Въ этотъ день я не предполагалъ идти въ контору, гдѣ рассчитывали (потому что я работалъ безъ вознагражденія), и предпочиталъ вести разговоръ съ рабочими, которые уходили съ промысла въ разныя мѣста, какъ перелетныя птицы. Получивъ жалованье, они возвращались изъ конторы въ сарай, чтобы собраться въ дорогу. Оказалось, что нѣкоторые получили по 3 коп., нѣкоторые—по десяти, а другіе и совсѣмъ ничего. Я удивленно спрашивалъ: какъ могъ случиться такой расчетъ? Почти всѣ говорили, что жалованье ушло почти все на штрафы за самовольные отдыхи во время рабочаго дня. На нашемъ промыслѣ было 30 человѣкъ, да на двухъ сосѣднихъ по 30, итого 90 чел.; оказалось, что изъ всѣхъ рабочихъ только нѣсколько человѣкъ не было штрафовано. Я сдѣлалъ приблизительный расчетъ: если штрафовали каждого рабочаго 10 дней въ сезонъ,¹ по 50 коп. въ день (рабочіе имѣли за хозяиномъ половину жалованья, 15 рубл., но брали изъ него на платѣ во время работы), то на 90 человѣкъ приходилось 450 рубл. На эти деньги въ Японіи можно выстроить домъ среднихъ размѣровъ. Я спрашивалъ получившихъ жалованье: не получилъ-ли кто особаго вознагражденія, думая, что, можетъ быть, штрафы лѣнивыхъ розданы въ награду трудолюбивымъ (На нѣкоторыхъ промыслахъ штрафы раздаются, по крайней мѣрѣ, хоть часть). Оказалось, что никто не получалъ. Я спросилъ еще рабочихъ: былъ ли хозяинъ въ расчетной комнатѣ? Они сказали: „нѣтъ, только приказчикъ и синдо, а хозяинъ выпелъ изъ дома“. У меня мелькнула мысль, что въ присутствіи хозяина его слушающіе

поступили бы лучше, почему и хотѣлъ поговорить съ нимъ. Потомъ я подумалъ: не поговорить-ли лучше со старикомъ о несправедливости вознагражденія, но онъ навѣрное сочтетъ меня спорщикомъ, назоветъ неблагонадежнымъ и не станетъ разговаривать со мной. Я рѣшилъ привлечь хозяина къ дѣлу расчета. Раньше я себя обыкновенно сдерживалъ, но въ этотъ разъ рѣшился идти къ старику и спросить: почему не раздаютъ вознагражденіе болѣе усерднымъ рабочимъ? Старикъ отвѣтилъ мягко, какъ онъ обыкновенно говорилъ со мной, что этого никогда не дѣлалось, не дѣлается и теперь. Я сѣлъ возлѣ него и спросилъ синдо: ты почему молчишь (я съ нимъ былъ въ довольно хорошихъ отношеніяхъ)? Онъ отвѣтилъ грубо: „я не знаю“ и подтвердилъ, что никогда штрафы не раздавали въ вознагражденіе. Я объяснилъ, что были больные, не работавшіе, слѣдовательно, комплектъ рабочихъ былъ не полный, и вся работа падала на остальныхъ, а потому удержанное съ больныхъ, справедливо раздать тѣмъ, кто работалъ за нихъ. Старикъ не зналъ что отвѣтить и только бормоталъ: „да... однако...“, но далеко несочувственно, какъ бы принявъ напередъ рѣшеніе не соглашаться со мною и въ этотъ разъ,—какъ бывало часто и ранѣе въ нашихъ столкновеніяхъ. Вдругъ въ комнату вошелъ хозяинъ, вѣроятно слышавшій часть нашего разговора, и спросилъ: „въ чемъ дѣло“? Старикъ передалъ хозяину мою претензію. Хозяинъ помолчалъ и потомъ объяснилъ мнѣ: „я ничего не имѣю противъ вашего предложенія, но если я заплачу рабочимъ сверхъ платы, то и на другихъ промыслахъ рабочіе потребуютъ больше, и тогда я не исполню условія съ промышленниками и заплачу штрафъ за нарушеніе правилъ о расплатѣ съ рабочими“ (Такія условія между хозяевами дѣйствительно существуютъ). Затѣмъ онъ продолжалъ: „можно на сѣздѣ промышленниковъ предложить этотъ вопросъ на обсужденіе; если будетъ согласіе большинства, то и будемъ выдавать. Но въ данномъ случаѣ я могу раздать деньги на другомъ основаніи: „за усердіе“,—и, дѣйствительно, роздалъ вознагражденіе. Послѣ я слыхалъ отъ синдо, что старикъ много наговаривалъ на меня хозяину; по его словамъ, я всегда протестовалъ противъ его дѣйствій въ присутствіи рабочихъ; рабочіе поэтому часто не повиновались, не исполняли его приказаній, и т. д. На самомъ дѣлѣ, у насъ со старикомъ выходили непріятности во время работъ, но такого рода, что жаловаться хозяину скорѣе могъ бы я, если бы хотѣлъ; напр.: старикъ укралъ нѣсколько кульковъ туку и продалъ капитану шкуны,—отъ этого терялъ не одинъ хозяинъ, но и рабочіе, которые получали небольшой процентъ, $\frac{1}{11}$ часть со всей добычи. Старикъ выпивалъ на эти деньги. Онъ доставлялъ намъ плохіе продукты, потому что бралъ процентъ отъ поставщиковъ провизіи и необходимаго платя для рабочихъ. Кроме того, старый приказчикъ притѣснялъ рабочихъ штрафами.

особенно за варку тука и, выпивши, заводилъ шумъ по ночамъ, ругалъ всѣхъ, кто противорѣчилъ ему, и, вообще, не давалъ ночью покоя и въ тѣ немногіе дни, когда не было спѣшной ночной работы. Хозяинъ повѣрилъ бы мнѣ, но, вѣроятно, былъ бы безсиленъ устранить зло. Неоднократно я собирался передать все хозяину, который былъ очень со мной любезенъ, приглашалъ къ себѣ въ домъ, стоявшій недалеко отъ промысловъ, и присылалъ мнѣ сладкія блюда. Однако я стѣснялся его любезностью и не ходилъ къ нему, ведя такую же жизнь, какъ всѣ рабочіе. Я помогалъ варить туку, рубить дрова и выполнять другія работы, которыя бралъ на себя добровольно; по большей части я пособлялъ новичкамъ и работалъ въ разныхъ отрасляхъ промыслового труда, чтобы изучить лучше жизнь промысла. Жалобы старика не измѣнили отношеній хозяина ко мнѣ, и онъ предложилъ мнѣ остаться на слѣдующій сезонъ на его промыслѣ, жить въ отдѣльномъ помѣщеніи и продолжать свое изученіе.

VIII.

Скажу нѣсколько словъ о жизни семейныхъ рабочихъ. Въ Японіи бракъ не связываетъ людей нерасторжимыми узами. Среди богатыхъ людей существуетъ и многоженство; для бѣдныхъ оно недоступно, но все таки вліяетъ и на нихъ, дѣлая бракъ еще болѣе непрочнымъ. У рыбаковъ непрочности браковъ способствуетъ и бродячая жизнь, вдали отъ семьи. Между рыбаками вошло въ обыкновеніе спрашивать при встрѣчѣ, послѣ долгой разлуки, какъ мужинъ, такъ и женщинъ: „съ кѣмъ ты живешь? Съ прежней женой“? или: „какъ, ты еще съ нимъ живешь“? Семейства, у которыхъ есть дѣти, расходятся гораздо рѣже. Если женатый имѣетъ побочныхъ дѣтей, то съ согласія матери и своей законной жены можетъ усыновить ихъ и взять къ себѣ въ домъ, иначе ребенокъ считается незаконнымъ. Въ этомъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, женщина играетъ страдательную роль. Я не слыхалъ никогда, чтобы жена требовала развода съ мужемъ, можетъ быть, потому, что, по обычаю, такую женщину не уважаютъ; наоборотъ, мужчина можетъ свободно развестись съ своей женой; часто это дѣлается безъ всякихъ основаній, или по требованію матери мужа; родители имѣютъ свои права, которыя у нихъ еще не отняты обычаемъ, и потомъ имъ было бы слишкомъ больно вынести непослушаніе на склонѣ лѣтъ, когда радостей у нихъ осталось слишкомъ немного; къ тому же, мать рано или поздно выжила бы невѣстку изъ дома постоянными ссорами и придирками...

Немногія женщины ѣздятъ со своими мужьями на далекіа промыслы, берутъ съ собой дѣтей, помогаютъ мужьямъ въ работѣ. Семейные рабочіе живутъ около самаго промысла въ ша-

лапахъ, построенныхъ изъ рогожъ. Жена нанимается къ хозяину промысла, какъ стряпка, или зарабатываетъ во время большого хода рыбы, переноса корзинами и ящиками рыбу изъ кунгаса въ сарай. Зарабатываетъ также шитьемъ на рабочихъ промысла.

На островѣ Хокайдо встрѣчаются семейные рабочіе чаще; тамъ ихъ процентовъ 5, а на заграничныхъ промыслахъ—очень рѣдко. Семейства, живущія на промыслахъ, рѣже расходятся, живутъ согласнѣе; можетъ быть, это объясняется прежней, болѣе согласной, жизнью, почему они и пріѣхали вмѣстѣ. Почти на каждомъ промыслѣ есть или публичный домъ, или хотя одна тайная проститутка, занимающая обыкновенно мѣсто стряпки. На Сахалинѣ въ стряпки къ японцамъ поступаютъ аинки, близкія японцамъ по типу и обычаямъ. Болѣе богатые японцы имѣютъ сожительницъ и изъ русскихъ. Вообще, русское населеніе любитъ японцевъ за ихъ мягкость, деликатность въ обращеніи и щедрость; къ тому же японцы привозятъ на своихъ шкунахъ очень дешевые—сахаръ, рисъ, вино, пряники, саки и хорошо платятъ за взятые продукты. „Безъ японцевъ намъ было-бы плохо“, говорили поселенцы Охотскаго берега, такъ же, какъ и аинцы. На большихъ промыслахъ существуютъ тайные публичные дома. Ими завѣдуютъ чаще шуллера, привозящіе съ собою фиктивныхъ женъ. Семейная обстановка привлекаетъ другихъ женщинъ промысла, идущихъ въ гости къ женѣ шуллера. Здѣсь онѣ встрѣчаютъ большое общество мужчинъ, угощающихъ ихъ, и часто поддаются соблазну. Шуллеръ прибѣгаетъ иногда къ шантажу; такъ, онъ является внезапно среди веселья и, видя свою мнимую жену соблазненной, грозитъ убить соперника, если тотъ не заплатитъ требуемую сумму. Сожительница отличается, обыкновенно, красотой и имѣетъ много поклонниковъ. Доказанный шантажъ преслѣдуется полиціей и ведетъ за собою арестъ.

IX.

На рыбныхъ промыслахъ я не встрѣчалъ особенно хорошихъ людей, но очень много—средняго уровня, людей наивныхъ, доврчивыхъ и неустойчивыхъ, мало знающихъ жизнь и потому подчиняющихся дурному влиянію. Жизнь рабочихъ на рыбныхъ промыслахъ мало способствуетъ нравственной устойчивости; она наполнена не только лишеніями, но и опасностями. Кромѣ тяжелыхъ условій на морѣ и на сушѣ, они не пользуются самыми законными правами на лѣченіе и уходъ во время болѣзни. Рыбопромышленники обязаны имѣть врачебные пункты, но на самомъ дѣлѣ рѣдко бываетъ врачъ вблизи; поэтому всякая рана и всякое серьезное заболѣваніе часто становится неизлѣчимымъ, и человекъ, не имѣющій возможности зарабатывать себѣ пропитаніе, выну-

ждень питаются милостыней. Въ лучшемъ случаѣ, очень бережливый рабочій, при счастливыхъ условіяхъ, послѣ многихъ лѣтъ работы, привозитъ на родину небольшой капиталъ и заводитъ здѣсь мелочную торговлю или открываетъ самъ небольшой промыселъ. Конечно, большинство возвращается домой безъ гроша, съ небольшимъ, едва прикрытымъ тѣломъ; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что, получивъ въ концѣ сезона нѣсколько рублей, рабочій спѣшитъ вознаградить себя за все перенесенное—разгуломъ. Онъ могъ бы сиротать оставшіеся рубли, но ихъ слишкомъ мало для того, чтобы начать самостоятельную жизнь, и онъ слишкомъ изнуренъ, чтобы продолжать свое голоданіе и свои лишенія. Часто въ такія минуты рабочій воодушевляется надеждой выиграть въ карты сумму, необходимую для болѣе обезпеченнаго существованія. Онъ думаетъ, что если надежда и обманетъ, то лучше хоть нѣсколько часовъ пожить мечтой, и, при сильно развитой карточной игрѣ на промыслахъ, пробуетъ счастье. Помню картину въ одномъ изъ сараевъ на промыслѣ,—это было осенью, когда ловъ рыбы прекращался и работы послѣдняго рыбнаго сезона заканчивались. Рабочіе ждали попутнаго вѣтра въ Японію, нагружая послѣднія шкуны рыбой, готовились къ отъѣзду. Въ грязномъ сараѣ вечеромъ, у горящаго костра рабочіе, разбившись на группы человекъ по 16-ти, играли въ карты, сосредоточенно и лихорадочно слѣдя за ходомъ игры. Многіе сидѣли совсѣмъ наги; проигрывая одежду, они угрюмо оканчивали игру. Хозяинъ сарая не спалъ всю ночь, боясь, чтобы дѣло не дошло до ножей и не пришлось бы вѣдаться съ полиціей...

Прибавимъ нѣсколько словъ къ разсказу нашего японца. Въ совершенно безнадежномъ положеніи находятся рабочіе, рѣшающіеся остаться на зимовку на Сахалинѣ для охраненія кунгасовъ, сараевъ, лодокъ и снастей въ теченіе зимы, а также для заготовленія дровъ, ремонтировки и другихъ приготовленій для будущаго весенняго лова. Зброшенные на пустынные берега моря, удаленные отъ селеній и разстояніемъ, и снѣжными заносами, они живутъ въ холодныхъ сараяхъ безъ печей и подвергаются всякимъ случайностямъ. Не говоря о нерѣдкихъ нападеніяхъ еще болѣе голодныхъ и несчастныхъ бродягъ, они лишены всякой медицинской помощи въ случаѣ заболѣванія; пищи, оставляемой въ обрѣзъ, не хватаетъ, и къ веснѣ начинается голоданіе.

Минувшей зимой 1899—1900 г. на Крильонѣ, на рыбалкѣ одного русскаго рыбо-промышленника К., Рио-Томари, зимовало пять рабочихъ; въ концѣ декабря они стали хворать, но добратъся до поста Корсаковского и до медицинской помощи было невозможно. Однако въ февралѣ одинъ изъ нихъ, полубольной, дотащился кое-какъ, подъ конецъ пути падая на снѣгъ черезъ каждыя пять

шаговъ отъ изнеможенія. Его почти не человѣческія усилія спасли ему жизнь. Но оставшіеся 4 человѣка не дожили до мартовскаго парохода, и рыбопромышленникъ, спѣшившій на свой промыселъ, встревоженный слухами, засталъ ихъ всѣхъ четверыхъ мертвыми: очевидно, они умерли отъ „бери-бери“,—судя по раздутымъ тѣламъ; это подтвердило и медицинское вскрытіе (Бери-бери—болѣзнь аналогичная цынгѣ). Кромѣ небольшого количества риса, котораго они не могли приготовить, свалившись съ ногъ, въ шалашѣ ничего не найдено. Большинство рабочихъ, остающихся на зиму, оканчиваютъ „бери-бери“,—болѣзью, неизлѣчимою въ послѣдней стадіи своего развитія. Велика должна быть нужда, заставляющая десятки рабочихъ рисковать жизнью, умирая вдаль отъ родины въ глухомъ сараѣ, занесенномъ снѣгомъ. Отъѣзжающимъ на родину не всегда удается выбраться безпрепятственно и своевременно. Въ эту же зиму партія рабочихъ, человѣкъ въ тридцать, съ ужасомъ узнала объ отходѣ послѣдняго парохода, который долженъ былъ отвезти ихъ на родину; оказалось, что хозяинъ зафрахтованнаго парохода, рыбопромышленникъ шотландецъ Д., предпочелъ отправить китовое сало (цѣнная добыча сезона въ это время года) въ Японію. Только протестъ образованныхъ земляковъ японскихъ рабочихъ и угрожающія телеграммы агенту заставили захватить другой пароходъ за оставшимися рабочими. Интересна мелкая подробность: захватившій пароходъ оказался далеко небезопаснымъ по своей ветхости, хотя и былъ посланъ въ самое бурное время года, — но онъ посланъ былъ не за добычей, а за орудіями труда—рабочими.

Все сказанное тѣмъ ужаснѣе, что касается очень значительнаго числа жителей Японіи, островного государства, въ которомъ больше воды, чѣмъ земли. Все побережье о-вовъ раздѣлено на очень мелкіе участки (крупные, кажется, запрещены правительствомъ). Всюду копошатся рыбаки-работіе. Эта одна изъ немногихъ областей труда, гдѣ машина еще не вытѣснила рабочихъ рукъ.

Л. В.

Политика.

Франческо Криспи.—Текущая дѣла.

I:

29 іюля (11 августа) скончался въ Неаполѣ Франческо Криспи на восемьдесятъ-третьемъ году жизни. Въ послѣднее время Криспи не игралъ видной политической роли, частью вслѣдствіе старости, сопровождавшейся одряхленіемъ, частью же вслѣдствіе полного упадка популярности этого недавно всесильнаго и властнаго правителя Италіи, принадлежащаго къ числу самыхъ выдающихся государственныхъ дѣятелей XIX в. Въ Италіи онъ, по огромному слѣду его дѣятельности, можетъ выдержать сравненіе даже съ Гарибальди, Мадзини и Кавуромъ, цѣлою головою превосходя остальныхъ современныхъ ему политическихъ дѣятелей его родины. Высоко даровитый, съ желѣзной энергіей и еще болѣе крупнымъ властолюбіемъ, неразборчивый въ средствахъ, искусно примѣняющійся къ обстоятельствамъ, всегда готовый отречься отъ того, чему поклонялся, этотъ во всякомъ случаѣ крупный историческій дѣятель во многомъ сходенъ съ своимъ англійскимъ болѣе молодымъ современникомъ, Джозефомъ Чемберленомъ. Оба начали съ революціоннаго радикализма и провозглашенія братства народовъ. Оба кончили реакціонными мѣропріятіями, измѣною партіямъ, которыхъ были вождями, узкимъ націонализмомъ и политикою международныхъ раздоровъ и завоеваній.

Франческо Криспи родился въ 1819 году, въ Сициліи, въ семьѣ мелкаго лавочника, слушалъ лекціи на юридическомъ факультетѣ въ Палермо и затѣмъ посвятилъ себя адвокатурѣ. Это было тяжелое время для Италіи вообще, для южной въ особенности, гдѣ властвовалъ знаменитый „король-бомба“, беспощадно гнавшій все живое, мыслящее. Юность и молодость, почти до тридцатилѣтняго возраста, Криспи провелъ подъ этимъ режимомъ, не возбудивъ противъ себя ни малѣйшаго подозрѣнія со стороны этого тираническаго и крайне мнительнаго правительства, которое считало молодого талантливаго адвоката въ числѣ вполнѣ благонадежныхъ и благомыслящихъ обывателей. Онъ даже переселился въ Неаполь, въ этотъ ужасный въ то время Неаполь, гдѣ казематы и тюрьмы были переполнены несчастными, зачастую виновными лишь въ томъ, что молчали. Молчаніе уже было преступленіемъ; требовалось постоянное выраженіе чувствъ преданности, постоянное исповѣданіе принциповъ реакціи и обскурантизма. Молодой Франческо Криспи не испугался Неаполя и пе-

ренесъ туда изъ Палермо свою адвокатскую контору, продолжая и здѣсь пользоваться довѣріемъ бурбонскихъ властей. Какою цѣною и какими средствами было куплено это довѣріе, знать, конечно, одинъ Криспи, унеся теперь эту задачу съ собой въ могилу. Прокладывалъ ли онъ этимъ путемъ себѣ дорогу, въ самомъ дѣлѣ служа тираническому правительству, или же только искусно лицемѣрилъ передъ нимъ и его обманывая, кто можетъ рѣшить этотъ вопросъ въ настоящее время? Послѣдующая карьера Криспи можетъ оправдать оба объясненія. Во всякомъ случаѣ, когда заколебалась почва подъ Бурбонами, онъ очутился въ рядахъ ихъ враговъ.

Въ 1848 году, когда Криспи было безъ малого двадцать девять лѣтъ, вспыхнула въ Сициліи революція, бурбонскіе чиновники и жандармы были изгнаны и провозглашена республика. Криспи примкнулъ къ революціи и при томъ именно къ радикально-республиканской партіи, получивъ отъ нея портфель военнаго министра. Однако, умѣренная партія, желавшая не разрывать съ Бурбонами, успѣла заручиться согласіемъ короля на конституцію и большинство сициліанцевъ применило къ этой программѣ. Островъ возвратился подъ власть Бурбоновъ. Для Криспи не оставалось другого выбора, какъ бѣжать. Ему паче всякаго другого не простили бы Бурбоны превращенія изъ благонамѣреннаго вѣрноподданнаго въ революціонера, врага династіи и монархіи. Криспи дѣйствительно бѣжалъ сначала въ Піемонтъ, а когда и здѣсь стало небезопасно, переселился въ Лондонъ, гдѣ внушилъ довѣріе Мадзини и гдѣ прожилъ до 1859 года. Въ этомъ году Франція и Сардинія объявили войну Австріи. Разбитые при Маджентѣ и Сольферино, австрійцы принуждены были уступить Ломбардію и отказаться отъ охраненія status quo въ остальной Италіи. Это повлекло немедленное паденіе мелкихъ тирановъ Тосканы, Модены, Пармы и Лукки и присоединеніе ихъ владѣній къ Сардиніи. Часть папской области, округа Равена и Римини, тоже были заняты сардинскими войсками подъ предлогомъ охранять остальную часть области отъ вторженія гарибальдійцевъ. Сѣверная Италія, такимъ образомъ, объединилась и освободилась отъ тираніи собственныхъ и чужеземныхъ правителей. Южная Италія продолжала находиться подъ властью тѣхъ же Бурбоновъ, которые ничему не научились и ничего не забыли. Въ Неаполѣ царствовалъ Франческо II, сынъ короля-бомбы, но система осталась та же, и безпросвѣтный деспотизмъ окутывалъ страну безнадежнымъ мракомъ и ужасомъ. Это было время, когда Гладстонъ посѣтилъ Италію, возвысилъ свой благородный голосъ въ защиту угнетенныхъ, и когда Гарибальди задумывалъ свои экспедиціи для освобожденія еще „неискупленной“ Италіи. Это было тоже время, когда Франческо Криспи снова выступилъ въ дѣятельной политической роли сподвижника Гарибальди.

Въ 1859 году Криспи было сорокъ лѣтъ, возрастъ, когда міровозрѣніе человѣка можно считать уже сложившимся и опредѣлившимся на всю остальную жизнь. Въ 1859 году онъ выступаетъ въ роли дѣятельнаго революціонера, тайно пробирается въ Сицилію, завязываетъ здѣсь сношенія и находитъ сообщниковъ, которые готовятъ народное возмущеніе. Возвратившись съ острова, Криспи помогаетъ Гарибальди въ организаціи экспедиціи и въ 1860 году, подъ командою Гарибальди, въ составѣ гарибальдійскаго корпуса, высаживается въ Сициліи, гдѣ, поддержанные народнымъ возстаніемъ, гарибальдійцы скоро справляются съ бурбонскими войсками. Во временномъ правительствѣ Криспи получаетъ портфели министра внутреннихъ дѣлъ и министра финансовъ. Гарибальди переправляется въ Калабрію, въ двухъ сраженіяхъ уничтожаетъ армію неаполитанскаго короля, занимаетъ Неаполь и передаетъ страну сардинцамъ, чтобы объединить Италію подъ властью Савойскаго дома. Сицилія тоже оккупируется войсками короля Виктора-Эммануила II и „республиканецъ“ Криспи снова переходитъ въ оппозицію. Въ 1861 году Сицилія посылаетъ его депутатомъ въ туринскій парламентъ. Здѣсь онъ примыкаетъ къ демократической лѣвой, и Добролюбовъ, въ своихъ письмахъ изъ Турина, называетъ и его въ числѣ немногихъ представителей итальянской демократіи въ туринскомъ парламентѣ. Однако, изъ тѣхъ же писемъ Добролюбова видно, что онъ благоразумно отсутствуетъ на знаменательномъ засѣданіи, когда голосуется предложеніе правительства объ объединеніи Италіи подъ властью Савойскаго королевскаго дома и когда другіе республиканцы, Биксіо, Риччарди, Бофферіо и др. голосуютъ противъ предложенія. Дѣйствительно, Криспи скоро разрываетъ съ Мадзини и республиканцами, заявляетъ себя сторонникомъ монархіи и становится во главѣ династической лѣвой, радикальную программу которой энергически проводитъ въ редактируемой имъ газетѣ „Riforma“. Программа эта очень радикальна: всеобщее избирательное право, прогрессивный подоходный налогъ, упраздненіе постоянной арміи съ замѣною ея милиціями, широкая общинная и провинціальная автономія и т. д. Криспи ее энергически проводитъ и въ печати, и въ парламентѣ, и на митингахъ приблизительно до половины семидесятыхъ годовъ XIX в. (до 55—56 лѣтъ своей жизни).

Правая, иначе говоря, умѣренно-либеральная партія правила возрожденною Италіей приблизительно именно до этого же срока. Кавуръ, Риказоли, Мингетти, Ламармора смѣняли одинъ другого въ качествѣ премьеровъ, но не мѣняли положенія дѣлъ, слѣдуя во внѣшней политикѣ указаніямъ Наполеона III, а во внутренней тщательно охраняя преимущества высшихъ классовъ.

Постыдный крахъ Наполеоновскаго величія нанесъ жестокой ударъ и маленькимъ наполеонамъ Аппенинскаго полуострова,

а разстройство финансовъ и экономическія невзгоды окончательно подорвали популярность правыхъ, и Викторъ Эммануиль II обратился къ лѣвымъ для образованія кабинета. Депретисъ образовалъ кабинетъ и успѣлъ провести значительное расширеніе избирательнаго права. Въ этомъ министерствѣ, однако, не было дано портфеля Криспи, хотя того же отѣнка радикалъ Никотера состоялъ его вліятельнымъ членомъ. То ли товарищи по партіи ему уже не вполне довѣряютъ, то ли дворъ еще боится его радикализма, во всякомъ случаѣ Криспи остается не у власти. Подходитъ онъ къ ней совершенно неожиданнымъ способомъ. Онъ ее получаетъ по личному желанію короля, благодаря которому Депретисъ, наконецъ, рѣшается вручить министерскій портфель бывшему министру революціонныхъ правительствъ 1848 и 1860 г!.. При томъ это былъ портфель министра внутреннихъ дѣлъ...

Дѣло въ томъ, что когда въ 1875—76 годахъ на Балканскомъ полуостровѣ возгорѣлась борьба возставшихъ христіанъ съ турками, сочувствіе Италіи было всецѣло на сторонѣ возставшихъ, и вмѣшательство Россіи въ слѣдующемъ 1877 году было встрѣчено въ Италіи съ сочувствіемъ, при томъ въ правительственныхъ сферахъ такъ же, какъ и въ обществѣ. Когда же обнаружилось, что Австрія намѣревается наложить свою руку на Боснію и Герцеговину, и когда Гладстонъ по этому поводу выкликнулъ „hand off!“, въ Италіи тоже оказалось сильное теченіе противъ Австріи, усиленіе которой признавалось опаснымъ для Италіи и несправедливымъ по отношенію къ возставшимъ. Главный редакторъ „Riforma“ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ проводниковъ этого теченія. Король также раздѣлялъ эти опасенія, и ловкій сициліанецъ нашелъ пути для личныхъ сношеній съ королемъ на почвѣ этого сопротивленія австрійскимъ замысламъ. Онъ получилъ отъ короля тайную миссію объѣздить Европу съ цѣлью позондировать, нельзя ли создать достаточное препятствіе осуществленію вѣнско-пештскихъ вождедѣній. Но гдѣ могъ Криспи искать этой поддержки? Не въ Петербургѣ ли? Но очевидно, что здѣсь соглашались на австрійскіе захваты потому лишь, что не видѣли возможности имъ воспрепятствовать. Помощь Италіи была полезна, но одной Италіи недостаточно. Не въ Лондонѣ ли долженъ былъ направиться „частный“ дипломатъ? Но здѣсь въ это время царилъ Биконсфильдъ, который самъ подталкивалъ Австрію въ ея движеніи на Балканскій полуостровъ. По общему положенію дѣлъ, слѣдовало бы найти поддержку во Франціи, но именно въ это время здѣсь Макъ-Магонъ совершилъ свое знаменитое *coup de main* и, передавъ власть въ руки меньшинства, ввергъ страну въ состояніе жестокаго кризиса, окончательно парализовавшаго и безъ того еще неупокоившагося тогда международное значеніе Франціи. И не здѣсь Криспи могъ найти искомое рѣше-

ніе проблеммы. Очевидно, только въ Берлинѣ. Недавніе союзники противъ Австріи, Пруссія и Италія могли, казалось, снова соединиться, чтобы не допустить усиленія наслѣдственного врага. Традиціонная дружба берлинскаго и петербургскаго дворовъ тоже должна была склонять берлинскій кабинетъ въ сторону политики, которую ѣхаль защищать Криспи. Онъ и пріѣхаль въ Берлинъ. Имѣлъ секретныя свиданія съ Бисмаркомъ, по возвращеніи въ Италію отдалъ отчетъ королю въ своей поѣздкѣ и въ награду за ея результаты получилъ портфель въ министерствѣ.

Результаты покуда были извѣстны только королю. Они скоро обнаружались въ инструкціяхъ итальянскимъ представителямъ на берлинскомъ конгрессѣ. Эти инструкціи обязывали поддерживать Австрію и Англію въ ихъ стремленіи сократить освобожденную территорію, подать голосъ за передачу Босніи и Герцеговины австрійцамъ и держаться германской политики. Италія поворачивала на путь къ тройственному союзу, милитаризму и завоевательной политикѣ. Это и были результаты секретной миссіи Криспи и его свиданія съ Бисмаркомъ. Эти результаты, награжденные министерскимъ портфелемъ, были послѣдовательнымъ выраженіемъ бисмарковскаго политическаго міровоззрѣнія во все длинное его политическое поприще. Они были въ явномъ противорѣчіи со всѣмъ политическимъ міровоззрѣніемъ Криспи до конца 1877 года (когда ему шелъ уже *пятьдесятъ восьмой годъ*). Такъ старый республиканецъ получаетъ, наконецъ, изъ рукъ короля давно желанную власть, при чемъ онъ вскорѣ возбуждаетъ противъ себя своихъ недавнихъ единомышленниковъ, когда, пользуясь кончиною короля Виктора Эммануила II, пытается помириться съ римскою куріей цѣною весьма опасныхъ уступокъ клерикализму. Примиреніе не удается. Одновременно съ этимъ Криспи попадаетъ подъ судъ за двоеженство и долженъ оставить такую неоплатную цѣною пріобрѣтенную власть.

Судъ оправдалъ Криспи, но только потому оправдалъ, что несоблюденіе нѣкоторыхъ формальностей при заключеніи перваго брака (заключеннаго внѣ Италіи) дѣлало его недѣйствительнымъ. Ясно было, однако, что въ сущности онъ обманулъ свою первую жену, которая считала себя законною его женою, за законную жену и имъ признавалась многіе годы, въ теченіе которыхъ они имѣли нѣсколькихъ дѣтей. Общественное мнѣніе не могло не осудить Криспи, но особенно тяжелое впечатлѣніе произвелъ процессъ на короля Гумберта, который послѣ того долгое время не хотѣлъ и слышать о Криспи. Недавнему министру, прокладывавшему пути милитаризму и клерикализму, оставалось только снова перейти въ оппозицію. О томъ, что въ Италіи онъ былъ истинный инициаторъ тройственного союза и связаннаго съ нимъ милитаризма, никто еще не зналъ. Его клерикальныя заигрыванія, какъ неудавшіяся, были забыты,

и Криспи могъ снова выступить поборникомъ принциповъ радикальной демократіи. Это былъ единственный способъ себя реабилитировать и, вмѣстѣ съ тѣмъ, показать правительству свою силу. На этотъ путь и вступилъ теперь Криспи. И въ печати, и въ парламентѣ онъ снова становится однимъ изъ самыхъ видныхъ людей радикальной демократіи (вмѣстѣ съ Никотера и Кайроли) и рѣзко критикуетъ умѣренно-демократическое министерство Депретиса. Онъ протестуетъ противъ африканской экспедиціи (въ Эратрею); съ крайней рѣзкостью осуждаетъ заключенный уже безъ него, но имъ подготовленный тройственный союзъ; съ такою же рѣзкостью осуждаетъ всякую попытку сближенія съ римской куріей. Онъ требуетъ широкаго законодательства въ защиту рабочихъ и радикальныхъ финансовыхъ и политическихъ реформъ. По мѣрѣ того, какъ впечатлѣніе процесса стиралось, значеніе и сила Криспи росли. Въ 1887 году министерство Депретиса увидѣло себя вынужденнымъ пригласить Криспи въ свой составъ. Онъ получилъ то же министерство внутреннихъ дѣлъ, которое долженъ былъ оставить тому назадъ девять лѣтъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ смерть престарѣлаго Депретиса очистила для Криспи и мѣсто премьера. Ему было шестьдесятъ восемь лѣтъ, когда онъ снова достигъ власти. И снова онъ вступилъ во власть, какъ демократъ-радикалъ, врагъ клерикализма и милитаризма, защитникъ свободы, самоуправления, экономіи и мира. Девять лѣтъ (съ однимъ непродолжительнымъ перерывомъ) онъ держалъ эту власть въ своихъ крѣпкихъ рукахъ. Итоги этого почти неограниченнаго правленія интересны и поучительны.

II.

Со вступленіемъ во власть, Криспи рѣзко и окончательно порываетъ съ радикализмомъ, а большинство въ парламентѣ поддерживаетъ при помощи самаго беззащитнаго полицейскаго давленія на выборы. О внутреннихъ дѣлахъ онъ мало заботится, но главное вниманіе сосредоточиваетъ на вѣшной политикѣ, на новыхъ территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ и вооруженіяхъ. Недавно столь рѣзко осуждавшійся имъ тройственный союзъ становится основой его политической программы. Какъ создался этотъ союзъ? Мы видѣли, что участіе Италіи въ немъ впервые рѣшено совѣщаніями Криспи и Бисмарка въ Берлинѣ 1877 года, одобренными вскорѣ королемъ Викторомъ-Эммануиломъ II, хотя и совершенно противорѣчащими тѣмъ политическимъ намѣреніямъ, съ которыми король посылалъ секретнаго посланца, а Криспи ѣхалъ въ качествѣ этого посланца въ Берлинъ. Гладстоновское „hand off“! по адресу Австріи, сопротивленіе ея усиленію и возможно широкое освобожденіе балканскихъ народностей было программой

короля и Криспи, когда онъ ѣхалъ въ Берлинъ съ цѣлью склонить къ этой программѣ и Германію. Свобода дѣйствія на Балканскомъ полуостровѣ для Австріи, ея возможное усиленіе въ этомъ направленіи, сближеніе и даже союзъ съ нею и возможно ограниченное освобожденіе балканскихъ народностей, такова была программа, съ которою вернулся Криспи, за которую въ видѣ награды отъ короля получилъ мѣсто въ кабинетѣ, которую потомъ, лишенный этого мѣста, жестоко осуждалъ, а вернувшись къ власти, энергически осуществлялъ и которую довелъ до крайности, превзойдя въ этомъ, отношеніи не только Андраши, но и самого Бисмарка, разоривъ страну непосильными вооруженіями и долгое время являясь въ Европѣ наиболѣе опаснымъ для всеобщаго мира элементомъ. Какъ случилась эта удивительная метаморфоза? Мы говоримъ здѣсь не о метаморфозѣ криспинскаго міровоззрѣнія, которое, очевидно, всегда примѣнялось къ обстоятельствамъ, но о метаморфозѣ этихъ обстоятельствъ, склонившихъ Криспи, потомъ короля Виктора Эммануила II, короля Гумберта, Депретиса, Ди-Рудини и другихъ итальянскихъ правителей къ программѣ, становившейся въ явное противорѣчіе съ программой, которая до того времени считалась естественною для Италіи.

Итальянскій Тироль и полуйтальянское сѣверное побережье Адріатики были еще такъ называемою „неискупленною Италіей“, и Австрія не церемонилась въ репрессаліяхъ противъ итальянскаго движенія въ этихъ областяхъ. Послѣ отреченія Франціи отъ поддержки папскихъ притязаній, Австрія оставалась единственною великою католическою державою Европы, на которую опирался и могъ опираться св. престолъ въ своей борьбѣ съ возрожденною Италіей. Движеніе Австріи на Балканскій полуостровъ передавало въ ея руки восточное побережье Адріатики и нарушало въ ущербъ Италіи установившееся морское равновѣсіе въ этомъ морѣ. Апулія населена албанскими выходцами, сохранившими албанскую національность и находящимися въ постоянномъ общеніи съ своими балканскими соплеменниками, по крайней мѣрѣ, христіанскими, и распространеніе австрійской сферы власти въ эту сторону нарушало естественныя чувства итальянскихъ албанцевъ въ частности, ихъ итальянскихъ соотечественниковъ вообще. Все это, вмѣстѣ взятое, создавало въ Италіи мнѣніе, что именно Австрія, какъ была прежде, такъ и осталась естественною соперницею и антогонисткою Италіи, тогда какъ освобожденные балканскія народности должны явиться естественными друзьями и союзниками итальянцевъ, потому что должны будутъ отстаивать свою самостоятельность отъ той же Австріи. Этотъ антагонизмъ съ Австріей, вполнѣ правильно понимаемый и въ сущности для Италіи исторически необходимый, и руководилъ и королемъ, и Криспи, когда они въ 1877 году предприняли секретные переговоры съ Бисмаркомъ. Германскій канцлеръ не могъ,

конечно, бѣлое сдѣлать чернымъ, не могъ [эти естественныя отношенія превратить въ естественныя симпатіи. Онъ могъ только откровенно объяснить германскія намѣренія и тѣмъ указать Италіи опасность избранной ею политики, открывъ заманчивыя перспективы въ другую сторону. Извѣстно, что когда заключался между Бисмаркомъ и Андраши австро-германскій союзъ, то первоначально онъ гарантировалъ поддержку союзника лишь въ случаѣ войны на два фронта. Германія могла ожидать такой войны при союзѣ Россіи и Франціи, Австрія—при союзѣ Россіи и Италіи. Послѣдняя комбинація считалась столь же естественной, какъ и первая. Она могла осуществиться какъ и первая, но для этого необходимо было желаніе Россіи, безъ которой сравнительно болѣе слабая Италія и неоправившаяся еще Франція не могли бы выдержать поединка со своими могущественными антагонистами. Отъ второго погрома Россія спасла Францію два года передъ тѣмъ, но это была ея добрая воля, а не обязательство по договору. Такихъ договоровъ между Россіей и ея естественными латинскими союзниками, однако, не было. Франція чувствовала себя поэтому небезопасною. Покуда Берлинъ и Вѣна были въ холодныхъ отношеніяхъ, Италія могла не тревожиться, но узнавъ въ Берлинѣ объ австро-германскомъ сближеніи, итальянскіе политики должны были себя почувствовать въ такомъ же небезопасномъ положеніи, какъ и Франція. Австрія, обезпеченная со стороны Россіи Германіей (а въ 1877 году, при Биконсфильдѣ, и Англіей), могла отвѣтить на итальянскую политику наступательно. Манифестаціи ирредентистовъ, положеніе папы, какіе-нибудь пограничныя инциденты, легко, по желанію, создаваемые, могли во всякое время открыть австрійцамъ предлогъ для нападенія. Заступится ли Россія, рискуя войной съ Германіей? Быть можетъ, да. Быть можетъ, нѣтъ. Ея добрая воля. Заступничество Франціи, теперь снова вполне достаточное, тогда было недостаточно. Стало быть, или заключеніе тройственного союза франко-руско-итальянскаго, или отказъ отъ той программы, съ которою пріѣхалъ Криспи въ Берлинъ и которая становилась, вѣтъ союза съ Франціей и Россіей, опасною для Италіи. Вотъ что могъ и долженъ былъ понять Криспи послѣ первыхъ же совѣщаній съ Бисмаркомъ. Германскій канцлеръ открылъ передъ честолюбивымъ и неразборчивымъ сициліанцемъ и другія перспективы. Зачѣмъ Италіи фиксировать свою виѣшнюю политику по на направленію сѣверо-востока и востока, гдѣ она сталкивается съ Австріей? Почему бы не направить политику на сѣверо-западъ, западъ и югъ, на Савою, Ниццу, Корсику, Тунисъ? На этомъ пути поддержка Германіи и Австріи (а въ это время и Англіи) могла бы дать Италіи успѣхъ. Конечно, нужно эту поддержку обезпечить договоромъ и надо создать достаточно грозную вооруженную силу... Такую программу привезъ Криспи изъ Берлина въ 1877 году и

именно ее, эту „империалистскую“ программу (сказали бы теперь англичане), онъ и проводилъ въ бытность свою во власти съ 1887 по 1896 г.

Всеобщая воинская повинность введена была въ Италіи до заключенія тройственного союза, но армія была мало усилена, преимущественно же милиція. Флотъ былъ рассчитанъ только на возможность столкновенія съ Австріей, которая и теперь обладаетъ флотомъ третьестепеннымъ, а тогда была еще слабѣе на морѣ. Вступленіе въ тройственный союзъ могло имѣть только наступательныя цѣли, потому что Италія не могла ждать нападенія ни со стороны Франціи, ни Россіи, ни Англіи. Отъ этихъ державъ ей нечего было обороняться. Ей надо было думать объ оборонѣ отъ возможнаго австрійскаго нападенія. Вступленіе въ тройственный союзъ гарантировало, конечно, отъ этого нападенія, но такой гарантіи не трудно было добиться отъ Россіи, Франціи, даже Англіи; можно смѣло утверждать, что разгрома мирной Италіи Европа не допустила бы. Для этого вступать въ тройственный союзъ не было надобности. Фантастическія перспективы завоеванія французскихъ территорій въ Европѣ и Африкѣ и созданіе колониальной имперіи за счетъ французовъ же были тѣмъ маревомъ, которое искусно выдвинулъ Бисмаркъ и плѣнилъ сначала Криспи, а за нимъ обоихъ королей, въ особенности же мечтателя Гумберта, всецѣло предававшагося этимъ грезамъ. Однако, совершенно было ясно, что для полученія солидной доли при задуманномъ разгромѣ Франціи, Италія не могла обойтись тѣми сравнительно незначительными вооруженными силами, которыми располагала въ минуту ея присоединенія къ австро-германскому союзу, уже заключенному нѣсколько раньше. Надо было значительно усилить армію и создать флотъ, такъ какъ теперь приходилось рассчитывать на отраженіе не австрійскаго флота, но французскаго или русскаго, или того и другого вмѣстѣ.

Отсюда поспѣшныя и усиленныя вооруженія, потребовавшія громадныхъ жертвъ. Въ двадцать лѣтъ, протекившихъ со времени берлинскихъ совѣщаній Бисмарка и Криспи въ 1877 году до паденія послѣдняго кабинета Криспи въ 1896 году, истрачено на армію и флотъ свыше шести милліардовъ франковъ, не считая тратъ на стратегическія желѣзныя дороги и на уплату процентовъ по займамъ, заключеннымъ по преимуществу для вооруженій. Проценты по этимъ займамъ достигли къ концу управленія Криспи до 600 милліоновъ ежегодно, а обыкновенный бюджетъ на армію и флотъ превысилъ *триста* милліоновъ, нормальный дефицитъ достигалъ 200 милліоновъ! Правда, Италія довела численность арміи по штатамъ военнаго времени до 3 милліоновъ комбатантовъ, изъ которыхъ 850 тыс. въ первой линіи, при 858 орудіяхъ. На сооруженіе военныхъ судовъ за это время истрачено 550 милліоновъ. Сооружено боевыхъ судовъ 51, при чемъ

эскадренных броненосцевъ 12 съ водоизмѣщеніемъ болѣе 9000 тоннъ каждый, остальные крейсера и береговые броненосцы разнаго ранга. Кромѣ того, построены многочисленный миноносный флотъ въ 170 судовъ четырехъ классовъ. Прибавляя канонерки, пловучія батареи, вѣстовые суда и пр., численность военныхъ судовъ Италіи во время оставленія Криспи власти достигала 286, съ экипажемъ въ 24 тыс., при резервѣ около 48 тыс. человѣкъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Это громадное развитіе вооруженныхъ силъ Италіи, совершенно разстроившее ея и безъ того не блестящіе финансы, было главнымъ дѣломъ Криспи, которому такъ и не удалось дожидаться европейской войны и разгрома Франціи. На подготовленіе этихъ событій Италія Гумберта I и его министра Франческо Криспи затратила громадныя усилія и средства. Судьба рѣшила иначе, и къ концу правленія страной этихъ дѣятелей столь тщательно и съ такими жертвами подготавливавшіяся событія стали невѣроятны, почти невозможны. Раздѣлъ Франціи и ея колоній, рѣшенный между Криспи и Бисмаркомъ въ 1877 году, при благосклонномъ одобреніи Биконсфильда, теперь представляется химерою. Полное военное возрожденіе Франціи и тѣсный франко-русскій союзъ дѣлаютъ разгромъ Франціи невѣроятнымъ, какъ и разгромъ Россіи, рѣшенный тогда же, на такихъ же совѣщаніяхъ между Бисмаркомъ и Андраши.

Сначала союзники, особенно Италія, были на готовѣ. Въ 1880 году паденіе Биконсфильда разстроило всѣ расчеты. Шесть лѣтъ Гладстонъ держалъ власть въ рукахъ и о нападеніи на Францію или Россію нельзя было и думать. Недолговѣчное коалиціонное министерство 1886 года не открывало перспективъ, и только въ послѣднее время въ Англіи у власти снова люди, склонные къ трояственному союзу. За то съ 1894 года франко-русскій союзъ сталъ фактомъ вмѣстѣ съ громаднымъ развитіемъ вооруженныхъ силъ и Франціи, и Россіи. Такимъ-то образомъ, основа политики Криспи оказалась неосуществимою, и огромныя жертвы, ради нея принесенныя, напрасными.

Подготавливая разрывъ и войну съ Франціей, Криспи считалъ полезнымъ подготовить эти событія и въ сердцахъ итальянцевъ, гдѣ надо было ослабить очень сильныя французскія симпатіи. Съ этою цѣлью начата была экономическая борьба. Открывая всячески пути для проникновенія на итальянскіе рынки германской промышленности и нѣмецкихъ капиталовъ, Криспи всячески закрывалъ доступъ въ Италію французской промышленности и французскихъ капиталовъ. Боевыя пошлины на французскіе товары, гоненія на французскія цѣнности, удаленіе французскихъ спеціалистовъ, стѣсненія французскому торговому флоту и т. д., и т. д. должны были и не могли не вызвать соответственныхъ репрессій со стороны Франціи. Отвѣтныя боевыя пошлины на итальянскіе продукты и массовыя высылки итальянскихъ рабочихъ изъ

предѣловъ французской республики были отвѣтомъ и, конечно, не могли не раздражать итальянцевъ. Въ этой экономической борьбѣ кое-что потеряла и Франція, но гораздо болѣе Италія. Страна земледѣльской культуры, Италія сама не обрабатывала своихъ продуктовъ, а посылала ихъ во Францію. Еще молодое вино французы брали въ Италіи и превращали въ свои превосходныя вина; оливковое масло—въ прованское; шелкъ-сырецъ—въ великолѣпныя матеріи; фрукты—въ консервы. Почти весь недостающій Франціи майсъ французы брали изъ Ломбардіи, равно орѣхи, каштаны, фисташки, пальмовое и орѣховое дерево, апельсины, лимоны... Когда началась экономическая война, французы начали искать другихъ рынковъ для покупки этихъ продуктовъ. Вина они нашли больше, чѣмъ нужно, въ южной Россіи, Румыніи, Греціи, Испаніи. Оливковое масло для переработки въ прованское въ изобиліи оказалось въ Испаніи и Греціи. Шелкъ-сырецъ стали закупать на Кавказѣ и въ Испаніи. Майсъ повезли изъ Россіи и Балканскихъ странъ, даже изъ Америки; фрукты для консервовъ—со всего средиземно-морского побережья; отсюда же каштаны, орѣхи, апельсины и пр.; высокіе сорта подѣлочнаго дерева отыскивали на Пиренейскомъ и Балканскомъ полуостровахъ и на Кавказѣ. Словомъ, мало-по-малу французы замѣнили итальянскіе продукты продуктами другихъ южныхъ странъ. Это имъ стоило нѣкоторыхъ жертвъ сначала, но за то значительно расширило ихъ торговыя сношенія и ихъ экономическое господство на рынкахъ юго-востока и юго-запада Европы. Для Италіи же это закрытіе французскаго рынка было прямо разорительно. Германія не могла въ этомъ случаѣ замѣнить Францію, которая специалистка и всесвѣтная поставщица именно тѣхъ товаровъ, которые выдѣлываются изъ итальянскихъ сырыхъ продуктовъ. Конечно, Германія взяла ихъ часть, другую пробовали начать обрабатывать дома, но ни то, ни другое не поглощало всего производства, и паденіе цѣнъ было самое гибельное, разорившее цѣлыя богатые районы. Это обвиненіе вызвало даже аграрныя бунты въ Ломбардіи и Сициліи, сурово подавленные правительствомъ бывшаго революціонера.

Кромѣ усиленнаго вооруженія и экономической борьбы съ Франціей, управленіе Криспи преслѣдовало еще созданіе колониальной имперіи. Кромѣ французскихъ колоній, облюбованныхъ итальянскими политиками, Италія въ это время рассчитывала положить основаніе своей будущей колониальной имперіи, овладѣвъ Абиссиніей. Заявъ берегъ Краснаго моря противъ Абиссиніи и укрѣпившись въ этой береговой полосѣ, итальянцы счумѣли склонить негуса Менелика къ заключенію договора, по которому негусъ поручилъ Италіи завѣдывать его внѣшними сношеніями. Негусъ, не имѣя представителя въ Европѣ и очень мало интересовъ, смотрѣлъ на это порученіе, какъ на любезность со стороны

Италіи. Однако, это могло быть и лишеніемъ независимости. По европейскому международному праву, выходило именно такъ. Если бы эта лукавая статья была включена въ договоръ съ какою-либо другою великою державою, то едва ли бы Абиссинія удалось отстоять свою независимость. Италія же оказалась недостаточно сильною, чтобы осуществить свои притязанія. Разбитая, она признала независимость Абиссиніи и очистила захваченныя абиссинскія провинціи. Эта неудача, стоившая крупныхъ жертвъ, вмѣстѣ съ тѣмъ положила конецъ политической карьерѣ Криспи. Онъ вышелъ въ отставку (1896 г.) и болѣе не возвращался ни къ власти, ни къ дѣятельной роли въ парламентѣ и въ печати. Ему было уже семьдесятъ семь лѣтъ. Очутившись не у дѣлъ, Криспи скоро одряхлѣлъ и черезъ пять лѣтъ умеръ, какъ разъ тогда, когда власть перешла въ руки его противниковъ, друзей Франціи и мира.

Таковы итоги политической дѣятельности Франческо Криспи. Громадная армія, сильный флотъ, экономическая борьба съ Франціей и Эритрейская колонія,—таковы были его главные заботы, а средствами—безперемонное и безпощадное подавленіе всего, стоявшаго на дорогѣ. Въ этомъ отношеніи съ нимъ соперничать могутъ только Бисмаркъ и Чемберленъ. Криспи дѣйствительно создалъ огромную вооруженную силу, до нельзя обострилъ экономическій конфликтъ съ Франціей и хитро вырвалъ у абиссинцевъ договоръ, открывавшій путь для завоеванія. Однако завоеваніе не удалось; экономическій конфликтъ съ Франціей привелъ къ обнищанію страны; а усиленные вооруженія—къ разстройству финансовъ; химера же раздѣла Франціи осталась химерою. Престарѣлый честолюбецъ, сходя въ могилу, могъ видѣть и пагубныя послѣдствія своей полтики, и щету поставленныхъ ею себѣ проблемъ. Для чего теперь Италіи эти непосильныя вооруженныя силы? И для какой надобности она тратитъ средства на сохраненіе клочка пустыни на берегу Краснаго моря? А это все, что осталось отъ дѣлъ Криспи, если не считать разстройства финансовъ, разоренія населенія и потери французскаго рынка. Итоги итальянскаго „имперіализма“ оказываются не блестящими.

III.

Одновременно съ Криспи, нѣсколькими днями раньше, скончалась въ Кронбергѣ вдовствующая императрица Германіи Викторія, мать императора Вильгельма, сестра короля Эдуарда. Прекрасно образованная, съ тонкимъ умомъ и большимъ честолюбіемъ, жена ей горячо преданнаго и ей подчинявшагося наследника германскаго престола, Викторія могла рассчитывать и рассчитывала, дѣйствительно, на блестящую историческую роль. Судьба

рѣшила иначе. До самой смерти императора Вильгельма I, она не играла и не могла играть никакой роли, потому что вся роль была у Бисмарка, который чувствовалъ въ ней соперника и не давалъ хода. Когда же умеръ Вильгельмъ, ея собственный мужъ былъ уже при смерти. Черезъ сто дней агоній императоръ Фридрихъ сошелъ въ могилу, а его сынъ и наслѣдникъ, сынъ Викторіи, вернулъ сначала Бисмарку всю полноту власти, и безпощадный канцлеръ отплатилъ своей недавней государынѣ за ея попытку эмансипировать Германію отъ Бисмарка. Положеніе вдовствующей императрицы было чѣмъ-то въ родѣ почетной ссылки. Мало оно улучшилось и съ паденіемъ Бисмарка, а теперь та же ужасная болѣзнь, которая ее лишила мужа и власти, свела и ее въ могилу. Такова эта трагическая неудача широко задуманной жизни.

Одинъ за другимъ сходятъ со сцены недавніе властелины человѣческихъ судебъ, а человѣчество, почтительно отдавая послѣднюю честь ихъ останкамъ, спѣшитъ продолжать ихъ дѣло, продолжать и дѣло борьбы и раздора, и дѣло мира и справедливости. Среди этихъ дѣлъ, волнующихъ современное человѣчество, особенное вниманіе привлекаетъ предстоящее двойное свиданіе русскаго императора съ германскимъ императоромъ и съ президентомъ французской республики. Печать всѣхъ странъ пускается во всевозможныя догадки и гипотезы относительно цѣли этихъ свиданій. Конечно, всѣ эти догадки и гипотезы, по меньшей мѣрѣ, преждевременны. Когда состоятся свиданія, будетъ виднѣе. Тогда и поговоримъ. Пересмотримъ бѣгло другія текущія событія.

Разрывъ Франціи и Турціи былъ бы весьма опасною искрою при другихъ обстоятельствахъ. Теперь же, при австро-русскомъ соглашеніи, при франко-итальянскомъ сближеніи и при связанныхъ рукахъ у Англіи, это столкновеніе едва ли поведетъ къ осложненіямъ. Турки должны будутъ уступить, быть можетъ, еще нѣкоторое время поупрямившись и особо заплативъ за это упрямство. Воевать съ Франціей они едва ли рискнутъ и никто имъ этого совѣтовать не будетъ. Они уступили бы и въ 1877 году, но тогда къ войнѣ ихъ поощрили изъ Лондона. Теперь, конечно, не Лондонъ будетъ поощрять. Если бы тройственный союзъ все еще замышлялъ разгромъ Франціи и Россіи, втянуть въ войну съ нами турокъ было бы для тройственного союза выгодно, но въ Италіи власть въ рукахъ друзей Франціи, въ Австріи держатся соглашенія съ Россіей, а германскій императоръ собирается на свиданіе съ русскимъ. Султанъ выбралъ плохое время для своихъ плохихъ шутокъ съ французскою дипломатіей.

Внѣ франко-турецкаго конфликта, существуютъ и другіе элементы безпокойства на Балканскомъ полуостровѣ. Волненія въ Македоніи и Албаніи и стычки на сербо-турецкой и болгаро-ту-

репкой границахъ сами по себѣ явленія постоянныя, но упомянутый конфликтъ, если турки его не устранять, по возможности скоро, можетъ обострить эти явленія, поощрить всяческія оппозиціонныя движенія и создать опасную почву, гдѣ никакое австро-русское соглашеніе не поможетъ. Это соглашеніе основано на сохраненіи *status quo*, но если оно будетъ нарушено событіями, то старое соглашеніе не годится. Его надо замѣнить новымъ, а это не такъ легко. Въ этихъ мелкихъ событіяхъ, волнующихъ Балканскій полуостровъ, достойно отмѣтки возрожденіе австро-итальянскаго соперничества въ западной части полуострова. Когда итальянцевъ манили Савоей, Ниццей, Тунисомъ, они готовы были предоставить австрійцамъ Балканскій полуостровъ, но когда эти западныя вождельнія стали очевиднымъ міражемъ, предоставленіе австрійцамъ безнаказанно поглощать сербовъ, черногорцевъ, албанцевъ и усиливать свою мощь на Адриатикѣ уже ничѣмъ не уравнивается для Италіи, и совершенно естественно, если тамъ пробуждается желаніе ограничить австрійскіе аппетиты. Родство съ черногорскимъ княжескимъ домомъ и проснувшіяся албанскія симпатіи еще болѣе содѣйствуютъ возвращенію Италіи на путь прежней политики освобожденія балканскихъ народностей и ограниченія австрійскихъ народностей.

Еще большею угрозою существованію тройственнаго союза является новый таможенный тарифъ, проектированный въ Германіи. Этотъ тарифъ закрываетъ германскій рынокъ для итальянскихъ земледѣльческихъ продуктовъ. Правда, въ настоящее время экономическая война съ Франціей окончена и французскій рынокъ снова открылся для итальянскихъ продуктовъ, но рынокъ этотъ уже занятъ испанскими, греческими, русскими, левантинскими продуктами, и для итальянцевъ сбытъ во Францію уже далеко не достигнетъ прежняго размѣра, или, по крайней мѣрѣ, для этого надобно болѣе или менѣе значительное время. При этихъ условіяхъ проектированное закрытіе германскаго рынка прямо разорительно.

При пробудившихся франко-итальянскихъ симпатіяхъ, при проснувшемся австро-итальянскомъ соперничествѣ, новый германскій тарифъ, если станетъ закономъ, можетъ послужить сильнымъ толчкомъ для новой группировки политическихъ силъ Европы. Говоримъ это теперь мимоходомъ, какъ дополненіе къ другимъ событіямъ. Вопросъ о германскомъ тарифѣ имѣетъ, однако, гораздо болѣе обширное значеніе и я думаю въ свое время, когда онъ осуществится, еще вернуться къ нему обстоятельнѣе.

Мы въ Европѣ имѣемъ основаніе быть недовольными Балканскимъ полуостровомъ, этимъ очагомъ всевозможныхъ волненій и конфликтовъ. Однако, это само спокойствіе въ сравненіи съ цѣлымъ огромнымъ материкомъ, гдѣ кровопролитіе представ-

ляется явленіемъ нормальнымъ, а миръ довольно рѣдкимъ даромъ судьбы. Я говорю о материкѣ Южной Америки. Междоусобія здѣсь не прекращаются и понять ихъ смыслъ отсюда, издалека не легко. Не о нихъ я хочу упомянуть и сегодня, а о международныхъ столкновеніяхъ, которыхъ тамъ тоже не мало, а теперь развивается цѣлыхъ два.

Южная Америка, вмѣстѣ съ Центральною Америкой и Мексикой, образуетъ шестнадцать республикъ, изъ которыхъ одна Бразилія населена португальцами, остальные—испанцами и обшпанившимися потомками туземныхъ расъ. Въ сущности это одна нація численностью около 40 милліоновъ, говорящая на одномъ языкѣ, исповѣдующая одну религію и стоящая приблизительно на одномъ уровнѣ культуры. Раздробленіе ея на пятнадцать отдѣльныхъ государствъ произошло въ значительной степени, благодаря неодновременному возстанію противъ метрополіи и игрѣ личныхъ честолюбій людей. Эти личные соперничества и теперь играютъ значительную роль въ раздорахъ между республиками. Недавно Мексика, президентъ которой Порфіріо Діасъ принадлежитъ къ дальновиднымъ, энергичнымъ и просвѣщеннымъ дѣятелямъ этой обширной романо-американской націи, взяла на себя инициативу нѣкотораго объединенія этой націи. Мексика предложила на обсужденіе всѣхъ романо-американскихъ правительствъ проектъ договора, по которому всѣ они должны отказаться отъ права войны между собою, а для разрѣшенія споровъ и конфликтовъ учредить международный трибуналъ; безпрекословное исполненіе приговоровъ этого трибунала должно быть гарантировано всѣми подписавшимися. Въ принципѣ всѣ правительства одобрили этотъ проектъ, но острый конфликтъ между Чили, съ одной стороны, и Перу и Боливіей—съ другой, мѣшаетъ его подписанію, а тутъ вскорѣ подошло и вооруженное столкновеніе между Колумбіей и Венецуэлой. Дальновидный проектъ Діаса, рассчитанный на устраненіе того фактическаго протектората, который присвоили себѣ Соединенные Штаты надъ государствами Южной Америки, разбился объ эти мѣстные соперничества.

Четырнадцать лѣтъ тому назадъ, республика Чили вела войну съ Перу и Боливіей. Чилийцы восторжествовали. Кромѣ значительной контрибуціи, они удержали временно часть боливійской и перуской территоріи. Такъ какъ съ Боливіей было заключено только перемиріе, то вопросъ объ окончательной участи занятой чилийцами земли долженъ былъ рѣшиться при заключеніи окончательнаго мира. Занятая чилийцами полоса—единственная область Боливіи, прибрежная морю, отъ котораго теперь боливійцы отрѣзаны. Они желаютъ вернуть не всю эту область, которую готовы окончательно уступить чилийцамъ, но только хотя бы одну морскую гавань. Чилийцы же не согласны имъ и этого уступить и пере-

миріе еще до сихъ поръ не замѣнено миромъ. Чилийцы потому не желаютъ уступить желанію Боливіи, что къ сѣверу отъ захваченной ими боливійской береговой полосы они въ ту же войну захватили двѣ береговыхъ области перуанскихъ, которыя были бы отрѣзаны отъ Чили, если бы Боливія вернула себѣ гавань. Между Чили и Перу, однако, миръ заключенъ былъ окончательно, а относительно этихъ двухъ областей было постановлено, что Чили ихъ оккупируетъ десять лѣтъ, по истеченіи какового срока самому населенію провинціи будетъ представлено рѣшить вопросъ о принадлежности той или другой республикѣ. Четыре года, какъ истекъ этотъ срокъ, но чилийцы не приступаютъ къ опросу населенія и не очищаютъ области, не смотря на постоянныя настоянія перуанскаго правительства. Чилийцы чувствуютъ себя достаточно сильными, чтобы бравировать эти протесты и домогательства Боливіи и Перу. Чилийцы, однако, отлично сознаютъ, что право не на ихъ сторонѣ, и потому свое согласіе на предложеніе Мексики обусловили тѣмъ, чтобы проектируемый трибуналъ занимался лишь будущими столкновеніями, а существующіе споры не входили бы въ его компетенцію. Естественно, если съ другой стороны Боливія и Перу не согласились на это условіе. Ихъ поддержали Аргентина и Парагвай, но Чили не уступила, и мексиканскій проектъ отложенъ на неопредѣленное время. Переговоры, впрочемъ, продолжаются, но если Мексика и Бразилія не пригрозятъ чилийцамъ принужденіемъ, шансы на скорое подписаніе подобнаго договора весьма не велики. Да и въ случаѣ, если бы Мексика и Бразилія рѣшились на эту мѣру, неизвѣстно еще, — не нашли-ли себѣ чилийцы защиты въ Соединенныхъ Штатахъ или даже въ Европѣ. Чили — единственная аристократическая республика въ Америкѣ. Отсюда и ея вражда съ сосѣдними демократіями и честолюбивая завоевательная политика.

Совсѣмъ иной характеръ носить столкновение между Венецуэлой и Колумбіей. Сначала Колумбія была обширная республика, занимавшая весь сѣверъ Южной Америки. Какъ всюду въ южно-американскихъ республикахъ, здѣсь большое вліяніе имѣло духовенство. Борьба либераловъ съ клерикалами наполняла кровавыми страницами исторію страны, покуда большая колумбійская республика не распалась на три: Венецуэлу, Новую Гренаду и Эквадоръ, гдѣ и воцарились разныя партіи. Немного позже Новая Гренада приняла названіе Колумбіи. Такимъ образомъ, распаденіе было дѣломъ партій, болѣе сильныхъ въ той или другой части страны. Кровавую борьбу они продолжаютъ и до сихъ поръ во всѣхъ трехъ частяхъ прежней Колумбіи. Въ нынѣшней Колумбіи теперь власть принадлежитъ консерваторамъ, а въ Венецуэлѣ при власти либералы. Венецуэльскіе консерваторы, желая низвергнуть либеральное правительство, организовали вторженіе изъ Колумбіи, но потерпѣли пораженіе. За ихъ вторженіе должно

отвѣтитъ консервативное правительство Колумбіи, гдѣ либералы, въ ожиданіи вторженія венецуэльскихъ либераловъ, уже взялись за оружіе. Они рассчитываютъ и на эквадорцевъ, такъ какъ въ Эквадорѣ теперь при власти тоже либералы. Словомъ, эти столкновения носятъ болѣе междуусобный характеръ, нежели международный и не представляли бы особаго интереса, если бы не касались территоріи Панамскаго перешейка. Въ Соединенныхъ Штатахъ собираются, повидимому, охранять перешеекъ. Отъ кого, однако? Не все-ли равно для этого интереснаго перешейка, либералы или клерикалы будутъ торжествовать въ Санта-Фе-де-Богота? Онъ останется на своемъ мѣстѣ и не потеряетъ своего интереса. Въ Штатахъ не всѣ такъ думаютъ и требуютъ охраны. Если это будетъ предлогомъ къ захвату, то мы стоимъ у зачатія событія всемірно-историческаго значенія. Англо-саксонская раса приобрѣтетъ еще одну господствующую позицію и проложитъ первый каналъ для своего господства и въ Южной Америкѣ. Порфирио Діасъ, быть можетъ, и опоздалъ съ своимъ проектомъ.

С. Юмаковъ.

Хроника внутренней жизни.

І. Новый аграрный законъ.

20 іюля опубликовано высочайше утвержденное въ 8-й день того же мѣсяца мнѣніе государственнаго совѣта объ отводѣ частнымъ лицамъ казенныхъ земель въ Сибири. Этотъ законодательный актъ является шагомъ къ разрѣшенію неоднократно уже возбуждавшагося и нѣсколько лѣтъ тому назадъ вновь поставленнаго на очередь вопроса объ образованіи частновладѣльческаго хозяйства въ сибирскихъ областяхъ и губерніяхъ. Подъ частновладѣльческія хозяйства, согласно новому закону, назначаются „по мѣрѣ надобности“ свободныя казенныя земли, „за исключеніемъ тѣхъ, которыя требуютъ сохраненія ихъ въ непосредственномъ распоряженіи казны въ лѣсохозяйственныхъ, горнопромышленныхъ и иныхъ государственныхъ и общественныхъ цѣляхъ, въ виду близости ихъ къ государственной границѣ, либо нахожденія при устьяхъ или въ верховьяхъ значительныхъ рѣкъ“. Въ законѣ нѣтъ прямыхъ указаній, чья именно „надобность“ должна имѣться въ виду при отводѣ казенныхъ земель частнымъ лицамъ, а также чѣмъ именно должна опредѣляться „мѣра“ этой надобности. Ограниченіе сдѣлано лишь для тѣхъ казенныхъ земель, сохраненіе

которыхъ въ непосредственномъ распоряженіи казны требуется лѣсохозяйственными, горнопромышленными и иными государственными и общественными цѣлями. Ограниченіе это, и въ особенности ссылка на „иные“ государственныя и общественныя цѣли, казалось бы, могутъ быть истолкованы разнo. Однако возможность широкаго толкованія предупреждена самымъ контекстомъ закона, предусматривающаго потребность для „иныхъ цѣлей“ лишь въ тѣхъ земляхъ, которыя расположены по близости къ государственной границѣ, либо находятся при устьяхъ или въ верховьяхъ значительныхъ рѣкъ. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что подъ „иными цѣлями“ законодатель разумѣлъ лишь интересы государственной безопасности и охрану путей сообщенія. Другія государственныя задачи и въ числѣ ихъ, казалось бы, важнѣйшая—обеспеченіе трудящагося населенія средствами производства — по буквѣ закона не должны стѣснять развитіе частновладѣльческаго хозяйства. За указанными исключеніями, каковыя, можно ожидать, получать скорѣе ограничительное, чѣмъ распространительное толкованіе, для частновладѣльческаго хозяйства отнынѣ открыта вся, можно сказать, необъятная площадь казенныхъ земель въ Сибири. Количество земель, которое фактически поступитъ на основаніи новаго закона въ распоряженіе частныхъ лицъ опредѣлится въ конечномъ итогѣ, очевидно, „надобностью“ сихъ послѣднихъ, а „мѣра“ этой надобности—количествомъ заявленныхъ ими желаній. Въ законѣ 8 іюля имѣется, правда, еще одно ограниченіе относительно отвода казенныхъ земель подъ частновладѣльческія хозяйства. Предназначаемыя для нихъ земли „нарѣзаются, по возможности, въ перемежку съ площадями, надѣленными крестьянамъ“. Но легко понять, что это ограниченіе, подлежащее выполнению при томъ „по возможности“, обусловлено, конечно, не государственными или общественными цѣлями, а необходимостью обеспечить вновь образуемыя частновладѣльческія хозяйства потребными для нихъ рабочими.

Пространство казенной земли, отводимое для каждаго отдѣльнаго хозяйства, опредѣляется „въ зависимости отъ мѣстныхъ условій и требованій пріобрѣтателя“, при чемъ оно не должно превышать трехъ тысячъ десятинъ. Съ высочайшаго, однако, разрѣшенія, испрашиваемаго чрезъ комитетъ министровъ, „для значительныхъ и полезныхъ для края сельскохозяйственныхъ и промышленныхъ предпріятій“ допускается отводъ въ однѣ руки и болѣе обширныхъ площадей. Если принять во вниманіе, что всякое хозяйство, получающее казенную землю, хотя бы формально должно считаться „полезнымъ“ для края, такъ какъ иначе нельзя было бы оправдать уступку ему даже пяди казенной земли, и что „значительность“ сельскохозяйственнаго предпріятія опредѣляется прежде всего размѣрами охваченной имъ площади,

то легко видѣть, что установленное закономъ ограниченіе размѣра даруемыхъ участковъ сводится въ сущности къ установленію болѣе сложнаго порядка при отводѣ крупнѣйшихъ изъ нихъ. Всякій пріобрѣтатель, имѣющій права на льготы, дарованныя закономъ 8 іюля, можетъ утверждать, что его предпріятіе будетъ полезнымъ, а если ему будетъ отведено много земли, то и значительнымъ. Сложность процедуры при отводѣ участка свыше 3,000 дес. сама по себѣ, конечно, не удержитъ его отъ домогательствъ, если только онъ имѣетъ „надобность“ въ подобномъ участкѣ, а, съ другой стороны, располагаетъ достаточными связями для поддержки своего ходатайства въ подлежащихъ учрежденіяхъ. Такимъ образомъ, открываемая закономъ 8 іюля возможность развитію частновладѣльческаго хозяйства въ Сибири можетъ считаться почти неограниченною не только по общему количеству доступной отнынѣ для него земли, но и по размѣрамъ отдѣльныхъ владѣній, могущихъ поступить въ распоряженіе частныхъ лицъ.

Казенная земля для частнаго хозяйства можетъ быть куплена или взята въ аренду. Въ качествѣ покупателей законъ допускаетъ всѣхъ русскихъ подданныхъ, за исключеніемъ инородцевъ, въ качествѣ же арендаторовъ — только лицъ дворянскаго происхожденія. Какія земли подлежатъ продажѣ и какія — отводу въ арендное пользованіе, или, другими словами, какія земли сразу дѣлаются достояніемъ всѣхъ сословій и какія непосредственно должны пройти чрезъ дворянскія руки, — законъ оставляетъ опредѣлить соглашенію министровъ земледѣлія, внутреннихъ дѣлъ и финансовъ. Какъ общее правило, предназначенная къ продажѣ земля продается съ публичнаго торга, но по ходатайству пріобрѣтателя, при согласіи названныхъ трехъ министровъ, можетъ быть продана ему и по вольной цѣнѣ, т. е. съ устраненіемъ возможныхъ конкурентовъ. Арендаторы, кромѣ дворянскаго происхожденія, по хозяйственной благонадежности своей должны быть желательными, въ правительственныхъ видахъ, землевладѣльцами въ Сибири, при чемъ выборъ лицъ, коимъ могутъ быть отводимы казенныя земли въ арендное пользованіе, изъ числа изъявившихъ на то желаніе и удовлетворяющихъ установленнымъ условіямъ, производится не по свободному между ними состязанію и не по размѣрамъ предложенной ими платы за землю, а по взаимному соглашенію министровъ земледѣлія и внутреннихъ дѣлъ. Такимъ образомъ, кромѣ благонадежности хозяйственной, при выборѣ арендаторовъ будутъ, очевидно, приниматься въ расчетъ и другія соображенія, имѣющіяся въ распоряженіи министерства внутреннихъ дѣлъ относительно соответствія даннаго лица правительственнымъ видамъ.

Земли сдаются въ аренду, смотря по пространству ихъ и трудности ихъ обработки, на срокъ до 99 лѣтъ, за плату не ниже плати-

мой въ данной мѣстности оброчной подати за земли, отведенныя въ надѣлъ крестьянамъ, при чемъ за первыя пять лѣтъ арендная плата не взимается. Арендаторъ, выполнившій условія договора (относительно возведенія построекъ, производства работъ и т. д.), имѣетъ право на приобрѣтеніе арендуемой имъ земли въ собственность. Продажная цѣна при этомъ опредѣляется помноженіемъ арендной платы на двадцать, при чемъ, по желанію лица, приобрѣтающаго землю, она можетъ быть разсрочена на 37 лѣтъ изъ 5% годовыхъ. Эти условія аренды и приобрѣтенія земли нельзя не признать очень льготными. Размѣры крестьянской оброчной подати, каковая прежде всего, конечно, будетъ служить основаніемъ для установленія арендной платы, а затѣмъ и продажной цѣны, могутъ, съ теченіемъ времени, измѣниться, тогда какъ платежъ частнаго приобрѣтателя казенной земли въ теченіе всего срока аренды и выкупа останется неизмѣннымъ. Такимъ образомъ, дворяне арендаторы и покупатели новымъ закономъ, по отношенію къ приобрѣтенію земли, ставятся въ лучшія условія, нежели сосѣдніе крестьяне. Съ неменьшимъ основаніемъ можно предполагать, что частные владѣльцы изъ другихъ сословій, если для нихъ представится возможность приобрѣсть казенную землю покупкой, въ большинствѣ случаевъ будутъ платить за нее дороже, чѣмъ дворяне, освобожденные не только отъ конкуренціи инсословныхъ приобрѣтателей, но и отъ публичнаго торга между собою.

Арендованная дворяниномъ земля послѣ его смерти переходитъ, на общемъ основаніи, къ его наслѣдникамъ. Она можетъ быть передана имъ другому лицу и при жизни, съ согласія лишь министровъ земледѣлія и внутреннихъ дѣлъ. Это ограниченіе не распространяется, однако, на сдачу отдѣльныхъ угодій, для каковой требуется разрѣшеніе мѣстныхъ установленій министерства земледѣлія и то лишь въ томъ случаѣ, если земля сдается болѣе чѣмъ на одинъ посѣвъ. Что касается земель, приобрѣтенныхъ въ собственность, то хотя бы на нихъ и числился выкупной долгъ, онѣ могутъ быть передаваемы на общемъ основаніи. Такимъ образомъ, выгоды, сопряженныя съ арендой и покупкой казенной земли, довольно свободно и скоро могутъ быть реализованы. При извлеченіи ихъ, арендаторъ или собственникъ въ правѣ не стѣсняться сословными различіями, играющими такую важную роль при отчужденіи тѣхъ же земель казною. Это обстоятельство, конечно, отнюдь не умалитъ означенныхъ выгодъ.

Таковы важнѣйшія черты новаго аграрнаго закона,—закона въ высшей степени характернаго по своимъ основнымъ мотивамъ и долженствующаго имѣть громадное значеніе по своимъ послѣдствіямъ. Правда, этотъ законъ касается лишь части имперіи и при томъ такой, которая до сихъ поръ не играла активной роли въ судьбахъ русскаго государства. На Сибирь мы привыкли

смотрѣть, какъ на окраину, безнадежно отсталую въ культурномъ отношеніи, безсильную экономически и не требующую особаго вниманія съ точки зрѣнія внѣшней безопасности. Мы привыкли пользоваться ею для своихъ отбросовъ, и приучили ее довольствоваться институтами и учрежденіями, завѣдомо для насъ самихъ непригодными. Между тѣмъ, эта окраина занимаетъ площадь, въ три раза превосходящую своими размѣрами коренную Россію; ея богатства не только не исчерпаны, но и не извѣданы; ея роль въ исторіи не только не сыграна, но и не начата еще. Лишь въ наши дни назрѣла необходимость привлечь эту новую страну къ болѣе активному участию въ жизни государства и человѣчества. Въ поискахъ „вольной земли“ и лучшихъ условій труда первымъ двинулось туда трудовое крестьянство, гонимое съ родины земельной тѣснотой и цѣлымъ рядомъ экономическихъ и правовыхъ неурядицъ. Мировые интересы, обнаружившіе за послѣдніе годы стремленіе перемѣститься къ Востоку, положили конецъ пренебреженію, съ какимъ много лѣтъ государственная власть относилась къ Сибири. Мѣстное населеніе, издавна пополнявшееся хотя и безпокойными, но дѣятельными элементами, проявило сильное тяготѣніе и обнаружило рѣдкую восприимчивость не только къ начаткамъ культуры, но и къ высшимъ продуктамъ развитой гражданственности. Поражавшая доселѣ безлюдьемъ страна стала быстро заселяться; лежавшія втунѣ богатства появились на мировомъ рынкѣ; въ странѣ, по которой еще бродятъ полудикіе инородцы, уже функционируютъ высшія школы, уже внятно звучитъ идейное слово печати... Передъ Сибирью, начавшей новую жизнь, открылась заманчивая перспектива: опираясь на „послѣднее слово“ многовѣковой культуры и научнаго знанія, не повторяя чужихъ ошибокъ и не страдая отъ тяжкихъ ихъ послѣдствій, сдѣлать новый шагъ на пути къ высокимъ идеаламъ человѣческой жизни.

Въ теченіе тысячелѣтней исторіи центръ русской государственной жизни неоднократно перемѣщался съ сѣвера на югъ и съ юга на сѣверъ. По всѣмъ признакамъ сейчасъ мы переживаемъ новое его перемѣщеніе къ югу и востоку. Какую роль въ будущихъ судьбахъ русской государственности суждено играть обширной странѣ за Ураломъ,—предусмотрѣть немислимо. Какъ бы то ни было, чѣмъ больше мы впускаемъ ее въ узлы, связанные для насъ исторіей, тѣмъ труднѣе ихъ намъ будетъ распутать. Съ этой точки зрѣнія вопросъ о частной поземельной собственности въ Сибири имѣетъ не только мѣстное, но и общегосударственное значеніе. Законъ же 8 іюля, разрѣшающій его утвердительно, представляетъ изъ себя серьезный историческій актъ, о которомъ придется говорить и писать не только намъ, но и отдаленнымъ, быть можетъ, нашимъ потомкамъ.

Едва-ли, однако, нужно заглядывать въ историческую даль,
№ 8. Отдѣлъ II.

чтобы уяснить себѣ характеръ послѣдствій, какими скажется новый законъ въ народной жизни. Для этого достаточно разсмотрѣть ближайшія цѣли, которыя онъ ставитъ, и непосредственное вліяніе, какое онъ окажетъ на текущую жизнь.

Мы не знаемъ мотивовъ къ новому закону. Судя же по содержанию, можно предполагать, что онъ имѣетъ въ виду три цѣли: открыть доступъ для частной капиталистической предпримчивости къ естественнымъ богатствамъ Сибири, поднять уровень сельскохозяйственной техники въ ней и упрочить положеніе дворянства въ сельскохозяйственномъ производствѣ. Въ какой мѣрѣ и какую цѣною достижима каждая изъ этихъ цѣлей?

Съ умноженіемъ населенія въ сибирскихъ губерніяхъ и съ обращеніемъ заботъ государственной власти на эту окраину, обнаружилось тяготѣніе и капитала въ эту страну. До оборудованія ея желѣзною дорогою и, главное, до заселенія ея трудящимися, естественныя богатства Сибири вовсе не казались заманчивыми для европейской—русской и заграничной—предпримчивости. Сибирь довольствовалась доморощенными капиталами, нажитыми хищнической добычей золота и спаиваніемъ инородцевъ, каковыя предприятия лишь и удостоивались вниманія гг. капиталистовъ. Нужна была колонизаціонная работа крестьянской массы, нужны были многомилліонныя затраты государственнаго казначейства, чтобы земли, лѣса и руды Сибири сдѣлать „богатствами“. Открывая къ нимъ свободный доступъ гг. капиталистамъ, мы приносимъ въ жертву частнымъ интересамъ цѣнные результаты народныхъ усилій. Не можетъ быть, конечно, сомнѣній, что капиталисты охотно воспользуются предоставляемыми имъ богатствами. Они извлекутъ ихъ на свѣтъ Божій и реализуютъ на мировомъ рынкѣ. Извлекутъ не собственными, конечно, руками, а мозолистыми руками населенія, искавшаго „вольныхъ“ земель и рискующаго теперь оказаться въ „западнѣ“, изъ которой даже „куренка выпустить некуда“; не на собственной спинѣ вынесутъ они ихъ на рынокъ, а перевезутъ по желѣзнымъ дорогамъ, выстроеннымъ на счетъ государственныхъ плательщиковъ; собственными они воспользуются лишь карманами, чтобы сложить въ нихъ барыши, вырученные отъ незатѣйливыхъ, но прибыльныхъ операцій.

Если бы сибирскія богатства были никому не нужны и если бы другого средства подступиться къ нимъ не было, то можно было бы не оспаривать цѣлесообразности такого именно способа ихъ эксплуатаціи. Но дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе. Сибирскія земли нужны и, какъ убѣдили послѣднія десятилѣтія, очень нужны крестьянству коренной Россіи, для котораго переселеніе нерѣдко является единственнымъ выходомъ изъ положенія доведеннаго до крайности. Для занятія и обработки ихъ изъ году въ годъ внутреннія губерніи высылаютъ до 200.000 душъ. Эта колонизаціонная работа шла бы, конечно, ще быстрее, если бы не стѣсни-

тельные условия, которыми обставленъ у насъ выходъ переселенцевъ, если бы не тяжелая обстановка, которая сопровождаетъ ихъ въ дорогѣ, если бы не полная почти безпомощность, которая ждетъ ихъ на новомъ мѣстѣ. Не смотря на все это, переселенческое движеніе развивается столь быстро, что неоднократно уже опережало землеустроительныя работы, предпринятые правительствомъ, которое вынуждено бывало публиковать о недостаткѣ заготовленныхъ для переселенцевъ участковъ. При такомъ положеніи дѣлъ, казалось бы, не можетъ быть опасеній, что земельныя богатства Сибири на долгое время останутся неиспользованными. Напротивъ, можно бояться, что и тамъ скоро дасть себя почувствовать земельная тѣснота и явится роковая, но столь трудно выполняемая при нашихъ условіяхъ необходимость перехода къ болѣе интенсивнымъ формамъ сельскохозяйственной культуры. Во всякомъ случаѣ, частные предприниматели, приглашаемые воспользоваться казенными землями, явятся не единственными на нихъ соискателями, а серьезными конкурентами переселенческой массы.

Эти конкуренція, несомнѣнно, осложнить и затруднить переселенческое движеніе, а въ конечномъ итогѣ, быть можетъ, радикально измѣнить даже характеръ заселенія Сибири. Что касается вовлеченія сибирскихъ богатствъ въ экономическій круговоротъ, то сама по себѣ частная собственность на земли, если и ускорить его, то такими средствами, которые едва ли могутъ быть признаны желательными съ государственной точки зрѣнія. Чтобы обратить лежащія втунѣ богатства въ полезные для человѣка продукты и въ цѣнности, необходимъ живой трудъ человѣка. Мы упомянули уже, что частные собственники не прибавятъ рабочихъ рукъ, а будутъ пользоваться чужими. Если же не измѣнится общее количество труда, которое будетъ приложено къ землѣ, то не измѣнится и количество извлекаемыхъ изъ нея продуктовъ и цѣнностей. Измѣнится лишь распредѣленіе ихъ. Ранѣе мужикъ пріобрѣталъ ихъ для себя и потреблялъ, главнымъ образомъ, въ собственномъ хозяйствѣ; при новыхъ условіяхъ значительную часть ихъ онъ отдастъ барину, который отправитъ ихъ по желѣзной дорогѣ. Въ послѣднемъ случаѣ они будутъ проведены по графамъ официальной статистики и, можетъ быть, создадутъ иллюзію быстро возрастающаго производства. Но за этой иллюзіей будетъ скрываться недоѣданіе массъ, которое придется учитывать другой статистикѣ—статистикѣ заболѣваній и смертности. Увеличить количество труда въ странѣ частный собственникъ можетъ однимъ путемъ—отбирая возможно больше продуктовъ въ свою пользу и заставляя тѣмъ напряженнѣе работать рабочаго, т. е. усиленной эксплуатаціей послѣдняго. Увеличить количество цѣнностей онъ можетъ еще обращеніемъ производства на такія земельныя богатства, которыя наиболѣе легко под-

даются реализаціи, т. е. земельнымъ хищничествомъ. Само собой понятно, что ни то, ни другое не можетъ ставиться цѣлью государственной политики. Внѣ же этого, обращеніе казенныхъ земель въ частную собственность, взятое само по себѣ, общаетъ лишь одно—такое распредѣленіе продуктовъ производства, которое отнюдь не можетъ считаться благомъ съ точки зрѣнія народныхъ интересовъ.

Мы сознательно изолировали вторую цѣль, которую можно усматривать въ законѣ 8 іюля, т. е. улучшеніе техники производства отъ поощренія частной предпринимчивости. Намъ могутъ сказать, что частный предприниматель, въ образѣ капиталиста, считается желаннымъ гостемъ не самъ по себѣ, а ради техническихъ улучшеній, которыя онъ принесетъ съ собою. Лишь сознавая необходимость технического прогресса, мы усердно покровительствуемъ сопровождающему его джентльмену. Но, вѣдь, этотъ джентльменъ много уже разъ обманывалъ наши ожиданія, еще чаще мы окупали его услуги чрезмѣрно дорогой цѣной... Не обманетъ-ли онъ наши надежды и въ этотъ разъ?

Въ „Русскомъ Богатствѣ“ неоднократно уже указывалось на ошибочность столь распространеннаго у насъ представленія о неразрывной связи технического прогресса съ капиталистической формой производства. Это скорѣе ассоціація по смежности, которую можно вынести изъ поверхностнаго наблюденія западноевропейской промышленной жизни, чѣмъ научное понятіе, добытое тщательнымъ анализомъ совмѣстно наблюдаемыхъ явленій.

Единственною цѣлью частнаго предпринимателя всегда было и останется извлеченіе въ возможно короткій срокъ возможно большей прибыли изъ принадлежащаго ему имущества. Усовершенствованіе техники производства отнюдь не является при этомъ единственнымъ или всегда наиболѣе цѣлесообразнымъ средствомъ. Напротивъ, возможны такія конъюнктуры, при которыхъ технические улучшенія оказываются чрезмѣрно дорогими для предпринимателя и потому менѣе съ его точки зрѣнія цѣлесообразными, чѣмъ самыя экстензивныя формы хозяйствованія. Предпочтеніе послѣднихъ особенно часто наблюдается въ первоначальной стадіи капиталистическаго развитія, при чемъ даже непосредственное участіе въ производствѣ далеко не всегда оказывается нужнымъ для полученія прибыли, такъ какъ послѣднюю съ несравненно большимъ удобствомъ можно извлекать кулачествомъ. Тоже несоотвѣтствіе технического прогресса интересамъ частныхъ предпринимателей ожидаетъ насъ, повидимому, и на высшей точкѣ капиталистическаго развитія. Экономическая исторія послѣднихъ лѣтъ дала не мало уже фактовъ сознательнаго уклоненія частной предпринимчивости отъ техническихъ улучшеній и предпочтенія имъ всякаго рода синдикатовъ, направленныхъ къ непосредственному обираю потребителей. Не лишне замѣтить, что если исторія

и явила примѣръ совпаденія интересовъ техническаго прогресса съ интересами капиталистическихъ формъ хозяйства, то ограниченный не только во времени, но и въ пространствѣ. Такое совпаденіе мы имѣли возможность наблюдать лишь въ сферѣ обрабатывающей промышленности; что касается сельско-хозяйственного производства, то прогрессивная роль капитала въ этой области болѣе, чѣмъ сомнительна. Исторія нашего земледѣльческаго хозяйства какъ нельзя нагляднѣе свидѣтельствуетъ о томъ упорствѣ, съ которымъ онъ уклоняется отъ техническаго подъема земледѣлія, имѣя возможность высасывать изъ него соки менѣе замисловатыми и болѣе вѣрными путями.

Едвали поэтому основательны надежды, что вновь образуемая частновладѣльческія хозяйства въ Сибири явятся образцомъ болѣе совершенной техники и проводникомъ техническаго прогресса. Самыя условія страны ставятъ во многихъ отношеніяхъ непреодолимые препятствія для интензивнаго земледѣлія. Даже тотъ невысокій уровень сельскохозяйственной культуры, который несетъ съ собою переселенческая масса — трехполье, унавоживание полей и т. д. — нерѣдко оказывается непримѣнимымъ въ новой странѣ и безсильнымъ нанести ударъ подсѣчной или залежной системѣ. Тѣ же экстенсивныя формы усвоить, конечно и частные предприниматели, если только они будутъ вести хозяйство за свой рискъ и не предпочтутъ другихъ средствъ для извлеченія выгоды изъ дарованной имъ земли.

Нельзя упускать при этомъ изъ виду составъ будущихъ землевладѣльцевъ Сибири, который будетъ пополняться, какъ мы видѣли, преимущественно лицами дворянскаго происхожденія. Желая обезпечить интересы производства, законъ требуетъ, чтобы эти землевладѣльцы были хозяйственно благонадежны. Но „можно думать, замѣтила по этому поводу одна изъ газетъ, что хозяйственно благонадежный дворянинъ не пойдетъ искать счастья въ Сибири, а будутъ хлопотать о полученіи участковъ въ аренду только тѣ, кого на родинѣ одолѣло полное оскудѣніе“ *). Объединеніе, можетъ быть, не помѣшаетъ считать такихъ лицъ хозяйственно благонадежными. Но въ такомъ случаѣ новые землевладѣльцы явятся безъ капиталовъ и, не говоря о какихъ либо улучшеніяхъ, окажутся лишенными возможности вести даже экстенсивное хозяйство. Правительство станетъ лицомъ къ лицу съ предпріятіями капиталистическаго типа, но безъ оборотныхъ и даже, можетъ быть, основныхъ капиталовъ. Силою вещей оно вынуждено будетъ распространить на Сибирь ту политику воспособленія помѣстному землевладѣнію за счетъ общихъ государственныхъ ресурсовъ, которая практикуется въ европейской Россіи и которая не дала сколько нибудь замѣтныхъ результатовъ въ смыслѣ

упроченія производства. Та же сила вещей заставитъ землевладельцевъ, вмѣсто веденія собственнаго хозяйства на рациональныхъ основаніяхъ, изыскивать другіе способы для извлеченія выгоды изъ дарованной имъ земли. Въ нашемъ прошломъ были уже опыты насажденія частнаго землевладѣнія въ новыхъ мѣстностяхъ. Объ одномъ изъ такихъ опытовъ вспомнили почти всѣ газеты, по поводу новаго закона. Закономъ 4 іюня 1871 года была допущена продажа казенныхъ земель въ Уфимской губерніи дворянамъ и чиновникамъ—на самыхъ льготныхъ условіяхъ. И что же оказалось? „Почти всѣ казенныя земли, проданныя этимъ лицамъ, напоминаютъ по этому поводу „Русскія Вѣдомости“,—перешли въ другія руки. Такъ, въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ продано было дворянамъ и чиновникамъ около 54.000 дес., но уже черезъ два года послѣ отвода земель началась ихъ перепродажа, такъ что къ 1895 г. были перепроданы 39.683 дес. или 72,5% всей казенной земли, полученной владѣльцами на льготныхъ условіяхъ. На сколько подобное распоряженіе земель имѣло мало общаго съ устройствомъ хозяйства, видно изъ того, что въ большинства случаевъ владѣльцы переуступали казенныя земли (33.503 дес.) въ томъ самомъ видѣ и въ тѣхъ самыхъ границахъ, въ какихъ онѣ достались имъ отъ казны. Конечно, итоги хозяйничанья оказались для владѣльцевъ больше, чѣмъ удачными: за перепроданныя земли дворяне и чиновники выручили 587.696 руб., тогда какъ казна получила съ нихъ всего 63.426 руб.,—другими словами, „насажденіе хозяйства“ свелось къ подарку отъ казны въ 524.270 руб. Какъ и слѣдовало ожидать, большинство (60,5%) перепроданныхъ казенныхъ земель перешло къ крестьянамъ и при томъ по самой высокой цѣнѣ: въ то время, какъ мѣщане платили за землю по 14,56 руб., купцы по 11,41 руб. и дворяне по 8,67 руб., крестьяне заплатили перепродавцамъ казенной земли по 17 руб. 3 коп. за десятину, и, такимъ образомъ, съ однихъ крестьянъ чиновники и дворяне „получили незаработаннаго приращенія“ въ суммѣ 368½ тысячъ рублей,—въ шесть разъ больше, чѣмъ имъ самимъ стоила вся купленная у казны земля. Не лучшей оказалась судьба хозяйства и на пожалованныхъ земляхъ: всѣ три по уѣзду участка были перепроданы“ *).

Даже „Новое Время“—одно изъ немногихъ изданій, привѣтствовавшихъ новый законъ, „какъ важную мѣру культурнаго характера“—допускаетъ возможность такого же, на первыхъ порахъ, его результата и „не дѣлаетъ себѣ никакихъ иллюзій на счетъ піонерства первыхъ частныхъ пріобрѣтателей земель въ Сибири“ **). Стремленіе учесть перепродажей приростъ въ цѣнности земли, т. е. присвоить результатъ уже произошедшихъ и даль-

*) «Русскія Вѣдомости», 1 августа.

**) «Новое Время», 1 августа.

нѣйшихъ измѣненій въ общественно-экономическихъ условіяхъ, несомнѣнно, будетъ свойственно многимъ сибирскимъ собственникамъ. Въ результатъ получится усиленная мобилизація вновь образуемой поземельной собственности, а какія послѣдствія для сельскаго хозяйства несетъ она съ собою,—мы уже хорошо извѣдали на опытѣ. Первые владѣльцы, незнакомые еще съ мѣстными условіями, можетъ быть, и ограничатся перепродажей участковъ „въ томъ самомъ видѣ и въ тѣхъ самыхъ границахъ, въ какихъ они достались имъ отъ казны,“ но дальнѣйшіе владѣльцы, несомнѣнно, осложнятъ этотъ процессъ хозяйничаньемъ, на проходящей черезъ ихъ руки землѣ, направленнымъ къ извлеченію въ короткій срокъ возможно большихъ изъ нея выгодъ, т. е. другими словами расхищеніемъ свойственныхъ ей богатствъ. Найдутся, конечно, и другіе способы извлекать выгоды изъ даруемой земли, не прибѣгая къ обзаведенію собственнымъ хозяйствомъ или, по крайней мѣрѣ, довольствуясь самымъ примитивнымъ его характеромъ. Не прекращающійся спросъ на землю со стороны переселенцевъ, удовлетвореніе какового стѣснить теперь частная собственность, наряду съ обнаружившейся уже въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сибири земельной тѣснотой, откроетъ широкое поле для развитія аренды и полную возможность для веденія исполнаго, орабочнаго и т. п. хозяйства. Возможность такой именно эксплуатаціи раздаваемыхъ земель и при томъ въ самой грубой ея формѣ—въ видѣ уступки ея, за соотвѣтствующую, конечно, плату, подъ поселеніе новоселовъ,—предвидѣли составители закона и сочли необходимымъ поставить ей преграду, воспретивъ сѣмщикамъ водворяться на снимаемыхъ ими у дворянъ-арендаторовъ земельныхъ угодіяхъ. Но воспрещеніе это, касающееся при томъ лишь одной изъ указанныхъ нами формъ хозяйничанья, относится лишь къ арендаторамъ казенной земли, положеніе каковыхъ, какъ мы видѣли, очень легко можетъ быть измѣнено въ положеніе собственниковъ. Послѣднимъ никакихъ такихъ ограниченій не постановлено, и они имѣютъ полную возможность не только отдавать свои земли подъ поселеніе, но и связывать своихъ сѣмщиковъ хотя бы крѣпостными условіями. Надо быть трезвымъ и не закрывать глазъ не только на возможность, но и на вѣроятность тенденціи къ возобновленію крѣпостнаго права, съ каковой придется потомъ считаться государственной власти въ Сибири.

Весьма вѣроятно, что большая часть земель, которыя будутъ отведены подъ частновладѣльческія хозяйства, рано или поздно, путемъ ли перепродажи или сдачи въ аренду, поступить въ распоряженіе крестьянскихъ хозяйствъ, до сихъ поръ бывшихъ единственными претендентами на сибирскія земли, но поступить уже въ истощенномъ видѣ и на несравненно болѣе тяжелыхъ условіяхъ, чѣмъ на какихъ они могли бы получить ихъ отъ казны-

А это, вмѣсто ускоренія техническаго прогресса, каковою благою цѣлью задается, нужно думать, новый законъ, приведетъ лишь къ его задержкѣ.

Мы допускаемъ, конечно, возможность, что и въ Сибири, спустя извѣстное время, появятся высоко-культурныя частновладѣльческія хозяйства. Но они будутъ бессильны оказать сколько нибудь замѣтное вліяніе на общую технику сибирскаго земледѣлія, которое надолго останется преимущественно крестьянскимъ, какъ бессильны оказались они для этого и въ коренной Россіи. Главное же, возникновеніе и поддержка ихъ, пока они станутъ на ноги, обойдутся столь дорого казнѣ и населенію, что при затратѣ тѣхъ же средствъ на распространеніе знаній въ народъ, на оборудованіе страны культурными учрежденіями и на снабженіе мелкихъ хозяйствъ оборотными средствами, можно было бы достигнуть въ гораздо меньшій срокъ несравненно болѣе цѣнныхъ результатовъ.

Намъ остается разсмотрѣть третью, вѣроятно, важнѣйшую цѣль, какую ставитъ законъ 8 іюля и которая имѣетъ скорѣе политическій, чѣмъ экономическій характеръ. Мы опредѣлили ее, какъ стремленіе упрочить положеніе дворянскаго сословія въ производствѣ. Средствомъ для этого должно послужить то, что часть, — вѣроятно, наибольшая, — земель, какія будутъ отведены подъ частновладѣльческія хозяйства въ Сибири, должна поступить въ распоряженіе лицъ дворянскаго происхожденія. Законодатель, какъ мы видѣли, не счелъ возможнымъ или нашелъ излишнимъ закрѣпить эти земли за дворянствомъ и допустилъ возможность дальнѣйшаго перехода ихъ къ лицамъ иныхъ сословій. Впрочемъ, едва ли можетъ быть сомнѣніе, что, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ соображеніями возможности, а не полезности.

Вопросъ о положеніи дворянскаго сословія въ производствѣ вообще и сельскохозяйственномъ въ особенности далеко не новый въ нашей экономической жизни и для нашей внутренней политики. Послѣ реформы 1861 г. экономическая жизнь, покоившаяся на строго-сословныхъ началахъ, какъ и слѣдовало ожидать, начала быстро принимать классовую структуру. Дворянство, какъ сословіе, являвшееся до реформы единственнымъ, можно сказать, частнымъ владѣльцемъ поземельной собственности, стало быстро терять земли, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свое исключительное положеніе въ земельномъ хозяйствѣ и мѣстной жизни. Вмѣстѣ съ утратой земли уменьшалось и вліяніе его на мѣстныя дѣла и общее политическое значеніе. Землевладѣніе съ каждымъ годомъ становилось все болѣе и болѣе всесословнымъ. Съ экономической точки зрѣнія въ этомъ процессѣ нельзя было усмотрѣть ничего угрожающаго. Напротивъ, переводя постепенно землю въ руки лицъ, наиболѣе способныхъ вести земледѣльческое производство, онъ былъ несомнѣнно выгоденъ для послѣдняго. Постепенно успѣло

выясниться и общее направлѣніе, въ которомъ происходила мобилизація земельной собственности. Важнѣйшимъ покупателемъ, дворянскихъ земель, непосредственнымъ или при посредствѣ другихъ сословій, оказалось крестьянство. Обнаружилось такимъ образомъ тяготѣніе земли сосредоточиться въ рукахъ мелкихъ хозяевъ-пахарей. При этомъ, казалось, нужно было желать одного, чтобы переходъ земли къ послѣднимъ былъ освобожденъ отъ участія посредниковъ, истощавшихъ землю и удорожавшихъ ея продажную стоимость, а также регулировано возможно равномерное распредѣленіе ея среди самого крестьянства. Въ этихъ видахъ общественная мысль выдвинула проектъ крестьянскаго банка. Но прежде, чѣмъ мысль о немъ успѣла осуществиться, общее теченіе внутренней политики радикально измѣнилось.

Въ общегосударственныхъ дѣлахъ было признано необходимымъ поддержать сословный строй и первенствующее положеніе дворянства среди другихъ сословій, усиливъ въ тоже время зависимость его, наряду съ другими, отъ центральной власти. Въ этомъ направленіи, какъ извѣстно, проведены были почти всѣ реформы послѣднихъ двухъ десятилѣтій. При этомъ вполне правильно было оцѣнено то значеніе, какое имѣетъ въ наше время положеніе въ производствѣ. Наряду съ усиленіемъ вліянія дворянства на мѣстныя дѣла посредствомъ соотвѣствующихъ реформъ въ мѣстномъ обществѣ и хозяйственномъ управленіи, были направлены усилія на поддержаніе и экономической роли дворянства и прежде всего дворянскаго землевладѣнія. Учрежденіе крестьянскаго банка состоялось уже при новомъ направленіи внутренней политики, причемъ онъ получилъ такую организацію, при которой его роль не могла быть значительной. Что касается непосредственныхъ мѣръ, направленныхъ на поддержаніе дворянскаго землевладѣнія, то важнѣйшей среди нихъ явилось учрежденіе дворянскаго банка, въ распоряженіе котораго были предоставлены громадныя ресурсы и при посредствѣ котораго дворянству были оказаны уже многочисленныя льготы и пособія. Съ тою же цѣлью былъ предпринятъ цѣлый рядъ другихъ мѣръ, какъ учрежденіе соло-вексельнаго кредита, изданіе закона о сельскохозяйственномъ наймѣ, выдача ссудъ подъ залогъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ и орудій, закупка хлѣба интendantствомъ и т. д.

Всѣ эти мѣры, встрѣчавшіяся въ свое время восторженно благодарнымъ сословіемъ, оказались безсильными, однако, упрочить его положеніе въ производствѣ. Отмѣченная нами тенденція экономической жизни, усиленная мировымъ кризисомъ въ сельскомъ хозяйствѣ, оказалась столь властной, что всѣ ресурсы экономической политики не могли остановить обусловленнаго ею процесса. Дворянство продолжало терять земли и чувствовать крайнюю шаткость своего хозяйственнаго положенія. Достаточно

было небольших даже измѣненій въ уставѣ крестьянскаго банка, чтобы въ конец обезсиленное, казалось бы, недородами крестьянство начало вновь быстро скупать дворянскія земли. Въ охранительной печати послышались усиленные жалобы по этому поводу и указаніе на необходимость новыхъ мѣръ для сохраненія роли дворянства въ сельскохозяйственномъ производствѣ, безъ чего оно легко можетъ утратить и свое политическое значеніе.

Какъ бы отвѣтомъ на эту выяснившуюся потребность служить законъ 8 іюля, ставящій своею цѣлью насадить дворянское землевладѣніе, какъ наиболѣе желательное, въ правительственныхъ видахъ, въ Сибири. Льготы, предоставленныя новымъ закономъ дворянскому сословію, хотя онѣ и поставлены въ зависимость отъ согласія на нихъ по отношенію къ каждому отдѣльному лицу центральной власти, очень значительны. Однако и онѣ едвали будутъ въ состояніи упрочить положеніе дворянства, какъ сословія, въ сибирскомъ производствѣ.

Если при данныхъ экономическихъ условіяхъ, не смотря на широкое воспособленіе государственной власти, полное знакомство съ мѣстными условіями и вліяніе, какое имъ дано въ мѣстной жизни, дворяне затрудняются удержатъ въ своихъ рукахъ свои родовыя гнѣзда, то тѣмъ труднѣе имъ будетъ обзавестись хозяйствомъ въ новой странѣ. Утвержденіе, къ которому могутъ прибѣгать наши охранительные органы, что дворяне—прирожденные сельскіе хозяева, лучше чѣмъ кто либо другой могущіе организовать земледѣльческое производство и имѣющіе особую къ нему склонность, если и имѣетъ значеніе, то, конечно, на бумагѣ только, а не въ жизни. Каждый дворянинъ, какъ и всякій человѣкъ, ищетъ, гдѣ лучше и всегда предпочтетъ вѣрную выгоду невѣрной. Найдется, можетъ быть, немного идеалистовъ, которые во имя интересовъ сословія пожертвуютъ вѣрной выгодой, какую имъ несетъ казенная земля, и отдадутъ свои силы устройству новыхъ гнѣздъ для дворянскихъ птенцовъ въ далекой Сибири. Найдется извѣстный процентъ лицъ, болѣе дальновидныхъ или болѣе умѣлыхъ, которыя предпочтутъ повременить съ реализаціей доставшагося имъ имущества или изыщутъ другіе способы для извлеченія заключающихся въ немъ выгодъ. Большинство же, конечно, поспѣшитъ, какъ это сдѣлали и уфимскіе землевладѣльцы изъ дворянъ и чиновниковъ, учсть эту выгоду продажей земли, не особенно задумываясь о томъ, къ кому она перейдетъ и какъ этотъ переходъ отразится на положеніи первенствующаго сословія. Въ результатъ раздача казенныхъ земель преимущественно дворянамъ доставитъ значительныя выгоды лишь отдѣльнымъ представителямъ дворянскаго сословія, но не сдѣлаетъ сибирскаго землевладѣнія дворянскимъ и не упрочитъ положенія дворянства.

И послѣ нея правительство останется лицомъ къ лицу съ

той же задачей. Понадобятся новыя мѣры, новыя средства и новыя жертвы.

II. Изъ земской жизни.

Если зажать въ рукѣ какой либо предметъ не особенно устойчивой консистенціи и сдавить его, то измѣнится не только объемъ и вѣшняя форма этого предмета, но и внутреннее его строеніе. Сила сцѣпленія между составляющими его частицами ослабнетъ, треніе между ними усилится, взаимное положеніе ихъ уклонится отъ нормы. Если усилить давленіе сверхъ мѣры упругости, свойственной данному предмету, то между частицами его начнутся разрывы и наиболѣе подвижныя изъ нихъ потекутъ промежъ пальцевъ давящей руки. Въ концѣ концовъ, вмѣсто предмета, полного жизненныхъ соковъ, въ сжатомъ кулакѣ останется комокъ одеревенѣлыхъ уже частицъ, въ просторѣчій обыкновенно именуемый выжатымъ лимономъ. Такой именно образъ приходится намъ предпослать обзору фактовъ изъ внутренней земской жизни, подлежащихъ внесенію въ настоящую хронику.

Земская исторія послѣднихъ лѣтъ, какъ неоднократно уже приходилось намъ указывать, на ряду съ уменьшеніемъ предѣловъ земской компетенціи земской самостоятельности, характеризуется обиліемъ и всяческаго рода внутреннихъ осложненій. Среди проявленій этого двухсторонняго процесса, грозящаго привести весь земскій организмъ къ омертвѣнію, одно изъ первыхъ мѣстъ по своимъ размѣрамъ и значенію, несомнѣнно, занимаютъ измѣненія, неуклонно происходящія въ положеніи и составѣ земскихъ служащихъ. Большая часть такого рода измѣненій, имѣющихъ характеръ молекулярнаго движенія въ опредѣленномъ направленіи, конечно, ускользаетъ отъ гласности. Лишь факты массоваго или черезъ чуръ грубаго разрыва частицъ земскаго организма, да и то далеко не всегда, доходятъ до публики. Однако и эти, казалось-бы, выходящіе изъ ряда обыкновенныхъ, случаи „недоразумѣній“, какъ принято называть ихъ у насъ, за послѣдніе годы столь участились, что начали уже сливаться въ одну общую картину, настойчиво требующую къ себѣ общественнаго вниманія. За индивидуальными формами, въ какія каждый разъ облакаются относящіеся сюда факты, очевидно, скрываются нѣкоторые общія, обусловливающія ихъ, причины. Помимо анекдотическаго интереса, какой обнаруживаетъ къ нимъ, отдѣльно взятымъ, публика, не трудно усмотрѣть серьезныя послѣдствія, какими совокупность ихъ грозитъ земскому хозяйству. Можно указать не мало уже случаевъ, когда, благодаря имъ, цѣлыя земства, даже крупныя, оказывались лишенными возможности сколько нибудь сносно выполнять свои задачи. Напомнимъ хотя бы разгромъ тверскаго земскаго хозяйства, нѣсколько лѣтъ тому назадъ осуществленный

посредствомъ систематическаго изгнанія служащихъ, составъ которыхъ подбирался цѣлыми десятилѣтїями. Назовемъ полтавское губернское земство, которое въ 1898 г. лишилось почти всѣхъ своихъ отвѣтственныхъ служащихъ, отъ каковой потери и до сихъ поръ оно не можетъ вполне оправиться. Подчасъ явленіе, о которомъ мы говоримъ, принимаетъ прямо повальный характеръ и, распространяясь на рядъ земствъ, приостанавливаетъ цѣлыя отрасли земской дѣятельности. Въ самое послѣднее время, на примѣръ, такая участь постигла земскую статистику. Вотъ факты, одинъ за другимъ принесенные газетами.

28 іюня предсѣдатель екатеринославской земской управы г. Родзянко уволилъ отъ службы трехъ статистиковъ и завѣдующаго статистическимъ отдѣленіемъ г. Комаринца. Поводомъ къ увольненію (дѣйствительныя причины мы постараемся уяснить ниже) послужило слѣдующее обстоятельство. Передъ отъѣздомъ въ экспедицію по обследованію Мариупольскаго уѣзда, въ концѣ апрѣля настоящаго года, г. Родзянко заявилъ требованіе, чтобы всѣ участники экспедиціи вели дневники своихъ работъ въ уѣздѣ и, по возвращеніи изъ экспедиціи, дневники эти представили ему. Изъ 23 лицъ, участвовавшихъ въ изслѣдованіи, представили дневники лишь трое; остальные заявили, что всѣ данныя, которыя надлежало бы занести въ дневники, заключаются въ произведенныхъ ими работахъ. Этого было достаточно, чтобы г. Родзянко, не входя въ личныя объясненія со статистиками, уволилъ гг. Андреева и Николаевского, не представившихъ ему дневниковъ, и г. Нарочническаго, заносившаго въ свой дневникъ не тѣ свѣдѣнія, какія указалъ г. Родзянко; за одно же съ ними, какъ было упомянуто, онъ уволилъ и завѣдующаго. Этотъ фактъ вызвалъ отставку и остальныхъ статистиковъ. Въ своемъ заявленіи, поданномъ на имя управы, они выразили убѣжденіе, что „удаленіе со службы наиболѣе важныхъ сотрудниковъ бюро едва ли могло произойти по столь незначительному поводу“, и удивленіе, что подобный необоснованный фактъ имѣетъ мѣсто въ земскомъ учрежденіи, прибавивъ, что послѣ случившагося они „не могутъ относиться съ должнымъ уваженіемъ къ нынѣшнему составу управы.“ Последняя не нашла лучшаго исхода, какъ передать это заявленіе прокурору для возбужденія противъ подписавшихъ его уголовного преслѣдованія за оскорбленіе управы. Между тѣмъ, разыгравшійся въ Екатеринославѣ инцидентъ взволновалъ земскихъ статистиковъ другихъ губерній. Отъ послѣднихъ начали поступать протесты по адресу управы и сочувственныя заявленія по адресу пострадавшихъ товарищей. На этой почвѣ произошли новыя осложненія, достигшія наибольшихъ размѣровъ въ Харьковѣ. Предсѣдатель харьковской управы потребовалъ отъ завѣдующаго статистикой г. Арнольди, чтобы онъ предупредилъ служащихъ, что въ случаѣ „осуществленія намѣренія“ ихъ послать

письмо Родзянкѣ, управу будутъ приняты мѣры для устраненія подобныхъ дѣйствій. Когда же оказалось, что распоряженіе председателя, сообщенное въ особой бумагѣ на имя статистическаго отдѣленія, запоздало, то онъ уволилъ завѣдующаго статистикой за то, что тотъ допустилъ совѣщаніе служащихъ по поводу екатеринославскаго инцидента, а затѣмъ, постановленіемъ управы, были уволены и всѣ статистики за отсылку ими письма г. Родзянкѣ. „Проясненіе это,—разсказываетъ корреспондентъ „Россіи“,—послужило каплей, переполнившей чашу. Уже давно между нынѣшнимъ составомъ земской управы и нѣкоторыми видными служащими по вольному найму установились весьма натянутыя отношенія и конфликты рано или поздно должны были произойти. Теперь онъ произошелъ, и при томъ въ размѣрахъ чрезвычайныхъ. Въ управу посыпались прошенія объ увольненіи отъ служащихъ разныхъ отдѣловъ и теченіе земскаго дѣла грозитъ чуть ли не полное разстройство. Рушится общеночно-статистическій отдѣлъ, санитарный, хозяйственный, сильно страдает страховою, уходятъ солидные врачи изъ земской больницы. И чуть ли не всѣ уходящіе лица, помимо ссылки на расправу со служащими общеночно-статистическаго отдѣла, мотивируютъ свои ходатайства объ отставкахъ крайне тягостной атмосферой подозрительности, наущничества и сыска, среди которыхъ приходится служить. Надежды на то, что конфликтъ можетъ уладиться, почти нѣтъ никакой“ *). Два члена управы—гг. Линтваревъ и Костомаровъ—оставшіеся въ меньшинствѣ по вопросу объ увольненіи статистиковъ, подали заявленіе въ управу о необходимости созыва экстреннаго собранія, въ виду тѣхъ размѣровъ, какіе приняло столкновеніе, и тѣхъ послѣдствій, какими оно грозитъ земскому хозяйству. Однако, председатель управы г. Гордѣнко предпочитаетъ, очевидно, обновить составъ служащихъ по собственному вкусу и уже усердно пополняетъ его посредствомъ публикацій въ „Новомъ Времени“ и другими столь же упрощенными средствами. На этой почвѣ начались дальнѣйшіе инциденты, и въ губернскую управу уже поступило новое заявленіе объ отставкѣ—отъ секретаря, получившаго себѣ въ помощники лицо, равнѣ служившее въ канцеляріи губернатора.

Одновременно съ екатеринославскими и харьковскими своими товарищами статистики таврическаго земства вынуждены были также въ полномъ составѣ оставить службу. Поводомъ послужилъ случай съ однимъ изъ ихъ товарищей, котораго губернская управа, по донесенію двѣпровскаго исправника, не затребовавъ никакихъ объясненій ни отъ него самого, ни отъ завѣдующаго, уволила отъ службы. Въ самые послѣдніе дни начался не вполнѣ еще уяснившійся конфликтъ въ нижегородскомъ земствѣ, гдѣ

*) «Россія» 31 іюля.

статистики подали заявленіе въ управу по поводу неудовлетворительной постановки работъ. Наряду съ этими свѣдѣніями необходимо напомнить хотя бы только недавніе факты нѣсколько иного рода. Въ февралѣ мѣсяцѣ долженъ былъ оставить службу завѣдывавшій владимірскою земскою статистикою и исполнявшій обязанности секретаря управы П. И. Неволинъ, а въ мартѣ мѣсяцѣ въ числѣ 16 человекъ были уволены и всѣ остальные постоянные статистики владимірскаго земства. Поводомъ къ увольненію послѣднихъ, какъ сообщилъ въ свое время журналъ „Почвовѣдніе“, послужила сочувственная телеграмма, отправленная владимірскими статистиками Н. Ѳ. Анненскому. По той же причинѣ и въ то же время лишилось своего завѣдующаго и нѣсколькихъ опытныхъ статистиковъ бюро петербургскаго земства. Въ мартѣ мѣсяцѣ особою коммисіею подъ предѣтельствомъ извѣстнаго противника „третьяго элемента“ въ земской дѣятельности г. Кондоиди была произведена ревизія самарской губернской управы, причемъ, по словамъ „Московскихъ Вѣдомостей“, были открыты какія-то особыя, непредусмотрѣнныя даже законами, преступленія по части личнаго состава статистиковъ. Въ результатѣ, снаряженная управой экспедиція для изслѣдованія Бугурусланскаго уѣзда, по распоряженію губернатора, была задержана и 9 наиболѣе опытныхъ и важныхъ сотрудниковъ были устранены отъ производства оцѣночныхъ работъ. Къ чести самарской управы, послѣдняя болѣе энергично вступилась за земскіе интересы, чѣмъ принято это дѣлать другими современными земскими дѣятелями въ подобныхъ случаяхъ, и обратилась по телеграфу къ министру внутреннихъ дѣлъ съ ходатайствомъ объ отмѣнѣ губернаторскаго распоряженія, какъ раззорительнаго для казны и для земства. Министерство уважило эту просьбу и разрѣшило уволеннымъ статистикамъ, за исключеніемъ одного, участвовать въ оцѣночныхъ работахъ. Изъ-за личнаго же, повидимому, состава служащихъ, было задержано оцѣночное изслѣдованіе и въ Костромской губерніи. Въ то же время, какъ сообщали газеты, было предпринято какое-то „оздоровленіе“ ярославскаго бюро. Мы не упоминаемъ про еще болѣе многочисленные случаи изгнанія и недопущенія отдѣльныхъ лицъ. Достаточно и того, что въ Екатеринославѣ, Харьковѣ, Симферополѣ, Нижнемъ, Владимірѣ, Костромѣ и Самарѣ земско-статистическія работы прерваны или были задержаны. Если прибавить къ этому, что въ рядѣ другихъ земствъ (въ курскомъ, калужскомъ и т. д.) личный составъ статистическихъ отдѣленій еще раньше дезорганизованъ и по разнымъ причинамъ, зависящимъ и независящимъ отъ земства, остается несформированнымъ, то наше указаніе на затруднительное положеніе земской статистики, обусловленное пертурбаціями въ личномъ составѣ служащихъ, едва ли нуждается въ дальнѣйшихъ иллюстраціяхъ.

Если бы дѣло ограничивалось одною земскою статистикою, то и въ такомъ случаѣ явленіе, принявшее указанные нами размѣры, заслуживало-бы самаго серьезнаго вниманія. Не говоря объ интересахъ довольно многочисленной категоріи лицъ, посвятившихъ себя земско-статистическимъ работамъ, каковыя оказываются лишенными самыхъ примитивныхъ условій нормальнаго труда, т. е. устойчивости послѣдняго и даваемого имъ заработка, описанное нами явленіе затрогиваетъ также существенные интересы земства и казны, т. е. въ окончательномъ счетѣ — населенія. Для правильнаго и цѣлесообразнаго теченія земской дѣятельности статистическія изысканія часто являются безусловно необходимыми и во многихъ уже земствахъ они успѣли сдѣлаться одной изъ существенныхъ предпосылокъ подготовляемыхъ мѣропріятій. Помимо участія въ текущей земской дѣятельности, на земской статистикѣ лежитъ въ настоящее время дѣло огромной государственной и земской важности, а именно переоцѣнка имуществъ, облагаемыхъ земскими сборами. Кромѣ средствъ, затрачиваемыхъ на этотъ предметъ самимъ земствомъ, казна отпускаетъ съ своей стороны ежегодно пособие въ размѣрѣ милліона руб. Между тѣмъ дѣло переоцѣнки, не говоря уже о текущихъ земско-статистическихъ работахъ, подвигается крайне медленно, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и вовсе остается безъ движенія. Одною изъ главныхъ причинъ, несомнѣнно, являются при этомъ, съ одной стороны, тѣ затрудненія, которыя испытываютъ земства при сформированіи кадра служащихъ для своихъ статистическихъ отдѣленій, а съ другой—рѣзкія измѣненія въ личномъ составѣ послѣднихъ. Владимірскимъ земствомъ, напримѣръ, на офѣчно-статистическое изслѣдованіе затрачено уже до 170 тысячъ руб. И вотъ въ тотъ моментъ, когда почти всѣ матеріалы были собраны, бюро было раскассировано. Прошло уже полгода, а владимірская управа продолжаетъ еще публикаціями вызывать лицо, которое пожелало бы принять завѣдываніе статистикою. Матеріалы между тѣмъ старѣютъ, да и что будетъ дѣлать новый завѣдующій съ грудю этихъ матеріаловъ, собранныхъ по неизвѣстному для него плану и при неизвѣстныхъ для него условіяхъ? Разобраться въ нихъ безъ помощи лицъ, участвовавшихъ въ ихъ собираніи, понимающихъ взаимное ихъ соотношеніе и знающихъ достоинства ихъ и недостатки, окажется, быть можетъ, труднѣе даже, чѣмъ собрать новыя. Въ концѣ концовъ, чтобы возстановить дѣло, остановленное на полномъ ходу, владимірскому земству почти навѣрное придется затратить еще сотню-другую тысячъ или поступиться существенными качествами принятыхъ работъ. Въ такомъ же положеніи окажутся, конечно, харьковское и екатеринославское земства. Помимо ущерба, который несетъ населеніе отъ несвоевременнаго выполненія земскою статистикою своихъ функцій и который вовсе не поддается

учету, всякое осложненіе съ персоналомъ статистиковъ влечетъ такимъ образомъ для земства и казны еще прямыя денежныя убытки.

Между тѣмъ вопросъ о земскихъ служащихъ въ указанной нами формѣ далеко не ограничивается сферою земской статистики. Въ Харьковѣ, какъ мы видѣли, инцидентъ со статистическимъ отдѣленіемъ осложнился столкновеніемъ управы съ цѣлымъ рядомъ другихъ служащихъ. Въ Симферополѣ и въ Екатеринославѣ такія же осложненія предшествовали недоразумѣніямъ со статистиками. Въ другихъ мѣстахъ они возникаютъ и протекаютъ внѣ всякой связи съ лицами этой профессіи. Елисаветградская земская управа, напримѣръ, гонитъ служащихъ за помощь голодающему населенію, находя въ ихъ дѣйствіяхъ признаки общественной агитаціи. Въ Орлѣ сбѣжали ветеринарные врачъ, бѣгутъ инженеры и техники. За 4 года службы старшаго инженера Лукомскаго, какъ подсчиталъ корреспондентъ „С.-Петербургскіхъ Вѣдомостей“, тамъ ушло 8 инженеровъ и 11 техниковъ. Недавнія громкія исторіи съ врачами смѣнились теперь во многихъ мѣстахъ менѣе громкими, но еще болѣе тягостными недоразумѣніями съ фельдшерами и акушерками. Еще на дняхъ, можно сказать, бѣжалъ гонимый врачами Гиндинымъ и Кондорскимъ, при дѣятельномъ содѣйствіи мѣстной управы, низшій медицинскій персоналъ Ананьевскаго уѣзда. Теперь бѣгутъ фельдшера и фельдшерицы изъ Нижегородскаго уѣзда...

Не только для статистиковъ, но и вообще для земской интеллигенціи настали, очевидно, черныя дни.

Какъ, вѣроятно, замѣтилъ читатель, факты удаленія служащихъ по требованію администраціи на предыдущихъ страницахъ мы не отдѣляли отъ фактовъ изгнанія ихъ земскими управами и даже начальствующими лицами изъ собственной среды. Какъ ни различны внѣшнія формы тѣхъ и другихъ, по существу въ нихъ много общаго и притомъ не только съ точки зрѣнія послѣдствій, какими они сказываются на земскомъ хозяйствѣ, но и по той общей тенденціи, которой они проникнуты. Въ дальнѣйшемъ, однако, изложеніи, по понятнымъ для читателя причинамъ, мы остановимся лишь на одной категоріи этихъ фактовъ—на тѣхъ, которые возникаютъ и протекаютъ въ земской средѣ безъ видимаго по крайней мѣрѣ участія внѣшней силы. Чтобы вскрыть общій смыслъ интересующаго насъ явленія, намъ придется на нѣкоторыхъ изъ нихъ остановиться подробнѣе, чѣмъ мы имѣли возможность сдѣлать это выше.

Удобнѣе всего будетъ начать съ г. Родзянки, столкновение котораго со статистиками далеко не было какою-либо случайностью. Напротивъ, это былъ актъ заранѣе опубликованной про-

граммы. Вступая въ должность, г. Родзянко собралъ служащихъ для выслушанія тронной рѣчи и заявилъ имъ, что онъ „не потерпитъ“, при чемъ особенно выразительно посмотрѣлъ на статистиковъ. Обѣщалъ не терпѣть и не сталъ терпѣть г. Родзянко двухъ вещей: чувства человѣческаго достоинства въ подчиненныхъ ему служащихъ и „образа мыслей“, который ему казался неблагонадежнымъ. Первое онъ старался подавить искорененіемъ въ служащихъ всякой самостоятельности и обращеніемъ ихъ въ послушное орудіе своей воли; что касается образа мыслей, то неблагонадежность его, какъ и слѣдовало ожидать, онъ отождествилъ въ концѣ концовъ съ критическимъ отношеніемъ къ его собственной персонѣ. Осуществляя свою программу, г. Родзянко не ограничился служебною сферою, но счелъ необходимымъ вторгнуться и въ личную жизнь своихъ служащихъ. Такъ, отъ тѣхъ же статистиковъ онъ потребовалъ было присяги на вѣрность его, Родзянкинскому, образу мыслей не только по отношенію къ служебнымъ ихъ дѣйствіямъ, но и къ внѣслужебной ихъ жизни. Для характеристики приѣмовъ, какими пользовался г. Родзянко, осуществляя свою программу, достаточно передать два-три факта.

— Вы просили, г. предсѣдатель, сдѣлать то-то и то-то,—говорить, напримѣръ, врачъ.

— Не просилъ, а приказалъ,—прерываетъ г. Родзянко, очевидно, изъ всего земскаго положенія усвоившій прежде всего: кто къ кому входитъ съ представленіями и кто кому дѣлаетъ предложенія. Дневники, изъ-за которыхъ у него произошло столкновение со статистиками,—этотъ ненужный для дѣла и оскорбительный для личности способъ контроля,—не представляли изъ себя чего-нибудь исключительнаго въ практикѣ екатеринославскаго предсѣдателя. Еще ранѣе къ врачу Щербинину, завѣдующему патронажемъ, г. Родзянко предъявилъ требованіе, чтобы тотъ при объѣздѣ больныхъ бралъ отъ сельскихъ старостъ удостовѣренія въ томъ, что онъ дѣйствительно посѣтилъ больного. Для водворенія порядка, агентомъ котораго желалъ быть г. Родзянко, онъ не усомнился дѣйствія врача поставить подъ контроль безграмотнаго старосты. Въ тѣхъ же цѣляхъ контроля и порядка губернская управа начала въ серьезъ обсуждать такіе вопросы, какъ, напримѣръ, гдѣ спать врачу, живущему въ больницѣ,—въ своей ли комнатѣ или въ дежурной. До другихъ, болѣе дѣйствительныхъ способовъ контроля, до другого, болѣе разумнаго порядка г. Родзянко не могъ и додуматься. Для этого онъ слишкомъ невѣжественъ въ земскомъ дѣлѣ, слишкомъ мало уважаетъ человѣческое достоинство въ подчиненныхъ и, вовсе, быть можетъ, не знаетъ не только преимуществъ, но и возможности порядка, основаннаго на личности, обезпеченной въ ея правахъ и отвѣтственной въ ея обязанностяхъ.

Невѣжество г. Родзянко съ особою, быть можетъ, очевид-

ностью обнаружилось въ его сношеніяхъ со статистиками. Столь горячо ратовавшій въ земскомъ собраніи противъ подворной переписи, онъ, какъ выяснилось, не имѣлъ даже ясныхъ о ней представленій. По этой, быть можетъ, причинѣ или потому, что боялся отпора, возможнаго при товарищеской солидарности, г. Родзянко долго медлилъ приняться за статистиковъ,—разгромъ которыхъ составлялъ одинъ изъ основныхъ пунктовъ данной ему программы. Прогналъ онъ помощника секретаря, бѣжали отъ его режима врачи, бѣжали канцелярскіе служащіе, сбѣжалъ даже сторожъ, служившій 15 лѣтъ, а статистики благополучно продолжали работу и даже производили подворную перепись. Ихъ благополучное пребываніе продолжалось бы, быть можетъ, и дольше, если бы не корреспонденціи. Газеты все болѣе и болѣе интересовались программою дѣятельностью г. Родзянки, а городская молва приписывала это вниманіе сообщеніямъ статистиковъ. Въ одинъ прекрасный вечеръ фельетонисту „Россіи“ г. Дорошевичу, вѣсто клоуна, котораго онъ намѣревался смотрѣть въ циркѣ, вздумалось заняться г. Родзянкой... Вслѣдъ за этимъ на сцену явились дневники, а за ними и увольненіе тѣхъ, въ комъ съ наибольшимъ основаніемъ можно было предположить литературныя inclinatio. Не случайно же, въ самомъ дѣлѣ, изъ 20 провинившихся статистиковъ г. Родзянко выбралъ только двоихъ.

Причины, приведшія къ изгнанію и бѣгству статистиковъ изъ Екатеринослава, можно считать типическими и для другихъ конфликтовъ. Въ основѣ послѣднихъ неизмѣнно почти лежатъ поправленіе правъ человѣческой личности, отливающееся подчасъ въ спеціальную форму преслѣдованія за опредѣленный „образъ мыслей“. Какъ относится къ своимъ служащимъ, напримѣръ, симферопольская управа, это видно уже изъ рассказаннаго нами инцидента. Она уволила статистика, не потребовавъ даже отъ него объясненій и не провѣривъ справедливости сдѣланнаго на него доноса. Готовность симферопольской управы самыя существенныя интересы подчиненной ей личности въ любой моментъ принести въ жертву идущимъ со стороны навѣтамъ и тенденціямъ, съ еще большею рельефностью обнаружилась въ исторіи съ экономомъ богоугодныхъ заведеній г. Шкредовымъ, случившейся не задолго до столкновенія со статистиками. Этотъ, по словамъ одного изъ свидѣтелей, „рѣдкой честности и рѣдкаго усердія“ служащій былъ уволенъ предсѣдателемъ управы по доносу священника Беззабавы за штундистскій образъ мыслей. Теперь, когда этотъ фактъ огласился и сдѣлался предметомъ даже судебного разбирательства, управа желала бы скрыть дѣйствительную причину увольненія г. Шкредова. На судѣ предсѣдатель управы отказался разъяснить ее, а одинъ изъ членовъ утверждалъ даже, что Шкредовъ уволенъ за недобросовѣстность. Но почему же онъ былъ уволенъ немедленно послѣ доноса свя-

щенника и почему возвать его на службу управой ставился въ зависимость отъ отзыва, какой дать о его религіозныхъ убѣжденіяхъ епархіальный миссіонеръ? Да и зачѣмъ ей было заниматься сыскомъ въ этомъ направленіи, если причины изгнанія г. Шкредова лежали въ другомъ? Голословная ссылка на недобросовѣстность г. Шкредова—вѣдь это комокъ грязи, который съ легкимъ сердцемъ таврическіе земцы бросаютъ въ человека, въ котораго они только что запустили камнемъ. Что дѣлать служащимъ такой управы, какъ не бѣжать отсюда, гдѣ они ежеминутно должны ожидать либо незаслуженнаго удара, либо незаслуженнаго оскорбленія?

Если симферопольская управа довольствуется пока доносами извнѣ, то харьковскій предсѣдатель пошелъ еще дальше. Среду самихъ служащихъ онъ успѣлъ уже наполнить, какъ мы видѣли, „атмосферной подозрительности, наушничества и сыска“. Подъ свой надзоръ онъ взялъ даже „намѣренія“ служащихъ. Желаніе вступить за товарищей въ его глазахъ является, очевидно, неблагонамѣренностью, для искорененія которой онъ пользуется и мѣрами „предупрежденія“, и мѣрами „пресѣченія“. На этомъ пути можно, конечно, пойти очень далеко. Упомянутый выше г. Лукомскій, напримѣръ, „находитъ, что техники не могутъ читать Горькаго, потому что онъ Горькаго не любитъ; техникъ не смѣетъ садиться въ его присутствіи, техникъ не долженъ ѣздить на извозчикѣ, потому что г. Лукомскій—старшій инженеръ—ходитъ пѣшкомъ *). Г. Лукомскій указываетъ своимъ подчиненнымъ даже лицъ, съ которыми они не должны знакомиться, а обращеніе его съ младшими инженерами, по описанію корреспондентовъ, выходитъ подчасъ изъ предѣловъ даже самой примитивной вѣжливости. И подчиненнымъ г. Лукомскаго не остается другого исхода, какъ бѣжать.

По тѣмъ же причинамъ разбѣжались фельдшера и акушерки изъ ананьевскаго уѣзда. Въ мартѣ мѣсяцѣ въ этомъ уѣздѣ появился врачъ Гиндинъ. По его мнѣнію, для земской работы вовсе не нужны интеллигентные фельдшера и фельдшерицы. „Для меня вполне достаточно,—говорилъ онъ на съѣздѣ врачей,—чтобы фельдшеръ и фельдшерица были дисциплинированы, чтобы они точно выполнили мое приказаніе, умѣли подать пинцетъ и т. д.“. Первымъ долгомъ онъ и занялся этимъ дисциплинованіемъ своихъ подчиненныхъ. Подобно г. Родзянкѣ, съ первыхъ же словъ онъ заявилъ, что „не потерпитъ“, что у него все иначе пойдетъ, что онъ заведетъ другіе порядки. Тамъ, въ уѣздной глуши, съ маленькими работниками можно и не перемониться, можно безъ опаски бить по самому чувствительному мѣсту, можно даже крикъ отъ боли вмѣнять въ вину. Уже при приѣмѣ

*) «С.-Петербургскія Вѣдомости» № 133.

больницы г. Гиндинъ, не досчитываясь 2-хъ или 3-хъ юбокъ, оказавшихся потомъ подъ другимъ бѣльемъ, не усомнился нанести оскорбленіе эконоmekъ, назначивъ ей срокъ „подумать до завтра“. Черезъ нѣсколько дней онъ уволилъ фельдшера Вукова, а затѣмъ заявилъ управѣ отъ имени фельдшерицы Схино, прослужившей въ уѣздѣ 24 года, что она также не желаетъ продолжать службу. Когда усомнившаяся управа запросила Схино, то оказалось, что послѣдняя и не думала объ увольненіи. Это не помѣшало г. Гиндину объявить ей, что она „можетъ убраться, куда ей угодно“. Жизнь другихъ фельдшеровъ и фельдшерицъ онъ сумѣлъ обратить въ каторгу, заставляя ихъ безъ толку работать чуть не круглыя сутки и ежеминутно осыпая ихъ руганью и оскорбленіями. „Достаточно самага ничтожнаго повода,—говоритъ нашъ корреспондентъ,—чтобы онъ разразился самымъ дикимъ крикомъ, съ топаньемъ ногъ, съ пѣной у рта. Эти выходы продолжались ежедневно, даже по нѣскольку разъ на день и съ поводами, и безъ всякихъ поводовъ... Однажды, во время наложенія повязки больному, г. Гиндинъ, по обыкновенію, разсвирѣпѣлъ и бросилъ въ лицо фельдшера фунтовымъ сверткомъ ваты... Другой разъ, во время операціи, своею грубостью довелъ фельдшерицу до истерики... Своимъ крикомъ, своимъ грубымъ поведеніемъ, Гиндинъ до того запугалъ весь служашій персоналъ, что жалко было на нихъ смотрѣть“. Запуганы были не только фельдшера, но и прислуга и больные. По части допеканія служащихъ г. Гиндинъ проявлялъ подчасъ изумительную изобрѣтательность. Такъ, чтобы доканать прислугу, онъ сбавилъ ей жалованье съ 8 руб. на 6 и заставилъ работать въ Пасхальную ночь... Подчиненнымъ г. Гиндина стало, наконецъ, не въ моготу. Прислуга взбунтовалась, а фельдшера и фельдшерицы подали коллективную жалобу въ управу. Жалобщики были уволены. Управа совместно съ врачами увлеклась Гиндинскимъ планомъ дисциплинированія фельдшерскаго персонала и распространила его на весь уѣздъ. Въ результатъ, къ семи уже уволеннымъ лицамъ присоединились еще 5 фельдшерицъ и 10 фельдшеровъ. „Нѣкоторые изъ нихъ прослужили болѣе десяти лѣтъ въ ананьевскомъ земствѣ. Всѣ они, что называется, гроша за душой не имѣютъ, а между тѣмъ ушли... Ушли въ пространство... Ясно,—говоритъ корреспондентъ,—что нужна была особой удушливости атмосфера, если люди рѣшились бѣжать при такихъ условіяхъ...“

Откуда взялась эта атмосфера?

Не можетъ быть, конечно, сомнѣнія, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ, необъяснимымъ съ точки зрѣнія какихъ либо случайныхъ измѣненій въ составѣ земскихъ дѣятелей. Дѣло не въ людяхъ, а въ тѣхъ общихъ тенденціяхъ, какими полна сейчасъ жизнь и проводниками которыхъ являются, съ одной стороны, всѣ эти Родзянки, Гордѣнки, Харченки, Луком-

скіе, Гиндины и прочіе земскія ничтожества, мнящіе себя громовержцами, и, съ другой стороны, гонимая ими земская интеллигенція. Столкновѣнія въ земской средѣ это только проявленіи болѣе общаго конфликта, который съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе нарастаетъ въ русской жизни, конфликта между личностью и тѣми стѣснительными условіями, въ которыя она поставлена. Личность растетъ, сознаніе человѣческаго достоинства дѣлается достояніемъ все большаго и большаго круга лицъ, между тѣмъ права личности на самоопредѣленіе все суживаются, гарантіи ея неприкосновенности все уменьшаются. Родзянки были и раньше; въ прежнее время русская дѣйствительность изобилвала ими, быть можетъ, больше даже, чѣмъ теперь; были они, конечно, и въ земствѣ. Но они рѣже встрѣчали отпоръ и могли самодурствовать вволю, не опасаясь никакихъ и тѣмъ болѣе массовыхъ конфликтовъ. Съ этой стороны, въ обилии описанныхъ нами столкновѣній можно видѣть даже отраднѣйшій признакъ все усиливающейся борьбы за освобожденіе личности, не мирящейся съ лежащими на ней цѣпами произвола и насилія. Но есть и другая сторона. Родзянки были и раньше, но никогда, быть можетъ, они не проявляли столько активности, какъ въ настоящее время. Источникъ послѣдней лежитъ, конечно, внѣ земства, въ тѣхъ институтахъ и привилегіяхъ, для которыхъ ищущая своихъ правъ личность является самой серьезной угрозой и во имя которыхъ дѣлаются такія — будемъ надѣяться, послѣднія — усилія, чтобы вновь придавить ее и сдѣлать для нея обязательнымъ данный именно „образъ мыслей“.

Конечный исходъ этой встрѣчи двухъ теченій не можетъ возбуждать въ насъ никакихъ сомнѣній. Исторически неизбѣжное не предотвратитъ гг. Родзянкамъ и ихъ вдохновителямъ. Но за ближайшую судьбу земства и культурную роль его нельзя не тревожиться. При тѣхъ внѣшнихъ условіяхъ, въ которыя поставлена въ настоящее время земская жизнь, не трудно предвидѣть результаты происходящаго въ составѣ земскихъ служащихъ отбора. Если этотъ процессъ продолжится, то наиболѣе интеллигентныя и дѣятельныя лица, по одиночкѣ или группами, постепенно будутъ оттѣснены отъ земскаго дѣла. На смѣну имъ придутъ люди иного сорта—съ одной стороны, бездарныя и безличныя посредственности, готовые помириться со всякимъ режимомъ и потому не возбуждающія никакихъ подозрѣній, а съ другой—активные дѣятели одобреннаго образа мыслей вродѣ хотя бы тѣхъ наемныхъ громовержцевъ, съ какими мы познакомились въ лицѣ гг. Лукомскаго и Гиндина. Едва ли нужно говорить, во что обратится тогда земское дѣло.

Прежде чѣмъ закончить хронику, намъ хотѣлось бы остановиться еще на одномъ фактѣ изъ внутренней земской жизни. Мы имѣемъ въ виду инцидентъ въ пермскомъ земствѣ, вотъ уже въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ усиленно муссируемый въ мѣстномъ обществѣ. Съ внѣшней стороны онъ имѣетъ много общаго съ тѣми фактами, которые мы изложили на предыдущихъ страницахъ. Губернскою управою въ апрѣлѣ мѣсяцѣ былъ уволенъ врачъ г. Мейеръ, завѣдывавшій приютомъ душевно-больныхъ губернскаго земства. „Чѣмъ вызвано увольненіе почтеннаго врача, писалось тогда же въ „Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, врача, прослужившаго около 10 лѣтъ, зарекомендовавшаго себя съ самой лучшей стороны, поднимавшаго и поставившаго дѣло призрѣнія душевно-больныхъ на ту высоту, на которой оно ранѣе у насъ никогда не стояло, врача, приобрѣвшаго самыя глубокія, самыя искреннія симпатіи всего пермскаго общества—чѣмъ вызвано его увольненіе—объ этомъ официально ничего не извѣстно. Не знаетъ объ этомъ официально и самъ г. Мейеръ, такъ какъ въ увѣдомленіи управы на его имя сказано только, что онъ увольняется. Другими словами, почтенный и популярный въ Перми И. К. Мейеръ „уволенъ безъ объясненія причинъ“. Нашла управа необходимымъ уволить и уволила“ *). Мы не беремся судить,—да это и не важно, какъ увидитъ читатель,—на сколько соотвѣтствуютъ дѣйствительности комплименты, которыми наполнили свою замѣтку „Губернскія Вѣдомости“. Другая мѣстная газета—„Пермскій Край“—со свойственною ей грубоватостью высказала нѣсколько иное мнѣніе на счетъ личности г. Мейера и заявила, что онъ „съ неба звѣздъ не хватаетъ“, а потому „въ симпатіяхъ общества къ нему надо видѣть лишь удобный предлогъ выразить свой протестъ противъ какого то нежелательнаго и подлежащаго упраздненію порядка вещей... Общество недовольно подвигами губернской управы, стало быть, оно противъ нихъ протестуетъ“ **). Какъ бы то ни было, симпатіи общества къ г. Мейеру были заявлены въ самой наглядной формѣ. 10 апрѣля онъ былъ уволенъ управой, а 15 состоялось уже торжественное прощаніе съ нимъ, при чемъ квартиру его посѣтили „начальствующія лица города, представители казенныхъ и общественныхъ учрежденій, нѣкоторые изъ врачей, добрые его знакомые, пациенты и т. п.“. Г. Мейеру былъ поднесенъ адресъ, покрытый 1000 подписей, былъ устроенъ парадный обѣдъ, устроены торжественные проводы на особомъ пароходѣ. Адресъ и подписные листы на обѣдъ развозились по всѣмъ желѣзнодорожнымъ линиямъ въ губерніи, предлагались для подписи во всѣхъ буфетахъ (въ садахъ, на вокзалахъ, пароходахъ и т. д.), привозились на

*) «Пермскія Губернскія Вѣдомости», 17 апрѣля.

**) «Пермскій Край», 22 апрѣля.

домъ. Однимъ словомъ, въ связи съ увольненіемъ г. Мейера создавалась широкая общественная агитація, въ которой наиболѣе дѣятельное участіе приняли даже такія лица, какъ старшій желѣзнодорожный врачъ Губовичъ, начальникъ мѣстнаго жандармскаго управленія, помощникъ врачебнаго инспектора и т. д. Въ мѣстныхъ газетахъ по тому же поводу появилось свыше сотни статей и замѣтокъ, все сочувственныхъ г. Мейеру.

Однако во всей этой агитаціи уже съ самаго начала чувствовалась нѣкоторая фальшь. Страннѣе всего казалось отсутствіе сочувствія г. Мейеру со стороны товарищей его—земскихъ врачей и другихъ земскихъ служащихъ. Съ товарищами врачами онъ оказался даже во враждебныхъ отношеніяхъ, каковыя и до сихъ поръ продолжаютъ служить предметомъ полемики. Странными казались и нѣкоторые детали описанной нами агитаціи. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ хотя бы г. Губовичъ... Раньше онъ былъ старшимъ врачомъ губернской земской больницы, но вслѣдствіе коллективнаго ходатайства *всѣхъ* врачей губернскаго земства былъ „освобожденъ“ отъ этой должности... Или вотъ „начальствующія лица города“... Гдѣ же и когда же они посѣщали прогнаннаго „интеллигента“? а тутъ посѣтили. И собраніе подписей подъ адресомъ происходило какъ будто не при обычныхъ въ такихъ случаяхъ условіяхъ. Участіе въ агитаціи официальныхъ „Губернскихъ Вѣдомостей“, зарекомендовавшаго себя травлей мѣстной интеллигенціи „Пермскаго Края“ и извѣстнаго нашимъ читателямъ по своему знаменитому раскаянію „Урала“—дѣлали общественное значеніе произошедшаго инцидента еще болѣе сомнительнымъ. Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ случаемъ нѣсколько иного рода, чѣмъ описанные выше.

Официальныя причины увольненія г. Мейера—а другихъ, очевидно, и не было—скоро сдѣлались извѣстны (самому г. Мейеру копія журнальнаго постановленія управы была вручена 18 апрѣля, а 25 апрѣля въ „Пермскомъ Краѣ“ появилось по этому вопросу обширное письмо губернской управы), да они ни для кого изъ мѣстныхъ обывателей съ самаго начала и не составляли тайны. Вопросъ объ увольненіи г. Мейера оказался тѣсно связаннымъ съ вопросомъ о шляпинской мукѣ—съ инцидентомъ, имѣвшимъ мѣсто еще въ декабрьской сессіи земскаго собранія.

Но что такое „шляпинская мука“? Шляпинская мука это одинъ изъ приѣмовъ мѣстной выборной агитаціи. Новое земское положеніе, перестроившее избирательную систему на сословныхъ началахъ и обезпечившее въ реформированномъ земствѣ преобладающее значеніе за дворянствомъ, оказалось безсильнымъ рѣзко измѣнить характеръ пермскаго и вятскаго земствъ. Они всегда были крестьянскими и обратить ихъ „во вторыя изданія дворянскихъ собраній“ было нелепымъ по отсутствію дворянъ въ этихъ губерніяхъ. Въ составъ земскихъ собраній, правда, были

введены председатели уѣздныхъ сѣздовъ земскихъ начальниковъ, но они всетаки не составляли большинства. Для реформирования этихъ земствъ пришлось изыскивать другія средства. Въ Вятской губерніи реформа была проведена посредствомъ усиленнаго административнаго вліянія на выборы гласныхъ и управъ, т. е. посредствомъ исключенія гласныхъ, казавшихся неудобными администраціи, и неутвержденія лицъ, избранныхъ въ составъ земскихъ управъ. Реформа почти доведена уже до конца, такъ какъ большинство, напримѣръ, председателей, въ Вятской губерніи уже состоитъ изъ назначенныхъ лицъ, а не выборныхъ. Составъ гласныхъ также доведенъ до желательной степени совершенства. Въ нѣсколько иномъ положеніи оказалось пермское земство. Въ зависимости ли отъ личности мѣстнаго начальника губерніи или по другимъ причинамъ, но только средства, подобныя вятскимъ, въ Пермской губерніи практиковались въ сравнительно меньшемъ размѣрѣ. Благодаря этому, пермское губернское земство остается, съ извѣстной точки зрѣнія, unreformirannymъ, сохраняя выборную управу и (конечно, въ извѣстныхъ предѣлахъ) свой прежній характеръ.

Въ послѣднее время начались, однако, попытки и его реформировать. Воспользовались для этого общественными средствами. Въ качествѣ кандидата на должность председателя губернской управы въ послѣдней сессіи былъ выдвинутъ нѣкто Свиридовъ—председатель красноуфимскаго сѣзда земскихъ начальниковъ. Прежде, чѣмъ „волею Божьей и назначеніемъ начальства“, какъ говорилось въ поднесенномъ ему адресѣ, г. Свиридовъ „призванъ на это болѣе высокое служеніе“, онъ состоялъ председателемъ красноуфимской управы, отвѣчая на этомъ посту „и желаніямъ земства, и видамъ правительства“. Уже тогда онъ „понялъ духъ народа“ и зарекомендовалъ себя „щедрой поддержкой школъ грамотности и церковности“. Тогда же „въ самое трудное для земства время—въ моментъ колебаній и сомнѣній въ жизнеспособности земскаго самоуправления—онъ выступилъ съ докладной запиской, въ которой путемъ неправильнаго освѣщенія фактовъ изобразилъ картину земской дѣятельности въ превратномъ утрированно-непривлекательномъ видѣ“ *). Въ качествѣ кандидата на должность председателя губернской управы, г. Свиридова выставила сплоченная группа изъ председателей уѣздныхъ сѣздовъ и председателей уѣздныхъ управъ по назначенію отъ правительства, каковыя и въ Пермской губерніи составляютъ уже большинство. Для этого необходимо, однако, было предварительно скомпрометтировать теперешнюю управу, для чего и была выдвинута на сцену шляпинская мука.

Председатели уѣздныхъ сѣздовъ гг. Пахарнаевъ и Бырдинъ

*) «Уралъ», № 1093.

заявили земскому собранію, что въ 1898 г. душевно больных кормили никуда негодной мукой, въ которой находились невяроятныя примѣсы, и что образчикъ этой муки случайно сохранился у г. Мейера. Заявляя это, г. Пахарнаевъ просилъ собраніе о привлеченіи къ отвѣтственности подрядчика и губернской управы по ст. 492 улож. о нак., т. е. какъ за преступленіе, приравняваемое закономъ къ взяткѣ. На слѣдующій день въ собраніе была предъявлена и „мука“, принесенная г. Мейеромъ. Рѣзкое обвиненіе, не смотря на банку съ мукой и сопровождавшаго его Мейера, было очень легко отпарировано управой. Послѣдняя разъяснила, что въ 1898 г. ею было куплено у Шляпина 6364 п. муки, причемъ значительная часть ея, не смотря на прекрасные образцы, послѣ поставки оказалась негодной; что хлѣбъ изъ шляпинской муки пекся для земскихъ учрежденій не иначе, какъ послѣ тщательнаго выбора и испытанія каждаго отдѣльнаго мѣшка; что когда выяснилось присутствіе негодной муки, то управа разыскала Шляпина и заставила его взять муку обратно; что въ банкѣ у г. Мейера не мука, а, по собственному его признанію, отсѣвы, какковыя взяты имъ отъ муки, по поводу которой былъ составленъ въ свое время протоколъ; что самъ онъ, завѣдывавшій пекарней и обязанный ежедневно свидѣтельствовать хлѣбъ, ни разу не браковалъ его и т. д. Вздорность обвиненія была обнаружена съ такою очевидностью, что сами авторы не рѣшились поддерживать его въ первоначальной формѣ и просили лишь земское собраніе поставить управѣ на видъ, что дѣйствія ея не были свободны отъ небрежности и упущеній. Однако и это было отвергнуто собраніемъ. Выборный маневръ былъ раскрытъ, земская управа осталась прежней...

Начавшаяся противъ нея компанія, однако, продолжалась и продолжается. Г. Мейеръ, игравшій сначала пассивную роль хранителя банки, сдѣлался главнымъ козыремъ враждебной для управы партіи. По его словамъ, сначала онъ былъ втянутъ въ компанію насильно. Г. Пахарнаевъ „приставалъ“ къ нему, даже пріѣзжалъ на квартиру и „настаивалъ“, чтобы банка была доставлена на собраніе, пугалъ г. Мейера скандаломъ, угрожалъ возможностью для г. Мейера попасть въ число участниковъ „этого мошенническаго дѣла“ *) и т. д. Г. Мейеръ выполнилъ все, что отъ него требовали, и попалъ въ самое фальшивое положеніе: ему пришлось признать, что нибудь изъ двухъ,—что онъ виновенъ въ небрежности по пріемѣ муки и надзору за выпечкой хлѣба, или что онъ виновенъ въ намѣренномъ оклеветаніи управы и товарищей. У него не достало прямоты, чтобы честно признать ту или другую вину. Тщетно послѣ того управа старалась найти *modus vivendi*, обратившись къ посредничеству комиссіи изъ его то-

*) «Ураль», 30 января.

варищей врачей. „Но г. Мейеръ, по ея словамъ, въ комиссiи далъ такія объясненія, такъ враждебно себя поставилъ къ врачамъ, что для управы окончательно выяснилось, что дальнѣйшая совмѣстная служба г. Мейера съ врачами и управой невозможна“. Это увольненіе г. Мейера и поспѣшили использовать враги управы. Сдѣлать это имъ было очень удобно: что среди шляпинской муки была негодная,—это фактъ, признанный управой; стоило только подмѣнить слово „мука“ словомъ „хлѣбъ“ и, само собою, становилось ясно, что этотъ „негодный хлѣбъ“ кто-то ѣлъ, стало быть, его ѣли душевно-больные, а г. Мейеръ пострадалъ за то, что всгупился за нихъ. Гдѣ же большой публикѣ разобраться въ этихъ тонкостяхъ, особенно если всѣ мѣстныя газеты находятъ старый земскій порядокъ „подлежащимъ упраздненію“. Рано или поздно пермяки, конечно, поймутъ подкладку возвеличенія г. Мейера.

Для насъ же съ самаго начала было несомнѣнно, что исторія съ г. Мейеромъ не имѣетъ ничего общаго съ тѣми гоненіями на земскую интеллигенцію, какія принесъ съ собою новый порядокъ. Это лишь одна изъ новыхъ формъ систематически ведущагося похода противъ земства вообще и земской интеллигенціи въ частности.

Редакторы-Издатели:

{ *Вл. Г. Короленко.*
Н. Е. Михайловскій.

Дозв. ценз. 25 августа 1901 г. Типографія. Н. Н. Клобукова, Пряжка, З.

НОВАЯ КНИГА:

Стихотворенія.

Томъ второй (1898—1901).

Издание редакціи журнала „Русское Богатство“.

Цена 1 рубль.

Энциклопедическій Словарь.

Составленъ проф. И. Е. АНДРЕЕВСКИМЪ)

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

В. И. ВАРШАВСКАГО и заслуженнаго профессора В. В. ПЕТРУШЕВСКАГО

при соучаствіи редакторовъ отдѣловъ:

А. Н. Бакстевъ (біологич. науки), С. А. Венгеровъ (исторія литературы), А. И. Бояковъ (географія), проф. Н. И. Карѣевъ (исторія), А. И. Саввинъ (искусства), проф. Д. И. Менделѣевъ (химико-технич. и фабрич. науки), проф. В. Т. Собичевскій (сельско-хозяйственный и лѣсоводство), Ф. Е. Калловъ (философія), проф. Н. Ф. Соловьевъ (музыка).

Энциклопедическій словарь выходитъ каждые два мѣсяца полутомомъ, въ 40 лист. убористой печати. Въ настоящее время вышли 63 полут.

Каждый полутомъ (въ переплетѣ) 3 руб., за доставку 40 коп. Словарь охватываетъ собою свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ наукъ, искусствъ, литературы, матеріи, промышленности и прикладныхъ знаній.

Всѣхъ помѣщаемыхъ въ словарь статей составляютъ самостоятельныя русскія сочиненія и спеціалистами, причемъ все касающееся Россіи обработано наиболее полно и тщательно.

Заказы и подписки принимаются: въ конторѣ журнала „Русское Богатство“ — Петербургъ, ул. Славянской и Басковской ул., д. 1—9.

Допускается разсрочка

на слѣд. услов.: при подпискѣ вносится задатокъ отъ 10 руб.,

послѣ чего выдаются имѣющіеся на-лицо полутомы; остальная сумма долга уплачивается ежемѣсячными взносами отъ ШЕСТИ рублей, независимо отъ доставки, производимой за остальные полутомы.

Издатели: Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ), И. А. Ефронъ (С.-Петербургъ).

Продолжается приемъ подписки на 1901 годъ

(IX-й ГОДЪ ИЗД.)

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО.

ИЗДАВАЕМЫЙ

Вя. Г. Короленко и Н. К. Михайловскимъ.

Подписная цѣна:

На годъ съ доставкой и пересылкой	9 р
Безъ доставки въ Петербургъ и Москвѣ	8 "
За границу	12 р
На полгода съ доставкой и пересылкой	5 "
» » » за границу	6 "
На полгода безъ доставки	4 "

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ журнала—*ул. Спасской и Васковой ул., д. 10*

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы—*Никитскія ворота, д. Гаврилова*

Книжные магазины, библіотеки, земскіе склады и потребителныя общества доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію пересылку только 40 коп. съ каждаго годового экземпляра. Подписка, не вносясь ежегодно 8 р. 60 к., а также на полгода, не принимается.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

CANCELLED
249269
SEP 28 '73 H
SEP 28 '73 H